

СОЧИНЕНІЯ И. С. АКСАКОВА

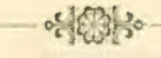
СЛАВЯНОФИЛЬСТВО И ЗАПАДНИЧЕСТВО

1860—1886

Статьи изъ „Дня“, „Москвы“, „Москвича“ и „Руси“.

ТОМЪ ВТОРОЙ

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ





С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1891



НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ ВТОРАГО ИЗДАНІЯ.

Въ предисловіи къ первому изданію II-го тома „Полнаго собранія сочиненій И. С. Аксакова“, перепечатанному ниже, сообщено въ краткихъ и сжатыхъ чертахъ существо содержанія и общій характеръ статей И. С. Аксакова, включенныхъ въ этотъ II-й томъ. Представляя изложеніе основъ славянофильскаго ученія, въ примѣненіи и поясненіи къ отдѣльнымъ случаямъ нашей прошлой и современной общественной и государственной жизни, этотъ II-й томъ сочиненій Ивана Сергѣевича Аксакова подъ общимъ заглавіемъ „Славянофильство и Западничество“ былъ встрѣченъ русскими читателями съ особымъ интересомъ. Уже давно первое изданіе II-го тома вполнѣ разошлось. Этимъ обстоятельствомъ вызвано появленіе нынѣ II-го тома *вторымъ* изданіемъ — которое является дословной перепечаткой перваго изданія, безъ какихъ либо измѣненій и дополненій.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ этомъ томѣ, подъ общимъ заглавіемъ: „Славянофильство и западничество", помѣщаются тѣ статьи И. С. Аксакова, въ которыхъ по преимуществу раскрывались самыя основы славянофильскаго ученія о Русской народности, о Русской самобытности, о развитіи народнаго самосознанія, объ отношеніяхъ Россіи къ Западно-Европейскому міру, о различіи началъ и задачъ Русской и Западно-Европейской жизни, о различіи древне-Русскаго до-Петровскаго и новаго послѣ-Петровскаго строя и развитія Русской жизни, о жалкихъ послѣдствіяхъ отступленія отъ народныхъ началъ, искаженіяхъ народности, поддѣлкѣ подъ народность и т. под. Объ этихъ предметахъ всего больше любилъ говорить И. С., находя разъясненіе ихъ въ высшей степени необходимымъ для развитія общественнаго самосознанія. Мысли, раскрываемыя въ этихъ статьяхъ, въ основѣ нельзя назвать принадлежащими исключительно И. С.: онѣ, какъ уже сказано, составляютъ выраженіе цѣлаго ученія, совмѣстно выработаннаго незабвенными дѣятелями самобытной Русской мысли—Хомяковымъ, братьями Кирѣевскими, Ю. Самаринымъ, К. С. и И. С. Аксаковыми, при участіи нѣкоторыхъ другихъ близкихъ друзей Славянофильскаго кружка. Но поистинѣ никто

болѣе И. С. Аксакова не сдѣлалъ для развитія основъ Славянофильскаго ученія и распространенія ихъ въ общественномъ сознаніи, для примѣненія ихъ къ самымъ разнообразнымъ сферамъ и вопросамъ общественной и политической жизни. Этимъ по преимуществу отличается публицистическая дѣятельность И. С. По поводу каждаго сколько-нибудь значительнаго общественнаго событія, по поводу каждаго частнаго вопроса, онъ, не ограничиваясь ближайшими частными разъясненіями общественныхъ явленій, старался приводить читателей къ самымъ корнямъ — самымъ основамъ народнаго самосознанія, на которыхъ онъ самъ неуклонно держался. Въ этомъ его нерѣдко и упрекали такіе изъ читателей, которыхъ болѣе занимаетъ случайное чтеніе, интересъ частныхъ явленій общественной жизни. Но публицистъ-мыслитель, горячій пропагаторъ извѣстнаго ученія, имѣлъ въ этомъ случаѣ болѣе серьезныя цѣли, чѣмъ простое возбужденіе и удовлетвореніе случайныхъ общественныхъ вкусовъ; и если при этомъ нерѣдко приходилось ему въ своихъ статьяхъ возвращаться къ однимъ и тѣмъ же темамъ, повторять и повторять развитіе однихъ и тѣхъ же идей, это конечно вызывалось извѣстнымъ состояніемъ общественнаго сознанія, которое хорошо было вѣдомо автору. Отъ этого-то въ полномъ собраніи и отдѣльномъ изданіи публицистическія статьи И. С. Аксакова получаютъ особенный характеръ, какой едва ли могли бы имѣть собранныя вмѣстѣ статьи какого-нибудь другаго публициста. Писанныя по разнымъ случаямъ, на разныя темы, статьи И. С. являются при этомъ всѣ проникнутыми одною общею мыслею, однимъ неизмѣнно вѣрнымъ себѣ и горячимъ убѣжденіемъ, являются раскрытіемъ одного и того же ученія въ разныхъ его сто-

ронахъ и примѣненіяхъ, и притомъ ученія въ высшей степени самобытнаго и народно-Русскаго. И въ этомъ-то заключается причина, почему публицистическія статьи И. С. не только могли имѣть значеніе для современныхъ ему читателей, но можетъ-быть еще болѣе будутъ имѣть для поколѣній позднѣйшихъ, воспитывая ихъ въ духѣ самобытнаго, народнаго Русскаго воззрѣнія. Другая черта, по которой статьи И. С. могутъ представлять не временный только публицистическій, но болѣе прочный, художественно-литературный интересъ, заключается въ самой ихъ внѣшней формѣ— въ изложеніи. Наслѣдникъ лучшихъ литературныхъ традицій, человѣкъ съ высоко-развитымъ эстетическимъ вкусомъ и природнымъ, можно сказать, наслѣдственнымъ литературнымъ талантомъ, строгій чтитель и блюститель достоинства литературной формы, чистоты и изящества языка, И. С., въ своихъ статьяхъ, даже писанныхъ и наскоро и подъ особеннымъ вліяніемъ какихъ-либо возбуждавшихъ и волновавшихъ его настроеній и чувствъ, никогда не допускалъ неряшливости, небрежности, необработанности и тѣмъ болѣе чего-либо нравственно-нечистаго и недостойнаго. Въ полномъ собраніи сочиненій эти черты литературной дѣятельности И. С. выдаются еще цѣльнѣе и выпуклѣе, чѣмъ въ отдѣльныхъ публицистическихъ статьяхъ. Не говоримъ о другихъ, чисто-нравственныхъ свойствахъ литературной дѣятельности И. С., такъ отличавшихъ ее въ ряду другихъ произведеній публицистической литературы: о постоянно возвышенномъ духовномъ настроеніи, съ какимъ онъ писалъ свои статьи, о серьезнѣйшемъ, можно сказать—благоговѣйномъ отношеніи къ служенію *публициста,* непреклонной честности, гражданскомъ мужествѣ, свободѣ, искренности,

независимости убѣжденій, горячности и одушевленіи, съ какими онъ раскрывалъ свои задушевныя идеи и отстаивалъ дорогіе народные интересы. По всѣмъ этимъ свойствамъ статьи И. С. всегда и, независимо отъ ихъ содержанія и тѣхъ частныхъ поводовъ, по которымъ онѣ писаны, навсегда останутся образцовыми произведеніями, имѣющими не временный только публицистическій, но и общій литературный интересъ. Поэтому есть основаніе думать, что изданіемъ собранныхъ статей И. С. не только удовлетворяется желаніе ближайшихъ къ нему, любившихъ и любящихъ его людей, но и выполняется серьезный литературный и общественный долгъ.

Статьи и въ этомъ томѣ, какъ и въ прежде вышедшемъ („Славянскій вопросъ") располагаются въ хронологическомъ порядкѣ, какъ онѣ печатались въ газетахъ „День", „Москва" и „Русь". Въ издаваемомъ томѣ, по заявленію нѣкоторыхъ изъ читателей, надъ каждою статьею сдѣлано краткое заглавіе. Этими заглавіями, конечно, не обнимается вполнѣ содержаніе статей, но они все-таки могутъ служить нѣкоторымъ пособіемъ для читателей, которые затрудняются разбираться въ большой книгѣ съ предметами разнообразнаго содержанія.

СТАТЬИ ИЗЪ ГАЗЕТЫ „ДЕНЬ“.

1861 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ).

Возвратъ къ народной жизни путемъ самосознанія.

Москва, 14-го октября.

Мелкій дождь моросить не переставая; сыро, мокро, скользко, сѣрый туманъ, какъ войлокъ, облегаетъ небо; воздухъ тяжелъ и удушливъ; холодно, жутко, кругомъ грязь и слякоть, земля какъ болото, все рыхло, все лѣзетъ врозь. Осень.

Безотрадно путнику. Но что же внезапно, сквозь туманную пелену воздуха, поражаетъ и приковываетъ, и радуетъ его взоръ, и какъ-то свѣжитъ и молодитъ душу?.. Это озими, это изумруды полей въ черной рамѣ осенней грязи, это зеленые всходы будущей жатвы, молодые ростки добрыхъ хлѣбныхъ зеренъ!

И мы всей душой, всѣмъ сердцемъ, — душой, наболѣвшей отъ долгаго тщетнаго ожиданія, сердцемъ, неуставшимъ любить и вѣрить, — съ радостнымъ упованіемъ привѣтствуемъ молодые, зеленые всходы Русской земли, первые шаги пробуждающейся народной жизни! Для насъ, въ современной дѣйствительности, дѣйствительно только одно—подъемъ народнаго духа, проснувшійся, ожившій, повеселѣвшій народъ. 19-мъ февраля 1861 года начинается новое лѣтосчисленіе Русской исторіи...

Внѣ народной почвы нѣтъ основы, внѣ народнаго нѣтъ ничего реальнаго, жизненнаго, и всякая мысль благая, всякое

учрежденіе, не связавшееся корнями съ исторической почвой народной, или не выросшее изъ нея органически, не дастъ плода и обращается въ ветошь. Все, что не зачерпываетъ жизни—скользитъ по ея поверхности и тѣмъ самымъ уже осуждено на безсиліе и становится ложью. И сколько накопили мы лжи въ теченіе нашего полуторастолѣтняго разрыва съ народомъ!.. Это не значитъ, чтобы до разрыва не было у насъ ни зла, ни мерзостей: ихъ было много, но то были пороки, порожденія грубости и невѣжества. Только послѣ разрыва заводится у насъ *ложь:* жизнь теряетъ цѣльность, ея органическая сила убѣгаетъ внутрь, въ глубокій подземный слой народа и вся поверхность земли населяется призраками и живетъ призрачною жизнью!

И на какомъ же широкомъ просторѣ разгулялась, да еще и разгуливаетъ эта ложь! Все внутреннее развитіе, вся жизнь общества, какъ проказой, поражены и растлѣны ею. Ложь! Ложь въ просвѣщеніи, чисто внѣшнемъ, лишенномъ всякой самодѣятельности и творчества. Ложь въ вдохновеніяхъ искусства, силящагося воплотить чуждые, случайные идеалы. Ложь въ литературѣ, съ надменною важностью разрабатывающей задачи, созданныя историческими условіями, чуждыми нашей народной, исторической жизни; въ литературѣ, болѣющей чужими болѣзнями и равнодушной къ скорбямъ народнымъ. Ложь въ порицаніи нашей народности, не въ силу негодующей, пылкой любви, но въ силу внутренняго нечестія, инстинктивно враждебнаго всякой святынѣ чести и долга. Ложь въ самовосхваленіи, сопряженномъ съ упадкомъ духа и съ невѣріемъ въ свои собственныя силы. Ложь въ поклоненіи свободѣ, уживающемся рядомъ съ побужденіями самаго утонченнаго деспотизма. Ложь въ религіозности, преданности вѣрѣ, прикрывающей грубое безвѣріе. Ложь въ торжествѣ дикихъ ученій, созданныхъ безстыднымъ невѣжествомъ, безбоязненно оскорбляющимъ общественную совѣсть и не смиряющимся предъ очевидною несокрушимою крѣпостью коренныхъ основъ народной жизни. Ложь въ легкомысленной гоньбѣ за новизною подъ чужестранною фирмою прогресса и цивилизаціи. Ложь въ гуманности и образованности, которыми, въ своей систематической непослѣдовательности, щеголяетъ наше общество, допускающее, безъ разбора, самыя несовмѣстимыя на-

чала, закрывающее глаза отъ выводовъ, обходящее сознательно всѣ основные вопросы, раболѣпствующее всѣмъ моднымъ кумирамъ современности и выдающее за подвигъ высокаго благородства и терпимости—дешевое умѣнье замазывать, не разрѣшая, самыя непримиримыя противорѣчія!.. Страшное, невиданное сочетаніе ребяческой незрѣлости со всѣми недугами дряблой старости,—и при всемъ томъ — исцѣленіе возможно и даже несомнѣнно! Мы это всѣ чувствуемъ, мы даже не можемъ усомниться въ томъ искренно, и заря нашего спасенія уже брезжетъ!

Недугъ громаденъ, но соразмѣрна ему и громадная крѣпость организма. Русь сладитъ съ болѣзнью. Народъ сохранилъ въ себѣ запасъ силы не потраченной, уберегъ свои коренныя начала, не поддался никакимъ опаснымъ искушеніямъ и соблазнамъ, не освятилъ добровольнымъ участіемъ и согласіемъ никакого существеннаго нарушенія своего внутренняго строя, не уложился ни въ одну заготовленную форму заграничнаго издѣлія,—и этимъ своимъ безучастіемъ, бездѣйствіемъ, этою благодѣтельною неподвижностью, такъ часто осмѣянною и непонятною, спасъ себя и насъ, и воздѣйствовалъ на оторванныхъ своихъ членовъ... Въ насъ пробудилось сознаніе.

Да, изо всѣхъ испытаній, пережитыхъ и переживаемыхъ Россіей, мы вынесли теперь драгоцѣннѣйшее благо, залогъ нашего будущаго выздоровленія: пониманіе нашей болѣзни, способность глядѣть ей прямо въ лицо, не отворачивая смущеннаго взора, сознаніе лжи, заѣдающей наши силы, и въ то же время сознаніе нашей народной сущности, сознаніе началъ, развитіе которыхъ составляетъ условіе нашего спасенія и наше призваніе въ исторіи человѣчества. Поблагодаримъ Провидѣніе! Въ мудромъ строеніи Божіемъ, въ общей экономіи исторіи—пережитыя нами испытанія должны занять свое законное мѣсто, принести благіе плоды, и кто знаетъ, можетъ быть этотъ самый мучительный разрывъ былъ намъ спасителенъ и нуженъ.

Почему?

Слаба, ненадежна народность, не вооруженная сознаніемъ, опирающаяся на одну непосредственность быта. Чѣмъ шире и свободнѣе отъ односторонности народныя начала, тѣмъ труднѣе вполнѣ соотвѣтственное ихъ выраженіе на землѣ, тѣмъ

необходимѣе полнота сознанія для правильнаго и стройнаго ихъ проявленія въ жизни.—Кажется, Провидѣнію угодно вести Россію, и не только Россію, но и всѣ славянскіе народы, этимъ особеннымъ, строгимъ путемъ развитія, путемъ, на которомъ, говоря языкомъ философскимъ, анализъ возвращаетъ народы къ синтезу жизни снова, не разрушая его силы, но утверждая его и сливаясь съ нимъ въ цѣльномъ явленіи духа. Ни одно славянское племя не было освобождено отъ этого испытанія: каждое изъ нихъ, какъ извѣстно, подвергалось и подвергается опасности утратить свою народность; многія племена не выдержали и погибли, но бо̀льшая часть изъ нихъ возродилась или возраждается вновь труднымъ *подвигомъ самосознанія*.

Удивительное дѣло! Казалось, исчезъ народъ, самъ забылъ о своемъ существованіи, — и вотъ — каѳедра ученаго изслѣдователя возвращаетъ его къ жизни, и полумертвый трупъ оживаетъ, согрѣтый солнцемъ мысли! Мы думаемъ, что племена славянскія не успокоятся, и хаосъ славянскаго міра останется хаосомъ до тѣхъ поръ, пока сила пробужденнаго самосознанія не выработаетъ формы жизни, болѣе или менѣе соотвѣтственныя особеннымъ, внутреннимъ требованіямъ славянской народности.

Къ такому же жизненному испытанію, къ такому же духовному подвигу призвана и Россія. Мучительнымъ, медленнымъ процессомъ добывалось и у насъ наше самосознаніе, и не напрасно жили и потрудились для него подвижники Русской мысли: Кирѣевскіе, Хомяковъ и Константинъ Аксаковъ. Точка зрѣнія, добытая, постановленная и выраженная ими, составляетъ, по нашему убѣжденію, поворотную точку въ исторіи Русскаго просвѣщенія, и какъ маякъ, озаряетъ дальнѣйшій, предлежащій намъ путь развитія. Не пускаясь здѣсь въ пространныя разсужденія, скажемъ кстати, что знамя нашей газеты есть знамя Русской Бесѣды, знамя Русской народности, понятой и опредѣленной Кирѣевскими, Хомяковымъ, Аксаковымъ Константиномъ и всей такъ называемою Славянофильскою школой. Каждому безпристрастному читателю извѣстно теперь, что это ученіе, независимо отъ личныхъ уклоненій последователей, чуждо односторонности и исключительности относительно Запада, и что всѣ обвиненія подобнаго рода были

изобрѣтены, во время оно, недобросовѣстностью или непонятливостью, а всего чаще увлеченіемъ противныхъ направленій. Впрочемъ, кажется, эти обвиненія въ настоящее время едва ли уже не разсѣялись сами собою. По крайней мѣрѣ мы съ радостью видимъ, что многія изъ выработанныхъ Славянофильскою школою положеній — уже обратились теперь въ общее достояніе и нашли себѣ защитниковъ и въ другихъ органахъ нашей печати.

Но возвратимся къ предмету нашей бесѣды.

И такъ, мы имѣемъ теперь передъ собою два явленія, составляющія существеннѣйшія условія нашего будущаго развитія: съ одной стороны—плодъ полуторастолѣтняго періода, выработанное сознаніе нашихъ народныхъ началъ, пребывающее однако еще въ области отвлеченной, отрѣшенной отъ жизни; съ другой, какъ бы въ соотвѣтствіе этому движенію мысли,—движеніе и пробужденіе самой жизни народной, вызванное великимъ дѣломъ 19-го февраля.

Обѣ стороны, обѣ разорванныя половины подвигаются другъ къ другу, и только сліяніе ихъ можетъ возстановить ту цѣльность общественнаго организма, безъ которой невозможны никакія правильныя отправленія жизни общенародной.

Но это сближеніе не должно быть понимаемо однимъ внѣшнимъ образомъ.

Сколько ни приписывайся къ волостямъ, сближенія не достигнешь, пока не соединишься съ народомъ въ области духа, пока не проникнешься его основными, духовными и историческими началами. *Внѣ этого условія, внѣ историческаго камертона, какую бы ни взяли ноту, она будетъ фальшива, и только усилитъ всеобщій диссонансъ,* отъ котораго и безъ того уже такъ давно страждетъ слухъ и не слыхать голоса истины.

Обличеніе этой лжи въ явленіяхъ, доступныхъ критикѣ, будетъ постоянною задачею нашей газеты.

— —

Отчужденность интеллигенціи отъ народной стихіи.

Москва, 21-го октября.

„На неподвижномъ голубомъ просторѣ Средиземнаго моря, въ темную безвѣтренную ночь, откуда взялись — показались съ двухъ краевъ небосклона крылатые могучіе корабли. Нарушая безмолвіе ночи и сонъ почившей стихіи, они несутся стремительно и гнѣвно, они близятся, сблизились, схватились желѣзными лапами, и закипѣлъ во мракѣ ожесточенный, губительный бой. Не слышны и не видны бойцы: только звучитъ и сверкаетъ оружіе, и не донесшись къ далекимъ берегамъ, замираютъ въ пространствѣ глухія стенанія раненыхъ. И заколыхалось море: пробудились, всплыли и стали кругомъ подводные боги: смотритъ во гнѣвѣ Нептунъ, опершись на свой трезубецъ, и облокотясь на волны и съ волнами качаясь, глядятъ, въ грозномъ недоумѣніи, прочіе властители моря. „Чего хотятъ эти незваные гости? Что̀ значитъ бой, кто правый, кто виновный? Не знаемъ мы ихъ, они чужды намъ оба, они въ безумномъ ослѣпленіи осмѣлились презрѣть, они не уважили могущества державнаго бога..." И вдругъ, разсвирѣпѣвъ, вздрогнуло, взбушевало море, встали синія горы волнъ, разверзлись пучины,—нѣтъ ни кораблей, ни борцовъ, и поглотивъ добычу, долго, долго еще потомъ колыхалось сердитое море".

Такъ гласитъ стихотвореніе какого-то стараго нѣмецкаго поэта.

Мы невольно припомнили это стихотвореніе, углубляясь въ смыслъ современныхъ явленій нашей общественной... преимущественно литературной жизни. Поверхъ нашей исторической народной почвы, при полномъ безучастіи народной духовной силы, также совершается борьба, но не двухъ, а многихъ враждующихъ силъ. Разныя партіи, направленія, школы, доктрины ссорятся и воюютъ другъ съ другомъ, разныя теченія мыслей встрѣчаются и пересѣкаются взаимно, много шуму и блеску, много и дѣйствительныхъ битвъ, и борцовъ молодыхъ, неразумно-благородныхъ, — и всѣ они, эти борцы, одинаково чужды тому, кому единственно принадлежитъ держава народнаго духа; также презираютъ они, не

знаютъ и знать не хотятъ его правъ, его сокровенной тихой силы, тайны его жизни, могущества его обычая, вѣры и закона. Какъ пигмеи, снуютъ они около спящаго великана, и въ ослѣпленіи предписываютъ ему уставы, рядятся въ его доспѣхи, самозванничаютъ его именемъ, и лгутъ его именемъ! Чтò видимъ мы... хоть въ нашей литературѣ? Какія *теоріи?* Съ одной стороны пустое, голое отрицаніе, волненіе безъ содержанія и безъ цѣли, какой-то призракъ жизни и движенія,—а въ сущности нѣтъ ни жизни, ни движенія, все полумертво и гнило, и заимствуетъ силу только отъ силы враждебнаго напора, съ другой — грубая, тупая, безсмысленная *сила,* только въ насиліи и бездушномъ механизмѣ полагающая спасеніе! Съ одной стороны ложь разрушенія, съ другой ложь созиданія: съ одной стороны невѣріе, поклоняющееся, какъ богамъ, людскимъ, временнымъ кумирамъ; съ другой— мнимая вѣра, поклоняющаяся и Богу, какъ кумиру, и силою Божьяго имени служащая своимъ корыстнымъ цѣлямъ и выгодамъ! Тутъ раболѣпство предъ каждымъ послѣднимъ словомъ науки; тамъ грубое презрѣніе къ наукѣ, къ мысли, къ подвигамъ разума и духа! тутъ злоупотребленіе, нечестное обращеніе со словомъ; тамъ преслѣдованіе слова, любовь нѣмоты и мрака, тайное сочувствіе съ безсловесными! И тутъ, и тамъ одинаковое умерщвленіе духа: тамъ черезъ внѣшнее насиліе, а тутъ—черезъ оскудѣніе и огрубленіе духа. И тутъ, и тамъ одинаковое подобострастное рабское отношеніе къ иноземному, безсмысленная покорность подражанія, измѣна народному духу, при наружной грубой поддѣлкѣ подъ Русскую народность. Въ безъисходный мракъ погружены обѣ враждующія стороны, во мракѣ терзаютъ и истребляютъ другъ друга!— И если народъ наконецъ подыметъ усталыя отъ долгой дремоты очи и взглянетъ — на нашихъ литераторовъ и всякаго рода художниковъ (кромѣ нѣкоторыхъ исключеній), взглянетъ на этихъ незваныхъ гостей, устроившихъ свой буйный пиръ у его ложа, прислушается къ ихъ оглушительнымъ кликамъ, къ треску и грому ихъ велѣній и вѣщаній, — чтò скажетъ онъ? „Куда дѣвали вы порученные вамъ дары нашей родной, богатой земли? Куда расточили ея духовныя сокровища? Чтò сталось съ моимъ обычаемъ, вѣрою, преданіемъ, моею прожитою жизнью, моимъ долгимъ и горькимъ опытомъ? Чтò совер-

шли вы на досугѣ? Гдѣ цѣльность и единство жизни и духа? Гдѣ наука, вами взрощенная? Гдѣ мое живое, изобразительное, свободное слово? какого хламу нанесли вы на мою почву?... Нѣтъ, вы не мои, вы безобразные снимки съ чужихъ народовъ, подите къ нимъ, если они васъ примутъ, — я не знаю васъ, вы мнѣ не нужны, вы чужды мнѣ..." скажетъ народъ, пробуждаясь къ сознанію,—и смететъ ихъ, какъ соръ, свѣжая струя воскресшаго народнаго духа!

Но еще не наступила пора. И хотя мы почти увѣрены, что голосъ нашъ раздается напрасно, но, примѣняясь къ предмету настоящей рѣчи нашей, скажемъ и мы: Гласъ вопіющаго въ пустынѣ, уготовайте путь Господень... Покайтеся!..

Народный отпоръ чужестраннымъ учрежденіямъ.

Москва, 4-го ноября.

Отчего, повидимому, ты такъ безобразна, наша святая, великая Русь? Отчего все, что ни посѣешь въ тебѣ добраго, всходитъ негодной травой, выростаетъ бурьяномъ да репейникомъ? Отчего въ тебѣ,—какъ лицо красавицы въ кривомъ зеркалѣ,—всякая несомнѣнная, прекрасная истина отражается кривымъ, косымъ, неслыханно-уродливымъ дивомъ?.. Тебя ли не наряжали, не румянили, не бѣлили? за тобой ли не было уходу и призору? Тысячу прислужниковъ холятъ тебя и денно и нощно, выписаны изъ-за моря дорогіе учители; есть у тебя и нѣмцы-дядьки, и французы-гувернеры, — а все-таки не въ прокъ идетъ тебѣ ученье, и смотришь ты неряхой, грязнымъ неучемъ, вся въ заплатахъ и пятнахъ, и какъ дурень въ сказкѣ, ни шагу ступить, ни слова молвить кстати не умѣешь!...

Оттого я такъ безобразна, отвѣчаетъ святая Русь, что набѣлили вы, нарумянили мою красу самородную, что связали вы по рукамъ и по ногамъ мою волю волюшку, что стянули вы могучія плечи во нѣмецкій тѣсный.... кафтанъ!.... И связали и стянули, да и нудите: ходить по полю да не

по нахапному, работать сохой не прилаженной, похмѣляться во чужомъ пиру, жить чужимъ умомъ, чужимъ обычаемъ, чужой вѣрою, чужой совѣстью! О, не хольте меня, вы отцы, вы благодѣтели! Не лелѣйте меня, вы незванные и непрошенные, вы дозорщики, вы надсмотрщики, попечители, строители да учители! Мнѣ не въ мочь терпѣть вашу выправку! Меня давитъ, томитъ вашъ тѣсный кафтанъ, меня душатъ ваши путы чужеземныя!—Какъ не откормить коня сухопараго, не утѣшить дитя безъ матери, такъ не быть мнѣ пригожей на заморской ладъ, не щеголять мнѣ красою нѣмецкою, не заслужить у Бога милости не своей душой!

И дѣйствительно, слова „безобразный" и „безобразіе" часто слышатся теперь въ нашемъ обществѣ, когда рѣчь идетъ о Россіи. И кажется, трудно сыскать выраженіе болѣе мѣткое и въ такой степени идущее къ дѣлу. Болѣзненно гнететъ душу видъ этого безобразія; многихъ точитъ, какъ червь, тайное, глухое уныніе; но многіе же, и едвали не бо̀льшая часть, утѣшаютъ себя соображеніями о незрѣлости и невѣжествѣ народа, которому „сто̀итъ только просвѣтиться, чтобы сдѣлаться совершенно приличнымъ народомъ, способнымъ стать наравнѣ съ народами чужими".

Безобразіе! Да знаемъ ли мы, въ чемъ его смыслъ и сущность? Понимаемъ ли мы, какъ много обязаны мы этому спасительному безобразію? Въ немъ въ этомъ безобразіи выражается протестъ живой и живучей, непокорившейся силы народной; въ немъ отрицательный подвигъ самобытнаго народнаго духа, еще хранящаго вѣру въ свое историческое призваніе; въ немъ таится великая историческая заслуга, которую современемъ оцѣнятъ благодарные потомки!

Многимъ покажутся наши слова парадоксомъ, но мы просимъ ихъ возобновить въ своей памяти исторію послѣднихъ полутораста лѣтъ. Съ тѣхъ поръ, какъ разстроились отправленія цѣльнаго организма, нарушилось единство въ русской землѣ, отшиблась память, и взаимное недовѣріе и непониманіе раздѣлило простой народъ отъ служилой и образованной части общества, — Русская земля подвергалась всякаго рода пробамъ и испытаніямъ. Какъ китайскія тѣни въ фонарѣ,

смѣнялись въ нашемъ обществѣ реформы, преобразовательныя и созидательныя доктрины, и разныя модели, по которымъ отливались формы для Русскаго народа. Общество снисходительно смотрѣло на народъ, какъ послушное и годное тѣсто, изъ котораго легко вылѣпить потребную на всякое время фигуру. Но формы были не по народу, всѣ лопались и разбивались, оставляя однако же на немъ свои обломки. Видъ, конечно, неблагообразный, но чтобъ порадовать наши взоры своимъ благообразіемъ, народу слѣдовало бы поприжаться, съежиться, пожертвовать нѣкоторыми необходимыми для своего существованія органами, и услужливо уложиться въ форму нынче Голландскую, завтра Шведскую, нынче стать совершеннымъ Нѣмцемъ, а завтра еще болѣе совершеннымъ Французомъ. Онъ не сталъ ни тѣмъ, ни другимъ, онъ сохранилъ свою Русскую душу, не польстился ни на какія блага, не измѣнилъ своей Русской природѣ, — и покрытый лохмотьями иноземныхъ одеждъ, утомленный борьбою, но не уступившій въ борьбѣ, предстоитъ передъ нами въ своемъ многовѣщемъ, громадномъ, величавомъ безобразіи!

Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Было время, и еще недавнее, когда въ ходу и въ чести были въ Европѣ ремесленные цехи и корпораціи, — законный продуктъ Западной исторіи, спасшій автономію и независимость городскихъ общинъ. Совершивъ свое историческое призваніе, цеховое устройство обратилось въ тягость самимъ общинамъ, стало быстро клониться къ разложенію, наконецъ, при первомъ удобномъ случаѣ, въ большей части мѣстностей, было вышвырнуто за окно, какъ ненужная ветошь. Тѣмъ не менѣе самое начало корпорацій глубоко засѣло въ плоть и кровь Нѣмцевъ.— Мы находились въ совершенно иныхъ историческихъ условіяхъ; цеховое ремесленное и всякое подобное устройство, основанное на формальномъ, условномъ, внѣшнемъ, принудительномъ элементѣ, противно самой сущности духа Славянскихъ племенъ вообще и Русскаго народа въ особенности, противно ихъ стремленіямъ къ внутренней свободѣ жизни, ихъ коренному общинному началу. Въ наше время защитниковъ средневѣковой цеховой организаціи уже не является, но въ XVIII вѣкѣ Русское общество, точно также какъ и въ XIX-мъ, увлекалось внѣшнимъ благообразіемъ Запада, также

жило чужимъ умомъ и вѣрило чужой вѣрой, — и стало вводить въ Россію цеховое ремесленное устройство. Дико звучали Русскому рабочему люду всѣ эти иностранныя названія и слова „альдерманы“, „экзамены“, „мейстеры“, „бюргеры“, „магистраты“ и „ратуши“; непонятны были ему эти, тѣснившія его жизнь, „привилегіи“, это право собираться въ „гербергахъ“, которое и нынѣ читаемъ въ Ремесленномъ Уставѣ, эти значки, трости и печати съ гербами и всевозможныя дѣленія и подраздѣленія, всякія администраціи и регламентаціи. Но требованіе общества не было какими-нибудь pia desideria, или платоническою мечтою: оно было приведено въ исполненіе. Молодые доктринеры, передовые люди и прогрессисты того времени, глумясь, и потѣшаясь надъ упрямствомъ и невѣжествомъ Русскаго народа, усердствовали на просторѣ со всею искренностью непониманія, со всѣмъ жаромъ близорукаго убѣжденія, со всей дерзостью тупоумной благонамѣренности. Стономъ стояла русская земля, упорно сопротивляясь, — кряхтѣлъ Русскій бытъ въ объятіяхъ прогрессистовъ, трещалъ и ломался древній обычай...

Чтò же, читатель, вы, который теперь, вмѣстѣ съ современной Европой, обличаете и на каѳедрѣ, и въ обществѣ ложь цеховъ и корпорацій, — были бы вы рады, еслибъ Русскій человѣкъ принялъ эту ложь въ свою душу, еслибъ это Нѣмецкое начало пришлось ему по сердцу, еслибъ посѣянное расцвѣло въ немъ, также какъ на Германской почвѣ, розаномъ Нѣмецкаго благоустройства? Скажите, читатель, жалуясь на безобразіе Руси, хотѣли бы вы развѣ, чтобъ Русскій человѣкъ пріобрѣлъ благообразіе Нѣмца, и для этого, — какъ необходимое условіе, условіе sine qua non, — сталъ бы Нѣмцемъ, съузился бы въ Нѣмца, взялъ бы себѣ идеаломъ Нѣмецкую добродѣтель и благоправность? Отвѣтъ вашъ несомнѣненъ: вы не желаете такого превращенія ни за чтò въ мірѣ, и не потому не желаете, чтобъ вы неуважали всею душою глубины Германскаго духа и его исполинскихъ заслугъ человѣчеству, но потому, что вы чувствуете, что Русскому человѣку въ Нѣмцѣ было бы душно и тѣсно, и что въ немъ живутъ стремленія къ иному, можетъ быть даже высшему идеалу. Но если вы такъ отвѣчаете на во-

просъ, когда онъ такъ просто поставленъ, въ примѣрѣ цехового устройства, зачѣмъ же вы продолжаете съ прежнею неразборчивостью навязывать Русской землѣ новѣйшія изобрѣтенія выписанныхъ вами изъ-за границы доктринъ и теорій, о которыхъ Европейская критика еще не успѣла произнести своего послѣдняго слова, и которыя потому принимаются вами на вѣру, съ слѣпымъ благоговѣніемъ? Или вы думаете, что не поростутъ они на Русской почвѣ тѣмъ же безобразіемъ, какимъ поросли пересадки XVIII вѣка? Зачѣмъ продолжаете вы не знать, или, выражаясь пестрымъ языкомъ нашего общества, «игнорировать» ту органическую силу, которая проявляетъ себя въ современномъ безобразіи нашей родной земли, и громко вопіетъ о нашемъ невѣжествѣ и отчужденіи отъ народа?

Возвращаясь къ приведенному нами примѣру, скажемъ, что намъ случилось обозрѣвать ремесленное устройство во многихъ городахъ Россіи, что ничего отвратительнѣе быть не можетъ, и что мы сердечно порадовались этому безобразію,— не тому, что было тутъ грязнаго и порочнаго, но тому внутреннему сопротивленію жизни, которое сказалось въ этомъ отрицательномъ, печальномъ, и въ то же время радостномъ явленіи. Предоставляемъ теперь читателю самому — провѣрить въ своей памяти, со времени Петра, во всѣхъ отрасляхъ нашего общественнаго быта, весь этотъ рядъ устройствъ, регламентовъ и учрежденій, вводившихся и измѣнявшихся не вслѣдствіе потребностей жизни, но вслѣдствіе подчиненнаго духовнаго отношенія къ Западу и неподчиненнаго, и ужъ нисколько не духовнаго отношенія къ Русской жизни.

Что же говорите вы намъ новаго? скажутъ многіе изъ читателей. Дѣло извѣстное, что въ каждой землѣ слѣдуетъ примѣняться къ ея нраву. Дѣло извѣстное, отвѣтимъ мы, а всетаки наше общество продолжаетъ держаться той же дороги! Дѣло извѣстное, мы и не думали сказать что-либо новое, а все же намъ кажется, что поставленная нами точка зрѣнія на безобразіе, какъ на протестъ самой жизни народной противъ посягательствъ образованной и вліятельной части общества, какъ на историческую заслугу, въ большей части случаевъ, нашего народа, — представляетъ многое въ народномъ невѣжествѣ и въ нашей цивилизаціи въ иномъ свѣтѣ,

измѣняетъ оцѣнку нѣкоторыхъ явленій и переноситъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обвиненіе — съ обвиняемыхъ на обвинителей...

Пусть же воздержатся молодые доктринеры отъ всякаго новаго насильственнаго искаженія Русской земли, пусть не накладываютъ они ни бѣлилъ, ни румянъ, чтобы сдѣлать ее Европейскою красавицей: она отвѣтитъ еще пущимъ безобразіемъ! Пусть не заботятся они и объ излѣченіи безобразія внѣшними способами, а пусть сами отстранятъ себя, давъ просторъ внутреннимъ силамъ народнаго организма. Пусть, вмѣсто заносчивой благонамѣренности и самонадѣянности стремленія образовывать Русскій народъ, проникнутся они нѣкоторымъ смиреніемъ предъ явленіями его жизни, уваженіемъ къ фактамъ исторіи, пусть задумаются наконецъ надъ несокрушимою твердостью коренныхъ основъ и духовныхъ началъ народнаго быта.

Почтимъ же подвигъ народа, который, не имѣвъ иныхъ средствъ протеста (ибо органы, необходимые для полноты и стройности жизненныхъ отправленій, были у него оторваны),— тѣмъ не менѣе сохранилъ и уберегъ себя, для насъ, отъ всякихъ предлагавшихся ему разношерстныхъ благообразій! Ему, при его положеніи, оставалось одно: перебыть и перемочь, и онъ перебылъ и перемогъ не одно злое или лживое начало, и Богъ дастъ, перебудетъ и переможетъ!

Доктрина и органическая жизнь.

Москва, 11-го ноября

Что бы ни говорили о современномъ состояніи нашего общества, сколько бы сходства ни представляло оно съ гніеніемъ разлагающагося трупа, но при всемъ томъ, вездѣ и отовсюду чутко чувствуется и слышно слышится животворное вѣяніе свѣжаго вольнаго воздуха. Новая жизненная сила отовсюду подступаетъ и обдаетъ насъ своими волнами. Да, повѣяло, потянуло новымъ, еще не передышаннымъ воздухомъ! — Но по закону, общему для міра физическаго и для міра нравственнаго, движеніе свѣжей воздушной струи *ускоряетъ* са-

мое разложеніе, а потому и понятно, что въ то же время сильнѣе распространяется зловоніе газовъ и атмосфера наполняется вредными, удушливыми міазмами. Дѣйствительно, нравственная среда нашего общества исполнена заразительныхъ и мертвящихъ испареній, но противъ нихъ нѣтъ другого цѣленія, какъ преизбытокъ того же воздуха, усилившаго и ускорившаго тлѣніе. Онъ очиститъ, онъ разрѣдитъ нашу душную атмосферу, онъ оживитъ и обновитъ нашу смрадную и спертую храмину... Настежь же двери и окна,— пусть безъ помѣхъ и затворовъ льется онъ къ намъ свободно вольными, свѣжими, цѣлебными струями!

Но многіе и даже очень многіе, въ болѣзненномъ разстройствѣ своего организма, утративъ правду ощущеній и чувствъ, принимаютъ за свѣжія воздушныя струи смрадные газы разлагающагося тѣла. Движеніе, проявляющееся въ процессѣ гніенія, признается ими за движеніе самой жизни! Такихъ не мало въ нашемъ обществѣ, и въ особенности на нашей литературной аренѣ... Другіе же,—наболѣвшіе сердцемъ и душою отъ тяжелыхъ, чудовищныхъ нравственныхъ міазмовъ,—въ каждой чистой волнѣ воздуха видятъ злокачественное испареніе, и въ испугѣ, въ понятномъ, но слѣпомъ негодованіи, отворачиваются сами отъ благотворной врачующей силы! Третьи по природѣ, или потому, что уже давно обжились, стерпѣлись и слюбились съ зловоніемъ и смрадомъ незамѣчаемаго ими гніенія, или же наконецъ потому, что свѣжій воздухъ составленъ не по ихъ ученому и выписанному отъ иноземныхъ докторовъ рецепту, въ который они безусловно вѣрятъ,—относятся враждебно ко всякому, даже самому легкому вѣянію этого свѣжаго воздуха. И такихъ не мало! Къ нимъ, между прочимъ принадлежатъ люди солидные и высокочиновные, разумѣется не въ буквальномъ смыслѣ, — люди, *причисляющіе* себя самодовольно къ сословію жреческому, къ высшей іерархіи ума и знанія. Имъ вольный воздухъ противенъ.

Впрочемъ нельзя не признать: свѣжій воздухъ рѣдокъ и рѣзокъ, и какъ бы мы ни желали его отраднаго вѣянія, едвали кто изъ насъ можетъ самонадѣянно похвалиться такою здоровою грудью, что не почувствуетъ онъ ни раздраженія, ни перхоты, не закашляетъ, вдохнувъ въ себя его первую,

новую струю. Такое болѣзненное состояніе бываетъ, впрочемъ, вообще непродолжительно. Но продолжительнѣе будетъ оно, и едва ли не суждено ему обратиться въ состояніе хроническое — у большей части нашихъ утопистовъ и доктринеровъ. Не тѣмъ сказывается имъ наша Русская жизнь, — которой пробужденія они ждали и чаяли, — чѣмъ являлась имъ она въ области ихъ отвлеченныхъ думъ и мечтаній, не по той дорогѣ идетъ, которую они ей услужливо предлагали, ростетъ не въ мѣру заранѣе измѣреннаго ими роста, сильна такой силой, съ которой имъ и не сладить, ставитъ вопросы, которыхъ и не предполагала ихъ теорія. И неловко, и странно ихъ отношеніе къ новому движенію жизни, къ дѣйствительному подъему народнаго духа.

Но что будетъ съ тѣми изъ нашего общества, которымъ свѣжій воздухъ враждебенъ, что должны испытать они, когда пахнетъ на нихъ своими широкими крыльями пробудившаяся могучая жизнь? О, сколько острой простуды, сколько нравственныхъ опухолей, флюсовъ и ревматизмовъ, — не говоря уже о головоломныхъ мигреняхъ, — угрожаетъ этимъ важнымъ преждевременнымъ старцамъ! Въ самомъ дѣлѣ: они привыкли видѣть стройность и красоту только въ прямыхъ и однообразныхъ линіяхъ и въ механическомъ, разсчитанномъ сцѣпленіи колесъ и пружинъ; они не способны понять красоты и смысла волнующихся линій, и сама жизнь, съ ея ускользающими отъ всякаго разсчета, невѣдомыми силами, — жизнь и все живое понимается ими какъ безпорядокъ! И вдругъ — весь строй ихъ умственной дѣятельности нарушенъ и потревоженъ. Смѣясь надъ тѣми, кто въ движеніи атмосферы съ радостью отыскиваетъ свѣжія струи цѣлебнаго воздуха, бранясь и негодуя, они стараются уйти отъ опасной для нихъ силы, взбираются на чиновничьи кресла, на высокія подмостки каѳедръ, укутываются плотнѣе въ старыя изношенныя и полинявшія шубы, герметически закупориваются въ „храмѣ наукъ“ или въ стѣнахъ какого-нибудь казеннаго зданія!

Да, въ наше время проявляется во-очію ходъ исторіи, слышится трепетъ новыхъ пробудившихся жизненныхъ силъ! Эти силы, еще нестройныя, не сложившіяся, нерѣдко безобразныя, волнуются и мятутся, требуютъ и не находятъ ни правиль-

наго исхода, ни нормы для своего проявленія. Какъ рѣка въ своемъ стремленіи, обогащенная притокомъ новыхъ водъ, своричиваетъ со дна неподвижные камни, несетъ съ чистой влагой песокъ и мусоръ, рветъ плотины, ищетъ себѣ новаго вмѣстилища и русла, — такъ пытливая и кипучая эта жизнь инстинктивно чуетъ ложь во многомъ, что̀ выдавалось ей досель за непреложную истину, и съ дерзкой самонадѣянной безразборчивостью отрицая сплошь всѣ принятыя установившіяся опредѣленія, разбиваетъ шаткія подножія старыхъ кумировъ, и смутно ищетъ Истины, предъ которою могла бы и должна была бы смириться. Ей нужно бы услышать путеводное слово, нужно бы принять въ себя благотворную, зиждительную силу сознательной мысли, прогрѣться лучами истиннаго знанія и живой науки, которыя бы отдѣлили въ ней ложь отъ правды и добро отъ зла, и дали бы отвѣтъ на ея новые, жизненные, историческіе запросы.... А между тѣмъ, съ холодныхъ высотъ ученыхъ каѳедръ, раздается отрицаніе самой жизни, ея смысла, значенія и правъ! Наука, или та повершенная и замкнутая, со всѣхъ сторонъ отшлифованная и отдѣланная теорія, которая выдаетъ себя за науку, возвѣщаетъ намъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего кромѣ мертваго государственнаго механизма, что все совершается и должно совершаться отъ власти и посредствомъ власти, — въ какой бы формѣ она ни проявилась, лишь бы носила она на себѣ печать внѣшней законности,—что наконецъ сама жизнь, слѣдовательно и жизнь духа, есть одно изъ отправленій или функцій государственнаго организма. Съ точки зрѣнія такой несчастной доктрины нѣтъ мѣста, внѣ порядка государственности, никакому свободному творчеству народнаго духа. Начало внѣшнее, начало *принудительное* (въ монархической ли, или республиканской формѣ, для насъ это все равно: оно остается тѣмъ же принудительнымъ внѣшнимъ началомъ), начало правды формальной и условной ставится выше начала внутренней свободы, правды и совѣсти. Все живетъ и движется и *обязано* двигаться по однажды заведенному и математически разсчитанному механизму. Самонадѣянно и близоруко пытается эта доктрина опредѣлить вѣсъ, плотность и емкость человѣческаго духа и органической силы жизни, и отмѣрить только такое количество, какое, по ея неизбѣжно-

ограниченнымъ соображеніямъ, нужно для правильнаго хода государственной машины.

Мы остановились на этомъ ученіи потому, что вопросъ объ отношеніи государства къ народу и къ обществу есть одинъ изъ самыхъ серьезныхъ вопросовъ нашего времени, и потому еще, что слово этой доктрины раздается вновь между нами.

Эта доктрина, мѣшая и путая всѣ понятія, сама въ себѣ носитъ, по нашему мнѣнію, признаки безплодія и смерти. Проповѣдники смѣшиваютъ внѣшнее съ внутреннимъ, форму съ содержаніемъ, норму съ живою самостоятельною силою, кору съ сердцевиной. Мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь кстати найденную нами въ бумагахъ К. С. Аксакова слѣдующую замѣтку, по поводу вопроса о государственности: „Бѣда, если дерево обратится въ кору, если кора, увеличивая объемъ ствола, станетъ безпрестанно поглощать жизненные соки дерева и мертвить сердцевину. Петръ обратилъ преимущественное вниманіе на кору, на наружность, но не въ томъ сила, крѣпка ли кора, а въ томъ сила, здорова ли сердцевина». — Въ самомъ дѣлѣ, тамъ, гдѣ начало государственности вышло бы за свои предѣлы, мало-по-малу изсякла бы всякая животворная сила. Государство, конечно, необходимо, но не слѣдуетъ вѣрить въ него, какъ въ единственную цѣль и полнѣйшую норму человѣчества. Общественный и личный идеалъ человѣчества стоитъ выше всякаго совершеннѣйшаго государства, точно такъ, какъ совѣсть и внутренная правда стоятъ выше закона и правды внѣшней. Идеалъ можетъ быть и недостижимъ, какъ и вообще недостижимо человѣческое совершенство, но онъ долженъ постоянно предноситься предъ человѣкомъ и побуждать его впередъ къ достиженію и осуществленію. Но то, что̀ является какъ несовершенство, какъ неизбѣжное зло, хотя бы и предложенное въ наименѣе тягостной внѣшней формѣ, „наука“ съ каѳедры выдаетъ намъ за высшую степень человѣческаго развитія, возводитъ въ апоѳеозъ вѣчной, безусловной истины!...

Намъ говорятъ, что для юриста повиновеніе закону (безразлично, хорошему и дурному) есть такая же аксіома, какъ дважды два четыре для математика. Но повиновеніе закону, какъ житейская аксіома, по нашему мнѣнію, вовсе не входитъ въ кругъ ученыхъ соображеній юриста, ни въ кругъ

„истинъ науки—права“. Для юриста, напротивъ того, важно свободное отношеніе жизни къ закону, его исполнимость или неисполнимость, его соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе съ временнымъ уровнемъ общественной нравственности, его содержаніе, а не сигнатура. Законъ не есть непреложная истина, не есть какое-то непогрѣшимое изреченіе оракула, неподверженное измѣненіямъ: онъ имѣетъ значеніе ограниченное и временное, и безсмысленъ законъ, носящій въ себѣ притязаніе уловить въ свои тѣсныя рамки свободную силу постоянно творящей и разрушающей жизни! Самое „право“ не есть нѣчто само для себя и по себѣ существующее: неспособное выразить полноты жизни и правды, оно должно вѣдать свои предѣлы и находиться, такъ сказать, въ подчиненномъ отношеніи къ жизни и къ идеѣ высшей нравственной справедливости. — Читатели, конечно, не выведутъ изъ нашихъ словъ заключенія, что мы проповѣдуемъ неуваженіе къ закону или „анархію“. Повиновеніе законамъ, безъ сомнѣнія, желательно, но юристъ не есть оффиціальный блюститель благочинія, надзирающій за непремѣннымъ практическимъ исполненіемъ законовъ со стороны общества; онъ относится къ нимъ критически, онъ не проповѣдуетъ неповиновенія, но отмѣчаетъ его и принимаетъ въ соображеніе, какъ поучительный совершившійся фактъ. Впрочемъ, мы должны признаться, надо было бы имѣть много отвлеченности въ своемъ развитіи, чтобы и на практикѣ, въ жизни, приводить въ исполненіе или требовать безусловнаго исполненія всякаго закона, противорѣчащаго совѣсти и нравственнымъ человѣческимъ требованіямъ... если бы можно предположить существованіе такого закона.

Вообще чрезвычайно опасно регламентировать извнѣ какое бы то ни было живое начало. Есть явленія, которыя стоитъ только подчинить „уставу“, чтобъ подорвать въ нихъ всякую жизнь и силу. Такъ, напримѣръ, мы слышали, что даже и для нашихъ артелей, этихъ самородныхъ, подвижныхъ, свободныхъ промышленныхъ общинъ, кто-то сочинилъ регламентъ и представилъ его правительству. Эта попытка, вѣроятно, останется безъ исполненія; ибо несомнѣнно, что вмѣшательство государственнаго начала, въ настоящемъ случаѣ, убило бы нравственное значеніе и силу нашихъ артелей.

Но довольно. Многое можно было бы сказать здѣсь о «чувствѣ легальности», въ недостаткѣ котораго упрекаютъ нашъ Русскій народъ, объ отношеніяхъ науки права въ Русской народной жизни и т. д., но мы отлагаемъ это до другого раза. Мы хотѣли только съ одной стороны заявить здѣсь наше несогласіе съ провозглашенной теоріей, безразлично требующей духовнаго поклоненія всякой сигнатурѣ закона, безъ вниманія къ его содержанію, и духовно рабствующей предъ внѣшнимъ условнымъ, принудительнымъ началомъ; а съ другой — указать на это мертвенное отношеніе такъ называемой науки къ пробуждающимся требованіямъ современной, не только Русской, но даже и Европейской жизни, этотъ отвѣтъ ея, холодный и гордый, на ея тревожные запросы. Разумѣется эта печальная доктрина выросла не на нашей почвѣ, она заемная; но тѣмъ не менѣе достойны сожалѣнія тѣ, которые приняли ее въ душу и принесли ей въ жертву свое трудолюбіе и таланты.

Но какъ бы ни продолжали закупориваться отъ свѣжаго воздуха, вѣющаго отъ жизни, пробудившейся въ Русскомъ народѣ, свѣжій воздухъ возьметъ свое и вывѣтритъ залежалыя, затхлыя, отвлеченныя доктрины. Остается надѣяться, что тѣ изъ нашихъ „жрецовъ науки", которые уже умиротворились и успокоились въ своемъ жреческомъ званіи, высвободятъ наконецъ сами науку на вольный Божій свѣтъ, пустятъ свѣжій, вольный воздухъ въ свой душный и тѣсный храмъ, растворятъ настежь окна и двери, раздвинутъ, если нужно, и самыя стѣны храма, и поймутъ: что только освободясь отъ всякаго духовнаго и умственнаго рабства предъ послѣднимъ словомъ науки вообще и западной науки въ особенности, только признавъ за Русской народностью право на самостоятельную духовную и умственную дѣятельность, только проповѣдью духовной свободы, живого знанія и любвеобильной мысли—будутъ они въ состояніи направить къ плодотворной работѣ молодыя Русскія силы.

1862 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ).

Русскій прогрессъ и русская дѣйствительность.

Москва, 27-го января.

Представьте себѣ, читатель, громадную, тяжело нагруженную колымагу, медленно движимую, по грязной, топкой дорогѣ, шестерикомъ здоровыхъ, крѣпкихъ, по нѣсколько лѣнивыхъ коней, и тройкою выносныхъ или передовыхъ, на одной изъ которыхъ усердно безпокоится бойкій форрейторъ. Колымага то-и-дѣло вязнетъ въ глубокихъ колеяхъ, колеса упираются въ рытвины или наворачиваютъ на шины цѣлые пуды грязи; лошади, ощупью отыскивая твердой опоры для копыта, безпрестанно оступаются и проваливаются. Пришлось наконецъ подниматься на гору, за которою, по разсказамъ, дорога становится лучше. Чтобы одолѣть этотъ подъемъ, нужно бы дружнымъ усиліемъ всѣхъ девяти коней подхватить и вывезти колымагу, но не тутъ-то было! Безпокойный форрейторъ, пріударивъ своихъ лошадей не во-время, такъ натянулъ постромки, что онѣ лопнули; колымага съ шестерикомъ засѣла въ трясинѣ, на самомъ взлобѣ дороги, а форрейторъ, съ своими выносными конями, ускакалъ впередъ! И скачетъ форрейторъ, не оглядываясь, все впередъ, да впередъ; скачетъ, не слыша отчаянныхъ криковъ кучера увязнувшей колымаги, не разбирая дороги,—цѣликомъ, по полямъ и нивамъ, чрезъ ручьи и овраги,—не заботясь объ экипажѣ, да и не соображая, что во всякомъ случаѣ грузный экипажъ такъ скоро мчаться не можетъ; скачетъ, предовольный собой и своей быстрой ѣздою, и, въ пылу погони за блудящими огоньками, воображаетъ, что везетъ колымагу къ настоящему путеводному свѣту!...

Мы только подробнѣе и пространнѣе начертили образъ, на который еще покойный И. В. Кирѣевскій указывалъ для характеристики просвѣщенія Польши въ XVI и XVII вѣкѣ; но едвали еще не съ большею вѣрностью можетъ онъ послу-

жить, какъ сравненіе, для самой Россіи. Эта тяжело нагруженная колымага съ шестерней добрыхъ коней—не наша ли земля съ ея матеріальными и духовными богатствами, не народъ ли, оставшійся позади, безъ средствъ къ просвѣщенію и внѣшнему преуспѣянію, народъ, отъ котораго оторвались верхніе слои общества?.. Этотъ форрейторъ, такъ шибко скачущій, потому что не тащитъ за собою никакого груза, — не мы ли, такъ называемое образованное общество, мчащееся во весь опоръ верхомъ на цивилизаціи, подгоняющее ее татарскою нагайкою работы Нѣмецкаго мастера, скачущее къ прогрессу не столбовой дорогой, а какими-то особыми кривыми путями, внѣ всякихъ историческихъ, жизненыхъ условій? Эти блудящіе огоньки не тѣ ли «идеи вѣка», за которыми такъ безразборчиво гоняются наши прогрессисты?.. Кстати объ «идеяхъ вѣка»: мы взяли это выраженіе изъ одной газеты и находимъ, что оно очень удачно высказываетъ точку зрѣнія и характеръ стремленія форрейторовъ-прогрессистовъ извѣстнаго сорта! Имъ нѣтъ дѣла до содержанія идеи! Имъ достаточно того, что, по справкѣ, она оказывается Европейскою, современною, и въ названіи «идеи вѣка» они видятъ высшую, безусловную похвалу! Они забываютъ, что не однѣ идеи Гизо, но и идеи Прудона также идеи вѣка, что такое качество ничего не опредѣляетъ, а потому и такое выраженіе—ничто болѣе, какъ пустая безсмысленная фраза! Но фраза-то насъ и губитъ!

Въ самомъ дѣлѣ, покуда форрейторскій конь, подгоняемый нагайкою, скачетъ по пути прогресса за идеями вѣка,— что дѣлается нами для народа, для его нравственнаго подъема? Положимъ, мы и поймали идею вѣка, но что же въ томъ толку, когда за нами и съ нами нѣтъ народа, когда наши связи порваны, когда мы съ нимъ на разныхъ путяхъ, когда мы лишены его опоры и сочувствія, и сами, съ своей стороны, дорожа только мнѣніемъ Европы, ставя ни въ грошъ *его* мнѣніе и одобреніе, лишаемъ его нашей, необходимой ему и возможной для насъ, подмоги, т. е. не заботимся нисколько о томъ, чтобы угладить ему дорогу, исправить мосты, устранить все, что препятствуетъ народу въ его развитіи? Все наше просвѣщеніе, все наше матеріальное могущество, наше благоустройство, администрація, блескъ, слава, — все это ли-

щено той живительной плодотворной силы, которую даетъ только союзъ съ народомъ и цѣльность всего народнаго организма. За доказательствами идти не далеко. Возьмите, напримѣръ, Петербургъ, который есть, по преимуществу, носитель исторической идеи всего періода времени послѣ Петра. Не есть ли это великолѣпная столица образованнаго міра, съ его библіотеками, театрами, музеями, торговлею, роскошью и развратомъ? Въ немъ совершаются явленія, свидѣтельствующія не только о зрѣлости, но даже о старости общества, много и долго жившаго полною жизнью Европейскихъ цивилизованныхъ обществъ,—и рядомъ съ нимъ возьмите для сравненія Олонецкую губернію, гдѣ народъ еще поетъ пѣсни про Князя Владиміра. Не цѣлая ли тысяча лѣтъ лежитъ между этими двумя фазами развитія? Не два ли это міра? не раздѣляются ли они, какъ цѣлою бездной, преданіями, воззрѣніями, стремленіями, началами, не говоря уже о внѣшнихъ отличіяхъ?.. А между тѣмъ Олонецкая губернія носитъ на себѣ общій типъ Русской земли, и какъ Олонецкая губернія къ Петербургу,— такъ сорокъ или пятьдесятъ милліоновъ Русскаго народа относятся къ милліону людей, представителю нашего образованія и движенія.

Наше образованіе, наше движеніе! Движеніе безъ ясно обозначенной цѣли, ничего не влекущее и не ведущее за собою! Образованіе, соединенное съ полнѣйшимъ невѣдѣніемъ своей страны и народа, а нерѣдко и съ презрѣніемъ къ нему! Справедливо сказалъ одинъ путешественникъ, что Россія есть царство фасадовъ. Какихъ у насъ нѣтъ великолѣпныхъ зданій для училищъ, съ содержаніемъ почти роскошнымъ, и какъ плохо идетъ ученіе! Мы обзавелись даже желѣзными дорогами,—но всего менѣе тамъ, гдѣ этого требовали нужды народа! Мы въ столицахъ живемъ ускоренною жизнью, а внѣ столицъ прозябаемъ, и время, видно, намъ дешево, судя потому, что мы цѣлыя недѣли бездѣйствуемъ на переправахъ и цѣлые мѣсяцы теряемъ на преодолѣніе нашихъ путей сообщенія, именно тѣхъ, на которые рѣдко попадаютъ иностранцы. Мы устроили и Академію художествъ, — но тамъ, гдѣ двѣ трети года нельзя заниматься живописью по причинѣ тумановъ и сѣраго неба! Мы имѣемъ такую цифру газетъ и журналовъ, которая любого статистика могла бы привести къ

заключенію о необыкновенной развитости просвѣщенія въ нашей странѣ и о многочисленности грамотныхъ, — но вся эта кипучая литературная дѣятельность и не проникаетъ въ народъ, за предѣлы небольшого круга читающей публики! Есть у насъ институты, университеты, всевозможныя училища и учебныя заведенія, — и почти нѣтъ вовсе народныхъ школъ, мы ничего не устроили для народнаго образованія! Мы заводимъ вверху либеральныя учрежденія, а внизу, частехонько, расправляемся по-татарски!... Мы хотимъ современныхъ свободныхъ уставовъ,—и въ то же время боимся разстаться съ сословными перегородками! Мы готовы подчивать народъ деликатесами Европейской кухни, когда у него нѣтъ даже и щей! Мы, форрейторы, болѣе ста лѣтъ мчась во весь опоръ то въ ту, то въ другую сторону, побывали и Голландцами, и Французами, и Нѣмцами, и даже Англичанами, только—не были Русскими!.. Мы только загнали коней, мы ни до чего не доскакались,—не доскакались даже и до сознанія, что мы скачемъ по-пустому, безъ груза, безъ экипажа и главнаго возницы (т. е. народа), и что мы давно сбились съ пути,—а безъ этого сознанія нѣтъ для насъ и спасенія!

А колымага стоитъ, засѣвшая въ грязь, и кони поотдохнули, но дорога по-прежнему тяжела, если не пуще разсѣлась. Ускакавшему форрейтору время было бы теперь воротиться, принести повинную главному возницѣ, снова связать постромки, — и какъ ни устали передовые кони, авось либо подсобятъ они вывезти въ гору грузный экипажъ и выбраться на добрую дорогу, — но форрейтору надобно зарубить крѣпко себѣ на память: не рваться нетерпѣливо впередъ, прилаживать свою тягу къ ходу шестерика, — и слушать кучера!..

Вотъ въ чемъ должна состоять наша преимущественная забота. Поработали мы довольно. Чего не завели! чего не устроили! и все это, большею частью, безплодно, внѣшне, безжизненно, по крайней мѣрѣ не даетъ жизни народу, живетъ и совершается внѣ его участія. Не мало у насъ хорошихъ законовъ и учрежденій, но недостаетъ одного, чтобъ и законы были дѣйствительны, и учрежденія плодотворны — недостаетъ духа жизни, цѣльности организма, правильнаго, равномѣрнаго кровообращенія, недостаетъ общественной силы и ея производительности! Но этой силѣ нельзя велѣть быть

по указу, какъ бы ни было дѣятельно и благонамѣренно правительство: она создается только тѣми органическими условіями, которыя нельзя предписать, равно какъ нельзя предписать (но можно разстроить) тотъ или другой порядокъ органическихъ отправленій. Однакожъ правительство можетъ, оно властно отстранить тѣ препятствія, которыя мѣшаютъ ея проявленію, своротить камни, придавившіе богато засѣянную ниву, и такимъ образомъ вызвать на свѣтъ Божій тѣ стебли, которые потомъ дадутъ хлѣбъ, однимъ словомъ — дать просторъ тѣмъ условіямъ, при которыхъ только и можетъ развиться нравственная общественная сила. Ибо внѣ общественной силы всѣ «идеи вѣка» останутся безплодными, а правительство только истощится въ благородныхъ напрасныхъ усиліяхъ... Какія же это условія?

Въ статьѣ на Новый Годъ мы поставили, между прочимъ, въ числѣ очередныхъ вопросовъ: вопросъ о свободѣ совѣсти, мысли, мнѣнія и ихъ выраженія въ словѣ...

О взаимномъ отношеніи народа, государства и общества.

Москва, 3-го марта.

Либералъ и кавалеръ — назовемъ его хоть Семенъ Иванычъ — одинъ изъ нашихъ старыхъ знакомыхъ, говаривалъ обыкновенно: «дали бы мнѣ *власть*, я создалъ бы тотчасъ общественное мнѣніе!» А его превосходительство либералъ Иванъ Семенычъ, также нашъ старинный пріятель, постоянно возмущавшійся «косностью, смиреніемъ и раболѣпствомъ» Русскаго народа, о которомъ вообще изволилъ отзываться съ просвѣщеннымъ негодованіемъ, — его превосходительство либералъ разрѣшалъ обыкновенно всякій гордіевъ узелъ общественныхъ и административныхъ недоумѣній и затрудненій — проектами разныхъ законодательныхъ мѣръ и строгихъ либеральныхъ указовъ. — Къ счастію, ни тотъ, ни другой не достигли столь желанной ими, для пользы отечества, власти. Мы сказали: къ счастію. И дѣйствительно, будь у Ивана Семеныча и Семена Иваныча право и возможность распоряжаться отечествомъ по своему вольнодумному благо-

усмотрѣнію, они бы предписали указомъ либеральничать въ извѣстномъ, *аппробованномъ*, а не въ другомъ какомъ-либо направленіи; они бы заставили умолкнуть всякій голосъ, противорѣчащій ихъ «благонамѣреннымъ либеральнымъ видамъ»; они бы проповѣдывали въ *оффиціальныхъ* газетахъ необходимость, важность и прелесть свободы и свободнаго общественнаго мнѣнія, а литературу пригласили бы разыгрывать мелодіи въ «мажорномъ или минорномъ тонѣ», согласно *ихъ собственному* камертону; они бы принудили общество съ покорностью идти къ *той* свободѣ, которую они для него и за него придумали, или безмолвно и послушно выжидать, пока изготовятся ими, на ихъ кухнѣ, разные благополезные, благопригодные и благовременные либеральные гостинцы и сюрпризы!

Такихъ людей много, и очень много, въ нашемъ обществѣ,— но не спѣшите осуждать ихъ, читатель! Если мы всѣ, безъ исключенія, безпристрастно и пристально вникнемъ въ самихъ себя, подсмотримъ наши внутреннія движенія, подслушаемъ наши собственныя, невольно вырывающіяся первыя, необдуманныя восклицанія и рѣчи, мы должны будемъ сознаться, что *въ каждомъ* изъ насъ, болѣе или менѣе, обитаетъ такой же Иванъ Семенычъ или Семенъ Иванычъ. «Я бы *указомъ*», «будь я министръ, я бы далъ *предписаніе*», «надо бы издать *законъ*, *распорядиться*, *принять энергическія мѣры*, *приказать*», «чего смотритъ правительство или начальство!» и пр., и пр. въ такомъ же родѣ: всѣ эти выраженія каждый изъ насъ можетъ частехонько подловить на собственныхъ устахъ, и всѣ эти выраженія свидѣтельствуютъ только о томъ, что мы привыкли всего ожидать сверху, всякое спасеніе полагать въ законодательной мѣрѣ или учрежденіи, въ формѣ внѣшняго принужденія,— а не во внутреннемъ побужденіи, не въ собственномъ начинаніи или инниціативѣ, не въ самостоятельной дѣятельности личной или общественной.

Справедливо замѣтилъ въ этой же газетѣ г. Елагинъ, что «недобросовѣстно слагать вину на правительство въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ могутъ дѣйствовать только такія усилія общественныя, на которыя недостанетъ средствъ ни у какого правительства». Въ самомъ дѣлѣ, есть цѣлыя области общественныхъ отношеній и общественной дѣятельности, куда не

въ силахъ достать сверху, распоряженіемъ, никакая самая отважная благонамѣренность начальства; есть многочисленныя явленія духа, которыя не могутъ быть вызваны на свѣтъ Божій указомъ, и которыя не терпятъ никакой, извнѣ налагаемой формулы. Наконецъ, мы знаемъ и по теоріи, и уже достаточно научены опытомъ, что всякія внѣшнія, принудительнаго характера, попытки: создать духовную жизнь, дѣятельность, нравственную силу, производятъ только одно подобіе жизни, дѣятельности и силы, лишенное, разумѣется, всякой внутренней энергіи, и не только не плодотворное, но и положительно-вредное, какъ всякая ложь, внесенная въ нравственную жизнь общества. Мы убѣждены, что органическія силы человѣческаго общества не могутъ быть замѣнены никакимъ искусственно придуманнымъ механическимъ снарядомъ, что правительство не можетъ брать на себя или «исправлять должность» организма и жизни, — и тѣмъ не менѣе мы сами, собственнымъ бездѣйствіемъ, собственной слабостью хотѣнья и убѣжденья, собственною лѣностью мысли и воли, постоянно обращаясь къ верху, вызываемъ правительство на ненужное и безплодное вмѣшательство, часто вопреки его собственному желанію и волѣ!

За примѣрами ходить не далеко. Въ 1861 году *двѣнадцать* Губернскихъ Присутствій по крестьянскому дѣлу «входили куда слѣдуетъ» съ представленіемъ о томъ, чтобы дозволено было стѣснить, — допущенный Положеніемъ 19 февраля, — свободный самосудъ волостныхъ судовъ — разными формальностями и введеніемъ Сельскаго Судебнаго Устава, сочиненнаго для крестьянъ Государственныхъ Имуществъ. Такое административное усердіе со стороны лицъ, составляющихъ Присутствія и приглашенныхъ большею частью къ «почетно-либеральной» дѣятельности изъ среды самаго образованнаго общества, усердіе, къ тому же и несогласное съ духомъ либерализма, вмѣщеннымъ въ параграфы и статьи Положенія, — вынудило правительство къ отвѣту, распубликованному во всѣхъ газетахъ, что предоставивъ волостнымъ судамъ свободу руководствоваться совѣстью и мѣстными обычаями, оно находитъ такое требованіе Присутствій преждевременнымъ и для крестьянъ стѣснительнымъ. — Конечно, такой примѣръ составляетъ рѣдкое исключеніе, но въ большей части случаевъ

мы только не додумываемъ или не договариваемъ послѣдняго слова, или же вносимъ то же административное, государственное, внѣшне-принудительное начало въ собственную дѣятельность. Проникнуты ли мы чувствами состраданія и желанія помощи ближнему — и у насъ какъ разъ заведется чуть-чуть не цѣлое министерство благотворительности, со всѣми бюрократическими порядками! Честнымъ человѣкомъ когда-то было высказано негодованіе на то, что ради добраго дѣла употребляется нерѣдко соблазнительный способъ собиранія денегъ посредствомъ лотерей и маскарадовъ, болѣе или менѣе вредныхъ для общественной нравственности, — и тотчасъ же многіе пожелали и добились-таки запрещенія этихъ увеселеній — впослѣдствіи отмѣненнаго! Путемъ разныхъ умозаключеній доходимъ мы, напримѣръ, до сознанія необходимости живой миссіонерской проповѣди между раскольниками или иновѣрцами, — но не обрѣтая внимательнаго слуха въ сонномъ обществѣ, — дѣлать нечего — пишемъ проектъ, который и представляемъ по порядку службы. Живая мысль, которой бы слѣдовало тотчасъ же, свободно, перейти въ живое дѣло, — проходитъ, зашнурованная, занумерованная, чрезъ всевозможныя канцелярскія мытарства и, утративъ все живое и животворящее, становится бумагой, требующей очистки и наконецъ преобразуется въ какой-нибудь *штатъ* апостоловъ или миссіонеровъ. И — скажемъ откровенно — было бы недобросовѣстно и несправедливо обвинять правительство въ неуспѣхѣ такого миссіонерства. Государство, какое бы оно ни было, самодержавное, конституціонное или республиканское, не можетъ, по самому существу своему, дѣйствовать и совершать свои отправленія иначе, какъ посредствомъ разныхъ бюрократическихъ формъ и порядковъ, захватывая область внѣшней правды, внѣшняго дѣйствованія и внѣшнихъ отношеній, и никакой указъ — императорскій, конституціоннаго короля, парламента или законодательнаго собранія республики, не въ силахъ создать апостола или проповѣдника! — Мы сильно хлопочемъ въ настоящее время о народномъ и общественномъ образованіи, придумываемъ тотъ или другой способъ устройства народныхъ школъ и высшихъ учебныхъ учрежденій, — и не находимъ другихъ средствъ осуществить наше предположеніе, какъ чрезъ принудительное распоряже-

ніе правительства,—тогда какъ сами убѣждены, что принудительное распоряженіе не даетъ жизни и легко порождаетъ оффиціальную ложь!.. Но какъ иначе достигнуть нашей цѣли, мы не знаемъ, не умѣемъ, не видимъ ни путей, ни способовъ, ни средствъ! Мы такъ вжились въ оффиціальные привычки и пріемы, что почти всякое наше предположеніе и разсужденіе ложится въ форму проекта законодательной мѣры, проситъ параграфовъ и пунктовъ, удобоутверждаемыхъ, и рѣдко походитъ на живое слово убѣжденія, обращенное къ живымъ силамъ самого общества.

Какое печальное, и, повидимому, безвыходное положеніе! Съ одной стороны жизнь даетъ смутно чувствовать потребности какихъ-то улучшеній и преобразованій, непрерывно встаютъ вопросы, вызываемые или дѣйствительною надобностью, или отвлеченными соображеніями,—но сама жизнь упорно, безотвѣтно молчитъ, не даетъ разрѣшенія, не облегчаетъ труда положительнымъ указаніемъ! Съ другой: постоянное, искусственное разрѣшеніе, налагаемое извнѣ,—искаженіе, часто невольное, государственнымъ началомъ свободныхъ отправленій этой безмолвной общественной жизни, постоянныя противорѣчія, разладъ съ жизнью и болѣзненное чувство всеобщей неудовлетворенности! Съ одной стороны—бездѣйствіе или испорченность, инерція организма,—съ другой невозможность его исправленія и оживленія—мѣрами принудительными, силою оффиціальною, единою дѣйствующею неослабно и на просторѣ! Съ одной стороны безсиліе, умѣющее только раздражаться,—отрицательно, пассивно противодѣйствовать, или же проявлять свое противодѣйствіе въ безплодности, непроизводительности и безобразіи жизни; съ другой сила—сила положительная, но не способная, по существу своему, творить и созидать въ области духа, осужденная на производительность чисто внѣшнюю и на невольное искаженіе—внутренняго и живого!

Мы полагаемъ, что въ *болѣе* ясномъ истолкованіи—слова наши не нуждаются, и что читатели сами могутъ дополнить картину нашего современнаго положенія...

Намъ недостаетъ внутренней, общественной жизни, недостаетъ глубокихъ убѣжденій, недостаетъ самодѣятельности, недостаетъ силы, силы общественной, той силы, которая есть

единственная могучая, нравственная человѣческая сила, достойная человѣческаго общества, животворящая, всепобѣждающая, ведущая народы къ совершенію предназначеннаго имъ подвига въ исторіи человѣчества! Проснуться, ее, эту силу, вызвать, ей поработать, ее созидать — вотъ къ чему мы должны стремиться, всѣ, всѣмъ обществомъ, отъ мала до велика, — вотъ въ чемъ наше спасеніе и охрана, вотъ единственное условіе нашего развитія и преуспѣянія!..

Но какимъ образомъ? и почему недостаетъ нашему обществу этой силы? и что̀ такое общество? и какое его значеніе у насъ, въ Россіи, между Землею и Государствомъ?.. На всѣ эти вопросы мы попытаемся дать отвѣтъ въ слѣдующей статьѣ.

О томъ же.

Москва, 10-го марта.

Въ послѣдній разъ, заканчивая статью, мы поставили вопросъ: что̀ такое общество, и какое его значеніе у насъ въ Россіи, между Землею и Государствомъ? Не знаемъ, насколько отвѣтъ нашъ покажется удовлетворительнымъ, но во всякомъ случаѣ предлагаемъ его читателямъ. Чтобы яснѣе выразить нашу мысль, намъ придется повести рѣчь издалека, обратиться къ свидѣтельству исторіи и къ отвлеченнымъ, теоретическимъ построеніямъ.

Было ли у насъ общество до Петра? Не было, отвѣчаемъ мы, точно такъ же, какъ не было и литературы, безъ которой, въ позднѣйшія времена, не мыслимо никакое общество, — а почему-такъ — вотъ наши доводы.

Говоря: *общество*, мы разумѣемъ здѣсь не то юридическое опредѣленіе, которое прилагается ко всякому соединенію людей: случайному ли, для какой либо цѣли, какъ напр. торговыя компаніи; по образу ли жизни или занятіямъ, какъ напр. цехи, гильдіи; или въ самомъ широкомъ смыслѣ, въ смыслѣ *народа*, противополагаемаго государству. Въ послѣднемъ случаѣ, нерѣдко, вмѣсто *общества* употребляется слово *народъ*, и вмѣсто *народа* — *общество*. Впрочемъ, всѣ эти опредѣленія читатели найдутъ въ замѣчательныхъ статьяхъ

г. Лешкова, помѣщенныхъ въ нашей газетѣ. Г. Лешковъ первый сдѣлалъ у насъ опытъ создать науку «общественнаго права», до сихъ поръ отвергаемую юристами, — но не объ этомъ обществѣ и не объ этомъ правѣ хотимъ мы говорить. То общество, или, вѣрнѣе, то, что мы разумѣемъ подъ словомъ *общество*, ускользаетъ отъ всякаго юридическаго опредѣленія, не укладывается ни въ какую юридическую рамку, не надѣлимо и не ограничимо, или — другими словами — не способно быть надѣляемо или ограничиваемо никакими юридическими «правами, преимуществами и обязанностями». А между тѣмъ оно имѣетъ жизнь, и жизнь дѣйствительную; оно не фикція, не мечта, а реальность, явленіе положительное; оно надѣлено страшною силою, существующею внѣ всякаго формальнаго закона, — силою общественнаго мнѣнія. Но эта сила есть сила нравственная, это положительное явленіе есть явленіе нравственнаго міра.

Въ этомъ смыслѣ слово *общество* часто употребляется и въ нашемъ разговорномъ языкѣ, но большею частью безотчетно, и, по недостатку строгаго опредѣленія, безпрестанно смѣшивается съ другими, часто противорѣчащими понятіями. Французское слово *société* и Англійское *society*, хотя и соотвѣтствуютъ нашему *обществу*, но въ смыслѣ болѣе узкомъ, или, по крайней мѣрѣ, не столь широкомъ. Замѣчательно, что у Нѣмцевъ нѣтъ слова для идеи общества: Gesellschaft — значитъ собственно *товарищество*, — и для выраженія понятій объ обществѣ въ широкомъ смыслѣ вы должны прибѣгнуть къ не-Нѣмецкому слову, напр. общественный вопросъ, une question sociale, eine *sociale* Frage, и проч. Любопытно видѣть, какъ выражается идея *общественнаго* мнѣнія на трехъ главныхъ языкахъ Европы: l'opinion *publique, public opinion, öffentliche* Meinung. Нельзя не сказать, что Русское слово всего вѣрнѣе и точнѣе соотвѣтствуетъ этому явленію общественной жизни, и передаетъ идею общественности, — и это недаромъ, точно такъ же, какъ и не случайно отсутствіе у Нѣмцевъ слова: общество. Мы поговоримъ о томъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Ознакомивъ, нѣкоторымъ образомъ, читателей съ самою областью вопроса, попытаемся теперь опредѣлить и самое понятіе: *общество*. Общество, по нашему мнѣнію, есть та

среда, въ которой совершается сознательная умственная дѣятельность извѣстнаго народа; которая создается всѣми духовными силами народными, разработывающими народное самосознаніе. Другими словами: общество *есть* народъ во второмъ моментѣ, на второй ступени своего развитія, народъ самосознающій. Постараемся разъяснить читателямъ это опредѣленіе.

Чтò же такое *народъ?*

Все, въ каждой странѣ, гражданскн живущей, существуетъ *изъ* народа, народомъ, *ради* народа, — и *внѣ* народа, внѣ его участія, прямого или косвеннаго, положительнаго или отрицательнаго, не могло бы и существовать то, чтò существуетъ. Въ обширномъ смыслѣ, народомъ называется все населеніе извѣстной страны, представляющее цѣльность нравственную и физическую, единство происхожденія и преданія, единый общій типъ физическій и духовный. Такое опредѣленіе обънмлетъ всѣ сословія, всѣ ступени общественныя, отъ царя до послѣдняго крестьянина: все равно, какъ говоря: *дерево*, мы разумѣемъ и корень, и сѣмя, и стволъ, и вѣтви, и листья. Но въ тѣсномъ смыслѣ, и болѣе строгомъ, народомъ называется *простой* народъ, то народное множество, которое живетъ жизнію непосредственной и, какъ зерно, сосредоточиваетъ въ себѣ всю органическую силу, все развитіе организма. Въ самомъ дѣлѣ: какъ сѣмя хранитъ въ себѣ всю будущность дерева, съ красотой, шумомъ и зеленью листьевъ, — и дерева именно этого, а не какого-либо другого, такъ что сѣмя дуба родитъ дубъ, а не березу,—такъ и народъ, въ тѣсномъ смыслѣ, хранитъ въ себѣ всю будущность предстоящаго ему подвига, развитія своей духовной особенности, своего типа. Но этотъ типъ, эта особенность являются въ немъ на степени и съ характеромъ силы стихійной, — разумѣется, не въ физическомъ, а въ духовномъ смыслѣ, силы духовной, но еще не покоренной личному сознанію, не ставшей предметомъ сознанія. — Народъ состоитъ изъ отдѣльныхъ единицъ, имѣющихъ каждая свою личную разумную жизнь, дѣятельность и свободу; каждая изъ нихъ, отдѣльно взятая, не есть народъ, но всѣ вмѣстѣ составляютъ то цѣльное явленіе, то новое лицо, которое называется народомъ и въ которомъ исчезаютъ всѣ отдѣльныя личности. Поэтому народъ не есть

аггрегація или совокупность лицъ съ ихъ совокупною дѣятельностью, а живой, цѣльный, духовный организмъ, живущій и дѣйствующій самостоятельно и независимо отъ лицъ, составляющихъ народное множество. Процессъ мысли, сознанія, творчества въ *этомъ организмѣ*, его физіологическіе и психическіе законы составляютъ такую же тайну, какъ и самая тайна жизни. Возьмите, напримѣръ, языкъ въ народѣ, хоть нашъ Русскій. По свидѣтельству филологовъ, онъ поражаетъ мудростью, стройностью, логичною послѣдовательностью своихъ законовъ; онъ являетъ какъ бы работу мысли, раскрытіе которой и составляетъ задачу филологіи, почти неисчерпаемую. Между тѣмъ *ни одна* отдѣльная личность въ народѣ не мыслила, не работала надъ языкомъ. Предположить, что— вотъ люди подумали-подумали, да и рѣшились принять тотъ или другой законъ въ языкѣ, сочинили такой-то суффиксъ, условились въ какой-то флексіи, — разумѣется, невозможно. Какимъ же образомъ, когда ни одно отдѣльное лицо не обдумывало системы языка и всѣ вмѣстѣ не условливались съ ея строеніи, создается однако языкъ, весь какъ бы проникнутый сознаніемъ? Очевидно, что тѣ же самыя лица, какъ *народъ*, составляютъ особый цѣльный организмъ, въ которомъ духовныя отправленія и процессъ сознанія совершаются инымъ путемъ и инымъ порядкомъ, нежели въ отдѣльномъ человѣкѣ.

Собственно говоря—это и не есть сознаніе въ обыкновенномъ смыслѣ: здѣсь совершается безсознательное *творчество* народнаго разума и воли. Народныя единицы не *замѣчаютъ* здѣсь участія своей личной мысли, участія однако несомнѣннаго; здѣсь нѣтъ *посредствующаго* дѣйствія мысли между отдѣльною личностью въ народѣ и народомъ. Какъ самое народное творчество принадлежитъ всему народу, а не отдѣльнымъ лицамъ, такъ всему же народу принадлежитъ пока и сознаніе этого творчества. Отдѣльныя лица уже особымъ, новымъ дѣйствіемъ пересознанія постигаютъ мысль, вырабатываемую народнымъ творчествомъ. Это постиженіе народной мысли личнымъ сознаніемъ есть уже новая ступень въ жизни народной,—народное *самосознаніе*. Это самосознаніе совершается въ *обществѣ*.

И такъ, народъ не есть *сосудъ*, какъ думали нѣкоторые, ибо сосудъ безучастенъ къ своему содержанію; не есть *масса*,

какъ выражаются другіе, ибо масса безсознательна и не имѣетъ въ себѣ ничего органическаго; не есть и *матеріалъ*, потому что этому матеріалу нельзя давать произвольнаго назначенія извнѣ и подчинять его своей личной волѣ, а напротивъ — онъ подчиняетъ себѣ чужую волю, развиваясь извнутри себя, по своимъ внутреннимъ органическимъ законамъ.

Народное самосознаніе есть новое движеніе въ бытіи народномъ, новая ступень народной жизни; но не слѣдуетъ думать, чтобы чрезъ это непосредственная народная жизнь или тотъ особенный процессъ народной мысли, о которомъ мы выше говорили, становились излишними. Какъ сѣмени, для исполненія своего назначенія, необходимо проявить свою жизнь въ корняхъ, стеблѣ, стволѣ, вѣтвяхъ и листьяхъ, такъ и народъ не можетъ оставаться при одномъ непосредственномъ творчествѣ въ жизни духовной, — при первоначальномъ видѣ внѣшняго бытія—въ жизни вещественной. Но какъ внутренняя жизнь корней не прекращается отъ того, что выросло, цвѣтетъ и зеленѣетъ дерево, такъ и актъ непосредственнаго творчества не можетъ быть однажды завершенъ и покончeнъ отъ того, что онъ сознается. Напротивъ, точно такъ, какъ сохнетъ дерево вмѣстѣ съ прекращеніемъ дѣятельности корней,—какъ скоро исчезла дѣятельность непосредственной силы — гибнутъ и исчезаютъ народы.

Обращаясь къ исторіи, мы видимъ, что какъ птица прежде всего свиваетъ себѣ гнѣздо, — такъ и первымъ дѣйствіемъ всѣхъ народовъ было: создать себѣ внѣшнюю государственную форму, форму, въ которой бы они могли свободно совершать свое развитіе и такимъ образомъ исполнить свое назначеніе въ человѣчествѣ. *Общества* еще нѣтъ, а уже возникаетъ *государство* надъ народомъ, — продолжающимъ жить жизнію непосредственной. Но не выражаетъ ли государство народнаго самосознанія? Нѣтъ, оно есть только внѣшнее опредѣленіе, данное себѣ народомъ; дѣятельность его, т. е. государства, и сфера его дѣятельности — чисто внѣшнія. Государство является, какъ органическій покровъ, или, по сравненію К. С. Аксакова, какъ кора на деревѣ, которая должна подаваться, растягиваться, видоизмѣняться, согласно съ внутреннимъ развитіемъ и дѣятельностью сердцевины. „Бѣда, говоритъ К. С. Аксаковъ, если вся сила дерева пойдетъ въ

кору: ростетъ и толстѣетъ кора—сжимается и слабѣетъ сердцевина, а чѣмъ слабѣе сердцевина, тѣмъ ближе и гибель дерева, которую никакая толщина коры отвратить не можетъ: не въ томъ дѣло — крѣпка ли кора, а въ томъ, здорова ли сердцевина". Въ человѣческомъ организмѣ есть также болѣзнь: отолщеніе кожи. Кожа, разумѣется, есть часть того же организма, — какъ и государство, по отношенію къ народу, — но при слабой дѣятельности организма или при неправильности его отправленій, все обращается въ кожу, которая, распространяясь на счетъ прочихъ органовъ, становится какъ бы во враждебное отношеніе къ организму, будучи сама его частью. Въ этой болѣзни нѣтъ другого лѣкарства, какъ противодѣйствовать уродливому развитію, такому мятежническому поведенію кожи—возбужденіемъ жизни и дѣятельности въ прочихъ органахъ.

Эта дѣятельность въ народномъ организмѣ выражается дѣятельностью общества, или лучше сказать: общество есть ничто иное, какъ народный организмъ въ дѣятельномъ развитіи, ничто иное, какъ *самъ народъ*, въ его поступательномъ движеніи. Здѣсь уже не безсознательный процессъ народнаго сознанія и творчества, котораго примѣръ мы видѣли на народномъ языкѣ, не непосредственное бытіе и пребываніе въ немъ, а дѣятельность самого народа на второй ступени своего бытія, дѣятельность самосознанія. Личность, поглащаемая *въ народѣ*, существующая и дѣйствующая въ немъ не сама по себѣ, а какъ часть, атомъ народнаго организма, получаетъ вновь свое значеніе *въ обществѣ*, но съ тѣмъ, чтобы путемъ личнаго подвига и личнаго сознанія утвердить свою связь съ народомъ и возсоздать новую высшую, духовную цѣльность народнаго организма.

Если читатели припомнятъ или перечтутъ, сказанное нами выше, опредѣленіе общества, то оно, вѣроятно, не покажется имъ теперь непонятнымъ. Просимъ извиненія у читателей, если утомили ихъ вниманіе, и продолжаемъ.

И такъ мы имѣемъ: съ одной стороны—народъ въ его непосредственномъ бытіи, съ другой государство — какъ внѣшнее опредѣленіе народа, заимствующее свою силу отъ народа—и усиливающееся на его счетъ, при бездѣйствіи его внутренней жизни, при долговременномъ его пребываніи въ не-

посредственномъ бытіи; наконецъ, между государствомъ и народомъ — *общество,* т. е. тотъ же народъ, но въ высшемъ своемъ человѣческомъ значеніи, не пребывающій только въ извѣстныхъ началахъ своей народности, но сознающій ихъ, сознательно развивающій и обособляющій ихъ въ явленіяхъ, постоянно дѣйствующій и совершающій свой земной историческій подвигъ. Государство есть начало внѣшней дѣятельности внутренней, нравственной, умѣряющей дѣятельность внѣшнюю, полагающей ей нравственные предѣлы. При отсутствіи общества, при бездѣйствіи его, государственное начало, захватывая все шире и шире кругъ своей дѣятельности, внутри государства, можетъ наконецъ, какъ кора—сердцевину, сдавить и почти заглушить жизнь народа, находящагося на степени непосредственнаго бытія; народность, не вооруженная сознаніемъ, не всегда надежный оплотъ противъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Только *сознаніе* народныхъ началъ, только общество, служащее истиннымъ выраженіемъ народности, являющее высшую сознательную дѣятельность народнаго духа, можетъ спасти народъ и остановить—растущее внутрь государство.

Теперь посмотримъ поближе, что̀ такое общество.

Во 1-хъ, имѣетъ ли оно какую-либо политическую, внѣшнюю организацію? Никакой. Это не есть ни сословіе, ни цехъ, ни корпорація, ни кружокъ, ни какое-либо иное, условленное соединеніе людей. Это даже не собраніе, а совокупная дѣятельность живыхъ силъ, выдѣляемыхъ изъ себя народомъ, дѣятельность людей, которые вышли *изъ народа,* но не состоятъ уже подъ закономъ непосредственнаго быта, не поглощаются въ народѣ, а—напротивъ, дѣлаютъ непосредственное творчество народное и самый народъ предметомъ своего сознанія и дѣятельности, получая въ то же время отъ народа—жизнь, питаніе и силу. Разумѣется, мы говоримъ не про то, что̀ есть, а что̀ должно быть. Выдѣляться изъ народа, въ нравственномъ смыслѣ, даетъ право только образованіе, и притомъ не въ значеніи извѣстнаго количества познаній, и даже не въ значеніи одного умственнаго образованія, а въ значеніи личнаго духовнаго развитія вообще, такого развитія, которымъ нарушается однообразіе и безличность непосредственнаго народнаго бытія, но нарушается именно тѣмъ, что

духъ народа сознается и самое единство народное ощущается—яснѣе и живѣе. Такое развитіе есть расширеніе умственнаго взора, а потому самому — и усиленіе нравственнаго сочувствія къ народу. Тутъ не можетъ быть ни опредѣленнаго числа лицъ, ни патентовъ, ни другихъ примѣтъ на принадлежность къ обществу; оно образуется изъ людей всѣхъ сословій и состояній, — аристократовъ самыхъ кровныхъ и крестьянъ самой обыкновенной породы,—соединенныхъ извѣстнымъ общимъ уровнемъ образованія. Чѣмъ выше умственный и нравтвенный уровень, тѣмъ сильнѣе и общество.

Во 2-хъ, общество, какъ само собою разумѣется, не должно кристаллизироваться, костенѣть, мертвѣть, а должно постоянно освѣжаться, обновляться новымъ притокомъ силъ изъ народа, однимъ словомъ состоятъ къ нему въ такомъ же отношеніи, какъ дерево къ корню. Впрочемъ — объ аномаліяхъ въ этомъ отношеніи, объ уродливомъ развитіи общества, которое уже, въ такомъ случаѣ, есть какое-то не настоящее, а самозванное общество, мы будемъ говорить подробнѣе, когда коснемся Русскаго общества.

Въ 3-хъ, общество, разумѣется, существуетъ только тамъ, гдѣ есть цѣльное народное тѣло, цѣльный организмъ съ соотвѣтствующимъ ему цѣльнымъ органическимъ покровомъ, т. е. внѣшней, государственной формой. Встрѣчая общество во Франціи и Англіи, мы его не видимъ въ Германіи; т. е. оно существуетъ, какъ *Германское,* но лишено живой, реальной дѣйствительности, потому что Германскаго цѣльнаго народа не существуетъ, Германіи нѣтъ, какъ цѣлаго тѣла, а есть Баварія, Гессенъ-Гомбургъ, Гессенъ-Кассель, Рейсъ-Шлейсъ-Крейцъ-Лобенштейнъ и проч. Нѣмецъ можетъ обрѣсть единство Германскаго организма только въ области *отвлеченной,* въ Шиллерѣ, Кантѣ, Гёте, Гегелѣ. Вотъ почему у Нѣмцевъ нѣтъ въ языкѣ и выраженія, соотвѣтствующаго нашимъ словомъ: *общество, общественность, общественный;* вотъ почему въ Нѣмецкой литературѣ нѣтъ даже общественнаго романа, въ родѣ сочиненій Диккенса, Гоголя или Бальзака, потому что въ области дѣйствительности Германецъ превращается въ Гессенца, Мекленбургца, Баварца и проч. Вотъ почему также такое стремленіе въ Нѣмцахъ, подобно Италіи, сплотиться въ единую сильную

Германію, чтобы создать себѣ внѣшнюю форму, которая бы вполнѣ соотвѣтствовала цѣльности народнаго Германскаго организма, — вопреки всякимъ ученіямъ о преимуществѣ федераціи и о вредѣ крупныхъ государствъ...

Въ 4-хъ, сила общества, какъ явленія не политическаго, есть сила нравственная, сила „общественнаго мнѣнія". Орудіе дѣятельности общества — есть слово, и по преимуществу печатное слово, разумѣется, свободное. Напрасно воображаютъ нѣкоторые, что свобода слова, устнаго или печатнаго, есть *политическая* свобода. Послѣ этого, и свобода ѣсть, пить, спать, дышать воздухомъ, двигать руками и ногами, есть также политическая „прерогатива"! Между тѣмъ свобода слова, свободный обмѣнъ мыслей, чувствъ, мнѣній, необходимый для нравственной дѣятельности, относится точно также къ сторонѣ нравственной человѣка, какъ свобода спать, ѣсть — къ сторонѣ физической. Злоупотребленіе слова такъ же возможно, какъ и злоупотребленіе рукъ, но если бы въ предупрежденіе золъ, которыя можно учинить руками, связать всѣмъ людямъ руки за спину, то уничтожилась бы всякая возможность дѣятельности, слѣдовательно и существованія, какъ связываемыхъ, такъ и вяжущихъ.

Впрочемъ, какъ объ этомъ орудіи общественной дѣятельности, такъ и вообще о силѣ общественной, мы желаемъ поговорить пространнѣе, — а такъ какъ статья наша вышла и безъ того черезчуръ длинна, то мы отложимъ разсужденіе объ этомъ предметѣ до слѣдующаго №, равно какъ и соображенія наши о Русскомъ обществѣ въ особенности.

О томъ же.

Москва, 17-го марта.

Мы просимъ читателей припомнить все, что было нами сказано въ статьѣ 10 марта объ обществѣ, его значеніи, его мѣстѣ между народомъ и государствомъ. Мы говорили, что общество *не есть явленіе политическое,* что сила его есть *сила нравственная,* сила общественнаго мнѣнія, и что орудіе дѣятельности общества — есть *слово,* по преимуществу печатное и, разумѣется, свободное.

Мы идемъ далѣе. Мы рѣшаемся даже утверждать, что гдѣ нѣтъ дѣятельности слова, тамъ нѣтъ и общества (разумѣется, если отсутствіе таковой дѣятельности происходитъ не отъ внѣшнихъ, случайныхъ причинъ) — или иначе: въ исторіи позднѣйшихъ временъ, *безъ литературы* не мыслимо никакое общество. Постараемся доказать это. Дѣло въ томъ, что общество есть та среда, въ которой совершается сознательная, умственная дѣятельность народа, которая создается всѣми духовными силами народными, разрабатывающими народное самосознаніе. Другими словами: общество есть народъ на второй ступени своего развитія, народъ самосознающій. Но для того, чтобъ стать на эту ступень, чтобъ отъ непосредственности двинуться къ самосознанію, отъ безличности народнаго бытія перейти къ совокупной дѣятельности лицъ, возсоздающихъ новую высшую духовную цѣльность народнаго организма, — необходимо *образованіе*. Мы уже объяснили прежде, *что́* мы разумѣемъ подъ образованіемъ. Оно принимается нами не въ смыслѣ извѣстнаго количества познаній, не въ смыслѣ одного умственнаго образованія, а въ значеніи личнаго духовнаго развитія, такого развитія, при которомъ личность, поглощаемая до сихъ поръ въ народѣ и не существующая въ немъ *сама по себѣ*, — обрѣтаетъ себя вновь, ощущаетъ себя какъ *единицу* народную, разрѣшаетъ плѣнъ непосредственнаго бытія (подобно тому, какъ пускаемый зерномъ ростокъ пробиваетъ поверхность зерна), и получаетъ возможность постиженія мысли народной — личнымъ сознаніемъ. Это постиженіе народной мысли, народнаго непосредственнаго творчества, личнымъ сознаніемъ единицъ, народъ составляющихъ, есть уже народное самосознаніе, которое и совершается въ *обществѣ*. Слѣдовательно только образованіе, въ томъ значеніи, какъ мы его объяснили, полагаетъ начало народному самосознанію, или другими словами: только образованіе даетъ бытіе обществу. Поэтому-то общество необходимо предполагаетъ извѣстный общій уровень образованія, и чѣмъ выше уровень, тѣмъ сильнѣе и общество.

Но какъ опредѣлить этотъ уровень образованія? Какъ обозначить границу, гдѣ кончается непосредственность бытія и начинается дѣятельность народнаго самосознанія въ едини-

цахъ? Какъ указать ту ступень личнаго развитія, на которой дѣйствіе личнаго сознанія получаетъ значеніе народнаго самосознанія? Какъ опредѣлить — когда личная дѣятельность единицъ имѣетъ право назваться *общественною,* когда именно народныя единицы являются обществомъ? Какъ провести въ исторіи черту, откуда дѣятелемъ (факторомъ) исторіи становится общество?

Опредѣлить этотъ уровень и обозначить его предѣлы — нѣтъ никакъ возможности, да нѣтъ въ томъ и надобности. Область нравственнаго міра не терпитъ никакихъ внѣшнихъ рубрикъ и формулъ, никакихъ сигнатуръ и штемпелей, не поддается ни вѣсамъ, ни мѣрамъ, ни горнилу, и всѣ подобныя попытки были бы не только тщетны, но и положительно вредны для свободнаго проявленія его внутренней дѣятельности. Общество даетъ знать о своемъ существованіи тѣмъ, что оно существуетъ и дѣйствуетъ;—дѣятельность общественная—есть, сказали мы, дѣятельность народнаго самосознанія; дѣятельность народнаго самосознанія — выражаетъ себя въ *словѣ,* которое есть плоть сознанія, плоть человѣческой мысли; — стало-быть, выраженіе общественнаго сознанія есть общественное слово: слѣдовательно — только тамъ, гдѣ есть *общественное слово* — есть и общество, и наоборотъ — нѣтъ и общества тамъ, гдѣ нѣтъ общественнаго слова. Постоянная дѣятельность общественнаго слова есть то, что называется словесностью, или литературою.

Мы можемъ предположить себѣ весь народъ умѣющимъ читать и писать. Будетъ ли это общество? Нѣтъ; грамота есть только орудіе слова, но самой дѣятельности личной мысли — можетъ еще и не быть. Предположимъ, наоборотъ, простой народъ погруженнымъ въ невѣжество, — а надъ нимъ другіе верхніе классы, досужіе, отличающіеся отъ народа бытомъ, образомъ жизни и даже болѣе развитые. Составляютъ ли эти верхніе классы общество? Опять нѣтъ, если имъ недостаетъ дѣятельности мысли, если они заключены въ тѣсныхъ границахъ сословнаго быта, если они только *чувствуютъ* себя какъ народъ, въ силу своего естественнаго сродства съ остальными народными классами, а не *сознаютъ* себя какъ народъ, не разрабатываютъ народнаго самосознанія. — Ни рыцари Среднихъ вѣковъ, ни купцы въ Россіи, въ нашемъ XIX вѣкѣ

(мы говоримъ про большинство, а не про частныя явленія), не составляли и не составляютъ общества. Въ томъ-то и дѣло, въ томъ-то и сила, что общество создается не верхнимъ и не среднимъ сословіемъ, не мужиками и не дворянами, а создаютъ его только *образованные* люди, или, вѣрнѣе, люди *всѣхъ* сословій и состояній *безразлично,* — связанные между собою тѣмъ уровнемъ образованія, при которомъ становится возможною дѣятельность общественная, выражающаяся, въ наше время, въ литературѣ.

Само собою разумѣется, что чѣмъ больше живыхъ силъ, выдѣляемыхъ изъ себя народомъ, тѣмъ сильнѣе и дѣятельность общества, которая—идеально понимаемая — должна обхватить всю совокупность единицъ, народъ составляющихъ, не уничтожая черезъ это нисколько ни непосредственной силы народнаго творчества, ни цѣльности народнаго организма, — но возсоздавая (какъ мы уже сказали) его новую высшую духовную цѣльность. Чѣмъ больше образованныхъ людей въ какой-либо странѣ, тѣмъ скорѣе возникаетъ въ ней общество,—но опредѣлить потребное для того *число* образованныхъ людей также невозможно, какъ невозможно, при учисленіи долей вѣса, указать, гдѣ начинается тяжесть и кончается легковѣсность. Какъ скоро раздается общественное слово, какъ скоро оно является, какъ *власть имѣющее,* — мы познаемъ существованіе общества.

Не забудемъ также, что общество ни въ какой данный моментъ не можетъ назваться полнымъ выраженіемъ народнаго самосознанія. Оно есть *дѣятельность* народнаго самосознанія, оно есть само*сознаваніе,* которое, постоянно возрастая и усиливаясь, приближаетъ народъ въ его конечной цѣли, къ самосознанію.

Чтобы еще яснѣе выразить нашу мысль о значеніи *слова* вообще и *печатнаго слова* какъ общественной силы, обратимся къ исторіи. Въ Римѣ и Греціи было общественное слово, было и общество, которое и дало человѣчеству все, что̀ могъ дать ему міръ языческій; но Римъ и Греція находились въ другихъ условіяхъ, не существующихъ для міра новѣйшей эры. Возьмемъ Западную Европу, Германію, Францію, Англію. Можемъ ли мы признать въ нихъ существованіе общества въ первые тринадцать или четырнадцать,

или даже пятнадцать вѣковъ по Рождествѣ Христовомъ? Мы видимъ власть королевскую, правителей,—даже мудрыхъ, дѣятельность правительственную... Но это не общество. Дѣятельность государственная есть дѣятельность внѣшняго строенія, это не есть дѣятельность общественная, сознательная дѣятельность духа и мысли народной. Вообще можно сказать, что дѣятельность народовъ, въ первые четырнадцать или даже пятнадцать вѣковъ исторіи Европы, поглощается работою надъ внѣшнею формою, надъ внѣшнимъ опредѣленіемъ, которое давалъ себѣ каждый народъ. Тогда только и начинается возможность общественной дѣятельности, когда сложилась уже сколько-нибудь внѣшняя форма, — что̀, конечно, еще не значитъ, чтобы эта форма не могла впослѣдствіи видоизмѣняться. — И такъ, съ одной стороны мы видимъ, въ Средніе вѣка, въ Европѣ, — королей, герцоговъ, всякихъ властителей съ ихъ дружинами военными и гражданскими; мы видимъ начало государственное и его дѣятельность замѣняющими всякую другую жизнь въ общемъ организмѣ страны, — внѣ среды непосредственной жизни самого народа. Это не общество. — Съ другой стороны представляется намъ сословіе рыцарей, аристократическихъ владѣльцевъ, которыхъ вся жизнь и дѣятельность были чисто внѣшнія. Ихъ, конечно, никто не назоветъ *обществомъ;* никто не скажетъ, что они составляли тогда *общественное мнѣніе!* съ этимъ едвали кто станетъ спорить. Простой народъ, порабощенный и угнетенный, находился на самой низшей ступени безличнаго бытія; слѣдовательно объ немъ не можетъ быть и рѣчи. — Городскія общины жили жизнью замкнутою, поглощенною интересами преимущественно вещественными, и заботами объ огражденіи себя отъ всякихъ грубыхъ силъ, бродившихъ и еще не перебродившихъ тогда — въ организующихся государствахъ. Онѣ еще не составляли тогда общества, не предъявляли своего мнѣнія, какъ мнѣнія общественнаго. Замѣтимъ кстати, что при существованіи рѣзкаго раздѣленія сословій, бытового и юридическаго, съ великимъ трудомъ вырабатывается среда для совокупной умственной дѣятельности народныхъ единицъ, какъ общества. — Кромѣ названныхъ сословій, существовало въ Средніе вѣка единственное *образованное сословіе*—духовенство. Оно сберегало, безъ сомнѣнія, умствен-

ное наслѣдіе міра древняго для міра новаго; оно было хранителемъ того просвѣтительнаго начала, которое дало смыслъ, направленіе и характеръ всему просвѣщенію, всему духовному развитію, слѣдовательно всей послѣдующей дѣятельности общества на Западѣ, но это просвѣтительное начало являлось какъ данное извнѣ, усвоенное бытомъ, но не усвоенное народнымъ самосознаніемъ; оно, конечно, способно было возбудить и возбуждало дѣятельность народнаго духа, но еще не какъ *народное* сознаніе, а какъ дѣятельность человѣческаго духа вообще. Однимъ словомъ—ученые монахи и схоластики Среднихъ вѣковъ не были обществомъ. Была ли Сорбонна выраженіемъ общества? Нисколько. Даже университеты того времени устремляли всю свою дѣятельность на внѣшнее одолѣніе того готоваго матеріала просвѣщенія, который завѣщанъ былъ Римомъ и Греціей христіанскому міру, и были отрѣшены отъ дѣйствительной жизни. Безъ всякого сомнѣнія, на Западѣ, въ теченіе этого времени, подготовлялись всѣ матеріалы для будущаго зданія, всѣ внѣшнія орудія дѣятельности, расширялся кругъ познаній, личная мысль не дремала, но она являлась одиноко-личною, не общественною, и рѣзкая, неpріязненная раздѣленность сословій, какъ мы сказали, еще препятствовала сложиться той *средѣ*, которая потомъ явилась какъ общество, тому простору, въ которомъ бы оно могло дѣйствовать. Мы не пишемъ исторіи Западнаго общества. Мы предоставляемъ нашимъ читателямъ повѣрить нашу мысль и нашъ выводъ болѣе подробнымъ сопоставленіемъ фактовъ, но едвали они не согласятся съ нами, что общества на Западѣ не было до того времени, какъ изобрѣтеніе книгопечатанія дало возможность возникнуть дѣятельности *общественнаго слова*. Это не значитъ, что случайное изобрѣтеніе Гуттенберга, или кто бы ни былъ настоящій изобрѣтатель, породило общественную дѣятельность: наоборотъ: необходимость общественной дѣятельности, необходимость,—сознаніе которой было подготовлено одиноко-личною дѣятельностью ученыхъ, еще не составлявшихъ общества, но выражавшихъ собою стремленіе и требованіе народнаго духа,--вызвала изобрѣтеніе печати. Только съ того времени и возникаетъ литература въ собственномъ смыслѣ слова, литература, какъ выраженіе общественной жизни.

Печать есть единственная арена, гдѣ, при современномъ внѣшнемъ устройствѣ народнаго организма, можетъ раздаваться общественное слово. На площадяхъ Рима оно не нуждалось въ печати, ибо исчерпывалось вполнѣ въ совѣщаніяхъ, на форумѣ, въ рѣчахъ, въ публичныхъ преподаваніяхъ, въ письменной литературѣ, — ибо для Рима не было Римскаго народа внѣ Рима; — но исторія нашей эры создала иную формацію государствъ и призвала къ жизни самые *народы*. Никакіе парламенты, генеральные штаты, собранія государственныхъ чиновъ не выскажутъ настоящей мысли всенародной; они составляютъ меньшинство, по отношенію къ тому множеству, котораго думаютъ быть представителями и котораго мысль, со всѣмъ разнообразіемъ личной дѣятельности единицъ, составляющихъ это множество, никогда не можетъ быть вполнѣ передана необходимо-ограниченнымъ числомъ народныхъ представителей. Англійскій парламентъ не былъ бы тѣмъ, что̀ онъ есть, безъ Англійской прессы. При всемъ томъ, часто случается, что рѣшеніе народныхъ представительныхъ собраній на Западѣ не выражаетъ мнѣнія народа, находится въ противорѣчіи съ нимъ. — Выше народныхъ, ограниченныхъ въ числѣ и во времени и въ пространствѣ, представительныхъ собраній—стоитъ самъ народъ,—или общество, какъ тотъ же народъ, но самосознающій и развивающійся; верховный контроль надъ всѣми этими собраніями принадлежитъ обществу, общественному мнѣнію; — для него узка арена законодательныхъ или какихъ бы то ни было представительныхъ собраній; ему надо поле пошире, и такимъ вполнѣ соотвѣтственнымъ полемъ для общественнаго слова — есть печать.

Поэтому стѣсненіе печатнаго слова, когда явилась въ немъ потребность, когда, стало быть, въ народѣ возникло общество, — есть нарушеніе правильныхъ отправленій общественнаго организма, есть умерщвленіе жизни общества, и слѣдовательно — опасно для самого государства, допускающаго такое стѣсненіе. Какъ дерево можетъ существовать только до тѣхъ поръ, пока въ немъ есть жизнь сердцевины; какъ съ прекращеніемъ этой жизни, сохнетъ и каменѣетъ кора, — такъ и государство — когда уже разъ возникло общество, когда уже разъ совершилось это новое движеніе въ бытіи

народномъ,—можетъ существовать только до тѣхъ поръ, пока живетъ общество. Зерно способно долго сохраняться, какъ зерно, но если оно разъ начало жить, какъ дерево, въ корняхъ, стволѣ и листьяхъ, — дерево уже не можетъ быть лишено воздуха, свѣта, тепла, — иначе оно погибнетъ. Никакія въ мірѣ либеральныя учрежденія не замѣнятъ свободы общественнаго слова, никакія консервативныя охраны не замѣнятъ охранительной силы свободнаго слова (если только есть что̀ достойное охраненія), никакіе законы не имѣютъ прочности и живительнаго дѣйствія безъ помощи общественнаго сознанія, слѣдовательно безъ его дѣятельности и жизни въ свободномъ словѣ. Какъ противъ отолщенія кожи нѣтъ другого лѣкарства кромѣ возбужденія дѣятельности прочихъ органовъ,—такъ и государство, противъ его болѣзненнаго роста внутрь, можетъ спасти только общество съ своею свободою дѣятельности, свободою критики, свободою слова.

Общество не есть явленіе политическое, говорили мы не разъ, и дѣятельность его не должна быть политическою, въ смыслѣ дѣятельной, политически организованной власти. Въ противномъ случаѣ оно перестаетъ быть обществомъ, — и жизнь или находитъ себѣ другой, часто неправильный исходъ, или же уходитъ въ корни, или же совсѣмъ замираетъ. Воспользуемся приведеннымъ выше примѣромъ, чтобы пояснить нашу мысль. Вообразимъ себѣ, конечно не безъ усилія для воображенія, что желая остановить возрастающую толщину коры на деревѣ, желая спасти сердцевину, мы наставимъ перегородки внутри, между корой и сердцевиной. Что̀ выйдетъ? сердцевина еще болѣе стѣснится, объемъ ея простора уменьшится, ее будетъ давить перегородка, вгоняемая внутрь внѣшнимъ напоромъ коры. Дѣлать нечего—вы подпираете перегородку какой-нибудь новою подпоркою, и еще болѣе сжали сердцевину! Но и это не помогаетъ: новая подпорка не можетъ устоять противъ общаго давленія коры и перегородки; вамъ приходится утверждать подпорку новою подставкой, но опять безполезно,—и т. д. до безконечности, т. е. до того, что вы сами этими же огражденіями отъ болѣзненнаго роста коры — убьете сердцевину. Такъ и общество, ставя себѣ огражденія отъ болѣзненнаго роста государства — во внѣшнихъ учрежденіяхъ, основанныхъ на началѣ

государственном, т. е. политическомъ,—измѣняетъ характеру своей дѣятельности, стѣсняетъ само свою свободу, вноситъ начало принужденія въ свою собственную жизнь. Это начало будетъ тѣмъ тяжелѣе и болѣзненнѣе для общества, что оно не налагается извнѣ, внѣшнею, чужеродною силою, а исходитъ отъ самого общества. Общество въ такомъ случаѣ заражается болѣзнью государственности, убивающею его внутреннюю свободу, его общественную жизнь. Нѣтъ ничего опаснѣе и вреднѣе политическаго элемента, къ которому такъ влекутся наши публицисты. Мы говоримъ здѣсь не о критикѣ явленій политическаго міра, которая есть неотъемлемое право общества, но о политическомъ элементѣ, какъ началѣ внѣшняго принужденія, внѣшней условной правды, внѣшней *организаціи*, какой бы формы послѣдняя ни была. Такъ, напримѣръ, Америка, по замѣчанію К. С. Аксакова, можно сказать, отравилась духомъ государственности, который, внѣдрившись тамъ въ душу и плоть человѣка, обратилъ каждаго человѣка въ квартальнаго самого себя, заглушая полицейскимъ принципомъ принципъ совѣсти. — Государство и государственное начало должны быть отвлечены отъ жизни народа и общества на поверхность, и оставаться въ тѣхъ скромныхъ предѣлахъ, какіе полагаетъ имъ духовная и нравственная дѣятельность самого общества.

Впрочемъ болѣе подробное разсмотрѣніе отношенія общества къ государству и государства къ обществу, а равно и того, что̀ должно разумѣть подъ самоуправленіемъ общественнымъ, что̀ такое партіи, охранительныя и прогрессивныя начала, въ какихъ отношеніяхъ находится начало сословности къ обществу, и какъ все это отражалось въ Русской исторіи и отражается въ современной нашей общественной жизни,—мы отлагаемъ до слѣдующаго раза...

О томъ же.

Москва, 24-го марта.

Мы обѣщали въ послѣдній разъ разсмотрѣть подробнѣе взаимныя отношенія общества и государства. Просимъ читателей не забывать, что, по нашему опредѣленію, ни про-

стой народъ, ни верхнія сословія, ни государство съ своими чиновниками, отдѣльно взятыя, не составляютъ общества, и наоборотъ — общество не есть ни сословіе, ни цехъ, ни корпорація, ни *государственный политическій органъ*. Напротивъ, всякая попытка организовать *общество* политически противорѣчила бы самому существу общества, убила бы внутреннюю свободу его развитія, внесла бы въ стихію его духовной дѣятельности начало *внѣшняго принужденія*. При всемъ томъ, общество такое имѣетъ значеніе въ организмѣ народа, граждански живущаго, что безъ него безсиленъ народъ и несостоятельно государство. Сословія могутъ мѣняться и исчезать, дворянство можетъ быть и *не быть*, — общество само отъ того нисколько не уничтожается, ибо его сила не въ томъ или другомъ *сословіи*, а въ суммѣ образованія всѣхъ сословій. Но тамъ, гдѣ *нѣтъ* общества, тамъ народъ лишенъ возможности дѣятельнаго поступательнаго движенія, дѣятельной, активной силы; онъ беззащитенъ противъ государства и можетъ противопоставить ему только силу пассивную, силу въ охраненіи, въ сбереженіи своихъ началъ, существенныхъ элементовъ своей народности. Если, при отсутствіи или бездѣйствіи общества, эта пассивная непосредственная сила переходитъ въ активную, какъ это случалось въ исторіи, то она является всегда внѣшнею силою, иногда благодѣтельною, иногда гибельною, но никогда ничего прочно не созидающею. Такого рода разливъ народной силы, такая внѣшняя дѣятельность народа есть явленіе само по себѣ анормальное. Оно никогда не бываетъ продолжительнымъ, и только крайняя историческая необходимость, послѣ долгаго сопротивленія со стороны самого народа, способна вызвать его къ такой несвойственной ему дѣятельности. Но если, въ обезпеченіе народу, не возникаетъ дѣятельность общественная, какъ дѣятельность народнаго самосознанія, то такой разливъ силы нисколько не уберегаетъ народъ отъ новыхъ посягательствъ государства на его жизнь и самостоятельное развитіе. Даже наше разумное народное движеніе въ 1612 году не только не слабило значенія государственной стихіи въ Россіи, но напротивъ, — послѣ того, какъ народъ, посадивъ на престолъ Михаила, удалился, вошелъ въ

берега,—государство стало рости, и выросло до ужасающихъ размѣровъ...

Въ Англіи съ XIII вѣка была и конституція, и парламентъ, и независимое *политическое* сословіе (въ которое нѣкоторымъ нашимъ публицистамъ такъ хочется пожаловать Россійское дворянство!),—была и революція 1649 года: однакожъ, начало Англійской свободы считается съ революціи 1688 года, съ той революціи, которая не пролила почти ни капли крови, и которая была скорѣе общественнымъ движеніемъ, чѣмъ народною революціею въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Въ самомъ дѣлѣ, не перемѣна династіи Стюартовъ на Оранскую, не перемѣна законовъ (никакіе органическіе законы не были измѣнены), не созданіе аристократіи (она была и прежде) дали силу парламенту, конституціи и всѣмъ прежнимъ формамъ, и положили начало истинной свободѣ,—а нравственное усиленіе *общества*, общественное *самосознаніе*, выразившееся въ знаменитомъ актѣ „декларація правъ" (Declaration of Right), какъ о томъ свидѣтельствуетъ и Маколей, и потомъ изданіе закона о свободѣ печати.

Съ другой стороны, тамъ, гдѣ нѣтъ общества, государство, рано или поздно, оказывается несостоятельнымъ. Оно ощущаетъ, для своихъ дѣйствій, потребность въ *сознательной* опорѣ народной, которой не можетъ дать народъ, находящійся на ступени непосредственнаго бытія;—потребность въ повѣркѣ и критикѣ, въ томъ разумѣ народномъ, который выражается въ постоянной дѣятельности общественной, а не въ одномъ представительномъ собраніи. Пояснимъ это тѣмъ же вышеприведеннымъ примѣромъ. Составъ парламента внѣшній — былъ въ Англіи, съ немногими измѣненіями, тотъ же въ XIV вѣкѣ, что̀ и въ XVII, — но дѣятельность государственной власти, вслѣдствіе слабости, вслѣдствіе неприготовленности общества, была несравненно сильнѣе, почти захватила среду, теперь предоставленную дѣятельности общественной, и, оказавшись несостоятельною, вызвала переворотъ 1688 года. Стало быть — представительное собраніе само по себѣ еще не замѣняетъ общества ни для народа, ни для государства, еще неспособно, *само по себѣ*, сдержать разливъ государственной стихіи: была даже опасность въ Ан-

глійской исторіи, по замѣчанію Маколея, чтобы самъ парламентъ не обратился въ деспотическое правительство. Истинные предѣлы государственной власти положены были въ Англіи не парламентомъ, а обществомъ.

Далѣе: есть цѣлая область отношеній, на которую не можетъ простираться чисто внѣшняя, формулированная, ограниченная въ своихъ средствахъ, дѣятельность государственная, — такая область, куда, какъ мы сказали однажды, не въ силахъ достать сверху, распоряженіемъ, никакая самая отважная благонамѣренность начальства: есть многочисленныя явленія духа, которыя не могутъ быть вызваны на свѣтъ Божій указомъ и которыя не терпятъ никакой, извнѣ налагаемой, формулы. Между тѣмъ участіе такихъ явленій, жизненная дѣятельность такихъ отношеній необходимы въ общей государственной жизни, и если общества нѣтъ, если оно бездѣйствуетъ, если оно задавлено, — правительству приходится разыгрывать роль самой жизни, исправлять должность самой органической силы. Мы уже достаточно показали въ статьѣ 21 № *), что всѣ подобныя попытки со стороны правительства производятъ только одно *подобіе* жизни, дѣятельности, силы, обременяя дѣйствительную жизнь новыми оковами и тяжеловѣсною ложью; мы объяснили это примѣромъ казенныхъ миссіонеровъ и многими другими. Мало этого, — тамъ, гдѣ само общество безсильно или его нѣтъ вовсе, правительство нерѣдко создаетъ *подобіе самого общества*, точно такъ же какъ и *подобіе свободы, подобіе независимости отъ правительства*, подобіе вольной общественной дѣятельности, однимъ словомъ — старается обзавестись обществомъ. Разумѣется, всѣ такія старанія тщетны, потому что правительство въ такихъ случаяхъ пытается, въ то же время, дать *направленіе* общественному развитію, создать общество въ *извѣстномъ* духѣ и на *извѣстныхъ* началахъ, согласно съ *своими* цѣлями. Большею частью выходитъ такъ, что создаваемое правительствомъ общество, лишенное внутреннихъ залоговъ самостоятельной жизни и положительной дѣятельности, обрѣтаетъ себѣ жизнь и дѣятельность въ *отрицаніи* себя самого и создавшаго его правительства, — но объ этомъ мы поговоримъ подробнѣе въ

*) Отъ 3 марта, см. выше.

своемъ мѣстѣ. Мы хотѣли здѣсь только заявить, что тамъ, гдѣ общества нѣтъ, или гдѣ оно подавлено, правительство ожидаетъ неминуемая несостоятельность, хотя бы оно было окружено всевозможными политическими сословіями и учрежденіями. Какъ мало значатъ послѣднія, видимъ мы примѣры въ нашей собственной исторіи. Такъ, назначивъ въ уѣздные суды представителей отъ крестьянъ (сельскихъ засѣдателей), заставивши ихъ возсѣдать рядомъ съ представителями аристократіи, — простыхъ мужиковъ съ потомками Рюрика, — Екатерина II могла, пожалуй, предъ всей Европой похвастаться такой либеральной мѣрой, которой ничего подобнаго не представляетъ сама свободная Англія,—но этотъ либерализмъ не прибавилъ ни на волосъ ни свободы народной, ни правды въ судахъ, — и служитъ только яркимъ доказательствомъ—что сила и свобода даются не одними учрежденіями!

Итакъ, все сказанное нами приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Никакія учрежденія, какъ бы свободны они ни были, никакія представительства, никакія *политическія сословія*, никакія аристократіи и демократіи—не могутъ замѣнить *общества* и своею дѣятельностью восполнить недостатокъ дѣятельности *общественной;* отсутствіе общественной дѣятельности или бездѣйствіе общественной жизни, какъ жизни народнаго самосознанія, — дѣлаетъ народъ безсильнымъ и беззащитнымъ, а государство несостоятельнымъ,—хотя бы и существовали политическія сословія и даже представительныя учрежденія. Слѣдовательно, безъ общества — всѣ эти политическія обезпеченія силы и свободы служатъ ненадежною опорою государства и слабой гарантіей для народа: слѣдовательно — истинное обезпеченіе силы и свободы лежитъ въ существованіи общества въ общественной силѣ и въ общественной дѣятельности. Другими словами: *внѣ* нравственной, неполитической силы того неполитическаго явленія, которое мы называемъ обществомъ — безсильна сила политическихъ учрежденій; *внѣ* свободы нравственной, неполитической, внѣ свободы духовной общественной жизни—нѣтъ истинной свободы, ничтожна всякая политическая свобода.—Итакъ какъ государство, государственныя формы создаются народомъ ранѣе общества, ранѣе, чѣмъ начинается дѣятельность народнаго

самосознанія,—то подтвержденіе нашихъ словъ читатели могутъ найти въ исторіи любого изъ Западныхъ государствъ и даже нашего Русскаго.

Теперь же мы попросимъ читателей припомнить статью одного изъ нашихъ публицистовъ, который полагаетъ спасеніе Россіи въ заведеніи сословій, — *политическаго дворянства* и *средняго сословія*, а также—въ организаціи *партій*. Очевидно, что онъ самъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что̀ такое общество и откуда берется эта сила, которую нельзя ни осязать, ни уловить въ юридическую формулу; очевидно, что онъ искалъ ее въ сословіяхъ и партіяхъ и, спутывая всѣ понятія, хотѣлъ — между народомъ и государствомъ создать, государственнымъ жезломъ, жизнь общественную и политическое сословіе *съ обязанностью жизни и творчества!* Въ этомъ сказалось, между прочимъ, не только раболѣпное умственное отношеніе къ историческому ходу Европейскаго развитія, но — чисто внѣшнее знакомство съ этой исторіей, или просто—неразумѣніе внутренней органической жизни Европейскихъ государствъ. Впрочемъ, чего же можно и требовать отъ того наивнаго публициста, который явленія нашей Русской исторіи понимаетъ только сквозь призму непонимаемыхъ имъ явленій Западной исторіи, и помирился съ нашею табелью о рангахъ не прежде, какъ назвавши прапорщика noblesse d'épée, а коллежскаго ассессора—noblesse de robe!

Всѣ эти сословныя дѣленія, всѣ эти силы: аристократія и демократія, теряютъ значительную долю своей важности, какъ скоро взглянемъ на нихъ съ точки зрѣнія, предлагаемой нами читателямъ. Мы поймемъ необходимость иной опоры и найдемъ ее — не въ политической только дѣятельности, не въ томъ или другомъ сословіи, а въ обществѣ, съ его общественною дѣятельностью и силою общественнаго мнѣнія, — обществѣ, образующемся независимо отъ всякихъ сословій. Напротивъ того, рѣзко раздѣленное существованіе сословій только препятствуетъ свободному образованію той среды, въ которой совершается общественная дѣятельность; мы видимъ изъ исторіи, что общество вездѣ возникаетъ и развивается, такъ сказать, *вопреки* сословности, *несмотря* на нее, побарая постепенно препятствія, полагаемыя его дѣятельности

всякими юридическими перегородками, сглаживая и уравнивая сословія своею побѣдоносною силой! Чѣмъ меньше сословій, чѣмъ меньше перегородокъ, раздѣляющихъ людей между собою, тѣмъ легче ихъ соединеніе, тѣмъ возможнѣе дружная дѣятельность единицъ. Слѣдовательно, не создавать вновь, а уничтожать, по возможности, все разъединяющее — вотъ къ чему мы должны стремиться, чтобы усилить общество, его значеніе, его силу — единую могучую, нравственную, человѣческую силу, вполнѣ достойную человѣческихъ обществъ, силу, безъ которой ничтожна сила политическихъ учрежденій и не свободна политическая свобода.

Общество по существу своему имѣетъ всегда характеръ прогрессивный; мы сказали, опредѣляя общество, что оно есть народъ въ его поступательномъ, т. е. прогрессивномъ движеніи. Просимъ, однако же, читателей не понимать этого выраженія въ томъ пошломъ смыслѣ, который прилагается у насъ словамъ: прогрессъ, прогрессивность, консерватизмъ, прогрессивныя и охранительтельныя начала. Всѣ эти понятія, заимствованныя цѣликомъ изъ области условной политической дѣятельности Запада и безъ толку примѣняемыя къ нашей общественной жизни, ровно ничего у насъ не выражаютъ, хотя и пользуются большимъ почетомъ со стороны нѣкоторыхъ нашихъ публицистовъ. Что̀ такое прогрессивное, что̀ такое консервативное начала, разграничить которыя такъ хочется одному Русскому писателю, — разграничить, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разсортировать людей на двѣ половины, повѣсивъ надъ каждой вывѣску: партія прогрессивная, партія охранительная? По крайней мѣрѣ въ отношеніи къ обществу и къ дѣятельности чисто общественной, — подобный полицейскій распорядокъ рѣшительно неумѣстенъ.

Зерно пускаетъ стебель, стебель пробиваетъ землю, превращается въ стволъ, въ дерево съ вѣтвями и листьями. Какъ назвать это развитіе зерна, этотъ ростъ стебля? Прогрессомъ? Но вы чувствуете, что это названіе не соотвѣтствуетъ дѣлу. Смотанный клубокъ разматывается длинною нитью... Эта разматываемая нить прогрессъ или нѣтъ? гдѣ искать тутъ охранительнаго начала? Точно то же и въ обществѣ. Развитіе народныхъ началъ, дѣятельность народнаго самосознанія — это жизнь зерна, это разматываемая нить

клубка народной непосредственной силы. Нельзя назвать это консерватизмомъ, потому что тутъ есть поступательное движеніе; нельзя назвать и прогрессомъ, потому что у насъ подъ „прогрессомъ“ разумѣется не сама жизнь, не развитіе свободное и естественное, не логическій выводъ изъ послѣдующаго, — а неизвѣстно что̀, какая-то гоньба за всякою новизною, извѣстіе о которой привезено съ послѣднею заграничною почтой.

Нельзя сказать: я состою по части охранительныхъ началъ, а я по части прогресса, — потому нельзя, что вся задача общества есть именно жизнь, движеніе, сознаніе *основныхъ* народныхъ началъ, слѣдовательно *прогрессъ* такъ-называемыхъ „охранительныхъ“ началъ. Такихъ штемпелеванныхъ основныхъ началъ, которыя бы не способны были къ *жизни*, къ развитію, не допускали бы *прогресса* въ своемъ практическомъ осуществленіи, не имѣется; точно такъ же, какъ и прогрессъ, какъ скоро онъ является извнѣ, не въ видѣ органическаго продукта или развитія, а готоваго результата чужой жизни и исторіи, — безобразенъ и не живучъ. Это все равно, что̀ назвать позолоченыя деревянныя яблоки, подвязанныя къ вѣтвямъ ели — прогрессомъ ели! Мы хотѣли бы спросить нашихъ публицистовъ, которые заботятся объ образованіи этихъ двухъ партій и заранѣе тѣшатся ихъ взаимной игрой, что̀ собственно они разумѣютъ подъ охранительными началами? Если они скажутъ: начала народности, то тутъ и представляется вопросъ: какія именно начала признаютъ они народными? Напримѣръ, начало общинное, которое всегда отвергалось однимъ изъ поклонниковъ мнимаго консерватизма, народное или нѣтъ? Такимъ образомъ возникаетъ споръ о самихъ началахъ. Но положимъ, что онъ рѣшенъ; тогда придется спросить: въ какихъ отношеніяхъ состоитъ *существующій порядокъ* къ народнымъ началамъ? Если бы, по повѣркѣ, оказалось, что существующій порядокъ противорѣчитъ народнымъ началамъ, такъ защитники существующаго порядка, вездѣ и всегда именуемые *консерваторами*, явились бы врагами „охранительныхъ“, т. е. консервативныхъ началъ, т. е. „прогрессистами“, а защитники консервативныхъ началъ, — врагами, разрушителями существующаго порядка. Но тогда роли партій до такой степени перемѣ-

шаются, что и сами публицисты не доберутся въ нихъ никакого толка. Очевидно, что всѣ эти слова лишены у насъ всякаго значенія и, перенесенныя на Русскую почву, способствуютъ только къ затемненію, къ большей путаницѣ понятій, которою и безъ того страждетъ наше общество.

По нашему мнѣнію, консервативно только то, что̀ народно, т. е. что̀ дѣйствительно живетъ и способно къ жизни, и только то, что̀ народно (и потому консервативно), — только то и прогрессивно. Слѣдовательно, вопросъ не въ томъ, что̀ принадлежитъ къ вѣдомству охранительному, что̀ — къ прогрессивному, а въ томъ, что̀ народно и что̀ не народно. Не потому долженъ являться человѣкъ послѣдователемъ извѣстнаго начала, что оно охранительно или прогрессивно, а потому единственно, что признаетъ его за единое истинное и живое. Если же оно истинно, то оно и охранительно, и способно къ прогрессу, и противорѣчія между этими словами нѣтъ. Повторяемъ: нельзя не пожелать, чтобъ эта рутина, — чтобъ эти пошлыя понятія — охранительныя начала, консерватизмъ и прогрессъ, въ томъ смыслѣ, какъ они употребляются у насъ въ Россіи, были изгнаны изъ нашей литературы, какъ рѣшительно ничего не выражающія и только сбивающія съ толку, призракомъ какого-то смысла, нашу читающую публику.

И такъ, общество, правильно организовавшееся, есть среда, въ которой совершается дѣятельность народнаго самосознанія, развитіе и жизнь народныхъ началъ. О консерватизмѣ и прогрессѣ не можетъ быть тутъ и рѣчи, потому что развитіе, чуждое основнымъ началамъ народности, не есть прогрессъ, а искаженіе общественной дѣятельности, разстройство органическихъ отправленій, уродство, болѣзненное состояніе, которое излѣчивается только возвращеніемъ къ народнымъ началамъ. Это возвращеніе разумѣется не въ смыслѣ консерватизма, а въ смыслѣ возстановленія правильнаго кровообращенія, правильнаго развитія, въ смыслѣ возвращенія къ живой истинѣ, — хотя бы это возвращеніе и разрушило дорогой для „консерваторовъ“ существующій порядокъ!

Конечно, такова дѣятельность общества, разсматриваемаго какъ цѣлое; но, состоя изъ единицъ, оно представляетъ такое же разнообразіе частной дѣятельности, какое существуетъ

и между единицами. Естественно, что образуются группы единицъ, сходныхъ въ стремленіяхъ и воззрѣніяхъ, образуются свободно и свободно же уничтожаются, сливаются съ другими или разбиваются на мельчайшія группы. Но эти группы нисколько не *партіи,* какъ ошибочно думаютъ нѣкоторые, перенося готовое опредѣленное понятіе изъ Западной политической жизни на нашу общественную почву. Мы сейчасъ объяснимъ это примѣромъ.

„Combien êtes - vous? сколько васъ?" спросилъ однажды — давно уже тому назадъ — членъ бывшей Французской палаты депутатовъ одного изъ такъ-называемыхъ славянофиловъ, съ таинственнымъ видомъ наклонившись къ нему на ухо. Дѣло было въ Москвѣ, на какомъ-то раутѣ. Французъ-депутатъ вздумалъ посѣтить Москву, и, познакомившись съ тѣми, кого литература только-что окрестила прозваніемъ славянофиловъ, былъ озадаченъ оригинальностью и дерзостью ихъ воззрѣній. Впрочемъ, дерзкими они казались гораздо болѣе тогдашнему Русскому обществу, чѣмъ иностранцу, искавшему въ Россіи самобытныхъ проявленій Русской мысли и Русскаго духа. „Combien nous sommes, сколько насъ?" отвѣчалъ славянофилъ и разсмѣялся. Онъ живо вообразилъ себѣ, какъ должно было сложиться и сложилось въ головѣ Француза представленіе о славянофилахъ. Французъ не могъ ихъ понять иначе, какъ *партіей,* а партію измѣрялъ, разумѣется, числомъ лицъ, партію составляющихъ.— „Насъ три, четыре, пять человѣкъ, да и то не во всемъ согласныхъ: вы были свидѣтелями нашихъ споровъ", продолжалъ славянофилъ и попробовалъ было объяснить изумленному Французу, что *партіи* славянофильской нѣтъ и быть не должно (никогда и не было — прибавимъ мы), попробовалъ, да и оставилъ. Это было выше Французскаго пониманія.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое *партія?* Партія въ томъ смыслѣ, какъ она понимается на Западѣ, есть союзъ людей, не просто *согласныхъ* между собою въ своихъ убѣжденіяхъ, но *согласившихъ,* сладившихъ, „скомпоновавшихъ" свои дѣйствія для достиженія извѣстной опредѣленной цѣли. Партія предполагаетъ непремѣнно вождя и условный планъ дѣйствій; въ искреннемъ внутреннемъ согласіи членовъ партіи, даже ратующей за какой-либо принципъ, вовсе нѣтъ надобности:

нужно только одно *внѣшнее* согласіе, признаніе всѣми — общаго способа дѣйствованія; достаточно условиться чисто внѣшнимъ образомъ — какъ поступать, какъ достигать предположенной цѣли. Очень можетъ случиться, что всѣ члены партіи одушевлены однимъ убѣжденіемъ, но самое *понятіе* о партіи не предъявляетъ такого нравственнаго требованія. Она полагаетъ свою силу, какъ партія, не во внутреннемъ содержаніи своего лозунга, а въ его *соединительномъ внѣшнемъ* значеніи, не въ истинѣ своего принципа, а въ своей численности. На Западѣ это вполнѣ объясняется характеромъ политическихъ учрежденій, гдѣ истина познается по чисто внѣшнему признаку, т. е. по большинству шаровъ при баллотировкѣ: слѣдовательно количество голосовъ, которыми располагаетъ партія, и ихъ дружное дѣйствіе при парламентскихъ маневрахъ — обусловливаютъ успѣхъ и торжество партіи. Такъ и у насъ, напримѣръ, на дворянскихъ выборахъ, ищущій званія предводителя набираетъ себѣ *партію*, потчуя дворянъ шампанскимъ и кулебякою.

Однимъ словомъ, партія есть явленіе Западной политической жизни и предполагаетъ: или чисто внѣшнюю цѣль — напримѣръ, успѣхъ лица въ достиженіи извѣстнаго званія,— или же, имѣя своимъ знаменемъ какой-либо нравственный или политическій принципъ — способъ дѣйствія условленный и внѣшній. Очевидно, что нельзя примѣнить названіе партіи, напримѣръ къ миссіонерству, къ вѣрѣ; никто не скажетъ „партія христіанъ“, если дѣло идетъ о внутреннемъ отношеніи христіанъ къ ихъ вѣрѣ, и т. п.

Условность, неразрывно связанная съ идеею партіи, конечно, стѣсняетъ внутреннюю личную свободу лицъ, къ партіи принадлежащихъ, и нѣсколько оскорбительна для самаго убѣжденія, дѣлая его искренность какъ бы ненужною, относясь къ нему со стороны внѣшней. Такихъ партій не должно существовать *внѣ* сферы политической, въ обществѣ, да и не существуетъ, по крайней мѣрѣ у насъ, въ Россіи. Не посредствомъ партій и ихъ столкновенія совершается дѣятельность народнаго самосознанія. То, что у насъ называется ложно *партіями*, можетъ называться *направленіями*, или даже школами, ученіями, но никакъ не партіями. Направленіе, свободно разрабатываясь, можетъ видоизмѣняться

въ безчисленныхъ оттѣнкахъ, жить своею внутреннею жизнью, приниматься другими не вполнѣ, а отчасти; оно не предполагаетъ никакой условности, не обязательно ни для кого, а требуетъ только искренности отъ человѣка, становится его самостоятельнымъ убѣжденіемъ, его личною жизнью. Поэтому на вопросъ, недавно возбужденный въ нашей литературѣ — къ какой кто принадлежитъ *партіи*, мы отвѣчали бы, что къ партіи мы не принадлежимъ никакой, но принадлежимъ къ извѣстному *направленію*.

Такимъ образомъ, мы, кажется, довольно полно и обстоятельно опредѣлили: что̀ такое народъ, государство и общество, какое значеніе имѣетъ послѣднее въ общей дѣятельности народнаго организма, въ какихъ отношеніяхъ состоитъ оно къ народу, къ государству, къ сословіямъ, въ чемъ заключается общественная дѣятельность, въ чемъ ея выраженіе, что̀ такое общественная сила и какое ея орудіе; мы объяснили, что общество не есть явленіе политическое и чуждо всякаго политическаго элемента, всякаго начала условности, внѣшняго принужденія и внѣшней организаціи; мы указали на нѣкоторыя понятія, которыя многими изъ нашихъ публицистовъ ошибочно прилагаются къ обществу, и старались, по возможности, очертить какъ характеръ, такъ и самый путь общественнаго развитія. Не знаемъ, рѣшили ли мы эту задачу удовлетворительно для читателя, но мы во всякомъ случаѣ обязаны выполнить дальнѣйшую нашу программу.

Говоря объ обществѣ, объ отношеніи его къ сословіямъ, объ его чисто нравственной дѣятельности,—мы предполагали, стало быть, существованіе сословій, цѣлый рядъ особенныхъ отношеній между ними и государствомъ, цѣлую область дѣятельности, не подходящей подъ наше опредѣленіе дѣятельности общественной, и которую, однако же, мы не называемъ и государственною? Дѣйствительно, мы это предполагали: сюда относится самоуправленіе, мѣстная жизнь, участіе въ политическихъ дѣлахъ государства и своей мѣстности, и т. п. Какое имя всей области этихъ отношеній? Мы не въ правѣ назвать ее *государствомъ*, потому что она можетъ быть и чужда элемента государственности, напримѣръ жизнь общинъ; не можемъ назвать ее только *народною*, потому что

этому слову придается смыслъ совершенно особый: или смыслъ простонародности, или же такое широкое значеніе, которое объемлетъ собою и государство, и простой народъ, и сословія; мы не назовемъ ее *общественною*, потому что дали этому слову особое опредѣленіе. На Русскомъ языкѣ существуетъ слово: *земля, земство, земщина, земскій*, которымъ можетъ назваться вся внѣшняя гражданская жизнь народа, безъ различія сословій, въ противоположность правительству и правительственной средѣ. Мы не употребимъ, напримѣръ, выраженія: общественная дружина, общественная рать, но скажемъ: *земская* дружина, *земская* рать, *земская* повинность, *земская* полиція, *земское* управленіе.

Объ этой-то земщинѣ или земской стихіи, представляющей обратную сторону общества, какъ мы его понимаемъ, поговоримъ мы въ слѣдующій разъ и для большей ясности обратимся прямо къ Русской исторіи.

О благотворительности по Русскому народному понятію.

Москва, 10-го сентября.

Практикъ Іуда,—какъ гласитъ Евангельское сказаніе, съ такою властью живущее и такъ неослабно благоухающее въ душевной памяти каждаго, кто бы онъ ни былъ, если только читалъ онъ Евангеліе, — практикъ и политико-экономъ Іуда, видя святой порывъ Маріи, съ стремительностью женскаго сердца отдавшейся любви къ Божественной Истинѣ и расточительно изливавшей дорогое муро на ноги Учителя, — сдѣлалъ замѣчаніе совершенно практическаго и политико-экономическаго свойства. Онъ выразилъ мнѣніе, повидимому вполнѣ справедливое, что подобная трата многозначительной цѣнности вовсе не производительна; онъ основательно доказалъ, что муро, будучи проданнымъ, дало бы столько-то барыша, принесло бы такую-то сумму, которая могла бы быть съ немалою пользою употреблена на нищихъ. Кажется, чѣмъ же неправъ былъ Іуда Искаріотъ (въ душу котораго, вспомнимъ, еще не входилъ тогда умыселъ предательства), Искаріотъ, напоминавшій о бѣдныхъ, противопоставлявшій

неосмотрительнымъ движеніямъ умиленнаго сердца — логическіе выводы разсудка, и безразсчетной благости—соображенія пользы и практической благотворительности?... Христосъ, однако, не отвергъ приношеній Маріи, не отнялъ у нея свободы въ выраженіяхъ вѣры и радости,—и, повидимому, безцѣльная, безразсудная расточительность чистой, святой, пламенѣющей любви, тѣснимая отовсюду разсчетами житейской мудрости, нашла себѣ убѣжище у ногъ Христа, подъ покровомъ Его милосердія...

Намъ часто приходитъ на памятъ этотъ практицизмъ Іуды въ наше практическое время. Нельзя не поразиться сходствомъ вышеприведенныхъ соображеній павшаго апостола съ ученіемъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ политико-экономовъ, которые всѣ нравственныя побужденія человѣка переводятъ на языкъ математическихъ формулъ, всякое добро опредѣляютъ вѣсомъ и мѣрой, не признаютъ никакого другого двигателя въ человѣчествѣ, кромѣ выгоды, и подчиняютъ (въ теоріи) этому кумиру всѣ произволенія нравственной природы человѣка. По доктринѣ Мальтуса, Смита и другихъ, выходитъ, что не благоустроенное хозяйство существуетъ ради человѣка, а наоборотъ: человѣкъ, со всѣми своими нравственными запросами, приносится въ жертву отвлеченному принципу и имѣетъ значеніе только какъ рабочая сила, какъ часть благоустроеннаго механизма. Такъ они постоянно глумятся надъ гостепріимствомъ, считая его принадлежностью необразованныхъ обществъ (поэтому, логически, высшій цвѣтъ образованія будетъ состоять въ томъ, чтобы не дать голодному даромъ ни куска хлѣба), такъ они не въ состояніи понять начала братства, выражающіяся въ Русской поземельной общинѣ, такъ они — въ заботахъ объ улучшеніи матеріальныхъ благъ человѣческихъ—предлагаютъ мѣры, которыя низводятъ людей на степень животныхъ породъ и попираютъ всѣ требованія, враждебныя человѣческой совѣсти. Оговоримся кстати, что мы допускаемъ вполнѣ значеніе политической экономіи, какъ науки о законахъ хозяйства общественнаго, но мы отвергаемъ ея гордыя притязанія подчинить себѣ нравственное начало въ человѣчествѣ, и полагаемъ, что, напротивъ, политическая экономія должна находиться къ нему въ подчиненномъ отношеніи.

Возвратимся къ Іудѣ. Не правда ли, читатель, что самыя слова его будто слышаны вами вчера или сегодня: до такой степени они напоминаютъ тѣ разсужденія, тѣ доводы денежной мудрости, которыми такъ любятъ щеголять наши бойкіе прогрессисты. Мы бы не обратили никакого вниманія на ихъ праздные толки, если бы только эти господа болѣе уважали свободу жизни и не оказывали слишкомъ сильнаго сочувствія къ теоріи просвѣщеннаго деспотизма. Такъ напримѣръ, мы еще недавно читали въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ жестокія осужденія народному Московскому обычаю подавать обильную милостыню арестантамъ, пересылаемымъ, посредствомъ этапа, по Владимірской дорогѣ или, какъ выражается народъ, по *Сибиркѣ*. Авторъ статьи, съ благороднымъ негодованіемъ раскрывая совершающіяся злоупотребленія и доказывая, что благодѣяніемъ народа пользуются иногда люди недостойные, придумываетъ разныя мѣры, которыя, какъ ему кажется, должны были бы дать общественной благотворительности правильное движеніе. По его мнѣнію, если нельзя вовсе прекратить этотъ способъ благотворенія, такъ мало согласный — негодуетъ онъ — съ здравыми требованіями науки политической экономіи,—то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, раздѣлить арестантовъ на разряды и уже рѣшительно воспретить народу подавать милостыню одному изъ разрядовъ. Точно такія же поползновенія пополицействовать въ народномъ сердцѣ и внести регламентацію въ живое дѣло благотворенія обнаруживаются нашими либералами по отношенію къ нищимъ и ко многимъ другимъ явленіямъ нравственной жизни народа.

Конечно, не всегда подобныя разсужденія свидѣтельствуютъ объ установившемся положительномъ воззрѣніи на право частнаго человѣка располагать своими деньгами и своимъ сочувствіемъ.... Очень часто происходятъ они отъ преобладающей у насъ спутанности понятій, отъ привычки къ безцеремонному обращенію съ народнымъ убѣжденіемъ и обычаемъ, а всего чаще отъ невольнаго подчиненія многимъ мнимымъ нравственно-политическимъ, обиходнымъ аксіомамъ, господствующимъ въ обществѣ съ авторитетомъ современной модной идеи.

Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется для насъ,

почему въ статьѣ г. М. С. „Объ устройствѣ ссыльныхъ въ Тобольской губерніи“, помѣщаемой вслѣдъ за симъ, ниже, и во всѣхъ отношеніяхъ, какъ намъ кажется, чрезвычайно дѣльной, благонамѣренной, исполненной истиннаго сочувствія къ страждущимъ, — почему въ этой статьѣ мы встрѣчаемся также съ началомъ административнаго вмѣшательства въ область народнаго благотворенія. Многоуважаемый авторъ статьи, предлагая учрежденіе поселенческихъ банковъ и изыскивая источники для составленія банковаго капитала, указываетъ, какъ на главный источникъ, на милостыню, подаваемую арестантамъ во время пути. Цифра общей суммы трудовыхъ копѣекъ, жертвуемыхъ народнымъ состраданіемъ въ пользу *несчастныхъ*, заслужившихъ справедливый гнѣвъ правительства и общества, простирается отъ 30 до 40 руб. на человѣка. Размѣры истинно громадные, если сообразить огромное число ссыльныхъ, ежегодно препровождаемыхъ въ Сибирь изъ Россіи. Г. М. С. полагаетъ полезнымъ снабдить каждаго арестанта книжечкой, въ которую бы записывалась каждая поступающая къ нему милостыня, — деньги же немедленно отбирать, выдавать частями уже по приходѣ на мѣсто поселенія, или же вносить ихъ въ поселенческій банкъ.

Мы не можемъ согласиться съ г. М. С. насчетъ пригодности этой мѣры. Можно, положимъ, вовсе не допускать никакого, помощію подаяній, облегченія участи наказываемыхъ преступниковъ; но, давши однажды полный просторъ частной благотворительности, едвали справедливо было бы на нее *спекулировать* и принимать въ разсчетъ средства, которыя намъ не принадлежатъ и которыми мы, какъ чужими, распоряжаться не можемъ. Кромѣ того, есть полное основаніе думать, что всякая попытка внести регламентацію въ область народнаго благотворенія можетъ охладить порывъ благотворительности въ народѣ. Съ нравственными явленіями, съ движеніями чувства слѣдуетъ обходиться осторожно: сердце, какъ народа, такъ и отдѣльнаго человѣка, не терпитъ грубаго прикосновенія; стремленіе внести извнѣ въ эти движенія порядокъ и благоустройство—способно привести къ совершенно противоположнымъ послѣдствіямъ, а если изсякнетъ милостыня, то всѣ разсчеты почтенныхъ регламентаторовъ падутъ сами собою.

Впрочемъ, мы не имѣемъ намѣренія входить въ разбирательство всѣхъ подробностей мысли г. М. С.; мы коснулись ея здѣсь настолько, насколько намъ нужно было, чтобы частный вопросъ возвести на степень общаго вопроса и чтобы показать, до какой степени модныя нравственныя понятія, господствующія въ нашемъ такъ-называемомъ образованномъ обществѣ, проникаютъ въ мысли самыхъ благонамѣренныхъ, искреннихъ и независимыхъ дѣятелей. Обратимся же снова къ общему вопросу.

Если говорится, что не все то золото, что̀ блеститъ, то съ неменьшимъ основаніемъ можно сказать, что не все то пользуетъ, что̀ принадлежитъ къ категоріи пользы. Во всякомъ фактѣ добра, во всякомъ поступкѣ есть двѣ стороны: сторона матеріальная и сторона нравственная. Къ первой относится—вещественное удовлетвореніе нуждъ; ко второй—процессъ нравственныхъ ощущеній, переживаемый—какъ дающимъ, такъ и принимающимъ даяніе,—ощущеній благотворныхъ для обоихъ, очищающихъ душу, хотя бы и на время, вводящихъ ее въ общеніе съ Вѣчною Благостью, зиждущею міръ. Разумѣется, въ этой нравственной сторонѣ даннаго факта и заключается существенная, истинная польза: сумма такого рода фактовъ, такихъ явленій, гдѣ вещественное добро сопровождается добромъ нравственнымъ, создаетъ въ обществѣ нравственную атмосферу, возвышаетъ духъ, поддерживаетъ въ народѣ начало любви и правды.

Если же, напротивъ того, въ обществѣ преобладаютъ явленія пользы безъ нравственнаго содержанія, — такого рода, гдѣ, при матеріальной пользѣ, улетучивается самый ароматъ добра, — гдѣ добро, состоящее въ удовлетвореніи вещественныхъ нуждъ человѣка, не сопровождается процессомъ нравственныхъ ощущеній, или нравственнымъ актомъ личности благотворящей и облаготворяемой, то общество скоро оскудѣваетъ духовно; въ немъ, по выраженію Ст. Милля, *убываетъ* душа, несмотря на богатство всякаго рода полезныхъ учрежденій. А гдѣ душа пошла *на убыль*, тамъ не замѣнятъ ея нравственно-органическихъ силъ, ея производительности, ея живительной теплоты — никакіе искусно-придуманные механическіе снаряды; гдѣ душа наша пошла на убыль—тамъ грозитъ холодъ и смерть. Тоска знаменитаго Англійскаго писа-

теля, при созерцаніи современнаго Западнаго общество, какъ бы повторяетъ слова Писанія: „не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ“. Милль пользуется большимъ уваженіемъ у насъ въ Россіи, но странное дѣло: какимъ образомъ умѣютъ у насъ прогрессисты согласовать поклоненіе авторитету Милля съ слѣпымъ подражаніемъ тому именно стремленію, на которое съ ужасомъ указываетъ Милль!?

Общественная благотворительность на Западѣ развилась безспорно въ громадныхъ размѣрахъ, но подъ господствомъ того особеннаго воззрѣнія, при которомъ добрый поступокъ имѣетъ значеніе не по дѣйствію любви (что только и даетъ ему цѣну), а по результатамъ одной вещественной выгоды для бѣднаго; добро, какъ мы сказали, цѣнится на вѣсъ и мѣру пользы. Благотворительность перестаетъ быть личнымъ нравственнымъ актомъ и низводится на степень какихъ-то общественныхъ отправленій, подчиненныхъ бездушному механизму.

Если бы, напримѣръ, вмѣсто подаянія нищимъ (которое въ большей части нашихъ Санктпетербургскихъ публицистовъ возбуждаетъ такое негодованіе, а вмѣстѣ и презрѣніе къ Москвѣ, отличающейся такою благотворительностью), вмѣсто милостыни арестантамъ (что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, слѣдовало бы строжайше запретить!), былъ опредѣленъ, положимъ, съ каждаго домовладѣльца сборъ въ извѣстномъ размѣрѣ, — то, конечно, на эти деньги можно было бы, пожалуй, обезпечить участь нищихъ и арестантовъ, слѣдовательно сдѣлать много пользы; но мы рѣшаемся смѣло выразить наше сомнѣніе въ *пользѣ* такой *пользы*. Читатели наши, разумѣется, понимаютъ, что мы нисколько не противъ самаго результата, т. е. улучшенія участи несчастныхъ, но противъ того пути, которымъ достигнутъ подобный результатъ; наконецъ мы думаемъ, что матеріальная польза, доставленная въ настоящемъ случаѣ бѣднымъ, съ ущербомъ нравственной сторонѣ дѣла, не вознаграждаетъ *вреда*, наносимаго обществу ослабленіемъ въ немъ личныхъ благотворительныхъ движеній и личныхъ нравственныхъ ощущеній.

Мы хорошо знаемъ, что во многихъ случаяхъ частная благотворительность, оказываясь несостоятельною, по необходимости уступаетъ мѣсто благотворительности общественной; —

что, наконецъ, мудрено противиться требованіямъ времени тѣмъ соблазнамъ, которые представляетъ удобство: устроить участь людей дешево, безъ хлопотъ и скоро,—но мы не считаемъ невозможнымъ совмѣстить общественную благотворительность съ личною, безъ ущерба для нравственной стороны дѣла (какъ это и бываетъ, напримѣръ, при складчинѣ, при добровольныхъ подпискахъ). Намъ прежде всего представляется необходимымъ, во-1-хъ, чтобы вся эта борьба двухъ началъ, любви и пользы, практицизма Іуды съ мнимою безразсчетностью Маріи — предоставлена была самому обществу, самой жизни, безъ всякаго оффиціальнаго вмѣшательства; во-2-хъ, чтобы во всякомъ случаѣ эти понятія предстояли сознанію общественному въ ясномъ, а не въ спутанномъ видѣ. Какимъ образомъ примиритъ ихъ жизнь, какой средній исходъ приметъ она изъ двухъ крайнихъ противоположностей,—это уже не наше дѣло: какъ бы ни противорѣчилъ иногда нравственный идеалъ современному положенію общества, какъ бы ни мѣшалъ онъ спокойному теченію жизни, какая бы необходимость ни заставляла отъ него уклоняться, важно уже то, что онъ не теряется изъ виду, что порою блеститъ его свѣтъ и слышится его зовъ, что не умираетъ онъ вовсе въ общественномъ сознаніи!

И такъ, мы вовсе не противъ общественной благотворительности, какъ скоро она является подсобіемъ благотворительности частной, но мы должны замѣтить, что есть много общественныхъ или правительственныхъ дѣйствій, носящихъ названіе благотворительныхъ, которыя, совершаясь вполнѣ механически по однажды заведенному порядку, будучи весьма полезными для благосостоянія гражданъ, вовсе не принадлежатъ къ области благотворенія. Такъ устройство, напримѣръ, мостовъ, переправъ и самыхъ больницъ со стороны администраціи правительственной, или муниципальной, или земской—можетъ быть справедливо названо дѣломъ благоразумной, попечительной администраціи, и составляетъ явленіе вполнѣ законное и нормальное, но не должно предъявлять притязаній на значеніе благотворительное,—и еще менѣе величаться такого рода названіемъ, которое само въ себѣ заключаетъ оцѣнку и похвалу. Хотя намъ могутъ возразить, что дѣло не въ названіи, а въ дѣлѣ,—одна-

ко смѣшеніе названій невольно влечетъ за собою и смѣшеніе понятій,—что уже положительно вредно.

Но изъ всѣхъ видовъ современной благотворительности, самый лживый по нашему мнѣнію — это благотворительность веселая, *соблазняющая* на доброе дѣло. Здѣсь именемъ добраго дѣла прикрывается вполнѣ своекорыстное побужденіе къ забавѣ, — а въ результатѣ получается одна вещественная выгода, уже совершенно обнаженная отъ всякой нравственной идеи, являющаяся со всею черствостью неуваженія къ несчастію, съ неприличною нескромностью состраданія!

Мы конечно не могли обнять весь этотъ важный для общественной нравственности вопросъ въ тѣсныхъ предѣлахъ передовой статьи; мы надѣемся еще не однажды вернуться къ нему, но въ заключеніе выразимъ еще разъ желаніе, чтобы наши дѣятели во всѣхъ сферахъ и положеніяхъ, во всѣхъ градусахъ либерализма, не торопились вносить въ Русскую жизнь красивой правильности, механизма, не мертвили, не убивали души, не заковывали развитія въ неподвижныя рамки, не порабощали свободу жизни отвлеченнымъ доктринамъ, созданнымъ болѣзненнымъ духовнымъ состояніемъ Западныхъ обществъ, и—главное—чтобъ бережно и со всякимъ благочестіемъ относились они къ нравственнымъ требованіямъ Русскаго народа, который несравненно болѣе сочувствуетъ Маріи, нежели практику Іудѣ, и внѣ котораго не найти имъ у насъ никакой другой органической силы!

Петербургъ и Москва.

Москва, 29-го сентября.

Sanktpetersburg, столица Россійской имперіи со временъ того царя, который самъ большею частью подписывался подъ указами «Piter»,—Sanktpetersburg... Мы съ намѣреніемъ употребляемъ Латинскія литеры, чтобы не опустить ни одного звука въ этомъ иностранномъ имени, въ которомъ, при Русскомъ правописаніи и произношеніи «Санктпетербургъ», недостаетъ одной буквы; и хотя всего приличнѣе облекать эти

Нѣмецкіе звуки въ вполнѣ соотвѣтственную имъ одежду готическихъ письменъ: Sanktpetersburg, однакоже мы предпочитаемъ въ настоящемъ случаѣ Латинскій шрифтъ, какъ болѣе у насъ извѣстный... И такъ, Sanktpetersburg или Sanktpetersburg съ нѣкотораго времени сталъ сильнѣе чѣмъ когда-либо прежде издѣваться надъ древнею Русскою столицей — Москвою, по крайней мѣрѣ въ произведеніяхъ своей періодической *прессы*. Особенно смѣлымъ наѣздникомъ въ этомъ отношеніи выступаетъ Sanktpetersburg'ская газета «Современное Слово»: она не пропускаетъ случая, чтобы не поглумиться надъ извѣстнымъ выраженіемъ, что Москва есть сердце Россіи, надъ Московскою неповоротливостью въ дѣлѣ того прогресса, котораго die Hauptstadt Sanktpetersburg считаетъ себя, и конечно справедливо, достойнымъ представителемъ; надъ Московскою своеобычностью, стариною, надъ вѣрностью старинѣ, надъ всѣмъ тѣмъ наконецъ, что̀ дорого въ Москвѣ столькимъ милліонамъ Русскаго народа, что̀ связываетъ ее съ остальною Русью. Все это совершенно въ порядкѣ вещей: не можемъ же мы въ самомъ дѣлѣ требовать сочувствія къ Москвѣ, къ Руси, къ Русскому народу отъ Rigascher или Sanktpetersburger-Zeitung. Нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что «Современное Слово» встрѣтило грубыми насмѣшками извѣстіе о проявившемся будто бы у Русскихъ купцовъ стремленіи освободиться изъ-подъ школьной ферулы современнаго оффиціальнаго просвѣщенія и добыть своимъ дѣтямъ такого образованія, которое, даруя имъ высшее знаніе, въ то же время не отрывало бы ихъ отъ коренныхъ началъ народной жизни. Намъ нисколько также не показалось страннымъ, что публицистъ, воспитанный и взлелѣянный Sanktpetersburg'омъ и сроднившійся, слюбившійся съ нимъ до степени сердечнаго трепета всякой разъ, когда о немъ говоритъ, — что этотъ публицистъ клеймитъ названіемъ «Византійства» не только направленіе Дня, не только основную стихію Русской народности, но даже—какъ бы вы думали, читатель?—даже отвращеніе христіанъ къ магометанскому игу. Наше выраженіе о тяжести для Славянскихъ христіанъ *магометанскаго* ига подало поводъ редакціи «Современнаго Слова» къ негодованію—очень забавному. «Византійство!» восклицаетъ она, давая разумѣть, что подобное отвращеніе христіанъ отъ

магометанства есть признакъ невѣжества, остатокъ грубыхъ временъ, наслѣдіе Византіи, слѣдъ той тьмы, которую напустила на насъ Византія. «Не на этомъ основаніи слѣдуетъ сочувствовать Славянамъ, толкуетъ Санктпетербургскій прогрессистъ, а на основаніи *расоваго* сходства или единства *породъ: расы* мы одной, вотъ въ чемъ дѣло!» Мы бы дорого дали, чтобъ видѣть, какъ редакторъ «Современнаго Слова», обратился бы съ такою рѣчью о расѣ и о Византійствѣ къ мужественному населенію Сербіи, Черногоріи, Герцеговины, Болгаріи, которое только вѣрности вѣрѣ отцовъ обязано сохраненіемъ своей народности, и которое давнымъ бы давно купило себѣ спокойствіе и благоденствіе, если бы питало менѣе отвращенія къ мусульманскому вѣроученію, если бы признало Коранъ за истину, какъ это и сдѣлали Боснійскіе землевладѣльцы... Этого не разобралъ, конечно, г. Редакторъ!! Повторяемъ, мы не ожидали никогда сочувствія отъ Санктпетербурга, точно такъ же какъ не ожидаемъ сочувствія ни отъ Митау, Либау, Пернау, Виндау;—мы бы даже не обратили вниманія на разновременные набѣги «Современнаго Слова» на Москву, еслибъ всѣ эти частныя явленія не примыкали къ явленію общему и общественной важности, еслибъ они, взятыя вмѣстѣ, не составляли симптомовъ то́го недуга, которымъ уже полтораста лѣтъ болѣетъ Русь.

Антагонизмъ Москвы и Петербурга не новъ въ Русской литературѣ: иногда потухая, иногда вспыхивая съ новою силою, и потомъ опять ослабѣвая, онъ не прекращался съ самой той поры, какъ возникла у насъ литературная дѣятельность: здѣсь не мѣсто говорить о проявленіи этого антагонизма въ другихъ сферахъ жизни. Вполнѣ же разумную основу въ области сознанія дало ему то направленіе въ наукѣ и литературѣ, которое твердо стало за духовныя права Русской народности, за свободу и самостоятельность Русской мысли, и которое, по свидѣтельству даже враговъ своихъ, не мало потрудилось для Русскаго самосознанія. Дѣло въ томъ, что это постоянное состязаніе вовсе не походило на борьбу или соперничество двухъ равноправныхъ большихъ городовъ, какъ это встрѣчается иногда въ Европѣ, ни на отношенія, полныя презрѣнія съ одной стороны и зависти съ другой — провинціализма къ столичной цивилизаціи. Нѣтъ: Москва и Санктпетербургъ выражаютъ со-

бою *два розныхъ начала,* историческихъ и жизненныхъ, находящихся въ постоянномъ противорѣчіи, и это-то противорѣчіе и перенесено было мыслящею частью общества въ область литературы.

Съ Петра начинается Санктпетербургскій періодъ Русской исторіи, въ которомъ застаетъ насъ тысячелѣтіе Русскаго государства, и о которомъ еще въ 1846 году въ первый разъ пространно было разъяснено читающей публикѣ К. С. Аксаковымъ въ его диссертаціи о Ломоносовѣ, а затѣмъ и во всѣхъ послѣдующихъ его трудахъ. Мы не станемъ входить въ подробное опредѣленіе всего того смысла, какой заключается въ явленіи Санктпетербурга, вопервыхъ потому, что объ этомъ было говорено достаточно, и публикѣ болѣе или менѣе извѣстно; вовторыхъ потому, что распространяться объ этомъ значеніи С.-Петербурга крайне неудобно: С.-Петербургъ прикрытъ такою защитой, какой Москва не имѣетъ (къ счастію), и которая затрудняетъ всякое прямое на него нападеніе. Разрывъ съ народомъ, движеніе Россіи по пути западной цивилизаціи, подъ воздѣйствіемъ иного просвѣтительнаго начала, измѣна прежнимъ основамъ жизни, поклоненіе внѣшней силѣ, внѣшней правдѣ; однимъ словомъ—вся ложь, все насиліе дѣла Петрова,—вотъ чѣмъ окрещенъ былъ городокъ, Питербурхъ, при своемъ основаніи, вотъ что̀ легло во главу угла при созиданіи новой столицы. Въ дѣлѣ Петровомъ, независимо отъ его всемірноисторическаго содержанія, независимо отъ того, что̀ не преходитъ, что̀ остается, отъ той доли, которая выдѣляется и должна выдѣляться въ кровообращеніе народнаго организма,—есть настолько же, если не болѣе, элементовъ случайности, временности, зла, насилія, лжи, запечатлѣнныхъ его необыкновенною личностью. Дѣло Петра имѣетъ значеніе: и какъ переворотъ, какъ революція, и какъ историческій моментъ въ ходѣ нашего общественнаго развитія. Но для того, чтобы оно получило значеніе момента, чтобъ оно поступило въ общій запасъ исторической жизни народа или того историческаго матеріала, который разрабатывается, претворяется, переживается народнымъ организмомъ, необходимо, чтобъ оно прекратилось какъ переворотъ.

Переворотъ еще не *кончился,* еще длится: мы еще не *изжили* элементовъ личныхъ и случайныхъ, внесенныхъ страст-

ною, могучею личностью Петра въ его дѣло, элементовъ лжи и насилія. Это-то и есть собственно, что́ мы называемъ Петербургскимъ періодомъ (разумѣй все по отношенію къ литературѣ и просвѣщенію). Дѣйствительно, внѣшняя исторія совершается теперь вся въ Петербургѣ: это *его* время; онъ, дѣйствительно,носитель исторической идеи Петра, *какъ* переворота, во всемъ случайномъ, временномъ характерѣ этого явленія; онъ, дѣйствительно, стоитъ впереди, онъ, такъ сказать, передовой человѣкъ внѣшняго движенія, даннаго Петромъ Россіи, передовой человѣкъ лжи, сопровождающей наше духовное и умственное развитіе.

Таково значеніе Санктпетербурга. Онъ не живетъ одною жизнью съ Москвою и со всею Русью, не составляетъ части организма, по крайней мѣрѣ еще не вошелъ въ составъ организма. Онъ совершенно извнѣ относится къ Россіи. Подтвержденіе этому вы найдете во всей Петербургской литературѣ. (Предваряемъ читателей, что мы говоримъ о господствующемъ типѣ той и другой литературы, а не объ отдѣльныхъ явленіяхъ). Санктпетербургскія газеты толкуютъ много о либерализмѣ и демократизмѣ, но, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, онѣ, со всею запальчивостью того деспотизма, который внесенъ Петербургомъ въ дѣло нашего просвѣщенія и развитія, угнетаютъ насмѣшками, ругательствами, постоянными оскорбленіями самыя святыя чувства Русскаго народа, свободу его вѣрованія, обычая, жизни. Ихъ либерализмъ является насиліемъ и тиранніей въ отношеніи къ Русскому народу. Для нихъ, какъ воплощающихъ собою идею Санктпетербурга, нѣтъ ничего завѣтнаго въ Русской исторіи до Петра, въ этой «дикой Азіи нашего прошедшаго», какъ выражается «Современное Слово». Все это очень естественно и понятно, иначе Санктпетербургъ и думать не можетъ: въ противномъ случаѣ онъ бы противорѣчилъ своему призванію, отрицалъ бы свой собственный принципъ, которому Санктпетербургская пресса, надобно отдать ей справедливость, такъ вполнѣ вѣрна, такъ храбро служитъ.

Страданія, боль, внутренняя работа земскихъ силъ, стремленіе къ самобытности просвѣщенія, все это возбуждаетъ въ Петербургскихъ газетахъ одно презрѣніе (очень похожее, между прочимъ, на презрѣніе цивилизованнаго двороваго или лакея

къ простому крестьянину). «Москва хвораетъ, въ Москвѣ весьма неладно», восклицаетъ очень наивно то же «Современное Слово», «тамъ ни много, ни мало купечество, говорятъ, недовольно воспитаніемъ своихъ дѣтей въ гимназіяхъ!» И какому ливню ругательствъ и насмѣшекъ подверглось купечество за то, что смѣетъ быть недовольно тѣмъ направленіемъ воспитанія, которымъ доволенъ Санктпетербургъ!

Мы не станемъ теперь говорить о значеніи Москвы и о томъ благодѣяніи, которое оказалъ ей Петербургъ, оттянувъ къ себѣ, на поверхность, всю внѣшнюю нашу исторію за послѣдніе полтораста лѣтъ. Тѣмъ свободнѣе могла производиться въ Москвѣ работа народнаго самосознанія, и очищаться отъ всѣхъ историческихъ случайностей и всякой исключительности — Русская мысль. Москвѣ предстоитъ подвигъ завоевать путемъ мысли и сознанія — утраченное жизнью, и возродить Русскую народность въ обществѣ, оторванномъ отъ народа. Довольно сказать, что Москва и Русь одно и то же, живутъ одною жизнью, однимъ біеніемъ сердца,—и этими словами само-собою опредѣляется значеніе Москвы и отношеніе ея къ Петербургу. Они же объясняютъ и тотъ антагонизмъ, который существуетъ въ литературѣ обоихъ городовъ и на который мы указали въ началѣ нашей статьи.

Изъ всего сказаннаго ясно, что истинный либерализмъ и Русское народное чувство невозможны для Санктпетербуржца, если онъ Санктпетербуржецъ не по одному мѣсту жительства, а по принципу, ясно имъ сознаваемому.

Это было бы contradictio in adjecto, одно исключаетъ другое. Нельзя въ одно и то же время служить Богу и мамонѣ, нельзя въ одно и то же время быть Русскимъ и Петербуржцемъ, либераломъ и адептомъ или орудіемъ Петровскаго переворота; поклоняющійся Петру поклоняется Петровской палкѣ. Поэтому мы съ своей стороны не только не даемъ никакой цѣны либерализму Санктпетербургской прессы, но положительно ему не вѣримъ, точно также какъ и Санктпетербургскому благоволенію къ Русской народности.

Въ послѣднее время Санктпетербургская литература стала очень много толковать о національномъ принципѣ, о народности; нѣкоторые ея органы славянофильничаютъ на пропалую, а молодые Санктпетербуржцы щеголяютъ въ красныхъ

рубашкахъ и поддевкахъ. Вы бы очень ошиблись, читатель, еслибъ вывели изъ того заключеніе, что Санктпетербургъ протестуетъ самъ противъ себя, противъ своего принципа, который одинъ и даетъ ему историческое значеніе и извѣстную силу жизни; вы были бы не правы, еслибъ вообразили, что вся эта Санктпетербургская руссоманія есть дѣйствительное искреннее пробужденіе въ жителяхъ Санктпетербурга народнаго Русскаго чувства. Повторяемъ, мы еще не изжили всей той исторической лжи, которой носителемъ является для насъ Петрова столица. Мы должны будемъ пройти сквозь новый видъ, новый фазисъ лжи, и если въ прежнее время Русскіе, обезьяничая, передразнивали Нѣмцевъ и рядились въ Нѣмецкіе кафтаны, то теперь— Нѣмцы или Санктпетербуржцы обезьянничають, передразниваютъ Русскихъ и рядятся въ Русскіе зипуны и охобни. Послѣдняя ложь горше первой...

Объ этомъ мы поговоримъ какъ-нибудь въ другой разъ, въ особой статьѣ...

Петербургъ или Кіевъ?

Москва, 17-го ноября.

«Петербургъ или Кіевъ?» «Будетъ ли когда исправлена ошибка, сдѣланная Петромъ? Будетъ ли когда средоточіе правительственной дѣятельности перенесено съ Ингерманландскихъ болотъ въ страны болѣе плодородныя, напримѣръ Кіевъ?» Вотъ вопросы чрезвычайной важности, выдвинутые впередъ неизвѣстнымъ авторомъ статьи, помѣщенной въ Сентябрской книжкѣ Русскаго Вѣстника подъ скромнымъ заглавіемъ: *Замѣтки о хозяйственномъ положеніи Россіи.*

Господинъ Y (подъ этою буквою скрылъ авторъ свое имя) разсматриваетъ вопросъ о столицѣ съ точки зрѣнія чисто-экономической. Признавая главною виною настоящаго безденежья «бѣдность Россіи»,—въ томъ смыслѣ, что производительность страны не удовлетворяетъ ея потребностямъ, развилась несоотвѣтственно съ ними и вообще получила ложное, искусственное направленіе, — авторъ видитъ причину такого явленія въ

искусственномъ сосредоточенiи Русской жизни на сѣверныхъ оконечностяхъ государства. «Отъ среды, въ которой находится столица, едвали не зависитъ характеръ всего государства», говоритъ г. Y: «будь столица Россiи, продолжаетъ онъ, не на тундрахъ Ингерманландскихъ, но въ Кiевѣ, Харьковѣ, Таганрогѣ, Россiя въ глазахъ Европейцевъ не была бы страною безпрiютною, холодною, и гордясь первопрестольнымъ городомъ, всякiй Русскiй *любилъ* бы его и чрезъ него чувствовалъ бы *болѣе* привязанность къ своей родинѣ».

Далѣе авторъ, помощью положительныхъ статистическихъ данныхъ и теоретическихъ доводовъ, старается доказать: «что необходимость искусственнаго созиданiя на болотахъ Ингерманландскихъ цѣлаго многообразнаго мiра извратила наши понятiя о естественныхъ условiяхъ жизни» и поглощаетъ силы Россiи самымъ непроизводительнымъ образомъ; что «пятьсотъ верстъ отличнаго шоссе связываютъ С.-Петербургъ съ *увеселительными* мѣстами въ его окрестностяхъ, въ то время, какъ въ Южной Россiи, богатой произведенiями, требующими сбыта, нѣтъ не только шоссе, но и сколько-нибудь проѣздныхъ дорогъ весною, осенью и во время ненастья»; что «подъ влiянiемъ самыхъ невыгодныхъ климатическихъ и почвенныхъ условiй въ С.-Петербургѣ все обходится дороже, чѣмъ гдѣ-либо и требуетъ неизвѣстныхъ въ другихъ мѣстахъ расходовъ, напримѣръ для укрѣпленiя строенiй на болотномъ грунтѣ, для снабженiя столицы жизненными припасами» и проч.; что наконецъ «юноши, отлученные отъ природы, выращенные узниками въ стѣнахъ громадныхъ зданiй, подъ свинцовымъ небомъ Петербурга, не могутъ быть здоровы ни тѣломъ, ни душою».

«Все приняло бы другой видъ—утверждаетъ авторъ—если бы столица была на Югѣ; вся Русская жизнь сложилась бы иначе»; «неисчислимы были бы выгоды сосредоточенiя Русской жизни около бассейна Чернаго моря», и «не подлежитъ сомнѣнiю, что экономическая будущность Россiи зависитъ отъ той степени развитiя, которая впредь будетъ дана южнымъ губернiямъ, хотя бы въ ущербъ сѣвернымъ». Предположивъ, что столицею Россiи былъ бы напримѣръ Кiевъ, вмѣсто С.-Петербурга, авторъ исчисляетъ измѣненiя, которыя должны отъ того произойти, именно: 1) «Западныя, возвращенныя отъ Польши губернiи скрѣпились бы неразрывными узами съ остальными

частями государства»; 2) «Россія сблизилась бы съ Южно-Славянскими племенами»; 3) «Южная полоса имперіи воскресла бы къ новой жизни»; Новороссійскія степи заселились бы и усилили бы свои посѣвы, — и 4) «Отъ перенесенія тяжести имперіи на Югъ, Россія сдѣлалась бы богаче и самостоятельнѣе». Для оправданія своихъ выводовъ, г. Y входитъ въ подробное разсмотрѣніе хозяйственнаго, финансоваго, промышленнаго и торговаго положенія Россіи.

Таковъ вопросъ, поставленный авторомъ статьи Русскаго Вѣстника. Вполнѣ соглашаясь съ его мнѣніемъ о достоинствахъ Ингерманландской трясины, мы, разумѣется, вполнѣ расходимся съ его мыслью о необходимости перенести столицу Россіи въ *Кіевъ.* Вообще намъ кажется страннымъ разсматривать значеніе столицы съ точки зрѣнія чисто-экономической, — какъ будто однѣ хозяйственныя выгоды руководятъ народомъ въ созданіи народнаго и правительственнаго центра,—но еще страннѣе представляется самая возможность вопроса о томъ — гдѣ быть средоточію Русской жизни? Неужели, послѣ тысячи лѣтъ историческаго гражданскаго существованія, Россія можетъ еще спрашивать себя: гдѣ ея столица, куда ее поставить? не то въ Кіевъ, не то въ Харьковъ или Таганрогъ?—Жалкая та земля, которая въ теченіи цѣлыхъ десяти вѣковъ не обрѣла своего центра тяготѣнія и способна еще и теперь *влаяться* то въ ту, то въ другую сторону, по вѣтру, смотря по тому, откуда и какой теоріей дуетъ! Но дѣло въ томъ, что Россія вовсе и не задается такою задачею, что этотъ вопросъ давно порѣшенъ Русскимъ народомъ, порѣшенъ и въ исторической его жизни, и въ сознаніи: только для насъ, для отвлеченной мысли нашего образованнаго общества, потерявшаго живую историческую память и непосредственное чувство своей исторіи, можетъ существовать какое-либо сомнѣніе въ этомъ отношеніи! Мы до такой степени утратили всякой смыслъ живаго дѣла, всякое пониманіе естественнаго органическаго процесса въ исторіи,— что, толкуя о либерализмѣ, мы и не замѣчаемъ, сколько страшнаго деспотизма,—и чтò еще хуже — сколько безсознательной деспотической привычки — въ самыхъ благонамѣренныхъ нашихъ соображеніяхъ, въ самомъ складѣ нашего мышленія, даже въ ученыхъ нашихъ пріемахъ въ той области наукъ, которыя имѣютъ прямую связь съ гражданскимъ, экономическимъ

и нравственнымъ бытомъ нашего народа. Конечно, только такая школа, въ какой слишкомъ полутораста лѣтъ вышколивалось Русское общество, способна была пріучить насъ къ такому полному забвенію о правахъ народа въ исторіи и породить притязанія — замѣнить органическую работу распоряженіемъ внѣшнимъ, взять на себя простодушно обязанности народнаго творчества, передѣлывать исторію, навязывать народу въ столицы — городъ по нашему усмотрѣнію!... Господинъ Y во всей своей статьѣ даже и не упоминаетъ о Москвѣ, какъ будто она совершенно ни причемъ въ Русской исторіи и жизни, какъ будто она не есть единственная столица Русской земли!

Мы сказали: *единственная,*—хотя у насъ и считаются двѣ столицы, т. е. кромѣ Москвы—Санкт-Петербургъ. Двѣ столицы! Это странное явленіе лучше всего свидѣтельствуетъ о внутреннемъ разрывѣ, внесенномъ въ Русскую историческую жизнь переворотомъ Петра, и представляетъ такую же аномалію, какъ въ мірѣ физическомъ — двѣ головы на одномъ туловищѣ, два сердца въ одномъ тѣлѣ. Что̀ такое столица? Столица есть средоточіе жизни народа, какъ цѣльнаго политическаго организма,— другими словами — средоточіе, которое творитъ самъ народъ, слагаясь въ цѣльное гражданское тѣло. Все равно, какъ сердце, какъ узелъ нервъ въ человѣческомъ организмѣ, такъ и столица есть сердце, узелъ нервъ всей общественной, гражданской, земской и государственной жизни народа. Очевидно, что двухъ столицъ въ одной землѣ быть не можетъ,—это нелѣпость, безсмыслица, въ которой одно понятіе исключаетъ другое. Точно также безсмысленно предполагать, что столицу можно *сдѣлать* тамъ или здѣсь по произволу, когда столица дается самою жизнью народа, всѣмъ долгимъ органическимъ процессомъ исторіи. Это также невозможно, какъ невозможно учинить языкъ Французскій—*природнымъ* языкомъ Русскаго народа, измѣнить цвѣтъ кожи, волосъ и другія свойства его физической природы. Конечно, при разстройствѣ организма, отправленія его могутъ совершаться неправильно, и обязанности одного органа переноситься частію на другой,—но это есть признакъ ненормальнаго, болѣзненнаго состоянія, которое можетъ держаться до тѣхъ поръ, пока не нарушаетъ главныхъ условій жизни, основныхъ законовъ органическаго существованія. Организму, по-

раженному такой болѣзнію, предстоитъ—или возстановить правильность своихъ отправленій или же, разстраиваясь все болѣе и болѣе, наконецъ погибнуть.

Повторяемъ: у Россіи одна единственная столица—Москва; Sanktpetersburg не можетъ быть столицею Русской земли, и никогда ею не былъ, какъ бы ни величали его въ календаряхъ и оффиціальныхъ бумагахъ. Санктпетербургъ не столица, созданная историческою жизнью Русскаго народа, а мѣстопребываніе правительства со временъ царя, подписывавшагося на указахъ, обращенныхъ къ Русскому народу—по Голландски—Piter. Безъ всякого сомнѣнія правильность отправленій народнаго политическаго организма предполагаетъ единое средоточіе правительственное и народное; этого требуетъ союзъ власти съ народомъ, органическій элементъ, присущій самой власти. Только съ нарушеніемъ цѣльности организма и по мѣрѣ того, какъ стало убывать этого органическаго элемента въ правительствѣ и естественная его связь съ землею стала замѣняться искусственными привязями, —утвердился обычай пребыванія власти въ Санктпетербургѣ. Извѣстно, что послѣ смерти Петра мысль о возвращеніи правительства на родину, въ Россію изъ Ингерманландіи, —возникала съ новою силою при Петрѣ II и при Елисаветѣ,—и только Екатерина II, не встрѣтившая въ Москвѣ сочувствія (одушевлявшаго С.-Петербургъ) въ минуту ея воцаренія, упрочила за С.-Петербургомъ то значеніе, которымъ, «къ несчастію для Россіи», по замѣчанію г. Y, онъ пользуется и донынѣ. Но, когда теперь Русское общество все болѣе и болѣе проникается сознаніемъ своей народности, когда всѣ поддержки и подпорки, весь фундаментъ, нагроможденный съ Петра, пошатнулись и оказываются ненадежными, и политическое наше зданіе, поколебленное историческими событіями, осѣло,—къ нашему общему спасенію, на материкъ народной почвы,—теперь, мы увѣрены, близится время, когда съ одной стороны чувство самосохраненія, съ другой—естественное влеченіе къ возстановленію цѣльности общественнаго организма и союза власти съ народомъ — возвратятъ столицѣ народной значеніе средоточія правительственнаго. Весь этотъ вопросъ о столицѣ изслѣдованъ и обсужденъ шире и глубже, съ полнотою историческихъ доказательствъ, въ статьѣ К. С. Аксакова

писанной еще въ 1856 году, которую мы предлагаемъ внима-
нію нашихъ читателей.

Мы считаемъ однакоже нелишнимъ предпослать этой статьѣ нѣсколько словъ во избѣжаніе могущихъ возникнуть недоразумѣній. Мы предвидимъ два возраженія: Во-1-хъ, что Россія, достаточно окрѣпнувъ, не перестанетъ быть Россіей, хотя бы столица ея была и въ Кіевѣ, и въ Таганрогѣ; во-2-хъ, что вступивъ въ новый періодъ своей исторіи послѣ Петра, ставши имперіей, а не Московскимъ государствомъ, она должна была создать для имперіи новую столицу, новый центръ тяготѣнія, каковымъ не могла уже быть Москва, созданіе до-Петровской Руси. Отвѣтимъ на это вкратцѣ.

Не слѣпое чувство привязанности къ Москвѣ (мы ясно видимъ недостатки и даже пороки, принадлежащіе ей во сколько она уклоняется отъ своего призванія), не мѣстный патріотизмъ заставляетъ насъ отстаивать права Москвы, но глубокое внутреннее убѣжденіе, опирающееся на свидѣтельство Русской исторіи и Русской народной жизни. Въ каждомъ историческомъ явленіи есть внутренняя сила, которая дала ему бытіе; въ каждомъ политическомъ организмѣ есть основная стихія, которымъ онъ—есть, живетъ и движется. Таковою основною стихіей въ созданіи Россіи явилось Великорусское племя. Его характеромъ, его типомъ запечатлѣны всѣ историческія судьбы Россіи, его духовною и нравственною силою закалено наше исполинское государство. Россія не есть совокупность или искусственное сочлененіе разнородныхъ тѣлъ (не агломератъ и не аггрегатъ на техническомъ языкѣ ученыхъ),—но—повторяемъ—цѣльный организмъ, развившійся извнутри, сложившійся собственной силой. Жизнь этому организму дало, даетъ и можетъ давать только Великорусское племя. Будь это не Великорусское племя,—Россія не была бы Россіей, имѣла бы другую судьбу и другую будущность,—лучшую или худшую, мы не знаемъ, это вопросъ другой;—но почва, на которой зиждется основаніе нашего зданія—есть племя Великорусское—и выраженіемъ его жизни и силы является Москва. Какъ Великорусское племя стало средоточіемъ для прочихъ Русскихъ племенъ, такъ и Москва стала притягательнымъ государственнымъ центромъ для прочихъ Русскихъ земель. Еслибъ средоточіе Россіи было въ Кіевѣ, или теперь насильственно перенесено въ Кіевъ,—степи бы, конечно, оживились

и пшеницы бы прибавилось,—но старый Русскій материкъ подвергся бы запустѣнію, основная стихія, которая одна даетъ жизнь всему организму Россіи, изсякла бы, перестала бы дѣйствовать, и тогда никакая пшеница, никакое процвѣтаніе Новороссійскихъ степей не спасло бы *Русскаго* государства: могло бы возникнуть иное, но не то, которое заявило себя въ исторіи, котораго судьбы такъ кровно и духовно близки нашему сердцу, преуспѣянія котораго мы всѣ такъ горячо желаемъ. Этой-то основной органической стихіи и не хотятъ признавать ни г. Y, ни другіе наши публицисты и дѣятели, ни Санктпетербуржцы, нападающіе на Москву, ни вообще Русскіе Нѣмцы. Москва,— по выраженію К. С. Аксакова, съ самаго своего начала подняла знамя единства Русской земли и государства, и сама явилась выраженіемъ и средоточіемъ этого единства. Но это единство не должно быть смѣшиваемо съ централизаціею и значитъ — духовная и внѣшняя цѣльность политическаго и земскаго организма, а вовсе не сглаженіе всякой личности и такъ сказать самости областей, городовъ, селъ и населеній, и вовсе не насильственное притяженіе всякой мѣстной административной жизни къ центру. На все это имѣются положительныя доказательства въ исторіи. Централизація есть явленіе позднѣйшее, принадлежащее Имперіи. Мы всегда стояли противъ централизаціи и въ пользу единства, съ полнымъ просторомъ для мѣстнаго самоуправленія, разумѣя послѣднее вовсе не въ смыслѣ нарушающемъ политическое единство и государственную цѣльность нашей Русской Земли и вовсе не въ смыслѣ какихъ-нибудь политическихъ федерацій. (Вопросъ о федераціи есть вопросъ праздный, мертворожденный плодъ досужей отвлеченности нашего оторваннаго отъ народа общества). Чѣмъ болѣе народныхъ началъ ляжетъ въ основаніе нашего управленія, тѣмъ крѣпче и сильнѣе будетъ единеніе Великорусскаго *народа* съ народами Малой, Бѣлой, Червонной Руси, и со всѣми другими народами,—а преобладаніе народной мысли и духа въ управленіи неразрывно съ преобладающимъ значеніемъ Москвы, какъ столицы. И такъ, самый интересъ областей, входящихъ въ составъ Россіи, связанъ съ возстановленіемъ въ Москвѣ правительственнаго средоточія. — Многіе ставятъ въ достоинство Петербургу именно то, что онъ чуждъ всякой національности и выражаетъ собою отвлеченную идею государства,

свободную отъ всякой исключительности. Дѣйствительно, какъ выразился Хомяковъ, Петербургъ есть городъ *иностранный*, въ томъ смыслѣ, что куда его ни поставь, онъ вездѣ и для всякой земли будетъ иностраннымъ: въ Россіи, Германіи, Франціи, гдѣ бы то ни было; онъ воплощаетъ собою самую идею *иностранности;* но нужно ли говорить, что подобное государство, выражающее собою одну отвлеченную идею государственности, никакой внутренней жизни и силы имѣть не можетъ, напротивъ мертвитъ всякую жизнь и силу, и само становится трупомъ? Это та Петровія съ Петровцами,—Нѣмецкая государственная мечта о Россіи, на которую мы уже однажды указывали; это та самонадѣянность, тотъ деспотизмъ отвлеченной бездушной мысли, которая думаетъ замѣнить механическимъ снарядомъ свободную силу творчества и могущество жизненныхъ отправленій. Замѣтимъ кстати одно: всѣ приращенія Русскаго государства, совершенныя Москвою, крѣпки и связаны съ нею органическими нитями; напримѣръ Поволжье, Сибирь, Астрахань, и проч. Казань, черезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ завоеванія, является въ первомъ ряду городовъ, отстаивающихъ Москву и независимость Россіи во время междуцарствія, уже живетъ одною жизнью со всею Русью; земли колонизуются сами собою, безъ помощи Ангальтъ-Кеттенскихъ и Швабскихъ колонистовъ. Вспомнимъ, что̀ пріобрѣли мы послѣ Петра и въ какомъ отношеніи находятся теперь эти пріобрѣтенія къ Россіи,—и много ли успѣли мы съ новымъ способомъ колонизаціи.

Мы не отрицаемъ того спасительнаго дѣйствія, которое имѣлъ и имѣетъ Петербургскій періодъ нашей исторіи на внутреннее развитіе Россіи. Самое отвлеченіе внѣшней дѣятельности на оконечность имперіи дало возможность созрѣть и выработаться нашему народному сомосознанію. Путемъ отрицанія той національной исключительности, которой не лишено было отчасти наше историческое развитіе, пришли мы къ сознательной оцѣнкѣ нашихъ народныхъ началъ и ихъ общечеловѣческаго значенія;—но какъ скоро это сознаніе перейдетъ въ жизнь,—историческая роль Петербурга сама собою оканчивается.

Мы сказали однажды, что Петербургъ есть передовой человѣкъ лжи, присущей нашему общественному развитію. Вся-

кая ложь имѣетъ два исхода: или, развиваясь логически до нелѣпости,—самоубійство; или же, при нравственной реакціи,—самоотреченіе. Русская Исторія богата нравственными явленіями, и мы убѣждены, что Петербургу въ награду за неутомимую искреннюю благонамѣренность многихъ его дѣятелей, предстоитъ именно этотъ послѣдній нравственный путь, что онъ примиритъ съ собою Русь и окажетъ ей послѣднюю, но высшую услугу, собственнымъ отрицаніемъ самого себя, какъ правительственнаго средоточія Русскаго государства.

Настало ли это время — судить трудно. Можетъ быть и Москва, послѣ столь долгаго запустѣнія, еще недовольно сама очистилась отъ той порчи, которая отчасти проникла и въ ея жизнь, не довольно окрѣпла народнымъ самосознаніемъ, чтобы безопасно соединить съ средоточіемъ народнымъ средоточіе власти; можетъ быть и Петербургъ еще не совершилъ полнаго круга своей исторической лжи (которой, Богъ дастъ, мы будемъ обязаны своей правдой),—все это можетъ быть, безъ сомнѣнія. Мы во всякомъ случаѣ не желали бы нисколько, чтобы Санктпетербургъ переселился въ Москву,—но желаемъ видѣть въ Москвѣ правительственное средоточіе, свободное, чистое отъ началъ, воплощаемыхъ Санктпетербургомъ,—и убѣждены, что рано или поздно, столица Русской земли, какъ прежде была столицею Русскаго государства, такъ и снова будетъ!...

О лженародности въ литературѣ 60-хъ годовъ.

Москва, 1-го декабря.

Внѣшнее сходство нѣкоторыхъ ученій, занесенныхъ съ Запада, съ бытовыми воззрѣніями Русскаго народа, еще хитрѣе усложнило ту путаницу понятій, которая составляетъ едвали не самый главный недругъ современнаго Русскаго общества. Русскіе западники, давно примѣтивъ несостоятельность своего положенія, свою полнѣйшую отчужденность отъ народа, отъ той органической силы, которая даетъ жизнь, смыслъ и бытіе всей Русской землѣ, которою она есть, живетъ и движется,—Русскіе западники искали себѣ почетнаго отступленія отъ занятой ими прежде позиціи, и чрезвычайно утѣшились,

когда нашли возможность согласить съ своимъ поклоненіемъ Западу нѣкоторое уваженіе къ Русскому народу. Будемъ безпристрастны: многіе изъ нихъ были искренно рады—дать просторъ своему Русскому естественному чувству, угнетенному до той поры страхомъ западнаго авторитета,—и съ милостиваго разрѣшенія Запада явились Русскими. Съ того времени—вся ихъ дѣятельность направлена къ тому, чтобы оправдать свою руссоманію сходствомъ Русскихъ народныхъ началъ съ самоновѣйшими, модными доктринами Европы. Это тотъ новый видъ лжи, который мы считаемъ наиболѣе опаснымъ для истины, и на который мы хотимъ теперь обратить особенное вниманіе нашихъ читателей: внѣшніе признаки обманчивы, псевдонародность можетъ быть легко принята за истинную народность и отравить ложью не только пониманіе, но и самое чувство,—простое, естественное, живое чувство любви и влеченія къ Русской народности. Когда зло щеголяло во Французскомъ кафтанѣ и гордо указывало на свое заморское происхожденіе, оно не смѣшивалось съ толпой родныхъ, доморощенныхъ явленій, рѣзко отъ нихъ отдѣлялось, и всякій, уступавшій соблазну, зналъ и вѣдалъ, что онъ настолько измѣнилъ началамъ своей народности. Если то же самое заморское зло надѣнетъ зипунъ и кафтанъ, то выйдетъ ложь горше первой, потому что, совращая человѣка, она не дастъ ему почувствовать, что онъ совершаетъ измѣну,—и спутаетъ его понятія внѣшнимъ сходствомъ съ тою бытовой истиной, которой онъ привыкъ отдаваться безъ критики и повѣрки. Такъ, напримѣръ, какой-нибудь старый ремесленный уставъ, цѣликомъ переведенный съ Нѣмецкаго, съ его «альдерманами», «гербами», «гербергами» и «экзаменами», мы предпочитаемъ—новѣйшимъ административнымъ учрежденіямъ *артелей*. Такъ, напримѣръ, мы лучше бы желали, чтобъ *міръ*, для котораго обязательно рѣшеніе баллотировкою и счетомъ голосовъ, былъ уже названъ вмѣстѣ съ тѣмъ и *ассамблеей*, а не древнимъ Русскимъ именемъ *міръ*, предполагавшимъ до сихъ поръ чисто народное устройство.

Намъ грозитъ лженародность во всѣхъ отношеніяхъ, во всѣхъ видахъ: въ администраціи, обществѣ, наукѣ, литературѣ. Оставляя администрацію въ сторонѣ,—укажемъ въ немногихъ словахъ на нашихъ западниковъ-народолюбцевъ. Сначала—это сочувственное отношеніе къ Русскому народу выражалось до-

вольно робко и довольно забавно, преимущественно въ произведеніяхъ изящной словесности. Мы помнимъ, какъ однажды молодой романистъ, дерзнувшій съ любовью воспроизвести въ своихъ романахъ картины народнаго быта, съ увлеченіемъ обѣщался намъ—доказать всему свѣту, что «у Русскаго человѣка страсти не уступаютъ страстямъ Италіанскимъ, что онъ точно также способенъ, можетъ-быть не такъ красиво, за то не менѣе яростно, зарѣзать измѣнившую ему возлюбленную», и т. д.—Вы лучше покажите, какъ онъ христіански прощаетъ, говорили ему славянофилы, но романисту нужно было выставить только то, что̀ по сходству своему съ общественными явленіями Запада могло возбуждать сочувствіе тогдашней публики. Когда эта публика стала болѣе и болѣе знакомиться съ тѣми крайними доктринами, которыя, на Западѣ, дѣйствительно вполнѣ исторически-правы въ своемъ отрицаніи, въ своей критикѣ соціальнаго устройства Европы, и обнажили передъ міромъ общественныя язвы Запада, сокрытыя въ пролетаріатѣ, пауперизмѣ и другихъ явленіяхъ общественнаго быта,—Россійская публика выразила расположеніе посочувствовать и Русскому народу, во сколько его несчастія представляли аналогію съ несчастіями низшихъ классовъ Европы. Въ литературѣ явились въ обиліи изображенія Русскаго простонароднаго быта, но только съ отрицательной стороны; Русскаго крестьянина ни видомъ не видать, ни слухомъ не слыхать во всѣхъ этихъ произведеніяхъ разчувствовавшейся литературы,—а выставлялась на видъ только внѣшняя печальная сторона его жизни: бѣдность, зависимость, притѣсненія. Мы не отрицаемъ той относительной пользы, которую могла принесть, и дѣйствительно принесла, эта литература (все же это было лучше, чѣмъ прославленіе барства),—но мы обличаемъ только внутреннее побужденіе, ею руководившее: въ ней, за немногими исключеніями, не было дѣйствительнаго сочувствія къ *Русскому* простому народу, а было сочувствіе къ страданіямъ низшихъ классовъ вообще, навѣянное съ Запада, которое, кстати и не кстати, было примѣнено и къ домашнимъ «низшимъ братіямъ». Нѣкоторые даже сердились на Русскій народъ за то, что онъ мало «страдаетъ» (а въ особенности мало вѣритъ этому модному «состраданію»), даже безотчетно пожалѣли о томъ, что нѣтъ у насъ ни пролетаріевъ, ни пауперизма, что нѣтъ возможности пу-

стить въ ходъ въ Русской жизни всѣ готовые вопли, которыхъ запасъ имѣлся у каждаго подъ рукою во Французской литературѣ... Было и есть о чемъ плакать и стенать Русскому народу, да только большею частью не о томъ, о чемъ плакали за него—въ искреннемъ самообольщеніи—наши Русскіе молодые западники!... Они, въ забавномъ невѣдѣніи, продолжали покланяться страшнѣйшему изъ насилій, насилію Петра Перваго, осуждая за него славянофиловъ и въ то же время яростно негодуя противъ какой нибудь мелочной неправды становаго пристава;—они оскорбляли своими проповѣдями и поведеніемъ самыя святыя вѣрованія народа и находили оскорбительнымъ, что съ «господиномъ» крестьяниномъ употреблялось въ разговорѣ слово «ты». Если бы народъ Русскій пересталъ страдать тѣмъ «страданіемъ», которое одно было имъ понятно, то они бы перестали ему и сочувствовать, потому что онъ потерялъ бы право на званіе «страждущей меньшей братіи»: положительной стороны его жизни, его внутренней сущности, основныхъ началъ его народности, а также и истинныхъ духовныхъ его страданій они не понимали, да и до сихъ поръ не понимаютъ... Въ Санктпетербургской литературѣ замѣтно уже и теперь крайнее оскудѣніе пищи для сочувствія Русскому простому народу со стороны западниковъ-демократовъ!..

Да, *демократизмъ* и *народность*,—вотъ два понятія, которыя постоянно смѣшиваются въ умахъ публики и непублики. Между тѣмъ, можно утвердительно сказать, что кто сочувствуетъ Русскому народу во имя «демократизма», тотъ былъ, есть и остается чистѣйшимъ западникомъ, въ дѣйствительности нисколько не сочувствующимъ Русскому простому народу; кто старается объяснять явленія Русской жизни съ точки зрѣнія «демократической», тотъ только окрашиваетъ ихъ ложнымъ колоритомъ, замазываетъ истину, или при самыхъ добросовѣстныхъ усиліяхъ успѣваетъ раскрыть одну внѣшнюю сторону явленій. Мы постараемся доказать это ниже, а теперь окончимъ нашъ краткій очеркъ.

Когда нѣкоторые изъ славянофиловъ надѣли Русское платье, публика, и во главѣ ея Бѣлинскій (доказывавшій въ то время преимущество Петербурга предъ Москвою тѣмъ, что въ Петербургѣ есть лакейскіе балы, которыхъ нѣтъ въ Москвѣ, — см. Петербургскій сборникъ Некрасова), осыпала ихъ насмѣш-

ками. Когда потомъ демократизмъ вошелъ въ моду, а путешественники, возвратясь изъ-за границы, разсказали объ употребленіи въ Европѣ національныхъ костюмовъ,—смѣявшіеся надъ славянофилами облеклись сами въ Русское народное платье, но не по сочувствію съ Русскимъ народомъ, а потому только, что это мундиръ «демократизма» и что нельзя же было имъ въ самомъ дѣлѣ нарядиться Французскими блузниками и пейзанами,—хотя, въ сущности, они и въ Русскомъ зипунѣ оставались блузниками и пейзанами. Долго и неутомимо толковали славянофилы о Русскомъ мірѣ, мірскомъ управленіи, общинномъ поземельномъ владѣніи: они вызвали противъ себя громы журналистовъ и публицистовъ. Впослѣдствіи, справившись съ новѣйшими западными ученіями и смекнувъ, что Русская община представляетъ сходство (совершенно внѣшнее) съ *коммуной*, чаемой передовыми людьми Запада, гг. публицисты отнеслись съ благоволеніемъ и къ Русской общинѣ, заявивши, впрочемъ, на первыхъ же порахъ свое полнѣйшее неуваженіе къ правамъ живаго Русскаго обычая и обличивши полное свое незнакомство съ жизнію Русскаго простонародья. Они принялись (и къ счастію, только въ теоріи и въ своихъ статьяхъ) кроить Русскую поземельную общину на фасонъ коммуны, фаланстера, Русскую артель на фасонъ *ассоціаціи*,—забывая, что всѣмъ этимъ коммунамъ, искусственно сочиненнымъ, недостаетъ именно того, что составляетъ органическій элементъ, *душу-живу* Русской общины, и чего наши демократы-западники хотѣли ее лишить,—нравственнаго зиждительнаго начала *любви* и *братства!* Однимъ словомъ, нисколько не уважая Русскаго простого народа, они всѣми силами старались создать образъ народный по своему демократическому образу и подобію.

Но всѣ эти попытки были довольно невинны, потому что были совершенно безсильны и ограничивались большею частью пустою журнальною болтовней; «демократамъ» не удалось оказать никакой существенной услуги Русскому простонародью въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ,—и они скоро бы выболтались совсѣмъ, — еслибъ этотъ новый видъ западничества не былъ перенесенъ въ науку, преимущественно въ науку Русской исторіи.

Было время, когда подъ вліяніемъ господствовавшихъ научныхъ теорій Запада, Русскіе историки ограничивались

исторіей одного Русскаго *государства*, не принимая въ соображеніе жизни, развитія, дѣятельности Русскаго *народа;* когда хотѣли видѣть въ нашихъ удѣлахъ феодальное устройство, въ боярахъ такую же аристократію, какъ и на Западѣ, Новгородъ называли республикой, Бориса—Кромвелемъ, — однимъ словомъ, старались отыскать какое-нибудь сходство съ теоріей Западныхъ народовъ, чтобы дать Русской исторіи право гражданства въ «наукѣ». Опять же славянофилы указали на мѣсто Русскаго народа въ исторіи, обратили вниманіе на значеніе Земли и Государства, соборовъ, земства и земщины, заявили о богатствѣ ея внутренняго содержанія и о мысли, лежащей въ ея развитіи: къ сожалѣнію, труды главныхъ дѣятелей были прерваны смертію. — Но подъ вліяніемъ западно-демократическаго воззрѣнія началась новая переработка Русской исторіи, — въ которой западники новаго вида стали вновь всѣми силами отыскивать сходство съ Западной исторіей, но уже не съ аристократической, а демократической ея стороной. Какъ прежде выдумывали феодализмъ, такъ теперь навязали Русской исторической жизни «федерацію», «демократическую оппозицію», «стремленіе къ народовластію», «политическое народное честолюбіе», и пр., и пр., и исказили, опошлили до невѣроятности величавый и важный смыслъ словъ: Земли, земщины, земскаго собора, вѣча!... Какъ прежде считали очень лестнымъ для Русскаго самолюбія назвать Бориса похожимъ на Кромвеля, или инаго Русскаго «героя» на героя Греціи или Рима, такъ и теперь наши западники не безъ гордости стараются найти родственныя черты между иными Русскими дѣятелями съ одной стороны и — чуть-чуть не философами и Французскими дѣятелями второй половины XVIII столѣтія! Читая ихъ изслѣдованія, при всей внѣшней вѣрности послѣднихъ, вы никакъ не поймете, напримѣръ: отчего Русь называется Святою Русью, — названіе, котораго народности не могутъ же вѣдь отрицать и самые ярые демократы? Имъ и дѣла нѣтъ до того, какую нравственную задачу пытается разрѣшить этотъ народъ, которому они такъ пылко и отчасти хвастливо сочувствуютъ, какой нравственно-общественный идеалъ предносится передъ нимъ? За то, какъ фейерверкъ, затрещатъ предъ вами слова и фразы, въ родѣ: «демократически-отрицательная оппозиція», «соціальное на-

родоправное самоустройство», «общинно-демократическое или демократически-общинное развитіе» (sic). Особенно поразительны этою примѣсью лжи къ истинѣ — труды, впрочемъ достойные всякаго уваженія, одного новѣйшаго изслѣдователя въ области раскола. Мы вполнѣ цѣнимъ горячее сочувствіе автора къ бѣдствіямъ Русскаго простонародья въ XVII и XVIII вѣкахъ, но не можемъ не пожалѣть, что столько работы и таланта потрачено въ направленіи, такъ сказать, совершенно отрицательномъ, при очевидномъ непониманіи положительныхъ сторонъ Русской народности. Вся бѣда въ томъ, что онъ смотритъ на Русскую исторію и на расколъ съ западно-демократической точки зрѣнія и усердно наводитъ западно-демократическую краску на событія Русской народной жизни. Понимая расколъ *только и единственно* какъ протестъ политическій (значеніе протеста онъ безспорно имѣлъ), авторъ совершенно упускаетъ изъ виду его религіозную сторону, ходъ и развитіе религіозной мысли народа, нравственную внутреннюю исторію раскола, — не видитъ, не понимаетъ того значенія, которое имѣли и имѣютъ въ жизни Русскаго народа вопросы вѣры и церкви. Его сочувствіе къ Русскому народу разведено такимъ простодушно-прямымъ западно-демократическимъ соусомъ, его воззрѣніе на Русскаго мужика, его восторги и поклоненіе крестьянству такъ ниже истиннаго нравственнаго достоинства Русскаго крестьянина,— наконецъ во всѣхъ его произведеніяхъ звучатъ такія невыносимо-фальшивыя ноты,—что изслѣдованія его, сами по себѣ очень полезныя, теряютъ на половину своего значенія. Вотъ, напримѣръ, на удачу слѣдующее мѣсто: говоря о христовщинѣ (которую нѣкоторые называютъ хлыстовщиною), авторъ прибавляетъ: «религіозное самозванство Христами-искупителями, такъ-называемыя христовщины выражали ни что иное, какъ миѳическую, религіозно-антропоморфическую персонификацію *крестьянскаго народовластія*, миѳическое возвышеніе нравственно человѣческаго достоинства *крестьянской* личности, миѳическое возведеніе *крестьянской* личности до апотеозы». (Замѣтимъ при этомъ, что это просто невѣрно: всякій, будь онъ князь, поступая въ христовщину, могъ быть произведенъ въ Христа, вовсе не потому, чтобъ онъ обращался въ крестьянина, а по своей преданности ученію и по другимъ

достоинствамъ; вспомнимъ также, что и Петръ III, по смерти своей, считался одною сектою той же категоріи — Христомъ и императоромъ). Для насъ собственно важно самое выраженіе *крестьянское народовластіе,* а также и этотъ постоянный эпитетъ «демократическій», придаваемый авторомъ словамъ: «раскольничьи общины» и «раскольничья отрицательная оппозиція».

Демократизмъ и *народность!* Что такое демократія, демократизмъ? Эти слова понятны и имѣютъ жизненный смыслъ тамъ, гдѣ имъ противополагается аристократизмъ, аристократія, — но въ нашей жизни и въ нашей исторіи имъ мѣста нѣтъ. На Западѣ демократизмъ есть возведеніе бытовой идеи низшихъ классовъ общества въ политическій принципъ; другими словами: стремленіе передать политическую власть простому народу, матеріальное уравненіе всѣхъ слоевъ общества съ низшимъ его слоемъ. Такъ въ теоріи; на практикѣ— демократизмъ оказывался просто притязаніемъ демократовъ занять мѣсто аристократовъ. Въ сущности демократизмъ есть самое грубое, ослѣпленное честолюбіемъ, поклоненіе государственному принципу, началу внѣшней, матеріальной, принудительной, условной правды, и стремленіе внести это начало во внутрь народной жизни. У насъ же, въ Россійской литературѣ, это слово не имѣетъ никакого жизненнаго политическаго смысла, и употребляется ни къ селу ни къ городу, какъ простое выраженіе сочувствія къ народу. Странно было бы назвать Русскаго мужика демократомъ и зараженнымъ духомъ *народовластія,* когда онъ всячески избѣгаетъ политической власти, стараясь сохранить отъ вторженій государственности — свободу земскаго быта! Кажется — теперь уже достаточно разъяснено, что ничто такъ не враждебно народной свободѣ, какъ политическое народовластіе: если весь народъ превращается въ правительство, то нѣтъ уже народа: правда внѣшняя вытѣсняетъ правду внутреннюю, законъ внѣшній отмѣняетъ совѣсть, однимъ словомъ — изгоняется та свобода быта, которую такъ тщательно оберегалъ Русскій народъ отъ начала государственности, отдѣляя отъ себя политическую власть и отвлекая ее на поверхность. Демократизмъ на Западѣ имѣетъ законное историческое значеніе, какъ выраженіе вражды и борьбы между угнетеннымъ

завоеваннымъ народомъ и аристократами-завоевателями. На завоеваніи основаны всѣ Европейскія государства, и весь ихъ гражданскій строй, всѣ политическія теоріи выражаютъ одну-единственную заботу: привести въ механическое равновѣсіе эти двѣ борющіяся стихіи. Вездѣ натискъ и отпоръ, нападеніе и огражденіе, обвиненіе и защита, — вездѣ одно и то же начало проведено и въ учрежденіи конституціонныхъ палатъ, и въ устройствѣ суда, — во всѣхъ государственныхъ институтахъ. Равенство! Но Западное равенство есть чисто внѣшнее равенство гражданскихъ правъ, полное внутренней вражды и раздѣленія. Западъ понимаетъ равенство единственно матеріальнымъ, грубымъ, формальнымъ образомъ, опредѣляя его вѣсами и мѣрой, добывая топоромъ и всяческимъ насиліемъ. Равенство, о которомъ мечтаютъ соціалисты, есть что-то въ родѣ казарменнаго равенства, и того солдатскаго единообразія, за которымъ наблюдаетъ начальство, а не живое, свободное единство. Не такъ понимаетъ равенство Русскій и вообще всѣ Славянскіе народы (преимущественно православные, у которыхъ это начало сохраняется чище, чѣмъ, къ сожалѣнію, въ Россіи). У нихъ есть нѣчто высшее, чѣмъ то демократическое равенство, о которомъ грезятъ западные утописты, у нихъ есть *братство*, то начало духовнаго христіанскаго равенства, при которомъ могутъ законно и свободно существовать различія въ званіи, положеніи и состояніи, предоставленныя естественной переработкѣ исторіи и жизни. Разумѣется, мы противъ всякаго неравенства *гражданскихъ* правъ, но мы хотимъ сказать, что никакое гражданское равенство (égalité), не даетъ еще ни fraternité, ни liberté, ни братства, ни свободы, — началъ нравственно духовныхъ, не добываемыхъ никакою внѣшнею силою, никакими государственными законами и постановленіями.

Мы желали въ этой статьѣ только предварить нашихъ читателей о новомъ замаскированномъ костюмѣ, въ которомъ является къ намъ западная ложь, наряжаясь теперь уже въ Русской зипунъ, онучи и лапти, и кипятясь фразистымъ восторженнымъ сочувствіемъ къ Русскому народу въ явленіяхъ его исторической жизни. Объ отношеніи идеи демократизма къ идеѣ Русской народности, мы, разумѣется, не одинъ еще разъ будемъ бесѣдовать съ читателями, а теперь напоминаемъ

имъ статьи К. С. Аксакова, помѣщенныя въ 1 томѣ Полнаго Собранія его сочиненій (о Земскихъ Соборахъ, Русская Земля и Государство, и пр.). Мы надѣемся также въ скоромъ времени представить въ «Днѣ» подробный отчетъ о послѣднихъ сочиненіяхъ о расколѣ, а также и разборъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ западныхъ государственныхъ теорій.

1863 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ).

Въ чемъ сила народности?

Москва, 10-го марта.

У насъ нерѣдко ставятъ въ упрекъ Пруссіи онѣмеченіе ея Польскихъ владѣній; «германизмъ» или «тевтонизмъ» является въ глазахъ Русскихъ и Польскихъ патріотовъ — «яко левъ рыкаяй, искій кого поглотити». Соприкосновеніе съ Нѣмцами, допущеніе Нѣмцевъ селиться въ Польшѣ и Россіи, представляютъ такія опасности для нашей Славянской народности, противъ которыхъ, по мнѣнію автора «писемъ Поляка изъ Познани», необходимо принять быстрыя и энергическія мѣры. Прибавимъ къ тому, что точно такимъ же злымъ врагомъ, готовымъ поглотить нашу Русскую народность, мерещится намъ (и не безъ основанія) полонизмъ — въ Литвѣ и Западномъ краѣ Россіи...

Германизмъ, тевтонизмъ... Въ самомъ дѣлѣ, что̀ это за страшный звѣрь, передъ которымъ не стыдятся обнаружить свою трусость самые отчаянные Польскіе смѣльчаки?... Полонизмъ... Какое же это могущество, которое, повидимому, такъ смущаетъ могущественное Русское государство? Какая сила въ этихъ *измахъ?* Что̀ это — армія, что ли? Нѣтъ, не армія, да у насъ есть и свои арміи, получше Нѣмецкихъ и Польскихъ... Ужь не новое ли нашествіе полчищъ, въ родѣ

полчищъ Батыя или Магомета II, или Солимана? Нисколько,—да и по отзыву всѣхъ Польскихъ и Русскихъ писателей, тевтонизмъ всего опаснѣе для Польши, а полонизмъ для Западнорусскаго края — во времена мира: вся сила этой враждебной силы именно въ *мирѣ*. Что же это? Государство ли, стремящееся поработить чужую народность?... Но цѣльной государственной Германіи мы не видимъ, да и нѣтъ такого Нѣмецкаго штата, который былъ бы одинъ выраженіемъ германизма; а Польское государство уже лѣтъ семьдесятъ какъ вовсе не существуетъ. Что-жъ это наконецъ? Учрежденіе ли, крѣпкая ли организація какого-нибудь института, стройная ли система, всѣми принятая, всѣми послушно приводимая въ исполненіе, тайное ли общество, заговоръ, въ которомъ участвующіе дружно повинуются условленному плану дѣйствій?... Нѣтъ ли, въ самомъ дѣлѣ, возможности осязать, ощупать этого могучаго врага, наступить на хвостъ грозному чудовищу, отрубить ему голову, или хоть запереть въ желѣзную клѣтку?

Разумѣется, нѣтъ, отвѣтятъ наши читатели. Если же эти *измы* не матеріальная сила, то въ этомъ страхѣ, напр. германизма, у Поляковъ, не выражается ли въ то же время довольно унизительное признаніе своей собственной нравственной слабости? И сами мы развѣ не стыдимся говорить во всеуслышаніе, что боимся *ополяченія* нашихъ Западныхъ областей, точно также какъ Поляки *онѣмеченія* Познани? Поляки приходятъ даже къ заключенію, что гнетъ и притѣсненіе несравненно выгоднѣе для здравія и долгоденствія Польской народности, возбуждая ея противодѣйствіе,—чѣмъ Нѣмецкое деликатное обращеніе, усыпляющее Польское народное чувство... Впрочемъ, оставимъ полонизмъ въ сторонѣ: для насъ достаточно опредѣлить значеніе этой силы на примѣрѣ германизма или тевтонизма. Въ этомъ страхѣ, повторяемъ, выражается у Поляковъ признаніе за нѣмцами такого могущества нравственнаго вліянія, передъ которымъ ничтожна Польская храбрость. Дерзкіе, почти непобѣдимые въ бою на ратномъ полѣ, въ борьбѣ грубыхъ вещественныхъ силъ, они почти безъ сопротивленія сдаются въ мирномъ бою, предъ натискомъ мирной, невещественной, *умной,* духовной силы!—Мы уже выше, одною постановкою вопроса, кажется ясно для читателей по-

казали, что это вліяніе есть чисто нравственная сила, которою никто не управляетъ, не распоряжается, которую никто не организировалъ и не организуетъ; что это не государство и не институтъ; что она, какъ тонкій воздухъ, проникающій въ самые сокровенные волосяные сосуды человѣческаго тѣла, обхватываетъ собою цѣлыя страны, проникая въ умъ, душу и сердце человѣка, окрашивая своимъ, неуловимымъ для опредѣленія, колоритомъ всѣ его представленія, видоизмѣняя по своему его убѣжденія, вторгаясь въ самую рѣчь, въ самый бытъ народный.—Намъ скажутъ, что въ этомъ нѣтъ ничего новаго, что «высшая культура всегда подчиняетъ, ассимилируетъ себѣ культуру слабѣйшую». Это, конечно, справедливо, но не слѣдуетъ забывать одного, что эта культура не есть что-то общее и отвлеченное, а реальное, жизненное явленіе, органически возникшее на *извѣстной* почвѣ, подъ опредѣленными условіями мѣста и времени. Если бы дѣло шло вообще о преимуществѣ культуры или образованія, то необразованный Полякъ сталъ бы Европейски-образованнымъ Полякомъ, — и только, но онъ перерождается въ *Нѣмца*, усвоиваетъ себѣ не одну такъ-называемую культуру, но и *національность*, рѣзко опредѣленную и обособленную въ семьѣ разныхъ національностей человѣчества. — Дѣло въ томъ, что самая эта культура есть произведеніе *національнаго* Германскаго духа, самостоятельный вкладъ Германскаго племени въ общую сокровищницу всемірно-человѣческаго просвѣщенія. Для того, чтобы творить и создавать, надобно носить въ себѣ *самобытную* творческую и зиждительную силу,—чтобы подчинить себѣ чужую личность, надо самому быть не безличнымъ, а обладать личностью самостоятельною и развитою,—однимъ словомъ, чтобы *онѣмечить—надо быть Нѣмцемъ.*

Такъ; но развѣ Поляки менѣе Поляки, чѣмъ Нѣмцы—Нѣмцы? Безспорно, что Польская національность одна изъ самыхъ упругихъ, упорныхъ національностей,—однакожъ она слабѣе Германской, и слабѣе именно потому, что Польская самостоятельность болѣе внѣшняя, чѣмъ внутренняя, болѣе матеріальная, чѣмъ духовная; что *самостоятельной* Польской культуры у Поляковъ почти нѣтъ, что просвѣтительное начало цивилизаціи въ Польшѣ, принесенное изъ Рима, было чуждо ея Славянской стихіи и дало только искусственные,

по внѣшнему виду блестящіе, но внутри гнилые плоды; однимъ словомъ, что цивилизація Польская менѣе *народна*, чѣмъ Германская, что образованный Полякъ *безличнѣе* образованнаго Нѣмца.

Посмотрите вообще на это грустно-поучительное зрѣлище— духовныхъ завоеваній германизма какъ въ Польскихъ, такъ и въ другихъ Славянскихъ земляхъ. Не вещественное могущество даетъ ему побѣду, не угнетательныя системы правительствъ: напротивъ, едва ли не бо́льшая опасность стала грозить Славянскимъ племенамъ Австрійской имперіи съ тѣхъ поръ, какъ матеріальный гнетъ сдѣлался менѣе чувствителенъ и національному развитію предоставлено больше свободы. Нѣмцы разныхъ племенъ, разныхъ мѣстностей, — безъ всякой даже стачки между собою, — онѣмечиваютъ Славянство только потому, что они — Нѣмцы (подобно тому, какъ Французы офранцуживаютъ потому, что они—Французы), потому еще, что національность свою внесли они въ высшую область духа, что она не зависитъ ни отъ матеріальныхъ удобствъ жизни, ни отъ политическихъ условій, что она не осталась достояніемъ лишь одной необразованной массы простого народа...

Почти въ такомъ же отношеніи находится полонизмъ къ Западной Россіи, въ какомъ германизмъ къ самой Польшѣ,— съ тою разницей, что у насъ дѣйствіе этой нравственной силы еще поразительнѣе. Польская культура, сама по себѣ, какъ мы уже показали, не въ состояніи выдерживать напора германизма, по недостатку національной въ ней самобытности, — но тѣмъ не менѣе, не обрусѣніе видимъ мы въ областяхъ, бывшихъ долго частью Польскаго королевства, а *ополяченіе.* Любопытенъ и достоинъ тщательнаго изслѣдованія вопросъ: отчего же, при этихъ условіяхъ, мы не *обрусили* Западный край,—владѣя всѣми нужными для того матеріальными способами, и даже внѣшними соблазнами государственной силы, могущества, славы? Отчего мы не обрусили Остзейскихъ провинцій? Правда, послѣднія пользуются особенными преимуществами,—но вѣдь губерніи Западнаго края не ограждены никакими привилегіями въ пользу Польской стихіи: напротивъ, Русскій элементъ поддерживается тамъ всѣми средствами Русскаго могущества.

Отвѣтъ нашъ очень простъ. Чтобы *обрусить* — надо быть *Русскимъ*, а Русскихъ-то между нами и нѣтъ. Поляки болѣе Поляки, чѣмъ мы — Русскіе. Прежде чѣмъ *обрусивать* (если можно такъ выразиться) Поляковъ, Русскимъ слѣдуетъ *обруситься* самимъ. Конечно, Русскій простой народъ несомнѣнно и непоколебимо Русскій, — но, какъ мы уже не разъ говорили, одна непосредственная бытовая сила народности, безъ народнаго самосознанія, безъ дѣятельности народнаго духа въ высшей области мысли и знанія,—есть сила пассивная, не только не способная подчинять себѣ чужія, сколько-нибудь развитыя народности, но сама легко, незамѣтно имъ подчиняющаяся. Повторяемъ, безъ высшей сознательной дѣятельности народнаго духа—народность массъ не надежна. Область же этой дѣятельности есть именно то, что̀ называется обществомъ, т. е. среда, гдѣ личное просвѣщеніе народныхъ единицъ, переставшихъ быть однородною массою, образуетъ новое сознательное народное единство, новую силу общественности. А есть ли у насъ эта сила? Есть ли у насъ — Русскіе, кромѣ простаго народа, лишеннаго всякихъ средствъ къ образованію? Есть ли у насъ это Русское общество?

Разрѣшенію этого вопроса можетъ намъ отчасти пособить помѣщаемое нами ниже письма изъ Парижа. Что̀ дѣлаетъ Русское общество въ то самое время, когда мы такъ бѣдны и слабы общественною силою, когда намъ такъ настоятельно-нужно общество, какъ необходимый органъ народнаго развитія? 275,000 Русскихъ уѣхавшихъ въ 1860 г. за границу— эта цифра служитъ самымъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ: 275,000! Это значитъ по крайней мѣрѣ 70,000 семействъ; это почти цѣлая четверть Русскаго дворянства,—но, разумѣется, не одно дворянство участвовало въ этой эмиграціи. Разумѣется также, что значительная часть уѣхавшихъ возвратилась — да мы и не противъ путешествія по чужимъ землямъ и считаемъ его даже очень полезнымъ, — а наша рѣчь направлена противъ той огромной массы Русскихъ, которые изъ путешественниковъ обратились въ осѣдлыхъ заграничныхъ жителей, и въ особенности противъ тѣхъ, которые воспитываютъ своихъ дѣтей за границей. Хороши выйдутъ Русскіе—эти несчастныя дѣти, такъ деспотически лишаемыя родителями всего, что̀ можетъ дать только отчизна: общаго единства жизни съ Русскимъ

народомъ, роднаго быта, связывающаго дитя неуловимыми нитями съ его землею, воспитывающаго и укрѣпляющаго человѣка въ духѣ его народности сильнѣе и прочнѣе всякихъ уроковъ и наставленій, — впечатлѣній родной природы, непосредственнаго дѣйствія на умъ и душу — народнаго ума, народной рѣчи... Такое варварское посягательство на дѣтскія души приняло у насъ въ послѣднее время громадные размѣры. Нѣжные родители безъ церемоній *крадутъ* у Русскаго ребенка его народность, и увѣряютъ себя и другихъ, что готовятъ самостоятельныхъ дѣятелей, полезныхъ гражданъ и гражданокъ, воображаютъ, что исполняютъ свой долгъ, приносятъ жертву, пребывая за границей. И все это ложь! Они даже и жертвы никакой не приносятъ, а живутъ за границей потому, что имъ тамъ пріятнѣе, чѣмъ дома, гдѣ они, въ душевной своей пустотѣ, не находятъ для себя дѣла, или гдѣ, напротивъ, есть дѣло, трудное, некрасивое, но тѣмъ не менѣе полезное дѣло, котораго они бѣгутъ, предпочитая быть праздными, чуждыми гостями на чуждомъ пиру; они готовятъ не самостоятельныхъ дѣятелей, о чемъ они вовсе и не заботятся, а космополитовъ съ общеевропейскою-казенною физіономіею и душою, безъ національности, безъ отечества, безъ церкви, — людей, которымъ подобныхъ не представляетъ Европа, гдѣ нѣтъ безличныхъ физіономій, гдѣ немыслимо человѣческое развитіе внѣ народности. Недавно въ Московскихъ Вѣдомостяхъ напечатано воззваніе Русскихъ дамъ и кавалеровъ, пребывающихъ въ Дрезденѣ, къ благотворительности Русскихъ, живущихъ въ Россіи, для довершенія въ Дрезденѣ православной церкви. Особы, подписавшія это приглашеніе, умилительно описываютъ удобство и прелесть Дрезденскаго житья и наивно говорятъ о выгодахъ воспитанія Русскихъ дѣтей среди Нѣмцевъ. Извѣстно, что Дрезденъ сдѣлался теперь чуть-чуть не Русскою колоніей, такъ что число дѣтей, воспитываемыхъ въ Дрезденѣ, представляетъ очень почтенную цифру. Для того же, чтобъ это отступничество отъ своей народности совершилось съ бо̀льшимъ комфортомъ, безъ упрека для робкой совѣсти, и главное — служило приманкой для прочихъ Русскихъ семействъ, еще коснѣющихъ въ Россіи, построена тамъ Русская церковь. Если бы въ Дрезденѣ жили только бѣдные Русскіе, лишенные средствъ воспитывать дѣтей до̀ма, мы бы не сказали

ни слова, но, судя по подписямъ, мы въ правѣ утверждать, что эти семейства имѣютъ полную возможность дать прекрасное воспитаніе своимъ дѣтямъ и въ Россіи. Къ чему же совершать, повторяемъ, это воровство-кражу у Русскихъ дѣтей—ихъ Русской народности? Точно съ тою же цѣлью предполагается постройка церкви и въ Женевѣ, гдѣ въ настоящее время до 200 Русскихъ семействъ воспитывается въ разныхъ Швейцарскихъ пансіонахъ...

И это наши будущіе вожди народа! Это будущій составъ Русскаго народнаго общества!

Ни презрѣніе иностранцевъ, такъ громогласно высказавшееся недавно во Французскомъ сенатѣ и Англійскомъ парламентѣ, устами принца Наполеона, Бонжана, Генесси и другихъ,—ни оскорбленія, наносимыя ежедневно и ежечасно Русской, не только государственной, но и народной чести, всѣми органами Европейской публичности, — ни положеніе самой Россіи—трудное, исполненное опасностей, Россіи, вступившей въ критическій періодъ существованія, Россіи, богатой дѣломъ всякаго рода, не правительственнымъ только, но и общественнымъ,—ничто не вразумляетъ, ничто не возмущаетъ нашихъ заграничныхъ Русскихъ, продолжающихъ тратить въ пользу иноземцевъ наши Русскія деньги!

Спрашиваемъ опять читателя: въ состояніи ли *эти* Русскіе, изготовляемые намъ слабоуміемъ попечительныхъ Русскихъ родителей за границей, въ состояніи ли они будутъ *обрусить* ополяченныхъ туземцевъ Западнаго края, сладить съ напоромъ германизма, возродить къ самостоятельной нравственной дѣятельности Русское общество, возстановить союзъ общества съ народомъ, стать представителями Русскаго народа и оживить Россію новыми духовными силами, силами просвѣщенной Русской народности,—безъ которыхъ все ея матеріальное могущество мертво и безплодно!

Съ подобнымъ обществомъ мы не въ состояніи дать никакого отпора Европѣ... Оставляя въ сторонѣ заботу о заграничныхъ Русскихъ, подумаемъ о томъ, какъ бы освѣжить, обновить силою Русской народности остатки Русскаго общества у насъ, дома... Начало тому мы видѣли недавно на новыхъ городскихъ выборахъ, въ залѣ благороднаго собранія

въ Москвѣ, 16 марта, гдѣ *пятьсотъ* представителей разныхъ сословій собрались въ первый разъ, вмѣстѣ, для общественнаго дѣла... Благое начало!

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ „ДНЯ“ *).

1.

Изъ Парижа.

Изо всѣхъ животныхъ, способныхъ въ акклиматизаціи, человѣкъ, какъ извѣстно, есть самое удобное животное и акклиматизируется всего послушнѣе и легче; но изъ различныхъ экземпляровъ человѣческой породы, безспорно — самое видное, почетное и первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ Россійскимъ людямъ,—т. е. Россійской публикѣ, Россійскимъ образованнымъ классамъ, но, конечно, не Русскому простому народу. Это исключеніе просимъ подразумѣвать вездѣ, гдѣ въ нашемъ письмѣ говорится о Россіи и Русскихъ. Поселится ли Русскій человѣкъ, напримѣръ, въ Англіи,—не только дѣлается онъ тотчасъ англоманомъ по убѣжденіямъ, образу мыслей и складу ума (это ужъ чисто дѣло головы), но и начинаетъ чувствовать какъ Англичанинъ, — и желудокъ у него становится Англійскій, и передніе зубы какъ-то выростаютъ и стискиваются совершенно по-Англійски. За то лучшей для него награды и быть не можетъ, какъ услышать отзывъ, что «онъ — Англичанинъ, совсѣмъ какъ есть Англичанинъ!» — Поселите Русскаго во Франціи, въ Парижѣ,— и откуда ни возьмись, даже у воспитанника духовной семинаріи являются и быстрота говора и Парижское произношеніе буквы р, какъ *рр*, и Парижская пѣвучесть рѣчи, и Французская вертлявость, и Французская любезность, и мастерство Французскихъ фразъ: Французъ, совершенный Французъ! Если въ концѣ прошлаго вѣка Фонъ-Визинъ серьезно обижался дерзостью комплимента, которымъ Французы обыкновенно при-

*) Письма эти были подписаны въ газетѣ псевдонимомъ «Касьяновъ».

вѣтствовали Русскаго путешественника: mais, monsieur, vous n'avez pas l'air russe du tout,— то Русскіе путешественники XIX вѣка уже совершенно не похожи на чудака Фонъ-Визина, и то, что̀ поражало тогда Француза, теперь уже сдѣлалось чѣмъ-то совершенно нормальнымъ и законнымъ. Un Russe ne doit pas avoir l'air russe du tout — Русскій не долженъ смотрѣть Русскимъ даже и по виду,— и Русская колонія въ Парижѣ была бы въ высшей степени скандализована, еслибъ кто либо, дѣйствительно, внѣшнимъ своимъ видомъ отличался отъ Француза и давалъ знать, что онъ — Русскій. Впрочемъ, кому неизвѣстно, что Русское высшее свѣтское общество въ Санктпетербургѣ имѣетъ серьезную претензію—на что̀ бы вы думали? на то, что въ немъ сохранился Французскій языкъ во всей своей старинной, до-революціонной, элегантной, салонной чистотѣ и красивости,—что Русскіе въ этомъ отношеніи лучшіе Французы, чѣмъ сами Французы, что только въ Петербургѣ или въ Русской аристократической колоніи въ Парижѣ могутъ и должны Французы отыскивать—и le bon vieux français и le bon goût старинныго Французскаго общества временъ г-жъ Помпадуръ и Дюбарри, или даже — временъ реставраціи и господства du noble faubourg St. Germain!—Истинно, «полна чудесъ» Русская земля! Чего не найдешь на Руси, на нашей, по выраженію «Дня», — «святой, великой — нашей безобразной Руси!»

Но возвратимся къ Русскимъ за границею. Перечислять вамъ подробности, какъ Русскій баринъ охотно и легко голландится, швейцарится, итальянится — и даже нѣмечится (последній процессъ, впрочемъ, совершается труднѣе, потому что тутъ требуется уже нѣкоторое Нѣмецкое добросовѣстное отношеніе къ наукѣ), мы не станемъ: это извѣстно каждому, это каждый Русскій можетъ повѣрить на себѣ, по собственному опыту; это можно видѣть въ особенности на Русскихъ духовныхъ миссіяхъ, пребывающихъ за границей. Между тѣмъ какъ служители всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій не измѣняютъ установленнаго обрядомъ своего костюма, нигдѣ, ни даже въ Парижѣ,— только Русское духовенство старается изо всѣхъ силъ, чтобъ его не признали за духовенство! Разумѣется, нѣтъ никакой важности въ томъ, ходитъ ли духовенство во фракѣ или расѣ,— но важность великая въ тѣхъ побужденіяхъ, ко-

торыя заставили его сбросить рясу для фрака. Надобности въ томъ нѣтъ никакой. Вѣдь священники Римско-католическіе, протестантскіе, православные—Молдавскіе, Валашскіе, Армянскіе свободно разгуливаютъ по Парижскимъ улицамъ, нисколько не боясь и не возбуждая насмѣшекъ: одни Русскіе стыдятся предъ иностранцами своей одежды, своего обычая, своей народности, себя самихъ! Неудивительно послѣ этого, что Русское духовенство за границей не дѣлаетъ прозелитовъ.

Европа мало знала Русскихъ до послѣдней Восточной войны; она ихъ боялась и ненавидѣла. Съ того же времени, какъ Русскіе нахлынули на Европу и наводнили ее собою, Европа узнала ихъ покороче, и результатомъ этого близкаго знакомства — вышло глубочайшее и всесовершеннѣйшее презрѣніе. Это презрѣніе вполнѣ заслужено Русскими путешественниками,— и Европу нечего винить за то, что она считаетъ ихъ представителями всей Русской націи,— *интеллигенцією* Русскаго народа! Европѣ невѣдомо, въ какомъ обратномъ отношеніи находится Русское «образованное» общество къ Русскому народу, она не изслѣдовала всей нашей внутренней, домашней исторіи, и потому имѣетъ полное право заключать по нашимъ путешественникамъ и о всей нашей странѣ,— а эти послѣдніе, какъ уже было сказано, способны были до сихъ поръ возбуждать только презрѣніе. И это презрѣніе вызывается не варварствомъ, не невѣжествомъ (путешественники не уступаютъ своимъ образованіемъ большинству Французовъ),— не внѣшнимъ неряшествомъ одежды и уклоненіемъ отъ моды (Русскіе одѣваются лучше всѣхъ за границей и отступать отъ моды не смѣютъ),— не какими-либо особенными темными дѣйствіями,— а именно безличностью, безнародностью, или вѣрнѣе: съ одной стороны — душевнымъ холопствомъ, трусостью предъ чужимъ мнѣніемъ, ложнымъ стыдомъ, вѣчною заботою походить во всемъ на иностранцевъ, низкимъ искательствомъ у иностранцевъ похвалы и милостивой улыбки, угодничествомъ, отсутствіемъ всякой самостоятельности въ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ, съ другой стороны — чванствомъ, хвастовствомъ самымъ суетнымъ, самаго низкаго качества, тщеславною расточительностью, и — барствомъ, нисколько не величественнымъ, а пошлымъ, пошлымъ до невыразимости! Разумѣется, мы говоримъ про большинство;

есть и тутъ почтенныя исключенія. — Впрочемъ, говоря вообще, что же и явили мы Европѣ, за что бы ей слѣдовало уважать насъ? Какую мысль, какое знаніе, какое открытіе? Чѣмъ даритъ Европу Россія? Да только балетными танцовщицами! Если не головою, такъ ногами мы, дѣйствительно, взяли! За то, какъ и услаждается національное самолюбіе Русскихъ патріотовъ, при видѣ восторга, въ который впадаютъ иностранцы отъ искусства Россійскихъ танцовщицъ. Поблагодаримъ этихъ единственныхъ представительницъ Русскаго народа, вызывающихъ сочувствіе Европы! Quels jarrets, quels mollets, восклицаютъ Французы, и съ какою гордостію слышитъ эти возгласы Русское ухо!

Русскіе за границей — это Мольеровскій bourgeois gentilhomme, мѣщане во дворянствѣ. Подобно тому, какъ послѣдніе стыдятся своей родни и отрекаются отъ своего происхожденія, такъ и Русскіе спѣшатъ осудить вслухъ иностранцамъ все Русское, унижаясь, просятъ извиненія для грубой народности Русской и восхваляютъ все заграничное! Гдѣ нѣтъ Русскихъ путешественниковъ! По оффиціальнымъ даннымъ, приведеннымъ въ одной изъ статей октябрской книжки Русскаго Вѣстника, оказывается, что въ 1860 году отправилось за границу 275,582 человѣка. Страшная цифра! Какая мѣстность необъятной Россіи не выслала сюда своихъ представителей! Уржумъ, Белебей, Стерлитамакъ, всѣ уѣзды Оренбургской, Казанской, Вятской губерніи потянулись въ Парижъ, въ Дрезденъ, въ Баденъ! Помѣщики и помѣщицы, до старости лѣтъ дожившіе въ своихъ деревняхъ, на сытномъ хлѣбѣ, въ барскомъ неглиже, халатахъ, капотахъ и бѣличьихъ тулупахъ; потревоженные — какъ стая дикихъ утокъ выстрѣломъ охотника — отмѣною крѣпостнаго права, поднялись стаей и опустились на Европу. Можно было думать, что вотъ они-то, по крайней мѣрѣ, явятъ иностранцамъ что-нибудь свое, оригинальное, — хотя бы и уродливое, — ни чуть не бывало! Они, дѣйствительно, очень оригинальны за границей, — но не самостоятельностію, а преизбыткомъ душевнаго раболѣпства предъ иностранцами вообще, предъ Французами въ особенности. Смотришь и не вѣришь: какая-нибудь Мамадышская барыня, весь свой вѣкъ солившая грибы и расправлявшаяся по-барски съ мужиками, побывавъ въ Парижѣ, ужъ и жить-то не мо-

жетъ безъ Парижа, — и замѣчательно, что чѣмъ отдаленнѣе край Россіи отъ Москвы или Петербурга, тѣмъ сильнѣе тянетъ помѣщика оттуда — именно въ Парижъ.

275,000 Русскихъ! Что внесли они новаго въ Европу? Какой новый элементъ общественной жизни? Познакомили ли хоть съ Россіей? Познакомили дѣйствительно — съ ея недугомъ, съ полною деморализаціей Русскаго общества въ смыслѣ политическомъ и общественномъ, съ его отчужденіемъ отъ Русской народности, съ его духовною зависимостью отъ Европейскаго общественнаго мнѣнія. Вспомнимъ слова Генесси и другихъ ораторовъ въ Англійскомъ парламентѣ о трусости Русской въ этомъ отношеніи и о томъ, что Русскіе всего пуще боятся невыгодной для себя огласки въ Европѣ! Мы хотѣли бы забыть, да къ несчастію помнимъ, — еще слишкомъ недавно раздавшіяся на сенатской трибунѣ слова двоюроднаго брата императора Наполеона, во всеуслышаніе всего міра. Конечно, — этотъ принцъ plon-plon, состоящій при Людовикѣ-Наполеонѣ въ качествѣ демократа и революціонера, котораго Французское правительство спускаетъ съ цѣпи полаять, когда признаётъ это нужнымъ, — конечно, принцъ Наполеонъ не пользуется ничьимъ уваженіемъ въ Европѣ, — но тѣмъ не менѣе слова эти были произнесены публично съ трибуны, несмотря на присутствіе нѣсколькихъ тысячъ Русскихъ въ Парижѣ. Онъ сказалъ, что «Русскіе, послѣ Восточной войны, явились цѣловать руку, которая ихъ била». И онъ — правъ, вотъ что и ужасно! Онъ правъ, потому что дѣйствительно таково было поведеніе Русскихъ путешественниковъ въ Парижѣ...

«Поучите насъ, мы невѣжды, простите намъ наши вины, — снизойдите къ нашей неопытности, наставьте насъ глупыхъ»... Вотъ что слышится, въ словахъ и такъ-сказать между словъ, у Русскихъ за границей. «Вы больно деретесь, но мы вамъ благодарны, намъ благодѣтельны были эти побои... мы въ Русской литературѣ хоромъ прославляемъ благодѣяніе Парижскаго мира!...»

Да, принцъ Наполеонъ, повторяемъ, имѣлъ право нанести намъ такое оскорбленіе, котораго бы не вынесла равнодушно ничья чужая національность... А мы... Посмотрите: Русское общество въ Парижѣ даже не поморщилось, — и продолжаетъ по прежнему являться на праздникахъ...

275,000 человѣкъ, изъ которыхъ, конечно, половина поселились за границей на долгое житье, съ цѣлью воспитанія дѣтей. Хороши будутъ дѣти! Есть чему радоваться!

Я удивляюсь, какъ ваша газета такъ легко относится къ этому печальному факту, пагубному для Россіи во всѣхъ смыслахъ—и въ экономическомъ, и въ нравственномъ, и въ соціальномъ. Или вы глядите на эту дворянскую эмиграцію изъ Россіи, какъ на явленіе вполнѣ законное и даже желанное? Вы, вѣроятно, думаете, что лучше для Россіи избавиться этого населенія Русской земли, — что Богъ съ ними, съ такими Русскими, что Русь въ нихъ не нуждается, и они ей только мѣшаютъ; наконецъ, что всѣ эти путешественники—*лишніе люди*... Можетъ-быть—вы и правы!

Парижъ, 24/12 Марта.

2.

Изъ Парижа.

Представьте себѣ — какая странность! *Лишніе* въ своемъ отечествѣ люди—оказываются лишними всюду! Такъ мудрено устроенъ этотъ міръ, что куда ни сунешься, желая высвободиться изъ душной атмосферы народности, національныхъ и отечественныхъ интересовъ, вездѣ наткнешься на какое-нибудь «отечество» или «національность». Преисудобно, особенно для нашихъ Русскихъ космополитовъ! Извѣстное дѣло, что Русскому, влекомому широкимъ сочувствіемъ собственно ко *всему* человѣчеству, съ сердцемъ, бьющимся единственно для *обще*-человѣческаго, почему-то представляется, что все *сіе* обрѣтается только за границей, и велико бываетъ его разочарованіе, когда нигдѣ не удается ему поймать, увидѣть, обнять человѣчество *вообще,* а въ разверстыя объятія космополита попадаетъ на первомъ же шагу—Нѣмецъ! да и то не просто Нѣмецъ, als solcher, а Нѣмецъ извѣстнаго сорта и вида, опредѣленный in genere и in specie:—сначала Пруссакъ, который скажетъ вамъ съ гордостью, ткнувъ себя пальцемъ въ грудь: hier pocht ein preussisches Herz *), потомъ Саксонецъ, потомъ Гессенъ-Кас-

---

*) Здѣсь бьется Прусское сердце.

селецъ, Гессенъ-Дармштадтецъ, Гессенъ-Гомбургецъ, Гессенъ-Филиппсталецъ, Гессенъ-Филиппсталь-Баркфельдецъ (у котораго тоже pocht ein hessen-philippstahl-barkfeldsches Herz), и чуть ли не Гессенъ-Гессенецъ!.. Вездѣ за границей люди живутъ у себя *дома*, а изо всего этого выходитъ какъ-то человѣчество вообще, и вырабатывается обще-человѣческое! Странно! Русскій же нарочно дома не живетъ, рыщетъ по всему свѣту, отрѣшился отъ узкихъ оковъ, налагаемыхъ понятіями о семьѣ, національности, родной странѣ,—а все-таки—и самъ себя не смѣетъ причислить къ «человѣчеству» и «обще-человѣческаго» ничего у него не вырабатывается! Странно! Больше чѣмъ странно: несправедливо! Латинское изреченіе гласитъ: homo sum, и проч., т. е.: я человѣкъ и ничто человѣческое мнѣ не чуждо; Русскій говоритъ: «я человѣкъ и потому все Русское мнѣ чуждо; мнѣ подавай — обще-человѣческаго», — а оно-то и не дается! Мало того: путешествуешь по Европѣ, живешь, кажется, со всѣмъ человѣчествомъ одною жизнію, а все-таки туземцы Европы смотрятъ на тебя, какъ на праздношатающагося, какъ на лишняго и незваннаго гостя!

Но никогда наши *лишніе* не оказывались до такой степени лишними за границей, какъ теперь, при современныхъ событіяхъ въ Польшѣ. Даже въ Парижѣ, въ этомъ притонѣ лишнихъ людей всего міра, наши Русскіе *гулящіе* люди (употребляя юридическій терминъ до-Петровской Руси), въ правѣ запѣть пѣсенку:

Мнѣ моркотно молодому,
Нигдѣ мѣста не найду!

Нигдѣ,—даже въ Прадо, даже въ Баль-Мабилѣ, этомъ завѣтномъ Русскомъ *dahin*, куда такъ ревностно стремятся помыслы Русскихъ изъ Россіи, этомъ гостепріимномъ пріютѣ, гдѣ имъ привольнѣе и теплѣе, чѣмъ дома, гдѣ они, казалось, уже получили права нѣкоего гражданства, и вдругъ...

Баль-Мабиль очень сочувствуетъ Полякамъ, — очень; всѣ гризетки преклоняются предъ общественнымъ мнѣніемъ, вся канканирующая и не канканирующая публика повторяетъ, какъ истину, о которой уже и не спорятъ, что Франція, toujours si libérale, si généreuse, должна помочь «народу мученику» и освободить его отъ *варваровъ*... Варваръ! Чего не дѣлали мы, чтобъ попасть въ другой чинъ, сколько поклоновъ и милліо-

новъ потрачено, чтобы заслужить повышенія въ Европейцы, чтобы *своими* сочла насъ Европа,—ничто не беретъ! Чуть что̀ задѣнетъ ее за живое, все старое выплываетъ вновь, и опять— «казакъ», «кнутъ», «варваръ» на языкѣ у каждаго Француза, отъ пляшущаго на балахъ Тюильери до пляшущаго въ Баль-Мабилѣ. Недавно, говорятъ, на балѣ въ этомъ знаменитомъ заведеніи, толпа окружила одного господина, который почему-то подалъ ей поводъ думать, что онъ Русскій. «Вонъ его, вонъ», заревѣла публика, мы не хотимъ видѣть здѣсь Русскихъ, пусть убирается онъ къ своимъ казакамъ, на родные снѣга», и пр., и пр. Господину этому грозила серьезная опасность: шляпу съ него сбили, пинки посыпались на него со всѣхъ сторонъ. «Я не Русскій, я не Русскій», завопилъ онъ жалостливымъ голосомъ... «Не Русскій, такъ кричите: да здравствуетъ Польша!»—Господинъ прокричалъ, но какъ-то нерѣшительно. «Громче, громче!» повелѣла толпа. Господинъ повиновался. «Кто же вы?» продолжали подозрительно допрашивать его Баль-Мабильскіе гости.—«Я... Полякъ»... «Полякъ? Зачѣмъ же вы здѣсь, отчего вы не уѣхали драться съ Русскими»?.. «Я поѣду, непремѣнно поѣду».—«Вонъ его, вонъ, вонъ Поляка, который пляшетъ въ Парижѣ въ то время, какъ въ Польшѣ дерутся, вонъ!»... И господина выгнали.

Послѣ этого изгнанія Русскихъ изъ Баль-Мабиля, постигъ, какъ слышно, Русскихъ таковой же остракизмъ и въ Прадо, и въ Шато-де-Флеръ, и въ нѣкоторыхъ театрахъ. Бѣдные! Пришлось-таки страдать за національность, отъ которой всю жизнь отрекались и которой пуще грѣха стыдились!.. Съ мальчишками, съ воспитанниками Политехнической школы—не совѣтую теперь встрѣчаться на улицѣ ни одному Русскому. И не только въ Парижѣ, даже въ Германіи—Нѣмцы, какъ картофель на сковородѣ, горячатся и шипятъ «симпатіями» къ Польшѣ; за табль-д'отами въ отеляхъ происходятъ иногда очень и очень непріятныя сцены. Разсказываютъ, что въ Дрезденѣ дѣти одного Русскаго поселившагося тамъ помѣщика — были вываляны въ грязи мальчишками по наущенію какой-то Польской патріотки. Однимъ словомъ, дѣло дошло до того, что Русскимъ, пребывающимъ за границею и вращающимся не въ самомъ высшемъ кругу, приходится на каждомъ шагу испытывать всевозможныя униженія и оскорбленія. Конечно, Русскій

человѣкъ на обиду спосливъ, да и брань на вороту не виснетъ,— но всему есть предѣлы. Остается или бѣжать домой, въ Россію, или же отрекаться, стократъ отрекаться отъ своей народности,—отъ всякой солидарности съ своимъ народомъ и своимъ отечествомъ!

Не могу ручаться за достовѣрность слуха, но въ Парижѣ разсказывали, что послѣ рѣчей о Россіи и Польшѣ, произнесенныхъ въ сенатѣ, нѣкоторые Русскіе, сдѣлавъ визитъ всѣмъ ораторамъ, нарочно обошли (и дали это замѣтить) кого бы вы думали?.. Именно Ларошжакелена, произнесшаго рѣчь въ защиту Россіи, или, вѣрнѣе, въ опроверженіе безсмысленныхъ рѣчей Бонжана и К°.!!!

Впрочемъ, у насъ въ Парижѣ есть Русскіе de la haute volée, которые поняли, что въ настоящую минуту—самое лучшее положеніе, которое они могутъ принять въ обществѣ, это все-же навести на себя слегка—лакъ патріотизма, — обзавестись нѣсколько отечествомъ, хоть для вида. Быть человѣкомъ лишнимъ, безъ отечества, безъ національности—ce n'est pas aristocratique, ça sent le démocratisme à cent lieues, ну а съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ національности и патріотизма—c'est très distingué, ça pose! Присоедините къ нимъ людей, принадлежащихъ, уже по самому чину и званію, къ «непремѣннымъ» патріотамъ, и вы поймете—какимъ образомъ могла составиться и составилась въ Парижѣ—une collecte, подписка «въ пользу раненыхъ и семействъ убитыхъ Русскихъ воиновъ въ царствѣ Польскомъ».—Когда это мое письмо придетъ въ Москву, списокъ Парижскихъ жертвователей будетъ уже, вѣроятно, распубликованъ въ газетахъ *). Онъ невольно бросается въ глаза самыми знатными по происхожденію, положенію и богатству именами,—но все же оказывается, что нашъ посланникъ пожертвовалъ *вдвое* болѣе самаго крупнаго жертвователя изо всѣхъ остальныхъ, напримѣръ г. Демидова. И на какую значительную сумму разщедрились наши «Русскіе путешественники»—на 6,410 франковъ, или 1,680 р. 84 коп.! Шесть тысячъ четыреста франковъ, и на такой предметъ! Чего же больше?... Вѣдь это для *Русскихъ* солдатъ,—не для какого-нибудь Monsieur Londinsky...

---

*) Онъ ужъ напечатанъ въ 80 № Мос. Вѣд. *Ред.*

Вотъ M-r Londinsky,—такъ тотъ успѣлъ вытянуть у двухъ Русскихъ княгинь нѣсколько поболѣе 6,000 франковъ,—такъ, бездѣлицу — *милліонъ семьсотъ сорокъ пять* тысячъ франковъ... Не вѣрите? Да на дняхъ, 17 марта (нов. стиля), дѣло это разсматривалось въ исправительномъ трибуналѣ Сенскаго департамента. Лондинскій — уроженецъ Царства Польскаго, выдававшій себя въ Парижѣ за иностраннаго доктора, — открылъ у себя «кабинетъ сомнамбулизма». Какая западня для Русской дамы! И точно, въ эту западню попалась Русская княгиня Волконская, а потомъ и сестра ея, княгиня Лобанова, и обѣ, почувствовавъ, благодаря сомнамбулизму, неограниченную довѣренность къ своему ловкому доктору (котораго принимали за иностранца: будь онъ господинъ Лондинской, а не M-r le docteur *Londinsky*, онъ не внушилъ бы вѣры!)— вручили ему, на разныя предпріятія и спекуляціи, свои капиталы. Эта слѣпая довѣренность продолжалась шесть лѣтъ, съ 1856 по 62 годъ, когда наконецъ докторъ, забравъ капиталы, исчезъ, обманъ обнаружился и начался искъ. Судъ рѣшилъ дѣло въ пользу княгинь,—но изъ 1,745,000 франковъ присудилъ возвратить имъ всего 150 т., а объ остальныхъ предоставилъ искать, какъ выражаются въ Россіи, «отъ сего дѣла особо, гражданскимъ порядкомъ» *).

Вотъ куда дѣваются Русскіе капиталы! Вотъ превратности судебъ, испытываемыя Русскими богатыми барынями въ Парижѣ! Этотъ процессъ самымъ краснорѣчивымъ образомъ, какъ нельзя болѣе кстати, подтверждаетъ справедливость моего отзыва въ 1 письмѣ о Русскихъ путешественникахъ

Да-съ, наши соотечественники за границей, эмигранты и простые путешественники, не мало содѣйствовали образованію въ Европѣ того лестнаго общественнаго мнѣнія о Россіи, какое теперь существуетъ, — и ихъ вліяніе отразилось даже на понятіяхъ самихъ Западныхъ правительствъ. Императоръ Наполеонъ говорилъ, какъ увѣряютъ, барону Б., что — «заключая по рѣчамъ представителей Русскаго общества, являющихся въ Парижѣ, и по голосу Русской журналистики, что Русскіе сочувствуютъ идеѣ возстановленія Польши *въ ея историче-*

*) Объ этомъ процессѣ уже напечатано подробно въ № 12 Совр. Лѣтописи. *Ред.*

скихъ границахъ, — онъ думаетъ, что это возстановленіе не могло бы встрѣтить серьезнаго сопротивленія, и что вообще Польское дѣло пользуется въ Россіи общею популярностью". Въ этихъ рѣчахъ Наполеона (если только онѣ, дѣйствительно, были произнесены) что ни слово, то ошибка. Начать съ того, что онъ основываетъ свое заключеніе на *«голосѣ»* Русской журналистики??» Развѣ на безгласности? Это было бы вѣрнѣе. Конечно, въ настоящемъ случаѣ молчаніе журналовъ вовсе не то означало, что видѣли въ немъ Европейскіе политики,— тѣмъ не менѣе—не могу скрыть отъ васъ—что это молчаніе, въ которомъ журналистика вовсе не виновата, было здѣсь растолковано въ невыгодную для Россіи сторону и показалось краснорѣчивѣе всякихъ словъ, — самымъ убѣдительнымъ *голосомъ* Русскаго общественнаго мнѣнія въ защиту Польши! Особенно же произвело здѣсь видимый эфектъ ваше объявленіе въ 5 № «Дня», переведенное и напечатанное Нордомъ, о томъ, что вы пишете, но не можете почему-то помѣщать ваши статьи о Польшѣ. Эта замѣтка перепечатана была во многихъ газетахъ, — и хотя патріотизмъ вашего направленія каждому вѣдомъ, — особенно же Полякамъ (это несомнѣнно), однако же ваше объявленіе дало нѣкоторымъ поводъ думать, будто искреннему выраженію общественнаго мнѣнія въ Россіи положены преграды, и что оно можетъ высказываться только въ извѣстномъ направленіи... Подите же, растолкуйте глупымъ иностранцамъ, что это не правда, что это не такъ: не вѣрятъ!!

Въ послѣднее время статьи Московскихъ Вѣдомостей, отчасти переведенныя въ Le Nord, отчасти прочитанныя оффиціальными знатоками Русскаго языка при Французскомъ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, нѣсколько ослабили впечатлѣніе, произведенное всеобщей нѣмотою Русской прессы,— но все же и до сихъ поръ голосъ этой газеты звучитъ слишкомъ одиноко, не находя поддержки въ прочихъ органахъ журналистики, и потому еще не признается здѣсь за выраженіе общественнаго мнѣнія. Еслибъ всѣ прочіе органы Русской публицистики высказывались вполнѣ свободно, тогда бы иностранцы видѣли, что несмотря на различіе мыслей въ въ разрѣшеніи вопроса въ самомъ Царствѣ Польскомъ, въ Россіи дѣйствительно существуетъ единодушное всенародное мнѣніе о невозможности *возстановленія историческихъ гра-*

ницъ Польши, о томъ, что ни одного фута земли въ Западной Руси не должны и не можемъ уступить мы Польшѣ, и что вмѣшательство Западныхъ державъ встрѣтило бы въ насъ самый отчаянный, самый могучій отпоръ. Тогда бы иностранцы лишены были всякой возможности предполагать, будто за высказывающимся, такъ не свободно или же такъ оффиціально, общественнымъ мнѣніемъ есть еще другое, таящееся во тьмѣ, настоящее общественное мнѣніе!

Надобно признаться, впрочемъ, что адресы Петербургскаго дворянства и думы произвели сильное ощущеніе (sensation) въ здѣшнемъ обществѣ. «Le muet a parlé»! Нѣмой заговорилъ! — пронеслось по Парижу. Но, къ сожалѣнію, это адресы только Петербурга и его губерніи, это еще не коренная Россія. Можетъ быть, и вѣроятно, теперь послѣдуютъ одинъ за другимъ адресы отъ всей Россіи,— но, къ сожалѣнію, они до сихъ поръ не оглашены, и первое впечатлѣніе, произведенное Петербургскими адресами, начинаетъ нѣсколько ослабѣвать *). Къ тому же, нашлись нѣкоторые Поляки, жившіе долго въ Россіи, во время оно, и какъ нарочно хранящіе объ ономъ времени самую свѣжую память. Они поразсказали кое-что, о томъ, какъ бывало составлялись подобные адресы въ прежніе годы,— и хотя это время perfectum, plusquam perfectum, однако они постарались набросить тѣнь сомнѣнія въ дѣйствительномъ значеніи адресовъ. Между тѣмъ — достаточно быть Русскимъ, чтобы вѣрить и вѣдать несомнѣнно, что въ настоящую минуту эти адресы вполнѣ искренни, а потому и вполнѣ дѣйствительны.

Примите къ свѣдѣнію и—во сколько это зависитъ отъ васъ и вашихъ пріятелей — къ непремѣнному исполненію, чтобы адресы настоящей минуты не походили ни по содержанію, ни по внѣшней формѣ на адресы прежнихъ лѣтъ, чтобы въ нихъ не было того, что̀ по-Русски такъ мѣтко называется «казенщиной», этихъ пошлыхъ условныхъ фразъ «патріотизма» минувшей эпохи. Другія струны должны слышаться въ вашемъ голосѣ, другія!...

Но и этого мало. Вѣдь и это можетъ быть заподозрѣно

---

*) Адресы Московской Думы и Московскаго дворянства еще не извѣстны были въ Парижѣ, когда г. Касьяновъ писалъ свое письмо. *Ред.*

въ искренности, особенно если Русская журналистика будетъ по-прежнему—несмѣлостью своего тона или своимъ молчаніемъ объявлять Европейцамъ, что она не высказываетъ вполнѣ своихъ мнѣній; особенно же, если будутъ повторяться случаи въ родѣ того, какого я — къ моему истинному прискорбію — былъ на дняхъ свидѣтелемъ. Кто-то изъ вашихъ Москвичей (и надо признаться—онъ поступилъ дурно, очень дурно) прислалъ сюда въ Парижъ изъ Москвы два нумера Courrier du Dimanche, одинъ № Le Nord и еще какую-то Нѣмецкую газету. Эти всѣ листы, или, вѣрнѣе сказать, лоскутья листовъ, походившіе на какія-то выкройки, попались въ руки Поляку Р.***, который и отправился съ ними въ путешествіе по бульварамъ. Онъ заходилъ въ каждый Café, не пропустивъ ни одного, и въ каждомъ возвѣщалъ присутствовавшей публикѣ вслухъ: «Messieurs, connaissez-vous ça? ce sont nos journaux comme on les lit en Russie, messieurs, dans ce pays, qui se pique de libéralisme, etc. etc.». Можете сами себѣ представить подробности этой сцены. Этотъ господинъ засталъ меня въ Café Anglais, но я, замѣтивъ въ рукѣ его столь знакомыя мнѣ лоскутья, тотчасъ убѣжалъ къ себѣ домой... Что̀ бы могъ я ему отвѣтить?!

Апрѣля 10
1863 г. Парижъ.

3.

Изъ Парижа.

Если бы вы знали, какое негодованіе возбудили противъ меня, со стороны большинства здѣшнихъ Русскихъ, мои письма изъ Парижа, вы бы, конечно, не требовали отъ меня съ такою настойчивостью продолженія моей корреспонденціи, или не воспроизводили бы ее съ такою точностію на листахъ вашей газеты. А догадываетесь ли вы, какая главная, настоящая причина этого негодованія? Да та, что насъ потревожили, что намъ стало какъ-то неловко, нарушено мирное и безмятежное состояніе нашей Русской лѣнивой совѣсти. Вотъ мы и сердимся! — Теперь всѣ наши заграничные Россіяне волей-неволей принялись оправдывать, или *мотивировать*, какъ

выражаются они, свое пребываніе заграницей, а при случаѣ давать даже свидѣтельства своего «патріотизма». Но сколько я могъ замѣтить, въ Парижѣ до сихъ поръ этотъ патріотизмъ заявляется больше по части—Русской юфти. Вы вѣдь знаете, что cuir de Russie въ большомъ почетѣ у иностранцевъ, и похвалы, которыя Французы въ магазинахъ расточаютъ издѣліямъ изъ Русской кожи, требуя за нихъ непомѣрно высокія цѣны, очень пріятно щекочутъ наше національное самолюбіе. Одна Русская дама изъ Парижскихъ львицъ (и какая красавица, еслибъ вы знали!), взволнованная современными политическими событіями и увлеченная духомъ народности, явилась недавно на гуляньѣ въ Булонскомъ лѣсу съ Русскою юфтью на экипажѣ, на сбруѣ, на ливреяхъ, на собственномъ головномъ уборѣ, на груди, около таліи—однимъ словомъ: cuirassée de cuir! du cuir partout! восклицали Парижскіе хроникеры модъ, изумленные такими дорогими и прочными доказательствами Русскаго дамскаго патріотизма!... Впрочемъ, Русскіе теперь толпами переселяются въ Баденъ-Баденъ, гдѣ уже давно возникло соперничество между *нашими* и Англичанами, — соперничество въ томъ: кто кого пересилитъ въ расточительности: «наши» ли Англичанъ, или Англичане «нашихъ», кто кого дороже заплатитъ въ отеляхъ, кто ловчѣе задастъ тону, пуститъ пыли въ глаза и скорѣе добьется вниманія къ себѣ, къ своей націи, отъ кельнеровъ, слугъ, служанокъ, актрисъ, танцовщицъ и всякихъ заѣзжихъ красавицъ «Il y va de l'honneur national, не уступимъ Британцамъ, не посрамимъ земли Русскія», говорилъ мнѣ въ прошломъ году, совершенно серьезно, графъ Г., проматываясь въ пухъ на подарки Французской водевильной актрисѣ! И честь Русской націи, вѣроятно, поддержится и въ нынѣшнемъ году. Баденскій сезонъ блистательно открылся,— писали въ газетахъ,— салоннымъ Французскимъ спектаклемъ, въ которомъ Русская княжна разыгрывала какую-то Лизбету, а Русскіе господа Т. и Щ. тоже представляли родные имъ—Французскіе типы... Ну, вотъ видите: можно ли упрекать меня въ несправедливости? Развѣ я не воздаю должной похвалы патріотизму Русскихъ путешественниковъ?

А вотъ еще новая черта Русскаго патріотизма. Скоро на сценѣ одного изъ Парижскихъ театровъ дадутъ піесу, на

Французскомъ языкѣ написанную княземъ Н. Долгорукимъ. Піеса, вѣроятно, не упадетъ и авторъ будетъ награжденъ снисходительно милостивымъ вниманіемъ публики. Парижане, хотя и найдутъ непремѣнно, что Французскій языкъ автора обличаетъ въ немъ не природнаго Француза (такіе эти Парижане! черезчуръ ужъ взыскательны, никакъ на нихъ не угодишь!), однако сочтутъ нужнымъ поощрить новаго Французскаго литератора—изъ Русскихъ. Мнѣ неизвѣстны побужденія, заставившія кн. Долгорукова промѣнять Русскій языкъ на чужой, но полагаю, что это сдѣлано — изъ патріотизма, ради возвеличенія Русскаго имени... И въ самомъ дѣлѣ, эти апплодисменты и одобрительныя фразы Парижскихъ фельетоновъ, развѣ это не торжество? Развѣ чье Русское сердце можетъ остаться равнодушнымъ къ подобной чести? Конечно нѣтъ, и вѣроятно Русскія газеты поспѣшатъ перепечатать у себя, какъ онѣ это обыкновенно дѣлаютъ, съ важнымъ видомъ, худо скрывающимъ улыбку національнаго самодовольства,— будущіе «лестные отзывы иностранныхъ газетъ о нашемъ соотечественникѣ, подвизающемся на поприщѣ Французской литературы». Какъ не вспомнить при сей вѣрной оказіи слова Александра Дюма, сказанныя имъ Ивану Сергѣевичу Тургеневу? Дюма говорилъ ему (я это слышалъ отъ самого Тургенева), что онъ считаетъ себя Русскимъ писателемъ, такъ какъ Французская литература есть по преимуществу достояніе Русской образованной публики, и такъ какъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ по-Русски уже писать больше не станутъ, а писать будутъ все по-Французски,—et alors, lui, Dumas, comptera parmi les auteurs russes!»...

Не смѣйтесь надъ словами Дюма, не пожимайте презрительно плечами! Вѣдь откуда нибудь да взялось подобное соображеніе у Француза, что нибудь да дало этому поводъ!... Этотъ разговоръ пришелъ мнѣ на память вчера, когда, прогуливаясь въ Елисейскихъ Поляхъ, встрѣтился я съ одной моею соотечественницей, Б***. Русская дѣвица, дочь Заволжскихъ степей, съ луговой стороны матушки-Волги, говорила eh ben, вмѣсто eh bien и грассировала не хуже Парижской гризетки, — что, по ея собственному сознанію, далось ей не вдругъ, а послѣ долгой науки!

Такъ вотъ каковы мы, какими мы являемся за границей!

Вотъ матеріалъ, изъ котораго образуется объ насъ общественное мнѣніе Европы. За что же сердиться намъ на Европу, гнѣваться на ея къ намъ презрѣніе, издѣваться надъ ея невѣжествомъ? Что посѣешь, то и сожнешь! Поговоримте серьезно. Взойдите въ положеніе иностранца, которому хотѣлось бы познакомиться поближе съ Русскою народностью, съ Русскимъ характеромъ, съ Россіею однимъ словомъ,—не ѣздя въ Россію. Вы предупреждаете его, что 275,000 Русскихъ путешествующихъ за границей—не могутъ считаться представителями Русской земли. Дико это кажется иностранцу, но онъ вамъ вѣритъ. Ищетъ онъ другіе экземпляры Русскихъ и находитъ—кого же?... «Фамиліи знатныя, аристократическія, древнія, слѣдовательно естественныя представительницы народа», соображаетъ основательно мой иностранецъ. И вотъ знакомится онъ съ отцомъ-іезуитомъ Гагаринымъ, отцомъ Шуваловымъ, отцомъ Мартыновымъ, со всѣми стрижеными и нестрижеными Русскими католиками!... Вотъ еще матеріалъ для сужденія о насъ Русскихъ,—и какой матеріалъ! вѣдь это люди не вѣтреные, большею частью богатые, имѣвшіе независимое положеніе у себя дома... И однако же эти люди—добровольные отщепенцы своей народности и своей вѣры!... Что, красивы мы показываемся Европѣ, спрашиваю я опять господъ читателей «Дня»?!..

Но вы опять увѣряете этого иностранца, уже измучившагося въ тщетныхъ поискахъ за Русскимъ человѣкомъ между заграничными Русскими, какъ Jérome Paturôt à la recherche d'une république sociale,—вы увѣряете, что носители древнихъ Русскихъ историческихъ именъ у насъ теперь всего менѣе помнятъ Русскую исторію, всего менѣе выражаютъ Русскую народность... И вотъ узнаетъ иностранецъ, что есть за границей Русскіе еще третьяго сорта, которые возглашаютъ о своей любви къ Русской землѣ, которые нарочно эмигрировали изъ отечества, чтобы служить ему вольнымъ словомъ... Но эти люди... развѣ могутъ они внушить уваженіе Европейцу? Эти люди накликаютъ на Россію бѣдствія войны и раздора, эти люди подводятъ враговъ на Русскую землю, созываютъ полчища со всей Европы, обагряютъ свои руки въ крови Русскаго народа... И это Русскіе? Они, конечно, полезны Европѣ, полезны Наполеону, полезны Англіи, полезны Полякамъ, полезны всѣмъ ненавидящимъ Русскій народъ и желающимъ ему

гибели; но если Европа и пользуется ихъ услугами, то съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ военачальникъ пользуется услугами предателя-шпіона или перебѣжчика изъ враждебнаго лагеря!

Спрашиваю я васъ: есть за что̀ уважать насъ Европѣ? Имѣемъ мы право сердиться на Европейское общественное мнѣніе? Чѣмъ, какими сторонами, какими качествами и дѣлами высказались до сихъ поръ Европейцамъ мы, Русскіе, за границей,—конечно не всѣ, однако же и не со многими исключеніями?...

Пустотой, отступничествомъ, измѣной.

Да, измѣной. Никакими нравственными побужденіями не можетъ быть оправданъ союзъ съ врагами родной страны, ничто въ мірѣ не можетъ извинить призывъ иноземной рати на родную землю! Развѣ не измѣнникомъ Русскому народу является теперь Бакунинъ, предводительствующій Польскимъ отрядомъ, или шайкою всякаго сброда мастеровъ, подмастерьевъ и работниковъ революціи, охотниковъ до крови и до разрѣшенія всякихъ задачъ грубою силою вооруженнаго кулака? Вы конечно знаете, что эта экспедиція не достигла своего назначенія и вмѣсто Либавы попала въ Швецію. Тамъ теперь и князь Константинъ Чарторыжскій. Бакунинъ и Чарторыжскій сдѣлались предметомъ безчисленныхъ овацій, предлогомъ обѣдовъ и сборищъ, поводомъ рѣчей, спичей, тостовъ и тостовъ... Словомъ—вина и лжи разливанное море! Пей не хочу! Вамъ можетъ быть кажется страннымъ, какъ это Шведскіе *демократы* чествуютъ Чарторыжскаго,—Чарторыжскаго, представителя не только *аристократіи* Польской, но и Польскаго аристократизма; какъ это Шведы, негодуя на отнятіе независимости у Польской народности, совмѣщаютъ вмѣстѣ съ этимъ негодованіемъ пламенное желаніе подчинить Финскую народность зависимости отъ Шведской? Сто̀итъ ли обращать вниманіе на такія противорѣчія!... Положительно извѣстно, что Бакунинъ въ Швеціи торжественно обѣщаетъ Шведамъ, отъ имени Россіи (!!), Финляндію и Остзейскія провинціи, а Польшѣ прибавку нѣсколькихъ Русскихъ губерній. Москву, кажется, не отдаетъ,—ну и за это спасибо!

Что̀ это такое? развѣ не измѣна? Вы скажете—сумасшествіе. Но если и такъ, то это сумасшествіе такого злаго ка-

чества, что человѣкъ, нравственно способный впасть въ подобное сумасшествіе, уже тѣмъ самымъ преступенъ, преступенъ этою своею способностью! Вѣрьте мнѣ,—лжетъ онъ,—ни любви, ни уваженія къ народу нѣтъ въ томъ человѣкѣ, который вноситъ мечъ и огонь къ народу въ домъ и, самозванно величаясь представителемъ народа, навязываетъ ему силою, втѣсняетъ въ него своими и чужими кулаками—благо свободы своей личной выдумки и приготовленія! А то, что затѣяно Бакунинымъ—развѣ это не та же вбиваемая, вколачиваемая пулями, *всѣкаемая* свобода?!...

Неужели въ самомъ дѣлѣ, какъ мнѣ разсказывали, не только въ Петербургѣ, но даже въ Москвѣ есть молодые люди, которые, и послѣ этихъ поступковъ Бакунина, продолжаютъ еще благоговѣть предъ его авторитетомъ и считать его дѣло честнымъ и благороднымъ? Не вѣрю. Для этого были бы нужны два условія: или прогнить нравственно насквозь, или имѣть въ головѣ, вмѣсто человѣческаго, мозгъ цыплячій, — а всего этого въ нашей молодежи я предполагать не хочу и не смѣю.

Но кого мнѣ искренно жаль,—такъ это Герцена. Вы знаете рѣзкую противоположность нашихъ основныхъ воззрѣній, вы знаете, какъ я смотрю на «Колоколъ»,—но тѣмъ не менѣе я многое прощалъ этому человѣку ради высокой искренности его убѣжденій и всегдашней готовности отречься отъ своего взгляда, если онъ убѣждался въ его ошибочности. Мнѣ случилось его видѣть вскорѣ послѣ Восточной войны, и онъ разсказывалъ мнѣ, какой мучительный годъ онъ прожилъ одинъ въ Англіи, вдали отъ Россіи — осажденной со всѣхъ сторонъ сильнѣйшимъ непріятелемъ, съ какимъ лихорадочнымъ трепетомъ брался онъ каждое утро за газеты, боясь прочесть въ нихъ извѣстіе о взятіи Севастополя, какъ гордился его мужественной обороной. Когда я упрекалъ его за вредное вліяніе на Русскую молодежь, въ которой его сочиненія развиваютъ кровожадные революціонные инстинкты, и указалъ ему на одну фразу его статьи въ «Полярной Звѣздѣ», Герценъ оправдывался съ жаромъ, отклонялъ отъ себя упрекъ въ кровожадности, старался дать иное толкованіе своей фразѣ, и положительно увѣрялъ, что не принималъ ни малѣйшаго участія въ воззваніяхъ къ раскольникамъ, незадолго предъ тѣмъ перехваченныхъ въ Россіи.

И теперь этотъ человѣкъ — *въ союзѣ* съ деспотической Франціей, съ противнымъ ему Бонапартомъ, съ аристократической Англіей, съ политическими изгнанниками всѣхъ странъ (о которыхъ — собственно о Французахъ — онъ отзывался съ глубочайшимъ презрѣніемъ, понятнымъ только Русской душѣ, ненавистницѣ лжи и фразы), *въ союзѣ* съ Поляками — проповѣдующими не возстановленіе Польши, а порабощеніе Русской народности въ Западномъ краѣ и уничтоженіе Русскаго народа, — съ Поляками, не признающими за нами никакихъ правъ на политическое бытіе и провозгласившими (въ прокламаціи, изданной тамъ, у Бакунина, въ Швеціи), что Польша должна быть возстановлена въ предѣлахъ 1772 года? И Герценъ въ союзѣ съ ними! И не только онъ въ союзѣ съ врагами Русской земли,—онъ содѣйствуетъ имъ совѣтомъ и указаніемъ, онъ, какъ сторонникъ ихъ, радуется успѣхамъ Польскихъ шаекъ, т. е. побіенію Русскихъ, празднуетъ вмѣстѣ съ ними Варѳоломеевскую ночь Польши, гдѣ нѣсколько тысячъ Русскихъ людей были умерщвлены самымъ предательскимъ образомъ... Конечно, Герценъ не дѣйствуетъ за одно съ Бакунинымъ, и, вѣроятно, не рѣшится, какъ онъ, навести ружейное дуло на Русскаго солдата, но онъ солидаренъ съ Бакунинымъ, онъ не отрекся отъ него, и Русская кровь, которою вскорѣ обагрится, а можетъ-быть уже и обагрился Бакунинъ, забрызжетъ и Герцена! Отъ Бакунина мы ничего другаго и не ждали, и не уважали его никогда нисколько,—но отъ Герцена мы не могли этого ожидать и — ждемъ... Да, ждемъ раскаянія. Не можетъ же быть, чтобы Герценъ не понималъ соціальныхъ и историческихъ требованій Русскаго народа. Онъ не такъ уже ослѣпъ, чтобъ не видѣть, что Русскій народъ не потерпитъ ничьего чужаго вмѣшательства, а тѣмъ менѣе вооруженнаго, что Русскій народъ встанетъ весь, какъ одинъ человѣкъ, за Русское государство, за того, кого считаетъ своимъ представителемъ, кому вручилъ оберегательство чести народной и государственной... Стало-быть, и Бакунину и Герцену пришлось бы имѣть дѣло не съ правительствомъ и не съ войскомъ только, а со всею Русскою землею, со всѣмъ Русскимъ народомъ. Народъ не поддастся ласкательствамъ непрошенныхъ и неуполномоченныхъ попечителей о его благѣ, которые захотятъ отдѣлить народное дѣло отъ го-

сударственнаго и предложатъ ему чужестранную помощь противъ Русскаго же правительства! Если и имѣются у народа какіе-нибудь свои непорядки, то не путемъ крови, не насиліемъ желаетъ народъ отстранить ихъ... Неужели Герценъ забылъ Русскую пословицу: свои собаки грызутся, чужая не приставай? Неужели Герценъ съумѣлъ заглушить въ себѣ то Русское народное чувство, которое заставляетъ забыть всѣ раздоры, всѣ неудовольствія, всѣ споры — въ виду внѣшней опасности, грозящей всему государству?

Не только бездну роетъ Герценъ между собой и Русскимъ народомъ, не только отлучаетъ онъ себя на вѣки отъ родной земли, но если онъ не прекратитъ своего образа дѣйствій, если его возбужденіями прольется хоть одна лишняя капля Русской крови,—кровь Русскаго народа, вмѣстѣ съ народнымъ проклятіемъ, падетъ ему на голову. И одна ли лишняя капля! Цѣлыя рѣки крови могутъ потечь — благодаря воззваніямъ, фальшивымъ манифестамъ и всякимъ соблазнамъ, разставленнымъ совѣсти безбородыхъ увлекающихся юношей! Руки ли по локоть въ Русской крови, въ крови Русскаго народа, протянетъ онъ братски къ Русскому народу?!

Но знаете? Вы назовете меня сумасбродомъ, поэтомъ, но мнѣ все сдается, что Герценъ не вынесетъ этого противорѣчія, что ему не удастся заглушить свою Русскую совѣсть, и что когда-нибудь, въ одно прекрасное утро, онъ поступитъ совершенно по-Русски. Кто знакомъ съ психологической стороной Русской уголовщины, читалъ уголовныя дѣла и изучалъ Русскихъ преступниковъ изъ народа, тотъ хранитъ въ памяти своей множество случаевъ,—какъ иной преступникъ-бродяга, въ самомъ раздольѣ грабежа и разбоя, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, вмѣсто того, чтобъ идти направо, по проторенной дорожкѣ въ кабакъ, беретъ палѣво—въ земскій судъ, объявляетъ о себѣ и своемъ преступленіи, отдается суду и несетъ наказаніе!... Стоскуется Русскій человѣкъ по правдѣ, надоѣстъ ему ложь, опротивѣетъ зло, — и возстановляетъ онъ правду — наказаніемъ и искупленіемъ! Что-нибудь подобное, вѣрьте мнѣ, случится и съ Герценомъ. Теперь, можетъ-быть, онъ еще будетъ потѣшаться надъ моими словами (а еще болѣе станутъ глумиться надъ ними ваши Петербургскіе весельчаки),—но какъ бы ни смѣялся Герценъ, а слова мои врѣ-

жутся въ его память... Пусть бы только перестал онъ губить нашу несчастную Русскую молодежь, пусть бы внушалъ онъ ей истинное уваженіе къ народу, а не деспотизмъ демократовъ, считающихъ себя въ правѣ издѣваться надъ невѣжествомъ народа обманами и подлогами! Фальшивые манифесты... Какая подлость, какое ругательство надъ народомъ! Этотъ обманъ, этотъ подлогъ, развѣ это не то же насиліе, развѣ это не такой же деспотизмъ, не эксплуатація грамотнаго надъ неграмотнымъ, зрячаго надъ слѣпымъ, образованнаго надъ необразованнымъ?!

Здѣсь получены положительныя извѣстія о сопротивленіи народа Польскимъ панамъ въ Западныхъ губерніяхъ. Разумѣется, Поляки стараются увѣрить, что это или неправда, или же возбужденіе, сдѣланное самимъ правительствомъ,—но нѣтъ такого Русскаго, кто бы могъ усомниться въ правдѣ этого. Я вчера видѣлъ нѣсколько юныхъ Русскихъ демократовъ изъ Гейдельберга: они очень смущены и не знаютъ, какъ отнестись къ событію. Ждутъ приказаній изъ Лондона. По званію «демократовъ» они обязаны сочувствовать простонародному возстанію вездѣ и всюду, особенно же когда народъ возстаетъ за свою народность и противъ шляхты, — но такъ какъ эта шляхта—Поляки, а народъ-то вѣдь Русскій, то Русскіе гуманисты и не смѣютъ стать прямо на сторону *своего* народа... Думаю, что они послѣ глубокомысленныхъ соображеній рѣшатъ такъ: будь на мѣстѣ Русскаго народа Польскій, Итальянскій, Французскій, за дѣло его стоять было бы можно, а теперь—пусть Поляки-шляхта бьютъ Русскихъ мужиковъ! Принять сторону Русскихъ мужиковъ нельзя никакъ: Поляки сейчасъ назовутъ варваромъ, козакомъ, поборникомъ деспотизма, да и у Русскихъ иныхъ газетъ прослывешь, пожалуй, кровожаднымъ и нелибераломъ!

Вотъ каковы мы, Русскіе! Въ утѣшеніе говоришь и себѣ, и иностранцамъ, что не мы составляемъ Русскій народъ, что вся сила, вся тяга земли нашей въ простомъ народѣ, что это такое крѣпкое, неразрывное ядро, въ которомъ всецѣло хранится вся органическая мощь нашей Россіи... Но Европейцы въ правѣ намъ и не вѣрить. Она молчитъ, она безгласна, эта земля, — а все, что̀ говоритъ и дѣйствуетъ — все это еще не выражаетъ земли...

Она только сказала *нѣсколько* словъ въ адресахъ Государю, и, какъ отдаленный раскатъ грома, слова эти раздались и здѣсь и смутили Европу... Европа прислушивается...

4.

Изъ Баденъ-Бадена.

Съѣздить изъ Парижа въ Баденъ—это что-то въ родѣ загородной прогулки, и я воспользовался первымъ выпавшимъ мнѣ на долю досугомъ, чтобъ повидать въ Баденѣ Русскихъ— новыхъ, свѣжихъ, послѣдняго привоза. Съ радостью могу вамъ объявить, что въ нынѣшнемъ году привозъ изъ Россіи довольно скуденъ: вообще больше доставлено дамъ, чѣмъ мужчинъ. Тѣмъ не менѣе, между послѣдними нашлись преинтересныя личности. Интересны онѣ были для меня не какъ тѣ Русскіе, обжившіеся и акклиматизировавшіеся за границей, о которыхъ я говорилъ въ первыхъ трехъ письмахъ, а какъ люди, только-что прибывшіе изъ Россіи, слѣдовательно отражавшіе въ себѣ общественное настроеніе той Русской среды, въ которой онѣ вращались. Можете себѣ представить, съ какою жадностью слушалъ я ихъ разсказы, какъ дорога мнѣ была каждая вѣсточка изъ Россіи, какъ старался я подмѣтить и собрать во-едино черты современной физіономіи Русскаго общества.

Мнѣ особенно часто приходилось бесѣдовать съ однимъ моимъ давнишнимъ знакомымъ еще со школьной скамьи, нынѣ Петербургскимъ тайнымъ совѣтникомъ «изъ молодыхъ», господиномъ Ж***. Мы лѣтъ 20 съ нимъ не видались. Вамъ, вѣроятно, знакомъ этотъ особенный типъ маленькихъ государственныхъ мужей, которыхъ довольно много развелось въ послѣднее время — въ сѣверной нашей столицѣ. Сравнивая ихъ съ старыми тайными совѣтниками и вообще съ генералами прежнихъ годовъ, я—не столько можетъ-быть по разсудку, сколько по сердцу—отдаю невольно предпочтеніе «старымъ», хотя не могу не видѣть, что отъ этихъ «старыхъ» непремѣнно должны были родиться «молодые», — именно этого, а не другаго сорта. Конечно, я говорю здѣсь не о той или другой личности,— исключенія есть, и ихъ даже не мало, а объ общемъ типѣ—

старыхъ и молодыхъ тайныхъ совѣтниковъ Русской Имперіи. Разница между ними та, что у «старыхъ» изъ-подъ мундира виденъ—*халатъ*, и хотя халатъ вещь вовсе некрасивая и въ нѣкоторомъ родѣ даже неприличная, но, право, глазъ, утомленный блескомъ шитья и пуговицъ или однообразнымъ цвѣтомъ мундирнаго платья, не безъ удовольствія отдыхаетъ на пестрой ткани халата! Халатъ—это вѣдь эмблема лѣни, безцеремонности, простоты,—это все же, сравнительно съ форменными чувствами, нѣчто сердечное и человѣчное. У «молодыхъ» нѣтъ ничего, кромѣ вицмундира—сшитаго, конечно, у лучшаго Французскаго портнаго: вицмундиръ такой изящный, пуговицы такія элегантныя, звѣзда на груди не аляповатая, какъ у «старыхъ», а такая хорошенькая, маленькая, миленькая: однимъ словомъ, не только не видать халата, но, кажется, сама голландская рубашка глядитъ вицмундиромъ, кажется—вицмундиръ вогнанъ внутрь, ловко, какъ лайковая перчатка, обтянулъ маленькую, маленькую душу и даже украсилъ ее гербовыми пуговицами. «Старые», сравнительно съ «молодыми», смотрятъ большею частью какими-то неряхами, какъ и вообще чиновничество прежнихъ временъ: «молодые» не только опрятны, но съумѣли и мундиру, и воротнику, и обшлагамъ придать что-то такое благородное! «Старые» всѣ горячіе *патріоты*, хотя, разумѣется, патріотизмъ понимался ими по своему; «молодые» подсмѣиваются надъ увлеченіемъ «старыхъ», какъ и вообще надъ всякимъ увлеченіемъ,—однако же считаютъ патріотизмъ весьма полезнымъ, даже нужнымъ качествомъ *для низшихъ сословій*,—и важнымъ рычагомъ въ общемъ государственномъ механизмѣ,—рычагомъ, которымъ нужно умѣть управлять (qu'il faut savoir manoeuvrer,—«молодые» еще охотнѣе «старыхъ» говорятъ по-Французски): нельзя же въ самомъ дѣлѣ давать полный ходъ патріотизму, разсуждаютъ они,—c'est quelque chose de roturier, правительство не должно поддаваться патріотическимъ увлеченіямъ!»—«Старый» былъ и остался открытымъ врагомъ всякаго либерализма; «молодой» напротивъ: о! сохрани Богъ, онъ великій либералъ, но либералъ приличный, comme il faut, въ мѣру, выкроенный по новѣйшему Французскому фасону. «Вы знаете, что я либералъ», говоритъ онъ, рекомендуя мѣры строгости противъ несогласныхъ съ нимъ мнѣній, «но истинный либерализмъ достигаетъ цѣли не иначе,

какъ путемъ просвѣщеннаго деспотизма, un despotisme éclairé. «Старый» терпѣть не можетъ журналистики и морщится, когда ему говорятъ объ общественномъ мнѣніи: «и помину объ этомъ въ наше время не бывало», говоритъ онъ. «Молодой» признаетъ вполнѣ значеніе *прессы* и общественнаго мнѣнія,—такъ водится во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, но эту прессу, по его убѣжденію, нужно направлять, руководить, а то, пожалуй, она занесетъ Богъ знаетъ что̀,—нужно, чтобъ въ Европѣ думали, что у насъ есть свободная пресса — можно этой прессѣ допустить нѣкоторые либеральные пріемы, но пусть она не выходитъ изъ тайной зависимости. «Старые» держались и держатся старыхъ политическихъ взглядовъ и преданій; «молодые», по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, конституціонисты, но еще болѣе старыхъ терпѣть не могутъ славянофильства и славянофильскихъ теорій о Русской народности, земствѣ и земскихъ соборахъ. «Старые» были довольно грубы въ формахъ, но вообще правдивы. «Молодые» стелютъ мягко, мягко, но спать—жестко, жестко!... «Старые» были, надобно признаться, не совсѣмъ искусны въ администраціи и охотники до мѣръ крутыхъ, рѣзкихъ, большею частью неуклюжихъ; «молодые» все на *компромисахъ* да на тонкой деликатности, любятъ стушевывать, сглаживать и такъ-сказать вспрыскивать все самыми благовонными духами. «Старые» были больше Нѣмцы, но подъ халатомъ природа ихъ сохраняла что-то и Русское; «молодые» — Французы, а природы у нихъ никакой не имѣется. «Старые» вѣрили въ несокрушимое могущество Россіи: «шапками закидаемъ» было ихъ любимое выраженіе въ отвѣтъ на угрозы врага, и они были очень озадачены результатомъ Восточной войны. Тѣмъ не менѣе, при теперешнихъ грозныхъ обстоятельствахъ, они возмущаются всею душой оскорбленіями, наносимыми извнѣ Русской національной чести, и готовы «грудью постоять» за Имперію, которую обожаютъ. «Молодые» ничего и никого не обожаютъ, кромѣ себя самихъ, въ могущество Россіи не вѣрятъ, но вѣрятъ въ искусство своего управленія, и необидчивы насчетъ Русской чести... «Старые»... но довольно: цѣлаго № вашей газеты было бы недостаточно для проведенія полной и точной параллели между старыми и молодыми тайными совѣтниками въ Санктпетербургѣ... Скажу только, что адресы, которые шлются теперь отъ всѣхъ городовъ, сословій и корпо-

рацій къ Государю, «старые» читаютъ съ умиленіемъ, «а молодые»...

«Les adresses nous pleuvent», говорилъ мнѣ вчера, за обѣдомъ въ Hôtel d'Angleterre, господинъ Ж. «Дождемъ льются! правительство очень умно распорядилось, открывъ клапанъ для выхода этого пара. Къ тому же, это дастъ намъ хорошую позицію передъ Европой: ça nous pose! Паръ невинный, а въ сущности очень полезный. Quand nous en aurons trop, когда найдемъ, что довольно, мы запремъ клапанъ и все придетъ въ прежній порядокъ».—Должно замѣтить, что г. Ж. всегда, говоря о правительствѣ, употреблялъ *мы*, хотя вовсе и не принадлежалъ къ правительству, и не занималъ важнаго государсвеннаго поста, но эта замашка въ большомъ ходу у людей извѣстнаго чина, проживающихъ въ С.-Петербургѣ.

— Но, говорятъ, въ Россіи очень много недовольныхъ, спросилъ я. Правда ли это?

— Недовольныхъ, конечно, много, но вѣдь вы знаете наше Русское общество: въ распоряженіи правительства имѣются два колокола, въ которые оно всегда можетъ ударить такой патріотическій благовѣстъ, что недовольные попрячутся, или и сами увлекутся. Эти колокола—1612 и 1812 годъ. Между литераторами, особенно въ Москвѣ, есть многіе мастера звонить въ эти колокола, а, главное, звонятъ отъ души, искренно,—ну мы имъ и не препятствуемъ»,—сказалъ онъ улыбаясь и стараясь придать своему лицу тонкое, махіавелическое выраженіе!

— А сами остаетесь прежними, замѣтилъ я, начиная сердиться.

— Остаемся прежними, отвѣчалъ онъ, глубокомысленно осклабляясь и оправляя воротничекъ своей рубашки...

— Прежними! То есть Руслындцами, какъ васъ называетъ День... Не чувствуете вы развѣ, сколько глубокаго презрѣнія къ народу, къ обществу, скрывается въ вашихъ словахъ, сколько нравственнаго безсилія вы обнаруживаете!.. Бѣдная Русская земля! Она напрягаетъ всѣ свои силы, ей предстоятъ тяжелыя кровавыя жертвы, — столько любви, столько искренности въ этомъ всенародномъ движеніи, обхватившемъ Россію, — и все это святое движеніе Русскаго народнаго духа встрѣчаетъ... не то, что холодность, но какую-то, простите меня, нравствен-

ную импотенцію, дряблость, какое-то высокомѣрное презрѣніе, прикрытое оскорбительно-ласковой улыбкой...

— Я рѣшительно васъ не понимаю... Какая тутъ земля, какой тутъ народъ! Все дѣло въ интеллигенціи, управляющей народомъ, или тою слѣпою, невѣжественною массою, которую вы называете народомъ. Мудрый правитель обязанъ знать всѣ пружины, которыми движется управляемая имъ машина, пускаетъ ее въ ходъ—она идетъ; скажетъ ей: stop машина! она останавливается...

— Ну, а если вмѣсто машины окажется живое тѣло, живой организмъ?..

— Положимъ и организмъ, но—не развитой. Люди болѣе развитые повелѣваютъ ему и онъ обязанъ имъ повиноваться...

— Если же не повинуется...

— Если не повинуется, его заставятъ повиноваться. Съ вашимъ уваженіемъ къ народу, мы давно бы отошли назадъ въ Азію. И я вамъ скажу по секрету: при каждомъ взрывѣ патріотизма въ Россіи, *намъ* дѣлается неловко... Неловко потому именно, что въ этомъ патріотизмѣ слышатся такія варварскія ноты, отъ которыхъ становится совѣстно предъ Европою, и даже страшно. Да, страшно за цивилизацію, которую мы съ такимъ трудомъ насадили въ Россіи. Le patriotisme russe avec ses attributs — le православіе, le земство, да вѣдь это хуже войны, хуже позорнаго мира для Россіи!.. Faisons les concessions voulues, уступимъ немножко Западнымъ державамъ, но останемся въ союзѣ съ ними, останемся членами Европейской семьи,—прибавилъ мой тайный совѣтникъ даже съ нѣкоторымъ жаромъ.

— И перестанемъ быть Россіей...

— Останемся и Россіей, но Россіей благовоспитанной, Россіей — побывавшей въ рукахъ у хорошаго гувернера... Ce que je deteste moi, c'est quand vous me parlez de... chose... Православіе... Ну, тамъ въ Москвѣ еще можно толковать о православіи, на то она и Москва, — но, къ счастію Россіи, Россія управляется не Москвою, а Петербургомъ. Однако же православіе служитъ большой помѣхой нашему развитію, задерживаетъ, да—задерживаетъ цивилизацію. Ну, скажите сами: просвѣщенное правительство, или нѣкоторые просвѣщенные люди хотѣли ввести гражданскій бракъ... Нельзя, говорятъ,

il y a ce damné православіе, которое мѣшаетъ. Подготовленъ проектъ о смѣшанныхъ бракахъ, который бы очень понравился Европѣ, очень. Насъ бы и варварами перестали называть... Ну, не рѣшаются пустить въ ходъ проектъ, говорятъ, что теперь не время, надо, напротивъ, ласкать всѣ народныя привязанности, toutes ces prédilections barbares du peuple russe.

Я рѣшился не возражать... Пусть себѣ высказывается, думалъ я... Что же, по вашему мнѣнію, Россіи слѣдовало бы принять латинство?..

— Я этого не говорю. Можно имѣть свою національную церковь, въ родѣ high church, какъ въ Англіи, управляемую государствомъ. Безъ церкви нельзя. Натурально, у насъ есть свои національныя особенности, которыя надо менажировать. Латинство принимать не зачѣмъ, но почему же не жить въ мирѣ, въ нѣкотораго рода союзѣ? Латинская церковь — мать Европейской цивилизаціи, я такъ понимаю.

— Такъ не защитникъ ли вы уніи?..

— О нѣтъ, формальная унія къ чему же? Но это должно сдѣлаться само собою, мудрыми мѣрами правительства и успѣхами цивилизаціи. Намъ еще много дѣла. Надо довести Русскій народъ до того, чтобы крестьянинъ съ одинаковымъ чувствомъ посѣщалъ нѣмецкую кирку, католическій костелъ, православную церковь, чтобы мой сельскій капелланъ могъ быть допущенъ къ моему обѣду, т. е. былъ бы для этого достаточно приличенъ, ходилъ бы, напримѣръ, во фракѣ и послѣ обѣда, безъ жеманства, могъ бы сыграть со мной партію виста, — чтобъ наши архіереи, наконецъ, были похожи на прелатовъ и не чуждались католическаго и протестантскаго общества, — чтобы воспитаніе народа было вырвано изъ рукъ духовенства, — чтобъ могли существовать рядомъ и танцклассъ, и канканъ, и молитва, comme ça se pratique à Paris...

— И много, Петръ Петровичъ, такихъ, думающихъ одинаково съ вами въ Петербургѣ?

— Къ сожалѣнію, еще немного. Mais ça viendra...

— Скажите, — да какая же разница, напримѣръ, между вами и Современникомъ? Вѣдь вы — извините за выраженіе — одного поля ягоды...

— Ну, вотъ вы какіе! Я принадлежу къ партіи порядка,

къ партіи правительственной и, не будучи безусловнымъ приверженцемъ аристократизма, однако же вовсе не раздѣляю демократическихъ мнѣній этого журнала...

— Ну да, вы въ перчаткахъ, а онъ безъ перчатокъ,—вы относитесь къ духовнымъ началамъ Русской народности какъ къ средству, а онъ пренебрегаетъ этимъ средствомъ, но и вы и онъ одинаково презираете эти духовныя начала Русской жизни...

— Нѣтъ, Современникъ слишкомъ грязенъ, c'est trop mauvais genre... Но что же, я и не отрекаюсь; Современникъ все же стоитъ на почвѣ Европейской цивилизаціи; его мнѣнія уродливы, mais ce sont les excès et les abus de la grande civilisation européenne, крайности и злоупотребленія цивилизаціи. Его мнѣнія уродливы, но это уродство патентованное Европой, оно имѣется и во Франціи, и въ Германіи. Отчего же и намъ его не имѣть? Я васъ спрашиваю — отчего? Все же это не азіятщина, не Русское мужицкое изобрѣтеніе... Съ точки зрѣнія правительственной, какъ я ее разумѣю, Современникъ гораздо менѣе вреденъ, чѣмъ ваши Московскіе славянофильскіе журналы. Вотъ кого слѣдовало бы преслѣдовать, такъ это ихъ...

— Почему же?

— Потому что они стоятъ на почвѣ Русской народности, а по моему убѣжденію для насъ, для Петербургской цивилизаціи, для принциповъ, воплощаемыхъ Санктпетербургомъ, нѣтъ врага злѣе, нѣтъ судьи неумолимѣе, какъ принципъ народности; оттого, что восторжествуй начало народности — мы должны будемъ сказать: пассъ! оттого, что это начало идетъ наперекоръ всѣмъ преданіямъ Руси преобразованной, Руси Петровской; оттого, что оно потребуетъ отъ насъ, чтобъ и мы стали Русскими въ грубомъ смыслѣ, а мы этого не хотимъ, да и не можемъ; оттого наконецъ, что намъ пришлось бы отречься отъ нашей системы... Нѣтъ, что хотите, демократизмъ, соціализмъ, коммунизмъ, атеизмъ, матеріализмъ, все это выгоднѣе для насъ, tout cela est plus gouvernemental, pour ainsi dire, cela s'accorde mieux avec le système du gouvernement, чѣмъ ваша народность, ваше православіе и вся эта отвратительная славянофильщина.

— Однакожъ, въ виду угрозъ Европейскихъ, въ виду

войны, вы не прочь прибѣгнуть и къ народности и къ православію...

— Nous faisons jouer tous ces ressorts, это правда, мы приводимъ въ движеніе эти пружины, но не упускаемъ ихъ изъ рукъ,—по крайней мѣрѣ не слѣдовало бы ихъ упускать,— я такого мнѣнія. Не надобно позволять всему этому движенію принимать слишкомъ широкіе размѣры. Напримѣръ — ваши славянофилы (у! какой отвратительный народъ!) нѣтъ-нѣтъ, да и ввернутъ словцо о земскихъ соборахъ... Земскіе соборы! Нѣтъ ужъ, покорно благодаримъ! Ни за что не прибѣгнемъ мы къ этой мѣрѣ, мы съ ней не сладимъ...

— Напрасно вы это думаете. Вамъ все мерещится какой-то антагонизмъ между народомъ и властью, какой-то напоръ и отпоръ и взаимное надувательство, какъ это мы видимъ на Западѣ. Но на Западѣ это объясняется его исторіей, отношеніемъ завоевателей къ завоеваннымъ. У насъ же ничего подобнаго нѣтъ: Русскій народъ добровольно призналъ необходимость власти и добровольно призвалъ ее. Помните, самъ Мицкевичъ говоритъ, что отношеніе Славянскихъ народовъ къ власти представляетъ нѣчто особенное, недоступное пониманію иностранцевъ...

— Знаю, знаю, но позвольте вамъ замѣтить: все это касается идеи царя и отношеній народа къ царю, но не къ правительству, не къ системѣ, не къ намъ-съ! Да, не къ намъ-съ. Non, mille fois non! pas de земскій соборъ! Не нужно никакой этой—запутывающей понятія дряни! Позволили подавать адресы, нашли средство узнать мнѣніе Россіи безъ земскаго собора, — ну и будетъ!.. Вотъ теперь крестьяне въ Западныхъ губерніяхъ сами организуются, прогоняютъ Польскія шайки, бьютъ и ловятъ повстанцевъ... Утилизируйте эту силу, извлеките изъ нея всю возможную пользу для правительства, для вашей системы, для вашей политики, для поправки вашихъ обстоятельствъ; но какъ скоро опасность пройдетъ, заберите, какъ можно туже, ваши вожжи, взнуздайте опять, да и поскорѣе, этотъ народъ до совершеннѣйшаго повиновенія... Я вамъ больше скажу. Я лично вовсе недоволенъ тѣмъ, что̀ дѣлается, напримѣръ, въ Москвѣ. Вы слышали? это самая свѣжая новость. Затѣваютъ учредить мѣстную стражу для охраненія города, съ тѣмъ, чтобы войска, стоящія въ

Москвѣ, могли присоединиться къ дѣйствующей арміи. Понимаете ли, чѣмъ это пахнетъ?

— Чѣмъ? Патріотизмомъ...

— Патріотизмомъ! Пожалуй, да намъ такой патріотизмъ не нуженъ. Онъ уже слишкомъ могуществевъ. Онъ уже пахнетъ силой. Il ne se laisse pas facilement gouverner, ce patriotisme-là! Намъ другихъ силъ не нужно: сила должна быть въ Россіи только одна—правительственная.

— Да Богъ съ вами, Петръ Петровичъ, что̀ за странная теорія о правительствѣ! Какому же правительству, сколько-нибудь народному, не чужестранному, можетъ быть опасенъ патріотизмъ? Зачѣмъ вы вездѣ становите правительство въ какую-то оборонительную позицію, en garde. Это пріемъ чисто Западный...

— Вы человѣкъ непрактическій, да къ тому же вы тянете къ Дню, и поэтому, извините меня, мы стоимъ на совершенно-противоположныхъ полюсахъ зрѣнія,—и сколько бы ни говорили, не столкуемся...

— Да что̀ тутъ толковать, сказалъ я. Россія въ опасности, и спасти ее могутъ только народныя силы, именно тѣ, которыя вы презираете, къ которымъ вы такъ нечестиво относитесь...

— Россіи грозитъ опасность, это правда, но я держусь такого мнѣнія, скажу вамъ откровенно, что лучше согласиться на конгрессъ, или даже на требуемыя уступки, лучше перенести оскорбленія, чѣмъ подвергнуть разоренію Петербургъ или вызвать къ жизни, привести въ дѣйствіе Русскія народныя силы и дать торжество началамъ Русской народности. Наша побѣда надъ Западомъ, право, была бы для *насъ* хуже пораженія, — еслибы мы ее должны были купить *такою* цѣною!.. Лучше уступить Западу, чѣмъ мужицко-Русской стихіи, или созывать какой-нибудь земскій соборъ. — Fi, quelle horreur... Но этого никогда и не будетъ,—обойдемся-съ безъ того и безъ другаго... Прощайте, мнѣ пора въ театръ...

Онъ ушелъ. Признаюсь, я долго, долго не могъ опомниться отъ его словъ. Неужели, скажите ради Бога, всѣ тамъ у васъ *такъ* думаютъ? или по крайней мѣрѣ многіе *такъ же* думаютъ? Хорошо еще, что этотъ человѣкъ не занимаетъ важнаго государственнаго поста, — а вѣдь современемъ можетъ

быть и займетъ. Онъ молодъ, красивъ, элегантенъ, съ именемъ, у него есть опредѣленныя мысли,—des idées arrêtées—рѣдкость въ Петербургѣ... Я смѣялся надъ Русскими, проживающими за границей, но что они всѣ — въ сравненіи съ этимъ Русскимъ, проживающимъ въ Петербургѣ? — Я уже мысленно обращался къ нимъ съ извиненіемъ, они становились мнѣ милѣе и любезнѣе, мнѣ хотѣлось отдохнуть въ ихъ обществѣ отъ этого молодого тайнаго совѣтника... Я понималъ Герцена и даже Бакунина!

И потомъ невольно, задумавшись, перенесся я воображеніемъ отъ этого изящнаго Петербургскаго господина, далеко, далеко, къ роднымъ необозримымъ полямъ, нашимъ черноземнымъ равнинамъ: потянулись предо мною словые лѣса, показалась околица, избы; субботній вечеръ,— крестьяне, наработавшись цѣлыхъ шесть дней, отдыхаютъ, сидя на заваляхъ. Былъ сходъ у нихъ мѣсяца три тому назадъ. Начальство требуетъ отъ нихъ чего-то имъ непонятнаго, грозитъ экзекуціей. Рѣшились послать отъ міра ходока въ Питеръ съ просьбой... Пойдетъ онъ въ Петербургъ,— нечеса, бородатый, степной лапотникъ-мужикъ, съ приговоромъ міра за пазухой, крѣпко помолившись Спасу,— пойдетъ, и приведетъ судьба — его, сѣраго, къ щеголеватому тайному совѣтнику изъ «молодыхъ», Ж***.., и станутъ они другъ передъ другомъ... Что это? Одного ли это народа люди? Сжалось сердце у мужика, не втолковать ему своей нужды его превосходительству... Мужика высѣкли и воротили... Но вотъ скачетъ становой... Деревня встрепенулась, сбѣгаются старый и малый... Зовутъ священника... Манифестъ... Война... Рекрутскій наборъ... Польша и семь королей идутъ на государя, хотятъ воевать Россію... Нужны люди, нужна помощь. Худо приходится Русской землѣ. «Коли худо, такъ толковать нечего, говорятъ старики, всѣхъ молодыхъ отдадимъ царю на службу, а коли нужно будетъ, такъ и сами станемъ головами за матушку Святорусь-землю»... «Толковать нечего, говоритъ міръ, такъ тому и быть»... «Эхъ кабы только правду молвить можно было, кабы не глохъ мужикъ безотвѣтно тутъ отъ начальства, совсѣмъ бы легкимъ сердцемъ пошли», шепчетъ дядя Антипъ. «Ну, дядя Антипъ, что дѣлать, авось Богъ смилуется, а теперь-то, вотъ поди ты: семь королей, да Литва!... Ахъ они, нехристи!...»

И идутъ мужики, молятся, подвизаются, рѣкой льется кровь Русскаго народа, и опміамъ священнодѣйствія Русскаго народнаго духа доносится до Санктпетербурга,—и чихаетъ отъ него и морщится тайный совѣтникъ Ж***. «Sacristie», восклицаетъ онъ,—опять мужичьемъ запахло... Arrière, coquins, назадъ, негодяи!... Господинъ Клагенфуртъ фонъ-Фуртклагенъ, посмотрите, чтобъ мужики не очень-то восторгались, да отъ времени задавайте имъ острастку, чтобъ не забывались, morbleu!...»

Скажите, вѣдь господинъ Ж*** *единственный* въ своемъ родѣ? вѣдь другихъ, подобныхъ ему экземпляровъ не водится? вѣдь Ж*** не имѣетъ никакой власти, ровнехонько никакой, и имѣть ее никогда не будетъ? Не правда ли? Скажите же, что правда...

P. S. Говорятъ, что къ числу адресовъ Весьегонска, Боровска, Ельца, Данкова скоро присоединится адресъ отъ Русскаго города Дрездена,—начинающійся такъ: «Граждане города Дрездена» и оканчивающійся словами: «ляжемъ костьми *ту*», и проч. Въ самомъ дѣлѣ разсказываютъ, будто Русскіе Дрезденцы или Дрезденскіе Русскіе тоже послали отъ себя въ Петербургъ какой-то адресъ, свидѣтельствующій объ ихъ неудержимомъ влеченіи къ Россіи?... Вотъ онъ, патріотизмъ-то!

5.

Изъ Парижа.

«Саможиси!» — вотъ что приходится теперь слышать нерѣдко на улицахъ и перекресткахъ, въ кофейныхъ и ресторанахъ; «Саможиси» — говорятъ съ необыкновеннымъ самодовольствомъ Французы, будто озаренные новымъ свѣтомъ географическихъ познаній. «Ah bah! nous jetons vingt mille hommes dans la Samogitie,—мы кинемъ тысячъ двадцать людей въ Самогитію, прибавимъ тысячъ тридцать Шведовъ — и дѣлу конецъ», повторялъ нынче, въ моемъ присутствіи, куаффёръ, проводя англійскій проборъ на затылкѣ какого-то Француза, важнаго чиновника, съ розеткой (признакъ ордена) въ петлицѣ и также съ физіономіей куаффёра... «Саможиси» —

это слово придаетъ теперь много *шику* политическимъ разговорамъ, является необходимой приправой всякихъ Французскихъ разсужденій о «Польскомъ вопросѣ». Въ самомъ дѣлѣ, Французы вѣрятъ, что стоитъ только пробраться въ Самогитскую часть Ковенской губерніи, доходящую почти вплоть до моря и отдѣляемую отъ него только небольшой полоской Курляндской земли, — и они порѣшатъ съ Польскимъ вопросомъ по своему усмотрѣнію. Но они препаивно убѣждены, что дѣло даже и не дойдетъ до такой чрезвычайной мѣры, что Россія уступитъ, непремѣнно уступитъ предъ тройною волею могущественнѣйшихъ Западныхъ державъ Европы, предъ общественымъ мнѣніемъ Европы,—понимаете ли вы?—*Европы, l'Europe*... «Да нѣтъ, не уступитъ», говорите вы... «Mais si l'Europe l'exige? если Европа потребуетъ??» — «И Европѣ не уступитъ»... — «Et la Samogitie?» Да что Саможиси, знаете вы развѣ, что такое Саможиси?...» — «Monsieur, quand l'Europe entière... когда вся Европа...» — «Да намъ не въ первый разъ тягаться съ Европой; ну сообразите: во-первыхъ...» — Mais, monsieur, la Samogitie?!!» Что тутъ прикажете дѣлать! Всякіе доводы тутъ безполезны. Такъ затвердилъ онъ изъ газетъ, вмѣстѣ съ другими фразами о Польшѣ: «героическая нація», «нація-мученица, nation-martyre», «Русское варварство», Московитскій деспотизмъ», такъ надолбили ему журналы и утренніе и вечерніе, за чашкой кофе въ началѣ дня, за чашкой кофе послѣ обѣда, въ антрактѣ между двухъ піесъ въ театрѣ,— и, кажется, никакой бомбой не высадишь теперь изъ Француза этихъ такъ-называемыхъ глубокихъ его *убѣжденій!!*

Надобно жить во Франціи, чтобы получить ненависть къ журнальной прессѣ, къ той цивилизаціи, которая есть ея порожденіе. Масса Французовъ избавлена отъ необходимости сама думать, изслѣдовать и мыслить; за пять су на всѣхъ лоткахъ, на каждомъ шагу, во всякихъ лавченкахъ, вмѣстѣ съ порціей дешеваго мяса, покупаетъ онъ дешевый готовый умъ и знаніе, и человѣчество пошлѣетъ до невыразимости! У каждаго Француза есть на-готовѣ цѣлый коробъ выхваченныхъ изъ газетъ изреченій по части негодованій, по части сочувствій, по части стратегической прозорливости, по части политическаго глубокомыслія! Я уже давно ищу и все не могу сыскать здѣсь человѣка, у котораго былъ бы умъ свой, не

журнальный. Только что вы коснетесь клапана умственной машины Француза, она придетъ въ дѣйствіе и, какъ шарманщикъ, завертитъ предъ вами свой органный валикъ съ знакомою программою піесъ, дальше которой, — больше того, что натыкано въ этотъ валикъ — ничего уже и не ждите. И этотъ оглупительный концертъ шарманокъ, проигрывающихъ съ утра до вечера однѣ и тѣ же піесы, онъ-то и называется здѣсь «общественнымъ мнѣніемъ»! — «Печать» въ Европѣ есть дѣйствительно страшная сила. Штыкамъ мы можемъ противопоставить штыки, пушкамъ — пушки, панцырнымъ фрегатамъ, пожалуй, такіе же панцырные фрегаты, деньгамъ—деньги (это дѣло наживное),—но противъ *прессы*, этой новой Европейской державы, мы не можемъ выставить никакой равнозначительной силы. И не тоскуйте объ этомъ. Пусть ихъ! Мы — по крайней мѣрѣ этою надеждою я себя утѣшаю — никогда не дойдемъ до такой степени хлесткости, ловкости,— до этой пошлой «смазливости» рѣчи (въ смыслѣ «смазливыхъ физіономій»), которая составляетъ удѣлъ здѣшней журналистики. Вчера мы вмѣстѣ съ однимъ Русскимъ читали выписки и переводы изъ Русскихъ газетъ, помѣщенные въ *Le Nord* и въ нѣкоторыхъ другихъ журналахъ. Такъ и видно людей, болѣе или менѣе добросовѣстно вдумывающихся въ предметъ своего изложенія, болѣе или менѣе взвѣшивающихъ слово, безъ дерзкой самоувѣренности, хотя и не безъ твердости въ убѣжденіяхъ; но надо признаться, что эта наша Русская разсудительная рѣчь является совершенно безсильною, даже комическою предъ щеголеватымъ нахальствомъ здѣшней газетной рѣчи. Вы всѣ, какіе-бъ вы тамъ ни были въ Россіи, всѣ, безъ исключенія, слишкомъ честны, чтобъ съ успѣхомъ состязаться съ Польскими и Европейскими публицистами. Вы все стараетесь *убѣдить* иностранцевъ, разъяснить, растолковать имъ, — вы всѣ обольщаетесь честною мечтою, что если вы представите должные резоны и доводы, противникъ вашъ непремѣнно согласится, отступитъ отъ своего мнѣнія... Какою наивностью кажется это отсюда! Конечно, въ Петербургѣ развелся было настоящій фабричный людъ литературы, съ ремесленною бойкостью рѣчи,—но они бойки только тогда, когда дѣло идетъ объ анонимномъ письмѣ, прочитанномъ на лекціи г. Юркевича, объ увеселеніяхъ у Из-

лера, и т. п. Когда же выступаютъ впередъ серьезные историческіе вопросы, они большею частью молчатъ, не потому, чтобы не могли говорить (къ несчастію, эта отговорка имѣетъ наружную основательность, и чтобъ уничтожить ее, слѣдовало бы устроить такъ, чтобъ этого «не могли» вовсе для нихъ не существовало), не потому, чтобъ не хотѣли говорить, а потому, что имъ нечего сказать: не имѣя твердой почвы подъ ногами, они должны ограничиться какою-то канатною пляской. Это понятно: суровая дѣйствительность, выдвигая впередъ — народъ, оттѣсняетъ на заднiй планъ ту публику, которою обзавелся преимущественно Петербургъ, какъ продуктомъ настоящей «старой» цивилизаціи... Но и этимъ борзописцамъ пришлось бы отступить предъ безстыдствомъ Французской прессы. Мой пріятель, Русскій, доказывалъ, однако, необходимость для Россіи обезпечить себя органомъ *нарочитымъ*, кромѣ газеты Le Nord, не пользующейся большимъ кредитомъ, органомъ, который бы вразумлялъ Европу насчетъ Россіи. Статьи о Россіи въ прочихъ Французскихъ журналахъ не принимаются: почти всѣ закуплены Польскимъ національнымъ комитетомъ въ пользу Польскаго дѣла. Это я знаю положительно; одинъ изъ редакторовъ прямо объявилъ на предложеніе помѣщать у него статьи изъ Россіи,—что ему платитъ Польскій комитетъ вдвое больше... Тѣмъ не менѣе я считаю, что изъ учрежденія особаго органа не вышло бы никакого толку. Тягаться въ наглости, соперничать въ клеветѣ и лжи мы бы не съумѣли и всегда оставались бы позади: словами правды не побѣдить ложь — тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ исканія истины. Вразумить Европу могъ бы только *голосъ Русскаго народа*, еслибъ онъ по какому-нибудь случаю раздался такъ громко, что не было бы ни малѣйшаго сомнѣнія въ его подлинности. Для насъ, Русскихъ, довольно и адресовъ; мы знаемъ, какъ много тутъ сердечной правды, несмотря иногда на неуклюжую оффиціальность слога; но дѣйствіе адресовъ на Европейскую публику было только мгновенно. Адресъ старообрядцевъ произвелъ болѣе сильное впечатлѣніе, и тотъ № Норда, гдѣ онъ былъ помѣщенъ, былъ раскупленъ въ значительномъ, по крайней мѣрѣ въ значительнѣйшемъ противъ прежнихъ №№, количествѣ экземпляровъ, но Польскій комитетъ,—аристократическій или демокра-

тическій, не умѣю вамъ сказать,—тотъ, что засѣдаетъ и дѣйствуетъ Faubourg St.-Honoré rue du Colisée, № 30, далъ и этому адресу свое истолкованіе, — и впечатлѣніе исчезло. Впрочемъ — о сочувствіи Польскому дѣлу «раскольниковъ», des sectaires (а Французовъ увѣрили, что въ Россіи il n'y a que des sectaires), теперь уже не твердятъ ни Поляки, ни Русскіе эмигранты.

И такъ, если вы хотите вразумить Европу, такъ изыщите другой способъ, кромѣ газетъ и адресовъ: или — военною побѣдой, или же, что̀ было бы еще дѣйствительнѣе,—доказательствами *несомнѣннаго присутствія въ Россіи—настоящей народной Руси.*

Это приводитъ меня къ началу моего письма. Вы не можете себѣ и представить, какое странное понятіе имѣютъ въ Европѣ о нашей силѣ, нашемъ могуществѣ. То есть, сказать прямо: они тамъ, въ Европѣ, считаютъ насъ не только немогущественными, но совершенно безсильными. Если вы бывали въ Парижѣ во время Людовика-Филиппа, вы помните, что тогда, наоборотъ, говорили о нашей силѣ такую галиматью, что Русскій, хотя и былъ польщенъ столь лестною репутаціей, однако самъ про себя говорилъ: «Слава Богу, что они не все знаютъ!» Даже и въ каррикатурныхъ журналахъ Россія являлась всегда такимъ могучимъ богатыремъ, который держалъ пушку съ лафетомъ въ рукѣ, какъ револьверъ. Репутацію эту мы совсѣмъ потеряли, и какъ ни обидно это для нашего самолюбія, а приходится сознаться, что *реноме* у насъ прескверный. Прежде насъ ненавидѣли и боялись. Теперь насъ ненавидятъ и презираютъ. Это презрѣніе послужитъ намъ въ пользу, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, и я, признаюсь, предпочитаю это презрѣніе къ намъ Европы—тому ложному страху, который для нашихъ *патріотовъ* былъ «слаще мира и вина». Это презрѣніе заставитъ насъ, я увѣренъ, опереться на чувство собственнаго достоинства и оградитъ насъ отъ излишняго благодушія въ отношеніи къ Западу; оно не дастъ намъ забываться въ самообольщеніи насчетъ своей силы, какъ это было въ то время, когда насъ ни съ того, ни съ сего всѣ боялись. Но на чемъ же основывается это презрѣніе, спросите вы? Лучше спросите: на чемъ основывалось прежнее уваженіе? То обаяніе военной силы, которое такъ долго тяготѣло надъ Европой, исче-

зло послѣ Восточной войны, и затѣмъ, въ глазахъ Европы, никакихъ поводовъ къ уваженію и не оставалось. Россія, вдвинутая всею могучею пятерицею Петра I въ семью Европейскихъ державъ, отрекомендовывалась имъ тѣмъ, что всякая война оканчивалась для нея какимъ-либо новымъ успѣхомъ и даже пріобрѣтеніемъ. Такъ было до самой Восточной войны. Мы въ Россіи думаемъ, что неуспѣхъ этой войны былъ для насъ благодѣтеленъ, ускорилъ освобожденіе крестьянъ и надоумилъ насъ насчетъ источника нашей истинной силы. Но этого еще не понимаютъ на Западѣ. Западу вообще трудно уразумѣть внутреннюю сущность Русской духовной силы, но онъ къ тому же еще и не видитъ результатовъ того нашего движенія, которое, по его мнѣнію, есть хаотическое разложеніе, а по нашему — возрожденіе и возсозиданіе. Да и одинъ ли Западъ не разумѣетъ нашей духовной народной силы?!.. Намъ надобно только не останавливаться на полпути и твердо помнить, что *прежними* элементами могущества — намъ нельзя уже будетъ ни пробавиться самимъ, ни состязаться съ Европой. Россія, со времени Петра, imposée à l'Europe, насильно ей навязанная, такъ-сказать представлялась ей *государственною машиною,* не больше. О народѣ и народности не было и рѣчи, до такой степени, что, какъ я вамъ писалъ, Александръ Дюма могъ считать себя Русскимъ литераторомъ *потому,* что писалъ по-Французски. Теперь, послѣ Парижскаго мира, послѣ освобожденія крестьянъ, и проч., и проч., Французы вообразили, что машина *дала трещину,* — ну и дѣйствительно, треснувшая машина на что̀ годна? Европейцы только того не знаютъ, что въ Россіи есть Русь, и потому Россія не машина, а живое, цѣльное народное тѣло, не механизмъ, который можетъ лопаться, а могучій организмъ, который только теперь, благодаря *именно тому,* что̀ имъ мерещится трещиной, начинаетъ совершать свои отправленія и надѣляетъ государство такой новой духовной силой, предъ которой ничтожна сила прежняго глянцовитаго механизма. — Но такъ какъ этого не понимаютъ въ Европѣ, то она и трактуетъ Россію какъ треснувшую машину!!! Въ самомъ дѣлѣ, Русскаго народа здѣсь не слыхать,—о нашемъ храбромъ войскѣ — даже въ Русской, единственной *вольной* Русской газетѣ («Колоколѣ») преусердно печатаются самыя

злыя небылицы: на ноты, даже на дерзкія ноты иностранныхъ державъ отвѣчаютъ изъ Россіи очень и очень благодушно, представляютъ резоны, стараются убѣдить, стараются оправдываться въ клеветахъ, сочиняемыхъ Краковскимъ «Часомъ» и повторяемыхъ тѣми, кто самъ имъ не вѣритъ... Скажите, какъ же не сдѣлать изо всего этого заключенія о нашей слабости?! Попробуйте забраться въ голову къ Наполеону III (что̀, по извѣстному выраженію Шмидтова Русско-Нѣмецкаго словаря, «для Россіянъ немножко мудрено»), попробуйте сообразить, какъ должно ему представляться наше Варшавское управленіе? Ему, который такъ хладнокровно совершилъ переворотъ 2-го декабря и столько тысячей перевезъ въ Кайенну (что̀, мимоходомъ сказать, было нисколько не гуманнѣе знаменитаго рекрутскаго набора)? Какъ, думаете, поступилъ бы Наполеонъ, еслибъ былъ въ Варшавѣ? Мы съ вами можемъ еще понять психологическія причины такого страннаго явленія, какое представляетъ теперь Варшава, но Наполеону, и даже Англичанину, и даже сосѣду нашему Пруссаку, все это кажется чѣмъ-то совершенно инымъ, *оправдывающимъ* всякое вмѣшательство и разрѣшающимъ даже Джонъ-Росселевскій дипломатическій языкъ!...

Сообразите все это, и вы тогда поймете, какимъ образомъ Западныя державы рѣшились на такой шагъ, какъ послѣднія ноты, — рѣшились, я въ томъ убѣжденъ, даже безъ заранѣе принятаго рѣшенія, — вынудить Россію къ войнѣ: думаютъ, что до войны не дойдетъ, что Россія непремѣнно уступитъ...

Наше единственное средство возстановить къ себѣ уваженіе въ Европѣ—не уступать и не уступать, и выдвигать впередъ—бездѣлицу, забытую Западомъ—нашъ Русскій *народъ,* дѣйствовать во имя Русской народности. Я увѣренъ, что одинъ обликъ Русскаго народа, хотя бы и не совсѣмъ прилизаннаго, приглаженнаго и причесаннаго, появившійся на горизонтѣ, смутилъ бы Европу больше, чѣмъ цѣлый милліонъ штуцеровъ, противъ которыхъ они выставятъ, пожалуй, штуцера и не хуже, если не получше нашихъ...

Мы казнимся теперь за свои грѣхи, но, къ счастію, мы ихъ сознаемъ и способны исправиться. Отрадно читать въ вашей газетѣ возбужденное сочувствіе Россіи къ Бѣлоруссіи, но, право, трудно винить *Европу* въ томъ, что она продолжаетъ

считать Бѣлоруссію и Украйну не Русскою, а Польскою землею! Кажется, вѣдь это простой этнографическій фактъ, тутъ не должно бы и быть сомнѣній? Но если *мы сами* сомнѣвались, да еще такъ долго, въ этомъ фактѣ?... Теперь готовится къ печати переписка Императора Александра I-го съ княземъ Чарторыжскимъ, какъ самый сильный доводъ *въ пользу* Польскихъ притязаній. Можно ли будетъ подвергнуть эту книгу у насъ *безпристрастному* разбору? Это было бы полезно для нихъ... ну да и для насъ поучительно*)...

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ).

Какъ Россіи готовиться къ войнѣ.

Москва, 1-го іюня.

Въ старину былъ обычай: отправляясь на войну или предъ вступленіемъ въ бой, Русскіе воины приносили Богу, съ сокрушеннымъ сердцемъ, покаяніе во всѣхъ своихъ грѣхахъ и неправдахъ, вольныхъ и невольныхъ,—и только очистившись исповѣдью и возстановивъ союзъ съ Христомъ въ таинствѣ Причащенія, шли на встрѣчу врагамъ, на «срѣтенье смерти».— Россія наканунѣ войны,—войны кровопролитной и долгой. Пусть строится рать, сбирается казна и куется оружіе,—ей нужно еще другое оружіе, другое богатство—подъемъ очищеннаго духа, вѣдѣніе и видѣніе всѣхъ своихъ общественныхъ грѣховъ и пороковъ, твердая рѣшимость возродиться къ правдѣ и истинѣ. Напрасно бы стали малодушные «патріоты» заглушать ея слухъ, ублажать совѣсть и возбуждать ее къ бодрости духа—хвалебными пѣснями, возгласами, тщательною утайкой ея язвинъ и пятенъ! Напрасно бы стали они налагать молчаніе на уста обличителей, правыхъ и неправыхъ, съ тѣмъ, чтобъ оградить ея мысль отъ сомнѣнія и сердце отъ смуты!... Такое малодушіе должно быть чуждо Россіи. Ей прилично мужество исповѣди. Ей данъ отъ Бога великій даръ, который не подъ силу слабымъ: безпощадно-чуткая совѣсть, неумолимая прав-

---

*) Едва ли можно! *Ред.*

дивость сознанія, пытливость и строгость нравственнаго внутренняго суда. Этотъ даръ не долженъ оставаться бездѣйственъ, какъ бы ни нарушала такая дѣятельность обличенія и суда— самодовольный покой близорукаго «патріотизма»!

И именно теперь потребна такая исповѣдь для Россіи. Въ виду войны, готовясь стать на судъ Божій, на судъ исторіи, она должна прислушаться къ внутреннему суду своей общественной совѣсти,—откинуть силы гнилыя и опереться на новыя крѣпкія силы, которыя обрѣсти можно только тогда, когда всѣмъ сердцемъ и всѣми способностями своими пожелаешь и поищешь истины.

А всѣмъ ли сердцемъ, всѣми ли способностями своими домогается истины Россія?! Не пропадаетъ ли у нея и до сихъ поръ даромъ, безполезно для правительства и для нея самой, *умъ милліоновъ?* Вполнѣ ли разверстъ ея слухъ для правды, вполнѣ ли свободны ея уста для вѣщанія правды? Воздастъ ли она должное уваженіе Божіимъ дарамъ — уму и слову, цѣнитъ ли, какъ бы слѣдовало, святую независимость мысли? Уразумѣла ли важность общаго совѣта? Оградила ли слабыхъ—меньшихъ своихъ—отъ произвола и насилія сильныхъ? Очистилась ли отъ страшнаго разъѣдающаго недуга лести и лжи? Отказалась ли отъ попытокъ подчинить свободу жизни— формализму внѣшняго закона, и органическія ея отправленія замѣнить механизмомъ Нѣмецкой администраціи? Создала ли, воспитала ли въ себѣ силы общественныя, кромѣ силы правительственной? Вполнѣ ли, наконецъ, отреклась отъ административныхъ преданій Петербургскаго періода нашей исторіи: вполнѣ ли признала права Русской народности, вполнѣ ли Русью стала Россія?...

Пусть каждый изъ насъ строго допроситъ себя и по совѣсти дастъ отвѣтъ. Пусть каждый въ общемъ грѣхѣ, въ общемъ недугѣ признаетъ и за собой свою долю вины; пора перестать, какъ это дѣлалось прежде, сваливать всю вину на одно правительство, возлагать отвѣтственность за все дурное на одно правительство и отъ одного правительства чаять спасенія! Правительство набираетъ своихъ дѣятелей изъ насъ же самихъ, изъ нашей общественной среды, и если эта общественная среда не въ состояніи сама выработать уваженіе къ свободѣ мнѣнія, къ достоинству и правамъ личности человѣческой,

и сознательно проникнуться началами Русской народности,— если эта общественная среда сама лѣнится умомъ и душою, жмурится отъ свѣта истины и затыкаетъ уши, чтобы не слышать горькаго слова правды, то она не воспитаетъ, не дастъ ни странѣ, ни правительству способныхъ и доблестныхъ гражданъ. Мы не должны забывать, что настоящая пора для насъ несравненно труднѣе, чѣмъ лѣтъ 10 тому назадъ, передъ началомъ Восточной войны. Въ то время мы еще могли предаваться различнымъ самообольщеніямъ и пробавляться однимъ патріотическимъ возбужденіемъ духа, оставляя зарытыми Богомъ данные намъ таланты. Въ то время еще позволительно было думать, что внѣшняя вооруженная сила государства и правительственная дѣятельность — замѣняютъ вполнѣ силу и дѣятельность общественную, земскую, свободную и самобытную. Но теперь, послѣ урока, заданнаго намъ Восточною войною, мы должны, наконецъ, сознать лежащую на насъ историческую повинность и нести ее съ полною гражданскою добросовѣстностью. Эта повинность заключается не въ одномъ «принесеніи на алтарь отечества жизни и достоянія»—такія жертвы никогда не пугали и не испугаютъ Русскаго человѣка, — а въ принесеніи еще другихъ, безкровныхъ и безкорыстныхъ даровъ на алтарь родной земли,—даровъ мыслящаго и непрестанно трудящагося духа. Да, мы уже не можемъ въ 1863 году довольствоваться простодушнымъ «патріотизмомъ» 1853 года, и какъ ни драгоцѣненъ даръ жизни и достоянія, который, какъ тогда, такъ и теперь, готова принесть Россія, мы можемъ сказать ей словами поэта:

...Твой скуденъ даръ.—Есть даръ безцѣнный,
Даръ нужный Богу твоему:
Ты съ нимъ явись, и, примиренный,
Я всѣ дары твои приму:
Мнѣ нужно сердце чище злата
И воля крѣпкая въ трудѣ,
Мнѣ нуженъ братъ любящій брата,
Нужна мнѣ правда на судѣ...

Нужно уваженіе къ мысли и слову, нужна дѣятельность мысли и слова, нужно знать и разумѣть свои историческіе грѣхи и неправды, допытываться настоящей причины золъ и бѣдствій, нужно вѣрить въ силу истины, любить и уважать свободу жизни и человѣческаго духа!...

Конечно, сравнивая Россію 1863 года съ Россіей 1853-го, мы не можемъ не придти ко многимъ утѣшительнымъ выводамъ. Мы положительно считаемъ Россію нынѣшнюю могущественнѣе Россіи тогдашней; въ эти 10 лѣтъ совершился одинъ изъ громаднѣйшихъ *бытовыхъ* переворотовъ, какіе когда либо переживала Россія. Уничтожено крѣпостное право, уничтожены откупа, уничтожены тѣлесныя истязанія, данъ пятилѣтній отдыхъ Россіи отъ рекрутскихъ наборовъ, преобразована армія, обѣщаны: новый судъ, «расширеніе общественныхъ правъ», нѣкоторыя другія реформы. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ цѣлая бездна отдѣляетъ Россію 1863 отъ Россіи 1853 года, и мы не можемъ не чувствовать самой горячей признательности—виновнику всѣхъ этихъ облегченій, снявшему многій гнетъ съ Русской земли! При всемъ томъ — эти 10 лѣтъ не устранили однакоже нѣкоторыхъ существенныхъ хроническихъ недуговъ, на которые явно указалъ намъ вѣщій голосъ исторіи, громко раздававшійся въ событіяхъ Восточной войны. Мы видимъ и теперь преимущественно дѣятельность правительственную, а не общественную; мы видимъ достойныя всякой похвалы усилія администраціи и въ то же время тщету этихъ усилій тамъ, гдѣ призвана дѣйствовать и—бездѣйствуетъ, отъ внѣшнихъ причинъ, нравственная сила самого общества. Мы видимъ либерально-распоряжающуюся власть, облагороженное и благодѣтельное начальство,—и то, что̀ такъ характеристично называлось прежде «казенщиной», теперь является проводникомъ и орудіемъ самой благонамѣренной административной заботы,—но при всемъ томъ общество еще не отучено ходить подъ опекой и на помочахъ, а потому и не проявляетъ дѣятельности и силъ, нужныхъ правительству и народу. Еще по-прежнему господствуетъ правительственная инниціатива (иначе— вчинаніе), столь тягостная для самого правительства. Самыя начала — не внѣшнія, а внутреннія, духовныя, такъ-сказать начала и основы нашего государственнаго и общественнаго строя — остаются пока тѣ же, — та же ненародность административной системы и общественнаго развитія, то же невѣріе наше въ жизнь, въ народъ, въ свободу!... Мы еще по-прежнему не любимъ правды и наклонны ко лжи, еще сохраняемъ старую способность самообольщаться — какъ прежде внѣшнимъ могуществомъ Россіи, такъ теперь нашимъ «либерализмомъ», «спра-

ведливостью» и «гуманностью»... Разумѣется, и въ этомъ отношеніи мы сдѣлали значительные успѣхи. Цензура стала гораздо снисходительнѣе, сравнительно съ 1853 годомъ, и этому свидѣтельству, данному «Днемъ», у котораго двадцать двѣ статьи въ нынѣшнемъ году остались ненапечатанными, можно вѣрить; наконецъ и Русской исторіи возвращено право *правды* до 1724 года, на основаніи V пункта временныхъ правилъ, тогда какъ лѣтъ 10 тому назадъ оффиціальное исправленіе историческихъ фактовъ согласно оффиціальнымъ потребностямъ доходило иногда до X вѣка. Благодаря событію послѣдней войны и нынѣшней правительственной системѣ—подобныя явленія, пережитыя нами, представляются теперь какъ страшный тяжелый сонъ, которому съ трудомъ вѣришь. Но нельзя не замѣтить въ оправданіе прежняго времени, что тогда многое извинялось ослѣпленіемъ, происходившимъ отъ преувеличеннаго понятія о нашемъ могуществѣ и какою-то всеобщею тупостью сознанія. Теперь же, когда свѣтъ бьетъ намъ ярко въ глаза, когда вновь приходится Россіи быть въ отвѣтѣ передъ спросомъ исторіи и вооружиться всѣми состоящими въ ея распоряженіи внѣшними и духовными силами, — требованія Россіи отъ самой себя должны быть несравненно взыскательнѣе и строже: было бы непростительно выжидать, чтобъ новые уроки исторіи вновь вразумили насъ—въ чемъ мы по старому грѣшны и слабы, и въ чемъ должны исправиться...

Мы наканунѣ войны. Міръ Латино-Германскій грозитъ ринуться на міръ Православно-Славянскій, олицетворяемый для него Россіей. Готовы ли мы? Войска наши въ сборѣ, оружіе запасено, народъ одушевленъ рѣшимостью не уступать дерзкому врагу ни пяди земли и не позволить ему вмѣшательства въ нашъ внутренній распорядокъ,—но готовы ли мы тою духовною силою, которую даетъ только сознаніе своей лжи и твердая рѣшимость стать на стезю правды?—За Русскимъ народомъ дѣло не станетъ; дѣло за обществомъ и за администраціей: пусть только вѣрятъ они въ Русскій народъ и пребудутъ вѣрны Русской народности, оставивъ всякіе поиски за добрымъ мнѣніемъ о насъ Запада!...

Въ этомъ отношеніи, не можемъ мы скрыть того непріятнаго, тяжелаго впечатлѣнія, которое произвела на насъ статья, напечатанная по-французски въ «Journal de St.-Pétersbourg»

и потомъ, въ переводѣ, въ «Сѣверной Почтѣ» (№ 111), статья, служащая отвѣтомъ двумъ иностраннымъ газетамъ, разразившимся самыми грубыми клеветами на Русское правительство и Русскихъ солдатъ по поводу крестьянской расправы съ Поляками—Русскими помѣщиками Витебской губерніи, графомъ Платеромъ, Молемъ и другими. Намъ было обидно читать, какъ старается Русская оффиціальная газета оправдать наше правительство въ глупыхъ и безобразныхъ обвиненіяхъ, возводимыхъ на него какимъ нибудь «Morning Post, — обвиненіяхъ въ томъ, что оно переодѣло Русскихъ солдатъ въ крестьянъ-старообрядцевъ и заставило ихъ грабить помѣщичьи усадьбы и оскорблять «благородныхъ дамъ». «Были ли свидѣтели этого отвратительнаго переодѣванья?» спрашиваетъ Русская газета. «Видѣлъ ли кто Русскихъ солдатъ бритыхъ, превращенныхъ въ крестьянъ съ бородами?» Въ опроверженіе этого «Journal de St.-Pétersbourg» приводитъ даже свидѣтелей съ нашей стороны, графовъ Борха, Шадурскаго, г. Жабо, и старается успокоить Европу увѣреніемъ, что графъ Шуваловъ, посланный на мѣсто для изслѣдованія, «освободилъ всѣхъ плѣнныхъ (Поляковъ), виновность которыхъ фактически не доказана», заставилъ крестьянъ (уничтожившихъ замыслы Витебскихъ помѣщиковъ изъ Поляковъ) «выдать изъ среды своей тѣхъ, которые участвовали въ грабежѣ» (и которые не избѣгнутъ заслуженнаго наказанія, прибавляетъ Русско-Французскій журналъ), «испросилъ новыхъ распоряженій въ пользу арестованныхъ» и принялъ мѣры, чтобы обезпечить безопасность личную и имущественную» помѣщиковъ въ родѣ Моля и К°. Мы ничего не говоримъ противъ принятыхъ мѣръ, но мы сочли не лишнимъ распространиться нѣсколько о статьѣ «Journal de St.-Pétersbourg», потому что въ ней, какъ въ зеркалѣ, отражается наше духовное и гражданское подобострастіе передъ авторитетомъ Европы. Если эта газета взяла уже на себя обязанность опровергать клеветы на Россію, то пусть лучше отвѣчаетъ она не на газетные толки, а на рѣчи Англійскихъ ораторовъ въ палатахъ парламента. Обвиненія, высказываемыя этими рѣчами, получаютъ несравненно болѣе важности отъ мѣста, въ которомъ онѣ произносятся. Такъ, напримѣръ, нельзя равнодушно читать тѣ строки изъ рѣчи г. Грегори, которыя напечатаны въ 112 № Московскихъ Вѣдомостей. Стараясь

доказать, что сочувствіе Южныхъ Славянскихъ племенъ къ Россіи слабо, Грегори позволяетъ себѣ утверждать, что всякій Сербъ на вопросъ: хочетъ ли онъ сдѣлаться Русскимъ подданнымъ, «горячо отвѣтитъ, что предпочитаетъ свою независимость и свободу и не желаетъ подчиниться мановенію Русскаго губернатора» и «быть сосланнымъ въ Сибирь за выраженіе какихъ-либо мнѣній». Никто изъ Русскихъ никогда и не мечталъ о приведеніи Сербовъ въ подданство Россіи, но причины, почему Сербъ предпочитаетъ свою независимость,— вотъ что̀ требовало бы энергическаго опроверженія со стороны «Journal de St.-Pétersbourg», вотъ что̀ бы мы желали видѣть заклейменнымъ названіемъ клеветы!..

Ноты иностранныхъ державъ, сколько намъ извѣстно, еще не получены, но заграничная журналистка уже заранѣе ознакомила публику съ ихъ главными основаніями. Если эти свѣдѣнія вѣрны, то Западныя державы дошли до послѣднихъ предѣловъ дерзости не столько въ формѣ, сколько въ содержаніи, и дипломатическій разговоръ отнынѣ становится почти невозможенъ.—Мы не говоримъ уже о перемиріи, переименованномъ въ болѣе скромное названіе «амнистіи»,—мы поражены посягательствомъ на политическое государственное устройство самой Россіи. Австрія, вмѣстѣ съ Франціей и Англіей, предлагаетъ намъ ввести у себя нѣчто въ родѣ организаціи, данной знаменитымъ патентомъ 2-го октября, т. е. учрежденіе провинціальнаго Польскаго сейма на основаніяхъ Австрійской конституціи, т. е. съ рейхсратомъ или государственнымъ сеймомъ; однимъ словомъ поставить Польшу въ тѣ же отношенія, въ какихъ находится Галиція къ Австріи. Не входя въ подробную оцѣнку этой мѣры, мы не можемъ не выразить искренняго негодованія на то, что Австрія смѣетъ кичиться предъ нами какимъ-либо преимуществомъ въ дѣлѣ свободы и уваженія чужихъ національностей, и напоминать намъ нѣкоторымъ образомъ то, что̀ мы хранимъ въ нашихъ преданіяхъ, о чемъ краснорѣчиво говоритъ наша Русская исторія какъ о средствѣ для разрѣшенія вопроса. Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, не Австрійскую конституцію, которой никто изъ Русскихъ никогда и не пожелаетъ, которая еще вовсе не увѣнчалась полнымъ блистательнымъ успѣхомъ и въ

самой Австрійской имперіи,—а сеймы, нѣсколько напоминающіе наши совѣщательныя собранія: Земскіе соборы и Думы. Конечно, Русское правительство отвергнетъ всѣ эти наглые непрошенные совѣты и соблюдетъ вполнѣ честь и достоинство Русской державы и Русскаго народа,—но тѣмъ не менѣе наше народное самолюбіе возмущается мыслью, что Европейскія государства принимаютъ на себя роль нашихъ опекуновъ и благодѣтелей, и ревнуютъ о нашей политической свободѣ у насъ дома! Они будутъ возглашать въ своихъ лживыхъ прокламаціяхъ, что несутъ намъ даръ либеральныхъ политическихъ учрежденій, и въ энергическомъ отказѣ Русскаго правительства захотятъ видѣть не рѣшеніе всей Русской земли, а выраженіе одной правящей власти. Мы вѣримъ, что дружный единодушный отпоръ всего Русскаго народа разсѣетъ наконецъ дерзостное самообольщеніе нашихъ враговъ,—но если бы найдено было средство услышать голосъ Русской земли не въ однихъ только адресахъ, этотъ голосъ еще убѣдительнѣе показалъ бы Европѣ, какъ тѣсна связь Русскаго государства съ народомъ и какъ излишне для насъ Австрійское напоминаніе о нашихъ земскихъ соборахъ.

Народное одушевленіе во время Польскихъ смутъ.

Москва, 8-го іюня.

Русскій народъ не вѣтренъ, не легкомысленъ, — это всѣ знаютъ; въ этомъ согласны между собою его друзья и враги: онъ не вскипаетъ кипучимъ гнѣвомъ при малѣйшемъ оскорбленіи его чести; не воспламеняется какъ порохъ отъ искры слова; не податливъ на увлеченіе военною славой, не бранолюбивъ, тугъ на энтузіазмъ, врагъ ложныхъ восторговъ и театральныхъ эффектовъ; мужественный, разумный, бодрый, онъ отличается наклонностью къ миру и долготерпѣніемъ. Народъ по преимуществу *бытовой*, онъ не снѣдаемъ политическимъ честолюбіемъ, жаждою завоеваній и воинскихъ успѣховъ, какъ, напримѣръ, сосѣди его, Поляки. — Кромѣ 1812 года, когда непріятель ворвался въ самое сердце Россіи, онъ довольно равнодушно и безразлично жертвовалъ своею жизнью, во всѣхъ

войнахъ и кампаніяхъ, которыя предпринимало государство въ Петербургскій періодъ нашей исторіи. Даже въ послѣднюю Восточную войну, ознаменовавшуюся такими изумительными примѣрами Русскаго мужества, — народное одушевленіе сравнительно съ нынѣшнимъ, было довольно слабо; народъ охотно повиновался, но не вызывался на подвигъ повиновенія, не проявлялъ въ себѣ той способности и силы начинанія, — той инціативы въ отраженіи враговъ, въ защитѣ Русской народной и государственной чести и цѣлости, какая проявляется въ немъ въ настоящее время. Не только адресы, но всѣ доходящія до насъ извѣстія единогласно свидѣтельствуютъ о томъ глубокомъ,—именно глубокомъ, серьезномъ одушевленіи, которое обхватило, проникло, пробрало, такъ-сказать, весь Русскій народъ, его мысль, его волю,—всю его душу. «Точно Егорій Храбрый всталъ и ходитъ по Русской землѣ!» восклицаетъ, въ письмѣ къ намъ изъ провинціи, одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ, — умный и безпристрастный наблюдатель крестьянскаго быта.

Что̀ же это значитъ? Какая же причина такого воинскаго одушевленія, такихъ небывалыхъ со стороны простаго народа— проявленій любви къ Россіи и къ Государю, такого участія, выраженнаго народомъ, во внѣшней исторіи, во внѣшнемъ, повидимому, чисто государственномъ интересѣ?—«Помилуйте, народъ бездушная масса, ему нѣтъ дѣла до высокой цѣли и значенія борьбы; онъ знаетъ, что война поведетъ за собою рекрутскій наборъ, котораго онъ пуще огня боится, — а пожалуй, еще усиленіе податей и повинностей: при этихъ дѣйствительныхъ жертвахъ и страданіяхъ, можетъ ли онъ сочувствовать вашимъ отвлеченнымъ историческимъ интересамъ? Не все ли ему равно, убавилось ли или прибавилось Россіи на половину, и въ какой она чести у другихъ государствъ?..» Такъ говорили у насъ еще очень недавно «практическіе» и «благоразумные» люди; такъ и дѣйствительно было прежде: по крайней мѣрѣ всѣ бывшіе доселѣ примѣры, казалось, нисколько тому не противорѣчили. Но то, что̀ совершается теперь, выше разумѣнія этихъ практиковъ, и они или стараются набросить тѣнь сомнѣнія на искренность народнаго голоса, или же съ изумленіемъ пожимаютъ плечами, тщетно отыскивая разгадки.

Въ самомъ дѣлѣ, что же это такое? что возбудило и разшевелило народное чувство? Повода къ такому народному негодованію, какое было въ 1812 году, очевидно не имѣется. Тогда врагъ предстоялъ предъ Русскимъ народомъ не призракомъ, а во очію, возвѣщалъ о себѣ не молвою и не газетами, а огненнымъ и кровавымъ шествіемъ; зарево Московскаго пожара пылало въ небѣ надъ всею Русскою землею отъ края до края. Не было надобности ни въ какомъ искусственномъ возбужденіи, или въ отвлеченномъ толкованіи о цѣлости и единствѣ Россіи: достаточно было простаго чувства самосохраненія, чтобы воздвигнуть народъ и спасти Россію. Въ настоящую же пору война не только не объявлена, но войною даже и не угрожаютъ, — по крайней мѣрѣ формально; да и новаго появленія дванадесяти языкъ въ самой срединѣ Россіи вовсе и не предвидится. Слѣдовательно не грубый, понятный, осязательный фактъ насилія — причиною нынѣшняго народнаго одушевленія... Что же? Неужели народъ такъ горячо принялъ къ сердцу дипломатическое вмѣшательство Европейскихъ державъ, оскорбился нотами Росселя, Друэнъ де Люиса, Рехберга, Мирафлореса, выходками и нападками Западныхъ журналистовъ? Но, по увѣренію Сѣверной Почты, оскорбленія нѣтъ и оскорбляться нечѣмъ, да и нельзя предположить, говоритъ она, чтобъ такія данныя имѣли мѣсто, потому что «оскорбляя Россію, они были бы чрезъ то унизительны и для самой Европы, шедшей путемъ долгаго опыта къ сознанію политическаго приличія»; были только «дружественныя представленія»... Хотя, въ противность этому успокоительному увѣренію Сѣверной Почты, всѣ почти адресы выражаютъ оскорбленное національное чувство, да и поводъ къ адресамъ данъ былъ вовсе не Польскимъ возстаніемъ, а именно дипломатическимъ вмѣшательствомъ Европы, — тѣмъ не менѣе трудно, казалось бы, предположить даже въ простомъ народѣ такую чуткость, такую щекотливость чувства государственной и народной чести... Такъ не отъ того ли готовится народъ къ войнѣ съ такимъ одушевленіемъ, что проснулась въ немъ старая ненависть къ старому историческому своему врагу—Польшѣ, о нашествіи которой въ XVII вѣкѣ—хранятся и до сихъ поръ живыя преданія, говорятъ лѣтописи, свидѣтельствуютъ неумирающія имена Пожарскаго и Минина, цер-

кви, крестные ходы, памятники? 1612 годъ — эпоха изгнанія Поляковъ изъ Москвы и возсозданія Русскаго государственнаго бытія, есть, безъ сомнѣнія, эпоха лучшей народной дѣятельности въ нашей исторіи, наша слава и наша гордость.— Знакомый врагъ! вѣдомая вражда! борьба бывалая! не въ первой Русскому *народу*, именно *народу*, а не только государству, тягаться съ Польшей... все это, конечно, не мало способствуетъ народному одушевленію: предметъ войны *понятенъ*, и это главное. Однако же въ 1831 году, когда также бунтовала и воевала Польша, — народъ, собственно простой народъ (кромѣ Малороссіи), мало принималъ участія въ патріотическомъ энтузіазмѣ тогдашняго общества, хотя притязанія Поляковъ на Западный край предъявлялись и тогда съ неменьшею наглостью, какъ и нынѣ.

Что же остается предположить? То ли, что вѣщее сердце народа чуетъ громадное историческое значеніе предстоящей борьбы, еще не раскрывшееся сознанію сильныхъ и мудрыхъ, вождей и правителей,—еще не обнаружившееся въ событіяхъ?... Сказывается ли въ народѣ его историческій инстинктъ и слышитъ онъ непосредственнымъ своимъ чувствомъ, что споръ идетъ не объ одномъ обладаніи тою или другою областью, но о результатахъ, добытыхъ десятью вѣками его страдной поры, о его правахъ на новое бытіе, къ которому прожитое тысячелѣтіе было только подготовленіемъ,—объ окончательномъ торжествѣ или окончательномъ паденіи Русско-Славянской народности, какъ всемірно-исторической силы? Но откуда же взялся этотъ инстинктъ, котораго не замѣчалось прежде? Неужели же эти грубыя, невѣжественныя народныя массы получили способность что-либо слышать и чувствовать? съ какихъ поръ, давно ли?...

При первомъ вѣяніи свободы, съ 19 февраля 1861 года,— съ той поры, какъ сняты узы крѣпостнаго права и народъ вошелъ, такъ сказать, въ кругъ дѣйствующей исторіи, въ общій цѣльный составъ организма,—однимъ словомъ: *зажилъ!* Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ немъ пробудилось, и живетъ теперь, чувство своего бытія—историческаго, гражданскаго, земскаго, и чувство это не смутно, а ясно, отчетливо, полно жизненной силы. Всѣми этими «золотыми грамотами» и лживыми манифестами можно было еще надѣяться оболь-

стить и поколебать народъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ: всѣ эти попытки сокрушаются теперь объ гражданскую совѣсть и гражданскій смыслъ граждански-существующаго и сознающаго себя народа! Если есть народъ въ мірѣ, заслуживающій полнѣйшаго, безоглядочнаго гражданскаго довѣрія со стороны правительства,—такъ это, конечно, Русскій народъ! Обратитесь къ оффиціальнымъ даннымъ: что̀ говорятъ они вамъ? Какое первое употребленіе дѣлаютъ крестьяне изъ своей свободы? Какой первый всеобщій гражданскій актъ, совершаемый ими? — Бездоимочный взносъ государственныхъ податей, такой взносъ, какого *никогда* не бывало: изъ свѣдѣній, напечатанныхъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», видно, что съ начала года до сихъ поръ поступило податей на 8 милліоновъ больше, чѣмъ въ прошломъ году, несмотря даже на недочетъ въ податяхъ въ Западно-Русскомъ краѣ, гдѣ въ одной Ковенской губерніи, напримѣръ, вслѣдствіе Польскаго мятежа, недобрано 300,000 рублей. Мы говоримъ здѣсь собственно не о помѣщичьемъ оброкѣ, а о податяхъ, объ исполненіи народомъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ государству, и о пониманіи этихъ обязанностей. «Теперь война, и царю деньги нужны», говоритъ народъ — и нѣтъ недоимокъ, для взиманія которыхъ, *во время оно,* правительство вынуждено было иногда прибѣгать къ такимъ крутымъ и тягостнымъ мѣрамъ!... То же самое повторится и съ рекрутскимъ наборомъ, когда онъ будетъ объявленъ.—Народъ знаетъ, что теперь война, толкуетъ объ ней, не чувствуетъ себя чуждымъ общему государственному интересу, какъ прежде, и считаетъ себя обязаннымъ— всѣми мѣрами содѣйствовать власти, которой онъ вполнѣ вѣритъ....

Въ Сборникѣ пословицъ Даля есть замѣчательная пословица: «царь думаетъ, народъ вѣдаетъ», — и это вѣденіе, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, въ смыслѣ самостоятельнаго, сознательнаго знанія, и предполагающее самую искреннюю взаимную довѣренность царя и народа,—вотъ чего желалъ бы Русскій народъ и что̀ представляется необходимымъ условіемъ для успѣшнаго дѣйствія власти: блистательнѣйшее тому доказательство мы видимъ именно въ бездоимочномъ сборѣ податей и въ одушевленной готовности народа на всякія жертвы въ случаѣ войны, о которой онъ не только *знаетъ,* но отчасти

и *вѣдаетъ*. Нельзя сказать, чтобъ эта готовность не послужила могучей нравственною поддержкой правительства передъ Европой, и не озадачила Западныхъ державъ, привыкшихъ къ мертвому безмолвію Русской народной жизни! Если и теперь еще встрѣчается порою недоброхотство въ народѣ къ исполненію своего народнаго долга, такъ это потому только, что *вѣденіе* его еще не полно.

Да, Русскій народъ былъ постоянно непонятъ и оклеветанъ какъ чужими, такъ и *своими*,—но своими еще больше. Наши писатели, наши историки долго смотрѣли на него въ Нѣмецкія или Французскія очки, видѣли Западную республику въ Новгородѣ, Французскаго революціонера въ Стенькѣ Разинѣ, стремленіе къ федераціи въ стремленіи къ единству; наше высшее образованное общество или презирало народъ, или боялось его, и постоянно подозрѣвало въ немъ кровожадные инстинкты. Если представить себѣ всю Русскую землю въ картинѣ, то нельзя безъ сожалѣнія смотрѣть, какъ на темномъ, строгомъ фонѣ народныхъ массъ выдѣляются, съ поразительной дисгармоніей, щеголеватыя и не Русскія фигурки Русскихъ, преимущественно Санктпетербургскихъ, штатскихъ и нештатскихъ джентльменовъ. Сѣрый армякъ и Санктпетербургскій фракъ — какое неизмѣримое разстояніе между ними! Сличая ихъ, невольно думается, что не понять имъ другъ друга, никогда не сойтись ни въ чувствахъ, ни въ помышленіяхъ! Конечно, вновь пробужденная въ Россіи жизнь спѣшитъ зарыть бездну, раздѣлявшую общество отъ народа, но не закроется эта бездна, если мы, вмѣсто сближенія съ народомъ, будемъ отъ него отдаляться, будемъ съ ранняго возраста воспитывать нашихъ дѣтей заграницей, и научимъ ихъ—по-Нѣмецки боятся Русскаго простого народа и отказывать ему въ довѣріи! Наступитъ ли когда конецъ тому колоссальному историческому неразумѣнію, какое существовало такъ долго между простымъ народомъ и высшимъ слоемъ народа, между сѣрымъ армякомъ и Санктпетербургскимъ фракомъ, между Русскими и Русляндцами, — между Русью и оффиціальной Россіей?! Авось либо предстоящая борьба съ Европой поможетъ разрушить намъ это тягостное недоразумѣніе, и докажетъ и намъ и міру, что наша сила, наша крѣпость, наше спасеніе — только въ народѣ и въ народности, только въ отреченіи отъ

Нѣмецкихъ преданій нашей новѣйшей, послѣ-Петровской исторіи, и въ полнѣйшемъ довѣріи правительства къ Русскому обществу и народу: всякое сомнѣніе, всякое опасеніе — есть исчадіе духа иноземщины, — было бы вредомъ для Россіи!...

Въ чемъ сила Россіи?

Москва, 29-го іюня.

«Стоитъ только Русскому Императору отпустить себѣ бороду — и онъ непобѣдимъ», сказалъ геніально Наполеонъ, проникая мыслію, изъ своего Лонгвудскаго уединенія, въ тайны исторической жизни народовъ, — еще темныя, еще не раскрывшіяся въ то время сознанію просвѣщеннаго міра. Едва ли нужно объяснять, что подъ символомъ «бороды» разумѣется здѣсь образъ и подобіе Русскаго народа, въ значеніи его духовной и нравственной исторической личности. Другими словами: пусть только Русское государство проникнется вполнѣ духомъ Русской народности и оно получитъ силу жизни неодолимую и ту крѣпость внутреннюю, которой не сломить извнѣ никакому натиску ополчившагося Запада.

Полезно припомнить это слово Наполеона I-го въ виду загадочныхъ дѣйствій Наполеона III — какъ будто готовящихъ намъ войну и ополчающихъ на насъ снова весь Западъ. Неужели племянникъ забылъ слово дяди, — онъ, не оставившій празднымъ, обновившій въ своемъ сознаніи всякое изреченіе, всякую мысль этого, по выраженію Русскаго поэта, «огромнаго человѣка, расточителя славы»? — Чѣмъ объяснимъ мы теперь такую азартную игру Французской дипломатіи въ вопросѣ о Польшѣ? За кого принимаетъ императоръ Французовъ Россію, что не боится своимъ вмѣшательствомъ, своими предложеніями — вызвать въ ней именно ту силу, которую разумѣлъ первый императоръ, обсуживая, послѣ 1815 года, историческія судьбы Россіи? Думаетъ ли Наполеонъ III, что Россія уступитъ? Но чѣмъ же заслужили мы такое презрительное мнѣніе о насъ и развѣ мы не тѣ, что были въ 1812 году и въ тотъ періодъ времени, когда Наполеонъ I-й томился на островѣ Св. Елены, подъ стражею Океана?

Нельзя и думать, чтобъ Людовикъ-Наполеонъ забылъ изреченіе родоначальника Наполеонидовъ,—и остается предположить, что онъ въ словахъ дяди о Россіи видитъ только одно указаніе: чѣмъ бы должна была быть Россія, но чего однако въ дѣйствительности, по мнѣнію Наполеона III-го, она вовсе не представляетъ. Онъ ошибается; онъ не видитъ, что возможность приблизиться къ источнику силы всегда при насъ и съ нами; онъ не подозрѣваетъ, что мы несравненно ближе теперь къ этому источнику, чѣмъ были 50 и 45 лѣтъ тому назадъ, что этотъ—засоренный всякимъ мусоромъ, свезеннымъ съ задняго двора Европы, — источникъ начинаетъ наконецъ нами разчищаться. То что̀ составляетъ наше дѣйствительное могущество, то остается до сихъ поръ невидимымъ и невѣдомымъ Западу; то, напротивъ, что̀ онъ видитъ и вѣдаетъ, что̀ способенъ понимать и цѣнить, что̀ только и можетъ назваться могуществомъ съ его точки зрѣнія,—то безъ всякаго сомнѣнія представляется ему слабѣе его собственнаго могущества. Только этою ложною оцѣнкой нашей настоящей кровной силы и можно объяснить ту слѣпую самоувѣренность Западныхъ державъ, съ которою онѣ предприняли свой дипломатическій походъ на Россію. Частныя свѣдѣнія, полученныя нами изъ Парижа и помѣщаемыя нами ниже, въ этомъ же №, подтверждаютъ такое предположеніе: какъ лѣтъ 10 тому назадъ существовало въ Европѣ преувеличенное понятіе о нашемъ внѣшнемъ могуществѣ, такъ и теперь господствуетъ тамъ не только преувеличенное, но совершенно ошибочное понятіе о нашемъ будто бы государственномъ безсиліи: доказательствомъ можетъ служить также Французская статья о нашемъ войскѣ («impuissance militaire»), вызвавшая отвѣтъ «Русскаго Инвалида». Впрочемъ, ошибка Европы не въ этомъ: ея выводы, пожалуй, и вѣрны и согласны съ ея логической посылкой—на внѣшніе признаки могущества и силы; ошибка въ томъ, что эти условные признаки нисколько не выражаютъ истинной мѣры нашего могущества. Постараемся стать на точку зрѣнія Европы — Людовика-Наполеона, напримѣръ, и посмотрѣть на Россію его глазами: какъ и чѣмъ представляется ему Россія?

Ему, какъ и всей Европѣ, Россія извѣстна только своею Европейски-принаряженною стороною, только въ Европейскомъ костюмѣ, надѣтомъ на нее Петромъ I-мъ;—костюмъ, или мун-

диръ былъ щеголеватъ, поясъ перетягивалъ ея станъ въ рюмочку, и она въ глазахъ Европейцевъ представлялась статнымъ и красивымъ молодцомъ; но мы всѣ хорошо понимали и чувствовали, что этотъ мундиръ былъ тѣсенъ и узокъ, члены отекали кровью, движенія были несвободны и вялы. Этотъ мундиръ наконецъ сталъ лопаться по швамъ, а наконецъ позволено было и правительствомъ разстегнуть его на всѣ пуговицы: мы вздохнули легче, и вольнѣе, мы возвратили себѣ свободу движеній и гибкость членовъ, — но очень можетъ быть, что этотъ разстегнутый и лопнувшій кое-гдѣ мундиръ представляется и не совсѣмъ красивымъ для Европейскаго глаза, кажется ему признакомъ какой-то распущенности и дряблости. Чтобы не вводить его въ смущеніе и соблазнъ, слѣдовало бы и совсѣмъ отказаться отъ мундира и надѣть свое Русское платье. Это сравненіе съ мундиромъ довольно наглядно поясняетъ нашу мысль. Европа знаетъ Россію только со стороны государственной, и воображаетъ, что она создана Петромъ, существуетъ единственно какъ мысль и дѣло Петра. Петербургъ называютъ окошкомъ, прорубленнымъ изъ Россіи въ Европу; дѣйствительно, только въ это окошко и сквозь это окошко и глядитъ Европа на Россію, а потому и судитъ о Россіи только по Петербургу. Она убѣждена, что могучая Имперія, которой она такъ долго и неутомимо боялась, жила только благодаря своему могучему бюрократическому механизму и своимъ внѣшнимъ матеріальнымъ средствамъ. Въ благонадежность этихъ внѣшнихъ средствъ она въ первый разъ перестала вѣрить со времени Восточной войны и, замѣчая теперь нѣкоторое разстройство въ бюрократическомъ механизмѣ, льститъ себя пріятной надеждой, что всѣ силы Имперіи, крѣпость и связь частей ея, окончательно подорваны: она не можетъ понять, что это разстройство для насъ спасительно, совершается вполнѣ сознательно и свидѣтельствуетъ о стремленіи не только Россіи, но и правительства — замѣнить механизмъ прежней Нѣмецкой администраціи естественною свободою органическихъ, до сихъ поръ стѣсненныхъ отправленій. Европа видѣла только могучую централизацію, какое-то наружное, отвлеченное, государственное единство, и не подозрѣвала присутствія повсемѣстной, не государственной, а бытовой жизни, — которою Россія есть, живетъ и движется, она не понимала, какъ глубоко

вкоренено въ Русскомъ народѣ сознаніе единства и цѣлости Русской земли, какая исполинская сила лежитъ въ этой возможности ощущать и чувствовать себя пятидесятимилліоннымъ братствомъ!..

Отъ взора Европы укрывалось до сихъ поръ, что только подкладка, такъ сказать, внутренней органической силы давала движеніе и силу Петровскому государственному механизму, что только Русью жила и держалась Россійская Имперія, несмотря на всѣ преграды, положенныя органическому развитію Руси— безусловнымъ господствомъ Западной цивилизаціи, отступничествомъ Русскаго общества отъ Русской народности и вообще Нѣмецкими мастерами и подмастерьями государственныхъ дѣлъ. Отъ взаимнаго отношенія народной Руси и оффиціальной Россіи — зависитъ мѣра истинной, а не мнимой силы Русскаго государства. Когда мы были сильны въ смыслѣ Западномъ,— мы были слабы въ нашемъ народномъ, Русскомъ смыслѣ, и эта слабость не замедлила обнаружиться въ Восточную войну. Мы возвращаемся теперь къ источнику силы, и являемся слабыми въ глазахъ Европейцевъ! Это понятно. Намъ остается имъ показать—какова наша настоящая, не мишурная сила.

Но, можетъ быть, возразятъ намъ, Западъ и не сомнѣвается въ истинѣ изреченія Наполеона I, но онъ убѣжденъ, что Петровская реформа уже навѣки оторвала насъ отъ источника жизни и крѣпости, что изсякъ этотъ источникъ, что подсохъ корень могучаго дерева. Можетъ-быть и дѣйствительно Западъ разсчитываетъ такъ: «что мы, Русскіе, уже неспособны къ возрожденію въ смыслѣ народномъ, что въ Россіи существуетъ только одна оффиціальная, такъ-сказать казенная Россія, а народная Русь давно заглохла, — а съ оффиціальной Россіей ему не трудно будетъ справиться; что Россія 1812 года, внушившая Наполеону слова, приведенныя выше, была цѣльнѣе Россіи 1863 г., представляющей замѣтное разложеніе своихъ общественныхъ элементовъ, котораго не было прежде». И въ самомъ дѣлѣ — количество штыковъ у насъ теперь меньше, чѣмъ было десять лѣтъ тому назадъ, курсъ на наши деньги стоитъ ниже, бумажныхъ денегъ больше, а положеніе дѣлъ въ Варшавѣ должно представляться человѣку, совершившему переворотъ 2 декабря, явленіемъ—или непонятнымъ, или же понятнымъ только какъ симптомъ, какъ признакъ, вполнѣ благо-

пріятный для всякаго посторонняго вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи; какъ залогъ, наконецъ, нашей непремѣнной уступки всякому строгому и соединенному требованію Западной Европы. При такихъ *внѣшнихъ признакахъ* нашего могущества, почему же и не предъявить такихъ требованій? Россія на войну не пойдетъ, разсуждаютъ Европейцы, а если и пойдетъ, такъ 1812 годъ теперь не возобновится: «она слишкомъ объевропеилась, чтобъ проявить суровую, «варварскую» энергію той эпохи, ея правительство никогда не рѣшится опереться на народныя массы, ея государственные принципы слишкомъ рѣзко противорѣчатъ началамъ Русской народности, ея государственные люди никогда не отважатся и неспособны даже прибѣгнуть къ мѣрѣ, указываемой Наполеономъ I, — и это противорѣчіе, разладъ и недоразумѣніе между народомъ и государствомъ помогутъ одержать намъ легкую надъ Россіей побѣду». Такъ разсуждаютъ иностранцы, таково общественное мнѣніе объ насъ всей Европы, таково вѣроятно мнѣніе и Людовика-Наполеона и министровъ Британской королевы!

Но они ошибаются! Мы вѣримъ, что только разочарованіе принесетъ имъ война, если она состоится, а едвали она можетъ не состояться при такомъ взглядѣ на насъ Европы: да и намъ, кажется, не остается другаго средства, чтобы разбить ея ложныя надежды, сокрушить ея корыстные разсчеты, добиться вновь подобающаго намъ почета, и отвадить ее отъ охоты вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла. Мы должны явить міру, что Русь жива и существуетъ, что внѣшніе признаки слабости и разложенія суть признаки нашего внутренняго перерожденія; что, наконецъ, то, что̀ въ 12 году являлось только эпизодически, плодомъ сверхъ-естественнаго напряженія народнаго духа, пробивавшагося сквозь толстую кору казенности и тупости Русскаго общественнаго сознанія, то, надѣемся мы, скоро станетъ нормальнымъ ходомъ Русской народной и государственной жизни. Намъ предстоитъ доказать, что наши общественные недуги—только накожные наросты,—или вѣрнѣе сыпь, освобождающая организмъ отъ внутренней болѣзни и свидѣтельствующая о выздоровленіи: пусть только не вгоняютъ ее внутрь насильственными репрессивными мѣрами, и пособятъ ей высыпаться свободно... Европа должна будетъ убѣдиться, что имѣетъ дѣло не съ государствомъ только, но со всѣмъ

Русскимъ народомъ, и что Польскій вопросъ есть именно вопросъ не правительственный, а всей Русской земли,—что, наконецъ, не Латинскимъ и Нѣмецкимъ стихіямъ разрѣшить этотъ вопросъ и умирить Польшу: этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ и Польша умирена только свободнымъ воздѣйствіемъ на Поляковъ и на насъ самихъ—духовныхъ и органическихъ силъ Русскаго народа, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, нашею собственною властью и соизволеніемъ!

Европа не можетъ понять, но ей придется понять, что Петровская реформа, задержавшая на время внутреннюю жизнь народнаго организма, оказала ту историческую заслугу Россіи, что вызвала къ дѣятельности народное самосознаніе, просвѣтила мыслью наши бытовыя и непосредственныя силы, заставила понять и уразумѣть духовную сущность нашихъ народныхъ началъ, оцѣнить, наконецъ, по достоинству пригодность и пользу того могущества, порядка и благоустройства, на которые потрачено было столько силъ и которыми думали у насъ во время оно гордиться! Мы прозрѣли. Внѣ народа и народности не спасутъ насъ никакія системы самой лучшей Нѣмецкой отдѣлки, никакіе штуцера Бельгійской работы и пушки Англійскаго изобрѣтенія, никакіе совѣты, примѣры и пріемы дѣйствій Французскаго императора, никакіе дипломатическіе союзы: мы сами должны быть *съ собою въ союзѣ*—а этотъ союзъ для насъ возможенъ только тогда, когда мы вполнѣ отречемся отъ Русскихъ преданій Петербургскаго періода нашей исторіи. Въ этомъ единственно залогъ нашей побѣды и успѣха.

Мы, можетъ быть, наканунѣ войны; вспомнимъ же и мы, сами для себя, изреченіе Наполеона: «стоитъ Русскому Государю отпустить себѣ бороду и онъ непобѣдимъ...»

Отчего безлюдье въ Россіи?

Москва, 5-го октября.

Обратимся снова къ нашему гражданскому, не военному арсеналу,—арсеналу орудій для мирной борьбы и дѣятельности. Мы уже сказали, что прежде всего поражаетъ наше вниманіе недостатокъ въ Россіи гражданской честности, въ самомъ тѣс-

номъ или обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Этотъ роковой недостатокъ лишаетъ правительство возможности располагать надежною исполнительною силою, т. е. имѣть необходимое число честныхъ и вѣрныхъ исполнителей низшаго разряда. Мы говоримъ *низшаго* разряда потому, что въ дѣятеляхъ разряда высшаго — честность, т. е. отсутствіе корыстолюбія, предполагается само собою; по крайней мѣрѣ образованіе, состояніе и общественное положеніе представляютъ нѣкоторое ручательство въ томъ, что обладающій этими условіями менѣе склоненъ (выразимся прямо) къ взяточничеству и лихоимству, нежели бѣдный, мелкій, полуобразованный чиновникъ. Конечно, бываютъ случаи, и у насъ чаще, чѣмъ гдѣ-либо, что вся эта блестящая обстановка жизни не въ силахъ воздержать не только чиновника, но и сановника отъ корыстолюбивыхъ поползновеній, но эти случаи однако не болѣе какъ исключеніе. Жалуясь на «безлюдье» (эта жалоба раздается теперь отовсюду, какъ въ обществѣ, такъ и въ административныхъ сферахъ), разумѣютъ обыкновенно подъ этимъ словомъ не одинъ недостатокъ *честныхъ* людей, но по преимуществу недостатокъ людей *умныхъ*, способныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, заглянувъ въ арсеналъ и пересматривая тѣ «рессурсы», которые имѣетъ Россія въ живыхъ людяхъ, перечитывая ярлыки съ надписями свойствъ и качествъ въ тѣхъ дѣятеляхъ высшаго разряда, которые поставлены нашимъ обществомъ въ распоряженіе гражданской администраціи, мы найдемъ «вѣрность», «благонамѣренность», «энергію», даже «честность»,—всего рѣже встрѣчаемъ мы «умъ». Да *ума* мало запасено въ нашемъ арсеналѣ, и мы, право, не знаемъ, чего меньше въ Россіи—*честныхъ* ли людей или *умныхъ*?.. Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, не высшія только сферы управленія и не одну гражданскую іерархію, но и все наше общество, а въ обществѣ—не ту или другую личность, а весь общественный умственный уровень. Умные люди во всѣхъ сферахъ дѣятельности у насъ на перечетъ, а въ нѣкоторыхъ, по преимуществу оффиціальныхъ, они являются какими-то одинокими блестящими исключеніями. Что это, къ несчастію, справедливо, о томъ свидѣтельствуетъ самая эта жалоба на *безлюдье*, постоянно раздающаяся и въ Петербургѣ и Москвѣ, и въ министерскихъ, и въ частныхъ гостиныхъ. Конечно, съ этимъ согласиться обидно, и даже очень обидно, но признайтесь, читатели,

какой же другой смыслъ можетъ имѣть эта жалоба? А отрицать подлинность этого факта, т. е. *жалобы* на *безлюдье*, едвали кто станетъ! Поѣзжайте въ клубъ, прислушайтесь къ разговорамъ, и вы удостовѣритесь, что, посудивъ и порядивъ объ общественныхъ и правительственныхъ дѣлахъ, перетасовавъ всѣ должности и должностныя лица, перебравъ всѣхъ дѣятелей и даже кандидатовъ на званіе дѣятелей, разговаривающіе въ заключеніе обыкновенно пожимаютъ плечами и прибавляютъ: «людей у насъ нѣтъ,—безлюдье!» И этимъ заканчиваются бесѣды не въ однихъ клубахъ, но и за зеленымъ и за краснымъ столомъ на Невѣ, на Мойкѣ, на Фонтанкѣ, на Екатерининскомъ каналѣ, и т. д.—Стало-быть, по свидѣтельству самого же общества и администраціи—мы бѣдны умомъ, бѣдны способными, т. е. умными людьми!.. А между тѣмъ теперь, ходомъ исторіи, выдвинутъ запросъ не на энергію и даже не на другія качества души и сердца, а именно на *умъ*, ни на что̀ болѣе, какъ на *умъ*.

Требованіе на умъ!.. Всполошились интенданты нашего арсенала, роютъ, шарятъ во всѣхъ углахъ, заглядываютъ во всѣ щели—нѣтъ ли чего-либо похожаго на умъ и способность, хоть и не отвѣчающаго всѣмъ кондиціямъ интендантства, но сколько-нибудь близко къ нимъ подходящаго. Но ничего почти не находятъ кромѣ недоброкачественнаго товара, слежавшагося, затхлаго, вывѣтрившагося и къ употребленію негоднаго, поставленнаго казеннымъ коммиссаріатомъ. Требованіе на умъ! А гдѣ его взять? Занять?.. Но мы и безъ того уже постоянно жили чужимъ умомъ,—и легкость, съ которою производился этотъ заемъ, одна изъ причинъ нашего собственнаго скудоумія. Мы долго жили чужимъ умомъ и платили за это дорогими процентами—нашею честью, нашею духовною независимостью, нашею нравственною самостоятельностью, но наконецъ убѣдились, что чужой умъ все-таки не можетъ замѣнить намъ *свой*, и что событія призываютъ теперь къ дѣйствію и къ отвѣту предъ судомъ исторіи именно *нашъ* умъ, а не заемный; что самый заемъ сталъ намъ обходиться слишкомъ дорого, что проценты, требуемые заимодателями, возросли до чудовищнаго размѣра. Конечно, Россія не безъ умныхъ людей, но количество ихъ ничтожно въ сравненіи съ потребностью въ умныхъ людяхъ, предъявляемой всѣми отраслями управленія. Еслибъ

дѣло шло только о войнѣ, то, конечно, можно было бы обойтись однимъ пожертвованіемъ жизни и достоянія, но теперь, какъ нарочно, ни жизни, ни достоянія не требуется, а требуется только умъ, умъ и умъ, — и на это-то требованіе и сверху, и снизу и со всѣхъ сторонъ слышится одно: «людей нѣтъ, безлюдье!»

Что же это значитъ? Откуда эти отчаянные вопли о безлюдьѣ? Отчего такъ рѣдокъ у насъ умъ, и, напротивъ, въ самыхъ образованныхъ и высшихъ слояхъ общества такъ много глупости и пошлости? Неужели и въ самомъ дѣлѣ Россія такъ обмелѣла, такъ оскудѣла умомъ? Куда же онъ дѣвался, куда запропастился, что съ нимъ сталось? Неужели дѣйствительно мы обдѣлены этимъ Божьимъ даромъ? Внутреннее сознаніе говоритъ, что *нѣтъ*, но въ то же время въ арсеналѣ, за немногими исключеніями, мы находимъ только—благонамѣренность и малоуміе, энергію и малоуміе, честность и малоуміе, безчестность и опять малоуміе или даже тупоуміе...

А между тѣмъ, по общему единогласному свидѣтельству иностранцевъ, Русскій простой народъ *умнѣе и даровитѣе* простаго народа *всѣхъ* странъ Европы; Русскій мужикъ стоитъ, по своему *природному* уму, несравненно выше Французскаго, Нѣмецкаго, Итальянскаго мужика. Никто за эти слова не въ правѣ упрекнуть насъ въ пристрастіи; повторяемъ, этотъ отзывъ о Русскомъ народѣ принадлежитъ не намъ, а самимъ иностранцамъ. Да, наша природная умственная почва несравненно здоровѣе, доброкачественнѣе и воспріимчивѣе *природной* же почвы другихъ образованныхъ Европейскихъ народовъ; умственный и душевный кругозоръ нашего народа, при извѣстной степени его развитія, шире кругозора другихъ народовъ при той же степени развитія. Отчего же такая несоразмѣрность и несоотвѣтственность между почвой и ея продуктами? Какъ объяснить это явленіе, какъ согласить это богатство ума снизу и малоуміе сверху? Куда дѣвается, куда испаряется этотъ умъ, спросимъ мы опять?..

Отвѣчать на этотъ вопросъ не трудно. Это явленіе объясняется тѣмъ особеннымъ путемъ развитія, который проходитъ у насъ умъ, переставая быть непосредственною народною силою — тою постепенною отчужденностью отъ живыхъ источниковъ питанія, хранящихся въ народномъ материкѣ, ко-

торая становится удѣломъ ума по мѣрѣ измѣненія его жизненной обстановки на высшую. Оно объясняется, наконецъ, духовною разобщенностью съ народомъ нашего общества, ненародностью, искусственностью нашей образованной среды и множествомъ разнообразнѣйшихъ условій нашего общественнаго, гражданскаго и политическаго устройства. У всѣхъ прочихъ образованныхъ народовъ отношеніе простаго народа къ своимъ высшимъ классамъ есть отношеніе невѣжественной и неразвитой силы духа къ силѣ того же духа, но просвѣщенной и развитой. Общество тамъ представляетъ народъ на высшей степени его развитія; тамъ развитіе есть дѣйствительно прогрессъ и сила. У насъ развитіе есть большею частью оскудѣніе и ослабленіе, у насъ вся жизненная и творческая сила сосредоточена въ неразвитости и, развиваясь, слабѣетъ и оскудѣваетъ. Очевидно, что все зло въ неправильности, въ противоестественности развитія, которому подвергается у насъ все—внѣ первичной простонародной формаціи.

Мы удивляемся, что до сихъ поръ ни одному художнику не пришло въ голову представить въ живыхъ образахъ судьбы ума, похожденіе ума въ Россіи. Было бы въ высшей степени любопытно прослѣдить, какъ этотъ Русскій умъ, выходя изъ почвы, постепенно вянетъ въ неблагопріятномъ воздухѣ общественной среды, мутится, слабѣетъ, никнетъ, чахнетъ, искривляется и кончаетъ тѣмъ, что или совсѣмъ гибнетъ, или же находитъ себѣ примиреніе въ односторонности, съуживается въ мѣру, необходимую для спокойнаго и благополучнаго существованія, вывѣтривается, размѣнивается на мелочь,—пошлѣетъ, пошлѣетъ до отвратительности. Было бы чрезвычайно поучительно наблюдать этотъ процессъ постепеннаго превращенія Русскаго народнаго, всѣми признаннаго ума—въ умъ нашихъ гостиныхъ, нашихъ клубовъ (упоминаемыхъ нами здѣсь только потому, что они сами себя считаютъ представителями общественнаго мнѣнія), нашихъ дворянскихъ собраній, нашей общественной и оффиціальной среды. Если бы можно было хоть на мигъ забыться, стать свѣжимъ человѣкомъ и перенестись въ любое село, то, всматриваясь въ Русскихъ мужиковъ, трудно было бы понять, трудно было бы повѣрить, что возможны въ Россіи жалобы на безлюдье, что мы и въ самомъ дѣлѣ страдаемъ безлюдьемъ. На кого же падаетъ вина въ безлюдьѣ,

кого осуждаетъ, кого бранитъ общество, жалуясь на безлюдье? Само себя безлюднымъ именуетъ общество, другими словами — само себя объявляетъ малоспособнымъ и малоумнымъ!

Да и въ отношеніи къ одному ли уму представляется такая противоположность между Русскимъ народомъ и Русскимъ обществомъ? Умный народъ — малоумное общество; бодрый, трудолюбивый народъ—лѣнивое, вялое общество; народъ способный къ самоуправленію, тысячью лѣтъ доказавшій эту способность и доказывающій ее по нынѣ,—и общество, только болтающее о самоуправленіи, но до сихъ поръ рѣшительно ничѣмъ не доказавшее своей способности къ самоуправленію, или, скорѣе, доказавшее свою неспособность. Говоря «общество», мы по преимуществу говоримъ здѣсь о нашемъ дворянствѣ, которое, почти сто лѣтъ обладая довольно широкими правами и привилегіями Екатерининской грамоты, не съумѣло ими воспользоваться, ничего не сдѣлало для блага страны. Мы разумѣемъ дворянство, которое недавно возымѣло, безъ всякаго къ тому основанія, высочайшее мнѣніе о своихъ политическихъ способностяхъ и, предъявляя политическія притязанія, не въ состояніи даже поддержать мироваго института и развить мѣстную общественную жизнь, — и которое устами одного изъ своихъ литературныхъ представителей и ревностнѣйшихъ защитниковъ дворянскихъ интересовъ, провозгласило недавно, что крестьянское самоуправленіе вздоръ и «не имѣетъ смысла въ Россіи», и что при будущемъ, имъ чаемомъ политическомъ устройствѣ Россіи, крестьянство должно быть устранено, какъ особый политическій элементъ, дабы не было *розни*, и дабы всюду водворилось единство Россійскаго дворянскаго духа. Тотъ же литературный органъ назвалъ Россійское дворянство *солью* Русской земли, тѣмъ самымъ названіемъ, какимъ назвалъ Христосъ своихъ апостоловъ,—но это названіе странно мирится съ собственными жалобами дворянства на *безлюдье*, т. е. на неспособность и малоуміе дѣятелей, поставляемыхъ дворянскою же средою. Остается подумать, что эта *соль уже обуяла* и что ей *осолиться нечьмъ*, — но не слишкомъ ли уже солоно придется дворянству отъ такого логическаго вывода?

Есть чѣмъ осолиться и нашему дворянству: соль Русской земли есть самъ нашъ простой народъ, и эта соль, слава

Богу, еще не обуяла. Но о дворянскомъ и крестьянскомъ самоуправленіи и о политическихъ вожделѣніяхъ нашего общества рѣчь еще впереди; мы и безъ того распространились далеко за края поставленной нами самими задачи и постараемся возвратиться въ берега, такъ сказать, въ русло нашей статьи.

И такъ, мы сказали, что въ нашемъ арсеналѣ орудій для мирнаго гражданскаго дѣла—крайній недостатокъ въ людяхъ *честныхъ* и *умныхъ*. Это не наша выдумка, а это доказывается всеобщими жалобами на безлюдье. Стоитъ только оглядѣться кругомъ, чтобы убѣдиться въ справедливости этихъ жалобъ. Теперь представляется запросъ на честность,—качество необходимое въ дѣятеляхъ низшаго разряда, и на умъ—качество необходимое для дѣятелей разряда высшаго (предполагая, что честность въ нихъ уже имѣется), а этими-то качествами мы и бѣдны.

При этомъ возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли мы бѣдны умомъ, или же только бѣденъ нашъ арсеналъ, и виноваты интенданты, которые не умѣли запастись во-время даже тѣмъ количествомъ ума, которымъ все же располагаетъ наше общество? Однимъ словомъ, можно ли судить по состоянію нашего арсенала объ умственномъ состояніи нашего общества, и воспользовался ли арсеналъ всѣми тѣми средствами, какія представляетъ наша общественная среда? Собралъ ли и привлекъ ли онъ къ себѣ всѣ, какія есть, «способности» (capacités) нашего общества, или же остается не мало — праздныхъ и не призванныхъ?

Наконецъ, по состоянію нашего арсенала и нашей общественной среды, или, лучше сказать, по степени ея духовной производительности, въ правѣ ли мы заключать вообще о нашемъ народѣ, объ умственной силѣ Россіи?

На этотъ послѣдній вопросъ мы уже отвѣчали. Мы уже указали на ту неизмѣримую разницу, ту поразительную противоположность, которая существуетъ между умомъ нашего народа и скуднымъ умомъ общества, между нашею народною силою и общественнымъ безсиліемъ, между геніемъ неразвитыхъ массъ и бездарностью образованныхъ единицъ. Но, всматриваясь ближе, мы находимъ здѣсь еще два вопроса, двѣ стороны дѣла: отношеніе народа къ обществу, и отношеніе

общества къ арсеналу общественныхъ орудій гражданской и преимущественно оффиціальной дѣятельности. Если нашъ общественный умственный и духовный уровень вообще не высокъ и стоитъ ниже народнаго духовнаго и умственнаго уровня, или, вѣрнѣе сказать — ниже того уровня, который долженъ былъ бы возноситься надъ уровнемъ народныхъ массъ, невѣжественныхъ и неразвитыхъ, но такъ богато надѣленныхъ всѣми духовными дарами,—то, съ другой стороны, нельзя не сознаться, что, каково бы ни было умственное развитіе нашего общества, оно все-таки богаче нашего арсенала. Оно все же обладаетъ въ своей средѣ способностями, которыя не принадлежатъ къ оффиціальному списку рессурсовъ, состоящихъ въ распоряженіи нашего гражданскаго арсенала.

Итакъ, нашъ органическій умственный прогрессъ совершается въ обратномъ движеніи: чѣмъ выше, тѣмъ ниже и слабѣе; чѣмъ ниже къ почвѣ, тѣмъ выше, тѣмъ плодотворнѣе и крѣпче; постепенность этого обратнаго прогресса выражается — простымъ народомъ, обществомъ, чиновничествомъ всѣхъ разрядовъ. Наше чиновничество, разумѣя тутъ вообще гражданскихъ дѣятелей, стоитъ, за немногими исключеніями, вообще ниже нашего общества, — жалующагося на безлюдье. Еслибъ оно стояло выше, не было бы мѣста и жалобамъ; общество, въ свою очередь, стоитъ ниже того народа, которому должно служить выраженіемъ, и котораго почти вовсе не выражаетъ.

Въ подробнѣйшее изысканіе причинъ такого страннаго отношенія общественнаго умственнаго уровня къ народному мы входить не будемъ. Мы уже указали на слабость органической народной силы въ нашемъ общественномъ развитіи, на ту малую долю участія, которое имѣютъ въ общественномъ воспитаніи наши народныя начала, на отчужденность нашего общества отъ народа. Прежде времени и благодаря насильственнымъ мѣрамъ выгнанный изъ земли стебель, питаясь не столько соками родной почвы, сколько соками отовсюду навезеннаго разнороднаго назема, щедро наложеннаго на почву, вытянувшійся не въ мѣру, лишенный свѣжаго воздуха и естественнаго орошенія — замѣненныхъ воздухомъ тепличнымъ и орошеніемъ искусственнымъ, сочиненнымъ,—такой стебель не можетъ имѣть ни силы, ни крѣпости, ни принесть здороваго

плода. Говорить снова о переворотѣ Петра, нарушившемъ правильность нашего органическаго развитія, было бы излишнимъ повтореніемъ. Мы могли бы кстати, говоря объ *умѣ*, припомнить слово, приписываемое Кикину и хорошо характеризующее наше умственное развитіе. Преданіе разсказываетъ, что Кикинъ, на вопросъ Петра, отчего Кикинъ его не любитъ, отвѣчалъ: «Русскій умъ любитъ просторъ, а отъ тебя ему тѣсно». Можетъ быть это преданіе совершенно невѣрно,— г. Устряловъ даже совершенно отрицаетъ подлинность этого факта, но здѣсь сила не въ фактѣ, а въ самомъ преданіи. Мы могли бы упомянуть здѣсь и о томъ порядкѣ, заведенномъ Петромъ, въ силу котораго умъ милліоновъ остается безплоденъ для общества, для правительства, для всей страны,— но все это повело бы насъ слишкомъ далеко. Намъ достаточно заявить и утвердить то положеніе, что наше общественное «безлюдье», общественное «безсиліе», общественная гражданская «неспособность»—не должны быть отнесены къ винѣ Русскаго народа—умнаго, сильнаго и вполнѣ способнаго.

Обращаясь затѣмъ къ отношенію общества къ нашему гражданскому арсеналу, и изыскивая причины безлюдья въ нашихъ административныхъ сферахъ, мы должны указать сперва на безлюдье самаго общества вообще, вовторыхъ на тѣ препятствія, которыя мѣшаютъ администраціи пользоваться даже тѣми немногими рессурсами, которые имѣются въ обществѣ; втретьихъ, наконецъ, на то странное перерожденіе, которое совершается въ дѣятеляхъ, поставляемыхъ отъ общества, по мѣрѣ ихъ сближенія съ оффиціальною сферою.

Очевидно, что общество, находящееся къ народу въ тѣхъ отношеніяхъ, на какія мы указывали, не въ состояніи, кромѣ немногихъ исключеній, воспитать вполнѣ доблестныхъ и разумныхъ гражданъ. За всѣмъ тѣмъ есть и исключенія, есть, наконецъ, люди, если и не вполнѣ отвѣчающіе нашему народному идеалу, но все же и умные и способные. Но они нерѣдко и даже большею частью не находятъ себѣ доступа въ сферы высшей гражданской дѣятельности, благодаря табели о рангахъ и нѣкоторымъ административнымъ предразсудкамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что табель о рангахъ и эти предразсудки уступятъ со временемъ мѣсто болѣе разумному воззрѣнію на способъ удовлетворенія административной потребности въ лю-

дахъ, — и тогда, конечно, окажется способныхъ людей болѣе чѣмъ нынѣ, — но покуда всѣ эти предразсудки продолжаютъ существовать, хотя и не съ прежнею силой. Къ числу ихъ принадлежитъ, напримѣръ, понятіе о нравственномъ преимуществѣ военныхъ чиновниковъ предъ штатскими, или о всесторонней способности къ занятіямъ по всѣмъ отраслямъ администраціи людей, носящихъ военный мундиръ и эполеты. Извѣстно, что еще недавно молодому офицеру, особенно гвардіи, бывали открыты всѣ пути государственной дѣятельности, если послѣ десятка лѣтъ гвардейскихъ упражненій въ С.-Петербургѣ, онъ успѣвалъ достигнуть высшаго изъ адъютантскихъ званій. Вообще гораздо выгоднѣе, гораздо легче было сдѣлаться участникомъ высшаго государственнаго управленія ловкому, хотя и ничему не учившемуся гвардейскому офицеру, нежели ученому кандидату или магистру университета, трудящемуся на штатской службѣ. Если, жалуясь на безлюдье, мы прослѣдимъ карьеру людей, у насъ дѣйствующихъ, то окажется, что мы нисколько не преувеличили, и эти чисто теоретическія замѣчанія имѣютъ важность практическую немалую.

Но нельзя не сознаться затѣмъ, что оффиціальная среда имѣетъ у насъ странное свойство до такой степени отрѣшать людей отъ живой дѣйствительности и отъ самой общественной среды, что они теряютъ нерѣдко и ту способность, ради которой ихъ выдвинуло впередъ само общество. Живая струя народности все же проникаетъ, хотя и слабо, въ жизнь нашего общества, но при переходѣ изъ общественной въ оффиціальную сферу, даже и эта струя большею частью оскудѣваетъ. Всякій изъ насъ замѣчалъ то странное явленіе, что человѣкъ, жившій, такъ сказать, подъ однимъ кровомъ со всѣми прочими, неслужащими смертными, знакомый съ ихъ потребностями, а также со всѣми видными снизу, но невидными сверху, недостатками администраціи, наконецъ точно также порицавшій администрацію за «незнаніе Россіи», за невѣдѣніе практической жизни и «народнаго духа», — что этотъ человѣкъ, поступивъ на службу и подвигаясь выше въ гражданской іерархіи, точно такъ же теряетъ смыслъ дѣйствительности, становится если не во враждебное, то въ постороннее отношеніе къ обществу, и, какъ будто тупѣетъ. Говоря о безлюдьѣ, мы не можемъ не вспомнить, что

вѣдь не безлюдьемъ же была вся эта масса служащихъ людей при началѣ своей дѣятельности или въ свои молодые годы. Что же съ ними сдѣлалось, куда дѣвался, куда дѣвается, спросимъ мы опять, умъ въ Россіи, доходя до тѣхъ предѣловъ, гдѣ именно онъ-то и нуженъ? Это, какъ мы уже сказали, свойство самой среды, — ея бюрократической, отрѣшенной отъ жизни атмосферы и полнѣйшей безотвѣтственности дѣятелей предъ обществомъ. Общество и администрація у насъ какъ два лагеря, какъ два разобщенныхъ міра, изъ которыхъ первый находится къ другому въ какомъ-то подчиненномъ, если не во враждебномъ отношеніи. — Нельзя сказать, чтобы люди, переходящіе изъ одного міра въ другой, изъ общества въ среду оффиціальную, непремѣнно бѣднѣли умомъ и смысломъ, — хотя и это случается отъ разобщенія съ живою дѣйствительностью, — но у нихъ перемѣняется оптика, и предметы представляются имъ уже иначе чѣмъ прежде. Съ котораго чина совершается эта метаморфоза, или съ котораго мѣста? Съ чина большею частью генеральскаго и съ мѣста большею частью такого, которое даетъ въ руки власть, налагая вмѣстѣ и отвѣтственность предъ высшимъ начальствомъ за употребленіе власти. Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на это постепенное превращеніе, постигающее нашихъ лучшихъ людей въ ихъ служебной карьерѣ. Часто, слушая жалобы на недостатокъ людей или на неспособность нашихъ дѣятелей, намъ приходитъ въ голову, что еслибы жалующійся самъ вступилъ въ кругъ этой дѣятельности, то черезъ нѣсколько лѣтъ онъ подвергся бы общему со всѣми упреку — въ неспособности, въ непониманіи Россіи и народнаго духа, въ незнаніи жизни—и былъ бы отчисленъ къ безлюдью!

Мы пишемъ не трактатъ, а газетную статью. Мы только намѣчаемъ явленіе, мы не изслѣдуемъ его во всю ширь и глубь. Мы считаемъ нужнымъ возбудить заботливость нашего общества о самомъ себѣ и поставить передъ нимъ рядъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью и требующихъ отвѣта. Вѣрны или невѣрны наши собственныя соображенія о причинахъ явленія, но самое явленіе, несомнѣнно, есть жизненный фактъ и сказывается печальными послѣдствіями въ нашей современной дѣйствительности. Это явленіе—безлюдье; это явленіе—недостатокъ честности въ массѣ дѣятелей низшаго разряда и *способности* или

ума въ дѣятеляхъ разряда высшаго. Безъ ума плохо—въ этомъ, кажется, всѣ согласны. А между тѣмъ, какъ нарочно, благодаря тому, что Польскій вопросъ не изчерпывается внѣшнимъ явленіемъ мятежа и навязывается намъ какъ полонизмъ, какъ нравственная и умная сила,—требуется теперь отъ насъ не столько энергіи, не столько развитія внѣшней воинской силы, сколько силы внутренней и нравственной, сколько ума, ума и ума. Богатство ума и духовной силы, невиданное міромъ богатство, дано отъ Бога Русскому народу; это признаютъ всѣ... Какъ же сдѣлать, чтобъ умъ народный не пропадалъ даромъ, чтобъ общество было умно умомъ народнымъ, и въ свою очередь снабжало администрацію въ лицѣ своихъ дѣятелей, этимъ умомъ, возведеннымъ на высшую степень развитія, — образованнымъ и просвѣщеннымъ народнымъ умомъ? Что̀ этому мѣшаетъ? какія препятствія? возможно ли исправленіе для этого нашего общественнаго недуга? Есть ли исходъ изъ нашего печальнаго, роковаго положенія? Вопросы важные, жизнь требуетъ отвѣта, время не ждетъ.

О необходимости личнаго подвига для преуспѣянія гражданской жизни.

Москва, 19-го октября.

Много можетъ личная воля человѣка; много блага дается совершить—всякому хотящему блага! Нѣтъ власти выше власти вѣрующаго, убѣжденнаго и стремящагося духа; не существуетъ неудобствъ, ни тѣсноты, ни безвременья для подвиговъ правды и братолюбія,—и кто измѣритъ мѣру добра—по силамъ каждому человѣку? Кто изъ насъ въ правѣ себѣ сказать, что онъ восполнилъ *весь* кругъ доступной для него дѣятельности на пользу людямъ, что онъ истощилъ *всѣ* усилія, испыталъ *всѣ* средства, что дальше пройденнаго идти некуда и больше сдѣланнаго дѣлать нечего? Кто рѣшится объявить по совѣсти, что во всѣхъ неудачахъ, постигшихъ его благія намѣренія, виноваты одни внѣшнія обстоятельства, а съ его стороны не было и нѣтъ ни малѣйшей вины и отъ него ничего не зависѣло и не зависитъ? Можемъ ли мы вообще слагать вину съ себя на внѣшнія обстоятельства—во всѣхъ печальныхъ явленіяхъ нашей

общественной жизни и, умывая руки, признавать себя къ нимъ непричастными и за нихъ неотвѣтственными? Не всѣ ли мы виноваты и каждый изъ насъ порознь, — и независимо отъ внѣшней неблагопріятной обстановки, все ли мы совершили, что̀ совершить въ нашей власти?..

Читателя удивитъ, а пожалуй и оскорбитъ такое нравоучительное вступленіе, которое,—быть-можетъ замѣтитъ онъ,— не содержитъ въ себѣ ничего новаго, а только варіацію на старую-перестарую, всѣмъ и каждому давно извѣстную истину— еще съ дѣтства и изъ прописей. Но что̀ же дѣлать, если эта истина позабыта, если въ концѣ концовъ все сводится къ ней— къ значенію личнаго нравственнаго подвига человѣка—и къ ней же примыкаютъ всѣ наши внутренніе гражданскіе вопросы? Эту всѣмъ извѣстную, но мало въ комъ плодотворно пребывающую, «ветхую деньми» истину слѣдуетъ оживить новою жизнью въ нашемъ общественномъ и личномъ сознаніи.—Мы знаемъ, что послѣднія наши статьи задѣли за живое—самолюбіе значительной части публики. Говорили, между прочимъ, что, осуждая общество, мы не беремъ въ разсчетъ «внѣшнія обстоятельства», что упрекая и порицая, мы не указываемъ—что̀ же именно дѣлать. Отвѣтъ нашъ пока очень простъ. Что̀ дѣлать?! Дѣлать *честно* то, что̀ предлежитъ каждому дѣлать—въ кругу его гражданскихъ обязанностей; дѣлать *все* то, что̀ только возможно сдѣлать; *хотѣть,* неослабно и горячо, сдѣлать все то благое, чего повидимому даже нѣтъ возможности сдѣлать,—полагать душу въ дѣло, не скучать препятствіями, не свыкаться и не мириться со зломъ... Вотъ что̀ *прежде всего* надлежитъ дѣлать, а потомъ можно будетъ думать и о томъ, что̀ еще дѣлать слѣдуетъ.—Впрочемъ, во избѣжаніе разныхъ неблагопріятныхъ толкованій, предупреждаемъ читателя, что разсуждая съ нимъ о нравственныхъ истинахъ, мы вовсе не беремъ на себя обязанности проповѣдника или учителя, и вовсе не свидѣтельствуемъ тѣмъ, что наши наличныя дѣйствія согласны съ этими истинами; напротивъ, силу для нашихъ словъ почерпаемъ мы изъ собственнаго личнаго печальнаго опыта и на самихъ себѣ испытываемъ справедливость нашихъ упрековъ. Въ нашихъ словахъ нѣтъ ни лиризма, ни паѳоса, а указаніе весьма практическаго характера: сказанное нами можетъ быть подтверждено не только съ нравственной, но и съ утилитарной

точки зрѣнія — съ точки зрѣнія пользы, спокойными и холодными доводами логики. Чтобы отнять у нашей статьи характеръ отвлеченнаго нравственнаго трактата и сразу объяснить читателю связь этой статьи съ предыдущими и практическую сторону нашихъ разсужденій, мы обратимъ его вниманіе на нѣкоторые примѣры Русской общественной жизни.

Скажите: чѣмъ можетъ быть оправдано на нашихъ дворянскихъ выборахъ назначеніе недостойныхъ людей на важныя административныя и судебныя должности? Зачѣмъ семнадцать лѣтъ сряду въ одной знакомой намъ уголовной палатѣ избирается все одинъ и тотъ же пустой, глупый, пошлый человѣкъ? Какая причина заставила недавно дворянство въ NN губерніи допустить къ участію въ выборахъ — людей опороченныхъ самыми низкими, формально, по слѣдствію обличенными преступленіями? Столько лѣтъ сидѣлъ на мѣстѣ исправникъ NN въ такомъ-то уѣздѣ; 50 тысячъ жителей стонало отъ этого человѣка, а этотъ человѣкъ выбранъ дворянствомъ! Зачѣмъ нѣтъ правды у насъ на судѣ, правды, которая возможна при всѣхъ несовершенствахъ судоустройства? Зачѣмъ вымогаютъ взятки даже тѣ, которые не умираютъ съ голоду? Зачѣмъ продажность нашихъ чиновниковъ вошла въ пословицу въ Россіи и за границей? Зачѣмъ честные люди, принявшись горячо за свои гражданскія обязанности, скоро остываютъ, позволяютъ себѣ лѣниться, уклоняться отъ своего — конечно часто невзрачнаго и не громкаго, медленнаго и скучнаго—но тѣмъ не менѣе благотворнаго подвига и мало-по-малу уступаютъ въ борьбѣ?.. Такіе поступки ни чѣмъ оправданы быть не могутъ и доказываютъ только слабость *личной* гражданской нравственности въ нашемъ обществѣ. Мы имѣемъ привычку жаловаться на правительство, обвинять во всемъ систему правленія, искать корень всякому злу во внѣшнихъ обстоятельствахъ, въ историческомъ ходѣ всего нашего развитія. Но историческое оправданіе не есть *личное* оправданіе; историческое оправданіе не упраздняетъ личной отвѣтственности; такъ-называемая историческая логическая необходимость не устраняетъ дѣятельнаго участія личной воли, и ничто не освобождаетъ человѣка отъ обязанности исполнить свой гражданскій долгъ, пока есть хоть малѣйшая физическая возможность его исполнить. А кто измѣритъ эту возможность?

Говоря строго, — никто не исчерпавшій до дна эту возможность, или не совершившій вполнѣ личнаго нравственнаго подвига ему доступнаго — не въ правѣ жаловаться ни на какія внѣшнія обстоятельства. Какое правительство, какая система, какая внѣшняя неодолимая сила могла и можетъ заставить выбирать въ предсѣдатели Сидора Сидоровича и въ предводители Гордѣя Гордѣевича? Не будемте лгать и сознаемтесь, что всему виною личная наша дряблость и легкомысленное отношеніе къ общему дѣлу, — недостатокъ воли, недостатокъ характеровъ, недостатокъ крѣпкихъ и цѣльныхъ убѣжденій. А кто знаетъ: если бы мы исполнили до конца наши обязанности, если бы мы поступали честно, только *честно*, тамъ, гдѣ имѣли полную возможность поступать честно; если бы мы, несмотря на всю искусственность, всѣ недостатки дворянской грамоты, добросовѣстно дѣйствовали въ предѣлахъ предоставленныхъ ею правъ, — вѣдая, что наши дѣйствія отразятся немедленно практическими послѣдствіями въ жизни милліоновъ людей, — кто знаетъ, можетъ быть тогда сами собой бы исчезли или ослабѣли гнетущія насъ обстоятельства!..

Обстоятельства! Мы постоянно ждемъ отъ обстоятельствъ извнѣ — какую-то панацею для всѣхъ нашихъ общественныхъ золъ и бѣдствій! Обстоятельства должны насъ сдѣлать героями нравственности и честными людьми; обстоятельства же имѣютъ произвести въ насъ спасительный переворотъ, излѣчить отъ апатіи, отъучить отъ игры въ лото и вообще, безъ всякаго нашего труда и безпокойства, снабдить насъ гражданскими характерами, всякими добродѣтелями и доблестями! Мы будемъ нынче назначать въ должности людей недостойныхъ, будемъ нынче уклоняться отъ общественныхъ обязанностей, лѣниться въ клубахъ, воспитывать дѣтей за границей, — и вдругъ, въ одно прекрасное утро, съ перемѣною внѣшнихъ условій выйдетъ какъ-то такъ, что мы самымъ комфортабельнымъ образомъ превратимся чуть не въ Катоновъ! Мы не отрицаемъ того вліянія, которое имѣютъ на общественную нравственность внѣшнія обстоятельства, порядокъ правленія, пріемы администраціи и проч., но думаемъ, что степень этого вліянія зависитъ отъ силы противодѣйствія въ самомъ обществѣ: чѣмъ слабѣе противодѣйствіе, тѣмъ полновластнѣе господствуетъ вліяніе внѣшнихъ обстоятельствъ, и наоборотъ: чѣмъ сильнѣе нравственный

отпоръ, чѣмъ упрямѣе борьба, чѣмъ больше людей совершаютъ тотъ нравственный личный гражданскій подвигъ, совершать который не можетъ возбранить имъ никакая власть въ мірѣ,— тѣмъ скорѣе общество подчинитъ себѣ внѣшнія обстоятельства.

Пусть читатели, ставши на точку зрѣнія, объясненную приведенными выше примѣрами, посмотрятъ съ ея высоты и на прочія явленія нашей общественной жизни. Пусть спросятъ себѣ: можно ли что̀ строить прочное и незыблемое на такой шаткой и рыхлой почвѣ, какова наша общественная гражданская нравственность? Что̀ затрудняетъ всѣ преобразованія? Что̀, къ стыду нашему, должно по необходимости приниматься и принимается въ разсчетъ при всякихъ нововведеніяхъ и реформахъ? Наше равнодушіе къ общему благу, наша лѣнь, наша апатія, наша вялость, наша уступчивость всякому злому напору, наша ненадежная добросовѣстность, искрѣнность нашихъ убѣжденій, трусость борьбы и труда. Всѣми этими нашими нравственными свойствами мы только упрочиваемъ силу неблагопріятныхъ обстоятельствъ, и не обезпечиваемъ себѣ лучшаго будущаго даже при перемѣнѣ обстоятельствъ! Не законы создаютъ общественную нравственность, но общественная нравственность можетъ или упразднить или пересоздать самые законы, — и никакія учрежденія, хотя бы писали ихъ мудрецы мудрѣйшіе въ мірѣ, не принесутъ добра безъ содѣйствія *личной доброй воли* тѣхъ, для кого они предназначены. Про Англію говорится, что она сильна — не благодаря своимъ законамъ, а несмотря на свои законы; мы прибавимъ къ тому, что она сильна не конституціей, ибо та же конституція, примѣренная на Франціи и на Пруссіи, оказалась безсильною дать тѣ же плоды, какъ въ Англіи, — но ея конституція сильна — нравственною доблестью ея граждань. Повторяемъ: мы нисколько не отрицаемъ важнаго значенія законовъ и учрежденій, но мы думаемъ, что сила законовъ и учрежденій зиждется на личной нравственности членовъ общества, что въ концѣ концовъ все оказывается зависимымъ отъ личнаго нравственнаго подвига, отъ личной дѣятельности гражданъ, и что Русское общество страдаетъ именно недостаткомъ нравственной энергіи, личнаго нравственнаго развитія своихъ членовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, *личность* у насъ слаба и шатка, и ни

о чемъ мы не должны такъ заботиться, какъ объ укрѣпленіи личной воли, о развитіи личныхъ характеровъ, о твердости убѣжденій или о согласіи убѣжденій съ дѣломъ, о просвѣщеніи нашего нравственнаго разума, объ усовершенствованіи личной нравственности. Мы говоримъ здѣсь, конечно, не о нравственности въ *частной* жизни человѣка; мы касаемся только нравственныхъ отношеній каждаго лица къ гражданской общественной жизни... Намъ могутъ замѣтить, что указанный нами недостатокъ есть наше національное свойство. Дѣйствительно, эта шаткость личной нравственности проявляется у насъ не только въ дворянскомъ, но и во всѣхъ слояхъ общества безъ исключенія. Силу Россіи составляетъ, безспорно, простой народъ. Народъ, какъ мы уже однажды говорили, конечно, состоитъ изъ отдѣльныхъ единицъ, имѣющихъ каждая свою личную разумную жизнь, дѣятельность и свободу, но каждая изъ нихъ, отдѣльно взятая, не есть народъ, а всѣ вмѣстѣ составляютъ онѣ то цѣльное явленіе, то новое лицо, которое называется народомъ и въ которомъ исчезаютъ отдѣльныя личности. Поэтому народъ не есть собраніе единицъ, а живой, цѣльный организмъ, живущій и дѣйствующій самостоятельно и независимо отъ лицъ, составляющихъ народное множество: организмъ, гдѣ каждый живетъ не личнымъ умомъ, а *народнымъ*, крѣпокъ не личнымъ, а народнымъ сознаніемъ (процессъ котораго совершается инымъ путемъ и порядкомъ, нежели въ отдѣльномъ человѣкѣ), — и гдѣ самая нравственность опредѣляется скорѣе обычаемъ, бытомъ, нежели личнымъ убѣжденіемъ единицъ. Но какъ скоро кто отрывается отъ народа и начинаетъ жить личнымъ умомъ, личнымъ сознаніемъ, какъ скоро кто не состоитъ уже подъ закономъ непосредственнаго быта и не поглощается въ народѣ, а между тѣмъ жизнь, питаніе и сила, получаемыя имъ изъ народа, постепенно слабѣютъ, — то уже необходима ему поддержка *личнаго* просвѣщенія и *личной* нравственности: при низкомъ же развитіи того и другого, онъ не выдерживаетъ искушеній и падаетъ. Мы видимъ это ежедневно на всѣхъ крестьянахъ, вышедшихъ изъ своей среды: удивляясь нравственному смыслу и духу *народа*, какъ народа, — мы должны сознаться, что отдѣльная единица того же народа, переставъ быть живою частью народнаго организма и явив-

шись какъ *личность*,— нерѣдко, точно также, удивляетъ насъ своею личною слабостью и неблагонадежностью. Покойный Хомяковъ говаривалъ въ шутку, что Русскіе люди могутъ идти въ рай только деревнями, общинами. Это шутка, но въ основаніи ея лежитъ много серьезной правды. Поэтому такъ и нужно намъ нравственное развитіе и укрѣпленіе личности. Здѣсь по неволѣ напрашивается разсужденіе о значеніи личности вообще и о сравненіи Западнаго начала индивидуализма съ нашимъ общиннымъ началомъ, но мы избѣгнемъ этого громаднаго вопроса и скажемъ только, что дѣло идетъ не о томъ зломъ началѣ личности, которое разумѣется въ Западномъ понятіи объ индивидуализмѣ и которое въ сущности есть поглощеніе общаго — личнымъ и возведеніе эгоизма въ принципъ,— но о высокомъ началѣ личности христіанской. Это высокое начало, призывая къ внутренней духовной свободѣ каждую личность, поставивъ ее въ личное отношеніе къ Богу, давъ каждой личный нравственный подвигъ, поглощаетъ, напротивъ того, личный эгоизмъ, все злое присущее личности— началомъ любви и посвящаетъ ее на служеніе братьямъ-людямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это начало живетъ въ нашемъ народѣ, но живетъ на степени непосредственнаго чувства, или вѣрнѣе сказать, живетъ въ общемъ народномъ сознаніи и недостаточно сильно въ личномъ сознаніи единицъ. Между тѣмъ нравственное развитіе личности въ христіанскомъ смыслѣ въ народныхъ единицахъ вовсе не значитъ выдѣленіе этихъ единицъ изъ народа, вовсе не исключаетъ ихъ изъ жизни народнаго организма, и не только не должно разстроивать его цѣльности, его духовныхъ органическихъ отправленій, но, напротивъ, можетъ только лишь усилить и возвысить ихъ общій, нравственный строй. Теперь, когда послѣ внутреннихъ потрясеній, испытанныхъ нашимъ народнымъ бытомъ, непосредственная сила его, жившая въ единицахъ, нѣсколько ослабѣла и замѣшалась,—необходимо болѣе чѣмъ когда-либо воспитаніе и утвержденіе *личнаго* христіанскаго начала въ народѣ. И мы убѣждены, что *христіанское просвѣщеніе*, коснувшись народныхъ единицъ, можетъ укрѣпить *личную* нравственность въ народѣ не нарушивъ нисколько начала общиннаго и цѣльности народнаго организма.—Тѣмъ болѣе необходимо такое нравственное развитіе и укрѣпленіе личности нашему обществу.

Какъ бы то ни было, но Россія представляетъ именно это явленіе: при крѣпости и нравственной высотѣ простонароднаго общиннаго быта, *личность* отдѣльныхъ единицъ, отрѣшающихся отъ этого быта народныхъ массъ, оказывается слабою и шаткою,— съ одной стороны не способная избрать путь эгоистическаго индивидуальнаго развитія, какъ на Западѣ (что̀ должно быть поставлено ей въ заслугу); съ другой—не имѣя силъ подняться на ту высоту, на которой она можетъ развиться, какъ христіанская личность. Безъ всякаго сомнѣнія, развитіе христіанской личности несравненно труднѣе индивидуальнаго эгоистическаго усовершенствованія, и требуетъ отъ насъ несравненно бо̀льшихъ усилій. Поясимъ это примѣромъ: Западное чувство *чести* (Польскій гоноръ, point d'honneur), занесенное къ намъ съ Петра, въ насъ очень слабо; понятіе это крайне ограничено, условно и просто глупо; чувство *чести* запрещаетъ простить оскорбленіе и заставляетъ людей убивать другъ друга, чувство чести не запрещаетъ обманывать женщинъ,— человѣкъ не нарушаетъ требованій чести исполненіемъ безчестнаго приказанія и т. д. Все, что̀ есть добраго въ практическихъ результатахъ чувства *чести*, достигается вполнѣ началомъ *честности* въ человѣкѣ, началомъ высшимъ, нравственнымъ, положительнымъ, несравненно болѣе животворнымъ. Мы, Русскіе, неспособны удовольствоваться ограниченнымъ понятіемъ *чести*—къ тому же чуждымъ нашей народности, нашимъ правамъ; мы не умѣемъ поработить себя ему духовно; предъ нами предносится высшее понятіе — *честность*, но честность требуетъ личнаго подвига, внутренняго личнаго подъема,— и на дѣлѣ выходитъ, что имѣя идеалъ безспорно высшій, чѣмъ прочіе Западные народы, мы стоимъ ниже ихъ въ практической жизни, бѣдны и честью и честностью. По этому примѣру можно судить и о прочихъ нашихъ свойствахъ и качествахъ. Что̀ же предстоитъ намъ дѣлать? Намъ слѣдуетъ прежде всего стараться о воспитаніи, просвѣщеніи и укрѣпленіи въ каждомъ изъ насъ христіанской *личности*,—о развитіи въ себѣ *честности* вмѣсто условнаго и плохо къ намъ прививающагося понятія *чести*. Намъ слѣдуетъ—и никто, никакое правительство, никакія обстоятельства, кромѣ насъ самихъ, намъ въ томъ не помогутъ — намъ слѣдуетъ произвести собственными усиліями реакцію нашей

общественной нравственности—чрезъ подъемъ нашего личнаго духа,—обратиться съ строгими требованіями къ себѣ самимъ. Мы должны проникнуться убѣжденіемъ, что судьба нашего дорогого отечества зависитъ отъ личнаго нравственнаго подвига каждаго изъ насъ и что никакое внѣшнее могущество не прочно и не спасетъ Россію — при мертвенности нашего *личнаго* духа, при слабости нашей *личной* гражданской нравственности, при отсутствіи въ насъ дѣятельной, движущей нравственной личной воли!

До сихъ поръ мы говорили преимущественно о добросовѣстномъ отношеніи къ гражданскому долгу во всей полнотѣ его предѣловъ. Но этого еще мало, или это еще не все. Кромѣ понятія о *долгѣ*,—силы безспорно могучей,—есть дѣятельность, есть предпріимчивость, есть творчество любви — силы безконечно высшей, живой, зиждительной, всемогущей. Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, не только любовь къ людямъ и къ общему благу вообще, не только любовь къ своей землѣ, къ своему народу, но и любовь, какъ живой нераздѣльный элементъ всякаго искренняго крѣпкаго убѣжденія, какъ присущую ему неотъемлемую силу, переводящую его въ жизнь и дѣло. А что̀ можетъ устоять противъ силы такого убѣжденія? Убѣжденіе—власть; человѣкъ убѣжденный есть «власть имѣющій»... Убѣжденій, убѣжденій, вотъ чего намъ недостаетъ!

Предпріимчивость любви не знаетъ вопроса что̀ дѣлать. Она взыщетъ что̀ дѣлать. Тутъ даже нельзя ссылаться на внѣшнія неудобства, на тѣсноту и безвременье: она всегда найдетъ время и вездѣ съумѣетъ очистить себѣ довольно простора для добрыхъ дѣлъ... И повѣрьте, читатель, простора много для личной благой дѣятельности человѣка въ Россіи, по крайней мѣрѣ для нравственнаго личнаго вліянія. Сколько добра, сколько свѣжаго воздуха, сколько свѣта вноситъ съ собою умный, добрый, честный, дѣятельный человѣкъ въ глушь и мракъ невѣжественной среды иного провинціальнаго уголка! Личное вліяніе способно пожинать у насъ богатую жатву, а твердое, честное убѣжденіе всегда оказываетъ вліяніе на окружающихъ, кто бы они ни были. Стоитъ только хотѣть и дерзать, горячо любить и горячо желать, неутомимо идти, неослабно стремиться къ цѣли, и если вы не вполнѣ ея достигнете, то все же достигнете многаго, чего, казалось бы, судя по внѣшнимъ усло-

віямъ, не было никакой возможности достигнуть!.. Да, крѣпость убѣжденія способна подчинить себѣ, властію чисто-нравственною, могущество внѣшнее; личный характеръ смиряетъ предъ собою владыкъ міра,—сила личнаго духа побѣждаетъ и движетъ народы. Даже на Западѣ, гдѣ, казалось бы, отношенія людей между собою регулированы до математической точности, до порядка и исправности механизма, — даже и тамъ всецѣлая преданность убѣжденію способна творить чудеса. Ни чѣмъ другимъ нельзя объяснить значеніе Гарибальди и необъятный успѣхъ его дѣла, какъ именно этою нравственною силою духа, полюбившаго одну мечту, устремившагося къ одной цѣли. Люди практики, подсмѣивающіеся надъ значеніемъ нравственныхъ силъ въ жизни и подчиняющіе все разсчету внѣшнихъ условій, пусть растолкуютъ себѣ это странное явленіе, что человѣкъ, не надѣленный ни богатствомъ, ни выгодами происхожденія, ни геніемъ полководца, ни особеннымъ умомъ, ни высшими дарами знанія,—человѣкъ не мудрый, не обладавшій никакими внѣшними преимуществами, —ни чѣмъ, кромѣ пламенной преданности своей идеѣ и нравственной чистоты духа, человѣкъ «много полюбившій» безъ примѣси личнаго эгоизма и тщеславія,—былъ равносиленъ, самъ, своею одинокою личностью, цѣлымъ могущественнымъ державамъ. Въ этомъ смыслѣ явленіе Гарибальди на горизонтѣ нашихъ временъ въ высшей степени отрадно. Еще довольно простора для нравственной личности человѣка!

Мы вовсе не приглашаемъ нашихъ почтенныхъ читателей мѣтить въ Гарибальди,—но мы можемъ указать имъ примѣръ болѣе доступный и близкій. Былъ у насъ въ Россіи графъ де-Мезонъ (если не ошибаемся), который вздумалъ обратить кочующихъ Ногайцевъ въ осѣдлыхъ, просвѣтить и, такъ сказать—облюдить ихъ, доставить имъ удобства болѣе цивилизованнаго существованія. Мысль дерзкая для частнаго человѣка! И несмотря на это, *положивъ душу въ дѣло*, лѣтъ черезъ 30 онъ достигъ своей цѣли, и тысячъ 20 Ногайцевъ благословляютъ его память. Да и сколько примѣровъ могли бы мы привести тому, что̀ способна и у насъ совершить личная воля человѣка!

Любовь къ Россіи, любовь къ своему народу—призываютъ насъ къ дѣлу, требуютъ отъ насъ не мужества воина, не энер-

гіи разрушенія, не стойкости, презирающей смерть,—а мужества гражданина и упорнаго дѣятельнаго труда, творящаго и зиждущаго. Насъ ждетъ не борьба на полѣ битвы, а несравненно болѣе тяжкая борьба въ жизни гражданской, борьба ежедневная и повсюдная. Въ этомъ отношеніи не худо намъ поучиться и у враговъ. Чѣмъ бы ни объяснялся Польскій патріотизмъ, но этотъ патріотизмъ, способный на всякія нравственныя и матеріальныя жертвы, патріотизмъ, гдѣ личный эгоизмъ поглощается любовью къ отечеству, или, вѣрнѣе, къ мечтѣ объ отечествѣ, представляется едвали не большею силою, чѣмъ нашъ патріотизмъ,—не способный противопоставить никакого нравственнаго отпора иноземному вліянію, прогуливающійся въ числѣ 275 тысячъ особъ въ чужихъ краяхъ, воспитывающій Русскихъ дѣтей заграницей и добровольно лишающій ихъ благъ народности,—пятящійся назадъ, когда его приглашаютъ проявить себя тяжелою гражданскою службою въ Западныхъ губерніяхъ, тратящій тысячи на Французскія перчатки и ложи въ Итальянской оперѣ и жертвующій копѣйки на облегченіе страждущихъ братій, на содѣйствіе Русской народности въ Западномъ краѣ!—А теперь, силою судебъ, вопросъ Польско-Русскій сложился именно такъ, что мы не найдемъ ему разрѣшенія, если будемъ по прежнему самоублажать себя въ своемъ патріотизмѣ и довольствоваться отечественною дѣятельностью, хотя бы и очень почтенною, *Англійскихъ* клубовъ *Россійскаго* царства; если не противопоставимъ полонизму всѣхъ нашихъ нравственныхъ силъ, освободя ихъ отъ внутреннихъ недуговъ и плевелъ, если не будемъ такъ же готовы для гражданской и общественной борьбы, какъ и для военной, если не выдвинемъ въ поле, рядомъ съ военною ратью, крѣпкихъ убѣжденій, личныхъ нравственныхъ подвиговъ и несокрушимой любви — не только къ единству и цѣлости, но и къ тому, ради чего желанно единство и цѣлость, — къ высокому нравственному призванію Русской народности! Здѣсь есть гдѣ и надъ чѣмъ потрудиться каждому и каждаго ждетъ успѣхъ, только бы вѣрилъ онъ, какъ сказано нами въ началѣ, что много можетъ личная воля человѣка, много блага дается сотворить—всякому хотящему блага!

О связи нашего общественнаго внутренняго вопроса съ польско-русскою задачей.

Москва, 16-го ноября.

Теперь, когда намъ нечего опасаться скорой войны, когда намъ не грозитъ никакая коалиція и вообще по части внѣшней политики все для насъ обстоитъ благополучно,—попробуемъ теперь снова оттянуть вниманіе нашего самодовольнаго общества отъ внѣшнихъ государственныхъ интересовъ—къ интересамъ внутреннимъ и общественнымъ. Патріотическое самодовольство—дѣло хорошее, и въ настоящемъ случаѣ, во сколько оно возбуждено нашимъ дипломатическимъ торжествомъ, вполнѣ законное. Желали бы мы только, чтобъ общество могло ублажаться точно такимъ же самодовольствомъ и по отношенію къ нашему внутреннему общественному положенію. Но, кажется, общество не въ такомъ настроеніи духа, чтобъ задумываться слишкомъ долго надъ вопросами не политическими. И слухъ и взоръ его направлены сочувственно къ интересамъ политическимъ, военнымъ и полицейскимъ. Такова черта времени; такъ устроили событія, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго и даже страннаго. Настоящей войны нѣтъ, и жаждущему славныхъ подвиговъ обществу приходится, за неимѣніемъ воинскихъ, довольствоваться подвигами полицейскими. Такое, съ одной стороны, сильное развитіе получила русская общественная жизнь, такъ, съ другой стороны, сложились обстоятельства Польскаго дѣла,—что тѣ необходимыя отправленія государственной жизни, которыя до сихъ поръ тщательно отдѣлялись отъ жизни общественной, совершались, такъ сказать, внѣ общественнаго участія,—теперь нѣкоторымъ образомъ стали общественнымъ дѣломъ и достояніемъ. Къ такимъ *необходимымъ* отправленіямъ государственнаго организма мы относимъ, безспорно—полицію явную и тайную, и, отстраняя вопросъ о качественности явленія, мы только указываемъ здѣсь на тотъ фактъ нашей общественной жизни, что никогда полицейская функція государства не пользовалась у насъ бо̀льшимъ сочувствіемъ общества, какъ въ наше время. Если во времена Грибоѣдова Фамусовъ выразился о дамахъ, что онѣ «къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ, а потому, что патріотки»,—то современный Фамусовъ могъ бы сказать и теперь

то же самое, поставивъ вмѣсто слова «военнымъ», слово: «полицейскимъ». Читатели скажутъ, что мы намекаемъ здѣсь на извѣстную дамскую телеграмму, посланную въ Варшаву къ одному офицеру, добросовѣстно, съ мужествомъ и съ талантомъ исполняющему свою трудную полицейскую обязанность. Да, мы именно ее и разумѣемъ. Мы видимъ въ ней очень любопытную черту нравовъ и очень любопытный качественный симптомъ нашего общественнаго современнаго направленія. Мы не думаемъ ни порицать, ни тѣмъ менѣе издѣваться или относиться къ дѣлу иронически. Мы говоримъ очень серьезно. Мы вполнѣ признаемъ всю важность, пользу, необходимость, даже въ нѣкоторомъ отношеніи благодѣтельность, въ настоящую минуту, полицейской дѣятельности въ Варшавѣ и всю мѣру вниманія, которой она заслуживаетъ,—но обществу, кажется намъ, пора бы подумать—не слишкомъ ли уже оно далеко зашло въ патріотическомъ увлеченіи государственными интересами, не уклонилось ли нѣсколько отъ своего общественнаго призванія въ ущербъ своимъ общественнымъ интересамъ? Нельзя, конечно, предполагать, что общество взошло *во вкусъ* такого рода отправленій государственнаго организма, которыхъ необычайное развитіе рѣдко обходится безъ вреда самому организму, — но нельзя и не предостеречь общества насчетъ опасности нѣкоторыхъ раждающихся въ немъ наклонностей... Опасность заключается уже въ томъ, что общество не дѣлаетъ своего настоящаго общественнаго дѣла, оставляетъ въ пренебреженіи свои духовныя силы и даетъ болѣе цѣны дѣятельности внѣшней, государственной, нежели дѣятельности нравственной и общественной. Общество отлыниваетъ отъ труда мысли, отъ подвига нравственнаго, добровольно жмуритъ глаза и сильно гнѣвается, если кто-либо осмѣлится напомнить ему объ его обязанностяхъ, его призваніи, и нарушить его самодовольную лѣнь. Общество, кажется, готово уже опочить на лаврахъ и чуть ли не воображаетъ, что Польскій вопросъ уже разрѣшенъ. Оно не хочетъ видѣть, что Польскій вопросъ тѣсно связанъ съ его собственнымъ общественнымъ развитіемъ и не только не разрѣшенъ, но и не разрѣшится надлежащимъ образомъ, пока не разрѣшатся наши домашніе общественные вопросы.

И при этомъ вовсе не слѣдуетъ обольщаться мыслью, что

разрѣшеніе нашего общественнаго вопроса можетъ быть достигнуто заразъ, какимъ-нибудь внѣшнимъ учрежденіемъ, съ энергическою быстротою сотвореннымъ внезапно благонамѣренной нашей бюрократіей. Сила вовсе не въ учрежденіи, которое ничего не создаетъ изъ плохаго матеріала, — сила во внутренней работѣ общественнаго духа и въ развитіи всѣхъ тѣхъ общественныхъ способовъ, которыми общество и теперь обладаетъ и располагаетъ, — въ нравственномъ укрѣпленіи рыхлой нравственной общественной почвы.

Посмотримъ хоть на Польскій вопросъ въ Западномъ краѣ. Вы говорите, вслѣдъ за другими, что ваши права на этотъ край основываются на правѣ Русской народности, что вы стоите тамъ за бѣдный угнетенный Русскій народъ. Такъ, безспорно; но какъ же будете вы стоять за Русскую народность въ Западномъ краѣ, если вы ее презираете, пренебрегаете ею въ Восточномъ, Сѣверномъ, Среднимъ краѣ Россіи? Неужели думаете вы—будетъ прочно и плодотворно то ваше стояніе за Русскую народность, сила котораго коренится не въ убѣжденіяхъ и сердцѣ вашемъ, какъ Русскихъ людей, а единственно въ соображеніи государственныхъ пользъ и разсчетахъ политическихъ? Тогда, вмѣсто васъ, Русскихъ, съ такимъ же удобствомъ можно было бы поручить стоять за Русскую народность Нѣмцамъ и Черемисамъ. Неужели, будучи у себя дома Французами, Англичанами, или, пожалуй, галломанами, англоманами, вы съумѣете явиться тамъ настоящими Русскими людьми? Вы съумѣете прикинуться только руссоманами, но какъ бы даже ни было искренно ваше руссоманство, оно васъ выдастъ: пропаганда Русской народности, исходящая отъ васъ, будетъ безсильна и чутье народное почуетъ внутренній холодъ вашей патріотической рѣчи! — Тѣ мѣры, которыя оказываются единственно полезными въ томъ краѣ и въ сущности совершенно законны и справедливы, — онѣ не согласны съ вашими убѣжденіями и взглядами, восколько эти убѣжденія и взгляды выразились въ вашихъ дѣйствіяхъ въ Калужской, Тамбовской и прочихъ губерніяхъ относительно Русскихъ крестьянъ! То знамя, которое вамъ самимъ приходится поднимать на западѣ Россіи, чтобы привлечь къ себѣ сочувствіе мѣстнаго Русскаго населенія—не ваше знамя! Въ правѣ ли вы надѣяться на успѣхъ вашей народной роли, если

она только *роль*, и въ душѣ, для «своихъ», entre nous autres, вы остаетесь тѣми же аристократами Петербургскихъ салоновъ? Какимъ образомъ можете вы, питая въ сердцѣ печаль и досаду за «уступку» въ пользу, напримѣръ, вашихъ Царевококшайскихъ крестьянъ куска помѣщичьей земли,—въ то же время являться великими эмансипаторами спеціально для девяти Западныхъ губерній? Вы пришли къ справедливому убѣжденію, что въ Царствѣ Польскомъ необходимо уничтожить прежній порядокъ назначенія гминныхъ войтовъ изъ помѣщиковъ, отмѣнить совершенно «патримоніальную юрисдикцію», обзавести Польшу нашимъ крестьянскимъ міромъ, мірскими сходками, нашимъ обычнымъ избирательнымъ началомъ,—а давно ли вы, господинъ Б., и вы, господинъ Д., и вы, господинъ Ч., писали и подавали проекты о развитіи этой патримоніальной юрисдикціи или «вотчиннаго права» въ Россіи,—да еще на дняхъ печатали о необходимости уничтоженія крестьянскихъ волостныхъ судовъ, о пользѣ сокращенія числа мировыхъ посредниковъ и ослабленія силы мировыхъ учрежденій?! Нельзя и думать, чтобъ такое внутреннее противорѣчіе не отразилось на вашихъ дѣйствіяхъ въ Западномъ краѣ, не имѣло вліянія на ихъ успѣхъ, не запечатлѣло ихъ особеннымъ колоритомъ «неотвратимой государственной необходимости» (а не приложеніемъ и развитіемъ основнаго Русскаго народнаго начала)—и не сказалось въ послѣдствіяхъ. Если бы Западнорусскій народъ могъ прислушаться къ тѣмъ толкамъ на мировыхъ съѣздахъ, о которыхъ намъ разсказываютъ наши корреспонденты изъ внутреннихъ губерній,—ну хоть бы нашъ Смоленскій корреспондентъ въ 42 № Дня,—то влеченіе его къ Россіи было бы значительно охлаждено. Къ счастію, народъ насъ не слышитъ и не читаетъ, и тяготѣніе его къ Россіи происходитъ не въ силу нашихъ дворянскихъ или общественныхъ заслугъ и нашей общественной привлекательности, а въ силу того духовнаго и бытоваго единства народныхъ началъ, котораго общество не знаетъ и знать не желаетъ,—въ силу той Русской народности, отъ которой почти отреклось Русское общество.

Далѣе. Какого бы ни была достоинства и качества латинопольская цивилизація въ Западномъ краѣ, но она была, жила и оставила сильные слѣды, — она проѣла тамошнее общество

до низшихъ слоевъ, и теперь всѣ верхніе слои народонаселенія тянутъ къ польщизнѣ и латинству. Край остается Русскимъ, благодаря подвигу *нижнихъ* слоевъ, ихъ нравственной устойчивости, а также и тому безобразію, до котораго доразвились послѣдовательно латинство и польщизна. Но полнота жизни не можетъ заключаться въ однѣхъ народныхъ массахъ; одна непосредственная бытовая сила народности безъ народнаго самосознанія, безъ дѣятельности народнаго духа въ высшей области мысли и знанія, есть сила пассивная: необходима среда общественная, гдѣ бы разрабатывалось народное самосознаніе, — съ дѣятельностью и силою общественною. Такъ какъ не предвидится никакой возможности—*физически*, такъ сказать, избавить край отъ всего мѣстнаго туземнаго ополячившагося и олатинившагося общества, то остается только внести въ край свѣжіе, новые общественные элементы извнутри Россіи и стараться о томъ, чтобъ старое туземное общество, нѣкогда православное и Русское, возвратилось къ основнымъ началамъ своей собственной, отверженной имъ народности, переродилось, перевоспиталось въ единое съ нашимъ Русское общество... Но гдѣ же эти свѣжіе могучіе элементы Русской общественности, которыми мы могли бы поддержать нравственный подвигъ низшихъ слоевъ народа въ Западномъ краѣ, обновить, возродить, перевоспитать мѣстное старое общество? Откуда мы ихъ возьмемъ? Изъ нашихъ дворянскихъ собраній, изъ-за карточныхъ зеленыхъ столовъ, изъ-за игры въ лото въ столичныхъ и провинціальныхъ клубахъ Россійскаго царства? Но этого не рѣшится сказать и само наше общество!.. Поддержать народъ мы, конечно, можемъ—благодаря нашей государственной силѣ, и правительство въ этомъ отношеніи старается дѣлать все, что̀ отъ него зависитъ, даже строитъ Божіи храмы на казенный счетъ,—но и сама правительственная дѣятельность регулируется и опредѣляется степенью и характеромъ общественнаго развитія и одной правительственной дѣятельности во всякомъ случаѣ недостаточно. Она не можетъ возжечь святой огонь сочувствія, дѣйствовать нравственными силами, создать миссіонеровъ и проч.; она можетъ командировать только чиновниковъ, да и тѣхъ поставляетъ ему то же общество. Спрашивается, есть ли какая выгода для Западнорусскаго края, если Польскіе взяточники будутъ замѣнены

Русскими взяточниками, если туземная общественность будетъ замѣнена Русской оффиціальностью? Если даже и есть, какъ утверждаютъ нѣкоторые, такъ весьма малая и сомнительная! Во всякомъ случаѣ, это не та *притягательная* сила, которая можетъ спаять мѣстную жизнь съ общей Русской жизнью, притянуть и переродить духовно, обрусить туземное ополяченное общество. Что̀ дадите вы этому обществу взамѣнъ его Польскаго патріотизма,—силы все же духовной, которою оно жило и двигалось? Русскій патріотизмъ? Но какой же? Тотъ государственный патріотизмъ нашего общества, который, будучи безспорно готовъ на всякія жертвы для сохраненія внѣшней цѣлости государства, для отпора внѣшнихъ враговъ, въ то же время постоянно подрываетъ внутреннюю цѣльность Русскаго народнаго организма, пренебрегая своею народностью, своимъ народомъ и его духовными требованіями, который раболѣпствуетъ предъ всякимъ иноземнымъ духовнымъ авторитетомъ, который попустилъ насъ покрыться такою сплошною язвою гражданскихъ недуговъ и который не въ состояніи выдерживать напора никакой враждебной, *не* матеріальной, а нравственной, *умной* силы?.. Что принесете вы туземному обществу взамѣнъ той общественности, которая, худа ли, хороша ли, проявилась въ немъ съ нѣкоторой силою? Отсутствіе общественности, рыхлость общественной почвы? Или, думаете вы, заманчивѣе старой цивилизаціи, сжившейся съ мѣстною жизнью и имѣющей для нея, не смотря на все свое зло, ту нѣкоторую привлекательность, которую имѣетъ всякая сѣдая старина, всякія мхомъ покрытыя развалины, даже разбойничьяго рыцарскаго замка,—заманчивѣе ея то просвѣщеніе, котораго теорію излагаетъ, напримѣръ, «Отчетъ о школахъ на Волыни и Подоліи» — отчетъ, о которомъ, какъ извѣстно читателямъ, мы уже два раза упоминали въ нашей газетѣ?.... Мы убѣждены, что такое «просвѣщеніе», обѣщаемое мѣстному народонаселенію, — не въ силахъ побѣдить, а можетъ только сгустить и усилить мракъ латино-польской цивилизаціи!.. Поэтому, позволительно спросить еще разъ наше общество — во имя чего, во имя какой высшей идеи, предъявляетъ оно свое право на Западный край Россіи, какое знамя можетъ оно выставить, чтобы собрать подъ сѣнь его — мѣстное общество и народъ? Государство скажетъ: во имя государственныхъ инте-

ресовъ,—и оно будетъ право, и поддержитъ свое требованіе мечемъ, — но какимъ духовнымъ мечемъ будетъ поддерживать Русское общество свое право?

А оно есть, это право, зиждущееся не на одномъ государственномъ интересѣ, — такое право, которое, при иномъ, болѣе истинномъ, правильномъ народномъ развитіи нашей общественности, едва ли бы даже нуждалось въ защитѣ государственнаго меча! Это право, какъ мы уже говорили, въ томъ историческомъ тяготѣніи къ единству разрозненныхъ частей народной Руси, которое совершаетъ и производитъ свою работу, въ теченіе вѣковъ, какими-то подземными, почти невѣдомыми и невидимыми намъ путями взаимной духовной и бытовой пропаганды. Не смотря на все наше недостоинство, какъ Русскаго общества, народъ и Юго-западной и Западной Россіи такъ твердо—мы вѣримъ—спаянъ съ Великой Россіей, въ силу своего историческаго стремленія къ идеалу обще-Русской жизни, что скорѣе Волга на пространствѣ своего четырехтысячеверстнаго русла высохнетъ до послѣдней капли, чѣмъ эти края отпадутъ отъ Россіи! Но сколько жертвъ, мученій, сколько бѣдствій и крови будутъ стоить народу эти усилія, если вся тяжесть борьбы съ латино-польскими элементами будетъ лежать на немъ и правительствѣ, внѣ участія и содѣйствія Русскаго общества!

Мы сказали, что Западному туземному обществу необходимо переродиться;—такъ вѣдь нужно же во что-нибудь переродиться? Во что же?.. Въ томъ-то и дѣло, что, призывая Западное ополяченное общество къ перерожденію, мы — Русское общество — необходимо должны переродиться и сами: необходимо намъ самимъ заняться исправленіемъ нашихъ общественныхъ пороковъ и излѣченіемъ нашихъ общественныхъ недуговъ,—понять связь нашего общественнаго внутренняго вопроса съ Польско-Русской задачей—и уже въ его разрѣшеніи поискать разрѣшенія для послѣдней!

1864 г.

О значеніи областной Россіи и необходимости областной печати.

Москва, 11-го апрѣля.

Россія не въ Москвѣ: среди сынов она,

говорится въ одной старинной трагедіи. И дѣйствительно, событія 1612 и 1812 года свидѣтельствуютъ намъ, что не на столицѣ только и ея значеніи — зиждется у насъ крѣпость нашего государства. Тогда какъ у другихъ народовъ обладаніе столицею тождественно съ обладаніемъ всею страною, и тотъ, напримѣръ, кто господствуетъ въ Парижѣ, тотъ господинъ и владыка надъ всею Франціею, — у насъ напротивъ: плѣнъ Москвы только доказалъ міру, во очію и въ явь, что истинная сила Россіи не въ столицѣ, а въ Русской землѣ, — заключается въ нѣдрахъ того Русскаго духа, который создалъ и Русскую землю и Москву — какъ дорогой и завѣтный символъ ея земскаго, государственнаго и духовнаго единства, ея внутренняго и внѣшняго строя, ея историческаго призванія. Въ этомъ-то и заключается залогъ нашего могущества; оттого и не погибла Россія даже тогда, когда иноплеменное знамя развѣвалось на башняхъ святаго Кремля. И такъ, не столицею держится у насъ государство, а всею землею, — и не въ смыслѣ одной внѣшней государственной безопасности разумѣемъ мы эти слова, но и въ отношеніи къ внутренней жизни Россіи, къ ея духовному и бытовому развитію...

Чтò бы сталось съ Россіей, еслибъ она управлялась не внутренними, не органическими началами своего, хотя бы и неорганизованнаго земства, а только и единственно такъ называемымъ образованнымъ обществомъ Санктпетербурга и Москвы — такъ долго чуждавшимся Русской народности и только теперь сближающимся съ нею?!.. Чтò бы сталось съ Россіею, еслибъ она была способна вполнѣ подчиниться вліянію — напримѣръ хоть бы столичной свѣтской среды или бюрократической стихіи, обхватившей столичную интеллигенцію

и, такъ сказать, вертѣться, какъ флюгеръ, по волѣ всѣхъ вѣтровъ, дующихъ изъ-за границы, видоизмѣняться по прихоти всѣхъ теоретиковъ, начинившихъ свои пустыя головы заемнымъ содержаніемъ и благоговѣющихъ предъ всякою последнею модною теоріею, привезенною съ Запада? Что бы сталось съ Россіей, еслибъ въ ней не было земства, еслибъ не было охранительнаго упора въ томъ населеніи, которое живетъ *внѣ* столицъ, въ ея областяхъ, въ уѣздахъ, въ селахъ,—или, вѣрнѣе сказать, еслибъ въ ней не было простаго народа, а было, какъ въ Польшѣ, одно шляхетство, въ которомъ бы заключалась вся сила, вся жизнь, вся *соль* страны?... Ей пришлось бы, согласно съ разнообразіемъ этихъ теорій, быть попеременно то Голландскою, Нѣмецкою, то Французскою, то централизованною, то расцентрализованною, то федеральною, то конституціонною, то республиканскою, то демократическою, то желто-Австрійскою, то синею, то красною, — однимъ словомъ, гнуться, ломаться и мѣнять свой строй и быть, смотря по тому, какая доктрина въ столичной средѣ беретъ верхъ и торжествуетъ... Къ счастію нашему, *существованіе* Россіи не зависитъ ни отъ случайнаго успѣха той или другой столичной доктрины, ни отъ временнаго торжества той или другой общественной или литературной партіи, и если бы даже — предположимъ самое невозможное — удалось столицѣ ввести такую органическую перемѣну въ нашемъ жизненномъ общественномъ строѣ, которая подрывала бы всѣ основные принципы нашей народности, то — благодаря областному населенію — всѣ эти столичныя попытки остались бы безъ послѣдствій.

Но вопросъ не всегда становится исторіею во всей его осязательной рѣзкости; опасность не всегда, а, напротивъ того, чрезвычайно рѣдко, представляется въ видѣ прямой угрозы народному существованію или кореннымъ общественнымъ основамъ. Есть множество опасностей и такихъ, которыя, будучи, повидимому, не важными, являясь не въ грубой осязательной формѣ, остаются неясными народному сознанію и не вызываютъ противъ себя могучаго, сдерживающаго отпора. Разумѣется, еслибъ дѣло шло о нарушеніи цѣльности и единства Руси, о перемѣнѣ вѣроисповѣданія и т. п., — то, какъ бы ни отнеслась къ этому столица — областная мощь Россіи

выступила бы тогда во всемъ своемъ охранительномъ значеніи... Но вѣдь дѣло идетъ у насъ, большею частью, не о такихъ крупныхъ (и едва ли возможныхъ) вопросахъ, а о господствѣ той или другой доктрины, той или другой теоріи, о такихъ направленіяхъ, вліяніяхъ, обольщеніяхъ и соблазнахъ, которые — глядѣть снаружи — дѣйствуютъ только на второстепенныя неважныя условія общественнаго быта, а между тѣмъ могутъ привести къ существеннымъ измѣненіямъ въ общемъ ходѣ Русской жизни, и, не встрѣчая въ ней надлежащаго готоваго отпора, медленно и незамѣтно подтачиваютъ ея духовную силу и крѣпость, — даже разрушаютъ въ ней мало-по-малу и самую упругость ея охранительнаго элемента...

Противодѣйствовать этому злу можетъ только развитіе мѣстной *общественной* жизни — не въ смыслѣ только какихъ-либо политическихъ учрежденій, областной гражданской автономіи и самоуправленія (не объ этомъ идетъ теперь наша рѣчь), но въ смыслѣ дѣятельной работы мѣстнаго общественнаго *сознанія*. Нуженъ голосъ этому сознанію, и нужно прежде всего *осѣдлое* размѣщеніе интеллигентныхъ силъ — тамъ, *на мѣстахъ*, въ провинціи, — тѣхъ силъ, которыя, стекаясь въ столицу, пріобрѣтаютъ въ ней, по отношенію къ областнымъ особенностямъ Россіи, какой-то своего рода космополитическій оттѣнокъ, теряютъ живое представленіе о нашей дѣйствительности—провинціальной, уѣздной, сельской, полевой,— становятся отвлеченными, а потому нерѣдко безплодными. Послѣ переворота Петра, столица (мы разумѣемъ здѣсь Москву и Петербургъ вмѣстѣ), сосредоточивъ въ себѣ не только административную, но и всю умственную жизнь Россіи, была проводникомъ для остальной земли — добра и зла чуждой цивилизаціи, прививала къ ней чужое знаніе и знаніе чужаго, вмѣстѣ съ забвеніемъ и отрицаніемъ своего — близкаго и роднаго: она деспотически властвовала, — не столько надъ простымъ народомъ, сколько надъ обществомъ, — авторитетомъ моды, вкуса, науки, теоріи. Провинція, въ нравственномъ отношеніи, подпала полнѣйшему рабству столицѣ, подражаніе столицѣ стало болѣзненною наклонностью провинціальнаго общества, истощавшею его духовныя силы, отнимавшею у него всякую оригинальность, своеобычность, и вмѣстѣ съ тѣмъ всякую жизненность и производительность. Провинція жила не

своею, а *заемною* жизнію, заемными интересами, жила по необходимости заднимъ числомъ (благодаря, между прочимъ, нашимъ путямъ сообщенія), въ постоянной жалкой зависимости отъ столичной почты и постоянно отставая отъ столичнаго прогресса. Явился «провинціализмъ» — какъ явленіе комическое, выражающее именно неравенство уровня столичной и провинціальной образованности, уклоненіе провинціи отъ идеала столичнаго общежитія, ея *претензію* на внѣшнее сходство съ столицей. Литература, какъ выраженіе общественной жизни, существовала только въ Москвѣ и Петербургѣ: провинція же безмолвствовала, воспитываясь и питаясь, безъ разбора, всѣми издѣліями столичной журнальной стряпни. Все это могло продолжаться до тѣхъ поръ, пока не пройденъ былъ тотъ историческій кругъ, въ который вступила Россія съ реформою Петра, пока столица не совершила своей исторической миссіи, состоявшей въ томъ, чтобъ введеніемъ Русской земли въ кругъ всемірнаго просвѣщенія и фактическимъ распространеніемъ свѣдѣній — возбудить въ ней самобытную дѣятельность духа, работу самосознанія, жажду своеобразнаго творчества.

Пока интеллигенція въ Россіи жила полною невозмутимою вѣрою въ Западъ, она могла, говоря ея языкомъ, игнорировать провинцію и пренебрегать ею. Но какъ скоро эта вѣра нарушена, какъ скоро источникъ тѣхъ духовныхъ силъ Запада, которыми мы такъ долго пробавлялись, былъ исчерпанъ, истощенъ до дна, и оказалось, что долѣе черпать невозможно безъ утраты всякой не только духовной, но и матеріальной самостоятельности; какъ скоро ярче и ярче стали раскрываться намъ наши язвы и уродливые наросты, и вмѣстѣ съ тѣмъ наше безсиліе уврачевать ихъ; какъ скоро литература стала, дѣйствительно, пріобрѣтать силу и ея слово стало вѣсить въ задачахъ общественной жизни,—бѣдность жизненнаго содержанія тотчасъ же сказалась въ столицахъ. Уже не провинція, какъ прежде, къ столицѣ, а *уже столица стала тяготѣть къ провинціи*. Болѣе чѣмъ когда-либо слышится, даетъ себя чувствовать несостоятельность нашего столичнаго общества въ разрѣшеніи жизненыхъ вопросовъ, наше столичное духовное истощеніе. Да, если это явленіе еще не всѣми ощущается, еще не рѣзко выступаетъ наружу, то оно тѣмъ не менѣе существуетъ и скоро предстанетъ во всей своей правдѣ.

Можно положительно сказать, что теперь наступаетъ иная пора,—пора *тяготѣнія столицы къ провинціи.* Начало этому положило освобожденіе крестьянъ съ его послѣдствіемъ—мировыми учрежденіями. Нашему провинціализму суждено великое значеніе въ будущемъ: мы разумѣемъ здѣсь подъ провинціализмомъ ту сумму мѣстнаго опыта и знанія, ту близкую связь съ мѣстными интересами, которыя должны придать особенную крѣпость духовнымъ силамъ мѣстнаго общества, которыя не оставятъ въ запустѣніи — не позволятъ заглохнуть ничему живому, или способному жить, цвѣсти и принести свой плодъ,—свою дань въ богатую сокровищницу общерусскаго всесторонняго развитія. Это явленіе, т. е. тяготѣніе столицы къ провинціи, вполнѣ законно, вполнѣ понятно и въ высшей степени благотворно. Въ немъ выражается стремленіе—стать ногами на почву, изъ области миражей опуститься въ дѣйствительность, изъ призрачности въ реальную жизнь, изъ сферы отвлеченныхъ теорій, одна другую смѣняющихъ — перейти къ указаніямъ опыта, — и вмѣсто печальнаго блужданія, безкорненности и легкоподвижности бытія, — осѣсть на корень, укрѣпиться на якорѣ своей народности, своей исторіи. Во сколько чужда Русской землѣ всякая мысль о единствѣ искусственномъ, внѣшнемъ, федеративномъ, во столько дорого ей то живое единство, та цѣльность духовная, земская и государственная, то развитіе и преуспѣяніе, которыя водворить и утвердить можетъ только — повсемѣстность жизни во всѣхъ концахъ и углахъ Россіи... Болѣе чѣмъ когда-либо нужно намъ призвать къ жизни нашу провинцію!..

Мы не говоримъ о какихъ-либо учрежденіяхъ, которыми бы могла укрѣпиться мѣстная общественная почва въ Россіи. Этотъ вопросъ озабочиваетъ и правительство, и плодомъ этой заботы явились Земскія учрежденія.... Мы имѣемъ здѣсь въ виду духовную и умственную жизнь мѣстнаго областнаго общества. Для того, чтобъ эта жизнь сдѣлалась производительною, необходимо дать ей просторъ, необходимо, чтобъ она чувствовала себя полноправною жизнью, свободно дышала, дѣйствовала и выражалась. Первое условіе жизненнаго простора — просторъ мнѣнія и слова. И потому, если этотъ просторъ нуженъ столичной общественной жизни, то едва-ли

еще не болѣе нуженъ онъ *теперь* провинціи, гдѣ въ переживаемую нами минуту дѣлается настоящее дѣло, гдѣ за дѣльнымъ словъ можетъ тотчасъ же идти его выполненіе, гдѣ теорія можетъ тотчасъ приложиться на практикѣ. Развитіе областной литературы, близкой къ грунту, стоящей у самаго корня, у самаго источника земской жизни, было бы не только чрезвычайно полезно Россіи въ настоящее время, но и совершенно необходимо. Оно отрезвило бы насъ, столичныхъ публицистовъ — большею частію чуждыхъ народной дѣйствительности и потому нерѣдко путающихъ рѣшеніе вопросовъ сужденіями поверхностными и отвлеченными; оно сообщило бы нашему столичному слову осторожность и вѣскость, представляя и готовую повѣрку областнаго опыта, и обиліе фактическихъ данныхъ; оно избавило бы провинціальное общество отъ столичнаго литературнаго деспотизма, — оно сдерживало бы въ уздѣ нашихъ отважныхъ на эксперименты столичныхъ теоретиковъ... При общемъ теперь провинціальномъ безмолвіи — раздается почти одиноко громкій голосъ столичныхъ публицистовъ, не останавливаемый возраженіями и безпрепятственно смущающій своимъ авторитетомъ непривычную къ слову провинцію. Нерѣдко отъ неумѣстнаго примѣненія нашихъ столичныхъ совѣтовъ провинція кряхтитъ, скрипитъ, ежится, иногда даже протестуетъ, но большею частью неловко и неуклюже, — стыдится огласки, боится безпощадныхъ насмѣшекъ столичнаго либерализма... Но пусть эта областная жизнь обрѣтетъ свободный языкъ; но вооружите провинцію словомъ, дайте возможность сказать свое мнѣніе *туземщинѣ* въ каждой мѣстности, и вы удивитесь—какъ много доселѣ неслыханнаго-*дѣльнаго* скажется въ нашей Русской литературѣ, неизбалованной дѣятельностью,—сколько полновѣсныхъ опытомъ и житейскою мудростью рѣчей раздается въ оглушительномъ хорѣ столичныхъ крикуновъ,—какъ много столичной лжи посрамится провинціальною правдой! Намъ кажется, что наше собственное сознаніе, какъ столичной газеты, въ этой пользѣ областной литературы имѣетъ уже само по себѣ нѣкоторое значеніе. Мы глубоко убѣждены, что въ настоящее время ни одинъ жизненный вопросъ для Россіи не можетъ быть обсужденъ надлежащимъ образомъ въ столичной литературѣ. Мы на каждомъ шагу чувствуемъ недо-

статокъ практическихъ указаній мѣстнаго опыта (а этотъ *мѣстный* опытъ совершается, эта *мѣстная* практика происходитъ—на пространствѣ цѣлой части свѣта!); мы на каждомъ шагу испытываемъ потребность слышать голосъ съ мѣста, прямо съ почвы, изъ среды самой жизни—не искусственной, не призрачной, а живой, органической, дѣйствительной, несомнѣнной, гдѣ сильно не слово, а дѣло, гдѣ самое дѣло творится—передъ всѣми во-очію. Нашей столичной атмосферѣ недостаетъ запаха нивъ и полей, хлѣба и лѣса, и всѣхъ могучихъ и освѣжительныхъ внушеній сельской жизни,—а вѣдь наша земская сила — едва-ли не вся въ селѣ!.. По крайней мѣрѣ, нигдѣ село не имѣетъ, не можетъ и не будетъ имѣть такого значенія, какъ въ Россіи, — нигдѣ ему не предстоитъ такой будущности... Въ этомъ отношеніи провинціальная литература, по своей близости къ селу, поставлена въ несравненно-выгоднѣйшія условія и могла бы оказать неизмѣримую услугу Русскому умственному развитію, если бы.... если бы она существовала!...

Пора,—пора положить конецъ нашему областному безмолвію. Пора подумать объ условіяхъ, стѣсняющихъ развитіе мѣстной литературы (а въ настоящее время—эти условія заключаются по преимуществу въ мѣстной провинціальной цензурѣ).... Повторимъ еще разъ: развитіе областной литературы необходимо для полноты развитія мѣстной областной жизни, а безъ развитія этой послѣдней—немыслимо правильное развитіе нашего земства, нашего общественнаго, внѣшняго и внутренняго строя.... Въ областной мѣстной жизни, въ земствѣ — наша сила....

Отношеніе между школой и жизнью въ Россіи.

Москва, 2-го мая.

Нельзя не подивиться тому равнодушію, съ которымъ до сихъ поръ наше общество относится къ вопросу о *воспитаніи*. Дѣло идетъ вовсе не о бифуркаціи гимназій, не объ усиленіи преподаванія древнихъ языковъ, или, наоборотъ, такъ называемыхъ наукъ реальныхъ, ни о той или другой систе-

мѣ начиненія дѣтскихъ или молодыхъ головъ положительными знаніями, — но о тѣхъ нравственныхъ результатахъ нашего публичнаго воспитанія, которые у всѣхъ передъ глазами. Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе тѣхъ нашихъ публицистовъ, которые, въ недавней журнальной полемикѣ, явились такими упорными защитниками классическаго образованія, но мы не можемъ, однако же, видѣть въ Латинскомъ и Греческомъ языкахъ панацею отъ всѣхъ золъ, разъѣдающихъ молодыя силы нашего общества. Впрочемъ, мы далеки отъ мысли, чтобы виною этихъ золъ была одна школа, такъ какъ и вообще воспитаніе, въ обширномъ смыслѣ, не ограничивается тѣсными предѣлами школы. Семья, домъ, общество, жизнь, — участвуютъ въ воспитаніи человѣка едва ли не болѣе, чѣмъ собственно ученіе школьное. Тѣмъ не менѣе, однако, значеніе школьнаго ученія громадно, потому что оно имѣетъ дѣло преимущественно съ духовною *индивидуальностью* человѣка, — не съ общею бытовою или семейною стороною его, а съ его самостью, если можно такъ выразиться: цѣль школы — возбуждать *личное* самосознаніе въ человѣкѣ, *личную* духовную самодѣятельность, — чего собственно ни семья, ни общество въ виду не имѣютъ (*ученье* дома, въ предѣлахъ семьи, есть та же школа, не о немъ мы и говоримъ): семьею и обществомъ человѣкъ воспитывается какъ членъ семьи или общества вообще, а не какъ духовно-опредѣленная личность, которая, напротивъ, поглощается ими — въ принципѣ. Школьное же ученіе призвано дѣйствовать непосредственно на личные дары юноши, развиваетъ ихъ, изощряетъ его личныя духовныя орудія, вооружаетъ его личнымъ мышленіемъ и знаніемъ; оно приготовляетъ его къ жизненной дѣятельности, даетъ ей направленіе и опредѣляетъ почти всегда его послѣдующее отношеніе къ жизни и обществу.—Взаимное отношеніе школы къ жизни, къ себѣ, къ обществу, т. е. къ началамъ семейнаго и общественнаго быта, и вообще къ жизненнымъ началамъ родной страны, — вотъ въ чемъ, кажется намъ, заключается главная сущность современнаго Русскаго вопроса о воспитаніи.

Если школа съ жизнью, т. е., повторяемъ, съ основами предшествующаго школѣ и послѣдующаго за школою воспитанія — *въ разладѣ*, то отъ такого школьнаго ученія едва-ли

можно ожидать пользы; если уровень ученія слишкомъ высокъ сравнительно съ общею цивилизаціею края, то если подобное ученіе не всегда бываетъ безусловно вредно, за то не бываетъ и плодотворно. «Какъ,—воскликнетъ фаланга нашихъ борзыхъ молодыхъ педагоговъ, цѣлыми сотнями сфабрикованныхъ въ послѣднее время,—какъ? Неужели школа должна принижать свой уровень до степени всеобщаго невѣжества, въ которомъ коснѣетъ большинство нашего отечества? Пусть вносится разладъ въ жизнь, благодаря школѣ! должны ли мы скрывать истину подъ спудомъ, для того, чтобъ сообразоваться съ какими-то нравственными, духовными, бытовыми основами, которыя современная наука признаетъ ложными?» и пр. и пр. и пр. въ такомъ же родѣ. Этотъ вопросъ заслуживаетъ отвѣта. Мы не станемъ покуда спорить о томъ, что̀ хорошо и что̀ дурно само по себѣ, а мы укажемъ на положительные результаты. Результаты же свидѣтельствуютъ, что несоотвѣтстенность школьнаго уровня съ общимъ уровнемъ цивилизаціи, какъ и несогласіе просвѣтительныхъ началъ, принятыхъ въ школѣ, съ началами дѣйствующими въ быту семейномъ и общественномъ — не даютъ крѣпкихъ и сочныхъ плодовъ, не водворяютъ ни прочнаго знанія, ни самостоятельнаго творчества въ наукѣ. Для поясненія мысли необходимо прибѣгнуть иногда къ ея каррикатурному выраженію. Представьте себѣ, что вдругъ въ средѣ Готтентотовъ, старшина одного изъ племенъ пошлетъ нѣсколькихъ Готтентотовъ въ Гейдельбергскій университетъ научиться Европейскимъ премудростямъ, — и юные Готтентоты, послѣ трехъ-четырехъ лѣтъ изученія Римскаго права и философіи,—чему, конечно, не могли помѣшать ни ихъ устройство черепа, ни толщина губъ, — возвратившись въ Африку, учреждаютъ прямо (чего тутъ долго думать!) ни больше, ни меньше какъ академію или университетъ. Выписываютъ они профессоровъ изъ Гейдельберга, пожалуй изъ Іены и изъ Геттингена, и вотъ рекомендуются Европѣ и нашимъ бойкимъ педагогамъ — страною просвѣщеннаго прогресса, разомъ хлебнувшею всѣхъ ядовъ научной лабораторіи, проглотившею разомъ всѣ самые послѣдніе готовые результаты науки. Мы спрашиваемъ педагоговъ: ожидаютъ ли они какой пользы для Готтентотскаго племени, остающагося вполнѣ Готтентотскимъ, отъ того, что оно

обзавелось университетомъ? Думаютъ ли они, что Готтентотскій желудокъ, очень объемистый впрочемъ, переваритъ себѣ на здоровье этотъ пріемъ всѣхъ «послѣднихъ крайнихъ выводовъ» Западной науки? Полагаютъ ли они по крайней мѣрѣ, что Готтентоты насадятъ такимъ образомъ въ своей странѣ прочное просвѣщеніе и создадутъ разомъ ту самодѣятельность, которая должна обогатить сокровищницу общечеловѣческаго знанія своими собственными вкладами? Педагоги наши, конечно, на всѣ эти вопросы отвѣтятъ отрицательно. А между тѣмъ, смѣемъ ихъ увѣрить, Готтентотскій университетъ будетъ, конечно, самый передовой изъ передовыхъ: ему не съ чѣмъ будетъ разставаться въ области знанія, ни съ чѣмъ старымъ завѣтнымъ, какъ какому-нибудь тамъ Гумбольдту, Гримму, Шеллингу и другимъ Нѣмецкимъ профессорамъ; у него не будетъ никакого груза преданій, тысячелѣтнихъ думъ и тысячелѣтнихъ чувствъ, которыя бы мѣшали ему заскакать борзо и лихо впередъ... Сербія, тотчасъ послѣ освобожденія ея изъ-подъ Турецкаго ига доблестью ея благородныхъ свинопасовъ, послала нѣкоторыхъ изъ своихъ дѣтей, оторвавъ ихъ отъ родительскихъ пажитей, гдѣ они пасли родительскія стада, въ Берлинъ—къ Гегелю. Мы видѣли нѣкоторыхъ изъ этихъ Сербовъ, слушавшихъ Гегеля и возвратившихся потомъ на родину, и смѣемъ увѣрить читателей, что никакъ не могли признать въ нихъ учениковъ великаго философа: четырехсотлѣтняя кровавая школа исторіи съ своими преданіями, задоръ еще продолжающейся борьбы съ Турками и положенія о бытіи, равняющемся небытію и тому подобныя—все это вмѣстѣ произвело такой сумбуръ въ головахъ доблестныхъ Сербскихъ пастуховъ, что сдѣлало ихъ не только безполезными, но даже скорѣе вредными для ихъ родины.

«Если школьное ученіе», говоритъ Хомяковъ въ своей статьѣ о воспитаніи въ Россіи, напечатанной въ 1 № «Дня» 1864 года... (Кстати: намъ кажется, что эта замѣчательная статья до сихъ поръ не оцѣнена по достоинству, или уже вышла изъ памяти, замѣчательно слабой, большинства нашей читающей публики: право, кажется, что у насъ можно чуть ли не каждую статью перепечатывать періодически года черезъ два, или даже меньше, и предлагать ее публикѣ почти какъ новую). И такъ, «если школьное ученіе, говоритъ онъ,

находится въ прямой противоположности съ предшествующимъ и такъ-сказать приготовительнымъ воспитаніемъ, оно не можетъ приносить полной ожидаемой отъ него пользы: отчасти оно даже дѣлается вреднымъ. Вся душа человѣка, его мысли, его чувства раздвояются; исчезаетъ всякая внутренняя цѣльность, всякая цѣльность жизненная. Обезсиленный умъ не даетъ плода въ знаніи; убитое чувство глохнетъ, засыхаетъ. Человѣкъ отрывается такъ-сказать отъ почвы, на которой выросъ и *становится пришельцемъ на своей собственной землѣ*. Таково было дѣйствіе переворота, совершеннаго Петромъ Первымъ. Ошибка извиняется, можетъ быть, многими обстоятельствами его времени, но повторять такую ошибку безпрестанно было бы непростительно». А между тѣмъ она-то и повторяется въ нашей жизни безпрестанно и на каждомъ шагу. Тотъ же Петровскій переворотъ, какъ солнце въ малой каплѣ водъ, отражается и на каждомъ человѣкѣ изъ народа, пріобщающемся къ нашей цивилизаціи, поступающемъ въ наши школы. Вообразите себѣ крестьянина, купца, еще вѣрнаго нравственнымъ и духовнымъ началамъ Русскаго быта: чѣмъ заявляетъ себя для нихъ воспитаніе школы, когда необходимость заставляетъ ихъ отдать своихъ дѣтей — въ мужскую гимназію или женскій пансіонъ? Какимъ-то паденіемъ, какою-то порчею нравственной. Крѣпость быта растлѣна легкомысленнымъ своеволіемъ: нравственныя правила замѣщены вкусами; страсти вознесены и поставлены выше нравственнаго долга; обычаи всего народа въ презрѣніи; разумъ народный не уважается и долженъ уступить мѣсто личному своемыслію; знаніе жизни,— не въ смыслѣ личнаго опыта, а въ смыслѣ многовѣковаго общаго опыта, переходящаго естественно и свободно отъ одного поколѣнія къ другому,—непосредственное чувство дѣятельности—все это замѣняется какимъ-то непониманіемъ жизни, отвлеченнымъ или мечтательнымъ къ ней отношеніемъ. Однимъ словомъ, наше воспитаніе не укрѣпляетъ, а разслабляетъ и такъ разнитъ людей съ ихъ прежнимъ бытомъ, что дѣти крестьянъ и даже купцовъ дѣлаются почти непригодными къ дѣятельности въ той средѣ, къ которой принадлежатъ по рожденію: *міръ*-народъ имъ чуждъ; они уже не *его*. Крестьянинъ, учившійся въ нашихъ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ, перестаетъ быть крестьяниномъ: онъ является въ

глазахъ своихъ односельчанъ и вообще простаго народа—*бариномъ, чиновникомъ* (и дѣйствительно онъ вѣдь получаетъ чинъ), *господиномъ, ненашимъ,* такимъ, однимъ словомъ, которому позволительно и не соблюдать *Русскаго* обычая,—котораго они считаютъ принадлежащимъ болѣе къ сферѣ оффиціальной... И они правы; дѣло не въ обычаяхъ только, не въ разницѣ быта, обусловливаемой образованіемъ, не въ преимуществѣ положительныхъ знаній, а въ томъ, что самыя просвѣтительныя начала, лежащія въ основаніи нашего школьнаго ученія, независимо отъ положительныхъ знаній, находятся во внутреннемъ противорѣчіи съ тѣми началами, подъ воздѣйствіемъ которыхъ сложился и развился Русскій народъ. За примѣрами ходить недалеко, да и нѣтъ надобности. Они у всѣхъ на виду и у всѣхъ въ памяти. Если разладъ, вносимый воспитаніемъ въ жизнь, не ощущается въ такой степени въ дворянской средѣ, и вообще въ высшихъ образованныхъ классахъ, то это потому, что они сами уже давно состоятъ въ разрывѣ съ своею народностью, уже давно перешли на *сю* сторону; но спросите тѣхъ, которые еще стоятъ на томъ берегу, хотя бы купечество въ большей части его представителей,—довольно ли оно воспитаніемъ своихъ дѣтей? Отвѣчаетъ ли воспитаніе потребностямъ ихъ быта и нравственнымъ запросамъ? Не замѣчается ли, по большей части, благодаря школѣ,—нѣкотораго нравственнаго паденія въ преемственности поколѣній,—въ купеческомъ званіи?—Умъ-самородокъ, крѣпкій характеръ, энергическая воля купца, вышедшаго нерѣдко изъ крестьянъ и создавшаго себѣ состояніе неутомимымъ трудомъ и предпріимчивостью,—чѣмъ сказываются эти свойства въ его *сынѣ*? Казалось — тутъ-то бы и быть прогрессу, и сынъ явитъ въ себѣ второй экземпляръ отца, только усовершенствованный образованіемъ?.. Ничуть не бывало. Вмѣстѣ съ возвышеніемъ уровня образованности въ сынѣ, сравнительно съ таковымъ же уровнемъ въ отцѣ, падаетъ большею частію уровень нравственный и духовный. Мы не довольно знаемъ Англію и ея внутренній бытъ, но полагаемъ, что сыновья Англійскихъ богатыхъ купцовъ представляютъ совершенно обратное, сравнительно съ нашимъ, движеніе прогресса, а получаютъ образованіе, конечно, лучшее и даже вѣроятно не чужды знанія и древнихъ языковъ. Разумѣется, есть исключенія и у насъ, но

замѣтимъ кстати, что купеческое воспитаніе отражается у насъ отчасти и на количествѣ и на качествѣ капиталовъ: если бы не прибывало въ нашу купеческую среду людей изъ народа, создающихъ капиталы почти безъ помощи образованія, то у насъ капиталы скоро бы разлетѣлись, ибо наше современное школьное воспитаніе порождаетъ людей не столько способныхъ къ созданію, сколько къ расточенію капиталовъ.

Но не одни купцы жалуются на современное общественное воспитаніе. Есть много лицъ изъ дворянской среды, много помѣщиковъ и вообще изъ людей образованныхъ классовъ, которые, не смотря на свое образованіе, остались вѣрны духовнымъ и нравственнымъ началамъ Русской земли и большинства Русскаго народа, и которые со страхомъ помышляютъ о необходимости отдать своихъ дѣтей въ публичную школу, повести ихъ по всей оффиціальной лѣстницѣ нашего общественнаго воспитанія. Многіе родители, помѣщая дѣтей въ гимназію, особенно же тѣ, которыхъ постоянное мѣстожительство отдалено отъ этихъ центровъ просвѣщенія далекими пространствами и которые потому лишены возможности наблюдать надъ развитіемъ своихъ дѣтей,—разстаются съ своими дѣтьми почти такъ, какъ крестьяне съ мужикомъ, сдаваемымъ въ рекруты, или какъ будто бы отпуская ихъ въ далекое мореплаваніе. Что-то выйдетъ изъ сына? Не насмѣется ли онъ надъ родителями, вернувшись домой? Сохранится ли связь его съ роднымъ кровомъ, съ роднымъ бытомъ, преданіями,—съ церковью, наконецъ? Надъ этими тайными муками родителей жестоко издѣвались и издѣваются наши веселые прогрессисты; но тутъ нѣтъ ничего смѣшнаго; только въ такомъ безкорненномъ обществѣ, какъ наше, могутъ казаться смѣшными такія родительскія опасенія (основательны ли они или неосновательны— это все равно); только у насъ родители стыдятся и робѣютъ произносить вслухъ свои сѣтованія. Въ настоящее время почти каждый, кончающій курсъ въ общественномъ заведеніи, выходитъ оттуда сильно тронутый такъ-называемымъ матеріализмомъ. Мы не станемъ пускаться въ споръ о томъ, добродѣтель ли матеріализмъ или порокъ, но во всякомъ случаѣ это такой нравственный и духовный строй, который отрицаетъ всѣ нравственныя и духовныя основы Русскаго народа, который противорѣчитъ всѣмъ жизненнымъ началамъ общества;

слѣдовательно родители и вообще общество въ правѣ и не желать, чтобы дѣти ихъ получали непремѣнно такое направленіе и непремѣнно, *волей-неволей*, становились такъ-называемыми нигилистами: это уже не согласно и съ началомъ свободы.

И такъ, отношеніе между школою и жизнью составляетъ главную задачу въ вопросѣ общественнаго воспитанія. Оно выражается, во-первыхъ, въ соотвѣтствіи уровня школьнаго ученія съ общимъ уровнемъ цивилизаціи, и въ соотношеніи школьнаго ученія съ общими жизненными началами общества. Мы вовсе не предлагаемъ этихъ положеній въ видѣ мѣры, которую можно сейчасъ искусственно и насильственно привести въ исполненіе, но мы указываемъ только на условія, при которыхъ школьное ученіе можетъ быть вполнѣ плодотворно. Къ чему приводитъ разладъ духовный и нравственный, вносимый школою, разладъ, при которомъ все существо человѣка раздвояется, «исчезаетъ всякая внутренняя цѣльнос, всякая цѣльность жизненная, обезсиленный умъ не даетъ плода въ знаніи, убитое чувство глохнетъ и засыхаетъ, и человѣкъ, оторванный отъ почвы, становится пришельцемъ на своей собственной землѣ», мы уже показали выше. Что же касается до соотвѣтствія школьнаго ученія съ общимъ уровнемъ образованности въ странѣ, то конечно можно и среди Готтентотовъ устроить блестящую школу, можно гордиться высокимъ уровнемъ науки въ заведеніяхъ созданныхъ, но проку отъ того будетъ немного. Для плодотворности посѣвовъ высшей науки нужна приготовленная, уже нѣсколько воздѣланная исторіею почва, нуженъ преемственный духовный подвигъ цѣлыхъ поколѣній, нужны преданія умственнаго труда, умственной жизни. Безъ такого историческаго удобренія едва-ли дадутъ годный плодъ насажденія высшаго знанія и науки: это нравственная истина. Нельзя забыть горькой насмѣшки Ломоносова, который, видя, какъ выписывали въ Русскую академію Европейскихъ ученыхъ и иронически любуясь ея заемнымъ блескомъ, выразился такъ: «диво, что и студентовъ изъ-за моря не выписываютъ!» То-то бы цвѣла наука въ Русской землѣ!...

Но какъ же сдѣлать, чтобъ школьное воспитаніе отвѣчало этимъ условіямъ? *Сдѣлать* этого нельзя, да и ни въ какой

странѣ, гдѣ просвѣщеніе развивалось свободно, самостоятельно, органически, нѣтъ о томъ и вопроса! Это дѣлается само собою, естественнымъ образомъ; школа тамъ есть продуктъ самой жизни; школа подвигаетъ за собою жизнь,—жизнь толкаетъ школу. И разлада между ними нѣтъ, какъ бы высоко ни стояло образованіе, куда бы ни заходила личная свобода знанія. Не очень давно, нѣкоторые Петербургскіе публицисты клеймили насмѣшками Англію за деспотизмъ ея общественнаго мнѣнія, за консервативный, вялый, не довольно прогрессивный характеръ ея школы. Наши прогрессисты могутъ гордиться тѣмъ, что программа нашей школы—опередила Англію, что мы пошли дальше ея, а Англія плетется чуть-ли не позади насъ! Она, эта бѣдная Англія, трусить своего общества и никакъ не смѣетъ порвать связи со всѣми его жизненными началами; она вынуждена чиниться и церемониться съ своими преданіями, съ своей исторіей и со всѣми возможными общественными предразсудками. То ли дѣло мы! мы вотъ такъ не чинимся. Странно только что доблестныхъ мужей, подобныхъ Англійскимъ, не поставляетъ наше общество, и что Англія все-таки стоитъ впереди насъ во многихъ отношеніяхъ, даже въ дѣлѣ положительныхъ открытій науки и знанія, а мы, по выраженію Хомякова, не изобрѣли еще и мышеловки,—а впрочемъ наша школьная программа несравненно прогрессивнѣе!

Да, въ Англіи и въ другихъ Европейскихъ странахъ не возникаетъ и вопроса объ устройствѣ правильныхъ отношеній школы къ жизни. Но у насъ этотъ вопросъ существуетъ и напрашивается самъ собою. Мало того: такъ какъ воспитаніе у насъ не есть дѣло общества, то можно всегда ожидать, что благонамѣренное вѣдомство, во власти котораго находится наше общественное воспитаніе, силою своей власти, приметъ тотчасъ всѣ надлежащія мѣры къ установленію требуемаго согласія между школой и жизнью. Этого не только можно ожидать, но можно даже и бояться въ извѣстномъ смыслѣ, потому что искусственность и насиліе въ этомъ дѣлѣ ничего не принесутъ, кромѣ вреда. Какъ невозможно было бы и даже несообразно ни съ чѣмъ — умышленно и сознательно понижать уровень школьнаго ученія, послѣ того, какъ онъ былъ поднятъ такъ высоко, — такъ было бы совершенно безполезно и даже вредно, силою начальственныхъ распоряженій

и предписаній, пересоздавать науку на новыхъ началахъ и приводить ее въ гармонію съ жизнью по командѣ, внѣшними средствами: отъ этого терпятъ или наука, какъ было при прежнихъ системахъ, или же жизнь народная, какъ видимъ это при новѣйшихъ системахъ (вспомнимъ споръ Кіевскаго духовенства съ Кіевскимъ учебнымъ округомъ о народныхъ школахъ)...

Какой же выходъ изъ этого положенія? Мы не видимъ пока другаго выхода, какъ *полной свободы обученія:* тогда образуются школы не казенныя, а частныя, общественныя, соотвѣтственныя потребностямъ общества; тогда каждая среда создастъ сама себѣ школы, ей нужныя. Два года тому назадъ, Московскіе купцы хотѣли основать свою независимую школу, подъ наблюденіемъ священника. Ихъ закидали грязью за эту мысль нѣкоторые публицисты и учителя гимназіи—и попытка не удалась. Жаль: хороша или дурна была бы эта школа съ точки зрѣнія абсолютной, но она была бы такая, какая нужна имъ, купцамъ, а это самое главное. Но для того, чтобъ свобода обученія принесла свои плоды, необходимо, скажемъ въ заключеніе словами Хомякова, чисто семейному воспитанію возвратить права, которыхъ оно теперь лишено. «Ставить замкнутыя и привилегированныя школы вдали отъ центровъ Русскаго народонаселенія есть ошибка; обращать воспитаніе юношей въ какую-то тайну для ихъ семей, есть дѣло неразумное; награждать преміями и привилегіями воспитанниковъ, которые выросли на счетъ правительства и лишать всѣхъ выгодъ и правъ тѣхъ, которые воспитаны на счетъ своей семьи и не стоили никакихъ издержекъ государству, было бы противно здравому смыслу вездѣ, а въ землѣ Русской это было бы прямымъ извращеніемъ ея коренныхъ началъ».

О штатсъ-воспитаніи въ Россіи.

Москва, 16-го мая.

Мы обращаемся опять къ вопросу о воспитаніи. Мы уже объяснили прежде, какую важность придаемъ мы этому вопросу въ современной Русской дѣйствительности, — какъ

желали бы мы сосредоточить на немъ вниманіе нашего общества. Именно общества, а не правительства: правительство не только не нуждается въ нашихъ напоминаніяхъ, но оно одно покуда и завѣдываетъ нашимъ такъ-называемымъ общественнымъ воспитаніемъ, оно лежитъ на немъ всей тяжестью своего мощнаго вниманія, исправляя въ этомъ случаѣ, какъ и во множествѣ другихъ, должность самого общества. Говоримъ это не въ порицаніе обществу, но какъ несомнѣнный и все же прискорбный фактъ. Чего именно недостаетъ нашему «общественному» или, правильнѣе говоря, публичному воспитанію — это общественнаго элемента, общественнаго значенія, участія и контроля. Всѣ заботы о воспитаніи, къ сожалѣнію, лежатъ у насъ на одномъ правительствѣ и конечно составляютъ не малое для него бремя. Такъ сложилась исторія, — но такъ не можетъ продолжаться всегда. Общество обязано снять съ правительства это бремя или, по крайней мѣрѣ, раздѣлить его съ нимъ.

Область государства есть область внѣшняго, — способы и средства его также внѣшніе; его задача — внѣшняя правда и благоустройство. Оно можетъ требовать отъ человѣка покорности, строгаго соблюденія законовъ, но не можетъ требовать отъ него, чтобъ онъ имѣлъ такія-то и такія убѣжденія, чтобъ духъ его горѣлъ именно такимъ, а не другимъ пламенемъ, въ такую-то мѣру и на столько градусовъ жара. Это, вѣроятно, было бы для государства очень желательно, но къ сожалѣнію невозможно. Государству дѣло только до *поступка* человѣка, до его внѣшняго дѣйствованія, — но нѣтъ никакого дѣла ни до его души, ни до его мысли. Оно можетъ предписывать, напримѣръ, своимъ подданнымъ не драться, платить деньги по займамъ, но не можетъ приказывать имъ *любить* и *прощать* другъ друга (чего и Христосъ не *приказывалъ*, что̀ онъ только заповѣдывалъ). Государство не апостолъ и не миссіонеръ, не учитель, не теоретикъ, не начальникъ доктрины, — но судья, воинъ, блюститель порядка и внѣшняго благочинія. Его эмблема—мечъ, его сфера—принужденіе, а не убѣжденіе; его призваніе—ограждать внутреннюю свободу развитія человѣческаго общества отъ всякихъ на нее покушеній извнѣ. Государство есть то же, что̀ внѣшній органическій покровъ на живомъ организмѣ, но не есть самый организмъ; не въ го-

сударственномъ элементѣ заключается органическое творчество жизни. Все это — такая азбука, все это, кажется, такъ извѣстно, что истинно совѣстно повторять; однако же, понятія эти все еще не въѣлись въ кровь и плоть нашего общества, не достигли еще степени жизненной силы въ нашемъ общественномъ сознаніи, и потому никакое разъясненіе ихъ не должно считаться излишнимъ.— Съ этой, поставленной нами точки зрѣнія на государство, общественное воспитаніе, какъ воспитаніе, не можетъ составлять призваніе правительства. Т. е. государственная сила можетъ устранять внѣшнія помѣхи для воспитанія, способствовать дѣлу внѣшнимъ образомъ, давать пособія, матеріальныя средства,— но не можетъ *воспитывать* человѣка, т. е. просвѣщать его мысль и совѣсть, наполнять его душу любовью къ Богу и ближнимъ, зажигать сердце его жаждою добра и правды, окрылять духъ его въ пареніи къ высшему идеалу, и т. д., и т. д. Въ эту внутреннюю область личности человѣческой уже не могутъ досягать никакія орудія государственной силы,— точно такъ же, какъ вся мощь государственная, со всѣмъ ея грознымъ снарядомъ, невластна, напримѣръ, извратить законы логики, дать направленіе наукѣ, измѣнить цифры, приказать быть или не быть историческому факту, создать талантъ, вложить въ человѣка силу творческаго генія.—Но, скажутъ намъ, воспитываетъ не государство, а люди, назначенные государствомъ. Это конечно такъ, да иначе и быть не можетъ. Но если они воспитываютъ потому только, что назначены государствомъ, по программѣ и по видамъ, указаннымъ государственной властью, а не въ силу личнаго, искренняго, свободнаго и самостоятельнаго убѣжденія, то на дѣлѣ и въ результатахъ выходитъ, что обязанность воспитанія все же приняло на себя государство, какъ государство, а не то или другое лицо,— что оно, само государство, является «воспитателемъ» юношества. А такъ какъ мы уже выше показали, что область духа не есть область государства, и что послѣднее по самому существу своему не можетъ досягать до внутренняго человѣка, то и дѣятельность государства относительно воспитанія должна по необходимости ограничиваться одною внѣшнею, механическою стороною, или давать результаты чисто отрицательные. Объяснимъ это подробнѣе:

Не будучи ни миссіонеромъ, ни учителемъ, государство, или, ближе къ дѣлу, чиновникъ, дѣйствующій какъ власть, направленная на общественное воспитаніе, можетъ стать къ области человѣческой мысли и знанія, къ области науки и искусства—въ отношеніе только формальное. Онъ справляется, напримѣръ, о ходѣ наукъ и искусствъ въ Европѣ, и по справкѣ оказывается, что науки обстоятъ въ такомъ-то видѣ и ихъ послѣдніе выводы такіе-то; искусства также дали такіе-то результаты.—Кто производитель, или кто мастера этихъ дѣлъ?— Такіе-то ученые.— Гдѣ записано это производство и излагаются послѣднія системы наукъ?—Въ такихъ-то книжкахъ.— По всѣмъ частямъ?— По всѣмъ.— Прекрасно. Берутся послѣднія, «самыя лучшія», первосортныя системы по всѣмъ отраслямъ знанія, кладутся на фундаментъ государственныхъ основныхъ принциповъ, патентуются одобреніемъ власти, обдѣлываются въ формѣ казенныхъ учебниковъ, — и воздвигается зданіе общественнаго или, правильнѣе, государственнаго, т. е. казеннаго воспитанія. Что выходитъ изъ этого? То, что слово науки кристаллизируется, такъ-сказать, лишается внутренней свободы и живости: оно уже зашнуровано, занумеровано, патентовано, оно не можетъ двигаться иначе, какъ въ опредѣленной, апробованной формѣ. Наука переходитъ разные фазисы въ своемъ развитіи; для нея настаетъ иногда періодъ совершеннѣйшаго отрицанія всѣхъ ея прежнихъ выводовъ: это отрицаніе пройдетъ, но оно необходимо, какъ логическій моментъ развитія, какъ повѣрка, какъ анализъ, очищающій ее отъ лжи; было бы въ высшей степени неблагоразумно останавливать ее въ этомъ фазисѣ рукою власти. Положимъ, напримѣръ, что по справкѣ, наведенной государствомъ, оказывается, что послѣдній выводъ науки, гдѣ-то тамъ, за границей, именно таковъ,—т. е. отрицаніе. Государство, съ примѣрнымъ безпристрастіемъ, истекающимъ изъ искренняго уваженія къ наукѣ, выписываетъ этотъ выводъ къ себѣ и согласно съ нимъ, т. е. «согласно съ новѣйшими требованіями времени», преобразовываетъ у себя всю систему школьнаго публичнаго ученія. Такимъ образомъ, мимопреходящее какъ бы приковывается къ мѣсту, легкое, измѣнчивое становится тяжелымъ и твердымъ подъ тяжеловѣсною рукою правительства; мода упрочивается, превращается въ непреложный законъ,

и государство нерѣдко даетъ санкцію своего могущественнаго авторитета такой теоріи или доктринѣ, которая тамъ, у себя дома, на родинѣ, успѣла уже разрушиться или оказаться несостоятельной, прежде чѣмъ достигла предѣловъ новаго своего отечества, прежде чѣмъ облеклась въ оффиціальное званіе, дарованное ей государствомъ. Государство, по самой натурѣ своей, осуждено дѣйствовать такимъ способомъ и иначе дѣйствовать не можетъ. Жизнь науки не въ немъ, не въ самомъ институтѣ государственномъ, а внѣ его; государство имѣетъ дѣло не съ внутреннею органическою силою науки, а съ ея внѣшнимъ проявленіемъ въ данныхъ условіяхъ мѣста и времени; оно не можетъ видоизмѣняться ежеминутно и волнообразно, какъ живая мысль; его учрежденія прочны и долговѣчны. Кромѣ того, такъ какъ дѣйствія государства, исходящія отъ него и его именемъ, непремѣнно должны быть сообразены съ цѣлью и видами государства, то въ этомъ отношеніи правительство, патентуя ту или другую научную теорію, рискуетъ стать въ самое фальшивое положеніе. Тамъ, гдѣ власть получила исключительное развитіе и замѣняетъ собою всѣ отправленія общественной жизни, ея дѣйствія не могутъ имѣть характера безразличнаго: если чего она не преслѣдуетъ, то, стало-быть, ограждается въ своемъ существованіи ея силою, тому она «покровительствуетъ», и въ какую бы область она ни вмѣшалась, этотъ характеръ отъ нея неотъемлемъ. Если государственная мощь открываетъ у себя настежь двери, напримѣръ, отрицанію, то подвластный этой мощи и сильно ее чувствующій народъ—сочтетъ непремѣнно такое допущеніе отрицанія за *покровительство*.

Такимъ образомъ, государственная власть, какъ власть, безсильна насадить самую жизнь науки. а можетъ только развѣ перенесть въ свои предѣлы извнѣ — разныя знанія. Но и самыя знанія, механически перенесенныя, почти всегда безплодны, не производительны, точно такъ, какъ шкапъ съ книгами самъ по себѣ не больше какъ вещь, мебель. Можно, напримѣръ, властію правительственной сосредоточить въ юношескихъ головахъ, въ каждой, такую массу свѣдѣній, какой не вмѣщаетъ въ себѣ ни одна отдѣльная голова ни въ Германіи или Англіи, а между тѣмъ и Германія, и Англія страны, безъ сомнѣнія, образованныя и несравненно образованнѣйшія.

чѣмъ Россія. Масса свѣдѣній, механически сложенныхъ въ головѣ, безъ органической живой связи, безъ внутренней дѣятельности духа, не *пользуетъ ничесоже,* а малое знаніе живое, не формальное, но вошедшее въ духовную плоть и кровь человѣка, пользуетъ.

Точно такъ и въ другой области воспитанія, чисто-нравственной. Здѣсь старанія государства даютъ и результаты чисто-отрицательные. Нравственная проповѣдь, исходящая отъ начальства — формальное, оффиціальное благонравіе, требуемое властью—могутъ породить въ свободномъ духѣ юноши реакцію совершенно въ противоположномъ смыслѣ: онъ поддался бы можетъ быть вполнѣ искреннему слову убѣжденія; но какъ скоро требованія, простирающіяся на его совѣсть, на «святая святыхъ» человѣка, носятъ формальный характеръ и предъявляются властью, то они кажутся юношѣ нерѣдко какимъ-то посягательствомъ на свободу его духа и возбуждаютъ въ немъ страстную жажду противорѣчія, не всегда выгодную для пользъ государственныхъ. Бываетъ и такъ, что молодой человѣкъ совершенно покорно жертвуетъ свободою совѣсти и безпрекословно подходитъ подъ мѣрку оффиціальной нравственности; другими словами, воспринимаетъ въ свою душу весь оффиціальный нравственный катихизисъ. Но такое воспринятіе, дѣлая его конечно благонравнымъ въ смыслѣ внѣшнемъ, не даетъ ему никакихъ нравственныхъ силъ, или, вѣрнѣе, поражаетъ безсиліемъ тѣ самостоятельныя, свободныя, нравственныя силы духа, которыя отпускаются въ удѣлъ каждому человѣку. А человѣкъ обезсиленный такимъ образомъ — непроизводителенъ въ нравственномъ смыслѣ, безполезенъ и государству и обществу.

Изъ всего этого можно сдѣлать слѣдующій выводъ:

Государство, принимая на себя обязанность *воспитателя* юношества, усиливаясь воспитать умъ и душу молодаго поколѣнія, приходитъ къ результатамъ—совершенно противоположнымъ *истиннымъ* выгодамъ государства.

Оно производитъ людей механически обученныхъ, съ знаніемъ безплоднымъ и всегда недостаточнымъ: область знанія непрерывно расширяется, а механически обученный нынче, уже не годится на завтра, потому что въ его знаніи нѣтъ внутренняго самороста, живой органической силы. Оттого, между

прочимъ, нашей Россіи такъ трудно поспѣвать за реформами во всѣхъ сферахъ, даже технической. Нынче, напримѣръ, мы узнаемъ о новыхъ системахъ кораблестроенія; посылаемъ людей за границу, которые легко и быстро перенимаютъ эту систему, и на основаніи ея передѣлываемъ весь нашъ флотъ; а тамъ, между тѣмъ, за границей, явилось уже нѣсколько новыхъ системъ, совершенно уничтожающихъ только-что перенятую нами,—перенятую съ тѣмъ благоговѣніемъ, съ какимъ студентъ относится «къ послѣднему слову науки».

Оно (т. е. государство), въ отношеніи нравственномъ, порождаетъ: или людей совершенно отрицающихъ нравственность, излюбленную и рекомендованную правительствомъ, — или же людей казенно-нравственныхъ, но лишенныхъ всякаго нравственнаго дѣятельнаго начала, отрицательно добродѣтельныхъ, но не доблестныхъ, безъ производительной нравственной силы духа. Въ этомъ смыслѣ *чиновникъ* (разумѣя это слово въ его *типическомъ* значеніи, т. е. въ значеніи человѣка проникнутаго всецѣло, умомъ и совѣстью, принципомъ оффиціальнымъ, живущаго единственно для казеннаго интереса) и *нигилистъ*— суть оба плоды нашего государственнаго воспитанія.

Исторія воспитанія въ Россіи со временъ Петра есть исторія чисто-правительственной дѣятельности. Историческія обстоятельства сложились такъ, что правительство вынуждено было взять на себя ту обязанность, которая несвойственна натурѣ государственной власти. Государственная мощь предприняла громадную задачу: не отрекаясь отъ своего принципа, создать въ Россіи такое просвѣщеніе, такое образованіе не только мысли, но и духа, которое бы вполнѣ гармонировало съ незыблемыми основными началами государства и въ то же время давало бы всю ту пользу, какую имѣютъ отъ наукъ, и вообще отъ творческаго духа человѣка, прочія страны. Науки и искусства поступили на *службу*. Нельзя не придти въ изумленіе, говорили мы уже однажды, «предъ тѣми настойчивыми энергическими усиліями государства: создать во что бы ни стало— штатс-просвѣщеніе, штатс-науку, штатс-искусство, штатс-поэзію штатс-литературу, штатс-нравы, штатс-нравственность. Государство не щадило расходовъ на воспитаніе общества въ направленіи и духѣ соотвѣтствовавшихъ государственнымъ цѣлямъ. Конечно, ни одно общество въ мірѣ не стоило такихъ

издержекъ казнѣ, какъ Русское общество!» Плодомъ этихъ самоотверженныхъ, настойчивыхъ усилій—современное просвѣщеніе Россіи. Два главные типа выработаны нашимъ современнымъ просвѣщеніемъ и публичнымъ воспитаніемъ: чиновники и нигилисты... Первые, т. е. чиновники (разумѣемъ благонамѣренныхъ, такихъ, которые вполнѣ воплотили въ себѣ идеалъ чиновническій, вмѣстили въ себя все, что могло имъ дать добраго казенное воспитаніе), конечно оказали не малую пользу правительству; однако же само правительство въ наше время постоянно ищетъ дѣятелей *не* казенныхъ, въ средѣ не чиновной, такихъ, которые бы были воспитаны внѣ его вліянія, — требуетъ людей самостоятельно *убѣжденныхъ,* а не однихъ слѣпыхъ исполнителей... Нигилисты — это антиподъ чиновниковъ, противорѣчіе, чиновничествомъ же вызванное къ жизни: другой жизненной почвы нигилизмъ у насъ и не имѣетъ, какія бы ни принималъ формы, въ какую бы бюхнеровщину ни облекался. Онъ самъ по себѣ не имѣетъ содержанія, чуждъ всякой положительной, зиждущей силы; у него только одно значеніе — отрицанія, направленнаго преимущественно противъ всего того, что казенно въ какой бы то ни было области. Онъ весь—болѣзнь, но болѣзнь не самостоятельная, а созданная лѣкарствами. По этому-то нигилизмъ особенно преуспѣваетъ у насъ въ общественныхъ заведеніяхъ и слабъ въ воспитаніи домашнемъ.

Мы сказали въ послѣдній разъ, что наше общественное воспитаніе не укрѣпляетъ, а разслабляетъ, и какъ бы совершаетъ на каждомъ человѣкѣ изъ народа, пріобщающемся къ нашей цивилизаціи, поступающемъ въ наши школы, дѣйствіе Петровскаго переворота. Это дѣйствіе заключается въ томъ, что человѣкъ отрывается отъ почвы, на которой выросъ, и становится пришельцемъ на своей собственной землѣ. Мы замѣтили также, что простой народъ всѣхъ учившихся въ нашихъ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ—разумѣетъ *чиновниками,* принадлежащими уже не къ народу, не къ земству, а къ сферѣ *оффиціальной.* Онъ не совсѣмъ ошибается, если вспомнить, что у насъ нельзя почти получить образованіе иначе какъ пройдя «по всей оффиціальной лѣстницѣ общественнаго воспитанія», съ помощью оффиціальныхъ учебниковъ, по оффиціальной программѣ; что науки и искусства, изучаемыя и вос-

принимаемыя воспитанниками нашихъ общественныхъ училищъ, апробованы оффиціальною властью. Такимъ образомъ сотни тысячъ молодыхъ людей ежегодно, по понятіямъ народа, испытываютъ на себѣ, чрезъ оффиціальное воспитаніе, дѣйствіе Петровскаго переворота, отрываются отъ родной почвы въ обширномъ, нравственномъ смыслѣ этого слова, становятся пришельцами на своей собственной землѣ, переходятъ изъ земства, изъ народа, въ чиновниковъ, въ міръ оффиціальный, казенный, государственный. Можемъ ли мы послѣ того дивиться тому недовѣрію, которое имѣетъ народъ къ нашему воспитанію, тому нерасположенію, которое мы замѣчаемъ въ немъ къ нашимъ книгамъ *гражданской*, т. е. казенной печати, къ нашей свѣтской наукѣ?

Всякій, ревнующій о достоинствѣ государственной власти, долженъ желать, чтобы она не истощала даромъ своихъ усилій на выполненіе обязанностей, несвойственныхъ ея природѣ. Безъ малѣйшаго сомнѣнія, правительство желаетъ только блага и блага, но тамъ, гдѣ ему приходится дѣйствовать за общество или за церковь, оно, по самому существу своему, осуждено дѣйствовать внѣшними средствами въ области духовной, и слѣдовательно извращать, по неволѣ, самую природу духа,—что̀ отражается невыгодными послѣдствіями и для самаго государства. Общество и церковь, какъ мы сказали, должны облегчить это бремя, лежащее на правительствѣ. Функціи (или обязанности) государства, для блага его самого, должны быть строго уяснены въ общественномъ сознаніи...

«И рады бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ».

Москва, 12-го сентября.

«И рада бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ!» вотъ что̀ самой про себя, приходится теперь часто, слишкомъ часто повторять Россіи, или, лучше сказать—вотъ что̀ думается про Россію невольно, когда всматриваешься пристальнѣе въ событія нашей современной Русской дѣйствительности. Кажется, вотъ блеснула заря и засіяетъ солнце на безоблачномъ небѣ,—но не лѣзутъ съ неба упорныя тучи, опять сошлись, нависли

и опять сѣро, и опять сумрачно. Кажется,—вотъ пробѣжало по всему организму ощущеніе здоровья и силы, бодростью и гордостью окрылился духъ—все ему ни по чемъ, горы сдвинетъ... А потомъ, смотришь—затомился онъ снова тайнымъ чувствомъ внутренняго безсилія, смутился недовѣріемъ къ самому себѣ, къ своимъ дарамъ Божьимъ, и не только не сдвигаетъ горъ, но объ каждый камушекъ на дорогѣ спотыкается, отъ каждаго валуна готовъ обратиться вспять... Какъ, повидимому, счастливо закончились для Россіи, въ прошломъ году, обстоятельства политическія,—какое спасительное сознаніе обхватило, повидимому, всѣ слои Русскаго населенія—сознаніе своей народности, своихъ правъ и обязанностей, какъ Русскаго народа (напримѣръ, по отношенію къ Западной Россіи),—какія широкія міровыя задачи, казалось, ей достались на долю, какія высокія историческія призванія раскрылись ей, и какъ по плечу они для Россіи!... И вотъ, закипаетъ работа, напрягаются мощныя мышцы,—приносятся жертвы, тратятся силы, и кажется близка цѣль... но... но... Какъ будто что-то мѣшаетъ, что-то держитъ тамъ сзади и не пускаетъ, что-то свинцомъ налегло на руки, что-то гнететъ, отъ чего-то путается и не спорится работа,—и уже не только цѣль не дается въ руки, но отодвигается все дальше и заволакивается какимъ-то туманомъ... Что-жъ это держитъ, что-жъ это давитъ?

Старые долги, старые недоимки! и исторія, какъ неумолимый кредиторъ, со счетомъ въ рукахъ, бѣжитъ сзади и требуетъ къ расплатѣ! Да, видно, не расквитавшись, не ликвидировавши прежнихъ долговъ, не совсѣмъ удобно пускаться въ путь дальній и новый, или начинать дѣло, требующее свободнаго капитала,—точно такъ же, какъ не разставшись съ старымъ грѣхомъ чрезъ исповѣдь и покаяніе, не выйдя изъ его плѣна, едва-ли благоразумно браться за подвигъ, который могутъ подъять только силы освобожденнаго, очищеннаго духа!.. И много накопилось этихъ долговъ за послѣднія полтораста лѣтъ нашей исторической жизни,—и такихъ долговъ, что мы, должники, не знаемъ имъ ни числа, ни названія, а наводятъ ихъ намъ на память лишь роковыя событія, при предъявленіи грозныхъ счетовъ исторической судьбою—въ эту самую пору, когда мы наиболѣе нуждаемся въ средствахъ! И въ самомъ дѣлѣ—всѣ мы помнимъ, какъ страшенъ показался намъ

списокъ этихъ долговъ, предъявленный Восточною войною, и какихъ напряженныхъ усилій потребовалось намъ, чтобы избѣгнуть совершеннѣйшаго банкрутства!.. Но этотъ списокъ былъ далеко не полонъ, или только одинъ изъ списковъ, вѣрнѣе же сказать—мы расквитались тогда только въ процентахъ, а еще не въ капитальной суммѣ... Дѣло въ томъ, что двинувшись, благодаря нынѣшнему царствованію, на путь разнообразныхъ реформъ, мы только теперь, ежедневнымъ опытомъ убѣждаемся, какъ недостаточно для осуществленія ихъ одного благаго желанія, какъ необходимо обновиться вполнѣ и всецѣло, вполнѣ отречься отъ прежняго пути, прежней системы,—совершить полный актъ дѣйствительнаго, несомнѣннаго покаянія, т. е. сознать и назвать, обличить безъ пощады, неумолимо, свой собственный грѣхъ и твердо рѣшиться развязаться съ нимъ отнынѣ и на вѣки. Мы не совсѣмъ вѣримъ въ исправленіе несознательное; мы не думаемъ, чтобъ такъ-таки можно было, легко и удобно, какъ по рельсамъ, перекатиться изъ порока въ добродѣтель и, заснувъ вчера воромъ, льстецомъ, низкопоклонникомъ, обскурантомъ, проснуться утромъ—честнымъ, правдивымъ, мужественнымъ, свободомыслешнымъ гражданиномъ, любящимъ свѣтъ и жаждущимъ свѣта... Если же, по тому проворству, съ которымъ у насъ все творится, какъ по щучьему велѣнью въ сказкѣ,—и кажется иногда, что преобразованіе идетъ на ладъ вполнѣ удачно и что мы можемъ обойтись безъ формальнаго разрыва съ темными преданіями не слишкомъ, впрочемъ, давняго прошлаго, что наконецъ и каяться-то намъ особенно не въ чемъ и условія для нашего преуспѣянія довольно благопріятны,—то послѣдствія не замедлятъ обнаружить всю ложь нашего самообольщенія! Къ сожалѣнію, мы и тутъ, большею частью, не доискиваемся причины, не приходимъ къ сознанію кореннаго грѣха, а сваливаемъ всю вину на внѣшнюю мелочную ошибку и ограничиваемся ничтожною, временною поправкой,—или, какъ мы уже выразились, успокоиваемъ кредитора уплатою не капитальной суммы долга, а только процентовъ.

Мы не принадлежимъ ни къ *пессимистамъ*, ни къ *алярмистамъ*, т. е. ни къ тѣмъ, для которыхъ все окрашивается зловѣщимъ цвѣтомъ и которые не склонны видѣть чего-либо отраднаго въ будущемъ,—ни къ тѣмъ пугливымъ и робкимъ,

которые готовы кричать караулъ при малѣйшемъ призракѣ общественной опасности. Мы не раздѣляемъ также оптимизма большей части нашихъ газетъ, которыя задали себѣ задачей содержать публику въ постоянно пріятномъ расположеніи духа и въ лестномъ для нея убѣжденіи, что онъ нея, публики, никакихъ особенныхъ тяжкихъ нравственныхъ усилій не требуется и не потребуется. Объ этомъ оптимизмѣ, который едва ли есть дѣло искренняго убѣжденія, и говорить нечего... Мы могли бы быть названы оптимистами совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. Мы несомнѣнно вѣримъ въ призваніе и будущность Русскаго народа; мы твердо убѣждены, что въ общемъ итогѣ, не смотря ни на что, силъ его прибываетъ; мы знаемъ, какимъ тугимъ медленнымъ процессомъ совершается историческій ростъ и развитіе всякаго богато одареннаго народнаго организма. Но мы знаемъ также, что этотъ ростъ, это развитіе могутъ быть задерживаемы, и надолго, случайными, ненужными, напрасными обстоятельствами,—что бываютъ недуги, полагающіе на долгое время предѣлъ всякому поступательному впередъ движенію, разстроивающіе правильность органическихъ отправленій, требующіе труднаго и продолжительнаго леченія и не всегда окончательно исцѣляемые. И добро бы бѣда ограничивалась одними, такъ-сказать физическими, матеріальными недугами, отъ которыхъ, сравнительно, еще не такъ трудно избавиться! но гораздо важнѣе и опаснѣе ихъ тѣ болѣзни, которыя посягаютъ на внутреннюю цѣлость народнаго духа и подрываютъ самую ту силу, которою одной онъ можетъ цѣлиться. Въ такомъ случаѣ нѣтъ другаго пути къ нравственному выздоровленію, какъ подвигъ неукоснительнаго самосознанія, безпощаднаго самообличенія и искреннѣйшаго обновленія отношеній духа къ исконному народному идеалу добра и истины.—Было иго Татарское; оно, какъ внѣшняя бѣда, исчезло почти безъ слѣдовъ; былъ переворотъ Петра, отъ котораго и до сихъ поръ не можетъ оправиться и наладиться внутренно Русь, хотя и возведена имъ на степень могущественнѣйшей и великой державы,—хотя и надѣлена видомъ стройности, здоровья и силы...

Въ жизни народовъ ошибки — чужой вины, даже повидимому кратковременныя и маловажныя, отзываются обыкновенно послѣдствіями медленными и продолжительными, соот-

вѣтственно тѣмъ особеннымъ размѣрамъ времени, которые существуютъ для историческаго бытія всякаго народнаго организма и которые никакъ не могутъ быть судимы по масштабу человѣческой жизни. Ложное направленіе, данное, напримѣръ, народному образованію, можетъ продолжаться иной разъ лѣтъ 10, 15, не болѣе; но оно выхватитъ изъ народа нѣсколько поколѣній, воспитавшихся въ теченіе этого срока подъ дѣйствіемъ ошибочной системы и ставшихъ никуда негоднымъ, мертвымъ, непроизводительнымъ капиталомъ, — оно надолго обезлюдитъ страну, лишитъ ее нужныхъ, полезныхъ дѣятелей... Сѣмена зла плодовиты: доброе сѣмя всходитъ не на всякой почвѣ, на которую падаетъ; сѣмя зла растится и множится всюду, безъ особаго труда и незамѣтно. Мы съ такимъ тщаніемъ принялись теперь, у себя въ Россіи, сѣять и воздѣлывать добрую пшеницу на старыхъ нивахъ,—но мы и сами не знаемъ, или, лучше сказать, мы забыли, какъ много растительной силы терній и плевелъ заключается въ этой почвѣ, какъ много сѣмянъ дурной травы разсѣяно по ней нами самими; мы забыли, что эти сѣмена, не выполотыя, взойдутъ непремѣнно вмѣстѣ съ посѣянною нами вновь пшеницей, и дивимся простодушно теперь: отчего же глохнетъ эта наша пшеница...

«Да, рады бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ!» Вотъ эти-то наши грѣхи и было бы полезно назвать и опредѣлить словомъ! И есть имъ имя, и не трудно было бы ихъ уловить и выразить словомъ...

Гдѣ органическая сила Россіи?

Москва, 3-го октября.

Биржевымъ Вѣдомостямъ не понравилась наша статья объ Евреяхъ, — именно та статья, въ которой мы доказываемъ, и, какъ кажется, доказали довольно ясно, всю нелѣпость названія «Русскіе Моисеева закона» и всю тщету усилій выдѣлить идею народной (православной) вѣры изъ идеи Русской народности. Что Биржевымъ Вѣдомостямъ статья наша пришлась не по сердцу, это совершенно въ порядкѣ вещей и насъ нимало не удивляетъ: признаться сказать, мы бы даже

нѣсколько смутились, еслибъ случилось противное,—если бы, напримѣръ, онѣ удостоили насъ своимъ сочувствіемъ или похвалою: до такой степени убѣжденія Дня постоянно противоположны духу и направленію сей почтенной газеты. На этомъ основаніи мы бы сочли совершенно излишнимъ возражать на статью Биржевыхъ Вѣдомостей въ 216 №, еслибъ не отражались въ ней нѣкоторые ходячіе въ нашемъ обществѣ приговоры и формулы, — еслибъ мнѣнія, ею высказанныя, носили на себѣ личный, Биржевымъ Вѣдомостямъ только свойственный, а не общій типическій характеръ господствующихъ въ Петербургѣ мнѣній.

Впрочемъ, отмѣтимъ вкратцѣ нѣкоторые доводы, честь изобрѣтенія которыхъ принадлежитъ, по всей справедливости, никому другому, какъ самимъ Биржевымъ Вѣдомостямъ,— до которыхъ почтенная газета, должно быть, «дошла собственнымъ умомъ», какъ Земляника у Гоголя въ «Ревизорѣ». Мы говорили въ статьѣ нашей,—просимъ читателей вспомнить,— объ участіи религіи, какъ историческаго просвѣтительнаго и общественнаго начала, въ образованіи національнаго духа, и указали на Западный край, въ которомъ различіе вѣроисповѣданій служитъ единственнымъ основаніемъ для опредѣленія національности лицъ, не смотря на общее ихъ происхожденіе. Это до такой степени вѣрно, что родные братья и сестры, принадлежа къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, принадлежатъ въ то же время и къ различнымъ національностямъ. Извѣстно, что до обнародованія въ Западномъ краѣ новаго закона, въ силу котораго дѣти, рожденныя отъ брака иновѣрцевъ съ православными въ Россіи, должны быть крещены въ православной вѣрѣ, — дѣйствовало тамъ иное постановленіе, требовавшее, чтобъ сынъ былъ одного вѣроисповѣданія съ отцомъ, а дочь — съ матерью. Въ Западной Россіи, поэтому, не рѣдкость встрѣтить семейства (и мы сами знавали такія), гдѣ братья католики, а сестры православныя, и наоборотъ. И что же? первые и сами себя считаютъ и отъ всѣхъ другихъ считаются—Поляками, а вторыя—родныя ихъ сестры — считаются и считаютъ себя Русскими, или же наоборотъ, смотря по вѣрѣ, — и ни тѣ, ни другіе нисколько въ этомъ наименованіи не ошибаются: католикъ тяготѣетъ къ единовѣрной Польшѣ, православный къ единовѣрной Россіи.

Совращеніе православнаго въ латинство въ томъ краѣ—тождественно ополяченію. Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, не то насильственное совращеніе цѣлыхъ массъ народныхъ, при которомъ католицизмъ не пошелъ далѣе внѣшности и не въ силахъ былъ извратить въ конецъ — ихъ Русской природы, воспитанной исторіею въ духѣ православія, этой первоначальной общей вѣры всего Русскаго племени, со времени просвѣщенія его христіанствомъ. Такія массы еще не вполнѣ потеряны для Русской народности, и г. Кояловичъ совершенно правъ, домогаясь для нихъ названія Русскихъ, на томъ основаніи, что они—*плохіе* католики. Но еслибъ эти Русскіе—по происхожденію—сдѣлались усердными и ревностными латинянами, то одно физіологическое единство происхожденія было бы недостаточной основой для той крѣпкой духовной связи, которою связуются Украйна и Бѣлоруссія съ остальною Русью.— Биржевыя Вѣдомости, въ видѣ возраженія намъ, объявляютъ, что «православіе въ Западномъ краѣ возстановлено только на нашей памяти,— до того же времени въ немъ господствовала унія, сроднившаяся вполнѣ съ католичествомъ и господство которой продолжалось тамъ слишкомъ два съ половиною вѣка; что тѣмъ не менѣе «Русскіе обитатели края, хотя и отпадшіе отъ православной церкви, не переставали быть Русскими», и проч. Эта замѣтка побудила вмѣшаться въ споръ даже и Московскія Вѣдомости, которыя не выдержали и вступились за историческую правду противъ Петербургской газеты (объявивъ при томъ, что онѣ вовсе не раздѣляютъ *странной* теоріи Дня,—но какой теоріи держатся онѣ сами—это осталось необъясненнымъ: вѣроятно той самой Еврейской теоріи г. Гордона, которой изложеніе помѣщено въ Русскомъ Вѣстникѣ безъ всякихъ примѣчаній и оговорокъ со стороны редакціи)? Биржевыя Вѣдомости этимъ своимъ отвѣтомъ обличили сами себя въ полнѣйшемъ незнакомствѣ съ исторіей и съ положеніемъ Западнорусскаго края; имъ неизвѣстно, что православіе *на нашей памяти* возстановлено только для остальнаго числа уніатовъ, которыхъ нѣсколько милліоновъ возвратилось къ древнему благочестію еще гораздо раньше безъ всякихъ побужденій со стороны правительства и тотчасъ по освобожденіи края изъ - подъ Польскаго гнета. До свѣдѣнія Биржевыхъ Вѣдомостей должно быть не дохо-

діло, что даже при господствѣ Польши и уніи, значительное число Русскихъ въ томъ краѣ продолжало пребывать въ вѣрности православію. Биржевыя Вѣдомости, повидимому, не знаютъ, что унія была введена насильственно и никогда не осѣдала прочно какъ народное, искреннее, общественнымъ и народнымъ сознаніемъ утвержденное вѣроисповѣданіе, а всегда была колеблема и волнуема стремленіемъ уніатовъ къ возсоединенію съ православіемъ и противодѣйствіемъ окончательному окатоличенію. Это-то стремленіе и составляетъ главное характеристическое содержаніе не только Малорусской, но и Бѣлорусской исторіи. Про Малороссію и говорить нечего: тамъ борьба съ латинствомъ поглотила собою всю историческую жизнь этого края. Почтенная газета видно не знаетъ, что сама унія вовсе еще не есть латинство, а только удобный переходъ, устроенный іезуитами, отъ православія къ латинству, и потому не способна дѣйствовать въ такой же степени на образованіе національнаго духа, какъ религія положительная; унія, какъ всякая духовная помѣсь, дѣйствовала вообще вредно на народный характеръ, но все же она настолько давала Русскому жителю возможность сохранить свою Русскую народность живою, насколько въ самой уніи сберегалась связь съ вѣроисповѣданіемъ всей остальной Руси. Биржевыя Вѣдомости съ наивностью спрашиваютъ: «развѣ Русскіе обитатели Сѣверозападнаго Русскаго края, хотя и отпадшіе отъ православной церкви, переставали быть Русскими и составили изъ себя какую-то особенную народность?..». Но съ чѣмъ же воюетъ Россія уже столько времени, какихъ Польскихъ помѣщиковъ старается она отстранить отъ владѣнія землею, какихъ Польскихъ чиновниковъ удаляетъ отъ должностей, съ какою Польскою національностью борется въ Западномъ краѣ, какъ не съ тою самою, которую, по выраженію Вѣдомостей, именно «составили изъ себя» тамошніе Русскіе, «отпадшіе отъ православной церкви и переставшіе быть Русскими»?? Всѣ эти такъ-называемые Польскіе чиновники и помѣщики—что̀ они такое, какъ не туземцы Русскіе, «отпавшіе отъ православія» и ополячившіеся? Между тѣмъ — странное дѣло!—Биржевыя Вѣдомости признаютъ существованіе и Поляковъ, и Польской національности въ Западной Россіи, и ужъ конечно назовутъ князя Чарторыйскаго Поля-

комъ: но еслибъ онѣ задали себѣ вопросъ—откуда же явились Поляки въ Западнорусскомъ краѣ, онѣ бы узнали, что Поляковъ, кромѣ небольшаго числа пришельцевъ,—Поляковъ, по праву физіологическаго происхожденія,—тамъ нѣтъ вовсе,—что это все Русскіе туземцы, которые (въ томъ числѣ и Волынскій князь Чарторыйскій) сначала отпали отъ православной церкви, потомъ окатоличились, и вслѣдствіе этого, переставъ быть Русскими, примкнули къ Польской народности и составили Польскій элементъ въ области искони Русской. Совѣтуемъ Биржевымъ Вѣдомостямъ прочитать внимательнѣе исторію уніи г. Кояловича и даже хоть его лекціи по исторіи Западной Россіи, печатавшіяся въ нашей газетѣ. Русскому публицисту выступать на журнальное поле съ такимъ скуднымъ запасомъ знанія, какой обнаруженъ г. Трубниковымъ въ вопросахъ самыхъ живыхъ и насущныхъ — по меньшей мѣрѣ не годится...

Далѣе Биржевыя Вѣдомости указываютъ намъ на раскольниковъ, отвергающихъ общеніе съ православною церковью и тѣмъ не менѣе остающихся Русскими. «Безъ всякаго сомнѣнія—восклицаютъ Биржевыя Вѣдомости—такой раскольникъ настолько же неправославенъ, сколько и другой иновѣрецъ, а иногда, быть можетъ, и еще болѣе!» Ну, не поблагодарятъ же наши старообрядцы, даже безпоповщинскихъ толковъ, г. Трубникова за то, что онъ сравнилъ ихъ съ латинянами, лютеранами и назвалъ неправославными! Петербургскому публицисту, вѣроятно, неизвѣстно, что старообрядцы-то и именуютъ себя православными по преимуществу, что они дѣйствительно православные и только вслѣдствіе разныхъ невѣжественныхъ недоразумѣній отвергаютъ общеніе—не съ православіемъ вообще, а съ внѣшнимъ проявленіемъ православія въ Россіи со временъ патріарха Никона. Старообрядцы не еретики, а сектаторы,—народная исторія ихъ одна съ прочими Русскими; они воспитались отъ единой духовной трапезы; ихъ отдѣлило отъ насъ излишнее и суевѣрное отношеніе къ древней обрядовой сторонѣ православія, но они сохраняютъ, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, полную вѣрность древнему благочестію и духовному историческому началу Русской народности. Что же касается до молоканъ, хлыстовъ, духоборцевъ, то они настолько Русскіе, насколько, во-1-хъ, личное ихъ укло-

неніе отъ общаго вѣроисповѣданія не заглушило въ нихъ непосредственнаго чувства Русской народности, общаго имъ со всѣмъ остальнымъ народомъ и выработаннаго вѣками его долгой исторической *православной* жизни; во-2-хъ, насколько ихъ религіозныя вѣрованія нейдутъ въ разрѣзъ съ жизненными и гражданскими стремленіями остальной массы Русскихъ,—и, наконецъ, насколько они сами послѣдовательны въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ и въ жизни. Вообще же мы должны замѣтить, что, проводя и излагая принципъ, начало, во всей его логической строгости, мы нисколько не отрицаемъ возможности отдѣльнаго, одиночнаго факта, обусловленнаго разными житейскими случайностями. Иной Еврей *лично* можетъ быть несравненно нравственнѣе и милосерднѣе иного христіанина, и иной христіанинъ можетъ быть несравненно хуже всякаго язычника. Что же изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ только то, что и Еврей, и христіанинъ не строго послѣдовательны въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, что Еврей уклонился отъ еврейскихъ предразсудковъ, а христіанинъ забылъ о своемъ христіанскомъ призваніи. Но на такомъ невѣрномъ и случайномъ отношеніи къ своему знамени, къ своему явному и гласному исповѣданію вѣры и нравственнаго закона, невозможно строить ни законовъ гражданскихъ, ни логическихъ выводовъ о достоинствѣ того или другаго принципа.

Но самое интересное въ статьѣ Биржевыхъ Вѣдомостей, это именно слѣдующее мѣсто. Мы сказали: «хороши Русскіе латинскаго, Моисеева, Магометова закона, которые, вмѣстѣ со всѣмъ Русскимъ народомъ, не могутъ назвать Русь *святою* Русью!» Что же на это возражаютъ намъ Вѣдомости? Онѣ возражаютъ, прежде всего, что названіе это «вовсе *не народное,* а книжное и притомъ риторическое, встрѣчающееся въ театральныхъ драмахъ и патріотическихъ пѣснопѣніяхъ»!! Какъ виденъ здѣсь публицистъ, знакомый съ Россіею только въ Петербургѣ и судящій о ней только по драмамъ Кукольника и патріотическимъ стихотвореніямъ нѣкоторыхъ пѣвцовъ? Что ему за дѣло до былинъ, пѣсенъ, сказокъ, распѣваемыхъ и разсказываемыхъ на всемъ пространствѣ великой Руси! Г. Трубниковъ видно никогда и не слыхалъ про *свято-Русскихъ* богатырей, никогда и не заглядывалъ ни въ одинъ изъ сборниковъ былинъ и пѣсенъ, которыхъ такъ много издано

въ послѣднее время (можемъ ему рекомендовать Сборникъ Кирѣевскаго, Сборникъ Рыбникова, Безсонова—«Калѣки-Перехожіе» и пр.). Онъ, видно, не знаетъ и Русскихъ пословицъ и поговорокъ (можемъ ему рекомендовать Сборникъ пословицъ Даля),—наконецъ, никогда, видно, нигдѣ и не жилъ въ Россіи, кромѣ Ингерманландскаго ея края. Доказывать, что названіе «святая Русь» есть народное, а не книжное, было бы не только смѣшно, но и совѣстно: достаточно заявить только о смѣломъ отрицаніи народности этого названія, какъ о чертѣ весьма характеристической—въ нашей современной періодической печати. Все остальное, послѣ того, становится возможнымъ и яснымъ... «Русь, возглашаютъ Биржевыя Вѣдомости, называется нынѣ Россіей, а вѣроятно День согласится, что къ этому названію нашей родины прилагательное «святая» *не слишкомъ подходитъ*, а главное, что оно нигдѣ и не встрѣчается въ такомъ соединеніи". Что сказать противъ такого аргумента? Биржевыя Вѣдомости, увѣряя, что названіе *святая Русь* есть книжное, забываютъ, что не *святая Русь*, а именно самое названіе *Россія* есть книжное, оффиціальное и не народное, и даже рѣдко гдѣ и произносится въ народѣ правильно (онъ говоритъ *Россея, Рассея*, и охотнѣе употребляетъ выраженіе—*Русь, Русское царство, Русская земля*). Вѣроятно, по понятіямъ редакціи Биржевыхъ Вѣдомостей, только то народно, что оффиціально, или что народнымъ оффиціально, а не иначе признано. Если же имъ нужно въ pendant къ выраженію *святая Русь* указать на иное прилагательное, *подходящее* къ слову Россія,—то вѣдь и въ книжномъ, и въ оффиціальномъ языкѣ употребляется часто—вмѣсто «святая»—«православная Россія»! Этотъ доводъ, какъ ни страненъ онъ самъ по себѣ, долженъ быть убѣдителенъ для г. Трубникова.

Желая во что бы то ни стало доказать, что приверженцы латинства, ислама и пр. могутъ быть «чистыми и истыми *по духу и убѣжденіямъ* Русскими»; стремясь оправдать и узаконить выраженіе Русскіе *Моисеева закона*, на которое мы напали, почтенный Петербургскій журналистъ объявляетъ, что «потерять право называть Русь *святою* Русью—*вовсе не такъ прискорбно*, какъ это кажется съ перваго раза»... На это мы возражать не станемъ: эти слова такъ краснорѣчивы, что говорятъ сами за себя. Пойдемъ далѣе. «Россійская имперія,—

продолжаютъ далѣе Биржевыя Вѣдомости, какъ государство, *составленное изъ иновѣрныхъ и иноплеменныхъ народовъ,* обойдется конечно и безъ этого названія *(святая Русь),* не потерявъ нисколько своего величія и своей силы»!.. Прочтя эти странныя строки, подумаешь, право, что дѣло идетъ объ Австріи! Какъ же бы иначе выразилась эта газета объ Австріи,— какъ не тѣми же словами, что Австрія есть государство, *составленное* изъ *иновѣрныхъ и иноплеменныхъ народовъ?!* Такъ по вашему Россія—не цѣльный народный политическій организмъ, а какой-то сочлененный, составленный аггрегатъ, въ родѣ искусственнаго Австрійскаго *гезамтфатерланда,* въ которомъ по штату не полагается ни единой живой народной индивидуальности, а взамѣнъ ихъ имѣетъ существовать какая-то отвлеченная національность имперская (какъ и называютъ себя тамъ Польскіе крестьяне въ Галиціи — имперцами), — національность, которой единый живой принципъ и вѣроисповѣданіе есть вѣрноподданничество Австрійскому императору! Вотъ до чего договорился нашъ публицистъ, да и не онъ одинъ, а и другіе нѣкоторые журналы. Они забываютъ, что Русскій императоръ есть государь Русскій, а не коллективный, что Россія потому только и Россія, что она Русь,—живое, цѣльное тѣло, а не мозаическая сборка иновѣрцевъ и иноплеменныхъ. Къ этому тѣлу могутъ прилѣпляться прочія народныя личности и тѣла, могутъ претворяться въ его органическую сущность, или только пользоваться его защитой,—но весь смыслъ бытія, вся сила, разумъ, историческое призваніе, весь историческій raison d'être—заключается именно въ *святой Руси,* надъ которою такъ подтруниваетъ почтенный органъ биржи. По тому, какъ Биржевыя Вѣдомости понимаютъ и опредѣляютъ *Россію,* бѣдная *Русь* совершенно теряется и исчезаетъ въ ней—въ массѣ «иноплеменныхъ и иновѣрныхъ народовъ», въ общемъ ихъ растворѣ подъ видомъ «Россійской Имперіи». Въ такомъ случаѣ ужъ не придумать ли и въ самомъ дѣлѣ для Россіи новаго названія, какъ совѣтовалъ одинъ умный человѣкъ *не* Русскаго происхожденія, напримѣръ, назвать ее *Петровіею,* а Русскихъ—*Петровцами??* Но если этимъ фабрикантамъ новой Русской народности дороги величіе и сила Россіи, то по какому же непонятному легкомыслію не хотятъ они признать того, что

составляетъ коренную основу этого величія и силы? Мы же скажемъ, что Русское государство только до того времени и въ той мѣрѣ крѣпко и сильно, въ какой оно проникнуто духомъ Русской народности, пока остается вѣрнымъ народнымъ Русскимъ началамъ, пока оно—Русь. Всякое величіе и сила, не на народности основанныя, непрочны и шатки.

Неужели еще есть люди, которымъ надо доказывать, что государство, какъ внѣшній покровъ народнаго цѣльнаго организма, можетъ быть крѣпко только внутреннею органическою силою?.. Неужели еще не ясно, что если бы эта сила перестала дѣйствовать или почему-либо ослабѣла въ дѣйствіи, если бы отъ какой бы то ни было причины произошло разстройство органическихъ отправленій или непомѣрное развитіе одного органа въ ущербъ другому (напримѣръ, внѣшняго покрова на счетъ всего тѣла), — то государство, при всемъ своемъ наружномъ блескѣ и могуществѣ, не представляло бы залоговъ истинной крѣпости и долгоденствія? Должны ли мы еще напоминать, что эта органическая сила—народность? Россія, повторяемъ, не есть совокупность разныхъ племенъ и народовъ, сплоченныхъ внѣшнею матеріальною связью государственнаго единства, не «агломератъ» и не «аггрегатъ» (по техническому выраженію ученыхъ), а живой, цѣльный народный организмъ, развившійся и разросшійся собственною своею внутреннею органическою силою: только тѣ постороннія тѣла связались и связываются съ нимъ неразрывно, которыя прирастаютъ къ нему органически, прониклись органическимъ съ нимъ единствомъ. Вообще никакое государство никогда не должно упускать изъ виду зерно своей жизни и силы,—истинный родникъ, причины и основы своего историческаго бытія. Кажется, едва ли нужно говорить, что въ Россійской имперіи—этимъ зерномъ, этимъ источникомъ жизни и силы, этимъ сѣдалищемъ зиждущаго разума—является Русь—Русскій народъ, а не тѣ иновѣрные и иноплеменные народцы, которые заслоняютъ для Биржевыхъ Вѣдомостей настоящую Русь,—не Остзейскія провинціи, не Польша и не Финляндія, какъ бы ни были онѣ крѣпко связаны съ Русью. До какой степени была полна жизни эта органическая сила до Петровскаго переворота—свидѣтельствуется тѣмъ, что всѣ пріобрѣтенія и завоеванія *тогдашней* Руси русѣли сами собою, — становились

тотчасъ же ея нераздѣльною частью. Было уже неоднократно указано и нами, и другими на примѣръ магометанской Казани, которая, черезъ 60 лѣтъ послѣ завоеванія, стояла уже съ *своею* всечтимою иконою Богоматери чуть не во главѣ земскаго ополченія, поднявшагося на освобожденіе Москвы, на воссозданіе Русскаго государства и государственнаго единства; было уже не разъ упомянуто нами и о могуществѣ Русской древней свободной колонизаціи.

Дѣйствіе этой силы было временно пріостановлено реформою Петра...

Отвлеченное государственное, механическое единство, созданное Петромъ, имѣетъ ту историческую заслугу въ жизни Русскаго народа, что оно вызвало къ жизни народное самосознаніе, заставило уразумѣть духовную сущность его органическихъ началъ и — оцѣнить истинное значеніе живаго, *не* отвлеченнаго единства... Напрасно думаютъ иностранцы, что Россія существуетъ единственно какъ мысль и созданіе Петра. Степень могущества Россійской имперіи всегда зависѣла и зависитъ отъ мѣры участія духовныхъ силъ Русской народности во внѣшнемъ государственномъ устройствѣ Россіи, отъ степени сближенія правительства съ народомъ, государства съ землею (какъ мы это видѣли и въ 1812 и отчасти въ 1863 году). Несмотря на отвлеченность созданной Петромъ централизаціи, не смотря на раздѣленіе средоточія власти съ средоточіемъ Русской земли,— только подкладка, такъ сказать внутренней органической силы давала еще и даетъ движеніе и силу Петровскому государственному механизму! Только Русью жила и держалась имперія, несмотря на всѣ преграды, положенныя органическому дѣйствію и собственному развитію самой Руси—безусловнымъ преобладаніемъ Западной цивилизаціи,— господствомъ теорій въ родѣ теоріи Биржевыхъ Вѣдомостей. Вѣсти и компаніи,—и наконецъ разрывомъ образованныхъ классовъ Русскаго общества съ Русскимъ народомъ...

Въ чемъ недостаточность русскаго патріотизма?

Москва, 17-го октября.

Въ прошломъ году, въ самый разгаръ патріотическаго огня, объявшаго всѣхъ Русскихъ людей отъ мала до велика, безъ различія званія и состоянія,— мы осмѣливались въ своей газетѣ выражать желаніе, чтобъ это патріотическое одушевленіе не подавало Русскому обществу повода къ самодовольству и самообольщенію. Мы повторяли эту тему несчетное число разъ и на всевозможные лады, мы старались, по мѣрѣ нашихъ силъ, провести и водворить въ сознаніи Русскаго общества ту мысль, что время и обстоятельства требуютъ отъ насъ патріотизма иного качества, нежели въ прежнія годины народныхъ бѣдствій; что одного внѣшняго, такъ сказать, патріотизма, возбужденнаго видомъ внѣшней, грубой опасности, еще недостаточно; что есть опасности иного рода, несравненно опаснѣйшія; что надо умѣть стоять за Россію не только головами, но и головою, т. е. не однимъ напоромъ и отпоромъ грозной силы матеріальной,—но и силою нравственной; не одною силою государственной, но и силою общественной, не однимъ оружіемъ вещественнымъ, но и оружіемъ духовнымъ; не противъ однихъ видимыхъ враговъ, во образѣ солдатъ непріятельской арміи, но и противъ невидимыхъ и неосязаемыхъ недуговъ; не во время войны только, но и во время мира. Мы говорили, что намъ страшны не Поляки, не Нѣмцы, не ополчившаяся на насъ Европа, а полонизмъ, германизмъ, европеизмъ и тому подобные *измы*. Мы напоминали читателямъ, что даже 1812 годъ, — прославившій Россію подвигами безпримѣрнаго въ исторіи патріотизма, когда встала вся Русская земля и снова, какъ двѣсти лѣтъ назадъ, спасла государство,— даже этотъ годъ очистительныхъ жертвъ и страданій народныхъ—не излечилъ Русскаго общества отъ недуга подражательности и подобострастнаго подчиненія нравственному авторитету Европы—и именно Франціи; напротивъ, вслѣдъ за 1812 годомъ, вліяніе, какъ Французское, такъ и вообще ино-

странное, усилилось до высшей степени, и Россія 1814—15 года, Россія эпохи Вѣнскаго конгресса, конечно, не похожа на Россію 1812 года, когда она

. . . . готовила пожаръ
Непобѣдимому герою.

Многіе Русскіе, явившіеся истинными Русскими при блескѣ Московскаго зарева, освѣтившаго собою всю Русскую землю, почти не могутъ и Русскими-то называться въ періодъ времени, непосредственно наступившій вслѣдъ за періодомъ Наполеона I. Читатели, конечно, помнятъ наши слова, столько разъ нами повторенныя, что мало быть вообще «Русскимъ патріотомъ», надо быть еще Русскимъ человѣкомъ, мало любить одну Русскую государственность. ея величіе и могущество, надо любить, знать, понимать, цѣнить Русскую землю, Русскую народность, наконецъ мало быть Русскимъ только при большихъ историческихъ оказіяхъ, но надо имъ быть и въ будничное время исторіи, въ ежедневной дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ многіе привыкли думать, ощущая въ себѣ искреннія движенія патріотическаго чувства—при чтеніи ли оскорбительныхъ иностранныхъ депешъ, при вмѣшательствѣ ли чужеземныхъ державъ въ дѣла нашего государства, или при какомъ-либо другомъ обстоятельствѣ, слишкомъ грубо и видимо затрогивающемъ нашу государственную честь,—что этого доказательства ихъ *русскости* вполнѣ довольно и ничего болѣе затѣмъ уже и не требуется. На упреки въ недостаткѣ народнаго самосознанія въ нашемъ обществѣ, намъ не разъ приходилось слышать возраженія такого рода: «а вотъ посмотрите-ка, какіе мы Русскіе,—какіе мы патріоты въ минуты опасности: сунься-ка на насъ чужеземцы войною, мы всѣ, какъ одинъ человѣкъ, станемъ грудью за Русскую землю» и пр., и пр. Это дѣйствительно такъ,—въ этомъ нѣтъ и сомнѣнія,—и этимъ свойствомъ нашимъ мы можемъ по праву гордиться, но этотъ похвальный патріотизмъ не мѣшаетъ намъ выдавать ту же Русскую землю тѣмъ же иностранцамъ—какъ скоро они идутъ на насъ не войною, а мирнымъ набѣгомъ, и какъ скоро, не видя браннаго вражьяго стана и не слыша воинственныхъ кликовъ, мы считаемъ возможнымъ отложить въ сторону патріотическое напряженіе. И такъ, одного внѣшняго, повторяемъ, государственнаго патріотизма еще недостаточно. Въ

числѣ русскихъ героевъ и патріотовъ нельзя, конечно, не признать Миниха, Остермана,—и однакожъ, не смотря на ихъ громадныя заслуги Русскому государству, мы не можемъ назвать ихъ Русскими, людьми Русской народности, людьми земскими. «Русскимъ патріотомъ» можетъ быть и всякій иностранецъ, поступившій на Русскую службу и отдавшійся искренно и честно интересамъ Россіи, но онъ могъ бы быть таковымъ же патріотомъ и всюду, гдѣ бы водворился на осѣдлость и службу: благородный духъ человѣка возбуждаетъ его вносить любовь и душу во всякое дѣло, которое ему приходится совершать!... Но тѣмъ не менѣе есть сферы, гдѣ таковой патріотизмъ иностранца оказывается несостоятельнымъ, гдѣ необходимо быть не только Русскимъ патріотомъ, а просто-на-просто Русскимъ человѣкомъ, думать и чувствовать по Русски. Если же однако иностранцы, не будучи Русскими по происхожденію, умѣютъ дѣлаться Русскими патріотами и чуть-чуть не Русскими, то чтò же сказать о нашихъ Русскихъ, которые,—являясь, какъ и они, «патріотами» во дни народныхъ тревогъ и испытаній,—умѣютъ, наоборотъ, во все остальное время, будучи Русскими по природѣ, дѣлаться совершенными иностранцами—знать не знаютъ, да и знать не хотятъ ни Русскаго народа, ни существенныхъ основъ, стремленій и требованій Русской народности?... Такимъ образомъ, при всей внѣшней цѣльности и единствѣ Россіи, мы расколоты сами въ себѣ внутренно,—страдаемъ какою-то нравственною двойственностью, и общественный духовный нашъ организмъ не можетъ похвалиться ни цѣльностью, ни крѣпостью.

Нѣкоторые наши публицисты обратили недавно вниманіе Русской публики на иностранныя сказанія объ Россіи, издающіяся за границей и составляющія цѣлую литературу, на такъ-называемый *Русскій вопросъ*, выдуманный и сочиненный въ Европѣ. Они справедливо негодуютъ на недоброжелательство иностранцевъ, на клевету и ложь, расточаемыя Европейскою публицистикою насчетъ Россіи, и указываютъ, какъ на новый пріемъ злокозненной политики Запада, на попытку иностранцевъ—раздвоить Россію, въ смыслѣ нравственномъ, на двѣ половины, и противопоставить одну другой. Въ одномъ изъ недавнихъ своихъ №№ Московскія Вѣдомости привели любопытную выписку изъ Австрійской газеты Wanderer, ко-

торая разсуждаетъ, что въ Россіи есть Россія царя и Россія Русскаго народа, что всякія проявленія послѣдней въ исторической жизни ознаменовывались дикимъ фанатизмомъ и коммунизмомъ, что, къ счастію человѣчества вообще и Европейской цивилизаціи въ особенности, Россіи Русскаго народа не скоро еще придется господствовать на исторической сценѣ, и что Россія царя, сама по себѣ, могла бы не представлять опасности для Европы, еслибъ вполнѣ предалась ея цивилизующему вліянію. Нелѣпость этихъ Нѣмецкихъ соображеній такъ рѣзко бросается въ глаза, что не заслуживаетъ серьезнаго разбора. Начать съ того, что идея царя есть идея самая народная, которая до сихъ поръ никоимъ образомъ, даже въ теоріи, отъ идеи Русскаго народа отрѣшена быть не можетъ, и которой Русскій народъ оставался вѣрнымъ, не смотря на всѣ превратности своей собственной судьбы и судьбы престола въ XVII и XVIII вѣкѣ. Это доказывается даже и дѣйствіями тѣхъ агитаторовъ, которые признаютъ необходимымъ прибѣгать къ имени царя, чтобы подвигнуть Русскій народъ къ смутамъ и безпорядкамъ. Этотъ ужасный, по понятіямъ иностранцевъ, народъ, заявляющій всегда себя въ исторіи дикимъ фанатизмомъ, невѣжествомъ и звѣрствомъ, не поддался на преступныя обольщенія своихъ мнимыхъ друзей, именно потому, что онъ вовсе не демократъ въ смыслѣ западномъ, т. е. нисколько не одержимъ жаждою политической власти, и что для него съ идеей царя связывается идея порядка, благоустройства, безпристрастія, высшаго мирнаго правосудія. И такъ, о толкованіяхъ газетою Wanderer идеи царя распространяться совершенно излишне,—но нельзя не сказать, что иностранцы не совсѣмъ не правы, когда говорятъ о какихъ-то двухъ Россіяхъ. Россія, разумѣется, одна-единая, однородная и цѣльная въ своемъ государственномъ и земскомъ составѣ. Ея шестьдесятъ милліоновъ одного племени, говорящихъ однимъ языкомъ, исповѣдующихъ одну вѣру, обитающихъ не чрезполосно, а вмѣстѣ, въ одной общей мѣстности, составляющихъ одинъ политическій организмъ,—какая Европейская страна можетъ похвалиться такимъ единствомъ? Это единство, государственное и земское, сказывается при всякой внѣшней опасности. Но, со всѣмъ тѣмъ, не мы ли сами, т. е. не само ли наше Русское общество вводитъ въ посто-

янное заблужденіе иностранцевъ и способствуетъ ложному пониманію ими Россіи,—не та ли наша *двойственность*, о которой мы упоминали выше, сбиваетъ съ толку умнѣйшія головы въ Европѣ? Можетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, не двоиться въ глазахъ у всякаго иностранца, когда онъ видитъ предъ собою Россію на Московскомъ пожарѣ и Россію эпохи Вѣнскаго конгресса? Русскихъ въ пылу битвъ 1812 года и тѣхъ же Русскихъ въ 1815 году?... Не должны ли поразить всякаго иностранца, умѣющаго читать и понимать по-Русски,—тѣ напряженныя усилія, съ которыми иные Русскіе публицисты отстаиваютъ дѣло Русской народности и стараются поддержать въ Русскихъ общественныхъ сферахъ уваженіе къ Русскому народу и къ его началамъ? Кому это напоминается, кому проповѣдывается? Неужели той странѣ, которая, не дальше какъ въ прошломъ году, явила предъ всѣмъ міромъ свидѣтельство своего единодушнаго патріотизма и своей земской цѣльности? И неужели такая страна еще нуждается въ проповѣди, нуждается въ напоминаніи, что она Русская? неужели въ ней можетъ еще быть умѣстно отстаивать интересы Русскаго народа, заботиться и безпокоиться о Русской народности?? Развѣ въ Англіи есть англоманы, англофилы, развѣ Французское направленіе французской газеты заставитъ Французовъ смотрѣть на это явленіе какъ на особенную заслугу или какъ на особенный недостатокъ?! Это трудно понять даже и не иностранцу. А между тѣмъ мы-то вѣдь знаемъ, что это дѣйствительно такъ! знаемъ, что намъ приходится чуть ли не на каждомъ шагу бороться, съ Русскими же, за интересы Русской народности, не столько внѣшніе (они легче находятъ себѣ защитниковъ), сколько (и даже преимущественно) внутренніе и духовные. Поэтому едва ли мы въ правѣ обвинять иностранцевъ, вѣдая—по какимъ противорѣчащимъ даннымъ имъ приводится судить о Россіи! Могутъ ли они—по Русскимъ въ Парижѣ и вообще по той массѣ Русскихъ отцовъ, которыхъ они видятъ ежегодно у себя во всѣхъ уголкахъ Европы, ввѣряющими своихъ Русскихъ дѣтей иностранцамъ на воспитаніе,—могутъ ли они сдѣлать какое-либо выгодное заключеніе о духовномъ и нравственномъ строѣ Россіи? Но съ другой стороны, какъ—при той нравственной невзрачности, которою, по большей части, умѣло зарекомендо-

вать себя Русское путешествующее за границею общество—понять оборону Севастополя, Россію 812 и 863 года? Урокъ послѣдняго года едва-ли, однако, пройдетъ даромъ для иностранцевъ. Они начинаютъ соображать, что—главное—не надо затрогивать Россію со стороны ея государственной чести, однимъ словомъ съ тѣхъ сторонъ, съ которыхъ вопросъ ясенъ для разумѣнія даже простаго народа, которыя способны разбудить дремлющаго въ своемъ логовищѣ льва и, видомъ внѣшней опасности, вызвать духъ патріотизма даже во всѣхъ классахъ нашего общества. Они начинаютъ убѣждаться, что необходимо всячески обходить этого льва, чтобъ его не затронуть,—а вмѣсто него употребить, или, по современному модному выраженію нашего промышленнаго вѣка, эксплоатировать въ свою пользу Русское общество съ его притязаніями на европеизмъ, съ его не страшнымъ для Европейцевъ въ мирное время,—съ его педальновиднымъ патріотизмомъ.

Помощниковъ въ этомъ дѣлѣ они найдутъ въ Россіи не мало, и труды ихъ падутъ на почву не неблагодарную!... Впрочемъ, что намъ за дѣло до иностранцевъ? Мы упомянули о нихъ такъ только, кстати, для того, чтобы яснѣе и нагляднѣе представить въ отраженіи иностраннаго зеркала,—отраженіи, конечно обидномъ для нашего національнаго самолюбія, тотъ дѣйствительный недугъ, которымъ мы страдаемъ и который мы все еще плохо сознаемъ и видимъ. Пора перестать намъ самодовольно обнадеживаться нашимъ патріотизмомъ, и, такъ сказать, считать себя вполнѣ нравственно-обезпеченными извѣстною нашею способностью стоять грудью, приносить жизнь и достояніе на алтарь отечества. Пора убѣдиться, что эта способность нисколько насъ не обзпечиваетъ въ такое время, когда нѣтъ непріятельскихъ армій, съ которыми можно было бы бороться, когда груди, жизни и достоянія не требуется, а требуется дѣятельность мыслящаго, трудящагося, подвизающагося духа; когда «алтарь отечества» ждетъ иныхъ даровъ—гражданской доблести, любви и разумѣнія Русской народности,—наконецъ талантовъ, которыми такъ богата Русская земля, но которые въ ней до сихъ поръ лежатъ зарыты, грубы, необдѣланы, и ужъ разумѣется—не могутъ быть ни разработаны, ни умножены помощью одного внѣшняго патріотизма. Пора же понять, наконецъ, что способность патріотическихъ жертвъ

во время войны нисколько не освобождаетъ насъ отъ обязанностей нравственныхъ во время мира, и что если къ 1863 году Русскіе изъ-за границы сбѣжались въ Россію, то нѣтъ никакого нравственнаго основанія разбѣгаться послѣ 1863 года, по минованіи надобности въ патріотизмѣ, изъ Россіи за границу вновь и воспитывать Русскихъ дѣтей въ Швейцаріи, Дрезденѣ, Фрибургѣ и въ прочихъ *Нѣмецкихъ* разсадникахъ *Русскаго* юношества! Пора также не очень-то гордиться своимъ единствомъ и цѣльностью и уразумѣть наконецъ, что единствомъ и цѣльностью мы обязаны прежде всего не Русскому обществу, а Русскому народу—этому громадному и несомнѣнному факту единства и цѣльности,—но что въ противоположность этому внѣшнему или, лучше сказать, земскому единству и цѣльности, въ противоположность нашему простому народу, мы, какъ общество, являемъ въ себѣ отсутствіе духовной цѣльности и органической силы. Отъ того-то наша «интеллигенція» до сихъ поръ такъ не производительна, отъ того-то иностранцы или судятъ по *насъ* о цѣлой Россіи, или же, видя предъ собой *публику* и *народъ*, воображаютъ, что видятъ двѣ разныя Россіи! Отъ того-то Россія могуча и слаба въ то же время. Извѣстно слово Дидерота, посѣтившаго дворъ Екатерины II-ой: la Russie est pourrie avant d'être mure,—слово чистѣйшей лжи относительно настоящей, народной Россіи и вѣрное лишь относительно нѣкоторой части тогдашняго Русскаго общества... Извѣстно также нелѣпое, до пошлости избитое выраженіе иностранцевъ, такъ охотно ими повторяемое, что Россія есть колоссъ на глиняныхъ ногахъ (colosse aux pieds d'argile), тогда какъ именно ноги-то, фундаментъ ея—не изъ глины, а изъ камня и мѣди...

Мы съ своей стороны нисколько не негодуемъ на иностранцевъ за ихъ «клеветы и ложь» на Россію, за ихъ попытки, обличенныя недавно нашими публицистами, подорвать наше «единство и цѣльность». Мы, напротивъ того, чрезвычайно благодарны имъ за указаніе нашихъ ахиллесовыхъ пятъ, нашихъ слабыхъ сторонъ, и признаемъ эти нападки настолько основательными, насколько мы сами, мы, Русское общество и Русская интеллигенція, подаемъ къ тому поводъ. Скрывать отъ иностранцевъ разрывъ образованныхъ классовъ съ народомъ, слабость народнаго самосознанія въ Русскомъ

обществѣ, недостатокъ цѣльности, единства духовнаго съ Русской землей и отсутствіе органическаго творчества въ такъ-называемой Русской интеллигенціи—скрывать это было бы совершенно напрасно; да и невозможно. Обличителемъ нашей неискренности въ этомъ случаѣ была бы сама исторія до-Петровской Русской литературы, въ которой наилучшія, наиоригинальнѣйшія и уже безспорно самыя искреннія произведенія — это произведенія юмора и сатиры, протестующія—не противъ Россіи Русскаго народа, а противъ Россіи Россійскаго общества, Россіи салоновъ г-жи Китти и иныхъ общественныхъ сферъ.—Не скрывать, а раскрывать, напротивъ, для нашего собственнаго сознанія, со всею подробностью правды, недугъ нашей общественной жизни,—вотъ что̀ теперь намъ необходимо, вотъ въ чемъ теперь гражданское мужество. Необходимо было бы намъ отвлечь наши взоры отъ внѣшней политики къ внутренней жизни,—наши симпатіи отъ наружнаго, вещественнаго нашего величія къ нашимъ общественнымъ силамъ, теперь скуднымъ и бѣднымъ,—и помнить, что, отрицая значеніе Русской народности, хотя бы только въ наукѣ и искусствѣ, не домогаясь отъ нея самостоятельности и самобытности въ области духовной, мы не далеко уѣдемъ на нашемъ патріотизмѣ,—напротивъ, съ такимъ чисто внѣшнимъ патріотизмомъ ослабимъ, пожалуй, и единство, и цѣльность, и самостоятельность, внѣшнюю и политическую, нашего отечества!

Объ абсентеизмѣ русскаго дворянства.

Москва, 31-го октября.

Знаете ли вы, читатель, сколько, мѣсяца два тому назадъ, считалось Русскихъ въ Парижѣ? 56,000! Да, не больше, не меньше (и во всякомъ случаѣ не меньше), какъ 56,000 человѣкъ—Русскихъ «патріотовъ», образованныхъ людей или, по крайней мѣрѣ, принадлежащихъ къ такъ-называемымъ образованнымъ классамъ,—преимущественно же Русскихъ дворянъ. Мы не имѣемъ причины сомнѣваться въ достовѣрности этой цифры, но еслибъ даже мы и не знали источника, откуда почерпнуто это свѣдѣніе, мы бы точно такъ же не видѣли ни-

какого повода къ сомнѣнію: не только ничто въ окружающей насъ обстановкѣ не противорѣчитъ возможности подобнаго явленія, но, напротивъ, этотъ новый видъ «абсентеизма»— т. е. отсутствіе не только изъ своего помѣстья или уѣзда, но изъ родины, изъ отечества—даетъ себя знать, здѣсь, у насъ дома, каждую минуту и на каждомъ шагу. Конечно, 56,000 человѣкъ—цифра ничтожная въ сравненіи съ числомъ жителей всей Россійской Имперіи, особенно съ кочующими инородцами включительно; но она покажется огромною, или, по крайней мѣрѣ, тотчасъ же возростетъ въ своемъ значеніи, когда мы примемъ въ соображеніе численный объемъ собственно-образованнаго нашего общества,—объемъ поразительно малый въ отношеніи къ пространству и народонаселенію всей Россіи. Не забудемъ также, къ вышеприведенной цифрѣ Русскихъ Парижанъ, присоединить еще и число Русскихъ, путешествующихъ и домосѣдствующихъ въ остальной *заграничной* Европѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, это общее число отсутствующихъ составитъ треть, и ни въ какомъ случаѣ не менѣе четверти всего числа людей образованныхъ и образующихъ въ Россіи, такъ называемое общество, т. е. интеллигентную силу страны. Разумѣется, между путешественниками есть люди, которыхъ пребываніе за границей вызвано потребностями здоровья, служебной необходимостью, серьезными интересами науки и вообще просвѣщенія; мы нисколько не отрицаемъ той пользы, которую способно иногда принести путешествіе и признаемъ за нимъ значеніе весьма важнаго образовательнаго элемента. Но кому же не извѣстно, что большинство нашихъ путешественниковъ странствуетъ или пребываетъ въ чужихъ краяхъ совсѣмъ изъ иныхъ побужденій, и въ этомъ случаѣ такой постоянный переводъ за границу Русскихъ людей и денегъ (съ одинаково низкимъ курсомъ на тѣхъ и другихъ) представляетъ въ высшей степени знаменательное явленіе въ современной исторіи Русскаго общества. Въ то самое время, когда Россія переживаетъ такой соціальный переворотъ, отъ котораго безспорно должно начаться новое лѣтосчисленіе ея историческаго бытія,—когда реформы слѣдуютъ за реформами, когда на каждомъ шагу ей нужны люди и люди, когда нужда въ людяхъ вопіющая,—наши люди,—т. е. тѣ, которые, по своему общественному положенію и нѣкоторому образованію, могли бы,

казалось, принять дѣятельное участіе въ разнообразной современной работѣ,—оказываются «въ *нѣтяхъ*». Отчего это такъ? Что за причина погнала ихъ за границу, какъ только, съ освобожденіемъ крестьянъ, начался цѣлый рядъ желанныхъ, прошенныхъ и ожидаемыхъ преобразованій, какъ только объявился спросъ на дѣло? Сначала объясняли это явленіе тѣмъ, что послѣ долгаго и недобровольнаго сидѣнья взаперти, все ринулось въ двери, внезапно открытыя настежь,—все стремилось ощутить, извѣдать на опытѣ чувство свободы передвиженія; не столько дорожили знакомствомъ съ чужими краями, сколько спѣшили воспользоваться вновь дарованнымъ и прежде запрещеннымъ правомъ ѣхать куда угодно, по своему изволенію. Въ этомъ объясненіи много правды,—но оно можетъ относиться только къ первымъ двумъ-тремъ годамъ послѣ Восточной войны. Затѣмъ было пріискано и другое объясненіе, когда, послѣ нѣкотораго странствованія, Русскіе люди стали осѣдать одиночно и роями въ разныхъ притонахъ Европы: утверждали, что жизнь за границею несравненно дешевле. Но это толкованіе едва ли вполнѣ чистосердечно, особенно теперь, при низкомъ курсѣ, когда на переводѣ денегъ теряется чуть ли не 25 копѣекъ съ рубля, когда отсутствіе помѣщика-хозяина разстроиваетъ его хозяйство и наноситъ ему положительный ущербъ, когда наконецъ самый наплывъ иностранцевъ въ ту или другую мѣстность Европы—возвышалъ немедленно цѣны на все и превращалъ жизнь изъ дешевой въ болѣе или менѣе дорогую... Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ можно было предположить, что громкія заявленія Европейскаго общественнаго мнѣнія, столько враждебнаго Россіи, вся непріязнь,—эта старая закоренѣлая непріязнь Запада къ Востоку, огласившаяся такими ярыми кликами въ прошломъ году, по поводу Польши,—что все это неистовство клеветъ, лжи и всяческой ненависти охладитъ наконецъ нѣжные порывы Россіянъ къ Парижу и Дрездену и ко всѣмъ Нѣмецкимъ и прочимъ чужестраннымъ публичнымъ гульбищамъ и пріютамъ: не даромъ же Россіяне патріоты. Но, увы! и это не помогло, и самый патріотизмъ не выдержалъ искушенія: на время пріостановившаяся эмиграція возобновилась теперь съ пущею силою. Дрезденскіе Россіяне, впрочемъ,—въ то самое время, когда можно было въ самомъ дѣлѣ ожидать опасности для Россіи,—не же-

лая отстать отъ Русскаго общества по части патріотическихъ заявленій, прислали патріотическій адресъ, въ которомъ, нисколько не стыдясь и не смущаясь, объявляли, что, и оставаясь въ Дрезденѣ для воспитанія Русскихъ дѣтей, они испытываютъ самыя пламенныя чувства, и чуть ли не восклицали простодушно, въ порывѣ восторга и во свидѣтельство своихъ историческихъ знаній: «ляжемъ костьми *ту*, мертвіи бо срама не имутъ».

Намъ кажется, что причины переселенія Русскихъ за границу лежатъ глубже, въ самомъ историческомъ строѣ нашего общества, и едва ли даже вполнѣ ясны для его собственнаго сознанія. Эти причины связаны непосредственно со всею исторіей нашего развитія и заслуживали бы особаго тщательнаго разслѣдованія. Постараемся, съ своей стороны, указать, по крайней мѣрѣ, на нихъ нашимъ читателямъ, насколько это дозволяютъ предѣлы газетной статьи, въ краткомъ, бѣгломъ очеркѣ.

Эти причины—нравственное состояніе нашего общества, его непригодность къ дѣлу, его неспособность стать въ уровень съ потребностями и задачами, выдвинутыми теперь Русской исторіей. Виновато ли оно или нѣтъ, это другой вопросъ, но для насъ важенъ тотъ фактъ, что когда наступила пора положительнаго дѣйствія, когда исторія развязала узы крестьянскаго сословія, Русское общество, за немногими исключеніями, оказывается, по древнему выраженію, въ избылыхъ». Оно чувствуетъ себя не на мѣстѣ, ему неловко среди новыхъ требованій, ему не въ мочоту поднять и понести на своихъ плечахъ тягость современной дѣйствительности. Оно сбито со всѣхъ позицій, оно или мучается чувствомъ своего горькаго безсилія, или же старается обмануть само себя внѣшними признаками жизни... Можно, конечно, дать на дымящихся развалинахъ города пышный обѣдъ, заливать пепелище шампанскимъ и наговорить не мало красивыхъ спичей,—но на зло всѣмъ подобнымъ заявленіямъ общественной силы, нигдѣ и никогда не высказывалось съ такой очевидностью наше общественное безсиліе, наше равнодушіе, какъ именно по случаю пожаровъ, истребившихъ недавно столько прекрасныхъ городовъ, столько богатыхъ селъ!..

Но и не въ смыслѣ укора,—въ самомъ дѣлѣ положеніе со-

временнаго, даже вовсе не пошлаго Русскаго человѣка, принадлежащаго не къ народу, а къ обществу, очень странно и очень тягостно. Въ прежнія времена всѣ отношенія его къ дѣйствительности были, болѣе или менѣе, точно опредѣлены: у него былъ извѣстный запасъ знакомыхъ, ясно обозначенныхъ враждебныхъ силъ, съ которыми онъ считалъ долгомъ бороться наличными, довольно скудными средствами,—и въ этомъ заключался весь его подвигъ. Можно было пробавляться всю жизнь извѣстною долею негодованія, отрицанія, либерализма, носить въ душѣ извѣстный, повидимому недосягаемый идеалъ. Мы говоримъ это не въ насмѣшку, а очень серьезно. Дѣятельность была чисто отрицательнаго характера, направленная на обличеніе, сопротивленіе, осмѣяніе, на сокрушеніе, а не на созданіе; дѣятельность положительная, зиждительная—была невозможна, какъ вслѣдствіе внѣшнихъ условій общественной жизни, такъ и вслѣдствіе смутнаго, немногими даже и сознаннаго чувства—своей безпочвенности, своей разорванности съ народомъ. Дѣятельность, поэтому, была вообще отвлеченная, возможность достиженія идеала (впрочемъ, очень неопредѣленнаго) казалась немыслимою, и люди успокоивались на самомъ стремленіи. «Не дай душѣ твоей—говоритъ одинъ поэтъ того времени—забыть первоначальную причину твоего негодованія,

И вмѣсто блага, вмѣсто *цѣли*,
Одно *стремленье* полюбить!..

Молодыя силы, жаждавшія жизненнаго дѣла или нечувствовавшія въ себѣ призванія къ труду чисто отвлеченному,—порастратясь въ тщетныхъ усиліяхъ и ожиданіяхъ, удовлетворялись подъ конецъ такимъ непроизводительнымъ, отрицательнымъ отношеніемъ къ жизни, вѣчно тоскуя о дѣятельности, о безплодномъ коснѣніи духовныхъ даровъ... Юныя поколѣнія нашего времени, а тѣмъ болѣе поколѣнія грядущія, едва ли поймутъ этотъ чистосердечный, хотя дикій и неестественный вопль той эпохи, выразившійся, напримѣръ, въ слѣдующихъ стихахъ—вполнѣ искренныхъ и внушенныхъ искреннимъ же гражданскимъ чувствомъ:

Но слышно мнѣ порой, въ тиши работъ,
Что бурныхъ силъ не укротило время...
Когда же власть, скажи, твоя пройдетъ,
О молодость, о тягостное бремя?..

Надобно сказать правду, этотъ періодъ времени, о которомъ мы говоримъ, бѣдный внѣшнею жизнью, былъ богатъ жизнью внутренней, и богатъ, преимущественно, разработкою нашего народнаго самосознанія. Мы указываемъ здѣсь, разумѣется, на лучшія стороны этого періода и на тѣхъ его дѣятелей, впрочемъ немногочисленныхъ, въ которыхъ воплотилось его истинное историческое значеніе. Большинство же общества приняло или извѣстный складъ, какъ мы сказали, отрицательнаго отношенія къ жизни, и въ этомъ полагало всю свою дѣятельность, или же коснѣло въ мертвенномъ мирѣ съ дѣйствительностью.

Время досужей отвлеченности миновало. Наступила иная пора. Языкъ событій, говоръ проснувшейся жизни заглушилъ мирныя, отвлеченныя досужія бесѣды; предъявился «спросъ на дѣло»; стремленія, влеченія потребовали практической повѣрки; жизнь разомъ переросла всѣ ходячіе общественные идеалы и позвала къ себѣ всѣ тѣ «бурныя силы», празднымъ избыткомъ которыхъ такъ тяготились во время оно. Увы! немного ихъ уберeглось во всей свѣжести отъ прежняго времени, немного лицъ перешло совсѣмъ готовыми изъ минувшаго въ новый періодъ и стало въ ровень съ задачами наступившей эпохи. Люди, разрабатывавшіе путемъ науки и умозрѣнія наше народное самосознаніе, явились свершителями величайшаго народнаго дѣла, освобожденія крестьянъ, соразмѣряя сознательно и добровольно, — хотя и не безъ боли — требованія возвышенныхъ, выработанныхъ ими принциповъ — съ практическою возможностью. Мѣсто философскихъ трактатовъ заняли проекты объ улучшеніи народнаго быта; благородные идеологи поступили въ мировые посредники. Но, повторяемъ, таковыхъ оказалось не много. Большинство нашего общества очутилось *за штатомъ*, сбилось со старой позиціи и еще не нашло себѣ никакой новой и твердой, да вѣроятно и не найдетъ. Прежнее отрицаніе мигомъ потеряло силу и привлекательность, и если источникъ его еще неисчерпанъ, то самое отрицаніе должно теперь быть уже несравненно глубже прежняго и касаться не внѣшнихъ, а внутреннихъ, еще не тронутыхъ сторонъ жизни.... Плакать о крѣпостномъ рабствѣ крестьянина, горячиться противъ взятокъ, нападать на бюрократію сдѣлалось дѣломъ празднымъ или безплоднымъ — когда рабство было уничтожено, когда открылось, что взятки

одною гласностью не проймешь и причина ихъ коренится вовсе не тамъ, гдѣ ее легкомысленно искали,— когда бюрократами на опытѣ оказывались именно тѣ, которые всего сильнѣе на нее нападали. Тощіе идеалы общества, которые казались ему недосягаемыми и недосягаемость которыхъ вполнѣ обезпечивала его мирное житіе, убаюкивала его совѣсть, оправдывала его бездѣйствіе, — вдругъ оказались достижимыми, или уже отчасти достигнутыми, и обличили всю мелочность и внѣшность его либерализма, всю пустоту и тщету его оппозиціи, всю бѣдность его внутренняго содержанія. Пришлось отодвигать цѣль, т. е. придумывать и сочинять себѣ цѣль болѣе отдаленную, задаваться новыми, болѣе недостижимыми идеалами,— чтобъ найти извиненіе своей лѣни и ускользнуть отъ труда, къ которому чувствовали себя вовсе не подготовленными!

Время дѣйствительно настало трудное. Истина, которой ожидали и чаяли, сначала съ такимъ мучительнымъ напряженіемъ, а потомъ свыкшись съ этимъ мучительнымъ состояніемъ и даже какъ бы слюбившись съ болью, — истина, вопреки ожиданіямъ, не явилась совсѣмъ созрѣвшимъ и спѣлымъ плодомъ, или готовымъ, гдѣ-то состряпаннымъ блюдомъ, которое оставалось только скушать въ удовольствіе,—но явилась, какъ правда жизни, во всей сложности, запутанности, закутанности жизненныхъ нитей, слоевъ, покрововъ, со всѣми случайностями, со всею обычною обстановкой человѣческой лжи, со всею ограниченностью и конечностью внѣшняго своего воплощенія— подъ условіями мѣста и времени. Исторія оказалась вовсе не пустымъ дѣломъ, удоборѣшаемымъ въ мірѣ отвлеченнаго сознанія; *жизнь* приходилось *изжить* не мыслію только, а въ ея ежедневности и ежечасности. Съ другой стороны, при томъ разнообразіи призывовъ, при томъ оглушительномъ хорѣ всякихъ голосовъ, подъятыхъ жизнію, при томъ богатствѣ внѣшнихъ фактовъ, разомъ обрушившихся и завалившихъ нашу прежнюю проторенную дорогу, при томъ лабиринтѣ путей, открывшемся внезапно передъ нами,—необходимо было,—чтобъ не запутаться, найтись и окончательно не сбиться съ толку,— имѣть въ рукахъ настоящую аріаднину нить, носить въ себѣ неугасаемый свѣточъ выработаннаго сознанія, и не терять изъ виду путеводной звѣзды, горящей въ высотѣ, поверхъ земли и всѣхъ ея *фактовъ*.

Все перемѣстилось. Гдѣ было добро, тамъ явилось зло, въ чемъ было зло, то стало добромъ, — что̀ осуждалось, то восхвалилось, въ чемъ полагалась доблесть, то выходитъ теперь порокомъ; точки зрѣнія передвинулись; иные пріемы, иные запросы; многія, казалось, совсѣмъ опредѣленныя, установившіяся понятія соскочили съ своихъ пьедестальчиковъ, на которыхъ они смирно сидѣли, какъ фарфоровыя куколки на дамскомъ столѣ; прежніе кумиры разлетѣлись въ прахъ, и наконецъ, въ довершеніе всего, матеріальныя условія быта измѣнились до такой степени, что весь прежній строй жизни, самый *бытъ* прежній — сталъ невозможенъ.

Это уже не перемѣны внѣшнія, не переряженіе, а перерожденіе, или соціальный переворотъ въ самомъ обширномъ смыслѣ слова.

Общество, — прямой потомокъ Петровскаго общества, послѣдовательно и преемственно образовывавшееся въ теченіе цѣлыхъ полутораста лѣтъ, — выдѣливъ изъ себя все, что̀ оно могло дать, оказалось въ массѣ своей несостоятельнымъ для новой жизни, очутилось, какъ мы уже сказали, за штатомъ, — бѣжало за границу, или же продолжаетъ разрушаться здѣсь, у себя дома, свидѣтельствуя каждый день о своемъ нравственномъ безсиліи. Нельзя не замѣтить, что оно, можетъ быть, даже и не въ мѣру запугано требованіями новой жизни, можетъ быть, оно даже пригодилось бы еще ей на службу—ибо Петровскій періодъ далеко еще не можетъ считаться вполнѣ заключеннымъ, и самыя требованія новой жизни, — по недостатку условій для ихъ дѣйствительнаго, конкретнаго, какъ говорятъ Нѣмцы, осуществленія, — мало-по-малу изъ очень крупныхъ и строгихъ размѣниваются на болѣе мелкія и снисходительныя. Такъ, напримѣръ, судебная реформа, предъявившая было запросъ на самобытное органическое законодательство и сокрушившая ложь старыхъ, также изъ чужи занесенныхъ порядковъ, должна покуда, по необходимости, ограничиваться новымъ заимствованіемъ, изъ той же Европы, болѣе или менѣе сподручнымъ нашему современному Русскому обществу,—но даже и этимъ требованіямъ не въ состояніи удовлетворить наше безсильное общество!... Освобожденіе крестьянъ и всѣ тѣ правительственныя реформы, которыя непосредственно касались народнаго быта, сказывались немедленно

въ цѣлой жизни народа — его подъемомъ, его ростомъ, его явнымъ поступательнымъ движеніемъ: это не призракъ, не бумага, а сама живая, могучая, богатырская дѣйствительность... Не то съ преобразованіями, которыя совершаются преимущественно въ средѣ общественной (напримѣръ, судебная реформа и пр., и пр.). Они не имѣютъ той твердой опоры, которую дала первымъ народная почва. Они совершаются какъ будто въ пустомъ пространствѣ, при всеобщемъ равнодушіи и даже апатіи; имъ некуда пустить корней — въ этотъ пересозидающійся бытъ, при этомъ страшномъ безлюдьѣ! Старое общество отстранилось, новаго общества еще нѣтъ, — надо ждать, пока оно народится, — и народится оно безъ сомнѣнія, но когда и изъ какихъ элементовъ? Не пришло еще время народиться ему изъ элементовъ народныхъ, а тѣ элементы, какіе у насъ имѣются въ виду, могутъ ли они дать здоровое общество? наша молодежь, воспитывающаяся съ дѣтскихъ лѣтъ за границей, наши легкомысленные отрицатели (нигилисты) — вотъ покуда залоги нашего близкаго будущаго! Разумѣется, впрочемъ, что въ дѣйствительности все является не такъ рѣзко, какъ при отвлеченномъ представленіи, — пустота среды можетъ затянуться на время такъ, что не всякому она будетъ и ощутима, и преобразованія будутъ еще долго поправляться и передѣлываться безъ всякихъ заботъ объ органическомъ творчествѣ, цѣльности жизни и т. д.

Что же изо всего этого явствуетъ, какъ пишутъ въ канцелярскихъ бумагахъ? Явствуетъ то, во-1-хъ, что перемѣщеніе Русскаго общества за границу происходитъ преимущественно отъ собственнаго, внутренняго, тайнаго сознанія своей непригодности и несостоятельности; во-2-хъ, что наше новое время требуетъ новаго общества, а таковаго покуда нѣтъ и нѣтъ; въ-3-хъ, наконецъ, что ненадежное общество готовятъ намъ существующіе элементы, что грѣшатъ, сильно грѣшатъ тѣ, которые воспитываютъ дѣтей съ ранняго возраста за границею — и что главная существенная забота всего того, что въ нашемъ обществѣ остается живаго, мыслящаго, нравственнаго и любящаго Русскую землю не въ смыслѣ одпихъ патріотическихъ заявленій, — должна быть направлена на воспитаніе дѣтей, на подготовленіе будущихъ поколѣній. Нужны новые, совсѣмъ новые люди. Пусть же молодыя матери поймутъ те-

перь свое высокое и болѣе чѣмъ когда-либо трудное призваніе, — трудное потому, что приходится оставить старый, торный, и прокладывать совершенно новый путь воспитанія, безъ поддержки примѣровъ и преданій — при разрушающемся старомъ и не установившемся новомъ общественномъ бытѣ....

«Духа не угашайте!»

Москва, 14-го ноября.

«Духа не угашайте», учитъ Апостолъ Павелъ въ одномъ изъ своихъ посланій.... «Буква убиваетъ, а духъ животворитъ», говоритъ онъ же. Старыя слова,—кому, повидимому, неизвѣстныя! кому непонятныя, кѣмъ не повторявшіяся! Но святая истина этихъ старыхъ словъ,— всѣми, повидимому, знаемыхъ, повторяемыхъ, цѣлыхъ 18 вѣковъ сряду назидающихъ христіанскій міръ, — предстоитъ и нынѣ міру, будто непочатое сокровище, во всей неоскудѣваемой полнотѣ своего содержанія, во всей своей неувядаемой свѣжести,—только въ рѣдкія мгновенія раскрываясь вполнѣ сознанію человѣка и каждый разъ поражая его внезапной новизной своего смысла, какъ что-то имъ доселѣ неслыханное, нечаянное, впервые открытое!... «*Душа убываетъ!*» такъ восклицаетъ съ невыразимою скорбью извѣстный мыслитель нашего вѣка, Джонъ Стюартъ Милль,—таковъ отчаянный вопль, несущійся изъ среды современнаго Западно-европейскаго общества.... «*Духа не угашайте!*» звучитъ ему въ отвѣтъ, изъ дали вѣковъ, грозное апостольское предвареніе—съ вѣчною живучестью, вѣчною пригодностью правды!

Мы, впрочемъ, нисколько не имѣемъ здѣсь дерзкаго намѣренія опускаться въ самую бездонную глубь этого апостольскаго завѣта, или писать трактатъ объ его всемірно-историческомъ значеніи и приложеніи. Мы возьмемъ эти слова, именно какъ вѣчно пригодное назиданіе—не только въ религіозномъ, но и въ философскомъ, не только въ церковномъ, но и въ государственномъ отношеніи, не только въ отвлеченной, духовной, но и въ житейской области, не только какъ нравственное наставленіе, приличное въ устахъ учителя или

пророка, но и какъ практическій, мудрый совѣтъ, полезный для государственнаго дѣятеля. Этотъ совѣтъ имѣетъ особенную важность въ Россіи, при такомъ преобладаніи государственнаго начала, какое внесено въ современную Русскую дѣйствительность Русской исторіей.... Тамъ, гдѣ иниціатива принадлежитъ во всемъ внѣшней власти, а сама жизнь скудна органическимъ творчествомъ, тамъ задача власти становится вдвое труднѣе, требуетъ несравненно большей осмотрительности, чѣмъ въ странахъ, гдѣ общественная жизнь вполнѣ самодѣятельна. Какъ ни благодѣтельны могутъ быть намѣренія и дѣйствія власти, она, по самому существу своему, по самой натурѣ своей, вращается въ мірѣ внѣшнемъ, а если и проникаетъ въ область духа, то или отрицательно, или же чрезъ его внѣшнее проявленіе. Поэтому, законодателю, какъ скоро ему приходится имѣть дѣло съ областью духа, предстоитъ всегда опасность переступить предѣлы естественныхъ отправленій своей власти, и касаясь духа, такъ сказать, излишне *овнѣшнить* духъ,—т. е. дать преобладаніе *письму* (какъ выражается Славянскій текстъ посланія) надъ духомъ и угасить духъ. Нельзя не сознаться, что опасность эта была весьма и весьма велика въ эпоху дѣятельности Петра I, при его страстномъ стремленіи все создать силою одной власти и замѣнить ею всякія органическія силы жизни. Конечно, эта опасность уже миновала, и духъ въ Россіи остался все же не угашеннымъ.... Но если иные могутъ, пожалуй, и не соглашаться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые видятъ его, этотъ духъ, какъ искру, покрытую пепломъ, только и единственно въ простомъ народѣ,—то едва ли кто станетъ отрицать, что главный недугъ нашего современнаго Русскаго общества, главная причина, почему даже самыя благія по мысли правительственныя реформы не даютъ у насъ вполнѣ благихъ результатовъ, заключается въ оскудѣніи духа вообще и преимущественно въ Русскомъ обществѣ. Самый мудрый, самый полезный законъ способенъ остаться мертвою буквою, не только совершенно безслѣдною, но даже вредною, если онъ полагается на одну свою внѣшнюю силу, если онъ не ищетъ опереться на духовный элементъ — народнаго или общественнаго сознанія, если несовершенство или формальная ограниченность его, какъ буквы, не восполнится доброю волею воспринимающаго его об-

щества, — если, однимъ словомъ, онъ имѣетъ дѣло съ средою бездушною, или скудною, или робкою духомъ. И дѣйствительно, мы видимъ не мало административныхъ и законодательныхъ мѣръ, которыя, будучи вполнѣ вѣрны по своему принципу, потому только не увѣнчались полнымъ успѣхомъ и не принесли тѣхъ плодовъ, какихъ можно было бы отъ нихъ ожидать, что въ самомъ обществѣ нѣтъ настолько жизни духа, чтобы, подобно дереву, прививаемую законодательную вѣтвь возрастить своей собственной органической, жизненной силой.... Мы не станемъ входить въ подробный разборъ причинъ такого обѣднѣнія въ обществѣ творческой жизненной силы. Мы замѣтимъ только, что за невозможностью замѣнить творчество духа и создавать что-либо въ его области орудіемъ внѣшнимъ, — *уваженіе къ духу* есть единственное нормальное отношеніе къ нему государственной власти при всѣхъ ея отправленіяхъ, и выражается въ бо̀льшемъ или меньшемъ просторѣ, предоставляемомъ ею жизни и дѣятельности духа. Такимъ образомъ и слова Апостола: *духа не угашайте*, ведутъ за собою понятіе о нравственной свободѣ и самодѣятельности духа (столько необходимой и для успѣха самихъ правительственныхъ начинаній), и могутъ служить какъ бы практическимъ правиломъ при совершеніи всякихъ реформъ и нововведеній.... Конечно, мы, Русскіе, поставлены въ болѣе выгодныя условія, чѣмъ нѣкоторые другіе народы: неугасимымъ жертвенникомъ духа служитъ намъ Вѣра; духъ, покидающій нашу общественную среду, продолжаетъ еще жить въ церкви, — но тѣмъ болѣе должны мы беречь и стеречь это драгоцѣнное убѣжище, и не вносить въ него элементовъ *«буквы»*, внѣшности, формализма, которые способны были бы и совсѣмъ погасить тлѣющія въ немъ искры духа....

Далѣе. Одно изъ главныхъ условій для успѣха всякихъ либеральныхъ и прогрессивныхъ мѣръ, говоря вообще, заключается въ томъ, чтобъ эти мѣры не были одиноки, отрывочны, безъ связи съ общимъ строемъ жизни и администраціи, — а также и въ томъ, чтобъ принципъ уваженія къ духу былъ сознанъ и усвоенъ во всей полнотѣ и искренности.... Нерѣдко бываетъ, что частная либеральная мѣра, являясь диссонансомъ въ общемъ хорѣ гражданской жизни, не только не даетъ всей чаемой отъ нея пользы, но приноситъ даже нѣкоторый вредъ

или разстроиваетъ прочія отправленія общественнаго организма. А это, въ свою очередь, побуждаетъ многихъ — или возставать противъ либерализма такой мѣры, или же, за неумѣніемъ съ нею сладить и за неусвоеніемъ ими себѣ, своему сознанію, самаго принципа, лежащаго въ основаніи частной мѣры, возвращаться вновь къ прежней системѣ, — къ той прежней *гармоніи*, которая еще не осуждена вполнѣ ни ихъ мыслью, ни слухомъ.... Прискорбно видѣть, повторяемъ, что многія мѣры, принятыя въ теперешнее царствованіе, мѣры истинно «гуманныя и либеральныя», не отвѣчаютъ, какъ будто, ожиданіямъ и, смущая людей благомыслящихъ, подаютъ имъ поводъ признавать эти мѣры неудобными или преждевременными. Мы же полагаемъ, что причина такого неуспѣха нисколько не лежитъ въ самихъ мѣрахъ....

На эти мысли въ особенности наводитъ насъ статья г. С—на, помѣщенная въ Сентябрской книжкѣ Русскаго Вѣстника подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ по поводу статьи г-жи Кохановской», помѣщенной въ нашей газетѣ, 38 № «Дня», — а отчасти и статья: «Современное движеніе раскола въ Н—ской губерніи», которую читатели найдутъ ниже. — Г. С—нъ, осуждая г-жу Кохановскую за ея восклицаніе: *слава Богу!* вырвавшееся у нея при разсказѣ о раскольникѣ, жалующемся, что при настоящихъ, болѣе снисходительныхъ мѣрахъ правительства, «спасенья не стало», — говоритъ, что теперь, «пока раскольники дѣятельно и успѣшно распространяютъ свое ученіе, пользуясь для того самою свободой, которая дается имъ, теперь такія радостные возгласы по меньшей мѣрѣ преждевременны». По мнѣнію г. С—на, «мѣры снисходительности и разумной свободы, предоставляемой раскольникамъ относительно ихъ религіозныхъ убѣжденій», хотя, конечно, «должны рано или поздно доставить торжество истинѣ надъ заблужденіемъ», но это покуда «гаданія и сладкія надежды», гаданія, основанныя, разумѣется, на самой природѣ вещей, вытекающія изъ сущности дѣла, но которыхъ осуществленіе еще далеко. Главное же теперь, — какъ фактъ неоспоримый, по словамъ г. С—на, — это усиленіе и распространеніе раскола. Мы нисколько и не намѣрены оспаривать этотъ фактъ, подтверждаемый и другими свидѣтельствами, но признаться сказать, мы не видимъ и цѣли, съ которою пи-

шутся такія обличительныя статьи. Или, вѣрнѣе сказать, подобныя статьи, которымъ недостаетъ ни выводовъ, ни поясненій, способны достигать совершенно иной цѣли—такой, которой, мы думаемъ, вовсе и не предполагалъ г. С—нъ,—даже совершенно противоположной... Распространеніе и усиленіе раскола, особенно если допустить, что оно повсемѣстно и не идетъ рядомъ съ внутреннимъ разложеніемъ его, есть, конечно, явленіе очень прискорбное,—но въ этомъ виноваты вовсе не мѣры, принятыя правительствомъ, а скорѣе, можетъ быть, то обстоятельство, что эти мѣры встрѣчаютъ слишкомъ много противниковъ, которые такимъ образомъ препятствуютъ полному послѣдовательному развитію и примѣненію этихъ мѣръ. Конечно, не мы станемъ возражать противъ мѣръ снисходительности и разумной свободы въ дѣлѣ религіозныхъ убѣжденій. Мы позволимъ себѣ только замѣтить, что для успѣха этихъ мѣръ, столь желаннаго для правительства и для всей Россіи, желательно было бы также, чтобъ духъ подобныхъ мѣръ коснулся не одного раскола, но и той среды, отъ которой ближе всего зависитъ усиленіе или ослабленіе раскола. Мы разумѣемъ здѣсь наше православное духовенство. Очевидно, что одновременно съ предоставленіемъ раскольникамъ разумной свободы, самые способы дѣйствій, направленные къ ослабленію раскола, должны значительно измѣниться въ своемъ характерѣ. Старые пріемы уже недостаточны и находятся въ совершенной дисгармоніи съ новою либеральною системою, принятою правительствомъ. Чтобы *теперь* дѣйствовать благодѣтельно на расколъ—нужны орудія совершенно иныя, преимущественно нравственныя. Въ равной мѣрѣ съ усиленіемъ свободы раскола—должна бы усилиться и свобода духовной дѣятельности православнаго духовенства. Въ этомъ-то все и дѣло. Нельзя не пожалѣть, что она слишкомъ слаба, слишкомъ много даетъ мѣста и значенія буквѣ, или, по словамъ Апостола, «убивающему письму» предъ «животворящимъ духомъ»,—слишкомъ скована внѣшностью и всяческой оффиціальностью. Нельзя не признать, къ прискорбію, что и относительно нашего духовенства умѣстно, кажется, назиданіе Павла: «духа не угашайте». Мы совершенно далеки отъ мысли обвинять въ чемъ-либо наше духовенство: мы знаемъ, что вина оскудѣнія духа таится у насъ не столько въ личностяхъ,

сколько въ историческихъ обстоятельствахъ; но какъ бы то ни было, а при приливѣ новыхъ силъ духа къ расколу, необходимымъ былъ бы, какъ кажется, равномѣрный приливъ новыхъ силъ и къ православному духовенству, призванному бороться съ расколомъ. Мы вполнѣ сочувствуемъ съ мѣрами, принятыми нашимъ правительствомъ относительно раскола; онѣ были, повторяемъ, давно желанны всѣми, кто понимаетъ все благо духовной свободы,—но, конечно, желанна въ той же степени и свобода духовнаго противодѣйствія расколу... Съ усилившимся расколомъ возможно бороться только усилившеюся дѣятельностью духа истины. Надо надѣяться, что наше духовенство пойметъ это и, не смущаясь временнымъ распространеніемъ раскола и умноженіемъ числа раскольниковъ, дастъ правительству возможность удержаться на новомъ, принятомъ имъ пути. Въ противномъ случаѣ, при недостаткѣ, въ отношеніи къ расколу, противодѣйствія нравственнаго, при стремленіи со стороны духовенства—вновь, по прежнему, вызвать употребленіе мѣръ строгости и вмѣшательство гражданской власти,—правительство можетъ возвратиться къ старой системѣ, которую бы желало совсѣмъ оставить. А это было бы прискорбно во всѣхъ отношеніяхъ; это было бы невыгодно не только для раскольниковъ, но и для самого духовенства, и, ослабивъ расколъ по внѣшности, придало бы ему новую внутреннюю крѣпость, сплотило бы и сосредоточило бы его силу внутрь,—ту силу, которая теперь, расплываясь и растрачиваясь во внѣшнихъ проявленіяхъ, представляетъ несравненно менѣе опасности и легко могла бы быть побѣждена свободною самодѣятельностью духовенства. Вотъ эта-то свободная самодѣятельность нужнѣе всего въ наше время,—на нее-то слѣдовало бы, по преимуществу, указать г-ну С—ну въ его обличительныхъ статьяхъ,—а возможна ли она при угашеніи духа, возможна ли она безъ полнѣйшаго усвоенія себѣ нашею церковною и гражданскою администраціею высокаго животворнаго начала: *уваженія къ духу*,—выраженнаго въ словахъ Апостола Павла?

Вообще, относительно опасностей, грозящихъ будто бы православной церкви, мы скажемъ, что никакія опасности ей не страшны, какъ скоро она въ согласіи сама съ собою, т. е. съ духомъ своего собственнаго ученія. Позволимъ себѣ кстати

напомнить читателямъ слова Гизо, уже приведенныя нами однажды, а также и нѣкоторыя собственныя наши замѣтки, сказанныя по этому поводу. Христіанской религіи, говорили мы, не нужно дѣлать никакихъ уступокъ, чтобъ жить въ мирѣ съ свободою слова и мнѣнія, съ полноправностью всѣхъ граждан безъ различія и т. п. Все, что только способствуетъ освобожденію духа человѣческаго, ей не только не страшно и не опасно, но желанно и радостно. И дѣйствительно, главнѣйшая опасность для нея заключается въ невѣрномъ пониманіи христіанства со стороны оффиціальныхъ защитниковъ христіанства. Гизо вѣритъ, и мы вѣримъ съ нимъ, что христіанская религія выдержитъ всяческое испытаніе, но «дѣло крайней важности и необходимости, пишетъ онъ въ своемъ недавно изданномъ сочиненіи, чтобъ христіане не обольщались насчетъ предстоящей имъ борьбы, и главное—насчетъ тѣхъ *орудій*, которыя имъ возможно будетъ употребить въ дѣло...» Побѣда можетъ остаться за христіанской истиной только тогда, когда защитники этой истины будутъ вполнѣ ей вѣрны и, откинувъ орудія внѣшней силы, будутъ защищать ее единымъ, соотвѣтственнымъ ея достоинству орудіемъ, когда они убѣдятся, что только въ свободѣ сужденія, въ свободѣ совѣсти, и воспользовавшись всею полнотою собственной свободы, они могутъ обрѣсти необходимую имъ силу для побѣды надъ могуществомъ лжи и мрака, для одолѣнія своихъ многочисленныхъ и искусныхъ враговъ!.. Многіе *католики*—утверждаетъ далѣе Гизо—убѣждены, что вѣра была бы спасена, еслибъ они были избавлены отъ свободы мысли!!... Католики слишкомъ трусятъ свободы, протестанты слишкомъ трусятъ авторитета, но, продолжаетъ онъ, тѣ единственно и могутъ назваться въ наше время дѣйствительными и настоящими защитниками религіи, которые въ одно и то же время исповѣдуютъ во всей полнотѣ христіанскую вѣру и столь же искреннимъ сердцемъ пріемлютъ даръ и испытаніе свободы!»

Если трусить свободы свойство католицизма, то мы съ гордостью, или, вѣрнѣе, съ благодарностью къ Богу можемъ сказать, что не таково свойство истинно-понятаго православія. Нужно желать только, чтобъ мы, православные, вполнѣ прониклись его духомъ и смысломъ, и убѣдились, со всею искренностью, что какъ въ явленіяхъ религіозной области, такъ и

въ явленіяхъ жизни гражданской, свобода духа есть тотъ источникъ самодѣятельности, безъ котораго невозможно ни торжество истины, ни преуспѣяніе гражданское. Нужно наконецъ, чтобъ современныя прискорбныя обстоятельства, свидѣтельствующія объ оскудѣніи духа въ нашемъ обществѣ, въ нашей просвѣщенной средѣ и частію въ нашемъ духовенствѣ, послужили для насъ спасительнымъ указаніемъ; чтобы, такъ сказать, новымъ слухомъ, обновленнымъ сердцемъ и разумомъ принята была нами и новою, жизненною въ насъ властью облечена—святая вѣчная истина апостольскаго назиданія: «духа не угашайте, буква убиваетъ, духъ же животворитъ!»

Условія государственнаго единства и силы.

Москва, 28-го ноября.

«Московскія Вѣдомости», такъ ревниво оберегающія государственное единство Россійской имперіи и съ зоркостью Аргуса обличающія всякую тѣнь посягательства, не только на дѣлѣ, но и въ теоріи, на ея внѣшнюю цѣлость, познакомили публику съ сепаративными тенденціями, проявляющимися въ нѣкоторыхъ окраинахъ Россіи и недавно (въ 254 №) напечатали, какъ убѣдительное доказательство своихъ предположеній, письмо Курляндца барона Ф...., адресованное изъ Брюсселя въ Курляндію. Мы вполнѣ уважаемъ всякое искреннее патріотическое чувство, а слѣдовательно и «Московскихъ Вѣдомостей»; намъ вполнѣ понятны и знакомы эти ощущенія кровной обиды, которыя испытываетъ или должно испытывать самолюбіе каждаго Русскаго, когда иноземцы чинятъ *поруху* нашей чести, народной и государственной. Намъ дорога, какъ завѣтное достояніе, цѣлость государственной территоріи; мы ни одной пяди ея не согласились бы уступить иначе, какъ по нашей доброй, совершенно свободной волѣ; слава, величіе, блескъ, могущество Россіи точно такъ же близки нашему сердцу, точно такъ же захватываютъ его за самую глубь, какъ и сердце всѣхъ простыхъ, не мудрствующихъ лукаво, Русскихъ людей,—

и даже тѣхъ старыхъ поэтовъ, надъ патріотическимъ восторгомъ которыхъ такъ любятъ теперь смѣяться. Но именно потому, что намъ такъ лежитъ на сердцѣ это величіе и слава,— мы бы и хотѣли видѣть ихъ утвержденными на незыблемомъ прочномъ основаніи; именно потому мы и считаемъ нужнымъ охлаждать иногда патріотическіе порывы нашего общества, чтобы обращать его вниманіе на тѣ внутренніе недуги, подтачивающіе наше могущество, которое общество не замѣчаетъ или которыми пренебрегаетъ—въ своемъ патріотическомъ самообольщеніи. Полезно обличать всякія дѣйствительныя сепаративныя тенденціи, но удары, направленные на сепаратистовъ, едва ли не придутся мимо, если мы не углубимся въ разслѣдованіе причинъ самой возможности подобныхъ тенденцій—при той государственной силѣ и прочности, которыми мы такъ привыкли гордиться.

Условіе государственнаго единства состоитъ не во внѣшнемъ единообразіи, формъ и учрежденій, не въ большей или меньшей крѣпости звеньевъ той внѣшней административной связи, которая держитъ и сплачиваетъ всѣ части государства, — но въ силѣ и живучести внутренняго объединяющаго начала. Разумѣется, въ исторіи такое начало является не какъ отвлеченная идея, а какъ извѣстная народность, какъ живая народная личность, — какъ народный организмъ, въ народности котораго и заключается все историческое его призваніе, весь смыслъ и причина его историческаго бытія. Народность для народа то же, что личность въ отдѣльномъ человѣкѣ, — составляетъ такую же неотъемлемую его сущность. Человѣкъ *безличный*, точно такъ же, какъ и народъ безличный, т. е. съ слабо опредѣленною личностью, неспособенъ играть никакой самостоятельной исторической роли; личность, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и народа, является и дѣйствуетъ въ исторіи въ силу внутренняго своего права, и доказываетъ свое право на жизнь тѣмъ самымъ, что живетъ и развивается. Такимъ образомъ право на историческое бытіе извѣстнаго народа коренится въ свойствѣ его личности, т. е. народности, и народность обусловливаетъ все его историческое развитіе. Какъ человѣкъ, дошедшій до презрѣнія къ самому себѣ, до самоуничиженія, теряетъ способность къ развитію и духовно умерщвляетъ себя, такъ и народы обезнародившіеся, т. е. по-

колебавшіеся въ вѣрѣ въ себя, въ свое право на жизнь, въ свою народность и въ ея силы, исчезаютъ съ исторической арены, вымираютъ, перерождаются, перестаютъ существовать исторически. Народность есть условіе жизни и силы и внутреннее объединяющее начало всякаго государства, т. е. той нормы историческаго существованія, которую создалъ себѣ народъ, сложившійся въ гражданское общество; народность состоитъ къ государству въ такомъ же точно отношеніи, какъ всякая органическая сила къ внѣшнему строю своего организма. Нѣтъ государства безъ господствующей народности, безъ того основнаго зерна, которое дало бытіе всему историческому организму. Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, народность, сложившуюся исторически, которая можетъ произойти и изъ сочетанія разныхъ племенъ, но образовавшихъ вмѣстѣ одинъ общій историческій типъ, одинъ общій, народный историческій организмъ съ опредѣленною народною личностью (напр. Французская, Англійская народность). Только такое государство сильно и прочно, которое вполнѣ вѣрно народности, его создавшей, которое есть живой, цѣльный народный организмъ, развившійся и разросшійся собственною своею внутреннею органическою силой. Это не значитъ, что населеніе государства должно состоять только изъ одного племени. Въ предѣлы государства могутъ взойти и другія народности, къ нему могутъ примыкать и другія политическія тѣла. Эти народности или растворяются сами собой въ народности господствующей, сливаются съ ней, такъ сказать ассимилируются, или же, сохраняя свой типъ, теряются въ общемъ типѣ государственномъ, вполнѣ безвредныя, какъ по относительной малочисленности своей, такъ и по отсутствію въ нихъ внутренней силы. Таковы, напримѣръ, Башкиры, Татары, и нѣкоторыя племена Финскаго происхожденія внутри Россіи. Но только тогда эти чуждые ингредіенты вполнѣ для государства безопасны, когда они не пересиливаютъ основнаго элемента. Въ противномъ случаѣ, оно уже перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ было: явится другое государство или нѣсколько, но не то, которое до тѣхъ поръ существовало. Слѣдовательно, все зависитъ отъ внутренней силы самого основнаго элемента. Если же историческая судьба связываетъ государство съ посторонними политическими тѣлами, то только тогда эти постороннія политическія тѣла—напримѣръ,

области съ сложившимся политически обществомъ, съ народомъ, живущимъ самостоятельною гражданскою жизнью — не составляютъ для него тягости, а вполнѣ плотно и прочно примыкаютъ къ государству, когда прирастаютъ къ нему органически, проникаются органическимъ съ нимъ единствомъ. Никакая другая связь не можетъ быть надежна, и прочность этой связи зависитъ не отъ внѣшняго единообразія формъ управленія (хотя, безспорно, это имѣетъ свою важность), а отъ той степени органической *силы сроще́нія*, которою обладаетъ государственный организмъ. Чѣмъ цѣльнѣе этотъ организмъ, чѣмъ дѣйственнѣе или активнѣе въ государствѣ его органическое начало, т. е. народность, тѣмъ притягательнѣе оно, тѣмъ дѣйственнѣе, тѣмъ могущественнѣе сила органическаго сроще́нія, тѣмъ легче прирастаютъ къ нему слабѣйшія постороннія тѣла политическія, тѣмъ крѣпче сплачиваются они въ одно цѣлое, даже безъ особенныхъ внѣшнихъ насильственныхъ и искусственныхъ мѣръ.

Вопросъ объ ассимиляціи, т. е. объ уподобленіи себѣ одной народностью другой, вопросъ очень любопытный и заслуживающій особеннаго изученія. Трудно опредѣлить этотъ законъ съ внѣшнею точностью, потому что онъ коренится не столько во внѣшнихъ условіяхъ, сколько въ нравственныхъ, такъ сказать въ духовныхъ элементахъ каждой народности. Нельзя, напримѣръ, утверждать, какъ непреложное правило, что народность, лишенная политической организаціи, приходя въ столкновеніе съ народностью политически организованною, непремѣнно подчиняется и поглощается ею: исторія представляетъ намъ противные тому примѣры; мы знаемъ, что побѣжденные нерѣдко покоряли себѣ побѣдителей нравственною силою и налагали свою народность на покорившее ихъ государство. Вспомнимъ Русь и Литву, — отчасти Грековъ и Римлянъ. Нельзя также сказать, чтобъ причина такого преобладанія одной народности надъ другой—заключалась непремѣнно въ высшемъ уровнѣ образованности или культуры: почему Французы могли офранцузить Нѣмцевъ, а Нѣмцы не могли ассимилировать себѣ Итальянцевъ, и почти навѣрное можно сказать, никогда не онѣмечили бы Французовъ? Культура Нѣмецкая не ниже, если не выше Французской. Мы видимъ также нѣкоторыя племена христіанскія (даже Славянскія) совершенно отуреченными и пре-

данными теперь исламизму, тогда какъ христіанство само по себѣ, независимо отъ вѣры, есть уже высшая степень культуры сравнительно съ исламомъ. Намъ указываютъ также на могущество пріемовъ управленія, на то, напримѣръ, что Альзасцы во Франціи уравнены совершенно въ своихъ правахъ съ Французскими подданными, что государство Французское не признавало вовсе и существованія Нѣмецкой народности. Но никакое уравненіе правъ не помогло Австріи слить съ собою ея Итальянскія владѣнія, и какъ ни старалась Австрія въ теченіе вѣковъ совершенно не признавать, игнорировать существованіе Славянской народности Чеховъ, Хорватовъ, Сербовъ, воспрещая постоянно употребленіе *народнаго языка* въ училищахъ и оффиціальныхъ сферахъ, — ей не удалось вытравить Славянской народности. Мы не станемъ здѣсь входить въ подробное разсмотрѣніе — въ какой степени каждое изъ этихъ условій или совокупность ихъ содѣйствуетъ ассимиляціи народностей или тѣснѣйшему сплоченію частей государства, но главное условіе, кажется намъ, заключается въ самомъ отношеніи народа къ своей народности, въ бо̀льшемъ или меньшемъ развитіи народнаго самосознанія, въ его самоуваженіи, въ чувствѣ своего личнаго достоинства, въ томъ мнѣніи, которое онъ самъ о себѣ имѣетъ, въ той нерѣдко безотчетной вѣрѣ, которую онъ хранитъ въ самого себя, въ свои собственныя *нравственныя* силы, въ свое историческое призваніе. Дрогнула эта вѣра — народъ слабѣетъ, теряетъ власть претворять инородцевъ въ свою органическую сущность, самъ поддается и подчиняется вѣрѣ крѣпчайшей другаго народа. Если нѣкоторыя христіанскія племена теперь совершенно отуречены, то это происходитъ, конечно, не отъ превосходства ислама надъ христіанскимъ ученіемъ, а отъ слабости христіанскаго сознанія въ этихъ племенахъ, отъ слабости ихъ религіозныхъ убѣжденій, сравнительно съ религіознымъ вѣрованіемъ Турокъ. Точно также и съ народностями. Дрогнула вѣра, повторимъ, въ свою народность, закралось сомнѣніе въ своихъ духовныхъ силахъ, поникло чувство личнаго народнаго достоинства,—чужая народность вторгается въ такой народъ, хозяйничаетъ въ немъ, и государство, при всемъ наружномъ величіи и блескѣ, слабѣетъ, никнетъ, и не въ состояніи удержать не только тѣ приставныя части, которыя только и держались внѣшнею силою,

но и тѣ, которыя, повидимому, приросли къ нему органически. Потому что съ ослабленіемъ народности ослабляется дѣйствіе органическаго начала въ государствѣ, ослабляется сила сращенія, ослабляются всякія связи.

Уваженіе къ своей народности, къ органическому своему началу, къ духу жизни, создающему народную личность, обусловливающему ея историческое бытіе, дающему ей право на историческое существованіе,—есть, такимъ образомъ, условіе жизненной силы и могущества не только народа, но и государства. Чѣмъ крѣпче оно внутреннею духовною мощью, тѣмъ крѣпче оно и внѣшнею силою. Чѣмъ безпрепятственнѣе и дѣятельнѣе развитіе его органическаго элемента, т. е. народности, тѣмъ богаче оно внѣшнимъ благосостояніемъ и всяческимъ преуспѣяніемъ; чѣмъ свободнѣе и возбужденнѣе духъ жизни народной, тѣмъ онъ производительнѣе, тѣмъ могущественнѣе творчество жизни, тѣмъ легче восполняется несовершенство законодательства и управленія (напримѣръ, въ Англіи). Наоборотъ: попробуйте устранить права народности, нарушить естественную правильность органическихъ силъ и замѣнить, однимъ словомъ, организмъ механизмомъ, хотя бы и мудро устроеннымъ, а дѣятельность общественнаго элемента дѣятельностью элемента чисто-внѣшняго, оффиціальнаго,—вы никогда не добьетесь отъ государства силы сращенія, вы придете къ совершенно противоположному результату,—вамъ будетъ постоянно угрожать призракъ сепаратизма,—вы будете осуждены на постоянное безпокойство за свою народность, на необходимость ограждать ее внѣшнею силою.

Ни одинъ народъ въ мірѣ не представляетъ такого цѣльнаго живаго организма, какъ Русскій, ни одинъ, можетъ быть, не одаренъ такимъ богатствомъ силъ и такимъ могуществомъ естественнаго органическаго сращенія и притягательности. Но народное развитіе, творчество и дѣятельность его силъ встрѣчаютъ, къ сожалѣнію и до сихъ поръ, задержку въ Русскомъ обществѣ, котораго отношенія къ народности уже столько разъ были обличаемы въ нашей газетѣ. Про Русское общество можно, кажется, сказать то, что̀ говорили мы выше, разсуждая вообще и безъ примѣненія, именно, что въ немъ, при всемъ его патріотизмѣ, «дрогнула» вѣра въ свою народность (не въ матеріальную силу народа, а въ его начала), явилось сомнѣніе въ

самомъ себѣ, въ своемъ призваніи, въ своемъ нравственномъ правѣ на самостоятельное духовное развитіе, поникло чувство своего народнаго (не политическаго) достоинства, ослабѣло самоуваженіе, и закралось въ душу какое-то душевное подобострастіе передъ авторитетомъ Западной Европы. Въ какой степени виновато тутъ само общество и какая доля вины должна быть отнесена къ другимъ историческимъ обстоятельствамъ— это вопросъ особый. Но во всякомъ случаѣ, такое положеніе общества не могло не воздѣйствовать вредно и на народную жизнь. Благо намъ, что у насъ есть простой народъ, таящій въ себѣ свою народную сущность неприкосновенною, хотя и лишенною покуда полноты своихъ производительныхъ силъ, хотя и ослабленною въ своемъ творчествѣ... Уже по суммѣ разныхъ неблагопріятныхъ у насъ условій для развитія народнаго, можно заключать о степени органической жизненной силы нашего народа,—той *Руси*, безъ которой хотятъ обойтись нѣкоторыя Санктпетербургскія газеты, но которою, повторимъ еще разъ, «только и живетъ, движется и существуетъ Русское государство».

Устраненіе этихъ неблагопріятныхъ условій для развитія народности, для дѣятельности творческаго органическаго начала жизни, должно составлять заботу каждаго, кому дорого преуспѣяніе Россіи, — и кому страшенъ сепаратизмъ. Если васъ безпокоятъ сепаративныя тенденціи, то устремите вашу дѣятельность не столько на внѣшнее искорененіе этихъ тенденцій внѣшними способами (вы ихъ не уничтожите, а заставите притаиться), сколько на возбужденіе той органической силы срощенія въ нашемъ собственномъ организмѣ, о которой мы говорили; направьте ваши удары не на сепаратистовъ, а на тѣ условія, при которыхъ слабѣетъ въ народѣ всепоборающая вѣра въ самого себя, въ свою народность,—на насъ самихъ, на тѣхъ, которые, будучи преданы идеѣ государственнаго единства, не перестаютъ разрывать свое духовное единство съ народомъ. Этимъ мы, конечно, не хотимъ отрицать значенія мѣръ чисто государственныхъ, которыя всегда могутъ способствовать или препятствовать правильному органическому воздѣйствію самой народной жизни; но мы желали бы убѣдить—что не въ нихъ, не въ этихъ мѣрахъ вся сила. Дѣло просто. Если вы хотите, чтобъ васъ уважали, уважайте, прежде всего, себя сами; если

вы желаете, чтобъ чужіе почитали вашу народность, почитайте сами свою народность; если васъ возмущаетъ посягательство на цѣлость государственнаго единства, не посягайте сами на цѣлость вашего духовнаго народнаго организма; если вы домогаетесь, чтобъ другія народности признавали ваши права, признайте сами права вашей народности на самобытное и самостоятельное развитіе,—и знайте, что никакая государственная внѣшняя сила не можетъ восполнить недостатокъ этого нравственнаго самоуваженія въ обществѣ, какъ никакой механизмъ не замѣнитъ живой силы организма. Если вы желаете, однимъ словомъ, чтобъ было сильно, крѣпко и славно ваше государство, содѣйствуйте прежде всего развитію вашей народности, безпрепятственности ея органическихъ отправленій, свободной дѣятельности внутренняго духа жизни... Вы негодуете, напримѣръ, на то, что иноплеменные жители извѣстной мѣстности не принимаютъ Русскаго языка; но зачѣмъ же они станутъ его принимать, когда мы сами отвергаемъ этотъ языкъ въ своей собственной общественной средѣ? какъ бы ни усиливалось правительство наложить его извнѣ на какую-либо народность, онъ будетъ наложенъ только на поверхность и не пройдетъ внутрь, если его права не признаны нашимъ собственнымъ внутреннимъ сознаніемъ. Мало того: трудно, напримѣръ, заставить Нѣмца сдѣлать Русскій языкъ своимъ кровнымъ и замѣнить имъ Нѣмецкій, когда мы сами постоянно замѣняемъ, у себя дома, Русскій языкъ Нѣмецкимъ и черпаемъ изъ него слова и понятія для всей обстановки нашего общественнаго и гражданскаго быта... Только тогда народъ, естественнымъ ходомъ жизни, безъ всякихъ особенныхъ насильственныхъ и искусственныхъ мѣръ, способенъ подчинить своему нравственному вліянію другой, когда его вѣра въ себя, въ свою народность, въ истину своихъ началъ, крѣпче вѣры этого другаго. Такая вѣра, конечно, живетъ въ Русскомъ народѣ, хотя, притомъ, въ немъ нѣтъ никакой наклонности къ завоеваніямъ, къ насильственному подчиненію себѣ чужихъ народностей; такая вѣра жила и не допускала мѣста ни малѣйшему въ себѣ сомнѣнію въ древней Руси,—такой вѣры нѣтъ въ современномъ Русскомъ образованномъ обществѣ, и въ этомъто и заключается главное условіе нашей общественной слабости. Къ этому присоединяются и другія неблагопріятныя условія:

преобладаніе внѣшняго надъ внутреннимъ, механическаго строя жизни надъ органическимъ и т. п. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи примѣръ всего лучше подкрѣпитъ наши доводы. Предъ нашими глазами лежитъ богослужебная книга: «Трифологіонъ или цвѣтословъ», напечатанная въ *1748 году въ богоспасаемомъ градѣ Могилевѣ, въ друкарнѣ* (печатнѣ) *православнаго братства Богоявленія Господня,*—т. е. напечатанная въ томъ самомъ городѣ, за 120 лѣтъ тому назадъ, гдѣ теперь не существуетъ ни братства, ни типографіи иной, кромѣ казенной (Губернскаго Правленія), гдѣ поддержаніе православія стоитъ столькихъ усилій, заботъ и матеріальныхъ жертвъ правительству, почти вовсе и не воспомоществуемому нашимъ обществомъ! Не забудемъ, что за 120 лѣтъ тому назадъ эта дѣятельность православнаго общества въ Могилевѣ не имѣла никакой поддержки со стороны власти,—при тогдашнемъ Польскомъ, католическомъ и враждебномъ «диссидентамъ» правительствѣ,—и опиралась на однѣ свои общественныя силы. Какъ скоро же эти силы были упразднены—при присоединеніи этого края къ православному государству,—то, при извѣстномъ отношеніи нашего общества къ своей народности и вѣрѣ, одно государственное покровительство оказалось недостаточнымъ, край ополячился и олатинился такъ, что теперь трудно было бы и возсоздать прежнее свободное братство, или же, возсоздавъ, возбудить въ немъ прежній духъ жизни...

Мы понимаемъ негодованіе Московскихъ Вѣдомостей на Курляндца Ф. и на тѣ совѣты сепаратистическаго свойства, которые онъ преподаетъ своимъ сородичамъ. Но мы думаемъ, что надобно прежде всего отыскивать корень зла, а не сбивать только однѣ верхушки. Корень лежитъ вовсе не въ однѣхъ привиллегіяхъ Остзейскаго дворянства,—но въ условіяхъ нашей общественной жизни и въ отношеніи нашего собственнаго общества къ своей народности: надо хлопотать о томъ, чтобы не было надобности, по выраженію Грибоѣдова, предпочитать «оригиналы—спискамъ»... Нѣмцы съ понятною гордостью указываютъ на вліяніе своей культуры, своей цивилизаціи, своего языка, своего государственнаго искусства, своихъ административныхъ теорій, пріемовъ, идеаловъ—на нашу жизнь, наше развитіе, нашъ государственный и общественный бытъ: мы дали свои названія и свой типъ вашей служебной іерархіи,

вашей администраціи и многому другому, говорятъ они. Слѣдовательно, чтобы разбить эти притязанія Нѣмцевъ, надобно отнять къ нимъ поводъ; надо засвидѣтельствовать предъ міромъ духовныя права нашей народности, — и засвидѣтельствовать это не какими-либо насильственными, не какими-либо внѣшними только мѣрами, а проявленіемъ нашихъ народныхъ и общественныхъ нравственныхъ силъ. Необходимо прежде всего и выше всего уважать у себя дома свою собственную народность, признать ея права на самостоятельность и дать ей полный безпрепятственный просторъ для развитія, — необходимо увѣровать въ себя, не какъ въ государство только, а какъ въ народность.

1865 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ).

Еще о лженародности.

Москва, 16-го января.

Восхищаться каждымъ проявленіемъ «Русскаго патріотизма», умиляться при словахъ «народъ», «земство», «православные», кѣмъ бы и когда бы они ни были произнесены, — при каждомъ намекѣ на древнюю Русь, при каждомъ внѣшнемъ признакѣ Русскаго національнаго чувства и нѣжной симпатіи къ «Русскому мужичку», приходить въ ярый восторгъ, — это, казалось бы, по нашей части! Такъ, по крайней мѣрѣ, давно порѣшила за насъ публика, и Русскіе каррикатуристы не иначе изображаютъ такъ-называемаго славянофила, какъ въ образѣ мужичища съ усищами, съ бородищей, съ кулачищемъ, въ сапожищахъ, въ зипунищѣ, съ непремѣнными аттрибутами капусты, щей, кваса и т. п. Поэтому не мало были удивлены нѣкоторые наши, впрочемъ очень юные демократы, когда увидѣли, что ихъ Русскій костюмъ не возбуждаетъ въ насъ никакого особеннаго умиленія и именно потому, что Русское платье обращено было ими въ какой-то мундиръ де-

мократизма, вмѣстѣ съ полнѣйшимъ неуваженіемъ къ существеннымъ элементамъ Русской народности. Не менѣе удивлены были многіе и скудостью нашихъ восторговъ патріотическими восторгами Русскаго общества. Имъ казалось страннымъ, что мы не безусловно присоединяемся къ тому хору похвалъ, которымъ само себя такъ громко и безцеремонно тѣшило и еще не перестаетъ тѣшить Русское общество... Оно ли не заслуживало полнаго сочувствія всякаго патріота, а тѣмъ болѣе тѣхъ, кого общество называетъ славянофилами,— оно ли, которое внезапно такъ горячо схватилось любить единство и цѣлость Россійской имперіи, что и Финляндія пошла у него вдругъ за одно съ Тамбовской губерніей, и Финскій языкъ, замѣна которымъ Шведскаго только что предъ этимъ была, со стороны общества, превознесена похвалами, признанъ вдругъ имъ неумѣстнымъ и долженъ, согласно съ новѣйшимъ воззрѣніемъ, замѣниться, по указу, Русскимъ?!... А между тѣмъ, «День» имѣлъ безтактность постоянно напоминать обществу, что, горячась кстати и некстати за внѣшнее единство, оно не перестаетъ въ то же самое время подрывать внутреннюю духовную и нравственную цѣльность коренной Русской земли, и съ любовью къ имперіи мало соединяетъ искренней любви къ Русской народности и народу. «Мудреные люди эти господа, которыхъ зовутъ у насъ славянофилами», подумали многіе, особенно въ кругу нашего свѣтскаго общества: «неудобь нѣкая» въ уразумѣніи ихъ теорій, и еще пущая неудобь въ практическомъ исполненіи ихъ требованій. Никакъ на нихъ не угодить, съ ихъ понятіями о Русской народности! То ли дѣло другая широкая «удобь» положенія! другое широкое опредѣленіе народности! Тутъ есть мѣсто всѣмъ чинамъ и рангамъ, тутъ можно и во главѣ народа постоять, и за народъ, отъ его имени, пошумѣть, и либераломъ прослыть, и получить даже названіе ультра-Русской партіи,— и все это не обязываясь ничѣмъ относительно народности, ничего не лишаясь, ни отъ чего не отрекаясь, ни даже отъ англо-или галло-маніи, тутъ можно, пользуясь выгодами своей патріотической позиціи, подъ общій гулъ возгласовъ за единство и цѣльность, и звуки «національнаго гимна», доставить, пожалуй, торжество и своимъ теоріямъ о патронатствѣ надъ мужиками и патримоніальномъ правѣ, и своей антипатіи къ на-

дѣленію крестьянъ собственностью, къ крестьянской поземельной общинѣ и къ крестьянскому самоуправленію, и своимъ аристократическимъ тенденціямъ и тому подобнымъ Русскимъ народнымъ началамъ»! Оно и дѣйствительно лучше. Прежде Русское свѣтское общество имѣло глупость отрекаться отъ своей національности, стыдиться ея предъ лицомъ Европы, и тѣмъ самымъ подвергало себя вполнѣ заслуженному презрѣнію Европейцевъ. Теперь же поняли, что несравненно приличнѣе и выгоднѣе принадлежать явно къ своей народности, что вотъ и Французы открыто исповѣдуютъ свою національность, и Англичане—свою; что поэтому и нашему свѣтскому обществу теперь весьма благовременно надѣть Русскіе національные цвѣта, что теперь это даже très comme il faut, très distingué, ça pose! Тѣмъ болѣе, что это такъ легко, что это можно выполнить безъ всякихъ жертвъ, безъ всякой работы духа, покаянія, внутренняго перерожденія, и всего того, что проповѣдываетъ «День», и такъ называемые славянофилы!

Что же? и это хорошо; хорошо, что хоть внѣшняя честь оказывается нашимъ свѣтскимъ обществомъ Русскому имени!.. Конечно, это лучше, чѣмъ неуваженіе, но тѣмъ не менѣе мы считаемъ своимъ долгомъ обличить и въ этомъ патріотическомъ движеніи то, что̀, по нашему мнѣнію, есть только новый видъ лжи, и указать на ея опасность. Прежде всего оговоримся, что мы вовсе не думаемъ сомнѣваться въ томъ патріотизмѣ Русскаго общества, который заставляетъ всѣ его классы безъ исключенія, даже наиболѣе испорченные подражаніемъ иностранцамъ, жертвовать жизнью и достояніемъ въ минуты внѣшней опасности — нашествія или только угрозы враговъ. Объ этомъ сомнѣніи не можетъ быть и рѣчи, — но дѣло въ томъ, что этотъ внѣшній патріотизмъ идетъ рядомъ съ такимъ особеннымъ отношеніемъ нашего общества къ своей народности, которое, обезсиливая и разъединяя насъ внутри, нравственно и духовно, подтачиваетъ самую ту внѣшнюю силу и цѣлость, о которыхъ мы такъ заботимся... Сдѣлавъ эту оговорку, продолжаемъ. Было время, когда Русскіе верхніе классы, ослѣпленные блескомъ, обольщенные соблазномъ западной цивилизаціи, исполнившись духа самоотверженнаго подобострастія ко всему чужеземному, спѣшили отречься отъ своей народности и войти скорѣе въ кругъ Европейской граждан-

ственности: не имѣя возможности тотчасъ переродиться, они торопились перерядиться. Ложь чужой національности, перенесенной въ Русскую жизнь, щеголяла открыто во французскомъ кафтанѣ, въ напудренномъ парикѣ, подъ которыми еще продолжало биться, подчасъ, чисто-Русское сердце, продолжалъ работать Русскій умъ и еще отчасти хранились Русскія бытовыя преданія и привычки. Эту ложь заимствованія можно было, такъ сказать, ткнуть пальцемъ: ея проявленіе было грубо, матеріально и слѣдовательно не слишкомъ опасно. Настало другое время, уже болѣе близкое къ намъ: Русскіе люди (мы разумѣемъ здѣсь преимущественно верхніе классы общества) переродились: противорѣчіе между внѣшностью и внутреннимъ содержаніемъ исчезло; все пришло въ своего рода гармонію, своего рода единство и цѣльность: цѣльность отсутствія чего-либо самостоятельнаго, оригинально-творческаго, чего-либо Русскаго въ понятіяхъ, мысляхъ, въ жизни, въ стремленіяхъ; полнѣйшее духовное лакейство предъ Европою; на народность не слышалось и запроса,— и это въ то самое время, какъ политическое возстаніе Россіи наиболѣе льстило нашему соціально-политическому самолюбію и порождало тотъ внѣшній политическій патріотизмъ, который надолго заслонилъ въ сознаніи общества всѣ другія требованія народнаго духа!— Но возникшее одновременно съ реформою Петра и ею возбужденное сознаніе не дремало; оно подавало свой голосъ, обличительный и протестующій, въ отдѣльныхъ личностяхъ, которыя, какъ одинокіе часовые, стоятъ въ пространствѣ историческаго времени сперва на значительныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ, а потомъ все чаще и чаще. Протестъ за правду жизни и за право народности совершался преимущественно въ литературѣ. Сначала еще не довольно ясный или выражавшійся болѣе въ отрицательномъ отношеніи къ жизни, напримѣръ въ сочиненіяхъ Болтина, Фонвизина, Грибоѣдова и Гоголя, онъ, наконецъ, выступилъ какъ ясно сознанное направленіе, выработался какъ цѣлое положительное ученіе. Дѣятельность этого направленія не осталась и не остается безплодною: его неудобные протесты нарушали духовный и нравственный комфортъ свѣтскаго общества, успокоившагося на лжи... Въ то же время и исторія не переставала вразумлять насъ краснорѣчіемъ внѣшнихъ фактовъ. Освобожденіе

крестьянъ сняло съ Русской жизни то позорное клеймо, которое мѣшало ей до сихъ поръ смотрѣть прямо въ глаза остальному человѣчеству. Предъявился запросъ на народность.

Подъ воздѣйствіемъ этихъ-то, отовсюду предъявленныхъ запросовъ, — безсильное отвѣчать на нихъ полной жизненной истиной — вступаетъ теперь наше общество въ третій фазисъ лжи: сначала перерядившееся, потомъ переродившееся и выродившееся, оно — оставаясь такимъ же не Русскимъ, не народнымъ по духу — переряживается теперь снова — уже въ Русское платье. Мы разумѣемъ здѣсь платье не въ буквальномъ, а въ переносномъ смыслѣ. Является лже-народность. Національность Русская, понятая чисто внѣшнимъ образомъ, и даже не понятая, а только перенятая, прикрываетъ собою ложь внутренняго содержанія. Будемъ надѣяться, что современемъ совершится окончательное перерожденіе Русскихъ по крови — въ Русскихъ по духу, но до сихъ поръ въ большинствѣ нашего общества, особенно свѣтскаго, это еще не болѣе, какъ маскарадъ,—переряженіе, потому особенно вредное, что производитъ путаницу понятій, туманитъ глаза, обольщаетъ призракомъ народности, успокоиваетъ пробудившуюся было въ обществѣ національную совѣсть,—мѣшаетъ отличить правду отъ лжи и истинныя народныя начала отъ псевдо-народныхъ.

Намъ случилось присутствовать при горячемъ обмѣнѣ мыслей, хотя и неравномѣрно распредѣленномъ, и слышать въ цѣльномъ изложеніи такія тенденціи и теоріи, которыя прежде мы могли только предполагать и угадывать по отдѣльнымъ намекамъ, по статьямъ, разсѣяннымъ въ газетахъ и брошюрахъ, напримѣръ — теорія о дворянствѣ и аристократіи на Русской почвѣ; слышать даже слова, такъ еще недавно не имѣвшія никакихъ правъ гражданства въ нашемъ обществѣ: «земля», «земщина», «земство» и пр. т. под.: говорилось о народѣ, объ народѣ, отъ имени народа. Не говорилось только объ одномъ: о народности и интересахъ народа, т. е. той части народа, которая по преимуществу носитъ это названіе и достойна этого названія. Недоставало во всемъ этомъ только одного: живаго, искренняго чувства и разумѣнія народности. Либерализма было въ расходѣ много: не предъявлялось спроса только на народность.... «Вы должны бы радоваться», говорили намъ; «вы слышите слова дорогія вашему слуху,

дорогія людямъ того направленія, органами котораго, между прочимъ, служатъ «Московскіе Сборники», «Русская Бесѣда», «Парусъ», «День», которое первое пустило ихъ въ оборотъ общественнаго сознанія, первое напомнило о нихъ забывшему ихъ обществу».— «Дѣйствительно, отвѣчали мы, эти слова намъ дороги, но именно потому, что они намъ истинно дороги, что они для насъ не слова только, а понятія, или, вѣрнѣе сказать, цѣлый порядокъ понятій, вамъ совершенно чуждыхъ, мы не тѣшимся провозглашеніемъ ихъ всуе. Вы опорожнили эти слова отъ ихъ важнаго, древняго, историческаго, завѣтнаго для народа смысла, и вложили въ нихъ другое, несродное имъ содержаніе, — какую-то странную начинку, какой-то фаршъ изъ доморощенной, французской и англійской дичи. Ваше «земство» и «земщина» — не роднымъ чѣмъ-либо звучатъ народу, а какъ the zémstvo, la zémchtina!» Въ самомъ дѣлѣ, внутреннее противорѣчіе содержанія съ внѣшнею формою уже и теперь сказалось отчасти,— не замедлитъ сказаться въ нихъ и вполнѣ. Пусть попробуютъ эти господа (лично достойные, впрочемъ, всякаго уваженія) подумать, напримѣръ, хоть въ области теоріи, о земскомъ соборѣ, и у нихъ тотчасъ же выскочитъ изъ него или палата перовъ, или двѣ камеры, или что-нибудь такое, что̀ такъ же отлично отъ идеи земскаго собора, какъ англо-французская народность отъ Русской, что̀ противно всѣмъ основнымъ требованіямъ исторіи и духа Русскаго народа,—отъ имени котораго они имѣютъ смѣлость или наивность вѣщать, во главѣ котораго они имѣютъ, еще ничѣмъ не оправданное, притязаніе—стоять и величаться! Они прикрываютъ, правда, свою не-Русскую сущность Русскимъ зипуномъ, заимствовавъ даже покрой у XVII вѣка, но что толку въ томъ, когда изъ-подъ распахнувшихся полъ торчитъ англійскій лордъ, или даже не лордъ, а пересадокъ англійскаго аристократизма на Русскую почву, или французская государственность?—Они толкуютъ о соединеніи съ народомъ, или даже не о соединеніи, а объ единствѣ съ нимъ, какъ о совершившемся и существующемъ фактѣ, не признавая за собою никакого грѣха, никакой вины относительно Русской народности, не вѣдая, или вѣрнѣе—упорствуя не вѣдать той, не столько соціальной, сколько нравственной бездны, которая раздѣляетъ ихъ отъ народа и всей области народнаго духа!..

Они даже и о крѣпостномъ правѣ забыли: это и понятно, не они отъ него терпѣли; но если бы это право было для нихъ истинно такъ ужасно, какъ нѣкоторые изъ нихъ восклицали, они бы объ немъ не забыли, они бы продолжали тяготиться этимъ двухвѣковымъ нашимъ грѣхомъ, они бы не раздѣлались такъ легко и комфортабельно съ покаяніемъ, они продолжали бы себя считать въ нравственномъ долгу предъ народомъ. Если бы даже народъ и дѣйствительно забылъ про тяжкія годины крѣпостнаго права, про сдѣланное ему зло, то намъ про это забывать еще рано. Но, впрочемъ, мы и не забыли: духъ крѣпостничества живучъ въ насъ и сквозитъ во всѣ щели нашего либерализма! Въ самомъ дѣлѣ, что слышится, какія ноты преобладаютъ, громче и сильнѣе всѣхъ раздаются въ этомъ либеральномъ хорѣ? Что было высказано и не возбуждало протеста? Неуваженіе къ Русскому народу, опасенія по поводу развитія народныхъ началъ, проповѣдь о пользѣ сосредоточенія поземельной собственности въ рукахъ немногихъ, о привилегированности одного сословія въ ущербъ другимъ, ненависть къ самой древней и наинароднѣйшей формѣ поземельнаго владѣнія въ Русской землѣ—общинной.... наводились подозрѣнія на все и на всѣхъ, кто за народъ и народность!... «Консервативный элементъ только въ дворянствѣ, говорятъ эти господа, а не въ народѣ, который теперь потому только не проявляетъ своихъ дикихъ инстинктовъ, что онъ удовлетворенъ покуда надѣломъ земли и разными льготами».... И съ такой клеветой на народъ, съ такою дерзостью самодовольства, мы рѣшаемся считать себя представителями народныхъ интересовъ! Прекрасное, святое право — говорить «правду»; ничего не можетъ быть желаннѣе этого, давно желаннаго права, но надо знать правду, надо разумѣть правду, надо уважать ее,— а въ этихъ рѣчахъ не правда, а ложь. Консервативный элементъ въ высшихъ классахъ! Не видать бы намъ ни Украйны, ни Бѣлоруссіи, не хвалиться бы намъ теперь своимъ народнымъ единствомъ съ ними, еслибъ сохраненіе народности было поручено одному охранительному элементу высшихъ образованныхъ классовъ. Кто измѣнилъ народности и вѣрѣ въ Западнорусскомъ краѣ? Единственно Западнорусскіе высшіе классы, только одни они, не больше, они и ополячились и окатоличились. Кто погубилъ Польшу и судьбы Польскаго народа?

«Консервативный общественный элементъ», т. е. Польское дворянство, магнаты и шляхта. Кто у насъ первый разрушилъ цѣльность общей народной жизни, подорвалъ органическую силу народнаго творчества, кто отрекся отъ своей народности, отъ своихъ исторических и бытовыхъ преданій, отъ духовнаго единства съ народомъ, кто обезьянничалъ изо-всѣхъ силъ, кто раболѣпствовалъ иностранцамъ, кто исказилъ нашу жизнь чужеземными формами, кто налагалъ на Русскій народъ чужіе законы развитія, кто по очереди былъ то Нѣмцемъ, то Французомъ, то Англичаниномъ, то тѣмъ и другимъ, и третьимъ вмѣстѣ, кто вертѣлся какъ флюгеръ, по дуновенію всѣхъ западноевропейскихъ соціальныхъ и политическихъ теорій,—кто, какъ не мы, какъ не высшіе образованные классы? Что было бы съ Россіей, еслибъ не было у нея устоя въ Русскомъ народѣ! Вообразите себѣ только, что народъ мягокъ какъ воскъ и въ состояніи воспринимать всѣ тѣ формы, какія угодно было бы напечатлѣть на него нашему обществу. Вспомнимъ всѣ фазисы, чрезъ которые прошло развитіе нашей общественной мысли, и поблагодаримъ Бога, что у насъ есть простой народъ, есть такое зерно, котораго не удалось намъ раздробить молотомъ дворянской заемной цивилизаціи. Это зерно сберегаетъ въ себѣ всю сущность нашего народнаго духа, нашего народнаго *я*, нашей національной личности, всего того, почему Россія—Россія. Въ немъ, въ этомъ зернѣ, наша сила и спасеніе, въ немъ, въ его органическомъ развитіи наша будущность, а намъ предлагаютъ, вмѣсто этого зерна, возложить свои надежды на невызрѣвшій плодъ этого зерна, наши высшіе образованные классы!... Невольно вспомнишь про басню Крылова: «Листы и Корни»... Что такое охранительный элементъ? Это элементъ крѣпости основныхъ существенныхъ началъ народнаго бытія, охраненіе ихъ развитія и существованія. Кто же сберегаетъ въ себѣ начала народности, начала гражданскаго и религіознаго существованія Русскаго народа, Русской земли,—кѣмъ по преимуществу охраняются народность и вѣра неприкосновенными? Кто, какъ не народъ, кѣмъ, какъ не народомъ? Ни въ какомъ случаѣ не мы, и не нами. Слава Богу, повторимъ еще разъ, что народъ нашъ такъ неподатливъ, такъ недовѣрчивъ, такъ упрямъ, такъ упоренъ, такъ тяжелъ на подъемъ — что всѣ усилія переряженныхъ и выродившихся

Русскихъ людей изъ «образованнаго класса» разбиваются о его неподвижность. Это такой morceau de résistance, которымъ могутъ легко подавиться петиметры, нѣмцы и лорды Русскаго происхожденія. И люди, предлагающіе намъ *не*-Русское *нововведеніе,* напримѣръ, англійскій строй жизни, наивно увѣряютъ насъ, что они-то и представляютъ собою элементъ охранительный!! Чего, впрочемъ? застоя духовнаго и нравственнаго? можетъ быть. Но какого застоя, застоявшагося на какой точкѣ? Основы политическаго строя и православія хранитъ народъ понадежнѣе ихъ. Древнія формы Русской исторической жизни имъ невѣдомы и нисколько не сочувственны. Что же, спрашивается, будутъ они охранять? Какой строй жизни, какой порядокъ, какіе идеалы? Табель о рангахъ? Или же занесенные въ нашу жизнь принципы чужаго соціальнаго устройства? Съ какого же именно времени, какіе именно??!

Но разрыва съ народомъ никакого нѣтъ, говорятъ намъ, нѣтъ фактовъ этого разрыва, нѣтъ доказательствъ недовѣрія со стороны народа, а потому и хлопотать о пріобрѣтеніи этого довѣрія нечего. Нѣтъ разрыва, нѣтъ недовѣрія! Но, не говоря уже о тѣхъ печальныхъ фактахъ, о которыхъ засвидѣтельствуетъ каждый мировой посредникъ, развѣ не убѣждаемся мы въ этомъ разрывѣ съ народностью—на всемъ строѣ нашей общественной жизни, ежедневно и ежечасно,—на самой литературѣ нашей, такъ мало сочувственной народу, такъ разнорѣчащей съ его основными началами? развѣ не уличаетъ насъ въ томъ—эта же наша собственная галломанія и англоманія? развѣ не громко вопіетъ объ этомъ разрывѣ и недовѣріи—отношеніе нашего народа къ нашему просвѣщенію, нашимъ учрежденіямъ, нашей цивилизаціи, вѣющей чуждымъ для него духомъ?.. Развѣ, наконецъ, не чувствуемъ мы сами на себѣ дѣйствіе этого разрыва, развѣ не сказывается онъ на каждомъ шагу въ безпочвенности, въ безплодности и несамостоятельности нашей науки, въ скудости органическаго творчества жизни, въ безуспѣшности всякихъ нашихъ созиданій со времени реформы Петра? Вся исторія послѣ этой реформы есть исторія разрыва, вся она краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ безсиліи, которымъ запечатлѣны дѣйствія среды, разорвавшей духовный союзъ съ народностью и народомъ. Это безсиліе было столько разъ указываемо нами на страницахъ

Дня, что мы считаемъ излишнимъ долѣе о немъ распространяться. Безсиліе—есть теперь, къ несчастью, девизъ Русскаго высшаго образованнаго класса—какъ «класса». Ему надо стать силой, если онъ хочетъ дѣйствовать на пользу Россіи,—силой нравственной, силой общественной. Этою силой онъ и можетъ стать,—но только тогда, когда, признавъ фактъ духовнаго своего разрыва съ народомъ, своего отчужденія отъ народности, онъ постарается прежде всего загладить свои вины, заслужить довѣріе народа,—а заслужить его можно не словами, а на дѣлѣ только,—и не личнымъ самовосхваленіемъ, а личнымъ самоотверженіемъ на работѣ народному благу, взойдя съ народомъ въ общеніе нравственное и духовное. Сила общества только въ томъ, чтобъ быть вѣрнымъ носителемъ и выразителемъ народной мысли, совершать работу народнаго самосознанія. Безъ этой силы—безсильны сами по себѣ и народныя массы, которымъ недостаетъ сознательности, и общество, которому недостаетъ живаго питанія корней: обѣ эти среды останавливаются въ своемъ развитіи; цѣльность и правильность отправленій всего народнаго организма и кровообращенія въ немъ—разстроивается. Что̀ же нужно? Нужно, чтобъ наша общественная среда, наши образованные классы сдѣлались вѣрнымъ выраженіемъ народнаго самосознанія; только тогда и явится могущество цѣльной жизни; а какимъ же выраженіемъ народнаго самосознанія могутъ они быть, когда они или презираютъ народность, или величаво игнорируютъ ея права, ея запросы,—или же только прикрываютъ народною внѣшностью свои ненародныя тенденціи?

Нашъ высшій классъ изолированъ между правительствомъ и народомъ, говорятъ намъ; этого надо избѣжать чрезъ соединеніе съ народомъ. Но этого-то мы и желаемъ; только желаемъ соединенія искренняго, а не величаваго снисхожденія, желаемъ, чтобы соединеніе съ народомъ и возрожденіе чувства—не патріотическаго собственно, а чувства народности—предшествовало всякимъ прочимъ затѣямъ, которыя могли бы только, по недостатку довѣрія къ намъ народа, еще пуще заподозрить насъ въ его глазахъ и сдѣлать наше положеніе еще болѣе изолированнымъ. А въ какой степени можно вѣрить въ искренность тѣхъ, которые говорятъ о соединеніи, какъ о совершившемся фактѣ,—въ этомъ легко убѣдиться: сто̀итъ только

прослушать хвалебныя себѣ рѣчи нашего образованнаго «класса», его толки о Русскомъ народѣ, его притязанія на опекунство, консерватизмъ и привилегированность положенія!

Пусть же оставятъ народъ въ покоѣ эти непризванные опекуны! Пусть не мѣшаютъ ему въ его медленномъ жизненномъ подъемѣ,—не кладутъ ему новыхъ преградъ на его трудномъ пути, не налагаютъ на Русскую почву новый слой лжи и всякаго хлама. Ему нужно одно: свободы жизни, свободы совѣсти и слова, свободы внутренняго духовнаго развитія. Пусть отойдутъ отъ него прочь лицемѣры и фарисеи народности, которые, подъ видомъ народности, хотятъ привить къ могучему дереву народной жизни—свои узкія теоріи, взлелѣянныя не на нашей землѣ и не подъ нашимъ солнцемъ, и навязать ему, во имя свободы, тѣсноту западнаго соціальнаго устройства! Они могутъ говорить отъ имени націи, могутъ создать внѣшній видъ народной политической организаціи, но это будетъ лже-народъ, какъ и лже-народность: народъ будетъ не съ ними...

О деспотизмѣ теоріи надъ жизнью.

Москва, 30-го января.

Деспотизмъ теоріи надъ жизнью есть самый худшій изъ всѣхъ деспотизмовъ. Даже тогда, когда это явленіе совершается въ судьбѣ отдѣльной человѣческой личности, т. е. когда даже самъ человѣкъ, повинуясь какой-нибудь предвзятой отвлеченной теоріи, усвоенной его умомъ, налагаетъ ее извнѣ и деспотически на свою личную жизнь, и преждевременно насилуетъ душу, не дождавшись, чтобъ эта теорія сама собой свободно обхватила все его нравственное бытіе,—даже и тогда такой способъ дѣйствія рѣдко проходитъ даромъ для человѣка и искажаетъ иногда въ конецъ его нравственную природу. Но въ этомъ, по крайней мѣрѣ, онъ самъ воленъ, это его личное дѣло, онъ за то самъ и расплачивается. Когда же подобныя операціи совершаются надъ живымъ организмомъ цѣлаго народа, и не имъ самимъ надъ собой, а извнѣ,—тогда происходитъ нерѣдко такое разстройство органическихъ отпра-

вленій, такое извращеніе пути народнаго развитія, отъ котораго цѣлыя поколѣнія гибнутъ безплодною жертвой, и развѣ только послѣ долгой череды лѣтъ успѣваетъ народная жизнь кое-какъ оправиться и наладиться снова. Само собою разумѣется, что вредъ подобныхъ операцій обусловливается ихъ внутреннею значимостью, важностью тѣхъ отправленій организма или тѣхъ сторонъ жизни, которыхъ онѣ касаются,— большею или меньшею грубостью, неопытностью, неумѣлостью оператора, а также и степенью реактивныхъ силъ въ самомъ организмѣ народномъ. Первыя три условія очень понятны и не требуютъ объясненій. Что же касается до степени живучести и упругости самихъ нравственныхъ народныхъ силъ, до ихъ способности къ противодѣйствію по добрымъ внѣшнимъ поползновеніямъ на свободу и правильность внутренняго народнаго развитія,—то нѣтъ никакого сомнѣнія, что тамъ, гдѣ народное самосознаніе живетъ и выражаетъ себя въ обществѣ вполнѣ свободно, гдѣ послѣднее дѣйствительно является сознательнымъ разумомъ народнымъ,—тамъ подобныя поползновенія не опасны и сдерживаются во-время общественною нравственною силой, да и самыя операціи едва ли могутъ имѣть мѣсто. Тамъ же, гдѣ общественной силы нѣтъ вовсе, или гдѣ общество само чуждо народной жизни и не является представителемъ народнаго разума (въ чемъ, по преимуществу, и заключается причина безсилія), тамъ, гдѣ народъ привыкъ къ безмолвію и покорности, а самая операція, надъ нимъ производимая, не представляется вполнѣ ясною его сознанію,—тамъ эти операціи иногда какъ будто и удаются, т. е. совершаются, повидимому, вполнѣ благополучно, безъ помѣхъ и препятствій. Но это только повидимому: противодѣйствіе и здѣсь неминуемо. Это противодѣйствіе, какъ протестъ самой жизни, скажется непремѣнно въ разстройствѣ всего народнаго организма, или просто въ безплодности, въ безсиліи правительственныхъ реформъ, даже самыхъ благонамѣренныхъ,—или же въ безобразіи того порожденія, которое даетъ всякая цѣльная почва, принявшая въ себя несвойственныя ей и только волею сѣятеля вложенныя въ нее сѣмена... У насъ вошло въ обычай, даже довольно легкомысленный, постоянно указывать на нелѣпость, уродливость, пошлость, безобразіе, однимъ словомъ—многихъ и многихъ явленій нашей народной и общественной граждан-

ской жизни; цѣлая литература посвящена этому дѣлу обличенія, съ которымъ мы даже до такой степени свыклись, что отдѣлываемся отъ производимыхъ имъ на насъ впечатлѣній однимъ смѣхомъ. Между тѣмъ, говоря по правдѣ, тутъ не до смѣха; тутъ не одна комическая, но и трагическая сторона. Можетъ быть эта способность смѣха надъ собственнымъ безобразіемъ свидѣтельствуетъ о присутствіи въ насъ несокрушимой вѣры въ свои силы, въ способность исправленія и исцѣленія,—но исправленія и исцѣленія тѣмъ не менѣе все еще нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, они почти незамѣтны, а смѣхъ привелъ только къ тому, что все наивно-комическое въ нашемъ безобразіи исчезаетъ, уступая мѣсто уже не смѣшному, а въ нѣкоторомъ смыслѣ трагическому безобразію... Во всякомъ случаѣ, теперь уже намъ не до смѣха. Пора бы добраться и до причины... Но мы уклонились въ сторону. Возвратимся къ главному предмету нашей статьи.

Деспотизмъ теоріи надъ жизнью есть вовсе не тотъ деспотизмъ личнаго произвола, прихоти и страстей, который проявляется иногда въ юридическомъ лицѣ, одаренномъ обширною властью надъ личностью другихъ людей. Такой деспотизмъ, завися отъ нравственныхъ качествъ лица—дѣло большею частью случайное и временное, и сосредоточенный въ одной личности—большею частью касается только поверхностныхъ сторонъ жизни народной. Новѣйшая исторія проявляетъ примѣръ деспотизма иного рода. Слишкомъ медленное развитіе массъ и слишкомъ быстрое прогрессивное движеніе отдѣльныхъ единицъ изъ народа и вообще тѣхъ досужихъ классовъ общества, которые по самому своему положенію менѣе связаны съ общей народной жизнью узами матеріальными и духовными и потому свободнѣе во всѣхъ отношеніяхъ могли, отрываясь отъ нея, вдаваться въ отвлеченную дѣятельность мысли, — произвели, независимо отъ другихъ причинъ, тотъ разрывъ между жизнью и знаніемъ, между практикой и теоріей, которымъ особенно болѣетъ наше время. Намъ замѣтятъ, можетъ быть, что этотъ разрывъ существовалъ до нѣкоторой степени и во всѣ времена, что имъ обусловливается всякое развитіе, что онъ выражается и во всякомъ отношеніи образованнаго къ невѣждѣ,—но мы разумѣемъ здѣсь не живое и животворное, хотя бы и научное знаніе дѣйствительной сущности познаваемаго пред-

мета; мы говоримъ здѣсь о томъ постепенно раздвигавшемся разстояніи между познающимъ и познаваемымъ, которое, наконецъ, почти разобщило ихъ между собою; о томъ космополитическомъ, отвлеченномъ, отрѣшенномъ отъ жизни трудѣ мысли, который, силясь постигнуть общіе законы многосложныхъ жизненныхъ явленій, тѣмъ скорѣе считаетъ ихъ постигнутыми, тѣмъ легче строитъ цѣлыя теоріи и начертываетъ правила для самой жизни, чѣмъ отдаленнѣе стоитъ самъ отъ всѣхъ условій мѣста и времени, отъ живой дѣйствительности явленія. Исторія просвѣщенія свидѣтельствуетъ о томъ, какъ постепенно утрачивалось съ ходомъ цивилизаціи непосредственное чувство и разумѣніе самой жизни, какъ сфера мысли и знанія постепенно отчуждалась отъ нея, отъ почвы народной, какъ постепенно, становясь все отвлеченнѣе и отвлеченнѣе, проникалась она, эта сфера, самонадѣянностью, гордостью, презрѣніемъ къ такъ-называемой практикѣ, т. е. къ живому факту,—какъ часто, считая непогрѣшимыми свои теоріи, она, въ послѣдовательномъ развитіи, сама смѣняла ихъ новыми, считая эти новыя, въ свою очередь, непогрѣшимыми, — какая, наконецъ, доля изъ этой дѣятельности поступала человѣчеству, тѣмъ не менѣе, въ его неотъемлемое достояніе, удѣлялась жизни въ дѣйствительность, воспринималась ею и шла въ ея плоть и кровь. Поэтому, какъ бы ни ошибалась эта дѣятельность, она была и остается вполнѣ благотворною, но только до тѣхъ поръ, пока пребываетъ въ сферѣ чистаго мышленія, познаетъ свои предѣлы и свою натуру, и употребляетъ одни нравственныя орудія,—пока гордая и самонадѣянная, не посягаетъ на самую жизнь, на ея свободу. Впрочемъ, чѣмъ разъединеннѣе сфера этой дѣятельности съ живой дѣйствительностью, чѣмъ отвлеченнѣе мысль, тѣмъ искреннѣе ея вѣра въ себя, тѣмъ ошибочнѣе представляется ей дѣйствительность, тѣмъ оптическій обманъ возможнѣе и вреднѣе, тѣмъ глаже и удобнѣе кажется ей поле жизни для практическихъ опытовъ... Въ самыхъ огромныхъ размѣрахъ явила такое насильственное приложеніе теоріи къ практикѣ, такое закланіе жизни на алтарѣ отвлеченной теоріи—первая Французская революція: это была оргія теоріи, пирующей на развалинахъ сущаго и живаго, — вакханалія деспотизма отвлеченной самоувѣренной мысли отдѣльныхъ единицъ, приносившаго въ жертву теоретически-

понятому идеалу народному — народную совѣсть и нравственность, — въ жертву теоретически понятой свободѣ — дѣйствительную неполитическую, внутреннюю свободу быта, — идеѣ народа — самый народъ Франціи, какъ показала революція 48-го года; теорія до сихъ поръ не можетъ еще понять всей мѣры зла подобнаго деспотизма. Она умѣетъ распознавать деспотизмъ только въ формѣ личнаго произвола, облеченнаго властью, подъ короной и багряницей, — тогда какъ нѣтъ горше и ужаснѣе того деспотизма, который проявляетъ иная «теорія свободы», вооруженная государственнымъ мечемъ, вѣнчанная вмѣсто короны якобинскимъ колпакомъ или аристократическимъ шлемомъ. Нѣтъ вообще ничего опаснѣе теоріи, обладающей такими insignia regia, опирающейся на власть, располагающей возможностью ломать жизнь по своему отвлеченному соображенію о благѣ народномъ, мѣсить ее какъ тѣсто, лѣпить изъ нея, какъ изъ алебастровой массы, фигурки по своему вкусу. Эта опасность, какъ мы уже сказали, тѣмъ особенно сильнѣе, чѣмъ менѣе самая жизнь представляетъ отпора въ сознаніи общества или народа.

Наша историческая жизнь вообще имѣетъ немного сходства съ жизнью Запада, и опасности, подобныя тѣмъ, которыя потрясали Западъ въ новѣйшій періодъ его исторіи, у насъ немыслимы. Но разобщеніе между жизнью и знаніемъ, между практикою и теоріею, между дѣйствительностью и представленіемъ о дѣйствительности, у насъ, вслѣдствіе Петровскаго переворота, сильнѣе чѣмъ гдѣ-либо. У насъ легко получаетъ право гражданства и довольно обширный просторъ для дѣйствованія — даже не своя какая-нибудь теорія, хотя и ошибочная, но все же органически выросшая на родной жизненной почвѣ, — а теорія совершенно чужая, совсѣмъ готовая и построенная вовсе не для нашей жизни. Не имѣя ни времени, ни охоты трудиться надъ изученіемъ и обобщеніемъ законовъ нашей Русской дѣйствительности и выработать ея собственную теорію — по возможности вѣрную, — напротивъ того, имѣя въ своемъ распоряженіи, къ нашимъ услугамъ, столько заграничныхъ теорій, совсѣмъ законченныхъ и готовыхъ, самой новѣйшей отдѣлки, — мы невольно соблазняемся ими и, движимые самою искреннею любовью къ благу народному, спѣшимъ навязать наши благодѣянія бѣдной Русской послуш-

ной жизни. Доступъ же къ этимъ теоріямъ такъ удобенъ и легокъ! стоитъ только отправиться двумъ-тремъ юношамъ-чиновникамъ, кандидатамъ на должности будущихъ государственныхъ дѣятелей, за границу — изучить ту или другую часть управленія или общественнаго устройства, — и вы скоро очутитесь въ области цѣлаго Пандорова ящика съ любыми, разнообразнѣйшими теоріями. Затѣмъ... затѣмъ стоитъ ихъ только прикладывать къ жизни помощью того снаряда, который называется бюрократіей, и той силы, которою этотъ снарядъ приводится въ дѣйствіе.

Мы бѣдны общественною дѣятельностью, общественною производительностью, но мы богаты теперь «просвѣщенными и благонамѣренными» чиновниками. Это, конечно, великое счастье, и лучше имѣть образованныхъ чиновниковъ, нежели невѣждъ, хотя, по мнѣнію нѣкоторыхъ, у этихъ невѣждъ было иногда болѣе, нежели теперь у образованныхъ, связи съ жизнью и если не уваженія къ ней, то какого-то страха передъ нею и значительной доли лѣни. Наши новѣйшіе чиновники совсѣмъ другаго закала. Во-первыхъ, они всѣ болѣе или менѣе одушевлены самою ревностною благонамѣренностью и жаждою дѣятельности; во-вторыхъ, они теоретики; они, какъ образованные люди, числятъ себя въ послѣдователяхъ той или другой европейской научной, экономической, политической, болѣе или менѣе либеральной теоріи; въ-третьихъ, они вѣруютъ въ свое дѣло, въ свой путь, въ свое призваніе, или, вѣрнѣе сказать—въ призваніе своего званія, какъ чиновниковъ. Они состоятъ на службѣ у правительства и у доктрины въ одно и то же время; они возводятъ принципъ принудительной силы на степень благороднѣйшаго орудія для достиженія самыхъ высокихъ и либеральныхъ цѣлей, указываемыхъ доктриною. Между ними и народомъ—нѣтъ почти никакой преграды, которая бы мѣшала ихъ непосредственному дѣйствованію на народъ; нѣтъ почти никакой среды, о которую бы притуплялось ихъ горячее усердіе въ приложеніи ихъ къ теоріи. Та общественная среда, которая и имѣется, сама такъ неплотна, что сдерживать ихъ не въ состояніи, такъ, наконецъ, сама чужда истиннаго знанія и разумѣнія народной жизни, что и подать добраго совѣта большею частью не умѣетъ. Къ тому же, она-то сама и есть главный разсадникъ чиновныхъ дѣятелей, кото-

рыхъ тѣмъ не менѣе она такъ охотно критикуетъ; она поставляетъ главный контингентъ той чиновничьей рати, надъ которою она такъ безпощадно глумится. Такимъ образомъ просвѣщенные и благонамѣренные чиновники обставлены самыми счастливыми для себя условіями. Съ одной стороны, побуждаемые благонамѣренностью, обольщаемые блистательными, совсѣмъ готовыми теоріями, которыми они запаслись изъ иностранныхъ книжекъ,—съ другой подталкиваемые жаждою дѣятельности и удобствомъ для дѣятельности, доставляемымъ оффиціальнымъ ихъ положеніемъ,—соблазняемые видимою мягкостью и послушностью живаго матеріала—т. е. народныхъ массъ,—они не видятъ препятствій для осуществленія своихъ благодѣтельныхъ намѣреній, и—очень понятно—увлекаются ими. Уваженія къ жизни, именно къ Русской жизни, къ народу, какъ къ живому организму, исторія въ нихъ не воспитала; народная жизнь представляется имъ издали какою-то tabula rasa, на которой ничто не написано, а если что̀ и написано, такъ изъ ихъ «прекраснаго далёка» и не разберешь; они вращаются въ кругу такихъ же подобныхъ имъ—служащихъ, служившихъ или имѣющихъ служить чиновниковъ-теоретиковъ, изъ которыхъ вѣдь собственно и состоятъ наши образованные классы! Народная жизнь безмолвствуетъ, т. е. ничего не говоритъ ихъ слуху; кругомъ ихъ бездѣйствующее, безсильное общество,—въ ихъ рукахъ сила, въ ихъ рукахъ власть и просторъ для дѣйствія,—и вотъ скрипитъ и ворочается жизнь народная на своихъ желѣзныхъ осяхъ подъ ихъ облаченными въ лайковыя перчатки руками. Ей ужъ подлинно бываетъ тогда въ чужомъ пиру похмѣлье, потому что пируетъ большею частью даже не своя доморощенная, хотя и искаженная теорія, а чужая, заморская. Впрочемъ, мы не знаемъ, что̀ лучше, или что̀ хуже! «Уваженіе къ народу» можетъ такъ же, въ свою очередь, явиться какъ теоретическій принципъ и выразиться у чиновниковъ тѣмъ, что иной возьметъ какой-нибудь случайный признакъ народной жизни и, не понявъ его сущности или случайности, возводитъ его въ теорію, въ правило и налагаетъ на жизнь въ то время, какъ она двинулась дальше и шире. Другой, вообразивъ себя уразумѣвшимъ именно народную жизнь и схвативъ только ея внѣшность, старается облагообразить и «упорядочить» ее въ формѣ бюрократическаго регламента. Въ обоихъ

случаяхъ такого благонамѣреннаго распоряженія съ живымъ организмомъ, жизнь ускользаетъ изъ ихъ рукъ, чувствуя себя не свободною, смущенною въ своихъ отправленіяхъ и остается непроизводительною... Мы не можемъ строго винить этихъ дѣятелей. Соблазнъ теоріи въ союзѣ съ бюрократическою властью, при бездѣйствіи общества—это такое искушеніе, противъ котораго устоять трудно... Дѣло не столько въ теоріяхъ и началахъ, которыя сами по себѣ могутъ быть и правдивы, и ложны, сколько въ томъ пути, въ томъ способѣ, которымъ проводятся они въ дѣйствительность, въ томъ элементѣ, черезъ который они проходятъ и который привносятъ съ собою въ жизнь. Это тотъ элементъ, который, какъ скоро переступаетъ свои предѣлы, строго обозначенные его природой, тѣмъ самымъ уже невольно парализируетъ то доброе, которое онъ желалъ бы насадить. Такъ напримѣръ, элементу государственному доступна область только одного внѣшняго. Если бы онъ, хотя бы изъ самыхъ высокихъ побужденій, вторгся въ область церкви, общества, народной совѣсти и внутреннихъ народныхъ жизненныхъ отправленій, еслибъ онъ захотѣлъ или счелъ бы себя вынужденнымъ замѣнить собою творчество самой жизни,— онъ не достигъ бы никакой цѣли, онъ не создалъ бы ничего живаго, онъ, напротивъ, умертвилъ бы все живое. Мы уже не разъ приводили сравненіе государства и общества съ корою и сердцевиною дерева: если бы, напримѣръ, кора, составляющая благодѣтельный и необходимый покровъ древеснаго организма,—покровъ, безъ котораго и жизнь сердцевины немыслима, стала все увеличиваться и толстѣть, и ростъ дерева, его силы, его соки пошли бы всѣ въ кору, то это утолщеніе коры мало-по-малу заглушило бы самую сердцевину, а безъ сердцевины погибла бы и жизнь самого дерева... При всей своей благонамѣренности, государство не должно, да и не можетъ никогда замѣнить собою общества, или исправлять его должность. Конечно, бываютъ такія обстоятельства, когда оно къ тому вынуждено, какъ напримѣръ въ нашемъ Сѣверо-западномъ краѣ, но объ этихъ обстоятельствахъ можно только сожалѣть и не слѣдуетъ никогда возводить подобное положеніе въ систему.

Что̀ нужно для всякаго благонамѣреннаго правительства, а слѣдовательно и для нашего, — это той свободы жизни об-

щественной и ея отправленій, въ которой оно само находило бы себѣ указанія для своей дѣятельности и для ея предѣловъ... Но если само общество проникнуто неуваженіемъ къ жизни народной, если оно само чуждо народа, само готово подчиниться раболѣпно чужой теоріи и наложить ее деспотически, въ видѣ благодѣянія, на народную жизнь, — тогда оно само осуждаетъ себя на безсиліе бюрократическими вторженіями извнѣ въ его область. Если нѣкоторые расположены видѣть зло въ чиновничествѣ, то мы, не пускаясь въ споръ, замѣтимъ имъ только, что чиновничье міросозерцаніе живетъ не въ однихъ чиновникахъ по званію и ремеслу, но, къ сожалѣнію, и въ самомъ нашемъ обществѣ, которое развило въ себѣ на жизнь и значеніе народнаго организма—государственную точку зрѣнія,—которое мечтаетъ объ его преобразованіи помощью власти же,—которое ставитъ принципъ государства выше принципа народности. Все это можетъ быть прикрыто либерализмомъ, но въ сущности это все тотъ же сокрытый чиновническій принципъ, на который оно нападаетъ!

Нашъ современный Русскій недугъ есть дѣйствительно казенность, но казенность во всѣхъ видахъ и проявленіяхъ, не менѣе въ общественной средѣ, какъ и въ чиновнической, — казенность какъ принципъ, какъ начало, проникшее во всѣ отправленія нашей жизни, въ насъ самихъ. Эта казенность можетъ щеголять какъ въ государственномъ, такъ и въ общественномъ мундирѣ. Хвататься за какую-нибудь искусственную организацію, чтобы избавиться отъ нея, ни чему не поможетъ; это значило бы идти тѣмъ же ложнымъ путемъ, строить только новый фасадъ, а Россія, по извѣстному выраженію иностраннаго путешественника, и безъ того богата фасадами всякаго рода. Изъ всѣхъ фасадовъ самый худшій есть фасадъ либерализма, когда онъ только что фасадъ. Намъ нужна пуще всего правда жизни, правда слова, правда дѣла, слѣдовательно свобода жизненнаго развитія, свобода слова, возможность дѣла,—намъ нужно сближеніе и общеніе съ народомъ не только внѣшнее, но нравственное и духовное, намъ нужно проникнуться нашимъ народнымъ, не государственнымъ только, самосознаніемъ; намъ нужно возстановить духовную цѣльность нашего народнаго организма, разорванную Петромъ,—и этому не пособитъ вдругъ никакая организація, никакой проек-

тецъ: для этого требуется личный и вовсе не легкій нравственный подвигъ отъ каждаго изъ насъ порознь и всѣхъ въ совокупности. Чиновники же, теоретики-бюрократы и наше либеральное, хотя бы и англоманствующее общество,—предлагающее, напримѣръ, въ одномъ изъ своихъ печатныхъ органовъ, совершить посягательство на древній народный бытъ разрушеніемъ общиннаго землевладѣнія и обезземелить крестьянъ для созданія класса рабочихъ, въ видахъ какой-то экономической свободы,—это все ягоды одного поля, дѣти одной матки, порожденія того же новѣйшаго періода нашей исторіи, того же Петровскаго, прославленнаго, превознесеннаго ими переворота.

О томъ же.

Москва, 6-го февраля.

Мы говорили въ послѣдній разъ о деспотизмѣ теоріи надъ жизнью, объ опасности союза теоріи съ бюрократическою властью, особенно тамъ, гдѣ жизнь безмолвствуетъ, гдѣ общество бездѣйственно и безсильно, и народный организмъ представляется изъ «прекраснаго далёка» чиновниковъ — какою-то tabula rasa, послушнымъ, мягкимъ матеріаломъ, способнымъ воспринять всѣ благодѣтельныя, хотя бы насильственныя напечатлѣнія. Но какъ, при неправильномъ обращеніи соковъ въ древесномъ организмѣ, сила дерева уходитъ въ листья и вмѣсто плода производитъ лиственные наросты, — такъ и въ живомъ организмѣ народномъ, при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ, вся дѣятельность общественной и служилой среды истощается нерѣдко въ однихъ безплодныхъ попыткахъ создать что-либо цѣльное и живое, успѣвая производить только отвлеченныя теоріи, планы и регламенты — если не всегда мертворожденные, то почти всегда обреченные не долгому вѣку. Говоря объ извѣстныхъ историческихъ условіяхъ, мы имѣемъ здѣсь въ виду, главнымъ образомъ, разрозненность высшихъ народныхъ классовъ съ народомъ, разобщеніе общества, нравственное, духовное и историческое, съ народными бытовыми основами и преданіями,—раздвоеніе—сво-

его рода «бифуркацію»—того пути развитія, которымъ идутъ общество и народъ. Какъ скоро органическій ходъ жизни насильственно прерванъ, корни общества, лежащіе въ народной почвѣ, подсѣчены, или едва держатся,—то интеллигенція этихъ оторванныхъ классовъ, не оживляемая приливомъ новыхъ почвенныхъ соковъ, не руководимая ни историческимъ преданіемъ, ни непосредственнымъ чувствомъ народности, ни знаніемъ, ни разумѣніемъ народнаго быта, осуждена на постоянное теоризированіе. «Только корнемъ основаніе крѣпко — говоритъ одна наша старинная грамота XVII вѣка: если корени не будетъ, къ чему прилѣпиться»? Дѣйствительно, послѣ знаменитаго переворота Петра, наше общество, сорвавшись съ корня, не имѣя къ чему прилѣпиться, влеклось по духовенію всякихъ вѣтровъ, слонялось изъ стороны въ сторону, отъ одного иноземнаго образца къ другому, и можно сказать—не жило, а сочиняло жизнь... Не только просторъ господству теоріи открылся обширный, но ничего болѣе, кромѣ теоріи, кромѣ отвлеченныхъ сочиненій на разныя темы жизни, и не способна была породить общественная и служилая духовная производительность. Иначе и быть не можетъ: внѣ народной почвы — повторимъ сказанное нами однажды — нѣтъ основы, внѣ народнаго нѣтъ ничего реальнаго, жизненнаго и всякая мысль благая (хотя бы и либеральная), всякое учрежденіе, не связавшееся корнями съ исторической почвой народной или не выросшее изъ нея органически, не даетъ плода и обращается въ ветошь. Все, что не зачерпываетъ жизни — скользитъ по ея поверхности и тѣмъ самымъ уже осуждено на безсиліе и становится ложью. И сколько накопили мы лжи въ теченіе полутора-столѣтняго разрыва съ народомъ, и еще продолжаемъ копить! Это не значитъ, чтобъ до разрыва не было у насъ ни зла, ни пороковъ, — обильно было того и другаго,—но было единство общей жизни, была правда жизни. Только послѣ разрыва заводится у насъ ложь: жизнь теряетъ цѣльность, ея органическая сила убѣгаетъ внутрь, въ глубокій подземный слой народа, и вся поверхность земли населяется призраками и живетъ, вмѣстѣ съ общественной и служилой средой, призрачною жизнью! Не призрачною была только власть, принадлежавшая этой средѣ и производившая опыты надъ живымъ тѣломъ народа... Дѣйствуя въ безвоздушномъ

пространствѣ, чего не творило наше образованное и въ то же время служилое общество?! Какъ котъ ученый на лукоморьѣ, въ поэмѣ Пушкина, идетъ направо — пѣснь заводитъ, налѣво—сказку говоритъ, такъ и оно, направляясь то въ одну, то въ другую сторону, то къ сторонѣ Германіи, то Франціи, заводило то ту, то другую гражданскую пѣснь или сказку... По мѣрѣ развитія Европейской цивилизаціи, безъ труда усвоивая себѣ ея послѣднее слово — и несравненно легче чѣмъ сама Европа, — оно вслѣдъ затѣмъ спѣшило ломать у себя только-что созижденное и принималось строить снова. Нашей общественной и служилой средѣ ничего не стоило примыкать къ самому передовому движенію Европейцевъ и прилѣпляться къ ихъ новѣйшимъ теоріямъ: ей не чѣмъ было жертвовать, не съ чѣмъ было разставаться, она не несла у себя за плечами никакого историческаго груза, и только дивилась неуспѣху своихъ созданій! Забывъ права жизни, думая внѣшнимъ насиліемъ замѣнить недостатокъ жизненнаго органическаго творчества, она—опираясь на власть и помощью власти—старалась благодѣтельствовать народу такъ, какъ она это понимала, и простодушно пыталась водворить въ жизнь свободу и даже начала анти-государственныя — посредствомъ принужденія, посредствомъ государственной же силы, не подозрѣвая внутренняго противорѣчія—contradictio in adjecto въ собственномъ дѣлѣ! Деспотизмъ перебывалъ на службѣ у всѣхъ возможныхъ либеральныхъ доктринъ нашего общества, и потому не удивительно, что народная жизнь относилась къ нимъ безъ сочувствія, испытывая на себѣ только одно: насилованіе своей органической самобытности; теоретическій либерализмъ общества испарялся,—оставляя осадокъ практическаго деспотизма. Къ счастію общества, народъ—какъ уже было замѣчено нами— продолжаетъ хранить въ себѣ свои коренныя начала, не поддался никакимъ опаснымъ искушеніямъ и соблазнамъ, не освятилъ добровольнымъ участіемъ и согласіемъ никакого существеннаго измѣненія своего внутренняго строя, не уложился ни въ одну заготовленную форму заграничнаго издѣлія.

Можно было бы подумать, что та среда, которая живетъ и дѣйствуетъ въ безвоздушномъ пространствѣ, видя постоянную безуспѣшность своихъ попытокъ, непрочность своихъ созданій, неплодность своихъ посѣвовъ, наконецъ изввѣрится

сама въ себя и пойметъ, въ своихъ либеральныхъ вожделѣніяхъ, что нѣтъ худшаго деспотизма, какъ усиліе замѣнить живой организмъ искусственнымъ механизмомъ, хотя бы и превосходной заграничной работы,—что самымъ либеральнымъ и самымъ плодотворнымъ ея дѣломъ было бы отказаться отъ всякихъ насильственныхъ, во имя либерализма, посягательствъ на естественный ростъ и историческій строй народной жизни, съ которой она давно разорвала живую связь, и признавъ права народнаго организма, уразумѣть то безсиліе, на которое она непреложно осуждена въ своемъ одиночествѣ... Но эта среда, въ своихъ мечтаніяхъ, только переноситъ на себя, конечно нѣсколько въ видоизмѣненномъ видѣ, тотъ элементъ, на который обычно нападаетъ... Продолжая стоять внѣ народа и народности, она, эта среда, какихъ бы усилій ни дѣлала, никогда не создастъ общественной силы, никогда не достигнетъ истинной свободы, пока будетъ понимать эту общественную силу въ формѣ государственнаго же учрежденія, пока будетъ разумѣть свободу чисто внѣшнимъ образомъ, пока не убѣдится, что дѣло въ наивозможномъ очищеніи общественнаго элемента отъ всякой примѣси внѣшнихъ государственныхъ цѣлей. Теперешнія же его попытки представляются намъ въ видѣ извѣстнаго концерта Крылова: музыканты только пересаживаются, но какъ ни пересаживаются, музыка выходитъ плохая. Общество толчется все на одной и той же толокѣ, не замѣчая, что время ему стать на иную почву. Оно какъ ребенокъ, который, чувствуя боль, лишенъ еще, однако, умѣнья распознавать помѣщеніе боли,—не можетъ еще догадаться, гдѣ болитъ и что̀ болитъ. А что оно чувствуетъ боль, это вполнѣ естественно и понятно, это говоритъ отчасти и Сѣверная Почта въ 25 №, слѣдующими, между прочимъ, словами, взятыми изъ газеты Le Nord: «Общее положеніе страны, неопредѣленность законовъ и пр. сильно содѣйствуютъ къ распространенію желанія болѣе широкихъ преобразованій... побуждаютъ даже благоразумнѣйшихъ людей искать скорѣйшаго по возможности выхода изъ этого порядка вещей»...

Но какой выходъ и гдѣ выходъ? Понятно, что оторванное отъ своей почвы, чуждое даже народныхъ и историческихъ инстинктовъ, общество обращаетъ взоры свои на примѣръ и опытъ Запада. Но что̀ видитъ оно на Западѣ? Жалкую наро-

дію на свободу въ Австріи съ ея «verstärkter Reichsrath» (т. е. «умноженнымъ и распространеннымъ государственнымъ совѣтомъ»), или уродливое положеніе Пруссіи?.. Мимо ихъ! Англія? Но Англія-то именно и поучаетъ, что сила ея чисто органическаго свойства, а вовсе не въ государственномъ механизмѣ; изъ Англіи даже и законовъ позаимствовать нельзя, потому что въ Английской практикѣ они оказываются то недѣйствительными, то видоизмѣненными: извѣстно, наконецъ, выраженіе, что Англія сильна не законами, а вопреки законовъ. Настоящая жизнь Англіи сидитъ на такихъ историческихъ и индивидуально-народныхъ основахъ, что внѣ этихъ основъ она немыслима. Франція? Но какія бы формы она ни мѣняла, ея идеалъ, ея кумиръ, источникъ жизни и силы, по ея вѣрованію,—государственная власть съ ея принудительнымъ элементомъ, съ внѣшней правдой, съ наложеніемъ внѣшней государственной формулы на все живое. Она можетъ быть сегодня республикой, завтра имперіей, послѣ завтра конституціонной монархіей, или хоть даже соціалистской общиной, но во всѣхъ этихъ видахъ она является такимъ же воплощеніемъ принципа государственности, принципа неволи и принужденія,—рабства внѣшней силѣ и формѣ. Она атеистка de par le gouvernement, по декрету народнаго или монархическаго правительства—это все равно; она завтра дѣлается снова католичкою по повелѣнію власти; она установитъ потомъ право на трудъ или организацію труда—такимъ же деспотическимъ распоряженіемъ «по указу ея величества свободы»,—«его величества народа», «его величества императора, его величества короля»! Франція до сихъ поръ не понимаетъ, что власть, какая бы она ни была, все власть; ея принципъ не измѣняется отъ того, будетъ ли она исходить отъ лица или собранія, при помощи ли того механическаго государственнаго снаряда, который называется конституціей, или другаго государственнаго снаряда, который называется республикой. Дѣло не столько въ томъ, въ чьихъ рукахъ власть и въ какой степени стѣснены ея политическіе предѣлы внѣшними формами, сколько въ самомъ качествѣ власти, въ ея отношеніи къ бытовой — неполитической свободѣ жизни. Эти же самыя внѣшнія формы, повидимому, ограничивающія власть, въ сущности не болѣе, какъ видоизмѣненіе того же принципа власти и могутъ обра-

титься въ орудіе страшной тираніи для народа, какъ мы это и видѣли не разъ въ новѣйшей исторіи Франціи, въ ея политическихъ переворотахъ за послѣднія три четверти вѣка. Французы не могутъ догадаться до сихъ поръ, что свобода, становясь властью, перестаетъ быть свободой. Самый ужасный деспотизмъ есть тотъ, когда «свобода» и «народъ», по выраженію одного писателя, недавно нами употребленному, облекаются въ багряницу, усвоиваютъ себѣ государственную власть и совершаютъ свои отправленія государственнымъ порядкомъ, то есть тѣмъ путемъ принужденія и насилія, который есть необходимая существенная принадлежность всякаго государственнаго отправленія, всякаго внѣшняго положительнаго закона. Самымъ ужаснымъ деспотизмомъ и былъ деспотизмъ Французской республики. Франція до сихъ поръ вертится въ безъисходномъ кругѣ, постоянно рядя «свободу» то въ тотъ, то въ другой костюмъ государственной власти, подчиняя внѣшней государственной организаціи самую сокровенную жизнь совѣсти, вѣры, мнѣнія. Этотъ законъ, эти организаціи могутъ быть затѣяны изъ побужденій самыхъ либеральныхъ, но тѣмъ не менѣе, налагаемыя извнѣ, они деспотически посягаютъ на бытъ и искажаютъ самое свойство свободы. Возьмемъ, напримѣръ, знаменитое Французское le suffrage universel, всеобщую подачу голосовъ. Народное мнѣніе, народный голосъ—это великая общественная нравственная сила, но что изъ нея сдѣлалось у Французовъ, приложившихъ къ ней государственное устройство, появившихъ ее, какъ внѣшнюю силу? Самое злое орудіе деспотизма...

Этому-то кумиру, т. е. государству, продолжаютъ Французы приносить въ жертву не только свою политическую свободу, но и внутреннюю. Они страдаютъ, болѣютъ, но не видятъ для себя исхода. Вотъ что пишутъ намъ изъ Парижа: «Все у нихъ стянуто, забито въ колодки и подчинено политическимъ цѣлямъ. Огромное большинство извѣрилось въ себя и, отдавшись безусловно на волю слѣпаго случая, живетъ со дня на день. Устарѣлые представители парламентскаго періода стоятъ совершенно одиноко, возбуждая иногда праздное любопытство, но за ними нѣтъ школы, и общественное мнѣніе къ нимъ равнодушно. Впрочемъ нельзя оставить безъ вниманія, что уже совершенно новая партія складывается по немногу въ стѣнахъ

Сорбонны, группируясь около нѣсколькихъ профессоровъ, воспитавшихся подъ вліяніемъ Америки, Англійской манчестерской школы и отчасти даже Германіи. Къ ней до нѣкоторой степени примыкаетъ и Emile Girardin, издатель газеты la Presse. Отличительная особенность этой школы заключается въ такомъ понятіи о свободѣ, которое для Франціи совершенно ново, въ свободѣ не въ смыслѣ прямаго участія во всѣхъ отправленіяхъ политической власти, а въ смыслѣ личнаго и общественнаго самоопредѣленія, помимо всякаго контроля и всякаго покровительства со стороны власти. Въ прошломъ году была помѣщена въ «Прессѣ» замѣчательная статья, въ которой изложена слѣдующая мысль: «Государство и общество (земля) уподобляются двумъ замкнутымъ въ себѣ самихъ сферамъ, правда— соприкасающимися своими окружностями, но имѣющимъ свои особенные центры. Государству предоставляется полновластіе— ничѣмъ формально не ограниченное и даже безотвѣтственное, съ правомъ, по собственному его усмотрѣнію, призывать общество на совѣтъ. Для общества выговаривается неограниченная свобода жизни умственной, религіозной и промышленной, т. е. свобода слова, вѣроисповѣданія, право ассоціаціи, право петицій» (т. е. «челобитень» по старинному языку Руси) и т. д. Таковъ идеалъ; но имѣются ли для этого идеала какія нибудь жизненныя основы въ самихъ свойствахъ Французскаго народа, это еще вопросъ....

Наша статья выходитъ черезчуръ длинна, но, несмотря на боязнь утомить вниманіе читателей, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать общее заключеніе и въ нѣкоторомъ смыслѣ практическій выводъ — имѣя въ виду собственно нашу Русскую современную дѣйствительность и злобу дневи.

И такъ, мы показали картину жалкаго положенія нашего современнаго Русскаго общества, пришедшаго къ сознанію своей совершенной несостоятельности, своего полнѣйшаго нравственнаго и духовнаго безсилія. Ничто такъ не гнететъ душу, нѣтъ въ мірѣ ощущенія болѣе тягостнаго и мучительнаго, какъ это сознаніе своего безсилія, какъ это внутреннее безвѣріе въ свои силы! Такая неспособность, такая импотенція общества парализируетъ въ свою очередь добрыя начинанія и самого правительства,—истощающагося иногда, какъ мы не разъ говорили, въ безплодныхъ, хотя бы и благородныхъ усиліяхъ.

Едвали позволительно надѣяться, что однѣ внѣшнія и извнѣ налагаемыя на общество либеральныя организаціи воскресятъ и оживятъ общество, когда для жизни самихъ этихъ организацій — нужно присутствіе жизни духа и духа жизни (по выраженію поэта), которыхъ именно и недостаетъ нашей общественной средѣ! Едвали самыя благодѣтельныя, повидимому, реформы принесутъ всю ту пользу, которую бы онѣ могли дать,—при такомъ состояніи общества! (Мы не говоримъ объ освобожденіи крестьянъ: коснувшись непосредственно народной жизни, эта реформа имѣетъ полную жизненную правду; не столько въ смыслѣ положительной организаціи, сколько въ смыслѣ освобожденія). Ясно, что дѣло не во внѣшнихъ только учрежденіяхъ, требующихъ для своего дѣйствованія — участія готовыхъ силъ общественнаго духа, — а преимущественно въ томъ, что можетъ оживить самый духъ, возродить самыя силы.

Какъ ни прекрасны въ теоріи многія предположенія, но для успѣха самихъ предположеній необходимы были бы, по нашему мнѣнію, такія мѣры и средства, которыя бы непосредственно дѣйствовали — не на ту или другую внѣшнюю часть общественнаго организма, а на весь его внутренній строй, въ его цѣлости, на общее начало органической жизни. Дѣйствіе этихъ мѣръ и средствъ преимущественно нравственное, и похоже, по словамъ одного писателя, на такъ-называемыя тоническія средства въ медицинѣ,—т. е. дающія общій тонъ физическимъ отправленіямъ больнаго человѣческаго организма. Къ таковымъ мѣрамъ относимъ мы: свободу мнѣнія и выраженія его въ словѣ.

Мысль, слово — неотъемлемая принадлежность человѣка.... Свободная жизнь разума и слова—такая свобода, которую, по настоящему, даже странно формулировать юридически... Эта свобода вовсе не какая-либо политическая, а есть необходимое условіе самого человѣческаго бытія: при нарушеніи этой свободы нельзя и требовать отъ человѣка никакихъ правильныхъ отправленій человѣческаго духа, ни вмѣнять что-либо ему въ преступленіе!... Человѣкъ, стѣсненный въ этой свободѣ, чувствуетъ себя стѣсненнымъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, требующихъ участія мысли и воли, — не годится ни для какого общественнаго дѣла, плохой гражданинъ, плохой слуга государству и обществу. Все это считается старыми избитыми

истинами, а между тѣмъ—странная судьба Русскаго человѣчества!—у насъ именно потому и не обращаютъ вниманія на эти истины, что онѣ — стары! Но безъ воплощенія въ нашу жизнь этихъ старыхъ, — никакія новыя истины не способны оплодотворить насъ, какъ бы усердно о томъ ни хлопотали!... Если требуются отъ человѣка содѣйствіе, помощь, услуга, разумная покорность и исполнительность, то необходимо, прежде всего, дать ему возможность и право — свободно мыслить и говорить....

Все, что здѣсь сказано про человѣка, относится точно такъ же, и еще болѣе, къ человѣческому обществу, котораго живой естественный голосъ въ наше время есть печать. Сколько нибудь излишнее стѣсненіе печати есть стѣсненіе жизни общественнаго разума: оно парализируетъ всѣ духовныя отправленія общества, осуждаетъ всѣ его дѣйствія на безсиліе, удерживаетъ общество въ вѣчной незрѣлости, обрекаетъ на мертворожденность всѣ исчадія его духовной производительности. Поэтому не удивительно, что во всякой странѣ общество остается безучастнымъ ко всѣмъ либеральнымъ нововведеніямъ и встрѣчаетъ ихъ съ мертвымъ равнодушіемъ,— пока продолжаетъ чувствовать, ощущать и слышать свою мысль и слово стѣсненными и скованными.... Нововводимыя учрежденія нуждаются, для своей жизни, въ полномъ искреннемъ сочувствіи, любви, преданности, участіи всѣхъ силъ общественнаго разума и воли,—но возможны ли такія приношенія духа со стороны общества, когда оно не имѣетъ права высказать объ этихъ учрежденіяхъ свое нестѣсненное мнѣніе??!

Наше правительство вполнѣ, кажется, убѣдилось въ этой мысли и готовитъ намъ новый уставъ о печати; но есть мнѣніе, ни на чемъ не основанное и повторяемое у насъ съ вѣтру людьми, пробавляющимися весь свой вѣкъ готовыми чужими афоризмами, что настоящая свобода печати не совмѣстна съ существующимъ у насъ порядкомъ вещей. Это мнѣніе совершенно ложно. Мы полагаемъ, что именно въ Россіи можетъ существовать такая свобода печати, какая немыслима во Франціи и другихъ государствахъ Европейскаго материка. Русскій народъ, образуя Русское государство, призналъ за послѣднимъ, въ лицѣ царя, полнѣйшую свободу правительственнаго дѣйствія, неограниченную свободу государственной власти, — а

самъ, чуждаясь всякихъ властолюбивыхъ притязаній, всякаго властительнаго вмѣшательства въ область государства или верховнаго правительствованія—призналъ за землею мысленно—полную свободу бытовой и духовной жизни, свободу мнѣнія, т. е. мысли и слова. И тѣмъ крѣпче долженъ бы быть этотъ союзъ свободной власти и свободнаго мнѣнія (какъ разумѣется онъ Русскимъ народомъ), что онъ утверждается не на контрактѣ, гдѣ контрагенты стараются каждый оттягать что-либо другъ у друга — какъ въ западныхъ конституціяхъ, а на отчетливомъ народномъ созданіи, создавшемъ Русское государство. Для нравственнаго достоинства самой власти необходимо, чтобы она граничила съ полнотою и свободою цѣлаго міра нравственной жизни, самостоятельно развивающейся и самоопредѣляющейся, съ полною свободою духовнаго и бытоваго народнаго существованія въ государствѣ. Свободное мнѣніе въ Россіи есть надежнѣйшая опора свободной власти—ибо въ союзѣ этихъ двухъ свободъ заключается обоюдная крѣпость земли и государства. Всякое стѣсненіе области духа внѣшнею властью, всякое ограниченіе свободы нравственнаго развитія—подрываетъ нравственныя основы государства, нарушаетъ взаимное довѣріе и то равновѣсіе, ту взаимную равномѣрность обѣихъ силъ, которая есть необходимое условіе благаго и правильнаго хода народной и государственной жизни... Безъ свободной критики не можетъ выработаться общественное сознаніе, — а безъ поддержки общественнаго сознанія не можетъ быть плодотворно никакое правительственное предпріятіе. Безъ внутренняго духа жизни самые мудрые законы останутся мертвою буквою, а жизнь духа немыслима безъ свободы мнѣнія и слова. Съ другой стороны, по нашему мнѣнію, только полная свобода мнѣнія обусловливаетъ неограниченность свободы правительственнаго дѣйствія....

О правѣ челобитныхъ въ древней Руси.

Москва, 20-го февраля.

Въ послѣдней нашей статьѣ мы употребили одно выраженіе, которое, какъ мы слышали, нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей показалось неправильнымъ. Именно, передавая изложенную въ статьѣ Французскаго публициста и издателя газеты la Presse, Emile Girardin, мысль объ отношеніяхъ общества къ государству, мы выразились слѣдующимъ образомъ: «государству предоставляется полновластіе, ничѣмъ формально не ограниченное; для общества же выговаривается неограниченная свобода жизни умственной, религіозной, промышленной, т. е. свобода слова, вѣроисповѣданія, право ассоціацій, право петицій (т. е. «челобитень» по старинному языку Руси) и т. д.». Намъ замѣчаютъ на это, что переводъ «петицій» — «челобитными» невѣренъ, и что въ до-Петровской Руси никакого права петицій или челобитень не существовало. Дѣйствительно, этого права никогда не существовало, какъ права, въ смыслѣ права сознаннаго, закономъ закрѣпленнаго и утвержденнаго, но оно жило и дѣйствовало какъ обычай, какъ самое обыкновенное, естественное отправленіе гражданскаго быта до-Петровской Руси. Наши предки очень бы удивились, еслибъ имъ объявили, что подаваніе челобитень есть какое-то «право», и считается на Западѣ очень важною льготою, даруемою свыше или добываемою снизу! Не менѣе удивились бы и наши правители до-Петровскаго періода, если бы какой-нибудь западноевропейскій юристъ вздумалъ имъ объяснить, что—съ точки зрѣнія западноевропейской—этотъ обычай, повсемѣстный на тогдашней Руси и глубоко вкорененный въ понятіяхъ правительства и общества, служитъ какъ будто къ сокращенію предѣловъ верховной власти! Ни правительство, ни общество Русское этому бы не повѣрили, потому что никакого сокращенія предѣловъ власти тутъ и не было, а просто имъ иначе не мыслилось и иной порядокъ дѣлъ имъ, въ то время, не представлялся возможнымъ... Для оправданія нашихъ словъ приведемъ на удачу нѣсколько примѣровъ:

Въ окружной грамотѣ Царя Михаила Ѳеодоровича 1619 г. іюля 5-го въ Новгородъ, воеводамъ боярину князю Ивану Хованскому, Мирону Вельяминову и дьяку Третьяку Копнину, помѣщенной въ 3-мъ томѣ Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, мы читаемъ слѣдующее: отецъ Государя, Филаретъ Никитичъ, возведенный по возвращеніи изъ Польскаго плѣна на патріаршескій престолъ, «приходилъ» къ великому Государю со всѣмъ «освященнымъ соборомъ», т. е. духовенствомъ, и «совѣтовалъ съ нимъ» о тяжкомъ, разстроенномъ и разоренномъ положеніи Московскаго государства — послѣ продолжительнаго — такъ хорошо называемаго — «Смутнаго Времени»... «И мы — говорится въ грамотѣ — великій Государь царь и великій князь Михаило Ѳеодоровичь всея Русіи, съ отцомъ своимъ и богомольцемъ святѣйшимъ патріархомъ и съ митрополиты и съ архиепископы и съ епископы и со всѣмъ освѣщеннымъ соборомъ, и съ бояры и съ окольничими и съ умными людьми, и со всѣми людьми Московскаго государства о всѣхъ статьяхъ говорили, какъ бы то исправити и землю устроить?» И «усовѣтовавъ» со всѣми этими людьми Московскаго государства, Государь вмѣстѣ съ ними пришелъ къ такому рѣшенію: послать по всей Россіи писцовъ и дозорщиковъ для подробной описи доходовъ и расходовъ и всѣхъ наличныхъ экономическихъ средствъ, которыми можетъ располагать государство; городамъ же велѣть прислать въ Москву депутаціи съ тѣмъ, чтобы онѣ всѣ свои нужды изложили въ петиціяхъ. Это выражено такими словами: А изъ городовъ изо всѣхъ, для вѣдомости и для устроенья указали есмя взять къ Москвѣ, выбравъ изъ всякого города изъ духовныхъ людей по человѣку, да изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ по два человѣка, добрыхъ и разумныхъ, да по два человѣка посадскихъ людей, которые-бъ умѣли разсказать обиды и насильства и разоренье, и чѣмъ Московскому государству полниться и ратныхъ людей пожаловать и устроить бы Московское государство, чтобъ пришло все въ достоинство». И когда они придутъ — сказано далѣе — «мы, великій Государь, съ отцомъ своимъ и богомольцемъ, святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ, совѣтовавъ, по ихъ челобитью, прося у Бога милости, учнемъ о Московскомъ государствѣ промышляти, чтобъ во всемъ поправити, какъ лучше».

Выборные люди, призванные царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ для составленія Уложенія, точно также выражали свои мнѣнія въ формѣ челобитень или, пожалуй, петицій. 1648 г. Іюля 10-го девятнадцатилѣтній царь «совѣтовалъ» съ патріархомъ, съ освященнымъ соборомъ и съ своей царской Думой—о необходимости пересмотрѣть и согласить изданныя въ разное время узаконенія и сочинить новыя. «И тѣ бы новыя статьи—сказано въ подлинномъ актѣ (см. 3 томъ Собр. Госуд. Грам. и Догов., № 129)—по тому же написати и изложити, по его государеву указу, общимъ совѣтомъ, чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ бо̀льшаго и до меньшаго чина, судъ и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ ровно». Это порученіе возложено было, какъ извѣстно, на князя Никиту Ивановича Одоевскаго съ двумя товарищами и двумя дьяками, составившихъ то, что̀ мы называемъ въ наше время «коммиссіей»; но кромѣ коммиссіи, «для того своего государева и земскаго великаго царственнаго дѣла указалъ Государь и бояре приговорили: выбрать изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ Московскихъ изъ чину по два человѣка; изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ большихъ городовъ по два человѣка изъ города, изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ меньшихъ городовъ—по одному человѣку изъ города; изъ Новгородскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ—изъ пятины по человѣку; изъ гостей (купцовъ) трехъ человѣкъ, изъ гостиной и суконной сотни по два человѣка, изъ черныхъ сотень и слободъ по человѣку; изъ посадовъ по человѣку—«добрыхъ и смышленныхъ людей, кому-бъ государевы и земскія дѣла были за обычай» (Акты Арх. Эксп. т. 4, № 27), чтобъ это «государево его царственное и земное дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми утвердить и на мѣрѣ поставить, чтобы тѣ всѣ великія дѣла, по нынѣшнему его государеву указу и соборному уложенію, впредь были ни чѣмъ не рушимы». Уложеніе изготовлялось въ теченіи года и двухъ мѣсяцевъ. Октября 3-го царь съ своей Думой слушалъ Уложеніе, а послѣ того оно было «чтено въ Отвѣтной Палатѣ выборнымъ людямъ, которые къ тому общему совѣту выбраны на Москвѣ и изъ городовъ» и скрѣплено ихъ руками. Всѣхъ подписей, кромѣ царской Думы и Московскихъ дворянъ, 315: изъ нихъ 148 дворянъ городовыхъ, 3 гостя, 12 выборныхъ отъ Московскихъ

сотень и слободъ, 89 выборныхъ посадскихъ изъ городовъ и 15 выборныхъ отъ Московскихъ стрѣлецкихъ приказовъ.

Остановимся здѣсь на два слова. Западно-европейскій ревнитель политической свободы непремѣнно осудилъ бы такое неравномѣрное, по числу, распредѣленіе «голосовъ». Онъ сталъ бы сейчасъ взвѣшивать количество шаровъ или балловъ и нашелъ бы, что большинство предоставлено одному классу, — въ ущербъ другимъ, которые оставлены въ меньшинствѣ. Но до-Петровская Русь не знала счета голосовъ, цѣнила голосъ не по количеству, а по качеству; да и не было никакой нужды въ счетѣ, ибо требовалось только знать мнѣніе: правительство призывало землю на совѣтъ, удерживая за собою полноту власти. Такъ мы видѣли въ актѣ земскаго собора, созваннаго при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ по поводу вопроса объ удержаніи за Россіею Азова (см. «День», 1863 г. № 9), что мнѣніе тридцати двухъ гостей, посадскихъ и выборныхъ отъ черныхъ сотень и слободъ взяло у правительства перевѣсъ надъ мнѣніемъ 160 голосовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, ибо мнѣніе этихъ тридцати двухъ, дѣйствительно. выражало мысль всего остальнаго, неслужилаго народа. И никто изъ дворянъ и не думалъ оскорбиться такимъ предпочтеніемъ. Каждый говорилъ свою мысль, и тѣмъ болѣе оттѣнковъ мысли, соотвѣтствующихъ оттѣнкамъ интересовъ, доходило до свѣдѣнія правительства, чѣмъ вѣрнѣе, безошибочнѣе могло быть обсуждено дѣло. Эти мнѣнія подавались большею частью цѣлыми группами лицъ, а самыя группы обусловливались отчасти сословностью, отчасти мѣстностью. т. е. иногда мнѣніе шло отъ однихъ дворянъ такого-то уѣзда. иногда и отъ дворянъ и отъ прочихъ жителей уѣзда вмѣстѣ: случалось, что одно лицо, отдѣлившись отъ всѣхъ прочихъ. высказывало свою личную мысль, въ видѣ совершенно отдѣльнаго, частнаго мнѣнія,—иногда же «челобитная» подавалась отъ всѣхъ выборныхъ, безъ раздѣленія на группы, т. е. на сословія и мѣстности.

Такъ въ самомъ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, въ 13 главѣ, въ статьѣ 1-й говорится—по поводу учрежденія Монастырскаго Приказа—что оно послѣдовало «по челобитью стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ Московскихъ, изъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, и гостей и гостиной и суконной

и иныхъ разныхъ сотенъ и слободъ, и городовыхъ торговыхъ и посадскихъ людей». Въ то же время эти же выборные подали Государю челобитье: объ отобраніи у духовенства и монастырей вотчинныхъ земель, присвоенныхъ имъ себѣ послѣ запретительнаго указа 1580 года, безъ царскаго разрѣшенія, по произволу писцовъ, составлявшихъ писцовыя книги, и т. д. (Акты Археогр. Эксп. т. 4, № 33). Тамъ же (№ 34) напечатаны челобитныя этихъ же всѣхъ выборныхъ о выгонной землѣ въ городахъ, о томъ, чтобъ она не составляла ничьей отдѣльной собственности и чтобъ люди въ городахъ были «все государевы», а вотчинники-бояре, духовенство, дворяне и иныхъ чиновъ люди не заселяли городовъ крѣпостными людьми и не присвоивали себѣ городскихъ земель и торговли въ крѣпостное владѣніе.—Въ грамотѣ на Тотьму царя Ѳедора Алексѣевича, 1682 года, января 1-го, по дѣлу о сборѣ съ посадскихъ и уѣздныхъ крестьянъ стрѣлецкихъ денегъ по новому окладу и о невзыскиваніи доимочныхъ денегъ за 1680 и 1681 годъ,—мы читаемъ, что Государь приказываетъ прислать ему выборныхъ съ Тотьмы, съ посаду и съ уѣзду—«чтобъ они о томъ о всемъ объявили совершенную свою правду, да о томъ къ намъ, великому Государю, писать, и посадскихъ людей выборъ за руками подать...» (Акты Археогр. Эксп. т. 4, № 251). Наконецъ, съ первымъ воцареніемъ Петра I на престолъ,—еще прежде стрѣлецкаго бунта возведшаго на престолъ, вмѣстѣ съ нимъ, и брата его Іоанна—распускаются по домамъ выборные люди, по двое съ посадовъ—«двойники», собранные въ Москву, по распоряженію царя Ѳедора Алексѣевича, «для разбора и изравненія всякихъ службъ и податей». Объ этомъ созваніи сохранилось свѣдѣніе только въ царской грамотѣ Пермскому воеводѣ князю Ѳедору Борятинскому, въ которой говорится о возвращеніи Пермскихъ выборныхъ—домой. Грамота заключается словами, что объ изравненіи «всякихъ службъ и податей и о чемъ тѣ двойники о мирскихъ дѣлѣхъ били челомъ и подавали челобитныя, и о томъ, противъ ихъ челобитья, нашъ великаго Государя указъ къ Соли-Камской присланъ будетъ вскорѣ» (Акты Истор. т. 5, № 83). На этомъ рубежѣ древней и новой Руси мы и останавливаемся...

До-Петровская Русь можетъ, по справедливости, во многихъ отношеніяхъ гордиться предъ политическою системою со-

временныхъ ей государствъ Западной Европы—тою свободою, которая предоставлялась подданнымъ въ высказываніи ихъ мнѣнія передъ верховною властью, и тѣмъ запросомъ на это свободное мнѣніе, который жилъ въ сознаніи и въ обычаѣ этой власти. То «право петицій», о которомъ въ наше уже время, во второй половинѣ XIX вѣка, ходатайствуетъ Французскій публицистъ, принадлежало до-Петровской Руси въ самомъ широкомъ объемѣ, никогда, нигдѣ, ни въ чемъ не нарушая добраго согласія между правительствомъ и народомъ, даже не возбуждая и мысли о какихъ-либо политическихъ правахъ и привилегіяхъ. Конечно, Французскій публицистъ можетъ именно это и поставить въ вину древней Русской жизни, что ея лучшія гражданскія отправленія не были формулированы въ видѣ положительнаго закона, не были возведены на степень «права» въ юридическомъ смыслѣ этого слова. Но исторія самой Франціи представляетъ примѣры, что юридическое опредѣленіе общественной свободы не всегда гарантируетъ эту свободу, не всегда охраняетъ ее отъ разныхъ coups d'état, и тому подобныхъ государственныхъ переворотовъ, которыми такъ богаты лѣтописи Франціи за послѣднія три четверти вѣка. Тутъ важно не столько юридическое опредѣленіе, сколько живучесть этого обычая свободы въ сознаніи общества, народа и власти,—сколько признаніе этого явленія гражданской жизни нравственнымъ неотъемлемымъ правомъ человѣческаго и народнаго существованія. Нѣтъ ни малѣйшей надобности окрашивать, напримѣръ, обычай подавать челобитныя объ общественныхъ нуждахъ и пользахъ, «о мірскихъ дѣлахъ»—цвѣтомъ политической льготы. Этотъ обычай принадлежитъ къ области той бытовой, неполитической свободы, о которой мы говорили въ послѣднемъ нумерѣ и къ которой относимъ мы свободу слова и мнѣнія. Этотъ обычай ни въ чемъ не стѣснялъ внѣшнимъ образомъ верховной власти правительства, кромѣ того нравственнаго стѣсненія, котораго сама, свободно, ищетъ для себя всякая благонамѣренная власть, стремясь руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ справедливостью, общимъ благомъ, требованіями нравственными. Гражданскіе обычаи древней Руси и представляли именно это искомое для всякой благонамѣренной власти, представляли несравненно шире и богаче, чѣмъ во многихъ странахъ тогдашней Западной Европы, и если что̀ изъ

этихъ обычаевъ и утратилось, такъ благодаря наплыву къ намъ, послѣ переворота Петра I, разныхъ западныхъ политическихъ теорій, наставившихъ на всѣ гражданскія отношенія западную политическую точку зрѣнія и съузившихъ понятіе о бытовой свободѣ въ тѣсное понятіе о политическихъ правахъ и привилегіяхъ. Само собой разумѣется, что гражданскій бытъ древней Руси (котораго внѣшнія формы могли бы, въ потребностяхъ, видоизмѣняться по внѣшности, согласно съ требованіями общественнаго развитія и просвѣщенія, оставаясь неизмѣнными въ принципѣ),—что этотъ гражданскій бытъ мыслимъ только при нравственной и духовной цѣльности всего народнаго организма, при единствѣ нравственныхъ и духовныхъ началъ и интересовъ всѣхъ народныхъ классовъ между собою. И наоборотъ, этотъ бытъ немыслимъ—пока продолжается отчужденіе, напримѣръ, высшаго и образованнаго и служилаго класса не только отъ народа, но и отъ народности, пока господствуютъ—хотя бы и противоположныя одна другой, но все же западно-европейскія политическія точки зрѣнія и системы въ средѣ общественной съ одной стороны, и служилой съ другой. Чего же именно нужно пожелать той и другой сторонѣ? Кажется, это ясно само собою,—распространяться объ этомъ было бы излишне; пожелаемъ только здѣсь кстати, чтобъ историческая память, отшибленная намъ всѣмъ переворотомъ Петра, возвратилась къ намъ снова и ожила въ нашемъ сознаніи...

«Идеалы Дня» по Современной Лѣтописи.

Москва, 6-го марта.

Нельзя не признать за нашимъ новѣйшимъ временемъ, и именно у насъ въ Россіи, той замѣчательной особенности, что оно вызвало и продолжаетъ вызывать каждаго на повѣрку своихъ личныхъ политическихъ убѣжденій. Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, только образованные Русскіе классы. Пробавляться, какъ прежде, смутными политическими вождѣлѣ-

ніями, съ тайнымъ сознаніемъ, внутри себя, ихъ несбыточности или несвоевременности—становится уже невозможнымъ или по крайней мѣрѣ непривлекательнымъ и неудобнымъ. Приходится волей-неволей—опредѣлять не только свою точку зрѣнія, болѣе или менѣе теоретическую,—но даже и «точку стоянія», Standpunct, какъ выражаются Нѣмцы, т. е. гдѣ стоишь, съ кѣмъ стоишь и за что̀ стоишь? Обстоятельства побуждаютъ къ точному и неуклонному отвѣту; предъявляется запросъ на опредѣленное, какое бы то ни было, политическое вѣроисповѣданіе, на положительный символъ политической вѣры. Можетъ быть мы нѣсколько преувеличиваемъ, т. е. придаемъ ту важность этому явленію, которой оно въ настоящее время еще не имѣетъ—по крайней мѣрѣ не въ такой степени: все это очень можетъ быть, но во всякомъ случаѣ—таковъ неминуемо долженъ быть логическій ходъ отвлеченнаго сознанія той нашей среды, которая называется обществомъ и которая, живя своею отдѣльною жизнью, доходитъ въ своемъ развитіи до многихъ теоретическихъ вопросовъ, которые ставитъ и рѣшаетъ себѣ совершенно независимо отъ ихъ практической своевременности. Нерѣдко:

> **Въ столицахъ шумъ. Гремятъ витіи.**
> **Кипитъ бумажная война.**
> **Что̀-жъ тамъ во глубинѣ Россіи?**
> **Что̀ тамъ?... Нѣмая тишина...**

Тѣмъ не менѣе разъ начавшаяся, хотя бы и отвлеченная жизнь нашего общественнаго сознанія должна совершить свой кругъ вполнѣ, и потому мы можетъ только радоваться, что въ ней возникаетъ запросъ на бо̀льшую отчетливость и опредѣлительность убѣжденій. Остается желать, чтобы печать наша была скорѣе поставлена въ тѣ условія, при которыхъ не было бы мѣста недомолвкамъ, двусмысленностямъ, намекамъ и неизбѣжнымъ отъ того—недоразумѣніямъ.

Но едва ли къ недоразумѣнію можемъ мы отнести статью неизвѣстнаго автора, за подписью: «Провинціальный Читатель», въ 8 № Современной Лѣтописи или воскресныхъ прибавленій къ Московскимъ Вѣдомостямъ,—подъ заглавіемъ: «Идеалы газеты День». Мы очень благодарны автору за попытку разъяснить наши, или, какъ онъ выражается, славянофильскіе идеалы; мы готовы были бы какъ ему, такъ и каж-

дому помочь въ этомъ близкомъ намъ дѣлѣ; мы были бы не прочь и отъ са̀мой обстоятельной полемики по интересующему г. «Провинціальнаго Читателя» вопросу, если бы съ одной стороны эта обстоятельность была вполнѣ доступна какъ намъ, такъ и нашимъ оппонентамъ, а съ другой, если бы почтенный г. Читатель обнаруживалъ болѣе умѣнья читать и понимать читаемое. «Уже слово найдено?» восклицаетъ онъ стихомъ изъ Онѣгина въ началѣ своего изслѣдованія о нашихъ «идеалахъ» и потомъ, вырвавъ два или три выраженія изъ передовой статьи 6 № Дня, заканчиваетъ слѣдующимъ полновѣснымъ выводомъ: «славянофильскія теоризированія Дня, говоритъ онъ, въ которыхъ нѣтъ никакого смысла, могутъ вести только къ «демократическому царизму, который призывалъ бы государя деспотически властвовать надъ приниженною массою», о чемъ говорится въ статьѣ газеты Le Nord, переведенной въ Русскомъ Инвалидѣ и въ передовой статьѣ 30 № Московскихъ Вѣдомостей... «Не это ли,—восклицаетъ онъ въ заключеніе и въ отвѣтъ своему эпиграфу изъ Онѣгина,—не это ли, вмѣстѣ съ поземельной общиной, составляетъ государственный и общественный идеалъ газеты День, и не добрались ли мы до положительнаго смысла ея общихъ мѣстъ и намековъ?» И такъ—слово найдено: нашъ государственный и общественный идеалъ: демократическій царизмъ, деспотизмъ и приниженная масса. Обвиненіе капитальное! Гордый такою находкою, поразивъ на поваль славянофиловъ, авторъ самъ удерживаетъ за собою выгодную позицію благородно-негодующаго либерала. И конечно—есть отъ чего придти въ негодованіе! Посудите сами: приниженная масса!! Вѣдь это значитъ: безправная, безгласная, порабощенная, униженная народная масса... Вотъ чего добивается для народа День и противъ чего возстаетъ, повидимому, народолюбивый авторъ! Какимъ же образомъ этотъ самый День, мечтающій о приниженіи народной массы, называется въ то же время и въ той же статьѣ демократически-соціальнымъ журналомъ,—это противорѣчіе остается необъясненнымъ, но не въ этомъ дѣло. Возвышенный либерализмъ автора, принимающаго подъ свою защиту народъ, который мы, напротивъ, хотимъ будто принизить, достоинъ искренняго сочувствія, и прежде всего со стороны тѣхъ, которые стоятъ за права и свободу народ-

ной жизни, т. е. славянофиловъ; но помедлимъ немного съ славянофильскимъ сочувствіемъ и поищемъ у автора болѣе существенныхъ примѣтъ его либерализма. Либералъ-то онъ либералъ, но посмотримъ поближе—какого сорта. Сорта извѣстнаго, читатель, и вамъ, вѣроятно, знакомаго: вы сейчасъ же узнаете его по слѣдующимъ примѣтамъ, несмотря на все стараніе автора замаскироваться. Онъ, народолюбивый авторъ, явный противникъ кореннаго народнаго учрежденія—поземельной общины; онъ называетъ дворянскую грамоту Екатерины II «великолѣпнымъ памятникомъ законодательства», подъ сѣнію котораго, между прочимъ, «Россія прожила славнѣйшее доселѣ время своей исторической жизни»; далѣе идутъ: тонкій намекъ на «аграрные законы», вмѣстѣ съ извѣстными выходками противъ «бюрократіи и ея нивеллаторскихъ инстинктовъ»,—и презрительное выраженіе «о какихъ-то потерянныхъ основахъ народной жизни, которыхъ надобно искать въ мірской сходкѣ!» Все это очень явно даетъ намъ уразумѣть—съ какого сорта либераломъ мы имѣемъ дѣло. Точь-въ-точь такимъ же либеральнымъ костюмомъ, съ такими же нападеніями на бюрократію и съ такимъ же восхваленіемъ дворянской грамоты или аристократическаго принципа—прикрываются и теоріи Московскихъ Вѣдомостей объ обезземеленіи крестьянъ и о сосредоточеніи поземельной собственности у крупныхъ землевладѣльцевъ,—вмѣстѣ съ предоставленіемъ имъ, въ качествѣ образованныхъ людей, права наказывать крестьянъ розгами (Москов. Вѣдомости № 161, 1864 г.). Въ такомъ же вкусѣ и либерализмъ гг. Бланковъ, Ржевскаго и прочихъ многочисленныхъ адептовъ почтенной газеты. Это либерализмъ—зиждущійся на обезземеленіи крестьянъ! Вотъ онъ—идеалъ, къ которому влекутся эти поборники свободы, эти благородные противники бюрократизма, а въ сущности—самые усердные защитники и «столпы» бюрократіи! Въ самомъ дѣлѣ, эти господа какъ бы усвоили себѣ въ видѣ непремѣнной принадлежности ихъ либеральныхъ теорій—нападки на бюрократію. Такое положеніе очень выгодно, потому что самымъ дешевымъ способомъ даетъ возможность прослыть либералами. Гдѣ нападаютъ на бюрократію — тамъ ужъ непремѣнно, значитъ, пахнетъ либерализмомъ! Вѣдь возставать противъ бюрократизма—это значитъ стоять за права органической жизни? А

стоять за права жизни... да кто же можетъ опорочить такое знамя?!

Оставляя покуда въ сторонѣ рѣчь о нашихъ собственно идеалахъ, постараемся снять маску съ нашихъ противниковъ и показать, что въ сущности они и бюрократы—одного поля ягода, служители одного и того же начала, и что «демократствующій царизмъ съ деспотическимъ властвованіемъ надъ приниженною массой» есть,—конечно, не цѣль и не идеалъ (мы будемъ добросовѣстнѣе нашихъ противниковъ),—но непремѣнный результатъ ихъ либеральныхъ стремленій.

Что̀ такое бюрократизмъ въ обширномъ смыслѣ слова? Это преобладаніе государственнаго начала надъ жизнью, это притязаніе замѣнить новыя силы народнаго организма искусственнымъ механизмомъ администраціи; это господство теоріи или теоретической благонамѣренности, опирающейся на власть и понимающей жизнь какъ послушный матеріалъ, какъ tabula rasa, какъ бѣлую бумагу, на которой можно начертить что угодно усерднымъ рѣзцомъ администраціи. Естественное стремленіе бюрократизма—подавить всякую органическую силу въ жизни, стереть всякую индивидуальную особенность быта, даже самую народность, во сколько она самостоятельна и своеобычна и потому мѣшаетъ бюрократіи достигать сочиненнаго ею за жизнь идеала, — однимъ словомъ: сломить и сокрушить все живое, упорное, сопротивляющееся, или неудобоподчинимое. Если бы могло ей удаться обезнародить народъ—торжество бюрократіи было бы полное: она подчинила бы регламенту всякую личную свободу. Но такія стремленія—обезнародить народъ — рѣдко удаются и встрѣчаютъ сопротивленіе большею частью именно въ народныхъ массахъ, въ ихъ бытовыхъ основахъ и коренныхъ учрежденіяхъ,— куда, въ такія печальныя годины, замыкается, какъ въ зернѣ, народная органическая сила, выжидая благопріятнаго времени для своего обновленія и дальнѣйшаго развитія. Высшіе классы народа большею частью склоняются передъ такимъ напоромъ государственнаго начала и разрываютъ связь съ своею народностью—пока, благодаря упорному сохраненію народомъ своихъ народныхъ началъ, не возникнетъ и между ними народнаго самосознанія,—сначала отвлеченнаго, потомъ являющагося уже какъ просвѣщенная сила, на помощь живымъ, уберегшимся

народнымъ органическимъ силамъ. Вотъ что представляетъ намъ исторія Австрійскаго бюрократизма по отношенію къ Славянскимъ племенамъ Австрійской имперіи. Въ Россіи торжество бюрократизма начинается для насъ съ Петра I, съ того знаменитаго переворота, къ числу поклонниковъ котораго принадлежатъ именно наши противники! Они въ наивности своей и не подозрѣваютъ, что поклоненіе Петру есть поклоненіе тому самому началу, на которое они теперь, съ такою простодушною яростью, нападаютъ! Они, издѣваясь надъ толками славянофиловъ о народности, надъ ихъ уваженіемъ къ «потеряннымъ основамъ народной жизни, которыхъ надобно искать въ мірской сходкѣ», не понимаютъ или не хотятъ понять, что издѣваются надъ тѣмъ, въ чемъ именно и хранится упорная народная органическая сущность,—та сущность, которая одна въ состояніи сдерживать преобладаніе бюрократизма, въ чемъ спасается свобода народной жизни! Когда насталъ Петровскій переворотъ, дворянство приняло его сторону,—а на сторонѣ органической, хотя и утѣсненной жизни, на сторонѣ правъ народной личности, ея бытовой и духовной самостоятельности и своеобычности, — стоялъ одинъ, бѣдный и крѣпче чѣмъ когда-либо закрѣпощенный великимъ преобразователемъ, простой народъ. Конечно, и въ дворянскомъ классѣ, почти въ слѣдъ за реформой, начали раздаваться отдѣльные, одиночные голоса (преимущественно въ наукѣ и литературѣ) за свободу народной жизни и ея развитія; затѣмъ стала возникать та работа народнаго самосознанія, которая въ наше время и въ нашемъ обществѣ выразилась—въ славянофильствѣ: но наши либералы-поклонники Петровскаго переворота—они-то именно и являлись всегда ожесточенными противниками славянофиловъ, — т. е. противниками противниковъ Петровскаго насилія и водвореннаго имъ преобладанія государственнаго начала надъ жизнью.

Любопытнѣе всего то, что для этихъ либераловъ — бюрократія начинается повидимому уже въ позднѣйшее время, именно съ освобожденія крестьянъ и надѣленія ихъ землею! «Славнѣйшее доселѣ время Русской исторической жизни» авторъ статьи «Современной Лѣтописи» видитъ именно въ 70-лѣтнемъ періодѣ существованія дворянской грамоты—ни больше, ни меньше. Въ чемъ же полагаетъ онъ эту славу, которой,

по его мнѣнію, ничего подобнаго не представляютъ остальныя 930 лѣтъ историческаго бытія Россіи? Въ успѣхахъ Русскаго оружія съ одной стороны, — въ безнравственности, безгласности, въ крѣпостномъ рабствѣ десятковъ милліоновъ народа, съ другой? Или въ доблестныхъ дѣяніяхъ того сословія, которому данъ былъ этотъ «великолѣпный памятникъ законодательства», о немъ же съ такою любовью говоритъ авторъ? Но въ чемъ же выразились эти доблестныя дѣянія, — кромѣ извѣстной патріотической готовности жертвовать жизнью и достояніемъ за государство, въ виду внѣшней опасности, и отдать даже десятаго человѣка изъ крѣпостныхъ крестьянъ въ рекруты? Какъ воспользовалось это сословіе великолѣпнымъ памятникомъ законодательства, чтобы ослаблять вторженіе бюрократическаго начала въ жизнь и положить преграды стремленію иностранцевъ обезнародить, очужеземить Русское общество, нравственно и духовно, лишить его нравственной и духовной связи съ народностью, однимъ словомъ, отнять у него то, въ чемъ только и заключается органическая — единственная жизненная самостоятельная сила? Не они ли сами усердно измѣняли своей народности, не они ли отрекались отъ народныхъ началъ? Мечтая о политической свободѣ въ западной формѣ, не они ли искали возможности подавить бытовую свободу народа? Ораторствуя о правахъ личности, не они ли постоянно посягали на личность народную? Кто посильно стоялъ за народность, за права жизни, за самостоятельность народнаго развитія, слѣдовательно за права и свободу народной личности, за органическій принципъ противъ бюрократическаго механизма? Кто, какъ не такъ-называемые славянофилы! Кто стоялъ на противоположной сторонѣ? Кто, какъ не они — поклонники Петровскаго переворота и великолѣпныхъ памятниковъ законодательства Екатерины, либералы тожъ, по иноземному образцу! Кто наконецъ принялъ самое дѣятельное участіе въ освобожденіи 20-ти милліоновъ крестьянъ, когда оно было предпринято правительствомъ, горячо отстаивалъ и отстаиваетъ, въ литературѣ, надѣленіе крестьянъ землею? кто же, какъ не тѣ же славянофилы? Мы не хотимъ этимъ сказать, что противники наши не сочувствовали прекращенію крѣпостнаго права и не принимали въ этомъ дѣлѣ, съ своей стороны, искренняго и дѣятельнаго участія, но что надѣленіе крестьянъ

землею не пользуется ихъ полнымъ сочувствіемъ—это не подлежитъ сомнѣнію. Оно-то и составляетъ главный поводъ къ ихъ жалобамъ на бюрократію (вотъ когда спохватились!). Что же предлагаютъ они, какое именно средство для того, чтобы поразить бюрократію въ самое сердце?... Обезземелить крестьянъ и разрушить сельскую поземельную общину! т. е. подорвать окончательно всякую живую упорную силу въ народѣ, послѣднее убѣжище его органической крѣпости,—все, что въ немъ есть способнаго сопротивляться ихъ—изъ чужой жизни заимствованнымъ нововведеніямъ, все, въ чемъ еще хранится народная самость, и обратить народъ въ tabula rasa, въ такой послушный матеріалъ, о которомъ едвали мечталъ и самъ Петръ Великій и который есть именно искомый идеалъ бюрократіи! Что еслибъ такимъ либераламъ да еще власть въ руки?! Страшно и подумать о томъ, куда бы они привели Россію съ своимъ либерализмомъ, выросшимъ на сочувствіи къ Петровскому насильственному перевороту,—съ либерализмомъ, первое слово котораго: избавиться отъ путъ органической народной жизни, еще сковывающей произволъ ихъ преобразовательныхъ покушеній, — обезземелить крестьянъ, разрушить поземельную общину, и именно создать—безсильную, бездомную, «приниженную массу», раболѣпствующую предъ земледѣльческою аристократіей! Спрашиваемъ всякаго, сколько нибудь добросовѣстнаго читателя: кто желаетъ создать въ Россіи приниженную массу: мы ли, отстаивающіе народность, права народнаго самостоятельнаго развитія, народную поземельную общину и принципъ надѣленія крестьянъ землею, слѣдовательно ратующіе за силу и свободу органической жизни,—или же эти господа,—подъ маскою либерализма и нападокъ на бюрократію,—проповѣдывающіе обезземеленіе крестьянъ, разрушеніе поземельной общины и насилованіе народной жизни чрезъ введеніе у насъ (и не иначе какъ бюрократическимъ способомъ) аристократіи на фасонъ чужеземный?

Но этого мало. Если что можетъ проложить въ Россіи путь къ осуществленію тѣхъ чудовищныхъ «идеаловъ», которые авторъ статьи, помѣщенной въ Современной Лѣтописи, навязываетъ «Дню», это такъ именно теорія самого автора, а также и той газеты, которой онъ явился сотрудникомъ. Для выраженія этихъ «идеаловъ», авторъ прибѣгаетъ къ статьѣ

газеты «Le Nord», перепечатанной въ «Сѣверной Почтѣ» и «Русскомъ Инвалидѣ» и справедливо заклеймившей эти идеалы названіемъ «демократическаго царизма, который призывалъ бы государя деспотически властвовать надъ приниженною массой». Мы никогда не стояли за «демократію» и «демократизмъ» въ западномъ смыслѣ этого слова, но всегда за «народъ» и «народность». Указывая именно на то, что народность, къ сожалѣнію, сохранилась у насъ только въ простонародьѣ, мы именно же и проповѣдывали необходимость проникнуться элементомъ народности—всѣмъ классамъ общества безъ различія, и возстановить расколотую теперь цѣльность народнаго организма. Въ Русскомъ народѣ нѣтъ никакихъ основъ ни демократизма, ни аристократизма въ западномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ началъ, возводимыхъ на степень политическихъ принциповъ, облекаемыхъ государственною, принудительною властью. Онъ не одержимъ политическимъ властолюбіемъ, и во столько же противно ему господство простонародныхъ массъ, во сколько чуждо ему и преобладаніе боярское. Онъ не терпитъ ни демократической, ни аристократической олигархіи, и ставя идеаломъ своимъ единство и цѣльность народнаго духа, допускаетъ затѣмъ всевозможное жизненное разнообразіе соціальныхъ и личныхъ формъ, положеній, состояній, племенныхъ индивидуальностей и т. п.,—однимъ словомъ, допускаетъ многое такое, что̀ неминуемо должно исчезнуть или стереться въ одну сплошную безразличную массу—при томъ идеалѣ «единства и цѣльности», о которомъ мечтаютъ «Московскія Вѣдомости».—И такъ, въ Русскомъ народѣ нѣтъ тѣхъ демократическихъ инстинктовъ, которые грозятъ такою страшною опасностью Западу и которые привели Францію къ цезаризму, — но ихъ нѣтъ — потому что нѣтъ и аристократизма и покolѣ его еще нѣтъ.... Тѣ же, которые мечтаютъ о созданіи въ Россіи политической и землевладѣльческой аристократической силы (вмѣстѣ съ обезземеленіемъ крестьянъ и разрушеніемъ поземельной общины), сами того не смысля, мечтаютъ о насильственномъ возбужденіи въ Русскомъ народѣ демократическихъ инстинктовъ, о созданіи страшной демократической стихіи, дикой, свирѣпой, мстительной, естественно враждебной какъ аристократіи, такъ и всему тому, что̀ служитъ ей орудіемъ или аттрибутомъ, между прочимъ и

просвѣщенію. А такъ какъ эта стихія, по численности простонародныхъ массъ, будетъ несравненно могущественнѣе аристократическаго меньшинства, и такъ какъ, съ другой стороны, государственная власть, по самой натурѣ своей, не можетъ дѣйствовать въ видахъ этого меньшинства,— то опасность, которая должна произойти отъ такого сочетанія интерессовъ — кажется очевидна. Логическій ясный выводъ тотъ, что всякая попытка создать въ Россіи аристократію и аристократическое политическое преобладаніе, грозя свободѣ народной (особенно же при заранѣе обѣщаемомъ обезземеленіи крестьянъ!), способствуетъ возбужденію въ Россіи демократическихъ и демагогическихъ инстинктовъ и созданію необузданной демократической силы; эта же сила именно, въ концѣ концовъ, и приводитъ «къ демократическому царизму и къ деспотическому властвованію надъ массой», — по необходимости прилизившейся предъ верховною властью—какъ спасительницею своею отъ ненавистной, обезземеливающей, аристократической олигархіи!... Такого результата не желаемъ конечно ни мы, ни сами наши близорукіе противники, но такой результатъ — логически необходимый при ученіи нашихъ противниковъ — немыслимъ при возстановленіи духовной цѣльности народнаго организма, при укрѣпленіи и развитіи нашей народной самости, и—главное—при уничтоженіи наконецъ того отчужденія отъ народности, которое еще продолжаетъ жить въ высшихъ образованныхъ классахъ, той вредной разрозненности народа и общества, которую такъ настойчиво заботятся устранить славянофилы и газета День.

Что же касается до самыхъ идеаловъ нашей газеты, то мы не находимъ умѣстнымъ пускаться теперь для г. «Провинціальнаго Читателя» въ ихъ подробное разъясненіе. Желающихъ ознакомиться съ нашимъ взглядомъ нѣсколько поближе, отсылаемъ какъ къ передовой статьѣ 6-го №, такъ и къ прочимъ нашимъ передовымъ статьямъ, въ томъ числѣ и 8-го №—о челобитныхъ....

Еще два слова и мы кончимъ. Авторъ говоритъ, что «изъ мнѣній почти всякаго направленія, существующаго въ области Русской интеллигенціи, можно вывести заключеніе о томъ, въ какомъ видѣ представляется послѣдователямъ этого направленія будущее устройство Россіи. Только изъ направленія газеты

«День» нельзя никому вывести такое заключеніе... не встрѣчаемъ ни одного рецепта! восклицаетъ онъ. Дѣйствительно, не встрѣчаетъ и не встрѣтитъ. Мы слишкомъ уважаемъ свободу жизни и не позволяемъ себѣ сочинять за нее то или другое устройство, которое могло бы имѣть цѣну только при свободномъ органическомъ творчествѣ самой жизни. Мы не имѣемъ притязанія писать за нее рецепты, по которымъ бюрократическая власть могла бы давать ей ту или другую форму, въ угоду нашей теоріи и направленію. Рецепты — принадлежность бюрократическаго деспотизма и либераловъ той школы, къ которой принадлежитъ г. авторъ статьи вмѣстѣ съ гг. Заочными, Бланками, Ржевскими и прочими сотрудниками «Современной Лѣтописи» и «Московскихъ Вѣдомостей».

Игнорированіе основъ Русской жизни нашими реформаторами.

Москва, 13-го марта.

Если бы какому-нибудь Англичанину привелось сочинять проектъ политическаго устройства Россіи — нѣтъ сомнѣнія, этотъ Англичанинъ, не приступая къ дѣлу, пожелалъ бы напередъ освѣдомиться о томъ: какіе имѣются у насъ налицо общественные элементы, какія основы выработаны исторіею, какіе идеалы продолжаютъ жить въ народномъ сознаніи или выражались въ теченіи нашей тысячелѣтней исторической жизни. Занявшись изслѣдованіемъ элементовъ, изъ которыхъ сложилось наше политическое тѣло,— да и безъ всякаго особеннаго изслѣдованія, а по первому поверхностному обзору,— онъ навѣрное бы, прежде всего, поразился тѣмъ, что̀ не можетъ не поразить и не броситься въ глаза каждому,—именно тѣмъ, что въ Россіи имѣется налицо до 40 милліоновъ сельскаго осѣдлаго населенія. Это обстоятельство, конечно, показалось бы ему довольно важнымъ, какъ по количеству населенія—40 милліоновъ чего-нибудь да вѣсятъ,—такъ и по качеству: населеніе осѣдлое, составленное изъ домохозяевъ, изъ которыхъ каждый живетъ въ своемъ домѣ и владѣетъ извѣстнымъ пространствомъ земли — это явленіе такое оригн-

нальное, которому ничего подобнаго нѣтъ во всей Западной Европѣ: отсюда прямой выводъ, что и самый простой народъ въ Россіи долженъ существенно отличаться отъ черни или плебса (plebs), пролетаріата, Англійскихъ рабочихъ, Французскихъ «увріеровъ», кочевыхъ батраковъ и всего того, что̀ подъ словомъ «простой народъ» разумѣютъ обыкновенно на Западѣ. Очевидно, подумаетъ Англичанинъ, что и условія политическаго устройства,—при такомъ преобладаніи стихіи сельскаго населенія,—должны быть иныя, столько же оригинальныя, сколько оригинально и самое явленіе; западныя теоріи публичнаго права и политическаго устройства, не имѣвшія въ виду этихъ необычайныхъ фактовъ публичной и бытовой жизни, оказываются для нихъ слишкомъ тѣсными и слишкомъ узкими. И если бы даже Англичанинъ не отказался совсѣмъ отъ дерзкаго предпріятія: сочинить для насъ проектъ политическаго устройства, то во всякомъ случаѣ,—свободный отъ раболѣпства предъ научною теоріею (которая ему своя, не чужая) и воспитанный въ уваженіи къ правамъ жизни и быта,—онъ постарался бы подсмотрѣть въ туманѣ чуждой ему жизни какой-нибудь путеводный свѣтъ, отыскать въ этомъ громадномъ тѣлѣ какой-нибудь главный, жизненный, историческій нервъ и отдѣлить существенное и органическое отъ всего наноснаго, паразитнаго, искусственно вызваннаго къ внѣшнему бытію. Удалось ли бы ему это—другой вопросъ; вѣроятнѣе всего, что не удалось бы ни въ какомъ случаѣ; но несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, что именно въ такомъ, а не въ иномъ смыслѣ были бы даны имъ указанія и совѣты.

Пригласите же сочинить подобный проектъ—любаго Русскаго, принадлежащаго къ такъ-называемому «образованному сословію» и въ этомъ сословіи принадлежащаго еще къ партіи, съ которой намъ теперь такъ часто приходится спорить, — партіи явныхъ и скрытыхъ, сознательныхъ и безсознательныхъ поклонниковъ Петровскаго переворота: никакихъ особенныхъ затрудненій въ сочиненіи такого проекта для нашего брата Русскаго — не найдется. Тогда какъ Англичанинъ будетъ себѣ ломать голову надъ изслѣдованіемъ туземныхъ общественныхъ элементовъ и историческихъ данныхъ, нашъ Русскій прожектёръ прямо отправится черпать изъ источника исторической западной жизни и западной политической

науки. Источникъ богатый, примѣровъ и образцовъ много,— какой-нибудь изъ нихъ да пригодится, а что касается до своеобразныхъ и оригинальныхъ формъ народнаго Русскаго быта, то ихъ «образованный» Русскій человѣкъ большею частью или величаво игнорируетъ—т. е. не признаетъ, знать не хочетъ,— или же и дѣйствительно вовсе не знаетъ. Послѣднее встрѣчается даже чаще, чѣмъ первое; полнѣйшее невѣжество въ дѣлѣ Русской исторіи и Русской народности составляло до сихъ поръ какую-то аристократическую принадлежность высшаго образованія, своего рода bon genre, и хотя такому отношенію къ Русской народности нанесенъ въ послѣднее время значительный ударъ,—тѣмъ не менѣе это невѣжество и до сихъ поръ продолжаетъ украшать наше свѣтское образованное общество. «Что̀ за дѣло! возразятъ намъ,—сто̀итъ ли на такіе пустяки обращать вниманіе? эти нападки на свѣтское общество уже устарѣли и вышли изъ моды!» Дѣло есть, отвѣтимъ мы, и возобновить нападенія сто̀итъ. Мы очень хорошо знаемъ, что свѣтскій кругъ самъ по себѣ довольно ничтоженъ и дѣйствительно не стали бы обращать на него большаго вниманія,—но этотъ кругъ, по своему общественному положенію, не чуждъ нѣкотораго вліянія на общій ходъ дѣлъ; этотъ кругъ, котораго родная рѣчь есть не Русская, а Французская, поставляетъ изъ себя главный контингентъ Русской служебной рати—съ административнымъ значеніемъ... И тогда, какъ самому Англичанину, повторяемъ, и въ голову не придетъ, да и придти не можетъ—считать Англійскій общественный строй пригоднымъ для Русской земли, «образованный» Русскій именно къ Англіи-то и обратится за образцами. Тогда какъ всякаго Англичанина поразитъ прежде всего значеніе у насъ простонародной стихіи,—нашъ свѣтскій Русскій либералъ именно объ ней-то меньше всего и помнитъ. Тогда какъ Англичанинъ нашелъ бы нужнымъ дать полную свободу органическому жизненному началу и доискаться своеобразныхъ историческихъ основъ и идеаловъ самой страны,—нашему Русскому о такихъ Русскихъ основахъ и идеалахъ и горя мало. «Да помилуйте, скажетъ наконецъ, съ своимъ здравымъ практическимъ смысломъ, Англичанинъ: что̀ вы дѣлаете? или вы забыли, что у васъ въ Россіи 40 милліоновъ осѣдлаго сельскаго населенія, что, слѣдовательно, главный центръ тяжести у васъ въ немъ,

а не въ городахъ и не въ отдѣльныхъ землевладѣльцахъ,— что, слѣдовательно, условія вашего политическаго устройства и ваши государственные идеалы должны быть совершенно иные, чѣмъ въ Европѣ, гдѣ или вовсе нѣтъ осѣдлаго сельскаго населенія, или же очень мало, и во всякомъ случаѣ нѣтъ такихъ громадныхъ массъ народа, обезпеченныхъ на долгіе вѣки землею, прочно сидящихъ на основахъ поземельнаго общиннаго владѣнія, крѣпко сплоченныхъ общинною организаціею?»—«А что, вѣдь можетъ-быть и правду говоритъ Англичанинъ—отвѣтитъ, пожалуй, нашъ Русскій прожектёръ; вѣдь и въ самомъ дѣлѣ въ Россіи до 40 милліоновъ поселеннаго на землѣ народа?.. Слона-то я и не примѣтилъ!..»

Да, именно слона не примѣтилъ. И хотя это кажется невѣроятнымъ, но оно именно такъ. Наши прожектёры постоянно забываютъ бездѣлицу въ своихъ благодѣтельныхъ проектахъ: Русскій народъ и народность. Они, какъ говорятъ Французы, разсчитываютъ безъ хозяина: ils comptent sans leur hôte! Либералы,—и искренніе либералы, мы это охотно допускаемъ,—они, сами того не смысля, только усиливаютъ ненавистное имъ самимъ начало; слѣпцы—они не видятъ, что ихъ либеральныя тенденціи таятъ въ себѣ глубочайшее презрѣніе къ свободѣ органической жизни, къ ея правамъ на своеобычное, независимое, самостоятельное развитіе. Умышленное ли игнорированіе или простодушное невѣжество,—такое отношеніе къ Русскому народу и народности равно достойно порицанія, равно опасно. Это отношеніе создано Петромъ. Неуваженіе къ народу составляетъ характеристическую черту его преобразованій. Обративъ въ послушныя орудія своей идеи— дворянство и духовенство, создавъ изъ нихъ военную и гражданскую армію около государства, сломивъ всякое сопротивленіе органической жизни, онъ не хлопоталъ ни о просвѣщеніи простаго народа, ни о его развитіи, а наложилъ на него новый гнетъ ревизіоннаго крѣпостнаго рабства. Это неуваженіе къ народнымъ началамъ, къ исторіи, ко всему живому и органическому, эта привычка къ деспотическому обращенію съ жизнью, эта замашка создавать не справляясь съ дѣйствительностью,—эта храбрость предположеній, доктринъ, теорій, которою особенно отличается наша извѣстная среда—все это истекаетъ прямо и непосредственно изъ принципа, внесеннаго

Петромъ I въ нашу историческую жизнь, все это, болѣе или менѣе, вьѣлось въ плоть и кровь нашего образованнаго общества, все это діаметрально противоположно истинному понятію о свободѣ... Отъ насильственнаго бритья бородъ, со введеніемъ Нѣмецкой номенклатуры чиновъ, до посѣва кукурузы въ Архангельской губерніи, до предложенія народу питаться картофелемъ при обиліи хлѣба, до попытокъ (покуда теоретическихъ) разрушить поземельную общину и обезземелить крестьянъ, до забавныхъ заботъ объ искусственномъ водвореніи дорогаго иностраннаго раціональнаго сельскаго хозяйства въ нашихъ обширныхъ помѣстьяхъ и при дешевизнѣ нашихъ цѣнъ на сельскіе продукты; отъ обученія «комплиментамъ» по Петровской методѣ до вожделѣній видѣть на нашихъ поляхъ замки англійскихъ лордовъ и коттеджи англійскихъ фермеровъ—все это развитіе одного начала, одной системы. Все одинъ и тотъ же духъ, одинъ и тотъ же пріемъ, только безъ внѣшней грубости, свойственной Петровскому времени и личному его характеру...

Нынѣшнему правительству суждено было совершить переломъ въ этомъ историческомъ направленіи—чрезъ освобожденіе и введеніе въ кругъ нашего гражданскаго историческаго бытія той именно стихіи, которая была скована Петромъ крѣпкою цѣпью,—стихіи органической жизни. Отнынѣ не только справедливость, Русское чувство, разумъ, но и простое благоразуміе требуетъ отъ насъ — полнаго признанія правъ этой стихіи, и такого же полнаго отреченія отъ того пути, которымъ до сихъ поръ слѣдовало наше образованное общество,—отъ всѣхъ антинародныхъ началъ, отъ всякаго Петровскаго пренебреженія къ народу, къ народности, къ жизни, къ правамъ живаго историческаго организма. Если теперь на встрѣчу поднимающемуся въ своемъ ростѣ, пробудившемуся въ своемъ сознаніи, освобожденному отъ долгаго плѣна и сна народу—мы понесемъ наше прежнее невѣжество, наше прежнее «игнорированіе» его бытія, его нравственныхъ правъ,—наши прежнія замашки и привычки благодѣтельствовать ему не спросясь съ нимъ,—наши галломанскія или англоманскія мечтанія, наше легкомысленное суетное, «фривольное» образованіе, наше безсильное, безкорненное, несамостоятельное просвѣщеніе,—то ничего хорошаго отъ этой встрѣчи не выйдетъ... Всякое недо-

брожелательство къ народному подъему, къ народнымъ началамъ и основамъ со стороны нашего общества — можетъ, въ концѣ концовъ, имѣть вредныя послѣдствія для свободы. Народъ готовъ былъ бы искать въ насъ опоры просвѣщенія, знанія, опыта; онъ ждетъ, что мы принесемъ ему въ даръ — послѣ долгой разлуки — силу народнаго самосознанія, — конечно отвлеченнаго, выработаннаго нами на досугѣ, вдали отъ жизни, но именно теперь призваннаго къ жизненности и творчеству... Какой же даръ несемъ мы ему? Не въ правѣ ли онъ спросить насъ: «что же вы дѣлали все это время, въ то время, какъ я вынужденно коснѣлъ въ бездѣйствіи, — вы, которые могли дѣлать, а если не всегда могли дѣлать, то могли мыслить, проповѣдывать, отстаивать, хранить и развивать, хотя бы только въ области отвлеченнаго сознанія и въ доступной вамъ общественной средѣ, свою, т. е. общую нашу народность? Гдѣ ваши труды? гдѣ ваши, если не гражданскіе, то хоть духовные подвиги на охрану народности, органической жизни, народной личности, — всего того, что дѣлаетъ народъ народомъ, ради чего онъ только и призванъ существовать?... Вы не можете ссылаться на угнетеніе и неволю: простора для борьбы другъ съ другомъ и съ обществомъ было довольно: но боролись ли вы? Не сами ли вы добровольно соблазнились? не кичитесь ли вы и теперь, самодовольно, вашимъ просвѣщеніемъ — вашимъ отступничествомъ отъ историческихъ преданій, вашимъ неуваженіемъ къ своеобразнымъ основамъ Русской народности? Сознали ли свою вину предъ своею землею, своею народностью, своей исторіей? Гдѣ идеалъ, вами выработанный? Гдѣ путь, который вы бы могли мнѣ указать?... Уразумѣли ли вы, по крайней мѣрѣ, гдѣ болитъ, что болитъ, отчего болитъ? что здорово, за что именно надо держаться?... вы даже и этого не умѣли сознать и повѣдать мнѣ!!» Что тогда отвѣтимъ мы народу!?.. Объ этомъ стоитъ подумать, не дожидаясь, чтобъ непремѣнно самъ народъ предложилъ намъ такіе вопросы и въ такой формѣ: мы должны сами для себя задаться такими вопросами... Мы должны предупредить ихъ. Не мужики спросятъ — исторія спроситъ.

Отдаленные потомки едва ли повѣрятъ, чтобъ въ наше время, въ эпоху освобожденія крестьянъ, еще было умѣстно и даже необходимо писать и печатать статьи противъ пролетаріата

на Русской почвѣ, противъ обезземеленія крестьянъ, противъ принятія насильственныхъ или искусственныхъ мѣръ къ разрушенію поземельной общины, противъ мечтаній о поземельной аристократіи, и т. д., и т. д. Имъ покажется забавнымъ,— точно такъ, какъ и въ наше время это должно показаться забавнымъ каждому иностранцу, а Англичанину въ особенности,—что Русскіе люди второй половины XIX вѣка нуждаются въ напоминаніи о существованіи въ Русской землѣ 40 милліоновъ сельскаго населенія на основахъ совершенно оригинальныхъ. Мы ко многому притерпѣлись, пригладѣлись, прислушались, но если бы кто взглянулъ свѣжо, если бы кто послушалъ наши рѣчи свѣжимъ слухомъ, тотъ былъ бы пораженъ той аномаліей, въ которой пребываетъ, живетъ и толчется наше общество. Эта аномалія выражается какъ въ крупныхъ, такъ и въ ничтожныхъ явленіяхъ,— но, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ пренебрегать и ничтожными явленіями; въ нихъ точно такъ же «какъ солнце въ малой каплѣ водъ» отражается весь крупный недугъ нашъ. Если значительная часть Русскаго образованнаго общества у себя въ Россіи говоритъ и переписывается между собою не на Русскомъ языкѣ, если подобная несообразность возможна,—то, какъ, повидимому, она ни мелка, ни незначительна, нечего удивляться, что и предположенія о преобразованіи той или другой стороны Русской жизни сочиняются въ не-Русскомъ духѣ, и что Русское общество, въ легкомысленной слѣпотѣ, себѣ на пагубу, забываетъ класть на вѣсы значеніе народной стихіи, забываетъ брать его въ разсчетъ въ своихъ гражданскихъ думахъ и соображеніяхъ! Относительно народовѣдѣнія, Русскому обществу, къ несчастію, приходится начинать съ самыхъ элементарныхъ понятій и твердить такія истины, которыя на Западѣ уже давно сдѣлались пошлыми. Остается уповать, что какой-нибудь благодѣтельный иностранецъ (съ авторитетомъ, разумѣется) обратитъ наконецъ наше собственное вниманіе на элементы, начала, основы нашей собственной народной исторической жизни, поучитъ насъ уваженію къ нашей народности, къ нашей исторіи, и открыто признаетъ за нами право, которое и мы, можетъ быть, вслѣдъ за нимъ признаемъ, на самостоятельное, самобытное развитіе. Авось-либо тогда наши статистики перестанутъ краснѣть отъ стыда, выводя процентъ отношенія

нашего городскаго населенія къ сельскому и конфузясь предъ иностранцами за слабый ростъ нашей городской жизни; авось-либо какой-нибудь Англичанинъ или Американецъ растолкуетъ имъ наконецъ, что у насъ есть село, чего уже почти нѣтъ на Западѣ, и что въ нашемъ селѣ лежитъ залогъ нашей силы, зерно нашего органическаго своеобразнаго развитія. Село— вотъ, скажемъ кстати, заглавіе того ученаго труда, къ которому мы призываемъ нашихъ статистиковъ, экономистовъ, политиковъ, юристовъ, и пр. и пр.,—село съ его сельскою промышленностью, торговлею, ремесленнымъ, фабричнымъ и заводскимъ производствомъ, село пашенное, село торговое, — село съ неотъемлемымъ отъ него общиннымъ обычаемъ, съ общиннымъ самоуправленіемъ. Разрушимъ ли мы эти вмѣстилища, эти резервуары народной бытовой силы? эти центры народной жизни, которые способны и къ развитію, и къ просвѣщенію—для того, чтобъ съ одной стороны создать крупную личную собственность для нѣсколькихъ единицъ, а съ другой, чтобъ скопить въ городахъ бездомное, безсильное населеніе?

Но мы увлеклись въ сторону. Повторяемъ опять: намъ надо торопиться, чтобъ съ добрымъ отвѣтомъ предстать передъ судъ исторіи.... Кто хочетъ мира, а не вражды, созидать, а не разрушать, творить живое, а не мертворожденное, кто хочетъ работать для свободы и для успѣховъ истиннаго просвѣщенія, тотъ долженъ прежде всего отречься отъ Петровскихъ преданій, отъ всего злаго, насильственнаго, ложнаго—присущаго Петровскому перевороту, проникнуться уваженіемъ къ правамъ народнаго организма, поработать наконецъ искренно— не чуждому, какъ предлагаютъ иные, а истинному народному началу и идеалу.

Въ чемъ залогъ прочнаго развитія и единства Россіи?

Москва, 20-го марта.

Туманъ разсѣевается. Извѣстно, что слова: «государственное единство и цѣльность», очень почтенныя сами по себѣ, сдѣлались въ послѣдніе три года самыми ходячими, модными словами въ нашемъ обществѣ, вѣроисповѣдной формулою общественнаго патріотизма. Оглушенное гуломъ этихъ громкихъ и пышныхъ словъ, довольное тѣмъ, что, кромѣ признанія этой широкой формулы, ничего другаго съ него не спрашивалось, что такъ легко и комфортабельно, даже безъ всякихъ новыхъ напряженій мысли и духа, оставаясь какъ есть, можно попасть въ доблестные патріоты,—общество наше, или, лучше сказать, значительное большинство нашего общества, съ особенною страстностью поставило себѣ знаменемъ именно «государственное единство и цѣльность». Принципъ—повидимому не допускавшій никакихъ возраженій; позиція крѣпкая, съ которой очень ловко, очень удобно пускать въ своихъ противниковъ обвиненія въ государственной измѣнѣ и принуждать ихъ къ молчанію. Но мы не молчали. Дорожа единствомъ и цѣльностью Россіи серьезнѣе многихъ импровизированныхъ патріотовъ, мы постоянно напоминали обществу объ истинныхъ условіяхъ единства и цѣльности, и,—можетъ быть и къ его досадѣ,—часто нарушали самодовольное расположеніе его духа правдивыми (какъ казалось намъ) обличеніями. Теперь, когда время восторговъ прошло, когда приходится имѣть дѣло уже не съ внѣшнею опасностью, противъ которой всегда достаточно найдется у насъ искренняго воинственнаго патріотизма и въ обществѣ, и въ народѣ, — теперь изъ-подъ шума и блеска словъ высовывается настоящая сущность собственно-гражданскаго, такъ-сказать, домашняго патріотизма нашего общества, или той его партіи, которая,— невѣжествомъ иностранныхъ иностранцевъ и тупоуміемъ Русскихъ иностранцевъ—названа ультра-Русскою. Le fin mot de la chose высказывается невольно: его можно прочесть у всѣхъ публицистовъ этой знаменитой партіи, и публика, нѣкогда увлеченная ихъ патріотическими возгласами, можетъ видѣть теперь, въ какомъ

противорѣчія она запуталась, — куда она зашла подъ водруженнымъ ими знаменемъ «государственнаго единства и цѣльности».

Впрочемъ, прежде чѣмъ объяснить нашимъ читателямъ, что̀ именно мы здѣсь разумѣемъ, — а также для того, чтобъ отнять у нашихъ противниковъ всякій поводъ къ превратному истолкованію нашихъ выраженій о государственномъ единствѣ и цѣльности, — представимъ въ краткомъ очеркѣ сущность передовыхъ статей Дня объ этомъ предметѣ:

Три года сряду неутомимо повторялось въ Днѣ, вслухъ нашего общества, что «условіе государственнаго единства состоитъ не во внѣшнемъ единообразіи формъ и учрежденій, не въ большей или меньшей крѣпости звеньевъ той внѣшней государственной связи, которая держитъ и сплачиваетъ всѣ части государства, но въ силѣ и живучести внутренняго объединяющаго начала. Это объединяющее начало — есть народность, условіе жизни и силы всякаго государства, — вотъ чего не забывать просили мы нашихъ патріотовъ. Неужели еще есть люди, говорили мы, которымъ надо доказывать, что Россія не сочлененный, составленный «аггрегатъ» въ родѣ искусственнаго Австрійскаго гезамтфатерланда, въ которомъ по штату не полагается никакой живой народной индивидуальности, а взамѣнъ ея имѣетъ существовать какая-то отвлеченная національность имперская, — національность, которой единый живой принципъ и вѣроисповѣданіе есть вѣрноподданничество Австрійскому императору? Не это ли идеалъ тѣхъ нашихъ близорукихъ патріотовъ, которые, ратуя за «государственное единство и цѣльность», въ то же время съ возмутительнѣйшимъ пренебреженіемъ относятся къ Русской народности и такимъ образомъ сами ослабляютъ крѣпость внутренняго объединяющаго начала? Неужели еще нужно доказывать, что всякое государство можетъ быть крѣпко только внутреннею органическою силою, которая и есть — народность? что Россія не есть совокупность разныхъ племенъ и народовъ, сплоченныхъ внѣшнею матеріальною силою «государственнаго единства», а живой, цѣльный народный организмъ, развившійся и разросшійся собственною своею внутреннею органическою силою? что никакое государство никогда не должно опускать изъ виду зерно своей жизни и силы, истинный род-

никъ, причины и основы своего бытія, — и что у насъ, въ нашей Россійской имперіи—этимъ зерномъ, этимъ источникомъ жизни и силы, этимъ сѣдалищемъ зиждущаго разума—является Русь, Русскій народъ? Неужели еще не ясно, что еслибъ эта сила перестала дѣйствовать или почему-либо ослабла въ дѣйствіи, если бы отъ какой бы то ни было причины произошло разстройство органическихъ отправленій, или несоразмѣрное развитіе одного органа въ ущербъ другому (напримѣръ, внѣшняго покрова, т. е. государства, на счетъ всего тѣла), то государство, при всемъ своемъ наружномъ блескѣ и могуществѣ, не представляло бы залоговъ истинной крѣпости и долгоденствія, и не удержало бы своего единства? Только подкладка, такъ-сказать, внутренней органической стихіи, говорили мы, давала и еще даетъ движеніе и силу Петровскому государственному механизму; только Русью жила, держалась, продолжаетъ жить и держаться имперія, не смотря на всѣ преграды, положенныя органическому дѣйствію и собственному развитію самой Руси—безусловнымъ преобладаніемъ западныхъ началъ цивилизаціи и разрывомъ образованныхъ классовъ Русскаго общества съ Русской народностью. Уже по самой суммѣ разныхъ неблагопріятныхъ у насъ условій для народнаго развитія, можно заключать о степени органической жизненной крѣпости нашего народа,—той Руси, безъ которой какъ будто хотятъ обойтись нѣкоторыя газеты!

Въ предѣлы государства—объясняли мы въ нашихъ статьяхъ — могутъ взойти и другія народности, къ нему могутъ примыкать и другія политическія тѣла. Эти народности или растворяются сами собой въ народности господствующей, сливаются съ ней, такъ-сказать ассимилируются, или же, сохраняя свой типъ, теряются въ общемъ типѣ государственномъ, вполнѣ безвредныя, какъ по относительной малочисленности своей, такъ и по отсутствію въ нихъ внутренней силы. Все зависитъ отъ нравственной, духовной и бытовой крѣпости самого основнаго элемента, т. е. господствующей народности; слѣдовательно на развитіе и укрѣпленіе этого элемента и должно быть обращено главное вниманіе «патріотовъ», а не на однѣ государственныя связи, которыя сами по себѣ могутъ создать только искусственное, внѣшнее, слѣдовательно непрочное и въ сущности мнимое единство. Если же историческая

судьба связываетъ государство съ посторонними политическими тѣлами, то только тогда эти постороннія тѣла вполнѣ плотно и прочно примыкаютъ къ государству, когда прирастаютъ къ нему органически, проникаются органическимъ съ нимъ единствомъ, пріобщаются къ его народному духу.—Никакая другая связь не можетъ быть вполнѣ надежна, и прочность этой связи зависитъ не собственно отъ внѣшняго единообразія формъ, а отъ той степени органической силы срощенія, которою обладаетъ государственный организмъ. Чѣмъ сильнѣе, чѣмъ активнѣе въ государствѣ его органическое начало, т. е. народность, тѣмъ притягательнѣе оно, тѣмъ могущественнѣе сила органическаго срощенія, тѣмъ прочнѣе «государственное единство и цѣльность», даже безъ особенныхъ внѣшнихъ насильственныхъ и искусственныхъ мѣръ. Слѣдовательно, если съ одной стороны необходимо, чтобы мѣры государственныя не полагали преградъ правильному свободному воздѣйствію самой народной жизни на чужеродные элементы, входящіе въ составъ государства, — то съ другой стороны еще болѣе необходимо, чтобъ само общество умѣло цѣнить эту объединяющую силу, чтобъ оно не только не мѣшало, но всячески способствовало развитію и укрѣпленію своей народной стихіи. Уваженіе къ своей народности, къ органическому своему началу, къ духу жизни, создавшему народную личность, обусловливающему и опредѣляющему ея историческое бытіе—есть такимъ образомъ непремѣнное условіе жизненной силы и могущества не только народа, но и государства. Чѣмъ свободнѣе, дѣятельнѣе, возбужденнѣе духъ жизни народной, чѣмъ производительнѣе творчество жизни—тѣмъ крѣпче государство и внѣшнею силою, и цѣльностью, и единствомъ. Наоборотъ: попробуйте устранить права народности, замѣнить организмъ механизмомъ, подорвать коренныя основы народнаго быта, посягнуть на существенные элементы народной личности,—вы внесете въ жизнь государства двойственность и внутреннее противорѣчіе; вы никогда не добьетесь отъ такого государства силы срощенія, той объединяющей силы, которая принадлежитъ только духовно-цѣльному организму, вы придете къ совершенно-противоположному результату,—вамъ будетъ постоянно угрожать призракъ сепаратизма, — вы будете осуждены на постоянное безпокойство за свою народность, на необходимость ограждать ее внѣшнею силою.

Что же мы видимъ у себя дома, въ Россіи? Ни одинъ народъ въ мірѣ не представляетъ такого цѣльнаго живаго организма, какъ Русскій, ни одинъ можетъ быть не одаренъ такимъ богатствомъ силъ и такимъ могуществомъ естественнаго органическаго сращенія и притягательности. Но развитіе Русскаго народа, творчество и дѣятельность его элементовъ встрѣчаютъ себѣ задержку именно въ Русскомъ же обществѣ,—котораго отношенія къ народности были уже столько разъ обличаемы въ нашей газетѣ, и которое при всемъ томъ такъ гордится и хвалится своимъ патріотизмомъ. Общество и дѣйствительно патріотично — въ томъ смыслѣ, что всѣ его члены готовы жертвовать жизнью и достояніемъ за внѣшнюю цѣлость имперіи въ годину внѣшней опасности. Но эта доблестная способность, при отсутствіи уваженія къ духовной и бытовой сторонѣ Русской народности, при слабости народнаго самосознанія у нашей Русской «интеллигенціи», нисколько не обезпечиваетъ Русскаго народа въ такое время, когда нѣтъ непріятельскихъ армій, съ которыми можно было бы бороться, когда жизни и достоянія не требуется, а требуются совсѣмъ иные подвиги духа—для борьбы нравственной съ опасностями нравственными. Для этихъ подвиговъ духа недостаточно однихъ патріотическихъ восторговъ внѣшнимъ могуществомъ Россійской имперіи,—точно такъ же, какъ никакою внѣшнею силою внѣшняго патріотизма не могутъ быть ни разработаны, ни умножены тѣ таланты, которыми хотя и богата Русская земля, но которые лежатъ въ ней зарыты и не воздѣланы нашею иностранствующею «интеллигенціею». Русскому обществу именно недостаетъ уваженія къ своей народности, вѣры въ свою народность (не въ матеріальную силу народа, а въ его начала). Въ немъ, вслѣдствіе разныхъ историческихъ причинъ, явилось сомнѣніе въ самомъ себѣ, въ своемъ нравственномъ правѣ на самостоятельное народное развитіе, и закралось въ душу какое-то душевное подобострастіе предъ авторитетомъ западной цивилизаціи. Нужно ли представлять тому доказательства? Намъ пришлось бы тогда повторить вновь все сказанное въ 150-ти №№ нашей газеты; объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ всѣ лучшія произведенія нашей литературы, отъ Фонвизина до Гоголя и Островскаго включительно. «Полнѣйшее невѣжество въ дѣлѣ Русской исторіи и Русской на-

родности,—и невѣжество не невольное, а произвольное,—составляло до сихъ поръ (сказали мы въ послѣдней нашей статьѣ) какую-то аристократическую принадлежность высшаго образованія, своего рода bon genre; и хотя такому отношенію къ Русской народности нанесенъ въ послѣднее время значительный ударъ, — тѣмъ не менѣе это невѣжество и до сихъ поръ продолжаетъ украшать наше свѣтское образованное общество, такъ что въ мечтаніяхъ своихъ объ устройствѣ Россіи оно до сихъ поръ забываетъ бездѣлицу — Русскій народъ и народность,—оно не примѣчаетъ слона: 40 милліоновъ, или еще больше, Русскаго осѣдлаго населенія!» Русской землѣ, разумѣется, нечего опасаться за свое внѣшнее единство и цѣльность. Этотъ страхъ могъ родиться только у тѣхъ, кои не вѣдаютъ или не разумѣютъ своей земли и своего народа, которые способны сѣять кукурузу въ Архангельской губерніи или мечтать объ Англійской аристократіи на Русской почвѣ (что̀ совершенно одно и то же), — а также у тѣхъ патріотовъ, которые всю надежду на единство возлагаютъ лишь на внѣшній государственный строй. Пятьдесятъ милліоновъ Русскихъ одного племени, одного языка и вѣры, обитающихъ не чрезполосно, а вмѣстѣ, въ одной общей мѣстности, составляющихъ одинъ политическій организмъ, — это такого рода сплошное единство, которому ничего подобнаго нѣтъ нигдѣ въ Европѣ. Это единство, государственное и земское, сказывается при всякой внѣшней опасности. Но, при всей внѣшней цѣльности и единствѣ Россіи, мы, дѣйствительно, расколоты сами въ себѣ внутренно, страдаемъ нравственно—разрозненностью или двойственностью, и общественный духовный нашъ организмъ не можетъ похвалиться ни цѣльностью, ни крѣпостью.

Кто же виноватъ въ этой двойственности, въ этомъ разрывѣ между обществомъ и народомъ? Кто продолжаетъ поддерживать этотъ разрывъ? Кто нарушаетъ народное единство и цѣльность? Да именно общество, или, лучше сказать, тѣ патріоты, которые, повидимому, всего болѣе хлопочатъ о «государственномъ единствѣ и цѣльности». Слѣпцы, они не вѣдаютъ что̀ творятъ! но развѣ уже не пора прозрѣть, развѣ въ наше время еще позволительно невѣдать?! Развѣ не убѣждаетъ ихъ ежедневный практическій опытъ, что именно

въ устраненіи неблагопріятныхъ условій для развитія народности, для дѣятельности народнаго начала жизни, и лежитъ залогъ прочнаго единства и цѣльности? Если вамъ страшенъ сепаратизмъ, если васъ безпокоятъ «сепаративныя тенденціи», говорили мы имъ, то устремите вашу дѣятельность не столько на внѣшнее искорененіе этихъ тенденцій внѣшними способами (вы ихъ не уничтожите, а заставите притаиться), сколько на возбужденіе органической силы срощенія въ вашемъ собственномъ организмѣ; направьте ваши удары не на сепаратистовъ, которые сами по себѣ и не опасны, но на тѣ условія, вами же поддерживаемыя, при которыхъ слабѣетъ въ народѣ всепоборающая вѣра въ самого себя, въ свою народность. Если вы хотите, чтобъ васъ уважали, уважайте прежде всего сами свой народъ, свою народность, свободу народной органической жизни; если вы домогаетесь, чтобъ другія народности признали ваши права, признайте сами права своей Русской народной личности на самобытное и самостоятельное развитіе—и знайте, что никакая государственная внѣшняя сила не можетъ восполнить недостатокъ этого нравственнаго самоуваженія въ обществѣ. Если вы хотите наконецъ бороться съ Нѣмцами и Нѣмецкимъ элементомъ, будьте прежде всего сами не Нѣмцами, а Русскими, проникнитесь сами духомъ Русской народности... Отрицая же значеніе Русской народности, отвергая ея право на самостоятельность и самобытность, хотя бы только въ наукѣ и искусствѣ, въ области духовной, вы недалеко уѣдете на вашемъ государственномъ патріотизмѣ; напротивъ, съ такимъ чисто внѣшнимъ патріотизмомъ вы ослабите, пожалуй, и природную силу единства и цѣльности, и самостоятельность внѣшнюю и политическую нашего отечества. Благо намъ, что у насъ есть простой народъ, таящій въ себѣ народную сущность неприкосновенною, хотя и лишенною покуда, благодаря отчужденности Русскаго общества, полноты своихъ производительныхъ силъ. Въ народности, въ уваженіи къ началамъ и правамъ народа, какъ живаго организма, въ самостоятельномъ развитіи народной личности, въ возстановленіи единства и цѣльности народнаго духа должны мы почерпать главныя условія силы—и для достойнаго существованія на землѣ, въ качествѣ полезныхъ членовъ общечеловѣческой семьи, и для укрѣпленія нашего внѣшняго государственнаго существованія...

Въ народности? Въ единствѣ и цѣльности народнаго духа?? Но существуетъ ли Русская народность въ Русскомъ государствѣ?!.. «Русская народность достойна посмѣянія! «Единство и цѣльность народнаго духа»—это только названіе, «возвышенное Nichts—(nihil—ничто), которое День противопоставляетъ грубой дѣятельности государственнаго единства!» Кто это говоритъ, изъ какого лагеря несутся эти хулы на Русскую народность? Кто эти новые нигилисты, проникнутые такимъ горькимъ безвѣріемъ въ значеніе народнаго духа? Читатели, конечно, удивятся, когда мы объяснимъ имъ, что эти отзывы о Русской народности несутся изъ двухъ совершенно противоположныхъ лагерей: изъ чужеземнаго, вполнѣ враждебнаго лагеря, и изъ лагеря нашихъ самыхъ рьяныхъ патріотовъ, новѣйшаго клейма и фасона. «La nationalité russe est dérisoire, Русская національность достойна посмѣянія»—говоритъ одна Французская брошюра, не признающая никакой внутренней силы въ Русской народности, никакого внутренняго единства и цѣльности. Имперія, говоритъ она, есть безпорядочная смѣсь всевозможныхъ породъ, которыя непрестанно стремятся возвратиться въ свое лоно. Всѣ эти породы, всѣ эти племена, всѣ эти враги по крови и по правамъ связаны между собою только искусственными узами (государственнаго единства)». Не правда ли, читатель, вамъ смѣшно такое невѣжество иностранца, который не замѣтилъ нашей 50-ти-милліонной однородности, и который увѣряетъ насъ, что имперія держится только искусственнымъ внѣшнимъ способомъ?.. Но не слыхали ли мы и сами въ нашемъ обществѣ разсужденій о «разъединенной Россіи», которую поэтому надо покрѣпче связать и увязать внѣшнею искусственною связью администраціи? Не раздавалась ли и у насъ постоянная проповѣдь о томъ, что намъ вездѣ и всюду грозитъ сепаратизмъ, что вся забота наша должна быть устремлена на усиленіе искусственныхъ узъ «государственнаго единства и цѣльности»—и развѣ не выражалось при этомъ полнѣйшаго пренебреженія къ единству и цѣльности народнаго духа? Такая патріотическая проповѣдь (безъ сомнѣнія, противъ желанія самихъ проповѣдниковъ) вполнѣ на руку автору иностранной брошюры, который не можетъ не радоваться подобному нашему пренебреженію къ народной органической стихіи. Онъ

не слишкомъ боится того внѣшняго государственнаго единства, которое зиждется на такомъ неуваженіи къ единству и цѣльности народнаго духа. А между тѣмъ не высказано ли намъ прямо, что День, отзываясь будто бы «съ презрѣніемъ объ интересѣ государственнаго единства, противопоставляетъ этой грубой дѣйствительности возвышенное Nichts подъ именемъ единства и цѣльности народнаго духа»? Эти слова, въ которыхъ находитъ себѣ такое неожиданное подкрѣпленіе авторъ Французской брошюры, принадлежатъ главнѣйшему органу такъ-называемой иностранцами ультра-Русской партіи, т. е. партіи тѣхъ патріотовъ, которые такъ громко и пышно толкуютъ о государственномъ единствѣ и о патріотизмѣ... Le fin mot этого дешеваго патріотизма высказано, и отнынѣ мы уже знаемъ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло. Предоставляя одному изъ нашихъ сотрудниковъ подробнѣе разобрать и изложить, въ особой статьѣ, содержаніе иностранной брошюры параллельно съ этимъ афоризмомъ извѣстной Русской патріотической газеты,—мы только постараемся указать здѣсь главныя характеристическія черты той доктрины, которая такъ долго обольщала простодушныхъ—шумомъ и блескомъ своихъ патріотическихъ залповъ.

Вотъ что̀ скрывается подъ этимъ внѣшнимъ патріотизмомъ, вотъ главные догматы вѣры, которые вырабатывались подъ сѣнію знамени внѣшняго «государственнаго единства и цѣльности», водруженнаго партіей нашихъ новѣйшихъ западниковъ-ультрарусcовъ:

«Единство и цѣльность народнаго духа, т. е. духа 50-ти или болѣе милліоновъ Русскаго народа, есть не болѣе, какъ возвышенное Nichts — ничто». (До такого «нигилизма», конечно, никогда не ожидали дойти самые отчаянные наши нигилисты, а тѣмъ менѣе наши «патріоты», съ такимъ страхомъ относящіеся ко всякому нигилизму!)

«Живая, личная, индивидуальная народность должна быть замѣнена отвлеченною національностью государственною...»

Для этого—изъ идеи Русской народности необходимо выдѣлить всѣ тѣ просвѣтительныя и образовательныя начала, подъ воздѣйствіемъ которыхъ сложилась исторически Русская народность, — выкачать такъ-сказать изъ нея самый воздухъ и, разведя составъ такой обездушенной Русской народности

всѣми возможными инородческими и иновѣрческими элементами, создать новую Россійскую національность, съ Русскими Моисеева закона, съ Русскимъ католицизмомъ, и т. д.

Отсюда, какъ прямое послѣдствіе, вытекаетъ другое положеніе, что не слѣдуетъ давать никакого значенія органической стихіи, присущей въ народности Русскаго народа, а слѣдуетъ, напротивъ того, всячески ослаблять ее и довести до ничтожества. Такъ какъ эта органическая стихія пребываетъ преимущественно, если не исключительно, въ простомъ Русскомъ народѣ, и будучи скована Петромъ Великимъ, теперь, благодаря нашей крестьянской реформѣ, раскована и введена въ нашу гражданскую жизнь, то слѣдуетъ отнять у нея все то, что̀ даетъ ей силу и вѣсъ. Поэтому:

«Крестьянское самоуправленіе — вздоръ»; его не нужно, нужно распространить надъ крестьянами патронатство помѣщиковъ, водворить и у насъ патримоніальное начало, т. е. право суда и управленія помѣщиковъ въ волостяхъ и т. п.

Двумя главнѣйшими условіями жизненности и силы народной Русской органической стихіи служатъ: во-1-хъ — владѣніе землею, т. е. то, что крестьяне всѣ поселены на землѣ, всѣ владѣютъ землею; во-2-хъ, то, что у большинства крестьянъ существуетъ общинное пользованіе землею, дающее имъ внутреннюю силу и крѣпость, признающее за каждымъ членомъ общины право на участокъ земли,—гарантирующее его, по возможности, отъ нищеты. Поэтому слѣдуетъ ввести такія мѣры, которыя бы искусственно подорвали начало общиннаго поземельнаго владѣнія и обезземелили бы половину крестьянскаго населенія.

Идеаломъ для Россіи должно служить такое устройство, при которомъ бы образовалась цѣлая масса «бездомныхъ, бродячихъ рабочихъ», постоянно нуждающихся въ хлѣбѣ и кровѣ, и прибѣгающихъ за хлѣбомъ и кровомъ къ крупнымъ землевладѣльцамъ.

Наконецъ, цѣною такого обезземеленія крестьянъ—имѣетъ создаться въ Россіи крупная землевладѣльческая аристократія на манеръ англійской.

Довольно. Мы хотимъ пощадить нашихъ противниковъ и воздерживаемся отъ перечисленія всѣхъ многообразныхъ несообразностей ихъ доктрины, а также и тѣхъ печальныхъ

результатовъ, къ которымъ могли бы привести эти мечтанія, еслибъ имъ суждено было осуществиться. Въ 10-мъ № нашей газеты [1]) эти результаты болѣе или менѣе указаны. Спрашиваемъ: есть ли хоть тѣнь чего нибудь Русскаго и патріотическаго въ изложенныхъ нами выше положеніяхъ? Можно ли подумать, что Русское дворянство захочетъ себѣ купить значеніе поземельной аристократіи цѣною обезземеленія Русскаго народа? Пусть же тѣ, которые, какъ слѣпцы, отдали себя въ водительство нашимъ новѣйшимъ стоятелямъ за благое дѣло государственнаго единства и цѣльности, увидятъ наконецъ, куда они пришли со своими вождями. Пусть же поймутъ, чего стоитъ тотъ патріотизмъ, которымъ такъ дешево красовалась и красуется извѣстная часть нашего образованнаго общества, и насколько онъ дѣйствительно обезпечиваетъ Русское единство и цѣльность!

Будемъ справедливы: во всемъ этомъ, повидимому, вредномъ посягательствѣ на Русскую народность, которому обрадовался бы всякій врагъ Россіи, нѣтъ однакожъ ничего умышленнаго, ничего злонамѣреннаго. Напротивъ: мы вполнѣ вѣримъ и въ искренность патріотизма, и въ благонамѣренность нашихъ противниковъ. Все это спрòсту, да сò слѣпу, отъ недостатка строгой логики въ головѣ, отъ тупости народнаго чувства, отъ невѣжества во всемъ, что̀ касается Русскаго народа,—невѣжества, часто соединяемаго у насъ съ самою замѣчательною Европейской ученостью, отъ непривычки домысливаться и отъ привычки раболѣпствовать предъ иноземными авторитетами. Но пора же этому и кончиться. Съ освобожденіемъ 20 милліоновъ крестьянъ, такое простодушное невѣжество и пренебреженіе въ своей народности—становится и непростительнымъ и даже сопряженнымъ съ серьезными и опасными неудобствами для личныхъ интересовъ извѣстнаго образованнаго класса!

---

[1]) См. выше, подъ заглавіемъ: «Идеалы Дня» и проч.

Отчего такъ не легко живется въ Россіи?

Москва, 18-го декабря.

Не легко живется теперь на Руси. Неможется ей, во всѣхъ смыслахъ и отношеніяхъ. Трудно ей; трудно особенно потому, что приходится ей имѣть дѣло не съ какой-либо внѣшней опасностью, внѣшнимъ врагомъ,— а съ самою собой. Трудно потому, что и врачеваніе приходится искать, какъ убѣждаетъ въ томъ недавній опытъ, не во внѣшнихъ учрежденіяхъ только, не въ одной благонамѣренности правительственной, — а въ чемъ-то иномъ, въ разрѣшеніи многосложныхъ, громадныхъ вопросовъ духовнаго свойства.

Дѣло уже не въ лѣкарствахъ, извнѣ прилагаемыхъ, а дѣло въ возбужденіи самодѣятельности внутренней воли, въ жизненномъ проявленіи нравственныхъ силъ — несомнѣнно присущихъ нашему общественному организму, но гдѣ-то давно и глубоко зарытыхъ, чѣмъ-то тяжелымъ придавленныхъ, чѣмъ-то скованныхъ, бездѣйствующихъ, оцѣпенѣлыхъ. Намъ нечего уже теперь обольщаться быстротой нашего развитія; нечего сваливать вину на правительство или ожидать отъ него такихъ новыхъ реформъ, которыя мигомъ бы поставили насъ на ноги и возвратили намъ здоровье. Самое главное—освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ и свобода (хотя бы даже не полная) печатнаго слова, — самое необходимое мы уже имѣемъ: дальнѣйшее развитіе предлежитъ уже самому обществу. Все, что зависитъ отъ внѣшней государственной власти, ею уже дано или будетъ дано. Но это еще не дастъ намъ здоровья, потому что государственная власть не можетъ же стоять выше общественнаго нравственнаго уровня, и сама нуждается въ притокѣ для себя извнутри—новой здоровой жизненной силы. Дѣло за нами.

Стоя теперь на краю пройденнаго нами четырехлѣтняго журнальнаго поприща и озираясь назадъ, мы невольно вспоминаемъ то недавнее время, когда, при началѣ нашей редакторской дѣятельности, многое такое казалось мечтою, чѣмъ-то въ родѣ несбыточныхъ pia desideria, что потомъ осуществи-

лось велѣніемъ власти — очень скоро и просто, — но не принесло (и не могло принести) особеннаго облегченія въ общемъ ходѣ Русской жизни. Еще въ 1861 году появлялся въ Москвѣ одинъ таинственный господинъ, который хотѣлъ производить агитацію для составленія громаднаго адреса, ходатайствующаго о бюджетѣ, судѣ присяжныхъ, уничтоженіи цензуры, земскомъ самоуправленіи, и т. д.: чуть ли не въ каждой изъ этихъ мѣръ наши глубокомысленные либералы видѣли панацею отъ всѣхъ золъ, удручающихъ наше отечество... Явились, и безъ всякаго адреса, и бюджетъ, и новые законы о присяжныхъ, земскомъ самоуправленіи, печати... Но панацеи и въ нихъ не оказалось; не въ нихъ, — видно, сила, и сами онѣ, для своего успѣшнаго развитія, требуютъ чего-то, чего еще нѣтъ.

Что же именно? ужели опять какого-нибудь внѣшняго преобразованія, по благоволенію государственной власти? По этому пути, пути внѣшнихъ учрежденій и мѣропріятій, двинулись мы далеко. Пора бы, кажется, понять, что это все не болѣе, какъ средства къ жизни, ея внѣшнія формы, а не сама жизнь; что въ томъ-то и состоитъ уродство нашего развитія, что прежде содержанія, являются у насъ формы, въ которыя и втискивается потомъ содержаніе искусственно и насильственно, — а не содержаніе само, свободно и органически, создаетъ себѣ форму. И такъ, казалось бы, по этой дорогѣ и идти дальше некуда. Но близорукимъ политикамъ нашего общества хочется забрести совсѣмъ въ «тупикъ» (какъ называются улицы, изъ которыхъ нѣтъ выѣзда) и наткнуться лбомъ, въ дѣлѣ нашего государственнаго строя, на грубый фактъ положительной, упорной воли народныхъ массъ и ихъ историческаго инстинкта — еще до сихъ поръ для насъ загадочнаго, не выясненнаго нашему общественному сознанію. Можетъ быть таковъ именно и есть путь нашего развитія. Можетъ быть только истощивши весь свой кошель дешевыхъ готовыхъ образцовъ, «наивѣрнѣйшихъ средствъ», — «самоновѣйшихъ лучшихъ руководствъ» и тому подобныхъ указаній политической науки и опыта чужихъ, западно-европейскихъ народовъ, — можетъ быть только перепробовавши на практикѣ всѣ эти внѣшнія пособія, одно за другимъ, общество наше убѣдится, наконецъ, что средства къ жизни еще не творятъ

жизни, что внѣшняя искусственная обстановка государственнаго строя еще не въ силахъ, сама по себѣ, вдохнуть въ жизнь ту органическую силу творчества, которой именно ей недостаетъ, и недостатокъ которой сказывается въ насъ такимъ тяжелымъ томительнымъ недугомъ. Когда утратилось непосредственное чутье своего прямаго прирожденнаго пути, когда мы сбились съ дороги, вся задача въ томъ, чтобъ отыскать эту дорогу, а не въ томъ, чтобы обзавестись конями и экипажемъ, да въ прибавокъ еще казеннымъ. Можетъ обставиться общество всевозможными либеральными государственными учрежденіями, по наилучшему нѣмецкому или англійскому образцу, можетъ, съ разрѣшенія правительства, нарядиться во всевозможные мундиры, англоаристократическаго или даже мужицко-демократическаго покроя; но всѣ они будутъ сидѣть на немъ мѣшкомъ, все же это только мундиры, а не своя, прирожденная историческая одежда, — и опять не по себѣ будетъ въ нихъ Руси.

Не знаемъ, въ какой степени неминуемы всѣ эти эксперименты и можетъ ли общество предупредить ихъ — чрезъ отвлеченное выясненіе себѣ своего пути, своего соціальнаго и политическаго идеала. Во всякомъ случаѣ такая работа необходима. Кажется, экспериментовъ было не мало; мы не бѣдны опытомъ, купили его дорогою цѣною, да и пора уже было бы надоѣсть—бродить ощупью и плутать въ потемкахъ. Едва ли мы не подошли къ самому краю, за который перешагнуть было бы слишкомъ опасно, хотя бы уже потому, что мы слишкомъ бы усложнили свое развитіе и слишкомъ бы далеко оторвались отъ народныхъ историческихъ основъ и преданій. Теперь именно наступило такое время, когда всѣ нужнѣйшія внѣшнія реформы совершены, необходимыя средства — хлѣбъ насущный, нѣкоторая свобода слова — даны, можно было бы, успокоясь покуда на нихъ, оглядѣться назадъ, вникнуть глубже въ свойства нашего внутренняго недуга, неуступающаго покуда никакому врачеванію, и вмѣсто того, чтобъ растрачивать наши силы во-внѣ, обратить ихъ внутрь себя, на работу самопознанія и на подвигъ нравственнаго возрожденія.

Впрочемъ, можетъ быть многіе изъ нашихъ читателей и не понимаютъ ясно, о какомъ это недугѣ мы говоримъ. Осо-

беннаго недуга они не ощущають, кромѣ того, что финансы плохи, что звонкой монеты нѣтъ, что вся Россія страждетъ безденежьемъ, торговля въ застоѣ, крестьянское благосостояніе упало, и т. д., и т. д. Они полагають даже, что все это произошло отъ болѣе или менѣе неискуснаго управленія, и что отъ администраціи же зависитъ вывести Россію изъ такого затруднительнаго положенія. Они не замѣчаютъ, устремивъ свои взоры на внѣшнія правительственныя распоряженія, что начала, которыми руководится правительство, выработаны и навязаны ему самимъ обществомъ, что даже неуспѣхъ внѣшнихъ правительственныхъ распоряженій состоитъ въ непосредственной связи со всѣмъ нашимъ внутреннимъ, духовнымъ строемъ; что наконецъ правительство вербуетъ своихъ дѣятелей изъ того же критикующаго его общества, и что наше правительство и наша оппозиція въ сущности одно и то же, поочередно мѣняются ролями, стоятъ на одинаковомъ уровнѣ пониманія и вертятся вмѣстѣ въ одномъ общемъ безвыходномъ кругѣ. Пояснимъ, впрочемъ, нашу мысль, для этихъ нашихъ читателей, нѣсколькими наглядными примѣрами, избѣгая всякой *отвлеченности*. Самое состояніе нашихъ финансовъ, независимо отъ степени финансовыхъ дарованій въ правителяхъ, не происходитъ ли, большею частью, отъ деспотизма теоріи надъ жизнью, отъ подобострастія къ отвлеченнымъ положеніямъ западно-европейской экономической науки, которыя такъ громко провозглашались нашею же интеллигенціей, отъ совершеннаго незнанія Россіи, которымъ отличается само же наше Русское образованное общество,— наконецъ отъ массы непроизводительныхъ тратъ во всѣхъ его классахъ. Не можетъ же оставаться безъ вліянія на общественное матеріальное благосостояніе — это переселеніе Русскихъ капиталовъ за границу въ лицѣ сотни другой тысячъ Русскихъ, наиобразованнѣйшихъ и состоятельнѣйшихъ людей, — причемъ поземельныя владѣнія ихъ остаются безъ надлежащаго призору и управленія? Что̀ же гонитъ ихъ изъ Россіи — отчего такъ слаба связь между ними и родною землею, при несомнѣнномъ, однако, ихъ государственномъ, внѣшнемъ патріотизмѣ? Это уже вопросъ болѣзни внутренней. Не можетъ также не отзываться на нашихъ финансахъ и страшное усиленіе пьянства въ простомъ народѣ, вмѣстѣ съ ослаб-

леніемъ нравственныхъ побужденій и физическихъ силъ къ производительному труду? Какъ бы ни было виновато акцизное вѣдомство, руководившееся, впрочемъ, въ своихъ дѣйствіяхъ самыми новѣйшими модными теоріями, рекомендованными нашей же журналистикой, и пригласившее къ себѣ на службу цвѣтъ «либеральствующей» молодежи,—нельзя не видѣть въ этомъ явленіи народнаго пьянства—страшную распущенность нравственную, не выдерживающую искушеній, которыми обставлена всякая свобода,— нельзя не искать причинъ въ народныхъ нравахъ, а при вопросѣ о народныхъ нравахъ сами собою возникаютъ вопросы о народномъ образованіи, о церкви, о духовенствѣ. Для всѣхъ же этихъ вопросовъ мы всего менѣе можемъ ожидать разрѣшенія отъ правительства, отъ какихъ-либо его созидательныхъ внѣшнихъ мѣръ, отъ казеннаго преобразованія училищъ или отъ поступленія священниковъ на казенное жалованье. Не полицейской фонарной командѣ возжигать тотъ священный огонь, безъ котораго существованіе духовенства не имѣетъ смысла или обращается во вредъ самому обществу...

Россія преобразуется, Россія развивается; она въ скоромъ времени будетъ, по внѣшности, по каталогу заведеній и учрежденій, болѣе похожа на Западную Европу, чѣмъ любая страна, plus européenne que l'Europe. И въ самомъ дѣлѣ, можно было бы обольщаться успѣхомъ реформъ, если бы не обличало насъ одновременное съ ними наше банкрутство во всѣхъ отношеніяхъ: не смотря на всѣ усилія и пособія западной науки и опыта — богатая Русь бѣдна и бѣднѣетъ; обладающая несмѣтными сокровищами серебра и золота, какъ ни одна страна въ мірѣ, она не имѣетъ у себя серебра и золота ни на одну копѣйку; гордящаяся умомъ и смышленностью своего народа, порождаетъ, большею частью, въ лицѣ своихъ высшихъ общественныхъ представителей — поразительную неспособность, нравственную дряблость и духовную непроизводительность; полная преданій и задатковъ самостоятельнаго политическаго развитія, она жмется, какъ въ тискахъ, въ формахъ ей чуждыхъ, прививаетъ и развиваетъ у себя чужія произрастенія, запуская свою собственную духовную ниву. «Святая» Русь— безнравственна, не творитъ ни добродѣтели, ни доблести, въ высшемъ смыслѣ этого слова, — православная Русь — теряетъ

своихъ чадъ и перестаетъ быть, въ сознаніи общества и государства, единственнымъ живымъ, духовно-органическимъ началомъ всего историческаго бытія Русской державы. Мы получили, кстати, надняхъ вѣрное извѣстіе о томъ, что Татары, извѣстные подъ названіемъ новокрещенныхъ, въ Казанской, Пермской, Вятской губерніяхъ и пр., толпами отпадаютъ отъ православія въ магометанство, что Мордва, Чуваши и прочіе инородцы — также во множествѣ увеличиваютъ собою ряды раскола, и т. д. Кто можетъ противопоставить преграду такому движенію? конечно, не полиція, къ которой любятъ, къ несчастію, обращаться наши духовныя власти; не казна съ своими казенными способами убѣжденія. Это дѣло принадлежитъ духовенству, но при одной мысли о немъ, не исполняемся ли мы, говоря по совѣсти, самой скорбной безнадежности? Можемъ ли мы съ упованіемъ обращать къ нему взоры? И здорова ли та страна, гдѣ большинство пастырей обратилось въ наемниковъ или чиновниковъ? Не подтачиваетъ ли ее такой недугъ въ самомъ корнѣ? Посмотрите на Западный край, на Польшу, въ которой успѣхъ православной пропаганды легко порѣшилъ бы всѣ тѣ тяжелые, мучительные вопросы, которые представляются каждому, знакомому съ этими краями. Латинская Польша не можетъ не быть намъ враждебна, но православная можетъ намъ быть родною, даже и оставаясь вѣрною Польской народности. И что̀ же мы дѣлаемъ? Мы стараемся создать у себя не Поляковъ православныхъ, а Русскихъ католиковъ, мы не вздумали до сихъ поръ — перевести на Польскій и Жмудскій языки нашу литургію, а заставляемъ переводить католическую литургію на Русскій языкъ! И опять: развѣ правительство въ этомъ виновато? развѣ не само Русское общество внушало ему эти совѣты, въ своей патріотической мудрости? Не правительству же браться за пропаганду. Пропаганда должна быть дѣломъ общественнымъ, дѣломъ искренняго, свободнаго убѣжденія, согрѣта святою ревностью къ истинѣ, а не правительственными наградами и поощреніями. Напротивъ: всякое вмѣшательство казны въ это дѣло, всякое низведеніе интересовъ вѣры на степень интересовъ государственныхъ, всякое обращеніе святыни въ орудіе казенныхъ видовъ и соображеній—не только мертво и безплодно, но даже положительно вредно. Такъ мы никогда не придавали особен-

наго значенія казенной постройкѣ церквей въ Западномъ краѣ, съ казеннаго подряда, чиновниками, отъ казны командируемыми, и всегда думали и думаемъ, что живое слово вѣрующаго проповѣдника, хотя бы и въ храмѣ съ соломенной крышей, что благочестивая святость служителя алтаря, хотя бы и въ крашенинной ризѣ,—болѣе *можетъ*, чѣмъ обращеніе православной пропаганды въ кругъ занятій министерства внутреннихъ дѣлъ, чѣмъ всѣ эти милліоны, отъ казны ассигнуемые на сооруженіе храмовъ, или же сотни тысячъ, пожертвованныя на сей предметъ купцами съ полученіемъ, за усердіе, медали и ордена. Но что же дѣлать правительству, когда нужда настоятельная, а наше общество бездѣйствуетъ, а духовенство безмолвствуетъ: само зоветъ себѣ на помощь силу правительственную?

И гдѣ общество? и какіе у общества православной Россіи церковные, политическіе, соціальные — Русскіе идеалы? Наше старое общество разлагается, а новаго мы еще не видимъ. Потому что къ старому обществу должны мы отнести и все наше молодое поколѣніе, въ которомъ нѣтъ ничего, кромѣ болѣе искренней и энергической силы отрицанія.

Половина общества такъ воспользовалась предоставленною ему отъ правительства свободою, что живетъ за границей и воспитываетъ тамъ своихъ дѣтей: наши будущіе Русскіе дѣятели готовятся не только вдали отъ Россіи, но въ атмосферѣ ей чуждой и враждебной, подъ воздѣйствіемъ иныхъ просвѣтительныхъ началъ, съ дѣтства усвоиваютъ себѣ точку зрѣнія, съ которой менѣе всего понятна Россія. Тѣ же, которые воспитываются дома, въ Россіи, въ общественныхъ заведеніяхъ, относятся отрицательно ко всему, что дорого и свято Русскому народу: кромѣ чиновниковъ и нигилистовъ, ничего не создаетъ наше общественное воспитаніе.

Итакъ, есть внѣшнія средства къ жизни, но нѣтъ духа жизни; есть дѣла много, но нѣтъ дѣлателей; есть матеріалъ, но одушевить его некому. Куда идти, къ чему идти, какая ея задача — вотъ надъ чѣмъ приходится теперь задумываться Россіи. Благодаря своей матеріальной тяжести, благодаря тому упору, который находитъ она въ своемъ простомъ народѣ, еще выдерживаетъ она равновѣсіе и противится деспотическимъ прихотямъ своихъ образованныхъ классовъ. Но надеженъ ли этотъ упоръ? Не можетъ же, безнаказанно для себя, пребывать

народъ тысячу лѣтъ неподвижно, на одной степени развитія. Время и ему двинуться,—но куда, куда? Неужели же вслѣдъ за нами?! по нашимъ стопамъ?! Страхъ беретъ при одной мысли объ этомъ. Куда же это его мы заведемъ? Хороши мы для него образцы!

При такомъ положеніи дѣлъ, всего опаснѣе самообольщеніе, всего вреднѣе дешевый внѣшній политическій интересъ, отвлекающій общество отъ вопросовъ внутреннихъ. Въ этомъ отношеніи послѣдніе два-три года имѣли то дурное вліяніе на такъ-называемое образованное общество, что дали его пустотѣ какое-то содержаніе — въ сущности совершенно призрачное. Благодаря нашей патріотической и поющей гимны Русскому дворянству публицистикѣ, общество дѣйствительно повѣрило, что оно политически зрѣло, — и упоенное взаимнымъ кажденіемъ своихъ корифеевъ, само не видитъ, какъ оно нравственно пусто, какъ нѣтъ у него никакой почвы и болтается оно ногами по воздуху. Открылась возможность слыть и самому воображать себя Русскимъ, не будучи Русскимъ, или будучи имъ лишь только по имени и по крови; воображать себя патріотомъ, не расходуясь на это никакимъ новымъ трудомъ мысли и продолжая воспитывать дѣтей своихъ въ Дрезденѣ или Женевѣ, толковать о государственномъ единствѣ и цѣльности Россіи, посягая на духовную цѣльность Русской народности, на Русскую общину и міръ, и наконецъ признавать себя расквитавшимся со всѣми своими обязанностями какъ Русскаго гражданина, пристроивъ себя подъ аристократическое знамя какой-нибудь иноземной политической теоріи. Все это вредно уже потому, что упраздняетъ серьезный трудъ самопознанія, ставитъ на ходули, обольщаетъ лживою надеждою на легкое исцѣленіе, — котораго, эти общественные дѣятели, какія бы ни *придумывали* средства, не дадутъ и дать не могутъ: зло не въ отсутствіи средствъ, а въ насъ самихъ, въ нравственныхъ типическихъ условіяхъ нашей среды.

Таково положеніе дѣлъ въ Россіи. Но унывать нечего. По организму и болѣзнь. Крупна болѣзнь, но за то какъ крупенъ, какъ мощенъ организмъ! Надо только уразумѣть сокровища духа въ Русской землѣ и позвать ихъ наружу; надо только сознать, что дѣло не во внѣшнихъ лѣкарствахъ или исправленіяхъ, а во внутреннемъ нравственномъ исцѣленіи, — что

одинъ путь отрицанія лжи не приводитъ къ живительному усвоенію истины; что настало, наконецъ, время для положительнаго, а не отрицательнаго отношенія, если не къ самой Русской дѣйствительности, то къ ея основнымъ духовнымъ элементамъ, что горше всякихъ бѣдъ для насъ—отреченіе отъ нихъ и отступничество. Въ поискахъ за всевозможными мелочными практическими улучшеніями, въ попыткахъ разрѣшенія безчисленныхъ, какъ песокъ морской, частныхъ дробныхъ «вопросовъ», при преобладающемъ значеніи внѣшнихъ политическихъ интересовъ и новѣйшихъ теорій о государственномъ патріотизмѣ и государственной народности—сильно понизился духовный уровень нашего общества, хотя, повидимому, и «созрѣвшаго политически»; измельчала мысль, поблекли интересы чисто отвлеченные, научные, — спутались, подъ дѣйствіемъ вліятельной журналистики, всѣ понятія о народности; развилось пренебреженіе къ напряженному труду мысли, чуждому текущаго политическаго интереса.

Отъ этихъ то текущихъ, внѣшнихъ политическихъ интересовъ, блѣднѣющихъ предъ интересомъ нашего внутренняго общественнаго духовнаго строя; отъ этихъ мелочныхъ вопросовъ, частное разрѣшеніе которыхъ оказалось или непремѣнно окажется безплоднымъ или даже невозможнымъ внѣ разрѣшенія того общаго крупнаго вопроса, къ которому они всѣ сводятся,—мы и хотимъ теперь оторваться. Простимся, читатель. Нынѣшнимъ № мы заканчиваемъ наше изданіе. Двѣсти восемь разъ выступали мы на журнальную арену передъ лицомъ Русскаго общества; двѣсти восемь разъ обращали мы рѣчь къ нему по всѣмъ вопросамъ, сколько-нибудь важнымъ. Четыре года подвергали мы себя, свои мнѣнія и убѣжденія его свободной и безцеремонной критикѣ,—и въ чемъ другомъ, но въ одномъ не можешь ты обвинить насъ, читатель, чтобы мы измѣнили нашему общественному гражданскому знамени и его нравственному характеру. Заступничествомъ за права Русскаго народа и народности, такъ какъ мы ихъ понимаемъ, мы и начали, и окончили свой тягостный четырехлѣтній редакторскій трудъ. Полезна ли, благотворна ли была наша дѣятельность, объ этомъ пусть судятъ другіе, — временный успѣхъ никогда и не былъ нашею задачею. Изъ всего смысла настоящей нашей статьи можно видѣть, что мы считаемъ бла-

говременнымъ теперь иное, не газетное дѣланіе. Довольно. Довлѣетъ *дневи* злоба его; другому дневи и злоба иная. Мы свертываемъ теперь наше скромное знамя—но съ тѣмъ, чтобы развернуть его снова—съ обновленными силами, съ освѣженною на досугѣ мыслью. Благодаримъ всѣхъ, кто поддерживалъ насъ своимъ сочувствіемъ, и не сомнѣваемся, что и тѣ, которые теперь считаютъ себя нашими политическими врагами, рано или поздно станутъ съ нами подъ общее знамя.

Прощай, читатель, и да спасетъ тебя Русская правда отъ всякой иноземной лжи, которою долго еще не перестанутъ — наши аристократы и демократы, доктринеры-чиновники и нигилисты и все это старое общество — мутить поверхность нашего могучаго, величаваго, глубокаго народнаго моря.

СТАТЬИ ИЗЪ ГАЗЕТЫ „МОСКВА“.

1867 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ).

Программа газеты «Москва».

Москва, 1-го января.

Не случайно дано нами названіе нашей газетѣ: «Москва». Имя Москвы—цѣлое знамя. Называя Москву, мы называемъ всю Русь. Москва есть символъ русскаго единства—не только государственнаго, подверженнаго историческимъ случайностямъ, опредѣляемаго временными политическими границами, — но высшаго единства всей Русской земли въ предѣлахъ и внѣ предѣловъ Россійской Имперіи. Если возможно было вывести центръ правительственный изъ Москвы, то невозможно ей перестать быть средоточіемъ жизни земской. Москва носительница и хранительница русскаго народнаго духа. Москва представительница тѣхъ коренныхъ народныхъ стихій, изъ которыхъ сложилась Россія;—тѣхъ земскихъ, долго сокровенныхъ, непризнанныхъ, порою загнанныхъ и презрѣнныхъ силъ, которыми однакожъ только и стоитъ, живетъ и движется наша земля, которыми только и держится, только и можетъ быть сильно и славно русское государство.

Вотъ этимъ-то силамъ на служеніе и посвящаетъ себя наша газета. Вотъ почему она и осмѣлилась назваться знаменательнымъ именемъ «Москвы». Благодаря тому простору жизни, который дарованъ нынѣшнимъ царствованіемъ, подъемъ этихъ силъ несомнѣненъ и явное имъ служеніе стало возможнымъ. Всякое движеніе общественной мысли, всякое

проявленіе и укрѣпленіе общественной воли, другими словами—проявленіе и успѣхъ самодѣятельности русскаго общества, въ дѣлѣ ли такъ-называемаго самоуправленія, въ области ли самостоятельнаго духовнаго творчества или промышленной производительности будетъ предметомъ особеннаго наблюденія и изученія для нашей газеты. Напрасно бы стали думать нѣкоторые, что мы противополагаемъ общество государству. Тутъ нѣтъ ни противоположенія, ни такъ-называемой оппозиціи. Только подъ внѣшнимъ покровомъ государства и можетъ совершаться развитіе мирныхъ земскихъ и общественныхъ силъ; только свободнымъ развитіемъ этихъ силъ и ограждается сила и достоинство государства. Если можетъ быть рѣчь объ оппозиціи, то никакъ не со стороны общества; если здѣсь есть мѣсто какому желанію, такъ развѣ только тому, чтобы государство само не слишкомъ рѣзко противополагало себя началамъ и требованіямъ народной жизни. Но дѣло вовсе не въ этомъ, а въ томъ, что сферы дѣятельности и характеръ дѣятельности общества и правительства, при всей ихъ параллельности, совершенно различны, а этимъ самымъ различіемъ опредѣляется и характеръ нашей газеты. Такъ, напримѣръ, мы не только не имѣемъ притязанія выражать «въ Москвѣ» мнѣніе правительственное, но не имѣемъ притязанія и надѣяться, чтобъ выражаемыя нами мнѣнія были всегда согласны съ мнѣніями правительства. Намъ даже нѣтъ никакой надобности и домогаться этого согласія или безпокоиться по поводу несогласія. Такое положеніе указано намъ самимъ правительствомъ, отказавшимся, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ внѣшней политики и передъ лицомъ всей Европы, отъ всякой отвѣтственности за политическія воззрѣнія, высказываемыя въ русской печати, отъ всякой солидарности съ нею. Конечно, желательно, чтобъ мнѣніе общества совпадало съ правительственнымъ, но и временное противорѣчіе между ними не представляетъ ничего страннаго: правительству принадлежитъ дѣйствіе, а обществу только мнѣніе. Общество вырабатываетъ свою мысль вполнѣ свободно, внѣ тѣхъ практическихъ условій, которымъ нерѣдко подчиняется и не можетъ не подчиниться дѣйствіе правительственное; да сверхъ того, многія соображенія, которыми иногда по необходимости руководствуется власть, обществу неизвѣстны или недоступны. По-

этому правительство вполнѣ право, когда сохраняетъ за собою свободу дѣйствія; право и общество, когда свободно выражаетъ предъ правительствомъ свое свободное мнѣніе.

Вообще у насъ завелось въ обычаѣ все взваливать на правительство, во всемъ винить правительство и отъ одного правительства ожидать во всемъ спасенія и почина или «иниціативы». Притязательная критика правительственныхъ распоряженій производится гласно и безгласно и питаетъ собою, нѣкогда широкіе, а теперь, слава Богу, значительно сократившіеся общественные досуги. Всѣ взоры до того пристально устремлены къ правительству, что отъ такого пристальнаго устремленія нерѣдко двоится въ глазахъ и всякая административная ошибка выростаетъ въ размѣры чудовищной бѣды; критикующее общество впадаетъ въ меланхолическое расположеніе духа и становится въ отрицательное отношеніе къ жизни. Намъ казалось бы справедливымъ оградить правительство отъ подобныхъ неумѣстныхъ притязаній и неумѣстной отвѣтственности. Намъ думается, что такое ненормальное и неудобное явленіе происходитъ отъ невѣрной точки зрѣнія на правительство и на общество. Съ перемѣною точки зрѣнія тотчасъ же перемѣнится и вся оптика, переставовятся центры тяжести, перемѣстятся значенія и силы; то, что̀ было на первомъ планѣ, перейдетъ на второй, что̀ на второмъ, перейдетъ на первый; что̀ представлялось важнымъ, окажется неважнымъ и наоборотъ. Чѣмъ сильнѣе проникнемся мы убѣжденіемъ въ значимости общества, тѣмъ строже будутъ наши требованія отъ себя самихъ, и чѣмъ строже будутъ наши требованія отъ себя самихъ, тѣмъ менѣе будетъ повода требовать всего отъ внѣшней власти. Пора, наконецъ, понять, что во многихъ отношеніяхъ сила не въ правительствѣ, а въ насъ; дѣло не въ той или другой политической формѣ, о чемъ всякое разсужденіе представляется пустымъ и празднымъ, а въ успѣхахъ общественной самодѣятельности, въ правильномъ развитіи тѣхъ земскихъ силъ, которыми зиждется само государство, — тѣхъ общественныхъ стихій, изъ которыхъ, болѣе или менѣе, слагается сама правительственная среда. Съ нашей точки зрѣнія, напримѣръ, не столько важно назначеніе того или другаго административнаго лица, отъ чего нерѣдко зависитъ

различіе въ образѣ дѣйствій близко касающихся интересовъ русской народности, сколько важно то, чтобъ правильно судило само общество; чтобы въ немъ-то самомъ выработалось вѣрное понятіе объ истинныхъ интересахъ народности: тогда и самая смѣна административныхъ лицъ — эта неизбѣжная случайность — не будетъ подвергать значительнымъ измѣненіямъ общую систему правительственныхъ дѣйствій. Въ правильномъ развитіи общественнаго сознанія и общественныхъ силъ равно заключается и истинное, такъ-называемое охранительное начало, и гарантія—несравненно болѣе надежная, чѣмъ всѣ писанные клочки бумаги. Возможенъ ли былъ бы извѣстный, недавно снова оглашенный, по поводу юбилея, протестъ Карамзина противъ мысли о присоединеніи Бѣлоруссіи и Украйны къ Царству Польскому, еслибъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія такая мысль не коренилась въ той части общества, которая, по своему положенію, обыкновенно выдается за мыслящую силу страны, еслибъ народное самосознаніе было въ немъ яснѣе? И наоборотъ — возможна ли была бы подобная попытка присоединенія для какой бы то ни было среды — теперь, при настоящемъ развитіи народнаго самосознанія въ Русскомъ обществѣ? Мы часто слышимъ и читаемъ требованія, обращенныя къ правительству, о національности въ политикѣ; мы и сами желаемъ, чтобъ административныя лица, къ которымъ могутъ относиться эти твебованія, дѣйствовали въ духѣ національномъ; но еще желательнѣе было бы, чтобъ общество наше само было вполнѣ національно, потому что въ обществѣ, гдѣ разумѣніе національныхъ интересовъ сильно и живо, едва ли и мыслима администрація, дѣйствующая наперекоръ народному политическому интересу.

Мы сказали, что съ перемѣною точки зрѣнія на правительство и общество, многое представится въ иномъ свѣтѣ. Многое, мало извѣстное доселѣ, привлечетъ на себя по справедливости наше вниманіе, и между прочимъ — проявленіе такихъ новыхъ общественныхъ силъ, которыхъ ростъ почти и не замѣчается у насъ до́ма, которыхъ еще не признаютъ у насъ до́ма, но съ которыми по неволѣ приходится считаться, которыхъ нельзя обойти, которыя уже почуяла, смущаясь, чуткая Европа. Эти силы нравственныя въ основаніи,

но и богатыя практическими результатами. Эти силы — возникшее сознаніе гражданской полноправности въ 20 милліонахъ крестьянъ,—это развивающійся въ обществѣ юридическій разумъ, это, наконецъ, голосъ русской печати, къ которому внимательно прислушивается западный міръ, и значеніе котораго, въ его понятіяхъ, равносильно чуть не цѣлой лишней сотнѣ тысячъ штыковъ. Упоминать ли еще о сближеніи Россіи съ Америкой—сближеніи не дипломатическомъ и не правительственномъ, но чисто общественномъ? А между тѣмъ одинъ призракъ этого сближенія, которымъ правительство обязано обществу, можетъ сослужить намъ службу важнѣе многихъ дипломатическихъ комбинацій. Однимъ словомъ, есть много утѣшительныхъ признаковъ той подымающейся и зрѣющей нравственной силы общества, которой несомнѣнно принадлежитъ славное будущее, въ какомъ бы нерадостномъ видѣ ни представляли нѣкоторые зловѣщіе критики современное положеніе Россіи, разсматривая ее только съ одной ея стороны...

Дорожа именно этими силами, мы въ нашей газетѣ отводимъ особенное почетное мѣсто интересамъ русской промышленности и торговли. Промышленная и торговая сила, чисто земская по своему характеру, — промышленная и торговая среда, стоящая къ народу ближе прочихъ образованныхъ классовъ, проявляютъ въ послѣднее время много задатковъ такой самостоятельности, для которой нужно только поболѣе благопріятныхъ условій, чтобы стать совсѣмъ на ноги и сдѣлаться могучимъ рычагомъ общественнаго развитія. Эта земская сила, къ сожалѣнію, еще требуетъ покуда особеннаго огражденія. Вотъ почему мы желали бы придать нашему финансовому и промышленному отдѣлу наивозможную полноту, и это обязываетъ насъ войти въ нѣкоторое подробное разъясненіе, тѣмъ болѣе, что о направленіи прочихъ отдѣловъ читатели могутъ судить по всей нашей прежней литературной дѣятельности, стало-быть и говорить о нихъ излишне. Мы надѣемся, что нашему экономическому отдѣлу окажутъ содѣйствіе всѣ, кому только лежитъ близко къ сердцу матеріальное благо и процвѣтаніе нашей родной Руси, — содѣйствіе практическими указаніями на промышленныя нужды... Обсуждать эти нужды можно только на основаніи добросовѣст-

наго, тщательнаго и мелочнаго изслѣдованія всѣхъ сторонъ народной жизни. Здѣсь универсальныя средства такъ же вредны, какъ и въ медицинѣ. Правильная и вѣрная торговая, промышленная и финансовая политика тогда только возможна, когда существуетъ добросовѣстное и глубокое убѣжденіе въ необходимости имѣть подъ руками хотя приблизительно точную промышленную статистику, которая служила бы основаніемъ для всѣхъ мѣропріятій. Въ дѣлахъ хозяйственныхъ надо отказаться отъ всякаго идеальничанья и отбросить всякія утопіи; тутъ нужно считать, вычислять и чуткимъ ухомъ прислушиваться къ біенію народнаго пульса. Вѣчны и неизмѣнны основные законы народнаго хозяйства, подмѣченные великими мыслителями и ими намъ завѣщанные; одни и тѣ же они для Англіи, для насъ и для Германіи; но тѣмъ не менѣе разнообразныя условія среди которыхъ выросла и окрѣпла народная жизнь, условія, географическія, племенныя, нравственныя, вызываютъ безпрерывныя видоизмѣненія сообразно съ народными запросами и потребностями,—а въ умѣніи подмѣчать ихъ, въ признаніи необходимости уступокъ и сдѣлокъ, безъ потворства промышленному старовѣрству и легкомысленному забѣганью впередъ, заключается вся тайна торговой политики. Внезапные же и рѣзкіе перевороты въ торговомъ и промышленномъ законодательствѣ — это признакъ политической незрѣлости и отсутствіе строгости мысли. Въ вопросахъ торговой политики мы прямо и открыто говоримъ, что стоимъ за разумное огражденіе нашей промышленности. Мы глубоко убѣждены, что не настало еще для насъ время броситься, очертя голову, по пути полнаго и свободнаго соперничества въ международной торговлѣ; что прежде чѣмъ выступить на такое опасное состязаніе, намъ еще слѣдуетъ устроиться у себя дома и много еще сбросить узъ и стѣсненій, которыми опутано наше народное производство и свободное передвиженіе живыхъ производительныхъ силъ и вещественныхъ капиталовъ. Лучше нѣсколько обождать, лучше подвигаться осторожнѣе и медленнѣе по пути свободной торговли, дабы тѣмъ прочнѣе приблизиться къ этому идеалу международныхъ сношеній,— если только полное его достиженіе не относится къ числу такихъ же прекрасныхъ мечтаній, какъ и всеобщій миръ и тому подобныя утопіи. Надо,

наконецъ, дать окрѣпнуть и образоваться одной изъ важнѣйшихъ общественныхъ и земскихъ силъ...

Мы достаточно, кажется, разъяснили то положеніе, которое должна занять наша газета въ отношеніи къ правительству и къ обществу. Съ полнымъ уваженіемъ къ политическому принципу, положенному народомъ въ основу русскаго государственнаго зданія и съ искреннею благодарностію къ Власти, давшей просторъ общественному мнѣнію и слову,— обратимся же къ воздѣлыванію тѣхъ общественныхъ силъ, значеніе которыхъ показали мы выше, укрѣпимся на почвѣ уже дарованныхъ намъ Властію правъ и станемъ добрѣ.

— — ——

Имѣетъ ли смыслъ понятіе объ «аристократизмѣ» и демократизмѣ въ Россіи?

Москва, 10-го февраля.

Названія, взятыя на прокатъ у иностранцевъ для выраженія явленій русской жизни, оказываются никуда непригодными. Такіе термины западной науки и жизни, какъ «аристократія», «демократія», «демократическія тенденціи» — ничего у насъ не выражаютъ. Но эти термины не тѣмъ однимъ не хороши, что ничего собою не выражаютъ; они дурны тѣмъ, что, привнося собой чуждыя нашему быту понятія, еще путаютъ у насъ и сбиваютъ съ толку людей, даже весьма почтенныхъ. Разные политическіе аферисты, вѣроятно, поэтому-то и любятъ прибѣгать къ такимъ терминамъ. Газета «Вѣсть» маневрируетъ ими безподобно; все что̀ въ нашей прошлой и современной исторіи не подходитъ сколько-нибудь подъ ея личные вкусы и наклонности—она сейчасъ же обзываетъ «демократическою тенденціей».

Русскому народному чувству злобныя тенденціи греческаго *демоса* или латинскаго *плебса* всего болѣе чужды. Никто изъ русскихъ людей, въ комъ только не утратилось живое чувство своей народности, сочувствовать ни «демократическимъ», ни «аристократическимъ тенденціямъ» (въ смыслѣ политическаго преобладанія черни или знати), конечно, не можетъ. У насъ не было, не представлялось даже и поводовъ быть, ни сословной зависти, ни сословной похотливости къ власти,

потому что нѣтъ и не было ни исключительныхъ привилегій въ этомъ смыслѣ для однихъ, ни исключительнаго гражданскаго ничтожества для другихъ. Если и были какія-нибудь олигархическія попытки высшихъ сословій въ нашей исторіи, то, во-первыхъ, онѣ происходили подъ вліяніемъ польскимъ или западно-европейскимъ, а во-вторыхъ, онѣ тотчасъ же разбивались о русскую дѣйствительность. Политическихъ же бунтовъ изъ-за желанія овладѣть властью, со стороны низшихъ классовъ народа, у насъ *никогда* не бывало. Сама власть всегда представлялась и представляется русскому народному сознанію не регаліей доблестнаго завоевателя, который высится и блещетъ своею сѣкирой надъ приниженнымъ народомъ, какъ Франкъ надъ Галломъ, а скорѣе бременемъ для того, кого самъ народъ призвалъ и выбралъ воплощать въ себѣ эту власть. Самая служба у насъ представлялась и представляется не прерогативой, а тяжестью, которую всякое сословіе отбываетъ государству по-своему. Всякій *властникъ* у насъ не потому представляется великъ и славенъ, и достоинъ всякаго послушанія, что вооруженъ тою именно сѣкирой, которою покорилъ себѣ народъ и надъ нимъ возвеличился, а потому, что самъ Русскій народъ созналъ необходимость и власти и меча на землѣ, «пока человѣкъ находится въ тѣлесной немощи». И Русскій народъ въ этомъ случаѣ водится не слѣпымъ историческимъ инстинктомъ, а яснымъ и отчетливымъ разумѣніемъ. Слова, поставленныя нами въ скобкахъ, были слышаны нами лично отъ мужика-старообрядца. Народъ добровольно, самъ, возвеличилъ эту власть и разъ навсегда крѣпко обезпечилъ ее отъ чьего бы то ни было посягательства. Точно также и самыя сословія не потому возникли у насъ на Руси, что одни возвысились въ ущербъ другимъ, т. е. завоеватели надъ покоренными, и настолько одни возвысились, насколько другіе принизились,—а потому, что многообразныя, естественныя, бытовыя условія, занятія и образъ жизни, сами по себѣ, уже группируютъ одинаково-свободныхъ людей въ разные классы,—классы, поминутно обновляющіеся, такъ-сказать перемежающіеся въ своихъ членахъ, одинаково для всѣхъ открытые, и изъ которыхъ ни одинъ передъ другимъ не опозоренъ, и которые всѣ составляютъ одинъ Русскій народъ.

Таково русское народное воззрѣніе. Крѣпостное право

было исключеніемъ, а не принципомъ, и должно было подчиниться, наконецъ, силѣ русскихъ народныхъ понятій.

Всѣ эти азбучныя истины русской исторіи, конечно, не допускаютъ мысли о возможности у насъ какихъ бы то ни было феодальныхъ притязаній и аристократическихъ тенденцій, а только феодальныя притязанія и вызываютъ вездѣ въ отпоръ себѣ злобу простонародья и черни, только существованіе «аристократическихъ тенденцій» и порождаетъ неизбѣжно «демократическія тенденціи» въ этомъ смыслѣ и обусловливаетъ самое появленіе демократическихъ партій. Такія рѣзкія, далеко еще не всѣ перечисленныя, особенности Русскаго народа,—или, что то же самое, русской исторіи,—конечно разъ навсегда нарекли праздными и дѣлаютъ ничтожными всѣ попытки создать что-нибудь и на русской почвѣ въ родѣ образцовъ западнаго, германо-латинскаго міра, съ постоянною его внутренею двойственностью и противорѣчіемъ, съ задатками борьбы и розни во всемъ общественномъ строѣ, съ натискомъ съ одной, съ отпоромъ съ другой стороны. По счастью, у насъ не было, какъ на Западѣ, феодальныхъ бароновъ, которые искали бы удержать своихъ вассаловъ въ вѣчномъ ничтожествѣ и возвышались бы надъ ними какъ участіемъ въ королевской власти, такъ и эксплоатаціей народа,—не было поэтому и *вилленей*, вассаловъ всѣхъ родовъ и наименованій, которые бы завистливо взирали на привилегіи высшихъ и стремились бы ихъ похитить, вынудить ихъ и для себя, въ равной со всѣми степени (О крѣпостномъ правѣ, повторяемъ, говорить нечего: оно не походило на отношенія феодаловъ и вилленей, да и уже уничтожено). Гдѣ не было «аристократіи»,—гдѣ не было, говоримъ, аристократіи въ западномъ узкомъ смыслѣ этого слова,—тамъ не могло быть и «демократіи». Если же гдѣ удастся создать «аристократію», тамъ необходимо явится и «демократія». Это какъ день ясно.

Надобно, чтобъ нашлись у насъ на Руси особенные охотники возжигать соціальныя страсти; надобно, чтобъ у насъ развилась особенная страсть выситься надъ всѣмъ народомъ; надобно, говоримъ, искусственное возбужденіе чуждыхъ здоровой русской натурѣ аристократическихъ инстинктовъ и олигархическихъ стремленій—для того, чтобъ и у насъ могли завестись стремленія противоположныя, всегда возстающія на

встрѣчу и въ упоръ стремленіямъ олигархическимъ; чтобъ и у насъ могли проявиться въ жизни инстинкты озлобленныхъ народныхъ массъ, дѣйствительно вредные и пагубные для человѣческихъ обществъ, но въ той же мѣрѣ вредные и въ той же степени пагубные, какъ и тѣ первые.

Такимъ образомъ всякій являющійся у насъ на Руси феодаломъ—повиненъ въ извѣстной долѣ демократическаго озлобленія, имъ необходимо возбуждаемаго; всякій проповѣдникъ на Руси аристократизма, какъ политическаго начала, есть въ то же время и по тому самому пропагандистъ демократизма; всякій россійскій олигархъ in spe порождаетъ въ соотвѣтствіе себѣ демагога.

Есть въ Петербургѣ газета, которая, повидимому, изъ силъ бьется, чтобы создать въ обществѣ демократическіе и даже демагогическіе инстинкты. Можно было бы даже подумать, что она и издается именно съ этою цѣлью „тайнымъ обществомъ демократовъ; по крайней мѣрѣ отчаянные демократы должны бы поставить ей и партіи, ее издающей, памятникъ за оказанныя ею услуги демократизму. Эта газета—«Вѣсть». Не она ли, величая себя органомъ крупныхъ землевладѣльцевъ, стремится возвести крупное землевладѣніе въ политическую силу? Не она ли постоянно и неутомимо проповѣдуетъ объ абсолютной неравноправности всѣхъ лицъ гражданскаго общества, объ абсолютной привилегированности однихъ и объ «плотствѣ» другихъ? Не ей ли представляется власть—не какъ неизбѣжная роковая необходимость немощнаго человѣчества, а какъ вѣнецъ человѣческихъ доблестей, который должно ревниво оберегать отъ прикосновенія плотовъ и отблескъ котораго непремѣнно однакожъ долженъ сіять на привилегированныхъ избранникахъ? Не она ли, эта газета «Вѣсть» или ея партія, постоянно твердитъ о какихъ-то «демократическихъ тенденціяхъ» и своими собственными аристократическими тенденціями вызываетъ, и пожалуй и вызоветъ, на свѣтъ Божій и въ Россіи тенденціи ультра-демократическія? Не она ли постоянно выставляетъ нашъ разумный, добрый, мирный народъ какимъ-то пугаломъ общественнаго спокойствія, напоминая ни къ селу ни къ городу и Стеньку Разина, и Пугачевщину? Ей не можетъ не быть извѣстно, что самъ Русскій народъ въ своей исторіи заклеймилъ такія явле-

нія, какъ Стенька Разинъ и Пугачевщина, мѣткими прозвищами—«воровской смутой», «злобой шатней», «буйствомъ сволочи» и т. д., и что отчасти именно въ крѣпостномъ правѣ и надо искать разгадки такихъ явленій. И не сама ли «Вѣсть» и ея партія — хотя бы и неумышленно — ищутъ вызвать подобныя же явленія, вознося интересъ аристократическаго начала и крупной собственности превыше интереса національности, политическаго интереса государства и обезпеченія участи простаго народа — напр. въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, Остзейскомъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ? Если бы газета «Вѣсть» съ такою же рьяностью преслѣдовала всякій призракъ на Руси стремленій *олигархическихъ*, мы бы еще повѣрили, что она точно желаетъ уберечь Русскую землю отъ развитія въ ней злыхъ демагогическихъ вожделѣній. Но рьяность «Вѣсти» направлена только на такія начала равноправности и равноотвѣтственности передъ закономъ (неисключающія вовсе естественнаго разнообразія бытовыхъ условій), на такія начала, выработанныя всею нашей исторіей, всѣмъ народнымъ сознаніемъ и въ этомъ смыслѣ по преимуществу консервативныя, которыхъ малѣйшее нарушеніе въ пользу аристократическаго ли или крупновладѣльческаго интереса — можетъ возродить тѣ именно страсти, которыя будто бы такъ ненавистны этой газетѣ. Не въ правѣ ли были бы мы предположить, что партія, издающая эту газету, состоитъ изъ отъявленныхъ демагоговъ??!...

Что и кого охранять по программѣ «Вѣсти»?

Москва, 15-го февраля.

«Охранительные элементы страны», «охранительныя силы, неизмѣнно преданныя порядку»—вотъ что̀ теперь часто поминается въ нѣкоторыхъ, особенно высшихъ сферахъ нашего общества, пробавляющихся обыкновенно, въ своей жизни и дѣятельности, иностранными понятіями и словами. Къ «охранительнымъ» же силамъ взываетъ непрестанно газета «Вѣсть» или партія ее издающая. «Поднять духъ охранительныхъ силъ страны, внушить имъ довѣріе, *сгруппировать ихъ* и дать имъ

преобладаніе—такова задача». Вотъ что читаемъ въ 16 № этой газеты.

Невольно возникаетъ вопросъ: противъ кого и чего ополчается газета «Вѣсть» и тотъ кругъ людей, которому она служитъ органомъ? «Охранительные элементы», такъ ею превозносимые и группируемые ею, очевидно, въ цѣлую особую корпорацію, возводимые ею даже въ высшій чинъ какого-то новаго сословія,—противъ кого они созываются теперь проявить всю свою грозную энергію? Неужели противъ Стеньки Разина и Пугачевщины — любимыя пугала газеты «Вѣсть»? Но для охраненія общества отъ разбойниковъ существуютъ на свѣтѣ уголовные законы и жандармы, а созидать для этого цѣлое сословіе съ какою-то жандармскою обязанностью — этого ли хочетъ газета дворянская? Мы знаемъ напередъ, что она станетъ очураться отъ такого предположенія, и даже обвинитъ насъ въ искаженіи ея мыслей. Прекрасно. Пойдемъ далѣе. Противъ чего же группируетъ «Вѣсть» охранительныя силы? Противъ нелѣпыхъ ли выходокъ «*Молодой Россіи*» и нашихъ доморощенныхъ Луи-Блановъ?... Но тенденціи такого рода слишкомъ у насъ исключительны и ничтожны; онѣ тонутъ, какъ капля въ морѣ, въ общемъ настроеніи цѣлаго Русскаго народа, неколебимо чтущаго верховную власть. Здравая критика въ литературѣ, эманципація науки въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, отнятіе у нея всякаго казеннаго характера, духъ истинной образованности — вотъ единственное нравственное орудіе противъ такого рода нравственнаго зла. На это есть церковь, университеты, ученые, проповѣдники и вообще люди мысли и науки во всѣхъ сословіяхъ. Не хочетъ ли уже «Вѣсть», для борьбы съ этимъ зломъ, воздвигнуть цѣлое новое юридическое сословіе «здравыхъ критиковъ» и «свѣтлыхъ умовъ», принявъ за основаніе оцѣнки ума и критической способности цензъ въ 1000 или столько-то душъ или десятинъ земли? Но вѣдь это смахивало бы уже на безсмыслицу...

Пойдемъ опять далѣе. Въ какомъ же именно сословіи у насъ подозрѣваетъ газета «Вѣсть», скопище разрушительныхъ элементовъ; какое изъ нихъ ей представляется недовольно консервативнымъ, стремящимся безъ оглядки по пути крайняго радикализма, такъ чтобы въ отпоръ ему требовалось еще

искусственно сочинять «новую общественную группу»? Укажетъ ли на крестьянъ? Но именно наше русское крестьянское сословіе оказывается «истинно-охранительнымъ» и самымъ консервативнымъ въ мірѣ. Крестьянъ на Руси не одинъ десятокъ милліоновъ. Послѣ того, какъ съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, упразднился самъ собою и послѣдній поводъ къ замѣшательствамъ; послѣ того какъ всѣ они надѣлены землею, наше многомилліонное крестьянство, болѣе чѣмъ когда-нибудь, прочно сидитъ на своемъ корню, являясь консервативнымъ по преимуществу и представляя такой надежный грузъ для государственнаго корабля, которому бы позавидовали кормчіе всѣхъ странъ міра. Указывать на какой-нибудь радикализмъ въ средѣ нашего купечества или духовенства—тоже будетъ ни съ чѣмъ несообразно; никакихъ революціонныхъ элементовъ тутъ, безъ сомнѣнія, не предвидится. Всѣ сословія у насъ, какъ одинъ человѣкъ, безусловно преданы той власти, которую самъ народъ надъ собой поставилъ и разъ навсегда застраховалъ отъ чьей бы то ни было завистливости, отъ чьего бы то ни было посягательства.

Остается сословіе *дворянское*. Противъ него ли, наконецъ, ратуетъ газета «Вѣсть»? Въ немъ ли должно заподозрить похотливое желаніе власти и преобладанія—источникъ всѣхъ золъ на свѣтѣ? Если ни въ крестьянскомъ сословіи, ни въ купечествѣ и ни въ духовенствѣ нельзя открыть тѣхъ разрушительныхъ элементовъ, противъ которыхъ слѣдовало бы воздвигнуть, по мнѣнію «Вѣсти», цѣлую новую «группу», то по необходимости лишь въ одномъ дворянскомъ сословіи и приходится искать тотъ духъ зла и тьмы, противъ котораго бьетъ сборъ охранительныхъ силъ газета, издавна величающаяся «органомъ крупныхъ землевладѣльцевъ». Повидимому, «Вѣсти» хотѣлось бы, въ самой средѣ дворянства, а въ сущности противъ него, создать еще какую-то новую самостоятельную «группу» высшаго чина и ранга. Но со стороны органа, называющаго себя «консервативнымъ», не является ли такое стремленіе новизною самаго неконсервативнаго свойства? По крайней мѣрѣ, при всѣхъ историческихъ условіяхъ русскаго политическаго быта, не знаемъ, что еще можетъ быть «разрушительнѣе» такого поползновенія? Если въ этомъ самомъ сословіи дѣйствительно существуетъ такая сепаративная группа,

которая стремится еще эту свою сепаративность возвести въ какую-то политическую формулу и ищетъ создать изъ себя привилегированную верхушку,—то вотъ эта-то именно группа одна и выходитъ анти-охранительною, являясь насильственнымъ противорѣчіемъ всему политическому строю русской жизни, порождая силу отпора и разрушенія. Та самая группа, въ которой газета «Вѣсть» усматриваетъ сокъ охранительныхъ элементовъ страны,—она-то и была всегда, въ нашей послѣ-Петровской исторіи, самою пагубною для страны... Вотъ противъ такого рода не мнимыхъ, а дѣйствительныхъ разрушительныхъ элементовъ и возстаютъ у насъ, какъ прежде, такъ и теперь, единодушно всѣ сословія: и дворянское, и крестьянское, и купечество, и духовенство, словомъ сказать, — вся земля.

Таково настоящее положеніе этого вопроса, какъ сама «Вѣсть» его поставила, и таковы неизбѣжные выводы, которые сама она на себя накликала. Но въ виду дружнаго и единодушнаго возраженія ей въ этомъ смыслѣ, газета «Вѣсть», въ 18-мъ своемъ нумерѣ, почувствовала необходимость примирительной уступки. Правда, она и въ этомъ 18-мъ нумерѣ настаиваетъ на необходимости дать «крупнымъ землевладѣльцамъ» и *первенство,* и *преобладаніе,* и *водительство,* но она уже вынуждена сознаться, что все наше среднее дворянство точно такъ же консервативно и охранительно, какъ только того желать можно, и отличается самымъ лучшимъ духомъ преданности закону и порядку; одни лишь мелкопомѣстцы представляются «Вѣсти» то слишкомъ пассивными, то слишкомъ страстными,— но и это, какъ видитъ читатель, еще не обвиненіе въ революціонныхъ замыслахъ. Апологія такого рода, очевидно, значительно измѣняетъ все дѣло. Естественные вопросы: что и кого охранять, противъ кого и противъ чего охранять призываетъ «Вѣсть» птенцовъ своей симпатіи, крупныхъ землевладѣльцевъ,—всѣ эти вопросы упраздняются теперь сами собою. Охранять, оказывается, *некого* и *нечего,* потому что ничто никому не угрожаетъ. Со стороны «Вѣсти» или ея партіи остается только платоническое желаніе первенства и преобладанія; ей хотѣлось бы предоставить крупнымъ землевладѣльцамъ «предводительство» во что̀ бы то ни стало. О такой слѣпой страсти къ обожаемому предмету, о такой голой похоти—спорить уже нечего.

Желанье преобладать и предводительствовать, какъ насъ учитъ исторія, всегда было однимъ изъ сильнѣйшихъ искушеній человѣческаго рода; желательно только, чтобы и газета «Вѣсть» искушенія такого рода называла ихъ собственнымъ именемъ, а не возводила бы ихъ въ какую-то политическую потребность для цѣлой страны.

Русскій народъ,—скажемъ въ заключеніе,—видѣвшій надъ собою такъ много бурь въ теченіе цѣлаго прошлаго вѣка, подвергавшійся всякимъ насиліямъ надъ собою во времена Бироновъ и всякихъ заграничныхъ и доморощенныхъ иностранцевъ, не обезпеченный еще и въ началѣ нынѣшняго столѣтія отъ различныхъ «экспериментовъ» надъ собою во вкусѣ самаго крайняго радикализма,—Русскій народъ, говоримъ, нуждается еще, дѣйствительно, въ особомъ «охраненіи» собственной своей народности и всѣхъ тѣхъ началъ, которыя ей присущи. Безъ того крѣпкаго устоя, который находится въ самомъ нашемъ народѣ, въ лицѣ его многомилліоннаго крестьянства, Богъ знаетъ куда бы увлеклась наша Русская земля, носимая по вѣтру многоразличныхъ теорій и теоризированій и всякихъ бредней, исходящихъ отъ тѣхъ, кто разорвалъ свою связь съ народомъ. Именно, благодаря консервативной силѣ и охранительнымъ элементамъ этихъ милліоновъ, устояла Русь противъ всѣхъ бурь и невзгодъ, на нее налетавшихъ; сохранилась и самая Русская народность съ ея началами—для новыхъ, лучшихъ дней. Невольно рождается одинъ вопросъ самъ собою: тѣ мнимо-охранительные элементы, которые газета «Вѣсть» такъ превозноситъ, не противъ ли собственно Русской народности представляются ей наиболѣе консервативными?..

Мы, впрочемъ, едва ли бы обратили вниманіе на разсужденія газеты «Вѣсть», и партіи, ее издающей, еслибъ не постоянно-высказываемыя ею требованія *реорганизаціи* земства, и еслибъ не слухи о какомъ-то—будто бы дѣйствительно предполагаемомъ—преобразованіи «Положенія о земскихъ учрежденіяхъ»...

Какъ понимаетъ газета «Вѣсть» собственныя свои строки.

Москва, 3-го марта.

Казалось, мысли наши о «демократическихъ» и «аристократическихъ тенденціяхъ» были изложены въ передовыхъ статьяхъ 33 и 37 №№ *) довольно ясно, но намъ приходится пояснить ихъ снова и вразумлять паки и паки газету «Вѣсть». Мы дѣлаемъ это, впрочемъ, не столько ради этой газеты, сколько ради той мудреной среды, гдѣ эта газета, по ея намекамъ, находитъ себѣ сочувствіе. Мы говорили, какъ припомнятъ читатели, что у насъ не существуетъ «демократическихъ тенденцій» въ западномъ, политическомъ смыслѣ; что всѣ наши сословія одинаково относятся къ той власти, которую самъ народъ надъ собою поставилъ; что, наконецъ, самыя сословія образовались у насъ не такъ, какъ на Западѣ— путемъ порабощенія и владычества однихъ надъ другими, при чемъ побѣдитель возносится надъ побѣжденнымъ, какъ Франкъ надъ Галломъ. Но газета «Вѣсть» не убѣждается этими доводами. Ей, повидимому, непремѣнно бы хотѣлось и у насъ, въ Русской исторіи,—той розни сословій, той взаимной зависти между ними, той постоянной борьбы за власть, которую встрѣчаемъ на Западѣ. Она какъ будто видитъ въ этомъ особенное достоинство; ей кажется какимъ-то ущербомъ для нашей народной чести доказываемое нами несходство Русской исторіи съ исторіей западно-европейскихъ государствъ. Это напоминаетъ намъ тѣхъ наивныхъ художниковъ и романистовъ, которые непремѣнно хотѣли въ Русскомъ мужикѣ видѣть пейзана, для Русскаго разбойника добивались «красоты» бандита, и которымъ до страсти желалось бы имѣть право похвастаться передъ Европой, что вотъ-де и Русскій народъ одинаково зараженъ тѣми же пороками и недугами, которыми страждутъ народы романо-германскаго происхожденія. Все же они какъ будто чиномъ насъ выше и походить на нихъ лестно. Ни о чемъ такъ не мечтаетъ газета «Вѣсть», какъ о созданіи и у насъ, на тотъ же иностранный ладъ, какими бы то ни было неправдами, верхняго привилегированнаго класса, который въ

*) См. выше, стр. 333—341.

дворянствѣ представлялъ бы собою дворянство высшаго чина и ранга и которому одному «Вѣсть» и присвоиваетъ сладкозвучное названіе «охранительныхъ элементовъ страны». Мы, кажется, достаточно разъяснили петербургской газетѣ, что «группа», въ которой ей хотѣлось бы видѣть «сокъ охранительныхъ элементовъ», и была искони вѣковъ въ Русской исторіи тою самою группой, которая, при всякой попыткѣ образоваться, постоянно возбуждала противъ себя негодованіе всей Русской земли—именно за стремленіе къ власти, къ политическому предводительству и къ преобладанію. Если гдѣ, поэтому, и могло бы у насъ возникнуть «скопище инстинктовъ дѣйствительно разрушительнаго свойства», то именно въ такой группѣ, которая бы создалась наперекоръ всѣмъ основнымъ, историческимъ началамъ нашей народной жизни и политическаго строя. Газета, говорили мы, или партія, которая именно и ищетъ сотворить въ Россіи аристократію въ западномъ смыслѣ, чрезъ это самое, по закону отраженія, создаетъ въ такомъ же смыслѣ и демократію; стремясь свою сепаративную «группу» возвести еще въ какую-то политическую корпорацію, она eo ipso является родительницей, въ отпоръ себѣ, небывалыхъ, чуждыхъ здоровой натурѣ Русскаго человѣка, демагогическихъ тенденцій, расшевеливаетъ соціальныя страсти и возбуждаетъ искусственную вражду сословій: говоримъ *искусственную*, потому что естественныхъ для нея условій въ Русской исторической жизни нѣтъ и не было.

Всѣ эти азбучныя истины—онѣ дѣйствительно должны представляться азбучными для всѣхъ, кто хоть мало знакомъ съ Русской исторіей—вызываютъ со стороны «органа крупныхъ землевладѣльцевъ» возраженія, преисполненныя не одного только негодованія, но даже какой-то скорби. Въ такомъ несовпаденіи Русской исторіи съ исторіей государствъ, возникшихъ на языческой почвѣ германо-римскаго міра, газета «Вѣсть» не видитъ ничего болѣе, кромѣ «какого-то уродливаго исключенія изъ европейскаго порядка вещей». Но уродлива не Россія, которая не хотѣла искони вѣковъ ни феодальныхъ бароновъ, ни безправныхъ вилленей; уродлива также и не Европа, которая, по крайней мѣрѣ съ конца XVIII-го вѣка, также стремится стереть у себя это, дошедшее изъ старины, юридическое неравенство между феодальными баронами и вилленами.

Честь уродства, въ этомъ случаѣ, едва ли не принадлежитъ тѣмъ, которые, какъ кажется, «весь европейскій порядокъ вещей» и видятъ лишь въ сохраненіи гражданскаго устройства и отношеній временъ феодальныхъ.

Въ передовой статьѣ № 22 газеты «Вѣсть», рядомъ съ разными неискренними обвиненіями насъ въ идиллическомъ взглядѣ на охранительную силу народнаго элемента, мы находимъ образчикъ такой путаницы понятій, которая, со стороны сей газеты, уже вполнѣ искренняя и, очевидно, невольна. Желая набросить тѣнь на несомнѣнно охранительный духъ нашего Русскаго крестьянства ссылкой на Французскую революцію, «Вѣсть» сама даетъ намъ въ руки оружіе прямо противъ ея собственныхъ теорій. Не можемъ не воспользоваться примѣромъ, который сама газета приводитъ и который, не попавъ туда, куда она цѣлила, всею своей тяжестью рушится прямо ей же на голову. Въ этомъ ея 22 нумерѣ читаемъ: «Всѣ историки свидѣтельствуютъ, что не было сословія болѣе монархическаго, какъ деревенское простонародье во Франціи, и однако революція 1789 года совершилась!.. Въ глуши деревень громадное большинство жителей оплакивали несчастнаго Людовика XVI, но это не помѣшало... опозорить Французскую исторію самыми ужасными страницами».

Какъ понимаетъ газета «Вѣсть» эти собственныя свои строки? Служатъ ли онѣ подтвержденіемъ или отрицаніемъ ея теорій о необходимости неравенства предъ закономъ между сословіями, и непремѣннаго преобладанія однихъ въ ущербъ другимъ? И мы, и *«всѣ историки»*, конечно, въ правѣ полагать, что если Французская революція могла совершиться—даже при преданности народа монархіи,—то именно вслѣдствіе неравноправности, тяготѣвшей надъ народомъ. Ссылка «Вѣсти» на преданность Французскаго народа монархіи именно и доказываетъ, что народъ въ сущности возставалъ не противъ монархическаго принципа, а противъ того феодальнаго порядка вещей, въ которомъ было узаконено привилегированное положеніе высшихъ сословій или преобладаніе аристократовъ—потомковъ древнихъ завоевателей—надъ покоренными народными массами. Какъ во Франціи, такъ и въ другихъ государствахъ Европы, въ которыхъ позднѣе повторялись тѣ же самые взрывы демократическихъ партій,—кто же именно, какъ не та при-

вилегированная «группа» (которую газета «Вѣсть», неизвѣстно по какому праву, хотя и очевидно съ какой цѣлью, величаетъ «сокомъ охранительныхъ элементовъ») своими такъ-называемыми «аристократическими» стремленіями къ присвоенію политической власти, возбуждала въ народныхъ массахъ политическія же стремленія въ смыслѣ противоположномъ, порождала демагогическія и соціальныя страсти и возжигала пожаръ отвратительной революціи?

Великій политикъ своего вѣка, Наполеонъ I, весь смыслъ Французской революціи, какъ извѣстно, опредѣлялъ мѣткой фразой: «Галлы свергли съ себя иго Франковъ». Совѣтуемъ «Вѣсти», при ссылкахъ на Французскую революцію, вдуматься въ этотъ афоризмъ геніальнаго человѣка.

Програма «Вѣсти» о примирительномъ началѣ въ Россіи.

Москва, 17-го марта.

Недавно, одинъ изъ тѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ,— за органъ которыхъ такъ долго выдавала себя газета «Вѣсть», не возбуждая съ ихъ стороны никакого протеста,—замѣтилъ печатно, что, относясь по крайней мѣрѣ подозрительно ко всѣмъ новѣйшимъ реформамъ и смущая публику зловѣщими предсказаніями, газета эта никогда опредѣлительно не высказывала, чего бы она сама желала. Передовая статья 7-го марта въ № 29 служитъ какъ бы отвѣтомъ на это обвиненіе. Это нѣчто въ родѣ политической програмы; по крайней мѣрѣ, было видимое желаніе формулировать програму, но вышло что-то особенное и лучшее—какая-то политическая симфонія, какъ-будто упавшая въ журнальный міръ изъ другой, высшей области безстрастнаго созерцанія и невозмутимой гармоніи, оттуда, гдѣ не слышно ни скрипа, ни треска, возбуждаемыхъ на землѣ столкновеніемъ грубыхъ фактовъ и непримиримыхъ понятій.

«Какъ у нихъ тамъ все хорошо и стройно»—подумаетъ восхищенный читатель и добавитъ про себя: «а какъ бы вышло нехорошо и безобразно у насъ, то-есть на землѣ, если бы вздумали облечь эти дивные мотивы въ форму циркуляровъ, а насъ—заставить плясать подъ эту плѣнительную музыку!»

Музыка имѣетъ передъ словомъ одно великое преимущество: она убаюкиваетъ слухъ, не тревожа мысли, и потому неблагодарна задача того, кому приходится переводить звуки въ понятія, а сочетанія нотъ—въ логическія формулы; но дѣлать нечего—симфонія все-таки разыграна для насъ и мы очень бы желали понять ее.

Неизвѣстный композиторъ «Вѣсти» очевидно вдохновился мотивомъ другого великаго бельгійскаго маэстро, Шедо-Ферротти, недавно плѣнявшаго нашу публику. У обоихъ одинъ мотивъ: идеальная Русь какъ безнародное государство.

Дѣло вотъ въ чемъ: «Россійское государство *создалось* изъ находящагося въ срединѣ его *крѣпкаго, одноплеменнаго* и *единовѣрнаго ядра*»—это, наконецъ, признано—и слава Богу.

Затѣмъ «населеніе *многихъ окраинъ разноплеменно и разновѣрно*»—это тоже фактъ неоспоримый.

Изъ указаннаго различія между ядромъ и окраинами, что̀ должно выйти? Въ прежнія времена, вышла бы междоусобная война, но тѣ времена прошли; теперь нужно и возможно согласіе, котораго требуетъ государственное единство. А что̀ нужно для водворенія согласія? Слушайте, вамъ открываютъ формулу объединенія и умиротворенія: ядро—это большинство, окраины—это меньшинства. Нужно, «чтобъ въ государствѣ *опредѣлилась господствующая* національность и *господствующая* религія (т. е. національность и религія большинства), чтобъ эти *господствующія* силы были *признаны* остальными (т. е. меньшинствами) и чтобъ онѣ получили *несомнѣнную увѣренность въ своемъ преобладаніи*». Это одно условіе, а вотъ другое: «нужно, чтобъ меньшинствамъ не было отказываемо въ тѣхъ *уступкахъ, безъ которыхъ люди существовать не могутъ*, т. е. чтобъ за меньшинствами было признано право *на уваженіе ихъ нравственнаго достоинства* и на пользованіе тѣми средствами, которыя необходимы для ихъ *матеріальнаго преуспѣянія*».

Хорошо, думаетъ читатель, вотъ мы сейчасъ узнаемъ, что̀ разумѣть подъ господствомъ одной народности и одного вѣроисповѣданія надъ другими; въ чемъ можетъ и должно выражаться господство и въ чемъ признаніе его; при какихъ условіяхъ можетъ большинство увѣриться въ дѣйствительности своего преобладанія? Безъ сомнѣнія, мы узнаемъ также смыслъ нѣ-

сколько туманныхъ терминовъ: «необходимаго для людскаго существованія права на уваженіе достоинства, на пользованіе средствами къ преуспѣянію» и т. д.

Объяснить все это необходимо, ибо весь вопросъ въ томъ именно и заключается, чтобъ разграничить условія господства однихъ съ условіями самостоятельности другихъ; но не дождется читатель никакихъ объясненій. Ихъ нѣтъ. Вѣдь сказано: мы плаваемъ въ области не понятій, а звуковъ. Тамъ, на верху, все, какъ видно, согласовано и примирено,—ну и довольно съ васъ. Термины кажущіеся намъ противоположными уложились въ фразѣ, фраза удалась—чего-жъ вамъ больше? А если вы ужъ непремѣнно хотите что-нибудь понять, высмотрѣть и ощупать, пожалуй, вамъ скажутъ, «что напримѣръ для государства лютеранскаго нѣтъ надобности обращать въ лютеранскую вѣру своихъ подданныхъ католиковъ, *если* католицизмъ отказался отъ своихъ политическихъ стремленій». Не правда ли, какъ легко даются разрѣшенія, если только сперва устранить вопросы? Одно сельско-хозяйственное общество предложило на конкурсъ слѣдующую задачу: какія принять мѣры для предохраненія зерновыхъ складовъ отъ мышей? Очень просто, отвѣчалъ одинъ агрономъ, никакихъ мѣръ не нужно, *если* мыши откажутся отъ дурной привычки поѣдать зерна. Дѣйствительно просто.

Ну, а если католицизмъ *не* откажется отъ своихъ политическихъ стремленій, тогда что? Изъ словъ «Вѣсти» выходитъ (если только примѣнять къ ея словамъ законы логики), что въ такомъ случаѣ есть *надобность* для лютеранскаго государства *обращать* въ лютеранскую вѣру своихъ подданныхъ католиковъ. Такъ ли это? А какъ же бы могъ католицизмъ, оставаясь католицизмомъ, то-есть латинствомъ, отказаться отъ политическихъ своихъ стремленій? Глава латинской церкви—государь свѣтскій; мірская власть—неотъемлемая принадлежность церковнаго главенства; слѣдовательно, подчиняясь ему безусловно, какъ главѣ церкви (а условно и съ оговорками къ церкви относиться нельзя), всякій исповѣдующій латинство, будь онъ подданный Прусскаго короля или Россійскаго Императора, стремится къ политическому центру находящемуся внѣ Пруссіи и Россіи, а всякій членъ латинскаго клира, отъ приходскаго ксендза до примаса, считаетъ себя всегда и вездѣ не

только подданнымъ, но и дипломатическимъ агентомъ государя, царствующаго въ Римѣ. Чтобъ католицизмъ отказался отъ своихъ политическихъ стремленій! Чего захотѣли *)! Сдержать, ограничить, обуздать ихъ проявленіе—дѣло, конечно, возможное, хотя трудное; но вѣдь ужъ это не миръ и не гармонія. Другихъ примѣровъ нѣтъ, а этотъ одинъ, какъ видно, не совсѣмъ удаченъ. Ужъ лучше бы совсѣмъ безъ примѣровъ.

И такъ, намъ не повѣдано, *какъ* совершится примиреніе; но зато мы сейчасъ узнаемъ, *кѣмъ* оно совершится. Собственно въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ, композиторъ «Вѣсти» нѣсколько отступилъ отъ Шедо-Фероттьевской традиціи. Бельгійскаго маэстро поразилъ колоссальный образъ Русскаго царя и онъ воскликнулъ: «объединяющая сила найдена! Онъ, Русскій царь, пусть будетъ отцомъ многихъ семействъ, Нѣмецкаго, Русскаго, Польскаго и, кажется, еще Грузинскаго; пусть эти его семейства остаются одно для другого навсегда чужими; но пусть каждое изъ нихъ вяжется личною связью съ этимъ однимъ общимъ отцомъ. Другого единства не требуется» (мы приводимъ почти подлинныя слова). Это было придумано во многихъ отношеніяхъ не дурно; но забыто одно.

Если не въ музыкальномъ отношеніи, то въ области логики, какъ понятіе, и въ жизни дѣйствительной, какъ фактъ, многоженство и семья взаимно исключаются. Семья по существу своему ревнива; при ней могутъ быть домочадцы, но другой семьи около своего отца она не терпитъ; кто хочетъ имѣть много женъ, у того нѣтъ ни одной, а есть только наложницы. Это былъ единственный, правда довольно существенный, диссонансъ въ блистательной фантазіи, недавно для насъ разыгранной въ Брюсселѣ и которую собирались заставить разучивать нашихъ гимназистовъ и студентовъ. Не знаемъ, оскор-

*) «Il est de l'essence de la religion catholique d'être intolérante» (католическая вѣра по существу своему нетерпима)—это писалъ министръ папы Пія VII, кардиналъ Консальви къ Парижскому нунцію кардиналу Капрару, въ 1804 году, во время переговоровъ о пріѣздѣ папы въ Парижъ для коронованія Наполеона; причемъ писалъ по поводу не догматическаго, а *политическаго вопроса о вѣротерпимости*, именно о томъ: какъ должна относиться государственная власть во Франціи къ иновѣрцамъ не-католикамъ. Въ формулѣ императорской присяги были слова: «Клянусь уважать свободу отправленія богослуженія и заставлять уважать ее «respecter et faire respecter la liberté des cultes; вотъ чего, по своей латинской совѣсти, не допускалъ Римскій дворъ. Revue des Deux Mondes. Янв. 1867.

била ли она тонкій слухъ композитора «Вѣсти»; какъ бы то ни было, онъ открылъ другой идеалъ: *одно руководящее сословіе и подъ нимъ множество руководимыхъ племенъ.*

Къ этой, у насъ совершенно новой темѣ, онъ переходитъ довольно cavalièrement; первый мотивъ (къ которому мы еще надѣемся вернуться впослѣдствіи), объ отношеніяхъ большинства къ меньшинствамъ, остается, какъ мы видѣли, недоиграннымъ; онъ обрывается на самомъ интересномъ мѣстѣ (въ симфоніяхъ, по правиламъ музыкальной композиціи, это можетъ быть допускается), а затѣмъ, идетъ вдругъ слѣдующій новый мотивъ:

«Нечего и говорить (?), что какъ большинство (т. е. ядро Россіи, или Русскіе), такъ и меньшинство имѣетъ своихъ руководителей въ высшихъ слояхъ общества, и что сила заключается въ томъ, чтобы руководители меньшинства пристали откровенно къ руководителямъ большинства. Такимъ образомъ, и Нѣмецкое, лютеранское и иное меньшинство (это *иное* очень хорошо—сказать прямо *Польское* еще рано; не успѣли еще забыть того, что̀ было вчера; черезъ полгода, Богъ дастъ, это *иное* раскроется и изъ него выползутъ Замойскіе, Потоцкіе и т. д.) тогда только будетъ въ добровольной связи съ великимъ Русскимъ государствомъ, основаннымъ на Русской національности, когда руководящая часть этого меньшинства пристанетъ откровенно къ руководящей части Русскаго общества. Кто же эта руководящая часть русскаго общества? Русская исторія выдвинула, и Русскій народъ призналъ эту руководящую силу въ лицѣ Русскаго дворянства. Это та самая сила, *съ* которою (sic: mit welcher) Русскіе цари собрали Русскую землю... *На* этомъ званіи Русскаго дворянина (должно быть: *въ* этомъ званіи) соединяются съ господствующею національностью руководители иноплеменнаго меньшинства, а слѣдовательно, и самое это меньшинство».

Просимъ извиненія за длинную выписку; ея нельзя было миновать. Это основный мотивъ всей симфоніи; все остальное не болѣе, какъ варіаціи.

Спорить и возражать мы на сей разъ не будемъ, а постараемся только извлечь изъ теоріи «Вѣсти» прямые выводы и сопоставить ихъ съ тѣмъ, что̀ представляется у насъ въ дѣйствительности.

Но прежде всего, нельзя еще разъ не обратить вниманія на указанное выше различіе между двумя политическими идеалами. Первоучитель Россіи по части безнароднаго государства, Шедо-Феротти, полагалъ объединяющую силу въ верховной власти, именно въ личной власти, въ самодержцѣ, отрѣшенномъ отъ всякаго сословнаго опредѣленія. Композиторъ «Вѣсти» полагаетъ эту силу въ *сословіи.* Эта существенная разница естественно наводитъ на вопросъ: какая же роль, по теоріи «Вѣсти», выпадаетъ на долю государя? Какъ олицетвореніе единства, онъ очевидно продуктъ объединяющей силы; онъ же, до нѣкоторой степени и творецъ единства, по крайней мѣрѣ сотрудникъ объединяющей силы, съ которою (какъ выражается «Вѣсть») цари собирали Русскую землю. Значитъ, Русскій царь приписывается къ передовому сословію и дѣлается *царемъ-дворяниномъ,* le premier gentilhomme de Russie, на подобіе Франциску I, называвшему себя le premier gentilhomme de France. Но если слово дворянинъ значитъ что-нибудь, то оно выражаетъ именно то, чѣмъ извѣстный классъ людей *выдѣляется* изъ массы всего народа какъ *отдѣльное* сословіе, и *отличается* отъ другихъ сословій, городскихъ и сельскихъ. Тотъ Русскій царь, который согласился бы прослыть царемъ-дворяниномъ, конечно могъ бы по-прежнему любить мѣщанъ и крестьянъ всею душою, по-прежнему заботиться о ихъ благѣ и т. д., но все-таки онъ сдѣлался бы для нихъ *чужимъ,* именно въ той мѣрѣ и степени, въ какой бы онъ самъ себя считалъ и считали бы его другіе дворяниномъ. Такъ какъ у насъ зачастую довольно безцеремонно перетолковываютъ и уродуютъ чужую мысль, чтобы легче было съ нею справиться, то мы считаемъ не лишнимъ крупными буквами напечатать, что **различіе не то что̀ антагонизмъ, а антагонизмъ не то что̀ вражда.** Мы не предполагаемъ между сословіями ни непремѣнной вражды, ни непремѣннаго антагонизма; все это можетъ быть, можетъ и не быть; на сей разъ мы предполагаемъ, напротивъ, полное, невозмутимое согласіе и все-таки повторяемъ: самое существованіе нѣсколькихъ сословій предполагаетъ между ними различія, иначе они бы слились и упразднилась бы ихъ раздѣльность. Потому, кто приписывается къ одному сословію, тѣмъ самымъ исключается изъ другихъ, тотъ становится къ

этому одному, *своему* сословію, въ отношенія болѣе близкія и тѣсныя, чѣмъ къ другимъ. Хорошо ли это или нѣтъ въ примѣненіи къ верховной власти, объ этомъ мы теперь разсуждать не будемъ; но во всякомъ случаѣ, мы можемъ сказать, что до сихъ поръ на Руси этого не было, а такъ какъ трудно же предположить, чтобы Россія, до появленія № 29-го «Вѣсти», не имѣла никакого понятія о своемъ царѣ, то можемъ также сказать, что теорія «Вѣсти» есть не только новизна, но и отрицаніе существующаго.

Наша историческая жизнь выработала себѣ понятіе о своемъ царѣ, какъ о первомъ человѣкѣ всей Русской земли. Онъ, и одинъ онъ, стоитъ внѣ всякихъ сословныхъ опредѣленій, выше ихъ, и поэтому, только поэтому, *одинаково* близко ко всѣмъ сословіямъ безъ изъятія. Ни одинъ феодальный король этого про себя сказать не могъ и дѣйствительно не говорилъ.

Оттого, что Русскій царь не дворянинъ, не торговый, не посадскій человѣкъ и не крестьянинъ, всѣ сословія считаютъ его *своимъ* въ равной степени, и это значеніе его заключаетъ въ себѣ историческое, всею землею признанное уполномочіе быть верховнымъ вершителемъ всѣхъ сословныхъ споровъ и тяжбъ. Мы были свидѣтелями одного такого вершенія. Кому неизвѣстно, что ожиданія, возбужденныя въ крестьянахъ извѣстіемъ о скоромъ упраздненіи крѣпостнаго права, далеко выходили изъ предѣловъ возможнаго; съ другой стороны, что большинство дворянства,—при всемъ его желаніи, цѣною нѣкоторыхъ пожертвованій, достигнуть мирной развязки,—видѣло свое разореніе въ тѣхъ необходимыхъ уступкахъ, безъ которыхъ удовлетворительное разрѣшеніе вопроса было немыслимо? И однако, онъ разрѣшился, и разрѣшился мирно; дано было больше, чѣмъ предлагали одни, и несравненно меньше, чѣмъ ожидали другіе; но всѣ признали разрѣшеніе и подчинились ему какъ третейскому приговору царя, перваго человѣка Русской земли. Такъ ли бы окончилось дѣло, если бы то же самое Положеніе 19-го февраля 1861 года объявлено было какъ приговоръ царя-дворянина?

Конечно, напоминаніемъ о 19-мъ февралѣ мы не ублажимъ и не убѣдимъ «Вѣсти»; да мы и не надѣемся убѣдить ее, а ограничиваемся простымъ заявленіемъ вывода изъ ея же словъ:

теорія газеты, выдающей себя за органъ по преимуществу охранительный, вводитъ въ Русскую жизнь новое (можетъ быть и лучшее, но все-таки новое), доселѣ у насъ небывалое понятіе о власти.

Два государственныхъ типа: народно-монархическій и аристократическо-монархическій.

Москва, 21-го марта.

Повидимому, газета «Вѣсть» хлопочетъ больше всего о томъ какъ бы покрѣпче сплотить Россійское государство, и выдвигаетъ впередъ дворянство только какъ снарядъ наиболѣе пригодный для этой работы; но въ сущности забота у нея другая—это извѣстно всякому, кто хоть изрѣдка заглядывалъ въ эту газету,—это высказывается даже въ той самой передовой статьѣ, въ которой изложена ея теорія объединенія.

На общественное образованіе въ Остзейскомъ краѣ отпускается сравнительно бо̀льшая сумма чѣмъ на тотъ же предметъ въ Русскихъ губерніяхъ, что конечно не совсѣмъ сообразно съ интересами народности, которой по праву принадлежитъ господство. «Вѣсть» въ этомъ сознается, но тутъ же очень скоро и утѣшается: «дѣло не въ томъ, что тратится больше, а въ томъ, чтобъ эти расходы способствовали развитію сочувствія къ Россіи чрезъ объединеніе руководителей иноплеменнаго меньшинства съ руководителями Русскаго большинства; дѣло въ томъ, наконецъ, чтобы это руководительство не ускользнуло изъ рукъ *Русскихъ дворянъ Остзейскаго края* *) и не попало въ руки безпокойной части класса литератовъ (Literaten)» **).

Иными словами: пускай, при распредѣленіи пособій, окраина надѣляется щедрѣе средоточія, лишь бы только отпускаемыя суммы служили дворянству и поступали въ его руки.

---

*) Предупреждаемъ читателей, что *Русскіе дворяне Остзейскаго края* или, еще лучше, «*Русскіе* дворяне *Нѣмецкаго происхожденія*» открыты «Вѣстью». Сами себя они называютъ Остзейскими дворянами, или рыцарями, подданными Россійскаго императора. Можетъ быть «Вѣсть», присмотрѣвшись поближе, откроетъ тамъ же и *православныхъ лютеранскаго вѣроисповѣданія*. Это бы значительно облегчило объединеніе.

**) Профессора, медики, адвокаты, чиновники и вообще интеллигенція, не принадлежащая къ рыцарству.

Итакъ, на первомъ планѣ вотъ что: изъ нашего служилаго сословія, изъ Польской шляхты, изъ Остзейскаго рыцарства, создать политическое сословіе — *аристократію*, а тамъ: перетянетъ ли центростремительная или центробѣжная сила, сплотится ли или, наоборотъ, расшатается государственный организмъ—это забота второстепенная.

На старыхъ картахъ Московія изображалась какъ tabula rasa, перерѣзанная тремя рѣками, и кажется, что въ томъ же видѣ, то-есть какъ дикое поле, представляется она и теперь нѣкоторымъ изъ ея руководителей; въ ней можно кроить изъ цѣльнаго и разводить въ ней что̀ угодно, не церемонясь съ ея историческими инстинктами. Иначе, какъ бы кажется не догадаться, что наше служилое сословіе, переименованное въ дворянство, но сохранившее характеръ и свойства служилаго, не имѣетъ съ родовою, политическою аристократіею ни одной общей черты; какъ бы не замѣтить, что типъ большаго русскаго барина нисколько не походитъ на французскаго grand seigneur, а русскій англоманъ—самая рѣзкая противоположность англійскому лорду? Но, повторяемъ, въ извѣстныхъ кружкахъ такого рода соображенія не имѣютъ хода и на нихъ ужь давно припасенъ отвѣтъ: вы отняли у насъ крѣпостное право, такъ вознаградите насъ чѣмъ-нибудь; положимъ, аристократіи у насъ не было и нѣтъ, но почему бы не попробовать завести ее?

Пускай же Россія остается въ сторонѣ — обратимся къ Европѣ. Ея свидѣтельства не уважить нельзя. Посмотримъ, что̀ тамъ ростетъ и крѣпнетъ, что̀ убываетъ и хилѣетъ и въ какую сторону сила историческаго развитія влечетъ цивилизованный міръ?

Во всей Европѣ, когда-то, стояли во главѣ обществъ аристократіи настоящіе, самородные, живые продукты исторіи, а не законодательныхъ прихотей. Что̀ сталось съ ними теперь? Во Франціи и въ Италіи аристократія вымерла почти безслѣдно; въ Австріи она разбилась на отдѣльныя группы, по народностямъ, и исчезаетъ въ народностяхъ; въ Пруссіи она съ каждымъ днемъ теряетъ свое значеніе и киснетъ въ желчномъ сознаніи устарѣлости своихъ притязаній; ея нѣкогда спокойная гордость переряживается въ обидчивую спѣсь — вѣрнѣйшій признакъ упадка.

Въ Англіи, этой классической странѣ аристократизма, аристократія отступаетъ, конечно, съ достоинствомъ, но все-таки отступаетъ, передъ стройнымъ напоромъ другой, ей уже неподвластной силы. Иниціатива ускользнула изъ ея рукъ; она уже не ведетъ событій, а подчиняется имъ, и покупаетъ право на существованіе періодически-повторяющимися уступками. Чтобъ отсрочить свое неминуемое крушеніе, она, въ критическія минуты, предупреждаетъ грозящіе ей удары и сама налагаетъ на себя руки, pour sauver les apparences. Такого рода услугу оказалъ ей Робертъ Пиль въ реформѣ экономической, и мы узнаемъ на дняхъ, удастся ли графу Дерби сослужить ей такую же службу въ реформѣ парламентской. Несомнѣнно, что въ этихъ мастерскихъ маневрахъ, ея высокій тактъ выказывается не менѣе осязательно, чѣмъ въ прежнихъ ея завоеваніяхъ; но, какъ бы то ни было, предсказаніе 22-хъ-лѣтняго Вильяма Питта сбывается. Въ 1787 году, на вечерѣ въ Версалѣ, кто-то изъ чиновъ французскаго двора спросилъ у него: «которая изъ составныхъ частей англійской конституціи прежде всѣхъ обветшаетъ и пошатнется?» — «Камера лордовъ» — отвѣтилъ незадумываясь будущій первый министръ, тотъ самый, которому суждено было поднять англійскую аристократію на степень безпримѣрнаго могущества.

Вездѣ одно явленіе: старыя аристократіи вымерли или вымираютъ, а новыхъ не зарождается. И это вовсе не значитъ, чтобъ историческая производительность Западной Европы изсякла; ибо возникаютъ же партіи, секты, школы и ассоціаціи всякаго рода. Это значитъ только, что творческая сила исторіи, также какъ и творчество физической природы, имѣетъ свои періоды. Есть цѣлые порядки органическихъ формацій, такъ-сказать отслужившихъ міру, которыхъ природа уже не повторяетъ и о которыхъ мы знаемъ только по ихъ уцѣлѣвшимъ остовамъ. Къ разряду такихъ-же брошенныхъ исторіею организмовъ принадлежитъ и аристократія. Форма, въ которую она когда-то отливалась, разбита навѣки, и ея нѣтъ нигдѣ, нѣтъ даже въ редакціи «Вѣсти».

Въ обществахъ образуются новыя группы, на основаніи тождества экономическихъ интересовъ, а въ области государственной Европа постепенно перестраивается на основаніи племеннаго начала. Народность — вотъ та новая, съ одной сто-

роны разлагающая, съ другой объединяющая сила, которая теперь пробивается сквозь прежнія формаціи, созданныя завоеваніями, династическими союзами, теоріею европейскаго равновѣсія и другими болѣе или менѣе искусственными комбинаціями. Эта сила растетъ повсемѣстно и ей очевидно принадлежитъ будущность.

Первымъ торжествомъ народнаго начала было освобожденіе Грековъ, давно начатое, и донынѣ недовершенное; потомъ, на нашихъ глазахъ, собрались Итальянцы; въ настоящую минуту заканчивается объединеніе Нѣмцевъ и уже начинаютъ скликаться на Балканскомъ полуостровѣ Славянскія племена.

Понятно, что пробужденіе народностей, какъ и всякое міровое движеніе, рядомъ съ явленіями исторически-законными и плодотворными для развитія человѣчества, можетъ вызывать и неосуществимыя притязанія, основанныя на однихъ воспоминаніяхъ, но не находящія себѣ оправданія въ дѣйствительности; понятно также, что это движеніе, именно потому, что кромѣ одной газеты «Вѣсть» мнѣніе всей Европы признало въ немъ современную силу, обращается иногда въ орудіе политическихъ интригъ и изъ-подъ ловкихъ, но не совсѣмъ разборчивыхъ на средства рукъ, выходитъ въ карикатурной формѣ поголовной подачи голосовъ (suffrage universel). Смущаться этимъ нечего; все это не болѣе какъ волдыри или нечистая пѣна на поверхности неудержимаго потока.

Понятно и то, что не всѣ современные политики относятся одинаково къ началу народности. «Это первая сила нашего времени»,—говоритъ Наполеонъ III,—«и потому Франція должна захватить ее въ орудіе своей политики». — «Это сила»—возражаетъ ему Тьеръ—«но не надобно вызывать ея, ибо какъ орудіе, она сильнѣе въ рукахъ Россіи чѣмъ Франціи». Послѣдняго заключенія мы не имѣемъ причины оспаривать; впрочемъ, кто въ этомъ случаѣ правъ и кто неправъ, этого вопроса мы не касаемся и хотимъ только заявить, что при всей противоположности ихъ воззрѣній, и Тьеръ, и Наполеонъ согласны въ признаніи факта. Мы могли бы причислить къ нимъ и графа Бисмарка.

Но нигдѣ такъ наглядно и разительно не обнаружилась непобѣдимая сила народнаго начала, какъ именно въ той

державѣ, которая, по роковой необходимости, должна была бороться съ нимъ на жизнь и смерть, вела эту борьбу последовательнѣе и толковѣе чѣмъ кто-либо и потратила на нее разнообразнѣйшія средства, какими только могла ей подслужиться ея неистощимая, политическая находчивость.

Нужно ли называть Австрію? Сложившись изъ множества осколковъ не только разнохарактерныхъ, но враждебныхъ между собою племенъ, она—не то что захотѣла, а не могла ни построиться въ федеративное государство, ни дать рѣшительнаго преобладанія какой-либо одной народности надъ другими. Говоря языкомъ «Вѣсти», у нея не было ядра довольно плотнаго и крупнаго. Не свободный выборъ, а неволя заставляли ее, для поддержанія искусственнаго единства, изобрѣтать и создавать искусственныя, безнародныя силы: имперскую армію, имперскую бюрократію и, наконецъ, расширенный государственный совѣтъ (verstärkter Reichsrath). Это была ея послѣдняя серьезная попытка.

Предполагалось, что если отвлечь отъ каждаго изъ племенъ, населяющихъ Австрію, небольшую группу людей дѣйствительно передовыхъ (не только по знатности рода, но также по богатству и по личнымъ дарованіямъ), и если изъ всѣхъ такимъ образомъ завербованныхъ единицъ составить одно сословіе, или одинъ соборъ, то заманчивость коллективнаго первенства и общность сословныхъ интересовъ объединитъ ихъ; что, по крайней мѣрѣ, въ этой отборной дружинѣ мѣстныя традиціи позабудутся, рѣзкіе народные типы сгладятся и, со временемъ, разноплеменный и пестрый соборъ сольется въ безнародную аристократію. Словомъ—говоря языкомъ «Вѣсти»—предполагалось, что званіе австрійскаго аристократа послужитъ нравственною связью между разноплеменными и разновѣрными подданными государства. Само собою разумѣется, что, задумавъ обезсилить центробѣжныя стремленія племенъ, населяющихъ имперію, нейтрализацiею ихъ руководителей, государственные люди Австріи не только понимали необходимость, но и не скрывали своей готовности подѣлиться съ этими вожаками правительственною властью и даровать имъ права политическія. Не знаемъ, какъ объ этомъ думаютъ въ тѣхъ сферахъ, откуда «Вѣсть» получаетъ свои вдохновенія, но, по нашимъ понятіямъ, одно безъ другаго не-

мыслимо, и если ужъ подкупать на отреченіе отъ національныхъ стремленій, то скупиться нечего. И все-таки эта хитро задуманная попытка не спасла единства. Не было, конечно, недостатка ни въ ловкости со стороны Австрійскихъ министровъ, ни даже—что̀ гораздо важнѣе—въ старыхъ аристократическихъ традиціяхъ, съ которыми новое учрежденіе, повидимому, могло бы связаться, и однако, даже при этихъ, далеко не вездѣ встрѣчающихся условіяхъ, искусно сплетенная сѣть порвалась и вырвавшіяся изъ-подъ нея центробѣжныя силы потрясли всѣ основы зданія.

Разноплеменное государство, стянутое и свинченное безнародною аристократіею, не удалось даже тамъ, гдѣ роковая необходимость его оправдывала, а возможность поддерживать внутреннее равновѣсіе коалиціями слабѣйшихъ племенъ противъ сильнѣйшихъ, повидимому, подавала надежду на поддержаніе этой политической формы: значитъ, она осуждена окончательно.

Къ содѣйствію какой же силы обратимся мы, для завершенія государственнаго объединенія Россіи? Обратимся ли мы къ той, которая на нашихъ глазахъ растетъ и крѣпнетъ, или къ той, которая повсемѣстно хилѣетъ и вымираетъ?.. Передъ нами два государственныхъ типа: *народно-монархическій* и *аристократико-монархическій*.

На первый указываютъ намъ наша исторія, весь политическій складъ Россіи, все современное движеніе Европы.

Второй рекомендуетъ намъ газета «Вѣсть». Это ея идеалъ. Можетъ-быть онъ и хорошъ самъ по себѣ и безъ отношенія къ намъ, только—это не *завтрашняя* Россія, а *вчерашняя* Австрія.

Не пора ли Россіи перестать малодушествовать передъ Европою?

Москва, 12-го августа.

Намъ, Русскимъ, нельзя пожаловаться, чтобы Европа не поучала насъ быть Русскими, не раскрывала намъ глазъ на насъ самихъ, не напоминала намъ о нашемъ званіи, не возвращала насъ въ наши предѣлы, не проводила постоянно между нами и ею, между Востокомъ и Западомъ, рѣзкой демарка-

ціонной линіи. Мы ищемъ случая побрататься съ нею и тщеславно радуемся, когда его находимъ; она же не только не ищетъ братства, но не признаетъ даже его нравственной возможности, и даже въ минуты своего благосклоннаго къ намъ настроенія духа. Мы то и дѣло навязываемся ей въ родню и дружбу,—она то и дѣло отталкиваетъ насъ и твердитъ: вы мнѣ не свои. Наше отношеніе къ ней не только отношеніе плебея къ аристократу,—плебея, положимъ, сильнаго, могучаго, возбуждающаго страхъ и внутренно ненавидимаго,—но положеніе еще худшее, потому что болѣе унизительное и однакожъ нами добровольно принимаемое—положеніе выскочки, рагуеци, котораго знатный баринъ и допускаетъ иногда въ свое общество, но котораго всею душею презираетъ и готовъ отрезвить, при каждомъ удобномъ случаѣ, оскорбительнымъ напоминаніемъ о его прежнемъ званіи, происхожденіи, бѣдности, о той грязи, изъ которой онъ вышелъ: «не забывайся, ты мнѣ не ровня». Мы охотно принимаемъ участіе въ затруднительномъ состояніи Европы, и не иначе какъ съ благою цѣлью; она не принимаетъ въ насъ никакого участія, иначе какъ съ цѣлью нанести вредъ русскому интересу. Мы чистосердечно и простодушно устраиваемъ ея дѣла; она также чистосердечно, но нисколько не простодушно старается разстроить наши. Мы являемся въ ней миротворцами и преискренно ожидаемъ отъ нея признательности; Европа же полагаетъ, что довольно съ насъ и чести поиграть такую роль въ сонмѣ цивилизованныхъ націй, что не она, а мы ей должны быть признательны, и доставленное ей нами благо мира употребляетъ намъ же во зло. Мы смѣемся у себя дома надъ славянофильскою теоріей «Востока и Запада», и если слово «Западъ» втѣснилось въ наше употребленіе, то признать себя «Востокомъ» мы все же не рѣшаемся, стыдимся обособить себя какимъ-то отдѣльнымъ, своеобразнымъ міромъ, и—будто ослѣпли, будто оглохли—не видимъ и не слышимъ, какъ сама Европа уже давнымъ-давно выработала себѣ свою теорію дѣленія на Востокъ и Западъ, пишетъ всѣми своими перьями и кричитъ всѣми голосами, что нѣтъ у Запада мира съ Востокомъ, что Востокъ долженъ быть порабощенъ Западу, что Русскіе—не Западъ, а Востокъ,—главная мощь, мечъ Востока, а потому противъ насъ, Русскихъ, и должно быть направлено все исто-

рическое движеніе, натискъ всѣхъ силъ европейскаго Запада. Что бы мы ни дѣлали, какія бы услуги Западу ни оказывали, какъ бы ни добродѣтельничали, какъ бы ни смирялись, какъ бы ни увѣряли въ своей скромности, въ своемъ миролюбіи, въ своемъ чистосердечіи, безхитростности, въ своей готовности отречься отъ своихъ естественныхъ и историческихъ симпатій, даже отъ интересовъ своей собственной Русской народности,— намъ не повѣрятъ, насъ не уважатъ, насъ сочтутъ и считаютъ обманщиками, лицемѣрами, насъ не повысятъ ни въ чинѣ, ни въ званіи, насъ не пожалуютъ ни въ Европейцевъ, ни въ равноправныхъ; мы для нихъ попрежнему варвары, чужіе гости на чужомъ пиру, незаконнорожденныя дѣти цивилизаціи, не имѣющія доли въ наслѣдствѣ просвѣщеннаго міра,—выскочки, parvenus, плебеи. Мы даже и не плебеи,—мы паріи человѣчества, отверженное племя, на которое не могутъ простираться ни законы справедливости, ни требованія гуманности, къ которымъ неприменимы никакія нравственныя начала, выработанныя христіанскою цивилизаціей европейскихъ народовъ. Напрасно стали бы мы истощаться въ доводахъ, пытаясь растолковать Европѣ нашу Русскую правду и ея неправду; напрасно стали бы мы себя утѣшать мыслью, что такое ея отношеніе къ намъ происходитъ отъ невѣжества, отъ непониманія, и тратить силы и деньги на ея просвѣщеніе, на распространеніе вѣрныхъ познаній о Россіи, и т. п. Гдѣ дѣло чуть коснется Россіи, Европа и видя не видитъ и слыша не слышитъ, и ничто не въ состояніи вразумить ее, просвѣтить ея невѣжество, сокрушить ея непонятливость. Она и не хочетъ понять и узнать насъ; ея упорное невѣжество и непониманіе коренятся въ нравственной неспособности отрѣшиться отъ своей односторонней точки зрѣнія, отъ своихъ традиціонныхъ предубѣжденій,—и въ нравственномъ неблагорасположеніи къ намъ. Источникъ же этого нерасположенія таится глубоко, глубже обиходнаго личнаго сознанія современниковъ,— въ историческомъ инстинктѣ непримиримой вражды двухъ духовныхъ просвѣтительныхъ началъ христіанскаго человѣчества, начала латинскаго и православнаго. Это свидѣтельствуется уже тѣмъ нагляднымъ фактомъ, что одинаковой ненависти съ Россіей подлежитъ не только всякая вѣрная себѣ Славянская народность, но и весь православный міръ. Доста-

точно Славянину быть православнымъ, или быть заподозрѣннымъ, по славянской натурѣ своей, въ наклонности къ православію, чтобы во мнѣніи (хотя бы лично и невѣрующихъ) западныхъ Европейцевъ быть поставленнымъ hors la loi, внѣ закона.

До какой степени, относительно насъ и вообще православнаго міра, Европа отрицаетъ всѣ свои принципы, которыми такъ гордится и чванится, этому доказательства встрѣчаются на каждомъ шагу, въ каждомъ нумерѣ журнала или газеты, въ каждомъ политическомъ сочиненіи, въ обиходныхъ стереотипныхъ фразахъ и общихъ мѣстахъ—этомъ вѣрномъ отраженіи общественнаго міросозерцанія. Прочтите отзывы иностранной «прессы» о возстаніи Болгаръ и Грековъ, взгляните хоть на одинъ изъ послѣднихъ нумеровъ «Journal des Débats»... Вся Европа признаетъ принципъ національности современною историческою идеей, могучимъ и законнымъ двигателемъ въ политическомъ развитіи народовъ, началомъ нравственной справедливости; подвластные Турціи христіанскіе народы встаютъ во имя и въ силу этого, громко исповѣдуемаго Европой начала: сдѣлавъ посылку, требуемую логикой, мы должны бы, казалось, получить силлогизмъ такого содержанія, что Европа, стало-быть, признаетъ это возстаніе турецкихъ христіанъ правымъ и достойнымъ своего сочувствія?.. Ничуть не бывало: христіане не правы! Они потому и не правы, что возстаютъ противъ Турціи, «нужной для европейскаго равновѣсія»,—а главное потому, что связаны съ Россіей узами крови и единовѣрія. «Cela ne convient pas à l'Europe occidentale»,—это неудобно, невыгодно для западной Европы, говоритъ «Journal des Débats» устами своихъ вѣнскихъ корреспондентовъ-политиковъ—и затѣмъ никакого другого оправданія такому противодѣйствію желаніямъ православнаго населенія уже и не дается, не смотря на то, что это населеніе стремится воплотить въ живой фактъ то самое начало національностей, которое такъ надменно выставляетъ Европа, какъ одно изъ послѣднихъ словъ цивилизаціи!.. Всѣ западно-европейскіе публицисты громятъ Россію за пренебреженіе къ національности польской и, во имя этого, превознесеннаго ими принципа народностей, призываютъ Россію къ суду, клеймятъ и позорятъ ее всею силою своихъ перьевъ, всѣми средствами клеветы, и тѣмъ са-

мымъ поддерживаютъ—что же? польскія притязанія господствовать надъ Русскою народностью въ западной Россіи и Галиціи; другими словами—поддерживаютъ, въ силу принципа національностей, притязанія, которыя суть радикальное отрицаніе этого принципа! Казалось бы, трудно, невозможно не замѣтить подобнаго противорѣчія, и вотъ Русская наивность пускается отыскивать объясненіе такой недобросовѣстности, сваливаетъ вину на незнаніе исторіи и истиннаго положенія дѣлъ въ Россіи... Но тутъ нечего ломать себѣ голову; объясненіе очень просто и заключается въ одномъ словѣ—*Россія*. Въ отношеніи къ ней неумѣстно приложеніе началъ правды и цивилизаціи: cela ne convient pas à l'Europe occidentale. Въ отношеніи къ ней дозволительно извращеніе всякой справедливости, и не только дозволительно, но естественно, и до такой степени естественно и общепринято, что Западная Европа стала дѣйствительно какъ-то уже добросовѣстно-недобросовѣстна къ Европѣ Восточной. Невѣжество тутъ ни при чемъ. Если Россія сама обведена для Европейцевъ такимъ заколдованнымъ кругомъ, чрезъ который не проникаетъ ихъ наука,—то Австрія съ своими областями не есть же для нихъ terra incognita, а между тѣмъ угнетеніе Польскою національностью, національностью меньшинства, Русской національности въ Галиціи, національности трехмилліоннаго племени, совершается съ соизволенія и при сочувствіи всей Западной Европы, въ силу либеральнаго принципа національностей, признающаго за каждою народностью право на самостоятельность и свободу!.. Но справедливо или несправедливо, во всякомъ случаѣ Россіи, по Польскому вопросу, поставляется Европой въ вину—неуваженіе къ «началу народностей». И въ то же время та же самая Европа поставляетъ Россіи чуть не въ преступленіе сочувствіе этому принципу въ дѣлѣ восточныхъ христіанъ, признаніе этого права національности за народами православными, порабощенными исламу! Съ какимъ гнѣвомъ разсуждаютъ объ этомъ Европейскіе публицисты, какъ напрягаются умы европейскихъ политиковъ для изысканія средствъ—не то чтобы дать торжество законнымъ требованіямъ христіанскаго населенія, но чтобы запугать Россію въ ея выраженіяхъ состраданія и сочувствія!

Какъ лучшимъ плодомъ «великой революціи», наиблагимъ

результатомъ цивилизаціи, хвалится современная Европа признаніемъ человѣческихъ правъ за народными массами, славитъ успѣхи демократическихъ идей и ищетъ разрѣшенія соціальной задачи въ разныхъ несбыточныхъ утопіяхъ. Казалось бы, наше освобожденіе крестьянъ, наше Положеніе 19 февраля, наше разрѣшеніе соціальнаго вопроса способомъ самымъ либеральнымъ, такимъ, о которомъ развѣ только грезить позволяли себѣ передовые люди Запада,—казалось бы, такое событіе, явившееся продуктомъ нашего историческаго и бытового сознанія, должно было возбудить восторгъ, пріобрѣсть симпатію всего либеральнаго Запада? Это поважнѣе пресловутой деклараціи человѣческихъ правъ XVIII вѣка! Нисколько. Сначала Европа была дѣйствительно озадачена величавостью этого историческаго явленія, а потомъ и это *отошло*,—мы попрежнему варвары, и напротивъ опасны Европѣ, угрожаемъ ей пропагандой соціализма и демократіи!.. Однимъ словомъ, мы можемъ не только сравняться, но обогнать Европу въ развитіи и воплощеніи въ жизнь самыхъ либеральныхъ, самыхъ гуманныхъ ея началъ (что̀ уже отчасти и есть), но эти самые успѣхи наши будутъ въ ея глазахъ только новыми преступными съ нашей стороны дѣяніями,—будутъ еще сильнѣе распалять вражду и злобу Европы.

«Гуманная» Европа трепещетъ отъ негодованія, когда дѣло идетъ о какихъ-нибудь десяти Евреяхъ, выброшенныхъ полудикою, раздраженною народною чернью въ море,—и остается равнодушною къ мученіямъ милліоновъ православныхъ христіанъ, подвергающихся теперь и въ Критѣ и въ Болгаріи самымъ неистовымъ истязаніямъ со стороны Турокъ. Цивилизованная Европа съ высокомѣріемъ относится къ варварамъ-Русскимъ и въ то же время братается съ Азіатцами. Христіанская Европа передаетъ православныхъ въ неволю мусульманамъ, готова предпочесть торжество ислама торжеству греческой «схизмы»,—и Римскій Папа благословляетъ священный походъ магометанъ и христіанъ Европейцевъ противъ Россіи и ея единовѣрныхъ. Гуманность, цивилизація, христіанство—все это упраздняется въ отношеніяхъ Западной Европы къ восточному православному міру—потому что не отвѣчаетъ ея видамъ, cela ne convient pas à l'Europe occidentale.

Не ясно ли опредѣляется такими отношеніями къ намъ

Европы наше собственное положеніе? Не должны ли мы поднять бросаемую намъ перчатку, принять вызовъ и явиться міру въ самомъ дѣлѣ тѣмъ, чѣмъ мы есть, т. е. не прихвостнемъ Западной Европы, а во главѣ Европы Восточной? Не пора ли уже намъ перестать пугаться духовныхъ и нравственныхъ преимуществъ Европы и понять, что бо̀льшая часть этихъ преимуществъ—ложь и призракъ, что многому можно поучиться и отъ насъ Европѣ, и что во всякомъ случаѣ на нашей сторонѣ, въ нашихъ отношеніяхъ къ ней, правда и право? Особенно пора нашей дипломатіи принять другое положеніе въ Восточномъ вопросѣ. Она гордо и смѣло можетъ опираться на самыя возвышенныя, справедливыя, самыя «гуманныя», «либеральныя», Европою же взлелѣянныя и ею же попираемыя начала, и обличать Европу во лжи и отступничествѣ отъ принциповъ христіанской цивилизаціи. Не настало ли уже время перемѣнить тонъ нашей оффиціальной дипломатической литературы, и отъ роли подсудимаго, постоянно оправдывающагося, перейдти къ роли энергическаго обвинителя? Довольно ужъ кажется изнурялись мы въ попыткахъ убѣдить Европу въ нашемъ благодушіи и безкорыстіи; довольно, въ ущербъ собственному достоинству, оберегались всякаго повода возбудить ея подозрѣнія, и вмѣсто того чтобы дѣйствовать тамъ, гдѣ слѣдовало дѣйствовать, только ограничивались жалкими словами да сѣтованіями на Европу за ея невѣріе въ нашу благонамѣренность и добронравность, за ея неблагодарность къ нашему самоотреченію отъ своего законнаго права и историческаго призванія. Наши прекрасно составленные дипломатическіе документы, свидѣтельствуя о томъ, что мы лучше всѣхъ знаемъ дѣла Востока, носятъ въ то же время характеръ какихъ-то докладовъ Европейскому ареопагу. Мы докладывали и докладываемъ Европѣ, что «обстоятельства дѣла таковы», что положеніе Турціи плохо,—и какъ докладчикъ, котораго проектъ резолюціи не принятъ, горько пожимаемъ плечами и отходимъ прочь, въ ожиданіи пока судьямъ пошлетъ Богъ на разумъ другое рѣшеніе. Событія подтверждаютъ справедливость нашего доклада: мы скромно указываемъ Европѣ, что вотъ тогда-то мы именно имѣли честь доложить ей о грозящихъ событіяхъ, и удовлетворяемся такимъ утѣшеніемъ. Подобное наше отношеніе къ Восточному вопросу

отдаетъ инищіативу въ руки Запада. Обрѣзывая свои права, мы нехотя переносимъ ихъ на враждебную намъ и восточнымъ христіанамъ Европу. Почему, спрашивается, Наполеонъ *смѣетъ* предписать своему адмиралу Симону прорвать турецкую блокаду и подойдти къ Криту для спасенія несчастныхъ женъ и дѣтей,—а мы не смѣемъ? Нашъ капитанъ Бутаковъ, прибывъ первый, смиренно отошелъ и послалъ въ Пирей заявленіе, что Омеръ-паша его не пускаетъ, и только уже при могучемъ содѣйствіи Французскаго флага могъ исполнить данное ему порученіе. Не очевидно ли, до боли сердца, что Наполеонъ и Британскій кабинетъ потому только не дѣйствуютъ рѣшительно на Востокѣ, что не хотятъ такъ дѣйствовать, а когда имъ это заблагоразсудится, такъ приступятъ къ дѣйствію даже и не спросясь насъ. Мы же не потому не дѣйствуемъ рѣшительно, чтобы не хотѣли этого, а потому что... Потому что робѣемъ возгласовъ и подозрѣнія Европы, потому что сами до сихъ поръ признаемъ за Европой авторитетъ и право почина во всякомъ дѣлѣ и добиваемся ея благосклоннаго мнѣнія... Серьезно опасаться войны за рѣшительно подъятый голосъ и рѣшительное дипломатическое дѣйствіе на Востокѣ— мы не можемъ, и именно въ настоящее время, когда поперекъ Восточнаго вопроса лежитъ вопросъ Германскій. А между тѣмъ такой рѣшительный голосъ, свидѣтельствующій о сознаніи своей силы и своего права, даетъ нравственный перевѣсъ державѣ и внушаетъ къ ней болѣе уваженія, чѣмъ застѣнчивая дипломатическая дѣятельность съ наиблагороднѣйшими, наибезкорыстнѣйшими и наимиролюбивѣйшими цѣлями. Наше знамя есть знамя всего православнаго, по преимуществу Славянскаго Востока; наше право основано на самой святой правдѣ; намъ противопоставляется Европою ложь и отрицаніе, ея же цивилизацией признанныхъ, началъ; на нашей сторонѣ такія преимущества, какихъ не имѣетъ Европа... Нужна только вѣра въ себя, въ свое право, сознаніе своего достоинства и своего историческаго призванія.

Мы ждемъ, мы прислушиваемся... не раздастся ли наконецъ иное, *новое* слово отъ Русской дипломатіи?..

Что значитъ: «Россія для Русскихъ» по смыслу «Вѣсти»?

Москва, 25-го ноября.

«*Россія для Русскихъ*» —вотъ наше знамя! Истинно-національная политика заключается именно въ этихъ трехъ словахъ: «*Россія для Русскихъ!*» Такъ восклицаетъ съ патріотическимъ паѳосомъ санктпетербургская газета «Вѣсть», переворачивая на всѣ лады этотъ новооткрытый ею для себя политическій девизъ, и видимо радуется такой счастливой находкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чего же лучше? Коротко, ясно, выразительно и, главное, безупречно. Кто осмѣлится послѣ того усомниться въ патріотизмѣ органа крупныхъ землевладѣльцевъ? Не застрахована ли газета такимъ девизомъ отъ всякихъ подозрѣній и нападокъ?.. Мы позволимъ себѣ, однако, раскрыть настоящій смыслъ этого краснорѣчиваго афоризма, пользуясь тѣмъ же 151 № этой газеты, гдѣ редакція такъ лихо осѣдлала этотъ патріотическій конекъ и такъ борзо и рѣзво на немъ гарцуетъ. Мы увидимъ сейчасъ, куда на этомъ патріотическомъ конькѣ мечтаетъ она доѣхать. Прежде всего оговоримся: мы бы оставили безъ вниманія возгласы этой газеты, если бы думали, что она выражаетъ мнѣнія только ея оффиціальнаго редактора. Но газета «Вѣсть» потому именно и интересна, потому именно и удобна, что она есть не больше какъ нарицательное имя, означающее цѣлое направленіе, господствующее въ нѣкоторыхъ петербургскихъ сферахъ; она есть не больше какъ *мѣстоименіе,* освобождающее отъ необходимости называть самыя лица, солидарность которыхъ съ направленіемъ газеты «Вѣсть» придаетъ этой газетѣ нѣкоторую занимательность и значеніе. Мы увѣрены, что слова: «Россія для Русскихъ» —обратятся у этихъ господъ въ ходячую сентенцію, которою они будутъ убаюкивать собственную совѣсть (если у кого изъ нихъ совѣсть такого съ собою обращенія требуетъ), или же будутъ сбивать съ толку другихъ и пускать имъ патріотической пыли въ глаза всякій разъ, какъ придется идти врозь съ требованіями дѣйствительныхъ Русскихъ интересовъ.

«Россія для Русскихъ» восклицаетъ газета «Вѣсть», противополагая этотъ девизъ тѣмъ статьямъ московской журналистики, которыми она призывала Русское общество къ дѣй-

ствительной и дѣятельной помощи Славянамъ австрійскимъ не на словахъ, а на дѣлѣ,—тѣмъ Славянамъ, которые подвергались разнообразнымъ гоненіямъ, лишеніямъ и всяческой нравственной пыткѣ за сочувствіе къ Россіи, за честь Русскаго имени. «Вѣсть» сомнѣвается въ справедливости славянскихъ жалобъ и старается охладить сочувственное движеніе въ пользу Славянъ, съ такою силой проявившееся въ Россіи со времени послѣдняго славянскаго съѣзда. Она опасается, чтобы «русскіе интересы не были принесены въ жертву славянскимъ», какъ прежде «приносимы были въ жертву интересамъ нѣмецкимъ»; «истинно національная, т. е. соотвѣтствующая Русскимъ, *а не Славянскимъ* интересамъ политика, есть политика невмѣшательства», говоритъ она. Не слѣдуетъ, разсуждаетъ «Вѣсть», журнальными статьями возбуждать въ Славянахъ надежды призрачныя, такъ какъ Россія не можетъ, не хочетъ и не должна поддерживать ихъ своею силой, и не только не должна поддерживать, но даже и хотѣть поддерживать, ибо,—такъ заканчиваетъ «Вѣсть» свою политическую выходку,—«Россія для Русскихъ!» Другими словами, девизъ «Вѣсти» «Россія для Русскихъ» значитъ: «Россія не для Славянъ»: Славяне сами по себѣ, Русскіе сами по себѣ, и истинно-національная Русская политика, соотвѣтствующая Русскимъ интересамъ, не должна соотвѣтствовать интересамъ Славянскимъ. Славянскіе интересы, по отношенію къ Россіи, уподоблены интересамъ Германскимъ.

Намъ истинно совѣстно предъ восточными и западными Славянами и даже предъ Европой, быть поставленными въ необходимость опровергать такія мнѣнія Русской газеты, т. е. по крайней мѣрѣ издающейся на Русскомъ языкѣ и въ Россіи. Правда, «Вѣсть» давно стала притчею во языцѣхъ у всѣхъ Славянскихъ племенъ (кромѣ Польскаго); она дивила даже и Германскую печать своими діатрибами противъ Славянства (см. «Кельнскую Газету» за іюнь мѣсяцъ). Нѣмцы, дорожа собственною національностью, даже неспособны и понять, какъ могутъ въ Россіи найтись Русскіе, которые и руками и ногами отбиваются отъ національнаго сочувствія 25 милліоновъ единоплеменниковъ; которые на искреннія, горячія выраженія братской любви, отвѣчаютъ сарказмами и бранью, и въ руку, протянутую за насущною помощью, готовы положить камень. Тѣмъ не менѣе этотъ непонятный для Нѣмцевъ фактъ Русской

общественной жизни признают они для себя однимъ изъ наивыгоднѣйшихъ; на этомъ и на подобныхъ явленіяхъ нашей Русской дѣйствительности основываютъ они свои разсчеты для будущихъ успѣховъ Нѣмецкаго дѣла въ Россіи. Но это самое и побуждаетъ насъ неослабно протестовать противъ такихъ явленій; и если нельзя скрыть отъ иностранцевъ и заграничныхъ Славянъ нашего внутренняго общественнаго недуга, то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, не давать укореняться между ними заблужденію о важномъ значеніи этого недуга. Пусть знаютъ они, что, продолжая упорно позорить Русскую честь за границей, эта газета не въ чести у насъ дòма и никакъ не должна быть принимаема за выраженіе господствующаго общественнаго мнѣнія въ Россіи. «Вѣсть» забываетъ или не хочетъ знать, что Русское племя есть племя Славянское, притомъ самое многочисленное и могущественное, что Россія есть не только единая свободная и сильная Славянская держава, но глава и представительница Славянскаго міра; что въ этой ея Славянской особенности заключается отличіе ея отъ міра Германо-романскаго и особенное призваніе въ исторіи человѣчества. Внѣ своего Славянскаго элемента Русская народность немыслима, ибо въ этомъ ея элементѣ состоитъ ея физіологическая и духовная сущность,—точно также немыслима, напримѣръ, національность Прусская внѣ элемента Германскаго. Совѣтовать Россіи разрознить свои Русскіе интересы съ интересами Славянскими—это все то же, чтò посовѣтовать Пруссіи разрознить свои Прусскіе интересы съ интересами Германскими,—даже еще хуже, потому что Пруссія все же болѣе *своя* Европѣ, чѣмъ Россія; а для Россіи это значило бы совершенно лишиться естественныхъ и единственныхъ союзниковъ. Изолировать Россію отъ западныхъ Славянъ значитъ предать Славянъ въ жертву германизаціи, значитъ работать въ пользу Германіи. «Вѣсть» осуждаетъ (по крайней мѣрѣ увѣряетъ, что осуждаетъ) прежнее направленіе Русской политики, служившей интересамъ Нѣмецкимъ, и уподобляетъ послѣдніе интересамъ Славянскимъ: это для нея одно и то же, и *одинаково* не соотвѣтствуетъ національно-Русской политикѣ. «Вѣсть» не хочетъ,—вѣроятно даже неспособна понять,—что потому-то Россія и служила такъ ревностно, послѣ Вѣнскаго конгресса, интересамъ Нѣмецкимъ, что не разумѣла тождества

интересовъ Славянскихъ съ Русскими, что не обращала никакого вниманія на Славянскія племена, нерѣдко поворачивалась къ нимъ спиною (какъ этого теперь снова домогаются патріоты газеты «Вѣсть») и дѣйствовала даже въ ущербъ имъ. Если когда именно Русская политика была не національною, такъ именно въ тотъ періодъ времени, когда она была не Славянскою и анти-Славянскою; если когда Русская политика не сознавала своихъ Русскихъ интересовъ, такъ именно въ тотъ періодъ времени, когда она не сознавала себя Славянскою, или, вѣрнѣе, когда Славянское самосознаніе было въ ней слабо. Да наконецъ въ чемъ же именно состояли жертвы Россіи «интересамъ Нѣмецкимъ»,—какъ выражается «Вѣсть», разумѣя, конечно, эпоху съ 1815 года по 1856 годъ,—если не въ пренебреженіи къ интересамъ своимъ какъ Славянской державы, если не въ отчужденіи отъ себя Славянъ? И къ этой-то политикѣ партія, издающая «Вѣсть», солидарная съ «Вѣстью», совѣтуетъ намъ возвратиться! Или эта партія не разумѣетъ, что, только оставаясь вѣрною своему Славянскому корени, можетъ быть истинно Русскою, или же, именно потому что догадывается объ этомъ, такъ ревностно старается она оторвать Россію отъ корня ея національности? Обезславянить Россію то же что ее обезпардонить, и поэтому, когда «Вѣсть», лицемѣрно или по неразумѣнію, впрочемъ въ наше время уже непростительному, восклицаетъ: «Россія для Русскихъ», т. е. не для Славянъ,—это значитъ, ни болѣе ни менѣе, въ ея устахъ: «Россія не для Русскихъ!»

Оно такъ и есть. Кто является въ одно и то же время такимъ противникомъ Славянскаго элемента и такимъ жаркимъ ревнителемъ Русскихъ интересовъ? Та партія, которая чрезъ газету «Вѣсть» громко объявляетъ, что интересы мужиковъ Бѣлоруссовъ для нея ничтожны въ сравненіи съ интересами Польскихъ пановъ-помѣщиковъ. Та партія, которая публично браталась съ прибалтійскимъ привилегированнымъ дворянствомъ и являлась горячею защитницей тѣхъ ихъ помѣщичьихъ привилегій, которыя самымъ вѣрнымъ путемъ способствуютъ онѣмеченію 1,700,000 Русскихъ подданныхъ не-Нѣмцевъ,—что, конечно, можетъ быть выгодно только для Пруссіи, но уже никакъ не для Россіи. Та партія, которая принципъ крупной собственности и ея интересъ ставитъ, по ея собственнымъ сло-

вамъ, выше принципа и интереса національности,—слѣдовательно партія космополитическая по преимуществу, признающая и проповѣдующая солидарность крупныхъ собственниковъ всей Европы. На этомъ основаніи она не стыдится возвѣщать не только сочувствіе, но и общность дѣла и знамени русскихъ помѣщиковъ съ помѣщиками польскими, угнетателями Русскаго народа, съ помѣщиками Нѣмецкими Прибалтійскаго края, ищущими насильственно, противъ воли, онѣмечить Латышей и Эстовъ. То же сочувствіе, та же общность обнаруживается у этой партіи и съ юнкертумомъ Пруссіи, и какъ мы видимъ, съ аристократіей австрійскою, которая есть большею частью онѣмеченная Славянская, измѣнившая и враждебная своей народности, и съ магнатами Мадьярами, стремящимися омадьярить Русскихъ, Словаковъ, Хорватовъ и Сербовъ. Наконецъ, считая эту партію логически-вѣрною провозглашенному ею въ «Вѣсти» началу, мы должны предположить такую же солидарность принципа собственности между нею и *спагіями* и *беями*, Турецкими помѣщиками и аристократами. На этомъ же основаніи патріоты газеты «Вѣсть» и не сочувствуютъ, вѣроятно, Славянамъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ аристократіи, очень мало крупныхъ собственниковъ, такъ какъ они большею частью бѣдны, состоятъ преимущественно изъ низшихъ и среднихъ классовъ народа и вообще признаются Европой—какими-то «плебеями» въ человѣчествѣ. Это намъ не ново. Мы знаемъ, что вѣра, языкъ, обычай Русскій считались и назывались у Поляковъ «хлопскою вѣрой», «хлопскимъ языкомъ», «хлопскимъ звычаемъ»... Этого же воззрѣнія держится, повидимому, и «Вѣсть» относительно Славянъ вообще и мужиковъ-Бѣлоруссовъ въ особенности; по крайней мѣрѣ такое воззрѣніе является логическимъ выводомъ изъ всѣхъ ея положеній.

«Россія для Русскихъ»! Такимъ девизомъ украшаетъ себя теперь та партія, которая посредствомъ «Вѣсти» заявляетъ не только свое сочувствіе, но полнѣйшее единомысліе, похожее на соумышленность, съ Обществомъ поземельнаго кредита,—тѣмъ Обществомъ, что̀ назначенный государствомъ для утвержденія Русскаго элемента въ ополяченномъ и олатиненномъ краѣ пятимилліонный фондъ умѣло ловкимъ маневромъ отклонить отъ его назначенія и обратить въ свою собственную выгоду. Другими словами: какимъ-то необъяснимымъ фокусъ-

покусомъ эти 5 милліоновъ очутились въ карманѣ сего Общества, не обязывая его ни къ чему, тогда какъ, уничтожая Товарищество пріобрѣтателей имѣній въ Западномъ краѣ, правительство объявило, что имѣетъ въ виду передать права и обязанности Товарищества, вмѣстѣ съ деньгами, другому учрежденію, болѣе способному достигнуть предположенной цѣли!!... И вотъ, девизомъ такой-то партіи, девизомъ газеты «Вѣсть», ея издателей, ея участниковъ и всѣхъ, которыхъ она удостоиваетъ своимъ сочувствіемъ (вѣроятно и Общества поземельнаго кредита),—девизомъ ихъ: отчужденіе Россіи отъ Славянъ. Не знаменательно ли это? Не служитъ ли это правдивымъ комментаріемъ громкихъ словъ: «Россія для Русскихъ»? Не указываетъ ли это на подлинную изнанку такого патріотическаго девиза? «Россія для Русскихъ» газеты «Вѣсть» и ея партіи—это Россія для Нѣмцевъ, Россія для Поляковъ, Россія для тѣхъ изуродованныхъ Русскихъ, которые идею европеизма поставили выше идеи Русской народности и интересы своей космополитической секты «крупныхъ собственниковъ» — выше интересовъ Русскаго народа.

Въ заключеніе скажемъ: говоря объ общности интересовъ Славянскихъ и Русскихъ, мы вовсе не проповѣдуемъ крестоваго похода на Турцію и Австрію. Мы также стоимъ за политику невмѣшательства; но неужели газета «Вѣсть» не видитъ, что провозглашеніе Россіей начала невмѣшательства относительно Турціи выходитъ на дѣлѣ самымъ серьезнымъ вмѣшательствомъ въ ея внутреннюю политическую жизнь и скорѣе всего приведетъ Турцію къ разложенію? Неужели она думаетъ, что, провозгласивъ это начало, Россія не обязывается вмѣстѣ съ тѣмъ и поддерживать его противъ тѣхъ, которые вздумали бы его нарушить? Неужели она воображаетъ, что, отказываясь отъ вмѣшательства въ дѣла Турціи, Россія готова предоставить это право Австріи, и какъ бы говоритъ ей: я вмѣшиваться не буду, а ты себѣ вмѣшивайся, сколько хочешь: моя хата съ краю, я ничего не знаю: «Россія только для Русскихъ»! Въ такомъ случаѣ «Россія для Русскихъ» газеты «Вѣсть» и примыкающихъ къ ней петербургскихъ сферъ, значило бы не только: «Россія для Поляковъ и Нѣмцевъ», но значило бы также: «Россія для Австрійцевъ», «Россія для Мадьяръ», «Россія для Турокъ»!

СТАТЬИ ИЗЪ ГАЗЕТЪ „МОСКВИЧЪ“ И „МОСКВА“.

1867 и 1868 гг.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ ИЗЪ ГАЗЕТЫ „МОСКВИЧЪ“)

Отчего Россія такъ мало способна къ обрусенію своихъ окраинъ?

Москва, 24-го декабря 1867 г.

«Обрусить», «обрусеніе», «государственное единство» — едва ли какія иныя слова провозглашались такъ часто въ последніе годы; едва ли «обрусеніе» не Русскихъ или не довольно Русскихъ окраинъ Россійской Имперіи не было господствующимъ вожделѣніемъ патріотизма, пробужденнаго въ Русскомъ обществѣ Польскимъ мятежомъ 1863 года. «Обрусеніе» и «государственное единство»—это, безспорно, самыя ходячія идеи и задачи нашего времени,—задачи крупныя и серьезныя. Общественное движеніе, возникшее въ Россіи благодаря Польскому мятежу, принесло уже ту огромную пользу, что заставило подвергнуть повѣркѣ и оцѣнкѣ крѣпость и прочность тѣхъ внѣшнихъ узъ, которыя связуютъ между собою различныя части Русскаго государства, и раскрыло рядъ вопіющихъ безобразій въ отношеніяхъ нашихъ окраинъ къ центру. Но это раскрытіе и эта повѣрка привели къ постановкѣ новыхъ вопросовъ. Подъ воздѣйствіемъ возникшаго направленія, со всѣхъ сторонъ устремились пылкіе дѣятели на «подвигъ обрусенія» нашихъ окраинъ,—прошло два-три года, и этотъ пылъ начинаетъ частію остывать, частію смѣняться разочарованіемъ—въ виду ничтожности положительныхъ добытыхъ результатовъ. «Отчего такъ туго идетъ у насъ обрусеніе? отчего, за періодъ Русскаго

государственнаго владычества, намъ не только не удалось обрусить нашей мѣстности, но удалось развѣ ее ополячить или онѣмечить? Откуда такое безсиліе?» —вотъ вопросы, которыми осаждаютъ насъ наши корреспонденты изъ прибалтійскихъ губерній, изъ Ковенской губерніи, изъ прочихъ губерній Сѣверозападнаго и Югозападнаго края. Никто, конечно, не станетъ отрицать великой важности этихъ вопросовъ и настоятельности отвѣта. Никто, конечно, не рѣшится отвѣтить на эти вопросы сразу, съ притязаніемъ на безошибочность разрѣшенія. Тѣмъ не менѣе поработать надъ ихъ разрѣшеніемъ обязанъ каждый. Мы, съ своей стороны, ограничимся на сей разъ обозначеніемъ, въ главныхъ чертахъ, темы нашего отвѣта, предоставляя себѣ развить ее впослѣдствіи, въ цѣломъ рядѣ статей. Конечно, указать на причины безсилія не значитъ еще уврачевать безсиліе, но врачеваніе есть дѣло жизни, а указаніе есть дѣло сознанія, и отъ этой работы сознанія мы уклониться не можемъ.

Намъ кажется, что ничтожность добытыхъ результатовъ «обрусенія» происходитъ, во-первыхъ, отъ ложнаго или по крайней мѣрѣ односторонняго пониманія идеи государственнаго единства и самой задачи обрусенія, а во-вторыхъ, отъ совокупности внѣшнихъ и внутреннихъ условій нашего государственнаго и общественнаго развитія въ такъ-называемый петербургскій періодъ нашей исторіи. Мы не станемъ теперь много распространяться о первомъ положеніи, такъ какъ оно до очевидности объясняется и доказывается вторымъ. Скажемъ только, что идея государственнаго единства понимается у насъ, большинствомъ нашего общества и публицистовъ, чисто внѣшнимъ и отвлеченнымъ образомъ, *внѣ* идеи народности. Между тѣмъ государственное единство есть только внѣшнее выраженіе единства внутренняго и органической цѣльности той населенной страны, которая составляетъ государство; есть результатъ нравственной крѣпости того народнаго историческаго типа, въ которомъ заключается причина и смыслъ политическаго бытія извѣстной страны, и ради котораго одна страна называется Франціей, другая Россіей, и т. д. Если *это* внутреннее единство прочно, если сама народность, создавшая политическій организмъ, вложившая въ него душу живу, цѣльна и крѣпка внутри себя самой, вѣрна самой себѣ, не утратила

вѣры въ себя и всѣ отправленія внѣшняго организма одухотворены ею, то и внѣшнее государственное единство тѣмъ самымъ вполнѣ упрочено, даже безъ особенныхъ хлопотъ о соблюденіи этого внѣшняго единства; оно является какъ непремѣнный логическій выводъ изъ цѣльности внутренней. Напротивъ того, идея государственнаго единства, отвлеченно взятая и извнѣ прилагаемая, сама по себѣ не можетъ сотворить никакого прочнаго единства; доказательствомъ этому можетъ служить Австрія, гдѣ, при слабости зиждительнаго народнаго элемента, никакія усилія создать гезамтъ-фатерландъ, помощью чисто искусственныхъ мѣръ и на основаніи абстрактныхъ соображеній о государственной пользѣ и необходимости, не помогли дѣлу. Точно также и съ «обрусеніемъ». Поставленное какъ чисто-государственная задача, никакое искусственное или принудительное отождествленіе инородцевъ съ народнымъ историческимъ типомъ, давшимъ бытіе извѣстному государству, не достигнетъ цѣли и окажется безсильнымъ, если нѣтъ, при этомъ, дѣйствія иныхъ нравственныхъ и чисто-общественныхъ силъ. Такое притяженіе, такое сращеніе инородныхъ частей или окраинъ съ народнымъ организмомъ можетъ совершиться только тогда, когда самъ этотъ организмъ полонъ жизни и крѣпости. При такихъ условіяхъ задача была бы не въ томъ, чтобы *обрусить* внѣшнимъ способомъ наши окраины, а въ томъ, чтобъ онѣ сами собой *обрусѣли*. Надо бы, чтобы сила обрусенія била естественнымъ могучимъ ключомъ изъ нашей народности самосознанія, изъ несомнѣнной въ насъ вѣры въ право и призваніе нашего народа; если же въ насъ самихъ чувство народности слабо или искажено, то никакія отвлеченныя политическія побужденія не придадутъ намъ способности обрусенія. Какъ человѣкъ безличный, несамостоятельный, подчиняющійся легко чужому вліянію, неспособенъ наложить на другихъ печать своего духа, такъ и народная личность теряетъ силу ассимиляціи, если почему-либо утратила свою духовную цѣльность и самостоятельность. Кажется, это просто и ясно. Замѣчательно, что самыя внѣшнія средства, употребляемыя государственною властью въ видахъ объединенія, только тогда и успѣшны, когда они являются сами необходимымъ выраженіемъ этой внутренней силы народнаго духа; тогда они теряютъ даже характеръ тиранніи, и за ними признается какое-то

нравственное право даже со стороны тѣхъ, противъ которыхъ они направлены. Тѣ же самыя мѣры, которыя, напримѣръ, приняты были Прусскою государственною властью въ Позпани (хотя бы введеніе единства государственнаго языка) и безъ особеннаго ропота и сопротивленія привели къ желанному для Пруссіи результату,—тѣ же самыя мѣры, принятыя въ Россіи, со стороны Русской государственной власти, оглашаются мѣрами насильственными и притѣснительными, вызываютъ отпоръ и жалобы и легко смущаютъ нашу совѣсть. Это происходитъ отъ того, что въ Пруссіи принимаемыя властью мѣры не суть голое дѣйствіе одной власти, но выражаютъ нравственную силу самомнѣнія, такъ сказать, всей нѣмецкой народности,—между тѣмъ какъ у насъ подобныя требованія со стороны власти не всегда опираются на такое же отношеніе къ нашей собственной Русской народности...

Пояснимъ нашу мысль наглядными примѣрами и перейдемъ ко второму нашему положенію.

Корреспондентъ одной Петербургской газеты негодовалъ однажды, въ пылу своего стремленія къ обрусенію нашихъ окраинъ, зачѣмъ Дерптъ, основанный великимъ княземъ Ярославомъ, называется Дерптомъ, а не Юрьевымъ, и требовалъ чтобы древнее Русское названіе этого совершенно онѣмеченнаго теперь города было непремѣнно возстановлено. Онъ удивлялся, зачѣмъ Русское правительство въ оффиціальныхъ бумагахъ удерживаетъ Нѣмецкую кличку за этимъ городомъ Русскаго происхожденія и тѣмъ какъ бы признаетъ за Нѣмецкимъ населеніемъ право причислять этотъ городъ къ Нѣмецкой народности. Но мы, съ своей стороны, читая эту патріотическую выходку, совершенно отвѣчающую господствующему теперь взгляду на обрусеніе, удивлялись только тому, что такое требованіе о переименованіи Дерпта въ Юрьевъ печатается въ столичномъ городѣ *Санктпетербургѣ.* Редакторъ Санктпетербургской газеты, проживая въ Санктпетербургѣ и катаясь лѣтомъ изъ Санктпетербурга то въ Шлюссельбургъ (древній Орѣшекъ), то въ Петергофъ, то въ Екатерингофъ, какъ бы и не замѣчаетъ Нѣмецкихъ прозваній тѣхъ Русскихъ мѣстностей, въ которыхъ самъ живетъ, какъ бы забываетъ, что эти Нѣмецкія прозванія даны были не Нѣмцами, а самими Русскими,—не исторіей, а собственною личною охотой самихъ строи-

телей. Еслибъ онъ вспомнилъ это, то вѣроятно задалъ бы себѣ вопросъ: по какому праву, на какомъ логическомъ основаніи можетъ Шлюссельбургъ, Екатерингофъ или Санктпетербургъ негодовать на Нѣмецкое прозваніе Дерпта и требовать его переименованія въ Юрьевъ?

Въ этомъ примѣрѣ отражается все положеніе современнаго вопроса объ обрусеніи нашихъ окраинъ и о государственномъ единствѣ. Мы сказали выше, что государственное единство есть только внѣшнее выраженіе внутренняго единства и духовной цѣльности того народнаго историческаго типа, который далъ историческое бытіе государству; что «обрусеніе» можетъ быть дѣйствіемъ только нравственнаго свойства, свободно и естественно происходящимъ отъ силы народнаго самомнѣнія,—отъ той энергіи, которая лежитъ въ самой нравственной сущности Русскаго народа и которая должна проникать собою всѣ отправленія его политическаго организма. Отъ степени этого проникновенія государственныхъ отправленій духомъ народности, отъ силы этого внутренняго единства зависитъ сила единства внѣшняго, сила объединяющая, сращивающая, сплачивающая воедино части государства, окраины съ центромъ, инородцевъ съ народомъ, котораго духомъ создалось государство. Единство Русской земли само собой привело къ единству государственному; но есть разница въ государственномъ единствѣ Русскаго царства до Петра и въ государственномъ единствѣ Россійской имперіи, и эта разница обусловливается разницей въ политическомъ и нравственномъ значеніи Русскаго народнаго элемента въ обоихъ періодахъ нашей исторіи. Въ до-Петровской Руси символомъ единства Русской земли была Москва, и всѣ окраины Руси прикрѣплялись къ ней крѣпко, сращивались неразрывно,—не столько, даже всего менѣе, дѣйствіемъ внѣшнихъ искусственныхъ мѣръ, сколько дѣйствіемъ народнаго духа, силою духовной цѣльности народнаго организма. Чувство народности, сознаніе правъ и обязанности народной личности не подвергались въ Русскихъ людяхъ ни отрицанію, ни сомнѣнію.

Отчего же, со времени Петра, оказались мы до такой степени не состоятельными въ дѣлѣ объединенія, что почти ни одной изъ окраинъ, пріобрѣтенныхъ въ періодъ имперіи,

какъ на западѣ, такъ и на востокѣ, не удалось намъ не только обрусить, но даже и прикрѣпить къ имперіи настолько, чтобъ объ ихъ неразрывности съ нею не могло бы быть и вопроса? (Если что̀ изъ пріобрѣтеннаго обрусѣло и окрѣпло, такъ не вслѣдствіе внѣшнихъ распоряженій, а вслѣдствіе свободной, или, вѣрнѣе, самовольной, противозаконной народной колонизаціи). Отъ современнаго состоянія государственнаго единства, отъ этого внѣшняго факта, мы по необходимости должны сдѣлать логическую посылку къ фактамъ внутренняго единства и къ живости народнаго самосознанія въ нашихъ современныхъ внѣшнихъ, дѣйствующихъ силахъ. Состояніе нашихъ окраинъ и результаты «обрусенія» служатъ здѣсь естественнымъ *силомѣромъ*. Что̀ же мы находимъ?

Если символомъ единства Русской земли была во время оно Москва, то символомъ государственнаго единства *Русской* имперіи, знаменемъ *обрусенія* нѣмецкой и иныхъ окраинъ былъ и есть Sankt-Petersbourg. Столица Россійской имперіи назвалась съ самаго основанія своего именемъ не Русскимъ, а Нѣмецкимъ. Дѣло не въ названіи, — слышимъ мы заранѣе возраженія съ различныхъ сторонъ: можно ли придираться къ такимъ мелочамъ, къ такой внѣшности?! Положимъ, что названіе города, говоря вообще, значитъ немного, — но здѣсь это названіе есть, какъ мы уже сказали, цѣлый символъ, служитъ выраженіемъ цѣлаго міросозерцанія, цѣлой системы,—это нѣмецкое наименованіе новой столицы Русскаго государства знаменуетъ собою духъ и направленіе всего послѣ-Петровскаго періода Русской исторіи. Если неубѣдительно сразу, почему Sankt-Petersbourg не успѣлъ обрусить Нѣмцевъ Прибалтійскихъ губерній, равно какъ и другихъ инородцевъ и вообще наши окраины, то мы спросимъ сомнѣвающихся: способствовало ли укрѣпленію и возвышенію чувства народности и вѣры народа въ самого себя, въ право и призваніе своей народности, однимъ словомъ, воспитанію силы необходимой для «обрусенія», — то обстоятельство, что портные за шитье Русской народной одежды ссылались въ Сибирь и наказывались кнутомъ? Податливѣе ли становились обрусенію Нѣмцы и иные иностранцы и склоннѣе ли усвоить себѣ Русскій языкъ—отъ того, что весь этотъ Русскій языкъ испещренъ былъ насильственно введенными въ него Нѣмецкими выраженіями и словами? Содѣй-

ствовало ли развитію Русскаго народнаго типа, возвеличенію въ Русскомъ человѣкѣ чувства народнаго достоинства, усиленію въ немъ самостоятельности, самодѣятельности и способности «обрусенія» то, что всѣ должности, чины и званія государственныя, всѣ вѣтви управленія окрещены были названіями не Русскими, а Нѣмецкими,—какъ это пребываетъ и доселѣ? Нѣмецкіе чины и прозванія, Нѣмецкій языкъ въ изданіяхъ Академіи, не Русскій языкъ въ дипломатическихъ документахъ, не Русскій, Нѣмецкій строй администраціи, Нѣмецкіе канцелярскіе порядки даже въ области церковнаго управленія, во главѣ котораго стоитъ Святѣйшій Синодъ съ оберъ-прокуроромъ и оберъ-секретарями, изгнаніе Русскаго языка изъ домашняго и свѣтскаго употребленія въ высшихъ общественныхъ сферахъ—неужели все это только внѣшность, пустяки, мелочи? Неужели все это не внѣшніе признаки глубокой внутренней болѣзни, расколовшей духовную цѣльность нашего народнаго организма? Всѣ эти симптомы не дѣлаютъ развѣ для насъ понятнымъ появленіе цѣлаго ряда постановленій и мѣръ—чуждыхъ и противорѣчащихъ основнымъ, бытовымъ и нравственнымъ началамъ Русской народности, или искажающихъ его духовную сущность? Не объясняютъ ли они намъ то незнаніе Россіи, то отчужденіе отъ ея народныхъ потребностей, исторіи, преданій, при которомъ только и возможно было,—изъ тысячи примѣровъ возьмемъ одинъ, на который указываетъ даже и «Сѣверная Почта» въ своемъ 278 №,—итакъ: при которомъ только и возможно было предать нашъ «Сѣверозападный и Югозападный край князю Чарторыйскому на вящее ополяченіе и олатиненіе, послѣ славнаго «спасенія и умиротворенія Европы» цѣною Русской крови? Не здѣсь ли должны мы искать истолкованіе того не національнаго направленія въ политикѣ, котораго держались мы до самаго послѣдняго времени? Не здѣсь ли наконецъ ключъ къ разгадкѣ, почему въ настоящую пору такъ слабы внутреннія связи наши съ окраинами, такъ плохо удается намъ обрусеніе, ставшее задачей чисто-внѣшняго, искусственнаго, принудительнаго, насильственнаго свойства, задачей, основанной на однихъ политическихъ соображеніяхъ, при неискреннемъ отношеніи къ самой Русской народности...

Мы только слегка и съ явною воздержанностью обозначили

черты нашего внутренняго народнаго раздвоенія и происходящаго оттуда безсилія нашей государственной объединительной силы. Оставляемъ болѣе сильныя доказательства про запасъ. Мы предвидимъ, что возраженія нашихъ противниковъ заставятъ насъ развить нашу мысль и примѣры съ большею обстоятельностью и подробностью,—что мы и не замедлимъ исполнить. Къ несчастію, эта тема богатая. Если въ нынѣшнее царствованіе, благодаря въ особенности освобожденію и надѣленію крѣпостныхъ крестьянъ землею и большему простору, данному Русской жизни, Русское народное самосознаніе сдѣлало уже значительные успѣхи въ массѣ Русскаго общества,—то тѣмъ не менѣе недугъ еще вовсе не излѣченъ и положеніе дѣлъ въ главныхъ своихъ основаніяхъ остается то же, особенно въ высшихъ, преимущественно Петербургскихъ общественныхъ сферахъ. Впрочемъ, само патріотическое возбужденіе послѣдняго времени, пониманіе патріотизма съ чисто-внѣшней, государственной его стороны; далѣе—отвлеченное пониманіе задачи государственнаго единства и наружнаго, искусственнаго обрусенія, независимо и даже совершенно внѣ идеи объ единствѣ духовномъ и внутреннемъ, даже съ пренебреженіемъ къ нравственнымъ требованіямъ Русской народности,—все это еще болѣе спутало понятія о причинахъ снѣдающаго насъ недуга. Мы поговоримъ въ другой разъ объ этой модной доктринѣ, ублажающей наше «патріотическое» чувство и умѣющей сочетать идею «патріотизма» съ ученіемъ о безнародности,—доктринѣ, проповѣдующей какую-то отвлеченную государственную національность и забывающей о томъ народномъ историческомъ духовномъ типѣ, который, повторяемъ, составляетъ основу, смыслъ, причину бытія Русскаго государства. Наша статья и безъ того длинна. Скажемъ въ заключеніе, что тратить силы на усердное лѣченіе внѣшнихъ признаковъ болѣзни и ея мѣстныхъ проявленій едва ли къ чему поведетъ, если мы не примемъ въ разсчетъ самыя причины, самый корень болѣзни. Чтобъ имѣть возможность и право обрусить кого-либо, повторимъ еще разъ, нужно намъ вновь обрусѣть самимъ,—а обрусѣли ли мы? Одни ли прибалтійскіе и Германскіе Нѣмцы у насъ Нѣмцы? Оглянемся вокругъ, всмотримся и вдумаемся.

Полемика съ Нѣмецкими журналами Петербурга.

Москва, 28-го января 1868 г.

Мы говорили недавно о безобразіяхъ или аномаліяхъ Русской жизни и подраздѣляли ихъ на разныя категоріи: административную, общественную, народную. Къ какой категоріи отнесемъ мы изданіе Русскою Императорскою Академіею Наукъ Нѣмецкой газеты—органа Нѣмецкой политики, Нѣмецкой вообще, не только Прусской, но и Австрійской, украшеннаго, впрочемъ, не Прусскимъ, не Австрійскимъ, а Русскимъ государственнымъ гербомъ? Мы знаемъ только одно, что къ категоріи безобразій нашей простонародной жизни оно отнесено быть не можетъ. Оно возможно только, и даже естественно, въ С.-Петербургѣ, который и самъ, сказали бы мы, представляется намъ историческою аномаліей,—еслибы другая академическая газета, Русская, родная сестра Нѣмецкой, не озадачила насъ торжественнымъ увѣреніемъ, что С.-Петербургъ «гораздо *болье* Русскій городъ, чѣмъ «Москва», «*болѣе* чѣмъ Москва явилъ *общеславянскихъ* свойствъ и *больше* симпатій ко всему *православному* міру!» (sic! см. «С.-Петерб. Вѣд.» №№ 18 и 23). Если подъ общеславянскимъ свойствомъ почтенный близнецъ Нѣмецкой академической газеты разумѣетъ способность къ подражанію, податливость въ образованныхъ классахъ иноземному вліянію, онѣмеченіе или иное отщепенство отъ своей народности высшихъ сословій,—то онъ совершенно правъ; и однимъ изъ блестящихъ доказательствъ *русскости* С.-Петербурга и его *общеславянскихъ* свойствъ служатъ изданія С.-Петербургской Русской Академіи Наукъ на *Нъмецкомъ* языкѣ, а также и изданіе «St.-Petersburger Zeitung». Въ этомъ академическомъ органѣ съ государственнымъ гербомъ должны, естественно, отражаться Славянскія свойства С.-Петербурга, и они дѣйствительно отражаются во всей своей откровенности. Для примѣра возьмемъ 19-й № текущаго года сей почтенной газеты. Въ передовой статьѣ этого № редакторъ докторъ Мейеръ дѣлаетъ выговоръ оффиціальной или полуоффиціальной газетѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, «Journal de St.-Pétersbourg» за то, что она слишкомъ «строго» (zu strenge) обошлась съ Австрійскою журналистикой за ея

отзывы о Россіи. Вступаясь за честь Австрійской печати, газета Русской Академіи Наукъ старается доказать, что она, Австрійская печать, вполнѣ права въ своихъ нападеніяхъ, что всему виною расположеніе къ Славянамъ Русскихъ журналовъ (преимущественно же, конечно, Московскихъ). Затѣмъ, выгораживая Русское правительство предъ Западною Европой отъ всякаго подозрѣнія въ сочувствіи съ панславизмомъ, Нѣмецкія «Вѣдомости» города «болѣе Русскаго, чѣмъ Москва и съ бо̀льшими общеславянскими свойствами»—почтительнѣйше внушаютъ правительству, что если оно не обуздаетъ Славянскаго духа Русскихъ газетъ, то наживетъ себѣ бѣду, и именно войну, въ которой, какъ во время Крымской войны, будетъ имѣть противъ себя всю Европу. «Noch ist es Zeit»—еще есть время! утѣшительно восклицаетъ С.-Петербургская газета, «еще можемъ мы съ честью (?) выйдти изъ своего положенія, отказавшись (durch Aufgeben) отъ всякихъ невыполнимыхъ плановъ за предѣлами и безъ того слишкомъ обширной для нашихъ силъ имперіи,—но это должно быть совершено серьезно и откровенно, если не хотимъ, чтобы недовѣріе Западной Европы перешло наконецъ въ открытую вражду». Такимъ образомъ не однѣ заграничныя газеты силятся застращать Русское правительство или произвести ту *интимидацію*, о которой мы говорили третьяго дня,—но и газета Русской Академіи. Мы не рѣшимся отнести совѣты «St.-Petersburger Zeitung» къ числу тѣхъ «коварно-дружескихъ совѣтовъ успокоить якобы Европейское общественное мнѣніе», которыхъ возможность мы предугадывали въ нашемъ 25 №. Но понятно, что одна уже такая статья, подъ государственнымъ гербомъ, могла породить за границею слухъ, будто княземъ Горчаковымъ разосланъ циркуляръ, въ которомъ Россія старается убѣлить себя отъ подозрѣній въ сочувствіи съ панславизмомъ... Понятно, думаемъ, теперь и читателямъ, почему мы обратили такое особенное вниманіе на эту статью. Мы увѣрены, что эта статья нашла себѣ сочувственный отголосокъ во многихъ сферахъ нашего сѣвернаго града съ «общеславянскими свойствами»... О какихъ же это «неисполнимыхъ планахъ» разсуждаетъ г. Мейеръ? Можно подумать, что Нѣмецкая газета Русской Императорской Академіи Наукъ и сама вѣритъ въ существованіе «завѣщанія Петра Великаго» или «завѣщанія Екате-

рины II-й, въ Московскіе завоевательные замыслы и т. д.? Какіе это «неисполнимые планы» были проповѣданы Русскою печатью? Пусть укажетъ онъ хоть на одинъ. Мы смѣло объявляемъ, что ни одна Русская газета не предлагала никакого плана, въ которомъ бы выражалось то «Московское ненасытное властолюбіе», та «московитская жажда завоеванія», о которыхъ, по внушеніямъ западныхъ политическихъ суфлеровъ, твердитъ западная журналистика. Вольно же газетѣ Русской Императорской Академіи не вѣрить «Русскому Инвалиду» и разсказывать, что онъ «*шутитъ*», утверждая, будто никакого *политическаго* объединенія всѣхъ Славянъ никто и не замышляетъ, и будто дѣло идетъ теперь только объ единствѣ духовнаго свойства...

Г. Мейеръ пугаетъ правительство возможностью второй Крымской войны, въ которой, по его мнѣнію, виновата будетъ отечественная журналистика. «Мы положительно приписываемъ, говоритъ онъ, политическое одиночество (изолированное положеніе) Россіи,—если таковое дѣйствительно существуетъ,—панславистскимъ выходкамъ Русскихъ газетъ». Если г. Мейеръ припомнилъ Крымскую войну, то и мы ему напомнимъ, что во время Крымской войны о панславизмѣ не было и рѣчи, что, напротивъ, свѣжо было преданіе, не прошло и пяти лѣтъ, какъ Россія Русскою кровью, вмѣстѣ съ Славянами, спаяла распавшуюся имперію Габсбурговъ,—и тѣмъ не менѣе все же «вся Европа», какъ онъ выражается, была противъ насъ, а въ томъ числѣ и спасенная нами Австрія. Стало-быть не одинъ панславизмъ имѣетъ свойство возбуждать вражду и злобу Европы противъ Россіи. Но, возразитъ намъ безъ сомнѣнія «St.-Petersburger Zeitung», вѣдь и тогда имѣла Европа поводъ къ войнѣ,—это сочувствіе къ положенію восточныхъ христіанъ... Такъ и въ этомъ виновата Россія?! По мнѣнію газеты Русской Академіи Наукъ, Россіи слѣдовало бы «mit Ernst und Aufrichtigkeit», серьезно и откровенно, отречься отъ сочувствія къ страждущимъ христіанамъ Востока и увѣровать, вмѣстѣ съ Западною Европой, въ пригодность административныхъ Турецкихъ реформъ, въ возможность примиренія Ислама съ Евангеліемъ?.. Такое мнѣніе (а отъ этого мнѣнія г. Мейеръ, конечно, не отступится) возможно только въ такомъ изданіи, какъ эта Нѣмецкая газета, и въ такомъ го-

родѣ, какъ Санктпетербургъ, *болѣе Русскій, болѣе Славянскій и болѣе сочувствующій православному міру*, чѣмъ какая-нибудь «древняя столица Москва, съ своею тяжеловѣсностью (?), національною и всякою исключительностью» (Русскій близнецъ Нѣмецкой газеты, № 19).

Адвокатъ Австрійской журналистики, органъ Русской Академіи Наукъ, въ числѣ разныхъ явленій оправдывающихъ, по его мнѣнію, Австрійскія нападки на Россію, указываетъ, разумѣется, на прошлогодній Славянскій съѣздъ, на характеръ празднества и торжества, которымъ сопровождалась эта встрѣча Славянъ между собою въ Россіи, и на слова одного изъ Австрійскихъ Сербовъ. Но дѣло не въ томъ, что̀ говорилъ тотъ или другой изъ Славянскихъ гостей, выражая свое личное мнѣніе на пиршествахъ, не имѣвшихъ оффиціальнаго характера, а въ томъ, какого содержанія были Русскія рѣчи. Развѣ хоть въ одной изъ нихъ есть возбужденіе къ измѣнѣ, нарушенію долга вѣрности законамъ и власти? Развѣ эти рѣчи были возмутительнаго свойства? Развѣ совѣтовалъ кто-либо Австрійскимъ Славянамъ, въ защитѣ Славянской народности, выходить изъ предѣловъ легальности, переступать границы правъ, дарованныхъ имъ конституціей? Развѣ Славянскій съѣздъ оказалъ какое-либо вліяніе на политическій образъ дѣйствій Россіи относительно Вѣнскаго кабинета, вызвалъ съ ея стороны какія-либо дипломатическія ходатайства или представленія въ пользу той или другой Славянской народности, подобныя хоть тому, которое Вѣнскій кабинетъ позволилъ себѣ учинить въ 1864 г., вступившись за Польскую національность? Почему же «St.-Petersburger Zeitung», оправдывая ярость Австрійской прессы Славянскимъ съѣздомъ и статьями Русскихъ газетъ, не взяла на себя несравненно болѣе приличнаго для органа Русской Академіи труда оправдать Русскую прессу поведеніемъ Австріи и ея журналистики относительно Россіи въ 1864 году?

«St.-Petersburger Zeitung» не оставляетъ въ покоѣ даже и скромной дѣятельности Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Комитета. Петербургское дѣтище возмущено тою помощью, которую оказываетъ комитетъ Славянскимъ ученымъ обществамъ, а также и поддержанію научнаго и литературнаго развитія славянской народности. Помощь эта, къ сожалѣнію, такъ ничтожна по количеству денегъ, что о ней совѣстно и

говорить,—но все же это матеріалъ пригодный для враждебныхъ выходокъ противъ Россіи, и газета нашей Академіи спѣшитъ сослужить службу Австрійской прессѣ указаніемъ на всѣ Славянскіе грѣхи Русскаго общества. Мы не станемъ долѣе докучать читателямъ разборомъ всѣхъ пунктовъ этого обвинительнаго противъ Россіи акта, услужливо составленнаго, къ облегченію Австрійскихъ газетъ, Нѣмецкимъ органомъ Русской Императорской Академіи Наукъ. Думаемъ, что довольно и приведенныхъ образчиковъ. Выводъ изъ этой статьи тотъ, во-первыхъ, что главною заботой Россіи и ея правительства должно быть заискиваніе милости западно-европейскаго общественнаго мнѣнія. Во-вторыхъ, что для достиженія сей благородной цѣли Русская журналистика обязана выносить смиренно и терпѣливо всѣ заушенія и оплеванія, расточаемыя Россіи иностранною прессой, и не должна смѣть оправдываться, не только ужъ отмѣривать тою же мѣрой. Въ-третьихъ, что если Европа изволитъ на Россію гнѣваться, то Россія имѣетъ себя признавать виноватою, а ея гнѣвъ справедливымъ, потому что и въ самомъ дѣлѣ Россія предъ Европой всегда виновата. Въ-четвертыхъ, что Россіи подобаетъ смиряться, принижаться, всячески стушевываться, дабы заставить простить и забыть свое Славянское происхожденіе, свой отличный отъ Европы духовный и матеріальный, политическій и общественный складъ,—свое родство съ Славянскими племенами Турціи и Австріи, свое единовѣріе съ православнымъ Востокомъ. Все это вящій грѣхъ въ глазахъ Западной Европы, въ глазахъ Нѣмецкаго изданія Русской Императорской Академіи Наукъ, да и въ глазахъ большей части органовъ общественнаго мнѣнія Санктпетербурга. Отъ этого грѣха мы должны, какъ отъ сатаны, отрекаться, отплевываться и отдуваться, должны въ немъ непрестанно каяться и всемѣрно стараться заслужить благосклонность Европы полнѣйшею ассимиляціею Русскихъ людей западнымъ Европейцамъ,—разумѣется, по преимуществу Нѣмцамъ.

Мы не преувеличиваемъ. Кромѣ «St.-Petersburger Zeitung», достаточно указать на отношеніе къ Славянскому вопросу Санктпетербургской газеты «Вѣсть», Санктпетербургской газеты «Недѣля» (иначе даже не выражающейся о Славянахъ, какъ фразой: «какіе-то Славяне!»), «Петербургской Газеты» г. Арсеньева, другой академической газеты, издаваемой г. Коршемъ (приняв-

шей подъ свою защиту того Русскаго профессора, котораго слова цитируются теперь вѣнскою газетой «Debatte», какъ вполнѣ подтверждающія ея мнѣніе, и приводятся въ Прагѣ на судѣ, какъ свидѣтельство служащее къ обвиненію Славянъ и Россіи). Можно сказать, что, кромѣ «Инвалида», почти всѣ прочія газеты Санктпетербурга тянутъ въ этомъ отношеніи, болѣе или менѣе, одну ноту. Но самымъ пышнымъ цвѣтомъ такого направленія можетъ служить общество, о которомъ мы уже извѣщали въ 24 № «Москвича», подъ заглавіемъ: «Австрійское общество въ Санктпетербургѣ». Это общество, какъ извѣстно, поставило себѣ задачею «противодѣйствовать всякому сбору въ Россіи денегъ въ пользу Славянъ», которыхъ оно называетъ «Австрійскими чиновниками, позволяющими себѣ производить агитацію противъ своего законнаго государя». Въ этомъ объявленіи о задачѣ общества, составившагося въ Санктпетербургѣ, напечатанномъ въ «Петербургской Газетѣ», все есть: и сильный полицейскій запахъ, и рекомендація своей благонамѣренности, и оскорбленіе бывшимъ гостямъ Россіи—Славянамъ... Можетъ ли послѣ этого роптать на насъ Австрійская пресса?

Такая совокупность свидѣтельствъ, полагаемъ, достаточно характеризуетъ отношеніе Санктпетербургскаго общества (за исключеніемъ нѣкоторой его части) къ существеннымъ интересамъ Славянской народности, нераздѣльнымъ съ интересами народности Русской. Краснорѣчива уже сама по себѣ возможность такихъ явленій и служитъ блистательнымъ комментаріемъ къ положенію г. Корша: «что Санктпетербургъ болѣе Русскій городъ и съ бо̀льшими общеславянскими свойствами, чѣмъ Москва». Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ двухъ статьяхъ 18 и 23 №№, построена даже цѣлая ученая теорія о значеніи Петербурга, изъ которой указанныя нами явленія истекаютъ логически. Эти статьи написаны въ видѣ возраженія нашей статьѣ въ 1 № «Москвича», въ которой мы старались объяснить себѣ слабость Русской государственной и общественной, въ Петербургскій періодъ нашей исторіи, силы—въ обрусеніи окраинъ Русскаго государства, въ ассимиляціи инородцевъ,—силы, которою Россія обладала въ прежнія времена несомнѣнно. Мы пришли къ заключенію, что мы не обрусимъ никого, не обрусѣвъ напередъ сами; что ассимилировать

себѣ чужія племена мы способны будемъ только тогда, когда разовьется и упрочится въ насъ наше Русское самосознаніе. Г. Коршъ вступился, какъ и слѣдовало ожидать, за Санктпетербургъ и вѣнчалъ свой панегирикъ ему такою похвалой: что, благодаря Петербургу, не мы ассимилируемъ себѣ иностранцевъ, но сами отчасти уже ассимилировались, отчасти еще ассимилируемся западнымъ Европейцамъ,—и что въ окончательной ассимиляціи все призваніе Петербурга и спасеніе Россіи. «Не поздоровится отъ эдакихъ похвалъ»!... При такомъ усердіи Петербурга къ ассимиляціи, имѣемъ ли мы право удивляться статьѣ «St.-Petersburger Zeitung» и другихъ газетъ, нами упомянутыхъ, равно и учрежденію общества, совершенно согласнаго съ тѣмъ полицейскимъ свойствомъ, которое обнаруживаетъ и Западная Европа по отношенію къ міру Русско-Славянскому? Ассимилировать себя западнымъ Европейцамъ—не значитъ ли это отречься отъ признанія за восточною Европой отличныхъ отъ Запада просвѣтительныхъ началъ, ея особой миссіи въ человѣчествѣ,—не значитъ ли это отречься отъ своей Славянской и Русской народности, по крайней мѣрѣ отъ самостоятельности и самобытности нашего народнаго развитія? Народы ассимилированные не имѣютъ своего личнаго значенія въ исторіи человѣчества, а живутъ значеніемъ и подъ именемъ той болѣе могущественной народной личности, которая ихъ себѣ ассимилировала. Эту будущность, по словамъ г. Корша, долженъ устроить намъ Санктпетербургъ, котораго имя онъ,—не въ насмѣшку, какъ это сдѣлали мы,—а съ нѣкоторою гордостью, будто облекая въ мундиръ высшаго разряда, ради вящей ассимиляціи, пишетъ не иначе какъ латинскими буквами. Ужъ не бросить ли намъ, въ самомъ дѣлѣ, для пущей ассимиляціи, и кириллицу, хотя и подправленную Петромъ, и замѣнить ее латинскимъ алфабетомъ? Мы ждемъ такого предложенія отъ слѣдующихъ №№ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей». Ассимилировать такъ ассимилировать! Какъ образецъ высоты Русскихъ явленій въ Петербургскій періодъ исторіи, въ противоположность періоду Московской Руси съ ея Миниными и Пожарскими, Петербургская газета представляетъ въ заманчивой перспективѣ Русскому народу имена «Разумовскихъ, Завадовскихъ»... Это идеалы Петербургскаго періода.

Пусть же читатель сообразитъ теперь это ученіе о необходимости окончательной ассимиляціи Россіи Западной Европѣ съ апоѳеозомъ Санктпетербурга, изображеннымъ въ газетѣ г. Корша, со статьею Нѣмецкаго органа Русской Академіи Наукъ, съ самымъ фактомъ существованія подобной Нѣмецкой газеты, украшенной Русскимъ государственнымъ гербомъ, съ отзывами Петербургской журналистики о Славянахъ,— пусть сообразитъ, да подумаетъ: успѣшно ли, при такихъ условіяхъ, можетъ совершаться обрусеніе нашихъ окраинъ, благопріятны ли такія условія для народнаго направленія Русской политики внѣшней и даже внутренней, вообще для самобытнаго развитія Русской народности,—и не въ этихъ ли условіяхъ должно искать разгадку всѣхъ безобразій, удручающихъ нашу Русь?

О нашей смиренности по отношенію къ западной прессѣ.

Москва, 7-го февраля 1868 г.

Тише воды, ниже травы—вотъ какимъ девизомъ политическаго благоправія совѣтуютъ нѣкоторыя Петербургскія газеты, органы нѣкоторыхъ Петербургскихъ сферъ, украситься Русскому кабинету, — вотъ чего добивается и западно-Европейская дипломатія отъ Россіи, — вотъ тайная цѣль всего послѣдняго похода заграничной прессы на Россію, во имя интересовъ всеобщаго мира! Неразумные совѣты, лукавое миролюбіе, лживые страхи, коварная агитація! Неужели Россія и теперь будетъ ихъ жертвою. или по крайней мѣрѣ игрушкой? Неужели она дастъ себя снова запугать или смутить визгомъ и воемъ иностранныхъ газетъ, этихъ кликушъ Европейскаго общественнаго мнѣнія, частью подкупленныхъ, частью искусственно раздраженныхъ пущенными въ ходъ кѣмъ-то изподтишка сплетнями, клеветами, разными призрачными пугалами? Развѣ въ Европѣ, на этой почвѣ невѣжества о Россіи и ненависти къ Россіи, есть такая вздорная выдумка о Русской политикѣ, которая бы не могла приняться и пустить ростки и распуститься пышнымъ пустоцвѣтомъ? Развѣ со вчерашняго дня знакомы мы съ такою произрастительностью Европейской почвы, и не пора уже намъ привыкнуть къ ней и оставлять

се безъ вниманія? А между тѣмъ нельзя не сознаться съ нѣкоторою горечью, что всѣ эти возгласы заграничной публицистики, съ аккомпаниментомъ вѣжливыхъ заявленій подозрѣнія со стороны европейскихъ державъ, способны и до сихъ поръ производить на насъ не малое впечатлѣніе. Если, по вѣрному замѣчанію, всякій усердный лгунъ, отъ частаго повторенія своей собственной лжи, начинаетъ, наконецъ, самъ въ нее вѣрить, то относительно Русскаго общества можно сказать, что усердіе западно-Европейскихъ журналистовъ, своею настойчивостью и постоянствомъ, доводитъ насъ самихъ до смущенія, а потомъ почти и до вѣры въ истинность всѣхъ ихъ измышленій насчетъ Россіи, — или по крайней мѣрѣ до сомнѣнія въ нашемъ правѣ и правдѣ. Намъ до такой степени прожужжали уши, что мы виноваты, что мы, наконецъ, и сами спрашиваемъ себя: ужъ не виноваты ли мы и въ самомъ дѣлѣ? не имѣетъ ли и въ самомъ дѣлѣ Европа какого-либо справедливаго повода подозрѣвать насъ во властолюбивыхъ замыслахъ, опасаться насъ, быть недовольною нами?.. Въ припадкѣ смиренія, мы начинаемъ обвинять нашу собственную періодическую печать въ недостаткѣ умѣренности въ сужденіяхъ и выраженіяхъ объ иностранной политикѣ, о Восточномъ и Славянскомъ вопросѣ, — намъ хотѣлось бы заставить ее, если не совсѣмъ смолкнуть, то притихнуть, понизить свой тонъ и остерегаться толковать о томъ, что̀ не по шерсти западно-Европейской прессѣ. Есть цѣлый рядъ газетъ въ Петербургѣ, который, подъ фирмою «Россія для Русскихъ», преподаетъ такіе благонравные уроки остальной Русской журналистикѣ и совѣтуетъ имъ отказаться отъ всякихъ толковъ объ Австріи и Турціи, дабы не раздразнить нашихъ ревнивыхъ сосѣдей. Но спрашиваемъ: почему же мы, Русскіе, обязаны справляться со вкусами иностранныхъ политиковъ, а не они съ нашимъ? Почему именно Русская журналистика должна соображаться съ тѣмъ, что̀ нравится или не нравится за границей, — тогда какъ ни Австрійская, ни Французская, ни Англійская, да и никакая западно-Европейская пресса и не думаетъ заботиться о томъ, по нутру или не по нутру намъ ихъ отзывы о Россіи? Русскому журналисту ставится въ вину всякое не совсѣмъ уважительное слово о какомъ-нибудь чужестранномъ потентатѣ, тогда какъ Французская

печать, напримѣръ, не налагала и не налагаетъ на себя никакого воздержанія относительно Русскаго Государя. Наши представители при иностранныхъ дворахъ, конечно, не начнутъ процессовъ, не предъявятъ даже и жалобъ—по поводу, напримѣръ, открыто заявляемыхъ въ заграничныхъ газетахъ требованій и плановъ возстановленія Польши, или по поводу журнальной агитаціи въ пользу Нѣмецкой колоніи въ прибалтійскихъ губерніяхъ?.. А Русскимъ органамъ періодической литературы вмѣняется въ укоръ всякое изъявленіе сочувствія Австрійскимъ и Турецкимъ Славянамъ, всякое требованіе равноправности для первыхъ и самостоятельности для послѣднихъ.

Такое положеніе дѣлъ, такая неравномѣрность взаимныхъ отношеній, добровольно усвоенная и какъ бы признанная за что-то нормальное самою Россіей, обращается вся въ уронъ нашей чести, въ ущербъ Россіи. Мы имѣемъ въ виду не одну русскую журналистику. Мы помнимъ, какъ передъ самымъ вторженіемъ турецкихъ западно-европейскихъ полчищъ въ Русскіе предѣлы, въ 1854 году, отъ Россіи требовали и добились обязательства, во свидѣтельство безкорыстія ея намѣреній, не переступать предѣловъ Турецкой территоріи. Мы знаемъ, какъ со времени заключенія Парижскаго трактата, этимъ трактатомъ признавала и признаетъ себя связанною по рукамъ и по ногамъ одна Россія, тогда какъ западно-европейскія державы не только не считаютъ себя имъ связанными, но неоднократно нарушали и продолжаютъ нарушать его съ безпримѣрною наглостью во вредъ Россіи. Пораженные такою наглостью, мы пожимаемъ плечами, но, ради интересовъ европейскаго мира, «ради сохраненія добраго согласія между великими державами», мы, скрѣпя сердце, волей-неволей рѣшаемся признать совершившіеся факты, и влечемся нехотя во слѣдъ западно-европейской корыстной политической инниціативѣ, одушевленные самыми противоположными, благими, безкорыстными намѣреніями! На нашихъ глазахъ, въ теченіе почти 12 лѣтъ, продолжается постоянное дипломатическое завоеваніе Франціей Востока въ явную противность всѣмъ интересамъ Славянскимъ и Русскимъ, а мы едвали не продолжаемъ мечтать о возможности совмѣстной съ Франціей политики на Востокѣ. Мы не перестаемъ, повидимому, льстить себя надеждою, что авось Господь Богъ вразумитъ сердца западно-

Европейскихъ дипломатовъ, и они, восчувствовавъ, наконецъ, честность и добросовѣстность Россіи, отдадутъ ей справедливость и утѣшатъ ее своимъ довѣріемъ и дружбою. Вѣжливо замѣчая державамъ, что такъ поступать, какъ онѣ поступаютъ, не хорошо, не годится, мы тѣмъ не менѣе стараемся заслужить Европейское благоволеніе своею скромностью, своимъ добропорядочнымъ поведеніемъ, и готовы встревожиться всякимъ вольнымъ о Западѣ словомъ нашей политической печати.

Но Русская политическая печать теперь больше чѣмъ когда-либо обязана съ зоркостью слѣдить за всѣмъ, что̀ дѣлается на Востокѣ, и разоблачать интриги, прикрываемыя марсвомъ Европейскаго общественнаго мнѣнія. Вопреки увѣреніямъ нѣкоторыхъ истинно-Петербургскихъ газетъ, маскирующихъ свое духовное угодничество предъ Европой девизомъ «Россія для Русскихъ», на Русской политической печати лежитъ великій общественный долгъ разъяснить общественному сознанію всю ту связь судьбы Россіи съ судьбою Востока, отъ которой Россія не можетъ отречься, не измѣнивъ своей исторической миссіи, не переставъ быть самой собою... Русская печать призвана быть сознательнымъ выраженіемъ и проводникомъ народной мысли и чувства въ область высшихъ политическихъ соображеній. Она не должна и не смѣетъ молчать, она не можетъ робѣть предъ прессою и общественнымъ мнѣніемъ Европы,— и тамъ, гдѣ Русскому дипломатическому протесту нельзя почему-либо раздаться слишкомъ громко, пусть раздается громкій голосъ Русскаго общественнаго мнѣнія: онъ, не менѣе вооруженныхъ готовыхъ армій, способенъ будетъ произвести серьезное впечатлѣніе на Европу и поддержать нашу можетъ быть уже слишкомъ осторожную, до нерѣшительности, дипломатію.

Въ настоящую пору ясно раскрывается цѣль всей той агитаціи иностранной журналистики, которая была направлена противъ Россіи. Россію хотятъ оттереть отъ Востока, не потому, чтобы Россія грозила нарушеніемъ Европейскаго мира, но для того, чтобы,—связавъ ее обѣтомъ смиренія и смутивъ ее страхомъ, что она можетъ, пожалуй, навлечь на себя подозрѣніе въ дурныхъ свойствахъ и поднять крикъ и гамъ всей цивилизованной Европы,—очистить свободное поле для политическихъ замысловъ иностранныхъ державъ. Восточный во-

просъ представляется теперь въ видѣ *восточнаго заговора* Франціи, Австріи и Англіи. Существованіе этого заговора не подлежитъ сомнѣнію. Въ то время, какъ Россія, оклеветанная въ намѣреніи взбунтовать христіанскихъ подданныхъ султана, принуждена «клятися и ротитися», что она въ такомъ намѣреніи неповинна; въ то время, какъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ Петербургскихъ газетъ, ей приличнѣе всего отказаться чуть не навсегда отъ всякой инпціативы въ Восточномъ вопросѣ,—иностранная почта привозитъ намъ извѣстіе, что вдоль границы Сербскаго княжества начались передвиженія Австрійскихъ войскъ, что Англія сосредоточиваетъ свои суда въ Средиземномъ морѣ, и что Французская эскадра при Чивита-Веккіи имѣетъ въ виду не одно назначеніе оберегать Папскую область и состоять при Французскомъ гарнизонѣ. Справедливы или нѣтъ эти слухи—мы не знаемъ; но они правдоподобны, и важно то, что эти слухи распространяются Французскими же газетами. Мы нисколько не удивимся, если вдругъ выплыветъ на верхъ изъ мутной глуби западно-европейской дипломатіи такого рода комбинація: «ради сохраненія европейскаго мира, ради огражденія цѣлости Оттоманской имперіи отъ Русскихъ интригъ, направленныхъ къ возмущенію христіанскихъ населеній Турціи,—ради блага самой Сербіи и самихъ этихъ населеній,—признается необходимымъ, не въ видѣ завоеванія, а въ видѣ помощи султану и въ видѣ залога Европейскаго мира, занять Сербское княжество, или пограничную съ нимъ Боснію войсками Австрійскаго императора»... Недаромъ Англія грозитъ «дунайскимъ правительствамъ», что западныя державы рѣшатся *пойдти на все* ради умиротворенія Турціи, въ случаѣ какого-либо Славянскаго движенія на Дунаѣ. Почти съ достовѣрностью можно сказать, что если дѣйствительно Сербія откроетъ рядъ наступательныхъ дѣйствій будущею весной, или вспыхнетъ въ Турціи какое-либо возстаніе Славянскихъ племенъ, Австрія, съ разрѣшенія и уполномочія всей Западной Европы, введетъ въ Сербію свои войска. Что̀ станетъ тогда дѣлать Россія? Не слѣдуетъ ли ей предвидѣть и эту случайность и заранѣе опредѣлить свою систему дѣйствій? Мы не сомнѣваемся, что наша дипломатія уже давно разочла всѣ возможныя вѣроятности и давно начертала себѣ программу. Но Русское общество, имѣя въ виду столько уже допущенныхъ Россіей, въ ущербъ себѣ,

нарушеній Парижскаго трактата, не можетъ не интересоваться этимъ вопросомъ. Нельзя же Россіи будетъ помириться ни съ фактомъ насильственнаго со стороны Европы дѣйствія противъ Сербіи, ни тѣмъ менѣе съ фактомъ занятія какой-либо части Турціи Австрійскими войсками, подобно тому, какъ она примирилась съ созданіемъ Молдо-Валашскаго княжества или съ возведеніемъ въ званіе Румынскаго князя иностраннаго принца... Допустить войскамъ Австрійскаго императора вступить, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, въ предѣлы Турецкой имперіи, значило бы для Россіи погубить все свое значеніе на Востокѣ, уступить Востокъ въ духовную и матеріальную власть Западной Европѣ и подписать самой себѣ грозный приговоръ...

Не оправдываться и извиняться въ своихъ политическихъ поступкахъ на Востокѣ подобаетъ Россіи, а перейти самой къ роли обвинительницы и обличительницы. По крайней мѣрѣ такое положеніе должна принять Русская печать и противопоставлять западно-Европейскому общественному мнѣнію общественное мнѣніе Россіи и всего *Славянскаго* міра. Пусть помнитъ Австрія, что вопросъ Восточный есть вопросъ Славянскій. Мы ничего инаго не желаемъ для Австрійской имперіи, какъ именно той политической формы, которая одна соотвѣтствуетъ разноплеменному составу монархіи Габсбурговъ,—именно формы федеративной и равноправности всѣхъ Славянскихъ народностей, ее населяющихъ, съ Мадьярами и Нѣмцами. Въ такомъ нашемъ желаніи, совпадающемъ съ желаніемъ всѣхъ Славянскихъ ея подданныхъ, заключается условіе благоденствія и преуспѣянія для самой Австріи. Но если Австрійское правительство дозволитъ себѣ какое-либо нарушеніе Парижскаго трактата въ ущербъ Славянской независимости или стремленію къ ней на Востокѣ, то оно рискуетъ само, собственными руками, возжечь такой вопросъ, общій для всего Славянскаго міра, къ которому Россіи нельзя будетъ отнестись равнодушно... По крайней мѣрѣ, не отнесется къ нему равнодушно и считаетъ необходимымъ поставить теперь же это на видъ Австрійской прессѣ и Австрійскому общественному мнѣнію Русская печать...

—

1868 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ ИЗЪ ГАЗЕТЫ „МОСКВА".)

О смертной казни.

Москва, 24-го апрѣля 1868 г.

Висѣлица, какъ странствующій педагогъ, обходитъ поочередно грады и веси Россійской Имперіи, преподавая свои назидательные уроки. Была она въ Рязани, спустилась внизъ по Волгѣ, погостила въ Саратовѣ, позамѣшкалась на «мирныхъ, благословенныхъ брегахъ Тавриды», въ виду Чатырдага и роскошной синевы Ѳеодосійскаго залива,—завернула въ Одессу, будетъ въ Кіевѣ,—направляется въ Могилевъ, Пинскъ, Минскъ, Витебскъ и Вильну,—вездѣ наставляя и поучая наше полудикое населеніе. Говоримъ—«полудикое», потому что, въ своемъ невѣжествѣ, оно не перестаетъ изумляться и ужасаться, встрѣчаясь съ этимъ непривычнымъ ему просвѣтительнымъ орудіемъ Европейской цивилизаціи, или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ Европейскихъ народовъ, которые гордятся своею образованностью. Теперь скоро мы уже совсѣмъ будемъ походить на Европу. Тѣлесныхъ наказаній—явныхъ, публичныхъ, по суду уже нѣтъ (то, что *не* по суду, то не въ счетъ и печатно не оглашается). Правда, народъ нашъ еще глупъ и ему еще не вполнѣ въ-домёкъ, почему безчестнѣе принять на тѣло наказаніе, чѣмъ на душу преступленіе, и менѣе позорно быть воромъ, чѣмъ быть высѣченнымъ; правда, онъ еще ясно не понимаетъ разницы между насильственнымъ бичеваніемъ и насильственнымъ заточеніемъ,—но все это не измѣняетъ факта; мы же, съ своей стороны, благословляемъ уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній не столько ради наказуемыхъ, сколько ради самихъ наказующихъ и зрителей наказанія,—мы находимъ не безполезнымъ, чтобы Россія поотвыкла нѣсколько отъ кулака, отъ побоевъ, плетей и тому подобныхъ вразумленій тѣлесныхъ... Теперь у насъ есть, какъ и въ Европѣ, и траурныя колесницы,

и эшафоты, и позорные столбы: правда, народъ нашъ еще простъ, не доразвился еще до воззрѣнія на преступника, какое существуетъ у простонародья цивилизованныхъ странъ Европы: онъ еще попрежнему смотритъ на осужденныхъ, какъ на «несчастныхъ», и преступнику, выставленному у «позорнаго столба», сыплетъ не ругательства, не комки грязи, какъ тамъ, на Западѣ, а свои мѣдныя трудовыя копѣйки... Теперь мы уже не сѣчемъ ни кнутомъ, ни плетьми,—теперь мы вѣшаемъ. Мы обзавелись смертной казнью, какъ и въ образованной Европѣ... Головъ мы не рубимъ, какъ во Франціи,—такихъ машинъ нѣтъ, и мастеровъ такихъ наша молодая практика еще не воспитала: вѣшать несравненно легче,—ну да и въ Англіи вѣшаютъ. Правда, народъ нашъ, какъ мы уже сказали, еще дичится смертной казни, но ничего—привыкнетъ.

Было время и у насъ на Руси, когда жизнь человѣческая не цѣнилась ни во что, когда казнить смертью казалось дѣйствіемъ самымъ простымъ, обычнымъ, *пошлымъ*—въ старинномъ смыслѣ этого слова: то и дѣло рубилъ топоръ, стягивалась петля, мозжили о земь колеса головы привязанныхъ къ нимъ преступниковъ. Но послѣ оргіи стрѣлецкихъ казней, послѣ лютой, кровавой бироновщины,—возмущенное нравственное чувство Россіи сказалось на высотѣ трона—сердцемъ русской женщины, воспріявшей самодержавную власть и самодержавно отмѣнившей оффиціальное человѣкоубійство. Императрица Елисавета уничтожила смертную казнь; Екатерина II уничтожила пытку. Усталая Россія вздохнула свободнѣй. Историки и судебные архивы не показываютъ, чтобъ увеличилось число преступленій, и нравы не стали хуже, но, напротивъ, смягчились до того, что самый образъ казни изгладился изъ памяти народа, самое понятіе о законности смертной кары сдѣлалось ему чуждо: онъ отвыкъ отъ запаха, зрѣлища и вкуса крови, человѣческая жизнь стала ему цѣннѣй и святѣе... Были, конечно, въ теченіе послѣдовавшей затѣмъ сотни лѣтъ, случаи наказанія смертью, но эти случаи были рѣдки,—до того рѣдки, что всѣ они извѣстны и перечислены въ первыхъ изданіяхъ Свода Законовъ.

Россія утѣшалась и радовалась такимъ нравственнымъ характеромъ своего правосудія. Она справедливо гордилась этимъ преизбыткомъ человѣчности въ своемъ уголовномъ законода-

тельствѣ предъ всѣми уголовными кодексами міра. Дерзнувъ, хотя однажды, поступить самобытно, она опередила Европейскіе народы (какъ отчасти опередила ихъ потомъ и въ крестьянскомъ вопросѣ, въ разрѣшеніи поземельной соціальной задачи). Писатели указывали на это отличіе Россіи, т. е. на отсутствіе смертной казни, какъ на выраженіе народнаго духа, какъ на коренную черту Русской и вообще Славянской національности. Поэты прославляли ея «безкровный судъ»: вспомнимъ хоть стихи Хомякова къ Россіи, и другое напечатанное его сочиненіе, гдѣ съ такою гордостью говоритъ онъ о томъ, что Русское государство не знаетъ, не воспитало «цеха человѣкоубійцъ»—палачей.

Въ 1833 году сооруженъ былъ, наконецъ, славнѣйшій памятникъ прошлаго царствованія—Сводъ Законовъ Россійской Имперіи—сводъ дѣйствующаго, на исторической основѣ, права. Въ XV томѣ, во главѣ наказаній уголовныхъ и исправительныхъ, напрасно стали бы мы искать смертной казни,—она не значится вовсе, она не признана и не узаконена Сводомъ. Напротивъ, въ примѣчаніи къ статьямъ, перечисляющимъ разные виды уголовной кары, упомянуто, что смертная казнь уничтожена самодержавною волею императрицы Елисаветы, и что если затѣмъ и были случаи присужденія казни (которые при этомъ, какъ мы уже выше сказали, всѣ и поименованы—ихъ было всего *три*), то они составляютъ исключеніе, неизмѣняющее общаго закона,—исключеніе, допущенное по особому всякій разъ разрѣшенію высшей власти и по приговору не обыкновеннаго, а особенно учреждаемаго, сверхзаконнаго, верховнаго уголовнаго суда. Разумѣется, здѣсь всего важнѣе принципъ—и принципъ неприменѣнія смертной казни къ уголовнымъ преступленіямъ былъ провозглашенъ Сводомъ Законовъ перваго и втораго изданій.

Такъ было до 1845 года. Въ этомъ году, ко всеобщей неожиданности, безъ всякихъ предварительныхъ истолкованій, смертная казнь вдругъ получила у насъ право гражданства и признана нашимъ законодательствомъ,—не посредствомъ какого либо особаго акта признанія, а просто чрезъ изданіе новаго Уложенія о наказаніяхъ. Въ этомъ Уложеніи, въ лѣстницѣ уголовныхъ наказаній, стоитъ на первомъ мѣстѣ смертная казнь,—какъ будто она никогда этого мѣста и не теряла.

Какимъ образомъ Россія лишилась вдругъ своей «похвалы»,—того, что̀ составляло для нея предметъ утѣшенія и гордости,—почему должна была она измѣнить своему дорогому преданію,—ради чего сочтено было нужнымъ отмѣнить ставшій органическимъ законъ императрицы Елисаветы и отнять у Россіи то отличіе ея уголовнаго кодекса, которымъ она славилась предъ прочими странами Европы—это осталось, по обычаю того времени, для Русскаго общества необъясненнымъ. Можетъ быть, по понятіямъ чиновниковъ-составителей Уложенія, въ этомъ-то отличіи и заключался существенный недостатокъ, и усматривалось несовершенство прежняго кодекса. «Во всей просвѣщенной Западной Европѣ,—такъ, вѣроятно, разсуждали они,—дѣйствуетъ смертная казнь: во Франціи, Германіи, Англіи—вездѣ рубятъ головы или вѣшаютъ,—неужто же допустить дерзкую мысль, что мы ихъ опередили? Не отсталость ли это, скорѣе, съ нашей стороны? Неужто же мы ихъ человѣчнѣе и лучше? И съ чего намъ смѣть быть лучше? Однимъ словомъ, безъ смертной казни какъ-то неловко,—на цивилизованную, на Европейскую страну не похоже»... Иного объясненія почти и допустить нельзя. Или развѣ жесточе стали наши нравы? усилились преступленія? оказалась необходимость въ болѣе строгихъ, сдерживающихъ или «репрессивныхъ» мѣрахъ? Но этого никакія историческія данныя не подтверждаютъ и уголовная статистика не доказываетъ, а обнаруживаетъ, наоборотъ, совершенно противное.

Могутъ замѣтить, конечно, что Уложеніе назначаетъ смертную казнь только за политическія или «государственныя» преступленія, за которыя, на практикѣ, случалось и прежде наказывать смертью,—и, вѣроятно, это и было причиной утвержденія 241—254 ст. новаго Уложенія со стороны высшихъ государственныхъ установленій,—но дѣло не въ практикѣ, а въ принципѣ. Такъ или иначе, Россія не имѣетъ болѣе права хвалиться отсутствіемъ смертной казни въ своемъ кодексѣ, и однажды допущенный принципъ, измѣняя цѣлый сложившійся строй понятій, въ своемъ логическомъ развитіи приводитъ неизбѣжно и къ дальнѣйшимъ измѣненіямъ—болѣе практическаго свойства. Въ настоящее время смертная казнь не есть уже что-то непривычное, невиданное и неслыханное. Она прилагается теперь не за одни государственныя преступленія, но и

за убійства, за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій (въ сѣверозападныхъ губерніяхъ),—однимъ словомъ, за преступленія, за которыя въ Уложеніи опредѣлены, со всею точностью, иныя уголовныя наказанія—безъ лишенія жизни. Правда, лишенію жизни подвергаются теперь не на основаніи Уложенія и обычнаго уголовнаго судопроизводства, а по полевому военному суду, — но еслибы преданіе Елисаветы поддерживалось во всей своей жизненной силѣ нашимъ законодательствомъ, то едва ли бы вошло въ такой повседневный обычай у нашихъ мѣстныхъ провинціальныхъ администраторовъ—ходатайствовать о допущеніи подобныхъ изъятій изъ общаго хода уголовнаго судопроизводства для преступленій, Уложеніемъ предусмотрѣнныхъ.

Защитники смертной казни ссылаются обыкновенно на примѣръ Европейскихъ государствъ, гдѣ еще недавно вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни былъ поднятъ и обсуждаемъ почти во всѣхъ представительныхъ собраніяхъ, поочередно, и вездѣ, кромѣ Саксоніи, рѣшенъ отрицательно; т. е. одна Саксонія въ нынѣшнемъ году постановила уничтоженіе смертной казни: въ Австріи, въ Англіи, большинство въ палатахъ высказалось за удержаніе плахи или висѣлицы. Вчера, въ иностранномъ отдѣлѣ, помѣщено нами краткое извлеченіе изъ преній, происходившихъ по сему предмету въ британскомъ парламентѣ. Собственно по поводу этихъ преній и въ виду того авторитета, который имѣютъ для Русскаго общества примѣры Англіи, мы и сочли нужнымъ сказать сегодня свое слово о смертной казни. Изъ рѣчи Джона Стюарта Милля видно, до какой степени этотъ знаменитый свободо-мыслепный писатель увязъ въ рутинѣ Англійскаго практицизма, — до какой степени трудно самому умному изъ Англичанъ отрѣшиться отъ національныхъ вѣковыхъ привычекъ, традицій, и выкарабкаться изъ наслоенныхъ столѣтіями соціальныхъ формацій и понятій. Но Англія, по этому самому, и не можетъ намъ быть указомъ. Въ Англіи, напримѣръ, до сихъ поръ король — а теперь королева — признается главою церкви, и самая церковь есть учрежденіе чисто-государственное, изобрѣтенное статутомъ Генриха VIII. Въ Англіи... но исчислять всѣ уродливыя аномаліи Англійской государственной жизни здѣсь не мѣсто, — рядомъ съ этими аномаліями Англія владѣетъ такимъ сокровищемъ свободы совѣсти, мысли и слова, въ которомъ лежитъ для нея залогъ

неоскудѣвающей жизни и цѣлебнаго врачеванія всякихъ золъ. Уже и теперь въ древнемъ Англійскомъ учрежденіи смертной казни сдѣлана брешь: парламентъ отмѣнилъ *публичность* казни, вполнѣ убѣдившись доводами, что зрѣлище этого, возведеннаго въ святость закона, убійства имѣетъ вредное дѣйствіе на нравы народа. Конечно, такая отмѣна публичности обращаетъ казнь въ какое-то тайное убійство; конечно, при этомъ отнимается у наказанія характеръ и польза «устрашенія и спасительныхъ потрясающихъ впечатлѣній на народныя массы», чѣмъ обыкновенно приверженцы плахи и висѣлицы стараются ихъ оправдывать,—но тѣмъ лучше: починъ сдѣланъ, и на этой нелогической формулѣ остановиться нельзя. Поэтому совершенно не правы тѣ въ Россіи, которые ссылаются, относительно смертной казни, на примѣръ Западной Европы. Они упускаютъ изъ виду, что тамъ, въ настоящее время, все же отъ времени до времени, и всякій разъ настойчивѣе, возбуждается вопросъ объ *отмѣнѣ* смертной казни, объ *ограниченіи* случаевъ ея примѣненія, — тогда какъ у насъ, одновременно съ тамошними попытками отмѣны, введена смертная казнь *вновь*, и съ тамошнимъ ограниченіемъ — предлагается *расширеніе* случаевъ примѣненія смертной казни! Они забываютъ, что тамъ, въ Англіи напримѣръ, смертная казнь есть древній національный институтъ, котораго дѣйствіе не прерывалось ни разу въ теченіе какихъ нибудь тысячи лѣтъ, — а у насъ она давнымъ-давно утратила характеръ историческаго народнаго учрежденія и преблагополучно прерывалась на цѣлыя сто лѣтъ. Тамъ надо *отучать* народъ отъ смертной казни, отъ этой тысячелѣтней его привычки, а намъ предстоитъ *пріучать* его вновь. Тамъ вынуждены ждать, чтобы смягчились нравы, а у насъ приходится ожесточать нравы — зрѣлищемъ человѣкоубійства. Странное дѣло! Странный видъ прогресса представляетъ Русское государство! Вездѣ отъ тьмы идутъ къ свѣту, отъ жестокости къ милосердію, отъ средневѣковаго безчеловѣчія къ человѣчности,—отъ грубости нравовъ къ смягченію нравовъ... У насъ же наоборотъ: мы возвращаемся къ средневѣковымъ формамъ наказанія, отъ свѣта къ сумраку. Выходитъ по здравой логикѣ, что наши нравы теперь, въ XIX вѣкѣ, жесточе, суровѣе, преступнѣе, чѣмъ во времена императрицы Елисаветы, въ половинѣ XVIII вѣка?! Тогда можно было обходиться безъ смертной казни, а теперь нельзя??...

Говорить о вредѣ и безнравственности смертной казни мы считаемъ излишнимъ. Это давно разъяснено Европейскою, отчасти и нашею литературой. Но и для невоспитаннаго на литературѣ, а воспитаннаго на словѣ евангельскомъ общества, вполнѣ ясно и несомнѣнно, что убіеніе человѣка, совершаемое хотя бы и мечомъ государственнымъ, противно духу и разуму ученія Христа, — Христа, хотѣвшаго милости, а не жертвы, не желавшаго смерти грѣшника. Для христіанина вполнѣ очевидно, что самовластно и насильственно сокращать человѣку (преступнику или грѣшнику) срокъ покаянія, ограничиваемый лишь предѣлами жизни человѣческой, — человѣкъ не въ правѣ...

Все это ясно, несомнѣнно и очевидно, — но, впрочемъ, всего этого, именно у насъ, въ Россіи, даже и доказывать не стоитъ. Да, не стоитъ,—говоримъ это не безъ горечи. Не стоитъ потому, что не нынче, такъ завтра, черезъ нѣсколько лѣтъ, очень скоро, смертная казнь будетъ *непремѣнно,* неминуемо уничтожена во всѣхъ государствахъ Европы, какъ уничтожена она уже и теперь въ Саксоніи; къ тому идетъ. И какъ уничтожится она въ Европѣ, тогда и для насъ никакихъ уже иныхъ доказательствъ не потребуется, и всѣ наши современные русскіе доморощенные защитники смертной казни,— всѣ, зардѣвшись внезапнымъ стыдомъ, съ неудержимымъ жаромъ негодованія, хоромъ завопятъ о варварствѣ сего учрежденія, о необходимости для Россіи сравняться съ цивилизованными странами Европы, — объ отмѣнѣ смертной казни! И такъ же легко она отмѣнится, какъ была введена, — и никакихъ худыхъ послѣдствій отъ того не будетъ. И получимъ мы, съ подобострастною признательностью, отъ цивилизованной Европы, какъ даръ, какъ ея созданіе, то, что̀ было *наше,* что̀ принадлежало намъ по праву, что̀ прежде еще Европы создала наша Русская жизнь... Все это будетъ скоро, скоро: можетъ быть Господь еще приведетъ насъ дожить до этого съ вами, читатель...

О лже-консерватизмѣ паразитнаго Русскаго міра.

Москва, 26-го апрѣля 1868 г.

Несвободное отношеніе нашей Русской мысли къ авторитету западно-европейской цивилизаціи сказывается нерѣдко и на отношеніи нашемъ къ Россіи, мѣшаетъ свободному пониманію ея нуждъ и потребностей, порождаетъ у насъ самихъ, дома, недоразумѣнія за недоразумѣніями. Прикидывая къ Русской народной жизни чужой вѣсъ и чужую мѣру, мы то и дѣло промѣриваемъ да провѣшиваемъ. Чужая дѣйствительность кладетъ свои движущіяся тѣни поверхъ нашей Русской дѣйствительности; живыя явленія чуждаго міра населяютъ нашъ русскій міръ своими призрачными отраженіями. Впрочемъ, выраженіе «Русскій міръ» не совсѣмъ вѣрно, или, по крайней мѣрѣ требуетъ разъясненія. Мы разумѣемъ здѣсь тотъ особый міръ, также по внѣшнему своему составу Русскій, который сложился и живетъ въ общемъ мірѣ Русской земли. Повторимъ сравненіе, уже однажды употребленное нами въ «Днѣ»: на Русскомъ народномъ организмѣ есть какъ бы наростъ, питающійся его соками, живущій своею собственною, хотя также органическою, но отдѣльною отъ общаго организма и ускоренною жизнью. Между этими двумя организмами — паразитнымъ и настоящимъ, народнымъ,—не смотря на внѣшнюю связь, не только нѣтъ почти ничего общаго въ нравственномъ смыслѣ, но нѣтъ почти и способности взаимнаго постиженія, а подчасъ разверзается цѣлая бездна даже несознаваемыхъ противорѣчій. Конечно, бываютъ такія историческія минуты, когда возвышенная и усиленная жизненная дѣятельность основнаго организма охватываетъ собою всѣ его развѣтвленія и наросты, и объединяетъ въ общей съ собою жизни даже и паразитную жизнь, — но такія минуты рѣдки: прошли онѣ, и наросты лжи на Русской лѣнивой правдѣ заживаютъ снова всею спѣшною жизнью лжи. Къ этому-то паразитному міру принадлежитъ значительная часть насъ, такъ-называемыхъ образованныхъ Русскихъ, и преимущественно изъ высшихъ общественныхъ сферъ. Въ немъ-то и ратуемъ мы съ населяющею его толпою тѣней и призраковъ, и тратимъ силы въ борьбѣ,—то изнываемъ страхомъ, то бодримся надеждами,

смиряемся предъ опасностями или празднуемъ побѣды... Небывалыя побѣды, небывалыя опасности, безсмысленныя надежды,—вздорные, безпричинные страхи,—ненужная, напрасная трата силъ! И тѣмъ не менѣе эта фантасмагорическая жизнь, повидимому столь призрачная, плотянѣетъ въ соприкосновеніи съ живою Русскою дѣйствительностью и отдается въ общей жизни нашего народа не какими-либо призрачными, фантастическими послѣдствіями, а грубою правдою боли и мучительныхъ судорогъ. И безсознательно, беззавѣтно гнемъ и мнемъ мы нерѣдко, напоромъ паразитной силы, самые лучшіе творческіе дары народнаго духа—для того только, чтобы наложить на него печать чужаго образа и подобія,—чтобы спасти народъ отъ не угрожающихъ ему или даже не существующихъ золъ! Нерѣдко, въ самообольщеніи нашихъ консервативныхъ, въ сущности же разрушительныхъ инстинктовъ, втискиваемъ мы насильственно живое явленіе народнаго строя въ узкую формулу отвлеченнаго начала, взятаго изъ чужаго, не сроднаго намъ быта, или, наоборотъ, запросы чужаго быта возводимъ въ званіе Русскихъ національныхъ потребностей и принциповъ! Такими печальными недоразумѣніями, такими пагубными qui pro quo полнится Русская земля.

Нужны ли доказательства? Стоитъ только развернуть газету «Вѣсть», этотъ излюбленный органъ нашего паразитнаго міра, — и доказательствъ не оберешься. Не хлопочетъ ли у насъ паразитный міръ уничтожить, напримѣръ, общинное землевладѣніе, подводя его подъ иностранное понятіе коммунизма? Не превращается ли, въ разумѣніи паразитнаго міра, Русскій народъ въ какой-то честолюбивый злостный демосъ, жаждущій политической власти? Не вызываютъ ли негодованіе нашей паразитной среды—тотъ фактъ и то начало, что каждый русскій крестьянинъ имѣетъ часть въ Русской землѣ, и не хотѣла ли бы она, эта среда, подъ видомъ охраненія Россіи отъ соціализма, навязать Россіи всѣ муки Европейской соціальной задачи и обезземелить крестьянъ? Нуженъ ли примѣръ краснорѣчивѣе этого? Можно ли идти далѣе этихъ геркулесовыхъ столбовъ неразумѣнія? И однакожъ эта дикая теорія—только звено изъ общей цѣпи доктринъ и теорій, господствующихъ въ нашей паразитной средѣ,—даже въ сферахъ, не лишенныхъ вліянія и власти. Насильственное и искусственное

сосредоточеніе поземельной собственности въ рукахъ привилегированныхъ верхнихъ классовъ, недостатокъ простора, невозможность дать народнымъ массамъ равную, извѣстную долю крайняго обезпеченія въ землѣ—все это породило въ Европѣ классъ пролетаріевъ, классъ безземельныхъ батраковъ и рабочихъ, угнетаемыхъ деспотизмомъ капитала, дающаго имъ необходимую для пропитанія работу; все это создало грозные вопросы пауперизма, пролетаріатства и другіе не менѣе опасные для Европы, — создало то положеніе народныхъ массъ, которое тяготѣетъ надъ общественнымъ строемъ Европы и угрожаетъ ему разрушеніемъ. По милости Божіей, благодаря нашему многоземелію и другимъ условіямъ, мы отъ такой опасности избавлены, и въ будущемъ намъ подлежитъ избѣгать именно тѣхъ причинъ, которыя привели Западъ къ такимъ бѣдственнымъ послѣдствіямъ. Казалось бы такъ, — но у паразитнаго міра логика иная. Усматривая, что въ Европѣ народныя массы служатъ вѣчно-горючимъ матеріаломъ для всякихъ революцій, наши паразитные мыслители вздумали и къ нашему народу отнестись какъ къ таковому же революціонному элементу, и давай настаивать на необходимости принять противъ него энергическія, спасительныя мѣры!.. Но какія же? Именно тѣ самыя, которыя и негорючіе матеріалы способны обратить въ горючіе и сотворить элементы революціонные тамъ, гдѣ они, по самой природѣ вещей, немыслимы и невозможны. Въ безсмысліи своего европеизма, они ищутъ привить Россіи тотъ самый недугъ, которымъ страждетъ Европа, и отнять у Россіи то, что̀ служитъ предохранительнымъ средствомъ и врачеваніемъ противъ этого недуга,—чего тщетно ищетъ и не можетъ обрѣсти у себя Европейскій міръ. Они проповѣдуютъ, однимъ словомъ, неотложную необходимость сосредоточить и въ Россіи поземельную собственность во владѣніи меньшинства, возвести это меньшинство въ особое сословіе съ политическими привилегіями, съ властью надъ большинствомъ или народными массами, выкроить изъ нашего древняго служилаго сословія, переформированнаго въ «благородное Россійское дворянство» Екатерининскою грамотою — нѣчто въ родѣ Англійской аристократіи... Намъ случилось даже, недавно, читать въ запискѣ одного оффиціальнаго лица, что «преданность престолу и существующему въ Россіи при-

цину верховной власти — въ Русскомъ народѣ находится на степени непосредственнаго чувства, слѣдовательно не представляется надежною и подвержена шатости,—поэтому слѣдовало бы-де подчинить народъ политическому руководству высшихъ сословій»!! Не говоря уже о заключающейся въ этихъ словахъ клеветѣ на народъ, — да и клеветѣ на способность высшихъ сословій къ такому политическому руководству,—не напоминають ли эти совѣты басню Крылова: «Листы и корни»?.. Наши петербургскіе Европейцы изъ стана газеты «Вѣсть»,— тѣ, которые ее издаютъ, и тѣ, которыхъ она хвалитъ, въ своихъ поискахъ консервативнаго начала — не примѣчаютъ только... слона въ Русскомъ мірѣ: именно нашего многомилліоннаго сельскаго сословія, осѣдлаго, владѣющаго землей и представляющаго самую твердую охрану отъ того шатанья, которому именно грозятъ подвергнуть Россію безсмысленныя консервативныя похоти паразитнаго Русскаго міра. Да и какъ примѣтить, если этого сословія нѣтъ въ Западной Европѣ?! Если же они и примѣчаютъ, то, безсильные понять его, тѣмъ пуще его ненавидятъ, какъ ненавидитъ инстинктивно чужеядная сила органическій кряжъ, кость и все твердое, неспособное претвориться въ паразитную сущность. Поэтому понятно, что ничто такъ не раздражаетъ нашихъ петербургскихъ консерваторовъ, какъ всякое консервативное притязаніе Русскаго народа — быть самимъ собою, всякій порывъ Русской народности къ самостоятельному развитію.

Этихъ примѣровъ, кажется, достаточно, чтобы судить, какая бы опасность предстояла Россіи, — какой лжи, злостной и гибельной, «не наколобродили бы», по выраженію Ломоносова, въ Русской народной жизни наши петербургскіе консерваторы, еслибы, вмѣстѣ съ паразитными инстинктами, обладали въ равной степени и довольною силой для ихъ воплощенія. Чего бы тутъ не было! И сосредоточеніе поземельной собственности во владѣніи привилегированнаго меньшинства, и обезземеленіе крестьянъ; и обдѣленіе сельскаго сословія гражданскими правами, и надѣленіе крупныхъ землевладѣльцевъ политическими правами, патримоніальною юрисдикціей и всякими преимуществами; и созданіе аристократіи, — слѣдовательно и демократіи, на Русской почвѣ, не знающей ни того, ни другаго, въ смыслѣ политическаго принципа; и

безнародная, отвлеченная государственная національность, и отрицаніе правъ Русской народности на самобытность, на особое призваніе въ исторіи человѣчества; и цѣлая теорія о неблагонадежности Русской сердцевины, рядомъ съ какими-то центробѣжными стремленіями нашихъ окраинъ; и необходимость ассимиляціи, не инородцевъ Русскому народу, а Русскаго народа болѣе цивилизованнымъ инородцамъ — во имя началъ безличнаго, безразличнаго, безнароднаго европеизма, — началъ легальности и порядка, — выгодныхъ, впрочемъ, для интересовъ не народныхъ массъ, не Русской органической жизни, а только и единственно для соумышленниковъ партіи, которымъ органомъ служитъ «Вѣсть», да еще для Поляковъ и для Нѣмцевъ! Само собой разумѣется, что съ подобнымъ подобострастнымъ отношеніемъ представителей паразитнаго Русскаго міра къ европеизму, съ подобнымъ взглядомъ на права Русской народности, всякое сочувствіе къ міру Славянскому должно возбудить по меньшей мѣрѣ только глумленіе... Таковъ политическій и соціальный катихизисъ паразитной среды, наросшей на Русскомъ организмѣ.

Но, къ сожалѣнію, эти паразитные инстинкты находятъ себѣ выраженіе не въ одной какой-нибудь газетѣ «Вѣсть», а начинаютъ оказывать свое присутствіе и въ сферахъ административныхъ. Нельзя не смутиться, когда видишь, какъ иныя отвлеченныя теоріи, взятыя цѣликомъ изъ Западной Европы, и не общечеловѣческаго, а чисто мѣстнаго національнаго содержанія, вводятся въ Русскую практику всѣмъ реализмомъ Русской власти, — какъ иная, не Русская доктрина распоряжается всѣми Русскими способами насилія и принужденія. Мы уже достаточно объяснили, напримѣръ, какъ лживы у насъ, въ Россіи, призраки соціализма, коммунизма, демократизма — этихъ мнимыхъ опасностей, изобрѣтенныхъ петербургскими консерваторами. А между тѣмъ не ради ли ихъ, этихъ мнимыхъ опасностей, уже не разъ обнажался административный мечъ и, разсѣкая воздушный призракъ, разилъ и ранилъ живое тѣло Русскаго народа?... Развѣ не видѣли мы этого въ Сѣверозападномъ краѣ, въ эпоху, предшествовавшую послѣднему мятежу, когда ради «консервативныхъ началъ» и сохраненія «престижа» помѣщичьей власти, Русское правительство, собственными руками, подавляло, въ

лицѣ сельскаго сословія, Русскую народность и предавало ее въ безграничную волю народности Польской—въ лицѣ помѣщиковъ-землевладѣльцевъ? И не побуждаютъ ли администраторовъ нашихъ и теперь, на подобные же подвиги въ томъ же краѣ, нѣкоторыя петербургскія газеты своимъ непрестаннымъ карканьемъ на мировыхъ посредниковъ и другихъ участниковъ крестьянскаго дѣла?

Если справедливо, что выкупные акты въ Сѣверозападныхъ губерніяхъ, нѣсколько разъ повѣренные и приведенные въ исполненіе, подвергаются теперь новой перевѣркѣ, и отрѣзанная, именемъ правительства, въ собственность крестьянъ земля будетъ отбираема отъ нихъ вновь и отдаваема помѣщикамъ, — то спрашивается, «консервативно» или разрушительно поступитъ въ такомъ случаѣ администрація края? По понятіямъ паразитнаго міра—«консервативно», и на практикѣ такая мѣра окажется дѣйствительно консервативною, — но только для Польскаго національнаго элемента, и, напротивъ того, положительно разрушительною для Русскаго народонаселенія края. Замѣчательно, что настаивающіе на такой мѣрѣ петербургскіе адепты отвлеченной легальности и консерватизма не отваживаются и, конечно, не отважатся предложить ее для коренныхъ Русскихъ губерній и даже для Югозападнаго края,—хотя, нѣтъ сомнѣнія, и здѣсь во многихъ мѣстностяхъ буквальное примѣненіе закона 19 февраля относительно разверстки и опредѣленія размѣровъ надѣла было невыгодно для помѣщиковъ и даже въ сущности не совсѣмъ справедливо. Они не отважатся, повторяемъ, совѣтовать правительству отнимать, въ срединной Россіи и даже въ Югозападныхъ губерніяхъ, у крестьянъ землю, закрѣпленную за ними однажды, потому что имѣютъ здѣсь дѣло съ народомъ—готовымъ упорно отстаивать свои права; да и большинство Русскихъ помѣщиковъ этого не захочетъ, предпочитая сохраненіе мира въ Русской странѣ—возстановленію формальной справедливости. Почему же то, что̀ оказывается неудобнымъ, опаснымъ и даже невозможнымъ внутри Россіи, признается удобнымъ, возможнымъ и неопаснымъ въ Сѣверозападномъ краѣ? Не потому ли, что здѣсь дѣло идетъ о пользахъ именно *Польскихъ* помѣщиковъ, для которыхъ вовсе не безвыгодно, чтобы Русскія власти раздражали своими дѣйствіями Русское

мѣстное, смирное и забитое населеніе и подорвали въ немъ вѣру въ Русское правительство,—причемъ помѣщики могли бы разыграть роль великодушныхъ Поляковъ, уступающихъ Русскимъ мужикамъ то, что̀ отниметъ у нихъ Русская администрація?.. Мы вполнѣ готовы допустить и даже вѣримъ, что наши «консерваторы» не имѣютъ прямаго намѣренія причинить какой-либо существенный вредъ Россіи и еще менѣе совершить измѣну,—но они являются здѣсь жалкимъ орудіемъ Польской интриги, умѣющей такъ искусно играть на слабыхъ струнахъ нашего высшаго петербургскаго общества и эксплоатировать въ свою пользу ученіе паразитнаго міра о безнародности Россійскаго государства, объ узкости національныхъ стремленій, о легальности, о порядкѣ и проч., и проч., и проч. Гдѣ тутъ охранительное начало и гдѣ разрушительное?

Если правда, что извѣстный всей Россіи своей борьбой съ Поляками за права Русской народности въ Галиціи и перезванный Русскимъ правительствомъ въ Россію, Русскій ученый Галичанинъ Я. Ѳ. Головацкій вынужденъ удалиться изъ Сѣверозападнаго края, гдѣ Русское правительство еще полгода тому назадъ находило его присутствіе возможнымъ, гдѣ указана была ему дѣятельность, вполнѣ полезная и вовсе не политическаго свойства,—то спрашивается, какой «консервативный» смыслъ имѣетъ такая мѣра? Кому собственно можетъ быть ненавистенъ о. Головацкій? Конечно, только Польскому національному элементу въ краѣ. Кого порадуетъ такое оскорбительное удаленіе Головацкаго изъ края? Конечно, только Поляковъ въ Галиціи и Россіи. Кого, напротивъ, огорчитъ оно, смутитъ и встревожитъ? Кого? всего только три милліона Русскихъ, населяющихъ сосѣднюю намъ Галицію, да и всѣхъ Русскихъ, понимающихъ важность нашихъ отношеній къ Галиціи и вообще къ Славянамъ. Но стоитъ ли обращать на нихъ вниманіе! стоитъ ли давать какое значеніе всему этому «узкому патріотизму», «этой дикости, этому варварству», этому «soi-disant чувству Русской народности», этой «славянщинѣ» и всему тому, что̀ городятъ московскіе публицисты, славянофилы, вся эта «вольная дружина» и «мрачное сонмище»! Все это, равно какъ и Русская народность и славянщина, представляется такимъ вздоромъ, такою мелочью изъ прекраснаго петербургскаго далека, — наконецъ это все свое и свои. Ну, а

съ своими что за счеты, — церемониться нечего. Однакожъ спрашиваемъ: кто въ этомъ случаѣ побѣдитель и кто побѣжденный? Не Польская ли національность является здѣсь побѣдителемъ, хотя, конечно, не въ грубой формѣ явнаго Польскаго торжества?..

Побѣда Поляковъ здѣсь въ томъ, что Русская мѣстная администрація, предложившая такую мѣру, оказывается лишенною живаго чувства Русской народности и даже способна на явное ему оскорбленіе. Вотъ въ чемъ побѣда. Для Польской партіи задача, конечно, не въ ополяченіи Русскихъ властей: это немыслимо и недостижимо, а въ томъ именно, чтобы Русская власть явилась безнародною и космополитическою,—чтобы паразитныя силы вытянули наконецъ изъ Русскаго организма всѣ его живые народные соки.

Откуда слабость Русскихъ общественныхъ силъ?

Москва, 16-го октября 1868 г.

Глумиться надъ слабостью Русскихъ общественныхъ силъ, надъ непроизводительностью Русской общественной почвы, надъ робостью Русской общественной иниціативы — вошло у насъ, какъ извѣстно, въ обычай,—и преимущественно въ высшихъ сферахъ Русскаго общества. Такое отношеніе къ Русской жизни считается непремѣннымъ, отличительнымъ признакомъ истиннаго Европейскаго образованія,—широтою и свободою взгляда, чуждаго узкихъ національныхъ предразсудковъ. Оно высказывается при каждомъ удобномъ случаѣ: и при состязаніи Русскихъ съ иностранцами въ покупкѣ правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ, и при разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ объ экономическихъ и иныхъ, другъ другу противоположныхъ, интересахъ Россіи и заграничныхъ державъ, и при всякомъ разоблаченіи захватовъ и всяческихъ неправдъ, чинимыхъ въ Русской землѣ и относительно Русской народности чужими національностями. Появись книга г. Самарина или иное ей подобное политическое откровеніе—непремѣнно изъ верхнихъ слоевъ раздадутся такія рѣчи: «Ну что-жь это доказываетъ— ни больше, ни меньше какъ нашу духовную несостоятельность,

нашу неразвитость, нашу незрѣлость и неспособность дозрѣть, тщету и неправоту нашихъ притязаній: будемъ довольствоваться въ политикѣ сознаніемъ и укрѣпленіемъ нашей физической силы, въ народномъ хозяйствѣ—нашими сырыми продуктами и богатствами, — откинемъ претензіи на производительность въ высшихъ сферахъ мысли, знанія, искусства и промышленности, на оригинальность, на самобытное какое-то призваніе Русской народности въ человѣчествѣ, — претензіи, только мѣшающія намъ ассимилироваться съ Европейцами,— и отворимъ настежь наши объятія и наши рынки иностранной, духовной и экономической эксплоатаціи! Русская общественность! Quel est cet animal-là? Покажите намъ этого звѣря. Не это ли, не то ли называете вы общественною Русскою силою...?» И затѣмъ слѣдуютъ примѣры, и въ примѣрахъ дѣйствительно нѣтъ недостатка. Такъ что̀ же, замѣтятъ читатели: самообличеніе дѣло плодотворное: взгляните какъ Англія подчасъ сама себя, на глазахъ всего міра, бичуетъ... Но въ томъ-то и дѣло, что глумленіе нашихъ высшихъ общественныхъ сферъ надъ Россіей — не есть то здоровое самообличеніе крѣпкаго народнымъ самосознаніемъ общества, въ которомъ слышится и вѣра въ свои силы, и воля, и власть исправиться. У насъ же самообличеніе представляется большею частью какою-то вѣрою не въ силы свои, а въ безсиліе. Казалось бы, что съ подобною печальною вѣрою примириться нелегко, что заразившійся сю человѣкъ долженъ по крайней мѣрѣ ныть и болѣть душою... Ничуть не бывало: у насъ приговоры о несостоятельности Русскаго народа произносятся безъ особыхъ заминокъ, не стоютъ ни борьбы, ни болѣзни, и идутъ изрекающимъ приговоры еще въ прокъ, на здоровье. Высокомѣрному умозаключенію, осуждающему Русскую народность на совершенное ничтожество, не за что̀ и запнуться на этой выглаженной, выполотой отъ всякихъ національныхъ предубѣжденій духовной почвѣ! Глумленіе этихъ Русскихъ господъ надъ Россіей, напротивъ, не чуждо даже злорадства и нѣкоего самоуслажденія, но только не самоуслажденія боли, а той дешевой мудрости, того дешеваго безпристрастія, о которыхъ можно сказать стихами Баратынскаго:

Не рѣдкій умъ на это нуженъ,—
Довольно дюжинной души!...

Такое отношеніе къ Русской общественности и къ Русской народности коренится по преимуществу, какъ оно и слѣдуетъ, въ Петербургѣ; направленіе же противное обзывается насмѣшливо и безъ разбора то ультрарусскою партіею, то славянофильствомъ, то татарщиною, то квасным или московскимъ патріотизмомъ. Болѣе же глубокомысленные петербургскіе политики, раздѣляя въ душѣ своей презрѣніе къ узкости и тѣсноте «почтенныхъ впрочемъ (какъ они выражаются) патріотическихъ чувствъ и воззрѣній», считаютъ, однако, эту узкость весьма пригоднымъ орудіемъ въ тѣ минуты внѣшней опасности, когда приходится, для возбужденія народныхъ страстей, поиграть на струнѣ Русской народности и любви къ отчизнѣ. Въ мирное же время такое направленіе, по ихъ мысли, слѣдовало бы сажать на привязь и не дозволять ему врываться въ область государственныхъ вопросовъ... Но обратимся къ предмету нашей статьи.

Да, наши общественныя силы слабы, нашей общественности недостаетъ духа жизни и иниціативы — кто не согласится съ этою прискорбною истиною? Но почему же люди, съ такимъ злорадствомъ обличающіе всякое проявленіе Русскаго общественнаго безсилія, не позаботятся вникнуть въ тѣ внѣшнія условія, въ которыя поставлена Русская общественность? Почему не зададутъ себѣ вопроса: благопріятны ли были,—благопріятны ли и теперь эти условія для ея развитія? Если только припомнить и сообразить—сквозь что̀ и черезъ что̀ прошло и что̀ вынесло Русское общество въ теченіе петербургскаго періода нашей исторіи, какимъ испытаніямъ подвергалась Русская народность, — такъ придется съ благоговѣніемъ преклониться предъ тѣмъ, что *живъ-живъ* остался *курилка*, не погасъ, а еще разгорѣлся въ пламя, хоть покуда и слабое,— преклониться, однимъ словомъ, предъ живучестью нравственныхъ основъ Русской народности, предъ ея вѣрою въ себя, и признать присутствіе въ ней громадныхъ духовныхъ силъ. Не съ глумленіемъ, а съ уваженіемъ и благодарностью должны мы отнестись къ тѣмъ зачаткамъ самодѣятельности и иниціативы, которые сберeглись въ ней, которые не вымерзли отъ морозовъ, сковывавшихъ подчасъ все живое на Русской землѣ, и не спеклись отъ слишкомъ жаркой административной опеки.

Русское общество ждетъ своей исторіи. Не войны, не побѣды одержанныя, не трактаты заключенные, даже и не регламенты, изданные Петромъ, Анной, Елисаветой, Екатериной, Александромъ I, не придворныя интриги и перевороты должны занять вниманіе такого историка, а та внутренняя, упорная борьба народа за свою духовную личность, за свою народность, за право на самобытность,—борьба, выражавшаяся не столько внѣшними, сколько нравственными дѣяніями, не столько крупными, сколько мелочными явленіями—во всемъ: въ искусствѣ, наукѣ, промышленности, быту,—во всемъ, въ чемъ сказывается духъ народный. Эта борьба обильна подвигами и жертвами, имѣетъ своихъ подвижниковъ и мучениковъ. Только ставши на эту точку зрѣнія, можно вполнѣ уразумѣть весь странный ходъ нашего общественнаго развитія,—и исторію нашей словесности, и исторію нашей науки, и исторію церкви за послѣднія 150 лѣтъ, и даже исторію нашей политики; только занявшись такимъ изслѣдованіемъ, увидимъ и поймемъ мы тѣ усилія, съ которыми пробивались изъ-подъ хлама и мусора и всяческаго чужаго назёма ростки Русской самобытной мысли и Русскаго искренняго чувства. Только тогда станетъ намъ ясно, почему наша литература, въ тѣсномъ смыслѣ слова и вопреки всѣмъ литературамъ въ мірѣ, начинается съ сатиры, съ отрицательнаго направленія, почему это направленіе такъ развилось у насъ, такъ было сочувственно и нужно. Только тогда будемъ мы въ состояніи оцѣнить каждаго писателя и каждаго дѣятеля въ это тяжкое, долгое время, оцѣнить — въ мѣру его борьбы и его службы Русскому народному элементу; только тогда и раскроется предъ нами неудержимый, хотя и медленный подъемъ исторической Русской народной идеи, досягнувшей, въ наши уже дни, до верхнихъ слоевъ, до разума высшей власти, и сказавшейся, болѣе или менѣе, и въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса вопреки теоріямъ и доктринамъ западныхъ политиковъ и экономистовъ, и во всесословности земскихъ учрежденій и во многихъ, многихъ иныхъ общественныхъ явленіяхъ...

Такая исторія Русскаго общества оправдаетъ его во многихъ обвиненіяхъ, сниметъ съ него много напраслинъ. Возьмемъ примѣръ, повидимому мелочной, но только повидимому, или, вѣрнѣе сказать, потому и важный, что онъ касается такихъ бы-

товыхъ мелочей, которымъ, по самой природѣ ихъ, принадлежитъ свобода. Мы говоримъ о нарядѣ, о бородѣ и платьѣ, о внѣшнемъ народномъ образѣ—лица и одежды, до котораго коснулась рука преобразователя и на которомъ тяготѣла рука власти до самыхъ послѣднихъ дней... Русскій человѣкъ не сталъ воленъ ни въ своей одеждѣ, ни въ своей бородѣ; его брили и стригли и наряжали по указу; Русскіе портные за шитье Русскаго платья, безъ всякаго инаго преступленія, ссылались въ Сибирь! Правда, великій Петръ, переодѣвъ и обривъ, отчасти собственноручно, верхніе классы общества, не переодѣлъ и не обрилъ простаго народа, но онъ-таки заставилъ купцовъ откупаться отъ его брадобрѣйныхъ вожделѣній, заставилъ носить бляхи съ выраженіемъ его правительственнаго глумленія и наложилъ на внѣшній Русскій образъ ту печать презрѣнія и униженія, которая и доднесь внушаетъ полиціи смѣлость объявлять приказы такого рода: «въ Кремлевскій Успенскій соборъ въ *Русскомъ* платьѣ никого не пускать». Скажутъ ли, что все это пустяки, бездѣлица, внѣшность? Не пустяки, когда общество лишено свободы даже и въ той области жизни, которую никому никогда и въ мысль не приходило обезпечивать отъ посягательствъ государства,—когда даже и въ одеждѣ отнята была у него иниціатива и воля, когда даже и моды имѣло оно казенныя,—когда Русскій народъ оказывался единственнымъ въ мірѣ народомъ, который робѣлъ, надѣвая свою народную одежду! Не бездѣлица, когда могли на Руси, отъ Русской власти, и не за 150 лѣтъ тому назадъ, а лѣтъ за 12, отъ графа Закревскаго исходить предписанія, *нами читанныя:* «бороду сбрить, впредь не отпускать; въ публичныхъ мѣстахъ въ Русскомъ платьѣ не смѣть показываться». Не внѣшность,—ибо такими распоряженіями вносилось смущеніе и растлѣніе въ самый духъ народный, и Русскому народу приходилось стыдиться своего народнаго образа какъ чего-то позорнаго! Мы указали на бороду и платье, какъ на образецъ того насилованія, которому подвергалась Русская жизнь въ самомъ, повидимому, неприкосновенномъ правѣ человѣка на свои волосы, на свой народный нарядъ и обликъ,—но точно такому же насилованію, гоненію и искаженію подвергалась Русская народность во *всѣхъ* своихъ проявленіяхъ. Всякому удобно

это провѣрить, — даже и трудить память нечего: слишкомъ еще свѣжо преданіе,—да оно во многомъ и не *преданіе,* а еще живая дѣйствительность. Довольно напомнить объ языкѣ, исковерканномъ и испещренномъ иностранными словами въ эпоху Петра и затемнившемъ съ тѣхъ поръ для народа слово закона и живое сношеніе съ властью, — объ языкѣ, который и теперь еще, кое-гдѣ, на Русской желѣзной дорогѣ замѣняютъ, по распоряженію Нѣмецкаго начальства, Нѣмецкимъ, — о родномъ языкѣ, на которомъ и до сихъ поръ едва ли и говорятъ въ высшихъ вліятельныхъ общественныхъ сферахъ Петербурга, въ тѣхъ сферахъ, откуда исходитъ глумленіе надъ несостоятельностью Русскихъ общественныхъ силъ! Глумленіе! Но эти самые глумители, съ такимъ презрѣніемъ оглядывающіе скудное духовною производительностью Русское человѣчество, — эти самые глумители воспитываютъ своихъ дѣтей до извѣстнаго возраста въ совершенномъ незнаніи Русскаго языка, обкрадываютъ своихъ дѣтей у самой колыбели, воруя у нихъ первыя впечатлѣнія роднаго звука, Русскую рѣчь и съ нею Русскую мысль, Русскую душу, народность!... Неблагопріятно было, конечно, крѣпостное состояніе для развитія Русской самодѣятельности,—съ этимъ, конечно, никто не станетъ спорить, — а между тѣмъ, тѣ именно изъ представителей высшихъ общественныхъ сферъ, которые въ силу Европейской цивилизаціи сыплятъ укорами и насмѣшками въ остальное Русское общество и Русскій народъ, — они-то пуще всего воздыхаютъ о потерѣ крѣпостнаго права, пуще всего и противодѣйствуютъ Положенію 19 февраля,—другими словами, они-то всего болѣе и полагаютъ преградъ развитію Русской общественности, надъ слабымъ ростомъ которой сами же глумятся! Издѣваясь надъ нравственнымъ безсиліемъ Русской народности, выставляя на позоръ его мнимую неспособность, его несостоятельность будто бы къ самостоятельному гражданскому бытію, — они первые хлопочутъ о стѣсненіи того простора, который составляетъ необходимое и главное условіе всякаго развитія, объ ограниченіи и безъ того не широкихъ правъ, дарованныхъ тѣмъ классамъ общества, въ которыхъ по преимуществу живетъ органическая сила народности... Пугая власть призракомъ не существующихъ опасностей, возбуждая въ ней недовѣріе къ народу,

къ странѣ и ея силамъ, они первые стремятся подвигнуть власть къ преобразованію преобразованій, ознаменовавшихъ нынѣшнее царствованіе!

Только въ нынѣшнее царствованіе и вздохнулъ свободно, послѣ долгаго удушья, Русскій народъ. Можно ли было и говорить о какомъ-либо другомъ общественномъ развитіи, когда слишкомъ 30 милліоновъ Русскихъ людей крѣпостныхъ, казенныхъ и иныхъ крестьянъ почти не считались людьми? Давно ли совершилось освобожденіе? Давно ли дана свобода причесываться и одѣваться по своему вкусу? Давно ли наше купеческое сословіе стало чувствовать себя огражденнымъ отъ способовъ увѣщанія, употреблявшихся еще недавно графомъ Закревскимъ и одинаковыхъ съ пріемами городничаго въ «Ревизорѣ»?.. Давно ли печатное слово получило возможность избавляться отъ операцій казеннаго охолащиванья? Все это еще такъ недавно, что тѣни минувшаго еще стоятъ у каждаго за плечами и смущаютъ духъ. А между тѣмъ, въ какія нибудь 8—9 лѣтъ, какой уже нравственный и духовный подъемъ совершился, какими исполинскими шагами шагнула Россія и въ одинъ годъ подвигается впередъ далѣе, чѣмъ прежде въ цѣлое полстолѣтіе... Конечно, еще нельзя намъ хвалиться развитіемъ нашихъ общественныхъ силъ или того, что̀ мы называемъ словомъ «общественность». Еще много прискорбнаго представляетъ намъ Русское общество въ своей жизни. Еще много поводовъ даетъ оно петербургскимъ «безпристрастнымъ» (и безнароднымъ, прибавимъ мы) умамъ издѣваться надъ нимъ и твердить объ его несостоятельности,—но, независимо отъ личной нравственной вины самаго общества, мы приглашаемъ упрекающихъ и издѣвающихся вглядѣться поближе: не ихъ ли мнимо-консервативныя стремленія задерживаютъ развитіе? не они ли сами загораживаютъ ему путь? не въ сохраненіи ли еще многихъ старыхъ порядковъ, не въ живучести ли еще многихъ старыхъ понятій и преданій въ самой нашей администраціи таятся причины многихъ неотрадныхъ явленій нашей общественной и народной жизни? Не все виноваты общество и народъ,—не больше ли и не гораздо ли больше виноваты тѣ самые, которые съ такимъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ относятся ко всякимъ проявленіямъ Русскаго народнаго чув-

ства, ко всякимъ запросамъ русскаго общества — на просторъ жизни, на свободу развитія?

Довѣрія, довѣрія, довѣрія — вотъ что нужно, вотъ чего прежде всего ждетъ и желаетъ себѣ Русское общество отъ Русской верховной власти, — довѣрія, несмущеннаго довѣрія къ народному разуму, народному чувству, и не только довѣрія, но и уваженія къ правамъ Русской народности и безусловной вѣры въ нравственныя силы, въ историческое призваніе, въ будущность нашей великой Россіи...

СТАТЬИ ИЗЪ ГАЗЕТЫ „РУСЬ“.

1880-1881 гг.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ).

О казенщинѣ.

Москва, 22-го ноября 1880 г.

Всѣ письма, всѣ статьи, получаемыя нами изъ провинціи, всѣ онѣ — только вопль. Всѣ въ одинъ голосъ, хотя и изъ разныхъ мѣстъ, клянутъ безтолковщину, безурядицу, царящую, по ихъ словамъ, внутри страны, подрывающую и благосостояніе, и нравственный строй народа. Всѣ такимъ образомъ подтверждаютъ лишь правильность поставленной нами задачи — объ уѣздномъ самоуправленіи. Правда, многіе и въ уѣздахъ начинаютъ относиться скептически или даже совсѣмъ безнадежно къ самому принципу самоуправленія. Но вмѣсто того, чтобъ приходить такъ легко въ отчаяніе и, не утруждая головы, искать спасенія въ способахъ несравненно болѣе легкихъ,—въ усиленіи административной власти, или же въ усиленномъ подражаніи иностраннымъ образцамъ, въ лѣченіи нашего туземнаго недуга по заграничнымъ рецептамъ, — не полезнѣе ли вникнуть глубже въ причины зла и обратиться испытующимъ взоромъ на себя самихъ? Нечего сваливать постоянно отвѣтственность за все у насъ происходящее на правительство, какъ будто правительственные дѣятели пришли къ намъ изъ-за моря, какъ будто мы сами въ нихъ не отвѣтственны, не нашимъ же обществомъ они воспитаны, не плоть отъ плоти и кость отъ костей нашихъ! И не принципъ самоуправленія виноватъ, а виноваты тѣ условія, въ которыя онъ поставленъ,—не внѣшнія только условія, которыя можетъ

быть не трудно и измѣнить, а *внутреннія*, упраздненіе которыхъ зависитъ всего болѣе отъ самихъ насъ. Виноваты по преимуществу мы, мы, такъ- называемое общество или «интеллигенція». Недугъ, которымъ мы болѣемъ, свойства духовнаго и историческаго. Онъ кривитъ и мысль нашу, и чувства. Нѣтъ у власти такого волшебнаго жезла, который бы мигомъ насъ оздоровилъ. Наше врачеванie въ мужественной критикѣ самихъ себя, именно какъ «интеллигенціи», какъ силы руководящей и правящей,—въ трудномъ, суровомъ подвигѣ самосознанія.

Къ этому подвигу мы и призывали въ нашемъ объявленіи объ изданіи «Руси», и за это объявленіе дружно напала на насъ бо̀льшая часть органовъ нашей печати. Но что̀ бы ни говорили наши литературные противники, а чувство, гнетущее современнаго русскаго человѣка, можно назвать не иначе какъ «тоскою по правдѣ». Онъ извѣрился наконецъ въ свое общественное бытіе, потому именно, что этому бытію недостаетъ правды. Правду здѣсь разумѣемъ мы не въ смыслѣ нравственной, безусловной самой въ себѣ справедливости, а въ смыслѣ внутренней истинности явленій. У насъ, въ нашей государственной и общественной жизни, за немногими исключеніями (и такъ продолжается свыше полутораста лѣтъ), что̀ реально — то внутренно лживо; что̀ истинно — то или отвлеченно, пребываетъ въ области чаяній, въ идеалѣ, доступно лишь умозрѣнію, или же, если и существуетъ въ самомъ дѣлѣ, то не живетъ, а прозябаетъ, заслоненное, задавленное, загнанное въ самые нижніе слои нашей земли, въ самую глубь народной души. Поверхъ этихъ слоевъ снуютъ и кишатъ призраки, тѣни, лжеподобія; кругомъ повсюду декораціи да фасады, да вывѣски, названія безъ содержанія, слова безъ дѣла... Мы какъ будто постоянно играемъ роль, щеголяемъ въ чужомъ костюмѣ, участвуемъ въ какомъ-то общемъ гигантскомъ маскарадѣ. Поэтому-то намъ постоянно не по себѣ, все какъ бы не свое, взятое на время, на прокатъ, *не настоящее*. Но это ненастоящее сказывается настоящимъ зломъ въ нашемъ историческомъ днѣ; ложь тѣмъ не менѣе стала нашею *дѣйствительностью*. А такъ какъ эта дѣйствительность, отрицающая правду жизни народную, истинную, сокрытую и обществу малознаемую, не способна внушать ни вѣры, ни любви (особенно же съ тѣхъ поръ, какъ стало ослабѣвать наивное самообольщеніе прежнихъ

лѣтъ), то и отношеніе къ ней выработалось поневолѣ *отрицательное.* Въ этомъ, несомнѣнно, шагъ, къ избавленію; но пребывать въ отрицаніи, но жить отрицаніемъ жизни, безъ положительной цѣли, безъ положительныхъ идеаловъ — нельзя безнаказанно ни для человѣка, ни для общества. Такая жизнь есть процессъ разложенія. И мы такъ живемъ! Какъ больной, мечется общество во всѣ стороны и ищетъ исхода. Тогда какъ часть его, въ тупомъ отчаяніи, самоубійственно пресыщается лишь отрицаніемъ отрицанія, безъ всякихъ опредѣленныхъ идеаловъ (наши нигилисты), большинство «интеллигенціи», величающей себя «либеральной», съ поразительнымъ недомысліемъ успокаивается самымъ дешевымъ способомъ на идеалахъ выписныхъ, иностранныхъ... То есть: на повтореніи надъ Русью, только лишь въ новой, болѣе утонченной, болѣе опасной для нея формѣ, того самаго эксперимента in anima vili, который уже былъ однажды произведенъ. Казалось бы нѣсколько страннымъ: народу, имѣющему тысячелѣтнюю исторію, создавшему такое могущественное государство,—въ міровомъ призваніи котораго не сомнѣвается ни одинъ настоящій, развѣ только русскаго происхожденія иностранецъ,—такому народу навязывать политическіе идеалы, органически выработанные исторіею, напримѣръ, Англіи! Но наша интеллигенція—тамъ, гдѣ дѣло касается русскихъ народныхъ массъ—такими несообразностями не останавливается. Нѣкоторые, поснисходительнѣе, соглашаются впрочемъ, изъ милости, переложить эти западные политическіе идеалы, какъ бывало французскіе водевили, на русскіе нравы и великодушно готовы были бы потѣшить Русскій народъ новымъ зрѣлищемъ лже-народа!...

А чего бы, повидимому, проще задать себѣ хоть такой вопросъ: вѣдь стоитъ же однако Россія, числитъ себѣ тысячу лѣтъ исторической жизни, и не только не старѣетъ, но, несмотря на всѣ бѣды и препятствія, къ нашему собственному изумленію, еще продолжаетъ слагаться, ростетъ въ значеніи и величіи. Нельзя, кажется, вину такого возрастанія и преуспѣянія сваливать на мудрость администраціи или на просвѣщенное руководительство именно нашей «интеллигенціи». Не говоря уже о томъ, что просвѣщеніе это только со вчерашняго дня, вѣдь самая эта интеллигенція проходила и еще проходитъ разныя фазы подражанія,—галломанства, германоманства, англо-

манства... Конечно, ничѣмъ другимъ, какъ непосредственными силами народной русской стихіи держится и стоитъ Русь. Это понимаютъ даже и иностранцы, надѣляя въ своихъ каррикатурахъ львиными головами нашихъ солдатъ, т. е. тотъ же народъ... Эти силы, стало быть, не отрицательныя, а положительныя, и не вещественныя только, но и духовныя. Вотъ тутъ-то, въ тысячелѣтней исторіи народа и въ тайникахъ его жизни, кажется, и слѣдовало бы поискать себѣ нашему обществу положительныхъ идеаловъ...

Бѣда, однако же, въ томъ, что сами народныя духовныя силы, какъ только выходятъ за предѣлы непосредственнаго бытія и вступаютъ въ сферу общественной, сознательной дѣятельности, мгновенно слабѣютъ и чахнутъ. Казалось бы, положительная народная стихія, разъ проникнувъ въ общественную среду, безъ труда преодолѣетъ своею мощью стихію отрицательную,—но въ томъ-то и дѣло, что не свободна и не самобытна въ насъ мысль, еще не расчищено самое сознаніе. При отчужденности общества отъ народа, нашему организму недостаетъ того цѣльнаго творчества, которое одно способно дать жизнь и плоть пробуждающимся въ насъ порою стремленіямъ народнаго духа. Жизненны у насъ, въ нашей общественной средѣ, по преимуществу мертвящія силы! Есть злое мертвящее начало, для котораго «ложь» названіе слишкомъ общее, которое требуетъ и которому поищемъ болѣе точнаго опредѣленія.

Но для того, чтобъ сказанное нами не представлялось чѣмъ-то голословнымъ и, главное, стало наглядно-понятнымъ всѣмъ нашимъ читателямъ безъ исключенія, оставимъ пока область отвлеченныхъ опредѣленій и ступимъ на почву примѣровъ и фактовъ. Мы упомянули выше о томъ, что Россія живетъ въ мірѣ призраковъ, фасадовъ, вывѣсокъ, названій безъ содержанія и т. д. Подтвержденіемъ этой мысли служатъ отчасти, уже поименованныя нами въ передовой статьѣ 1-го №, нѣкоторыя учрежденія Петровы, правда, теперь уже уничтоженныя. Но возьмемъ живой примѣръ, всякому разумѣнію доступный, даже изъ мелкихъ повидимому, ну хоть табель о рангахъ. Перенесемся въ ту эпоху, когда указы Русскому народу подписывались по-голландски, новосозданная русская столица называлась по-нѣмецки, а общество, т. е. все высящееся надъ на-

родомъ, давящее его *властью*, непосредственно съ нимъ *начальнически* соприкасавшееся, окрещено чиновническими названіями также нѣмецкими, не только народу непонятными, но и лишенными всякаго внутренняго смысла, а въ русскомъ переводѣ еще болѣе безсмысленными. Появились несовѣтующіе совѣтники несуществующихъ коллегій, вовсе неудобные для разумѣнія надворные и т. д. Намъ возразятъ, конечно — это пустяки, это мелочь! Не пустяками и не мелочью сказалось въ жизни народа это пренебреженіе къ смыслу: слишкомъ уже велики размѣры и пространства, и времени. Такое полуторасталѣтнее (конечно, безъ злаго умысла, но не безъ презрѣнія къ народу) издѣвательство надъ здравымъ разсудкомъ всей Русской земли развѣ могло пройти даромъ? Представьте только себѣ: какое насиліе, какую операцію долженъ былъ совершить надъ своимъ смысломъ русскій простой человѣкъ, чтобы свыкнуться съ безсмыслицей, которая какъ заноза торчала и еще торчитъ передъ нимъ на каждомъ шагу, при каждомъ сношеніи съ обществомъ и администраціей? Разумѣется, бѣдный, вспуганный здравый русскій толкъ прижался и притаился; но такая побѣда надъ нимъ опаснѣе пораженія! Безнаказанно примириться съ отрицаніемъ смысла нельзя. Это все равно, какъ бы заставить чуткій слухъ музыканта сжиться съ фальшивыми нотами и диссонансомъ: сжиться можно, но лишь съ утратою чувства гармоніи... Если бояринъ, дворянинъ, дьякъ кормились порой на счетъ народа и тяжелы ему приходились, то все же они были ему *свои*. Что̀ же долженъ былъ испытывать онъ, когда пришлось ему питать собою цѣлую саранчу чиновниковъ новаго закала, въ нѣмецкой одеждѣ и съ нѣмецкими названіями? Результатомъ этихъ «пустяковъ» вышло то, что власть стала чуждою для народа... Но это грѣхъ минувшихъ дней, скажутъ намъ. Обратимся къ современности. Приходитъ паднихъ мужикъ Артамонъ Сергѣевъ въ Присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ искать правды на рѣшеніе волостнаго суда, несогласное съ кореннымъ народнымъ *обычаемъ* и навязанное крестьянамъ мастеромъ бюрократическихъ дѣлъ, волостнымъ писаремъ. Его встрѣчаетъ членъ присутствія юристъ, гуманистъ и либералъ, и вѣжливо вопрошаетъ: «вамъ что̀ угодно?» — «Къ твоей милости, сударь, жалуюсь на волостной судъ». — «Вы можете жаловаться лишь въ *кассаціонномъ* по-

рядкѣ».—«Не пойму, батюшка».—«Я вамъ говорю русскимъ языкомъ. Были ли нарушены какія-либо формы судопроизводства или вы жалуетесь по существу?» — «Не въ домекъ, батюшка». И уходитъ мужикъ, озадаченный и отмѣнною вѣжливостью, и русскимъ языкомъ, и отказомъ въ правой его просьбѣ пекущихся о немъ господъ; тяжела его смутная дума...

Согласитесь, что эта фальшь бьетъ въ глаза. Возьмите же этотъ образчикъ и представьте себѣ, что *точно такая же* фальшь, но въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ, встрѣчается ежедневно, ежечасно, на всѣхъ ступеняхъ, во всѣхъ изгибахъ нашего общественнаго бытія и профальшивила его насквозь, сверху до низу! И ужъ никакъ нельзя обвинить въ этой фальши непремѣнно самую власть. Власть только привела въ исполненіе то, что измыслили мы сами, мы, представители западнаго просвѣщенія и русской либеральной интеллигенціи; мы сочинили народу и кассаціи, и цензы, и прочія тому подобныя блага, мертвящія зачатки нашего самоуправленія, — мы, которымъ бы очень хотѣлось занять такія мѣста, гдѣ бы мы могли рѣшать участь простаго русскаго народа во имя народа и за него, хотя бы тамъ милліоны Артамоновъ Сергѣевыхъ и вопіяли отчаянно снизу: «не въ домекъ намъ, отцы! не въ домекъ, радѣтели!»

Но положимъ, вся эта фальшь происхожденія явнаго, происходитъ отъ грубаго, цѣликомъ, заимствованія извѣстныхъ чужихъ формъ; можно, замѣтятъ намъ, иностранныя слова перевесть по-русски, можно помочь горю введеніемъ формъ, которыя вы сами признаете за русскія, напримѣръ *самоуправленія*. Въ томъ-то и дѣло, что самоуправленіе самоуправленію рознь, и что не однѣ формы, но и живой духъ русскій нуженъ... Давно тому назадъ, въ «Днѣ» (1862 г. № 18) мы разсказали любопытный фактъ, который вкратцѣ передадимъ и теперь. По полученіи въ городѣ Мологѣ, Ярославской губерніи, грамоты Екатерины 1785 года о дарованныхъ городамъ правахъ и преимуществахъ, и по торжественномъ, какъ слѣдуетъ, открытіи Городской Думы съ городскимъ головой и гласными,—жители постановили секретный общественный приговоръ такого содержанія: такъ какъ вновь учреждаемая Дума имѣетъ распоряжаться лишь доходами, указанными въ законѣ,

расходовать на предметы также указанные, вообще дѣйствовать на точномъ основаніи закона, подъ контролемъ начальства, то рядомъ и одновременно съ нею имѣть негласно прежнее общественное управленіе подъ завѣдываніемъ того же городскаго головы и тѣхъ же гласныхъ, въ распоряженіе котораго предоставить небольшой капиталъ, нарочно для сего и составленный по общей раскладкѣ. Такимъ образомъ съ 1786 г. по 1847 г., въ теченіе 61 года, существовало два городскихъ самоуправленія: одно офиціальное, казенное, съ 4 тыс. р. дохода; другое тайное, но въ сущности настоящее, достигшее 20 тыс. р. дохода; по одному велись смѣты, отчеты представлялись Губернскому Правленію и Казенной палатѣ; по другому велись особыя книги, въ которыхъ отчетъ отдавался самому обществу. Городъ процвѣталъ, къ удивленію всѣхъ губернаторовъ, пока, наконецъ, начальство не узнало случайно причины процвѣтанія. Узнавъ, оно предало голову суду, прекратило *неказенное* самоуправленіе и отдало капиталы *казенному*. Городъ пришелъ въ упадокъ... Не раздаются ли и теперь со всѣхъ сторонъ на наши городскія и земскія учрежденія жалобы именно въ томъ, что они всѣ идутъ плохо, всѣ безжизненны, всѣ *казенны?*..

«Казенны»... Вотъ самое точное опредѣленіе тому мертвящему злому началу, для котораго названіе лжи оказывалось слишкомъ общимъ. Слово найдено. Правда, оно у всѣхъ на устахъ, не едва ли кто отдавалъ себѣ полный отчетъ въ глубинѣ и обширности его смысла. Это зло наше, доморощенное, возникшее на русской, цивилизованной Петромъ почвѣ. Это продуктъ XVIII вѣка, это плодъ нашей культуры, вмѣстѣ съ другимъ словомъ: «чиновникъ». Оно не переводимо ни на какой языкъ, ибо если и можно перевесть его въ нѣкоторыхъ случаяхъ словомъ *офиціальный* (officiel), то съ послѣднимъ выраженіемъ никакъ не соединяется тотъ *нравственный* смыслъ, который въ понятіяхъ нашихъ связанъ съ подлинникомъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ не знала его древняя Русь. *Казна*— синонимъ государевой власти — понималась ею въ точномъ, серьезномъ значеніи. Слово «чиновникъ» само по себѣ есть истинно-почетное наименованіе труженика государственной службы. Отчего же, не смотря на это почетное и важное значеніе, оба эти слова: «казенный» и «чиновникъ», равносильны

качественному опредѣленію самаго прелестнаго свойства? «Казенная душа»,—«казенная совѣсть»,—«человѣкъ казенный»,—«казенщина»,—«чиновникъ въ душѣ»,—или просто «чиновникъ!»—мы всѣ понимаемъ и чувствуемъ, что это значитъ!

«Казенность»,—«казенщина»—это, по опредѣленію покойнаго сотрудника «Дня», высокодаровитаго В. А. Елагина,—въ своемъ родѣ зло такого же историческаго и мірового характера, какъ іезуитизмъ. Это цѣлое духовное начало—*условности*, внѣшности, формальности, отрѣшенности отъ жизни, отрицаніе ея правъ въ пользу авторитета внѣшней, принудительной, такъ сказать голой, ничего внѣ себя не признающей власти. Это упраздненіе личной совѣсти, внутренней свободы, живаго духа и Бога. «Чиновникъ» (въ томъ нравственномъ смыслѣ, какой иногда придается этому слову) есть орудіе этого начала, безъ личной души и убѣжденій. И такое-то начало, которое было чуждо древней Руси, которое можетъ-быть только мерещилось Ивану Грозному въ Опричнинѣ, попыталась было ввести къ намъ знаменитая эпоха преобразованія; но, слава Богу, ей удалось только придавить, а не раздавить русскую жизнь! Народъ, какъ мы выразились въ прошлый разъ, упорно хранилъ вѣру въ свой историческій идеалъ верховной власти, состоящей съ самоуправляющеюся землею въ живомъ органическомъ союзѣ взаимнаго довѣрія и любви, въ единствѣ мысли и духа. Такая вѣра, сказали мы, не могла не оправдаться и отчасти уже оправдалась 19 февраля 1861 года, оправдается безъ сомнѣнія и вполнѣ. Но для этого необходимо, чтобъ само наше общество сознало ту часть вины, которая падаетъ на его долю и которая теперь едва ли не сильнѣе тяготѣетъ именно *на немъ*. Петръ, можно полагать, взялъ это начало отчасти безсознательно, или же только на прокатъ, для успѣха своего преобразовательнаго подвига, для введенія европейскаго знанія и цивилизаціи, имѣя несомнѣнно въ виду одну цѣль: благо Россіи. Волей-неволей все общество, перешедшее на его сторону, поступило на службу—и просвѣщенію, пожалуй, по и *тому же началу*, стало чуждо народу, стало само для него *властью, начальствомъ*. А при дѣйствіи (хотя бы и временномъ) этого начала, упразднявшаго живую органическую самодѣятельность русской народной стихіи, на-

рушившаго творческую цѣльность жизни и въ то же время связаннаго съ просвѣщеніемъ, общество или служилая «интеллигенція» постепенно, логически, дошла и не могла не дойти до отреченія отъ всѣхъ коренныхъ началъ, отъ духа и сердца, даже отъ здраваго смысла родной земли. Прилѣпясь *къ Западу*, она стала служить и молиться инымъ богамъ. И вотъ, въ наказаніе лишены мы даже и до сихъ поръ истиннаго духа и разума жизни и неспособны еще сотворить ничего, а осуждены лишь на безплодныя подѣлки, на мертворожденіе. «Казенщина» теперь уже перестала, однако, быть аттрибутомъ только служебной дѣятельности въ сферѣ государственнаго и, увы! даже церковнаго управленія. Это страшное качественное опредѣленіе — у насъ въ постоянномъ обиходѣ, какъ бы родное, едва ли кого серьезно и пугаетъ,— прилагается къ большой части явленій нашей жизни. Но если не пугаетъ, за то мертвитъ. Казенщина, какъ начало безусловнаго подчиненія внѣшнему авторитету, отрицающее въ русскомъ человѣкѣ его національную совѣсть и самобытность мысли, подобно злому духу, проникаетъ всюду — и въ жизнь, и въ науку, и въ художество, и во всякое ученіе, хотя бы наилибиральнѣйшее! Да, этотъ грѣхъ,

онъ вѣчно съ вами.
Онъ въ васъ, онъ жилахъ и въ крови,
Онъ сросся съ вашими сердцами...

Ясно ли, послѣ этого, что тѣ, которые ищутъ для Русской земли идеаловъ на Западѣ, — принадлежатъ къ разряду чиновниковъ Петровыхъ, законпорожденныя дѣтища отрицанія народной самобытности—безсознательно служатъ ими же презираемому началу «казенщины!»

И такъ, преграды дальнѣйшему преуспѣянію всходовъ нашего историческаго посѣва, именно плодотворному развитію зачатковъ самоуправленія, для котораго исторіей выработаны къ нашему дню всѣ необходимые элементы, преграды эти заключаются именно въ недостаткѣ зиждительной силы жизни въ самомъ нашемъ обществѣ, — въ преобладаніи мертвящаго начала условности, внѣшности, формализма, слѣдовательно рабства; начала, отрицающаго вольную самобытную стихію русской народности;—однимъ словомъ начала казенщины.

Но живъ Богъ и живъ Русскій народъ. Только чистосер-

дечнымъ отреченіемъ отъ всякихъ чуждыхъ намъ идеаловъ, только проникновеніемъ въ самый разумъ народной жизни, только искренно соединясь съ нимъ въ мысли и въ духѣ, и не разнымъ богамъ молясь, а одному, общему съ нимъ; только искренно обвинивъ *себя самихъ*, можемъ мы чаять перерожденія и обновленія, и употребить, себѣ и всей нашей землѣ на благо, дары нашего, такъ дорого доставшагося образованія. Въ практическомъ же отношеніи — путь указывается самъ собою, какъ это ясно, кажется намъ, объяснено въ нашей послѣдней статьѣ. Передъ нами задача очевидная, явная, вопіющая о немедленномъ разрѣшеніи. Ее попробуемъ разрѣшить хотя бы въ сознаніи, благо никто тому не мѣшаетъ. Но, конечно, несравненно легче и удобнѣе для умственной лѣни пренебречь слишкомъ скромною повидимому задачей, махнуть на дѣйствительную русскую историческую жизнь рукою и, кичась званіемъ интеллигента, воздыхать о чужихъ, чужою исторіею созданныхъ идеалахъ!

О казенщинѣ въ церковномъ строѣ.

Москва, 29-го ноября 1880 г.

Начало, которое на разговорномъ языкѣ русскаго общества выражается словомъ «казенщина», — это мертвящее начало, сказали мы въ прошлый разъ, «перестало быть исключительнымъ аттрибутомъ служебной дѣятельности въ сферѣ государственнаго и, увы! даже *церковнаго* управленія», но проникло и во всѣ сферы общественной жизни. Такъ какъ о церковномъ управленіи упомянуто лишь мимоходомъ, то прибавимъ нѣсколько дополнительныхъ словъ.

Незамѣтна грань между истиною и ея лжеподобіемъ; нечувствительно, безсознательно совершается порою подмѣна самыхъ противоположныхъ началъ и идеаловъ. Правда внутренняя замѣщается правдою внѣшнею; служители духа превращаются въ служителей буквы, формы: является мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ, люди въ отчаяніи, но не догадываются, что переступлена грань, что подмѣнено руководящее

начало! Такими лжеподобіями, такою подтасовкою богата русская дѣйствительность; не изъята отъ нихъ и область церковная. Никто не станетъ отрицать напримѣръ, что начало соборное выше начала личнаго, что, выражаясь, даже въ умѣренномъ, по количеству состава, собраніи, оно должно представлять болѣе ручательствъ въ истинности сужденій и рѣшеній, чѣмъ единичный разумъ, чѣмъ личный произволъ. Но если и можно съ полною справедливостью назвать совершенно безличнымъ то «духовное коллегіумъ», которое создано по мысли и плану сподвижника Петрова, Ѳеофана Прокоповича, и получило потомъ именованіе «Святѣйшаго Россійскаго Правительствующаго Синода», — то никакъ уже нельзя усмотрѣть даже слѣдовъ живаго соборнаго начала въ этомъ высшемъ присутственномъ мѣстѣ духовнаго вѣдомства. Оно не болѣе какъ одно изъ верховныхъ государственныхъ бюрократическихъ учрежденій, принадлежитъ къ одному съ ними разряду и пользуется за то одинаковою съ ними долею нравственнаго авторитета и сочувствія въ Русской землѣ... А между тѣмъ такъ-называемое «духовное вѣдомство» захватываетъ въ свой кругъ самые дорогіе, самые святые интересы народа, вѣдаетъ, такъ сказать, самую душу народную!..

Нѣкоторые изслѣдователи стараются доказать, что Ѳеофанъ и Петръ, увлеченные борьбою съ сильнымъ еще въ то время преданіемъ патріаршества, не отдавали себѣ яснаго отчета въ послѣдствіяхъ своего церковнаго преобразованія; что, конечно, въ своемъ рвеніи, они исторгали иногда вмѣстѣ съ плевелами и хлѣбный колосъ, но что тѣмъ не менѣе вполнѣ ошибоченъ упрекъ нѣкоторыхъ ревнителей старины, будто съ XVIII вѣка «церковь взята въ казну», и т. д. Мы этого и не утверждаемъ; но что пшеничнаго колоса было исторгнуто много — въ томъ нѣтъ сомнѣнія: такъ много, что нива стала неурожайна и люди алчутъ. За всѣмъ тѣмъ нельзя не признать, что преобразованіе, положимъ и безотчетно, было проведено, однако же, съ строгою логическою послѣдовательностью. Не вдругъ, да и теперь лишь немногіе (и едва-ли не всего менѣе въ средѣ духовенства) стали догадываться, что измѣнились не одни внѣшніе порядки управленія; что вмѣстѣ съ наружнымъ благоустройствомъ привнесено какое-то новое, постороннее церкви начало, не животворное, а потому и не благотворное. Оно, впрочемъ,

было заявлено съ самой первой поры, съ откровенностью не то простодушнаго, не то безцеремоннаго свойства. Въ изданной Петромъ знаменитой табели, гдѣ такъ стройно ранжировано по чинамъ все русское общество, т. е. вся военная и гражданская служилая интеллигенція (другой тогда и не было), священники приравнены къ *маіорамъ*, архимандриты къ *бригадирамъ*, епископы къ *генералъ-поручикамъ*, архіепископы и митрополиты къ соотвѣтственнымъ высшимъ подраздѣленіямъ генеральства. О такой государственной расцѣнкѣ своего званія едва ли кто изъ духовныхъ теперь и вѣдаетъ, не исключая и тѣхъ, которые прибавляютъ къ своей подписи: «и кавалеръ». Но въ XVIII вѣкѣ, вѣкѣ невообразимаго переполоха мысли и путаницы у насъ понятій, западно-европейскіе идеалы смущали и наше православное духовенство. Были архіереи, которые, прослышавъ объ общественномъ положеніи высшей латинской іерархіи, пытались величать и себя «принцами» церкви (princes de l'église). Во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что въ вышеуказанномъ приравненіи духовныхъ званій къ табели о военныхъ рангахъ сказался не вкусъ Преобразователя, но и нѣчто болѣе. Это уже цѣлое міровоззрѣніе, включавшее самую церковь въ составъ государственнаго правительственнаго механизма,—особый порядокъ понятій, въ согласіи съ которымъ создался и самый «духовный коллегіумъ». Такое воззрѣніе стало отнынѣ «доминантой», господствующей нотой въ общемъ церковномъ строѣ... Если же вспомнить, что, за исключеніемъ идеи царя, гражданская власть съ XVIII вѣка начала становиться чуждою народности и народу,—въ то же время вполнѣ бюрократическою, и породила неизвѣстныя дотолѣ Русской землѣ понятія о «казенности» и «казенщинѣ»,—то нельзя не признать, что солидарность церковнаго управленія съ гражданскимъ должна была, совершенно естественно и логически, вполнѣ *уравнять* ихъ и въ мнѣніи народномъ. Церковная іерархія раздѣлилась на генералитетъ или государственныхъ *сановниковъ*, къ каковымъ теперь несомнѣнно причисляютъ себя высшіе представители церкви (какъ бы лично ни были они смиренны и святы), и на *несановниковъ*, другими словами—чиновниковъ, каковыми, конечно, не желали бы признавать себя наши священники... Но желаютъ ли они или не желаютъ,—общій смыслъ системы и ихъ отношеніе къ ней

опредѣляются тѣмъ духомъ и воззрѣніемъ, которые легли въ ея основаніе.

Результатомъ—настоящее состояніе церкви, при мысли о которомъ болѣзненно сжимается сердце. Мы разумѣемъ, конечно, не ту церковь, которая зиждется въ душахъ вѣрующихъ, которую не только врата адовы, но и бюрократія не одолѣетъ. Мы говоримъ о томъ внѣшнемъ, какъ бы тѣлесномъ покровѣ церкви внутренней, безъ котораго не можетъ быть нормальной, цѣльной жизни всего организма, и который, своимъ непомѣрнымъ, неправильнымъ развитіемъ гнететъ самое начало жизни, мертвитъ дѣятельность духа, обезсоливаетъ самую соль. Понятіе *церкви* подмѣнено понятіемъ *вѣдомства*... Начало государственное въ самомъ худшемъ своемъ перерожденіи, при которомъ оно утрачиваетъ свою искренность, свою правду и становится чисто-внѣшнимъ, формальнымъ, однимъ словомъ казенностью и казенщиной, способно обездушить не только церковь, но даже и всякое гражданское учрежденіе. Тѣмъ сильнѣе чувствуется дѣйствіе этого искаженнаго начала въ «вѣдомствѣ духовномъ», представляющемъ такимъ образомъ сугубое отрицаніе: чуждое духа церковнаго, оно чуждо и жизненности государственнаго принципа.

Если обратиться къ дѣятельности этого вѣдомства, къ движенію, совершавшемуся въ его нѣдрахъ за послѣднія десять, пятнадцать лѣтъ, мы увидимъ, что всѣ заботы, всѣ мысли устремлены почти исключительно на внѣшнюю, формальную сторону церковнаго бытія, и притомъ въ совершенный разладъ съ его дѣйствительными духовными потребностями. Забыто повидимому, что въ церкви истинно *реально* только духовное, и безъ него «ничто же бысть».—Такъ, главною задачею «православнаго вѣдомства» было «обезпеченіе сельскаго духовенства», для чего тысячи православныхъ храмовъ, воздвигнутыхъ на средства народа, вѣдомство признало нужнымъ закрыть и приходы упразднить, вопреки просьбамъ, мольбамъ и нуждамъ народнымъ,—не облегчая, стало быть, а только *затрудняя* народу посѣщеніе Божіихъ храмовъ и молитвенное участіе въ богослуженіи. «Либеральное» и «прогрессивное» духовенство (есть и такая, и очень сильная, «фракція»), конечно, стояло за эту мѣру (въ нынѣшнемъ году, слава Богу, пріостановленную). Съ чиновнической точки зрѣнія оно совершенно право.

Это пастырь думаетъ прежде всего объ овцахъ, а чиновнику вполнѣ естественно прежде всего заботиться о себѣ и о своемъ содержаніи. Съ чиновнической точки зрѣнія народная вѣра, народное богомольное усердіе—только доходная статья. Чиновники, впрочемъ, лишь одно упускаютъ при этомъ изъ виду: при оскудѣніи вѣры, можетъ вѣдь оскудѣть и доходъ! Но и тутъ есть утѣшеніе для чиновниковъ: бо̀льшая часть требъ вѣдь обязательна! А если бы народъ, оскорбленный въ своемъ чувствѣ вѣры, вздумалъ искать ему удовлетворенія гдѣ-нибудь на сторонѣ и уклоняться изъ православной церкви въ расколъ или какую-либо секту, то на это вѣдь есть полиція, къ которой чиновники усердно и прибѣгаютъ: она бичемъ и дубиной загонитъ бѣглую овцу въ ограду! — Точно также правы чиновники, съ своей точки зрѣнія, и въ отношеніи къ эксплоатаціи другой доходной статьи, народнаго поэтическаго и умилительнаго обычая: затеплять предъ иконами свѣчу чистаго воска. Чиновники учреждаютъ заводы, подмѣшиваютъ къ воску постороннія вещества, устанавливаютъ монополію торговли; практики-пастыри даже съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ относятся къ нравственному чувству «идеалистовъ-мірянъ», которому претитъ такое вторженіе въ область церкви грубаго коммерческаго и утилитарнаго начала. Чиновникамъ, да кажется и сановникамъ, не претитъ.

Мы нисколько не думаемъ отвергать необходимости поставить духовенство, особенно сельское, въ такое положеніе, при которомъ оно могло бы съ бо̀льшимъ досугомъ пещись о своей паствѣ и менѣе отвлекаться заботами о содержаніи себя и своихъ семействъ. Хотя «убогій храмъ земли родной», храмъ отверстый, лучше чѣмъ никакой или храмъ заколоченный; хотя убогій «сѣрый» священникъ въ бѣдномъ селѣ, раздѣляющій вмѣстѣ съ крестьянами нужду, труды и всяческія тяготы, ближе стоитъ къ нимъ, и своимъ примѣромъ, своимъ смиреніемъ едва ли не лучше пасетъ и воспитываетъ ихъ души, чѣмъ иной протопопъ людпаго, доходнаго прихода; хотя намъ лично еще ни разу не приходилось убѣдиться на дѣлѣ, что чѣмъ богаче приходъ, тѣмъ духовнѣе его пастырь, — однако, потребность въ лучшей организаціи бытовой стороны церковнаго пастырства не подлежитъ сомнѣнію и признается всѣми, не только священниками, но и прихожанами. При всемъ томъ

ни чиновникамъ, ни сановникамъ, ни духовно-казенному вѣдомству не разрѣшить удовлетворительно и правильно этой задачи. Они не могутъ придумать инаго исхода, кромѣ принудительнаго и формальнаго. Но въ области церкви нѣтъ ни начальства, ни подчиненныхъ, а только пастыри и пасомые; всякое внѣшнее, насильственное регулированіе ихъ взаимныхъ отношеній можетъ лишь расторгнуть тотъ свободный союзъ, которымъ стоитъ и держится церковь. Если вы въ сердцѣ и въ сознаніи народномъ подкосите въ основаніи самое начало,— святое начало *церковное,*—тогда уже и ни въ какихъ священнослужителяхъ надобности не окажется!.. Только въ тѣснѣйшемъ, свободномъ, искреннемъ скрѣпленіи этого союза находится ключъ къ разрѣшенію этой задачи, а этотъ союзъ можетъ скрѣпиться, обновиться и стать вполнѣ плодотворнымъ лишь съ упраздненіемъ мертвящаго духа казенщины, лишь съ возрожденіемъ истиннаго духа нашей православной соборной церкви.

Обращаетъ на себя вниманіе и та агитація, которая замѣчается въ духовенствѣ, именно въ бѣломъ, въ пользу точнѣйшаго опредѣленія его отношеній къ чернымъ, высшимъ іерархамъ. Требовалось и огражденіе правъ, и установленіе суда церковнаго на строгомъ, формальномъ основаніи законовъ, во всемъ подобнаго суду свѣтскому (только, кажется, безъ участія того элемента *совѣсти,* который выражается у міряпъ институтомъ присяжныхъ), и многія другія благообразія, со ссылкою на указанія современнаго прогресса. Все это, пожалуй, и естественно, и раціонально: почему же чиновникамъ не оградить себя отъ произвола сановниковъ, т. е. начальства? формальный судъ представляется здѣсь самою разумною и либеральною мѣрой. Не право и начальство, уклоняющееся отъ такого требованія и ратующее за сохраненіе начальническаго произвола. Но Боже! какимъ диссонансомъ звучатъ эти требованія въ сферѣ церковной, въ сферѣ духа и совѣсти, въ той единственной на землѣ области, гдѣ, слава Богу, нѣтъ мѣста формальной правдѣ, гдѣ признается и чтится лишь правда внутренняя, нравственная, гдѣ одна власть—сама истина, исповѣдуемая единомысліемъ и любовью!..

Мы высоко цѣнимъ заслуги нашего духовнаго сословія. Оно ближе всѣхъ стояло, отчасти стоитъ и теперь, къ Рус-

ской землѣ; оно вмѣстѣ съ народомъ вспахало нашу жесткую историческую тысячелѣтнюю ниву, участвуя наравнѣ, неразлучно, во всѣхъ скорбяхъ и трудахъ народнаго бытія. Только одна церковь помогла нашему страстотерпцу-народу уберечь въ своей душѣ образъ Христовъ и сквозь всѣ невзгоды и муки рабства соблюсти вѣру въ свою христіанскую свободу, въ свое человѣческое достоинство. Такъ-называемое бѣлое духовенство могло бы назваться истинно *земскимъ* сословіемъ, по своей тѣсной бытовой связи съ землею. Но велики были въ древней Руси и нравственные его недуги, порожденные грубостью и невѣжествомъ, и общіе ему со всѣмъ личнымъ составомъ Русскаго церковнаго общества. Однако же, какъ ни были они безобразны и тяжки, уврачеваніе ихъ было, думаемъ мы, возможно и безъ отрицанія того начала, въ которомъ заключается самый корень церковнаго бытія. Въ самомъ дѣлѣ: должно ли образованіе непремѣнно отдѣлять пастырей отъ паствы, отчуждать священниковъ отъ народа и разрушать искренность церковнаго союза? Если со времени Петра «просвѣщеніе» отождествилось у насъ съ идеею казны и начальства, стало синонимомъ отчужденія отъ народа, а въ то же время и *власти* надъ народомъ,—то все же, долго спустя, образованіе духовнаго сословія продолжало еще подвигаться самостоятельно, какъ бы въ сторонѣ отъ общественнаго теченія. Но по мѣрѣ того, какъ «духовный коллегіумъ» все сильнѣе и сильнѣе проникался общимъ государственнымъ принципомъ, положеннымъ въ его основаніе, самое образованіе въ духовномъ сословіи утратило прежнюю свою самобытность и чиновничій духъ презрѣнія къ народу сталъ проникать и въ новопросвѣщаемыхъ пастырей... Новая опасность церкви; все глубже и глубже роется бездна между народомъ и его пастырями!..

Этой опасности, повидимому, не примѣчаютъ ни чиновники, ни сановники духовнаго вѣдомства. На нее обращаетъ вниманіе тѣхъ, кому ее вѣдать самимъ надлежало, никто иной какъ представитель государственной власти при Св. Синодѣ, вѣрующій міряниъ, К. П. Побѣдоносцевъ. Въ прекрасныхъ рѣчахъ своихъ, сказанныхъ недавно въ Кіевѣ, и членамъ, и студентамъ Духовной Академіи, онъ напоминаетъ имъ, что Академія учрежденіе *народно-церковное* и должна жить *въ союзѣ съ народомъ;* онъ убѣждаетъ будущихъ пастырей «не присоединять

къ своему образованію ту *опасную гордость*, то *презрѣніе*, съ которымъ къ сожалѣнію молодые священники иногда относятся къ народу, учатъ и назидаютъ его». Оберъ-прокуроръ Св. Синода нѣсколько разъ, настойчиво возвращается къ такому совѣту: очевидно, что это презрѣніе, эта гордость — одна изъ самыхъ болѣзненныхъ современныхъ язвъ нашего церковнаго строя.

Прекрасныя слова. Можно только подивиться, почему такихъ живыхъ словъ не раздается изъ устъ самихъ предстоятелей церкви, а слышны только вѣщанія, умныя, учительныя, но большею частью отвлеченныя, холодныя, запечатлѣнныя какимъ-то оффиціальнымъ характеромъ и составляющія принадлежность однихъ лишь оффиціальныхъ торжествъ!

Но что же дѣлать? какъ быть? Невозможно коснѣть долѣе въ преступномъ бездѣйствіи, сознавать и видѣть наступающее разложеніе нашего церковнаго организма. Это какъ бы разложеніе самой души народной, это обуяніе самой соли, которою солится наша земля. Что же нужно?

Нужно нѣчто схожее съ тѣмъ, что предлагали мы для нашего государственнаго и общественнаго строя. Подобно тому, какъ само государство въ наше время готово поступиться частью своей власти, само признаетъ несостоятельность бывшей централизаціи и призываетъ насъ къ самоуправленію,—подобное тому сознаніе, хотя не столь ясное, но почти однородное, слышится намъ и въ словахъ К. П. Побѣдоносцева. Что говоритъ этотъ представитель государственной власти при Духовномъ Вѣдомствѣ будущимъ дѣятелямъ церковнымъ? «*Намъ*», — объявляетъ онъ, — «съ нашею вѣрою и знаніями — безъ вѣры народа пришлось бы *пропасть, затеряться*... ибо по-истинѣ великъ у народа запасъ вѣры, на который можетъ опереться и всякій учитель народа». «Волна вѣры народной»,— выражается онъ въ другомъ мѣстѣ,— «она поднимаетъ насъ»... Эти слова многознаменательны не какъ умышленное, тѣмъ менѣе оффиціальное заявленіе, а какъ самый фактъ искренняго, невольно высказавшагося сознанія.

Да: какъ въ дѣлѣ нашего государственнаго и общественнаго строя наше одно спасеніе въ приливѣ земской стихіи,— такъ и въ строеніи церковномъ нуженъ приливъ народной же церковной стихіи. Какъ въ строѣ земскомъ органическая

жизнь начинается съ ячейки или съ наименьшей единицы, въ которой соприкасаются вмѣстѣ всѣ земскіе элементы и которую въ данную минуту мы усматриваемъ въ уѣздѣ, — такъ и въ области церковной такою живою единицею представляется *приходъ*. Какъ необходимо вызвать къ жизни, создать цѣльное уѣздное самоуправленіе, такъ необходимо вызвать къ жизни и признать самоуправленіе, и самостоятельность *приходской общины* — въ согласіи съ общимъ *соборнымъ* строемъ нашей церкви...

Пора намъ очнуться. Пора отъ пустыхъ мечтаній и словъ перейти къ дѣлу и смотрѣть жизни прямо въ глаза, помочь истиннымъ, не мнимымъ потребностямъ и нуждамъ всенароднымъ. Безъ прилива народной земской и церковной стихіи не оздоровѣть русскому болѣющему общественному организму. Безъ этого — повторимъ вышеприведенныя слова — «пришлось бы намъ пропасть, затеряться»...

По поводу брошюры: «Къ исторіи Русскаго нигилизма».

Москва, 6-го декабря 1880 г.

Послѣдній политическій процессъ прошелъ почти безслѣдно въ нашей печати. А было бы надъ чѣмъ призадуматься, тѣмъ болѣе, что личное поведеніе преступниковъ на судѣ, ихъ — можно сказать — нѣкоторое чистосердечіе, представляло болѣе простора для спокойной, независимой мысли. Не можетъ же наше общество полагать, что за окончаніемъ судебной расправы оно совсѣмъ расквиталось съ этимъ, столько же трагическимъ, сколько и позорнымъ эпизодомъ своей жизни (да и эпизодомъ ли?), — что, по наказаніи виновныхъ, оно само ни у кого не въ долгу, ни предъ кѣмъ не въ отвѣтѣ, не несетъ своей доли тяжкой вины?

Съ точки зрѣнія формальнаго суда какъ этотъ, такъ и предшествовавшіе процессы — не болѣе, какъ совокупность личныхъ однородныхъ преступленій или преступленій коллективныхъ, совершаемыхъ многими лицами сообща, скопомъ, кругами. Но на этой формальной точкѣ зрѣнія остановиться нельзя. Всѣ мы чувствуемъ и сознаемъ, что наказанія пора-

жаютъ только внѣшнія проявленія зла, недосягая, да и не способныя досягнуть до его скрытаго корня; что намъ приходится быть свидѣтелями явленія необычайнаго, но, однако же, и не случайнаго; что не внезапно, не изъ ничего взялось оно между нами. Это явленіе историческое, законнорожденное въ своей беззаконности; это цѣлый общественный недугъ эпидемическаго характера, требующій для своего врачеванія тщательнаго, безпристрастнаго діагноза. Въ самомъ дѣлѣ, не все же «сыны погибели»—это множество молодыхъ людей, рановременно похищенныхъ злою заразою. Едвали не большая часть изъ нихъ могла бы остановиться во-время на своемъ роковомъ пути, если бы во-время протянута ей была рука умной помощи. Жалостью и скорбью сжимается сердце при видѣ многихъ честныхъ, добрыхъ и чистыхъ въ первые годы юности (таковыхъ нѣкоторыхъ мы лично знавали), ставшихъ потомъ своего рода героями, безславными, озлобленными героями трагическаго сумбура, несчастными мучениками чудовищнаго и преступнаго вздора, не знающаго инаго серьезнаго довода, кромѣ — ultima ratio — револьвера и кинжала! Едвали также не опаснымъ самообольщеніемъ было бы воображать, что всѣ эти разнаго рода «дѣятели» только Панургово стадо въ рукахъ ловкихъ пройдохъ, которыхъ «не наша земля взростила», — что болѣзнь лишь заносная. Не отрицая ни участія, ни водительства заграничныхъ мастеровъ, мы думаемъ, однако, что болѣзнь — свойства туземнаго, только выразившаяся въ чужихъ, заносныхъ формахъ; что во всякомъ случаѣ не менѣе важно уже самое предрасположеніе къ болѣзни, которое дало ей проявиться съ такою силой, — то удобство почвы, которое нашли для себя заграничные агитаторы.

Во 2 № «Руси» мы уже коснулись этого явленія мимоходомъ. Признавая, что отрицаніе народности есть отрицаніе самаго начала жизни, какъ бы устраненіе или притупленіе жизненнаго нерва всего общественнаго организма, мы выразили мнѣніе, что создавшаяся на такомъ отрицаніи наша современная дѣйствительность не способна внушать ни вѣры, ни любви, а потому не могла и выработать къ себѣ другаго отношенія, кромѣ отрицательнаго. Но, прибавили мы, «жить отрицаніемъ жизни безъ положительныхъ идеаловъ, безъ положительной цѣли, нельзя безнаказанно ни для человѣка,

ни для общества. А мы такъ живемъ! Какъ больной, мечется общество во всѣ стороны и ищетъ исхода». И въ то время, какъ большинство интеллигенціи успокоивается на идеалахъ выписныхъ, иностранныхъ (въ своей странѣ положительныхъ),— другая часть ея, «въ тупомъ отчаяніи, самоубійственно пресыщается лишь отрицаніемъ отрицанія» безъ иного положительнаго вывода, кромѣ, разумѣется, разрушенія... Какъ бы въ отвѣтъ на наши слова прислана намъ, неизвѣстно отъ кого, брошюра съ надписью «для отзыва» и подъ заглавіемъ: «Къ исторіи русскаго нигилизма». Эта брошюра достойна замѣчанія уже потому, что печатана въ Кишиневѣ, цензурована въ Одессѣ, а продается, какъ значится на оберткѣ, въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ Петербурга. Но она достойна вниманія и по своему содержанію. Нельзя не порадоваться самою серьезною, искреннею радостью, что шире и шире раздвигаются предѣлы печатнаго слова; что начинаетъ, наконецъ, понемногу, исчезать та, по выраженію нашего извѣстнаго сатирика, ловкая «рабья манера», къ которой по необходимости прибѣгали Русскіе публицисты при изложеніи своихъ мыслей и которая такъ оскорбительна для нравственнаго достоинства писателя.... Нѣтъ, пусть не пугаются свободной печати! Ея неудобства перевѣшиваются выгодами, такими невѣсомыми нравственными выгодами, которыхъ не въ силахъ даровать никакое иное «мѣропріятіе». Дайте, наконецъ, возможность стать честнымъ Русскому печатному слову! Вѣдь честности, именно честности-то и недостаетъ нашей общественной жизни.... Стѣсненія печати заграждаютъ уста только честнымъ писателямъ, но никогда не останавливали и не остановятъ лукаваго слова, — напротивъ, только придаютъ ему фальшивую цѣнность запрещеннаго плода или контрабанды. Отнимите же у него эту мнимую цѣнность. Искусная междустрочная и подпольная проповѣдь лживыхъ и вредныхъ ученій совершалась безпрепятственно на нашихъ глазахъ многіе годы, свободно вкрадываясь въ умы, огражденная отъ всякаго гласнаго прямаго отпора. Но и прямой гласный отпоръ вполнѣ дѣйствителенъ только тогда, когда противникъ вашъ можетъ не прятаться, а идетъ на васъ прямо, не крадучись... Нечего много и толковать о мѣрахъ противъ наглыхъ преступныхъ злоупотребленій печати. Эти мѣры всегда подъ рукою у власти;

спасительнѣе, нужнѣе ихъ въ настоящее время расширеніе свободы для всякаго добросовѣстнаго ума, какъ бы ни заблуждался онъ, для всякихъ добросовѣстныхъ мнѣній, для всякихъ честныхъ ошибокъ: пусть заблужденія и самообманъ вступятъ съ истиной въ открытую свободную борьбу. «Когда— говоритъ Хомяковъ—по милости строгой цензуры, вся словесность бываетъ наводнена выраженіями низкой лести и явнаго лицемѣрія въ отношеніи политическомъ и религіозномъ, честное слово молчитъ, чтобъ не мѣшаться въ этотъ отвратительный хоръ или не сдѣлаться предметомъ подозрѣнія по своей прямодушной рѣзкости, — и лучшіе дѣятели отходятъ отъ дѣла»... Читатели извинятъ намъ это отступленіе. Мы не можемъ не привѣтствовать въ появленіи этой дозволенной цензурою брошюры, открывающейся возможности подойти къ самому существенному явленію нашей современной жизни прямѣе и ближе.

Неизвѣстный издатель брошюры объясняетъ въ предисловіи, что она содержитъ въ себѣ разборъ извѣстной повѣсти Тургенева «Отцы и Дѣти», написанный при самомъ ея появленіи какимъ-то покойнымъ пріятелемъ, въ видѣ отвѣта на вопросы, возбужденные нѣкіимъ Н. Т., нынѣ также умершимъ. Вымышлено ли или нѣтъ это объясненіе, для насъ безразлично. Несомнѣнно одно, что разборъ повѣсти написанъ человѣкомъ умнымъ и многосторонне образованнымъ, и хотя и въ 60-хъ годахъ, можетъ быть и позднѣе, но именно «человѣкомъ сороковыхъ годовъ». Такъ и вѣетъ отъ нея благороднымъ «западникомъ» стараго типа, вскормленнымъ немножко философіей и больше всего эстетикой, — этимъ, своего рода, «отцомъ», ставшимъ лицомъ къ лицу *съ своимъ собственнымъ* «дѣтищемъ». Впрочемъ, за «отца» онъ себя не признаетъ, а только за «предшественника», предоставляя званіе «отцовъ» только тѣмъ, которыхъ величаетъ таковыми и Тургеневъ, т. е. людямъ «загнившимъ», примирившимся съ современною жизненною обстановкой. Базарову, т. е. «дѣтямъ», онъ, конечно, не сочувствуетъ и не можетъ сочувствовать, потому что они «не вѣрятъ идеямъ», или, какъ выражается онъ въ другомъ мѣстѣ нѣсколько фигурно, потому что «науки, искусства—священныя скиніи, въ которыхъ человѣчество хранитъ просвѣтленные облики своихъ созданій»,—

вмѣстѣ съ «любовью, честью, справедливостью» для нихъ не существуютъ. Тѣмъ не менѣе, признавая историческую законнорожденность «дѣтей» (только не отъ себя), отдавая имъ во многихъ отношеніяхъ предпочтеніе предъ слабыми волею, «придавленными учителями» или предшественниками, авторъ, въ мрачномъ паѳосѣ, заканчиваетъ брошюру такими словами: «поколѣніе «дѣтей» восходитъ на царство; никто не отниметъ у него законнаго наслѣдія; страхъ смерти не остановитъ его: оно умѣетъ умирать, какъ умеръ Базаровъ, какъ умеръ Рудинъ».

Не останавливаясь на выраженной при этомъ авторомъ надеждѣ, что «безхитростный поэтъ (т. е. Тургеневъ) не станетъ въ ряды льстецовъ новаго властелина»,—замѣтимъ, что весь разборъ, по объясненію самого *издателя,* написанъ на Дантовскую извѣстную тему о частичкѣ свѣта, закравшейся въ тюрьму. «Свѣтъ закрался» — говоритъ издатель словами одного романиста — «но что̀ онъ освѣтилъ?.. Поздно: все умерло — сила, доблесть, любовь... Оставьте надежду: тюрьма безвыходная...»

Къ такому безотрадному выводу непремѣнно и долженъ придти всякій Русскій Европеецъ, у котораго «сила, доблесть, любовь» коренятся въ какой-то фантастической или отвлеченной почвѣ, и являются безсодержательными,—какъ понятія и какъ чувства. Это отчасти подтверждается и самимъ авторомъ брошюры, какъ увидятъ читатели *ниже;* но отвлеченность и безсодержательность объясняются имъ — по нашему мнѣнію совершенно односторонне и недостаточно — тѣмъ, что «механизмъ нашей общественной жизни принималъ въ себя все, кромѣ развитаго ума и гражданской честности», что масса способныхъ умственныхъ силъ, постоянно выпускаемыхъ нашими университетами, «насильно вытѣснялась изъ практической дѣятельности и не находила себѣ мѣста въ этомъ механизмѣ». Авторъ полагаетъ даже, что еслибы поколѣніе Базарова не встрѣчало на всѣхъ путяхъ дѣятельности «мертвящаго вліянія общихъ основъ господствующаго порядка вещей», то «большая доля силъ новаго поколѣнія пошла бы *на кропотливую работу* практической жизни, которая не замедлила бы сообщить незамѣтно частичку своего консервативнаго характера и самымъ рьянымъ радикаламъ». — Въ этомъ есть своя

доля справедливости, но причины зла не внѣшнія только, а лежатъ гораздо глубже,—тѣмъ болѣе, что указанныя авторомъ причины одинаковы для всѣхъ поколѣній, а для позднѣйшихъ-то именно и ослаблены значительно въ своемъ дѣйствіи. Есть много *«кропотливой* работы практической жизни», исполненіе которой невозбранно было и остается доступнымъ и развитому уму и гражданской честности, но которая, однакожъ, не привлекаетъ къ себѣ работниковъ, по самой своей скромности и кропотливости; да и работники зачастую оказываются непригодными, потому что подступаютъ къ работѣ съ гордостью знанія и совершеннымъ неразумѣніемъ Русской народной жизни... Но много вѣрнаго и еще болѣе интереснаго представляютъ слѣдующія строки:

«Сверстники Базарова застали своихъ предшественниковъ за исполненіемъ программы — громадной по объему, проникавшей во всѣ тайники самой задушевной жизни Русскаго человѣка. Все въ ней представлялось гнилымъ, проникнутымъ отравою разлагавшагося трупа. Поневолѣ они (сверстники Базарова) должны были наполнить свою программу однимъ отрицаніемъ, и на это отрицаніе, подъ страхомъ удержать малѣйшую частичку отвратительнаго яда, пошли всѣ силы новаго поколѣнія. Напрасно Кирсановъ будетъ укорять его, что оно все разрушаетъ, доказывать, что «надобно же и строить». Оно отвѣтитъ ему словами Базарова: «это уже не наше дѣло, сперва надобно мѣсто разчистить». Не удивляйтесь, если новое поколѣніе примется за свое дѣло съ самоувѣренностью, доходящею до наглости... Прошла пора *Гегелевскаго панлогизма*, превращенія всего въ разумъ и слова, наступило время *Шопенгауеровскаго* царства воли. Не разсужденія противопоставятъ «дѣти» волѣ «отцовъ», но свою собственную волю, прежде даже нежели она успѣетъ сдѣлаться разумною»...

Говоря затѣмъ объ общемъ характерѣ Русскаго образованія, авторъ прибавляетъ:

«Только какъ исключеніе, и то большею частью въ самыхъ богатыхъ фамиліяхъ, можно встрѣтить въ Западной Европѣ молодыхъ людей, которые бы посвятили 10 лѣтъ и болѣе жизни на образованіе, отвлеченное отъ всякихъ утилитарныхъ соображеній. Остальные всѣ, учась, имѣютъ прежде всего въ

виду пріобрѣтеніе средствъ, упрочить самостоятельность не столько интеллектуальной, *сколько матеріальной стороны своей жизни.* У насъ совсѣмъ наоборотъ. Бѣднякъ, которому, по выходѣ изъ университета, некуда будетъ приклонить голову, проводитъ время своего научнаго образованія точно такъ, какъ сынъ какого-нибудь милліонера, которому приготовлено все для независимаго ни отъ кого примѣненія выработанныхъ идей къ жизни (?). Такой искренней, безразсчетно свободной, чуждой всякихъ личныхъ соображеній—мысли, какъ она бываетъ у Русскаго юношества, не встрѣтишь легко на Западѣ Европы, гдѣ механизмъ общественной жизни требуетъ и потребляетъ столько умственныхъ силъ».

Авторъ и не подозрѣваетъ, какъ онъ обезцѣниваетъ, имъ же такъ высоко превознесенное, значеніе протеста и отрицанія въ молодомъ поколѣніи. Выходитъ, что главною виною всему—умственный пролетаріатъ, не находящій себѣ удобной возможности «упрочить самостоятельность матеріальной своей жизни». Въ Англіи, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, умственныя силы находятъ каждая «ожидающія ихъ *спеціальности* и болѣе или менѣе потребляются ими, а у насъ было совершенно наоборотъ». Замѣчаніе это вѣрно и многое объясняетъ, но при чемъ же тутъ «Дантовская тема», «сила, доблесть, любовь»... и пр., и пр., и пр.? Пойдемъ далѣе:

«Насильно вытѣсненнымъ изъ практической дѣятельности умственнымъ силамъ ничего болѣе не оставалось, какъ обратиться къ самымъ общимъ теоретическимъ вопросамъ и *по крайней мѣрѣ въ ихъ отвлеченномъ мірѣ воспользоваться своимъ неотъемлемымъ правомъ управлять вселенною*».

«По крайней мѣрѣ!» Еще бы предоставить это право въ мірѣ реальномъ! Да и что̀ это за неотъемлемое право *управлять* вселенною? И какой же контрастъ между такимъ управленіемъ *вселенной* и *кропотливой* работой практической жизни», которой будто бы эти силы лишены, и въ лишеніи которой лежитъ причина всѣхъ бѣдъ! Продолжаемъ выписку:

«Оторваннымъ отъ жизненной почвы имъ легко было впасть въ непримиримый радикализмъ и, вращаясь въ мірѣ *отвлеченностей,* потерять способность различать дѣйствительныя идеи отъ *мертвыхъ абстракцій, все обнимающихъ только своей пустотою.* Никакая форма реальнаго осуществленія не могла

наполнить этой бездонной пустоты: это могли исполнить только мыльные пузыри разгоряченнаго воображенія... Много хорошихъ силъ пошло на эту безплодную работу еще въ поколѣніи предшествовавшемъ Базаровскому. Въ поколѣніи «дѣтей» болѣзнь усложнилась еще новымъ обстоятельствомъ. Діалектическій треножникъ, за которымъ Фаустъ спускался къ богинямъ — матерямъ, оказался лживымъ и былъ выброшенъ за окно новой науки. Она очутилась безъ компаса среди необозримаго океана фактовъ... Дальнѣйшее плаваніе возможно только при отличномъ знаніи теченій, вѣтровъ, требуетъ непрерывнаго напряженнаго вниманія и всѣхъ силъ... Но за то, посмотрите, съ какимъ богатымъ грузомъ сокровищъ возвращаются плаватели, какъ Бокль, какъ Бастіанъ. Но нашимъ плавателямъ было—однимъ не подъ силу, другимъ недосугъ, снаряжаться съ такими большими запасами. Они потеряли терпѣніе болтаться въ оцензурованныхъ лужахъ (выраженіе очень удачное!) и довольствоваться робкими попытками придавленныхъ учителей. Только далеко ли уйдешь *съ однимъ Луи-Бланомъ или Кабе въ рукахъ?*

Трудно поставить въ логическую связь съ этими словами то, что за двѣ страницы говоритъ самъ авторъ о «наслѣдованіи и борьбѣ поколѣній». Разсказавъ о правильномъ прогрессивномъ порядкѣ этой смѣны поколѣній «въ обществахъ свободныхъ», онъ утверждаетъ, что въ «порабощенныхъ происходитъ совсѣмъ другое, и побѣда остается только за внѣшнею силою» и «за тѣми изъ новопришедшихъ, которые успѣли загнить въ утробѣ матери». Но «неизбѣжныя послѣдствія подавленія здоровыхъ силъ въ этой борьбѣ между поколѣніями» — угрожаетъ авторъ — «обнаруживаются рано или поздно въ борьбѣ *международной,* когда лучшіе граждане во врагахъ своей родины должны признать своихъ избавителей... У всѣхъ еще свѣжи въ памяти ликованія жителей Вѣны по поводу каждаго пораженія австрійскихъ войскъ въ 1859 году». Но вслѣдъ за тѣмъ анонимный авторъ спѣшитъ насъ и утѣшить. «Мы пережили это страшное время» — добавляетъ онъ. «Поколѣніе Базарова — первое поколѣніе, которому досталось *счастіе открыто заявить свою программу*».

Къ *счастію* ли для другихъ, да и для нихъ самихъ? и въ чемъ состоитъ *программа* у людей, привыкшихъ, по сло-

вамъ самого автора, вращаться «въ мірѣ мертвыхъ *абстракцій*, въ мірѣ бездонной *пустоты*, которую могутъ наполнить только *мыльные пузыри* разгоряченнаго воображенія» —этого ни авторъ, ни анонимный его издатель не поясняютъ. Развѣ только программа Луи-Блана и Кабе?...

Читатели, надѣемся, не посѣтуютъ на насъ за это пространное изложеніе несомнѣнно-интересной брошюры, въ которой правда и неправда, вѣрныя и невѣрныя черты такъ перемѣшаны между собою и въ которой такъ живо чувствуется та безпочвенность, тотъ въ сущности безсильный, а въ наше время смятый и сконфуженный идеализмъ, которымъ отличались «западники» именно сороковыхъ годовъ. Предъ нами въ брошюрѣ смѣняются учителя и ученики, смѣняются поколѣнія: общее между ними—отрицаніе существующихъ порядковъ. Но мы всѣ болѣе или менѣе дышемъ атмосферою отрицанія. Существующіе порядки отрицали и Фонъ-Визинъ, и Грибоѣдовъ, и Гоголь (на послѣднихъ двухъ указываетъ и авторъ брошюры) — да и газета «Русь» прямо заявила, что наше «изолгавшееся общественное бытіе» (за что на нее вдругъ, ни съ того ни съ сего, накинулись всѣ «либеральныя» газеты!!!) не можетъ внушать иного къ себя отношенія, кромѣ отрицательнаго. Разница между нами и другими отрицателями въ томъ, что послѣдніе не знаютъ, что именно отрицать, отрицаютъ не то, что нужно, а главное—ничего позади отрицаемаго и не видятъ! Они и не догадываются, и не хотятъ догадываться, что настоящая наша общественная дѣйствительность сама ничто иное, какъ отрицаніе Русской народной правды, существеныхъ условій истинной жизни для всей нашей страны. Они и не хотятъ догадываться. Авторъ брошюры даже проглядѣлъ, въ своей іеремиадѣ, такое событіе, какъ 19 февраля 1861 г., какъ дарованіе правъ гражданства 20 милліонамъ крестьянъ. Этотъ новый властительный элементъ нашей жизни, этотъ новый историческій факторъ даже не принимается въ соображеніе и Базаровскою программой,—ему нѣтъ мѣста и роли въ этой программѣ, развѣ только въ смыслѣ пассивнаго орудія для цѣлей—не созиданія, а разрушенія!

Читая эту брошюру,—этотъ очеркъ умственнаго движенія въ нашей такъ-называемой интеллигенціи, невольно спрашиваешь: гдѣ же все это происходитъ? на какой отвлеченной

почвѣ? ни о Русской землѣ, ни о Русскомъ тысячелѣтнемъ народѣ въ брошюрѣ *ни слова*, какъ будто не о немъ и рѣчь, не *его* судьбамъ программу «имѣло счастіе» заявить поколѣніе Базарова, не на иное какое царство, а именно на царство надъ *нимъ*, надъ этимъ великимъ народомъ, восходитъ, по пророчеству автора, поколѣніе «дѣтей»?! И чѣмъ же инымъ, какъ не простою tabula rasa — гладкой доской, на которой пиши, что́ хочешь, — грубымъ, простымъ матеріаломъ, тѣстомъ, изъ котораго лѣпи какую угодно фигуру, по рисунку Руссо или Кабе, или какого-либо новѣйшаго доктринера, чѣмъ-то безъ исторіи, безъ преданій, безъ мысли, безъ воли, безъ души, представлялся и представляется нашъ народъ и поколѣнію Рудиныхъ, и поколѣнію Базаровыхъ, и автору брошюры, и всѣмъ такъ-называемымъ «дѣтямъ»? Вѣдь такое отрицаніе—поопаснѣе можетъ быть даже внѣшней силы господствующихъ порядковъ, именно потому, что она *внѣшняя* и способна придти къ сознанію своей несостоятельности, а сила умственная и сила образованія—это силы внутреннія, духовныя, трудно уступающія, способныя разлагать и то, что̀ силѣ внѣшней вовсе ужъ недоступно! Какое невѣжество и въ то же время какое полнѣйшее презрѣніе къ Русской народной личности, къ правамъ народности и народа проявляетъ авторъ брошюры — и всѣ иже съ нимъ и отъ него—въ каждомъ своемъ словѣ, самъ того не замѣчая и не сознавая! Но былъ ли бы онъ даже способенъ сознать? Развѣ не туги на сознаніе, не упорствуютъ въ своемъ тайномъ презрѣніи и теперь многіе и многіе представители и водители нашей «интеллигенціи»?

Станьте, читатель, среди нашего умнаго народа на Русскую историческую почву и представьте себѣ *оттуда*, что̀ творится надъ нимъ, въ верхнихъ слояхъ? Творится чуть не два вѣка. Сначала Петръ вноситъ новыя Римскія понятія о власти и государствѣ въ Германской редакціи XVII вѣка... Но Петра мы оставимъ... Что̀ творится теперь, о чемъ радѣютъ тѣ, которые, по ихъ мнѣнію, должны почитаться цвѣтомъ народнаго ума, представителями народной безсознательной, но ими сознанной мысли? Тамъ, на воздухѣ, происходитъ борьба, страшная борьба, отъ которой, если чуть она прикоснется жизни, какъ отъ столкнувшихся тучъ, громъ и молнія могутъ пасть на сирую Русскую землю... (*Сирую*—именно потому, что отъ нея отшатнулся

ся образованный сознательный слой)... Это борятся съ враждебною силою поклонники Гегелева панлогизма, Шопенгауэрова царства воли, Гартмана, Огюста Конта, Гельмгольца и т. д. Эта борятся послѣдователи всевозможныхъ Западно-Европейскихъ, только не Русскихъ народныхъ *программъ*. Одни, люди умѣренные, люди порядка, хотятъ Германскимъ идеаламъ XVII вѣка противопоставить и Русской землѣ навязать «буржуазные» идеалы Западной Европы; другіе—«программы» соціалистическія, третіе—парижскую коммуну. Одни съ Бентамомъ, Миллемъ въ рукахъ и съ прочими иностранными авторитетами по части государственнаго устройства; другіе съ Луи-Блапомъ, Кабе, а теперь уже и съ Феликсомъ Піа и Рошфоромъ въ рукахъ... Соціалисты и коммунары, конечно, логичнѣе: они—представители крайняго «западничества», предлагаютъ «послѣднее слово науки» и западной жизни, справедливо говоря, что буржуазные идеалы на Западѣ уже подгнили. Если ужъ разъ отринуть основы Русской народной жизни, такъ что̀ же и останавливаться на полдорогѣ, благо груза за плечами никакого нѣтъ, ничто не дорого и жалѣть не о чемъ!

Вотъ что̀ увидитъ и уразумѣетъ Русскій народъ, если подниметъ голову вверхъ, всмотрится и прислушается... Спрашивается — что долженъ онъ испытать и почувствовать?... О хозяинѣ-то и позабыли... Но онъ не дастся въ обиду.

Не въ томъ только бѣда нашего образованія, въ чемъ видитъ его авторъ,—не въ томъ только, что образованіе не находитъ себѣ потребленія въ Русской землѣ, но въ томъ особенно, что оно большею частью таково, что и не можетъ найти себѣ примѣненія. Въ томъ бѣда, что образованіе наше не серьезно, что все оно, вся наука наша зиждется на незнаніи, непониманіи, даже прямо на отрицаніи нашей народной личности, народной духовной полноправности, и въ духѣ этого невѣжественнаго и отрицательнаго отношенія къ своей исторіи и своему народу воспитывается наше юношество. Съ тою неумолимою послѣдовательностью, къ которой именно способна честная юность, она довела это отрицаніе до крайняго его предѣла, до нелѣпости, до абсурда, и много, много жертвъ принесено ею своему заблужденію. Но вина не на нихъ, а на насъ, воспитателяхъ. Уже подростаетъ, — вѣримъ мы, — новое поколѣніе, которое устыдится своего безсознательнаго презрѣ-

нія къ родному народу, къ роднымъ завѣтамъ, преданіямъ и основамъ своей земли, посрамится чуждыхъ, иною жизнью созданныхъ идеаловъ, ужаснется деспотическихъ поползновеній своихъ предшественниковъ, готовыхъ тираніей и обманомъ навязать Русскому народу измышленныя разными чужестранными доктринерами формы политическаго и общественнаго бытія,—и съумѣетъ найти положительное, не отрицательное рѣшеніе всѣхъ мучающихъ насъ современныхъ задачъ и вопросовъ!...

Къ молодежи нужно относиться честно, любить ее.

Москва, 13-го декабря 1880 г.

«Много, много жертвъ своему заблужденію принесено у насъ юностью, но вина не на ней, а насъ, воспитателяхъ»... Вотъ что сказали мы въ передовой статьѣ 4-го № *), еще накапунѣ московскихъ университетскихъ событій прошлой недѣли. Эти событія не измѣнили нашего мнѣнія. Мы не станемъ входить въ ихъ подробное изслѣдованіе и не примемъ участія въ полемикѣ, возникшей между газетами по ихъ поводу. Московское происшествіе съ нашей точки зрѣнія только частный случай,—одинъ изъ сотни ему подобныхъ, и насъ гораздо болѣе занимаетъ ихъ общій смыслъ и значеніе. «Честности—говорили мы въ прошлый разъ—честности-то и недостаетъ нашей общественной жизни». И именно нѣтъ ея у насъ въ нашемъ обращеніи съ юношествомъ.

Къ молодежи нужно относиться *честно—честно* любить ее.

Думать ли, что она неспособна оцѣнить благородной прямоты въ отношеніяхъ съ собою,—что она можетъ быть руководима лишь потворствомъ, поблажкою, поддакиваньемъ? Не будетъ ли это клеветою на благородные инстинкты, несомнѣнно свойственные юности? Или ужъ она въ Россіи такъ выродилась? Или уже утратила то молодое, тонкое нравственное чутье, которое такъ легко распознаетъ лесть и искренность, фальшь и правду? Если выродилась, если утратила,—хотя бы

*) См. предыдущую статью.

и не вся, однакоже въ большинствѣ своихъ представителей,— то вина опять-таки лежитъ, главнымъ образомъ, на наставникахъ, на обществѣ и въ значительной степени на нашей печати.

Кто молодъ не бывалъ? Кто не вспоминаетъ съ любовію о своей юности, о годахъ своего общественнаго воспитанія, какъ бы даже тяжелы они ни были? Сочувствовать молодежи— это такое простое, естественное движеніе сердца, что ставить его кому-либо въ заслугу—болѣе чѣмъ странно. Но какъ скоро это сочувствіе возводится въ поклоненіе, самое поклоненіе въ догматъ моднаго либерализма—начинается вредная и опасная ложь. Эта-то ложь и погубила у насъ не одно молодое поколѣніе. Преклоняться не только передъ свѣжестью и откровенностью молодыхъ чувствъ, стремленій, порывовъ, но передъ мнѣніями, образомъ мыслей, какое бы ни было ихъ содержаніе, передъ дѣйствіями и волею юношей, потому только, что они юноши, творить изъ молодежи кумира — это въ лучшемъ случаѣ слабоуміе,—большею же частью лицемѣрное холопство. Ибо надо сказать правду, — въ противоположность чудовищно развившемуся на Руси человѣкоугодничеству предъ сильными міра, — разрослось, расплодилось у насъ не менѣе чудовищное холопство и предъ всякой мишурой «либерализма»...

Подъ страхомъ прослыть «несочувствующимъ молодому поколѣнію», а потому и не «либераломъ», иной старикъ умышленно молодится, виляетъ, труситъ выказать передъ юношами, что онъ и въ Бога вѣритъ и чтитъ «предразсудки» христіанской нравственности. Подъ опасеніемъ лишиться благосклонности этого новаго властелина, иной маститый наставникъ не рѣшается произнесть осужденіе явно возмутительному поступку своихъ учениковъ и вмѣсто назиданія поетъ имъ гимны, подпускаетъ либеральнаго курева,—т. е. чаду въ ихъ юныя головы.

Развѣ заискиваніе популярности у слушателей не общепризнанная черта значительной части нашихъ педагоговъ— высшихъ іерархическимъ степеней? Но *заискиваемая* популярность пріобрѣтается не иначе, какъ сдѣлками совѣсти съ ложью, какъ такими рѣчами, гдѣ подразумѣваемый, вѣрнѣе сказать подмигиваемый либерализмъ, опьяняя юношей, въ то же время не компрометтируетъ выгодъ офиціальнаго положенія,

занимаемаго ораторомъ. Развѣ никому изъ насъ не случалось быть свидѣтелемъ разныхъ безсмысленныхъ, но искусственно подготовленныхъ овацій, въ которыхъ рьяная, легко подстрекаемая молодежь служила слѣпымъ орудіемъ постороннихъ цѣлей? Такое кажденіе «молодымъ силамъ» производится изъ двоякихъ побужденій. Вопервыхъ, ради снисканія благоволенія, потому что пользоваться репутаціей «либерала», а потому и расположеніемъ, поддержкою и при случаѣ рукоплесканіями толпы слушателей, очень пріятно, особенно когда это достается дешевыми либеральными фразами и дешевою лестью. Этимъ средствомъ не пренебрегаютъ и чиновные педагоги, которые въ душѣ своей далеки отъ всякихъ свободолюбивыхъ поползновеній. Вовторыхъ, кадятъ иногда онміамомъ люди искренно убѣжденные, желающіе провести свое убѣжденіе въ юные умы слушателей, для чего самое сподручное средство—опять-таки лесть. Но при этомъ убѣжденный педагогъ теряетъ изъ виду, что всякое, такимъ образомъ производимое либеральное насажденіе приноситъ либеральный плодъ совсѣмъ иного качества, чѣмъ предполагалъ насадитель. Онъ не соображаетъ, что придавъ ему значеніе запрещеннаго плода, онъ придаетъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ фальшивую цѣнность, пускаетъ такъ сказать въ оборотъ фальшивую монету; онъ забываетъ, что молодежь не способна остановиться на полудорогѣ, удержаться на этой золотой серединѣ, на которой стоитъ самъ, оплачиваемый государственными деньгами, апостолъ коекакихъ отрицательныхъ ученій. Молодежь, съ свойственной ей пылкостью и прямолинейностью мысли и чувства, послѣдовательна въ своихъ выводахъ до самоотверженія; ей почти нечего терять, — опытъ жизни ей не помѣха, потому что его еще нѣтъ, — блаженства старыхъ людей, блаженства привычекъ, комфорта, удобствъ она еще не вкусила,—она по самой своей природѣ безстрашно-радикальна. Вотъ и выходитъ, что по мѣрѣ того, какъ ихъ наставники подвигаются въ чинахъ и обзаводятся болѣе умѣренными, болѣе приличными возрасту, чину и званію убѣжденіями, молодежь, ими воспитанная, повинуясь данному ей однажды толчку — мчится до крайняго предѣла, до такого радикальнаго абсурда, отъ котораго готовъ съ ужасомъ отпрянуть и самъ, несообразительный и не вполнѣ добросовѣстный учитель...

Но и тѣ и другіе педагоги, постоянною лестью кружа головы юношей, возвеличивая ихъ значеніе, вызывая на разныя неумѣстныя публичныя заявленія, — въ концѣ концовъ совершенно сбиваютъ молодежь съ толку и ставятъ ее на скользкій и опасный путь. Нельзя же требовать, чтобъ молодые люди добровольно отказались вѣрить всему тому, что цѣлому ряду молодыхъ поколѣній, въ теченіе пятнадцати лѣтъ и до сего дня, и многіе педагоги, и печать не перестаютъ твердить со всѣхъ сторонъ. Давно ли мы читали въ одной газетѣ, претендующей на серьезность и на связь съ педагогическимъ міромъ, что «молодежь есть значительная политическая сила»? Какъ же молодежи при этихъ словахъ не вообразить себя и въ самомъ дѣлѣ «силою», не попытаться дать и другимъ ее почувствовать,—пошалить, поиграть сю?! Если ее подстрекаютъ къ оваціямъ, то она не можетъ не признать за собою права выражать и хулу и порицаніе. Если ее употребляли какъ средство для постороннихъ цѣлей, то не трудно догадаться, что она непремѣнно пожелаетъ заставить и другихъ послужить ея собственнымъ цѣлямъ. Этимъ и объясняются намъ прискорбные безпорядки послѣднихъ лѣтъ, творимые юношами въ университетахъ, академіяхъ, институтахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но если виновники безпорядковъ и заслуживаютъ наказанія, такъ все же прокурорская роль обвинителя юношей не совсѣмъ къ лицу воспитавшимъ ихъ педагогамъ.

Учащаяся молодежь—значительная политическая общественная сила! Какое вредное, губительное празднословіе! Учащаяся молодежь — это наша надежда, наше чаяніе, наше будущее. Это зелени, радующія взоръ земледѣльца... Но зелени еще не хлѣбъ. До жатвы еще далеко. При дурномъ уходѣ, ихъ могутъ заглушить сорныя травы; при неблагопріятныхъ атмосферическихъ условіяхъ, онѣ могутъ пойти въ *траву*, дать пустой колосъ. Такъ почти и вышло у насъ съ цѣлымъ преемственнымъ рядомъ поколѣній, которыхъ можетъ-быть наилучшій цвѣтъ, вслѣдствіе пагубнаго за нимъ ухода, по своему крайнему радикализму, по своему невѣжеству, по отрицательному отношенію къ Русской жизни и народности, оказался совсѣмъ непригоднымъ къ скромной, невзрачной, потребной для родной земли, зиждительной работѣ, и погибъ безплодно для Россіи, въ тщетныхъ попыткахъ разрушенія...

Говоря «молодежь», «молодость» — никто однако изъ поклонниковъ и льстецовъ ея, да и никто изъ ея собственныхъ рядовъ не спросилъ себя — кого же причислять къ молодежи и на какомъ основаніи? Если на метрическомъ, то съ какого возраста и до какого? Если первокурсникъ гордится своею юностью и признаетъ въ ней источникъ своего права на особенное къ нему благоволеніе и уваженіе, то окончившій курсъ кандидатъ университета смѣетъ ли причислять себя къ одному съ нимъ разряду *полноправной* молодежи? А вѣдь разница въ степеняхъ развитія довольно значительная. Наоборотъ: если заслуга и основаніе права заключаются только въ молодости, то гимназистъ еще моложе студента, стало-быть еще полноправнѣе? Это напоминаетъ анекдотъ про одного австрійскаго аристократа, который съ почтеніемъ снималъ шляпу предъ своимъ малолѣтнимъ сыномъ, такъ какъ этотъ сынъ былъ уже на цѣлую степень (quartier) древнѣе, стало-быть родовитѣе и знатнѣе своего отца!

Нечестно величать учащуюся молодежь политическою силою; нечестно туманить ей головы льстивымъ либеральнымъ куревомъ. Намъ дорога *учащаяся* молодежь, залогъ будущей общественной силы, разсадникъ будущихъ дѣятелей, но именно серьезно и основательно *учащаяся*. Никуда негодны юные неучи, вспрыснутые нѣсколькими каплями либеральнаго эликсира или вѣрнѣе — либеральной жижи Русской поддѣлки (въ родѣ Русскаго шампанскаго) — которые, принявъ это кропленіе какъ помазаніе, считаютъ себя призванными уже не учиться, а учить, — судить и рядить народную жизнь и вплошную отрицать все, чего не вѣдаютъ и не разумѣютъ. Много печальныхъ событій, въ которыхъ главными дѣятелями были люди очень молодые, пережили мы въ послѣдніе два-три года. Не говоримъ объ отвратительныхъ преступленіяхъ, о которыхъ у порядочныхъ людей двухъ мнѣній быть не можетъ. Но было не мало всяческихъ манифестацій, подпольныхъ афишекъ и изданій, обращавшихся, неизвѣстно какимъ образомъ, въ рукахъ учащихся юношей; много вообще скрытой агитаціи, которая не могла не смущать воспріимчивую, отзывчивую юность. Положительно и рѣшительно не знаемъ, какъ поступали въ это время наши педагоги; но намъ кажется — это была самая удобная пора для благотворнаго воздѣйствія на молодые умы и

сердца. Надо было прежде всего отложить всякое попеченіе о томъ, чтобъ не угасъ въ душахъ юношей «священный пламень либерализма». Если не нашъ пошлый, условный либерализмъ (отъ котораго мы желаемъ для нихъ избавленія), то святой огонь любви къ истинной свободѣ никогда не можетъ угаснуть въ благородномъ, особенно молодомъ сердцѣ. Объ этомъ и заботиться нечего. Но что̀ было бы въ то время, да и всегда вполнѣ благовременно—это прежде всего *не молчать*, не обходить щекотливой матеріи двусмысленными намеками, а именно *говорить* о ней и ставить молодымъ людямъ вопросъ на прямикъ, въ упоръ,—не о томъ, что̀ «либерально», что̀ не «либерально», а о томъ, что̀ подло и что̀ благородно, что̀ честно, что̀ безчестно, что̀ нравственно, что̀ безнравственно и гнусно. Думаемъ, что такая твердая, исполненная сердечной искренности постановка и таковое же рѣшеніе этихъ вопросовъ — не могли бы остаться безъ добраго дѣйствія хотя бы только на нѣкоторыхъ изъ молодыхъ людей. Мы бы пошли и дальше. Намъ кажется, что слѣдовало бы, иному авторитетному профессору просто взять любой изъ подпольныхъ листковъ и прочесть его вслухъ съ критической оцѣнкой, съ обращеніемъ къ молодымъ свѣжимъ умамъ, — прочесть тѣмъ, которые и безъ того читаютъ втайнѣ, — и не выдержало бы ни одно это подпольное разглагольствіе дневного свѣта критики, и звонкимъ смѣхомъ огласилась бы аудиторія при громогласномъ прочтеніи какого нибудь вздора, въ родѣ сравненія «идеалиста» Пугачева съ Вашингтономъ «страдавшимъ отсутствіемъ идеаловъ»...

До какой степени фальшиво отношеніе нашей quasi-либеральной печати къ нашей Русской молодежи — видно всего ярче изъ извѣстной старой исторіи о мясникахъ Охотнаго рынка. Ее опять вспомянули на дняхъ, и опять умышленно или безсознательно—въ свѣтѣ невѣрномъ, недобросовѣстномъ. Вмѣсто того, чтобъ въ свое время, да и теперь, пользоваться этою исторіею для назиданія молодежи, обвиняютъ въ подстрекательствѣ то полицію, то редакцію одной газеты, зная очень хорошо, что никогда никакого и ничьего подстрекательства тутъ не было, а что произошелъ болѣе чѣмъ естественный взрывъ народнаго негодованія. Въ томъ именно и дѣло, что съ народомъ шутить не слѣдуетъ; не слѣдуетъ будить въ немъ

стихійной его силы, вызывать наружу инстинкты звѣря, которыхъ выразителемъ въ подобныхъ случаяхъ всегда является самый грубый, злокачественный осадокъ простонародья—чернь (особенно городская). Молодые люди (къ счастію, не студенты университета) вздумали сдѣлать глупую и дерзкую манифестацію, учинить публичную по улицамъ процессію при сопровожденіи каретъ съ государственными преступниками, — держать рѣчи къ изумленной простонародной толпѣ, требовать снятія шапокъ и т. п. Вѣдь не къ привилегированнымъ же, въ самомъ дѣлѣ, причисляли себя молодые люди, требовавшіе, чтобъ за ними признано было право безнаказанно производить уличную демонстрацію, оскорблять публично власть, которую народъ чтитъ, слѣдовательно оскорблять нахально и явно народное чувство, насмѣхаться надъ нимъ? Такъ какъ плохая въ то время наша полиція не нашлась что дѣлать, то жители улицы на уличную наглую демонстрацію отвѣтили уличною же расправой,—омерзительной, гадкой, звѣрской безъ сомнѣнія, при чемъ разъяренная толпа (но виноваты первые тѣ, кто ее разъярили) не различала ужъ ни праваго, ни виноватаго. Выводъ изъ этой исторіи, который бы слѣдовало педагогамъ внушить всѣмъ молодымъ людямъ, таковъ: «извольте не забывать, что въ Россіи есть народъ, что безнаказанно раздражать и дразнить его нельзя, что въ вашихъ либеральныхъ фантазіяхъ вы должны считаться съ народомъ, къ которому сами принадлежите, уважать его, принимать его мысли и чувства въ соображеніе. Пусть это послужитъ вамъ урокомъ». Но что̀ за рѣки вздорныхъ словъ самаго грошеваго либерализма и лицемѣрнаго негодованія пролило при сей оказіи большинство нашихъ газетъ! Какіе гнѣвные перуны пущены ими были (и тогда, и на дняхъ снова) въ «чернь»! А давно ли эта самая «чернь» ими же возвеличивалась! Пушкинъ развѣнчивался изъ великихъ поэтовъ за недостатокъ либеральнаго отношенія къ «черни» въ извѣстномъ разговорѣ поэта съ чернью; Стенька Разинъ, предводитель черни, возводился въ истиннаго героя!!— Кстати вспомнить, что точно такая же исторія разыгралась черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ, при извѣстной демонстраціи у Казанскаго собора, за которою послѣдовала точно такая же отвратительная расправа—справедливаго въ своемъ существѣ народнаго суда,—и что̀ же? ни одна газета почему-

то не пришла тогда въ негодованіе, напротивъ всѣ обрушились на молодыхъ же виновниковъ демонстраціи, какъ будто произошло не совершенно одно то же, что̀ и въ Москвѣ!

Мы вынуждены были напомнить съ подробностью объ этихъ гнусныхъ исторіяхъ, чтобы показать образцы фальшиваго отношенія къ молодежи очень многихъ нашихъ органовъ печати. Развѣ все это не сбиваетъ ее съ толку? не губитъ ее? Развѣ поздніе, хотя и вполнѣ справедливыя назиданія со стороны тѣхъ, которые столько лѣтъ, какъ мы видѣли выше, искажали ея понятія, величали ее «политическою силою», могутъ оказать надлежащее благотворное дѣйствіе, внушить должное довѣріе? Конечно лучше поздно, чѣмъ никогда, но не мѣшало бы въ такомъ случаѣ принести напередъ нѣкоторое покаяніе.

Страшно сказать, какъ мало у насъ свободныхъ, независимыхъ мыслью и духомъ людей, сколько человѣкоугодничества и душевнаго холопства во всѣхъ видахъ!.. Весь нашъ либерализмъ въ сущности долженъ быть пока сведенъ къ одному: къ внутренней независимости, къ честности. Пріобрѣсти ее не можетъ помѣшать человѣку никакая внѣшняя сила въ мірѣ; никакая же внѣшняя сила не властна и отнять ее. Если благородный Шиллеръ рекомендуетъ Männerstolz vor Königsthronen, — т. е. человѣческое достоинство, честность, гордость мужа предъ престолами царей, то такая же честная независимость требуется и по отношенію къ власти, хотя беззаконной, но тѣмъ не менѣе сильной — модныхъ повѣтрій и доктринъ, печати, такъ-называемаго общественнаго мнѣнія и тому подобныхъ божковъ и временщиковъ.

Не знаемъ, выродилась ли въ Россіи молодежь, но если не выродилась, то въ средѣ ея, мы не сомнѣваемся, найдется хоть нѣсколько людей, въ души которыхъ заронится наше искреннее слово, и если заронится, то безплоднымъ не останется.

«Обрѣсти» должно, а не «изобрѣсти», Русскую, живую формулу жизни.

Москва, 20-го декабря 1880 г.

Не мало было отзывовъ въ нашей печати не только неблагопріятныхъ, но и прямо враждебныхъ о передовыхъ статьяхъ газеты «Русь», особенно о передовой статьѣ 1-го №. Мы прочитали ихъ внимательно, не исключая и діатрибъ тѣхъ «органовъ Русской прессы», которые отличаются полною независимостью отъ какихъ бы то ни было приличій, соблюдаемыхъ въ печатной полемикѣ (таковы ужъ ихъ нравы, и они могутъ быть вполнѣ благонадежны: это поле, въ ихъ борьбѣ съ нами, всегда останется за ними). Намъ хотѣлось уразумѣть, какой духъ ими движетъ, какимъ убѣжденіемъ они руководимы; мы старательно искали какого-либо полезнаго для себя указанія. Тѣмъ съ бо̀льшимъ вниманіемъ отнеслись мы къ сужденіямъ газетъ почитающихся серьезными и заявившихъ о своемъ съ нами несогласіи. Въ нихъ-то—думалось намъ—найдемъ мы строгую критику нашихъ мнѣній, всѣ основанія для дѣльнаго спора. Къ сожалѣнію, никакой дѣйствительно опредѣленной мысли не могли мы выжать изо всѣхъ этихъ нападокъ и возраженій. За исключеніемъ, можетъ быть, одной—двухъ замѣтокъ, все сводилось къ чему-то, судя по условнымъ внѣшнимъ признакамъ, очень либеральному, но либеральному «вообще», годному развѣ для Репетиловскаго «взглядъ и нѣчто». Счастливые люди эти господа наши либералы!—не могли мы не позавидовать имъ. Все у нихъ въ умѣ гладко; ни сомнѣній, ни раздумья; всѣ задачи у нихъ порѣшены; на всѣ вопросы готовые отвѣты; на всѣ недуги готовая панацея: сто̀итъ только протянуть руку черезъ границу къ сосѣдямъ и, не ломая долго головы, перенесть это универсальное снадобье къ намъ... И собой-то они довольны: «мы—созрѣлая національная интеллигенція, мы—послѣднее слово и западной науки, и Русскаго самосознанія!».. Ничто ихъ не затрудняетъ, не смущаетъ,—даже забота о пригодности иностранныхъ лѣкарствъ; ихъ мысли не приходится считаться ни съ Русской исторіею, ни съ народомъ! Счастливые люди, повторимъ мы снова, вспоминая тѣ самые стихи Гёте, съ которыми однажды Юрій Самаринъ

обращался въ нашей газетѣ «Москва» къ одному счастливому государственному мужу:

Dich stört nicht im Innern
Zu lebendiger Zeit
Unnütz'ges Erinnern
Und vergeblicher Streit!

«Тебѣ не мѣшаютъ, внутри тебя, въ переживаемое время, ни воспоминанія безполезныя, ни напрасная борьба!»..

Оговоримся, потому что предвидимъ возраженія. Намъ могутъ замѣтить, что такъ-называемая или называющая себя «либеральная» пресса пуще всего радѣетъ именно о народѣ. Не она ли первая открыла и торжественно повѣдала міру, что не у одной Европы, но и у Россіи также есть и «рабочій», и «аграрный» вопросы? Дѣйствительно, честь эта принадлежитъ ей безспорно, но это уже не открытіе, а цѣлое творчество. О несообразности клички «аграрнаго» вопроса съ дѣломъ о недостаточности по мѣстамъ земельныхъ надѣловъ и объ облегченіи способовъ народнаго передвиженія по нашимъ неизмѣримымъ пространствамъ, въ нашей газетѣ было уже говорено довольно. О «рабочемъ» вопросѣ въ странѣ, гдѣ почти всѣ рабочіе поголовно владѣютъ усадьбами и землею, чего именно не имѣютъ рабочіе Европы, — толковать, кажется, много нечего. Тѣмъ не менѣе, мы съ удовольствіемъ заявляемъ, что наша такъ-называемая либеральная печать въ самомъ дѣлѣ очень много, и конечно искренно, печется объ экономическихъ интересахъ народа, но только объ *экономическихъ;* другихъ интересовъ — нравственныхъ, духовныхъ — она у народа не признаетъ; съ извѣстной «либеральной» точки зрѣнія нѣтъ у него ни преданій, ни народной личности, ни души, ни мысли, ни своеобразныхъ понятій о государственномъ строѣ... Экономическіе же интересы народовъ вообще поставлены на первый планъ самою *западною* наукою и жизнью; о нихъ существуетъ въ Европѣ цѣлая готовая литература, съ готовыми передовыми воззрѣніями, которыя стоитъ только приложить къ Русской экономической жизни и выйдетъ, если и не складно, за то «либерально». Самая община наша или вѣрнѣе общинное поземельное владѣніе (за которое двадцать лѣтъ такъ-называемые славянофилы вели ожесточенный бой съ либералами 40-хъ и 50-хъ годовъ) принято подъ благосклонное покрови-

тельство нашей печати и позднѣйшихъ ученыхъ только съ разрѣшенія нѣкоторыхъ западныхъ ученыхъ авторитетовъ и ради аналогіи этой формы землевладѣнія съ панлиберальнѣйшими идеалами новѣйшихъ Европейскихъ доктринъ. Мы конечно рады, что эта сторона народнаго быта встрѣчаетъ теперь несравненно большее число защитниковъ, чѣмъ въ прежнее время, но не можемъ не сожалѣть о томъ, что при господствѣ прежнихъ молодыхъ западныхъ вѣяній удалось-таки нашимъ тогдашнимъ либераламъ ввести въ Положеніе 19-го февраля нѣсколько мѣръ, способствующихъ не укрѣпленію, а ослабленію и даже разложенію этой самой, ими теперь покровительствуемой поземельной общины... Поэтому нельзя безъ нѣкоторой осмотрительности относиться къ попеченіямъ нашихъ такъ-называемыхъ либераловъ и настоящаго времени даже объ экономическихъ интересахъ Русскаго народа, потому что попеченія эти большею частью вызываются не столько сочувствіемъ именно къ Русскому крестьянину въ частности, сколько гуманно-демократическимъ отношеніемъ къ народу *вообще*, причемъ данныя условія Русскаго народнаго, исторически сложившагося быта приносятся, болѣе или менѣе, въ жертву требованіямъ и принципамъ отвлеченныхъ или иноземныхъ доктринъ.

Одна изъ газетъ, вполнѣ серьезная по своему тону и внѣшнимъ пріемамъ, сдѣлала намъ, по ея мнѣнію, вѣроятно серьезное замѣчаніе, которое мы обойти не можемъ. Мы, какъ помнятъ читатели, настаивали на необходимости неотложнаго изученія задачи объ уѣздномъ самоуправленіи и о разрѣшеніи ея въ общественномъ сознаніи. Мы доказывали, что неудача нашего земства въ его настоящемъ видѣ происходитъ не столько отъ внѣшнихъ «препонъ», на которыя такъ любятъ ссылаться, сколько отъ недостающаго земскимъ учрежденіямъ авторитета въ самомъ народѣ и отъ отсутствія органической связи со всѣми прочими земскими элементами и отправленіями уѣздной общественной жизни. Мы старались объяснить, что если существующее уѣздное земское представительство, формою котораго мы дорожимъ, народу не свое, то губернское и подавно будетъ ему чуждо; если въ уѣздномъ представительствѣ нѣтъ правды, то и въ дальнѣйшей *градаціи* представительства получится только ложь... Мы

усматривали въ этой ячейкѣ земскаго самоуправленія возможность союза личныхъ интеллигентныхъ единицъ съ народомъ,— завязку той органической земской жизни, которая, по мѣрѣ развитія, будетъ въ силахъ со временемъ обновить, укрѣпить и внести правду во весь нашъ общественный бытъ и строй. Казалось бы, задача объ устраненіи упомянутой лжи въ самой первой инстанціи земскаго самоуправленія и представительства, и о водвореніи въ ней правды — плодотворной для развитія нашего *дальнѣйшаго* общественнаго бытія, не лишена интереса; тѣмъ болѣе, что она не какая-либо отвлеченная, а стоитъ на практической, доступной почвѣ и — на очереди. Что же возражаетъ намъ газета?.. «Россію давила реакція, процвѣтала административная ссылка, общественное слово было сковано, земство придавлено» и пр., а «редакторъ «Руси» указываетъ намъ въ видѣ радикальной панацеи земское устройство уѣзда!» Но слово уже менѣе сковано; объ административной ссылкѣ мы теперь разсуждаемъ довольно свободно; неудача земства вовсе не во внѣшнихъ, къ сожалѣнію, а во внутреннихъ причинахъ... Да, мы утверждаемъ, что исцѣленія должны мы искать прежде всего — въ возрожденіи цѣльной, земской, сильной органической жизни, въ томъ, чтобы наше начинающееся земское представительство стало правдою, — истиннымъ, а не самозваннымъ проводникомъ дѣйствительно-народнаго сознанія. Но до всего этого нѣтъ никакого дѣла нашему оппоненту: его панацея не въ органической жизни, а въ механическомъ, изъ-за границы выписанномъ и сверху деспотически наложенномъ снарядѣ.

Что тутъ толковать объ уѣздномъ самоуправленіи, продолжаетъ газета, «когда нѣтъ гарантій его охраняющихъ», когда возможно произвольное удаленіе человѣка въ «чужія губерніи»—другими словами, когда существуетъ административная ссылка. При этомъ не обошлось и безъ личныхъ намековъ. Такого возраженія мы не считаемъ серьезнымъ. Какъ бы мало ни питали наши обѣ газеты сочувствія къ этой формѣ административнаго произвола, — практическая отмѣна или ослабленіе ея внѣ нашей власти. «Русь» предлагала разрѣшеніе вопроса объ уѣздномъ самоуправленіи прежде всего въ нашемъ общественномъ *сознаніи*, а работа *сознанія* не состоитъ въ зависимости ни отъ какой административной

ссылки да и способствующій этой работѣ печатный обмѣнъ мнѣній, слава Богу, не возбраненъ. Административныя удаленія существовали, даже безъ возможности печатно упоминать о нихъ, и въ эпоху освобожденія крестьянъ; однако не помѣшали ни повсемѣстной работѣ умовъ, обсуждавшихъ способы освобожденія и надѣленія землей, ни самому освобожденію и надѣленію. Никому тогда и въ голову не приходило ставить препятствіемъ этой работѣ необходимость предварительныхъ какихъ-либо гарантій противъ извѣстнаго произвола. Но вообразите себѣ, что административная ссылка уже вышла изъ обычая, никому уже болѣе не грозитъ; это все-таки не поможетъ вамъ разрѣшить вопросъ объ искреннемъ сочетаніи нашей интеллигенціи съ народомъ и о созданіи истиннаго самоуправленія; все-таки не придастъ вамъ бо̀льшаго разумѣнія народной жизни! Нельзя не вспомнить также, что актъ 19 февраля, которое стало не только новой эрой нашей исторіи, но и міровымъ событіемъ, которое составляетъ нашу гордость, нашу славу, наше преимущество предъ Европой, былъ вовсе не *конституціоннымъ* актомъ, ибо власть утвердила мнѣніе *меньшинства*, а не *большинства* губернскихъ комитетовъ. Повода къ сожалѣнію объ этомъ не видится. Это признаютъ конечно не только всѣ наши газеты, но и представители всякихъ либеральныхъ у насъ мнѣній безъ исключенія. Объ этомъ сожалѣть могутъ только англійскіе лорды, отвергающіе въ своей палатѣ всякія облегченія аграрныхъ отношеній для ирландскихъ крестьянъ... При всемъ нашемъ личномъ нерасположеніи къ ссылкѣ не по суду, несомнѣнно оскорбляющей достоинство человѣческой личности, мы находимъ, что даже съ точки зрѣнія нашихъ такъ-называемыхъ либеральныхъ газетъ, непрестанно указывающихъ намъ на Западъ для подражанія не особенно умѣстно поднимать рѣчь объ этой административной мѣрѣ въ Россіи—въ виду образца преподаваемаго ей сосѣднимъ *конституціоннымъ* государствомъ. Конечно, въ Германіи административныя высылки соціалистовъ и вслѣдствіе того объявленія городовъ (недавно Франкфурта) на военномъ положеніи совершаются по уполномочію самого народнаго представительства, и потому не смущаютъ и не отягощаютъ *личной* совѣсти никого изъ носителей власти; но отъ этого легче

развѣ однимъ Германскимъ носителямъ власти. Къ несчастію нашему, поводовъ къ такому способу самоохраны представилось у насъ въ послѣдніе два года, не менѣе, если не болѣе чѣмъ въ Германіи.

И такъ, мы не усматриваемъ въ возраженіи «серьезной» газеты никакого основанія бросать заботы объ устроеніи нашего земскаго самоуправленія, о разрѣшеніи этой задачи по крайней мѣрѣ для нашей общественной мысли. Интересно сопоставить съ вышеприведеннымъ отзывомъ газеты письмо, полученное нами отъ неизвѣстнаго лица за подписью «Голосъ изъ провинціи», — интересно по сходству и по различію. Различіе состоитъ въ оцѣнкѣ важности возбужденнаго «Русью» вопроса; сходство—въ устраненіи предлагаемой работы.

«Не безъ радости и большаго вниманія будетъ многими прочитано ваше слово въ 1 № газеты, — пишетъ анонимный авторъ. Въ немъ цѣлая и обширная программа. *Устроить уѣздное земство—устроить всю Россію.* Не многіе съ вами не согласятся *изъ живущихъ въ провинціи,* далеко отъ *тѣхъ умственныхъ сферъ, которыя, при всѣхъ своихъ лучшихъ намѣреніяхъ, всегда только тормозили или портили дѣло.* Сознаніе всего этого живетъ въ насъ, провинціалахъ».

«Но чтобы на вашъ кличъ явились люди серьезные, надо чтобъ они были увѣрены или по крайней мѣрѣ надѣялись, что ихъ трудъ не пропадетъ даромъ, что это не будетъ пустое бумагомаранье; трудъ не можетъ быть серьезенъ и охотенъ, когда трудящійся не вѣритъ въ пользу своего труда... Дайте намъ эту увѣренность или надежду, и многіе откликнутся горячо. Но мы извѣрились, у насъ пропадаетъ надежда, и живется поэтому гадко, вяло, апатично и, что всего хуже, *эгоистично.* Мы хотимъ зари, но какъ-то ужъ такъ долго ждемъ, что сомнѣваемся въ ея появленіи, а напротивъ (по крайней мѣрѣ у насъ) дѣлается все темнѣе и темнѣе. Разсѣйте эти потемки... А безъ того не ждите отъ насъ серьезнаго труда. Безъ надежды, въ потьмахъ, работа не мыслима. Словомъ, дайте намъ надежду на жизнь, и работа закипитъ, работа живая, плодотворная! А до тѣхъ поръ»...

Этимъ и заканчивается письмо. Оно, кажется намъ, не лишено значенія по своей искренности и потому, что отра-

жаетъ довольно вѣрно общее нравственное состояніе нашего провинціальнаго, да и не одного провинціальнаго общества. Но не пускаясь въ отвлеченности, мы поставимъ почтенному автору слѣдующій простой вопросъ. Отправились теперь сенаторы въ разныя губерніи—какъ извѣстно—съ цѣлью: узнать потребности самоуправленія на мѣстѣ и представить свои соображенія какъ объ удовлетвореніи этихъ потребностей, такъ и о способахъ и формахъ децентрализаціи административной власти,—децентрализаціи, необходимость которой живо чувствуется правительствомъ. Очень можетъ быть, что на основаніи этихъ соображеній составятся проекты и явятся потомъ въ видѣ обязательнаго закона... Тогда-то подниметcя *критика!* Какой кликъ поднимутъ именно всѣ эти «вялые» и «апатичные»! какъ встрепенутся они, если эти мѣропріятія задѣнутъ ихъ личные интересы! Но зачѣмъ же вы молчали прежде, когда вамъ именно указывалась перспектива этой опасности? Правы ли вы будете предъ собою? На порицаніе, на осужденіе административныхъ распоряженій, равно какъ на самозаушеніе и самоопдеваніе, мы борзы и энергичны,— и именно потому, что ничего нѣтъ въ мірѣ дешевле и легче отрицанія: оно даже не требуетъ особеннаго напряженія мысли; — но отъ чего мы охотно отлыниваемъ и подъ всевозможными благовидными предлогами — это отъ всякой работы положительнаго характера, для которой нужно сосредоточеніе мысли и воли, тяжелый умственный трудъ... Чѣмъ сваливать вину съ себя на какія-то внѣшнія обстоятельства, спросите по совѣсти: всѣ эти отговорки не «словеса ли лукавствія», какъ поется въ церковной пѣсни?

Вамъ необходима надежда, что «вашъ трудъ не пропадетъ даромъ». Ничто не пропадаетъ даромъ, а тѣмъ болѣе трудъ сознанія. Что намъ нужнѣе всего въ настоящее время, это обрѣсти (а не изобрѣсти) родную, Русскую настоящую формулу для нашихъ смутныхъ чаяній, вожделѣній, для нашихъ неопредѣленныхъ поисковъ чего-то и безотчетной погони за чѣмъ-то. Надобно ясно понять, чего хотѣть. Нельзя отдѣлываться словами: нужно жизни, дайте намъ жизни! Никто вамъ ея не дастъ, если вы ее сами себѣ не добудете и изъ себя самихъ. Мы привыкли полагаться во всемъ на «Русскаго бога». и давно уже сказано Тютчевымъ слово, что должность «Рус-

скаго бога», отъ котораго общество ждетъ всякаго обновленія, забывъ народную пословицу: «на Бога надѣйся, а самъ не плошай»,—должность эта не праздная, l'emploi du dieu russe n'est pas une sinécure! Нѣтъ, на этотъ разъ, повторимъ слова нашей статьи 1 №, никакая счастливая случайность извнѣ намъ не поможетъ, и мы предоставлены своимъ собственнымъ духовнымъ и умственнымъ силамъ. «Судьба не въ шутку требуетъ отъ насъ отчетливаго самопознанія, строгой работы мысли» благо намъ даровано теперь необходимое орудіе этой работы—довольный просторъ для гласнаго обмѣна мнѣній, для печатнаго слова. Недостатокъ въ насъ самопознанія наша внутренняя, духовная и умственная неопредѣленность не можетъ, безъ сомнѣнія, не отражаться и на правительствѣ, ибо правительство — кость отъ костей нашихъ, плоть отъ нашей же плоти. Вы сами говорите, что «устроить уѣздное земство—устроить всю Россію». Кажется, задача довольно привлекательная. И неужели вы думаете, что разрѣшеніе этой задачи во всеобщемъ сознаніи можетъ остаться безъ приложенія, не воздѣйствуетъ естественнымъ образомъ и на само правительство, которое нуждается теперь во всякомъ проблескѣ живой, плодотворной мысли, *приложимой* въ предѣлахъ исторической возможности. Но съ этою возможностью обязано считаться не только оно, но и вольная интеллигенція.

«Мы хотимъ зари—пишете вы—да ужъ такъ долго ждемъ, что сомнѣваемся въ ея появленіи»... Не пережили вы того періода времени, тѣхъ годовъ, про которые лѣтъ двадцать пять тому назадъ Некрасовъ писалъ:

Въ ночи, которую теперь
Мы доживаемъ терпѣливо,
Когда свободно рыскалъ звѣрь,
А человѣкъ бродилъ пугливо,—
Ты твердо свѣточъ твой держалъ!...

Но въ томъ-то и дѣло, что въ этой ночи были люди, не перестававшіе держать свѣточъ въ своихъ рукахъ, не дававшіе ему угаснуть. Когда и зари освобожденія крестьянъ еще не поднималось, Самаринъ, Черкасскій и другіе работали надъ этою задачей, составляли проекты. Когда пробилъ наконецъ часъ «слову обратиться въ дѣло», онъ засталъ ихъ не врасплохъ. Многіе, пожалуй, чаютъ, что ихъ созовутъ для совѣ-

ціація въ Петербургъ. Съ Богомъ! Но съ чѣмъ вы пойдете? «Юридическій Вѣстникъ» гласитъ, что «мы нуждаемся въ *лучшихъ* проводникахъ народнаго сознанія». Это конечно справедливо, если только онъ имѣетъ въ виду нашу «интеллигенцію». Потому что—гдѣ, въ комъ оно, это народное сознаніе? Кто же его носители и представители?... «Голосъ изъ провинціи» самъ утверждаетъ, что наши, близкія ко власти «умственныя сферы, при всѣхъ своихъ лучшихъ намѣреніяхъ, только тормозили дѣло» (а провинція за работу сознанія приняться не хочетъ!). Въ томъ-то и бѣда, что толкуютъ и въ «умственныхъ сферахъ», и въ ученыхъ журналахъ о «народномъ»,—чаще о «національномъ,—сознаніи, а никакой другой, кромѣ не національной чужой, готовой формулы,—кромѣ буржуазныхъ западно-европейскихъ идеаловъ, измыслить не могутъ,—но тутъ по неволѣ наталкиваются на народъ и его тысячелѣтнюю исторію...

Намъ слѣдовало бы обратиться теперь къ возраженію профессора Градовскаго въ «Русской Рѣчи», нежданно оказавшагося въ ряду нашихъ противниковъ, но отвѣтъ себѣ почтенный профессоръ найдетъ отчасти и въ этой нашей статьѣ, если уже не нашелъ въ послѣдовавшихъ №№ «Руси». Впрочемъ, мы не отказываемся отъ удовольствія побесѣдовать и съ нимъ.

Имѣется ли работа на Руси?

Москва, 3-го января 1881 г.

Вольно, всею грудью вздохнула Россія, выпроваживая старый годъ, — добрымъ привѣтомъ встрѣчая новый. Какъ различны предзнаменованія, съ которыми начинались прошлый и наступившій годы, такъ различны и встрѣчи обоихъ. Словно кошмаръ вспоминаются первые мѣсяцы восьмидесятаго: этотъ спертый воздухъ, это смрадная атмосфера позора, этотъ гнетъ сверху и снизу, — темь безъ просвѣта... Теперь же и воздухъ свѣжѣе, прозрачнѣе, и общественное настроеніе оживленнѣе и бодрѣе; все какъ-то обнадежилось, повеселѣло. Чему же приписать такую перемѣну? Никакого особеннаго крупнаго «мѣропріятія» указать нельзя; никакой капитальной ре-

формы, въ родѣ тѣхъ, которыя такъ двигали общественный духъ въ началѣ царствованія, не было. Врачеваніе, примѣненное къ нашему недугу, было до сихъ поръ большею частью *тонического* свойства, какъ говорятъ медики,—но этого уже было достаточно, для того чтобы отнять у недуга его воспалительный острый характеръ. Снято осадное положеніе—и не столько внѣшнее, сколько нравственное,—администрація перестала воображать себя какъ бы во вражьей землѣ,—правительство, круто перемѣнивъ направленіе, отнеслось съ довѣріемъ къ обществу, и все общество одушевилось благодарностью и довѣріемъ. Въ этомъ сказался тотъ тайный нашъ историческій инстинктъ, что только во взаимномъ союзѣ Русской власти съ народомъ или съ Русскою землею лежитъ залогъ нашей силы и преуспѣянія, что какъ безъ содѣйствія милліоновъ умовъ и сердецъ сама власть не властна свершить свои начинанія, такъ и оппозиція у насъ, добровольно ли или по необходимости возникшая, лишена почвы, а потому и зиждительной, творческой силы,—осуждена на тоску и безплодное изныванье. Почуялось, что гдѣ-то, откуда-то прибыло ума, и умъ, естественно, позвалъ, потянулъ къ себѣ снизу родственную ему стихію мысли. Слово стало свободнѣе и ему обѣщанъ еще бо́льшій просторъ... Нужды нѣтъ, что помчится или уже помчалось оно, какъ рѣка весною—стремительнымъ, мутнымъ, подчасъ грязнымъ потокомъ, унося разломанный ледъ, широко затопляя окрестность; мудрый и опытный наблюдатель не смутится видомъ этого бурнаго мнимаго моря съ его фальшивымъ просторомъ и повсемѣстною будто бы глубиною: сойдетъ вода, мнимыя глубины обмелѣютъ до дна, рѣка вступитъ въ берега, образовавъ, правда, кое-гдѣ болота, и обозначится *материкъ* съ его настоящею силою и глубью. Только не смущаться и пережидать.

Какъ бы то ни было, но все встрепенулось и пытливо глядитъ впередъ. Чему-то вѣрится, чего-то ждется. Чему именно вѣрится, чего именно ждется,—этого выразить въ *точной*, конкретной формулѣ не съумѣетъ, сдается намъ, ни одинъ гражданинъ Россійской Имперіи, какъ бы ни была пылка его фантазія,—но въ этомъ большой бѣды еще нѣтъ, напротивъ: эти неопредѣленныя, смутныя чаянія и вожделѣнія никакой сами въ себѣ особенной злокачественности для власти не заключаютъ, и было бы именно ошибкою, можетъ быть даже

вредною, придавать имъ, уже и теперь, значеніе серьезныхъ сложившихся мнѣній и дѣлать изъ нихъ преждевременные положительные выводы. Надобно только предоставить полную свободу взаимной тяжбѣ нашихъ литературно-политическихъ направленій.

Нѣкоторыя газеты сравниваютъ настоящее нравственное настроеніе Россіи или точнѣе Русскаго общества, съ тѣмъ оживленнымъ состояніемъ, въ которомъ находилось оно послѣ заключенія Парижскаго мира, когда все чаяло преобразованій и чертило реформы, все заспѣшило «жить и чувствовать». Это не совсѣмъ такъ, не потому только, что впечатлѣніе, произведенное Парижскимъ трактатомъ на Русское общество было несравненно менѣе удручающаго свойства, чѣмъ дѣйствіе трактата Берлинскаго,—но и потому, что самыя задачи предстояли тогда опредѣленныя, точныя, такъ сказать осязательныя,—чего теперь нѣтъ. Тогда на первомъ планѣ и очереди стояла исполинская задача освобожденія крестьянъ; за нею послѣдовали: реформа судовъ, введеніе суда присяжныхъ, и т. д. Все это были задачи трудныя, но въ то же время ясно очерченныя, не туманныя, не отвлеченныя. Онѣ и были рѣшены, если не вполнѣ, то болѣе или менѣе удовлетворительно. Освобожденіе крестьянъ, введеніе суда присяжныхъ, всесословная воинская повинность успѣли даже пустить глубокіе корни въ народномъ сознаніи; не менѣе также была важна по своему принципу, хотя неправильно учинена, а потому и не авторитетна въ народѣ, организація земства. Задачи рѣшены; предстояло укрѣпить, утвердить всѣ эти новыя насажденія, выждать и провѣрить ихъ результаты, упрочить ихъ условія жизни и преуспѣянія, заняться полотьемъ заглушающихъ ихъ сорныхъ травъ, исправить погрѣшности, однимъ словомъ—потрудиться надъ дѣломъ въ качествѣ чернорабочихъ. Вышло однако не совсѣмъ такъ. Наше общество обуяла лихорадочная манія задачъ и реформъ по новымъ, новѣйшимъ и самоновѣйшимъ принципамъ. Новыя задачи однакоже были большею частью уже мельче, дробнѣе и въ то же время сложнѣе, находились въ зависимости отъ общаго современнаго уровня нравственности и просвѣщенія или же путались съ такими коренными вопросами, которые не подлежали рѣшенію. Заслуживающихъ ликвидаціи порядковъ было конечно не мало, но вѣдь не все же

ликвидировать да ликвидировать! Нужно вѣдь наконецъ и копить, наживать силы и средства, — необходимо и при самой ликвидаціи старыхъ порядковъ умѣть отличить старое искони пребывающее, историческое начало отъ новаго стараго, сравнительно недавно привнесеннаго. Однакожъ въ своемъ ликвидаціонномъ и преобразовательномъ жарѣ наша интеллигенція большею частью не отличала причинъ отъ явленій, обрушивалась на послѣднія, не отмѣняя первыхъ; пересаживанія принимала за пересозданія, и какъ древніе Римляне алкали только panem et circenses, жаждала только реформъ, реформъ, ликвидаціи и реформъ, вездѣ, всюду, чуть не ежечасно, и наконецъ договорилась, какъ недавно, чуть не до преобразованія литургіи! Мы такъ сказать еще не живемъ, но все еще *собираемся жить*, а пока только реформируемъ да ликвидируемъ.

Итакъ, если поставить вопросъ: имѣется ли въ настоящую пору такая общая крупная, видная, опредѣленная задача, которая бы равномѣрно занимала и одушевляла умы, подобно тѣмъ задачамъ, какія были поставлены въ началѣ царствованія? — отвѣтъ приходится дать отрицательный. Другой вопросъ: имѣется ли работа на Руси, работа, къ которой нашей интеллигенціи стоило бы и была возможность приложить и умъ, и волю, и знаніе? О, такой работы не исчерпать, но работы черной, невзрачной, нешумной, черствой, упорной, медленной! Работы много, но охоты къ ней нѣтъ. А охоты нѣтъ не только вслѣдствіе нашей непривычки, нашего отвращенія отъ серьезнаго труда, но и отчасти, если не главнымъ образомъ, вслѣдствіе нашего раздраженнаго преобразовательнаго аппетита, избалованнаго легкостью реформъ, ломки и ликвидаціи. Безспорно, что изъ этихъ послѣднихъ многія были вызваны, вызываются даже и теперь исторической необходимостью, но тѣмъ не менѣе, самая эта необходимость реформъ поддерживала одновременно, роковымъ образомъ, то радикальное въ нашемъ обществѣ настроеніе, которое, не дорожа ничѣмъ въ Русской жизни, вѣруя лишь въ послѣднее слово Европейской науки и жизни, обольщается надеждою, истощается въ вожделѣніяхъ: изломить и преобразить по чужому образу и подобію весь Русскій народный историческій складъ. Никому въ Россіи легко не живется, — это не подлежитъ сомнѣнію. Хотя мы и сказали, что теперь все встрепенулось и повеселѣло, но это

только сравнительно: въ сущности только полегчало. Всего легче жить той части нашей интеллигенціи, которая не считается ни съ исторіей, ни съ народомъ, не несетъ на своихъ плечахъ тяжелаго груза преданій и воспоминаній, и, не утруждая много головы, успокоивается на чужихъ готовыхъ формулахъ и идеалахъ. Но если и ей и всѣмъ вполнѣ естественно и извинительно желать бо́льшаго облегченія, то изъ этого никакъ еще не слѣдуетъ, чтобъ было позволительно тратить время и силы въ неопредѣленныхъ пожеланіяхъ, или приносить въ жертву своимъ мечтамъ и теоріямъ нравственные и духовные интересы народа, самобытность и правду нашего органическаго развитія. Вотъ тутъ-то и расходится (пусть примутъ это къ свѣдѣнію господа Модестовы и даже профессоръ Градовскій) направленіе такъ называемое славянофильское съ «западнымъ», хотя они и могли дѣйствовать сообща и дружно въ разрѣшеніи предшествовавшихъ нѣкоторыхъ задачъ. Въ самомъ дѣлѣ, есть же границы и для ликвидаціи: нельзя же наконецъ ликвидировать тысячу лѣтъ исторической жизни и самый народъ! (Впрочемъ препрославленный Сперанскій отрицалъ или (одно и то же) ликвидировалъ все бытіе Россіи до Петра, начиналъ его только съ эпохи преобразованія и, признавая массы народа за tabula rasa, сочинялъ для императора Александра I проектъ *аристократической* конституціи!)

Въ своихъ преобразовательныхъ поискахъ (мы разумѣемъ лишь область общественнаго сознанія) доходятъ у насъ теперь до самаго кореннаго вопроса, до вопроса вопросовъ, на разрѣшеніе котораго не имѣетъ права не только интеллигенція, но и сама власть безъ всенароднаго сознательнаго соизволенія. Тутъ уже приходится имѣть дѣло не съ аспираціями общественными, не съ доктринами и теоріями, а съ основными стихіями народнаго организма, пренебреженіе къ которымъ не обходится безнаказанно. Но наша такъ называемая либеральная интеллигенція точно форрейторъ, оборвавшій постромки и ускакавшій впередъ, не оглядываясь, безъ экипажа: доскакавшись до крайняго предѣла, она въ простодушіи своемъ думаетъ, можетъ быть, порѣшить задачу съ налета,—но тутъ-то и желательно осадить ее окликомъ: «а гдѣ же экипажъ? Онъ далеко назади, завязъ и ни съ мѣста; не угодно ли возвра-

титься?» Наша легкая кавалерія и забыла, что ея обязанность тащить экипажъ за собою, однимъ словомъ идти вмѣстѣ съ народомъ, хотя бы и впереди его. Оно, конечно, и скучно, и трудно,—но уже такова наша историческая повинность.

Вотъ, въ виду этой исторической повинности, въ виду необходимости скрѣпить на твердомъ искреннемъ основаніи союзъ интеллигентныхъ Русскихъ силъ съ народомъ, мы и поставили въ первомъ № «Руси» задачу объ организаціи уѣзднаго земскаго самоуправленія. Только поставивши это мѣстное самоуправленіе на основу жизненной правды, только устроивши нашу уѣздную rem publicam, говорили мы, можно подвигаться къ идеалу самоуправляющейся Русской земли въ органическомъ союзѣ съ верховною личною властью. Только добывъ авторитета въ народѣ уѣздному земству и истины въ земскомъ уѣздномъ представительствѣ, можно добыть ихъ и для дальнѣйшей градаціи. Но это пришлось не по душѣ нашимъ либераламъ всѣхъ степеней и оттѣнковъ, даже самыхъ умѣренныхъ и солидныхъ. Вотъ какъ отнесся къ нашей задачѣ самый невоздержный, за то самый искренній органъ, enfant terrible нашей либеральной, въ сущности солидарной между собою прессы. Газета «Русь»,—восклицаетъ онъ, съ благороднымъ негодованіемъ просвѣщенной, но обиженной интеллигенціи, — настаиваетъ на томъ, чтобы «Русское общество пребывало *въ уѣздной кутузкѣ вмѣстѣ съ оборваннымъ народомъ, одѣтымъ въ національные лапти*»... Такъ вотъ оно что̀! Вотъ въ чемъ разгадка негодованію! Тайное презрѣніе къ нашему простому народу, скрытый высокомѣрный аристократизмъ западника-либерала невольно прорвались въ порывѣ искренняго гнѣва. Ужъ не въ этомъ ли усматриваетъ профессоръ Градовскій то проникновеніе нашей современной либеральной интеллигенціи *національными* началами, на которое онъ указываетъ въ своемъ возраженіи «Руси»?.. Можно ли въ самомъ дѣлѣ, да и интересно ли интеллигентному либералу возиться съ оборваннымъ мужикомъ, да еще обутымъ въ лапти! «Либералу» прилично только благодѣтельствовать ему сверху, навязывая «національнымъ лаптямъ и сѣрому зипуну» свои благодѣянія *силою*, — благодѣянія согласныя съ требованіями «общеевропейской науки», хотя бы и несогласныя съ требованіями «національной» жизни! И что̀ это за «общеевропейская» или «общечеловѣческая наука»

которой провозвѣстниками считаютъ себя наши либералы, точно какіе-то жрецы, одни исключительно обладающіе знаніемъ таинствъ! Развѣ наука остановилась? Развѣ наука строитъ законы для жизни, а не сама напротивъ поставляетъ себѣ жизнь объектомъ изученія и изслѣдованія, стараясь уразумить и опредѣлить дѣйствующіе въ жизни законы? Развѣ освобожденіе крестьянъ въ Россіи и надѣленіе ихъ землею совершилось по правиламъ общеевропейской юридической науки? развѣ крестьянское общинное землевладѣніе подходитъ подъ какія-либо нормы, признанныя общеевропейскою наукою права? Но наука— истинная наука, въ лицѣ истинныхъ ученыхъ, а не раболѣпныхъ учениковъ, какими являются наши «либералы»,—непремѣнно, рано или поздно, сочтется съ этими фактами русской жизни и признаетъ, что они обогатили науку, раздвинули сферу ея созерцанія и опредѣленныхъ доселѣ юридическихъ нормъ... Невѣжды и лицемѣры! Они только компрометтируютъ и науку и идею свободы!

Нѣтъ, не любовь къ «общечеловѣческой» наукѣ и не любовь къ истинному прогрессу и къ истинной свободѣ отвращаетъ нашихъ «либераловъ» отъ черствой, но плодотворной работы, предлагаемой имъ «Русью», и побуждаетъ ихъ простираться въ высь и въ ширь, а не *въ глубь да около,* какъ мы совѣтовали въ нашей газетѣ. Невольно вспоминается письмо къ редактору «Дня» Ю. Ѳ. Самарина, въ 27 № «Дня» 1862 г., изъ Самары, гдѣ онъ трудился въ званіи члена Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія. «Въ тотъ самый день— пишетъ онъ, какъ я прочелъ вашу статью, въ которой вы такъ кстати обличили современную общую нашу привычку винить во всемъ то, что̀ надъ нами или около насъ, тогда какъ цѣлое невозмутимое царство лѣни, эгоизма и дряблой привязанности къ комфорту *внутрь насъ есть*», въ этотъ самый день, разсказываетъ Ю. Ѳ. Самаринъ, получилъ онъ оффиціальное свѣдѣніе, что никто изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, вызванныхъ въ коммиссію для распредѣленія мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ денежныхъ казенныхъ пособій не пріѣхалъ.» Что̀ дѣлать правительству»? спрашиваетъ этотъ неутомимый работникъ общественнаго дѣла.

«Руководствуясь административнымъ преданіемъ, учредить пеструю, сводную изъ разныхъ *вѣдомствъ* коммиссію и *при-*

казать ей принять къ сердцу нужды и потребности мелкопомѣстныхъ дворянъ?.. Къ этому вѣроятно и прибѣгнутъ, а затѣмъ на слѣдующемъ дворянскомъ собраніи мы услышимъ вѣроятно, что мы томимся желаніемъ взять въ наши руки общественное и земское дѣло, что насъ снѣдаетъ жажда самоуправленія и дѣятельности, но намъ нѣтъ воли, нѣтъ простора! проклятая бюрократія преградила намъ всѣ пути, связала насъ по рукамъ и по ногамъ, казенная администрація всюду втирается, вытѣсняя общественное мнѣніе, личную и общественную инициативу, и т. д. и т. д. Полно, такъ ли?.. Бюрократія и казенная администрація раздвинулись и разрослись потому, что управленіе, какъ и природа, не терпитъ пустоты (конечно не въ переносномъ смыслѣ)...

«Господа! поучились бы вы у раскольниковъ, какъ и чѣмъ *берутъ*, или хоть у своей братьи Остзейскихъ дворянъ. Я не говорю о цѣляхъ, которымъ я не сочувствую нисколько, но говорю о постоянствѣ, выдержкѣ и устойчивости. Теперь говорятъ другое: «уѣздное дѣло, губернское дѣло! Вишь чѣмъ соблазняютъ! Нѣтъ, не на такихъ наскочили. Станемъ мы изъ-за такой дряни руки марать. Нѣтъ, вы попробуйте насъ на другомъ поприщѣ, гдѣ повиднѣе да попросторнѣе. Вотъ если бы того... тогда бы мы показали себя. А это что̀? Дрянь». Всякому человѣку сродно и извинительно мечтать о себѣ, воображать свою собственную личность въ разныхъ картинныхъ положеніяхъ... Вотъ напр. одинъ барабанитъ въ окно и улыбается. Передъ нимъ круглая зала, ряды стульевъ или лавокъ, на хорахъ дамы. Въ толпѣ шумъ и волненіе. Онъ медленно всходитъ на каѳедру, желчные, ядовитые взгляды провожаютъ его; но онъ улыбается, окидываетъ толпу горделивымъ взоромъ, закладываетъ руку за пуговицу застегнутаго фрака: «господа» — и все умолкаетъ, все превращается въ слухъ...

«Нѣтъ, не вѣрится, чтобъ была готовность трудиться, дѣйствительно и серьезно потрудиться въ обще-Русскомъ дѣлѣ, когда мы равнодушны къ дѣлу мѣстному, губернскому. Я очень знаю, что было бы нелѣпо откладывать призывъ къ общественному дѣлу, пока къ нему не пробудится и не разовьется живое участіе, какъ будто участіе къ дѣлу можетъ пробудиться и развиться внѣ дѣла, въ бездѣйствіи; но я утверждаю, что наша современная дѣятельность (разумѣю дѣятельность сво-

бодную, невынужденную и незаказную) не только не перелила через края, въ которыхъ она заключена, а совершенно наоборотъ, далеко еще не наполнила отведеннаго ей простора.

«Наконецъ, я убѣжденъ, что это пренебреженіе мелкою, невидною, однообразною и скучною дѣятельностью, и этотъ позывъ къ дѣятельности громкой, видной и картинной есть только *ребяческое* увлеченіе невинными, но безплодными мечтами, или полусознательная сдѣлка съ нашею совѣстью, упрекающею насъ въ распущенности и лѣни».

Почти двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ сказалось это мѣткое слово, и—обидно вымолвить—оно не потеряло силы и теперь. Но уже не столько къ помѣстному дворянству, сколько къ литературнымъ либеральнымъ проповѣдникамъ нашихъ дней обращенъ теперь этотъ замогильный горькій упрекъ. Разница еще и въ томъ, что «ребяческія увлеченія невинными, но безплодными мечтами», о которыхъ двадцать лѣтъ тому назадъ говорилъ Самаринъ, уже состарились, перешли теперь въ ребячество заматорѣлое, упрямое, самонадѣянное, даже высокомѣрное, возведены въ проповѣдь, чуть не въ догму и не могутъ быть названы вполнѣ невинными уже потому, что отвлекаютъ множество умовъ отъ серьезной, плодотворной работы. Отъ той работы, которая одна творитъ не разрушая и созидаетъ одновременно на органической прочной основѣ порядокъ и свободу.

Что̀ тормозитъ «Русь»!

Москва, 17-го января 1881 г.

Въ высшей степени интереснымъ матеріаломъ для исторіи современнаго движенія Русской мысли служатъ невольныя самообличенія и наивныя признанія, которыя исторгаются у нѣкоторой части нашей печати, въ припадкахъ гнѣва и негодованія на газету «Русь». Благодаря этимъ откровеніямъ ярости, прозвучалъ наконецъ гласно, во всеуслышаніе, основной тайный мотивъ той либеральной музыки, которою эта «пресса» пыталась заворожить, и не безъ нѣкотораго успѣха, довѣрчивый слухъ Русской публики. Что̀ же привело нашихъ спе-

ціалистовъ по либеральной части въ это состояніе бѣшенства и заставило ихъ выдать самихъ себя? Да ни что другое, какъ сдѣланное нами напоминаніе, что въ разрѣшеніи задачъ, касающихся *существенныхъ* основъ нашего историческаго государственнаго строя, необходимо прежде всего считаться съ *исторіей и съ народомъ*... Inde ira! Выходитъ, стало быть, что нужно совсѣмъ противоположное: не считаться ни съ исторіей, ни съ народомъ... Примемъ это къ свѣдѣнію. Но поводомъ къ наипущему раздраженію, съ забвеніемъ всякихъ приличій, послужили наши слова, что въ Россіи только то прочно и плодотворно, что̀ пускаетъ корни въ народное сознаніе; что та часть нашей интеллигенціи, которая думала бы порѣшить *упомянутыя* задачи величайшей всенародной важности — съ налета, одна, безъ народа, — уподобилась бы форрейтору, порвавшему постромки и оставившему далеко позади себя экипажъ; что необходимо форрейтору прикрѣпить снова постромки къ дышлу; другими словами: подобаетъ «нашей интеллигенціи *идти вмѣстѣ съ народомъ, хотя бы и впереди его*». Никакъ не ожидали мы возраженія отъ нашихъ «либераловъ» такой безспорной и казалось бы ужъ никакъ не антилиберальной истинѣ... Но у насъ либералы совсѣмъ иного порядка. Идти вмѣстѣ съ народомъ! Это не либерально! Это значитъ проповѣдывать «отсрочку»! Такъ что̀ же? Нужно стало быть, чтобъ интеллигенція шла *врозь* съ народомъ, не оглядываясь назадъ и не обращая на него вниманія?.. Признаніе многоцѣнное. Русское общество будетъ теперь знать, по крайней мѣрѣ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло. Оно видитъ теперь, сколько подъ личиною демократизма и либерализма скрывается вожделѣній деспотическаго свойства и глубокаго презрѣнія къ Русскому народу, къ его душѣ, разуму и волѣ.

Насъ обвиняютъ въ томъ, что мы что̀-то тормозимъ, что̀-то усиливаемся отсрочить. Но что̀ же именно? Ужъ конечно не мы желали и желаемъ затормозить свободу слова, котораго были лишены почти 12 лѣтъ, когда, напомнимъ мимоходомъ, наши противники не переставали подвизаться на возбраненномъ намъ поприщѣ. Хотимъ ли мы отсрочить свободу вѣрующей совѣсти? Но едва ли не мы первые поставили этотъ вопросъ въ нашей печати еще въ «Днѣ», поднимали его потомъ въ «Москвѣ», поднимали его и иными путями? Не мы

ли старались вызвать въ общественномъ сознаніи историческое понятіе о землѣ и земствѣ, прежде даже появленія на Божій свѣтъ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ? Что же хотимъ мы отсрочить? Паспортную ли систему, податную ли реформу, уравненіе ли выкупныхъ платежей и прочія тому подобныя мѣропріятія, на которыя намъ указываютъ враждебныя намъ газеты, какъ будто скорѣйшему разрѣшенію этихъ задачъ служитъ помѣхою именно «Русь», именно ея требованіе идти вмѣстѣ съ народомъ?! Но такой, вовсе даже и не искренній, упрекъ не заслуживаетъ и опроверженія. Нашимъ противникамъ вполнѣ извѣстно, что не о такихъ мѣропріятіяхъ шла наша рѣчь; что всякая дѣятельность законодательства въ смыслѣ расширенія простора развитію жизни, въ смыслѣ ослабленія мелочной опеки, устраненія злоупотребленій и т. п., всегда сочувственно привѣтствовалась «Русью», которая и теперь не перестаетъ указывать вниманію правительства на задачи, требующія по ея мнѣнію непремѣннаго, скораго разрѣшенія. Но не къ правительству, а къ нашей интеллигенціи обращались мы съ нашимъ увѣщаніемъ идти не врозь съ народомъ, а вмѣстѣ съ нимъ, и не по поводу вышеисчисленныхъ и имъ подобныхъ мѣропріятій, а по поводу того кореннаго вопроса, на разрѣшеніе котораго, сказали мы, «не имѣетъ права и сама власть безъ всенароднаго сознательнаго соизволенія». Мы имѣли преимущественно въ виду то довольно распространенное въ нашемъ обществѣ направленіе, которое, вѣруя только въ послѣднее слово Европейской науки и жизни, истощается, какъ выразились мы, въ безплодныхъ помыслахъ и мечтаніяхъ: преобразить по чужому образу и подобію весь Русскій народный историческій складъ... Такому направленію мы и сочли нужнымъ напомнить, что Русскій народъ живъ и имѣетъ, полагаемъ, нѣкоторое право требовать, чтобы считались съ нимъ и съ его исторіей. Негодованіе, вызванное нашими словами, всего лучше свидѣтельствуетъ, что напоминаніе наше было вполнѣ умѣстно, что мы попали прямо въ цѣль, въ ахиллесову пяту нашего мнимаго либерализма.

Наши противники постоянно твердятъ намъ объ Европейскихъ учрежденіяхъ, какъ о «вѣнцѣ развитія». Но о какихъ именно—въ этомъ и вопросъ. «Европа»—не болѣе какъ от-

влеченный терминъ; Европа—это Англія, Франція, Германія и прочіе политическіе организмы, каждый съ рѣзко опредѣленной національной индивидуальностью, съ особою территоріей и исторіей. Мы обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на помѣщаемую въ этомъ № корреспонденцію изъ Парижа. Изъ нея видно, въ какой степени французскія политическія учрежденія обезпечиваютъ въ дѣйствительности политическія и общественныя права Французскаго крестьянскаго населенія. Мѣнялись формы правленія: за монархическо-конституціонною слѣдовала республиканская; имперія снова уступила мѣсто республикѣ, которая и продолжается вотъ уже 10 лѣтъ, но въ положеніи народа перемѣны не произошло. Отношенія провинціальной мѣстной жизни къ центральной власти остались почти тѣ же: въ коронѣ ли, въ буржуазномъ ли картузѣ или во фригійскомъ колпакѣ,—все тотъ же самый, бюрократическій и парламентарный деспотизмъ! Франція поучаетъ насъ. Ея исторія даетъ намъ возможность представить въ своемъ воображеніи: чѣмъ способно стать на дѣлѣ, въ жизни, это царство «интеллигенціи»—голой, совлекшей съ себя историческаго и земскаго человѣка, игнорирующей и презирающей народныя массы, отрѣшенной отъ почвы, вѣчно мятущейся отвлеченными теоріями и доктринами и вооруженной притомъ страшными орудіями административной силы. Это царство анархіи; это теоріи и доктрины, принявшія образъ организованныхъ политическихъ партій, вѣчно борющіяся между собою за власть, и только за власть, съ тѣмъ, чтобъ достигнувъ власти, во имя принципа народнаго верховенства, подъ сѣнью наилибepальнѣйшихъ знаменъ въ мірѣ, совершать дѣла чудовищной тиранніи надъ безгласнымъ и нравственно пригнетеннымъ народомъ. Конечно, торжество такого «режима» длиться долго не можетъ. Оттого-то во Франціи всегда готовая почва для оппортунизма, т. е. для реакціи противъ отвлеченныхъ теорій и доктринаризма—во имя реальныхъ жизненныхъ потребностей данной минуты,—другими словами: для диктатуры Наполеона или Гамбетты! Такимъ образомъ одинъ изъ Европейскихъ образцовъ оказывается совершенно не подходящимъ подъ условія Русской жизни, гдѣ въ основѣ всего лежитъ понятіе и сила земли, хотя бы даже эта сила и представлялась теперь не дѣятельною. Перебирать ли другіе «Европейскіе же»

образцы, упоминать ли объ Англіи, которой политическое устройство такъ непосредственно, такъ органически слито съ ея исторической жизнью, что отвлекать его и возводить въ теорію—это все равно, что отдирать кожу отъ тѣла? Да мы уже и прежде упоминали, что большинство населенія—весь классъ рабочихъ не пользуется въ Англіи правами народнаго представительства. Нечего поэтому толковать и кричать объ Европѣ и путать общественныя понятія постоянными указаніями на «учрежденія Европейскихъ просвѣщенныхъ странъ», когда дѣло идетъ о разрѣшеніи задачи нашего *Русскаго* земскаго и государственнаго строя, которая можетъ быть правильно разрѣшена единственно на основаніи самобытныхъ началъ, выработанныхъ тысячелѣтнею жизнью Русскаго народа.

«Да кто-жъ объ этомъ въ наше время и споритъ» — немедленно, какъ бы мимоходомъ, оговариваются наши противники; «мы, либералы, мы же и интеллигенція, всѣ насквозь, до мозга костей проникнуты «національными началами»; у насъ слова «земство», «земскій голосъ, земскій сборъ, соборъ, сходъ, съѣздъ» то и дѣло на устахъ...» Если вы такъ проникнуты — отвѣтимъ мы — то изъ-за чего же вы бѣснуетесь, какъ только напомнятъ вамъ о необходимости придать вашему современному земству тотъ авторитетъ въ народѣ, котораго оно не имѣетъ и безъ котораго ваше земское представительство ничто? Или уже такъ вы проникнуты духомъ и разумомъ Русскаго народа, что можете обойтись и безъ тѣснѣйшаго сближенія съ нимъ, безъ новыхъ справокъ съ его мыслью и желаніями? Или въ томъ выражается ваше «проникновеніе», что вы до сихъ поръ не смогли внести въ земскія учрежденія никакого плодотворнаго духа жизни и по прежнему бредете съ народомъ врозь? Да иначе брести и трудно. Либеральная зиждительная дѣятельность нашей, отрѣшенной отъ народа, интеллигенціи осуждена роковымъ образомъ на воспроизведеніе опять только казенщины и бюрократіи, какъ это и доказывается на практикѣ,—а сама эта интеллигенція продолжаетъ, по прежнему, носить у народа многозначущее прозвище *господчины*.

Постараемся однако разъяснить нашу мысль точнѣе. Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ въ нашемъ спорѣ съ «либералами», по крайней мѣрѣ съ нѣкоторыми изъ нихъ, есть какое-то круп-

ное недоразумѣніе. Если съ одной стороны мы признаемъ образцы современныхъ либеральныхъ учрежденій Европейскаго запада для нашей земли непригодными, то съ другой стороны — мы признаемъ точно также и чуждымъ, и непригоднымъ тотъ, западноевропейскій же, образецъ (только ужъ вовсе не либеральнаго свойства), который уже давно искажаетъ наше бытіе, искажаетъ отчасти понынѣ. Мы впрочемъ уже указывали на это и въ прежнихъ статьяхъ. Мы разумѣемъ здѣсь тотъ идеалъ политическаго строя и отношенія власти къ народу, который, въ самомъ началѣ XVIII вѣка, заимствованъ Петромъ изъ Германіи. Профессоръ Градовскій говоритъ, что съ реформою Петра типъ *земскаго* государства смѣнился типомъ *полицейскаго:* мы вполнѣ согласны допустить это опредѣленіе. Съ этой точки зрѣнія мы даже готовы, если не оправдать стремленія нашихъ либераловъ, то признать ихъ естественными и логически-вѣрными. Въ самомъ дѣлѣ, если предположить, что разъ наше отечество вступило на путь политическаго западно-Европейскаго развитія и сойти съ него уже не властно, то ничего ему больше и не остается какъ брести за Европою, за всѣми ея блужданіями, по всѣмъ стадіямъ ея прогресса, брести, по словамъ Языкова, такъ, какъ

...за госпожею величавой
Идетъ блистательный лакей!...

Но и это сравненіе поэта слишкомъ лестно, да и вообще невѣрно: добро бы еще была *одна* госпожа, Европа! а тутъ ихъ много: и Германія, и Англія, и Франція, и пр. и пр. Да и «блистательный лакей» представляется намъ существомъ какъ бы примиреннымъ съ судьбою и чуть ли не самодовольнымъ. Но мы, Русскіе, не примирены съ этимъ лакейскимъ удѣломъ: мы болѣемъ, мы страждемъ, мы не «блистательны» въ Европейской ливреѣ: она намъ тѣсна, узка, она у насъ вся оборвана, въ дырахъ и заплатахъ! Русская жизнь, насилуемая въ своей свободѣ, *протестуетъ именно безобразіемъ,* и безпрестанно, на зло садовникамъ, изъ заморскихъ дорогихъ цвѣточныхъ, но непригодныхъ нашей почвѣ и климату сѣмянъ, родитъ... чертополохъ! Вотъ законный смыслъ того безобразія, которымъ мы такъ богаты, и отъ котораго одинаково ноютъ всѣ Русскія сердца безъ различія и исключенія! Но не слѣдуетъ забывать одного: если либеральныя стремленія нашихъ

Русскихъ «Европейцевъ» естественны, понятны и являются логическимъ послѣдствіемъ, дальнѣйшимъ прогрессомъ пересаженнаго къ намъ въ XVIII вѣкѣ образца,—то также естественно, понятно и логично, что результаты новыхъ, Европейскихъ же, либеральныхъ образцовъ подвергнутся на Русской почвѣ той же неминуемой, но еще худшей участи, обогатятъ насъ еще пущимъ безобразіемъ, пущей ложью!

Можно и иначе характеризовать, съ нѣкоторою приблизительною вѣрностью, реформу XVIII вѣка. Если Иванъ IV отмежевалъ для опричнины только извѣстное число городовъ, предоставивъ остальные «земщинѣ», которой даже и особаго царя позабавился поставить, то Петръ съ своимъ «полицейскимъ» государствомъ создалъ также особаго рода опричнину, замежевавъ въ ея область всю Россію, отчасти даже церковь,—все, кромѣ *села*, кромѣ *крестьянства*, куда и ушла, притаилась земская жизнь. Внѣ простого народа все принадлежало къ опричнинѣ, начиная съ вершинъ администраціи, кончая писаремъ, включая сюда и такъ-называемую «интеллигенцію». Разумѣется, мы употребляемъ здѣсь выраженіе «опричнина», «опричникъ» не въ смыслѣ и въ образѣ временъ Ивана Грознаго, а въ смыслѣ отчужденности отъ народа, служенія иному, не земскому, напротивъ враждебному, хотя и цивилизующему началу, которое къ тому же облечено безграничною надъ «земщиной» властью. Въ этомъ смыслѣ даже и Акакій Акакіевичъ Гоголя принадлежитъ къ сонму опричниковъ, да и всѣ наши «либералы» XVIII вѣка и позднѣйшихъ временъ—ничто иное, какъ либеральная фракція той же опричнины. Они опричники—не по душѣ и праву, разумѣется, а по своему къ земщинѣ отношенію: потому что по прежнему остаются ей чуждыми; потому что, не отрицая самаго принципа опричнины, оставаясь на почвѣ Европейскаго полицейскаго государства, ищутъ только видоизмѣнить или упорядочить его разными Европейскими же гарантіями. Весь этотъ либерализмъ, еслибъ ему и дано было осуществиться, разыгрался бы въ предѣлахъ только опричнины, поверхъ народа, не коснувшись крестьянства и села, въ которыя убѣжала земская жизнь. Только та законодательная дѣятельность въ опричнинѣ по истинѣ либеральна, которая выводитъ насъ изъ ея области, но не въ Европу, не на Западъ, а домой. Преобразованія нынѣшняго царствованія не по-

тому благотворны, что «по пути реформъ» могутъ привести насъ къ либеральнымъ учрежденіямъ западно-европейскихъ націй и доставить нашей интеллигенціи господствующее надъ землею положеніе, въ родѣ того, какимъ пользуется Французская интеллигенція въ парижской опричнинѣ. Но потому они благотворны, что «въ нихъ старина слышится», что они возвращаютъ насъ къ «типу земскаго государства», сближаютъ, мирятъ, роднятъ насъ съ «земщиной», и прежде всего съ вмѣстилищемъ и хранилищемъ народнаго духа въ его непосредственномъ стихійномъ состояніи, съ ядромъ Русской органической жизни—съ селомъ, съ крестьянствомъ.

Пора бы кажется задать себѣ вопросъ—самый простой и естественный:

Русскій простой народъ, по отзыву даже иностранцевъ, самый толковый, смѣтливый, разумный народъ въ мірѣ, въ сравненіи съ крестьянствомъ другихъ націй. Отчего же поверхъ этого народа, проявляющаго столько ума и оригинальности хоть бы въ своемъ самоуправленіи, въ своихъ артеляхъ, такое мало-толковое, мало-способное общество, не исключая и администраціи? Отчего у этого умнаго народа такъ мало, сравнительно съ его численностью, умныхъ администраторовъ, дѣльныхъ распорядителей, вообще умныхъ и дѣльныхъ людей? Отчего царитъ у насъ вездѣ и всюду такой сумбуръ, такая путаница, такая нескладица, такая безтолочь, описаніемъ которой полны всѣ наши газеты, по поводу которой мы не перестаемъ ныть и выть съ утра до вечера и съ ночи до утра, и которая парализуетъ самыя благія намѣренія и начинанія? Отчего, повторяемъ, стало уже общимъ мѣстомъ для иностранныхъ каррикатуристовъ рисовать одну часть Русскаго народа съ львиными, другую съ бараньими головами? Неужели во всемъ «правительство виновато?» Ну, а наше самоуправленіе, городское ли, земское ли (гдѣ, говоря по совѣсти, довольно простора для дѣятельности нашей интеллигенціи) — почему оно выходитъ на практикѣ какимъ-то мертворожденнымъ дѣтищемъ или въ лучшемъ случаѣ недоноскомъ? И поправится ли дѣло, поумнѣемъ ли мы отъ того, что Пензенская «интеллигенція» помножится Санктпетербургскою, Костромскою, и т. д.? Конечно, умъ хорошо, а два лучше, а тридцать два—и подавно. Но, не говоря уже о томъ, что, по нашему мнѣнію, всѣмъ

этимъ умамъ «интеллигенціи» прибудетъ настоящаго ума-разума лишь тогда, когда имъ удастся почерпнуть животворной струи изъ родника народнаго духа, изъ тѣснѣйшаго сообщества съ народомъ,—мы предложимъ опять вопросъ: станемъ ли мы отъ одного вышеупомянутаго помноженія авторитетнѣе въ глазахъ народной массы? Безъ опоры народа мы, интеллигенція, лишены всякой *реальной* силы,—тѣмъ болѣе, что благодаря недавнимъ преданіямъ, мы у него еще въ подозрѣніи,—мы *господа:* этимъ титуломъ, какъ извѣстно, чествуется не только помѣщикъ, но и самый нижайшій представитель цивилизаціи и интеллигенціи,—будь онъ хоть сельскій учитель. Если же мы не обладаемъ реальною силою сочувствія и единомыслія съ народомъ, то все, что̀ бы наши либералы ни затѣяли строить, все это будетъ не прочнѣе карточныхъ домиковъ... Имѣемъ ли мы народъ за собою?... Рѣшится ли кто произнести: *да?*

Если же нѣтъ, такъ что̀ же? Ну и слѣдуетъ внять указаніямъ нашей старой и новѣйшей исторіи, переходить отъ полицейскаго типа къ типу земскаго государства, обратиться къ тѣмъ *основамъ*, о которыхъ мы столько разъ толковали (и надъ которыми «либералы» столько смѣялись), къ тѣмъ ячейкамъ общественной жизни, гдѣ происходитъ первая встрѣча крестьянства съ интеллигентными силами, стихіи общественной, непосредственной, живущей подъ закономъ обычая, со стихіей личной, сознательной,—и тамъ положить *начало* цѣльному, земскому органическому самоуправленію. Тогда и можно будетъ добыть той народной правды, о которой мы также не разъ говорили и надъ которою такъ глумились наши противники,—добыть и правды, и задатковъ живой реальной силы, и здоровой свободы... Понятно ли? Пусть же рушится на насъ снова крикъ и брань такъ называемыхъ «либераловъ». Не съ ними будетъ Русскій народъ.

По поводу смерти Достоевскаго.

Москва, 7-го февраля 1881 г.

Истинно событіемъ стала для нашего общества смерть Достоевскаго, событіемъ внутреннимъ, нравственнаго и духовнаго міра. Бываютъ минуты въ жизни частныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ, когда внезапно озарится свѣтомъ все невѣдомое, сокровенное души, когда нежданно-негаданно воспрянетъ со дна ея несознанная, забытая или презрѣнная правда и властительнымъ порывомъ высвободитъ ее, хоть на мигъ, изъ сѣтей лжи и лукаваго мудрованія. Задержать эту минуту, утвердить ее въ сознаніи, поставить ее себѣ ступенью—это уже значитъ двинуться впередъ... Но не всегда такъ бываетъ и приходится ждать новыхъ событій — новыхъ потрясающихъ ударовъ...

Глубоко знаменателенъ этотъ единодушный всеобщій взрывъ скорби и сочувствія къ умершему, о которомъ сообщаютъ намъ петербургскія газеты. Отъ Царя (къ Его вящей славѣ) до послѣдняго студента—всѣ почтили писателя. Еще никогда никого *такъ* не хоронили; ничего подобнаго не видывалъ Петербургъ. Всѣ эти внезапныя, не предуготовленныя, не предумышленныя, а потому несомнѣнно искреннія изъявленія участія, признательности, уваженія, какъ со стороны представителей власти и церкви, такъ со стороны общества безъ различій партій и направленій, и особенно со стороны учащейся молодежи,—все это чествованіе, такъ нечаянно, само собою, вдохновенно сложившееся, исполнено важнаго смысла. Въ самомъ дѣлѣ, кого же и за что чествовали въ Петербургѣ съ такимъ непритворнымъ, безотчетнымъ увлеченіемъ и общество, и молодежь? Да и въ одномъ ли Петербургѣ, и теперь ли только? Кто и чѣмъ, мѣсяцевъ восемь тому назадъ, вызвалъ цѣлую бурю восторговъ, въ приснопамятные дни Пушкинскаго празднества, на Московскомъ литературномъ соборѣ, среди Московской молодежи и Московскаго общества? Мы тогда же назвали рѣчь Достоевскаго и впечатлѣніе имъ произведенное «событіемъ», но оно было лишь предтечею того великаго смятенія любви и горя, которымъ объятъ былъ весь мыслящій городъ при вѣсти о кончинѣ, когда не то или другое, слу-

чайное слово, а весь нравственный образъ, весь жизненный подвигъ писателя мгновенно предсталъ предъ обществомъ во всей своей *цѣлокупности* (по его собственному, любимому выраженію).

Кого же чествовали и за что̀? Проповѣдника ли иностранныхъ политическихъ доктринъ? Сторонника ли извѣстныхъ западныхъ государственныхъ и гражданскихъ учрежденій? «Либерала» ли въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляетъ это слово наша печать, такъ-таки и величающая себя «либеральною»,—такого «либерала»-писателя, который если не прямо, открыто, то въ художественныхъ образахъ, между строкъ или намеками, давалъ подразумѣвать о своихъ симпатіяхъ? Но никто рѣшительнѣе, энергичнѣе Достоевскаго не возставалъ на Европейскій либерализмъ Русской интеллигенціи: бороться съ нимъ считалъ онъ необходимымъ, «доколѣ перо будетъ въ его рукахъ», какъ выразился онъ самъ въ «Дневникѣ» 1880 года.

Но, возразятъ намъ, такихъ закоренѣлыхъ чистокровныхъ западниковъ, какіе бывали прежде, теперь уже мало. Либералы новѣйшаго закала мечтаютъ о политическихъ формахъ свободы—въ Русскомъ вкусѣ и образѣ, и Достоевскій, можетъ статься, былъ не чуждъ этого направленія? Кому же однако не вѣдомо, что для Достоевскаго все дѣло было не во внѣшней формѣ, а въ *духѣ;* что онъ въ душѣ своей былъ искреннимъ врагомъ всякой политической формальной свободы, которая бы могла лишь усилить власть и значеніе нашей европействующей интеллигенціи и исказить органическій саморостъ Русскаго народа, своеобразность и свободу его духовнаго развитія. Да и вообще политическія государственныя формы мало его занимали: не въ нихъ видѣлъ онъ главное зло, не въ нихъ и спасеніе. Однимъ словомъ: политическія убѣжденія Русскаго народа были и его убѣжденіями.

Кого же чествовали, спросимъ снова: соціалиста ли, соціалъ-демократа? Да, пожалуй, онъ былъ соціалистомъ, восколько само Евангеліе можетъ почитаться соціалистической доктриной! и не въ смыслѣ даже Германской соціально-христіанской школы, а въ смыслѣ его собственныхъ словъ въ первомъ и послѣднемъ выпускѣ его «Дневника» на 1881 годъ: «не въ коммунизмѣ — говоритъ онъ — не въ механическихъ формахъ заключается соціализмъ Русскаго народа: онъ вѣритъ,

что спасется лишь въ концѣ концовъ *всесвѣтнымъ единеніемъ во имя Христово*.... Вотъ нашъ Русскій соціализмъ! вотъ надъ присутствіемъ въ народѣ Русскомъ этой высшей единительной «Церковной» идеи вы и смѣетесь, господа Европейцы наши»... Послѣ этой выписки, кажется уже совершенно излишнимъ ставить вопросъ: чествуется ли Достоевскій какъ поборникъ *позитивизма, матеріализма* и тому подобныхъ ученій?!...

Что же могло нравиться въ немъ, въ особенности молодымъ людямъ? Смѣлыя ли выходки противъ предержащихъ властей, язвительный ли протестъ противъ оффиціальныхъ «существующихъ порядковъ», мѣткая ли злая сатира гражданскаго строя, художественная ли проповѣдь отрицанія? Но даже тѣни ничего подобнаго не встрѣчается въ его сочиненіяхъ,— потому что и въ самомъ сердцѣ этого бывшаго каторжника не было и слѣда озлобленія или ропота; потому что не процессомъ мертвящаго отрицанія, но преизбыткомъ любви, жизненною силою вѣрующаго духа, торжествомъ нравственной правды въ сердцахъ человѣческихъ училъ онъ превозмогать неправду внѣшнихъ явленій. Не онъ ли, напротивъ, превозносилъ долготерпѣніе и смиреніе Русскаго народа? не онъ ли, въ лицѣ «страждущихъ» и «гонимыхъ», въ своихъ художественныхъ созданіяхъ благословляетъ самое страданіе и наказаніе, какъ путь къ очищенію, къ возрожденію въ себѣ новаго человѣка?... Пусть и такъ, скажутъ намъ, но именно его сочувствіе къ «униженнымъ и оскорбленнымъ», къ презрѣнному мелкому, бѣдному люду, его «гуманитарное» направленіе, оно-то и влекло къ нему сердца... Несомнѣнно влекло,—но приводило къ иному нравственному выводу, нежели такое же повидимому сочувствіе прочихъ нашихъ «гуманитарныхъ» романистовъ и поэтовъ. Относительно разницы, вѣрнѣе сказать противоположности этихъ выводовъ нельзя ошибаться. Тотъ, кто смѣшиваетъ ихъ, для кого Достоевскій представляется только наставникомъ гуманности *за одно* съ другими нашими писателями отрицательнаго направленія, тотъ или поступаетъ недобросовѣстно или ничего не смыслитъ. У послѣднихъ сочувствіе относилось не столько къ человѣку, сколько къ представителю извѣстнаго общественнаго класса или сословія, страждущаго отъ внѣшней неравноправности, отъ неправильности соціальнаго положенія, а потому всегда болѣе или менѣе окра-

шено тенденціозностью условной, политической или соціальной доктрины. Задача писателей этого разряда—вызвать, вмѣстѣ съ участіемъ къ соціальной обстановкѣ воспроизведенныхъ лицъ, негодованіе и бунтъ въ душѣ читателя противъ неравномѣрности въ распредѣленіи матеріальныхъ благъ и несправедливости общественныхъ условій. Негодованіе на несправедливость, конечно, благое и честное дѣло; это вопль самой правды, уязвленной въ душѣ человѣка,—но только то негодованіе, которое само не переступаетъ предѣловъ истины, не переходитъ въ вожделѣніе мести, не сдвигаетъ человѣка съ строго-нравственной почвы на путь внѣшняго насилія. Совсѣмъ иную задачу имѣлъ въ виду Достоевскій. Идея внѣшней, соціальной равноправности блѣднѣла и исчезала для него въ *высшей* идеѣ—въ христіанской идеѣ *братства*. Эти униженные, эти оскорбленные, эти презираемые міромъ—это наши братья о Христѣ, это тѣ евангельскіе мытари и блудницы, къ которымъ, какъ во дни оны, такъ и теперь, нерѣдко входитъ и пребываетъ въ ихъ смрадныхъ жилищахъ Христосъ, минуя богатыхъ и гордыхъ. Не презирай,—твердитъ намъ Достоевскій съ первой до послѣдней написанной имъ строки,—не презирай ни униженнаго, ни злодѣя, ни преступника, потому что вся вселенная не стоитъ единой души человѣческой, потому что каждая куплена дорогою цѣною—крестомъ и кровью Христа,—потому что нѣтъ души, въ которой бы божественная искра не могла вспыхнуть очищающимъ пламенемъ, предъ нимъ же померкнетъ вся твоя заурядная добродѣтель: вотъ любимая тема писателя, столько лѣтъ прожившаго бокъ-о-бокъ съ клейменными злодѣями и умѣвшаго въ каждомъ признать человѣка, опознать брата и Бога...

Такъ вотъ какого писателя почтило такъ единодушно наше общество, вотъ кому несла наша Русская учащаяся молодежь, движимая благороднѣйшими, чистѣйшими, лучшими инстинктами юности, дань горячей любви и благодарности. Не матеріалисту несла она эту дань, не позитивисту, не соціалисту, не европейцу-либералу и не наставнику гуманитаризма, а писателю-*мистику:* безстрашному (ибо въ наши дни нужно для сего мужество), непостыдному исповѣднику имени Господня...

Нечего себя обманывать и утверждать, будто такое исповѣданіе не касается его значенія какъ романиста-художника,

такъ какъ вѣра-де есть «субъективное чувство» и обстоятельство въ настоящемъ случаѣ совершенно безразличное: его вѣра сама по себѣ, а литературная его заслуга сама по себѣ... Другими словами: идеалъ человѣка, *объектъ*, къ которому онъ стремится, то что̀ составляетъ душу, смыслъ, содержаніе всей его жизни и авторской дѣятельности—это не важно! это дѣло побочное, которое можетъ и должно быть устранено при оцѣнкѣ его какъ писателя! Но Достоевскій не далъ никому права ошибаться на его счетъ, дѣлить его на-двое и производить изъ его твореній какіе-то экстракты съ очищеніемъ отъ «мистическихъ» примѣсей. Онъ *единъ* во всемъ разнообразіи своихъ сочиненій, онъ цѣленъ или—повторимъ его слово—цѣлокупенъ съ начала и до конца своего авторскаго поприща. Все у него исходило изъ *одного* и сводилось къ *одному* — изъ Христа и къ Христу. Конечно, проповѣдники гуманитаризма не безъ благоволенія относятся и къ нравственному ученію христіанства, даже принимаютъ кое-какіе евангельскіе принципы, напримѣръ любви, милосердія, братства, тщательно вылущивая ихъ изъ той догматической скорлупы, въ которой предлагаетъ ихъ Евангеліе; не безъ уваженія относятся они и къ лицу Христа, хотя и полагаютъ, что онъ немножко обманывалъ или самъ на свой счетъ обманывался,—допускаютъ, наконецъ, что и Евангеліе, revu и corrigé, пересмотрѣнное и исправленное ими — книга не безполезная... Но Достоевскій училъ и доказывалъ, что гуманность, отрицающая Бога, логически приводитъ къ безчеловѣчію; цивилизація безъ просвѣщенія Христова — къ одичанію; прогрессъ безъ Христа — къ регрессу; свобода, гдѣ нѣтъ духа Божія—къ деспотизму и тиранніи; что безъ «личнаго самоусовершенствованія въ духѣ христіанской любви» невозможно, въ концѣ концовъ, истинное разрѣшеніе ни для какихъ соціальныхъ и гражданскихъ задачъ. И эту-то возможность личнаго самоусовершенствованія усиливался онъ показать во всякой душѣ человѣческой, какъ бы низко она ни падала, и вмѣстѣ съ этою возможностью самоусовершенствованія о Христѣ свидѣтельствовалъ онъ и о непрестанно стерегущей человѣка опасности паденія, на какой бы высотѣ онъ ни стоялъ, если онъ не могъ отклонится отъ Христа, и «осуетится»... Вотъ существенное содержаніе всѣхъ его сочиненій. Душа человѣческая, съ ея *святая святыхъ* и *сатанинными глубинами*—

вотъ что̀ призывало его къ себѣ, вотъ куда проникалъ его безтрепетный художественный анализъ при согрѣвающемъ свѣтѣ любви Христовой... Нѣтъ, это не былъ ни литераторъ-виртуозъ, ни доктринеръ или теоретикъ,—это былъ христіанинъ, исполненный живой, дѣвственной вѣры, послужившій даннымъ ему талантомъ Христову дѣлу до самой смерти... Но это былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Русскій, истинно Русскій человѣкъ,—не въ смыслѣ тѣхъ «Русскихъ націоналовъ», которыми обзавелись и у насъ въ родѣ Прусскихъ Nationale и такъ-сказать съ разрѣшенія и по примѣру Европы, и не въ смыслѣ «патріотовъ», которые любятъ свое Русское отечество, но не Русскую народность. Онъ былъ Русскій, потому что былъ причастенъ самой душѣ народной, самой ея *сути*, по его выраженію. «Нашъ народъ», говоритъ онъ въ своемъ «Дневникѣ» (августъ 1880 г.), «просвѣтился уже давно, принявъ въ свою *суть* Христа и Его ученіе. При такомъ *основномъ* запасѣ просвѣщенія (потому что христіанство народа нашего есть и *должно остаться навсегда* самою главною и жизненною основою просвѣщенія его) науки Запада конечно обратятся для него лишь въ истинное благодѣяніе. Христосъ не померкнетъ отъ нихъ у насъ какъ на Западѣ, гдѣ впрочемъ не отъ наукъ Онъ и померкъ, а потому что сама церковь западная исказила образъ Христовъ; гдѣ хотя много еще есть христіанъ, да и никогда не исчезнутъ, но гдѣ католичество во истину переходитъ въ идолопоклонство, а протестантизмъ исполинскими шагами переходитъ въ атеизмъ и въ зыбкое, текущее, измѣнчивое, а не вѣковѣчное ученіе... Пусть, пусть народъ нашъ грѣшенъ и грубъ, пусть «звѣринъ еще его образъ»! Но вотъ что̀ въ немъ есть неоспоримо: это именно то, что онъ — въ своемъ цѣломъ по крайней мѣрѣ—никогда не принимаетъ, не приметъ и не захочетъ принять своего грѣха за правду!.. То именно и важно, во что̀ народъ вѣритъ какъ въ свою правду, въ чемъ ее полагаетъ, что̀ возлюбилъ, о чемъ молитвенно плачетъ. А идеалъ народа—Христосъ»... «Народъ Русскій («Дневникъ» 1881 г.) въ огромномъ большинствѣ своемъ православенъ и живетъ идеей православія въ полнотѣ, хотя и не разумѣетъ эту идею отвѣтчиво и научно... Въ сущности въ народѣ нашемъ все изъ нея одной и исходитъ, по крайней мѣрѣ народъ нашъ такъ хочетъ, всѣмъ сердцемъ хочетъ, чтобъ все, что̀ есть у

него и что̀ даютъ ему, изъ этой одной лишь идеи и исходило, не смотря на то, что многое у самого же народа является смраднаго, варварскаго и грѣховнаго... Вся глубокая ошибка нашихъ интеллигентныхъ людей въ томъ, что они не признаютъ въ Русскомъ народѣ церкви. Но кто не понимаетъ въ народѣ нашемъ его православія и окончательныхъ цѣлей его, тотъ никогда не пойметъ и самого народа нашего. Никогда и народъ не приметъ такого Русскаго Европейца за своего человѣка: «*полюби сперва святыню мою, почти ты то, что̀ я чту*, и тогда ты точно таковъ, какъ *я*, *мой братъ*, не смотря на то, что ты одѣтъ не такъ, что ты баринъ, что ты начальство»... вотъ что̀ скажетъ народъ, ибо народъ нашъ широкъ и уменъ».

Вотъ что̀ говоритъ Достоевскій въ своемъ послѣднемъ «Дневникѣ», который есть какъ бы его завѣщаніе, обращенное къ Русской интеллигенціи. Внимета ли она загробному слову человѣка, котораго съ такими почестями, съ такимъ порывомъ скорби и сочувствія проводила въ могилу? Или же произойдетъ то же, что̀ случилось и послѣ произнесенія Достоевскимъ рѣчи на Пушкинскомъ празднествѣ, когда—увлеченные общимъ движеніемъ, сами подвигнутые проснувшеюся въ нихъ правдою и вспыхнувшимъ Русскимъ народнымъ чувствомъ,—многіе стали потомъ стыдиться своего увлеченія и своихъ восторговъ — можетъ-быть лучшей, искреннѣйшей минуты въ своей жизни! Подъ всѣми возможными предлогами устраивали они себѣ — не почетное, а позорное отступленіе, и въ досадѣ на самихъ себя, за то что впали въ противорѣчіе съ собственными доктринами и невольно обличили всю шаткость своего мудрованія, даже озлобились на оратора и обрушились на него съ такою бранью,—какъ будто, по словамъ Достоевскаго, «онъ совершилъ какое-либо преступленіе, растратилъ общественныя деньги»! Но ни обвиненія въ ретроградствѣ, ни упреки въ узкости міросозерцанія, въ приверженности къ постному маслу и т. п. не помогли ничему: не предупредили ни новыхъ выраженій сочувствія, ни той колоссальной общественной манифестаціи, которою (при ихъ же участіи!) ознаменовалась его кончина; не предохранили и ихъ самихъ отъ новыхъ противорѣчій, отъ новой уступки искушеніямъ собственной совѣсти,—искушеніямъ правды. Пусть снова, спустя нѣкоторое время, начнутъ они отчураться и открещиваться отъ такого

навожденія истины, но для насъ знаменательна и утѣшительна самая возможность такихъ минутъ въ нашей Русской общественной жизни, когда правда беретъ свое, является въ торжествѣ, все покоряетъ себѣ своею властью, все и всѣхъ единитъ собою: это правда христіанская, это правда Русскаго, глубоко-народнаго чувства...

Достоевскій принадлежитъ весь будущему. Кумиры настоящаго времени, учители отрицанія забудутся или займутъ приличное себѣ мѣсто въ историческихъ архивахъ, а наслѣдіе, оставляемое Достоевскимъ, еще ожидаетъ достойныхъ наслѣдниковъ въ грядущихъ поколѣніяхъ. Онъ любилъ, онъ вѣрилъ въ Русскую молодежь... Обманется ли его надежда и вѣра?..

По поводу одного духовнаго концерта.

Москва, 14-го февраля 1881 г.

Мелкій случай, но съ сотнями ему подобныхъ онъ освѣщаетъ, онъ помогаетъ уразумѣть многія темныя явленія нашей жизни,—эту загадочную бѣду нашего внутренняго общественнаго настроенія, которую всѣ мы болѣзненно ощущаемъ, но которой ни смысла, ни силы еще не познали, или не умѣемъ познать. Не умѣемъ, главнымъ образомъ, потому, что ищемъ объясненія въ причинахъ внѣшнихъ, «отъ насъ независящихъ», тогда какъ причины—нравственнаго и духовнаго свойства, и хоронятся, большею частью, въ насъ же самихъ. Случай мелкій, повидимому, но вдумываясь въ него приходишь незамѣтно къ выводамъ серьезнымъ и крупнымъ.

Въ 8 № «Руси» помѣщена статья «Стараго московскаго священнослужителя» по поводу духовнаго концерта въ залѣ Благороднаго Россійскаго Собранія 18 декабря. На этомъ концертѣ, какъ извѣстно, пѣлась «обѣдня Чайковскаго», нашего знаменитаго, талантливаго композитора. Авторъ статьи былъ оскорбленъ въ своемъ религіозномъ чувствѣ подобною, по его мнѣнію, профанаціею священнаго пѣснопѣнія, которое православные христіане привыкли внимать не иначе какъ молитвенно, лишь въ стѣнахъ храма, при совершеніи величайшаго изъ таинствъ. Хороша или неудачна музыка Чайковскаго сама

по себѣ, это другой вопросъ, но все же она приложена къ словамъ стиховъ и молитвъ, которыя составляютъ одно живое, нераздѣльное цѣлое со всей литургіей, одно общее священнодѣйствіе. Понятно, что исполненіе ихъ не для вѣрующихъ, а для *публики*, въ бальной залѣ, за деньги, въ обстановкѣ свѣтской. блестящей суеты, наравнѣ съ какими-нибудь оперными аріями. романсами или даже каскадными шансонетками, раздающимися иногда въ тѣхъ же самыхъ стѣнахъ на таковыхъ же публичныхъ концертахъ, — не только могло, но и должно было показаться неумѣстнымъ служителю алтаря, сколько-нибудь не недостойному своего званія, и подвигнуть въ его душѣ вполнѣ почтенную и законную ревность. Да и въ немъ ли одномъ?.. Справедливость, впрочемъ, обязываетъ насъ откровенно сознаться, что мы, лично, вѣроятно не обратили бы на эту «концертную обѣдню» никакого вниманія,—до такой степени неуваженіе къ народной святынѣ вошло у насъ въ общественный обычай и нравы. Но получивши статью, мы не сочли себя въ правѣ отказать въ ея напечатаніи. Мало того: мы съ полною готовностью и предупредительностью отвели мѣсто этому выраженію благочестивой скорби и добраго негодованія. Мы хорошо знали, къ прискорбію, что бо̀льшая часть «органовъ Русскаго общественнаго мнѣнія» не допустятъ на своихъ столбцахъ появленія подобнаго протеста, хотя бы и вполнѣ сдержаннаго по формѣ: не допустятъ не столько по причинѣ разномыслія, сколько ради боязни подвергнуться упреку въ ретроградствѣ, «страха ради *іудейска*», въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Помѣщеніе статьи въ 8 № «Руси» вызвало, какъ и слѣдовало ожидать, со стороны нѣкоторыхъ нашихъ газетъ разныя гнѣвныя выходки и глумленія, уснащенныя ссылками на «постное масло», «смердящую потухшую лампаду» и тому подобныя, по мнѣнію авторовъ, эмблемы святошества и набожности. Одинъ изъ такихъ фельетоновъ, должно быть самый язвительный, былъ написанъ, сколько намъ извѣстно, именно «интеллигентнымъ» Іудеемъ... Такъ сему и быть надлежитъ...

Немалымъ также побужденіемъ напечатать статью «Стараго священнослужителя» послужило для насъ собственное воспоминаніе объ одномъ общедоступномъ или народномъ духовномъ концертѣ, на которомъ мы сами присутствовали. Онъ

происходилъ раннею холодною весною, въ Москвѣ, въ Манежѣ; простого народа было тысячъ не менѣе пяти; исполнялась не «обѣдня», а нѣкоторыя церковныя пѣснопѣнія, и изъ молитвъ, употребляющихся при литургіи, единственно «Отче Нашъ». Когда запѣли молитву Господню, всѣ эти пять тысячъ человѣкъ встали и перекрестились какъ одинъ человѣкъ, и во все время пѣнія стояли съ обнаженными головами. Интеллигенція, сидѣвшая въ переднихъ рядахъ, упрямилась,—не хотѣлось ей ни вставать ни тѣмъ менѣе снимать теплыя шапки; однакожъ бо́льшая часть изъ насъ почувствовала себя какъ-то неловко и послѣдовала примѣру народной толпы: остались сидѣть только esprits forts, «либералы», и презрительно оглядывали вставшихъ. Изъ народа же многіе не садились и не накрывали головъ во все продолженіе концерта.—Конечно, не таково, какъ народной толпы, было поведеніе публики въ залѣ Благороднаго Собранія при пѣніи «Тебе поемъ» и «Иже Херувимы».

Что́ же изъ всего этого слѣдуетъ? Неужели дѣйствительно подлежитъ осужденію то высокое эстетическое наслажденіе, которое доставила слушателямъ въ Собраніи художественная музыка Чайковскаго?—неужели и вправду это грѣхъ или преступленіе? Ни то, ни другое, да нѣтъ даже и надобности въ постановкѣ такого вопроса. Пусть само по себѣ, по существу, оно не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго ни религіи, ни ученію церкви,—но есть другая сторона дѣла, именно та, на которую указываетъ апостолъ истинной христіанской свободы, Павелъ. «Все мнѣ позволено, говоритъ онъ, но ничто не должно обладать мною»; все мнѣ позволено, «ничтоже скверно само собою», но «блюдите, дабы сія свобода ваша не послужила преткновеніемъ немощнымъ». Нѣтъ грѣха ни въ какой пищѣ, но если она соблазняетъ брата моего. «не имамъ ясти мяса во вѣки, да не соблазню брата моего»!.. Здѣсь уже не только снисхожденіе, а свободное дѣйствіе братской любви, уравнивающей мощнаго съ «немощнымъ», уваженіе, признаніе правъ чужой совѣсти. Вотъ чѣмъ должны опредѣляться отношенія такъ-называемой интеллигенціи къ тѣмъ народнымъ массамъ, которыя она, противопоставляя себѣ, отчисляетъ въ разрядъ «неинтеллигентныхъ»... Но такъ способны поступать люди лишь истинно свободные и истинно просвѣщенные. То

ли мы видимъ у насъ? Наши «либералы» и «демократы» многоглагольствуютъ о гуманности, ратуютъ за матеріальные интересы народа съ горячностью, подчасъ даже вполнѣ искреннею (причемъ, однако, справляются не столько съ дѣйствительными народными потребностями, сколько съ учебниками и кодексами излюбленныхъ ими новѣйшихъ экономическихъ или соціалистическихъ доктринъ), но въ грошъ не ставятъ именно того, что̀ для Русскаго народа святѣе и дороже всякихъ вещественныхъ прибылей и выгодъ. И не для одного простонародья оно святѣе, дороже всего, но и для значительной части Русскаго общества. Знаетъ ли та, сравнительно съ массою остальныхъ небольшая кучка, гордо величающая себя «интеллигенціей», знаетъ ли она, что къ разряду «униженныхъ и оскорбленныхъ» въ Россіи принадлежатъ, благодаря ей, именно люди искренно вѣрующіе и чтущіе «отеческіе обычаи»? Не въ политическомъ или соціальномъ смыслѣ, не вещественнымъ образомъ они оскорблены и унижены, а именно тѣмъ, что въ области высшаго общественнаго умственнаго авторитета, располагающаго орудіями публичнаго слова, безгранично, обаятельно властвующаго надъ умами, руководящаго (хотя бы и не всегда оффиціально) воспитаніемъ молодыхъ поколѣній, они встрѣчаютъ, они слышатъ лишь презрѣніе и глумленіе къ самымъ возвышеннымъ своимъ вѣрованіямъ, къ самымъ завѣтнымъ стремленіямъ. Да, они угнетены, они придавлены въ самомъ святомъ своемъ чувствѣ постояннымъ страхомъ обиды, ложнымъ стыдомъ наглой насмѣшки, обвиненіями въ отсталости, въ невѣжествѣ, въ обскурантизмѣ... Мы, конечно, разумѣемъ здѣсь тѣхъ скромныхъ простосердечныхъ, а потому и робкихъ, то громадное большинство, которое привыкло смиренно безмолвствовать, сознавая себя вполнѣ безоружнымъ предъ всеоружіемъ пера и слова такъ называемой интеллигенціи. Намъ возразятъ, что имъ за то предоставляется могучая опора внѣшней власти... Но кто же изъ нихъ не сознаетъ, что въ сферѣ духовной такая опора не столько поддерживаетъ, сколько роняетъ достоинство истины? Самое то, что протестъ «Стараго священнослужителя» едва ли бы нашелъ себѣ мѣсто въ какой-либо иной газетѣ, кромѣ «Руси», тогда какъ нахальное глумленіе Іудея надъ выраженіемъ чувства, общаго священнослужителю со всѣмъ вѣрующимъ Русскимъ народомъ, — съ отверстыми объятіями встрѣ-

чено органомъ «либеральной» «прогрессистской печати», претендующей въ то же время на демократизмъ,—не характеристичное ли это явленіе? Въ самомъ дѣлѣ, кому оказано предпочтеніе предъ Русскимъ народомъ, въ чью угоду, ради чего и кого, нанесено оскорбленіе его совѣсти хоть бы концертомъ 18 декабря, да и множествомъ подобныхъ случаевъ, напримѣръ разрѣшеніемъ давать театральныя зрѣлища Великимъ постомъ на государственныхъ театрахъ? Ради лишняго эстетическаго или вѣрнѣе, свѣтско-суетнаго услажденія меньшинства—*«господъ»*... Такъ, а не иначе полагаетъ народъ. Попробуйте заступиться за права угнетеннаго большинства... «Что намъ за дѣло до грубаго мужичьяго благочестія», услышится въ той или другой формѣ отвѣтъ: «мы не народъ, мы публика, мы интеллигенція, нашему нраву не препятствуй,—мы на то «либералы»; другими словами: «мы—господа! господа—мы!»

А возьмемъ въ примѣръ Англію. Ужъ конечно сильные мыслители и высокообразованные умы этой страны очень хорошо понимаютъ, что такое соблюденіе воскреснаго дня, какое налагается англійскимъ обычаемъ, обличаетъ нѣкоторый формализмъ и узкость религіознаго воззрѣнія,—не заключаетъ въ себѣ никакой высшей, безусловной истины. Конечно, ни Джонъ Стюартъ Милль, ни Спенсеръ, ни Бокль, которымъ даже наши интеллигенты и либералы не откажутъ въ умѣ и либерализмѣ, никогда не дозволили себѣ оскорблять чувство своего народа явнымъ препебреженіемъ къ чтимому народомъ обычаю. Отъ членовъ королевской фамиліи до послѣдняго поденщика, всѣ соблюдаютъ этотъ обычай, всѣ ему подчиняются, безъ всякаго нарушенія своему достоинству, какъ бы это порою стѣснительно ни было. Напротивъ, тѣмъ-то и крѣпка Англія, что не стыдится своихъ преданій и историческихъ обыкновеній, не бросаетъ ихъ зря, опрометью, по первому зову—не страны, а какихъ-нибудь борзописцевъ съ либеральной кокардой!.. Когда герцогъ Эдинбургскій пріѣзжалъ въ Россію, чтобъ сочетаться бракомъ съ дочерью Русскаго Государя, онъ, не щеголяя ни святошествомъ, ни набожностью, а просто въ качествѣ Англичанина, отказался участвовать въ придворномъ блистательномъ празднествѣ, приходившемся въ воскресенье, и провелъ этотъ день у себя дома. Ни онъ не постыдился вѣрности народному благочестивому «предразсудку», ни другимъ, конечно, и въ го-

лову не пришло посмѣяться надъ такою, казалось бы, странною щепетильностью; напротивъ, всѣ отнеслись къ ней съ почтеніемъ: «ему это можно, онъ имѣетъ право быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть, онъ на то Англичанинъ!»... А вотъ изъ нашихъ Русскихъ, путешествующихъ за границей, да и дома пребывающихъ, принадлежащихъ къ категоріи образованныхъ, конечно—изъ десяти девять—зардѣются, какъ маковъ цвѣтъ, при одномъ намекѣ на какую-либо приверженность къ родному набожному обычаю и отрекутся трижды отъ солидарности «съ религіознымъ варварствомъ» родного народа! Въ то время, какъ въ нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ странахъ Европы люди судебнаго сословія до сихъ поръ надѣваютъ на себя, безъ малѣйшаго смущенія, свой средневѣковой костюмъ, — у насъ даже священники, изъ «либераловъ», забывая высокомѣрно и безсмысленно о народѣ, требуютъ для себя въ печати избавленія отъ рясы, *конфузящей* ихъ въ присутствіи свѣтскаго общества... Такъ, въ Англіи особенно должны мы поучиться этому сочетанію истиннаго просвѣщенія съ уваженіемъ къ общенароднымъ обычаямъ, къ преданіямъ старины, къ самобытности и своеобразію органическаго народнаго развитія, — сочетанію истинной свободы съ свободнымъ подчиненіемъ требованію и завѣту нравственнаго народнаго чувства. Увы, иначе у тѣхъ, про кого сказаны эти стихи поэта:

Напрасный трудъ! нѣтъ, ихъ не вразумишь,
Чѣмъ либеральнѣй, тѣмъ они *пошлѣе*;
Цивилизація для нихъ фетишъ,
И ненавистна имъ ея идея.
Какъ передъ ней ни гнитесь, господа,
Вамъ не снискать признанья отъ Европы:
Въ ея глазахъ вы будете всегда
Не *слуги* просвѣщенья, а *холопы!*..

Да, душевное холопство, душевная подлость—вотъ характеристическія черты Русской цивилизаціи! Переходъ отъ народнаго непосредственнаго бытія на чреду «образованности» пріобрѣтается у насъ большею частью цѣною нравственнаго паденія. Исторія семейства графовъ Разумовскихъ представляетъ намъ наглядный образецъ этого перерожденія человѣческихъ видовъ, въ теченіе одного вѣка, отъ умнаго пастуха до пустоголовѣйшаго вельможи, отрекающагося отъ отечества, отъ родной вѣры и оканчивающаго свой вѣкъ за границей въ

бездѣйствіи и развратѣ. То же самое видимъ мы почти ежедневно, встрѣчая благочестиваго, умнаго мужика, твердаго духомъ и волею, съумѣвшаго разбогатѣть, пожелавшаго дать дѣтямъ *господское* образованіе, и рядомъ съ нимъ, съ этимъ, крѣпкимъ какъ кремень мужикомъ: его сынка, съ пенсне, уже истощеннаго жизнью и усвоившаго или, вѣрнѣе, купившаго себѣ за дорогія деньги самоновѣйшій товаръ, «послѣднее слово науки». Иначе сказать: обученнаго различнымъ научнымъ *гипотезамъ* ученыхъ Европы, которыя нѣкоторые наши холопы просвѣщенія продаютъ за несомнѣнныя, установившіяся *аксіомы!*... Множествомъ примѣровъ могли бы мы подтвердить и иллюстрировать наши слова, но прибережемъ ихъ до другого раза, а теперь спросимъ только о томъ: можно ли ожидать правильнаго, плодотворнаго развитія страны, гдѣ массы народа угнетены ея интеллигенціею духовно? гдѣ нѣтъ выхода въ высшую область духа для того, что̀ лежитъ въ самой основѣ народнаго непосредственнаго бытія? гдѣ духовный и нравственный запросъ народа долженъ смолкать и уходить въ сокровенную глубь души, не смѣя высказаться и обнаружиться предъ лицомъ образованныхъ своихъ классовъ, которымъ судьбы его ввѣрены? гдѣ идеалы народа, бытовые и гражданскіе, гдѣ его святыня, все чѣмъ осмысляется для него земная и земская жизнь—не чтутся, а презираются, и презираются кѣмъ? не столько оффиціальною, часто безсильною властью, сколько властью болѣе дѣйствительною, властью духовнаго свойства, которая естественно принадлежитъ руководящей интеллигентной средѣ, которая встрѣчается народу на всѣхъ путяхъ къ просвѣщенію, которая тѣснитъ, давитъ, уродуетъ всѣ его попытки свободнаго, самобытнаго развитія?

При такихъ условіяхъ, при такомъ нравственномъ разрывѣ съ народомъ, можемъ ли мы ожидать того творчества жизни, которое такъ нужно намъ и которое дается только органическою ея цѣльностью? Какого толку можно надѣяться, напримѣръ, отъ самоуправленія, если не дать ему внутренней свободы идти въ уровень со степенью народнаго развитія, а навязать ему такія европейскія формы, примѣненіе которыхъ равнялось бы, для мужика—въ переносномъ смыслѣ—переряживанію въ тирольскій костюмъ, въ узкое трико театральныхъ танцовщиковъ?...

Въ прошломъ году, одинъ провинціальный городишко, гдѣ все городское общество состоитъ изъ купцовъ и мѣщанъ, возмнилъ, что ему дѣйствительно дано городское самоуправленіе. Онъ, конечно, не читалъ исторіи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ Лабулэ, въ которой указаны своеобразныя распоряженія самоуправляющихся Штатовъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ объ огражденіи общественной нравственности (распоряженія, которыя потомъ, съ постепеннымъ ходомъ просвѣщенія, постепенно же видоизмѣнялись). Не читалъ онъ и о томъ, что и въ настоящее время въ Сѣверной Америкѣ есть Штатъ, такъ-таки и не допускающій у себя на театрѣ представленія «Прекрасной Елены» и нисколько не смущающійся мнѣніями о немъ ни просвѣщенной Европы, ни просвѣщенныхъ Русскихъ прогрессистовъ (впрочемъ послѣдніе храбры только по отношенію къ Россіи, а передъ Европою съ Сѣверной Америкой — насъ!). Но хоть городъ Зарайскъ (кажется это былъ онъ) и не читалъ объ этомъ, но имѣлъ неосторожность, въ своемъ простодушіи, понять свое право самоуправленія въ американскомъ смыслѣ и издалъ постановленіе: изгнать изъ богоспасаемаго Зарайска кафе-шантаны со всѣми, развращающими молодежь, арфистками... Не тутъ-то было. Поднялся административный и интеллигентный гвалтъ. Губернаторъ опротестовалъ распоряженіе во имя... чего, не знаемъ, вѣроятно во имя нравственности или либерализма,—пресса во имя, вѣроятно, либерализма и просвѣщенія. Подите же теперь, заставьте гражданъ повѣрить своему праву самоуправленія, отнестись къ нему серьезно и искренно!.. Съ нашей же точки зрѣнія, всякое проявленіе свободной *жизни и самобытности*, хотя бы въ грубой, невѣжественной, даже нѣсколько деспотической формѣ, мы предпочитаемъ *отсутствію жизни*—мертвечинѣ благоустроенныхъ извнѣ, но неприложимыхъ порядковъ. Не бойтесь природной грубой правды невѣжества, бойтесь пуще всего лживой цивилизаціи и рабскаго къ ней отношенія; не бойтесь безобразія жизни, бойтесь благообразной безжизненности.

Мы зазнались... Мы, т. е. небольшая кучка, такъ-называемая интеллигенція, космополитическая по характеру и даже по составу, если вспомнить, что уже теперь чуть ли не треть Русскихъ студентовъ—Евреи. Зазнались предъ тѣмъ громад-

нымъ большинствомъ, которое зовется Русскимъ народомъ какъ зазнались листы предъ корнями въ извѣстной баснѣ Крылова... Да: теорія зазналась предъ жизнью, сочинительство предъ творчествомъ, абстракція предъ практикою, публика предъ мужикомъ, чиновники и либералы предъ Землею, нашею Русскою землею и ея свободою, интеллигенція предъ народомъ и его умомъ!

Дѣлилась во время оно Россія на двѣ половины, на мужика и на барина, на бритыхъ и небритыхъ, битыхъ и бьющихъ. Дѣлится повидимому на-двое она и теперь. На одной сторонѣ: теорія, абстракція, сочинительство, публика, «либералы», интеллигенція (та, которая сама себя величаетъ такою кличкой): все это и всѣ они вмѣстѣ состоятъ въ «господахъ», въ «привиллегированныхъ», власть имѣющихъ. На другой сторонѣ: народъ и та часть общества, которая съ нимъ едина сердцемъ и духомъ. Есть нѣчто существенное, раздѣляющее обѣ половины въ самой основѣ, ведущее и къ дальнѣйшему раздѣленію. Не одному Богу они молятся, не одному нравственному идеалу служатъ... Много горечи накопляется въ сердцѣ народа отъ постояннаго пренебреженія къ его духовной личности, его завѣтной святынѣ, его исторической народной правдѣ со стороны просвѣщенныхъ командующихъ классовъ. «Но онъ молчитъ, народъ великій», молчитъ и думаетъ свою думу...

Это не угроза, а предостереженіе.

Отвѣтъ г. Градовскому на его разборъ «Записки» К. С. Аксакова.

Москва, 5-го сентября 1881 г.

Что̀ можетъ быть тягостнѣе и скучнѣе повинности журналиста вести полемику съ людьми, которые прямо сознаются, что приступая къ критикѣ вашихъ мнѣній, они «вышли изъ круга понятій, нераздѣльно связанныхъ съ общими законами *логики*?» — А намъ именно приходится выполнить теперь эту обязанность: мы въ долгу и предъ г. Градовскимъ, и предъ публикой, которымъ уже давно обѣщали отозваться на статью «Славянофильская теорія государства», помѣщенную, въ видѣ письма къ редактору, въ 159 № «Голоса». Хотя «Голосъ» и

пріостановленъ, но авторъ письма, г. А. Градовскій, величается во главѣ каждой книжки «Русской Рѣчи» ея ближайшимъ сотрудникомъ, слѣдовательно не можетъ быть сопричисленъ къ сонму «лежачихъ», которыхъ «не бьютъ»; онъ обладаетъ всѣми способами защиты и нападенія. При томъ же мы отвѣчаемъ только на статью, *подписанную* почтеннымъ профессоромъ, оставляя въ сторонѣ статьи его же, повидимому, пера въ той же газетѣ, но подъ которыми, къ чести для имени автора, не стоитъ его подписи...

Въ самомъ началѣ своего письма въ редакцію упомянутой газеты, носящаго вышеприведенное заглавіе, г. Градовскій объявляетъ, что для того, «чтобъ постигнуть ученіе славянофиловъ, *необходимо выйти* изъ того круга понятій, которыя кажутся намъ (т. е. автору и редакціи) нераздѣльно связанными съ *общими законами логики:* для этого нужно большое усиліе, но его необходимо сдѣлать»... И почтенный профессоръ его дѣлаетъ,—съ трудомъ или безъ труда, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ съ большимъ успѣхомъ: все его письмо свидѣтельствуетъ, что онъ вполнѣ удачно достигъ своей цѣли, т. е. уже совершенно опросталъ себя отъ всякихъ логическихъ понятій, почему, конечно, ничего въ разбираемой имъ «Запискѣ К. С. Аксакова» и не понялъ.

Эта «Записка» представленная въ 1856 году покойному Государю и напечатанная въ 26, 27 и 28 №№ «Руси», подала поводъ г. Градовскому изложить «теорію государства» по ученію такъ называемыхъ «славянофиловъ» (говоримъ «такъ называемыхъ» потому, что ни К. С. Аксаковъ, ни Хомяковъ, ни Юрій Самаринъ, ни другіе литературные и общественные дѣятели одного съ ними направленія не любили этой клички и сами себя такъ не называли). Но г. Градовскій, какъ впрочемъ и не могло случиться иначе при употребленномъ имъ безлогичномъ способѣ разумѣнія, въ своемъ изложеніи навязываетъ имъ теорію своего собственнаго изобрѣтенія, истинно фантастическую, затѣмъ разбиваетъ ее впрахъ и ликуетъ, ликуетъ какъ побѣдитель.

«Коренная черта политическаго ученія» К. С. Аксакова и вообще славянофиловъ, утверждаетъ г. профессоръ, «состоитъ именно *въ отрицаніи необходимости всякихъ юридическихъ формъ* (курсивъ въ подлинникѣ), создаваемыхъ для

обезпеченія разныхъ личныхъ и общественныхъ правъ»... «Они отрицаютъ необходимость формъ вообще». Имъ «не нужны внѣшніе законы». «Ихъ политическое ученіе есть теорія *юридически-безформеннаго государства*, государства «по душѣ», государства, построеннаго на однихъ нравственныхъ началахъ»... «Государство», по ученію славянофиловъ, «есть внѣшняя матеріальная сила» (какимъ образомъ согласуются эти два опредѣленія государства, — какъ это государство по одному и тому же ученію выходитъ «матеріальной силой», «построенной на однихъ нравственныхъ началахъ», и въ то же время «по душѣ», — это объясняется только отреченіемъ почтеннаго профессора отъ законовъ логики). Но вѣдь «безъ формъ, безъ образа и видимости» быть на землѣ никакъ невозможно—убѣдительно продолжаетъ г. Градовскій: вѣдь «человѣческая мысль не можетъ ничего такого ни уловить, ни обнять». «Это ужъ музыка безъ звуковъ, тяготѣніе безъ тяжести, мышленіе безъ формъ сужденія», а именно «музыку безъ звуковъ», восклицаетъ онъ, «проповѣдываютъ славянофилы, — возвѣщая сочетаніе *безформеннаго государства* съ безформенною духовною свободою». «Тутъ ужъ начинается область: *не любо—не слушай!*» возглашаетъ въ заключеніе г. Градовскій, и смѣло ставитъ и побѣдоносно рѣшаетъ ученый вопросъ: нужны ли звуки для музыки, т. е. «нужны ли вообще для *государственной* жизни юридическія *формы?*» Вышло, что нужны!

Ученый публицистъ правъ: изложенная имъ теорія точно— не любо не слушай. Это дѣйствительно галиматья, но честь такого измышленія принадлежитъ не «славянофиламъ», а всецѣло самому г. профессору. *Ничего подобнаго никогда и нигдѣ* славянофилы, разумѣется, не говорили и не давали повода выводить изъ ихъ писаній; они утверждали *какъ разъ противное*, — что доказывается не только всѣми ихъ сочиненіями, но даже и самой «Запиской» К. С. Аксакова, которую г. Градовскій, излагая, совершенно переиначиваетъ. Такъ, г. Градовскій увѣряетъ, что по словамъ автора «Записки», «Русскій народъ чувствуетъ себя предназначеннымъ къ жизни только духовно-*созерцательной, чуждой земныхъ дрязгъ и плотскихъ помысловъ*». Гдѣ же это сказано? Посмотримъ «Записку».

«Отдѣливъ отъ себя правленіе государственное, народъ Русскій оставилъ себѣ *общественную* жизнь и поручилъ го-

сударству давать ему возможность жить этою *общественною* жизнью». Вотъ что̀ говоритъ К. С. Аксаковъ. «Не желая *править*, народъ нашъ желаетъ *жить*», повторяетъ онъ вслѣдъ за симъ, — «но ищетъ для себя свободы нравственной, свободы духа, *свободы общественной,—народной жизни* внутри себя»... «Онъ отдѣлилъ себѣ (поясняетъ далѣе авторъ «Записки») *земское дѣло*, подъ чѣмъ разумѣется весь «*бытъ* народа, вся его жизнь, куда относится и *матеріальное его благосостояніе*», напримѣръ: «*промышленность, торговля*»... Это ли образъ народа, будто бы предназначеннаго, по истолкованію г. Градовскаго, только для *созерцательно* духовной жизни, чуждой *плотскихъ* помысловъ и *земныхъ* заботъ??! Почему же г. Градовскій сопричисляетъ торговлю къ числу *безплотныхъ* помысловъ и *духовно-созерцательныхъ* занятій?!

Пойдемъ далѣе. Государство, — фантазируетъ г. Градовскій,—по ученію славянофиловъ, есть будто бы «*только внѣшняя* матеріальная сила», а такъ какъ они «*отрицаютъ необходимость* и внѣшнихъ законовъ, и всякихъ юридическихъ формъ», безъ которыхъ немыслима государственная жизнь, то ихъ «ученіе есть *теорія юридически-безформеннаго государства*, построеннаго на однихъ нравственныхъ началахъ». Посмотримъ, что̀ говорятъ «славянофилы».

Безъ сомнѣнія, государство — сила, и сила именно *внѣшняя*, съ этимъ не станетъ спорить и г. Градовскій, но этимъ не исчерпывается его опредѣленіе. «Государство,— выражается Самаринъ въ статьѣ, помѣщенной вслѣдъ за запискою К. С. Аксакова, въ 29 № «Руси», — есть *существенное условіе общежитія* и какъ таковое служитъ къ достиженію предназначенныхъ человѣчеству цѣлей». «Государство, — говоритъ Хомяковъ,—есть *внѣшняя правда*». Внѣшняя правда, т. е. правда формальная, условная, выражающаяся въ *юридическихъ формахъ*, составляющая компромиссъ, сдѣлку между высшими идеальными требованіями правды внутренней, нравственной, и внѣшними требованіями правильнаго общежитія въ данную минуту. «Внутренній законъ», — пишетъ въ своей «Запискѣ» К. С. Аксаковъ, «для людей недостаточенъ»; онъ могъ бы быть достаточенъ только тогда, когда бы люди были совершенны, «но они не таковы, и потому *необходимъ законъ внѣшній*, необходимо *государство*». Стало быть, если *внѣшній за-*

конъ, по мнѣнію «славянофиловъ», *необходимъ*, то онъ ими не отрицается, какъ храбро утверждаетъ ученый профессоръ! стало быть *государство* и *внѣшній законъ* мыслятся «славянофилами» *нераздѣльно*... Откуда же взялъ г. Градовскій, что въ понятіи славянофиловъ государство чуждо какихъ бы то ни было внѣшнихъ законовъ и юридическихъ формъ, есть что то «безформенное», не имѣющее «*образа* и *видимости*»?! Это ужъ подлинно «не любо — не слушай», — можемъ и мы примѣнить къ самому г. Градовскому его выраженіе о славянофильскихъ теоріяхъ, но мы, при этомъ, однако не расположены слѣдовать *второй* половинѣ этой Русской пословицы. Мы *помѣшаемъ* г. Градовскому.

«Записка» К. С. Аксакова упоминаетъ, между прочимъ, о *призваніи* Русскимъ народомъ государственной власти въ лицѣ Рюрика съ братьями... Напрасно г. Градовскій трунитъ надъ этимъ указаніемъ и противопоставляетъ ему, мимоходомъ, отрицаніе этого факта въ ученыхъ трудахъ г. Иловайскаго. Дѣло не въ дѣйствительности самого Несторова разсказа, а въ томъ, что еще въ XI вѣкѣ было записано *такое* сказаніе,—конечно не вымышленное самимъ лѣтописцемъ-монахомъ, а взятое изъ изустнаго преданія. А въ преданіи этомъ воплотился *взглядъ* народный на начало государства, его политическое міросозерцаніе: этотъ же послѣдній фактъ, достовѣрность котораго не опровергаетъ и самъ г. Иловайскій, для насъ несравненно важнѣе внѣшней, фактической достовѣрности самого призванія Варяговъ. Что̀ же говоритъ записанное въ XI вѣкѣ преданіе? Оно истинно замѣчательно: оно уже само по себѣ зрѣлый, отчетливый актъ сознанія *необходимости государственнаго строя*. «Земля наша велика и обильна, но *наряда* въ ней нѣтъ» (наряда, а не «порядка», какъ обыкновенно цитуютъ). Что̀ такое *нарядъ*, какъ не государственный строй съ его внѣшнею властью, внѣшними юридическими формами? Понятно, что сославшись на это сказаніе Несторовой Лѣтописи, К. С. Аксаковъ имѣлъ въ виду выразившееся въ немъ народное воззрѣніе на значеніе государства... Какъ же объяснить себѣ подобную отважную *превратность* увѣреній бо̀рзаго профессора и его лихія выходки? Мы мо̀гли бы и еще продолжать выписки и сличенія, но полагаемъ, что приведенныхъ примѣровъ достаточно. Не въ первый разъ, впрочемъ, под-

вязается г. Градовскій въ подобныхъ полемическихъ пріемахъ: навяжетъ своему противнику какую-нибудь дикую теорію своего изобрѣтенія, станетъ въ позу, грозно выпадетъ противъ созданнаго имъ же призрака и затѣмъ — торжественно, самодовольно этотъ призракъ или самого себя побиваетъ!.. И при всемъ томъ, мы охотно допускаемъ, что это происходитъ у него вовсе не mala fide, а bona fide — отъ недомыслія и отъ удивительной легкости, съ которой онъ, добровольно и по собственному сознанію, умѣетъ отрѣшаться отъ «понятій связанныхъ съ законами логики»... «Я,—аттестуетъ къ тому же самъ себя ученый профессоръ въ цитуемой нами статьѣ,—«не поэтъ, не моралистъ. Я *скромный юристъ*». Это и видно. Что онъ не художникъ и что ему недоступно то орудіе постиженія истины, которое дается искусствомъ, художественнымъ творчествомъ и чувствомъ,—этого мы ему въ вину, конечно, ставить не можемъ, — но что онъ не «моралистъ» — этимъ хвалиться нечего. Хорошъ «юристъ», не подбитый «моралистомъ», игнорирующій ученіе о морали какъ объ основѣ права, о *нравахъ,* объ ихъ могущественномъ значеніи въ жизни обществъ и государствъ, и объ ихъ отношеніи къ внѣшнимъ законамъ и юридическимъ формамъ! Правъ г. Градовскій: онъ дѣйствительно скромный, очень скромный юристъ, для котораго имѣютъ смыслъ только *однѣ* внѣшнія юридическія *формы,* какъ нѣчто существующее само по себѣ и для себя, an sich и für sich,— который внѣ ихъ и за ними ничего не видитъ и не признаетъ, покланяется только формѣ, только въ ней одной видитъ спасеніе. Объузивъ самъ себя такимъ образомъ, г. профессоръ предстаетъ предъ нами даже не какъ юристъ, хотя бы и скромный, но просто какъ *формалистъ* въ области внѣшняго права.

И не онъ одинъ. И не со вчерашняго дня возникъ этотъ «культъ формы», идетъ эта борьба внутренняго со внѣшнимъ, свободы съ необходимостью, духа съ буквой!.. «Сущность такъ-называемаго славянофильскаго ученія» и въ частности записки К. С. Аксакова вовсе не въ «теоріи о *безформенности* государства», а наоборотъ: съ одной стороны, въ признаніи государства именно внѣшнею только формою общежитія,—именно внѣшнимъ закономъ, внѣшнею силою; съ другой, — въ сопоставленіи съ государствомъ внутренней жизни духа, высшихъ

началъ, высшихъ требованій нравственной правды и свободы, заключенныхъ въ душѣ человѣческой. Другими словами: отводится подобающее мѣсто *Кесарю*, но также и *Богу;* отводится мѣсто формѣ, буквѣ, признается ихъ необходимость и благотворность, но удерживается мѣсто и за *тѣмъ*, въ чемъ источникъ содержанія, влагаемаго въ форму и букву, т. е. за *духомъ:* и не только удерживается мѣсто, но провозглашаются и ограждаются права духа отъ властительства формы и буквы,— того, что̀ *живитъ*, отъ того, что *мертвитъ*. Ибо истинно евангельское слово: «буква мертвитъ, духъ животворитъ». Пожалуй и тутъ нѣкоторые, подражая г. Градовскому, воскликнутъ: «вы отрицаете букву, вы проповѣдуете теорію о ненадобности буквъ, но вѣдь безъ буквъ никакъ невозможно, ничего не скажешь и не выразишь»! и т. д. Съ разсужденіями такой силы, полагаемъ, нѣтъ надобности и состязаться... Внѣшняя юридическая форма то же что буква. По мнѣнію лицъ, осмѣянныхъ г. Градовскимъ, государство само по себѣ не есть *цѣль* бытія, а только необходимое *средство* для достиженія высшей предназначенной человѣчеству цѣли; поэтому и внѣшняя юридическая форма не есть еще *воплощеніе истины*, ни даже справедливости, вполнѣ ее исчерпывающее, а только условное выраженіе части истины или справедливости, въ примѣненіи къ требованіямъ мѣста и времени. Можетъ-быть скажутъ, что во всемъ этомъ новаго ничего нѣтъ. Новаго, конечно, нѣтъ, а есть нѣчто вѣчное и міровое, предпоставленное всей исторической жизни народовъ.

Сказано: Кесарево—Кесареви, Божіе—Богови. Пусть вообразятъ себѣ теперь, что Богъ вычеркнутъ, оставленъ, все бывшее *Божіимъ* стало Кесаревымъ. Подъ *Кесаревымъ* разумѣется здѣсь государство, въ какомъ бы то ни было образѣ, хотя бы республиканскомъ, со всѣми внѣшними законами и юридическими формами. Подъ *Божіимъ* — весь внутренній міръ человѣка съ его свободою, совѣстью, вѣрою въ высшую нравственную, абсолютную правду. Но если Кесарь вытѣснитъ Бога и прострetъ владычество своихъ внѣшнихъ законовъ на всю область Божію, то и *верховною* совѣстью людей станетъ государство же, т. е. *внѣшній* законъ. Другими словами: юридическія нормы залѣзутъ въ міръ внутренній жизни, въ самую душу человѣка, закуютъ его свободу, за-

глушатъ духъ, источникъ животворенія, все омертвятъ, но, разумѣется, омертвѣютъ и сами. Мы представили несбыточную гипотезу, ибо человѣческая духовная природа не въ состояніи долго мириться съ такимъ искаженіемъ, — но несомнѣнно, что такого рода поползновенія существуютъ на Европейскомъ Западѣ, гдѣ одновременно съ успѣхами матеріализма возрастаетъ и культъ государства, т. е. *внѣшней формы* политическаго бытія, заключающей въ себѣ якобы разрѣшеніе всѣхъ задачъ, единственное, всеисчерпывающее условіе спасенія и благоденствія. Поэтому тамъ, напримѣръ во Франціи, вся забота устремлена на пріисканіе и созданіе внѣшней государственной формы, которая бы удовлетворила всѣмъ этимъ условіямъ и требованіямъ, такъ чтобы за предѣлами ея ничего—никакого Бога и никакого иного царства не оставалось. Отъ этого тамъ такъ часты и революціи, разбивающія одну форму за другой, въ тщетной попыткѣ втѣснить въ юридическую норму весь духъ человѣческій, все оформить, все претворить въ *правовой порядокъ*, который уже предъявляетъ притязаніе стать высшимъ мѣриломъ нравственности и справедливости.

Кстати. У насъ въ Россіи, какъ извѣстно, это послѣднее выраженіе, т. е. «правовой порядокъ», также въ большомъ ходу. Но вѣдь «правовой порядокъ» бываетъ разный; вѣдь «правовой порядокъ» вовсе не означаетъ порядка, всенепремѣнно воплощающаго высшую правду, такъ что восхвалять *«правовой порядокъ вообще»* — или не имѣетъ смысла, или имѣетъ смыслъ вышеуказанный, т. е. стремленіе замѣнить все Божіе—Кесаревымъ, всякую идею безусловной правды и нравственности — юридическою внѣшнею, форменною оцѣнкою,—такъ чтобъ нравственнымъ было только то, что̀ законно, и безнравственнымъ лишь то, что̀ осуждается *внѣшнимъ* закономъ... «Правовой порядокъ»! Но вѣдь французскій терроръ съ его кровавой оргіей и всѣми способами истребленія былъ самый, что ни на есть, *законный* и *правовой*, и *долженъ* быть признанъ таковымъ съ точки зрѣнія не «моралистовъ», а «скромныхъ юристовъ». Все вѣдь дѣлалось по рѣшенію законнаго большинства въ Конвентѣ, а Конвентъ состоялъ изъ легальныхъ, вполнѣ легальныхъ, представителей Французскаго народа, которые совершали расправу якобы отъ его имени и въ силу ими же легально провозглашеннаго прин-

ципа народнаго верховенства! Сегодня узаконяется небытіе Бога и провозглашается поклоненіе Разуму: хотя десятки милліоновъ народа непричастны такому рѣшенію и отвергаютъ его всѣмъ сердцемъ и всею душой, но сотня лишнихъ голосовъ въ Конвентѣ обязываетъ ихъ принять таковое рѣшеніе за законное и вдобавокъ за свое собственное.... И дѣлать нечего: это вѣдь и есть «правовой порядокъ»!.. У насъ часто толкуютъ о «гарантіяхъ», и усматриваютъ ихъ именно въ западно-европейскомъ «правовомъ порядкѣ». Но если сей послѣдній служитъ основаніемъ гарантіи, то чѣмъ же гарантируется самый «правовой порядокъ», и чѣмъ иначе: чѣмъ же гарантируется гарантія? Однимъ изъ догматовъ теоріи о гарантіяхъ, напримѣръ, состоитъ, какъ извѣстно, *несмѣняемость* судей, какъ условіе ихъ независимости. Но вотъ Гамбетта намѣревается—самымъ «правовымъ порядкомъ», т. е. подобравъ себѣ лишній десятокъ голосовъ для составленія большинства, посягнуть на этотъ завѣтный принципъ и пообчистить магистратуру, потому что она оказывается слишкомъ независимою отъ администраціи и часто оправдываетъ тѣхъ, кого правительство хотѣло бы обвинить. Такъ какъ во Франціи слѣдуетъ всегда допускать возможность политической перемѣны, то такимъ образомъ устанавливается «правовой» прецедентъ и для будущихъ правительствъ: подбирать *угодный* для себя 'составъ магистратуры! Мы, само собою разумѣется, не противъ правоваго порядка вообще, т. е. не противъ юридическихъ нормъ и формъ, но не слѣдуетъ питать къ нимъ никакого суевѣрія, придавать имъ какое-то самостоятельное преувеличенное значеніе или вводить ихъ въ тѣ области, гдѣ имъ не мѣсто. Когда намъ твердятъ о «правовомъ порядкѣ», мы прежде всего хотимъ знать: *какой именно?*

Дѣло въ томъ, что сила не въ правовомъ порядкѣ, а въ той общественной, духовной, нравственной почвѣ, въ которую упирается порядокъ своими корнями и которая ихъ питаетъ. Этого не могутъ понять скромные юристы-неморалисты. Конечно желательно, чтобы правовой порядокъ въ данную минуту отвѣчалъ потребностямъ нравственнаго общественнаго сознанія, но если этого соотвѣтствія нѣтъ, то правовой порядокъ останется мертвою буквою. Г. Градовскій, напримѣръ, видитъ обезпеченіе свободы слова только во внѣшнемъ законѣ. Почему же

и не быть внѣшнему закону! мы и сами его желаемъ, но законъ самъ по себѣ еще не составляетъ гарантіи. Ученый профессоръ забылъ, что въ Англіи, напримѣръ, внѣшній *законъ* о печати—самый драконовскій изо всѣхъ Европейскихъ и до сихъ поръ воспрещаетъ разглашеніе въ печати парламентскихъ преній. Но *нравы* переросли внѣшній законъ, и никто никогда не рѣшится «правовой», *существующій* и понынѣ «порядокъ» приводить въ исполненіе. Стало-быть, сила не въ самомъ «правовомъ порядкѣ», а въ жизни, въ нравахъ, въ томъ началѣ, которое одно истинно могущественно и животворно.

Вотъ это-то животворящее начало, эту власть совѣсти, это царство духа и истины въ груди человѣка, этотъ несмолкающій запросъ на высшую нравственную правду и ищетъ оградить К. С. Аксаковъ, во всей ихъ самостоятельности, отъ посягательства внѣшней, юридической правды, отъ начала условности и формализма, которыхъ воплощеніемъ служитъ государство. Ищетъ оградить, разумѣется, только въ сферѣ нашего сознанія. Самъ же онъ полагаетъ, что Русское государственное устройство, въ своихъ существенныхъ основахъ и въ томъ видѣ, какъ *понимаетъ его народъ*, т. е. въ идеальномъ своемъ видѣ, способно именно дать нужный просторъ тому, что̀ болѣе всего на потребу. Русскій народъ сознательно призвалъ къ себѣ государственную внѣшнюю власть и государственный внѣшній нарядъ, создалъ самое могущественное государство въ мірѣ, равно какъ и самую крѣпкую власть, надѣливъ ее неограниченнымъ полномочіемъ и оказывая ей, вполнѣ *сознательно*, а не рабски, безпрекословное повиновеніе въ дѣлахъ міра сего; но онъ не отступился отъ Бога въ пользу Кесаря, т. е. не уступилъ царству отъ міра сего того царства Божьяго, которое внутрь насъ есть, не продалъ свою *душу* государству, не отрекся ради внѣшней правды отъ правды высшей, нравственной, не подмѣнилъ своихъ нравственныхъ, общественныхъ идеаловъ идеалами политическими, не заразилъ своего духа политическимъ властолюбіемъ, не упразднилъ своей *совѣсти* внѣшнимъ *закономъ*. Для него государство есть не цѣль, а средство, да «подъ державою его хранимы, благоденственное и мирное житіе поживемъ», и онъ любитъ, чтитъ и благословляетъ это средство, и добровольно, сознательно приноситъ всѣ тѣ нуждыя жертвы, безъ которыхъ, какъ ему вѣдомо, средство это дѣйствовать не можетъ. Онъ

понимаетъ и признаетъ необходимость внѣшней юридической формы, но *формализмъ* ему ненавистенъ. Въ этомъ именно смыслѣ и называетъ К. С. Аксаковъ Русскій народъ *не политическимъ* или *не государственнымъ*. Кстати: г. Градовскій въ своей статьѣ опять совершенно искажаетъ мысль автора «Записки». Именно у г. Градовскаго мы читаемъ: «Русскій народъ, *какъ говоритъ К. Аксаковъ*, народъ не политическій, т. е. *чуждый всякихъ попеченій о земномъ могуществѣ*». Вовсе не то. Народъ именно позаботился о созданіи *могущественной* державы, какъ формы для своего общежитія, — а К. С. Аксаковъ говоритъ слѣдующее и повторяетъ это нѣсколько разъ: «Русскій народъ есть народъ не государственный, т. е. *не стремящійся къ государственной власти*, не имѣющій въ себѣ даже зародыша народнаго *властолюбія*, не ищущій участія въ правленіи... Всѣ иные народы стремятся къ народовластію. Русскій же народъ самъ *государствовать* не хочетъ»... По случаю этихъ словъ К. С. Аксакова можно было бы сказать, что именно по этому самому Русскій народъ и можетъ быть названъ самымъ государственнымъ въ мірѣ, или точнѣе носящимъ въ себѣ *истинный* государственный смыслъ и разумъ, что не хочетъ *самъ* государствовать, а блюдетъ крѣпость власти и признаетъ лучше, чѣмъ какой-либо иной народъ, необходимость государственной дисциплины; но это поясненіе нисколько не измѣняетъ самой мысли автора «Записки». Какъ бы то ни было, но этотъ афоризмъ К. С. Аксакова озадачилъ и даже возмутилъ многихъ нашихъ «западниковъ» и «либераловъ», между прочимъ и публициста журнала «Отголоски». Къ свѣдѣнію сего послѣдняго, а также и г. Градовскаго, сообщимъ довольно странное, почти буквальное совпаденіе. Въ одномъ изъ сочиненій Нѣмецкаго писателя Риля, которое стало намъ извѣстно нѣсколько лѣтъ спустя послѣ написанія «Записки» (самъ же К. С. и вовсе съ нимъ знакомъ не былъ, вѣдая о Рилѣ только вообще, по наслышкѣ, да по какой-то русской поверхностной рецензіи), — и такъ у Риля встрѣчается слѣдующее: das deutsche Volk ist kein politisches Volk, sondern ein sociales, т. е. «Нѣмецкій народъ — народъ *не политическій*, а соціальный», другими словами: съ задачею не политическою, а общественно-бытовою. Вѣрно или невѣрно такое мнѣніе Риля относительно Нѣмец-

каго народа—это другой вопросъ; во всякомъ случаѣ этотъ поклонникъ Нѣмецкой народности не похулить хотѣлъ свой народъ, а напротивъ удостоить его высшей похвалы. Онъ бы не пришелъ ни въ ужасъ, ни въ негодованіе, ни въ стыдъ отъ выраженій записки К. С. Аксакова, какъ наши такъ-называемые либералы, а уразумѣлъ бы ихъ глубокій смыслъ. Постараемся однако подойти къ этому смыслу съ самой внѣшней его стороны и въ самой сжатой формѣ.

Село вообще менѣе склонно жить политическою жизнью, чѣмъ *городъ;* самая этимологія греческаго слова *«политика»* это подтверждаетъ. Россія же, какъ мы однажды выразились, стоитъ *селами*, а не городами. Уже самое это преобладаніе сельскаго населенія въ Россіи свидѣтельствуетъ о слабости политическаго элемента въ громаднѣйшемъ большинствѣ, т. е. въ 80% всего населенія Имперіи. Такъ что и съ этой внѣшней стороны оправдывается афоризмъ автора «Записки». Но онъ оправдывается и подтверждается всѣми чертами нашей народной психологіи, присущими не только такъ называемому простому народу, но даже и всѣмъ намъ. Мы народъ также соціальный, и задачи соціальныя намъ несравненно дороже политическихъ. Мы совершили освобожденіе крестьянъ вовсе не на основаніи *юридической внѣшней правды*, которою не дорожитъ въ глубинѣ души своей ни одна Русская совѣсть, а въ силу правды соціальной, понятой въ ея истинномъ, согласномъ съ нравственною правдою смыслѣ. Вотъ Англійскіе лорды — *юристы* вполнѣ, люди политическіе или государственные въ тѣсномъ значеніи, для которыхъ внѣшняя юридическая форма и основанное на ней, хотя бы и безнравственное право — святыня.—У насъ слово «чиновникъ», «чиновникъ въ душѣ», хотя бы онъ былъ и честнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, служитъ чуть не обидною аттестаціей, потому что означаетъ поклонника формы, тогда какъ у нашихъ сосѣдей Нѣмцевъ—этою аттестаціей люди гордятся. Да и у Французовъ также. Нѣмецъ священнодѣйствуетъ, а Французъ позируетъ и въ роли жандарма, и въ роли городоваго, во всякой оффиціальной должности; у насъ же простодушное или такъ называемое «халатное» отношеніе къ исполненію формальныхъ обязанностей доходитъ до вредной, истинно-нетерпимой крайности, и однакожъ поддерживается всею общественной и народной прав-

ственной средой: это потому, что самая эта крайность есть доведенная до уродства черта нашей «неполитичности». Политическое властолюбіе, если и прививается къ нашему обществу, то только съ недавняго времени, и корней глубокихъ вовсе не имѣетъ; даже наши «либералы» въ сущности вовсе не властолюбцы и не честолюбцы, развѣ за нѣкоторыми исключеніями. Во Франціи же всякій студентъ изъ Quartier Latin— въ душѣ своей *политическій деспотъ* и носитъ идеалъ всегда *властолюбиваго* свойства; будь онъ отъявленнѣйшій республиканецъ — цѣль у него одна: добиться власти. Не изъ-за идей *свободы* борются и боролись партіи во Франціи, а изъ-за власти, и всякая вольнолюбивая доктрина, всякая даже анархическая теорія сводится тамъ къ одному выводу: къ государствованію, съ отрицаніемъ свободы для чужихъ мнѣній и партій. Нѣчто подобное доказывалъ въ свое время и самъ г. Градовскій въ своихъ статьяхъ въ журналѣ «Время», если не ошибаемся, въ ту отдаленную эпоху, когда онъ не гонялся за кличкою «либерала», а немного славянофильствовалъ и даже читалъ публичныя лекціи о славянофилахъ...

Этими мелкими психологическими чертами, конечно, не исчерпывается глубокое, міровое значеніе такого нравственнаго факта, какъ отсутствіе *политическаго* элемента въ самой *душѣ* нашего христіанскаго народа, въ глубинахъ его вѣрующаго духа. Но наша статья и безъ того велика. Мы хотѣли только отозваться на главные аргументы г. Градовскаго, которыми онъ думалъ сразить на повалъ такъ называемую имъ славянофильскую теорію. Мы оставляемъ также пока въ сторонѣ логическій выводъ, дѣлаемый К. С. Аксаковымъ изъ присущаго Русскому народу нежеланія государствовать *самому*,— выводъ, который выразился въ созданіи полноправной монархіи, — оставляемъ потому, что самъ г. Градовскій устраняетъ этотъ вопросъ. Онъ спрашиваетъ насъ, въ заключеніе своей статьи: «нужны ли, независимо отъ вопроса о формѣ *правленія*, извѣстныя юридическія формы, извѣстная доза законности въ управленіи, для обезпеченія тѣхъ благъ, о которыхъ «славянофилы»-де такъ много говорятъ? и «не останутся ли прекрасныя слова К. С. Аксакова о «свободѣ жизни, духа и слова» одними прекрасными словами, если не будутъ обезпечены законами?»... Записка К. С. трактуетъ вовсе не о нача-

лахъ *управленія*, а рѣшаетъ именно вопросъ объ отношеніи народа къ политической формѣ государства, т. е. къ формѣ правленія. Что же касается до области управленія, области *подзаконной*, то само собою разумѣется, ни К. С. Аксаковъ, ни «Русь» никогда не отрицали пользы изданія верховною властью законовъ, устраняющихъ произволъ подчиненныхъ этой власти лицъ и ограждающихъ свободу вѣрующей совѣсти и слова, и личное достоинство человѣка... Мы бы первые тому порадовались, но не потому, чтобы самая форма «законовъ» представлялась намъ непоколебимою *гарантіей*, ибо мы знаемъ, что всякій законодатель, давшій гарантію, можетъ и отнять ее (будь онъ хоть парламентъ, или только парламентское большинство, составленное десяткомъ лишнихъ голосовъ); а потому бы порадовались, что изданіе такихъ законовъ свидѣтельствовало бы объ успѣхѣ сознанія въ нашей правящей и въ общественной средѣ. Вотъ чего нужно желать и въ чемъ заключается единственно прочная гарантія: это именно, чтобъ свобода совѣсти, свобода слова вошла въ нашъ *обычай и нравы*, а она тѣмъ скорѣе сбудется и тѣмъ глубже войдетъ въ обычай и нравы нашей правящей и общественной среды, чѣмъ меньше будутъ связывать съ этою свободою общественной, неполитической жизни ложное понятіе о какихъ-то политическихъ правахъ и гарантіяхъ, изъ области управленія простирающихся на область правленія... Нужно желать, чтобы само наше правительство прониклось не только національнымъ, но и *народнымъ* духомъ, и усвоило себѣ именно тѣ понятія о союзѣ государства съ землею, которыя изложены въ «Запискѣ» покойнаго К. С. Аксакова; нужно однимъ словомъ, чтобы государство и земля, народъ и полноправная власть жили между собою, по Русской поговоркѣ, *въ любви и совѣтѣ*...

«О жизни мудрствуемъ, а жизнью не живемъ».

Москва, 24-го декабря 1881 г.

Недоразумѣніе, какъ туманъ, пало на нашу землю, заволокло правду вещей и предметовъ, скрыло мѣру и цвѣтъ, натворило сѣрыхъ призраковъ, — все стало зыбко, невѣрно иль

мимо. Недоразумѣніе — вотъ слово, которымъ можетъ быть характеризовано настоящее состояніе умовъ въ Россіи. Недоразумѣніе между властью и страною, между правительствомъ и обществомъ, между интеллигенціей и простымъ народомъ, и такое же тяжкое, мучительное взаимное недоразумѣніе между лицами внутри самихъ рядовъ — и правительственныхъ, и общественныхъ, и даже народныхъ. Все какъ-то вышло изъ колеи, сдвинулось съ своего стариннаго подножья, утратило вѣру въ прежнюю незыблемость, прочность, опредѣленность положенія и окружающей обстановки; все недовольно, всѣ чего-то хотятъ, куда-то спѣшатъ, о чемъ-то хлопочатъ, голосятъ, каждый свое и въ одно время, всѣ словно въ потьмахъ сталкиваются или минуютъ, не узнаютъ, не понимаютъ другъ друга. Народъ чуетъ и слышитъ, что надъ нимъ, въ верхнихъ слояхъ возятся, пишутъ, толкуютъ, гомонятъ, все про него да о немъ, и весь этотъ долетающій до него гулъ порождаетъ въ немъ фантастическія представленія; всякое отрывочное извѣстіе слагается въ легенду, сообразную съ тайными его разновидными чаяніями и вожделѣніями, — и жадно ловитъ онъ всякій ласкающій его мечту слухъ, и если еще не волнуется, то уже колышется смутною молвою, тревожнымъ недоразумѣніемъ. Поверхъ же народа... Здѣсь безъ сомнѣнія все одушевлено самыми искренними благими желаніями, все и всѣ, какъ средневѣковые алхимики, допытывавшіеся элексира жизни, въ погонѣ — за *правдою жизни народной*, всѣ наперерывъ суетятся ее поймать, — уловить, ухватить, упрятать въ свой ларчикъ, подвергнуть каждый своей излюбленной аппретурѣ, формулѣ, опредѣленію, и въ такомъ обработанномъ видѣ преподнесть на правительственное распоряженіе и всеобщее употребленіе. И всѣ рвутъ отъ нея только клочья, и никому еще она, это правда, цѣлою не далась и не дается, хотя чуть ли не каждый мнитъ себя ея обладателемъ! Почему? Потому, что про насъ можно сказать и теперь, какъ ужъ очень, очень давно было сказано пишущимъ эти строки, что мы всѣ —

...рѣчь умную, но праздную ведемъ,
О жизни *мудрствуемъ*, но *жизнью не живемъ!*

То, что въ то время относилось еще къ немногимъ, можетъ и должно быть примѣнено ко всей, въ наши дни уже многочисленной массѣ мыслящихъ, пишущихъ и дѣйствую-

щихъ... Казалось бы, самымъ могучимъ антидотомъ яду безплоднаго *мудрствованія* было бы — *жить*. Чего, повидимому, *проще?* Но вѣдь ничего нѣтъ мудренѣе самой простоты, разъ что даръ ея душою утраченъ и внутренняя цѣльность нарушена разлагающимъ перевѣсомъ отвлеченной мысли, разсудка... Само собою разумѣется, что слово *жизнь* мы принимаемъ здѣсь въ смыслѣ жизни общественной, жизни цѣлой страны, хотя безъ сомнѣнія подобное отношеніе къ жизни общественной не можетъ не отражаться и въ жизни личной.

Такое болѣзненное явленіе, т. е. преобладаніе мудрствованія *отвлеченной* дѣятельности разсудка надъ непосредственною самодѣятельностью *жизни*, имѣетъ, разумѣется, свою историческую причину. Читатели уже знаютъ, что мы усматриваемъ ее въ томъ насилованіи, которое было произведено надъ нашею страною Петромъ Великимъ. Какъ бы ни оправдывалась его реформа исторически-логическою необходимостью, все-таки прямымъ ея результатомъ было отчужденіе отъ жизни народной всего правительства и всѣхъ высшихъ общественныхъ классовъ, всего будущаго контингента такъ называемой интеллигенціи. При такомъ раздвоеніи всего организма, нарушилась конечно и правильность его отправленій; жизнь не умерла, но творчество ея пресѣклось, она такъ сказать ушла въ народную, подземную почву, гдѣ и пребываетъ до сихъ поръ на степени прозябанія... Насильственное внѣшнее отвлеченіе высшихъ классовъ отъ народа съ теченіемъ времени породило для духа то состояніе отвлеченности, въ которомъ и досѣлѣ онъ коснѣетъ и дѣйствуетъ, изъ котораго и высвободиться не въ силахъ. Да и не могло быть иначе. Правительство, какъ и общество (которое до позднѣйшей поры составляло служебный, т. е. командующій во всѣхъ смыслахъ и отношеніяхъ классъ), руководилось въ своей дѣятельности началами заимствованными изъ чужи; деспотизму отвлеченныхъ теорій, доктринъ, *сочинительству*, кровью и сокомъ донимавшему Русскую землю, было раздолье. Историческая память была отшиблена, самыя свѣжія преданія забыты, языкъ исковерканъ, простой, здравый смыслъ вещей утраченъ, родной народъ сталъ terra incognita, которую потомъ, уже въ наше время, стали открывать какъ Америку... Какъ не быть раздолью въ такомъ опорожненномъ отъ всякаго реагента,

всякаго воздѣйствія духа жизни народной, и притомъ такою всемогущею внѣшнею властью надѣленномъ абстрактномъ мірѣ!

Но не станемъ вдаваться въ исторію былаго, обратимся къ настоящему. Какія бы тамъ ни были причины, но фактъ, котораго конечно никто отрицать не будетъ, потому что онъ на-лицо, именно тотъ, что мы *не живемъ*, въ настоящемъ смыслѣ слова, цѣльною, органическою жизнью страны, хотя и мучимы жаждою *жить*. Мы осуждены пока *мудрствовать* въ отвлеченной сферѣ сознанія, и *мудрить* надъ жизнью — какъ скоро обращаемся къ практическому дѣйствію. За то, — этого нельзя не признать, — дѣятельность въ этой отвлеченной сферѣ получила необычайное, усиленное развитіе, поглотила всѣ наши силы. Оно и вполнѣ понятно. Для этой дѣятельности не было и границъ; ей не приходилось считаться съ жизнью, съ которою связь была порвана, не лежало на плечахъ груза старыхъ преданій и дорогихъ завѣтовъ, который бы замедлялъ быстроту движенія; не видать было и въ новѣйшей дѣйствительности чѣмъ бы особенно стоило дорожить, не было, значитъ, препонъ для самаго крайняго радикализма, — благо все большею частью происходило и рѣшалось *въ принципѣ!* Такого рода горячечной дѣятельности въ мірѣ мысли не представляла никакая страна. Вездѣ новая мысль пытается пустить или дѣйствительно пускаетъ корни въ самую жизнь, всходитъ болѣе или менѣе туго, медленно подъемлетъ свой стебель, созрѣваетъ, ждетъ жатвы. У насъ все скользило и еще скользитъ на поверхности почвы, не пуская корней, опредѣляя собою лишь личную судьбу одного, много двухъ поколѣній, — оттого все скоро вывѣтривается, изнашивается, пошлѣетъ. Оттого между смѣняющимися поколѣніями мало связи, мало преемственности, такъ что многое, напечатанное лѣтъ только 15, даже 10 тому назадъ, можетъ быть преблагополучно перепечатываемо вновь и прочитываемо какъ нѣчто новое и вновь потребное. И тѣмъ все шире и шире кругъ самихъ «дѣятелей», чѣмъ ранѣе начинается въ наши дни работа отвлеченнаго сознанія для отрока или отроковицы, чуть не со школьной гимназистской скамьи, чѣмъ сильнѣе расплождается періодическая печать, — которая, какъ извѣстно, въ значительномъ большинствѣ своихъ органовъ пробавляется

юношами, отважно пускающимися въ теоретическую оцѣнку почти невѣдомыхъ имъ явленій дѣйствительности.

Очевидно, къ прискорбію, что результаты такой дѣятельности чисто абстрактнаго свойства, не питаемой духовнымъ сокомъ народной почвы, не умудряемой опытомъ общенародной исторической жизни, не соотвѣтствуютъ ея изумительному напряженію и тратѣ такого богатства умственныхъ силъ; въ области науки и практическихъ открытій успѣхи наши почти ничтожны. Тѣмъ не менѣе мы вовсе далеки отъ мысли считать эту дѣятельность совершенно безплодною. Неудовлетворительность результатовъ объясняется ненормальностью, болѣзненностью самого явленія, т. е. независящимъ отъ воли самихъ дѣятелей преобладаніемъ въ ихъ дѣятельности стихіи абстракта или отвлеченности и, какъ мы сказали, совершеннымъ отчужденіемъ отъ дѣйствительной жизни народной, съ ея истинными нуждами и потребностями. Однакожъ, если окинуть взоромъ все пройденное Русскою мыслью пространство съ начала указаннаго ей поприща до нашихъ дней, то конечно можно будетъ, не останавливаясь на различныхъ ея фазахъ, опредѣлить и сумму осѣвшихъ, обратившихся въ неотъемлемое и немалоцѣнное достояніе умственныхъ, духовныхъ выводовъ и итоговъ. При всемъ томъ, историкъ Русской общественной мысли долженъ будетъ прежде всего признать, что ея работа совершалась въ пустопорожности, dans le vide, какъ говорятъ Французы; что этотъ пустопорожній міръ былъ населенъ потребностями и страстями большею частью мнимыми, не имѣвшими никакого *жизненнаго* права на бытіе, о которомъ можно бы сказать стихами Шиллера:

Не наша ихъ земля ростила,
Не наше солнце грѣло ихъ!

а между тѣмъ потребностями и страстями подчасъ до того напряженными, интенсивными, что онѣ становились источникомъ вовсе не мнимыхъ, а реальныхъ, истинныхъ страданій. Жизнь отвлеченная, призрачная, цѣликомъ занесенная изъ иноземщины, съ ея историческими скорбями и чаяніями, становилась какъ бы и въ самомъ дѣлѣ *нашею жизнью,* несмотря на поразительное, ошеломляющее противорѣчіе съ окружающимъ, не отвлеченнымъ, но дѣйствительнымъ міромъ. Такъ наше общество совершенно *юное,* еще не начинавшее жить, уже пере-

жило, въ сферѣ сознанія, всѣ нравственные старческіе недуги отживавшихъ, разлагавшихся обществъ Западной Европы, не извѣдавъ ихъ жизненнаго опыта: и тоску, и разочарованіе, и муки сомнѣнія и отрицанія, имѣвшія на Западѣ подъ собою историческую почву,—рядилось и въ Чайльд-Гарольдовъ плащъ, по выраженію Пушкина, и во всевозможные плащи чужихъ общественныхъ направленій. Такъ въ нашей странѣ, гдѣ общество (мыслящее, образованное), сравнительно, такъ малолюдно, гдѣ «недостатокъ въ людяхъ» вошелъ въ пословицу, — былъ цѣлый періодъ страданія «лишнихъ людей». И хотя это страданіе именно въ Россіи, гдѣ образованному контингенту дѣятелей было отказываемо въ живомъ плодотворномъ дѣлѣ, могло бы имѣть, повидимому, вполнѣ положительное основаніе, однако же наши страдальцы—«лишніе люди» въ эпоху этого литературнаго повѣтрія, страдали à la Оберманъ, по западному, а вовсе не Русскимъ, реальнымъ, историческимъ страданіемъ.

Самою блистательною эпохою этой отвлеченной дѣятельности было царствованіе Императора Николая. Событія Отечественной войны снесли было эту отвлеченность на реальную почву, гдѣ именно она и не замедлила обличиться, — но крутая система правленія, водворившаяся послѣ 14-го декабря 1825 г., вогнала Русскую мысль *внутрь*, не давая ей расплываться во внѣшности,—и что же? По свидѣтельству Герценскаго «Дневника» и всѣхъ современниковъ, никогда умственный уровень Русскаго общества не стоялъ такъ высоко, никогда дѣятельность въ сферѣ абстракта не поглощала такъ сильно образованныхъ Русскихъ людей. Эстетика и философія *повидимому* «процвѣтали», возбуждая всеобщій, самый живой интересъ... И все это на почвѣ крѣпостнаго рабства, среди повальнаго безправья непривилегированныхъ классовъ, среди экономической варварской безурядицы! Говоримъ это нисколько не въ упрекъ, а только указываемъ на аномалію нашего общественнаго развитія. Чего мы не пережили, чѣмъ не перебывали, какими *измами* не увлекались въ нашемъ тепличномъ, оранжерейномъ мірѣ, носившемся съ его призрачными радостями и страданіями надъ юдолью Русской земли съ ея непризрачнымъ горемъ и страстотерпнымъ подвижничествомъ!

Мы не намѣрены, впрочемъ, излагать здѣсь исторію Русскаго общества, а только намѣчаемъ характеристическія черты.

Истинно плодотворною стала работа его отвлеченной мысли, когда въ «объектъ сознанія» попала наконецъ *народность*, съ ея «субстанціей», какъ говорилось тогда, и исторіей *народнаго самосознанія.* Словно Америка, повторяемъ, открылся Русскому обществу Русскій народъ, и все это, сравнительно, такъ недавно! Покойный А. В. Веневитиновъ хвалился намъ, что онъ *первый* изъ своихъ разъѣздовъ по Россіи, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ, вывезъ свѣдѣніе о сельской поземельной общинѣ и мірскомъ крестьянскомъ самоуправленіи, и сообщилъ его своему брату, извѣстному, такъ рано умершему поэту, и молодому его другу, Хомякову! Это о явленіи, которое, переживъ тысячелѣтіе, было у всѣхъ на глазахъ, которое всѣ видѣли и *знали,* но не *сознавали!* Литература вопроса объ общинѣ, этомъ основномъ элементѣ нашего народнаго великорусскаго быта, можетъ и затѣмъ представить истинныя диковинки: и попытки отрицать, если не самый существующій фактъ, то его историческую древность, умалить его значеніе, представить его наслѣдіемъ варварства,—и гоненія на общину во имя Европейской цивилизаціи, и наконецъ, въ наши дни, почти всеобщее признаніе общины, надѣленіе ея правами гражданства въ сферѣ общественнаго сознанія (да и то благодаря болѣе авторитету иноземному, съ позволенія соціалистическихъ теорій!!). Точно такимъ же *открытіемъ* были для Русской «интеллигенціи» и Земскіе Соборы: только теперь, почти сорокъ лѣтъ спустя, какъ впервые заговорили о нихъ славянофилы, стало проникать въ Русское общественное сознаніе понятіе объ этомъ крупномъ историческомъ явленіи до-Петровской Руси,—понятіе все еще очень смутное. Безъ сомнѣнія, представителями самой плодотворной дѣятельности въ общественной интеллигентной сферѣ были именно мыслители и писатели, прозванные въ насмѣшку славянофилами, а прежде называвшіеся «восточниками», въ отличіе отъ своихъ противниковъ «западниковъ»... Кто не помнитъ или не знаетъ про ту жестокую, запальчивую борьбу, которая въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ велась между обоими лагерями? Самая возможность образованія въ Россіи, въ *Русскомъ* обществѣ, особаго лагеря со знаменемъ *Русской* народности (какъ будто для Русскаго общества мыслимо знамя иное!), самое то, что

такой общественный фактъ не показался никому страннымъ и былъ всѣми признанъ, уже достаточно опредѣляетъ отношеніе Русской интеллигенціи къ Русской народной жизни и тотъ міръ отчужденія, абстракта, въ которомъ витала его умственная дѣятельность. И хотя (это кажется уже не подлежитъ спору) славянофиламъ удалось сообщить нѣсколько иной оборотъ общественной мысли, ослабить нѣсколько ея подобострастную зависимость отъ западноевропейскаго критерія, возбудить болѣе строгое вниманіе къ явленіямъ Русской исторіи, вызвать изслѣдованіе Русскихъ бытовыхъ данныхъ и т. п., однакожъ несправедливо было бы утверждать, что ихъ направленіе (по нашему единственно-вѣрное) одержало успѣхъ и стало господствующимъ. Нисколько. Принято говорить—и это въ большомъ ходу!—что славянофильство уже принесло свою долю пользы, избавивъ общество отъ крайности увлеченія Западомъ, но что теперь-де интеллигенція совсѣмъ ужъ вышла на правый путь и не представляетъ никакой духовной розни съ народомъ, кромѣ той, которая существуетъ между необразованіемъ и образованіемъ, между бытовою непосредственностью и возносящимся надъ нею сознаніемъ... Въ какой степени это вѣрно, лучше всего свидѣтельствуется тѣмъ, что такое отсутствіе розни, такое духовное единство интеллигенціи съ народомъ возвѣщаютъ теперь какъ разъ тѣ же самые, которые одновременно объявляютъ нашъ Русскій народъ лишеннымъ всякой «національной самобытности въ сферѣ политическихъ, нравственныхъ и религіозныхъ идей», которые самое притязаніе на какую-либо для Русскаго народа самостоятельность или самобытность клеймятъ ругательствами и насмѣшками!! Это ли не высшее проявленіе, не апогей отвлеченности! Иностранецъ, незнакомый съ исторіей Русскаго общества, подумалъ бы, читая многіе наши журналы и газеты, что это отступничество, апостазія... Нѣтъ,—это все та же отвлеченность, чуждая живаго народнаго самосознанія, которой начало положено у насъ реформою Петра и которой все еще не насталъ конецъ,—хотя, повидимому, и близокъ... Но только повидимому.

Всю эту рѣчь мы ведемъ лишь къ тому, чтобы оправдать слова, сказанныя нами въ началѣ, и точнѣе охарактеризовать нашу современную суетливую работу. Недугъ отвлеченности сталъ наконецъ сказываться у насъ и на практикѣ бѣдствен-

ными, трагическими явленіями. Не довольствуясь разрѣшеніемъ вопросовъ *въ принципѣ*, нѣкоторая, наиболѣе стремительная и наименѣе упражнявшаяся въ строгомъ мышленіи часть общества, — при подстрекательствахъ извнѣ, соблазняемая иноземными примѣрами и образцами, увлекаемая вѣковымъ обычаемъ подражанія, вошедшимъ у насъ и въ кровь, и въ плоть,—отважилась разрѣшать нѣкоторые вопросы на *практикѣ*, вообразивъ, что насильственное примѣненіе теоріи къ дѣйствительности равняется органическому творчеству жизни! Вышелъ только новый, наихудшій, наибезобразнѣйшій, наипреступнѣйшій видъ насилія,—практическаго насилія *революціонерствующей отвлеченности* надъ народомъ. Тѣмъ не менѣе эти явленія служили и служатъ симптомомъ угрожающей намъ опасности; они свидѣтельствуютъ, что недугъ нашей отвлеченности созрѣлъ до остраго состоянія, что нужно же наконецъ отыскать ключъ къ болѣе нормальной и цѣльной жизни. Въ настоящее время, кажется, все и всѣ сошлись на *отрицательномъ* отношеніи къ текущей дѣйствительности,—но и только. Правительство стало чуждо прежняго самомнѣнія, одушевлено безспорно искреннимъ желаніемъ блага, чутко прислушивается къ указаніямъ общества и печати — и недоумѣваетъ, внемля разноголосицѣ... Гдѣ правда? гдѣ же наконецъ она, настоящая общественная мысль? Общество! Но что̀ такое общество? То ли, что̀ говоритъ и голоситъ въ собраніяхъ и въ печати, или же то, что̀ молчитъ? За кѣмъ дѣйствительная и окончательная сила? за толпою ли громковѣщающихъ, или же за массами тѣхъ — безмолвныхъ? Печать? Но точно ли служитъ она выраженіемъ общественнаго мнѣнія, а не личныхъ мнѣній самихъ редакторовъ, или разнообразныхъ, нерѣдко противорѣчащихъ воззрѣній въ средѣ самого общества? Въ наши дни въ особенности дѣятельность мысли кишитъ и кипитъ. Это не прежнія досужія только рѣчи,—въ каждомъ словѣ звучитъ болѣзненная нота, свидѣтельствующая объ удрученномъ состояніи духа; онѣ какъ будто и вовсе не похожи самымъ содержаніемъ своимъ на бывалыя отвлеченныя разглагольствія нашей интеллигенціи: не къ Западу приковано ея вниманіе, какъ во дни оны, а къ Россіи,—не философскія, даже не научныя вопросы возбуждаютъ ея живой интересъ, а вопросы насущные, практическіе, по отношенію къ намъ самимъ... Но тутъ-

то и обнаруживается самообманъ. Перемѣнился объектъ, но не точка зрѣнія, которая попрежнему не Русская, а иноземная, по прежнему отвлеченная, по крайней мѣрѣ у большинства выступающихъ на печатную трибуну интеллигентовъ, — да и на печатную ли трибуну только? Читая и слушая ихъ, думаешь иногда, что попалъ въ сонмъ благодѣтелей иностранцевъ, притомъ же разноплеменныхъ, но равно кипящихъ искреннимъ желаніемъ пособить Русскому горю,—выбивающихся изъ силъ и изъ голоса, чтобы отрекомендовать каждый свою панацею! Каждый день выбрасываетъ на свѣтъ божій сотню газетныхъ листковъ (мы и самихъ себя не выключаемъ изъ ихъ числа), съ сотнею замѣчаній, указаній, критическихъ оцѣнокъ, предположеній, плановъ, по всѣмъ частямъ, по всѣмъ сторонамъ, по всѣмъ «вопросамъ»,—дергающихъ, сокрушающихъ, созидающихъ, разумѣется только въ принципѣ и на словахъ, существующій строй,—развинчивающихъ, свинчивающихъ, переиначивающихъ нашъ административный механизмъ,—въ негодности, устарѣлости котораго всѣ согласны, но въ способахъ исправленія или въ выборѣ новаго на смѣну почти никто другъ съ другомъ не сходится. Такая лихорадочно-возбужденная дѣятельность не можетъ обойтись безъ примѣси страсти и взаимнаго раздраженія, и только пуще плодитъ недоразумѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не поразиться (даже оставляя въ сторонѣ умышленную недобросовѣстность) тѣмъ обиліемъ взаимнаго недоразумѣнія, которое сказывается и у пишущихъ между собою, и между пишущими и читающими. Люди точно лишились способности понимать другъ друга, сговориться, спѣться, достигнуть *споразумленія* (выражаясь по-сербски), вникать въ истый смыслъ слова. Мы это по крайней мѣрѣ испытываемъ на себѣ, дивясь самымъ неожиданнымъ, превратнымъ истолкованіямъ, которымъ подвергаются иногда наши рѣчи — казалось бы точныя и опредѣленныя. Слово въ наши дни какъ будто служитъ не къ уясненію, а къ большей путаницѣ понятій...

Какъ бы то ни было, но эта дѣятельность Русской общественной мысли, во сколько она проявляется наружу съ настоящею, впрочемъ вполнѣ законною, возбужденностью, пока еще только умножаетъ замѣшательство, только истощается въ мудрствованіи, въ *сочинительствѣ,* и не можетъ выбиться изъ за-

колдованнаго круга своей отвлеченности. Можетъ быть намъ суждено пройти еще чрезъ нѣсколько опытовъ практическаго исполненія разнообразныхъ сочиненій, еще не однажды помудрить надъ жизнью,—но пора бы убѣдиться, что все сочиненное лишено внутренней, зиждущей силы, не пользуется ни авторитетомъ, ни довѣріемъ, предполагаетъ возможность новыхъ остроумнѣйшихъ сочиненій, — однимъ словомъ, осуждено на безплодіе и кратковѣчность. Какъ ни напрягайся, процессъ сочинительства не замѣнитъ органическаго творчества; какъ ни сочиняй, не сочинишь жизни. Какъ ни ставь, какъ ни рѣшай вопроса: «чѣмъ намъ быть?» на него отвѣтъ одинъ: *быть самими собой.*

А что же вы сами — предугадываемъ замѣчаніе нѣкоторыхъ — вы, которыхъ противники осмѣиваютъ, въ сущности же лишь удостоиваютъ, печатнымъ наименованіемъ «самобытниковъ», т. е. защитниковъ національной духовной самодѣятельности и вообще правъ духовной народной личности? Но и прежніе славянофилы, и тѣ, которые продолжаютъ дѣйствовать въ томъ же направленіи, какъ бы ихъ тамъ ни прозывали, тѣмъ и отличаются отъ «либераловъ» и имъ подобныхъ радѣтелей общаго блага, что они не занимались и не занимаются сочинительствомъ формулъ для жизни. Ихъ посильная заслуга, думаемъ, именно въ томъ, что они путемъ отвлеченнаго мышленія и живаго знакомства съ народомъ пришли къ вѣрному опредѣленію разъѣдающаго насъ недуга и его историческихъ причинъ, къ опознанію духовныхъ и бытовыхъ *началъ* Русскаго народа въ его исторіи и въ его настоящемъ, во сколько сохранился его исконный нравственный образъ,— къ признанію *правъ* жизни и ея органической работы, къ уваженію народной личности и тысячелѣтняго историческаго подвига народа въ созданіи Русскаго государства, къ вѣрѣ въ его самостоятельное историческое призваніе въ семьѣ общечеловѣческой, — наконецъ именно къ сознанію тщеты всякаго сочинительства, къ убѣжденію, что только *ставъ сами собою,* только пріобщась народнаго духа, обрѣтемъ мы цѣленіе...

Все это только слова, скажутъ намъ. «Укажите же: *какъ* стать самимъ собою, *какъ* возстановить цѣльность жизни?»... Мы не знаемъ. Мы не обладаемъ такимъ секретомъ. Можетъ быть ларчикъ и просто открывается; можетъ быть и нѣтъ.

Можетъ быть это совершится лишь съ помощью великихъ внѣшнихъ событій, можетъ быть и иначе,—можетъ быть тогда, когда нашей интеллигенціи опротивитъ наконецъ безплодное сочинительство, когда она смиритъ свою кичливость и придетъ къ смиренному сознанію, что она ровно ничего не знаетъ и ничего не можетъ, что спасеніе не въ ней, а именно въ презираемой ею народной самобытности, когда она утратитъ суевѣріе «западной» науки и цивилизаціи, и взалчетъ истиннаго просвѣщенія, когда она отрезвится отъ угара самомнѣнія..

И въ самомъ дѣлѣ, не у тѣхъ ли разгадка вопросовъ, кто въ настоящую минуту *молчитъ?* Не они ли скажутъ намъ простую правду, простое слово жизни? О, еслибъ ихъ вызвать на слово! Можетъ быть голосъ ихъ подалъ бы намъ спасительное отрезвленіе, помогъ бы намъ разбить заколдованный кругъ нашей вѣковой отвлеченности, нашей духовной немощи, перестать мудрствовать и начать *жить!* Не геніи нужны бы намъ теперь, — на каждомъ геніи лежитъ печать личнаго духа, — намъ нужно то, чего найти труднѣе въ наши дни, чѣмъ геніевъ, и что̀ дороже теперь всякаго генія: намъ нуженъ простой здоровый смыслъ, неразлучный съ вѣрнымъ инстинктомъ жизни...

1882 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ)

Всѣ мы равно виноваты.

Москва, 2-го января.

Не съ честью проводили мы роковой 1881 годъ!.. Отрадно было переступить даже самую грань, условную, внѣшнюю, отдѣлившую насъ хоть бы только лѣтосчисленіемъ отъ этой годины кроваваго позора. О, еслибъ и въ самомъ дѣлѣ осталось навѣки за этимъ рубежомъ времени все, что̀ было перестрадано и пережито Россіей, и невозвратнымъ прошлымъ стало наше недавнее настоящее съ его еще жгучею, неутолившеюся болью! Но не забвенію долженъ быть преданъ годъ омерзительнаго преступленія, покрывшаго срамомъ Русскую землю; не вывѣтриться долженъ его слѣдъ, не легкомысліемъ должны мы отдѣлаться отъ тягостныхъ воспоминаній, отъ грозныхъ внушеній минувшаго, не къ свѣжему былому вспять, не на прежнее близкое возвращаться, а напротивъ, вдумавшись въ смыслъ событій, усвоивъ себѣ сознаніемъ и сердцемъ разумъ испытанной нами Божьей кары, признавъ и осудивъ собственныя вины — вины тяжкія — и обновясь духомъ, мужественно приняться за предстоящій намъ подвигъ жизни. Да, пусть Новый 1882 годъ, — первый годъ, зачинающійся въ новое царствованіе, — послужитъ и началомъ нашего дѣйствительнаго обновленія!..

Мы сказали только: *началомъ*. Легко молвится слово: *обновленіе*, но труденъ и сложенъ процессъ воплощенія новой мысли во всемъ разнообразіи внѣшнихъ явленій; лишь туго и медленно можетъ совершиться перерожденіе отвердѣвшихъ отъ времени формъ государственнаго и общественнаго бытія, особенно въ такой обширной странѣ какъ Россія. Въ наше время, когда историческое сознаніе не только идетъ по пятамъ событій, но чуть ли не опережаетъ ихъ, когда *созна-*

ваемое привыкло превозноситься надъ *творимымъ* и въ своемъ нетерпѣніи, не уважая свойствъ организма, готово торопить его ростъ всяческими искусственными мѣрами, — такая постепенность обновленія должна, разумѣется, быть не по праву всѣмъ тѣмъ, которые, пренебрегая упорнымъ трудомъ созиданія, вѣдаютъ только два вида дѣятельности: въ сферѣ мысли — *отвлеченность,* абстрактный радикализмъ доктринъ и теорій, въ мірѣ практическомъ — *ломку.* Насочинить и надѣлать, особенно съ помощью принудительной власти, новыхъ формъ для жизни не особенно мудрено, но вдохнуть въ нихъ духъ жизни, это—дѣло иное и не поддается никакой земной власти въ мірѣ. Здѣсь насиліе не остается безнаказаннымъ уже потому, что искаженная жизнь не замедлитъ воздать за свое искаженіе самою безобразною дѣйствительностью. Наша отечественная почва, можно сказать, загромождена такими пустопорожними формами, числящимися за жизнь, надѣленными всѣми аттрибутами гражданства... Мы, впрочемъ, не отрицаемъ естественность, даже законность нетерпѣнія именно у тѣхъ, кто живѣе созналъ неправильность и уродство современныхъ явленій, т. е. у такъ называемыхъ образованныхъ общественныхъ классовъ, — но если они дѣйствительно *созрѣли* (на что̀ ужъ такъ давно предъявляютъ притязаніе), такъ эта зрѣлость должна именно выразиться въ признаніи правъ *органическаго* процесса жизни, въ уравновѣшиваніи своихъ стремленій и вожделѣній съ законами историческаго развитія, съ медленнымъ ростомъ народныхъ массъ. Мы уже не говоримъ о возможномъ (по нашему же мнѣнію дѣйствительно сущемъ) различіи идеаловъ такъ называемой интеллигенціи и народа: мы напоминаемъ первой только о томъ, что она должна прежде всего *считаться* съ народомъ и съ жизнью. Намъ кажется, что такое напоминаніе не безполезно въ наши дни нетерпѣливыхъ ожиданій, легіона возбужденныхъ вопросовъ и настойчиво навязываемыхъ жизни теоретическихъ разрѣшеній.

Тяжкое наслѣдіе досталось нашему молодому Царю: никогда задача правленія не была сложнѣе и мудренѣе. Власть въ существѣ своемъ такъ же тверда и крѣпка, какъ и прежде, ибо живъ Русскій народъ и непреложно его политическое вѣроисповѣданіе, о немъ же стоитъ и движется Россія. Но орудія власти, но ея снарядъ, весь гражданскій строй, весь

государственный механизмъ, все, чѣмъ пробавлялась наша страна, чѣмъ жила и держалась, хоть и съ грѣхомъ пополамъ, въ теченіе XVIII и XIX вѣка, — все это проржавѣло, обветшало, или, вѣрнѣе сказать, обличилось наконецъ въ своей несостоятельности. Никто не сознаетъ этого лучше самого правительства. Чиновникъ въ наши дни—шутка сказать—дрогнулъ, посбавилъ своей бюрократической спѣси, утратилъ или начинаетъ утрачивать вѣру въ себя! Еслибы можно было на время пріостановить теченіе государственной жизни, работа исправленія и обновленія дѣйствующаго механизма представляла бы все-таки менѣе затрудненій,—но жизнь не останавливается, и исправлять или смѣнять части механизма и всю движущую его систему нужно на всемъ ходу, удовлетворяя всѣмъ потребность государственной ежедневности, разрѣшая неотложно случайности всякихъ политическихъ внѣшнихъ и внутреннихъ осложненій, не упуская притомъ изъ виду общихъ историческихъ задачъ будущаго. А между тѣмъ и исправлять не кѣмъ, да и *какъ* исправлять—еще нерѣшенный вопросъ! Положеніе по-истинѣ трагическое. Все это, конечно, справедливости ради, не мѣшало бы принимать въ соображеніе при той неустанной критикѣ, которой такъ привыкли у насъ всѣ и всякій подвергать правительственныя дѣйствія, — критикѣ, положимъ, и заслуженной, но очень ужъ легкой и дешевой до пошлости. Кто въ наши дни не прохаживается съ своими перунами по администраціи? Только развѣ лѣнивый; у большей части весь умъ, вся духовная пища только въ этомъ отрицательномъ отношеніи къ власти и состоитъ, такъ что они стали бы въ совершенный тупикъ и мгновенно бы поблекли и испарились, еслибъ вдругъ изсякъ поводъ къ такому грошовому либерализму: ничего другаго, кромѣ отрицанія и глумленія, за душою у нихъ и нѣтъ. У насъ также имѣютъ привычку, при нападкахъ на правительство, совершенно выгораживать самое общество, забывая, что контингентъ государственныхъ мужей и дѣятелей поставляется тѣмъ же обществомъ, что они вскормлены и воспитаны тою же самою средою, которая потомъ становится къ нимъ въ такое рѣзкое отрицательное отношеніе! Наша печать любитъ противополагать «интеллигенцію» правительству. Но развѣ бюрократія не интеллигенція? Будемъ же подобросовѣстнѣе: огля-

немъ себя самихъ. Правительство, напримѣръ, вовсе не кичась стариннымъ самомнѣніемъ, вполнѣ сознаетъ необходимость обновленія личнаго административнаго состава, обращается къ обществу за содѣйствіемъ—и жалуется на «недостатокъ людей». Общество съ своей стороны также жалуется на «безлюдье», не подозрѣвая, что люди все-таки могли бы найтись: ихъ надо искать, но, говоря по правдѣ, едва ли въ тѣхъ рядахъ, которые стоятъ ближе къ правительству, величая себя «консервативными», — едва ли даже и въ рядахъ той «либеральной интеллигенціи», которая печатно отрицаетъ у Русскаго народа «всякую самобытность въ сферѣ политическихъ, нравственныхъ и религіозныхъ идей», и презирая его духовную личность, ограничиваетъ свое сочувствіе къ нему одною лишь стороною его бытія—экономической, съ позволенія извѣстныхъ иностранныхъ экономическихъ теорій. Какъ бы то ни было, но людей приходится *искать*, а не брать готовыхъ: о таковыхъ, на комъ останавливалось общественное мнѣніе, что-то почти и не слыхать. Точно то же и въ вопросахъ общаго политическаго значенія, связанныхъ съ общею задачею обновленія нашего гражданскаго строя: можетъ ли правительство, спросимъ себя по совѣсти, опереться на какое-либо положительное мнѣніе, обществомъ выдвигаемое? Не только правительство, но само общество, разрѣшило ли оно себѣ эти вопросы, согласилось ли на какой-либо одной общей формулѣ?

Все это мы говоримъ единственно съ тѣмъ именно, чтобъ упразднить, насколько возможно, обычный, ходячій у насъ пріемъ оцѣнки современныхъ явленій, нисколько или очень мало, по нашему мнѣнію, способствующій разъясненію истины. Если прислушаться къ общественнымъ толкамъ, выражающимся и устно, и печатно, такъ выходитъ, что во всемъ «правительство виновато», что отъ его доброй воли зависитъ мигомъ оздоровить и водворить всюду довольство и благосостояніе, но что оно, по неразумію или изъ своекорыстныхъ видовъ, не прибѣгаетъ къ тому волшебному цѣлебному снадобью, которымъ будто владѣетъ. Нѣтъ, положеніе наше гораздо печальнѣе, гораздо сложнѣе. Общество слишкомъ солидарно съ правительствомъ, несравненно (со времени Петра) солидарнѣе съ нимъ, чѣмъ съ народомъ. Если правительство владѣетъ силою, то мысль его вырабатывается все же общественною,

тою или другою средою. Городничій Гоголя, обращаясь къ публикѣ, въ отчаяніи воскликнулъ: «чему смѣетесь?.. *Надъ собой* смѣетесь!» Эти слова не мѣшаетъ припомнить и намъ, въ минуты нашего критическаго, на правительственныя дѣйствія обращеннаго задора. Сваливать поэтому всю вину на правительство, и только на правительство, признавать лишь его единственно отвѣтственнымъ за наше настоящее положеніе—не только несправедливо, но и вредно въ интересахъ самого нашего оздоровленія. *Всѣ мы равно виноваты* — вотъ что̀ намъ необходимо признать! Безъ этого признанія нѣтъ и спасенія. Только, признавъ нашу равную долю вины, можемъ мы помочь и правительству, и себѣ самимъ выбраться на путь истины. Не надлежитъ ли самому обществу, вмѣсто слѣпаго отрицательнаго отношенія къ дѣйствіямъ власти, добросовѣстно допросить себя: все ли исполнено имъ самимъ въ предѣлахъ дѣятельности ему предоставленныхъ, что̀ могло бы облегчить, упростить государственную задачу нашего времени, что̀ предписывается не столько отвлеченнымъ требованіемъ справедливости, но простымъ патріотическимъ и національнымъ чувствомъ? Кто рѣшится сказать: «да, все»?

Нѣтъ, напримѣръ, ни малѣйшаго сомнѣнія, что событія, подобныя событію 1 марта и всѣмъ предшествовавшимъ злодѣяніямъ, не облегчаютъ, а затрудняютъ и правительственную дѣятельность, и все наше общественное положеніе. Возобновленіе этихъ событій грозитъ страшными опасностями всей нашей странѣ; стало-быть и предупрежденіе этихъ опасностей представляетъ интересъ не только правительственный, но и общественный, лежитъ на обязанности какъ правительства, такъ и общества, для каждаго въ сферѣ его дѣятельности. Нельзя, безъ сомнѣнія, не тяготиться всѣми принимаемыми правительствомъ стѣснительными для честныхъ людей полицейскими мѣрами охраны: онѣ оскорбительны для нашего чувства. Но не оскорбительнѣе ли въ тысячу разъ самый поводъ къ этимъ мѣрамъ охраны, самая необходимость подобныхъ способовъ предупрежденія злодѣяній, сдѣлавшихъ Россію притчею во языцѣхъ? Въ эту, а не въ другую сторону должно бы быть по преимуществу направлено общественное негодованіе! Было бы лицемѣріемъ утверждать, что въ вопросѣ о такъ-называемой «крамолѣ»—дѣло идетъ лишь о какой-то ма-

лочисленной шайкѣ извергов и злодѣевъ, которую достаточно переловить—на что-де потребна искусная полиція, каковой у насъ нѣтъ, и т. д. Развѣ мы не знаемъ, что контингентъ этихъ, по выраженію древнихъ грамотъ, «воровъ и измѣнниковъ Русской земли», къ несчастію, не умаляется, а подновляется новыми лицами; что самая относительная сила этой «шайки» (достаточная однако для содержанія цѣлой страны въ постоянномъ упизительномъ страхѣ опасности) кроется въ пассивномъ сочувствіи не малаго числа юныхъ по преимуществу головъ, начиненныхъ самыми извращенными понятіями? Вотъ противъ этого-то извращенія понятій, къ спасенію множества юношей, еще не перешедшихъ отъ пассивнаго сочувствія къ дѣятельному участію, и должны бы быть направлены всѣ усилія общества, журнальной печати и литературы. А направлены ли они? Какое дѣтское недомысліе нужно предположить въ тѣхъ, которые воображаютъ, что, превознося ученія Чернышевскаго, проповѣдуя матеріализмъ, внушая юношамъ, что нѣтъ ни абсолютно-нравственной правды, ни обязательнаго нравственнаго закона, они тѣмъ самымъ не двигаютъ ихъ на тотъ путь, который вполнѣ *логически* приводитъ къ событіямъ въ родѣ 1-го марта! Вина юношей будетъ лишь въ томъ, что они были послѣдовательнѣе, и въ безпощадной своей послѣдовательности мужественнѣе своихъ наставниковъ, не задерживались въ своемъ радикальномъ стремленіи никакими предразсудками, никакими личными выгодами, чувствами и вкусами, сдерживавшими, въ свое время, ихъ робкихъ или неконсеквентныхъ учителей.... Такимъ образомъ само общество съ своей стороны нисколько не содѣйствуетъ той нравственной реакціи въ средѣ нашей молодежи, тому утвержденію основныхъ нравственныхъ началъ, которое составляетъ существенную потребность нашего времени и всего сильнѣе могло бы устранить зло, замедляющее дѣло нашего всеобщаго гражданскаго обновленія...

Но оставимъ въ сторонѣ людей радикальной нигилистической окраски. Въ средѣ ли такъ-называемой «либеральной» партіи, которая если не сложилась, то пытается сложиться подъ именемъ «либерально-народной» (какъ величаетъ ее одинъ изъ откровеннѣйшихъ ея органовъ), можно узнать разрѣшеніе мучающимъ насъ вопросамъ, найти искомую правду

Русской государственной и земской жизни? Именемъ «либерализма» прикрывается у насъ теперь сочетаніе разныхъ, другъ другу повидимому противорѣчащихъ, другъ друга исключающихъ направленій. Но каковы бы ни были личныя убѣжденія отдѣльныхъ членовъ этой будто бы партіи, важно знать, что̀ такое выражаетъ собою самое знамя, подъ которымъ они стоятъ? Это «либеральное знамя» является до сихъ поръ знаменемъ отрицанія «народной духовной самобытности», отрицанія всего, что̀ народу святѣй и дороже хлѣба,—хлѣба, о которомъ, по мнѣнію «либераловъ», только и живъ долженъ быть Русскій народъ и о которомъ поэтому они, либералы, считаютъ долгомъ заботиться очень усиленно. Мы знаемъ, что въ числѣ ихъ есть люди противоположнаго образа мыслей, но вольно же имъ становиться подъ его знамя безъ протеста и оговорки! Это знамя, повторяемъ, той, чуждой народному духу интеллигенціи, которой либеральныя стремленія весьма тождественны съ стремленіями западно-Европейской буржуазіи: властвовать, при посредствѣ яко-бы либеральныхъ внѣшнихъ порядковъ, надъ народомъ во имя народа. Мы должны признать, что людей этого направленія — большинство въ нашей, по преимуществу городской *публикѣ*, можетъ быть даже и въ земскихъ собраніяхъ; но *публика*—не *народъ*, и кромѣ принадлежащихъ къ той же либеральной публикѣ земцевъ, есть люди истинно земскіе, которые народу близки, хотя можетъ быть и не претендуютъ на «народное представительство», чѣмъ мнитъ себя быть наша «либеральная интеллигенція!»

Кого слушать? въ какую сторону направиться? какъ разобраться въ этой путаницѣ понятій, требованій и вожделѣній общественныхъ, когда общество еще само не знаетъ—чего оно хочетъ, и оторвавшись отъ народной почвы, никакой иной почвы, кромѣ иностранной, не обрѣтаетъ предъ ногами? Вотъ вопросы, которые не можетъ не задавать себѣ правительство. Между тѣмъ внутренній вѣрный инстинктъ и историческій опытъ должны внушать ему, что въ Россіи истинный центръ тяжести только въ народѣ. Нашъ устой только въ немъ; только *народность* должна и можетъ служить правительству путеводнымъ компасомъ въ бушующей около него теперь, залѣпляющей очи, мятелицѣ идей и понятій.

Верховная власть въ Россіи получила первоначально свое

уполномочіе отъ народа. Она отвѣтственна, не юридически конечно, а нравственно, по самой природѣ своей, за его судьбы, отвѣтственна предъ исторіей. Она не можетъ, не должна имѣть въ виду только сегодняшній день, но и завтрашній и дни непосредственно за нимъ грядущіе. Если бы, уступая напримѣръ нѣкоторымъ требованіямъ «интеллигенціи», она попыталась надѣлить Россію какимъ-либо западно-Европейскимъ «правовымъ порядкомъ» на Англійской консервативно-аристократической основѣ или на Французской мнимо-демократичной, въ сущности буржуазной, или на какой-либо подобной,—она была бы повинна въ измѣнѣ своему народу. Она не можетъ допустить иной основы кромѣ Русской, народной... Но, къ несчастію, самый вопросъ о *народномъ,* послѣ двухсотлѣтняго колобродства Русской мысли и отчужденія отъ народной жизни, при затемненномъ сознаніи Русскаго общества, подлежитъ еще точнѣйшему разъясненію. Изъ этого видно, что задача нашего общаго дѣйствительнаго обновленія вовсе не такъ легка и проста, какъ это кажется легкомысленнымъ критикамъ, и что для правильнаго разрѣшенія ея требуется прежде всего добросовѣстный, честный трудъ народнаго самосознанія отъ самаго Русскаго общества.

Но если она не такъ легка и проста по тому самому, что народныя основы—еще искомое для нашего собственнаго сознанія, то съ другой стороны задача много облегчается уже тѣмъ, что наше *новое,* котораго всѣ мы такъ страстно желаемъ, не есть что-либо чуждое нашей землѣ, которое предстояло бы насильственно вводить и акклиматизировать, какъ приходилось за два вѣка Петру,—а оно—наше старое, вѣковѣчное, родное (въ смыслѣ принципа, а не формы, разумѣется), у насъ до̀ма и подъ рукою. Важно уже то, что мы начали или начинаемъ это сознавать, уразумѣли—гдѣ его искать... Поищемъ же и— обрящемъ!

Важно опознать путь и руководящее начало. Въ этомъ смыслѣ нельзя не привѣтствовать нѣкоторыхъ первыхъ шаговъ новаго царствованія, нельзя не пожелать всею душою, чтобъ оно продолжало твердо и безбоязненно шествовать въ томъ же направленіи. Нельзя не придавать значенія уже тому, что въ ряду государственныхъ дѣятелей самое видное мѣсто предоставлено теперь нашею Верховною властью человѣку, имя

котораго, столь популярное въ Россіи и столь несимпатичное ея врагамъ, всегда служило знаменемъ національнаго Русскаго направленія во внѣшней политикѣ, а потому даетъ поводъ надѣяться, что такого же національнаго направленія будетъ держаться новое правительство и въ дѣлахъ внутреннихъ. Къ сожалѣнію, такія имена у насъ рѣдкость. Не на радѣтелей же Берлинскаго трактата могла бы, при нашемъ безлюдьѣ, возложить свои упованія Россія!.. Мы съ благодарностью относимся и къ первымъ опытамъ правительственнаго совѣщанія съ нечиновниками, съ людьми независимыми, земскими въ широкомъ смыслѣ этого слова, желая только, чтобы эти совѣщанія, какое бы дальнѣйшее развитіе они ни получили, остались чужды лживой, нерусской окраски западно-Европейскаго парламентаризма. Было бы однако очень полезно, кажется намъ, чтобы правительство яснѣе, виднѣе, тверже поставило знамя Русской національности, какъ единственнаго своего руководящаго начала, въ дѣлахъ не только внѣшней политики, но и внутренней, во всѣхъ своихъ начинаніяхъ и дѣйствіяхъ,—громче провозгласило принципъ народности и выразило какъ-нибудь знаменательнѣе дѣйствительный союзъ свой съ землею (подъ которою никакъ еще пока не слѣдуетъ разумѣть существующія «земскія учрежденія»). Разъ національное начало будетъ провозглашено, явлено, ознаменовано, — чувство народности пробудится во всѣхъ сердцахъ съ новою силою и вытѣснитъ свободно и естественно, даже въ средѣ самой нашей «интеллигенціи», весь напускной сумбуръ чуждыхъ представленій и чувствъ; народное довѣріе къ правительству придастъ ему новую силу, а полный просторъ, предоставленный полемикѣ мнѣній, какъ бы радикальны нѣкоторыя изъ нихъ ни были, послужитъ не къ уловленію шаткихъ умовъ, а лишь къ вящему утвержденію истины.

Но опасность, какъ мы уже вскользь упомянули выше, не въ одномъ либерально-безнародномъ направленіи, а столько же, если не болѣе, въ *консервативно*-противонародномъ, представители котораго принадлежатъ къ такъ-называемому высшему обществу (преимущественно въ Петербургѣ) и которому, къ несчастію, придаетъ не малую силу опасеніе, впрочемъ вполнѣ естественное и законное, замысловъ и козней «крамолы». Мы полагаемъ, что независимо отъ разныхъ внѣшнихъ мѣръ охра-

нения, обсужденіе которыхъ принадлежитъ только специальному вѣдомству, самымъ лучшимъ противодѣйствіемъ яду крамолы должно бы служить именно національное направленіе самого правительства: благотворные результаты такого направленія не замедлили бы сказаться для всей Русской жизни. Но въ томъ-то и зло, что есть воззрѣніе, іезуитски коварное, совершенно противоположнаго духа. Для борьбы съ крамолой—слышится подчасъ—необходимо-де правительству опереться на всѣ устойчивые монархическіе и вообще консервативные элементы, и не только въ высшихъ классахъ Русскаго общества (которыхъ консерватизмъ имѣетъ будто своимъ главнымъ основаніемъ, какъ и въ Англіи, крупную собственность), но и въ Германіи или даже Австріи, и даже чуть ли не въ Польскихъ графахъ и остзейскихъ баронахъ! Понятно, откуда идутъ такія внушенія: они не Русскаго происхожденія. Они идутъ оттуда, откуда (въ особенности послѣ Берлинскаго трактата) стали умышленно, систематически смущать Русское правительство хитрыми инсинуаціями, что источникъ всего зла въ Россіи—національное направленіе, что нигилизмъ и такъ-называемый панславизмъ (читай: Русское направленіе въ политикѣ) одно и то же, и что для избавленія отъ внутренней крамолы необходимо прежде всего держаться внѣшней политики князя Бисмарка и графа Кальноки, т. е. предать всѣхъ Славянъ въ жертву Австро-Венгріи и отречься отъ всѣхъ національныхъ историческихъ завѣтовъ Русскаго народа!! На этой же струнѣ играютъ теперь и Польскіе аристократы, въ томъ вѣрномъ разсчетѣ, что ослабленіе національнаго чувства въ Русскомъ правительствѣ поможетъ имъ достигнуть возсозданія Польши въ старыхъ предѣлахъ, съ отторженіемъ отъ Россіи Русскаго древняго края, или же иного преобразованія, но также въ ущербъ Россіи. Что такъ поютъ берлинскія сирены во образѣ дипломатовъ и привислинскія во образѣ Польскихъ ясновельможныхъ аристократовъ,—это не удивительно,—но что находятся Русскіе по происхожденію люди, которые имъ вторятъ или подражательно распѣваютъ съ ихъ голоса—можно поистинѣ диву даться! Это мыслимо развѣ только въ Петербургѣ, который вообще теперь въ ненормальномъ состояніи духа, чувствуя, что съ возобновленіемъ начала національности его значенію и господству настанетъ непремѣнно конецъ. Нужно ли

объяснять, что такія внушенія и совѣты могутъ вести правительство только къ пагубѣ и, лишивъ его народнаго сочувствія и довѣрія, не предотвратить, а только усилить опасность и самой крамолы и всевозможныхъ бѣдъ?

Единственнымъ руководящимъ началомъ Русскаго правительства во всѣхъ смыслахъ и отношеніяхъ—можетъ и должно быть начало *народное:* только оно одно и консервативно и либерально вмѣстѣ, только оно одно зиждительно: въ немъ источникъ и обновленія, и оздоровленія.

«Не разнуздывайте звѣря!»

Москва, 16-го января.

Наконецъ заговорила и газета «Голосъ», а съ нею обрѣлъ снова голосъ и Петербургъ — не въ тѣсномъ только смыслѣ «Невской столицы» или «Сѣверной Пальмиры», а въ смыслѣ того историческаго начала, которое, вотъ уже около двухъ вѣковъ, изъ своего прекраснаго финскаго далёка, попечительно муштруетъ и ладитъ Россію. На разные лады ладитъ. Теперь на новый, своеобразный, петербургскій же ладъ, о которомъ скажемъ ниже. Мы искренно рады, что Петербургъ — этотъ міръ чиновной и вольно-практикующей, консервативной и либеральной опричнины, литературничающей бюрократіи и бюрократствующей литературы—обзавелся наконецъ снова излюбленнымъ своимъ органомъ, къ которому мы и станемъ предпочтительно прислушиваться,—такъ какъ прочіе органы нашей такъ-называемой «либеральной прессы», хотя бы московской и даже провинціальной, не болѣе какъ Петербургскіе подголоски.

Передовая статья 1-го № «Голоса»—плодъ долгихъ наблюденій, досужаго мышленія. Онъ всматривался, онъ вслушивался и, наконецъ, воззрившись во врага, нацѣливъ опасность, вынесъ намъ 6-го января свое «глубоко почувствованное», продуманное, тщательно соображенное и мѣткое слово. Что̀ же это за слово? кто врагъ? гдѣ опасность?

Основной мотивъ всей статьи: берегитесь *звѣря!* «не разнуздывайте *звѣря!*» Этотъ звѣрь—Русскій народъ, а увѣщаніе

не разнуздывать, вѣрнѣе — обвиненіе въ разнуздываніи звѣря, относится къ нашей газетѣ и къ ея рѣчамъ о народности и народѣ. Воскресшій «Голосъ» не призналъ возможнымъ оставить безъ вниманія посѣянныя нами, въ періодъ его безмолвія, плевелы, и припоминаетъ теперь своимъ читателямъ нашу статью 14-го ноября о Берлинскомъ трактатѣ (въ 53 № «Руси»). Успащивая выписки изъ этой статьи о томъ, напр., что «духъ нашъ недуженъ», что «безнравственна наша атмосфера» и т. п., одобрительными отзывами: «тысячу разъ права «Русь», «замѣчательно вѣрно», «глубоко вѣрно»,— «Голосъ» тутъ же, искуснымъ полемическимъ оборотомъ, тѣмъ сильнѣе нападаетъ на наше направленіе и на нѣкоторыя наши подлинныя выраженія и рѣчи, которыя и цитуетъ, не поименовывая нашей газеты.

Но мы рѣшаемся себя выдать и признать себя предметомъ не только явной похвалы, но и замаскированной брани: стрѣлы «Голоса» жалятъ никого другого, какъ «Русь». Стрѣлы безвредны, и не личные счеты съ «Голосомъ» интересуютъ насъ въ настоящемъ случаѣ, а та позиція, которую пытается теперь, хитроумно, занять Петербургскій либерализмъ и то новое марево, которое онъ пускаетъ въ глаза Русскому Обществу.

Благонамѣренностью дышетъ статья «Голоса». Его задача— внести «*миръ* и *согласіе* въ наше глубоко разъединенное общество»,—«умиротворить страсти», которыя-де возбуждаются «*иными* изданіями». «Главный симптомъ нашей современной болѣзни—по его словамъ—безотчетный гнетущій страхъ предъ грядущимъ», а «главная причина страха — чувство розни, взаимнаго недовѣрія» и пр., разжигаемое и питаемое «*особымъ* направленіемъ нашей печати»... Да, все зло,—вѣщаетъ и обличаетъ «Голосъ», — въ томъ направленіи, которое постоянно «выставляетъ и искусно раздуваетъ *противоположеніе* народа и не-народа»,—«ни на кого съ одной стороны не возлагаетъ столько надеждъ, какъ на *народъ*», утверждая, что будто бы «здѣсь здравый смыслъ, крѣпкія преданія, живое національное сознаніе»,—а съ другой называетъ интеллигенцію «измѣнившею народу и отъ него оторванною», видитъ «пугало» въ образованныхъ классахъ, какъ въ «вмѣстилищѣ *европеизма, духовнаго лакейства* предъ Западомъ, либерализма» и пр. То же зловредное направленіе (т. е. направленіе «Руси»)—поясняется

«Голосомъ» далѣе — толкуетъ о необходимости вести «народную политику»... «Это очень заманчиво» — возражаетъ Петербургская газета — «80°/о народонаселенія представляются, конечно, наинадежнѣйшею опорою», но, прибавляетъ «Голосъ», «эта политика, веденная *одна* и въ тонѣ *противоположенія* «народа» классамъ отъ него «оторваннымъ», можетъ возбудить въ 80°/о такіе вопросы, отъ которыхъ можетъ не поздоровиться 20°/о и по поводу которыхъ придется защищать эти °/о *не одними* духовными средствами»... Народъ въ наши дни — восклицаетъ газета, подсмѣиваясь надъ нами, — «обращается въ «хрестьянина», надѣленнаго высочайшими добродѣтелями, въ истиннаго носителя нашихъ историческихъ преданій и грядущихъ судебъ Россіи»! А между тѣмъ — напоминаетъ органъ Петербургской благовоспитанной и либеральной *публики* — имѣются въ виду «весьма недвусмысленныя проявленія народныхъ инстинктовъ, въ видѣ ли избіенія жидовъ (неправда! ни одного жида избитаго не было, кромѣ двухъ-трехъ, напавшихъ на христіанъ съ оружіемъ въ рукахъ), «въ видѣ ли разныхъ толковъ объ аграрныхъ перемѣнахъ» и т. п. Къ «успокоительной формулѣ: *вѣрьте въ народъ*» — таково главное положеніе «Голоса» — «ежедневные факты и достовѣрные слухи примѣшиваютъ частички другой формулы: не разпуздывайте звѣря»!..

Такъ не дразните же звѣря! скажемъ мы въ отвѣтъ «Голосу» и всѣмъ тѣмъ, кому онъ съ своими подголосками служитъ органомъ, — не дразните его, если боитесь пробужденія въ народныхъ массахъ тѣхъ страстныхъ инстинктовъ, которые присущи всякой раздраженной толпѣ, не только простонародья, но даже, если не болѣе, и «почтеннѣйшей», хотя бы и «либеральной» публики... А вѣдь вся дѣятельность нашего мнимаго либерализма — не болѣе какъ дразненіе!

Qui trompe-t-on ici? Кого здѣсь обманываютъ? хотѣлось бы спросить, потому что самообманъ допустить трудно. Выходитъ по «Голосу», что это *мы* напустили страхъ на Русское общество и едва ли не на самое правительство — никто какъ мы: всѣ приводимыя газетою преступныя выраженія выдернуты изъ разныхъ статей «Руси»; *мы* посѣяли ту рознь, которая грозитъ практической бѣдой образованнымъ классамъ, держитъ ихъ въ нѣкоторомъ оцѣпенѣніи, лишаетъ ихъ довѣ-

рія правительства, мѣшаетъ, по словамъ «Голоса», правильному прогрессу, послѣдовательности мѣропріятій самой власти, мѣшаетъ «всѣмъ Русскимъ сердцамъ» восчувствовать «дерзновеніе и вѣру» и «сплотиться какъ одинъ человѣкъ вокругъ нашего молодаго Царя»: таковымъ торжественнымъ аккордомъ заключаетъ «Голосъ» свою статью!! Можно бы, право, подумать, что Россіи и въ самомъ дѣлѣ грозитъ «народная политика», что наше правительство уже вдалось въ народность сполна, всѣмъ государственнымъ своимъ корпусомъ, что «Голосъ», по благонамѣренности именно въ виду такого periculum in mora и бьетъ тревогу, именно потому и запугиваетъ правительство народными демагогическими инстинктами и уже «показывающеюся *головкою звѣря*», готоваго растерзать цѣлыхъ 20°/₀ населенія! Въ то же время газета старательно доказываетъ власти, что безъ образованныхъ классовъ правительству никакъ нельзя быть, невозможно-де ни «устраивать финансовую часть», ни вообще «управлять страною» иначе, какъ «чрезъ посредство и при поддержкѣ того, что̀ выдѣляется изъ народа знаніемъ, талантомъ, опытностью, т. е. всѣмъ тѣмъ, что̀ возможно при нѣкоторомъ досугѣ и достаткѣ»... «Тысячу разъ права газета «Голосъ»—воскликнемъ и мы въ свою очередь... «Замѣчательно вѣрно!» «совершенно вѣрно!»... но и наивно, прибавимъ мы: дѣйствительно нѣтъ возможности не только устраивать финансовую часть, но даже давать странѣ указы и грамоты безъ людей грамотѣ умѣющихъ. Грамотѣ вѣдь тоже можно выучиться только при нѣкоторомъ досугѣ и соотвѣтственномъ досугу достаткѣ... «Глубоко вѣрно!» Но кто же когда предлагалъ поручать неграмотному писать грамоты? или отрывать пахаря отъ пашни и сажать его за итальянскую бухгалтерію, или же посылать его на Европейскій дипломатическій конгрессъ?! Успокойтесь, «Голосъ»: «интеллигенція» по-прежнему наполняетъ всѣ ряды гражданской правительственной арміи, по-прежнему получаетъ кресты и чины; правда, штатъ чиновниковъ нѣсколько сокращается, но и «свѣдущіе люди», приглашавшіеся до сихъ поръ правительствомъ, за исключеніемъ одного волостнаго старшины и г. Морокина (что̀ вѣроятно вамъ и не понравилось), всѣ изъ «верхнихъ образованныхъ классовъ».

Но «Голосъ» все это знаетъ не хуже насъ, и не то его

пугаетъ, что правительство станетъ устраивать финансовую часть посредствомъ неграмотныхъ мужиковъ, «отметая», какъ онъ выражается, или даже предавая въ жертву последнимъ «верхніе образованные классы», а пугаетъ его то, что образованнымъ классамъ какъ бы не пришлось считаться съ *народностью* и съ *народомъ* — не какъ съ мужикомъ, а какъ съ носителемъ Русскихъ историческихъ преданій и народнаго духа. Пугаетъ «Голосъ» — чего добраго — какъ бы и въ самомъ дѣлѣ внутренняя политика нашего направленія не стала національною!.. Вотъ источникъ гнѣва и «Голоса» и всей такъ-называемой либеральной партіи на насъ и нашу газету. Страшатся народнаго свидѣтельства, которое могло бы обличить ненаціональность нѣкоторыхъ либеральныхъ стремленій, а потому и стараются подорвать значеніе *авторитета* народности, выдвигаютъ красные призраки! Проявленіе народныхъ «недвусмысленныхъ» инстинктовъ «Голосъ» видитъ между прочимъ и въ толкахъ народа объ «аграрныхъ» перемѣнахъ. Вотъ уже что̀ значитъ сваливать съ больной головы на здоровую!.. Да кто же, какъ не «Голосъ» и К^{0}, по поводу упадка народнаго хозяйства и встрѣчающагося мѣстами малоземелья, легкомысленно, безъ точныхъ справокъ, шумно, громко и такъ еще недавно провозглашали въ печати именно *«аграрный»*, да въ добавокъ, безъ всякаго основанія, и *«рабочій»* вопросъ? А теперь сами же — народнымъ говоромъ объ аграрныхъ перемѣнахъ пользуются какъ средствомъ интимидаціи противъ народнаго или національнаго направленія въ политикѣ! Объ этихъ народныхъ толкахъ разсуждать здѣсь не мѣсто. Вызваны они, конечно, не печатью только и не «малоземельемъ»; причина ихъ коренится въ историческихъ недоразумѣніяхъ и усложненіяхъ. Всѣ они, думается намъ, разсѣются безъ особеннаго труда именно при народной политикѣ, при первомъ живомъ, непосредственномъ общеніи самой Верховной власти съ народомъ. Питаются же они теперь, несомнѣнно, печальнымъ недовѣріемъ низшихъ слоевъ населенія къ высшимъ вслѣдствіе ихъ долгаго, духовнаго и нравственнаго взаимнаго разобщенія. Не тотъ родъ «общественной дѣятельности», что̀ привелъ къ событію 1 марта, а также и не врачеванія, предлагаемыя теперь для нашего недуга «либеральною» партіей, способны разогнать красные призраки, которые

уже будто бы мерещатся «Голосу». Совершенно напротивъ... Но возвратимся на скамью подсудимыхъ, на которую сажаютъ газету «Русь» наши такъ-называемые «либералы».

Что нибудь одно: или «рознп» въ понятіяхъ, стремленіяхъ, идеалахъ между Русскимъ народомъ и его образованнымъ обществомъ, другими словами, «интеллигенціею», никогда вовсе не существовало и не существуетъ, или она была и еще пребываетъ. Если розни не существуетъ, если интеллигенція никогда отъ народа не отрывалась, не отчуждалась, а все это выдумки какихъ-то славянофиловъ и даже просто клеветы газеты «Русь» (какъ увѣряетъ, напримѣръ, «Русская Мысль»); если Русское общество есть дѣйствительно тотъ же народъ, только на высшей ступени развитія, въ моментѣ самосознанія (чѣмъ оно бы должно было быть), — то никакія наши «противоположенія» и «противопоставленія» ему не опасны. Что̀ значилъ бы нашъ голосъ предъ фактами, предъ духовною цѣльностью самой жизни, предъ дружнымъ свидѣтельствомъ всего Русскаго общества?! Да въ такомъ случаѣ не только опасаться «народной политики», но и толковать о ней было бы безполезно, ибо политика уже ipso facto, сама собою, была бы народною, иною не могла бы и быть. Однако же «Голосъ» и его присные такой политики опасаются. Утверждая, что 80°/₀ Русскаго населенія могутъ «возбудить такіе вопросы, отъ которыхъ не поздоровится остальнымъ 20°/₀», они спѣшатъ впередъ оградить интересы этихъ 20°/₀ противъ 80°/₀: стало быть они и сами признаютъ существованіе какой-то противоположности интересовъ, конечно не матеріальныхъ только, но и духовныхъ. Мы думаемъ даже, что еслибъ всѣхъ нашихъ мнимыхъ либераловъ можно было побудить къ прямому, добросовѣстному отвѣту на вопросъ: вполнѣ ли *національно* развитіе Русскаго общества, вполнѣ ли Русская общественная мысль, государственная политика внѣшняя и внутренняя и вся дѣятельность какихъ-то вышеупомянутыхъ 20°/₀ служатъ выраженіемъ Русскаго народнаго духа,—едва ли бы достало у кого смѣлости отвѣчать *утвердительно*... Но они и теперь не отрицаютъ вполнѣ факта разъединенія. «Да—замѣчаютъ они—было у насъ когда-то въ ходу увлеченіе «Западомъ», но это было, а теперь уже нѣтъ, теперь *мы*—интеллигенція—имѣемъ честь быть и рекомендоваться высшимъ выраженіемъ народ-

наго духа, можемъ и должны служить *исключительными представителями* народа». Но, присвоивая себѣ такое, въ извѣстномъ смыслѣ, привилегированное положеніе, наши либералы поняли, что необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ впередъ оговорить или замаскировать то духовное отступничество отъ народности, то противорѣчіе ихъ съ народомъ, въ которомъ уличаетъ ихъ «Русь» и другія газеты сходнаго съ ней направленія. И вотъ, одновременно съ провозглашеніемъ себя истинной представительницей народнаго духа, наша либеральная интеллигенція возвѣстила, что «никогда никакой Русской народной самобытности въ сферѣ идей политическихъ, нравственныхъ, религіозныхъ не было и не имѣлось» («Русская Мысль»), что за нею поэтому нечего и гоняться. Другими словами: Русскій народъ духовно-безличенъ... Но вѣдь если такъ, то стало быть безлична и интеллигенція, олицетворяющая собою, по ея словамъ, разумъ народный? Не вѣрнѣе ли предположить, что и самый разумъ-то въ ней *чужой?!* Оно такъ и есть. Выводъ изъ всего этого одинъ: народъ духовно-безличный—не болѣе какъ страдательный матеріалъ, изъ котораго интеллигенція призвана строить государственное зданіе по своему заемному измышленію...

Вотъ откуда и гнѣвъ господъ «либераловъ» на наши напоминанія о народѣ и народности. Сознавая внутренно свое отчужденіе и «рознь», и не придавая никакого практическаго значенія «народной самобытности», они хотѣли бы, однако же, чтобъ никто не смѣлъ оглашать объ этомъ противорѣчіи въ печати, такъ какъ такое оглашеніе могло бы, пожалуй, помѣшать *авторитету* либеральной партіи — какъ истинно-народнаго голоса! Когда шли въ нашей прессѣ толки о нѣкоторыхъ извѣстныхъ иноземныхъ «правовыхъ порядкахъ» и о нѣкоторыхъ «однородныхъ съ Европою учрежденіяхъ», и когда мы съ своей стороны прямо поставили вопросъ: на чьей сторонѣ будетъ народъ, на сторонѣ ли таковыхъ учрежденій или противъ нихъ; когда мы стали разъяснять, что въ сосѣднихъ намъ странахъ нерѣдко «интеллигенція», въ качествѣ лже-народа, присвоиваетъ себѣ власть надъ дѣйствительнымъ народомъ, когда мы заявили мнѣніе, что внутренняя политика государства должна держаться исторической народной основы и народнаго направленія, — негодованію, ненависти нашихъ противниковъ не стало мѣры...

Но потому ли, что они воображаютъ, будто правительство дѣйствительно склоняется къ политикѣ народной (ихъ устами и медъ бы пить!),—потому ли, что и вправду опасаются протеста снизу, — только противники наши нашли теперь нужнымъ прибѣгнуть еще къ новому, болѣе убѣдительному пріему, именно: устрашать власть послѣдствіями, къ которымъ можетъ привести народное направленіе въ политикѣ, представлять народъ не только грубой невѣжественной массой, но и кровожаднымъ звѣремъ!... Возгласъ: «не разнуздывайте звѣря», значитъ: «взнуздайте звѣря, дабы мы могли безопасно властвовать по праву, принадлежащему *намъ*, интеллигенціи»...

И въ самомъ дѣлѣ: точно будто лозунгъ данъ по всей «либеральной печати», лозунгъ — чернить нашъ простой народъ, выставлять на видъ самыя темныя его стороны, и въ его исторіи, и въ его настоящемъ. Съ какимъ злорадствомъ, напримѣръ, подбирала и обобщала газета «Порядокъ», при помощи своихъ корреспондентовъ, всѣ случайные отдѣльные факты, свидѣтельствующіе о прискорбной темнотѣ, грубости, невѣжествѣ, проявившихся то въ томъ, то въ другомъ селеніи; только въ *нихъ* иронически признавала она проявленіе *самобытности!* Г. Щедринъ съ своей стороны, въ отвѣтъ на нашъ призывъ къ сближенію съ народомъ, прямо провозгласилъ, что народъ лежитъ въ проказѣ, смердитъ язвами, и что образованные классы, сближаясь съ нимъ, рискуютъ лишь заразиться сами проказой и засмердѣть его язвами. Въ то же время гг. Глѣбъ Успенскій (см. послѣднюю «Русскую Мысль»), Златовратскій (сей писатель только съ недавняго времени—«взглянулъ трезво», по выраженію «Порядка»), гг. Утины и имъ подобные, тоже изслѣдователи народнаго современнаго быта, къ вящему утѣшенію либеральной партіи, одинъ передъ другимъ въ перегонку, надѣляютъ нашего крестьянина качествами, уподобляющими его, по истинѣ, хуже чѣмъ звѣрю—скоту.

Не знаемъ, долго ли будетъ продолжаться такое «либеральное» направленіе, но несомнѣнно, что оно теперь совершенно на руку не только бюрократической, но и той Русско-польской аристократической, въ Петербургскомъ обществѣ агитаціи, о которой, по слухамъ, мы сообщили въ 1 № «Руси». Думаемъ, что вожди ея охотно подписались бы подъ статьею «Голоса». Да и почему бы нашимъ «либераламъ» всѣхъ от-

тѣиковъ не подать другъ другу руки во имя «общей благой цѣли», на почвѣ общаго презрѣнія, общаго отрицанія «всякой народной самобытности въ сферѣ политическихъ идей»?...

Нѣтъ, не рознь возбуждали мы и проповѣдывали, а, обличая прискорбное явленіе розни, взывали къ устраненію розни, къ соединенію съ народомъ въ духѣ, въ существенныхъ началахъ его бытія. Все наше Русское зло — въ отсутствіи той цѣльности народнаго организма, безъ которой невозможна правильность отправленій и дѣятельное творчество жизни, — въ отчужденіи, слишкомъ рѣзкомъ, запечатлѣнномъ почти двумя вѣками исторіи, верхнихъ образованныхъ классовъ отъ низшихъ его слоевъ, носившихъ въ старину названіе «земскихъ», или (если принять дѣленіе «Голоса»!) 20% населенія отъ цѣлыхъ 80-ти. Никакого внѣшняго приниженія до простоты и грубости крестьянскаго быта мы не требовали, ни отъ какихъ сокровищъ знанія, ни отъ какого высшаго просвѣщенія не отвращали Русское общество, напротивъ, настаивали на *плодотворности* знанія, на истинномъ, дѣйственномъ просвѣщеніи, которыхъ сѣмена всходятъ только тогда, когда падаютъ глубоко въ народную, а не безнародную почву. Ибо безъ народнаго, безъ національнаго нѣтъ и общечеловѣческаго, и народъ безъ духовной самобытности то же, что̀ и человѣкъ безличный между людьми. Общество (и эта тема давно, подробно, разработана нами въ «Днѣ») призвано быть вѣрнымъ органомъ народнаго самосознанія, тѣмъ же народомъ, но на высшей ступени развитія, — и объ этомъ призваніи мы не уставали твердить и напоминать Русскому обществу, которое, искусственно создавшееся, насильственно разрозненное съ народомъ, росло и развилось въ отчужденіи отъ его историческихъ преданій, основъ, идеаловъ, отъ сокрытаго въ немъ глубоко духа жизни. Къ уваженію этихъ историческихъ основъ, преданій, идеаловъ призывали мы, къ возрожденію въ себѣ духа народности, къ возвращенію себѣ довѣрія отъ низшихъ классовъ народа! Ибо онъ, этотъ низменный народъ, чуждъ самъ для себя политическаго властолюбія, не питаетъ вражды и зависти къ тѣмъ, кто судьбою поставленъ выше его достаткомъ, знаніемъ, талантомъ и опытомъ; лишь бы заслуживали они его довѣрія, лишь бы не рознили съ нимъ въ томъ, въ чемъ самая причина его бытія, въ *существенныхъ* свойствахъ на-

родной личности, — лишь бы были отъ его духа! Но когда верхніе надъ нимъ общественные классы отрицаютъ самое его право на духовную самобытность, отрекаются отъ его историческихъ основъ и преданій, исповѣдуютъ и практикуютъ поклоненіе духу чуждыхъ національностей и, пользуясь (не говоря уже о неправильно сложившихся, теперь, слава Богу, прекратившихся, но имъ еще не забытыхъ, соціальныхъ привилегіяхъ) внѣшнею, почти безпредѣльною принудительною властью, коверкаютъ его бытъ и весь государственный строй по иноземнымъ теоріямъ и доктринамъ,—нужно ли удивляться, что онъ съ недовѣріемъ относится къ современнымъ ихъ либеральнымъ затѣямъ, клеймя таковыя ироническимъ именемъ «господчины»? А къ возстановленію ли поколебленнаго довѣрія у народа направляютъ Русское общество наши такъ-называемые «либералы»? Вмѣсто того, чтобъ отрезвиться отъ угара рабскаго подражанія Европѣ, признать искренно и честно свои прошлыя и невольныя вины предъ родною народностью и стать на одной съ 80°/о населенія исторической національной основѣ; вмѣсто того, чтобы воистину, *всѣмъ* «Русскимъ сердцамъ» сплотиться въ одномъ политическомъ и нравственномъ, народномъ исповѣданіи, и вмѣстѣ поработать надъ искорененіемъ удручающихъ насъ золъ, надъ исцѣленіемъ нашего больнаго организма, вмѣстѣ двинуться впередъ путемъ народности, къ лучшимъ формамъ бытія, къ предназначенной нашему народу общечеловѣческой цѣли,—что̀ затѣваетъ, о чемъ мыслитъ, куда стремится и стремитъ Россію наша руководящая интеллигенція въ большинствѣ своихъ печатныхъ и другихъ общественныхъ органовъ?..

Нуженъ рѣзкій поворотъ. Пора покончить съ Петербургскимъ періодомъ нашей исторіи и начать новую историческую эру. Петербургъ исполнилъ свое дѣло, разомкнулъ ту исключительность, въ которой задыхалась до-Петровская Русь. Перенесеніе центра тяготи управленія на окраину Имперіи, съ образованіемъ новаго вида опричнины, было, можетъ быть, въ свое время и нужно,—но дальнѣйшее продолженіе такого страннаго положенія *центра* управленія — *не въ центрѣ* страны можетъ грозить совершенной остановкой кровообращенія... Петербургъ зачатъ въ духѣ отрицанія Русской національности, да еслибъ и не въ этомъ только духѣ былъ зачатъ,

онъ стоитъ *внѣ* Русской жизни, не слышитъ ея біенія. Съ Петербургомъ во главѣ—немыслимо наше національное возрожденіе, ни возсоединеніе съ народомъ, ни возстановленіе нашей органической цѣльности, и если бы когда Царь благосоизволилъ созвать на совѣтъ свою Русскую землю (не представителей земствъ въ ихъ современномъ видѣ, конечно), — этому возможно было бы совершиться лишь въ истинно земской, народной столицѣ! Обращаемъ вниманіе читателей на записку «О значеніи столицы» въ 1 и 2 №№ «Руси»... Знаемъ напередъ, что отнесутся къ ней не только несочувственно, но враждебно всѣ тѣ, которымъ Петербургъ отечество по духу,—всѣ наши «либералы», даже проживающіе въ Москвѣ. Такъ отнеслись они къ нашему прошлогоднему призыву: «домой!» И этотъ ихъ протестъ противъ нашего призыва «домой, къ себѣ, къ *народу*!» выразился наконецъ въ опредѣленной *либеральной* формулѣ: «не разнуздывайте», другими словами— «взнуздайте *звѣря*»!..

Програма нашихъ либераловъ.

Москва, 20-го февраля.

Вотъ уже почти полтора года, съ памятной эпохи «либеральныхъ вѣяній», какъ наша печать ведетъ если не бурные, то по крайней мѣрѣ запальчивые споры политическаго содержанія; какъ выкинуто знамя какого-то «либерализма» и цѣлый сонмъ газетъ и журналовъ съ самодовольной осанкой возглашаетъ про себя: «мы, либеральная печать!» Противники ихъ не величались никакимъ именованіемъ, не принимали ни одной изъ кличекъ, расточаемыхъ имъ изъ враждебнаго лагеря, даже клички серьезнаго свойства въ родѣ: «охранительной» или «консервативной печати»,—вообще не заключали между собою никакого союза, не обнаружили никакой попытки сложиться въ какую-либо «партію». По крайней мѣрѣ газета «Русь», имѣющая честь подвергаться едва ли не болѣе всѣхъ дружному натиску «либеральной прессы», можетъ сказать про себя прямо, что никакой «партіи» органомъ не состоитъ и что, по ея мнѣнію, для того направленія, котораго она держится,—

направленія Русскаго, національнаго или народнаго, самое понятіе о *партіи* слишкомъ узко...

Но такъ какъ враждующая съ «Русью» печать постоянно украшаетъ себя названіемъ «партіи либеральной», щеголяетъ имъ открыто, причемъ даже исключительно этой партіи присвоиваетъ и титулъ «интеллигенціи», то самое это притязаніе невольно вызываетъ насъ на серьезныя требованія и вопросы. Что же такое написано на знамени этой партіи? Какія именно начала, политическія или соціальныя (о нравственныхъ говорить неумѣстно), она проповѣдуетъ, проводитъ въ сознаніи и въ жизни? Какія, по крайней мѣрѣ, главныя положенія, за которыя она ратуетъ?.. Вопросы, повидимому, самые естественные, простые, законные... Но вообразите, читатель, что отвѣчать на нихъ не только мудрено, проще сказать—ровно нечего! Какъ бы вы ни вникали, ни вдумывались въ словоизліянія писателей этой партіи, вамъ не удастся уловить, особенно въ настоящую пору, никакого опредѣленнаго содержанія. Ничего, кромѣ разныхъ почтенныхъ словъ въ родѣ: «прогрессъ», «культура», «цивилизація», «гуманность», — словъ, обратившихся отъ частаго, неумѣстнаго и неумѣлаго повторенія въ общее мѣсто,—недомолвокъ, да намековъ, тонкихъ намековъ

на то,
Чего не вѣдаетъ никто,

и вѣдаетъ менѣе всѣхъ сама «партія»... Напрасно старались бы вы разобрать что написано на знамени. Было что-то написано, да частью выцвѣло, полиняло, частію стерто, переправлено, замѣнено какими-то новыми письменами, но краски не вышли... Однако же, такъ какъ знамя все же стоитъ и литературный лагерь, именующій себя «либеральнымъ», все существуетъ,—напряжемъ усилія и попытаемся, съ своей стороны, возобновляя въ памяти все это недавнее прошлое и сличая его съ настоящимъ, выяснить себѣ, по возможности, чего онъ хотѣлъ или еще хочетъ, чего ради шумитъ и суетится и чего именно чаетъ...

Въ дѣятельности нашихъ «либеральныхъ» газетъ необходимо различать двѣ стороны: *положительную* и *отрицательную.* Займемся пока послѣдней. По части *отрицанія* мы и не думаемъ умалять ихъ заслуги, но отрицаніе отрицанію рознь. «Отрицательное» направленіе не составляетъ исключительной

привилегіи этого лагеря. Самыми могучими выразителями отрицательнаго отношенія къ Русскимъ административнымъ и общественнымъ нравамъ, казенщинѣ и пошлости Русскаго внутренняго строя явились въ нашей литературѣ Грибоѣдовъ и Гоголь, но никто, однако же, не зачислитъ ихъ въ одинъ станъ съ «Голосомъ», «Порядкомъ» или «Русскимъ Курьеромъ»! Ибо у обоихъ писателей, рядомъ съ отрицаніемъ, слышатся идеалы положительнаго свойства—не имѣющіе ничего общаго съ идеалами современнаго европействующаго «либерализма»: у Грибоѣдова (осмѣявшаго, между прочимъ, и «либераловъ» своей эпохи, «либераловъ англійскаго клуба», отъ которыхъ недалеко ушли «либералы» нашей поры) выступаетъ, какъ противоположеніе отрицанію, идеалъ народности, а у Гоголя идеалъ религіозно-нравственный. У нашихъ же «отрицателей», «Голоса» и К°, никакого положительнаго идеала не слышится и не чувствуется, никакой *твердой* основы для него ни въ жизни, ни въ сознаніи не указывается,—оттого и самое отрицаніе представляется одностороннимъ и въ извѣстной степени тенденціознымъ. Иное дѣло—*обличеніе* прискорбныхъ фактовъ нашей административной практики и общественной жизни,—обличеніе безспорно нужное и полезное; иное дѣло—*выводы* изъ фактовъ и обобщеніе ихъ въ связи съ мнимо-либеральными теоріями. Эти выводы, большею частью, или просто несостоятельны сами по себѣ, или же переходятъ въ грубое отрицательное отношеніе ко всѣмъ проявленіямъ *Русскаго* народнаго духа,—въ проповѣдь объ его безпомощности и безсиліи—внѣ «Европейской культуры» и всего, что̀ мыслится въ связи съ нею. Покойный «Порядокъ» такъ-таки прямо и называлъ, даже съ нѣкоторымъ наивнымъ самодовольствомъ, направленіе «либеральное» — направленіемъ по преимуществу «отрицательнымъ»! «Либеральная» печать раскрыла, напримѣръ, множество случаевъ *хищенія,* между прочимъ земель въ Уфимской губерніи, очень негодовала по этому поводу и возставала на нашу администрацію за ея бездѣйствіе: все это было вполнѣ основательно и полезно; чувства или воззрѣнія, выраженныя при этомъ «либеральною» печатью, весьма, конечно, похвальны и весьма благородны,—въ этомъ мы отдаемъ имъ полную справедливость, хотя позволительно думать, что подобныя хорошія чувства одушевляютъ всѣхъ Русскихъ литераторовъ и публи-

цистовъ безъ различія лагерей и направленій. Но въ «либеральной» печати къ этому обличенію примѣшивалось и нѣкоторое злорадство, такъ какъ всѣ эти факты могли, повидимому, служить на пользу ея «либеральной» политической проповѣди: вотъ почему, почти всегда минуя явленія добрыя или умаляя ихъ значеніе, эта пресса съ особеннымъ тщаніемъ подбирала и при сей вѣрной оказіи обобщала всякіе случаи отрицательнаго оттѣнка. Они были ей на руку; она немедленно обращала ихъ въ посылку, на которой и строила силлогизмъ—именно такого смысла: что все зло—въ отсутствіи «Европейскаго правоваго порядка»—или «Европейскихъ либеральныхъ учрежденій», въ «недовѣнчаніи зданія по образцу Европы», и все спасеніе—въ европеизмѣ. Повторялось, однимъ словомъ, только въ формѣ современной и ученой, то что̀ давно выражено стихомъ Грибоѣдова: «что намъ безъ Нѣмцевъ нѣтъ спасенья»: умнѣе этого ничего не придумала и не высказала наша «либерально-отрицательная пресса»... Замѣтимъ ужъ кстати, что въ Сѣверо-Американской республикѣ, гдѣ «культура» достигла высшей степени своего развитія, а «правовые порядки» представляются идеаломъ даже и для доктринеровъ либерализма въ самой Западной Европѣ, «хищеніе» доросло до такихъ размѣровъ, предъ которыми почти блѣднѣютъ хищенія Россійскія, возведено на степень такого могущества, предъ которымъ безсильна верховная власть. Но это мимоходомъ, а мы, разсуждая о нашей «либеральной печати», не можемъ не обратить вниманія на слѣдующую странность: когда наконецъ хищенія земель въ Россіи навлекли на себя грозную правительственную кару и власть твердою рукою положила имъ предѣлъ, «Голосъ» заголосилъ вдругъ языкомъ мира и любви, запѣлъ о необходимости устранять теперь всякую вражду и рознь, о необходимости снисхожденія, забвенія, чуть не прощенія... Что̀ же изъ всего этого можно вывести? То, очевидно, что обличеніе зла вызвано было не однимъ желаніемъ устранить его и покарать виновныхъ на страхъ другимъ, а надеждою—послужить этимъ обличеніемъ успѣху «либеральной программы»... Кажется, этого примѣра изъ сотни другихъ достаточно для опредѣленія характера обличеній и вообще отрицательной дѣятельности «либеральной печати»... Наоборотъ, когда дѣло касалось такихъ прискорбныхъ явленій нашей жизни, въ кото-

рыхъ замѣшаны были національности, покровительствуемыя «либералами», напримѣръ Евреи или Поляки, симпатіи «либераловъ» были на сторонѣ этихъ національностей, а гнѣвъ обрушивался, какъ водится, на варварство одичавшаго отъ недостатка «культуры» и «правоваго порядка» Русскаго народа. Такъ было, напримѣръ, съ народнымъ движеніемъ противъ Евреевъ—движеніемъ несомнѣнно беззаконнымъ, требовавшимъ усмиренія и усмиреннымъ нашею властію (причемъ наши Русскіе пострадали не менѣе, даже гораздо болѣе чѣмъ Евреи). Вмѣсто того, чтобы въ такомъ повальномъ движеніи стараться усмотрѣть его истинныя причины,—которыя, впрочемъ, даже безъ малѣйшаго старанія были очевидны всякому непредубѣжденному взору и заключались въ кастической организаціи Евреевъ, приспособленной къ одной цѣли—къ самой наглой эксплоатаціи христіанъ,—наши «либеральныя газеты» съ «Порядкомъ» во главѣ, стали ревностнѣйшими адвокатами іудаизма. «Голосъ», который въ то время не издавался, поспѣшилъ немедленно по возобновленіи, въ виду Англійскихъ безсмысленныхъ демонстрацій противъ Россіи и въ защиту угнетенной Еврейской невинности, заявить, въ извиненіе, что «мы, Русскіе, еще не доросли до уваженія чужихъ *профессій*»,—другими словами, называлъ Еврейскую эксплоатацію Русскихъ крестьянъ не болѣе какъ профессіей!..

Наконецъ, множество темныхъ явленій чисто общественнаго характера, неизвѣстно почему, постоянно пристегиваются нашими «либеральными» газетами къ ихъ политическимъ либеральнымъ теоріямъ. Кулаки и ростовщики въ народѣ, Разуваевы, Колупаевы, Дракины и т. п., обличая которыхъ, значительная часть этой печати словно поетъ какую-то побѣдную пѣснь, безъ сомнѣнія отвратительны, но они суть продукты нашего общества, нашей общественной порчи; поэтому и удары обличителей совершенно невѣрно направляются по адресу «администраціи», а должны падать не на кого другаго, какъ на насъ самихъ (Замѣтимъ кстати, что типы эксплуататоровъ—своеобразные, но не менѣе безобразные имѣются во всѣхъ «просвѣщенныхъ» странахъ). Странное дѣло: вздумаетъ власть, въ виду такихъ обличеній, усилить административную опеку,—ей тотчасъ же начнутъ проповѣдывать объ оздоровляющемъ свойствѣ жизни, предоставленной самой себѣ, и указываютъ на

вредъ вмѣшательства внѣшней власти въ дѣло быта. Попробуйте, ради помощи народу въ его борьбѣ съ кулаками и ростовщиками, предложить возобновленіе чего-нибудь въ родѣ бывшаго института мировыхъ посредниковъ, либеральная печать хоромъ обвинитъ васъ въ крѣпостничествѣ!.. Чего же собственно нужно, въ чемъ цѣленіе? Никакого путнаго отвѣта отъ «либераловъ» добиться нельзя: виновато все-таки не общество само, а администрація или отсутствіе «правоваго порядка»!.. Но излюбленныя ими парламентарныя формы уже преподаны и земскому и городскому самоуправленію, однако же не избавили ни земство отъ Дракиныхъ, ни города отъ вопіющихъ злоупотребленій... Кто же тутъ-то виноватъ? Казалось бы, мы сами... Нѣтъ, по мнѣнію «либераловъ», виновато... Что? кто? *начальство?*.. Добраться толку невозможно: слышатся только опять восхваленія европейскому правовому порядку и тонкія рѣчи объ увѣнчаніи зданія...

Много нужно терпѣнія, чтобъ разобраться во всемъ этомъ заносчивомъ пустословіи нашей «либеральной» печати, чтобы отыскать въ немъ какое-нибудь опредѣленное положеніе, способное хоть, повидимому, стать объектомъ обсужденія и спора. Постараемся же теперь сами изслѣдовать—гдѣ и въ чемъ ся «положительная программа», такъ какъ «либеральная» печать все еще не соглашается чистосердечно признать, что въ настоящую пору таковой въ сущности и не имѣется.

Шибко жило общественное сознаніе въ эти прошлые 18, 16 мѣсяцевъ, но въ особенности въ теченіе послѣднихъ 12. Для «либерализма» нашихъ газетъ или ихъ «либеральныхъ» политическихъ теорій была въ этотъ короткій періодъ времени и своя весна, когда публика упивалась либеральными терминами и тѣшилась туманными призраками въ не ясной дали, даже не подвергая ихъ пристальному разсмотрѣнію, тѣмъ менѣе строгому изслѣдованію,—и своя осень. Юношеская пора этого «либерализма», даже минуя періодъ возмужанія, перешла быстро въ старость и одряхлѣніе. Термины износились, опошлились, призраки, при первомъ прикосновеніи съ дѣйствительностью, разсѣялись, истаяли па дневномъ свѣтѣ жизни. Чувствуя, что почва ускользаетъ у нихъ изъ-подъ ногъ, наши остроумные «либералы» стали мѣнять и термины, и отчасти понятія, но вышло только, что совершенно сбились со своихъ

позицій и теперь болтаются ногами по воздуху, тщетно отыскивая себѣ твердую точку опоры. Все это совершилось даже безъ всякой повѣрки *опыта*, хотя можетъ-быть и не безъ вразумленія событій и явленій текущей жизни, — и въ этомъ, точно, можно признать дѣйствительный и утѣшительный для нашего общества шагъ впередъ, хотя наши «либералы» (которые теперь, по почину «Голоса», начинаютъ мѣнять эту свою кличку на «прогрессистовъ») и кричатъ, что наше общество только попятилось...

За что же стоитъ «либеральная партія»? За «прогрессъ», говорятъ намъ, за «цивилизацію», за «культуру», за «развитіе и процвѣтаніе науки и знаній въ нашемъ отечествѣ, на степени равной съ Европой», тогда какъ противники этой партіи стоятъ-де за возвращеніе къ временамъ татарщины, за изгнаніе наукъ и знаній изъ Россіи, за невѣжество. Прекрасно. Вычеркнемъ слово *прогрессъ*, какъ не имѣющее само-по-себѣ опредѣленнаго смысла, ибо прогрессъ бываетъ и при дифтеритѣ, при всякой болѣзни, при всякомъ злѣ: такъ прогрессивный ходъ матеріализма, напримѣръ, ведетъ къ отрицанію всякаго идеализма, всякой обязательности нравственнаго закона, къ одичанію; такъ герои динамита, анархисты-сокрушители несомнѣнно прогрессисты по отношенію къ нигилистамъ въ родѣ Базарова. О цивилизаціи, въ смыслѣ смягченія грубости нравовъ, никто, кажется, никогда и не спорилъ; но о цивилизаціи въ смыслѣ замѣны добрыхъ, чистыхъ нравовъ — развратомъ, или благочестивыхъ занятій, скажемъ, хоть лучшихъ нашихъ сектантовъ (благо они у нашей либеральной печати внезапно теперь стали въ почетѣ) — слушаніемъ каскадныхъ пѣвицъ въ кафе-шантанахъ, думаемъ, возможны и законны разныя точки зрѣнія. Что же касается «культуры», то если отождествлять понятіе о ней съ воздѣйствіемъ наукъ и знаній и домогаться такого же ея процвѣтанія, какъ въ Европѣ, то нельзя не поразиться страннымъ недомысліемъ нашихъ «либераловъ». Основаніемъ научнаго развитія на Западѣ служила и служитъ строгая *классическая* школа: кто же является ея врагомъ въ Россіи и кто ея защитникомъ? Врагомъ, самымъ ожесточеннымъ, является русскій «либерализмъ» въ лицѣ большей части своихъ печатныхъ органовъ, — главнымъ защитникомъ и сподвижникомъ насажденія настоящей классической системы въ Россіи —

ненавистнѣйшій «либераламъ» органъ печати, «Московскія Вѣдомости»! «Русь», какъ извѣстно, также стоитъ за строгую классическую школу и, не отрицая необходимости школъ реальныхъ, настаиваетъ съ своей стороны на томъ, чтобы «храмъ науки» — университетъ — не обращался въ условіе карьеризма или легкаго доставленія житейскихъ профессій и выгодъ, ибо тогда только, по мнѣнію «Руси», и можно поднять уровень науки и возвысить до крайнихъ предѣловъ строгости требованія подготовительныхъ знаній. Кто хочетъ результата («культуры»), тотъ, казалось бы, долженъ логически признать и самое основаніе. Наши же наивнѣйшіе изъ людей, «либералы» требуютъ отъ Россіи процвѣтанія науки наравнѣ съ Европой, но безъ той школы, которою обусловлено это процвѣтаніе, требуютъ развитія, по выраженію Герцена, «науки прикладной — безъ науки научной!» Въ результатѣ всей этой якобы либеральной защиты высшей научной культуры выходитъ лишь то, что, благодаря нашимъ «либераламъ», уваженіе къ строгой школѣ въ обществѣ и среди молодежи постоянно колеблется, нововозникающія на Западѣ гипотезы пускаются въ оборотъ подъ видомъ научныхъ аксіомъ или «послѣдняго слова науки», ученики мнятъ себя быть — и нашими «либералами», чествуются — чуть не полноправными учителями, призванными и способными рѣшить и вершить величайшіе вопросы нашего отечества!...

Пойдемъ далѣе. Либеральныя газеты превозносятся, что на ихъ знамени начертано: «свобода печати», религіозная вѣротерпимость», твердость «личныхъ и имущественныхъ правъ». Но едва ли кто въ нашей печати ратовалъ за ся свободу сильнѣе редактора «Руси», защищавшаго эту свободу даже предъ лицомъ Правительствующаго Сената, какъ о томъ свидѣтельствуетъ напечатанный въ «Руси» прошлаго года процессъ «Москвы». Не «Русь» ли также, по поводу прошлогодней пріостановки «Голоса», вновь выступила поборницей широкаго простора слова? Разумѣется, въ ея понятіяхъ свобода слова не есть свобода злословія и срамословія; да и вообще эта свобода состоитъ очевидно въ зависимости не столько отъ внѣшняго закона (трудно поддающагося формулѣ), сколько отъ общественныхъ нравовъ... Опять же не редакторъ ли «Руси» еще въ «Днѣ», а потомъ и въ «Москвѣ», не говоря уже о самой

«Руси», отстаивалъ свободу вѣрующей совѣсти и терпимость по отношенію къ расколу? не онъ ли и защищалъ это свое мнѣніе и предъ Сенатомъ? Слѣдовательно и этотъ пунктъ программы вовсе не составляетъ исключительной собственности или особенности лагеря такъ-называемыхъ «либераловъ», и гораздо раньше ихъ проповѣдывался во всеуслышаніе тѣми самыми, которыхъ они клеймятъ названіемъ «ретроградовъ», за то, что они стремятся согласить разумный прогрессъ свободы съ основными историческими началами политической и религіозной жизни *Русскаго* народа! Замѣтимъ при этомъ, что расположеніе, которое съ недавняго времени стала выражать старообрядчеству и сектантству въ Россіи «либеральная печать», грѣшитъ сильною односторонностью и оказываетъ имъ большею частью медвѣжьи услуги. Такъ, одною изъ главныхъ причинъ симпатіи къ расколу и сектамъ выставляется, напримѣръ, политическая, якобы, подкладка этихъ вѣроученій, такъ что вѣроученіе отодвигается на задній планъ, а политическіе идеалы (очень прикрашенные и перекрашенные къ тому же) выдаются на первый,—что существенно противорѣчитъ дѣйствительности, какъ это, между прочимъ, отлично доказано въ журналѣ «Дѣло», кажется ужъ вовсе не «консервативномъ», при разборѣ трудовъ гг. Юзова и Пругавина... Что же остается затѣмъ? «Личныя и имущественныя права»? Про имущественныя права говорить нечего, ибо они достаточно ограждены и приплетаются къ «личнымъ», если не изъ особыхъ непонятныхъ соображеній, то ради украшенія слога. Вопросъ же о личныхъ правахъ, независимо отъ правъ на свободу печати и вѣроисповѣданія, сводится на практикѣ, въ сущности, лишь къ вопросу объ административной ссылкѣ. Но въ такомъ случаѣ такъ бы и надобно ставить этотъ вопросъ, прямо, не спрыскивая его духами triple-essence «либерализма». При прямой постановкѣ можно будетъ и спросить себя по совѣсти: удобно ли поднимать этотъ вопросъ въ такое время, когда исключительныя обстоятельства требуютъ, къ несчастію, исключительнаго расширенія предѣловъ административной власти, подобно тому, какъ въ Великобританіи—этой любимой дочери свободы»—упраздняются въ наше же время, для Ирландіи, то habeas corpus act, то судъ присяжныхъ, или же предоставляется мѣстнымъ властямъ неограниченное право ареста? Наконецъ, во-

просъ этотъ и самъ по себѣ вовсе не такъ уже простъ: вспомнимъ хоть о правѣ ссылки безъ формальнаго суда, принадлежащемъ издревле у насъ крестьянскимъ общинамъ относительно своихъ порочныхъ членовъ...

И такъ, ничего своеобразнаго и оригинальнаго не нашли мы пока въ либеральной программѣ, ни въ отрицательной, ни въ положительной, чего бы не было въ программѣ газетъ инаго и преимущественно русскаго національнаго направленія. Своеобразнаго и оригинальнаго у «либераловъ» лишь то, что всѣ эти «либеральныя» отрицанія и требованія выражены у нихъ съ большею осторожностью, поверхностно, неопредѣленно, и притомъ взлелѣяны и повиты духомъ отвлеченнаго европеизма и отрицательнаго отношенія къ Русской народности, къ Русской самобытности, къ Русскимъ историческимъ принципамъ...

А «правовой порядокъ»? вотъ, возразятъ намъ, основное положеніе «либерализма», le fin mot, по необходимости болѣе подразумѣваемое, чѣмъ вполнѣ ясно высказываемое. Выпуская отъ времени до времени въ свѣтъ это словечко, замѣняя его иногда словомъ: «Европейскія политическія учрежденія» или «вѣнецъ зданія», «либеральная печать» обыкновенно даетъ чувствовать, что не договариваетъ свою мысль по цензурнымъ соображеніямъ. Никто болѣе насъ не сожалѣетъ о томъ, что цензура даетъ нашимъ «либераламъ» такой выгодный для нихъ поводъ плакаться на угнетеніе либеральной мысли, заслоняться цензурой отъ стрѣлъ противниковъ и такимъ, повидимому, основательнымъ объясненіемъ уклоняться отъ полнаго изложенія своихъ мнѣній. Не будь этой непрошеной услуги нашему «либерализму» со стороны цензуры, давно нищета и убогость его понятій и вожделѣній сама собою вышла бы на свѣтъ Божій. Въ самомъ дѣлѣ: предположимъ, что подъ словомъ «правовой порядокъ» на манеръ Европейскихъ политическихъ учрежденій, слѣдуетъ понимать конституцію, и что толковать о конституціи, заявлять ей сочувствіе—нѣтъ запрета. Тогда тѣмъ поборникамъ «правоваго порядка», которые разумѣютъ подъ нимъ именно конституцію, пришлось бы натолкнуться на вопросъ: «конституція? но какая? Французская? Англійская? Нѣмецкая?» и—стать предъ этимъ вопросомъ втупикъ! Очевидно, что ни одна изъ поименованныхъ для Русской земли не годится, потому что Англійская—словно кожа на тѣлѣ и отъята

отъ самаго тѣла быть не можетъ (къ тому же и основа ея—земельная аристократія); Французская и Нѣмецкая—это пока еще болѣе или менѣе неудачные и нисколько не завидные эксперименты... «Конечно ни одна изъ нихъ!» отвѣтили бы намъ эти господа.—Такъ какая же?—«Какая-нибудь. Надо сочинить!»—Сочинить! Сдвинуть громаднѣйшее въ мірѣ государство съ его политической многовѣковой, исторической основы на путь *сочинительства!* на путь нескончаемый къ тому же, ибо нѣтъ основанія, почему бы сегодняшнее сочиненіе не замѣнить завтра же новымъ, остроумнѣйшимъ, повидимому, сочиненіемъ! Не ясно ли, что съ такими, можно сказать, дѣтски либеральными разсужденіями невозможно было бы и выступить въ печати даже при полной свободѣ слова? Бумага бы покраснѣла отъ стыда! Спѣшимъ, однако, оговориться, что увлеченіе чистымъ конституціонализмомъ было явно только на зарѣ дней нашего новѣйшаго «либерализма», въ такъ-называемую «эпоху вѣяній». И вовсе не цензурныя строгости заставили «либераловъ» нѣсколько измѣнить свою позицію,—а отчасти «внушительный языкъ событій», отчасти же, полагаемъ, поставленный имъ въ упоръ вопросъ (между прочимъ «Русью»): «на чьей сторонѣ будетъ народъ, или 80% населенія?»... Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ охотники до конституціонализма не только были безопасны отъ цензурныхъ преслѣдованій, но питали увѣренность, что имъ за публичное предложеніе конституціи повѣсятъ Владиміра на шею,—и тогда едва ли бы у нихъ достало рѣшимости явиться *предъ лицомъ народа* съ предложеніемъ замѣнить историческій принципъ Русской власти результатами парламентскаго голосованія и самодержавіемъ парламентскаго большинства!.. Мы должны, однако, сказать правду, что до сихъ поръ не встрѣтили ни одного «либерала» (изъ лицъ, удостоивавшихъ насъ личной бесѣды), который бы не старался насъ разувѣрить, что онъ никогда и не помышлялъ о конституціи въ родѣ западно-Европейской, а подразумѣвалъ лишь «совѣщательное начало»... Если такъ, то зачѣмъ же пускать туману въ глаза, зачѣмъ морочить людей выраженіемъ въ родѣ «правоваго порядка», кивать на Европу, тонко намекать на что-то, чего никто въ сущности не вѣдаетъ, и въ то же время, отчураясь съ неистовствомъ отъ своей исторіи и даже народности, сбивать еще

пуще понятія и общества и молодежи?.. И такъ, что же остается отъ этого пресловутаго «правоваго порядка»? Въ сущности ничего. Историческаго грубаго факта,—ставшаго поперекъ платоническому влеченію къ государственному строю культурной Европы и съ младыхъ ногтей вкоренившемуся въ нашу «интеллигенцію» обаянію иностранныхъ авторитетовъ,—отрицать или непризнавать нельзя. Этотъ грубый фактъ—80% населенія... И вотъ—опять volte-face въ «либеральномъ лагерѣ»: во имя «культуры», во имя правъ «интеллигенціи», во имя этихъ именно остальныхъ 20%, раздается вдругъ «либеральная» проповѣдь: «взнуздайте звѣря»!.. Да, еслибъ его держать хорошенько взнузданнымъ, какъ совѣтуетъ «Голосъ», «интеллигенція» могла бы, пожалуй, точно сдвинуть Россію съ ея историческаго пути и вести путемъ Западной Европы, отбросивъ въ сторону всякое презрѣнное притязаніе на «Русскую національную самобытность въ сферѣ политическихъ и нравственныхъ идей»!..

Что касается до «совѣщательнаго начала», то и тутъ не обошлось безъ диковинокъ и переодѣваній. Читателямъ «Руси» извѣстно, что мы съ самаго начала нашего изданія вступили въ ожесточенную борьбу съ модной идеей—признавать, во-первыхъ, наши земскія собранія *настоящимъ народнымъ представительствомъ* у себя на мѣстахъ, и, во-вторыхъ, учинить представительство, хотя бы даже только совѣщательное, *всей Русской земли* изъ гласныхъ губернскихъ земскихъ собраній, по ихъ выбору. Въ то время всѣ бѣды Россіи приписывались именно тому, что правительство не даетъ нашимъ земствамъ раздвинуться въ ширь, не снабжаетъ ихъ политическими государственными правами, не позволяетъ имъ соединиться во всероссійское земское собраніе, и т. д., и т. д. Мы уже съ 1 № «Руси» совѣтовали земствамъ распространяться «не въ ширь, а въ глубь, около себя», установить напередъ тѣсную связь съ народомъ и крестьянскими учрежденіями, однимъ словомъ—заняться реформою земскихъ учрежденій, не имѣющихъ теперь въ народѣ никакого авторитета, и вообще реформою всего уѣзднаго управленія. Насмѣшки, брань, ругательства были намъ отвѣтомъ, посыпались на насъ со всѣхъ сторонъ, не исключая и газеты «Земство»: «Русь—съ своимъ уѣздомъ, когда слѣдуетъ реформировать самыя по-

литическія основы!» «Русь», которая хочетъ запрятать интеллигенцію въ уѣздную кутузку»!!! и т. д., и т. д. Правительство, однако же, съ своей стороны признало необходимымъ задать земствамъ вопросъ, весьма для нихъ важный и существенный, именно о преобразованіи учрежденій крестьянскихъ... Съ явнымъ неудовольствіемъ отнеслись сначала земства къ такой мелкой, «мескинной», по ихъ мнѣнію, задачѣ... Но увы! оказалось, что земства — не всѣ, положимъ, но въ весьма значительномъ числѣ, — по свидѣтельству газеты «Земство», даже и съ этой задачей не сладили! Нѣкоторыя почти совсѣмъ отказались отъ рѣшенія задачи, на томъ основаніи, что придумать рѣшеніе они съумѣютъ только во всероссійскомъ земскомъ собраніи, а сами по себѣ они безъидейны; другія отнеслись къ ней съ пренебреженіемъ, намекая, что желательно было бы напередъ получить право обсужденія государственнаго бюджета... И вотъ, одновременно съ тѣмъ, какъ по счету «Голоса» — 9, а по счету газеты «Земство» — 12 губернскихъ земскихъ собраній вошли съ ходатайствомъ о томъ, чтобы въ число «свѣдущихъ людей» правительство назначило лицъ лишь по избранію и по уполномочію земскихъ собраній, такъ какъ только земскіе гласные могутъ считаться представителями земской мысли, — въ это-то самое время газета, держащая знамя земства и люди самые авторитетные по части «либерализма» земскихъ учрежденій, возвѣщаютъ громогласно, что было бы именно ошибочно и преждевременно признавать представителей земствъ истинными не только народными, но даже общественными представителями!.. Редакторъ газеты «Земство» такъ-таки прямо заявляетъ, что хотя «ходатайство 12 земствъ является вполнѣ разумнымъ выводомъ изъ современныхъ нашихъ условій» (?), однакожъ представители земскихъ собраній, избранные въ свѣдущіе люди, «по существу представителями народными или общественными *не будутъ*»... Достопочтенный А. П. Кошелевъ также напечаталъ въ той же газетѣ, что «*при имѣющемся настроеніи земскихъ собраній, нельзя ожидать безпристрастныхъ мнѣній и выборовъ*, и необходимо прибѣгнуть *на сей разъ* къ иному способу узнанія общественнаго мнѣнія»!.. Да вѣдь только именно это и требовалось доказать, только объ этомъ и твердили обоимъ земскимъ авторитетамъ и «Русь», и «Новое

Время» въ теченіе цѣлыхъ полутора года! Никогда на самый принципъ земства мы и не нападали, а именно во имя этого принципа доказывали нашимъ противникамъ несостоятельность современнаго земства быть истиннымъ общественнымъ представителемъ народной мысли! Что же мѣшало имъ, несмотря на свою опытность, видѣть 18 мѣсяцевъ назадъ то, на что мы тогда же указывали, а они увидѣли только теперь?

Изъ-за чего спорили такъ яростно съ нами и «Земство» и вся эта «либеральная печать», сбивали такъ долго съ толку общественное мнѣніе, увлекли цѣлыя 12 земствъ и поставили ихъ въ такое странное, если не комическое положеніе?! Кого же слушаться правительству — въ виду заявленнаго ходатайства 12 «либеральныхъ» земствъ съ одной стороны и съ другой—авторитетныхъ голосовъ газеты «Земство», причисляющей себя въ то же время и къ «либеральному лагерю»?!!

И такъ, повторяемъ, что же остается отъ всѣхъ положеній «либеральной программы»? При малѣйшемъ прикосновеніи дѣйствительности и критическаго анализа, она разлетѣлась въ пухъ. Какъ ни мѣняли «либералы» позицій, но сбились со всѣхъ. Что же знаменуетъ собою «либеральное знамя», которое все-таки еще стоитъ? Не мысль, не опредѣленную формулу, а какое-то смутное, неясное, «либеральное» вожделѣніе, въ сущности вожделѣніе слѣдующаго властолюбиваго свойства: такъ или иначе, по праву «интеллигенціи» (за которую признаетъ себя только «либеральный» лагерь), мудрить надъ 80% населенія (по исчисленію «Голоса»),—именно *мудрить*, доктринерствовать, безъ точной программы и цѣли, если не просто ораторствовать и возсѣдать «во имя народа» на манеръ Европейскій... А рядомъ съ этимъ вожделѣніемъ — отвращеніе не только къ существующей «казенщинѣ» (въ чемъ не уступитъ имъ «Русь»!), а отвращеніе къ самой Русской народности, къ Русской народной самобытности, къ Русскому *народному* направленію во внѣшней и внутренней политикѣ, вмѣстѣ съ душевнымъ подобострастіемъ, какимъ-то служебнымъ чувствомъ къ авторитету, хотя и враждебной, за то «культурной» Европы! Сюда же, къ безсмыслію «либеральной» программы и къ «либеральному» лагерю примыкаетъ и неудовольствіе послѣднихъ могикановъ бюрократизма, предчувствующихъ скорый конецъ своего владычества, и неудо-

вольствіе тѣхъ Русскихъ иностранцевъ по духу и воспитанію, которыми кишатъ общественныя Петербургскія свѣтскія сферы, которые чуютъ наступленіе новаго времени и страшатся, какъ огня, возобладанія въ Русской жизни національной стихіи... И при всемъ томъ нельзя, однако, не видѣть, что этотъ безсодержательный «либерализмъ» представляетъ нѣкоторую силу въ нашемъ обществѣ —силу, которой нельзя отрицать... Какую же?

Силу банальности, иначе, по-Русски, пошлости. Это вѣдь цѣлая общественная стихія — «безсмертная», по выраженію поэта; съ нею приходится подчасъ и считаться. Мы когда нибудь возвратимся къ этой темѣ, а теперь замѣтимъ, что серьезная сторона газеты «Голосъ» съ его подголосками именно въ томъ и заключается, что онъ сталъ органомъ той общественной банальности или пошлости, которая, скрасивъ себя ореоломъ «либерализма», является существеннымъ выродкомъ быстро клонящагося къ концу Петербургскаго періода нашей исторіи...

Двѣ годовщины.

Москва, 6-го марта.

Двѣ годовщины справила на этой недѣлѣ Россія: одна (1 марта) — годовщина скорби и позора. И какъ искренно, всеобще было выраженіе скорби! Какъ живо воскресали въ памяти всѣ ужасающія подробности злодѣянія, осквернившаго нашу землю,—ту самую, что съ древнѣйшихъ временъ слыветъ въ народѣ «*Святою* Русью»!.. Въ этомъ мрачномъ окруженіи адскаго дѣла злобы, какъ лучезаренъ выдѣляется кроткій ликъ Мученика-Царя въ неугасимомъ сіяніи его благотвореній, во всемъ обаяніи его человѣчности, во всей славѣ его прекраснаго освободительнаго царствованія. Съ какою любовью и умиленіемъ лелѣетъ въ себѣ народное сердце этотъ царственный образъ! Мученическая кончина Царя-Освободителя только освятила его память въ благодарной душѣ Русскаго народа, освятила вмѣстѣ съ тѣмъ, вообще, въ народномъ сознаніи значеніе царскаго подвига на землѣ, еще

живѣе и крѣпче упрочила союзъ народа съ самодержавною властью... Кстати: было бы вполнѣ желательно увѣковѣчить эти дорогія каждому Русскому сердцу слова: *19 февраля* (день освобожденія Русскихъ и Польскихъ крестьянъ, Болгарскаго народа, многихъ иныхъ освободительныхъ дѣлъ) внесеніемъ этого числа на вѣчныя времена въ роспись всенародныхъ праздниковъ и установленіемъ въ этотъ день общественнаго молитвеннаго служенія объ упокоеніи души раба Божія и царя Россіи Александра II... Мы не принадлежимъ, впрочемъ, къ числу лицъ, которыя, оплакивая теперь покойнаго Императора, или вѣрнѣе — оплакивая вмѣстѣ съ его кончиной утрату какихъ-то своихъ собственныхъ фантастическихъ надеждъ,—желали бы, чтобы самыя обстоятельства кончины были скорѣе преданы забвенію, такъ какъ напоминаніе о нихъ, нарушая съ одной стороны въ народѣ «мирное, благоговѣйно-грустное настроеніе», единственно будто бы приличное сему дню,—съ другой стороны задерживаетъ будто бы правительство въ его движеніи «по пути прогресса»... Мы полагаемъ напротивъ, что забывать ихъ не слѣдуетъ—преступно было бы забывать, преступно предъ Русскою совѣстью и честью. Да и не таковъ нашъ народъ, чтобы могъ легкомысленно отнестись къ великому всероссійскому бѣдствію, грѣху и позору, и расквитаться съ испытаннымъ имъ горемъ и обидой — одною молчалинскою, рекомендуемою ему, умѣренностью и акуратностью чувствъ. Нашъ народъ не Молчалинъ, но и не «ленъ да огонь». Чѣмъ сильнѣе его ощущенія, тѣмъ глубже уходятъ они ему въ душу. Кто былъ свидѣтелемъ объявленія въ Москвѣ манифеста о «волѣ», тотъ помнитъ, что масляничный день обратился словно въ строгій великопостный... Не воспламеняясь какъ порохъ, подобно Французу, не шумя, не буйствуя — только шума и буйства ради, нашъ серьезный, умный народъ и теперь хоронитъ въ глуби души своей чувства и думы, вызванныя въ немъ кровавымъ событіемъ 1 марта. Онъ молчитъ много, но много всматривается, много слышитъ, и слагаетъ всѣ эти свои наблюденія и чужіе «глаголы» въ сердцѣ своемъ... Чѣмъ старательнѣе попытки замять, искоренить память о совершившемся злодѣяніи,—попытки, обыкновенно объясняемыя благовиднымъ желаніемъ не возбуждать въ народѣ опаснаго раз-

драженія, — тѣмъ сильнѣе оно возбуждается, тѣмъ опаснѣе послѣдствія подобныхъ неразумныхъ и неосторожныхъ попытокъ, тѣмъ невыгоднѣе для такъ называемой «интеллигенціи» слагающіяся о ней представленія въ народѣ. Но не о народѣ рѣчь. Онъ-то помнитъ, — мы-то не должны забывать, должны, напротивъ, держать постоянно въ памяти весь ужасъ 1 марта. Не для того, конечно, нужна эта живость воспоминанія, чтобы питать въ насъ и въ носителяхъ власти безплодный гнѣвъ и пугливое недовѣріе, а для того именно, чтобы не терять изъ виду роковой бездны, раскрывшейся предъ нашими ногами въ тотъ страшный часъ, — чтобъ успѣшнѣе могли мы всѣ выбраться на иной, спасительный, плодотворный путь. День 1 марта—день покаянный, дарующій намъ видѣть наши безмѣрно тяжкія всеобщія прегрѣшенія, призывающій насъ къ сокрушенію о духовной слѣпотѣ, порчѣ, беззаконіяхъ нашихъ, поставившихъ Россію на край гибели,— къ сокрушенію, но и къ обновленію. Мы должны непрестанно казниться въ своемъ сознаніи для того, чтобы обрѣсти въ себѣ творческую, возрождающую духовную мощь... Иначе горше будетъ.

Пусть власть имѣющіе принимаютъ, по своему усмотрѣнію, внѣшнія мѣры, предупреждающія возможность (страшно, стыдно, совѣстно вымолвить) новыхъ звѣрскихъ злодѣяній. Полиція полиціей, а общество наше, наша «интеллигенція» не хуже, если не успѣшнѣе полиціи, въ состояніи предупредить, по крайней мѣрѣ, размноженіе зла. Развѣ возможно допустить, чтобъ дружное, общее искреннее негодованіе со стороны всѣхъ, кто мыслитъ и чувствуетъ честно, было невластно образумить, отрезвить, хоть бы только смутить большую часть злоумышленниковъ и преступниковъ, по крайней мѣрѣ молодыхъ, вышедшихъ изъ нашей же общественной, болѣе или менѣе образованной среды? Не поддерживается ли ихъ лютое упорство и наглая настойчивость, не пополняется ли ихъ постоянно убывающій контингентъ постоянно новыми приверженцами именно потому, что они не чувствуютъ на себѣ клейма общественнаго искренняго отверженія, или хоть тяжести единодушнаго всеобщаго суда? что они, напротивъ, увѣрены, если не въ одобреніи, если не въ прямой симпатіи, то въ очень снисходительномъ къ нимъ отно-

шенія очень многихъ,—тѣхъ въ особенности, которыхъ они почитаютъ, да которые и сами себя выдаютъ за «передовыхъ» и болѣе всѣхъ трубятъ о «прогрессѣ», «гуманности», «культурѣ» и тому подобныхъ хорошихъ вещахъ? Не расположены ли еще многіе у насъ величать ихъ, если не мучениками, то «самоотверженными фанатиками идеи» (какъ будто фанатизмъ злой идеи, братоубійства, разрушенія, напримѣръ, не есть уже самъ по себѣ нравственное паденіе человѣка!)? Не слишкомъ ли ужъ склонны у насъ, даже въ литературѣ, рядить ихъ въ нѣкоторый, своего рода геройскій ореолъ? Нельзя, къ прискорбію, не признать, что тотъ умственный и нравственный сумбуръ, который господствуетъ въ означенной части нашего общества и который находитъ себѣ выраженіе даже въ печати, не способенъ оказать никакого спасительнаго противодѣйствія преуспѣянію пагубныхъ теорій, ни тѣмъ менѣе практической энергіи зла. Напротивъ, онъ-то и питаетъ въ нашей молодежи ту дурь самомнѣнія, ту страшную безумную гордость, благодаря которой недоучившіеся школьники присвоиваютъ себѣ — воровски, разбойнически — право не только народнаго, но Божьяго суда, и нагло жалуютъ себя въ верховные рѣшители участи великаго стомилліоннаго Русскаго народа!

Въ самомъ дѣлѣ, какъ не корениться всякой злой дури, какъ не разводиться злымъ дуракамъ въ этой мглѣ, въ этомъ хаосѣ понятій, котораго проявленіе встрѣчается въ нашемъ обществѣ и въ литературѣ чуть ли ни на каждомъ шагу? Тутъ и «гуманность», и «стремленіе къ свободѣ», и «демократизмъ» и «прогрессъ», и «цивилизація», и «культура», тутъ выкрикивается и «послѣднее слово науки»,—а между тѣмъ эта «гуманность» нисколько не гнушается (по крайней мѣрѣ открыто, безъ обиняковъ) прямымъ своимъ отрицаніемъ — безчеловѣчіемъ (ибо ничего нѣтъ безчеловѣчнѣе подвиговъ нашей соціально-революціонной партіи), но чуть ли еще не оправдываетъ ихъ! «Стремленіе къ свободѣ» вовсе и не расположено возмущаться самымъ вопіющимъ посягательствомъ на свободу, самою ужасною формою деспотизма — терроризмомъ, а даже какъ будто мирится съ нимъ! «Демократизмъ» вяжется самымъ сердечнымъ образомъ съ презрѣніемъ ко всему, что народу дорого и свято, съ наругательствомъ надъ

волею и вѣрою народными,—влеченіе къ «прогрессу», къ «цивилизаціи», къ «культурѣ», которое, казалось, должно бы чувствительнѣе всего оскорбиться наигрубѣйшими проявленіями варварства въ дѣяніяхъ пресловутыхъ «фанатиковъ идеи», оказывается какъ бы вовсе и не оскорбленнымъ, а благоговѣніе къ «послѣднему слову науки» чуть не дружится съ послѣднимъ словомъ дикости и невѣжества! Мало того: умудряются какъ-то приплетать сюда, къ этому кипящему вареву всяческаго отрицанія, безумія и крови, еще и «христіанскую любовь», и во имя ея даже и не гнушаться зломъ!!... Будьте по своимъ убѣжденіямъ хоть конституціоналистами, хоть республиканцами, чѣмъ угодно, но есть начало, которое для всѣхъ должно быть одно и обще-обязательно: это начало нравственное, начало высшей правды, смиряющее и обуздывающее буйство личнаго эгоизма. Безъ него немыслимо человѣческое общество, и кто этого начала не признаетъ, тотъ обществу врагъ и въ немъ терпимъ быть не можетъ, хотя бы онъ и числилъ себя въ привилегированномъ рангѣ «политическаго» попирателя всякаго нравственнаго закона. А между тѣмъ это-то начало нравственное съ нѣкотораго времени довольно дѣятельно расшатывается въ нашей общественной средѣ; различіе между добромъ и зломъ мало-по-малу изглаживается... Многіе ли у насъ въ печати отваживаются выразить искреннее свое негодованіе именно по отношенію къ дѣяніямъ и проповѣди политическаго нигилизма? Не чаще ли видимъ мы образцы самаго печальнаго малодушія? не легіонъ ли имя тѣмъ трусамъ, которые—страха ради прослыть нелибералами—боятся громко, во всеуслышаніе высказать свое внутреннее отвращеніе къ подвигамъ и ученію нашихъ революціонеровъ? Не хватаетъ мужества назвать мерзость мерзостью тамъ, гдѣ для честнаго человѣка и недоумѣнія быть не можетъ. А вѣдь только этого и нужно; только честности, немножко честности, да немножко мужества!... Вмѣсто этого, въ беллетристикѣ нашей сплошь да рядомъ—одновременно съ изображеніемъ Русскаго крестьянина въ самомъ отвратительномъ видѣ—выставляется «интеллигентъ», влекущійся къ ремеслу насильника народной исторической воли, народной свободы и вѣры—къ ремеслу террориста,—выставляется не какъ образецъ печальнаго заблужденія, достойный, пожалуй, искренняго соболѣзнованія, а въ со-

чувственномъ свѣтѣ, чуть ли не какъ лучшій specimen человѣческаго рода, достойный подражанія... Начинаютъ ли разсуждать печатно о современномъ положеніи дѣлъ,—эти господа деликатно обходятъ щекотливый предметъ, т. е. неперестающую угнетать насъ опасность кровавыхъ позоровъ, не промолвятъ ни словечка въ смыслѣ добраго, правдиваго назиданія нашей молодежи, боясь попасть у нея въ «ретрограды», а истощаются въ дешевомъ негодованіи... на неудобство или неловкость нѣкоторыхъ мѣръ охраненія (когда бы правильнѣе было бы понегодовать прежде всего именно на самый поводъ, вынуждающій, къ стыду нашему, принимать мѣры охраненія!), или же предаются болѣе или менѣе глубокомысленнымъ нападкамъ на урядниковъ, на классическую школу, особенно на «недостатокъ дѣятельности» для земскихъ, по большей части совсѣмъ добровольно бездѣйствующихъ дѣятелей! Вмѣсто того, чтобъ пораздумать, нѣтъ ли въ современномъ «безотрадномъ положеніи» доли и нашей собственной вины, лучше винить во всемъ «начальство»: это и напряженія мысли никакого не требуетъ, теперь почти и безопасно, да и «либерально»!...

Начальство виновато—это внѣ спора, но не менѣе виноваты мы сами, мы—какъ общество, какъ «интеллигенція». Не скажутъ же въ оправданіе свое наши «либералы»: «если мы такъ скудоумны, сѣемъ лишь сумбуръ понятій и сбиваемъ съ толку молодежь, то виновато все же начальство». Не споримъ, что исторически, подымаясь выше, чуть не до реформы Петра, начальство виновато и въ нихъ, но такое оправданіе едва ли для нихъ удобно. Начальство нашихъ временъ не отрицаетъ своихъ винъ, но безъ нашего содѣйствія оправиться не можетъ; а для того, чтобъ содѣйствіе наше было плодотворно, необходимо сознаніе своей общественной вины въ самомъ обществѣ нашемъ. Никакія усилія власти, напримѣръ, не въ состояніи дать болѣе здороваго направленія учащейся молодежи и тѣмъ оградить ее отъ печальной безвременной гибели, если сами педагоги наши не возьмутся за это дѣло; если вмѣсто пустопорожняго либеральничанья, безплоднаго отрицанія и постепеннаго вытравливанія идеи обязательной, абсолютной нравственной правды (какъ это практикуется нѣкоторыми), они не воспитаютъ въ молодыхъ душахъ уваженія къ своей землѣ, къ своему народу, къ его исторіи, не дадутъ

нимъ положительныхъ высшихъ нравственныхъ идеаловъ, безъ которыхъ нельзя и быть доблестнымъ, полезнымъ слугой своего народа и государства.

Пора бросить «либеральное» отрицаніе, которое, продовольствуясь одними либеральными терминами, уже даже не ищетъ конкретной истины, не углубляется въ разумъ и суть вещей. Оно устарѣло, износило все прежнее свое содержаніе, и теперь, вслѣдствіе внутренней пустоты, только злобствуетъ безъ смысла и цѣли. Много, конечно, всяческаго худа и безобразія въ Россіи, въ ея государственномъ и общественномъ строѣ, но только подъ знаменемъ положительныхъ нравственныхъ началъ, только неуклонно и мужественно держась пути чести и совѣсти, не страшась ничьего осужденія (тѣмъ менѣе фельетонныхъ крикуновъ), не заискивая ничьего благоволенія (тѣмъ менѣе «публики»), только отрѣшась отъ рабства отвлеченнымъ доктринамъ, какъ люди свободные, уважающіе права Русской земли на національную самобытность, на свободу органическаго народнаго развитія,—безъ озлобленія и глумленія, а въ духѣ искренняго доброжелательства, можемъ мы съ успѣхомъ оказать помощь нашему правительству въ его борьбѣ съ вѣковой нашей неправдой, въ которой мы всѣ равно виноваты.

Другая годовщина, которую справила Россія на этой недѣлѣ—день восшествія на престолъ Государя Александра III. Царствованію Его наступило лѣто второе. Тяжкое наслѣдіе принялъ нашъ новый, молодой Царь. Мы думаемъ, что прошлое славное, благодѣтельное царствованіе дало все, что̀ оно въ состояніи было дать, и не могло дать именно того, что̀ стало Россіи на потребу. Оно раскрѣпостило и народъ, и общество—всѣ стихіи жизни, на закрѣпощеніи которыхъ соорудился въ теченіе двухъ вѣковъ нашъ государственный строй. Оно подкопало его своими освободительными преобразованіями, но оно не въ силахъ было даровать Россіи то полное, всецѣлое обновленіе, которое не достигается путемъ частныхъ реформъ. Преобразовательному сознанію не доставало той общей идеи-*матери*, такъ сказать, въ которой одной заключается сила жизненная и творческая. Оттого, при концѣ царствованія, всѣ раскрѣпощенные элементы предстали въ своей совокупности грознымъ противорѣчіемъ съ старымъ, не отставленнымъ еще

строемъ. Оба противника очутились лицомъ къ лицу, мѣря свои силы, и не было у правительства ключа къ разрѣшенію роковаго противорѣчія... Повидимому (таково было убѣжденіе едва ли не большей части общества) Россіи не было другаго исхода, какъ двигаться далѣе въ томъ направленіи, въ которое двинулъ ее Петръ, и отъ полицейскаго типа государства, перенесеннаго Петромъ съ Запада, слѣдуя тѣмъ же западнымъ путемъ развитія, перейти логически къ современнымъ формамъ Европейскаго государственнаго строя: однимъ словомъ, окончательно и безповоротно усвоить себѣ всѣ основы и самый духъ западно-Европейскаго политическаго бытія, во всѣхъ смыслахъ и отношеніяхъ. Казалось, все клонилось именно къ такому исходу, къ такому рѣшенію грознаго для Россіи вопроса: быть или не быть ей самою собой; «либеральная» публика уже ликовала, Русскій народъ недоумѣвалъ...

Новое царствованіе (и благо ему!) уже успѣло въ теченіе года намѣтить отчасти то направленіе, въ которомъ будетъ развиваться его дѣятельность. Это направленіе—*народное,*—а народность—это именно та идея-матерь, безъ которой и внѣ которой все, что̀ бы ни созидалось въ странѣ, созидалось бы на пескѣ. Но народность не есть дѣло вкуса, не во внѣшности только, даже не въ патріотизмѣ лишь заключается; оно есть цѣлое органическое начало жизни, объемлющее собою всѣ ея отправленія, государственныя и бытовыя. Народность — есть то же самое, что̀ въ отдѣльномъ человѣкѣ *личность*, но вмѣщающая въ себѣ болѣе широкое духовное содержаніе, большее богатство творчества и непосредственныхъ силъ,—живущая въ вѣкахъ и въ пространствѣ, во множествѣ единицъ, составляющихъ одинъ общій цѣльный духовный организмъ. Это та непосредственная самобытность, которая нисколько не враждуетъ ни съ просвѣщеніемъ, ни съ знаніемъ общечеловѣческимъ, но безъ которой не мыслимо плодотворное усвоеніе никакого просвѣщенія и никакого знанія. Именно отреченіемъ отъ своей народности въ высшихъ своихъ общественныхъ, правящихъ классахъ Россія и дошла до той несостоятельности своего административнаго устройства, которой едва ли помогутъ искреннѣйшія усилія и благонамѣренное труженичество ея современныхъ государственныхъ людей... Царь съ его еди-

воличною властью—явленіе безусловно народное, выработанное вѣками нашей исторической жизни, отвѣчающее всему политическому міросозерцанію Русскаго народа, соблюденное имъ въ неприкосновенности цѣною величайшихъ жертвъ. Какимъ искушеніямъ ни подвергался нашъ народъ, въ какой формѣ ни представлялось ему верховное управленіе,—въ формѣ подчасъ совершенно противорѣчившей народнымъ понятіямъ,—онъ остался вѣренъ своему идеалу, и въ историческомъ учрежденіи самодержавной власти видѣлъ для себя надежный залогъ возвращенія на самобытный путь народнаго историческаго прогресса. Вотъ почему всякая, напримѣръ, западно-Европейская конституція равнялась бы для Россіи окончательному отреченію отъ своей исторіи и народнаго міросозерцанія. Но только одна царская власть и представляется этимъ историческимъ залогомъ; остальной строй, созданный петербургскимъ періодомъ, если не весь, то въ значительной мѣрѣ, является болѣе или менѣе диссонансомъ въ Русской жизни,—временною необходимостью, которой пора уже прошла.

Для Россіи наступила рѣшительная минута. Ей предстоитъ или полное обновленіе, такъ-сказать новое крещеніе, «баня пакибытія» въ народно-историческомъ духѣ, или же... Лучше не договаривать. Дверь для спасительнаго исхода открыта настежь: требуется лишь дерзновенный починъ. Объ этомъ починѣ и молитъ Бога Россія, молитъ страстно и пламенно: это знаютъ и понимаютъ всѣ имѣющіе очи видѣть и уши слышать, всѣ, въ комъ не заглохло Русское чувство. Было бы, однако же, напрасно думать, что выходъ и обновленіе достигнутся одною усиленною кабинетною дѣятельностью чиновниковъ или хоть бы сановниковъ подлежащихъ вѣдомствъ, да непрерывнымъ рядомъ дробныхъ подѣлокъ, поправокъ, даже частныхъ реформъ. Нельзя сказать, чтобъ раздающіяся отовсюду сѣтованія на «неопредѣленность положенія», на «неизвѣстность програмы и пути, по которому правительство намѣрено вести Россію», были ужъ вовсе лишены всякой основательности, какъ бы ошибочны они ни были въ своихъ подробностяхъ. Потребность цѣлостнаго обновленія чувствуется всѣми инстинктивно, хотя бы это обновленіе представлялось каждому въ своей, часто невѣрной формулѣ. Внутреннее чув-

ство подсказываетъ всѣмъ, что въ судьбѣ Россіи наступаетъ переломъ, и это чувство не можетъ не производить нѣкоторой, даже безотчетной тревоги. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что событіе 1-го марта, ужасъ и позоръ этого событія нарушили нормальный строй нашей ежедневной жизни, привели всю страну въ нервное состояніе, съ которымъ нельзя раздѣлаться простымъ возобновленіемъ прерваннаго ежедневнаго будничнаго строя, но которое требуетъ соотвѣтственнаго чрезвычайности удручающихъ впечатлѣній—проявленія зиждительной силы и подъемлющей духъ энергіи въ носителяхъ власти... Въ напряженномъ ожиданіи устремляются кверху тревожные взоры всей Россіи. Можно, пожалуй, осуждать такое напряженное ожиданіе, но упразднить его однимъ осужденіемъ нельзя, и приходится съ нимъ считаться. Упраздниться оно можетъ только такимъ проявленіемъ твердой верховной воли, которое представляло бы надежное ручательство въ коренномъ измѣненіи нашего административнаго механизма. Безусловно вѣруя въ благія намѣренія своего Царя, Россія недовѣряетъ и имѣетъ полное основаніе недовѣрять своему административному строю, несостоятельность котораго стала въ наше время лучезарно-явною, но который тѣмъ не менѣе заслоняетъ собою отъ страны лицо ея верховнаго повелителя...

Мы съ своей стороны твердо убѣждены, что безъ перенесенія резиденціи нашего верховнаго правительства съ окраины Россіи (гдѣ, повторяемъ, русская жизнь не слышится, не чувствуется, а только *рапортуется*) въ Москву или куда бы то ни было внутрь Имперіи -не выйдти Россіи изъ бюрократическихъ сѣтей, не высвободиться изъ-подъ давленія чиновной опричнины, не стряхнуть съ себя постыдный гнетъ страха предъ потаенными кознями политическихъ изувѣровъ, не придать своей внѣшней и внутренней политикѣ здороваго національнаго направленія, не разсѣять роковыхъ, но неизбѣжныхъ пока недоразумѣній между администраціей и страною, не обновить союза Царя съ землею богатствомъ единомыслія и тѣснѣйшихъ нравственныхъ узъ,—союза, предъ которымъ, какъ воскъ отъ лица огня, растаютъ всѣ политическіе замыслы и мечтанія, несогласныя съ волею и любовью народа,—не оживить Россію прибыткомъ духа, того животворящаго духа, безъ котораго никнетъ, скудѣетъ ея бытіе, и одно вѣяніе котораго

способно удесятерить ея внутреннюю мощь, возвратить ей вѣру въ свое призваніе въ человѣчествѣ и радость жизни!..

«Такова наша мысль и сказка»—заключимъ мы выраженіемъ нашихъ предковъ, которымъ закончили они письменное мнѣніе, поданное ими первому Государю изъ дома Романовыхъ на знаменитомъ земскомъ соборѣ, созванномъ по вопросу объ удержаніи Азова и о войнѣ съ Турками.

По поводу рѣчи городского головы Чичерина.

Москва, 13-го марта.

Свистомъ и лаемъ было встрѣчено въ такъ-называемомъ либеральномъ (!!) лагерѣ наше мнѣніе, не однажды выраженное, а въ послѣдній разъ въ передовой статьѣ 10 № [1])—о томъ, что пришло наконецъ время: центръ управленія Русскимъ государствомъ перенести въ центръ государства. Ничто, повидимому, такъ не раздражаетъ и не пугаетъ нашихъ противниковъ, какъ мысль о совмѣщеніи правительственнаго центра съ средоточіемъ народной исторической жизни и о возстановленіи правильнаго кровообращенія въ нашемъ государственномъ организмѣ! «Пустыя опасныя бредни», «старая вздорная фантазія», изъѣзженный конёкъ «славянофиловъ», «самобытниковъ», «народниковъ»... Такъ величаютъ насъ, обыкновенно, эти по-истинѣ дивные люди, одержимые нѣкоею томительною страстью ко всему, что̀ ненародно, что̀ противоположно понятію *самобытности!*

Надняхъ одинъ изъ сихъ поборниковъ національной безличности и духовнаго рабства накинулся въ «Вѣстникѣ Европы» на новаго Городского голову Москвы за то, что при вступленіи своемъ въ должность, онъ сказалъ въ своей рѣчи, будто «только въ Москвѣ можно обрѣсти тѣ крѣпкія основы, то вѣрное пониманіе смысла Русской исторіи, то чутье истинныхъ потребностей народной жизни, которыя предохраняютъ отъ легкомысленныхъ увлеченій и отъ слѣпаго слѣдова-

[1]) См. предыдущую статью.

нія за мимолетными авторитетами. .» Понятно, что публицистъ «Вѣстника Европы» нисколько не расположенъ предохранять себя и Русское общество отъ этого слѣпаго слѣдованія, когда именно такое *«слѣпое* слѣдованіе» и возводится нашими ненавистниками самобытности въ догматъ новѣйшаго Россійскаго «либерализма»... Понятно также, что всякая ссылка на «крѣпкія основы», точный «смыслъ Русской исторіи» и «истинныя потребности народной жизни» не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія въ глазахъ нашихъ противниковъ; это значило бы признать, что у Русской народной жизни могутъ быть *свои, самостоятельныя* потребности, у Русской исторіи есть свой *особенный* смыслъ и выработаны ею *самобытныя* крѣпкія основы, тогда какъ, по ученію этихъ господъ, никакой «самобытности въ сферѣ политическихъ, нравственныхъ и религіозныхъ идей» для Русскаго народа не полагается, а долженъ онъ пробавляться, подъ видомъ «общечеловѣческаго», *чужою* національною самобытностью—Голландскою, Бельгійскою, Французскою, Прусскою, Итальянскою, однимъ словомъ—любаго изъ Латинскихъ и Германскихъ племенъ Европы. Этимъ и объясняется, почему «Вѣстникъ Европы», возражая г. Чичерину, важно утверждаетъ, что «народный духъ не пріуроченъ спеціально ни къ какому мѣсту...» Что же это за народный духъ, который никуда не пріурочивается, и какъ же это? Можетъ, слѣдовательно, Русскій народный духъ вѣять и на берегахъ Шпрее, въ Берлинѣ? Конечно, нѣтъ, отвѣтятъ намъ,—«мы все-таки ограничиваемъ его вѣяніе предѣлами Россійской Имперіи»... Стало-быть, народный духъ одинаковъ, что въ Москвѣ, что въ Варшавѣ, Ригѣ, Вильнѣ? Едва ли, при всей своей умственной отвагѣ, рѣшатся наши «либералы» утверждать, что «да, одинъ и тотъ же!» А если не одинъ и тотъ же, такъ выходитъ, что народный духъ не ко всякому мѣсту пріуроченъ, и вопросъ самъ собою становится спеціальнѣе, иначе, именно: въ той ли мѣрѣ пріуроченъ онъ къ Петербургу, какъ и къ Москвѣ? Еще правильнѣе, примѣняясь къ словамъ г. Чичерина, поставить вопросъ въ слѣдующемъ видѣ: гдѣ удобнѣе непосредственно чувствовать истинныя потребности Русской народной жизни: въ центрѣ ли этой жизни или на самой ея окраинѣ,—сравнительно недавно пріобрѣтенной и населенной не Русскимъ племенемъ? въ Москвѣ или

Санктпетербургѣ? Гдѣ вѣрнѣе можно уразумѣть вѣрный смыслъ Русской исторіи: тамъ ли, гдѣ она совершалась и выразилась внѣшнимъ образомъ въ многочисленныхъ памятникахъ, т. е. въ древней исторической государственной столицѣ, или же въ столицѣ новой, собственно говоря въ резиденціи государевой, возникшей только въ XVIII вѣкѣ и непричастной даже величайшему изъ внѣшнихъ политическихъ, всенародныхъ событій, ознаменовавшихъ исторію Россіи этихъ послѣднихъ двухъ вѣковъ, именно нашествію Наполеона въ 1812 году? Гдѣ удобнѣе обрѣсти «крѣпкія основы» нашего историческаго и государственнаго бытія—въ средѣ ли чиновнической, придворной или же въ Русскомъ народѣ и въ общественной средѣ къ народу близкой? въ той ли столицѣ, которой даже наши «либералы» не посмѣютъ придать эпитетъ «народной», или же въ столицѣ народной, бывшей искони, пребывающей и доселѣ—«средоточіемъ народной жизни»?... Отвѣтъ на эти вопросы дается не какимъ-либо «славянофильствомъ», не какой-либо доктриной, но общимъ здравымъ смысломъ. А «Вѣстникъ Европы» находитъ нужнымъ попрекнуть г. Чичерина за его выраженія о Москвѣ именно славянофильствомъ, причемъ киваетъ на «Русь»!.. Но ужъ почему бы кстати не попрекнуть ему «славянофильствомъ» нашихъ лучшихъ поэтовъ, въ томъ числѣ и Пушкина, за его стихи:

Москва, какъ много въ этомъ словѣ
Для сердца Русскаго слилось,
Какъ много въ немъ отозвалось!

Не сказалъ же вотъ Пушкинъ: «о Санктпетербургъ! какъ много въ этомъ словѣ для сердца Русскаго слилось!» а выразился про Петербургъ иначе: «городъ скучный, духъ неволи» и пр.; если же и воспѣлъ его, то болѣе со стороны военныхъ парадовъ, пальбы изъ Петропавловской крѣпости въ высокоторжественные праздники, да красиваго теченія Невы... Ужъ и въ Пушкинскихъ стихахъ не «Русь» ли виновата?..

Замѣтка «Вѣстника Европы» не стоила бы сама по себѣ и возраженія, но въ такомъ же смыслѣ и духѣ палятъ всѣ тяжелыя и легкія орудія нашего мнимо-либеральнаго арсенала. Отвѣчая «Вѣстнику», мы отвѣчаемъ и имъ. Не аргументація ихъ заслуживаетъ вниманія, а самое это озлобленіе на Москву, этотъ внезапный прибытокъ любви къ Санктпетербургу

въ нашемъ либеральномъ лагерѣ: явленіе очень знаменательное, симптомъ времени, исполненный серьезнаго интереса. Защитниками Петербурга и оппонентами усиленію значенія Москвы въ Русской исторической жизни являются даже и Московскіе подголоски «Голоса». Очевидно, что «Невская столица» для всѣхъ нашихъ «либераловъ»—отечество,—не просто городъ, а символъ. Имъ дорогъ Петербургъ какъ знамя отрицанія народности и самобытности,—отрицанія, составляющаго сущность новѣйшаго «либерализма». Оттого-то и этотъ тревожный, вполнѣ искренній страхъ, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ центръ управленія Россіей не былъ перенесенъ во внутрь Россіи, не высвободился изъ-подъ воздѣйствія, изъ-подъ давленія на него Петербургской либеральствующей опричнины!.. Извѣстно, что подъ *опричниной* царь Иванъ Грозный разумѣлъ людей, выдѣленныхъ изъ *земщины*, обособленныхъ отъ *Земли*, поставленныхъ къ ней въ супротивное отношеніе, и въ то же время надѣленныхъ властью и силою безграничнаго произвола. Для успѣшнѣйшаго производства этого эксперимента онъ перенесъ резиденцію свою и опричнины вонъ изъ Москвы, въ Александровскую слободу, но чрезъ 8 лѣтъ уничтожилъ опричнину, пояснивъ, что для потомковъ его «образецъ учиненъ готовъ». Не въ такой грубой формѣ, не съ той безграничностью произвола, безъ такого рѣзкаго разграниченія въ сознаніи понятій *Земли* и отвлеченной отъ нея верховной власти, но нѣчто подобное повторилось и послѣ Петра, что̀ даетъ намъ право примѣнить названіе *опричнины* къ тѣмъ бюрократическимъ и преторьянскимъ элементамъ, которые также свили себѣ гнѣздо не въ старой столицѣ, а въ новой резиденціи, также были отрѣшены отъ земли или земщины и состояли, состоятъ отчасти къ ней и теперь какъ бы въ супротивномъ отношеніи. Представимъ же себѣ, что въ этой обособленной жизни опричнины совершился свой процессъ внутренняго развитія; что Русскіе опричники стали западниками-либералами, стали въ оппозицію по отношенію къ тому принципу власти, который далъ имъ бытіе, не переставая быть опричниками по отношенію къ земщинѣ! Между тѣмъ, въ сознаніи носителей самаго принципа власти совершается также историческій процессъ, но обратный, и возникаетъ, если еще не убѣжденіе, то расположеніе: прекратить ставшее уже

вреднымъ, утратившее свое историческое raison d'être обособленіе, и возвратиться отъ западнаго государственнаго типа къ тому типу земскаго государства, который намѣченъ (только намѣченъ) до-Петровскою Русью. Такая наклонность въ верховной власти очевидно грозитъ самому существованію опричнины и ихъ западно-либеральнымъ идеаламъ, не имѣющимъ ничего общаго съ Русскими государственными земскими идеалами. Ибо не въ томъ, конечно, состоитъ задача Петербургскаго «либерализма», чтобы добиться въ Россіи общечеловѣческихъ правъ, свободы слова (опредѣленной, впрочемъ, положительными законами), свободы совѣсти, подчиненія администраціи законамъ и т. д.: еслибъ она состояла только въ этомъ, такъ не было бы въ Россіи и розни въ мнѣніяхъ, а цѣлью общихъ усилій, не исключая самого правительства, было бы именно изыскать для этихъ естественныхъ требованій соотвѣтственное выраженіе въ государственномъ строѣ безъ нарушенія тѣхъ крѣпкихъ историческихъ и національныхъ основъ, на которыхъ стоитъ и держится Русское государство. Задача же Петербургскаго «либерализма» состоитъ напротивъ въ томъ, чтобы замѣнить эти историческія и національныя основы иными, не національными и нашей исторической жизни чуждыми, а центръ правительственной тягости перенести съ *единаго* лица на *совокупность* извѣстнаго количества лицъ (по образцу разныхъ западно-Европейскихъ государствъ, болѣе или менѣе неудачному и нигдѣ, ни для какого истиннаго, *народнаго* большинства не привлекательному). Еще профессоръ Градовскій, въ дни свѣжести своей,—когда онъ еще былъ сотрудникомъ Достоевскаго въ журналахъ «Время» и «Эпоха», когда еще не оступился въ «Голосъ» и не увязъ подъ его знаменемъ,—характеризуя западно-Европейскіе идеалы политической свободы, усматривалъ ихъ сущность въ стремленіи къ захвату *власти* въ пользу средняго сословія надъ народомъ или въ пользу одной доктринерствующей, хотя бы демократической или радикальной партіи надъ всѣми другими разномыслящими съ нею и опять же надъ народными массами; самую же борьбу на Западѣ изъ-за свободы и во имя ея называлъ «борьбою изъ-за *власти*». Даже Герценъ (котораго жизнь и дѣятельность находились въ постоянномъ противорѣчіи съ его мыслію, подчасъ озаряемою блистательными откровеніями истины), Гер-

цепъ, изучившій западно-Европейскій либерализмъ не только теоретически, но и практически,—разоблачая въ своемъ «письмѣ къ Мишле» внутренній смыслъ этого либерализма,—провозглашаетъ слѣдующее *пророчество* (какъ выражается Н. Н. Страховъ въ своей недавно вышедшей прекрасной книжкѣ «Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ»): «Россія никогда не сдѣлаетъ революціи съ цѣлью отдѣлаться отъ своего царя и замѣнить его царями-представителями, царями-судьями, царями-полицейскими». Это значитъ,—такъ поясняетъ мысль Герцена г. Страховъ,—что «Россія не пойдетъ тѣмъ путемъ, какимъ шла Европа, не повторитъ тѣхъ фазисовъ развитія, какъ бы важны и велики они, повидимому, ни были, чрезъ которые прошли Европейскіе народы,—такъ какъ эти фазисы даже и не приводятъ къ той цѣли, ради которой они совершились»... Извѣстно впрочемъ, что наши Россійскіе западники остались недовольны такимъ воззрѣніемъ, такимъ вѣроотступничествомъ Герцена отъ Запада, и даже Бѣлинскій счелъ нужнымъ заступиться противъ Герцена за Французскую буржуазію!

Наши западники-либералы (не анархисты) остались и до сихъ поръ вѣрны старымъ политическимъ идеаламъ Западной Европы, и попрежнему влюблены въ практическія установившіяся въ ней либерально-политическія формы, не замѣчая, въ своей близорукости, что онѣ уже износились и лѣзутъ врозь со всѣхъ сторонъ. Они, наши либералы, томятся тѣми же властолюбивыми вожделѣніями. Препятствій для проведенія въ жизнь тѣхъ «правовыхъ западныхъ политическихъ порядковъ», о которыхъ они подчасъ заявляютъ въ газетахъ, не предвидится, по ихъ мнѣнію, ни въ чиновной, бюрократической средѣ (по крайней мѣрѣ Петербургской), ни даже на многихъ высшихъ чредахъ государственнаго служенія. Но есть одно досадное препятствіе, съ которымъ такъ или иначе приходится считаться,—это—бездѣлица!—цѣлые 80% всего населенія, т. е. весь Русскій народъ и, разумѣется, все, что съ этимъ наглымъ фактомъ и понятіемъ связано: народность, преданія русской исторіи, чувство національной чести и т. д.,—и что, къ «досадѣ либераловъ», постоянно живится въ Русскомъ общественномъ сознаніи журналами и газетами съ Русскимъ направленіемъ. Вотъ откуда такая ненависть нашихъ «либераловъ» и къ «Руси»... Если собрать въ одное цѣлое главные

мотивы, повторяющіеся въ печати «либеральнаго» лагеря, то внутренняя логическая ихъ связь выступаетъ сама собою. Именно, въ виду того сопротивленія, которое можетъ быть оказано съ народной стороны успѣху западно-Европейскихъ либеральныхъ политическихъ доктринъ и осуществленію таковыхъ же идеаловъ съ предоставленіемъ, въ силу западнаго «праваго порядка», преобладающаго значенія либеральствующей опричнинѣ,—необходимо:

1) Отрицать прежде всего, въ печати и на каѳедрахъ, не только самобытность, но и всякую способность Русскаго народа къ самобытности въ сферѣ религіозныхъ, нравственныхъ и *политическихъ* идей («Русская Мысль», г. Головачевъ). Отрицать вмѣстѣ съ тѣмъ всякое жизненное оригинальное начало въ Русской исторіи, всякое явленіе духа истины, отрицать въ ней присутствіе какихъ бы то ни было иныхъ *основъ*, кромѣ «плети и палки», исповѣдуя при этомъ, что единственный руководящій, спасительный «свѣтъ» для Россіи исходитъ съ Запада, и слѣдовательно путь, которымъ она должна слѣдовать, указывается Западомъ («Русская Мысль», статьи Дитятина, *профессора* (!) Харьковскаго университета... Несчастные студенты!). Мы назвали только эти три статьи потому, что онѣ капитальнѣе другихъ во множествѣ разсѣянныхъ въ либеральной прессѣ. (Оговоримся. Самъ редакторъ «Русской Мысли» г. Юрьевъ—человѣкъ безспорно честный, но въ простодушіи своемъ не вѣдающій большею частью ни что̀ печатается въ его журналѣ, ни куда ведутъ его сотрудники, хотя расточаемые ему хвалебные отзывы «Русскихъ Курьеровъ» и «Московскихъ Телеграфовъ» должны бы, кажется, раскрыть глаза и слѣпому).

2) Пугать правительство народомъ, стараться заподозрить эту «опору», этотъ «устой» въ глазахъ власти. Вотъ почему современная мятущаяся, разнуздывающаяся опричнина и вопитъ теперь: «взнуздайте звѣря!» «взнуздайте 80% населенія!» т. е. осуществите западно-Европейскій политическій идеалъ въ пользу остальныхъ 20%! По этой части особенно усердствуетъ «Голосъ». По его мнѣнію, всѣ современныя бѣды и неудобства происходятъ не отъ расшатанности *основъ* въ общественномъ сознаніи, не отъ разгула духовно-отрицательной или нигилистической стихіи, не отъ козней соціалистовъ-революціо-

перовъ, задерживающихъ наше нормальное развитіе, а отъ «народнаго направленія» во внутренней политикѣ, едва только начинающаго, повидимому, зараждаться!.. Точно пароль отданъ внезапно по всей либеральной прессѣ: публиковать о слухахъ и ожиданіяхъ, снующихъ въ крестьянской средѣ, охать, ахать, поднимать громкіе толки о повсемѣстной «смутѣ» (которой, слава Богу, еще нѣтъ). Не о *«смутьянахъ»*, о которыхъ ни слова и которыхъ усердное, хотя подчасъ и неловкое отыскиваніе полиціей постоянно осмѣивается тѣми же самыми газетами,—а именно о «смутѣ въ *народѣ!*» «Вотъ-де нашъ хваленый народъ!» вотъ что̀ значитъ одно желаніе держаться Русскаго народнаго направленія во внутренней политикѣ»!.. Этого мало. «Голосъ» надняхъ выкинулъ такой фокусъ наглости, которымъ превзошелъ свою прежнюю въ этомъ отношеніи славу. Въ этихъ аграрныхъ толкахъ народныхъ, которые «Голосъ» поспѣшилъ заклеймить страшнымъ именемъ «смуты», онъ винитъ... «Русь» и вообще печать Русскаго направленія! Цѣлый годъ раздувала либеральная пресса вопросъ о малоземельѣ, о необходимости *даже* прирѣзокъ къ надѣламъ изъ помѣщичьей земли (мы можемъ назвать газету), раздувала и обобщала, хотя бы отчасти просто ради дѣтскаго утѣшенія поставить и у насъ въ Россіи вопросы *аграрный* и *рабочій* («точь-въ-точь-дескать какъ на Западѣ!»); цѣлый годъ позорила именно «Русь» за статьи Д. Ѳ. Самарина, за то, что мы не считаемъ малоземелье *повсемѣстнымъ* явленіемъ и *исключительною* причиною экономическаго упадка крестьянъ,—а теперь «Русь» же виновата въ томъ, что народъ ожидаетъ новыхъ прирѣзокъ! Все это дѣлается, конечно, съ цѣлью—ввести кого слѣдуетъ въ обманъ насчетъ газетъ, придерживающихся Русскаго національнаго направленія, и отвести кому слѣдуетъ глаза отъ настоящихъ источниковъ современнаго зла.

3) Не только избѣгать всего, но не терпѣть ничего, что̀ можетъ въ народѣ и въ самомъ обществѣ произвести подъемъ Русскаго національнаго и патріотическаго чувства, потому что съ возбужденіемъ этого чувства пришлось бы сказать «прости» многимъ чаяніямъ въ смыслѣ западно-политическихъ идеаловъ. Очень искренно опасаются наши «либералы» войны, но не ради только однѣхъ жертвъ... Мы не полагаемъ, чтобъ они серьезно вѣрили въ возможность скорой наступательной

войны со стороны Германіи, а раздуваютъ этотъ страхъ, запугиваютъ войною для того именно, чтобъ ослабить ненавистное имъ возбужденіе національно-патріотическаго духа. Вотъ почему такъ досталось отъ нихъ Скобелеву! Что «Голосъ», воспѣвшій во время оно хвалами Берлинскій конгрессъ, остался вѣренъ себѣ и въ настоящую пору,—это въ порядкѣ вещей; но замѣчательно то единодушіе, съ которымъ и всѣ прочія Русскія «либеральныя» газеты набросились на Русскаго славнаго полководца и стали теребить и его самого, и его рѣчь, въ перегонку со всѣми Австрійскими и Германскими газетами! Разумѣется, наши либеральныя газеты удостоились за это похвальнаго аттестата отъ всей, злостно враждебной Россіи, иностранной печати... Клейма удостоились, постыднаго клейма, которое и горитъ на нихъ неизгладимо!..

Достаточно пока этихъ трехъ положеній публицистовъ нашего либеральнаго лагеря для того, чтобъ не ошибиться насчетъ его направленія, тактики и плана. Если съ одной стороны этой прессѣ удается зачислить въ свой станъ массу людей, способныхъ плѣняться банальною мудростью ея сужденій, проповѣдью молчалинскихъ добродѣтелей—умѣренности, смиренія и даже уничиженія во всемъ, что касается достоинства и интересовъ Русской національности,—то съ другой стороны нисколько не ошибается въ дѣйствительномъ значеніи этой нашей «либеральной» печати печать иностранная! Все что только заграницей изрыгаетъ ежедневно хулы, ругательства, клеветы на Россію, все что злоумышляетъ ей вредъ, да нисколько и не думаетъ скрывать этого злоумышленія, все это съ величайшимъ благоволеніемъ и сочувствіемъ относится къ «Голосу» и ко всѣмъ его московскимъ и провинціальнымъ подголоскамъ. Это истинный фактъ, ежедневно подтверждаемый; въ этомъ можетъ удостовѣриться каждый, получающій наиболѣе враждебныя Россіи Польскія и Нѣмецкія газеты. Мы вовсе не думаемъ утверждать, чтобъ между нашею «либеральною» и заграничною печатью было какое-нибудь соглашеніе, чтобы наши «либералы» *заискивали* благосклонности у враговъ Россіи, но самая эта благосклонность отъявленныхъ враговъ должна была бы, кажется, предостеречь, вразумить нашихъ либеральныхъ радѣтелей о Русскомъ общественномъ благѣ. А она, однако же, имъ не претитъ!.. Очевидно, что

тенденціи русскаго «либерализма» *на руку* нашимъ недругамъ, и что послѣдніе почитаютъ нужнымъ поддерживать успѣхъ въ Россіи такихъ тенденцій, хотя можетъ быть втайнѣ и глумятся надъ скудоуміемъ Русскихъ «либераловъ» и злорадствуютъ!.. «Самая лучшая въ Россіи газета—«Русскій Курьеръ», органъ лучшей и просвѣщеннѣйшей части московскаго купечества!» восклицаетъ одна изъ заграничныхъ Польскихъ газетъ (а какъ относятся эти газеты къ Россіи, можно видѣть образчикъ въ этомъ же № «Руси»). Не поздоровилось бы отъ такихъ похвалъ Московскому купечеству, еслибъ въ такомъ увѣреніи была хоть тѣнь правды; не могли бы, казалось, быть онѣ пріятны и для г. Лапина, но сей наивный издатель самъ въ прошломъ году отрекомендовалъ Русской публикѣ въ печатныхъ циркулярахъ свою газету, какъ «любимѣйшую за границей»!!! Къ этому либеральному литературному лагерю примыкаетъ у насъ—внутри самой Россіи—и сила *Еврейская*, и сила *Польскихъ* враждебныхъ Русскому государству элементовъ...

А самый этотъ литературный лагерь примыкаетъ къ *Петербургской* бюрократической или чиновной, разнуздавшейся или разнуздывающейся опричнинѣ, желающей сохранить свое обособленное отъ Русской земли и властное положеніе, подъ видомъ ли «интеллигенціи» или «представителей», или же подъ инымъ «либеральнымъ» видомъ, но такимъ, который бы далъ имъ возможность муштровать и ладить презираемый ими Русскій народъ по своему измышленію, по чужому образу и подобію... Понятно почему такъ любезенъ всѣмъ нашимъ «либераламъ» Петербургъ: онъ ихъ родина, сѣдалище, престолъ, причина бытія; онъ для нихъ принципъ и знамя,—и почему съ другой стороны такъ пугаетъ ихъ мысль о перенесеніи центра правительственной тягости въ центръ Русскаго государства, въ средоточіе Русской народной жизни...

Вопросъ объ этомъ перенесеніи уже перестаетъ быть празднымъ литературнымъ вопросомъ, какимъ онъ казался доселѣ. Это вопросъ историческій, исчерпывающій въ своей конкретной формѣ всѣ прочіе вопросы о будущности нашей и о возможныхъ отнынѣ преобразованіяхъ... Это вопросъ: быть или не быть Россіи самой собою. Если теперь не всѣ это сознаютъ,—то скоро сознаютъ. Не замедлятъ убѣдиться въ без-

плодности усилій, прилагаемыхъ лучшими людьми въ Петербургѣ къ подъему общественнаго духа, къ оздоровленію его приливомъ положительныхъ, здоровыхъ силъ народнаго историческаго духа. «Крѣпкія основы»—а дѣло доходитъ ужъ до нихъ, о которыхъ прежде не помышляли—таятся не въ Петербургѣ... Если для обрѣтенія ихъ, для возобновленія ихъ дѣйствительной силы въ правительственномъ и общественномъ сознаніи потребны, по мнѣнію нѣкоторыхъ, мѣры героическія, радикальныя, то самою мирною, раціональною и плодотворною изъ нихъ представляется перенесеніе резиденціи правительства въ средоточіе народной жизни. Только тамъ—по вѣрному выраженію Московскаго Городскаго головы—и возможно ихъ обрѣсти, а не въ городѣ, котораго весь смыслъ, все призваніе заключалось именно во *временномъ* отчужденіи отъ народной жизни, въ той *реакціи* національной исключительности, которой историческая необходимость уже прошла. Нечего и говорить, что Петербургъ въ Москву не переѣдетъ, и что при перенесеніи канцеляріи возникнетъ самъ собою вопросъ о размѣрахъ, аттрибутахъ, о пригодности самой канцеляріи...

Можетъ-быть, впрочемъ, еще не приспѣло время; еще Петербургъ не допѣлъ всей своей пѣсни и ему предстоитъ еще ее допѣть... Хороша должна быть эта послѣдняя пѣснь! Все что̀ есть элементовъ отрицанія въ Россіи, все, что̀ есть лжи и фальши, все, натужась, напрягшись до крайняго своего выраженія, сольется, сосредоточится въ этой пѣсни въ одинъ колоссальный, чудовищный, потрясающій диссонансъ...

-

По поводу политическаго убійства въ Одессѣ.

Москва, 25-го марта.

Въ эти священные дни всеобщихъ усиленныхъ молитвъ и поклоненія страстямъ Христовымъ, когда по всему необъятному пространству нашей, издревле «Святою» прозванной Руси такъ высоко подъемлется, такъ становится строгъ и благоговѣйно-важенъ душевный строй православнаго народа и всего Русскаго вѣрующаго общества,—какимъ пронзительнымъ

разладомъ прозвучала, какою мучительною болью отозвалась въ сердцахъ вѣсть о новомъ «политическомъ» убійствѣ въ Одессѣ!.. Какъ устало отъ этихъ содроганій обиды и ужаса Русское сердце! какъ хотѣлось бы ему отдохнуть, отвыкнуть отъ нихъ, умириться духомъ, отдаться благой надеждѣ, что пора дикихъ, чудовищныхъ, кровавыхъ злодѣйствъ миновала!.. И казалось—зло и злоба стали наконецъ скудѣть, истощаться, и отвращающійся крови Царь призналъ возможною и уже благовременною милость, — даровалъ жизнь девятерымъ недавно осужденнымъ на смерть преступникамъ... Доколѣ же будетъ продолжаться это надругательство надъ нашимъ отечествомъ, это пятнанье нашей земли позоромъ? Долго ли будутъ враги Русскаго народа полагать преграды его благоденствію, его преуспѣянію и возрастанію въ мирѣ и тишинѣ, въ духѣ истинной свободы и истиннаго просвѣщенія?.. Годъ тому назадъ еще была кое-какая возможность допустить, хотя и съ натяжкою (и не мы это допускали, а такъ склонны были разсуждать многіе, очень ужъ мягкодушные люди), будто совершители убійствъ и подкоповъ служили отвлеченной *идеѣ*—«конечно, фанатической, но все же идеѣ», дѣйствовали путемъ «безъ сомнѣнія ложнымъ, *пожалуй*, гнуснымъ», но «съ благородною цѣлью» (!),—будто они и впрямь способны были еще обольщаться и обольщались безобразною фантазіей, что творятъ зло для блага народа, что народъ оцѣнитъ, наконецъ, ихъ заслуги, дастъ себя увлечь именно по тому пути, на который бы имъ желалось его направить... Но если годъ тому назадъ еще позволительно было предположить такого рода фантазіи или самообманъ, то въ настоящее время, послѣ вразумленій, дарованныхъ опытомъ цѣлаго года, нѣтъ болѣе мѣста никакимъ подобнымъ извиняющимъ или болѣе или менѣе смягчающимъ вину обольщеніямъ: во имя народа дѣйствовать уже не приходится; сомнѣваться, на чьей сторонѣ будетъ народъ, уже нельзя; онъ достаточно проявилъ и свой государственный смыслъ, и свою непоколебимую волю. Никакая «искренность» увлеченія или убѣжденія уже невозможна, не мыслима *теперь* для участниковъ кроваваго революціоннаго сообщества, да ея уже и нѣтъ. Старые сообщники, очевидно, обратили себѣ въ настоящую пору кровавые замыслы въ ремесло, создали себѣ изъ него «общественное

положеніе», благо—къ посрамленію цивилизаціи XIX вѣка—въ нѣкоторыхъ, хвастающихъ своею культурою странахъ, всякое звѣрство съ политическою окраскою, направленное на чужое, хотя бы и дружественное государство, пользуется покровительствомъ законовъ! Позднѣйшіе же новобранцы, *теперь* завербованные, *теперь* вступающіе въ ряды террористической рати, только лгутъ себѣ и людямъ, нагло лгутъ, ссылаясь на «благородство цѣли», любовь къ народу или къ человѣчеству и вообще на какую-либо «возвышенность мотивовъ»... Они уже лишены права самообмана, и если тѣмъ не менѣе примыкаютъ къ сообществу убійцъ, то не вслѣдствіе «благороднѣйшихъ побужденій человѣческой природы» (по любимому выраженію фельетониста одной «либеральной» газеты, всегда съ обязательнымъ бѣшенствомъ набрасывающагося на «Русь»), а вслѣдствіе самыхъ низкихъ ея побужденій, вслѣдствіе тайнаго, хотя бы и не вполнѣ сознаннаго согласія души на злое и подлое. Они должны знать и заранѣе себѣ прямо вымолвить, что вступаютъ въ ряды не болѣе не менѣе какъ измѣнниковъ своей землѣ и народу, какъ отъявленныхъ ненавистниковъ всего, что̀ народу дорого и свято, ненавистниковъ, презрителей не только Царя, но и самого народа, и не только народа, но и Бога, стало быть всякой нравственной на землѣ правды. И если они этого сами себѣ сказать еще не могутъ, недостаетъ духа или еще не доразумѣли, то все, что̀ только еще есть мало-мальски честнаго въ Россіи, должно вездѣ, всюду твердить, вопить имъ объ этомъ, преслѣдовать спасительнымъ обличеніемъ явно, громко, не оговариваясь, не оглядываясь по сторонамъ, не труся «общественнаго мнѣнія» во образѣ «либеральныхъ» фельетонныхъ хватовъ, не виляя, не лукавя, безъ заминокъ, безъ недомолвокъ. И кто этого не творитъ, тотъ не честенъ. Позорный недостатокъ гражданскаго мужества, значитъ, не пересиливается въ немъ ни искреннею любовью къ добру, ни страстнымъ желаніемъ во̀-время образумить, спасти погибающаго ближняго... Преступенъ, въ душевной подлости повиненъ тотъ педагогъ, который имѣетъ возможность посѣять въ сердцахъ ввѣренной ему молодежи отвращеніе къ революціонному терроризму, ко всей этой «политической дѣятельности», вооруженной подлогомъ, воровствомъ, револьверомъ, динамитомъ, къ этому гнус-

пому насилованію воли и совѣсти родной страны,—и не пользуется этою возможностью, не сѣетъ этихъ плодотворныхъ сѣмянъ—страха ради «либераловъ», изъ-за популярничанья и тому подобныхъ низкопробныхъ нравственныхъ поводовъ! Такой педагогъ въ буквальномъ смыслѣ слова *душегубецъ*, ибо губитъ душу и жизнь ввѣренныхъ ему юныхъ питомцевъ, и къ нему должны быть примѣнены слова Евангелія: «Иже аще соблазнитъ единаго малыхъ сихъ вѣрующихъ въ Мя, уне есть ему да обѣсится жерновъ оселскій на выи его и потонетъ въ пучинѣ морстѣй!»

Такое же отчасти педагогическое значеніе имѣетъ для общества и литература. А что творитъ наша литература? Какъ отзовется о ней будущій историкъ россійской словесности, хоть бы за послѣдніе два года? Совершились важныя событія, поставившія ребромъ для русскаго общества вопросъ о томъ, чѣмъ только и живъ человѣкъ, живо всякое человѣческое общежитіе,—о нравственныхъ началахъ. Во имя общественныхъ интересовъ содѣяно страшное посягательство на общественную совѣсть и честь. Торжествовало зло. Что же, навѣрное печать—спроситъ себя будущій изслѣдователь,—напрягла всѣ свои силы, чтобы помочь ослабѣвшему общественному сознанію, отцѣдить истину отъ чуждыхъ ей ядовитыхъ примѣсей, очистить понятія, въ которыхъ все перемѣшалось, добро и зло, ложь и правда, свѣтъ и тьма,—заставить возненавидѣть и зло, и ложь, и тьму?... Навѣрное теперь не только каѳедра, но и газетная трибуна поставила себѣ задачей возбудить поникшій духъ патріотической доблести, строго, твердо, неуклонно опредѣлить долгъ и обязанности гражданина, отдѣлить путь нечестивыхъ отъ пути честныхъ людей, выше, какъ можно выше, поднять и окружить обаятельнымъ ореоломъ знамя нравственныхъ, единственно спасительныхъ и плодотворныхъ началъ,—знамя христіанское?.. И обратится изслѣдователь за отвѣтомъ къ нашей беллетристикѣ, журналистикѣ, газетамъ, и за исключеніемъ немногихъ одинокихъ голосовъ, подобныхъ гласу вопіющаго въ пустынѣ,—что же найдетъ онъ въ той бездне «либеральнаго» словоизверженія, которымъ питалось и питается большинство русскаго общества? Ничего, что одушевило бы читателя любовью къ своей землѣ, къ своему народу, что воспитывало бы въ немъ уваженіе къ народной духовной

личности, къ историческимъ преданіямъ, къ предназначенію родной страны, ничего укрѣпляющаго, подъемлющаго душу, ничего, кромѣ разъѣдающаго отрицанія и междустрочной проповѣди, направленной къ сокрушенію въ сердцѣ всякой надземной святыни!.. Вотъ препрославленный Ювеналъ, который, казалось, долженъ бы устремить стрѣлы своего негодованія именно на трагическую пошлость злодѣйскихъ теорій, нанесшую столько позора и горя его отечеству (и какая благодарная тема!), но который вмѣсто того, упражняясь въ грошовомъ, плоскомъ глумленіи надъ вздорными, повидимому, пустяками, подтачиваетъ въ робкихъ, боящихся насмѣшки душахъ самое зарожденіе того именно честнаго гражданскаго негодованія, которое было бы теперь на потребу,—всякую способность духовной реакціи въ смыслѣ прибытка положительной, нравственной силы. Его могли бы безъ малѣйшаго смущенія совѣсти, чуть не съ восторгомъ читать (хотя, по всей вѣроятности, ни его, да и ничего не читаютъ) даже наши террористы, не моргнувъ ни однимъ глазомъ, не извлекши для себя ни одного отрезвляющаго, цѣлительнаго слова!.. Вотъ фельетонисты, изрыгающіе, напротивъ, пѣну злобы и негодованія опять-таки не на тѣхъ, которые задерживаютъ въ Россіи правильный, органическій ходъ ея развитія, а на разные отживающіе порядки, уже давно осужденные въ сознаніи не только общества, но и правительства и ожидающіе лишь себѣ мирной, пристойной могилы, да плодотворной, разумной замѣны,—фельетонисты, которые словно бы поставляютъ себѣ цѣлью только одно: поддерживать въ обществѣ тотъ духъ раздраженія и отрицанія, который ничего не творитъ, ничего не создаетъ, который способенъ лишь злобить или же разрушать и мертвить. И почти таково (за немногими исключеніями) все писаніе нашего мнимо-либеральнаго лагеря отъ старцевъ до юношей: оно, повторяемъ, воздѣлываетъ лишь одну почву—почву отрицанія, на которой не взойти никакому здоровому колосу, не возрости молодому поколѣнію въ духѣ гражданской доблести, уваженія и любви къ своему народу. А между тѣмъ взрывъ общественнаго негодованія, и именно той части общества, которая называетъ себя «интеллигенціей» по преимуществу, «партіей либеральнаго прогресса», «передовою» и т. д., и въ этомъ смыслѣ имѣетъ нѣкоторое обаяніе для несчастной,

недозрѣлой умомъ молодежи,—какъ бы онъ могъ, безъ сомнѣнія, подѣйствовать на молодежь отрезвительно! Но *эта* интеллигенція, эта партія своимъ авторитетомъ не воспользовалась, а, напротивъ, вознегодовала... на что же? на слишкомъ будто бы искреннее, по поводу совершившихся злодѣяній, выраженіе негодованія со стороны нѣкоторыхъ, немногихъ газетъ, выказавъ по этой части необычайнѣйшую чувствительность... Никогда до такой низкой степени не падало ни одно общество!

Одинъ изъ фельетонныхъ Ноздревыхъ одного изъ московскихъ подголосковъ «Голоса», въ статьѣ по поводу 57 № «Руси» прошлаго года, отважился даже сдѣлать очень прозрачное кощунственное уподобленіе нашихъ соціалистовъ-революціонеровъ—самому Христу и признать за ними право сказать—конечно по адресу правительства—словами Христа къ архіерею: «аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ, аще ли добрѣ, что Мя біеши!!...» (Sic. Въ смыслѣ уподобленія ошибиться нельзя. Если кто станетъ это отрицать, мы назовемъ газету и №). Точно будто Христосъ творилъ политическіе заговоры, замышлялъ убійства, училъ убивать револьверами изъ-за угла и проводить динамитные подкопы!! Но если наше правительство упрямится, не слѣдуетъ наставленію Христа, отчего бы самому автору не заняться «свидѣтельствомъ о злѣ», т. е. обличеніемъ преступнаго ученія, и тѣмъ самымъ не отклонить отъ заблуждающихся «біющей» руки государственной власти? Нѣтъ, онъ отъ такого обличенія воздержался, а, напротивъ, своимъ святотатственнымъ уподобленіемъ оправдавъ, успокоивъ юную совѣсть, можетъ быть смутилъ, утвердилъ во злѣ не одинъ юный, незрѣлый умъ, можетъ быть сгубилъ не одну юную жизнь!

Ничего не можетъ быть фальшивѣе, безнравственнѣе, вреднѣе и гибельнѣе, какъ господствующее въ нашей литературѣ стремленіе: извинить, смягчить, ослабить, стушевать,—не говоримъ уже о попыткахъ оправдать, возвеличить, возвесть на степень героизма и мученичества,—злодѣйскіе подвиги нашихъ революціонеровъ. Если это происходитъ не отъ лицемѣрія, не отъ подлости душевной, не отъ страха предъ «либералами», не вслѣдствіе заискиванія благосклонности въ большинствѣ публики, а отъ жалости и вообще отъ болѣе доброкачествен-

ныхъ побужденій, то подобное явленіе свидѣтельствуетъ лишь объ избыткѣ *слабо*сердечія (что̀ вовсе не добродѣтель) или о явномъ недомысліи,—о скудости умственной и душевной. Истинная любовь наказуетъ, обличаетъ, усиливается спасти, вразумить, наставить на правый путь, а не потворствуетъ лжи и заблужденію, подталкивая тѣхъ, кого любитъ, на путь, несомнѣнно ведущій къ погибели. У насъ очень часто въ послѣднее время стали напирать на «христіанскую любовь». Повидимому, добрый признакъ, ибо «пребываяй въ любви въ Богѣ пребываетъ», и наоборотъ. Но ни одного слова, ни одного понятія не употребляли такъ во зло, какъ именно «христіанскую любовь», низводя послѣднюю на степень слащавой сантиментальности или безразличнаго, чуть не нѣжнаго отношенія къ пороку и даже къ злодѣю: не къ *человѣку въ злодѣѣ*, способному очиститься отъ грѣха и воспрянуть въ красотѣ безсмертнаго духа, а чуть ли не къ самому его грѣху и даже грѣховному образу! Любовь къ ближнему не исключаетъ отвращенія ко злу и пороку, и если судъ надъ душой человѣческой принадлежитъ не человѣку, а Богу, то судъ надъ внѣшнимъ дѣяніемъ человѣческимъ человѣку не возбраненъ, а вмѣненъ въ обязанность, какъ вмѣнено ему въ обязанность и дано ему мѣрило знать и цѣнить, что̀ зло, что̀ добро предъ Божіей правдой. Ибо Богъ милосердъ и благъ, но и правосуденъ... Въ томъ-то и горе, что мѣрило распознаванія добра и зла почти утратилось въ Русскомъ обществѣ, да и не можетъ не утратиться при отрицаніи самой правды Божіей, вслѣдствіе чего и происходитъ, что о гуманности наиболѣе толкуютъ тѣ, которые преклоняются ницъ предъ террористической оргіей первой Французской революціи или же сами упражняются въ человѣколюбіи посредствомъ револьвера и динамита,—равно какъ о христіанской любви вкривь же и вкось, но наставительно толкуютъ тѣ самые публицисты, которые ни въ Христа, ни въ Бога не вѣруютъ, а творятъ себѣ кумиромъ собственный свой человѣческій ограниченный умишко!

Благодареніе Богу—весь этотъ болѣзненный нравственный процессъ совершается не въ народѣ нашемъ, но надъ народомъ, въ паразитахъ на народномъ тѣлѣ, имѣющихъ свою самостоятельную, отдѣльную отъ народнаго организма жизнь. Не то мы хотимъ сказать, что народный организмъ самъ по

себѣ вполнѣ здоровъ, вполнѣ свободенъ отъ всякихъ недуговъ, но мы думаемъ, что въ его организмѣ кроются самобытные, внутренніе задатки оздоровленія, — если только ему удастся сохранить себя отъ заразы паразитныхъ болѣзней во образѣ *мнимой* высшей культуры: ибо истинная высшая культура можетъ быть лишь желанна, да только не о ней хлопочутъ наши подобострастные поклонники «послѣднихъ словъ науки» и «западно-европейскаго прогресса»! Основнымъ залогомъ оздоровленія въ нашемъ народномъ организмѣ служитъ народная вѣра въ Бога и въ Божью правду, вѣра живая, дѣйственная—не смотря на внѣшнія темныя стороны, неразлучныя съ человѣческой немощью, съ тьмою невѣжества и нерадѣніемъ пастырей о просвѣщеніи паствы. Нашъ народъ—христіанинъ, и крестьяне—во истину христіане или, по ихъ произношенію, «хрестьяне» (какъ глумилась надъ этимъ тождествомъ газета «Голосъ»!). Онъ и не откажется отъ имени христіанскаго народа, хотя-бъ его Петербургскіе публицисты и прозывали за то «святою скотиной»; онъ не послѣдуетъ примѣру Франціи, которая стремится вычеркнуть себя изъ числа христіанскихъ націй, — конечно, только Франція оффиціальная, т. е. въ лицѣ мнимыхъ представителей Французскаго народа въ Парижскомъ парламентѣ, воспрещающая въ своемъ новомъ законѣ о воспитаніи народномъ даже упоминаніе имени Божія въ народныхъ обязательныхъ школахъ. Онъ жаждетъ истиннаго христіанскаго просвѣщенія и не позволитъ выбросить изъ своей духовной пищи тотъ «хлѣбъ животный», котораго бы желали лишить его наши восторженные поклонники новѣйшей Французской учебной реформы, указывающіе на нее («Голосъ», № 72), какъ на предметъ истинной «гордости для Франціи предъ всею Европою»!... Но пока и нѣтъ у нашего народа соотвѣтственныхъ его духовной потребности школъ, благодатно воспитывается онъ обрядами и таинствами, на всемъ необъятномъ пространствѣ отечества нашего, въ объемѣ семидесятимилліонной семьи, въ братскомъ о Христѣ единствѣ, въ святомъ союзѣ церковномъ.

Да не смущается же сердце наше. Велика вѣра нашего народа во Христа и въ Бога, и какія бы испытанія ни предстояли Россіи, позволительно уповать, что онъ претерпитъ до конца и спасется,—спасетъ и насъ, и Россію. Облегчимъ же

его подвигъ долготерпѣнія, а можетъ быть и самую мѣру ниспосылаемыхъ Россіи испытаній; будемъ же всѣ мы и сами съ народомъ въ единствѣ духа, въ единствѣ надежды и вѣры,— и водворится тогда, Богъ дастъ, въ нашей державѣ миръ, *любовь и совѣтъ.*

Нѣмецкія газеты и «Голосъ».

Москва, 5-го іюня.

Берлинская газета «National-Zeitung», органъ германскихъ такъ-называемыхъ «націоналъ-либераловъ» разразилась недавно самою ругательною, самою оскорбительною статьею для чести и достоинства Русскаго народа и государства. Россіи этому не дивиться стать. Брань, насмѣшки, клеветы, клокотаніе тайной злобы подъ видами высокомѣрнаго къ намъ презрѣнія—это явленіе въ иностранной журналистикѣ заурядное, хотя нельзя не признать, что въ послѣднее время, и именно въ Германіи, такое отношеніе печати къ Россіи приняло характеръ какой-то установленной системы, какого-то условленнаго согласія, словно бы по командѣ. Команда не команда, а нѣчто въ родѣ внушенія или вдохновенія свыше несомнѣнно чувствуется въ этомъ единодушіи усиленныхъ на Россію нападокъ, въ этой одновременности повсемѣстнаго въ Германіи преизбытка враждебныхъ къ намъ чувствъ. Какъ всегда водится въ отношеніяхъ Европы къ Россіи,—чувствуя или *пред*чувствуя свою вину предъ послѣдней, т. е. замышляя что-либо для Россіи невыгодное или прямо вредное, притомъ съ нарушеніемъ общепринятыхъ основъ справедливости,—Европа взводитъ на Россію же обвиненіе въ небывалыхъ злыхъ замыслахъ. Россія—это козелъ отпущенія европейскихъ грѣховъ, — это своего рода decorum, которымъ Европа прикрываетъ собственную алчбу новыхъ захватовъ (конечно, не иныхъ какихъ земель, а именно славянскихъ), собственную лютость въ насилованіи свободы или правъ чужихъ племенъ—конечно, опять-таки славянскихъ! Такъ и свою собственную ненависть къ Русскому народу Нѣмцы маскируютъ теперь выдуманнымъ ими (умышленно-выдуманнымъ) russische Deutschenhetze, т. е. ни-

когда небывалымъ «русскимъ нѣмцененавидѣніемъ». Это новое словечко—russische Deutschenhetze—пущено недавно въ Германіи въ самый живой оборотъ, и воспламеняетъ теперь Нѣмецкія сердца пущимъ бранным духомъ и жаждою мести. Откуда же этотъ внезапный воинственный азартъ? Перспектива схватиться съ «Русскимъ медвѣдемъ» никогда до сихъ поръ не представлялась заманчивою для Германцевъ и еще менѣе для Пруссаковъ, которые, содержа въ благоговѣйной памяти дѣянія своего «великаго Фрица», безъ сомнѣнія твердо знаютъ, во что было обошлась имъ единственная война, которую, лѣтъ слишкомъ за сто назадъ, вела съ ними Россія (и какая же Россія—*тогдашняя!*), и не менѣе же твердо вѣдаютъ, какія, напротивъ, неизмѣримыя выгоды доставила Пруссіи дружба Русской державы. Не Россія ли могущественно способствовала созданію Германскаго единства съ Пруссіей во главѣ, иначе сказать Германской Имперіи? Правда, есть мнѣніе, будто нѣтъ ничего тягостнѣе и раздражительнѣе для самолюбія, какъ сознавать себя кому-либо нравственно обязаннымъ за содѣянное добро; но такое мелкое чувство недостойно великаго народа, — это можетъ быть къ лицу только развѣ Австріи, въ которой никакого великаго народа и единаго національнаго духа не имѣется, и которая, дѣйствительно, и щеголяла, и хвасталась неблагодарностью къ своей спасительницѣ-Россіи. Стало быть не здѣсь, не въ оказанныхъ нами Германіи услугахъ должны мы искать объясненія настоящаго нахальнаго задора Германской печати,—тѣмъ болѣе, что Россія никогда даже и не предъявляла правъ на Нѣмецкую признательность, никогда даже и не ставила своихъ услугъ Германіи въ счетъ или «въ дебетъ». Русскій «медвѣдь» съ своей стороны желаетъ лишь одного: чтобъ сосѣди не забирались къ нему въ берлогу...

Наша такъ-называемая «либеральная пресса»—въ своихъ отношеніяхъ къ Западной Европѣ сильно смахивающая на того «мѣщанина во дворянствѣ», который, изо всѣхъ силъ поддѣлываясь подъ «дворянскій» тонъ, стыдится своего низкаго происхожденія и родства,—всю причину распалившейся Нѣмецкой на насъ злости видитъ, разумѣется, въ извѣстныхъ «рѣчахъ» Русскаго «знаменитаго генерала». Она, въ запуски съ Нѣмецкой печатью, не перестаетъ до сихъ поръ пятнать

это славное Русское имя, а вмѣстѣ и всякое открытое проявленіе Русскихъ патріотическихъ убѣжденій. Но развѣ «знаменитый генералъ» въ своихъ, не рѣчахъ, а бесѣдахъ, заявлялъ себя когда-либо врагомъ *Германскаго* единства, или же порочилъ Германскую *націю* и къ ней именно выражалъ ненависть? Никогда и нисколько. Онъ объявилъ себя врагомъ Германскаго напора *на Востокъ* (Drang nach Osten), онъ произносилъ угрозы не Нѣмцу у него дома, а Нѣмцу, ломящемуся въ чужой домъ—Славянскій (чужой для него и родной для насъ); онъ порочилъ не Германскую націю, а Германскую политику, посягающую на свободу и независимость православныхъ Славянскихъ племенъ, и именно къ этому вопіющему нарушенію международнаго права и Божеской правды отнесся такъ, какъ естественно и подобаетъ отнестись каждому Русскому Славянину. Кто же неволитъ Германію, — величіе и миръ которой были упрочены самою Россіей,—лѣзть за предѣлы своей имперіи, въ область прямыхъ, кровныхъ Русскихъ интересовъ, лѣзть такъ-сказать въ берлогу къ самому медвѣдю, да еще съ притязаніями на радушное гостепріимство! Руководителямъ Германской политики хотѣлось бы, чтобы захватъ Нѣмцами Славянскихъ земель и порабощеніе въ той или другой формѣ Славянскихъ племенъ совершались не только втихомолку, въ мирѣ, не только при соблюденіи спокойствія и даже благодушнаго настроенія, какъ порабощаемыми, такъ и самою Россіей,—но чтобъ такое дѣйствіе захвата и порабощенія признавалось еще какъ нѣчто Богомъ повелѣнное, вмѣнялось Славянскими племенами въ величайшую себѣ честь и благо. Само собою разумѣется, что такія притязанія не могли не встрѣтить отпора, если не въ Русской дипломатіи, такъ въ значительной части Русскаго общества,—той, которая сознаетъ себя Русскою и сердцу которой дороги честь и интересы Русскаго народа и государства.

Что таковы именно замыслы Германской политики, это не можетъ подлежать теперь никакому сомнѣнію; да ихъ теперь громко, беззастѣнчиво исповѣдуютъ во всеуслышаніе отчасти и сами Германскія, но еще болѣе Австрійскія, Нѣмецкія и Мадьярскія газеты. Конечно, натискъ на Балканскій полуостровъ творится не непосредственно Германіей, а черезъ Австрію, но развѣ это не все равно? Развѣ не во имя Герман-

ской культуры, развѣ не съ благословенія только Германской державы и опираясь лишь на ея могучую поддержку могла отважиться Австрія на такое колоссальное хищничество? Вина и отвѣтственность за дѣянія Австріи лежитъ исключительно на Германіи.

И тѣмъ не менѣе, кажется намъ, Австрійскіе интересы не настолько дороги сердцу Берлинскаго или Саксонскаго Нѣмца, чтобъ онъ, ради ихъ, воспламенился жаждою боя съ Россійской Имперіей. Мы продолжаемъ думать, что это воинственное, полное ярой къ намъ ненависти возбужденіе Германской печати произведено болѣе или менѣе искусственно. Въ вопросахъ внѣшней политики Нѣмецкая печать проявляетъ замѣчательную дисциплину и никогда не компрометируетъ видовъ своего правительства. Хотя, мы въ томъ убѣждены, князь Бисмаркъ менѣе чѣмъ кто-либо въ Германіи расположенъ вовлекать ее въ войну съ Россіей и ставить на карту, въ этой отчаянной игрѣ, единство и бытіе созданной имъ имперіи, однако же, такое, имъ же самимъ можетъ быть вызванное или подогрѣтое настроеніе Германскаго общества, свидѣтельствуемое печатью, представляется, конечно, удобнымъ подспорьемъ для его политическихъ соображеній, одновременно съ сохраненіемъ самыхъ, повидимому, дружественныхъ отношеній между обоими Кабинетами!.. «Успокойте Германію, уважьте ея общественное мнѣніе, утишите ея тревоги, порожденныя вашими «панславистами» (т. е. людьми съ Русскимъ образомъ мыслей и національнымъ направленіемъ въ политикѣ),—иначе намъ трудно будетъ сдержать Германскій патріотизмъ! помогите намъ соблюсти миръ, а для этого пожалуйте намъ какой-либо новый знакъ дружбы и вниманія къ Германскимъ интересамъ». Вотъ какого рода ласковый шепотъ—сдается намъ—несется на берега Невы съ береговъ Шпреи, при аккомпанементѣ неистовыхъ ругательствъ, заносчивыхъ угрозъ и оскорбительныхъ глумленій надъ Россіей и Русскимъ народнымъ духомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, откуда могла появиться эта нелѣпая басня о нѣмце-ненавидѣніи, Deutschenhetze, обуявшемъ будто бы нашу Россію? Русскій народъ едва ли не болѣе всѣхъ народовъ въ мірѣ чуждъ человѣконенавидѣнія вообще и въ частности ненависти къ иноземцамъ,—пока, разумѣется, эти иноземцы сами, *лично*, не посягаютъ на его свободу. Развѣ во

время Крымской нашей войны съ Французами, пребывавшіе въ Россіи до начала военныхъ дѣйствій Французы, не покинувшіе ея и затѣмъ во все время войны,—развѣ подверглись они, въ эту годину тяжкихъ для Русскаго народа испытаній, хоть бы одинъ изъ нихъ—хоть бы малѣйшему оскорбленію?!. Не сотни ли тысячъ настоящихъ, коренныхъ Нѣмцевъ (не однихъ прибалтійскихъ) благоденствуютъ у насъ теперь, не только въ Петербургѣ, но въ самой Москвѣ и на пространствѣ всего государства,—благоденствуютъ, благодушествуютъ, торгуютъ, наживаются, богатѣютъ себѣ по добру-по здорову? Пусть господа Кнопы, Вогау, Беры, Берги, Листы и весь этотъ почтенный легіонъ негоціантовъ потрудится свидѣтельствовать предъ своими «ко-націоналами»: испытывалъ ли кто изъ нихъ когда-либо на себѣ проявленіе той Deutschenhetze, которою, по словамъ Германскихъ газетъ, такъ и трепещетъ Россія? Да наконецъ, въ какой иной Европейской странѣ такъ распространено знакомство съ Германской литературой, такъ чтутся безсмертныя заслуги Германскаго генія въ области отвлеченной мысли и положительнаго знанія? Конечно, не во Франціи, не въ Италіи, и даже не въ Англіи!..

Если мы такъ сильно возмущаемся подобнымъ обвиненіемъ, то лишь потому, что оно предполагаетъ ту узкость и односторонность національнаго духа, которыхъ именно въ Русскомъ духѣ и нѣтъ. *Особенность* Русскаго народнаго духа заключается именно въ его многосторонности, шири и общечеловѣчности. Онъ не питаетъ племенной вражды ни къ Нѣмцу собственно, ни къ *Нѣмцу вообще* (такъ какъ извѣстно, что въ нашемъ простонародьѣ этимъ названіемъ, какъ родовымъ, обозначаются нерѣдко, и особенно обозначались встарину, всѣ виды западныхъ Европейцевъ). Не питаетъ онъ племенной и религіозной вражды ни къ Турку, ни къ Татарину, да и ни къ какому чужеземцу и иновѣрцу, *пока* всѣ они обращены къ Русскому народу своею *общечеловѣческою* стороною. Но какъ скоро они начинаютъ употреблять во зло его терпимость и даже уступчивость; какъ скоро они, именно во имя своей племенной исключительности, являются *насильниками* его собственной національной самобытности, само собою разумѣется, и въ немъ просыпается инстинктъ самосохраненія, и онъ въ потребномъ случаѣ съумѣетъ дать насильникамъ надлежащій

отпоръ. Изъ того, что въ Русскомъ народѣ никогда и тѣни не бывало глупаго, наклепаннаго на него въ Германіи нѣмцененавидѣнія, вовсе не слѣдуетъ, чтобы его долготерпѣнію, въ виду этого невыносимаго Нѣмецкаго высокомѣрія и всяческихъ оскорбленій Русскаго достоинства и чести, не было мѣры. Вовсе не слѣдуетъ также, чтобъ онъ, во свидѣтельство своего невраждебнаго отношенія къ Нѣмецкой народности, пожертвовалъ ей своими государственными интересами. Еще менѣе, изъ чего бы то ни было, слѣдуетъ, что Русскіе люди, способствовавшіе Германскому политическому усиленію и объединенію, стали врагами нравственнаго объединенія и свободнаго взаимнаго другъ къ другу тяготѣнія Славянскихъ племенъ, или рукоплескали явному заговору Германскаго канцлера, Римскаго папы и Габсбургскаго дома, Нѣмцевъ-протестантовъ и Нѣмцевъ-іезуитовъ: обезличить духовно и поработить матеріально православныхъ Славянъ Балканскаго полуострова. Мириться съ этимъ торжествомъ Нѣмецкой корысти и «культурнаго» разбоя Русскіе люди, конечно, не могутъ; это значило бы принять на душу грѣхъ братоубійства, и если Русское государство вынуждено бездѣйствовать, то никакая власть и никакія соображенія въ мірѣ не могутъ упразднить горечи и негодованія въ Русскомъ сердцѣ. Если Нѣмцы почитаютъ такое накопленіе горечи и негодованія въ Русскихъ сердцахъ для себя невыгоднымъ, пусть сѣтуютъ сами на себя: зачѣмъ сами презрѣли задатки мира и дружбы, всѣ условія для взаимнаго прочнаго союза обѣихъ державъ? зачѣмъ, сдвигая свое политическое зданіе съ основанія правды, подводятъ подъ него ненадежную опору кривды и лжи?..

Мы воспользовались статьей берлинской «Національной Газеты» какъ поводомъ для отвѣта на весь шумъ и гвалтъ современной Нѣмецкой печати о Россіи и о Русскомъ отношеніи къ Германской народности. Что же касается самой статьи газеты National-Zeitung, то сама по себѣ она не заслуживала бы никакого вниманія, еслибъ не возгласилъ о ней, съ замѣчательною патріотическою безтактностью, Петербургскій «Голосъ». Статья эта озаглавлена «Русскій геній» и имѣетъ цѣлію доказать, что никакого Русскаго національнаго генія не бывало и нѣтъ, никакой самобытности, особенности, оригинальности, никогда онъ не проявлялъ въ теченіи всей

своей тысячелѣтней исторіи, да и не проявитъ, потому что къ таковой и не способенъ,—онъ безличенъ, онъ безсодержателенъ, онъ ничтоженъ, равняется нулю, а потому долженъ отказаться отъ всякихъ притязаній на личность и самостоятельность, и безъ лишнихъ околичностей присоединиться къ общему Европейскому концерту — запѣть въ унисонъ съ остальною Европою, потому-де, что «попытка на китайскій ладъ выработать изъ себя свою собственную музыку никогда не удается». (Неудачно и сравненіе газеты, такъ какъ именно въ Русской музыкѣ открываютъ даже сами Германскіе ученые музыканты новые, невѣдомые Западной Европѣ законы или формы гармоніи!) Однимъ словомъ, по увѣренію статьи Берлинской газеты, Россія не больше какъ пустой сосудъ, въ который Европа имѣетъ положить свое содержаніе; голая доска, на которой она пропишетъ свои законы; матеріалъ, изъ котораго она вылѣпитъ фигуры по своему образцу, подобію, вкусу и потребности!.. Статья—свидѣтельствующая о грубомъ невѣжествѣ и ограниченности автора, котораго умственный горизонтъ замыкается весь одною Западною Европою, но статья все же, какъ выражается самъ «Голосъ», *«оскорбительная для нашего національнаго чувства»*. Тѣмъ не менѣе самому «Голосу» она очевидно не кажется оскорбительною, такъ какъ самъ же онъ объявляетъ, что «отвѣчать на нее слѣдуетъ не ему, «Голосу», а славянофильскимъ органамъ, и прежде всего «Руси». Почему же самъ «Голосъ» не признаетъ себя обязаннымъ дать отпоръ оскорбленію? почему же защищать честь Россіи, по его мнѣнію, слѣдуетъ не *ему?* Или онъ вовсе не испытываетъ никакого чувства оскорбленія (что̀ и вѣроятно, иначе не предоставилъ бы честь отместки за оскорбленное Русское чувство своимъ противникамъ), или же, если и признаетъ, что статья для народнаго нашего самолюбія оскорбительна, то все-таки вполнѣ съ нею сочувствуетъ. Оно, разумѣется, такъ и есть. Хотя онъ конечно, приличія ради, и оговаривается, будто приводитъ воззрѣнія Берлинской «печати не потому, чтобы ихъ раздѣлялъ», однакожъ этому нельзя вѣрить, такъ какъ онъ тутъ же прибавляетъ, что мнѣнія-де о насъ другихъ полезно знать, ибо они «служатъ зеркаломъ, въ которомъ можетъ-де народъ видѣть хоть сколько-нибудь свое отраженіе». Онъ не оговаривается тутъ, что зеркало можетъ быть и кривое, на-

противъ, нѣсколько ниже замѣчаетъ, что «она написана не безъ знанія дѣла и не безъ понимания нашего положенія».

Да и какъ же не сочувствовать «Голосу» этой статьѣ, когда онъ о народномъ Русскомъ геніи сотни разъ разсуждалъ въ этомъ же смыслѣ и духѣ, вмѣстѣ съ мыслителями «Вѣстника Европы» и всей остальной печати одного съ ними лагеря? Если нѣсколько смягчить нѣкоторыя выраженія статьи Берлинской газеты, она могла бы цѣликомъ появиться на страницахъ «Голоса» или любаго изъ органовъ такъ-называемой у насъ «либеральной» прессы какъ бы за оригинальную, и никого бы даже не удивила. Поэтому, какъ ни лестно для насъ патріотическое порученіе «Голоса»: мстить оскорбленія наносимыя Берлинскою газетой Русской народной чести и (какъ пронически прибавляетъ «Голосъ»), «*непремѣнно* фактами и строгими выводами доказать Западу ошибочность его мнѣнія о культурной силѣ и историческомъ значеніи Русскаго генія», причемъ и «посрамить враговъ силою нашего горячаго слова»,—но мы не послѣдуемъ его совѣту. Ни горячихъ, ни холодныхъ словъ не потратимъ мы на такую полемику, признавая неприличнымъ и несогласнымъ съ Русскимъ достоинствомъ усердно, усиленно доказывать (да еще органу партіи Прусскихъ «націоналъ-либераловъ», которая вовсе еще не весь «Западъ»), что Русскій стомилліонный народъ съ его тысячелѣтней исторіей—не пустой-де сосудъ и не tabula rasa, не совсѣмъ-таки нуль въ человѣчествѣ! Мы вообще не придаемъ особенной цѣны мнѣнію о Россіи иностранцевъ, отъ которыхъ даже мудрено и ожидать вѣрныхъ сужденій, когда огромный разрядъ Русской интеллигенціи, именующій себя либеральнымъ, оказывается по части своего отечества и своего народа еще менѣе свѣдущимъ и смысленнымъ, чѣмъ они. Несравненно болѣе важности придаемъ мы именно *этому* печальному обстоятельству.

«Голосъ» приводитъ въ подлинникѣ слѣдующее мѣсто изъ Нѣмецкой статьи, въ которой видитъ «главную мысль», выраженную «въ болѣе приличномъ тонѣ»:

«Когда Русскіе начинаютъ говорить о Святой Руси и гниломъ Западѣ, можно подумать, что всѣ Гасконцы назначили себѣ свиданіе въ Петербургѣ и стараются одинъ передъ дру-

гимъ, разсказами о своихъ геройскихъ подвигахъ, придать себѣ храбрости противъ невидимаго непріятеля...»

Можно подумать, право, что читаешь переводъ какой-либо статьи изъ самого «Голоса»! Далѣе:

«Вотъ уже одиннадцать мѣсяцевъ ждетъ Европа, что сдѣлаетъ Россія, но... совершенно напрасно стегаетъ себя левъ своимъ хвостомъ: онъ не можетъ сдѣлать ни одного прыжка»...

«Берлинская газета хочетъ этимъ сказать,— поясняетъ «Голосъ»,—что заявивъ на весь міръ о своемъ желаніи идти независимымъ чисто Русскимъ путемъ къ исполненію своего національнаго призванія, мы не двинулись впередъ ни на одинъ шагъ и не въ состояніи двинуться»... Что Европа ждетъ вотъ уже одиннадцать мѣсяцевъ—до этого намъ нѣтъ никакого дѣла, и мы ради ея не поторопимъ наше шествіе ни на вершокъ времени, если не признаемъ этого для себя нужнымъ. А «Голосу» вотъ наша отповѣдь:

Мы можемъ быть недовольны положеніемъ дѣлъ у насъ дома, находить, что они идутъ медленно или же криво,—но, во-первыхъ, въ эти домашніе наши счеты иностранцевъ впутывать не зачѣмъ. Это по меньшей мѣрѣ не патріотично. Затѣмъ, какъ бы ни туго подвигалось наше благоустройство, какъ бы ни безотраденъ подчасъ казался намъ нашъ отечественный горизонтъ, поправимъ ли мы положеніе дѣлъ и дождемся ли свѣтлыхъ историческихъ дней, если сами будемъ упорно сгущать мракъ нашего общественнаго сознанія? Если упорно, неистово будемъ, вторя иностранцамъ, плевать на самихъ себя, на свой народъ, свою народность, топтать въ грязь свою исторію, свои преданія, шпынять, издѣваться, глумиться по поводу малѣйшаго заявленія, что и Русскій человѣкъ, въ семьѣ человѣческой, не лишенъ своей *личности* и своего призванія? Отрицать въ себѣ всякую способность самостоятельнаго національнаго развитія, предаваться даже какой-то свистопляскѣ отрицанія всего, въ чемъ одномъ заключается для насъ условіе почетнаго въ человѣчествѣ бытія, въ чемъ самый нервъ нашей жизни—какъ историческаго народа, въ чемъ единственный залогъ нашего оздоровленія и выходъ изъ современнаго невзрачнаго положенія дѣлъ,—вѣдь это значитъ добиваться, чтобы самая соль обуяла, а тогда чѣмъ же будетъ и осолиться?! Изъ того, что Русскій мужикъ осипъ или заболѣлъ

горломъ, слѣдуетъ ли непремѣнно требовать, чтобъ онъ, вмѣсто «Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ», ухищрился пѣть, хотя бы фальшивя, Французскую шансонетку, ибо это-де «общечеловѣческое», и отрекся отъ надежды, что когда-нибудь да оправится же онъ и полнымъ своимъ Русскимъ голосомъ запоетъ свою, Русскую пѣсню?!. Для того, чтобъ пойти «чисто Русскимъ путемъ къ исполненію своего національнаго призванія», необходимъ прежде всего успѣхъ Русскаго народнаго самосознанія въ самомъ Русскомъ обществѣ, именно въ той его многочисленной средѣ, которая настолько духовно разрознена съ родною народностью, такъ мало вѣдаетъ и разумѣетъ свой народъ, судитъ и рядитъ о Россіи такъ легкомысленно, на основаніи иностранныхъ воззрѣній, доктринъ и теорій, что этою своею рознью, невѣжествомъ, безнародностью, легкомысліемъ—созидаетъ главное условіе нашей общественной расшатанности и *безсилія*...

Австро-Польскій судъ надъ Галицко-Русскими патріотами.

Москва, 12-го іюня.

Событія у насъ дома (потому что увольненіе графа Игнатьева и замѣна его графомъ Толстымъ безъ сомнѣнія—событія для внутренней жизни Россіи) нѣсколько отвлекли вниманіе Русскаго общества отъ шутовскаго, но вмѣстѣ и ужаснаго зрѣлища Польско-Австрійскаго правосудія, совершающагося въ настоящую минуту почти у самаго нашего рубежа. Дѣйствіе происходитъ въ пограничной съ Россіей области Австро-Венгерской монархіи, въ Галиціи или древнемъ Русскомъ Галичѣ, когда-то входившемъ въ черту владѣній нашего Владиміра Святаго, затѣмъ самостоятельномъ княжествѣ и даже королевствѣ съ знаменитыми Даніиломъ и Романомъ,—затѣмъ вошедшемъ въ составъ «крулевства Польскаго» и, наконецъ, при первомъ раздѣлѣ Польши въ 1772 г., доставшемся Австріи. Этотъ Галичъ или, какъ теперь принято говорить, Галиція населена (кромѣ сѣверо-восточной ея части, Польской) кореннымъ Русскимъ народомъ, ничѣмъ не отличающимся отъ Русскихъ Кіевской или Подольской губерніи, пріявшимъ св. крещеніе такъ-

сказать въ одной купели со всею Русью, не давшимъ совратить себя *окончательно* въ латинство даже и до сей поры, несмотря на всѣ ухищренія, гоненія, соблазны, на всѣ козни и казни, воздвигнутыя Польско-іезуитскимъ фанатизмомъ и злобою. *Окончательно* погибли для своей народности и для Славянства, т. е. окатоличились и ополячились—*дворянскіе* Русскіе роды (точно такъ же какъ и на нашей юго- и сѣверозападной Украйнѣ,—точно такъ же какъ олатинились, омадьярились они и въ Угорской или Венгерской Руси!). Простой же народъ какъ въ Галиціи, такъ и въ Угорской Руси, сохранился вполнѣ Русскимъ, сохранилъ и свой грековосточный обрядъ, и Славянскій языкъ въ богослуженіи,—но только въ формѣ насильственно навязанной ему *уніи*, т. е. чего-то средняго между латинствомъ и православіемъ, съ признаніемъ главенства и власти Римскаго папы...

На самыхъ этихъ строкахъ насъ прервало слѣдующее соображеніе: мы вотъ считаемъ нужнымъ, по поводу уголовнаго процесса объ 11 Русскихъ Галичанахъ, сообщить хоть эти поверхностныя свѣдѣнія о Галиціи нашимъ читателямъ, такъ какъ огромное большинство Русскаго, не только просто грамотнаго, но и «образованнаго» общества, къ стыду нашему, даже и этихъ скудныхъ свѣдѣній о своихъ ближайшихъ единоплеменникахъ не имѣетъ,—а между тѣмъ Австрійцамъ всюду въ Россіи мерещатся «панслависты»! Пусть встревоженныя сердца Австро-Мадьярскихъ и Австро-Польскихъ политиковъ и прокуроровъ ублажатъ себя чтеніемъ нашихъ мнимо-*либеральныхъ* газетъ и журналовъ, которые не перестаютъ издѣваться надъ идеей «Славянской взаимности» и грубо отталкивать малѣйшее проявленіе племенной, естественной симпатіи къ нашему отечеству Русскаго въ Галиціи народа, рекомендуя ему обращаться съ своей симпатіей къ Полякамъ, или же мечтать объ ослабленіи и раздробленіи Россіи съ выдѣломъ изъ нея какого-то хохломанскаго царства! Да что̀ наша «либеральная пресса»! Развѣ хоть поверхностное знаніе исторіи, географіи и этнографіи Славянства введено въ курсъ того общаго образованія, которое получаетъ Русское юношество въ среднихъ и высшихъ Русскихъ учебныхъ заведеніяхъ? Наши учебники, образцы, руководства, источники и мѣрила знаній заимствованы всѣ изъ Германіи: какъ Нѣмецкій профессоръ всеобщей исторіи почти

никогда ничего основательно не знаетъ объ историческихъ судьбахъ не только Славянскихъ племенъ, но даже всей Восточной Европы, не исключая Византійской имперіи (это все предоставляется вѣдать лишь немногимъ *спеціалистамъ*), такъ и наши «ученые» мужи западной исторической науки не переступаютъ въ своихъ лекціяхъ о всеобщей или даже европейской исторіи тѣснаго кругозора своихъ учителей. Ошибка во французской или англійской хронологіи можетъ лишить у насъ аттестата зрѣлости или кандидатскаго диплома, и наоборотъ круглѣйшее невѣжество крупнѣйшихъ событій или чего бы то ни было существеннаго, относящагося до Славянскаго міра, не только въ счетъ не ставится, но какъ бы обязательно украшаетъ собою почти всякаго питомца нашихъ гимназій и университетовъ. Полагаемъ, что и тотъ спеціальный экзаменъ, которому подвергаются въ нашемъ министерстерствѣ иностранныхъ дѣлъ юноши, домогающіеся дипломатической карьеры, чуждъ наималѣйшаго прикосновенія къ міру Славянскому; впрочемъ, въ упомянутомъ министерствѣ даже и до сей поры департаментъ вѣдающій всѣ дѣла Балканскихъ Славянъ называется *Азіатскимъ* (чѣмъ такъ обижаются теперь Болгары и Сербы)!.. И однакожъ, несмотря на все это, у Австро-Мадьярскихъ политиковъ душа не на мѣстѣ! Иностранцамъ мудрено и понять, чтобъ мы такъ искренно-простовато, съ легкимъ сердцемъ, ничтоже сумняся, пренебрегали своими истинными національными интересами, отрицались Славянства, отвергали именно то, въ чемъ, по вѣрному соображенію самихъ иностранцевъ, заключается для насъ источникъ великой политической силы въ Европѣ и чѣмъ они, на нашемъ мѣстѣ, не преминули бы уже давно воспользоваться. Чтобъ мы, однимъ словомъ, такъ добродушно, изъ угожденія имъ, сами себя ослабляли и даже, по чувству отмѣнной деликатности, конфузясь собственной мощи и вообще слишкомъ крупной своей величины и вѣса, подбирались, ёжились, малились, старались походить на совсѣмъ субтильнаго политическаго субъекта! Подобно Гоголевскому городничему, который, по его словамъ, каждый разъ, ложась спать, взывалъ къ Господу лишь о томъ, какъ бы такъ все устроить, чтобъ «начальство было довольно»,— не воздыхали ли бывало и у насъ только о томъ: какъ бы вести нашу политику такъ, чтобы Европа осталась довольна?!

Всѣ эти наши старанія однакожъ ни чему не помогли и не помогаютъ. Намъ все-таки не вѣрятъ, насъ боятся, насъ ненавидятъ. Во снѣ и на яву Австро-Мадьярскимъ государственнымъ мужамъ грезятся «Московскіе рубли» (можетъ быть даже *кредитки*), «Московскіе эмиссары»... И нельзя не признать, какъ мы ужъ на это указывали, что ихъ недовѣріе не лишено основанія: потому что нѣтъ-нѣтъ, да и прорвется историческій природный инстинктъ, и увлекаемая словно роковою случайностью, вопреки «совѣтамъ благоразумія», наперекоръ своимъ дипломатамъ, политикамъ, верховодцамъ, бюрократамъ, генералитету и нижнимъ чинамъ такъ называемой «либеральной интеллигенціи», и, конечно, безъ всякихъ предварительныхъ рублей и эмиссаровъ, Россія то тамъ, то здѣсь (въ предѣлахъ Балканскаго полуострова) поддержитъ, поставитъ на ноги, освободитъ Славянское племя, сверкнетъ и прогремитъ предъ всѣмъ міромъ Славянской державой—даже явственнѣе чѣмъ предъ собственной своей правящей канцеляріей, даже какъ бы на зло сей послѣдней! Мы-то у себя дома знаемъ, что сверкнетъ—и померкнетъ, прогремитъ—и заглохнетъ; мало того, сама станетъ дивиться тому, что̀ натворила, чуть ли не сожалѣть, чуть ли не отпираться отъ своего великаго подвига, даже сваливать вину его на Петра или Ивана (какъ, по поводу войны 1877 г., недавно печаталось въ «Русскомъ Курьерѣ» или въ одномъ изъ органовъ печати съ нимъ единомысленной). Мы-то вѣдаемъ, что не только общеславянское, но и Русское народное самосознаніе растетъ у насъ страшно туго, еле-еле пробираясь сквозь разные «культурные» съ Запада наносы, слоями покрывающіе нашу общественную духовную почву. Но наши сосѣди, какъ мы уже сказали, хотя знаютъ наше внутреннее положеніе не хуже насъ, мало даютъ вѣры этимъ успокоительнымъ признакамъ, и одержимые постояннымъ страхомъ—какъ бы не повторилась недавняя «роковая случайность» и не распространилась, пожалуй, на Славянскія населенія къ западу отъ Россіи,—самый этотъ страхъ и положили въ основаніе своей внѣшней,—а Австрія—и внутренней политики. И вотъ, въ числѣ ихъ политическихъ, относительно Россіи, задачъ на первомъ мѣстѣ стоитъ задача: какъ можно болѣе затруднять ростъ ея національнаго самосознанія, особенно въ Русскихъ высшихъ правящихъ сферахъ, обзывая его

«панславизмомъ», т. е. стремленіемъ къ объединенію всѣхъ Славянъ,—иначе сказать—покушеніемъ на цѣлость Австрійской монархіи! Достаточно въ Россіи Русскому быть вполнѣ и сознательно Русскимъ и любить свою народность, для того чтобы стать подозрительнымъ въ глазахъ не только Австріи, но и Германіи; если же, сверхъ того, въ этомъ Русскомъ дѣйствуетъ и Славянское «самочувствіе», по модному теперь выраженію нашихъ медиковъ, хотя бы и чуждое всякихъ политическихъ затѣй и помысловъ, то таковой содержится у нашихъ сосѣдей въ подозрѣніи сугубомъ! Вотъ почему такъ иностранцевъ и занимаетъ не только нашъ дипломатическій, но даже и административный домашній персоналъ, и ничего въ мірѣ такъ они не боятся, какъ народнаго направленія въ Русской политикѣ, даже внутренней... Жить подъ гнетомъ такого постояннаго страха, конечно, не сладостно. Хотя относительно Австріи Россія безгрѣшна какъ младенецъ (не виновата же она, что однимъ своимъ на свѣтѣ бытіемъ уже отравляетъ покой Австро-Мадьярскаго правительства!),—тѣмъ не менѣе мы готовы были бы даже пожалѣть о немъ, еслибъ той его неугомонной русофобіи, этому кошмару его преслѣдующему не было еще и другой причины: нечистая совѣсть по отношенію къ подвластнымъ ему Славянамъ,—глухое сознаніе своей, относительно ихъ, неправды! Это, конечно, усиливаетъ чувство страха, а страхъ—плохой совѣтникъ—заставляетъ бѣдное Австрійское правительство терять всякое равновѣсіе духа и дѣйствовать подчасъ не только наперекоръ всякимъ элементарнымъ требованіямъ правомѣрности и справедливости, но своимъ собственнымъ очевиднымъ интересамъ. Именно всему этому и служитъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ то, что творится теперь въ Львовѣ, столицѣ Галича, къ которому мы и возвратимся.

Галичъ! гдѣ твои сыны?

спрашивалъ еще лѣтъ слишкомъ сорокъ назадъ (когда о Галичѣ никто почти у насъ и не думалъ!) Хомяковъ, посѣтившн Кіевъ и не видя Русскихъ Галичанъ въ толпѣ богомольцевъ, собравшихся отвсюду, гдѣ живетъ Русское племя:

Горе, горе! ихъ спалили
Польши дикіе костры,
Ихъ сманили, ихъ плѣнили
Польши шумные пиры!

Всего же Русскаго племени подвластнаго Австро-Венгріи находится въ ея предѣлахъ около 5 милліоновъ, изъ которыхъ собственно въ Венгріи слишкомъ 800,000 (о нихъ и ихъ печальной судьбѣ подъ Мадьярскимъ, Азіатскимъ бичемъ разскажемъ когда-нибудь особо); въ Австрійскихъ же провинціяхъ— въ Буковинѣ, населенной по преимуществу православными Румынами, около 500 тысячъ и собственно въ Галиціи, присоединенной къ Австріи лишь сто десять лѣтъ назадъ, до 3½ милліоновъ.

Достаточно повидимому однихъ этихъ данныхъ для того, чтобы признать эту задачу Австрійскаго правительства не изъ легкихъ. Въ самомъ дѣлѣ, имѣть подъ своею Нѣмецкою властью цѣлое Русское племя о бокъ съ Русскою же могущественною державою кажется чѣмъ-то противоестественнымъ. Однако же, благодаря политической честности или, какъ выражаются наши сосѣди, *лояльности* Русскаго въ Галиціи населенія, его покорности, благоразумію и долготерпѣнію, а главнымъ образомъ благодаря Россіи, владѣніе Галиціей представляло до сихъ поръ для Австрійскаго правительства несравненно менѣе затрудненій, чѣмъ владѣніе какою-нибудь Итальянскою провинціей, или чѣмъ установленіе правильныхъ отношеній къ Венгріи. *Никогда, ни разу* ни Русская государственная власть, ни Русское общество не употребили во зло тѣ повидимому выгодныя условія, въ которыя поставлена къ Австрійской монархіи, своимъ сосѣдствомъ съ Русью Галицкою, Россія. Не только какой-либо агитаціи или пропаганды никогда ни русскимъ правительствомъ, ни кѣмъ-либо изъ подданныхъ Русской Имперіи въ предѣлахъ Галиціи (да и нигдѣ въ предѣлахъ Австрійскихъ владѣній) не производилось, но относительно Галиціи образъ дѣйствій Россіи былъ даже запечатлѣнъ особою щепетильною осторожностью, въ виду ревнивой подозрительности Австрійскихъ властей. Нельзя же называть агитаціей скудную, почти нищенскую помощь, изрѣдка оказываемую какой-либо бѣдной разрушающейся православной церкви или вообще православію, или сношенія и взаимное содѣйствіе ученыхъ и литературныхъ обществъ въ сферѣ такъ-называемой *славистики*, т. е. Славянской археологіи, филологіи и этнографіи, Славянской словесности и искусствъ. Этого мало. Русское правительство ни разу, даже въ принципѣ, не поддалось соблазну извлечь для

себя выгоду изъ политическаго осложненія дѣлъ въ сосѣдней монархіи, — представлявшаго, казалось бы, не мало удобствъ для Русскаго властолюбія, еслибъ только Русское правительство было таковымъ дѣйствительно одержимо. Наши побѣдоносныя войска побывали въ 1849 году и въ Угорской Руси и въ Южной Галиціи, и укротивъ для Австріи Венгрію, съ которой Австрія не могла сладить, пресмирнехонько оставили эти Славянскія земли, не воспользовавшись случаемъ для политической пропаганды и даже не заручившись вещественно въ вѣрности союзника, которому, какъ оказалось вскорѣ затѣмъ, нельзя было на слово вѣрить. Россія не искусилась ни предложеніями Наполеона I, ни даже не очень давними политическими соображеніями той самой державы, которая, можетъ-быть именно потому что не добилась согласія отъ Россіи на свои замыслы, ударилась такъ-сказать въ противоположную сторону и теперь поддерживаетъ Австрію въ ея враждебной Россіи политикѣ. Мы лично знали человѣка, которому германскій канцлеръ во время оно очень убѣдительно доказывалъ необходимость для Россіи присоединить къ себѣ Галицію... Однимъ словомъ, дѣло обстоитъ такъ: *Россія* пребыла отъ начала и до сихъ поръ непреклонно честною относительно Австро-Венгерской монархіи, и за это должно-быть и платитъ Россіи послѣдняя той своей неблагодарностью, которой міръ и сама Россія уже перестали и дивиться; *Русское населеніе въ Галиціи* доставляетъ для Австрійской арміи самыхъ лучшихъ, надежныхъ солдатъ, вслѣдствіе чего Галиція и признается самымъ драгоцѣннымъ камнемъ Австрійской короны: за это-то, вѣроятно, Австрійская власть и обращается съ Русскимъ населеніемъ хуже, грубѣе, презрительнѣе, чѣмъ съ другими иноплеменными своими подданными, и своею административною политикою какъ-бы испытываетъ его долготерпѣніе и вѣрность...

Въ началѣ присоединенія Галиціи къ Австріи управлять первою было не трудно... Народъ былъ радъ промѣнять Польское верховное владычество на Нѣмецкое. Извѣстно, каковы были государственные порядки въ прежней Польшѣ до ея расчлененія. Извѣстно также это замѣчательное свойство Польскаго правящаго класса, *шляхетскаго,* возбуждать къ себѣ ненависть простонародныхъ массъ, которыя въ глазахъ Польскаго шляхтича не болѣе какъ *быдло* — скотъ: воззрѣніе во-

шедшее въ шляхетскую плоть и кровь. Мы знаемъ, каковы были отношенія къ Польской шляхтѣ крестьянъ *Польскихъ*, связанныхъ съ нею единоплеменностью и единовѣріемъ; только благодаря покойному Государю, благодаря Россіи, почувствовали они себя полноправными гражданами своей земли. Можно себѣ представить, каковы были эти отношенія Польской, не только католической, но ультрамонтанской, іезуитскими дрожжами прокваmенной шляхты къ *быдлу* Русскому и православному! Да тутъ и представлять себѣ нечего,—объ этомъ свидѣтельствуетъ вся исторія нашей Украйны съ ея казацкими войнами и недавнее злополучное прошлое, даже не совсѣмъ исчезнувшее и теперь, нашей Сѣверо-западной окраины. Не лучше было положеніе и уніатской Галицкой Руси, гдѣ Русская народность пребывала исключительно въ массахъ простонародья, въ крестьянахъ и въ духовенствѣ, такъ какъ землевладѣльцы и вообще весь верхній слой общества принадлежали къ народности Польской (по происхожденію или вслѣдствіе отступничества русскихъ дворянскихъ родовъ). Политикѣ Австріи указывался, повидомому, путь очень опредѣленный: опереться на Русскія народныя массы противъ Польскихъ властолюбивыхъ притязаній, поднять ихъ экономическое благосостояніе и гражданское значеніе, и привязать ихъ къ себѣ прочными узами благодарности, конечно не въ Австрійскомъ, а въ Русскомъ смыслѣ этого слова. Этого пути и держалась Австрія съ нѣкоторыми перерывами довольно долгое время, и тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что культура Нѣмецкая, хотя бы и сквозь Австрійское сито, все-таки выходила выше и благотворнѣе Польской, и что, съ другой стороны, положеніе Русскихъ крестьянъ по сю сторону Австрійскаго рубежа, совсѣмъ закрѣпощенныхъ Польскимъ помѣщикамъ, было нисколько не завидно. Австрія не побрезгала даже, въ сороковыхъ годахъ, руками Галицкихъ крестьянъ поприрѣзать нѣкоторую толику Польскихъ землевладѣльцевъ... Благодаря такой политикѣ и разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ, вынуждавшимъ Австрійскихъ государственныхъ мужей холить подданническую вѣрность Галицкаго Русскаго населенія, оно, хоть и перекрещенное въ *Рутеновъ*, или *Руссиновъ* (это все равно что сказать: вмѣсто «Болгаръ»—*Болгариновъ!*), поднялось нѣсколько и матеріально, и нравственно. Образовался скромный, тоненькій *Русскій* интел-

лигентный слой (исходящій родомъ изъ среды духовенства — сыновья и внуки священниковъ), пробудилось племенное «самочувствіе», нашедшее себѣ выраженіе и въ литературѣ. Ни малѣйшей политической опасности для Австріи оно не представляло, но уже самой *природѣ* Австрійскаго государства претило покровительствовать Русской народности въ Галиціи! Претило прежде всего потому, что всякому западному государственному строю претитъ начало демократическое — въ истинномъ значеніи этого слова: онъ опирается на началѣ аристократическомъ въ томъ или другомъ смыслѣ, если не на господствѣ знатныхъ родовъ, то на господствѣ культурнаго или же капиталистическаго класса, чувствуя въ душѣ глубокое внутреннее презрѣніе къ народнымъ массамъ. Претило потому, что Русскіе Галичане все же были не католики, а только уніаты, тогда какъ католицизмъ есть душа Австрійскаго государственнаго тѣла. Затѣмъ, за Галичанами все же оставался этотъ первородный, смертный въ глазахъ Астріи грѣхъ — единоплеменности и почти единовѣрія съ великимъ Русскимъ народомъ, создавшимъ Россійскую Имперію! Вотъ и стало озабочиваться правительство — какъ бы ловчѣе *искривить* въ Русскихъ Галичанахъ пробуждавшееся народное сознаніе. Министерскими циркулярами запрещалось употребленіе буквы ъ, повелѣвалось, вмѣсто *что*, писать *що*, изыскивались разныя мѣры, чтобы уродовать Русскую литературную рѣчь и искусственно создать различіе между нею и литературнымъ языкомъ «Московскимъ»! И вѣдь нашлись и у насъ тупоумцы, словно Австрійскіе чиновники обрушивавшіеся на несчастную Русскую газету во Львовѣ, «Слово» — зачѣмъ-де она старается (во сколько *возможно* при бдительной Австрійской полиціи) приближаться къ общерусскому литературному складу рѣчи! (Вѣроятно только деликатность не позволила Австрійскому правительству выслать этимъ господамъ ордена!) Наконецъ, пользуясь естественною любовію южной вѣтви Русскаго племени къ своимъ пѣснямъ, бытовымъ особенностямъ своей родины, Австрійскіе чиновники измыслили и взлелѣяли «*украйнофильство*», даже не литературное, а политическое, вѣдая очень хорошо, что изъ него никогда ничего вреднаго для Австріи не выйдетъ, а выйдетъ лишь смущеніе мыслей и не малый вредъ для Русскаго же національнаго развитія, и вообще для внутренней крѣпости

Славянскаго міра. На эту Австрійско-Польскую удочку съ прикормкой доктринерскихъ фантазій какъ разъ клюнула часть интеллигенціи и въ Галиціи, и у насъ, надѣленная большимъ аппетитомъ и малымъ разумѣніемъ. Мы сказали: «Австрійско-Польскую» потому, что въ этихъ замыслахъ нашла себѣ Австрійская власть въ Полякахъ самыхъ вѣрныхъ пособниковъ. Съ упорствомъ ихъ отличающимъ, они не переставали надѣяться, надѣются и до сихъ поръ—рано или поздно ополячить вконецъ Галицію, именно при помощи Австрійской власти и Россійскихъ «либераловъ», особенно же «украйнофиловъ».

Въ настоящее время въ Галиціи—господствуютъ и хозяйничаютъ именно Поляки. Послѣ недавняго сближенія своего съ Германіей, Австрія задалась идеаломъ *Австрійскаго панславизма*, въ которомъ главнымъ духовнымъ центромъ должно служить объединеніе церковное подъ сѣнію *Рима*. Одновременно съ политической пропагандой, ведомой огнемъ, желѣзомъ и житейскими прельщеніями, ведется и пропаганда католическая. Приступая къ исполненію сего замысла, Австріи необходимо было, разумѣется, показать себя не Нѣмецкой, а *Славянской* державой, для чего и провозглашена была министерствомъ гр. Таафе «равноправность народностей». Въ сущности же никакой равноправности не имѣется,—напротивъ, племена *православныя* угнетены теперь въ Австріи сильнѣе чѣмъ когда-нибудь (вспомнимъ хоть положеніе, напримѣръ, Сербовъ въ Банатѣ),—а къ равноправности призваны лишь тѣ *католическія* Славянскія племена, которыя или культурнѣе въ смыслѣ Нѣмецкомъ (какъ Чехи), или же энергичнѣе (какъ Поляки) и въ то же время, вмѣстѣ съ политическимъ властолюбіемъ, вслѣдствіе своей религіозной съ Австріею связи, способнѣе быть піонерами германизаціи и латинства между православными Славянами или по крайней мѣрѣ отчужденія ихъ отъ Россіи. Вслѣдствіе этихъ соображеній Австрійское правительство и предало въ послѣднее время Галицію съ ея слишкомъ трехмилліоннымъ Русскимъ населеніемъ во власть Галицкихъ Поляковъ. Они и пируютъ!

Читателямъ Руси извѣстно, какой гвалтъ подняли польскія власти и Польская печать изъ-за того, что одна уніатская сельская община, недовольная своимъ священникомъ и пользуясь правомъ свободы вѣроисповѣданія (дарованнымъ *всѣмъ*

Австрійскимъ подданнымъ пресловутою конституціей), захотѣла было перейти въ православіе, т. е. возвратиться къ полнотѣ вѣроисповѣданія своихъ отцовъ. Но по отношенію къ намъ, Славянамъ, никакой правовой порядокъ въ понятіяхъ и въ обычаѣ Западной Европы не имѣетъ силы. У надменныхъ цивилизаціей и культурою Европейцевъ существуютъ *двѣ* правды, одна для себя и для своихъ, другая для Русскихъ и инстинктивно тяготѣющихъ или родственныхъ намъ по духу Славянскихъ племенъ:

Для *нихъ*—законъ и равноправность,
Для *насъ*—насилье и обманъ.
И закрѣпила стародавность
Ихъ какъ наслѣдіе Славянъ!

Попытка одной общины перейти въ православіе возведена въ уголовное преступленіе. Православіе прямо провозглашено не только Польскими газетами, но и Польскими блюстителями правосудія и закона — опаснымъ какъ для интересовъ польщизны, такъ и для цѣлости Австрійской монархіи; всякій православный—подозрительнымъ, а окатоличеніе—государственною задачею. Но Поляки, съ благословенія неразумнаго Австрійскаго правительства, пошли далѣе. Начавшійся теперь во Львовѣ уголовный процессъ объ 11 Русскихъ своею чудовищною нелѣпостью, къ которой способна только слѣпая, обезумѣвшая злоба,—представляетъ именно то зрѣлище, на которое мы желали обратить вниманіе нашихъ читателей. Просимъ извиненіе за длинное вступленіе, но надобно же разъ навсегда ознакомить Русскихъ читателей съ злополучнымъ житіемъ трехъ слишкомъ милліоновъ Русскихъ въ древнемъ сосѣднемъ съ нами Галичѣ.

Эти 11 Русскихъ, во главѣ которыхъ поставленъ А. И. Добрянскій (чуть ли не единственный Русскій въ Австріи дворянинъ, оставшійся Русскимъ, т. е. не ополячившійся и не омадьярившійся) (inde ira), но всегда съ отличіемъ служившій своему, т. е. Австрійскому правительству,—эти Русскіе преданы суду по обвиненію *въ государственной измѣнѣ,* со ссылкою на законы, опредѣляющіе за таковое преступленіе—*смертную казнь!* Между тѣмъ, какъ ни усиливалась Польская ненависть, одушевлявшая слѣдователей и прокурора, подобрать все, что могло бы послужить обвиненію,—во всемъ обвинитель-

номъ актѣ ни относительно одного подсудимаго не находится буквально ничего, что̀ можетъ быть названо corpus delicti, т. е. составомъ преступленія! Такого полнѣйшаго пренебреженія къ основнымъ требованіямъ юридической правды, такого отсутствія юридическаго смысла, намъ еще не случалось видѣть на своемъ вѣку ни въ одномъ обвинительномъ актѣ. Мы вовсе не знакомы съ положеніемъ судебной части въ Австріи, но если этотъ процессъ долженъ служить намъ образчикомъ ея судопроизводства, такъ съ чего же Австрія хвалиться культурой! Это ужъ не культура, а варварство,—дикое, грубое, притомъ не въ своей наивной, хотя бы отвратительной простотѣ, а въ культурной оправѣ—варварство лицемѣрное! Признаки измѣны, за которую 11 Русскимъ сулитъ прокуроръ (разумѣется щирый Полякъ) смертную казнь, заключаются, напримѣръ: въ ношеніи г. Добрянскимъ Русскихъ орденовъ, полученныхъ имъ, съ вѣдома своего правительства, за услуги, оказанныя Русскими войсками, когда они въ 1849 г. спасли бытіе Австрійской Имперіи... Но вѣдь и Австрійскій императоръ и графъ Кальноки, можетъ быть и Андраши, носятъ Русскіе ордена! Далѣе: въ томъ, что внуки Добрянскаго, дѣти Ольги Грабаръ, воспитываются въ Россіи, кажется, въ коллегіи Галагана... Но и въ Вѣнскомъ университетѣ не мало учится Русскихъ изъ Россіи; можетъ-быть нѣкоторые воспитываются и въ Theresianum: у насъ однако это не возводится въ преступленіе. Въ томъ, что одна изъ дочерей Добрянскаго замужемъ за Русскимъ профессоромъ, а сынъ Мірославъ перешелъ изъ Австрійскаго, вѣрнѣе сказать, Венгерскаго, подданства въ Русское и состоитъ на Русской службѣ: но развѣ эти дѣянія противны конституціи?! Въ томъ, что нѣкоторые изъ 11 Русскихъ имѣли письменныя сношенія съ Русскими въ Россіи, даже съ лицомъ занимающимъ министерскій въ Россіи постъ, К. П. Побѣдоносцевымъ: но вѣдь важенъ не фактъ переписки (иначе пришлось бы признать преступленіемъ всякое письменное сношеніе, напримѣръ нашихъ Варшавскихъ Поляковъ съ Поляками Галицкими!), а ея содержаніе: содержаніе же переписки самое невинное и вовсе не политическое. Да можно бы даже, кажется, спросить напередъ г. посланника Австріи при Русскомъ дворѣ: такое ли лицо г. Побѣдоносцевъ, которое было бы прилично заподозрить въ покушеніи на миръ и цѣлость Австрійской имперіи??... Въ томъ

наконецъ, что Мірославъ Добрянскій просилъ нѣкоторыхъ Галичанъ сообщать ему свѣдѣнія о Русскихъ нигилистахъ въ Галиціи,—свѣдѣнія для Русскаго его начальства, обязаннаго предупреждать дѣйствія нашихъ такъ называемыхъ крамольниковъ, безъ сомнѣнія очень важныя: можно, съ достовѣрностью сказать, a priori, что многіе изъ нихъ сидятъ, въ ожиданіи благопріятныхъ для себя обстоятельствъ, на самомъ нашемъ рубежѣ— и въ Румыніи, и въ Австрійскихъ владѣніяхъ... Обвиненіе въ измѣнѣ уснащено такими *юридическими* терминами: *вѣроятно, повидимому, кажется, надо думать* и т. д., и на этихъ доводахъ основано требованіе *смертной* казни! Въ сущности, даже по смыслу обвинительнаго акта, подсудимые повинны смерти единственно за то, что будучи Русскими и вѣрными слугами Австрійскаго императора, они не хотятъ стать Поляками и питаютъ симпатіи къ своему родному языку, къ Русской литературѣ, къ Русскому племени! за то, что Русскіе въ Галиціи—*руссофилы*, хотя, конечно, *лояльнѣе* въ своемъ Австрійскомъ подданствѣ обвиняющихъ ихъ Поляковъ! Впрочемъ, мы отсылаемъ читателей къ извлеченію изъ обвинительнаго акта, напечатанному въ 22 № «Руси», и къ переводу самаго акта, чрезвычайно интереснаго и котораго начало найдутъ они въ нынѣшнемъ №,—а теперь поставимъ только одинъ вопросъ: къ чему было Австрійскому правительству допускать все это Польское безстыжее «правовое» колобродство и прошумѣть имъ на всю Россію? Для того ли, чтобъ свидѣтельствовать передъ нею, что̀ значитъ въ Австріи «конституція» и «равноправность»? Для того ли именно, чтобъ напомнить Россіи про существованіе трехъ съ половиною милліоновъ Русскихъ въ Галиціи, о чемъ большинство въ Россіи вѣдало лишь смутно,— чтобъ повѣдать Россіи про вопіющую, относительно ихъ, неправду Австрійской власти,—про невыносимыя страданія племени, которое по истинѣ кость отъ костей и кровь отъ крови нашей??...

Посѣщеніе Москвы Государемъ.

Москва, 11-го сентября.

Во второй разъ державная Москва осчастливлена посѣщеніемъ нынѣ державствующаго Государя. Всякій разъ, когда Русскій Царь, покидая свою резиденцію на дальнемъ рубежѣ имперіи, пріѣзжаетъ въ свой древній, первопрестольный, «царствующій градъ»—средоточіе Русской земли и Русскаго государства; когда, предъ ликующимъ народомъ, появляется Онъ въ Кремлѣ, среди святынь, храмовъ и памятниковъ—свидѣтелей долгаго и труднаго строительства величайшаго изъ царствъ міра,—бодро и радостно звучатъ всѣ струны Русскаго сердца: точно совершается нѣчто истинное, органическое, благое, нѣчто *правое* и правду творящее; точно будто что-то разлаженное налаживается вновь,—свободнѣе дышетъ стѣсненная грудь, унимается боль, уныніе смѣняется упованіемъ, чувство немощи—чувствомъ силы. Иначе и быть не можетъ; совершается должное, совершается то, чему *подобаетъ* быть: Русскій Царь вступаетъ въ общеніе, не только внѣшнее, но и нравственное, хотя бы мгновенное, съ своимъ народомъ; Хозяинъ дома, послѣ долгой отлучки, входитъ наконецъ въ домъ свой, стоитъ лицомъ къ лицу съ наслѣдіемъ предковъ, съ достояніемъ, ввѣреннымъ ему отъ Бога,—лицомъ къ лицу съ самимъ собой, съ своимъ святымъ долгомъ и полномочіемъ, съ своимъ великимъ, многославнымъ и многоподвижническимъ призваніемъ, которое, конечно, нигдѣ не можетъ раскрыться сознанію и совѣсти съ такою полнотою, какъ тамъ, гдѣ и колыбель, и освященіе, и истинный оплотъ, и твердыня русской верховной власти. Ибо только въ Москвѣ пріемлетъ Русскій Царь, какъ выразился поэтъ:

... вѣнецъ отцовъ державныхъ,
Царя-избранника вѣнецъ!

Ибо только здѣсь можетъ нисходить на Царя тайнодѣйственное наитіе того зиждительнаго историческаго народнаго духа, который создалъ нашу Россію, который далъ ей силы перемочь всѣ невзгоды, всѣ испытанія, и худшее изъ испытаній—вторженіе началъ чуждыхъ, искажающихъ ея внутренній духовный и земскій строй... О, если бы этотъ духъ всегда

пребывалъ на Немъ, никогда не переставалъ живить и творить!..

Все есть у насъ: и могучая, крѣпкая, какъ нигдѣ въ мірѣ, верховная власть, и *сознательная,* закаленная въ горнилѣ исторіи, могучая, какъ нигдѣ же въ мірѣ, вѣрность народа этой власти, и самоотверженная до безпредѣльности любовь народа къ своимъ самодержавнымъ царямъ,—такая крѣпость власти, такая вѣрность, такая любовь, которымъ менѣе чѣмъ въ какомъ-либо государствѣ вселенной можетъ быть опасенъ разумный просторъ человѣческой и общественной свободы. Мы имѣемъ у себя всѣ условія дѣйствительной силы... Нѣтъ только творчества въ жизни! И сдается—всякій разъ, когда появляется Царь въ истинномъ средоточіи своего царства, въ своей народной и державной столицѣ, что этотъ духъ животворящій, онъ же и духъ нашей народности и исторіи, можетъ воскреснуть во всей своей мощи только тогда, когда возстановится вновь живое, непрестанное общеніе власти съ народомъ, когда Хозяинъ возвратится въ домъ свой... Въ Москвѣ сѣдалище правительственной движущей силы!..

Едва ли бы когда могъ быть подписанъ здѣсь Берлинскій трактатъ, и вовсе не потому, чтобы для власти могли воздвигнуться извнѣ какія-либо препятствія. Что̀ возможно, что̀ мыслимо на дальней окраинѣ государства, гдѣ-нибудь на подоконникѣ пресловутаго, прорубленнаго въ Европу окошка, то невозможно, нравственно невозможно и немыслимо въ виду Кремля, соборовъ, святыхъ зиждителей земли Русской, предъ лицомъ народа, тысячелѣтнимъ подвигомъ слагавшаго Русское государство и съ такимъ беззавѣтнымъ довѣріемъ вручившаго его судьбу своимъ вождямъ... Этотъ примѣръ поясняетъ все.

Опасны ли наши либералы, какъ политическая партія?

Москва, 18-го сентября.

Стоило только появиться Царю въ Кремлѣ, среди своего народа—такъ и прорѣзало свѣтомъ правды эту сгустившуюся было надъ нами темь всякихъ надуманныхъ страховъ, сомнѣній и недоумѣній,—такъ и проступила наружу та подспудная

земская сила, ею же создалась и стоитъ крѣпко и незыблемо Русское государство, такъ и обличилась мгновенно, воочію ложь тѣхъ революціонныхъ пугалъ и чудищъ, которыми до сихъ поръ не перестаютъ у насъ смущать свободу правительственныхъ дѣйствій не по разуму «усердные слуги престола и отечества». Мы лично, конечно, не нуждались въ подобномъ торжественномъ вразумленіи. Мы уже и прежде, доказывая неосновательность аналогическихъ выводовъ автора «Бесѣдъ о французской революціи» (иначе: «Противъ теченія»), утверждали, что при той реальной, дѣйствительной мощи, которою обладаетъ Русская верховная власть, ей не только нечего бояться на каждомъ шагу призрака революціи, настойчиво выдвигаемаго предъ нею авторомъ книги и его послѣдователями, но можно многое смѣть и дерзать, на что̀ не всякой иной власти удобно отважиться. Но не для цѣлей только отрицательныхъ и запретительныхъ, не для такъ-называемой репрессіи только слѣдуетъ вызывать въ правительствѣ сознаніе истинныхъ условій его силы (какъ это, къ сожалѣнію, дѣлаютъ у насъ многіе, и въ томъ числѣ вышеупомянутыя «Бесѣды»). Если наше правительство такъ могуче, что ему не для чего опасаться оппозиціонныхъ въ Русскомъ обществѣ элементовъ, входить съ ними въ какую-либо недостойную сдѣлку или еще болѣе недостойнымъ образомъ заискивать у нихъ благосклонности, то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ (какъ это теперь часто приходится слышать), будто у правительства не можетъ, не должно и быть другой политики, какъ громить да сокрушать своей десницей не только открытыхъ враговъ, но и всякое выраженіе несочувственной ему мысли,—или что правительство можетъ теперь съ полною безопасностью стоять и топтаться на одномъ мѣстѣ, не двигаясь ни шагу впередъ, а потому и должно̀ такъ дѣлать, чтобъ не подвергнуться подозрѣнію въ какой-либо прогрессивной тенденціи! Другими словами: правительству рекомендуютъ,—благо оно могуче,—держаться однихъ такъ-называемыхъ (и совершенно невѣрно) консервативныхъ началъ (т. е. бюрократическихъ порядковъ и пріемовъ временъ императоровъ Александра I и Николая), ограничиться всезнаніемъ канцеляріи и добровольно лишить себя нужныхъ свѣдѣній и содѣйствія живыхъ умственныхъ силъ страны въ дѣлахъ этой силѣ наиболѣе сподручныхъ,—все это страха ради

прослыть «либеральнымъ»! Короче сказать, рекомендуютъ: неосновательный страхъ передъ мнимой силой «нигилизма» или «либерализма» замѣнить страхомъ еще болѣе неосновательнымъ и еще менѣе приличнымъ—какъ бы невзначай не учинить чего-либо такого, что̀ могло бы походить на уступку нашимъ яко бы либераламъ! Такое направленіе въ нашихъ властныхъ сферахъ можно, кажется, признать теперь даже преобладающимъ,—и объ этомъ нельзя не скорбѣть. Авось-либо недавнее посѣщеніе Кремля возвратитъ нашей Русской верховной власти, вмѣстѣ съ чувствомъ спасительной вѣры въ себя и въ народъ, также и чувство полной свободы отъ всякихъ подобныхъ напускныхъ страховъ! Въ этой вѣрѣ и въ этой свободѣ именно и состоитъ истинное могущество власти; въ нихъ-то и заключается дѣйствительное условіе творческой, зиждительной силы. Имѣя за собою любовь и преданность *такого* народа, каковъ Русскій, власть конечно, прежде всего, можетъ заботиться только о томъ, чтобы самой не удаляться отъ своего народа, чтобы всегда, въ своемъ поступательномъ движеніи, держаться народно-историческаго пути и этимъ путемъ вести Россію впередъ къ преуспѣянію, къ просвѣщенію, къ благой свободѣ, къ проявленію всѣхъ талантовъ, всѣхъ силъ духа, данныхъ ей отъ Бога, къ совершенію ея высшаго призванія въ мірѣ.

Всѣ эти мысли невольно пришли намъ въ голову, когда мы, вмѣстѣ съ другими, 8 прошлаго сентября смотрѣли съ Краснаго крыльца на Кремлевскую площадь; вспомнились намъ и недавно узаконенныя мѣры пріумноженной цензурной строгости и цензурнаго произвола, мѣры по нашему убѣжденію совершенно излишнія, и которыхъ излишество особенно живо чувствовалось въ виду этой внушительной мощи народной любви. Какимъ дѣтскимъ, до жалости неумнымъ и безсильнымъ представлялось тамъ, въ сравненіи съ кликомъ души народной, задорное лепетанье нашихъ мнимо-либеральныхъ фельетонистовъ, собственно и вызвавшее упомянутыя строгія мѣры!.. Правительство несомнѣнно обязано принимать всѣ зависящіе отъ него способы предосторожности противъ всякой серьезной политической опасности; власть непремѣнно должна быть грозна на измѣнниковъ, на злодѣевъ и тѣхъ подлыхъ крамольниковъ, что̀ посягаютъ на миръ, благоденствіе и честь

Русскаго народа; но не все же может быть возводимо на степень крамолы, и мудрое правительство должно же умѣть отличать проявленіе опасной политической дѣятельности от проявленія духовнаго общественнаго недуга. Недуг не казнят, но лѣчат; общественное здоровье требует соотвѣтственных мѣр гигіены, а одним из главных условій доброй гигіены,—это вольный, постоянно освѣжающійся воздух. С этой медицинской точки зрѣнія слѣдует смотрѣть и на печать. Лучше и для самого правительства, чтобы сыпь высыпала наружу, да вся, а не вгонялась внутрь: высыпав, она сама собою подсохнет, обвѣтрѣет, ошелушится, и нарастет, Бог даст, вмѣсто старой новая кожица. Если сыпь высыпает хорошо—то этому надо только радоваться, не сама сыпь по себѣ хороша, а хорошо то, что очищается организм, что худые соки выходят вон, обнаруживаются во всей своей непривлекательности!

Признаемся откровенно, мы, когда беремся за чтеніе «Русскаго Курьера» и фельетонов гг. Старины, Введенскаго, Эртеля и tutti quanti, со всѣми их провинціальными отголосками, руководимся нѣсколько подобным воззрѣніем. Вот почему это чтеніе не только не вызывает в нас никакого негодованія и раздраженія, как бы ни злословили там, ни оклеветывали наши мнѣнія и вообще «Русь», но каждый раз только сильнѣе убѣждает в необходимости еще большаго простора для нашей мнимо-либеральной печати. Вот почему мы и выразились в 37 №, что правительство не запрещать, не преслѣдовать должно бы эти органы, а поощрять их к пущей искренности,—что они уже и теперь, благодаря нѣсколько большей свободѣ печати, чѣм во времена Тимашева, оказали огромную услугу правительству, а «Русскій Курьер», право, заслуживал бы даже награды. Нельзя было усерднѣе скомпрометтировать дѣло и знамя *того* либерализма, *которому они служат*, нельзя было с большею наивностью засвидѣтельствовать как тощо духом и мыслью их внутреннее содержаніе, как мало представляют они элементов для созданія *политической партіи*. Положительная сторона их проповѣди не представляет сама по себѣ ровнехонько никакой силы, а еслибъ им дозволить еще бóльшій простор, они бы и сами затруднились выразить ее в опредѣленной формулѣ.

Едвали даже ни самою худшею для нихъ услугою было бы предоставленіе имъ полной свободы печати. Примѣръ тому мы видимъ на газетѣ «Вольное Слово», въ Женевѣ; она положительной стороной своего ученія не представляетъ интереса даже и для нашихъ «либераловъ». Г. Драгомановъ, главный ея заправитель, который до эмиграціи слылъ у насъ человѣкомъ и серьезнымъ, и даровитымъ, и ученымъ, теперь на свободѣ, какъ на бѣломъ днѣ, обличился въ своихъ настоящихъ размѣрахъ, т. е. какъ человѣкъ просто скудоумный и бездарный, котораго скучныхъ твореній ни одна душа не читаетъ, который недавно, въ своемъ женевскомъ украйнофильствѣ, договорился до того, что предлагаетъ Малороссамъ употреблять вмѣсто Русскаго алфавита—*латинскій*... Такое предложеніе, такой смертный себѣ приговоръ можно было бы конечно разрѣшить ему напечатать и въ Россіи!!

Но если *положительная* сторона въ нашей такъ-называемой либеральной печати лишена всякаго серьезнаго значенія, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы всѣ ея органы вмѣстѣ не представляли сами по себѣ серьезнаго явленія, заслуживающаго тщательнаго изученія. Оно важно уже какъ симптомъ того нездоровья мысли и чувства, которое охватываетъ столько головъ и сердецъ, той путаницы понятій, которой болѣетъ Русское общество. Самое это скудоуміе, эта умственная ограниченность, которою нерѣдко поражаютъ насъ рѣчи и мечтанія нашихъ будто бы либеральныхъ газетъ, не можетъ не вызывать на размышленіе потому именно, что она очевидно не случайная, не индивидуальная, а нажитая, такъ-сказать *историческая,* составляющая роковой удѣлъ всякаго, кто опростался отъ національнаго историческаго содержанія, отрекся отъ своего народа и отъ своей народной личности, опорожнилъ, выхолостилъ самъ себя, живетъ чужимъ умомъ и чужою душой... И такъ, существенный интересъ нашей мнимо-либеральной печати не въ положительномъ, а въ отрицательномъ ея значеніи. Объ исторической причинѣ этой ея послѣдней, т. е. отрицательной стороны, мы скажемъ особо, послѣ, а здѣсь только замѣтимъ, что этому отрицанію долженъ быть данъ полный просторъ: оно непремѣнно, логически приведетъ наконецъ къ *само*отрицанію, т. е. къ отрицанію отрицанія, а тогда, вѣроятно, наступитъ и реакція, и сами гг. Венгеровы,

Введенскіе, Эртели, сотрудники «Русскаго Курьера» и всѣ эти «либеральные» фельетонисты, очень можетъ быть, поумнѣютъ. Отчаяваться не надо... Кстати оговоримся: мы вовсе не отвергаемъ пользу, которую оказываетъ наша псевдо-либеральная печать усерднымъ, хотя бы и не всегда точнымъ, разоблаченіемъ всякихъ хищеній и злоупотребленій; особенно хорошо берутъ нѣкоторыя газеты инженеровъ и интендантовъ; въ этомъ отношеніи нашей администраціи пренебрегать чтеніемъ ихъ никакъ не слѣдуетъ.

Но что наши «либералы» не могутъ составить никакой политической партіи въ серьезномъ смыслѣ, а потому и не могутъ представлять для правительства никакой политической опасности, это, кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію и легко доказывается даже поверхностнымъ очеркомъ ихъ главныхъ общихъ положеній, — тѣхъ, по крайней мѣрѣ, которыя высказаны въ печати въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ. Не трудно, кажется, сообразить, что въ Россіи только та партія могла бы явить собою какую-нибудь дѣйствительную силу, которая бы опиралась на сочувствіе народныхъ массъ, такъ какъ у насъ народа нельзя вмѣнить ни во что, и его преданность верховной власти со всѣми ея прерогативами — не пустое слово. Народъ, по своему невѣжеству, можетъ и не понимать всѣхъ тонкостей политическаго строя, но если одна изъ заинтересованныхъ въ спорѣ сторонъ найдетъ нужнымъ пояснить ему сущность дѣла и поставить, примѣрно, хоть бы такой вопросъ: слѣдуетъ ли ограничить верховную власть въ пользу не только того или другаго сословія, но даже въ пользу «интеллигенціи», т. е. адвокатовъ и фельетонистовъ, даже и сотрудниковъ любой «либеральной», даже «демократической» газеты, — отвѣтъ народа не можетъ быть сомнителенъ: отвѣтъ словомъ и *дѣломъ*. Это знаютъ, хотя и не любятъ высказывать, наши «либералы»; но такъ какъ новѣйшій либерализмъ на Западѣ всенепремѣнно демократиченъ и слово «народъ» обязательно пребываетъ у него на устахъ,—то нашимъ «либераламъ» пришлось стать къ народу въ отношеніе довольно странное и комически лицемѣрное. Общаго въ ихъ ученіи съ Русскимъ народомъ ровно ничего нѣтъ; сочувствія къ народу они не имѣютъ никакого, да и имѣть не могутъ, какъ мы это сейчасъ въ подробности укажемъ, а между тѣмъ какой же это

«либерализмъ», коли онъ не «во имя народа» и не признаетъ принципа «народнаго верховенства» (либерализмъ россiйскiй вѣдь весь цѣликомъ выписанъ изъ Францiи!)?.. Вотъ и выписали изъ Францiи же, вмѣстѣ съ упомянутымъ выше принципомъ (которымъ во Францiи прикрываетъ свое деспотическое надъ народомъ господство буржуазiя), а также и флакончики съ готовыми слезами о народѣ соцiалистическаго новѣйшаго изготовленiя, и стали ими плакать кстати и не кстати о русскомъ мужикѣ, плакать именно такъ и о томъ, какъ и о чемъ плачутъ на Западѣ. Однимъ словомъ, для нашихъ газетныхъ либераловъ Русскiй народъ существуетъ только одною своею, именно экономическою стороною; она одна не то что ихъ интересуетъ, но подаетъ имъ поводъ горячиться, негодовать, ратовать изъ-за народа: всѣ же остальныя стороны его бытiя, всѣ его завѣтные неэкономическiе идеалы, все, что ему дорого и свято: народность, вѣроисповѣданiе, преданiе, историческiй зиждительный подвигъ, которому Русское государство обязано своимъ бытiемъ, — все это имъ или ненавистно, или глубоко антипатично и презирается ими. Для нихъ Русскiй народъ живъ только о хлѣбѣ единомъ. Съ этой точки зрѣнiя Русскiй народъ для нашихъ «либераловъ» скорѣе помѣха, — что иногда нехотя и проскакиваетъ въ ихъ писанiяхъ. Такъ г. Щедринъ прямо высказался, что сближенiе *средняго* человѣка, т. е. изъ «интеллигенцiи», съ народомъ немыслимо, ибо народъ смердитъ язвами, проказой и сблизиться съ нимъ — значитъ засмердѣть; такъ «Голосъ» попытался однажды Русскую власть пугнуть картиной 80% населенiя, гнетущихъ жизнь остальныхъ 20%, и побудить ее, Русскую власть, «взнуздать звѣря», т. е. Русскiй народъ,. — взнуздать, разумѣется, прежде всего къ вящей выгодѣ самихъ нашихъ псевдолибераловъ, которые бы такимъ образомъ и чужими руками избавились отъ несносной помѣхи. Затѣмъ всѣ «либеральныя» (!) газеты наперерывъ, порознь и хоромъ, не только отрицаютъ право Русскаго народа на какую-либо народную самобытность «въ сферѣ политическихъ и религiозныхъ идей», на какую-либо своеобразную духовную индивидуальность, но даже неистово анаѳематствуютъ самое понятiе о самобытности Русской. Въ самомъ дѣлѣ: ну какъ, признавши за Русскимъ народомъ право на самобытность, окажется, что она не во

всемъ сходится съ самобытностью Французской (въ области новѣйшихъ политическихъ и религіозныхъ идей)? Самобытенъ Французъ, самобытенъ Нѣмецъ; Русскій человѣкъ — ни-ни! Такъ рѣшили «либералы» на берегахъ Невы и Москвы...

Кажется, этого уже одного достаточно, чтобы видѣть, какъ мало солидныхъ основъ можетъ имѣть въ Россіи какая-либо политическая партія—при подобномъ отношеніи къ народу! А между тѣмъ еще недавно «Русскій Курьеръ» выступилъ съ новой кличкой для своей партіи: «національ-демократы»!.. Мы вообще станемъ больше придерживаться «Курьера». Онъ преоткровенный и подчасъ преувеселительный enfant terrible «либерализма», вовсе не ехиденъ, напротивъ очень прямолинеенъ. Надо думать, что онъ издается недоучившимися гимназистами: это вѣроятно и придаетъ ему особенную прелесть чистосердечія. Онъ рѣзокъ, дерзокъ и бранится — какъ бранятся лишь малые школьники, корча большихъ (при чемъ всегда неприличнѣе большихъ); онъ подобно дѣтямъ совсѣмъ не знаетъ краю, но тѣмъ не менѣе въ «Курьерѣ», хотя въ болѣе или менѣе карикатурномъ видѣ, отражаются болѣе же или менѣе затаенныя вожделѣнія всего «либеральнаго» лагеря. Извѣстно, что главный лозунгъ этого лагеря — «правовой порядокъ». Вещь повидимому безспорно хорошая. Но подъ этимъ выраженіемъ «либераловъ» вовсе не слѣдуетъ разумѣть государство, гдѣ всѣ взаимныя отношенія опредѣлены законами, правомѣрны. Въ этомъ смыслѣ Россія съ своими чуть не 30 томами Свода Законовъ плюсъ Приложенія, Россія, гдѣ шагу нельзя ступить, воздухомъ дохнуть нельзя несоотвѣтственно такой-то статьѣ такой-то части такого-то тома Свода, должна бы занять первое мѣсто, — не то что какая-нибудь Англія, гдѣ даже никакого полнаго кодекса не имѣется, гдѣ отведенъ такой просторъ, даже въ гражданскихъ судахъ, участію *совѣсти* (началу, ни подъ какое формальное правовое понятіе не подходящему!). Очевидно, тутъ слѣдуетъ разумѣть нѣчто другое,— тѣмъ болѣе, что страстное влеченіе къ *правовому* порядку въ смыслѣ *законности* трудно совмѣстить съ ликованіями по поводу, напримѣръ, какого-нибудь процесса г-жи Засуличъ, который даже съ формальной юридической стороны былъ бы немыслимъ нигдѣ въ Европѣ; или, напримѣръ, съ негодованіемъ на одесскаго прокурора, за то что онъ исполнилъ свою обя-

зависть, арестовалъ въ Одессѣ бѣжавшаго каторжника-убійцу, или же съ тѣми «либеральными» возгласами противъ Русскаго «неправоваго порядка», которые то и дѣло раздаются по поводу предъявленія крестьянамъ, для взысканія недоимокъ, исполнительныхъ листовъ не только землевладѣльцами, но даже правительствомъ, даже по рѣшенію уголовнаго суда (см. въ «Голосѣ» фельетонъ г. Эртеля), тогда какъ въ «правовомъ государствѣ»—въ культурной Германіи, по свидѣтельству Нѣмецкихъ газетъ, экзекуціонныхъ листовъ по взысканію недоимокъ предъявляется къ крестьянамъ и рабочимъ болѣе полумилліона въ годъ, и никто изъ нашихъ «либераловъ» на это не негодуетъ! Стало быть дѣло вовсе не о правовомъ порядкѣ въ настоящемъ смыслѣ этого слова; таковому порядку крайніе наши «либералы» вовсе и не сочувствуютъ; дѣло идетъ о точномъ опредѣленіи закономъ аттрибутовъ верховной единоличной, исторической власти и о замѣнѣ ея произвола произволомъ случайнаго большинства, какого-нибудь десятка подобранныхъ и подтасованныхъ голосовъ,—о перенесеніи власти отъ лица къ «интеллигентному разночинству» по выраженію г. Любимова. Другими словами, подъ «правовымъ порядкомъ», прославляемымъ нашею мнимо-либеральною печатью, нельзя разумѣть ничего другаго какъ «либеральнаго государственнаго учрежденія въ Западно-Европейской формѣ». Очень жаль, что нашимъ якобы либераламъ неудобно называть вещь прямо ея настоящимъ именемъ — конституціей; высказавши слово, они бы вынуждены были перейти и къ точному выясненію формулы, а тутъ бы непремѣнно или обнаружились такія похоти властолюбія, которыя бы встрѣтили самый рѣзкій отпоръ въ Россіи,—или же сами «либералы» заспорили и перессорились бы между собою: результатъ несравненно болѣе выгодный для правительства и для общества, чѣмъ вынужденное молчаніе.

Но не станемъ входить въ сущность «праваго порядка». Каковъ бы ни былъ этотъ мистическій порядокъ, но первою обязанностью *серьезныхъ* его адептовъ было бы, кажется, подготовить ему благопріятную почву въ общественномъ мнѣніи, *зарекомендовать* его обществу и особенно народу съ самой сочувственной стороны, такъ какъ послѣдній въ вопросахъ подобнаго рода имѣетъ у насъ, безспорно, рѣшающій голосъ. Какъ же рекомендуютъ этотъ порядокъ наши газетные «ли-

бералы», какую почву ему подготовляютъ, что̀ сулятъ они народу вмѣстѣ съ своимъ «правовымъ порядкомъ?» Прежде всего—тиранническое господство матеріалистической или даже атеистической доктрины, распространенное на народную школу,—или по просту сказать—воспитаніе народа въ безбожіи. Намъ нѣтъ никакого дѣла до ихъ личныхъ религіозныхъ убѣжденій; мы желали бы предоставить имъ наиполнѣйшую свободу въ обсужденіи вопросовъ вѣры. Можетъ быть даже наши гг. «либералы» сами лично и преблагочестивые люди, но ихъ восторгъ, но этотъ радостный бѣглый огонь изо всѣхъ ружейныхъ дулъ либеральнаго литературнаго стана по поводу новѣйшихъ Французскихъ законовъ о народной школѣ и объ имени Божьемъ можетъ только внушить Русскому человѣку искреннѣйшую молитву: да никогда не падетъ въ руки ихъ власть надъ Русскимъ народомъ! Мы судимъ объ этомъ по письмамъ полученнымъ нами отъ нѣкоторыхъ подписчиковъ и «Голоса» и «Русскаго Курьера». Въ особенности краснорѣчиво писалъ о «Курьерѣ» одинъ крестьянинъ изъ Коломны, указывая намъ на тотъ № газеты, гдѣ съ самымъ горячимъ сочувствіемъ и ликованіемъ привѣтствовались кощунственныя распоряженія Французской палаты депутатовъ и административныхъ властей по новому закону о народномъ обученіи. Во Франціи, какъ извѣстно, дѣло идетъ вовсе не объ уничтоженіи школы конфессіональной или вѣроисповѣдной и о замѣнѣ ея (какъ въ Сѣверной Америкѣ) школою обще-евангельскою, а о созданіи школы строго-атеистической, почему, въ согласіи съ Французскимъ «правовымъ порядкомъ», и повелѣно: вышвырнуть вонъ Распятія, вытравить слово «Богъ» изъ учебниковъ, выкинуть это имя изо всѣхъ оффиціальныхъ актовъ. (Кстати: недавно велѣно назначать военныя упражненія солдатъ непремѣнно по воскресеньямъ, дабы солдаты не могли ходить въ церковь: такъ это и мотивировано!) Что̀ читалось читателямъ между сочувственныхъ строкъ «Курьера»? Да ничего болѣе, какъ: «дайте только намъ завести правовой порядокъ и мы захватимъ народную школу въ свою власть, и вытравимъ изъ книгъ и изъ дѣтскихъ головъ имя Божіе, и замѣнимъ Евангеліе Христово евангеліемъ отъ Поля Бера (по выраженію «Revue des Deux Mondes»), т. е. кодексомъ самой узкой республиканской морали, составленнымъ первостатейнымъ тупицей!

Ну, развѣ можно признать нашихъ будто бы «либераловъ» за людей серьезныхъ? Развѣ не слѣдуетъ благодарить ихъ за ту наивность, съ которой они сами предостерегаютъ и общество и народъ о принадлежностяхъ обѣтованнаго ими «правоваго порядка», и сами же громогласно возвѣщаютъ: «вотъ что̀ сулитъ нашъ либерализмъ! вотъ что̀ мы продѣлаемъ насильственно надъ Русскимъ народомъ, мы, интеллигенція (конечно, во имя же народа!), попадись намъ только власть въ руки!» Да не только власть, но и современную школу сохрани Богъ видѣть въ рукахъ тѣхъ, кто способенъ сочувствовать законамъ Поля Бера! Такая искренность нашихъ мнимыхъ либераловъ въ выраженіи сочувствія Беру дѣлаетъ безъ сомнѣнія честь ихъ мужеству, и пусть ихъ выражаютъ себѣ это сочувствіе безвозбранно, — но оно за то свидѣтельствуетъ и о совершенномъ отсутствіи въ нихъ даже капли политическаго смысла.

Далѣе. Столь же мало свидѣтельствуетъ объ ихъ не только политическомъ, но даже и о здравомъ смыслѣ это постоянное на всѣ лады отрицаніе въ Русскомъ народѣ всякаго права на самобытность въ области духовной и политической. Мы уже говорили объ этомъ выше. Отрицается не только народная личность, но и всякая оригинальность творчества даже въ поэзіи и искусствѣ. Всѣ силы знанія, всѣ пріемы науки направлены у нашихъ «либераловъ» преимущественно къ тому, чтобъ доказать отсутствіе этой оригинальности, — и праздникъ, великій злорадостный праздникъ въ «либеральномъ» ученомъ станѣ о всякомъ будто бы Русскомъ заимствованіи или подражаніи — будь то богатырская былина («либералы» «Вѣстника Европы» даже всѣхъ нашихъ богатырей и самого, кажется, Илью Муромца обличали въ иностранномъ происхожденіи), или произведеніе современнаго художника, или же какое-либо явленіе бытовой и политической жизни! Мы знаемъ одного профессора, который требовалъ отъ студента, выразившаго желаніе остаться при университетѣ и заподозрѣннаго въ «славянофильствѣ», чтобъ онъ напередъ въ ученомъ сочиненіи, на основаніи сравнительно-историческаго метода, непремѣнно доказалъ, что и въ Россіи былъ феодализмъ! Чему же, спрашивается, они радуются? откуда эта потребность совлечь съ Русскаго человѣка всякую самобытность и низвесть его на степень

списка? Да потому именно, что оригиналъ предпочтительнѣе списка, и такъ какъ оригиналъ только на Западѣ, то и выводъ слѣдующій: тѣломъ и душой, corps et bagages, раболѣпно предаться Западу, какъ носителю высшей культуры и производителю «послѣднихъ словъ науки»; другими словами, проповѣдь «либераловъ»—не болѣе, какъ сервилизмъ или попросту говоря—холопство предъ Западомъ. И такъ, кромѣ безбожной школы, другой принадлежностью сулимаго «праваго порядка»—холопство предъ Европой... Но добро бы оно ограничивалось лишь ученою и литературною областью: нѣтъ, такой же сервилизмъ проповѣдуется и для Русской политики. Она не должна быть національною; она не должна сочувствовать Славянамъ и содѣйствовать ихъ освобожденію; она не должна стремиться къ исполненію русскаго историческаго міроваго призванія: таковаго намъ вовсе и не полагается; она должна прежде всего признавать преимущество надъ нами западныхъ странъ, подобающее имъ, какъ странамъ культурнымъ надъ некультурными и неимѣющими «праваго порядка!» Читателямъ «Руси» знакома наша полемика съ нашими мнимо-либеральными газетами по этому поводу. Развѣ «Голосъ» не предлагалъ предоставить Австріи въ полное распоряженіе Боснію и Герцеговину,—Австрія-де облагодѣтельствуетъ ихъ конституціей? Развѣ «Русскія Вѣдомости» не выражали желанія видѣть весь Славянскій сѣверозападный уголъ Балканскаго полуострова въ рукахъ Австро-Мадьярскихъ? Развѣ «Голосъ» не ликовалъ по поводу нашего безчестія, по поводу Берлинскаго трактата, такъ глубоко поранившаго Русское сердце? Развѣ наконецъ «Курьеръ» не отчурался еще недавно съ презрѣніемъ отъ притязаній Россіи на Босфоръ и на «кусочки Чернаго моря?» Развѣ наконецъ всѣ органы нашей «либеральной» печати вмѣстѣ не наглумились вдоволь надъ великимъ христіанскимъ подвигомъ братской любви и самопожертвованія, свершеннымъ всѣмъ Русскимъ народомъ въ годину 1876 и 1877 года, надъ всей этой нашей священной народной эпопеей?.. Но впрочемъ, въ эти великія минуты подъема и испытаній народнаго духа, наши «либералы» всегда за бортомъ, въ сторонѣ отъ народа; не съ нимъ они, и онъ не съ ними; между ними нѣтъ и не можетъ быть никакого общенія. Они способны только на кощунственное оплеваніе, post factum,

всего того, что дорого и свято памяти народной. Да и съ какимъ усердіемъ упражнялись они въ томъ, подпимая непрестанно па смѣхъ и идею братолюбія, и связь Славянской единоплеменности и единовѣрія,—и все это — во имя культуры, либерализма и «правоваго порядка»!!. Такимъ образомъ (о, политическое глубокомысліе!) связали они съ идеей своего «правоваго порядка», кромѣ политическаго предъ Европою холопства вообще, и предательство Славянскихъ братьевъ Нѣмцамъ и Мадьярамъ, однимъ словомъ — Русское національное *безчестіе!*.. Еще на дняхъ, когда Москва отъ лица всей Россіи собиралась привѣтствовать доблестнаго вождя доблестнѣйшаго Славянскаго племени, въ теченіи вѣковъ дивнымъ геройствомъ отстаивавшаго свою независимость,—того Черногорскаго племени, слава о которомъ вѣдома и любезна Русскому народу всему, изъ конца въ конецъ — «либеральный» «Русскій Курьеръ» швырнулъ комомъ грязи въ Черногорскаго князя, объявляя ему, чтобъ онъ ни надѣялся на поддержку Россіи, а обратился къ «болѣе культурнымъ народамъ»... Этой мерзости нельзя уже извинить ни умственнымъ убожествомъ, ни невѣжествомъ, ни духовнымъ малолѣтствомъ редакціи. Но тѣмъ не менѣе надо радоваться, что *способность* къ такому поступку одного изъ самыхъ громкихъ глашатаевъ фальшиваго либерализма проявилась наружу. И не «Русскій ли Курьеръ» въ ту минуту, какъ вся Россія погружена была въ самую глубокую скорбь смертію Скобелева, пустилъ и въ него, лежавшаго на смертномъ одрѣ, комъ «либеральной» грязи? Развѣ это не презрѣніе къ святынѣ народнаго чувства и къ Русской славѣ?..

Что еще сулитъ намъ правовой порядокъ нашихъ «либераловъ»? Да ни больше ни меньше, какъ расчлененіе Россіи, нарушеніе созданнаго тяжкимъ трудомъ народа государственнаго единства — во имя теоріи *федерализма*, замѣнившаго теперь слово *сепаратизмъ*. Прослѣдите статьи «либеральныхъ» газетъ по поводу процесса Русскихъ Галичанъ во Львовѣ, полюбуйтесь ихъ поощренію Польскихъ притязаній на Русское населеніе не только въ Галиціи, но и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, ихъ сочувствію украйнофильской политической партіи... Но объ украйнофильствѣ, работающемъ въ руку Поляковъ и достаточно обличаемомъ откровеніями гг. Драгоманова и Ку-

лица за границей, мы также поговоримъ особо. Не станемъ долѣе утомлять читателя, а поспѣшимъ къ заключенію.

И такъ: «правовой порядокъ» Русскихъ газетныхъ «либераловъ», какъ мы это доказали, зиждется на безбожной школѣ, на насиліи надъ народомъ, на отрицаніи Русской народной самобытности, на холопствѣ духовномъ и политическомъ предъ Западомъ, на русскомъ національномъ безчестіи и безславіи, на презрѣніи ко всякой народной святынѣ... Есть ли поводъ для правительства сколько-нибудь опасаться *такихъ* «либеральныхъ» затѣй, сулящихъ Русскому народу не свободу, а тиранію? Нѣтъ ли, напротивъ, основанія благодарить нашихъ «либераловъ» за предупредительную откровенность, а бывшихъ двухъ министровъ за ту долю простора печати, которая вызвала на подобную откровенность и тѣмъ скомпрометтировала этотъ ложный либерализмъ вконецъ? Еслибъ наши «либералы» молчали, важно хмурились, давая разумѣть, что они имѣли бы что̀ сказать, но осуждены на безмолвіе, имъ бы, пожалуй, повѣрили многіе, особенно по естественной склонности ко всему гонимому и запретному. Теперь, кажется, такое самообольщеніе неумѣстно. Намъ возразятъ, можетъ быть, указаніемъ на число подписчиковъ: вотъ-де какъ велико ихъ вліяніе. Но числомъ подписчиковъ нисколько не опредѣляется нравственный вѣсъ изданія: у «Московскаго Листка» подписчиковъ больше, чѣмъ у любой мнимо-либеральной газеты. Не всякій подписчикъ и послѣдователь. Но если даже предположить, что наберется десятокъ-другой тысячъ поклонниковъ «Русскаго Курьера», «Голоса» и его подголосковъ,—то и это значитъ только то, что въ Россіи имѣется на сто милліоновъ жителей столько-то тысячъ людей *способныхъ* получать и *вкушать* эти газеты, людей подходящихъ къ нимъ степенью умственнаго и нравственнаго развитія... А предоставьте этимъ газетамъ совершенно полную свободу высказываться, отнимите отъ нихъ приправу чего-то гонимаго, недоговариваемаго,—онѣ договорятся до такихъ геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости, что всякое вліяніе ихъ со срамомъ рухнетъ, а можетъ быть и имъ самимъ стыдно станетъ. Ибо,—кромѣ радикаловъ, перешедшихъ къ преступному гнусному дѣйствію, съ которыми нѣтъ и разговоровъ,—нашъ вздорный либерализмъ не имѣетъ глубокихъ корней даже

въ самихъ такъ-называемыхъ либералахъ,—а просто продуктъ общественнаго умственнаго сумбура *историческаго* происхожденія. Развѣ вы не видите, что либерализмъ, напримѣръ «Курьера», да и прочихъ многихъ газетъ, не что иное какъ «Русское шампанское», т. е. простой Россійскій яблочный квасъ, и самъ по себѣ не вкусный, да еще испорченный или насыщенный разными газами и грубо *поддѣланный на манеръ* чужаго природнаго, именно Французскаго винограднаго, всесвѣтно прославленнаго. вина?

Madame Пузина.

Москва, 25-го сентября.

На нынѣшней недѣлѣ праздновалась столѣтняя годовщина перваго представленія первой Русской комедіи, положившей такое достославное основаніе драматической сатирѣ въ Россіи. Можно даже сказать, не отрицая заслугъ «Ябеды», что отъ «Недоросля» до «Горя отъ ума» («Ревизоръ» явился позднѣе) не было сатирическаго произведенія, которое бы по таланту, по критической мѣткости, а главное—по своему воздѣйствію на общество равнялось съ знаменитымъ произведеніемъ Фонъ-Визина. Но авторъ «Недоросля» былъ вмѣстѣ и авторомъ «Бригадира», комедіи также очень замѣчательной, хотя и стяжавшей несравненно меньшій успѣхъ. Эта неравномѣрность въ успѣхѣ происходила, кажется намъ, не только отъ художественнаго превосходства «Недоросля», но еще болѣе отъ различія содержанія: сатира «Бригадира» язвила лишь столичное общество, лишь верхній общественный классъ съ его неуклюжимъ, аляповатымъ усвоеніемъ внѣшнихъ формъ европейской цивилизаціи, съ его рабскою косолапою подражательностью иностранцамъ, такъ напоминавшею кривлянье обезьянъ корчащихъ человѣка,—съ его невѣжество-легкомысленнымъ презрѣніемъ къ родному языку и своей родной народности (торчавшей однако же, притомъ самыми своими непривлекательными сторонами, изъ-подъ Французскихъ кафтановъ и Французскаго ломаннаго жаргона),—съ его поверхностнымъ образованіемъ и преждевременно-старческимъ растлѣніемъ. Но

этимъ недугомъ еще далеко не была заражена вся масса Русскаго общества; обличеніе этой лжи,—ясной, въ то время, сознанію еще немногихъ, избранныхъ умовъ,—не стояло на очереди, не было злобою тогдашняго историческаго дня. Злобою дня, на покаянной исторической очереди обрѣталась тогда патріархальная закорузлость помѣщичьяго быта—лѣнивое, обезпеченное крѣпостнымъ рабствомъ, само себѣ довлѣющее невѣжество многочисленнаго класса деревенскихъ баръ, коснѣвшихъ въ грубости, уклонявшихся и отъ просвѣщенія и отъ службы. Но въ сознаніи автора «Недоросля» и «Бригадира» обѣ комедіи, очевидно, не раздѣлялись, а восполняли одна другую: мерзость самодовольнаго невѣжества противопоставлялась мерзости самодовольной лжеобразованности; здѣсь—грубый развратъ помѣщичьяго, барскаго, нетронутаго цивилизаціею быта, сидѣвшаго такъ-сказать на родномъ корню,—тамъ: едва ли еще не болѣе безобразный развратъ, да и не однихъ нравовъ, но самой мысли; *тамъ,* т. е. въ верхнемъ, болѣе или менѣе правящемъ слоѣ общества, все сильнѣй и сильнѣй отрывавшемся, не только по внѣшнему строю жизни, но даже въ сознаніи и въ чувствѣ, отъ родной почвы, отъ своей духовной національной основы, отъ самой сущности народной. Нужды нѣтъ, что «Бригадиръ» былъ написанъ ранѣе «Недоросля»; обѣ комедіи представляютъ въ цѣломъ общую картину того историческаго образовательнаго у насъ процесса, въ силу котораго «Простакова» перерождалась въ «Совѣтницу», «Скотининъ» и самъ «Митрофанушка» въ бригадирскаго сынка,—одного изъ тѣхъ, которыми кишѣли вельможескія гостиныя того времени.

Типы «Недоросля» могутъ считаться теперь устарѣвшими. Скотининское невѣжество не представляется уже общественной язвой нашего времени: Русское общество стараніями правительства,—цѣлымъ рядомъ прельстительныхъ и принудительныхъ мѣръ,—прогнано было, можно сказать, сквозь «просвѣщеніе» какъ сквозь строй, и такой характеръ сохраняетъ еще доднесь система нашего общественнаго образованія. Но типы «Бригадира» живы еще и до сихъ поръ. Они не устарѣли въ своей существенной основѣ; они или видоизмѣнились, приняли болѣе утонченную, даже духовную форму, или же просто перестали колоть намъ глаза вслѣдствіе пріобрѣтеннаго ими

права гражданства: мы такъ привыкли къ нимъ, что они насъ уже и не оскорбляютъ. Нѣтъ, они не устарѣли! Въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, т. е. черезъ полвѣка послѣ появленія въ свѣтъ комедій Фонъ-Визина, Грибоѣдовъ хлестнулъ бичемъ своей геніальной сатиры опять то же самое, только нѣсколько облагообразившееся направленіе, которое въ такой грубо-комической формѣ изображено въ «Бригадирѣ».

Хоть у Китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ?
Чтобъ умный, бодрый нашъ народъ
Хотя-бъ по языку насъ не считалъ за Нѣмцевъ?..

воскликнулъ Чацкій къ великому огорченію г. профессора Веселовскаго, который всѣми силами старается очистить Грибоѣдова отъ подозрѣнія въ славянофильской ереси и сопричислить его къ «западникамъ», à la Чаадаевъ! Но Богъ съ нимъ, г. Веселовскимъ: онъ, какъ извѣстно, понимаетъ исторію Русской литературы только какъ исторію *подражанія* иностраннымъ литературамъ, и приходитъ въ восторгъ отъ каждаго опознаннаго имъ заимствованія,—тогда какъ главный интересъ исторіи нашей словесности именно въ усиліяхъ Русскаго духа (въ лицѣ его геніальнѣйшихъ представителей) выбиться изъ путъ ложнаго, обезнародившаго насъ просвѣщенія и проявить свою народную самостоятельность, внѣ которой немыслимо для насъ ничто общечеловѣческое.

Въ тридцатыхъ годахъ Пушкинъ пытался и отказался отъ мысли написать романъ изъ Русскаго великосвѣтскаго быта, такъ какъ для точнаго его воспроизведенія пришлось бы чуть не весь романъ писать по-Французски. Прошло еще полвѣка. И что же? Если Фонъ-Визинъ, лѣтъ за сто тому назадъ, негодовалъ въ своихъ письмахъ изъ Парижа: какъ смѣютъ Французы подносить Русскому, въ видѣ наивысшаго комплимента, такую фразу: «да вы на Русскаго вовсе не похожи!» (mais, monsieur, vous n'avez pas l'air russe du tout),—то мы рѣшаемся смѣло утверждать, что изъ Русскихъ путешественниковъ за границей по крайней мѣрѣ двѣ трети, а изъ Русскихъ дипломатовъ девять десятыхъ въ наши дни за такое привѣтствіе негодовать не станутъ, напротивъ, почтутъ его для себя совершенно лестнымъ.

Очевидно, что направленіе, осмѣянное Фонъ-Визинымъ и Грибоѣдовымъ, измѣнилось теперь только по внѣшности, но за то проникло во внутрь, отъ наружной формы въ сознаніе, спустилось въ глубь, почти на самое дно общества. Рѣзкость противорѣчій сгладилась; чужое платье сидитъ уже не неуклюже,—по крайней мѣрѣ неуклюжесть эта намъ незамѣтна, и болѣзненной неловкости въ чужомъ костюмѣ уже не чувствуется. Можно быть теперь иностранцемъ, даже не зная ни одного иностраннаго языка или зная ихъ плохо, выражая иностранныя понятія языкомъ Русскимъ, или же иностранныя слова переписывая Русскими буквами. Можно даже видѣть въ этомъ актъ патріотизма, подобно тому, какъ изобрѣтатель «Русскаго шампанскаго» навѣрное гордится своимъ изобрѣтеніемъ какъ патріотическимъ дѣломъ. Къ счастью для насъ, это направленіе, спускаясь на болѣе низкія ступени общественной лѣстницы, продолжаетъ еще и теперь проявляться тамъ въ глубоко-комическомъ, карикатурномъ образѣ. Говоримъ къ счастію, потому что карикатура, раздражая глазъ, помогаетъ ему усмотрѣть истину, которую бы онъ иначе, пожалуй, и не замѣтилъ,—облегчаетъ работу сознанія... И развѣ не карикатура на всю нашу современность съ ея «интеллигенціей» и «высокимъ уровнемъ культуры» хоть бы эта большая часть вывѣсокъ, украшающихъ нашу народную столицу? Если православные «Русскіе портные изъ Парижа и Лондона», Синегубовы и Пахомовы, удалились въ провинцію, то Москва продолжаетъ щеголять вывѣсками не менѣе выразительными и прежде всего—такимъ множествомъ Французскихъ, что можно предположить: не цѣлыя ли двѣ трети Московскаго населенія—иностранцы? Чуть не на каждомъ шагу красуются всѣ эти Madame Olga, Madame Parascovie, а на одной изъ центральныхъ Московскихъ улицъ намъ почти ежедневно приходится любоваться вывѣскою аршинными буквами: «*Мадамъ* Пузина». Есть еще другая, недавно прочитанная нами: «*Мадамъ* Аграфена». Это не только смѣшно; если кто думаетъ, что это лишь пустякъ, не заслуживающій упоминанія, то, право, онъ ошибается... «*Мадамъ* Пузина», это вѣдь цѣлый историческій продуктъ. Проѣзжая мимо нея, мы невольно каждый разъ возстановляемъ въ своемъ умѣ всю ея долгую, почти двухсотлѣтнюю генеалогію — отъ княгинь, высѣченныхъ кнутомъ при

Петрѣ въ Правительствующемъ Сенатѣ за отказъ участвовать въ «ассамблеяхъ», отъ бритья бородъ, совершаемаго самою августѣйшею рукою (изъ любви къ искусству), отъ дубинъ, коими учили бояръ «комплиментамъ», пока не выдубили изъ нихъ столь извѣстныхъ Екатерининскихъ «петиметровъ»... Въ томъ-то и дѣло, что и «Русское шампанское», и эта «мадамъ Пузина» съ «мадамъ Аграфеной»—все это только наглядныя, хотя бы и въ карикатурной формѣ, еще живучія эмблемы нашего историческаго просвѣтительнаго процесса со временъ Петра, въ главныхъ его чертахъ, и нашего современнаго духовнаго состоянія съ его наукой о «послѣднихъ словахъ» безъ знанія первыхъ, съ тѣмъ, однимъ словомъ, его умственнымъ сумбуромъ, которымъ болѣетъ Русское общество отъ верхнихъ своихъ ярусовъ до нижнихъ и который такъ мѣтко характеризуется Грибоѣдовскими словами: «смѣсь Французскаго съ Нижегородскимъ». Нечего смѣяться надъ несчастной портнихой, пожелавшей облагородить, должно быть согласно съ общественнымъ вкусомъ, свое вполнѣ Русское прозваніе приставкой Французскаго слова «мадамъ». Развѣ «*Русская* столица Санктпитербурхъ» (по орѳографіи Петра) или хоть бы «Санктпетербургъ» не та же «мадамъ Пузина»? Чѣмъ же лучше ея или «мадамъ Аграфены» — Русскій *земскій* чинъ «кирхшпильсфохтъ», введенный Преобразователемъ? Мы только прислушались, а вѣдь всѣ эти наши чины, не только составленные изъ иностранныхъ словъ, какъ «коллежскій ассесоръ», но и переведенные съ Нѣмецкаго на Русскій языкъ, хотя и оставшіеся непонятными, напримѣръ: «надворный совѣтникъ», «дѣйствительный тайный» — ни тайно, ни явно не совѣтующій «совѣтникъ»,—чѣмъ они умнѣе и приличнѣе вывѣски: «мадамъ Пузина»? А этотъ «шефъ столь достойной націи», какъ смѣла назвать Царя Русскаго народа наша цивилизованная канцелярія въ изготовленномъ для Императора Александра I (и къ сожалѣнію имъ подписанномъ) рескриптѣ городу Санктпетербургу?

Но дѣло не во внѣшней только, комической сторонѣ словъ и выраженій. Она важна лишь какъ знаменіе внутренняго склада мысли и даже чувствъ,—какъ олицетвореніе *претензіи*, т. е. усилія *казаться*, а не быть, какъ щегольство своимъ отчужденіемъ отъ народности или своею заемною цивилиза-

ціею. Это именно то, что заставило одного умнаго иностранца назвать наше отечество царствомъ *фасадовъ*. Но вѣдь все претензія да претензія, все фасадъ да фасадъ — это по истинѣ ужасно! И еще ужасно то, что «претензія» обратилась какъ бы въ насущное, естественное и законное притязаніе, а «фасадъ» вошелъ въ плоть и кровь, сталъ даже *фасадъ* внутреннимъ *содержаніемъ* Русскихъ, опорожненныхъ отъ народной стихіи душъ! Фасадъ, или, какъ выражаются наши плотники, «на подъ-лицо», составляетъ теперь главную задачу нашей общественной жизни, главную потребность,—потребность лживую, но тѣмъ не менѣе дѣйствительную и жгучую. Фасадомъ думаемъ мы удовлетворить всѣ, не вполнѣ ясные нашему сознанію, запросы болѣзненно рвущагося къ простору нашего духа; въ фасадѣ думаемъ найти и спасеніе отъ разъѣдающихъ насъ золъ.

И такъ, не быть самимъ собою, а быть чѣмъ-то инымъ, въ сущности только казаться, и въ этомъ смыслѣ направлять и искажать наше общественное развитіе, пренебрегая правильнымъ органическимъ процессомъ — вотъ о чемъ комически гласятъ всѣ эти вывѣски, но что очень трагически сказывается на судьбахъ Русскаго общества. Развѣ не фасадъ знанія—всѣ эти «послѣднія слова» науки? Развѣ не фасадное направленіе воспитываетъ въ молодежи вся наша педагогія среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, вытравливая въ юныхъ душахъ всякое положительное отношеніе къ своей народности, всякую національную духовную индивидуальность, всякій нервъ самобытнаго національнаго творчества, и насаждая въ нихъ, напротивъ, вмѣстѣ съ иноземными идеалами, отрицательное отношеніе и къ своему народу, и къ своей исторіи?... Развѣ не то же почти видимъ мы и до сихъ поръ въ направленіи нашей промышленности и даже нашего государственнаго строенія? Все идетъ и строится большею частью какъ-то мимо жизни, мимо дѣйствительныхъ нуждъ и существенныхъ интересовъ нашего отечества. Доказательства тому во множествѣ найдемъ даже и на нашей Всероссійской выставкѣ, гдѣ нельзя не поразиться главными, господствующими, хотя и не безъ исключеній, характерными чертами, напоминающими «мадамъ Пузину», но лишь въ величавомъ размѣрѣ. Эти черты: удовлетвореніе потребностей высшихъ «цивилизованныхъ» клас-

совъ, а не народныхъ массъ,—дороговизна, а не дешевизна, *подражаніе* иностранному образцу доведенное до совершенства и почти отсутствіе оригинальности: вотъ куда ударился самолюбивый патріотизмъ! Вы найдете Русскаго издѣлія шарабаны, ландо, новѣйшаго англійскаго фасона экипажи, и не найдете усовершенствованной телѣги: народу предоставляется довольствоваться телѣгой, въ которой ѣзжали чуть не въ допотопныя времена; найдете дорогія шерстяныя ткани, тогда какъ народъ продолжаетъ ходить въ плохой самодѣльной дерюгѣ. Въ столицахъ телеграфъ замѣняется телефономъ, а въ глубинѣ Россіи письмо по почтѣ во многихъ мѣстахъ идетъ мѣсяцы и больше. Города, и притомъ далеко не всѣ, соединяются между собою желѣзными путями, а подгородная и попутная жизнь глохнетъ по недостатку средствъ сообщенія, и дороги остаются такими же непроѣздными и мучительными, какими были еще при Монгольскомъ игѣ. Десятки милліоновъ жертвуются на великолѣпіе нашей порубежной столицы—Санктпетербурга, и словно заколдованный не пролагается рельсовый путь до Сибири! У насъ завелась Академія наукъ,—пышный фасадъ научной дѣятельности — въ то время, какъ ни одной почти народной, элементарной школы не существовало,— Академія, о которой Ломоносовъ восклицалъ: «диво, что къ иностраннымъ ученымъ и студентовъ изъ-за моря же не выписываютъ»,—Академія, о которой чрезъ 150 лѣтъ слишкомъ послѣ ея основанія, только на дняхъ рѣшенъ вопросъ: «Русская» ли она, и установлено офиціально, вмѣстѣ съ титуломъ, это ея качество! И развѣ, одновременно съ модными толками о «народномъ просвѣщеніи», не закрывалась у насъ та главная народная школа, благодаря которой сберегъ въ себѣ нашъ народъ христіанскую душу сквозь тысячелѣтній гнетъ страстей и мукъ,—развѣ не было заперто до трехъ тысячъ храмовъ, если не болѣе, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ приходовъ? Не то ли самое видится и во внѣшней политикѣ, и во всѣхъ нашихъ дипломатическихъ отношеніяхъ, въ которыхъ мы большею частью только заискиваемъ у иностранцевъ хорошей отмѣтки или балла за успѣхи въ цивилизаціи и готовы, изъ-за похвальнаго аттестата, проглядѣть свои существенные интересы? Боязнь чужаго мнѣнія, мнѣнія «культурныхъ» сосѣдей, развѣ не заставляетъ Русскую дипломатію

лѣзть изъ кожи, чтобы прослыть и у нихъ «культурною», а иностранцы, зная таковую нашу слабость, зная, что мы недалеко ушли отъ Русской портнихи, которая таетъ отъ удовольствія, если назвать ее мадамой, очаровываютъ насъ дешевою лестью снисходительнаго обращенія и зазываютъ насъ, намъ же во вредъ, на свои Европейскіе концерты!

Бѣда въ томъ, что все это вмѣстѣ воспитываетъ, вкореняетъ въ насъ глубокое невѣжество своей страны и народа. Обритый насильно, чуть не на дыбѣ,—подъ кнутомъ выучившійся «комплиментамъ», дубиною вывѣтренный бояринъ, подъ страхомъ казни воспринявшій въ себя, какъ въ сосудъ, чуждое содержаніе, сжившійся, сплотившійся наконецъ, долгой работой времени, съ этимъ содержаніемъ, прежде только перерядившійся, а потомъ и переродившійся Русскій,—ставъ напослѣдокъ бюрократомъ, началъ судить, рядить, благоустроять или муштровать Русскую землю. Не изъ предательства, не изъ злонамѣренности, а съ самыми добрыми пожеланіями эти «Русскіе портные изъ Парижа», эти московскія мадамы Пузины въ мундирахъ заставляли пушками сажать картофель тамъ, гдѣ пшеницу и дѣвать некуда, сѣять кукурузу тамъ, гдѣ прозябаетъ лишь морошка, строить дома и церкви по иностраннымъ фасадамъ, сочинять города, потому-де что такъ вездѣ въ цивилизованной Европѣ,—города, которые и теперь умоляютъ о разжалованіи ихъ въ деревни,—сочинять сословія, сочинять учрежденія — мертворожденныя и мертвящія... И не то ли самое продолжается и теперь, подъ громкій хоръ нашихъ «либераловъ», такъ кстати возстающихъ противъ всякой національной самобытности и упрочивающихъ тѣмъ самымъ бытіе во власти портныхъ изъ Парижа и мадамъ Пузиныхъ? А портные изъ Парижа, бывало, по внушенію послѣдней парижской моды, возьмутъ да и сообразятъ, что и въ Россіи слѣдуетъ бояться боязнью Наполеона III, похитителя престола, который только о томъ и заботился, какъ бы оградить свой династическій интересъ отъ посягательствъ враждебнаго ему общества, и нарочито придумалъ для сего систему цензурныхъ предостереженій. А мадамы Пузины и Аграфены еще недавно повторяли—и очень серьезно—заграничную, до чудовищности нелѣпую басню, будто въ Россіи совсѣмъ-таки организована аграрная революція съ двумя ге-

нералами во главѣ—Скобелевымъ и Черняевымъ,—повторяли и совѣтовали принять заблаговременно «нужныя мѣры», къ счастію, отвергнутыя высшею мудростью. Въ крови сидитъ мадамъ Пузина или Аграфена почти у каждаго нашего бюрократа!

Она же сидитъ и въ каждомъ нашемъ «консерваторѣ», «либералѣ», также и въ нигилистахъ всѣхъ наименованій. Та же претензія, та же поддѣлка, даже явная и чистосердечная, та же искренняя потребность «фасада» вездѣ и во всемъ, и въ самомъ этомъ требованіи «конституціи». Будь только конституція «на подъ-лицо» и все пойдетъ ладно! Не только весь нашъ мнимый либерализмъ смахиваетъ на мнимое или «Русское шампанское», но и всѣ прочія наши политическія доктрины, всѣ эти иностранные *измы* на Русской почвѣ, что же они иное, какъ не то же плохое и неумное пойло, откровенно поддѣланное на маперъ природнаго Французскаго напитка? Разница въ томъ, что «Русское шампанское» болѣе или менѣе, думаемъ мы, безвредно, а поддѣлка спирта, которымъ опьяняется наша молодежь, губительна, смертоносна. Наши «сепаратисты» или «федералисты», всѣ эти «націонало-демократы», »социало-демократы», «демократо-революціонеры» — не то же ли они самое, что вышеупомянутыя вывѣски Русскихъ портнихъ съ иностранной приставкой? Правда, комизмъ вывѣски получаетъ здѣсь уже трагическую подкладку: нашъ террористъ, напримѣръ, это какъ бы мадамъ Аграфена, вооружившаяся, за неимѣніемъ иныхъ высшихъ разумныхъ аргументовъ, динамитомъ, револьверомъ и ядомъ, это какъ бы мадамъ Пузина, способная умереть и убить за фасадъ или вѣрнѣе за иностранный фасонъ изготовляемыхъ ею шемизетокъ, волановъ, лифовъ и басковъ, и прочихъ принадлежностей Французской моды.

Таковъ крайній, серьезный до трагедіи, логически послѣдовательный выводъ изъ того подражательнаго направленія, которое дано Русскому духу со временъ Петра и осмѣяно Фонъ-Визинымъ и Грибоѣдовымъ въ ихъ драматическихъ сатирахъ. Но есть другая сторона вопроса, которая заслуживаетъ тщательнаго изученія: именно самый тотъ процессъ въ его постепенности, который Русскаго свѣжаго человѣка можетъ привести на край гибели. Если до этого края доходятъ

только немногіе, то сколько же ихъ,—цѣлыя массы!—оставляются на полдорогѣ, болѣе или менѣе нравственно изуродованные!

Правильнымъ развитіе народа можетъ назваться только тогда, когда то, что̀ лежитъ въ народѣ какъ стихійное начало, какъ сѣмя, какъ несознаваемая, непосредственная сила, пускаетъ ростъ, проявляетъ въ постепенномъ образованіи и усложненіи всѣ свои лучшія свойства, достигаетъ полноты своего выраженія, однимъ словомъ, когда народъ восходитъ изъ силы въ силу, изъ инстинктивной жизни массъ въ сознательную жизнь единицъ, не разрывая органическаго единства, но просвѣтляя и укрѣпляя его высшимъ развитіемъ народнаго духа. Такъ-называемое общество, или совокупность лицъ, образующаяся поверхъ народа,—это тотъ же народъ, но только на степени самосознанія, выражающагося въ личномъ сознаніи единицъ, изъ народа вышедшихъ. Таково отношеніе образованной среды къ народу во многихъ просвѣщенныхъ краяхъ. У насъ же совершенно наоборотъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ ставила газета «День», да и теперь опять можно поставить вопросъ: отчего у нашего народа, который, по признанію даже иноземцевъ, смышленнѣе, смѣтливѣе, умнѣе простонародья всѣхъ другихъ странъ,—отчего у нашего народа общество такое умственно слабое и нравственно дряблое? отчего въ Россіи вѣчно жалуются на безлюдье, на недостатокъ умныхъ и способныхъ дѣятелей?.. Когда-то, при остроумной повѣсти покойнаго графа Соллогуба «Тарантасъ» была приложена картинка, изображающая постепенное восхожденіе мужика по общественной іерархической лѣстницѣ,—другими словами: *перерожденіе* и *вырожденіе* мужика. Подлѣ мужика съ умнымъ, открытымъ, серьезнымъ и важнымъ лицомъ—дворовый, чиномъ выше, но духомъ ниже; затѣмъ, помнится, бурмистръ, вышедшій на волю, затѣмъ приказный, чиновникъ, и т. д. Однимъ словомъ, здѣсь цивилизація выражается цѣлымъ рядомъ паденій. Не видимъ ли мы это и теперь на каждомъ шагу, встрѣчая крестьянина, ну хоть бы подрядчика, трудомъ и смѣткою составившаго себѣ состояніе, человѣка яснаго, здраваго смысла, твердой воли,—и рядомъ съ нимъ его сынка съ пенсне, хилаго, спѣшащаго улизнуть отъ тятеньки въ балетъ или разъѣзжающаго непремѣнно по-англійски

въ шорахъ? Отецъ уменъ,—сынъ жидокъ смысломъ, отецъ—кремень, сынъ—мямля; отецъ—Русскій въ полномъ смыслѣ слова,—сынъ своего рода *мадамъ* Пузина. Отецъ—типъ порядочности, comme il faut, ибо чуждъ *претензій* и совершенно *простъ:* вообще нашего хорошаго крестьянина никакъ нельзя назвать человѣкомъ дурнаго тона. Сынъ—олицетворенная претензія, то что̀ называется mauvais genre. Крестьянина-отца не легко собьешь съ толку, онъ не вѣтренъ, въ немъ лежитъ тяжелый грузъ преданій и бытоваго обычая, съ которымъ ему приходится считаться. Сынокъ опорожненъ воспитаніемъ отъ этого груза, пустъ и въ эту пустоту можно влить сколько угодно и какой угодно шипучей доктрины, всыпать и гороху, и пороху...

Не этотъ ли самый процессъ воспитанія, иначе перерожденія и вырожденія, продѣлывается въ Россіи не надъ отдѣльнымъ мужикомъ, но надъ цѣлымъ народомъ и въ теченіе почти двухъ вѣковъ со времени реформы Петра Великаго? Не этому ли процессу обязаны мы современнымъ умственнымъ и нравственнымъ состояніемъ Русскаго общества, съ его путаницей,—общества, въ широкомъ смыслѣ этого слова, отъ первыхъ ступеней до нижнихъ, отъ правящихъ сферъ включительно до мелочныхъ лавочниковъ? Не здѣсь ли надо искать разгадку всѣхъ нашихъ недуговъ и золъ, начиная отъ бюрократіи и кончая революціоннымъ терроризмомъ,—а ключъ этой разгадки не указывается ли намъ уже давно въ безсмертныхъ твореніяхъ нашихъ сатириковъ,—не торчитъ ли онъ на нашихъ глазахъ всюду, и въ самыхъ этихъ забавныхъ вывѣскахъ, нами столько разъ помянутыхъ?..

Намъ возразятъ: тутъ не цивилизація, не просвѣщеніе вообще виновато, а *ложное* просвѣщеніе... Да, именно въ этомъ все и дѣло. Вся бѣда отъ ложнаго просвѣщенія, каковымъ мы просвѣщались почти два столѣтія, просвѣщаемся и теперь. Нужно только именно *признать,* что оно было и есть ложно, т. е. пошло лживымъ путемъ съ самаго начала, денаціонализируя Русскаго человѣка, растлѣвая, охолащивая его. (Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, не все Русское общество, не тѣхъ, которые тяжкимъ трудомъ или талантомъ высвободились изъ плѣна, а *большинство* просвѣщаемыхъ). А вотъ этого-то признанія наши западники и не хотятъ сдѣлать, и еще сильнѣе

ратуютъ за слѣдованіе путемъ подражаній и фасадовъ, отрицаютъ самый принципъ духовной самобытности. Мудрено ли однако, что народъ, видя себѣ въ перспективѣ тотъ послѣдовательный рядъ перерожденій, который мы выше охарактеризовали во образѣ Русской мадамы, казеннаго чиновника, бюрократа, соціало-демократа, анархиста и террориста, отвращается инстинктивно отъ нашего просвѣщенія? Мудрено ли, что у умнѣйшаго народа въ мірѣ—общество самое пустѣйшее, самое безнародное, наука—почти безплодная, и такая страшная скудость духа, скудость творчества въ жизни?

Гдѣ и что̀ болитъ у насъ?

Москва, 9-го октября.

Возвращаемся опять къ анализу нашихъ общественныхъ недуговъ. Мы выразились недавно, что «либерализмъ» (не либерализмъ вообще, а собственно тотъ, доктринерскій, которымъ щеголяетъ нѣкоторая часть Русской печати и который мы признаемъ мнимымъ) не имѣетъ *глубокихъ корней въ сознаніи* даже самыхъ нашихъ такъ-называемыхъ либераловъ. То же самое можно сказать и про всѣхъ нашихъ радикаловъ или представителей разныхъ крайнихъ ученій. Эти доктрины у Русскихъ радикаловъ прививаются скорѣе къ ощущенію, чѣмъ къ мысли, скорѣе дѣло вкуса, чѣмъ искренняго, глубокаго убѣжденія. «Убѣжденіемъ» *обзаводятся* послѣ—вслѣдствіе страстной потребности человѣческой природы (какъ бы кто ни мнилъ себя быть матеріалистомъ или позитивистомъ!) искать смыслъ личнаго бытія и оправданіе личныхъ дѣйствій не въ себѣ, а внѣ себя и *выше* себя—въ какой-либо безплотной *идеѣ*, хотя иногда ложной и вздорной... Несомнѣнно одно: точкою отправленія служитъ для всѣхъ глубокое *историческое* чувство неудовлетворенности, или взращенное исторіей *отрицательное* отношеніе къ Русской дѣйствительности. Такова, повидимому, Русская общественная (не народная) *психія*. Но выходъ изъ этой психіи отрицательнаго характера еще не указанъ или не выработанъ процессомъ общественнаго сознанія: самое созна-

ніе еще не свободно отъ многихъ затемняющихъ его, привнесенныхъ извнѣ умозрѣній или «умоначертаній», по выраженію Екатерины II,—да и отъ многаго множества другихъ причинъ: вотъ почему между этой *отрицательной* психіей и *положительными* убѣжденіями большею частью нѣтъ никакой логической связи. Пояснимъ нашу мысль сравненіемъ. Въ развитіи смысла у младенцевъ бываетъ такой періодъ, когда они, ощущая боль, еще не въ состояніи распознать и опредѣлить мѣстонахожденіе боли. Ребенокъ жалуется, что «болитъ», а на вопросъ: гдѣ? указываетъ руку, когда болитъ нога, или же наоборотъ; очень бы ошибся врачъ, еслибъ послѣдовалъ указаніямъ ребенка и сталъ бы, напримѣръ, лѣчить руку, когда боль сидитъ въ ногѣ! То же самое случается и у взрослыхъ при такъ-называемыхъ въ медицинѣ маскированныхъ лихорадкахъ, когда, вмѣсто пароксизмовъ, лихорадка выражается какою-либо мѣстною болью, или же когда самое сѣдалище болѣзни почти не даетъ себя чувствовать, а наиболѣе ощутительно отраженіе боли въ какомъ-либо постороннемъ органѣ. Этотъ-то посторонній органъ иногда самимъ паціентомъ и плохимъ медикомъ ошибочно признается за самостоятельно-больной и подвергается совершенно напрасно вспрыскиваніямъ и втираніямъ... Въ томъ именно и задача, чтобы напередъ мѣтко угадать причину недуга и источникъ боли, и не лѣчить отъ лихорадки какъ отъ ревматизма, и отъ простыхъ спазмовъ какъ отъ завала въ боку.

Но не эта ли именно бѣда происходитъ и съ нашимъ общественнымъ недугомъ? Не въ томъ ли же положеніи какъ младенцы, еще не умѣющіе опредѣлить мѣстонахожденіе боли, или какъ взрослые въ случаяхъ нами выше упомянутыхъ—большая часть нашей молодежи? Болитъ-то болитъ—это вѣрно! но что̀ именно, какъ и гдѣ болитъ—это они распознать не умѣютъ или объясняютъ совершенно ошибочно, такъ что могутъ какъ разъ ввести въ опасную ошибку и самого врача. Вотъ фактъ, взятый изъ жизни, въ которомъ всего ярче отражается это неправильное отношеніе больныхъ къ своей боли. Въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда мы издавали «День» и время было смутное, внезапно пущена была въ умственный оборотъ между юношами идея *федерализма*. Въ ту пору вольнодумствующая молодежь еще не чуждалась обще-

нія со старшими, и къ намъ приходили не разъ юные представители разныхъ федералистскихъ группъ—можетъ быть въ надеждѣ склонить редактора на свою сторону, можетъ быть и съ цѣлью провѣрить себя самихъ. Такъ однажды явилось къ намъ нѣсколько учащихся юношей, кажется студентовъ, которые, послѣ разныхъ разговоровъ на тему о «невыносимой современности» и вообще о «гражданской скорби», прочли свой мемуаръ или записку о необходимости... чего бы вы думали, читатель? отдѣлить отъ Россійской имперіи Смоленскую губернію и, кое-что къ ней прибавивъ, образовать автономное *Смоленское княжество!* Документъ этотъ, вѣроятно, и до сихъ поръ хранится въ бумагахъ газеты «День»... Такъ вотъ чѣмъ они думали утолить свою «гражданскую скорбь»!.. Положимъ, что современность во многомъ и многомъ сочувствія не заслуживала, но спрашивается: какая же логическая связь между язвами современности и образованіемъ Смоленскаго княжества? какая органическая мучительная потребность побудила этихъ юношей искать выдѣленія изъ Россіи Смоленской губерніи? Не помнимъ, были ли они даже Смольняне родомъ, но если бы и такъ, нельзя же вѣдь предположить, чтобъ они дѣйствительно были одушевлены какимъ-то особымъ Смоленскимъ патріотизмомъ, чтобы въ нихъ билось Дорогобужское или Вяземское сердце, чтобъ это требованіе вылилось непосредственно не изъ Русской, а изъ Сычевской или Гжатской души?.. Что̀ сталось съ этими молодыми наивными людьми, намъ неизвѣстно; можетъ быть ихъ образумилъ невольный взрывъ веселаго смѣха, встрѣтившій ихъ заявленіе, а можетъ быть—кто знаетъ?—имъ пришлось впослѣдствіи и пострадать за свои «сепаратистическія убѣжденія», или же, въ дальнѣйшемъ развитіи своего оппозиціоннаго направленія, достигнуть «степеней извѣстныхъ», высшихъ, т. е. угодить въ террористы, динамитисты, а затѣмъ и въ Сибирь!.. Очевидно однако, что обвинять ихъ серьезно въ сепаратистическихъ замыслахъ было бы смѣшно; что зло и опасность заключались вовсе не въ забавной мечтѣ о Смоленскомъ княжествѣ и не въ доктринѣ федерализма, а въ томъ что̀ порождаетъ способность къ такой неосмысленной мечтательности... Намъ возразятъ можетъ быть, что разсказанный сейчасъ случай совсѣмъ исключительный, карикатурный и не можетъ служить удобною данною для пра-

вольнаго діагноза. Но карикатура не болѣе какъ преувеличенная до комизма истина и всегда, напротивъ, помогаетъ ея уразумѣнію, особенно карикатура не произвольная, а такъ-сказать безсознательная карикатура самаго факта. Мы съ своей стороны имѣли тогда же неоднократную возможность провѣрить значеніе этой карикатуры: насъ посѣтила, вскорѣ за Смольнянами, и другая группа молодыхъ людей, также съ письменнымъ требованіемъ особой, административно и политически-самостоятельной, хотя и на федеративномъ началѣ, организаціи «Заволжскаго края»! Это отдѣленіе «Заволжскаго края» представлялось въ то время молодымъ людямъ истиною общепризнанною, чѣмъ-то въ родѣ общаго мѣста: locus topicus, о которомъ порядочные люди уже и не спорятъ; такому мнѣнію о «Заволжскомъ краѣ» (котораго, впрочемъ, точныя границы и не опредѣлялись) особенно способствовала модная въ то время разработка въ литературѣ легенды о Стенькѣ Разинѣ. Скажутъ: невинный вздоръ, пустяки, безвредное увлеченіе, свойственное юности!.. Конечно вздоръ, пустяки, до которыхъ полиціи собственно не должно быть никакого дѣла, но педагогіи до нихъ дѣло, и большое. Студентамъ университета такой дѣтскій вздоръ ужъ совсѣмъ не подъ стать, да и вовсе не пустяки, когда вмѣсто серьезнаго занятія наукою головы начиняются подобною дурью, на нее тратятся и силы, и время, изъ-за нея гибнетъ можетъ быть столько молодыхъ жизней! Опытъ свидѣтельствуетъ, что эта дурь федерализма только уготовляла почву для дури болѣе серьезнаго и опаснаго свойства. Едва ли даже точкою отправленія для такой федералистической тенденціи можно предположить здѣсь безотчетное, но, впрочемъ, понятное и законное стремленіе къ административной децентрализаціи, которое безъ сомнѣнія лежитъ въ первоначальной основѣ «украйнофильства». Тѣмъ не менѣе и это «украйнофильство», благодаря федеративной доктринѣ, не далеко бы ушло отъ безвредно-безсмысленныхъ фантазій о Смоленскомъ княжествѣ и Заволжскомъ краѣ, если бы помощь и руководство Поляковъ не придали ему особеннаго значенія и размѣровъ. Къ намъ и въ то время, чуть ли не въ одинъ день съ юношами, болѣющими о независимости Смоленской губерніи, являлись и «хлопоманы» въ нарочито широкихъ шароварахъ, въ высокихъ сапогахъ,—конечно разго-

варивавшіе между собою не иначе какъ по-Русски, такъ какъ на малорусскомъ нарѣчіи они, кромѣ двухъ-трехъ стиховъ Шевченка, да простонароднаго восклицанія «эге!» ничего почти и не знали. Прошло двадцать лѣтъ. «Украйнофильство» умнѣе не стало, а все то, что въ немъ теперь есть серьезнаго въ политическомъ смыслѣ — ничего общаго съ украйнофильствомъ въ смыслѣ любви къ родинѣ (вполнѣ естественной, вполнѣ законной) не имѣетъ и привнесено Польскою интригою.

Объ этомъ явленіи стóитъ сказать нѣсколько словъ. Ни г. Драгомановъ, ни г. Кулишъ — корифеи и въ нѣкоторомъ родѣ, если не кровь проливавшіе, то герои «украйнофильства», изгнанники его ради—не только не опровергаютъ, но, напротивъ, своимъ примѣромъ именно подтверждаютъ справедливость нашего мнѣнія, что даже и это ученіе или направленіе, какъ и прочія волнующія нашу молодежь доктрины, не коренится глубоко въ мысли, лишено настоящаго органическаго происхожденія. Любовь къ родинѣ предполагаетъ нравственное и духовное сродство съ ея народностью, — не только съ этнографическими особенностями, но и съ нравственнымъ, духовнымъ складомъ своего народа, съ его радостью и скорбью, съ его стремленіями, идеалами, съ его историческимъ подвигомъ. Мы вполнѣ допускаемъ возможность увлеченія историческимъ прошлымъ Малороссіи, отстоявшей упорною, доблестною, мучительною борьбою политическую независимость этой части общаго Русскаго отечества (намѣченнаго на скрижаляхъ исторіи еще съ IX вѣка!) отъ господства Польши, и цѣлость общерусскаго вѣроисповѣданія отъ латинско-іезуитскаго ига. Мы понимаемъ, что поэтическій образъ козака, доселѣ любимый въ народѣ и воспроизведенный въ тысячахъ чудныхъ пѣсней, способенъ вызывать живую симпатію въ молодомъ сердцѣ. Мы не станемъ даже слишкомъ ужъ строго винить юнаго энтузіаста, если онъ забудетъ *на время,* что Малороссія сознательно, единодушно «повóлила за царя восточнаго православнаго» и исполнила свое историческое призваніе — возстановивъ единство всей Русской земли и возвративъ Русскому народу отторгнутую отъ него единоплеменниками Русскую государственную и церковную колыбель; что козачество, совершивъ свою историческую миссію, какъ всякое пережившее себя явленіе, стало разлагаться само собою, во вредъ странѣ,

гораздо ранѣе формальнаго его уничтоженія, и что возстановленіе козачества ужъ никоимъ образомъ не ладило бы ни съ какими «либеральными», «гуманными» и вообще «культурными» идеями нашего вѣка! Все-таки подобное увлеченіе, какъ бы ни было оно несообразно съ правдой дѣйствительности, имѣло бы національно-историческую основу. Но въ современномъ «украйнофильствѣ» даже и такого увлеченія нѣтъ: оно стало въ совершенное противорѣчіе не только съ требованіями настоящей поры, но и съ самыми дорогими историческими завѣтами своего народа. Г. Кулишъ — тотъ прямо-таки оплевалъ все, что для «украйнофильства» было когда-то точкою отправленія и оправданіемъ. Онъ насмѣялся, наругался надъ козакомъ, надъ всѣмъ мученическимъ житіемъ Украйны, надъ ея геройскою защитою своей православной вѣры и независимости, надъ всѣмъ ея историческимъ подвигомъ. Мало того: онъ призываетъ ее, Украйну, въ своей «Крашанкѣ», принести *покаяніе*, не только заднимъ числомъ предъ Польскими панами-мучителями и отцами іезуитами-гонителями прошлыхъ вѣковъ, но теперь, сейчасъ же, предъ таковыми же панами и іезуитами современной поры, — предъ тѣми самыми, что̀ въ настоящій, текущій мигъ такъ нахально угнетаютъ Русскій народъ въ Галиціи, такъ явно, непрестанно замышляютъ зло на Россію и порабощеніе Украйны! Г. Кулишъ, по свойству своего личнаго характера, только вѣдь нѣсколько пересолилъ, слишкомъ шибко домчался до крайняго логическаго вывода, къ которому неизбѣжно должны мало-по-малу дойти всѣ «украйнофилы», но котораго они до сихъ поръ отчасти искренно еще не сознавали, отчасти же не хотѣли видѣть... Нельзя не поблагодарить г. Кулиша за услугу, имъ оказанную. Авось-либо его примѣръ образумитъ «украйнофиловъ», доказавъ имъ, что всѣ они, даже самые добросовѣстные изъ нихъ, въ сущности работаютъ лишь въ руку враговъ Русской земли вообще и Украйны въ частности, т. е. работаютъ для утвержденія надъ южно-руссами Польскаго властительства: слѣдовательно идутъ наперекоръ всѣмъ ихъ историческимъ преданіямъ и стремленіямъ, суть не болѣе какъ враги и предатели Малорусскаго племени и жалкія пѣшки въ рукахъ Поляковъ. Эта безсознательность, конечно, не дѣлаетъ чести ихъ умственной зоркости, но она одна только и можетъ служить имъ

оправданіемъ. Вѣрнѣе сказать: могла, потому что закрывать далѣе глаза, послѣ примѣра гг. Кулиша и Драгоманова, неприлично. Послѣдній, хотя и не заходитъ такъ далеко въ своемъ поклоненіи Полякамъ, какъ г. Кулишъ, однакожъ упорно навязывается Полякамъ съ южно-русской дружбой, не смотря на ихъ весьма откровенныя властолюбивыя притязанія, и предлагаетъ Малоруссамъ замѣнить Русскую азбуку... Латинскимъ алфавитомъ! Надо надѣяться, что онъ, для вящаго упроченія федеративнаго союза Украйны съ Поляками, вскорѣ перепишется,—предложитъ и «украйнофиламъ» переписаться... въ латинство, такъ какъ Поляки на меньшемъ не помирятся! Этого ли хотятъ «украйнофилы» Кіева, Харькова и вообще въ предѣлахъ Россіи? Конечно нѣтъ, скажутъ они. Однакожъ, куда идутъ они по своей наклонной плоскости? Какъ отнеслись они къ послѣднему наглому процессу надъ Русскими въ Галиціи? На чьей сторонѣ было ихъ сочувствіе? На сторонѣ утѣснителей Поляковъ. На кого обрушился ихъ гнѣвъ? На утѣсненныхъ,—зачѣмъ-де они исповѣдуютъ всецѣлость и единство Русскаго народа, добытое тяжкимъ общимъ историческимъ трудомъ Малоруссовъ и Великоруссовъ! зачѣмъ-де они стремятся удержать за Малоруссами ихъ законное достояніе—прекрасный литературный общерусскій языкъ, созданный столько же усиліями Малорусскихъ, сколько и усиліями Великорусскихъ писателей,—языкъ, котораго хотѣли бы лишить Малоруссовъ «украйнофилы» при содѣйствіи и покровительствѣ мнимо-либеральныхъ органовъ нашей печати! Конечно, всякія попытки перевести, т. е. передать не только полнозвучныя строфы Пушкина, Лермонтова, но и драмы Шекспира, говоромъ крестьянъ изъ-подъ Гадяча и Хорола такъ же забавны и дики, какъ если бы, напримѣръ, фразу: «это дѣлаетъ вамъ честь, милостивый государь» *перевести:* «исполать тебѣ, добрый молодецъ!» — а потому и совершенно безвредны!.. Слава Богу, кажется теперь правительство уже перестало преслѣдовать эти весьма неумныя, но безвредныя шалости. Впрочемъ говорятъ, будто недавно послѣдовало въ Кіевѣ глубокомысленное распоряженіе: не давать несчастнымъ «украйнофиламъ» путаться между алфавитами Кулиша, Максимова, Драгоманова, и установить казенную Малорусскую фонетику! Вотъ откуда пришла имъ помощь,—этого только недоставало!!

Мы распространились объ «украйнофильствѣ» больше нежели предполагали, но это потому, что о немъ въ «Руси» было говорено до сихъ поръ очень мало; да къ тому же оно очень наглядно подтверждаетъ нашу мысль, что ощущенія и инстинктивныя стремленія, живущія въ Русскомъ обществѣ, рѣдко состоятъ въ логической связи съ формулами, въ которыя облекаются, и что господствующія у насъ модныя доктрины почти совсѣмъ лишены корней въ общественномъ сознаніи. Такъ, достойная сочувствія любовь Украинцевъ къ своей поэтической родинѣ, вмѣстѣ съ естественнымъ и законнымъ протестомъ противъ бюрократической централизаціи (общемъ и во всей Русской провинціи), слагаясь въ *систему*—стало «украйнофильствомъ», а «украйнофильство», примкнувъ къ федеративной доктринѣ, въ сущности переродилось или перерождается въ полонофильство, слѣдовательно въ направленіе, прямо враждебное украинскому Русскому народу, его гражданской и религіозной независимости, враждебное даже его литературному, общему съ Великорусскимъ народомъ языку!

Но стремленія федеративныя, возразятъ намъ, стоятъ особнякомъ отъ высшихъ либеральныхъ и соціальныхъ идеаловъ большинства молодежи. Обратимся и къ этимъ послѣднимъ, хотя замѣтимъ мимоходомъ, что каждый «либералъ» почитаетъ себя обязаннымъ, даже не очень углубляясь въ вопросъ, сочувствовать расщепленію Россіи или принципу «федераціи»!... Главное—*не углубляясь:* въ этомъ вся и сила нашего «либерализма», сила—въ легкомысліи! Въ этомъ, однако же, и своего рода опасность: для легкомыслія *все* слишкомъ легко... Затѣмъ, обращаясь къ соціальнымъ идеаламъ и чаяніямъ нашихъ молодыхъ людей, принадлежащихъ или наклонныхъ принадлежать къ партіи революціонной, мы не найдемъ здѣсь не только какого-либо выработаннаго плана соціальнаго переворота въ Россіи, но даже хоть сколько-нибудь яснаго представленія о соціальныхъ благахъ, коими желали бы они его надѣлить — цѣною даже самопожертвованій и убійствъ! Во время оно, намъ случилось быть въ перепискѣ съ нѣкоторыми студентами, сильно бушевавшими въ своемъ муравейникѣ по поводу волненія крестьянъ въ сосѣднемъ уѣздѣ при введеніи въ дѣйствіе уставной грамоты. На нашъ вопросъ они съ благородною откровенностью сознались, что никогда въ Положеніе о кре-

стьянахъ 19 февраля 1861 г. не заглядывали, — на чьей сторонѣ правда въ спорѣ достовѣрно не знаютъ, да и вопроса себѣ даже не задавали—долженъ ли быть исполненъ законъ или нѣтъ, и если не долженъ, то какимъ бы узаконеніемъ его замѣнить? Точно то же можно сказать и обо всѣхъ такъ-называемыхъ «соціало-демократахъ» или «соціало-демократо-революціонерахъ». Никто изъ нихъ даже и понятія не имѣетъ о настоящемъ поземельномъ устройствѣ Русскихъ крестьянъ, о настоящихъ ихъ податныхъ нуждахъ, и еще менѣе о томъ, что̀ имъ дѣйствительно на потребу; съ соціальною статистикой Россіи они вовсе не знакомы, да и не ощущаютъ надобности ее изучать, довольствуясь иностранными популярными учебниками соціализма; вѣчно скорбя о Русскомъ народѣ, содержаніе народной скорби не вѣдаютъ, да и вѣдать не хотятъ! Они повторяютъ избитые до пошлости возгласы противъ господства капитала,—и что̀ всего забавнѣе—не они одни, революціонеры: точно также ораторствуютъ у насъ или играютъ въ соціалистовъ нерѣдко сами капиталисты, конечно не старые,—даже изъ купеческаго званія, даже журналы издаютъ! То что̀ на Западѣ Европы имѣетъ серьезную, историческую основу, что̀ составляетъ не поддѣльную, а настоящую, жгучую боль общественнаго организма, — въ переложеніи на нашъ бытъ и нравы теряетъ свою жизненную правду и является уже отвлеченною доктриною, или просто нескладицей: невозможно же западною мѣстною скорбью скорбѣть ни о Русскомъ крестьянинѣ, ни о Русскомъ рабочемъ!...

Такимъ образомъ Русскій соціалистъ-радикалъ-революціонеръ даже не знаетъ того зла, противъ котораго ратуетъ, даже не знаетъ предмета своей скорби, ни даже своего настоящаго врага. И при всемъ томъ онъ нисколько не лицемѣренъ; онъ способенъ, пожалуй, принять мученичество изъ-за фразы, изъ-за чего-то, чего онъ даже и въ формулу-то уловить не можетъ... Таковы люди преступнаго дѣйствія во имя *положительныхъ* теорій! Но и нашъ, не преступный и не дѣйствующій, только рисующійся серьезнымъ, такъ-называемый либерализмъ точно также смутенъ въ области сознанія. Онъ по совѣсти не вѣдаетъ чего хотѣть. Чего-то онъ хочетъ, хочетъ лучшаго, но это вожделѣніе инстинктивное, которому онъ точно не можетъ отыскать надлежащаго «самобытнаго»

выраженія и, враждуя, по принципу, съ національною самобытностью, онъ хватается за готовыя теоріи и формулы, хватается съ отчаяніемъ, готовъ чуть не голову положить за доктрины, которымъ, въ *глубинахъ* своей Русской природы, даже и не очень-то вѣритъ. Это относится къ самымъ миролюбивымъ и честнымъ представителямъ газетнаго либерализма. Хотятъ они конституціи? Но на вопросъ: какой именно, затруднятся отвѣчать, чувствуя нелѣпость рекомендовать Россіи конституцію англійскую или бельгійскую, и промолвятъ: «надо сочинить новую». При дальнѣйшемъ разъясненіи современныхъ условій Россіи, они безъ особеннаго труда согласятся на «представительство совѣщательное», затѣмъ, при указаніи на обветшаніе формы парламентаризма въ Европѣ и на обличаемые уже и теперь, особенно соціалистами, ея недостатки,— они кончатъ неопредѣленнымъ: «ну, что-нибудь эдакое», и сведутъ свои требованія къ друмъ-тремъ — самымъ простымъ и умѣреннымъ. Но тѣмъ не менѣе они всегда предпочитаютъ окружать себя туманомъ какого-нибудь доктринерскаго *изма*, спутывая самихъ себя, вредя дѣлу, сбивая съ толку само правительство.

Наши анархисты являются, повидимому, людьми самыми *убѣжденными*. Но это только повидимому. Въ сущности анархизмъ свидѣтельствуетъ объ отсутствіи всякаго убѣжденія и избавляетъ отъ всякой мыслительной, головоломной работы. Какъ извѣстно, между анархистами на первомъ планѣ во всей Европѣ стоятъ наши, Русскіе, и именно потому, что они всѣхъ пустопорожнѣе, что имъ въ себѣ самихъ ни съ какими особенными, завѣтными, такъ сказать органическими убѣжденіями, бороться и считаться не приходится. Въ тщетной погонѣ за «убѣжденіями» или дознавъ въ самомъ дѣлѣ тщету и безкорненность разныхъ, поочередно имъ извнѣ въ себя насаждаемыхъ доктринъ и формулъ, нашъ анархистъ наконецъ выбрасываетъ ихъ всѣ изъ себя вонъ, и, отказываясь отъ дальнѣйшаго напряженія отвлеченной мысли, возвращается снова изъ абстракта къ реальной жизни съ такого рода рѣшеніемъ: «настоящее представляется мнѣ сквернымъ, въ чемъ именно оно скверно и какъ его исправить, не знаю и трудить свой мозгъ надъ этой задачей не хочу, лучше все рушить, задать переполоху, а тамъ будь что̀ будетъ!» Такъ раз-

суждаютъ наши «террористы», люди наиболѣе чуждые какихъ-либо идеалистическихъ стремленій, люди самаго жидкаго смысла, но крѣпкаго духа, избравшіе себѣ сравнительно самый легкій и заманчивый жребій—легкій потому, что не требуетъ умственнаго труда, изученія, изслѣдованія (требуется только заглушить совѣсть), и въ то же время заманчивый какъ удалая игра въ опасность, какъ возможность получить значеніе тайной политической силы, тягающейся съ могущественными государствами. Тутъ ни о принципахъ, ни о теоріяхъ, ни объ «убѣжденіяхъ» въ настоящемъ смыслѣ—не можетъ быть рѣчи, да и не объ анархистахъ наше слово: здѣсь уже вступаетъ въ свои права полиція.

Мы же возвращаемся къ своему основному положенію, что всѣ доктрины либеральныя, радикальныя, нигилистическія не имѣютъ *какъ доктрины* никакихъ корней въ общественномъ сознаніи, лишены всякой органической связи съ нашимъ общественнымъ строемъ, всякой исторической почвы. Въ сущности онѣ не заслуживаютъ и опроверженія, и вообще не представляютъ *положительной* опасности. Все это не болѣе, какъ пѣна взбаломученной мысли; не болѣе значенія представляютъ и тѣ революціонные призраки или подобія, на которые указываютъ нѣкоторые встревоженные умы. Ничего схожаго съ элементами Французской революціи у насъ не имѣется. У насъ не было ни борьбы завоеванныхъ и обезземеленныхъ съ завоевателями и феодальными владѣльцами, ни состязанія съ послѣдними городскихъ общинъ, а потому не можетъ быть ни той окончательной, послѣдней битвы на жизнь и смерть между общинами и феодализмомъ, между среднимъ сословіемъ (tiers-état) и аристократіей, которая именно и называется революціей 1789 года. Никакихъ привилегій ни у кого отнимать у насъ, въ Россіи, уже не приходится; ни съ кѣмъ равноправности добиваться de jure нѣтъ надобности; въ соціальномъ своемъ устройствѣ мы во многихъ отношеніяхъ даже опередили Европу. Въ этомъ смыслѣ, въ смыслѣ *подобія Французской революціи*, намъ нечего и некого опасаться, и правительственная власть обладаетъ у насъ всѣми условіями дѣйствительной силы.

Но если *въ этомъ* смыслѣ намъ нечего опасаться, значитъ ли, чтобъ не представлялось опасности въ другомъ смыслѣ,—значитъ ли это, что у насъ все здорово и обстоитъ благополучно?

Нѣтъ, вовсе не здорово, вовсе не обстоитъ благополучно, и опасность есть, только совсѣмъ инаго характера. Нигилизмъ со всѣми пристегнутыми къ нему измами, какъ положительное *ученіе*—вздоръ, но какъ *явленіе* представляется очень важнымъ: это симптомъ глубокаго историческаго недуга, это истинный признакъ, что нѣчто и гдѣ-то у насъ болитъ, и серьезно болитъ. Совершенно неразумно поэтому поступаютъ тѣ, которые, какъ «Гражданинъ», справедливо сознавая всю жизненную мощь правительственной власти, совѣтуютъ правительству не обращать никакого вниманія на это явленіе, или же отнестись къ нему только съ прещеніями и угрозою. «Пустяки-де! ничего не болитъ! Какое тутъ болѣзненное историческое явленіе?! Это такъ, съ вѣтру взялось, это выдумала печать», и т. п.: вотъ модныя рѣчи во многихъ петербургскихъ, болѣе или менѣе властныхъ кругахъ. Въ объясненіе нашего общественнаго недуга приходится подчасъ читать и слышать почти то же или въ такомъ же родѣ, что «это французъ гадитъ»—какъ глубокомысленно сообразилъ Гоголевскій почтмейстеръ въ отвѣтъ городничему на вопросъ: зачѣмъ пожаловалъ ревизоръ? Жаловаться? — говорятъ, — «не смѣй жаловаться, правительство-де настолько сильно, чтобъ не дозволять жаловаться!» Но если только запретить жаловаться, или заткнуть себѣ уши ватой, чтобъ не слышать жалобъ, это еще не значитъ, чтобъ исчезло то, что̀ вызываетъ, быть можетъ и справедливыя, жалобы. Именно потому, что правительство настолько сильно, оно и должно бы, казалось, въ своей мудрости заняться изслѣдованіемъ общественнаго явленія, діагнозомъ недуга, и не просто отрицать его наголо̀, или вгонять его внѣшними мѣрами еще глубже внутрь.

Недугъ этотъ и очень труденъ для врачеванія, если вниманіе врачей будетъ обращено на внѣшнія его проявленія, вовсе не выражающія его сущности, какъ мы это показали выше, и очень легокъ для леченія или по крайней мѣрѣ не представитъ особенныхъ трудностей, если правительство съумѣетъ распознать причины недуга, — легокъ или не особенно труденъ именно потому, что и онъ не имѣетъ глубокихъ корней въ самой *мысли* общественной, а болѣе *психическаго* свойства, гнѣздится въ нѣдрахъ общественнаго духа, жаждущаго и

чуждаго жизни... Въ прошломъ №, въ отвѣтѣ «Гражданину», мы уже назвали одну изъ причинъ недуга, но дальнѣйшее разъясненіе этой темы отложимъ до другаго раза.

Обозрѣніе 1882 года.

Москва, 24-го декабря.

Заканчивая нынѣшнимъ № годовой кругъ нашего изданія, скажемъ нѣсколько прощальныхъ словъ и истекшему 1882 году. Безъ радости и безъ печали разстаемся мы съ нимъ и вступаемъ въ новый — какъ рабочіе, переходящіе отъ будней къ буднямъ. Да, для насъ настали будни—сѣрые, рабочіе, тяжелые будни, — о праздничныхъ радостяхъ пока нечего и думать. Но нечего и предаваться чувству безнадежности и тоски, кричать на всѣхъ перекресткахъ передъ всѣмъ міромъ: «мы въ уныніи» и аттестовать себя самихъ и все Русское общество— какъ духовно-несостоятельныхъ. Пора наконецъ перестать жить самообольщеніями и порывами, увлекаться блестящей сценической обстановкой, довольствоваться поверхностью, хлопотать о вѣнцахъ зданія, не достроивъ даже фундамента, и постоянно забывать, что

...если Божій храмъ художникъ создаетъ,
Потребенъ *каменьщикъ съ испытаннымъ терпѣньемъ:*
Онъ жизнь творенію художника даетъ
Работы мертвой исполненьемъ!

Да, намъ нужно мужественное терпѣнье, нужна покорная готовность дѣлать скромную и скучную работу каменьщика. Это всего труднѣе для нашей славянской, особенно Русской природы. Намъ, какъ мы уже однажды говорили, несравненно легче взять приступомъ неприступный Карсъ, перевалить зимою чрезъ Балканы, вопреки всѣмъ ученымъ теоретическимъ доводамъ величайшихъ военныхъ авторитетовъ, чѣмъ засадить себя за мелочной, невзрачный, ежедневный трудъ, для котораго вовсе и не требуется развернуть во всю ширь нашу мощь и отвагу! А исторія предъявляетъ намъ теперь запросъ именно на такую работу, гдѣ не приходится припѣвать, хотя бы только въ переносномъ смыслѣ: «раззудись плечо, раз-

махнись рука» (какъ напримѣръ поступаютъ наши радикалы-нигилисты въ области мышленія), но гдѣ, напротивъ, нужна не запосчивая, а глубокая дума, изученіе, изслѣдованіе, самообличеніе, и главное—самовоспитаніе, а также и самовоздержаніе въ мѣру потребностей настоящей минуты и историческаго, всегда медленнаго процесса.

Лихая тройка несется по рвамъ-доламъ, выбирая путь самый кратчайшій, и вдругъ, стой! увязла въ топи, въ грязи невылазной, какъ ни могучи кони,—ни шагу съ мѣста. Приходится ихъ распречь и посылать за рабочими, чтобъ чинить дорогу, и пока не починить дороги (на что требуется много труда, много времени), нельзя и тронуться въ путь, къ крайней досадѣ нетерпѣливыхъ, удалыхъ сѣдоковъ. Въ такомъ положеніи отчасти и мы. Есть и другое сравненіе. Человѣкъ получилъ богатое наслѣдство, самыя широкія и благодѣтельныя затѣи роятся въ его головѣ: только бы, казалось, приступить къ дѣлу,—а тутъ, откуда ни возьмись, векселя, предъявленные ко взысканію: наслѣдство оказывается обремененнымъ долгами, старыми, забытыми долгами, по которымъ нельзя не расплатиться, нельзя приступить ни къ какому иному предпріятію—«дондеже воздаси послѣдній кодрантъ»! У насъ теперь въ особенномъ ходу обращаться съ упрекомъ къ настоящему дню и прославлять періодъ времени съ 1855 по 1881 г. Но забываютъ, что этотъ вѣчно памятный великими и славными дѣяніями періодъ и самъ не уплатилъ многихъ старыхъ унаслѣдованныхъ имъ долговъ, да и натворилъ новыхъ великое множество. Онъ, между прочимъ, передалъ вмѣстѣ съ наслѣдствомъ новому періоду и сугубую, или, вѣрнѣе сказать, трегубую скудость: финансовъ, людей и идей. Казна наша не въ порядкѣ; людей, на таланты которыхъ смѣло бы возлагались упованія всей Россіи, совсѣмъ почти не видно; идеи—общей, цѣльной,—программы ясной, опредѣленной, безспорной, которая бы могла вызвать, сосредоточить, привлечь дружное содѣйствіе всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ Россіи, также пока нигдѣ ни въ правительственной, ни въ общественной средѣ не имѣется, — но за то какое богатство мнимыхъ силъ, всевозможныхъ лживыхъ призраковъ, фальшивыхъ вкусовъ, апетитовъ, вожделѣній, всяческаго недомыслія! Оказывается нужнымъ, прежде всего и пуще всего, привести въ

нѣкоторый порядокъ наши средства или наши финансы, отыскать людей или дать время явиться и воспитаться талантамъ, или по крайней мѣрѣ дѣловитымъ, способнымъ дѣятелямъ, а главное—выяснить въ общественномъ нашемъ сознаніи самую цѣль, къ которой слѣдуетъ намъ стремиться, однимъ словомъ — ту Русскую національную идею, которая бы всѣхъ насъ привела къ согласію и дружному дѣйствію, — чѣмъ самымъ опредѣлилась бы и облегчилась задача и самого правительства.

Но уже и то благо въ дѣлѣ разстроеннаго хозяйства, когда хозяева берутся наконецъ за умъ и вмѣсто того, чтобы зажмурясь мечтать, какъ Гоголевскій Хлобуевъ, о разныхъ фантастическихъ предпріятіяхъ, рѣшаются взглянуть своему положенію прямо въ глаза и прежде всего привести въ извѣстность долги съ твердымъ намѣреніемъ заняться уплатой. Для нѣкоторыхъ натуръ, и именно для нашей, такая рѣшимость не легка и требуетъ особеннаго напряженія и своего рода мужества. Такой моментъ — еще не бодраго, веселаго упованія, а именно *отрезвленія* начинается, кажется, и для насъ. Вотъ, въ сущности, главный и по-истинѣ благой результатъ 1882 года, если мы только не ошибаемся въ своихъ выводахъ. Русское общество, сдается намъ, трезвѣе теперь, къ концу года, чѣмъ было въ его началѣ, — и поводовъ къ тому было не мало. Смерть Скобелева — самое тяжкое событіе 1882 года — лишила насъ личнаго мощнаго дарованія и сильнаго духа, и своею преждевременностью какъ бы призывала къ развитію и подъему нашихъ собственныхъ силъ безъ разсчета на случайность высшихъ личныхъ даровъ. Но для общественнаго сознанія несравненно назидательнѣе были нѣкоторые другіе уроки. Въ началѣ года, напримѣръ, казалось къ общему утѣшенію, что петербургская бюрократія всенародно признавала себя не только не всевѣдущею, но даже малосвѣдущею, именно въ вопросахъ, касавшихся внутренняго земскаго строя. Въ столицу Русской имперіи (еще до сихъ поръ находящуюся чуть не за Русской границей), т. е. въ Петербургъ, были созваны не безъ торжественности, подъ названіемъ «свѣдущихъ людей», разные земскіе, болѣе или менѣе извѣстные и опытные дѣльцы, не изъ чиновниковъ, напротивъ — независимаго общественнаго положенія — для участія въ обсу-

жденіи нѣкоторыхъ важныхъ правительственныхъ проектовъ и задачъ государственнаго хозяйства. Ревностно принялись они за работу. О ходѣ ихъ занятій печатались подробные отчеты въ «Правительственномъ Вѣстникѣ»... И вдругъ — какъ рукой сняло. Засѣданія свѣдущихъ людей, еще не окончившихъ порученной имъ работы о переселеніи, должны были возобновиться осенью, но не возобновились, даже и безъ всякаго о томъ предварительнаго оповѣщенія и разъясненія. Точно «свѣдущіе люди», какъ и ихъ труды, равно и возбужденныя ихъ призывомъ общественныя ожиданія, канули въ воду. Все это чрезвычайно отрезвительно. Не явно ли, что этотъ эпизодъ со «свѣдущими» былъ только случайностью, дѣломъ убѣжденія нѣсколькихъ лицъ, а нисколько не всей бюрократической среды; что Петербургская бюрократія слишкомъ глубоко коренится въ нашемъ государственномъ строѣ, ни мало не намѣрена сдаваться и по старому упорно признаетъ себя всевѣдущею? Не очевидно ли стало, что преданія и привычки насажденныя издавна, проникшія насквозь нашу административную формацію и самый бытъ правящихъ классовъ, не могутъ вдругъ улетучиться и не исчезнутъ — безъ замѣщенія имѣющей образоваться пустоты чѣмъ нибудь ясно опредѣленнымъ, — безъ предварительной побѣдоносной работы сознанія? Всего же отрезвительнѣе было отношеніе самого общества къ этой первой правительственной попыткѣ освѣжить бюрократическую храмину приливомъ свѣжаго воздуха извнѣ и нарушить заколдованный кругъ бюрократизма введеніемъ живаго, мѣстнаго знанія и совѣта. Съ изумительно-дѣтскимъ легкомысліемъ наша же, именно, «консервативная» и «либеральная» интеллигенція обрушилась и на «свѣдущихъ людей», чуть не смѣшавъ ихъ съ грязью, и на самое правительство съ *упрекомъ* за такой, въ сущности все же полезный экспериментъ, и.... добилась возстановленія бюрократическаго полновластія, такъ какъ взамѣнъ этого эксперимента никакаго иного у сей интеллигенціи даже въ проектѣ не оказалось. Оказывается, напротивъ, по признанію, напримѣръ, самихъ такъ-называемыхъ либераловъ, что земство, которое они еще въ началѣ года находили вполнѣ зрѣлымъ и компетентнымъ, пригоднымъ хоть сейчасъ для какого угодно, не то что совѣщанія, но даже и любаго Европейскаго «правоваго

порядка», никуда въ настоящемъ своемъ видѣ *не годно*. Sic! Это послѣднее слово нашей такъ-называемой либеральной партіи подъ конецъ 1882 года и къ началу 1883 года. Мы лично съ этимъ спорить не будемъ, дивимся только, что съ нами объ этомъ чуть не два года спорили, и тѣмъ менѣе находимъ основательнымъ такое со стороны Русскаго общества осужденіе первой правительственной попытки воспользоваться содѣйствіемъ людей не изъ бюрократической среды. Во всякомъ случаѣ можно только радоваться такому разочарованію значительной части нашего общества въ подобныхъ надеждахъ на свою зрѣлость и пожелать, чтобъ она перестала изнывать въ жалобахъ и пеняхъ или драпироваться чайльдгарольдовымъ плащемъ, а отъ разочарованія перешла бы скорѣе къ плодотворному отрезвленію и къ серьезной работѣ мысли.

Намъ кажется, что отрезвленіе, и даже значительное, наступило и въ отношеніи къ другой нашей исторической злобѣ. Если въ минувшемъ году Русская земля была и не совсѣмъ еще свободна отъ нигилистическихъ мерзостей и ужасовъ предшествующихъ лѣтъ, то все-таки, сравнительно съ прежнимъ, политическихъ злодѣяній было гораздо менѣе, а предупредительныя мѣры полиціи были гораздо успѣшнѣе. Авосьлибо Господь Богъ смилуется и пощадитъ Россію въ будущемъ отъ повтореній такого кроваваго срама. Но и то уже утѣшительно, что случаи политическихъ убійствъ и вообще политическихъ преступленій, бывшіе въ 1882 году, вовсе уже не производили на общество того оцѣпенѣнія ужаса, того злаго террористическаго обаянія, которымъ оно бывало обхвачено въ прежнее время и которое было такъ на руку нашимъ «политическимъ» сорванцамъ. Чары рушились. Таинственная завѣса ниспала и невѣдомыя грозныя силы обличились во всемъ ничтожествѣ своего внутренняго содержанія, во всемъ своемъ грубомъ нравственномъ безобразіи. Никакая идеализація на ихъ счетъ уже невозможна, никакому недоумѣнію, двоенію мысли — уже нѣтъ мѣста. Герои револьвера и динамита, и сами по себѣ и своими дѣйствіями и программами, уже не возбуждаютъ прежняго пряпаго въ публикѣ интереса, а вызываютъ только всеобщее чувство негодованія, мало причастное сожалѣнію и даже чуждое любознательности. Этотъ

результатъ отрезвленія мы признаемъ также немаловажнымъ. Никто, конечно, не можетъ поручиться въ томъ, что ихъ кознямъ, заговорамъ и преступнымъ покушеніямъ положенъ конецъ,—но обольщать себя возможностью какого-либо вліянія на общество (о народѣ и говорить нечего) или какого-либо сочувствія къ себѣ они уже не имѣютъ права, а обязаны вѣдать, что ихъ въ общественномъ мнѣніи Россіи постигла худшая изъ каръ, хуже уголовныхъ. Эта кара — *пошлость*. Они опошлились, и никакая чужая или даже собственная пролитая ими кровь, никакой даже ореолъ «мученичества» не сниметъ съ ихъ «политическаго» мундира печати пошлости, съ ихъ умственнаго облика печати убожества. И въ самомъ дѣлѣ,— прочтите только три статьи: «Наши анархисты», помѣщенныя въ «Руси» и обильныя въ нихъ выписки изъ различныхъ органовъ Русской заграничной революціонной прессы. Даже стыдно становится за такихъ Русскихъ мыслителей: всѣ ихъ разсужденія и доводы были бы подстать развѣ гимназистамъ III класса, не старше, да и у тѣхъ мыслительныя силы зрѣлѣе. Нѣтъ даже юнаго энтузіазма, а заученная фразеологія ремесла. Это «статисты революціи», какъ выражался во время оно даровитый и пылкій Герценъ,—движимые чужою, искуснѣйшею рукою. Кстати о Герценѣ: съ 1 № будущаго года мы начнемъ печатаніе въ высшей степени интересной полемической переписки съ нимъ въ 1864 г. Ю. Ѳ. Самарина о характерѣ и возможныхъ послѣдствіяхъ его, по мнѣнію Самарина (вполнѣ оправдавшемуся), зловредной заграничной политической агитаціи...

Свѣтлой полосой въ памяти о 1882 годѣ останется Всероссійская промышленная выставка,—свѣтлой, но не яркой— въ томъ именно смыслѣ, что впечатлѣніе, произведенное ею на общество, не отличалось особенною живостью, хотя тѣмъ не менѣе было вполнѣ, по нашему мнѣнію, плодотворно. Несравненно большее впечатлѣніе произвели успѣхи Русской промышленности на иностранцевъ. Мы же, какъ извѣстно, склонны или къ восторженному превознесенію своихъ достоинствъ, къ самообольщенію, подчасъ даже опасному,—или же, что̀ случается съ нами чаще, къ порицанію, иногда самому дешевому, безшабашному, всего *своего,* роднаго, даже къ самооплеванію и самозаушенію. На этотъ разъ, однако, пер-

ваго, т. е. патріотически-восторженнаго, пристрастнаго до ослѣпленія отношенія къ нашей выставкѣ вовсе не проявилось; но и пристрастіе въ противоположную, отрицательную сторону было гораздо умѣреннѣе, можетъ быть именно въ виду иноземной оцѣнки, которую обвинять въ Русскомъ *шовинизмѣ* уже никакъ не приходится. Благотворнымъ же послѣдствіемъ выставки мы признаемъ именно то, что Русская промышленность завоевала себѣ, такъ-сказать, право гражданства въ нашемъ общественномъ сознаніи, что она оправдала на дѣлѣ систему покровительственнаго тарифа и можетъ служить превосходнымъ нагляднымъ аргументомъ въ пользу продолженія этой системы, а также и развитія ея по отношенію ко многимъ инымъ отраслямъ нашей промышленности. Наконецъ, на этой выставкѣ въ первый разъ заявила себя и наша сельская, не фабричная промышленность, такъ-называемое кустарное производство. Нѣтъ сомнѣнія, что выставка значительно раздвинула, хотя бы только въ сферѣ экономической, предѣлы нашего національнаго самовѣдѣнія, а это именно то, что̀ намъ на потребу.

Много было говорено и писано въ нынѣшнемъ году о «національной политикѣ», «національномъ направленіи» въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, но едва ли не болѣе *противъ*, чѣмъ *за*... Это также весьма отрезвительный выводъ для тѣхъ, которые увѣряли, будто злоба дня вовсе не въ вопросѣ о національномъ направленіи и не въ самобытности,—будто принципъ національности и живое народное чувство уже и безъ того давно возобладали не только въ нашемъ правительственномъ строѣ, но и во всей такъ-называемой интеллигенціи. Оказывается, напротивъ, что именно-то въ обществѣ, въ сверхнародныхъ, «интеллигентныхъ» классахъ національное самосознаніе наиболѣе слабо и далеко не доразвилось до силы жизненнаго творчества; что вообще по этой части мы предъ своимъ народомъ еще въ долгу какъ въ шелку... Однимъ словомъ, 1882 годъ, не будучи нисколько бѣдственнымъ, далъ намъ однакоже не мало суровыхъ, отрезвляющихъ вразумленій, подкрѣпленныхъ еще и тяжкимъ экономическимъ кризисомъ, выразившимся во всеобщемъ торговомъ застоѣ и въ небываломъ еще до сихъ поръ паденіи Русскаго денежнаго курса.

Что-жъ! спасибо за вразумленія. Не настолько ужъ мы дряблы, чтобъ предаться унынію или ожидать, что авось какъ-нибудь «Русскій богъ», или правительство, словно deus ex machina, выручитъ насъ изъ затрудненія, а мы будемъ лишь браниться, ныть да бездѣйствовать мыслью, въ ожиданіи какого-то невѣдомаго крупнаго внѣшняго дѣла,—неуспѣхъ котораго (если бы таковой оказался, что почти несомнѣнно) взвалимъ опять-таки не на себя, не на свою личную отвѣтственность, а на правительство. Но кѣмъ же инымъ поставляется многочисленный правительственный контингентъ, какъ не самими нами? Будь мы сами не то, что мы есть, будь мы не такъ убоги *гражданскою* доблестью (воинской намъ не занимать стать), будь въ насъ самихъ живѣе и дѣйственнѣе Русское чувство и Русская мысль, свободныя отъ рабскаго подражанія чужимъ образцамъ,—самыя дѣла наши пошли бы, вѣроятно, иначе...

Одного только мы желаемъ и просимъ у правительства, это—безпрепятственнаго обмѣна мыслей въ печати. Мы не можемъ не пожалѣть, что истекающій годъ неожиданными цензурными распоряженіями разстроилъ ряды нашихъ противниковъ, и не только далъ имъ поводъ причислить себя къ разряду будто бы «пострадавшихъ за правду», но и ослабилъ единственную возможную съ ними для насъ борьбу—на полной свободѣ.

До слѣдующаго года, читатель...

1883 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ).

Не «рожа крива», а криво самое зеркало.

Москва, 1-го января.

Не въ томъ вопросъ, что сулитъ намъ новый 1883 годъ, а въ томъ: что сами несемъ мы ему навстрѣчу. И не о надеждахъ или упованіяхъ нашихъ на будущее ведемъ мы здѣсь рѣчь: характеристическою чертою настоящей минуты—это скудость самыхъ надеждъ и упованій. Вѣдь и то, и другое предполагаетъ какой-либо отчетливо сознанный предметъ вожделѣнія: нѣтъ силы въ надеждѣ чего-то на что-то, ни въ уповании на лучшее *вообще*. Въ томъ-то и дѣло, въ томъ-то и печаль наша, что мы и сами не знаемъ, чего желать и чего хотѣть, что если сокрыто отъ насъ—чѣмъ наполнена кошница пожаловавшаго къ намъ гостя, какія блага, какія невзгоды и во всякомъ случаѣ поучительныя вразумленія таятся въ ней, то уже совершенно не закрыто, а явно для насъ самихъ, что встрѣчаемъ мы новый годъ съ пустыми руками и пустою кошницей. Ни плановъ, ни программъ, ни тщательно поставленныхъ задачъ, ни строго обдуманныхъ и точно выраженныхъ требованій, ни даже ясныхъ стремленій или опредѣленныхъ положительныхъ идеаловъ. Зато много разбитыхъ (и по дѣломъ разбитыхъ) вѣрованій, много горькихъ разочарованій,—сомнѣнія, недоумѣнія, вопросительные знаки вездѣ и во всемъ, а знаки восклицанія стали у насъ уже давно знаками отрицанія... И это послѣ многихъ лѣтъ неумолчнаго, почти свободнаго говоренія,—достаточно свободнаго, чтобы могла выработаться и вызрѣть общая мысль, чтобъ люди могли сойтись на какомъ-либо общемъ рѣшеніи нѣкоторыхъ насущнѣйшихъ вопросовъ, придти хоть къ нѣкоторому единству взглядовъ и воззрѣній!.. Напротивъ, чѣмъ больше толковали, тѣмъ больше

сбивались съ толку, чѣмъ обильнѣе были словопренія, тѣмъ легче путались въ собственныхъ противорѣчіяхъ, тѣмъ пуще затемнялся смыслъ, пока, наконецъ, умствователи не обезсилѣли и не стали—что уже очевидно—въ тупикъ, хотя многіе и не расположены въ томъ сознаться... Невольно вырывается порою изъ груди кликъ отчаянія, — праздный, разумѣется, кликъ: не здоровѣе ли было бы, пожалуй, намъ всѣмъ помолчать и *въ молчаніи стяжать* умъ свой?

Конечно, дѣло идетъ не о какихъ-либо частныхъ случайныхъ злобахъ дня, такъ или иначе удовлетворяемыхъ. Да и подъ словомъ *мы* слѣдуетъ здѣсь разумѣть наше общество, нашу «интеллигенцію», а не ту громадную массу Русскаго населенія, которая имѣетъ, хоть и не сознаваемую ею, привилегію *жить*, просто жить не мудрствуя лукаво и дѣлать

Дѣло великое жизни...

за насъ и для насъ. Завидная привилегія! И не здѣсь ли должна поискать себѣ объясненія самая наша общественная *боль?* Не ощущается ли, не видится ли въ насъ нѣкоторый недостатокъ чего-то, что Нѣмцы называютъ или назвали бы Lebensstoff,—т. е. *жизненной матеріи,* той непосредственной органической силы, которая, находясь внѣ нашей воли, почти не поддаваясь сознанію, питаетъ, живитъ, ведетъ, направляетъ человѣка, даетъ ему чувство удовлетворенія, чувство настоящей жизни?.. Не со вчерашняго дня замѣчаются въ Русскомъ обществѣ признаки такого явленія. Да простятъ читатели пишущему эти строки ссылку на одно его давнее стихотвореніе, едва ли кому извѣстное, въ которомъ какъ бы отразилось предощущеніе нашего современнаго недуга:

Смотри: толпа людей нахмурившись стоитъ—
Какой печальный взоръ! Какой здоровый видъ!
Какимъ страданіемъ томяся неизвѣстнымъ,
Съ душой мечтательной и тѣломъ полновѣснымъ,
Они рѣчь умную, но праздную ведутъ,
О жизни мудрствуютъ, но жизнью не живутъ,
И тратятъ свой досугъ лѣниво и безплодно,
Всему сочувствовать умѣя благородно!
Ужели племя ихъ добра не принесетъ?
Досада тайная подчасъ меня беретъ,
И хочется мнѣ имъ, взамѣнъ досужей скуки,
Дать заступъ и соху, топоръ тяжелый въ руки,
И толки прекратя объ участи людской,
Работниковъ изъ нихъ составить полкъ лихой!

Въ томъ-то и горе наше, что мы и до сихъ поръ все еще «о жизни мудрствуемъ, но жизнью не живемъ», и ужъ до такой степени замудрствовались, что перестали и понимать самую жизнь, утратили самую способность разумѣнія ея языка. Но добро бы мы сознавали ясно, сами бы оплакивали эту нашу неспособность! Нисколько. Напротивъ: не сознавая ея, но, однако же, чувствуя неполноту своего бытія, мы стараемся вознаградить въ себѣ изъянъ личной жизни преизбыткомъ гордости, самомнѣнія и неуважительнаго отношенія къ жизни *немудрствующихъ*. Мы не только *отвлеченно* мудрствуемъ о жизни, но и *мудримъ*, въ силу условій нашего общественнаго строя, надъ жизнью народною, т. е. мудрствуемъ *реально*. Но такая практическая отвлеченность лишена, разумѣется, всякой зиждительной силы и только наполняетъ нашъ реальный міръ болѣе или менѣе безобразными явленіями, какими-то вещественными абстрактами, наводящими на насъ еще пущую тоску и уныніе,—только плодитъ въ нашихъ умахъ еще большую путаницу и смуту...

А между тѣмъ этому «мудрствующему», убогому жизненнымъ смысломъ общественному слою принадлежитъ въ нашей странѣ властное и не метафорически, не по сравненію только, а по закону и по бытовымъ условіямъ привилегированное положеніе. Такъ уже сложилась наша новѣйшая исторія. И вотъ этотъ властный и привилегированный, сверхнародный слой, онъ-то именно и мятется мыслью въ настоящую минуту, да такъ мятется, что порой вызываетъ воспоминаніе о зимней мятелицѣ, что вертитъ-крутитъ снѣжную пыль, слѣпитъ глаза ямщику, сбиваетъ его съ дороги, заводитъ его въ сугробъ съ телѣгой и лошадьми... Кто виноватъ? ямщикъ или мятелица?.. Если въ чемъ можно упрекнуть ямщика, такъ развѣ только въ томъ—зачѣмъ выѣхалъ онъ въ мятель, а не переждалъ, пока она уляжется и смѣнится лучшей погодой...

Да, такое явленіе мятущихся и мудрствующихъ представляетъ теперь наше отечество... Есть грубоватая пословица: нечего на зеркало пенять, коли рожа крива. Но вѣдь случается и наоборотъ: лицо вовсе не криво, а если даже не верхъ благообразія, то вовсе и не безобразно,—а *криво самое зеркало*. Общественное сознаніе въ жизни страны—что же оно

иное, какъ не зеркало? Не въ *кривомъ ли зеркалѣ* постоянно отражается и наша Россія? А такъ какъ носителемъ этого сознанія у насъ именно и есть мудрствующая о жизни и мудрящая надъ Русскою народною жизнью, въ то же время и руководящая часть Русскаго общества, то не приходится ли съ болью въ сердцѣ признать, что у Русской жизни,—у той, которой духомъ и непосредственною творческою силою создалось, держится, стоитъ наше государство,—*криво самое сознаніе?..* Нельзя не пожалѣть о положеніи страны, гдѣ правители и руководители осуждены почерпать необходимыя о ней данныя изъ такого зеркала, которое отражаетъ все косо и лживо, малое кажетъ крупнымъ, крупное малымъ, темное свѣтлымъ, свѣтлое темнымъ, красивое—пугаломъ и наоборотъ! На то же осуждены почти всѣ наши умствователи, вмѣстѣ и порознь, почти вся наша такъ-называемая интеллигенція,—и чѣмъ только не является Россія у нихъ въ отраженіи, какими только благами не угрожаютъ ей!.. Но такъ какъ въ практическомъ примѣненіи почти всякое измышленное ими благо попадаетъ мимо, какъ-то въ бокъ или шиворотъ-на-выворотъ, то и взаимнымъ недоразумѣніямъ, а въ частности разочарованію и отчаянію нашей интеллигенціи нѣтъ предѣла... И какія недоразумѣнія! отъ разведенія маиса въ Архангельской губерніи до заведенія аристократіи на англійскій манеръ, отъ насильственныхъ плантацій картофеля тамъ, гдѣ не знаютъ, куда дѣваться со пшеницей, до конституціонныхъ попытокъ (причемъ конституція понимается въ народѣ какъ жена Константина Павловича) и т. д., и т. д.! Милліонъ недоразумѣній или, по-истинѣ «милліонъ терзаній!» На недоразумѣніи зиждется чуть не двѣ трети воздвигнутыхъ нами построекъ,—недоразумѣніе всосалось намъ въ плоть и кровь, такъ что стало для насъ нормальнымъ элементомъ существованія, хотя расплодившіяся кругомъ трагическія реальныя аномаліи начинаютъ душить и давить насъ самихъ...

Но ни недоразумѣніямъ, ни аномаліямъ конецъ еще не насталъ. Вотъ и въ настоящую минуту въ Петербургѣ, этомъ могущественномъ воплощеніи абстрактно-мудрствующей и реально-мудрящей въ Россіи силы,—самымъ простодушнѣйшимъ образомъ, для стомилліоннаго населенія, для государства, считающаго себѣ тысячу лѣтъ исторической и девять сотъ лѣтъ

христіанской церковной жизни, «люди науки» изволятъ сочинять новыя гражданскія и уголовныя уложенія какъ бы въ какомъ безвоздушномъ пространствѣ! Профессоръ А. вводитъ въ семью, вмѣстѣ съ «фамильными совѣтами», и будочника, профессоръ Б. проектируетъ условія и сроки развода такъ-то, профессоръ В. назначаетъ ихъ иначе и, наконецъ, профессоръ Г. требуетъ введенія его при всякомъ удобномъ и неудобномъ поводѣ... Однимъ словомъ—разсуждаютъ себѣ о семьѣ и разводѣ съ самою достолюбезною развязностью, какъ будто въ Россіи нѣтъ ни народа, ни церкви (не только какъ церковнаго правительства, но и какъ церковнаго общества), какъ будто вопросъ о разводѣ и семьѣ не касается ближайшимъ образомъ христіанской совѣсти всего Русскаго народа... Его-то, слона, и не примѣтили въ Петербургѣ... Объ уложеніяхъ мы упомянули теперь такъ, для примѣра, намъ придется еще обстоятельнѣе поговорить о нихъ... Но пусть читатель только возстановитъ въ своей памяти и своемъ воображеніи все это долгое, давнее, упорное искривленіе нашего общественнаго сознанія, и ему живо представится картина современной Россіи. Съ одной стороны—великій народъ,—тотъ, въ которомъ вся *тяга земли*, тотъ страстотерпецъ, который на своихъ плечахъ вынесъ все бремя нашего историческаго существованія и государственнаго зиждительства, который хранитъ въ себѣ самый источникъ жизненной силы нашего бытія. Этотъ народъ бодръ и свѣжъ, полонъ вѣры и здраваго смысла, несетъ безропотно свою историческую службу, однимъ словомъ—дѣлаетъ доступное ему дѣло жизни, выжидая, чтобъ недоступное ему, по его невѣдѣнію и самому бытовому строю, довершили тѣ, которые *отъ* народа, но *сверхъ* народа, призваны служить высшимъ органомъ народнаго самосознанія. Но поверхъ народа чѣмъ же является взору посторонняго наблюдателя Русское общество?

Мятутся будто галокъ стая,
Завидѣвъ коршуна вдали,
Кричатъ, галдятъ, не понимая
Другъ друга и родной земли!

Прислушаться къ этому разноголосому крику, выходитъ, что государство, которое даже послѣ тысячи лѣтъ историческаго бытія почитается у всѣхъ еще молодымъ, до сихъ поръ

окончательно не сложилось, все еще ширится, ростетъ, подъемлется изъ силы въ силу,—что это государство чуть не на краю гибели, безсильно, маломощно, тщедушно, хило, такъ что щелчокъ дать—свалится, разсыплется,—не о себѣ стоитъ, не о себѣ живетъ, и можетъ спастись лишь по иностраннымъ рецептамъ! Выходитъ какъ-то, что страна, большая, чѣмъ всѣ государства Европы взятыя вмѣстѣ—чуть ли не страдаетъ «малоземельемъ», тогда какъ наши же «люди науки» обыкновенно краснѣютъ за ея малонаселенность, сравнивая съ населенностью Европы. Выходитъ, что страна, надѣленная несмѣтнѣйшими богатствами — чуть не самая бѣднѣйшая въ мірѣ... Выходитъ, будто народъ, наиболѣе *человѣчный* между всѣми народами (объ его человѣчности свидѣтельствуютъ даже иностранцы, особенно очевидцы послѣдней нашей войны), превратившій въ обработанныя цвѣтущія нивы «Дикое поле», степное кочевье азіатскихъ ордъ, просвѣтившій свѣтомъ христіанства и гражданственности многое множество племенъ туранскаго происхожденія, населившій, воздѣлавшій, распространившій свое политическое и культурное вліяніе въ размѣрѣ истинно исполинскомъ (и все это самъ собою, при тѣхъ помѣхахъ, какія неизбѣжны, когда въ распоряженіи властей не вѣрное, а кривое зеркало),—что этотъ народъ, какъ еще недавно возгласилъ въ Петербургѣ одинъ изъ авторитетныхъ жрецовъ науки вовсе-де не культурный, къ культурѣ не способный и по части культуры стоитъ ниже всякаго Татарина, а потому... Потому нечего ему и притязать на какую-либо самобытность законодательнаго, политическаго и духовнаго развитія!..

Однимъ словомъ—цѣлый міръ лживыхъ представленій, мнимыхъ болѣстей, мнимыхъ силъ и мнимаго безсилія, фальшивыхъ потребностей и нуждъ, подмѣненныхъ цѣлей и идеаловъ—подобія жизни, лишеннаго силы жизни! Зато теперь наши мудрствующіе и мудрящіе сами казнятся. Никуда не вывезло ихъ пренебреженіе къ Русскому народу и народности, и какъ ни шпорили они осѣдланныхъ коней своихъ,—т. е. всевозможныя доктрины, теоріи и всяческіе абстракты,—не вынесли ихъ лихіе кони и только вышибли изъ сѣделъ. Въ настоящую минуту сильно убыло у нашихъ вожаковъ заносчивости и самодовольства, но до смиренія еще далеко. Они еще

не способны повиниться, они все отыскиваютъ виноватаго... Виноватымъ оказывается, разумѣется, правительство, и только оно одно; на шею его и взваливается вся отвѣтственность...

Но отъ этого никому не легче, и такое обвиненіе не только не поможетъ дѣлу, но еще болѣе путаетъ понятія и отдаляетъ желанное исцѣленіе. Не пора ли уже и перестать баловать себя самихъ такимъ дешевымъ обвиненіемъ и отводить себѣ глаза отъ нашихъ же собственныхъ винъ? Можетъ быть и дѣйствительно, съ исторической точки зрѣнія, первоначальная вина искривленія нашего народнаго сознанія, вина отчасти невольная и во всякомъ случаѣ не лишенная смягчающихъ обстоятельствъ, лежитъ въ правительствѣ, хоть бы начиная съ Петра,—но уже съ давнихъ поръ роли едва ли не перемѣнились. Воспитанное правительствомъ, общество стало воспитывать его самого, создало около правительства цѣлую среду, обусловливающую и опредѣляющую въ большей или меньшей степени его государственную дѣятельность. Его ошибки и вины—ошибки и вины самого общества, той или другой его части. Если чего слѣдуетъ желать нашему правительству, такъ это возможности и рѣшимости высвободиться изъ одуряющей общественной атмосферы и окунуться въ свѣжихъ струяхъ жизни *народной;* если что̀ можетъ быть поставлено ему въ вину, такъ именно то, что оно изъ-за общества не усматриваетъ самого народа, не замѣчаетъ кривизны зеркала... Но вѣдь недостаточно откинуть или разбить кривое зеркало, нужно замѣнить его зеркаломъ новымъ, отражающимъ точно, вѣрно, правдиво, а таковаго не создать по щучьему велѣнью!.. Все-таки въ правительствѣ, каково бы оно подчасъ ни было, важенъ и дорогъ самый тотъ историческій государственный и народомъ сознательно охраняемый принципъ, которому Россія обязана своимъ политическимъ бытіемъ и ростомъ—не смотря ни на какія препятствія внѣшнія и внутреннія, ни на какія абстрактныя мудрствованія и практическія мудрованія. И, благодаря стойкости этого основнаго принципа, бывали и въ новѣйшей нашей исторіи великія, святыя мгновенія, когда, словно чудомъ, историческій народный инстинктъ возобладалъ надъ всѣми отвлеченными умствованіями, объединялъ въ одномъ чувствѣ и въ одномъ стремленіи всѣ классы и сословія безраздѣльно.

Положеніе Россіи таково, что будь правительство не только

семи, по семи сотъ семидесяти семи пядей во лбу, и то вдругъ, разомъ, собственною силою не разрѣшило бы задачи. Нельзя однимъ махомъ передѣлать дѣло давнихъ временъ, стряхнуть хламъ и пыль столѣтій, *выправить* общественное сознаніе и возстановить въ одинъ прекрасный день, какимъ-нибудь указомъ, цѣльность и немыслимое безъ цѣльности творчество жизни!... Уничтоженіе крѣпостнаго права выдернуло такъ-сказать изъ-подъ самаго главнаго орудія общественнаго строя, изъ-подъ дворянскаго сословія, ту историческую вѣковую основу, на которой оно сидѣло. «Сто тысячъ полиціймейстеровъ» въ видѣ помѣщиковъ—чѣмъ такъ гордилась Екатерина II,—какъ бы не бывало. Образовался провалъ, и многое повисло на воздухѣ. Кое-какъ, на скорую руку созданными земскими учрежденіями, никого пока въ своемъ настоящемъ видѣ не удовлетворяющими, поспѣшно заткнули эту пустоту; но тѣмъ не менѣе великій соціальный переворотъ, совершенный Александромъ II, поколебалъ всю правительственную систему, созданную петербургскимъ періодомъ Русской исторіи, съ его бюрократическою, канцелярско-полицейскою опекою. Новый строй еще не сложился, да и сложиться ему не легко—именно благодаря отсутствію въ правящихъ и въ общественныхъ классахъ историческаго національнаго духа и нераздѣльной съ нимъ жизненной творческой силы и правды въ сознаніи. А вѣдь изъ этихъ общественныхъ классовъ пополняется самый составъ правительства; изъ нихъ же берутся работники и исполнители, однимъ словомъ—всѣ орудія правительственной дѣятельности. Обратится ли правительство помимо нихъ, т. е. своихъ присныхъ, прямо къ такъ-называемому общественному мнѣнію, стараясь уловить его въ рѣчахъ и печати, что̀ услышитъ, что̀ найдетъ оно? Ничего, какъ мы уже сказали, кромѣ оглушительнаго разномысленнаго сумбура, — никакой программы, сколько-нибудь опредѣленной, въ которую кто бы нибудь и самъ твердо вѣрилъ, никакого яснаго и толковаго плана, а больше все отраженія да отзвуки чужихъ, вычитанныхъ, на иноземной почвѣ возникшихъ доктринъ и теорій. Если кого должна взять тоска, такъ не нашихъ такъ-называемыхъ «либеральныхъ» публицистовъ, а именно правительство. Что̀-жъ это такое, что̀ за притча такая? Вѣдь есть же жизнь и сила жизни въ Россіи, иначе Россія давно бы перестала и быть, а не

продолжала, напротивъ, невѣдомо какъ, хоть вкось и вкривь, но все же рости и множиться,—но отчего же сила эта не дается въ руки, отчего не слыхать языка этой жизни въ Русскомъ поверхнародномъ слоѣ?

Ничѣмъ нельзя было бы хуже наказать нашихъ современныхъ отрицателей, пессимистовъ и всякихъ иныхъ критиковъ, вообще корифеевъ такъ-называемой интеллигенціи, какъ если бы вдругъ, подобно Хлестакову въ «Ревизорѣ», почудились имъ слова: «Иванъ Александрычъ, Иванъ Александрычъ, пожалуйте государствомъ управлять!»... Послѣ первыхъ двухъ лѣтъ эксперимента, они преданы были бы проклятію, втоптаны были бы въ грязь самою интеллигенціей—какъ теперь топчутъ въ грязь то самое земское и городское самоуправленіе, котораго такъ добивались, съ которымъ на первыхъ порахъ такъ носились, рисуясь въ роли членовъ парламента, въ нѣкоторомъ родѣ! Кстати: многими и теперь превозносятся времена первыхъ такъ-называемыхъ «либеральныхъ вѣяній»... Но спрашиваемъ тѣхъ, которые въ тѣ времена пытались рекомендовать правительству: учинить всероссійское представительство изъ членовъ губернскихъ земскихъ собраній,—каково было бы положеніе правительства, да и ихъ самихъ, еслибъ оно повѣрило имъ на слово и послушалось ихъ совѣта? Вѣдь теперь они же сами, на основаніи сравнительно маловажнаго опыта съ вопросомъ объ организаціи уѣзда, объявляютъ во всеуслышаніе, что земскія собранія въ настоящемъ своемъ видѣ совсѣмъ никуда *не пригодны* и земскій гласный отнюдь не можетъ быть признанъ надежнымъ представителемъ общественной мысли... Такъ перевернулись взгляды и соображенія въ теченіе одного или полутора года! И затѣмъ ничего въ запасѣ нѣтъ, кромѣ воздыханій, сѣтованій, пеней, жалобъ и порицаній, но *не на себя* обращенныхъ... А съ этого-то и надо было бы начать, и въ этомъ началѣ едва ли, по пословицѣ, не половина дѣла...

Короче сказать, еслибъ кто насъ спросилъ, въ чемъ наша бѣда? мы отвѣтили бы: въ томъ, что криво народное самосознаніе въ Русскомъ обществѣ, въ томъ, что въ бѣгахъ у насъ, въ затемненіи или плѣну самый здравый смыслъ,—и на вопросъ: что̀ намъ теперь нужнѣе всего? «эманципація здраваго, *простаго* смысла»—былъ бы нашъ отвѣтъ.

Не объ индивидуальномъ, личномъ смыслѣ каждаго, конечно, идетъ здѣсь рѣчь, и обижаться здѣсь некому. Мы имѣемъ въ виду опять то же самое общественное явленіе, на которое уже однажды указывали, задавая вопросъ: почему въ Россіи, гдѣ народъ отличается такою смышленностью, всѣ мы жалуемся на «безлюдье», т. е. на недостатокъ людей умныхъ и способныхъ? Это вовсе не значитъ, чтобъ въ Россіи мало было людей, одаренныхъ вообще умомъ и талантами,—ихъ, напротивъ, довольно,—но слишкомъ ужъ мало людей одаренныхъ здравымъ разумѣніемъ вещей именно самыхъ *простыхъ* и въ ихъ настоящемъ видѣ. Способности къ *отвлеченнымъ* умозрѣніямъ у насъ много; въ ней по преимуществу мы и напрактиковались; но въ пониманіи жизни дѣйствительной, реальной, именно Русской народной жизни, мы оказываемся большею частью до постыдности слабы. Наше общественное воспитаніе напоминаетъ собою семинаристовъ былыхъ (а можетъ быть и настоящихъ) временъ, которые готовы тотчасъ набѣло настрочить какую угодно проповѣдь или богословское разсужденіе на любую тему, но не въ состояніи написать толково ни дѣловаго письма, ни разсказа о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ. Точно также и наши «интеллигенты»: всѣ превеликіе мастера писать разные «взгляды» и «нѣчто», судить и рядить о судьбахъ человѣчества вообще, созидать и разрушать въ теоріи человѣческія общества... Правда, оригинальнаго тутъ нѣтъ ничего, какъ и у семинаристовъ-богослововъ: у тѣхъ и у другихъ есть подъ рукою книжки или профессорскія лекціи... Но зато прибавьте, именно «интеллигентамъ»,—и это своего рода оригинальность,—самомнѣніе, гордость знанія, или точнѣе—полузнанія, чванство послѣдними словами науки, высокомѣрно-отрицательное отношеніе къ Русской исторіи, къ Русской народности, полнѣйшее невѣдѣніе—изъ человѣческихъ обществъ—именно Русскаго общества,—и вамъ станетъ понятно, какимъ образомъ въ этой средѣ отвлеченности, невѣдѣнія и отрицанія, но все же на Русской почвѣ, могли возникнуть и сепаратизмъ, и федерализмъ, и конституціонализмъ, и соціало-демократизмъ, и демократо-революціонизмъ, и анархизмъ, однимъ словомъ—всѣ заграничные *измы,* образовавшіеся тамъ исторически и законно, но у насъ беззаконнорожденные,—а въ концѣ-концовъ, какъ вѣнецъ нашего обще-

ственнаго культурнаго развитія, все выражающій однимъ словомъ, приводящій все къ одному знаменателю, вполнѣ уже *нашъ*, свой, дома выхоленный—нигилизмъ... Чтò же мудренаго, что водворился наконецъ такой умственный хаосъ, что никто не только дѣйствительной жизни, но и другъ друга не разумѣетъ, и всѣхъ обуяли уныніе и тоска,—уныніе вслѣдствіе видимой своей, общественной, хотя еще и не вполнѣ понятой несостоятельности, и тоска, также еще несознанная, но несомнѣнная—по здравомъ смыслѣ... «Такъ дальше продолжаться не можетъ»—слышится теперь обычный возгласъ... Можетъ-то можетъ,—такіе возгласы приходилось намъ на нашемъ вѣку слышать не разъ; можетъ потому, что Россія стоитъ тѣми 80% населенія, съ которыми-то именно наши мнимые «либералы» и не любятъ считаться. Но не подлежитъ и спору, что если такой хаосъ продлится, онъ отзовется наконецъ и на жизни народной,—будетъ, какъ зловредное повѣтріе, портить народъ такъ-сказать на самомъ корню.

Какъ же, однако, изъ такого положенія выдти?

Выдти не легко. Можетъ вывести, пожалуй, какое-либо крупное внѣшнее событіе, но такого содѣтеля накликать не желательно. Пожалуй случится и нѣчто другое, совсѣмъ неожиданное, но не невозможное у насъ. Совершенно вѣрно замѣчено, что наше развитіе идетъ скачками, что между отцами и дѣтьми въ Русскомъ обществѣ большею частью нѣтъ ничего преемственнаго, а какой-то обрывъ. И намъ сдается, что Русскій доктринаризмъ начинаетъ уже нѣсколько утомлять общество и подергиваться *окраскою пошлости*, по крайней мѣрѣ въ глазахъ еще не дѣйствующаго, еще лишь подростающаго молодаго поколѣнія, насколько намъ довелось его наблюдать. Можетъ быть мы обманываемся—но какъ не хотѣлось бы обмануться!—совсѣмъ негаданно, того и гляди, выступятъ на сцену молодые люди съ отвращеніемъ къ дешевымъ отвлеченностямъ и обобщеніямъ, съ скептическимъ недовѣріемъ къ теоріи, безъ суевѣрнаго отношенія къ «послѣднимъ словамъ науки»,—поколѣніе, по всей вѣроятности, безъ самообольщенія, но и безъ энтузіазма, даже безъ мечтанія объ «общемъ благѣ» (о которомъ предшествовавшимъ поколѣніямъ, полвѣка сряду, было обязательно мечтать съ 15 лѣтъ), но съ несравненно бóльшимъ практическимъ смысломъ, съ большею честностью въ само-

оцѣнкѣ, съ болѣе здоровымъ кретеріумомъ и съ большею способностью къ основательному, хотя бы и скромному, кропотливому труду, а также и *къ жизни въ деревнѣ.* Это будетъ прежде всего выраженіемъ нравственной *реакціи,* поворотною точкою въ нашемъ общественномъ процессѣ, и во всякомъ случаѣ будетъ къ добру... Какъ весною усматриваются иногда поверхъ стараго, перебывшаго зиму травянаго хлама, тамъ и сямъ, молодые побѣги свѣжей зеленой травы,—такъ будто и теперь видятся намъ такіе побѣги въ нашемъ современномъ обществѣ... Но, повторяемъ, это только наше предположеніе, основанное на нѣкоторыхъ признакахъ: всякіе теперь выводы изъ него были бы неумѣстны.

Но что̀ непремѣнно требуетъ нашего неотложнаго вниманія, это общественное воспитаніе. Въ немъ главный источникъ нашей болѣзни—*болѣзни сознанія.* Все наше воспитаніе, особенно университетское, организовано такъ,—и уже издавна, съ самаго перваго насажденія у насъ Европейскаго просвѣщенія,—чтобъ воспитывать людей въ отвлеченности и въ отрицаніи—въ отрицаніи Русской духовной національной сущности. Съ самаго начала образованіе служило правительству только средствомъ для изготовленія нужныхъ ему для государственной службы людей. Это придало образованію особый отпечатокъ, имѣвшій немаловажное историческое значеніе. Дипломъ университетскій окончательно вытѣснилъ въ обществѣ значеніе дворянской родословной и заградилъ дорогу политическимъ поползновеніямъ аристократизма; онъ равнялъ всѣ сословія, но за то всѣхъ переправлялъ въ благородное и привилегированное званіе людей казенныхъ, чиновниковъ, въ свою очередь дослуживавшихся до барства и рабовладѣльчества. Въ то время наука, цивилизація состояли въ казнѣ, мыслились только во Французскомъ кафтанѣ или Нѣмецкомъ мундирѣ, при шпагѣ и въ одномъ изъ классовъ табели о рангахъ,—и понятное дѣло, что требовалось не столько науки, сколько «цивилизаціи»... Учились же всѣ «понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь». Настала другая пора. Государственная потребность въ образованныхъ чиновникахъ удовлетворена съ избыткомъ и можетъ считаться вполнѣ обезпеченною, но университетъ и до сихъ поръ не можетъ назваться «храмомъ науки». Онъ и теперь сохраняетъ свое утилитарное, такъ-ска-

зать карьеристское значеніе. Студенты попрежнему на положеніи «питомцевъ государственныхъ». — «Наука» пріобрѣла несравненно болѣе ученую осанку, осанку «почти Европейской» науки; но въ сущности она была и осталась, большею частью, только рабскимъ отголоскомъ науки Запада, именно въ томъ ея состояніи, на томъ послѣднемъ ея словѣ, какое г. профессору стало извѣстно, когда онъ съ нею знакомился за границей, еще приготовляясь къ своей каѳедрѣ... За немногими исключеніями, наука въ Россіи, вообще говоря, не проявила живой, творческой силы. Русскій геній внесъ самостоятельный свой вкладъ въ сферу искусства, но въ наукѣ этотъ вкладъ крайне бѣденъ, — какъ, впрочемъ, объ этомъ прекрасно и очень мѣтко говоритъ нашъ сотрудникъ, Н. Н. Страховъ, въ статьѣ, ниже помѣщаемой... Университетъ и въ наше время продолжаетъ искусственно, разными преимуществами и льготами, привлекать къ себѣ многое множество учащихся отъ всѣхъ сословій и, одѣляя ихъ подобіемъ науки — болѣе или менѣе блѣднымъ и сокращеннымъ спискомъ съ заграничнаго оригинала — создаетъ изъ нихъ массу, во-первыхъ, *господъ*, по выраженію простонародья (каковыми, однако, оно не считаетъ ни семинаристовъ, ни слушателей духовныхъ академій), т. е. людей привилегированныхъ; во-вторыхъ, людей совсѣмъ оторванныхъ отъ народа, его вѣрованій, его историческихъ преданій, его бытовыхъ воззрѣній, его идеаловъ политическихъ, историческихъ и духовныхъ, — и не только оторванныхъ, но поставленныхъ къ нимъ въ отношеніе прямо отрицательное. Наконецъ — людей по необходимости *отвлеченныхъ*, лишенныхъ національнаго чувства, національнаго разума и національной почвы, и способныхъ лишь именно къ абстрактнымъ мудрствованіямъ, а потомъ и къ мудрованію надъ невѣдомою имъ и неуважаемою ими народною жизнью. Здѣсь-то и совершается тотъ процессъ *искривленія сознанія*, о которомъ мы говорили. Здѣсь вставляются юношѣ чужіе очки, въ которыхъ онъ потомъ и ходитъ обыкновенно до конца дней своихъ; здѣсь даются ему чужіе вѣсы и мѣрила, на которыхъ онъ потомъ вѣшаетъ и мѣритъ *свое*, народное; здѣсь пересаживаются въ его душу всѣ болѣзненныя отрицанія, стремленія, исканія чужой исторической жизни, со всѣми ея недугами, и не влагается ни одного положительнаго, своего, національнаго иде-

ала... Таковъ, за нѣкоторыми, повторяемъ, частными исключеніями, общій характеръ образованія, получаемаго въ Русскихъ университетахъ, да и въ большей части нашихъ учебныхъ заведеній. Впрочемъ, о плодахъ его можно судить, и довольно безошибочно, уже по нашему обществу: у насъ вѣдь домашняго семейнаго воспитанія въ высшихъ общественныхъ классахъ почти и не существуетъ: ему почти систематически не дается хода. Во всякомъ случаѣ никто не станетъ отрицать, что въ нашей современной молодежи, по которой мы обязаны заключать и о результатахъ получаемаго ею высшаго образованія, рѣдко приходится встрѣтить не только патріотическій энтузіазмъ, но и просто горячее чувство любви къ своей землѣ и своей народности, а также и гражданскую доблесть. Развѣ это не печальное явленіе? Развѣ не отвѣтственны за него наши педагоги предъ всей Россіей? Для того ли собираются на содержаніе высшихъ учебныхъ учрежденій милліоны денегъ съ Русскаго народа, чтобы воспитывать людей безнародныхъ, не расположенныхъ и не способныхъ служить Россіи именно такъ, какъ ей нужно, и въ томъ, что̀ ей на потребу? Скажутъ, конечно, что призваніе университетовъ воспитывать человѣка *вообще*, служить истинѣ вообще, безъ отношенія къ національности, что наука-де космополитична по самому своему существу, и т. д., — словомъ возраженія извѣстныя. Къ этому, безъ сомнѣнія, въ сотый разъ прибавятъ, что газета «Русь» — врагъ всякаго просвѣщенія и желала бы удержать Русское общество на уровнѣ умственнаго развитія и познаній Русскаго мужика. Но газета «Русь» именно и отстаиваетъ серьезную въ Россіи школу, именно ту, классическую, которая какъ бѣльмо на глазу у нашихъ противниковъ; но, по мнѣнію газеты «Русь», Русскому человѣку нужно учиться несравненно болѣе, чѣмъ любому Европейцу Запада, именно потому, что мы, Русскіе, пришли въ историческій міръ позднѣе другихъ и должны обратить въ свое духовное достояніе все, что̀ до насъ выработано вѣками обще-человѣческаго мышленія. Но вѣдь Европейская наука тамъ, гдѣ она процвѣтаетъ, у себя дома, въ оригиналѣ, а не въ жалкой копіи, какъ у насъ, не производитъ нигдѣ національнаго *обезличенія*, не вытравливаетъ въ людяхъ чувство своей народности, любовь къ своей землѣ и сознаніе своихъ къ ней обязанностей: доказатель-

ствомъ служатъ всѣ истинные служители науки въ Англіи, Германіи, Италіи, Франціи. Но вѣдь міръ не безвоздушное пространство, и въ мірѣ реальномъ *человѣкъ-вообще* существуетъ лишь какъ отвлеченное понятіе, а человѣкъ *безличный* — значитъ человѣкъ лишенный всякой способности самостоятельнаго усвоенія, воспріимчивости и воздѣйствія, производительности и творчества, — лишенный всякихъ силъ личнаго духа, которыми могъ бы онъ, *сохраняя свою личность*, доразвить, возвысить ее, по возможности, до *человѣка-вообще*. И такъ какъ нѣтъ человѣка, который бы не принадлежалъ къ какой-либо народности, то то же самое, что сказано о личности индивидуальной, должно быть перенесено и на личность коллективную или народную. Безъ *народнаго* не можетъ быть и *общечеловѣческаго:* только уважая свою народную личность, только развивая, разрабатывая всѣ дары, всѣ силы личнаго народнаго духа, можетъ народъ совершить свое служеніе высшей истинѣ (что особенно хорошо выражено въ статьѣ г. Соловьева, въ этомъ же №); только тогда можетъ внести онъ и свой самостоятельный вкладъ во всемірное, общечеловѣческое просвѣщеніе. Но свойства народныхъ умовъ разныя, жизненный историческій опытъ ихъ различенъ, даже отраженіе высшей нравственной правды въ быту и въ жизни народовъ бываетъ у каждаго своеобразное; наконецъ, каждому дано въ этой высшей истинѣ усмотрѣть и развить по преимуществу, въ реальномъ примѣненіи, какую-либо особую сторону, — а потому до чудовищности ошибочно — самое то, что въ служеніи какого-либо народа принадлежитъ именно его личности, принимать за нѣчто общечеловѣческое, за нѣчто обязательное для подражанія. Но это-то и творится у насъ. Постоянно обезличивая въ молодежи духъ народный, наше общественное воспитаніе немилосердно подсѣкаетъ въ нихъ самый нервъ жизненности духовной, всякую силу оригинальнаго творчества, но, не будучи въ состояніи подсѣченную силу замѣнить иною живою, производительною силою, т. е. Русскую національность — чужою національностью, оно выпускаетъ на Русскій свѣтъ Божій только массы отвлеченныхъ, нравственно искаженныхъ, изуродованныхъ Русскихъ людей, осужденныхъ на вѣчное скитаніе мыслію въ какомъ-то пустопорожнемъ пространствѣ, короче сказать — на духовное безплодіе. Вотъ по-

чему наша холостая наука не только не внесла никакого особенно замѣчательнаго вклада въ общечеловѣческую науку, но ничего и не въ состояніи была явить свѣту, кромѣ нигилизма, — этого высшаго выраженія всяческаго отрицанія!

Нѣтъ, не на уровнѣ «мужицкаго» образованія желаемъ мы удержать Русское общество. Общество дѣйствительно призвано выводить народный умъ изъ той области непосредственнаго бытія, въ которой по необходимости пребываютъ народныя массы, въ высшую область сознанія; тѣ начала народнаго духа, которыя какъ зерна хранятся въ народной почвѣ и опредѣляютъ его бытіе какъ народа въ цѣломъ, должны получить, черезъ общество, свое полнѣйшее развитіе; народная духовная личность можетъ вполнѣ проявиться лишь въ совокупномъ разнообразіи личнаго творчества выдѣленныхъ народомъ изъ себя единицъ. Сфера такой личной духовной дѣятельности народныхъ единицъ, сфера, гдѣ происходитъ этотъ процессъ народнаго самосознанія, и есть то, что̀ обыкновенно называется обществомъ, и что̀ въ послѣднее время не совсѣмъ точно называется «интеллигенціей»... Но каково положеніе страны, гдѣ орудія сознаванія испорчены, сознательный органъ не дѣйствуетъ или дѣйствуетъ плохо, и весь сознательный процессъ кривъ?

Конечно, не одни педагоги въ этомъ виноваты... По всей вѣроятности педагоги вообще оскорбятся нашими словами, — именно тѣ, которымъ совѣсть не позволитъ воспользоваться сдѣланною нами оговоркой и причислить себя къ «исключеніямъ», и которымъ, по правдѣ молвить, «имя легіонъ». Но и имъ въ нѣкоторое оправданіе можно сказать, что они только унаслѣдовали педагогическое преданіе, ведущееся съ давнихъ поръ. Педагогомъ по преимуществу, во весь Петербургскій періодъ нашей исторіи, былъ самъ правительствующій Санктпетербургъ; да и весь административный нашъ строй, всѣ условія историческаго новѣйшаго развитія и новѣйшаго, подъ ихъ воздѣйствіемъ сложившагося общественнаго быта, все учило, воспитывало, направляло въ томъ же духѣ и въ томъ же смыслѣ, и привело насъ наконецъ въ то положеніе, въ которомъ мы теперь обрѣтаемся и которое наши пессимисты называютъ безвыходнымъ...

Пессимистовъ у насъ теперь также легіонъ, но источникъ

нашего пессимизма, нашей тоски и унынія, частью выражающихся въ газетныхъ плачахъ и причитаньяхъ того лагеря, что съ наивнымъ самообольщеніемъ величаетъ себя «либеральнымъ», частью же дѣйствительно, хотя и нѣсколько иначе, ощущаемыхъ всѣмъ Русскимъ обществомъ, — источникъ этотъ, повторяемъ снова, лежитъ въ чувствѣ нашей собственной духовной или интеллигентной общественной немощи, о-бокъ съ величайшею народною мощью и въ виду задачъ, поставленныхъ намъ исторіей. Именно теперь, когда стало наконецъ ясно, что нельзя идти далѣе такъ, какъ намъ шлось, когда жизнь предъявляетъ нашему сознанію запросы: какъ быть, куда идти? мы стоимъ или топочемся на мѣстѣ безотвѣтные, — вѣрнѣе сказать не способные дать отвѣта, и что еще хуже — не сознающіеся въ такой неспособности. Или же спѣшимъ справляться съ чужестраннымъ историческимъ опытомъ, рыться въ чужестранныхъ учебникахъ — не найдемъ ли тамъ отвѣта на нашъ Русскій историческій вопросъ!.. Но уже ни къ заимствованіямъ, ни къ подражаніямъ нѣтъ прежней вѣры, — и во всей этой суетѣ, во всемъ этомъ диссонансѣ общественнаго многоголосья господствуетъ одна пронзительная, раздирающая нота — безнадежности.

Но безнадежности не должно быть мѣста. Предоставимъ причитанья и плачи бабамъ-плакальщицамъ Олонецкой губерніи, и мужественно взглянемъ своей винѣ прямо въ глаза. Поймемъ же наконецъ, что виною всему—невѣрность нашей умственной оптики, фальшивость нашего зеркала, кривизна нашего сознанія. Мы можемъ, пожалуй, въ нѣкое себѣ утѣшеніе припомнить и народную поговорку, сложенную ямщиками: «куда кривая ни вынесетъ»!.. Должно быть ею и одушевлялся, во время оно, державный ямщикъ нашъ Петръ, когда надлежало втащить въ гору, на путь всемірно-исторической дѣятельности, нашъ грузный экипажъ, глубоко увязшій въ топи исключительной національности. Ну и вынесла кривая, вынесла, правда, совсѣмъ въ сторону отъ дороги, куда-то въ чащу, трущобу, попала на самый край пропасти, но все же вынесла на такое мѣсто, откуда мы можемъ теперь свободно озирать окрестность, оглянуть пройденное, увидать, гдѣ была топь и какой путь отъ нея самый вѣрный, и такимъ образомъ попасть наконецъ и на настоящую, *правую* дорогу...

Станемъ же *править* наше сознаніе. Это поважнѣе теперь для насъ всякихъ внѣшнихъ мѣропріятій, распоряженій и учрежденій; въ этомъ все наше спасеніе. Конечно, воспитаніе юношества стоитъ здѣсь на первомъ планѣ, но не юношей однихъ и не на школьныхъ только скамьяхъ, — самихъ себя и на всѣхъ путяхъ жизни должны мы перевоспитывать. Россіи нужнѣе всего теперь напряженный трудъ мысли, — къ этому-то труду мы и позволяемъ себѣ теперь призывать Русское общество,—трудъ добросовѣстный, точкой отправленія котораго должно быть, прежде всего, обузданіе теоретической заносчивости, почтительное отношеніе къ духовному содержанію, къ требованіямъ нашей народной жизни—и къ ея историческимъ указаніямъ. Во тьмѣ и хаосѣ, въ крутящемся вихрѣ господствующихъ у насъ воззрѣній и понятій, нашими путеводителями да будутъ: вѣчная, превысшая истина христіанская, слѣдуя за которою мы, слава Богу, не отдѣляемся отъ Русской національной почвы, а только утверждаемся въ ней,—и Русская исторія, которая раскроетъ намъ тѣ органическія силы, коими слагалась, доселѣ жива и должна, по освобожденіи ихъ отъ гнета недоразумѣній и всяческаго чужаго наноса, оживиться вновь для высшей исторической дѣятельности наша Россія. Съ этою цѣлью «Русь» начинаетъ печатать съ 1-го же № рядъ статей подъ названіемъ «Великій споръ»—споръ Запада съ Востокомъ,—опредѣляющихъ мѣсто нашей національности въ историческомъ бытіи христіанства – и статей о проявленіи и дѣятельности земской стихіи въ исторіи Русскаго государства. Просимъ нашихъ читателей не поскучать предлагаемою имъ въ настоящемъ № монографіей этой стороны нашей исторической жизни, на которую едва ли не первый указалъ К. С. Аксаковъ. Подъ этою внѣшне-сухою оболочкою они, вчитавшись, откроютъ источникъ живой и животворящей силы и найдутъ отвѣтъ на многіе современные имъ вопросы. Ибо—какъ бы ни ломали себѣ голову наши публицисты о разныхъ пригодныхъ для Россіи «правовыхъ порядкахъ», нѣтъ для Россіи другихъ зиждущихъ началъ, какъ *государственный* и *земскій* строй — два начала не противоположныя, не оппозиціонныя другъ другу, состоящія не въ условной, полной недовѣрія сдѣлкѣ между собою, какъ политическіе элементы на Западѣ,—но начала, взаимно восполняю-

щія другъ друга, тѣсно связанныя между собою единствомъ нравственнымъ, взаимною любовью и вѣрою,—только со временъ Петра разъединенныя господствомъ иностранныхъ воззрѣній и ждущія только благопріятныхъ условій для новаго, совмѣстнаго и плодотворнаго развитія. Изъ статьи «Земское дѣло въ Смутное время» читатели увидятъ, какимъ образомъ сама земля съумѣла спасти и возстановить разбившійся государственный нарядъ и самую государственную власть, со всѣми ея прерогативами.

Государственный и земскій строй подъ знаменемъ высшаго нравственнаго начала, т. е. истиннаго христіанства или иначе православія—вотъ опредѣленіе или идеалъ Россіи какъ государственнаго организма, и другаго нѣтъ.

Петербургъ—великій сочинитель.

Москва, 17-го января.

Петербургъ—великій сочинитель. Плодовитый сочинитель, неутомимый. Болѣе полутораста лѣтъ упражняется онъ въ сочинительствѣ. И чего-то онъ не насочинилъ на своемъ вѣку! Законы, уставы, уложенія, вкусы, моды, нравы, понятія, всевозможныя формы и формочки для Русской общественной жизни, Нѣмецкіе чины для Русскихъ людей, духовный генералитетъ для Русской церкви,—мусульманскій фанатизмъ для Киргизовъ, сочинилъ свою историческую повѣсть о Россіи, въ которую самъ вѣритъ, сочинилъ цѣлую дѣйствительность, которою самъ движется и живетъ. И все это собственнымъ умомъ или занятымъ на прокатъ у культурныхъ странъ, а ужъ никакъ ни простымъ, грубымъ смысломъ своей некультурной земли. Нѣкоторыя сочиненія уже вышли изъ обращенія, стоятъ запылившіяся на полкахъ; есть кое-какія, которыя совсѣмъ не увидѣли свѣта, но многія, многія еще въ ходу. Онъ и теперь продолжаетъ трудиться и сочинять,—богатство фантазіи его неистощимо.—сочиняетъ даже самую Россію съ фантастическими потребностями, интересами и задачами—о-бокъ съ Россіею не призрачною, а сущею, съ потребностями, интересами и задачами истинными, а не мни-

мыми... Но это сочиненіе все какъ-то не удается, все еще требуетъ исправленія, да передѣлокъ,—съ матеріаломъ совладать трудно.

Петербургъ, впрочемъ, понятіе коллективное или сборное. Самый «градъ» на то и созданъ былъ, — т. е. ради удобствъ безпрепятственнаго сочинительства; но сочиняетъ не только «градъ», а и горожане—порознь. И кто пріобщится къ граду, не только мѣстомъ жительства, но и душою,—такъ и пойдетъ сочинять. Сочинительствующій Петербургъ далеко перешелъ свои предѣлы и разнесъ повсюду манію сочинительства, но родоначальникомъ, вдохновителемъ, смѣлымъ иниціаторомъ—все-таки онъ. Сочиняетъ не одинъ міръ административный, такъ-называемый бюрократическій, занимающійся авторствомъ сколько по побужденію своей природы, столько и по обязанности. Здѣсь, въ этомъ мірѣ, нужно замѣтить, имѣетъ мѣсто и силу табель о четырнадцати рангахъ; до V-го, до статскаго совѣтника, почти не сочиняютъ, а только воспитываются на сочиненіяхъ, вчитываются въ нихъ или послушно прилагаютъ ихъ къ жизни. Статскіе совѣтники—тѣ уже сочиняютъ... Съ статскаго совѣтника начинаетъ обыкновенно складываться будущій Петербургскій государственный сочинитель. Но это сочинитель серьезный и важный, почти всегда честный, искренно вѣрующій въ свое сочиненіе. Онъ чуждъ сознательнаго, умышленнаго обмана; онъ самъ себя обманываетъ, — притомъ безъ пыла, не по увлеченію или легкомыслію,—обманывается добросовѣстно, хладнокровно, тяжеловѣсно. Конечно, это можетъ служить не малымъ ему извиненіемъ, но все же не устраняетъ невольно возникающаго вопроса: да зачѣмъ же даваться обману? Не происходитъ ли уже такая способность самообольщенія отъ невѣдѣнія или непониманія жизни родной страны, пожалуй отъ нѣкотораго привычнаго пренебреженія именно къ тому, что̀ гдѣ-то и кѣмъ-то называется «народною самобытностью»?... За то въ мірѣ не административномъ, вольномъ, тамъ сочиняютъ—безъ чиновъ! Тамъ чѣмъ юнѣе—тѣмъ сочинительнѣе. Выключатъ кого изъ гимназіи за плохіе успѣхи въ наукахъ,—сейчасъ пристроится къ газетному фельетону,—даже иногда ни къ чему, и давай радѣть о благѣ общемъ, а о болѣе возрастныхъ ужъ и толковать нечего... Не хватаетъ своего измышленія, подсказываютъ суфлеры—Еврейскіе, Поль-

скіе, Нѣмецкіе, всѣхъ земель и національностей... И сочиняютъ, сочиняютъ...

Все это, повидимому, только забавно. Но иронія тотчасъ же смолкаетъ и улыбка мгновенно сбѣгаетъ съ лица, какъ скоро отъ сочинителей обратишься къ тѣмъ, о комъ и про кого сочиняютъ. Трагично положеніе міра дѣйствительнаго— заслоненнаго міромъ измышленнымъ, сочиненнымъ,—и таково, большею частью, положеніе нашего отечества. Дѣйствительность живая, истинная постоянно сталкивается съ дѣйствительностью искусственною, и тѣмъ не менѣе властною, облеченною въ реальное могущество... А между тѣмъ все такъ перемѣшалось въ нашемъ сознаніи, что трудно и грань провести, трудно и распознать: гдѣ жизнь, — гдѣ *подобіе* жизни; гдѣ сила настоящая, *всамомдѣлишняя*—гдѣ мнимая, напускная; гдѣ лицо, — гдѣ личина, гдѣ правда, — гдѣ ложь... Если обязательное сочинительство одарено властью матеріализовать свою отвлеченность, воплощать въ вещество свои абстракты, то вольное сочинительство плодитъ за то, съ своей стороны, страшную путаницу, ужасающій хаосъ понятій въ умахъ... Словно всѣ мы играемъ въ жмурки и съ завязанными глазами ловимъ *правду*, правду жизни,—ловимъ и не поймаемъ. Чувствуется разладъ, немощь во всемъ составѣ нашего тѣла, ощущается ноющая боль, но гдѣ именно она, откуда она, что̀ ей причиной — добраться, допытаться мыслію мы еще не умѣемъ.

Но благо уже и то, что мы ее ощущаемъ, что сомнѣніе въ своей авторской состоятельности начинаетъ уже нѣсколько смущать нашу душу. Прежде сочинялось такъ легко, такъ борзо, безъ малѣйшей застѣнчивости! А теперь дрогнулъ въ насъ сочинитель; прежней внутренней самоувѣренности нѣтъ, какъ бы мы ни старались подогрѣвать себя и восполнять оскудѣніе вѣры усиленною дерзновенностью... Съ одной стороны усиленная дерзновенность, съ другой усиливающаяся меланхолія. Меланхоликовъ развелось теперь столько, что ими хоть пруды пруди. «Уныніе» теперь motto всей музыки нашихъ общественныхъ рѣчей... Но ни дерзать съ отчаянія, ни унывать разводя руками — нечего. Всѣхъ насъ спасаетъ и спасетъ именно то, что̀ ускользало до сихъ поръ отъ нашего сознанія, что̀ пренебрегалось, не признавалось нами, что̀ не

дало себя перепначить, а если и уродовалось, то не въ конецъ, а вновь заживало,—что, тѣснимое, сживаемое со свѣта уходило въ глубь земли или же долготерпѣливо скрывалось подъ маской, нами же на него надѣтой, какъ ни спиралось его дыханіе, какъ ни душно было подъ ней... Такъ подъ куцымъ Нѣмецкимъ мундиромъ или супервестомъ, въ штиблетахъ, съ пудреной косою или буклями на головѣ, Русскій солдатъ не переставалъ быть все тѣмъ же Русскимъ крестьяниномъ, благодушнымъ и вѣрующимъ, билъ нещадно враговъ, щадя побѣжденныхъ, освобождалъ народы, выручалъ Европу, искупалъ доблестнымъ страстотерпствомъ грѣхи вождей и неправо-правящихъ, и возвеличивалъ Русское государство. Да, къ счастію для Россіи, въ ней было и остается нѣчто вполнѣ самобытное—внѣ сферы вольнаго и властнаго сочинительства; это—то органическое начало жизни, которымъ создалась, стоитъ, движется, ширится, ростетъ Россія, о которомъ жили и были цѣлы, и доселѣ живутъ сами сочинители... Но пора же и намъ смириться, и не создавать новыхъ и новыхъ затрудненій свободному развитію органическаго жизненнаго начала, не путать его и себя самихъ путами сочинительства...

Но возможно ли это для Петербурга и въ Петербургѣ,—городѣ сочиненномъ, городѣ, зачатомъ не только въ духѣ протеста противъ исключительной въ то время, въ себѣ самой замкнутой національности, но и въ духѣ подобострастнаго поклоненія началамъ совсѣмъ иной жизни, даже діаметрально противоположнымъ? Онъ и доселѣ остается воплощеніемъ этого поклоненія и этого протеста, хотя теперь уже не противъ чего и протестовать, хотя уже не размыкать, а вновь смыкать и сосредоточивать на національности приходится намъ обезсиленный, обезличенный духъ Русскаго общества. Онъ съ своимъ Нѣмецкимъ названіемъ Русской столицы и понынѣ живое выраженіе *отрицанія*, — родоначальникъ того отрицательнаго отношенія къ Русской народности и ея духовнымъ жизненнымъ основамъ, въ которомъ со временъ Петра развиваются у насъ преемственно поколѣнія, и которое наконецъ охватило, отравило всѣ стороны нашего духа. Освободиться отъ отрицанія Петербургъ можетъ только отрекшись отъ самого себя, но это самоотреченіе мыслимо лишь тогда, когда исправится самое сознаніе Русскаго общества и вы-

яснятся ему положительныя начала Русской жизни. Вотъ какая работа намъ необходима, и въ необходимости ея не должно бы, кажется, быть теперь повода къ сомнѣнію ни для кого изъ легіона нашихъ сочинителей, такъ какъ всѣ вольные уже хоромъ начинаютъ пѣть о своей несостоятельности, а властные... Да вѣдь и они стоятъ, недоумѣвая, предъ тщедушными результатами своей напряженной сочинительской дѣятельности, — но традиціонная рутина еще такъ сильна, старыя колеи такъ привычны, да и всѣ пріемы мышленія и дѣйствія такъ уже сложились у нихъ, что и чувствуя потребность исцѣленія, они уклоняются отъ исцѣленія, коснѣютъ двинуться на самый путь къ исцѣленію...

По-истинѣ замѣчательно то отношеніе къ прошлогоднему опыту созыва «свѣдущихъ людей», которое стало теперь господствующимъ въ Петербургскомъ, болѣе или менѣе руководящемъ и правящемъ мірѣ, словно ему нанесена какая обида. Дѣйствительно обида, и обида кровная — *бюрократизму:* но едва-ли кто изъ руководителей и правителей рѣшится исповѣдывать открыто бюрократизмъ какъ правительственное начало въ отношеніяхъ власти къ странѣ и народу. Не обличаетъ ли, однако, обидчивость въ настоящемъ случаѣ внутреннюю нравственную и умственную солидарность обидившихся именно съ бюрократизмомъ и ихъ неспособность воспринять на себя непосредственное воздѣйствіе жизни? А между тѣмъ свѣта, струи свѣжаго воздуха, дуновенія жизни—какъ манны небесной должны бы, казалось, алкать всѣ сколько-нибудь добросовѣстные дѣятели Петербурга! Вѣдь всѣмъ имъ не по себѣ, вѣдь всѣ они изнурены и тощи, всѣ чахоточны волей и духомъ... Или чахотка такая болѣзнь, которой, по увѣренію врачей, именно и не сознаютъ больные?... Какъ бы то ни было, но едва-ли не требовалось самимъ благоразуміемъ не смущаться даже и неудачею перваго опыта со «свѣдущими людьми», еслибъ таковая была (что̀ ничѣмъ не доказано), а обновлять, развивать этотъ опытъ, ввести его въ обычай и затѣмъ ужъ произносить о немъ сужденіе.

Вотъ и теперь предстоитъ въ Петербургѣ рѣшеніе вопроса о транзитѣ, возбуждающаго, волнующаго умы во всей промышленной Россіи—къ крайнему удивленію и досадѣ Петербургскаго бюрократическаго міра. Вся эта исторія съ по-

стройкой Бакинской желѣзной дороги и съ транзитомъ служитъ наилучшею иллюстраціей отношеній Петербурга къ Россіи и прямымъ подтвержденіемъ всего сказаннаго нами. Дѣло, захватывающее кровные интересы Русской промышленности и торговли, важное и для политическихъ и военныхъ интересовъ Россіи въ Азіи, оказывалось чуть не предрѣшеннымъ: до такой степени національное самосознаніе и чувство слабо въ нашей бюрократической высшей средѣ. На первомъ планѣ у нея забота о томъ, что̀ скажетъ о насъ Европа, не назоветъ ли она закрытіе транзита мѣрою «зулусскою», нелиберальною,—тогда какъ въ самой Европѣ никогда ни одна держава не справляется съ чужимъ сужденіемъ, когда дѣло идетъ о пользахъ ея народа; еще менѣе въ такомъ случаѣ, когда дѣло идетъ не о какомъ-либо незаконномъ, насильственномъ пріобрѣтеніи для своего народа новыхъ удобствъ и выгодъ, а только о томъ: нанести ли или не нанести искусственно, самовольно, по собственному почину подрывъ своимъ собственнымъ производительнымъ силамъ ради предоставленія, нежданнаго и непрошеннаго, важныхъ льготъ иностранцамъ? Вопроса, подобнаго нашему вопросу о транзитѣ чрезъ Кавказъ, не могло бы даже и возникнуть ни въ Германіи, ни въ Англіи, еще менѣе въ Америкѣ. Если бы даже существовала только тѣнь сомнѣнія о возможности ущерба для Русской промышленности и торговли, то и тогда было бы полное основаніе воздержаться отъ допущенія свободнаго транзита: это было бы только благоразумною осторожностью. Но что̀ же мы видимъ? Излюбленный органъ Петербургскихъ чиновниковъ подсмѣивается, трунитъ надъ безпокойствомъ и надъ протестами почти всего Русскаго промышленнаго и торговаго міра, и наивно увѣряетъ его, что онъ ошибся и не умѣетъ считать того, что̀ у него въ карманѣ. Но отъ подобныхъ увѣреній, отъ подобнаго образа дѣйствій безпокойство можетъ только рости, а не малиться!... При такомъ направленіи бюрократіи легко уразумѣть, почему ей такъ не по-сердцу «свѣдущіе люди» и почему, напротивъ, живой, не сочиненной и не сочинительствующей Россіи такъ желательно имѣть возможность доводить до Верховнаго рѣшителя правду о своихъ нуждахъ и потребностяхъ, хотя бы именно этимъ самымъ скромнымъ

путемъ — черезъ «свѣдущихъ людей» — почему-то было открывшимся и понятно, увы! почему закрывшимся...

Не безъ нѣкоторой тревоги прислушивается также общество и къ тѣмъ немногимъ слухамъ, которые проникаютъ въ печать о комиссіи, состоящей подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова, называемой въ нашихъ газетахъ обыкновенно по-просту Кахановскою комиссіей и обсуждающей вопросъ о мѣстномъ — сельскомъ уѣздномъ, губернскомъ административномъ и земскомъ устройствѣ. Поприще для сочинительства общирное, но не это одно возбуждаетъ чувство тревоги: работа комиссіи, какъ сводъ матеріаловъ и воззрѣній, какъ подготовительная программа, могла бы быть въ самомъ дѣлѣ полезна, — а тревожитъ мысль, что эта работа прямо изъ комиссіи пройдетъ черезъ бюрократическія и иныя сочинительскія мытарства: голосъ же тѣхъ, кто всѣмъ своимъ бытомъ непосредственно заинтересованъ въ вопросѣ объ условіяхъ новаго строя областной жизни, не будетъ услышанъ... «Новое Время» недавно сообщило, что Кахановская комиссія соблаговолила оставить сельское общество, какъ оно есть. Слава Богу. Мы, впрочемъ, не предполагали и возможности посягать на эту единственную живую, историческую у насъ, общественную единицу...

Петербургъ не перестаетъ толковать о невѣжествѣ, «некультурности» Русскаго народа, о мракѣ, татарщинѣ, варваризмѣ нашей до-Петровской исторіи... А между тѣмъ въ этой самой мрачной или невзрачной исторіи, «допросивъ сокрытаго въ ней глубоко духа жизни», по выраженію Хомякова, въ этомъ пресловутомъ невѣжествѣ, въ этой постоянно осмѣиваемой «самобытности» Русскаго народа — только тамъ въ глуби обрѣтемъ мы и зерна спасительнаго для насъ вѣдѣнія, и начала руководящія, указывающія намъ путь къ разрѣшенію нашихъ политическихъ и соціальныхъ задачъ. Сколько нужно было насочинить всякой неправды, напустить туману себѣ въ глаза, наклепать на себя самихъ, извратить умъ, оглушить слухъ, омертвить сердце, искривить сознаніе, чтобы зайти наконецъ въ тотъ тупикъ, въ которомъ мы теперь, по мнѣнію нѣкоторыхъ, находимся, или очутиться въ томъ почти трагическомъ недоразумѣніи, которымъ характеризуется отношеніе Русскаго общества къ... Россіи. Съ сфинксомъ недавно

сравнилъ ее Тургеневъ,—предлагающимъ непонятныя загадки, для разрѣшенія которыхъ не нашлось еще Эдипа... Но вольно же было намъ утратить самое разумѣніе ея языка!..

Нѣтъ страны въ мірѣ, поставленной въ болѣе благопріятныя политическія и соціальныя условія для развитія, какъ наша страна. Нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ бы связь народа съ верховной властью была такъ искренна, такъ проста и такъ—не по принужденію или невѣжеству, а свободно и сознательно прочна какъ въ Россіи. Нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ бы верховная власть была полномочнѣе, свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, и какая же власть? власть, источникъ которой—въ народномъ избраніи... И нѣтъ народа болѣе преданнаго, болѣе послушнаго этой власти, болѣе дисциплинированнаго для государственной жизни, какъ народъ Русскій: онъ дисциплинированъ и самою своею тысячелѣтнею исторіею, и своимъ общиннымъ или мірскимъ устройствомъ, онъ воспитанъ къ тому и тѣмъ высшимъ духовнымъ началомъ, которое лежитъ во главѣ угла его земнаго существованія. Нѣтъ за то и народа болѣе способнаго къ внутреннему самоуправленію (разумѣется, самородному, а не тому, которое подъ этимъ названіемъ измышляется бюрократами),—это, впрочемъ, доказывается всею его исторіей; нѣтъ народа менѣе исключительнаго, менѣе завистнаго и болѣе расположеннаго чтить права нравственнаго и умственнаго превосходства, въ силу убѣжденія, «что ученье—свѣтъ, а неученье—тьма». Въ то время, какъ Западъ, вслѣдствіе иныхъ условій своего государственнаго созиданія и цѣлой совокупности причинъ, о которыхъ здѣсь распространяться не мѣсто, волнуется, мучается задачами политическими и соціальными и почти не находитъ разрѣшенія имъ инаго, какъ путемъ кровавыхъ насилій, намъ все дано въ *природномъ* такъ-сказать видѣ, что̀ для нихъ есть только мечтаемое, искомое, предметъ отвлеченнаго измышленія. Такъ, «демократія», напримѣръ, есть или неизбѣжное грядущее зло или призываемое обновляющее благо, но во всякомъ случаѣ съ характеромъ революціоннымъ: нѣтъ земли съ болѣе широкимъ «демократическимъ» основаніемъ, какъ наша Россія, но такимъ, которымъ именно обусловливается незыблемость и крѣпость государства, въ которомъ для него надеждежнѣйшій залогъ мира и тишины. Тамъ ассоціація, общин-

ный строй являются искусственнымъ созиданіемъ, т. е. то самое, что у насъ живетъ подъ названіемъ артели, въ формѣ сельскаго общества, общиннаго землевладѣнія, мірскаго устройства, и на что наши доморощенные иностранцы такъ легкомысленно посягаютъ... Надняхъ прочли мы въ «Revue des deux Mondes» статью извѣстнаго публициста Лавеле, трактующую о *децентрализаціи* въ управленіи страны, о трудной дилеммѣ сохранить при ней сильную центральную власть, и о невозможности разрѣшить удовлетворительно въ настоящее время этотъ вопросъ во Франціи при республиканскомъ режимѣ... Мы же обладаемъ, какъ присущими самой природѣ нашего политическаго организма и наимощною центральною властью, и способностью, преданіями, зачатками децентрализаціи самой естественной: она такъ-сказать въ крови и плоти нашей, въ какихъ бы неудачныхъ формахъ ни воплощалась порой, благодаря бюрократіи...

Государство, стерегущее, охраняющее заботливо земскій строй; земскій строй, берегущій, охраняющій государство (а какъ земля соблюла и умѣла соблюсти государство—объ этомъ краснорѣчиво и поучительно гласятъ помѣщаемыя у насъ статьи Голохвастова); государство, постоянно вызывающее голосъ земли, ищущее добраго совѣта для свершенія своего великаго служебнаго подвига; земля не безгласная, совѣтная, но притомъ безпрекословно покорная велѣніямъ государственной власти; центральная власть самая свободная, самая мощная—при самомъ широкомъ земскомъ мѣстномъ самоуправленіи; власть—не механическій бездушный снарядъ (въ родѣ случайнаго большинства нѣсколькихъ голосовъ), а живая, личная, съ человѣческимъ сердцемъ; земство—не формальное представительство, а живое, органическое выраженіе интересовъ и духа самой земли... и оба эти начала, обѣ эти силы—въ единеніи любви и довѣрія, въ постоянномъ живомъ общеніи, сливающіяся въ одно органическое цѣлое... Вотъ основы нашего политическаго организма, лежащія въ духѣ народномъ, нашедшія себѣ, хотя бы и не полное, выраженіе въ старой Руси и которыхъ полное развитіе—тотъ идеалъ, къ которому должны мы теперь стремиться. И таковы эти начала, что при правильномъ ихъ развитіи, при воздѣйствіи истиннаго просвѣщенія, подъ высшимъ водительствомъ Вѣры, они одни могутъ

дать людямъ блага такой гражданской свободы, какой не въ силахъ создать и вынести никакія извѣстныя и искомыя на Западѣ формы правленія...

И вотъ, при такихъ-то основахъ нашей жизни, коренящихся въ духѣ народномъ, проявившихся и въ исторіи,—что же мы видимъ, что же мы слышимъ въ нашей Русской современности?.. Это ли Россія, объ идеалѣ которой мы только-что говорили? Не признать ея лица... переряженная, набѣленная. Не слыхать ея голоса: какіе-то подмѣненные, фальшивые голоса, иноземные командные звуки, да порою чей-то глухой стонъ изнутри... Вездѣ фасады, декораціи, подмостки, на подмосткахъ непонятныя представленія. Ворочаетъ всѣмъ, скрипя, какой-то громадный механизмъ, да еще развинтившійся,—механизмъ, но не жизнь творческая, зиждительная. Вмѣсто жизни—цѣлый міръ подобій, цѣлый міръ сочиненій и насочиненныхъ заботъ, задачъ, вопросовъ, идеаловъ, потребностей, опасеній и недоразумѣній... Петербургъ — великій сочинитель.

И все-таки сочинитель уже дрогнулъ, самъ собою, во глубинѣ души. И здается намъ, что наставшее царствованіе положитъ мало-по-малу конецъ эпохѣ отвлеченнаго сочинительства и переводовъ съ иностранныхъ оригиналовъ, освободивъ изъ-подъ нихъ сдавленный ростъ Русской жизни съ ея простымъ, но глубокимъ смысломъ, съ ея высокими міровыми задачами... Въ этой надеждѣ, съ особенною радостью прочли мы въ отвѣтномъ Московскому генералъ-губернатору на новый годъ рескриптѣ Государя Императора—какъ бы возвѣщеніе близости срока для торжественнаго вѣнчанія Государя на царство въ старомъ священномъ Кремлѣ и предстоящаго видимаго общенія Царя съ своимъ народомъ. Дай же Богъ скорѣе наступить тому праздничному дню, когда и намъ въ свою очередь можно будетъ повторить съ Хомяковымъ, привѣтствовавшимъ 26-е августа 1856 года:

Нашъ Царь въ стѣнахъ издревле славныхъ,—
Среди ликующихъ сердецъ,
Пріялъ вѣнецъ отцовъ державныхъ,—
Царя-избранника вѣнецъ.

Въ чемъ наше историческое назначеніе?

Москва, 15-го февраля.

Манифестъ 25-го января, возвѣщающій скорую коронацію нашего Государя, произвелъ довольно сильное впечатлѣніе на общественное мнѣніе Европы и подалъ поводъ къ оживленнымъ газетнымъ толкамъ. Почти три года сряду упражнялись тамъ въ скорбныхъ причитаньяхъ нашей «болѣзни на-смерть», многіе совсѣмъ было пропѣли Россіи отходную... и вдругъ— словно она возстала отъ мертвыхъ! Какъ мало было искренности въ соболѣзнованіи, такъ же мало ея и въ привѣтѣ, съ которымъ встрѣчается это наше, будто бы, воскресеніе. Въ немъ звучитъ худо скрытая нота испуга и нѣкоторой досады на собственную несообразительность. «Это не мы, это сами же Русскіе и ихъ публицисты виноваты», оправдывается раздосадованная «Кёльнская Газета». «Это они подтвердили, что Россія чуть не разваливается, что внутри ея гнѣздится подтачивающій ее червь, что «положеніе наше отчаянное», что «дальше такъ продолжаться не можетъ» и пр., и пр.; какъ же было имъ не повѣрить?..» И вотъ, прежнее оскорбительное сожалѣніе или даже презрѣніе къ Россіи быстро смѣняется теперь оскорбительнымъ же, преувеличеннымъ страхомъ. Страхъ Русской силы, вмѣстѣ съ ненавистью, снова ростетъ въ Европѣ...

Такова доля нашей, постоянно оболганной, оклеветанной, ни чужими, ни своими не знаемой, не понимаемой Россіи!.. Ссылка Нѣмецкой газеты на Русскихъ публицистовъ извѣстнаго пошиба вполнѣ справедлива, но мы примемъ ихъ подъ защиту. Упрека въ зломъ умыслѣ они не заслуживаютъ: они только злые невѣжды, еще бо̀льшіе, чѣмъ сами иностранцы, потому именно, что воображаютъ себя знающими и, въ рабствѣ своего духа, менѣе свободны отъ условныхъ Западно-Европейскихъ точекъ зрѣнія и критическихъ мѣрилъ, чѣмъ сама она, Европа, госпожа и хозяйка ихъ убогаго, подражательнаго мышленія. Впрочемъ, не къ однимъ Русскимъ публицистамъ должны относиться эти слова, а едва ли не къ большей части нашей такъ-называемой «интеллигенціи», не исключая и надѣленной властью... Читатели «Руси» знаютъ, сколько

разъ въ теченіе двухъ лѣтъ приходилось ей противодѣйствовать, по мѣрѣ своихъ силъ, этому лживому представленію о Русскомъ недугѣ и Русской слабости. Сколько разъ приходилось ей напоминать, что не въ народѣ, не «*внутри* Россіи гнѣздится подтачивающій ее червь», а снаружи, на поверхности,—что, напротивъ, въ груди Россіи,—«какъ тайна жизни невидимъ»,

Сокрытъ, безвѣстенъ и могучъ,

по выраженію Русскаго вѣщаго поэта, бѣжитъ и бьетъ неизсякаемый ключъ силы духовной и жизненной, которымъ жива и живуча Россія,—котораго, однако, не признаетъ, которымъ пренебрегаетъ наша кичливая «интеллигенція», который умышленно и неумышленно засоряется извнѣ, загромождается сверху камнями и земляными глыбами, но который—мы вѣримъ—своротитъ когда-нибудь камни, пробьется сквозь всѣ верхнія наслоенія и потечетъ величаво-мирнымъ, мощнымъ потокомъ... Если и изъ *своихъ* не многіе еще способны понять и признать эту стихію внутренней жизненной силы, то чего же требовать отъ иностранцевъ? и надо ли удивляться, что и тѣмъ, и другимъ она до сихъ поръ не понятна, до сихъ поръ представляется чѣмъ-то въ родѣ чудовищнаго сфинкса?.. Мы же лично никогда особенно не восторгались и не обольщались внѣшнею мощью Россіи, но никогда особенно и не смущались тою ея экономическою немощью, надъ которою такія обильныя и, по правдѣ сказать, дешевыя слезы проливаютъ наши «экономисты»,—имя же онымъ у насъ легіонъ (кто теперь не сидитъ верхомъ на «статистикѣ» и «политической экономіи», полагая въ цифрахъ лишь «всѣхъ загадокъ разрѣшенье и разрѣшенье всѣхъ задачъ»!). Вовсе не *такъ* грозна и сильна Россія, но и не *такъ* слаба, какою она мерещится Западу и нашимъ западникамъ, т. е. не *тамъ* именно ея мощь и не тамъ ея слабость, гдѣ они ихъ полагаютъ, сражаясь съ призраками мнимой силы и мнимаго безсилія.

Впрочемъ, по части средствъ ослабленія Россіи, если не всегда прямое сознаніе, то инстинктъ Запада руководитъ имъ довольно вѣрно. Одно изъ самыхъ надежныхъ средствъ ослабленія, это, безъ сомнѣнія, обезличеніе въ смыслѣ національномъ,—это подрывъ той нравственной народной «самобытности», которая какъ бѣльмо на глазу нашимъ псевдо-либераламъ, и которая сидитъ въ коренной основѣ Русскаго соціаль-

наго и политическаго строя. Вызвать Россію на отреченіе отъ себя самой, сдвинуть ее съ ея историческаго пути, усвоить ее вполнѣ, не только по внѣшности, но и со всѣми глубинами народнаго духа, западной цивилизаціи, вотъ,—представляется Западу,—наилучшій способъ—вовсе не для того, чтобъ вызвать Россію къ высшей плодотворной, культурной жизни, но чтобъ обезвредить ея природную силу, поработить ее себѣ духовно и нравственно. Онъ было совсѣмъ обнадежился, судя по наружнымъ признакамъ, что цѣль его уже на половину достигнута, и вдругъ—смутилась его надежда. Съ недавнихъ поръ стало чудиться ему (и можетъ быть не напрасно), что въ Россіи, дѣйствительно, не въ шутку просыпается самосознаніе, что оно, хотя и медленно, все ростетъ, да ростетъ и, споспѣшествуемое событіями, грозитъ исхитить у Запада его добычу, освободить—чего добраго—самую правящую среду изъ духовнаго плѣна... Если Россія не развалилась, не ослабла отъ тѣхъ внутреннихъ затрудненій, которыя многіе въ Европѣ уже величали революціоннымъ кризисомъ, и, напротивъ, возвращается къ жизни и дѣятельности, то теперь болѣе чѣмъ когда-либо нужно, съ точки зрѣнія нашихъ Европейскихъ друзей, заклясть въ ней возрожденіе ея національной духовной стихіи. Но какъ заклясть? Кулакомъ «Россійскаго Геркулеса» не испугаешь,—но есть другой способъ устрашенія или «интимидаціи»—нравственный. Можно застыдить его, напримѣръ, его собственнымъ варварствомъ, необразованностью, отсталостью, избыткомъ его грубой матеріальной силы и самымъ тѣмъ страхомъ, который онъ внушаетъ культурному міру. Это средство дѣйствуетъ, по крайней мѣрѣ, дѣйствовало до сихъ поръ, навѣрняка. Россійскій Геркулесъ, какъ извѣстно, препростодушенъ и презастѣнчивъ; онъ дѣйствительно способенъ конфузиться отъ собственной богатырской мощи, и до такой степени боялся до сихъ поръ упрековъ въ необтесанности и необразованности, что ничего такъ не желалъ, какъ придать себѣ турнюру иностраннаго дэнди съ модной картинки, и съ прелюбезной улыбкой давалъ себя обирать—не только не защищаясь, но еще благодаря за деликатное обращеніе.

Къ такому средству интимидаціи, путемъ возбужденія ложнаго стыда, именно теперь и прибѣгаютъ иностранные, преимущественно Нѣмецкіе, какъ Австрійскіе, такъ и Германскіе,

публицисты. Послѣ первыхъ смущенныхъ привѣтствій, обращенныхъ къ Россіи по поводу манифеста о коронаціи, «Кёльнская Газета» разразилась статьей, внушенной ея Петербургскимъ корреспондентомъ, гдѣ, возвѣщая о томъ національномъ будто бы направленіи, которое имѣетъ возобладать въ Русской державѣ при новомъ, т. е. настоящемъ царствованіи, газета выставляетъ Россію какимъ-то страшнымъ чудовищемъ, которое должно возстановить у себя времена татарщины, обрушиться на Европу и погубить въ ней всякую культуру и цивилизацію. Однимъ словомъ—новое нашествіе Гунновъ. При этомъ не обходится, конечно, и безъ намековъ на нашу газету: «это возвращеніе къ татарщинѣ и есть возвращеніе домой!» говоритъ «Kölnische Zeitung», цитуя выраженіе «Руси» и тѣмъ напоминая столь знакомые намъ фельетоны псевдолиберальныхъ Русскихъ газетъ! Но клича кличъ о крайней для Европы необходимости принять мѣры къ самозащитѣ, западно-Европейскіе публицисты, хоть и не прочь пригрозить Россіи войною, предпочитаютъ, однако же, иное средство для предупрежденія того внутренняго ея роста, котораго такъ боятся. «Единственный консервативный интересъ, которымъ Европа сопричастна Россіи — говоритъ офиціозный органъ Венгерскаго правительства «Pester Lloyd»—состоитъ въ томъ, чтобы она, Россія, была втѣснена или двинута (gedrängt) на путь иного образа правленія (Regierungsform), такого, который былъ бы достоинъ Европы»... А «Кёльнская Газета» даже не безъ сочувствія помѣщаетъ на своихъ столбцахъ, въ видѣ корреспонденціи изъ Петербурга, содержаніе, а отчасти и выписки изъ какого-то объявленія, деклараціи или «меморандума исполнительнаго комитета Русской революціонной партіи». Меморандумъ этотъ можетъ быть и подложный, а можетъ быть и нѣтъ, такъ какъ Русскихъ «революціонеровъ» гуляетъ по бѣлому свѣту не мало; но во всякомъ случаѣ онъ носитъ характеръ полнаго правдоподобія, потому что вполнѣ безсмысленъ. Это какая-то пестрая смѣсь,—попурри, составленное союзомъ Русскихъ революціонеровъ всѣхъ оттѣнковъ подъ общимъ именемъ «народниковъ», изъ формулъ соціалистической, анархической и конституціонной доктрины! Въ немъ, напримѣръ, предъявляется Русской власти требованіе, чтобы до коронаціи, всенепремѣнно къ 1 мая, ни однимъ днемъ

позднѣе, была установлена—excusez du peu—цѣлая система мѣръ къ передачѣ всѣхъ фабрикъ и заводовъ отъ фабрикантовъ и заводчиковъ—рабочимъ, а всякая поземельная личная собственность объявлена незаконною. Тутъ же требуется самостоятельность крестьянской общины, *міра* (какіе «славянофилы»—подумаешь!) и рядомъ—«свобода электоральной или *выборной агитаціи*» (sic) и «образованіе народнаго представительства, избраннаго по Французскому принципу всеобщей подачи голосовъ (suffrage universel), съ мандатами или инструкціями избирателей и полнотою власти въ вершеніи дѣлъ, касающихся всего государства!.. Этотъ сумбуръ другъ другу чуждыхъ понятій, понадерганныхъ изъ противоположныхъ теорій и воззрѣній, этотъ лепетъ не то что дѣтскій, но какой-то Хлестаковскій, вѣнчается, конечно, обычнымъ аргументомъ: угрозою кинжаломъ и динамитомъ. Одно другому не противорѣчитъ: «Хлестаковъ и душа-моя Тряпичкинъ» нашихъ дней, по всей вѣроятности, съ неменьшею развязностью врали бы теперь о революціи и конституціи, какъ во время оно о департаментской службѣ и о литературѣ, и не прочь были бы, съ легкимъ сердцемъ, поиграть, пожалуй, въ анархію и попалить динамитомъ.

Тѣмъ не менѣе послѣдній пунктъ требованія (о народномъ парламентѣ по западно-Европейскому образцу) принятъ подъ покровительство Нѣмецкою газетою. Въ одномъ изъ послѣдующихъ №№ она снова возвращается къ этому предмету. Да и не она одна, но и другіе, болѣе авторитетные органы Нѣмецкой печати,—послѣдніе даже съ видомъ благоволенія и участія, — преподаютъ Россіи наставленія о необходимости «вѣнчать дѣло реформъ» прошлаго царствованія чѣмъ-нибудь «либеральнымъ» по образу и подобію Западной Европы... «Кёльнская Газета» снова ссылается на множество «просвѣщенныхъ» Русскихъ, которые тяготятся такою «ретроградностью», или отсталостью своего отечества: «Даже Болгарамъ, нами освобожденнымъ—будто бы говорятъ они—дана Европейская конституція,—Турцію считать теперь нечего,—и выходитъ такимъ образомъ, что мы одни, одни въ Европѣ ея не имѣемъ!»

«Мы одни въ Европѣ!» Да не въ этомъ ли самомъ можетъ быть вся наша заслуга, смыслъ нашего бытія и наше исто-

рическое назначеніе? Не хранимъ ли мы еще одни въ Европѣ, если не «глаголы жизни лучшихъ будущихъ временъ», какъ говоритъ въ своихъ стихахъ Тютчевъ, то хоть разрѣшеніе многихъ великихъ задачъ, удручающихъ теперь Европу? Только бы преуспѣвало въ насъ самихъ народное самосознаніе, только бы не сворачивать намъ съ нашего народнаго историческаго пути, и онъ доведетъ насъ, онъ способенъ довести, съ Божіею помощью, хотя бы медленно и сквозь многія испытанія, къ такому развитію нашихъ народныхъ началъ бытовыхъ, соціальныхъ, политическихъ, въ духѣ истинной свободы и мира, предъ которымъ узокъ, скуденъ и насквозь лживъ окажется пресловутый современный либерализмъ Запада... Почему же нужно такой великой странѣ, какъ наша, отказаться отъ оригинальнаго, самобытнаго жизненнаго отвѣта на вовсе еще неразрѣшенные и едва ли разрѣшимые для остальной Европы вопросы, и довольствоваться рѣшеніями чужими, шаблонными? Почему же непремѣнно желательно, чтобъ она покорно совлекла съ себя *свой* образъ и стала жалкимъ *подобіемъ*,—еще того хуже: пошла по чужимъ пятамъ и съ лакейскою готовностью облекалась въ сбрасываемые съ себя Западомъ обноски? Развѣ не доказано теперь очевидными фактами (о чемъ, помнится, въ «Руси» было уже однажды говорено), что разрѣши мы вопросъ объ освобожденіи крестьянъ лѣтъ 25 или 30 ранѣе—въ духѣ Европейскаго либерализма, они были бы освобождены такъ же, какъ Наполеонъ освободилъ Польскихъ крестьянъ въ 1811 году и культурные остзейскіе Нѣмцы въ 1819 г. Латышей и Эстовъ, т. е. безъ земли. Развѣ не къ великому творенію Русскихъ варваровъ 19 февраля 1861 г. простираютъ теперь свои взоры пролетаріи Ирландіи и другихъ странъ—вѣчно похваляющейся своею цивилизаціею и либерализмомъ Европы? И можно ли толкать Россію на путь западнаго парламентаризма именно теперь, когда даже на самой родинѣ этой формы правленія, въ Англіи, начинаютъ сознавать ея неудобства и необходимость преобразованія, а въ континентальной Европѣ (гдѣ она происхожденія болѣе или менѣе революціоннаго и до сихъ поръ не пустила глубокихъ корней въ народное сознаніе) ее то-и-дѣло видоизмѣняютъ, или же пользуются ею только какъ благовиднымъ орудіемъ произвола партій и ихъ тиранніи надъ народомъ? Говоритъ

теперь о парламентѣ, какъ о какомъ-то идеалѣ или «вѣнцѣ зданія» для Россіи это именно и значитъ быть «ретроградомъ». Таковыми ретроградами и являются наши революціонеры, что, впрочемъ, очень понятно: весь ихъ умъ и творчество выразились только въ словахъ *nihil* и «долой», да въ динамитѣ; какъ скоро же они отъ отрицанія переходятъ къ положительному, то они, какъ школьники, повторяютъ съ голоса чужія рѣчи, не разумѣя ихъ дѣйствительнаго смысла, путая вмѣстѣ «крестьянскій міръ» и «парламентъ», «сельскую общину», и «электоральную агитацію». Гораздо болѣе заслуживаютъ осужденія тѣ Русскіе, на которыхъ ссылается «Кёльнская Газета» и которые, если не толкуютъ о «крестьянскомъ мірѣ», за то съ пущимъ суевѣріемъ мечтаютъ о политически-властномъ парламентѣ...

Не мѣшало бы имъ нѣсколько повнимательнѣе всмотрѣться въ настоящее положеніе парламентской формы правленія въ Европѣ,—и оставляя въ сторонѣ недоступную для подражанія Англію—обратиться хоть къ Италіи, къ Франціи и къ ихъ публицистикѣ. Есть чему поучиться въ сочиненіи извѣстнаго Итальянца Марко Мингетти: «Политическія партіи и ихъ участіе въ юстиціи и въ администраціи», по поводу котораго имѣется очень интересная статья въ «Revue des Deux Mondes» извѣстнаго политико-экономическаго писателя Лавеле, подъ заглавіемъ: «О парламентскомъ режимѣ и о демократіи», съ указаніемъ и на другія многія сочиненія по тому же вопросу; не менѣе замѣчательна статья «О республикѣ въ 1883 г.», въ февральской книжкѣ того же журнала, неизвѣстнаго автора,—судя по языку, по литературной манерѣ, самого Тэна. Болѣе жестокой критики современнаго парламентаризма не могъ бы измыслить и самый лютый его врагъ,—и въ то же время ни одинъ изъ упомянутыхъ авторовъ не въ состояніи указать ни вѣрнаго врачеванія, ни надежной реформы: рядомъ съ здравою, сильною критикою, положительная часть ихъ разсужденій совершенно слаба. Какъ бѣлка въ колесѣ вертятся они въ сферѣ своихъ политическихъ понятій, ищутъ исхода и не находятъ.

Для парламентаризма, по ихъ словамъ, всюду наступилъ кризисъ,—не только на континентѣ Европы, но и въ Англіи, «гдѣ парламентъ почти уже пересталъ исполнять свои функ-

ціи» и гдѣ, по выраженію Бисмарка, «золотой вѣкъ парламентскаго режима уже миновалъ». Даже и въ Америкѣ, гдѣ его формы нѣсколько иныя, чѣмъ въ большей части Европы (напримѣръ, нѣтъ отвѣтственнаго предъ палатою министерства), «конгрессъ сталъ замкнутымъ поприщемъ грубыхъ политикановъ, и лучшіе люди удаляются отъ публичной политической дѣятельности». Лавеле перебираетъ почти всѣ парламенты одинъ за другимъ, подкрѣпляя свои замѣчанія мнѣніями мѣстныхъ мыслителей, и находитъ только одинъ парламентъ, въ которомъ дѣла идутъ, сравнительно, еще довольно способно—*бельгійскій*,—т. е. въ той малой державѣ, которая поставлена совсѣмъ въ особенныя, исключительныя условія существованія! Любопытенъ приводимый имъ отзывъ одного изъ выдающихся политическихъ людей Италіи: «Не странно ли, что въ тотъ вѣкъ, который подчинилъ себѣ молнію, заставивъ ее переносить нашу мысль въ одно мгновеніе на край свѣта, освѣщать наши улицы и жилища, такой политическій образъ правленія (парламентарный) есть наилучшее, что̀ мы можемъ имѣть?»

Въ чемъ же собственно вредная или неудобная сторона парламентаризма, по мнѣнію вышеприведенныхъ публицистовъ? Въ томъ прежде всего, что при постоянной зависимости отъ совѣщательнаго собранія, невозможна никакая прочная, твердая административная власть, немыслима устойчивость правительственной программы, ни послѣдовательность въ правительственныхъ дѣйствіяхъ. Самымъ блистательнымъ тому доказательствомъ служитъ Франція, гдѣ въ теченіе 11 лѣтъ въ одномъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ перебывало 23 министра, а въ послѣдніе полтора года смѣнилось шесть кабинетовъ, существовавшихъ круглымъ числомъ *три* мѣсяца каждый!.. Это неудобство еще не такъ сильно въ Англіи, потому что тамъ имѣлись до сихъ поръ только двѣ крупныя политическія партіи, крѣпко дисциплинированныя и почти деспотически управляемыя! При томъ же въ Англіи попасть въ депутаты сто̀итъ до сихъ поръ очень дорого; избирательные голоса достаются кандидату на званіе «представителя» большею частью посредствомъ значительныхъ денежныхъ расходовъ. Но уже и теперь въ Англіи, съ расширеніемъ избирательнаго права (не забудемъ, что въ Англіи рабочіе или такъ-называемое четвертое

сословіе вовсе пока этого права лишено), стали возникать и слагаться новыя партіи, и появленіе ихъ въ послѣднее время въ парламентѣ уже оказываетъ свое вредное вліяніе на быстрое теченіе дѣлъ. Такъ какъ бо́льшая и бо́льшая демократизація права представительства въ будущемъ неминуема, а вмѣстѣ и удешевленіе способовъ попасть въ депутаты, то въ перспективѣ для Англійскаго парламентскаго режима предстоятъ лишь новыя затрудненія и новыя неудобства, почти непреодолимыя безъ коренной реформы во всемъ строѣ правленія. Но въ Англіи конституція во всякомъ случаѣ—учрежденіе органическое, самородное, взращенное шестью вѣками исторіи,—а не сочиненное или заимствованное въ изуродованной копіи и навязанное странѣ государственнымъ переворотомъ, какъ на материкѣ Европы. Поэтому и положеніе парламента представляется здѣсь, на материкѣ, въ болѣе жалкомъ видѣ. Такъ въ нѣкоторыхъ странахъ или нѣтъ вовсе крупныхъ политическихъ партій, какъ напримѣръ въ Италіи, а только группы, которыя слагаются случайно, непредвидѣнно, пестро, «совершенно калейдоскопически», и смѣна министерствъ происходитъ подчасъ совсѣмъ неожиданно, сюрпризомъ, или же партій такъ много (напримѣръ во Франціи), что министерство, *въ погонѣ за большинствомъ* голосовъ, должно угождать нѣсколькимъ партіямъ разомъ, какъ бы онѣ ни противорѣчили между собою, и въ этихъ внѣшнихъ комбинаціяхъ истощать все свое время и силы.

«Мелкія соображенія, мелкія продѣлки, мелкая ловкость, мелкіе ковы—вотъ въ чемъ состоитъ искусство пріобрѣтать себѣ *большинство* въ законодательномъ собраніи, *продолжительно существующемъ.* Подъ конецъ въ собраніи только съ тѣмъ и считаются, что̀ вокругъ да около, а страна забыта!..» Вотъ строгое слово, и не устное, а письменное... кого же? Луи Блана, незадолго до его смерти!.. Но вѣдь и частая перемѣна гг. полномочныхъ депутатовъ, по условіямъ парламентаризма, есть частая перемѣна гг. «правителей»,—что̀ также представляется неудобнымъ! Однакожъ Луи Бланъ правъ: дѣйствительно, вниманіе министерства отвлечено отъ исполненія прямыхъ его обязанностей и устремлено исключительно на ухаживаніе за партіями, отъ которыхъ самое бытіе его въ зависимости. «Сколько приходится министру въ теченіе года

истратить ума, хитрости, изворотливости, красноречія—c'est monstrueux, это доходитъ до чудовищнаго размѣра, говоритъ Лавеле, «самый тягостный трудъ дипломатовъ—дѣтская игра въ сравненіи съ подобнымъ трудомъ»... «И при всемъ томъ,—продолжаетъ онъ,—палата, это—зыбучій песокъ, на которомъ не можетъ осѣсть прочно никакая твердая администрація!..»

А между тѣмъ, именно на этомъ «зыбучемъ пескѣ» построено все политическое существованіе государства, по крайней мѣрѣ весь правительственный снарядъ, распоряжающійся судьбою цѣлой страны! Конечно, здѣсь разумѣются земли, гдѣ парламентскій режимъ прилагается къ дѣлу во всей своей теоретической полнотѣ, какъ во Франціи и Италіи; въ Германіи же, какъ извѣстно, правительство, въ нужныхъ случаяхъ, вовсе не слушается парламента, и этому лишь ослушанію и обязана Германская имперія своимъ бытіемъ. При частой же смѣнѣ министровъ, напримѣръ, во Франціи—поясняетъ вышеупомянутый нами публицистъ,—«они не успѣваютъ не только пріобрѣсти опытность, но даже близко ознакомиться съ дѣлами; да и при отсутствіи увѣренности, что онъ твердо сидитъ на своемъ мѣстѣ, не можетъ министръ и отдаться съ энергіей дѣлу, требующему подготовки, систематическаго, медленнаго, искуснаго веденія. Къ тому же, лучшее время дня поглощается у него присутствіемъ въ палатѣ, гдѣ его то-и-дѣло «интерпеллируютъ», теребятъ, травятъ, гдѣ каждую минуту онъ рискуетъ быть скомпрометированнымъ»... И какъ ни хороша Французская бюрократическая машина, но и она начинаетъ портиться. «Къ какой стати, замѣчаетъ Лавеле, будетъ подчиненный чиновникъ слушаться своего начальника, предвидя скорое его *выбытіе?* Вотъ и причина, почему вмѣстѣ съ неустойчивостью власти водворяется бездѣйствіе и безпорядокъ въ административной іерархіи!»

Но не менѣе существенный безпорядокъ вносится и непосредственнымъ вмѣшательствомъ депутатовъ въ область управленія,—вмѣшательствомъ совершенно корыстнымъ. Депутатъ, такъ-сказать, продаетъ свой голосъ поддерживаемому имъ министру, продаетъ не за деньги, но за мѣста по службѣ для родственниковъ, за покровительство въ мѣстныхъ дѣлахъ, за удовлетвореніе мѣстныхъ ходатайствъ, которыми обыкновенно снабжаютъ въ провинціи депутата при отъѣздѣ его въ Парижъ

или Римъ... Въ Италіи, въ министерствахъ, по свидѣтельству самихъ Итальянцевъ, открывается для депутата что-то похожее на банковскій *конто-куррантъ, «съ дебетомъ и кредитомъ»*, на который заносится каждая услуга оказанная депутатомъ министерству, каждое благопріятное въ пользу послѣдняго голосованіе,—и каждое *одолженіе*, оказанное въ свою очередь благодарнымъ министерствомъ «благосклонному депутату».— Такимъ образомъ министръ въ полной зависимости отъ депутатовъ своей партіи, и удовлетвореніе ихъ требованій, хотя бы несовмѣстное съ пользами службы, стоитъ на первомъ планѣ его заботъ—какъ необходимое «въ высшемъ политическомъ интересѣ»: т. е. для упроченія партіи и для обезпеченія за правительствомъ большинства голосовъ!

«Когда партія достигла власти—читаемъ далѣе во Французскомъ журналѣ—нельзя же не вознаградить тѣхъ, кому она обязана побѣдой»!.. Таково совершенно логическое требованіе управленія—на борьбѣ *партій* основаннаго,—требованіе, получившее въ Америкѣ полное себѣ примѣненіе, достигшее до абсурда, до открытаго гражданскаго разбоя. Но и въ Европѣ, а въ частности во Франціи, по увѣренію цитуемыхъ нами писателей, «ни одна торжествующая партія не имѣетъ возможности пріискать для каждаго министерскаго портфеля—подходящаго человѣка, а потому, какъ и при старомъ, до-революціонномъ режимѣ, случается, что тамъ, гдѣ бы нужна была математика, перевѣсъ дается танцору»!.. Однимъ словомъ,—приводимъ заключеніе самого Лавеле,—«парламентскій режимъ, какъ онъ практикуется на материкѣ Европы, не только не обезпечиваетъ передачу министерскихъ портфелей людямъ, наиболѣе достойнымъ—но, что еще хуже, препятствуетъ тѣмъ, кои министрами назначены (каковы бы таланты ихъ ни были), употреблять въ дѣло свои способности съ наибольшею для государства пользою».

Далѣе, перебирая въ частности разныя сферы управленія, онъ безъ труда доказываетъ, что «нигдѣ не проявляется несообразность этого режима такъ ясно, какъ въ области дѣлъ *внѣшней* политики. Въ сношеніяхъ съ иностранными государствами потребнѣе чѣмъ гдѣ-либо устойчивость правительственной системы, послѣдовательность дѣйствій, вѣрность традиціямъ; мало того: министру иностранныхъ дѣлъ необходима

дипломатическая опытность, знаніе исторіи, политики, обычаевъ чужеземныхъ державъ», и т. д., и т. д. Возможно ли все это тамъ, гдѣ кабинетъ мѣняется чуть ли не каждые три-четыре мѣсяца? «Въ республикѣ еще менѣе возможно,—отвѣчаетъ названный нами писатель—чѣмъ даже въ конституціонной монархіи, гдѣ по крайней мѣрѣ неизмѣннымъ пребываетъ лицо монарха, хранителя историческихъ преданій; какъ бы ни была ограничена его власть, его личное, сверхзаконное вліяніе сколько-нибудь да восполняетъ недостатокъ стойкости политической системы. Ничего поэтому нѣтъ вреднѣе для правильнаго веденія политическихъ внѣшнихъ дѣлъ, какъ интерпелляціи и разглагольствія о нихъ на парламентскихъ трибунахъ,—причемъ, разумѣется, министерство вынуждено бываетъ обманывать палату, скрывать отъ нея самые важные документы, составлять почти безсодержательныя желтыя, красныя, зеленыя и иныя цвѣтныя книги»... Это не мы говоримъ; это говорятъ люди, родившіеся и возросшіе подъ парламентскимъ управленіемъ!..

Точно такъ же неудобнымъ оказывается парламентскій режимъ по отношенію къ области *военнаго* управленія... «Противно природѣ вещей,—и это печатается въ «Revue des deux Mondes», въ самомъ Парижѣ,—чтобы армія, это великое, милліонноголовое тѣло, основаніемъ которому долженъ служить духъ авторитета, была подчинена повелѣніямъ или капризу совѣщательнаго собранія, мѣняющаго каждогодно систему, или же министра, отрѣшаемаго по истеченіи каждаго полугодія!.. Какъ бы ни была предана армія демократическимъ учрежденіямъ своего отечества, однакожъ слишкомъ нелѣпое рѣшеніе палаты, безпорядокъ въ администраціи, приводящій къ полному разстройству, или наконецъ уничиженіе національной чести—могутъ навести армію на такое раздумье: «нѣтъ, это уже слишкомъ, c'en est trop; не для того я создана, чтобъ быть игрушкой въ рукахъ гг. ораторовъ и политикановъ, но для того, чтобъ соблюдался порядокъ внутри и оберегалась наша національная честь на чужбинѣ»... «Такое направленіе мысли—опасное,—читаемъ мы далѣе,—потому что, распространись оно шире, узурпатору стоитъ только появиться»...

Обратимся къ области правосудія или юстиціи. «Если юстиція станетъ также орудіемъ партій» — говоритъ Ми-

гетти,—«все погибло»... А между тѣмъ, по свидѣтельству Французскаго журнала, во Франціи начинаютъ раздаваться жалобы, что политика уже перетягиваетъ вѣсы правосудія. Генеральный прокуроръ Парижскаго апелляціоннаго суда, еще въ прошломъ году, въ офиціальной рѣчи своей прямо заявилъ, что «мировые судьи болѣе заботятся о политическихъ мнѣніяхъ тяжущихся, чѣмъ о законности ихъ требованій»... Уничтоженіе принципа несмѣняемости судей и замѣна его выборнымъ порядкомъ, по мнѣнію названныхъ публицистовъ, откроетъ настежь двери духу политическихъ партій...

Что же касается до внутренней администраціи, то извѣстно, что во Франціи она вся сосредоточена въ Парижѣ, и эта централизація достигла самыхъ уродливыхъ размѣровъ. Она контролируетъ даже бюджеты сельскихъ общинъ (communes), провинцій или департаментовъ, даже «благотворительныхъ учрежденій»; она направляетъ, регулируетъ, объемлетъ всѣ отрасли, всѣ сферы публичной жизни на всемъ пространствѣ государства. «Вся нація, говоритъ Лавеле, превратилась въ государство, а государство, это—министерство». Все и вся зависитъ отъ него... И эта-то колоссальная правительственная машина поставлена въ «зыбучемъ пескѣ!»... Въ какомъ направленіи станетъ она дѣйствовать? какихъ идей или страстей станетъ орудіемъ? вотъ вопросы, которые озабочиваютъ каждаго Француза, такъ какъ жизнь каждаго связана съ ходомъ этой машины... «Это зависитъ отъ голосованія, иногда *отъ большинства одного или двухъ голосовъ...* Когда государство до такой степени поглощаетъ всѣ общественные интересы и такъ-сказать самую жизнь націи—продолжаетъ Лавеле—зависимость его отъ непрерывнаго колебанія парламентскихъ распрей представляется по-истинѣ чѣмъ-то чудовищнымъ»...

Ну такъ стоитъ только Франціи обзавестись децентрализаціей, возразятъ намъ. Въ томъ-то и дѣло, что *искренняя,* полная децентрализація, даже и не въ томъ широкомъ видѣ мѣстнаго самоуправленія, въ которомъ она существовала у насъ сто лѣтъ, какъ сословное право дворянства, или какъ существуетъ теперь, при крестьянскомъ мірскомъ устройствѣ и при земскихъ учрежденіяхъ съ ихъ правомъ самообложенія,—подобная децентрализація, столь свойственная Россіи и способная къ дальнѣйшему, еще болѣе широкому развитію,

для современной Франціи невозможна. Самая централизація власти во Франціи, самый этотъ могущественный бюрократическій механизмъ, есть созданіе первой революціи или той партіи, которая, во имя народа и свободы, захватила тогда власть въ свои руки. Съ тѣхъ поръ она служила поочередно орудіемъ для всѣхъ партій, совершавшихъ государственные перевороты. Настоящая республика есть также дѣло партіи, а не народа, и республиканская партія очень хорошо понимаетъ, что при децентрализаціи власти многіе департаменты тотчасъ же предоставятъ управленіе въ руки легитимистовъ, бонапартистовъ, клерикаловъ, однимъ словомъ — враговъ республики. Но оставимъ несчастную Францію, запутавшуюся въ практическихъ противорѣчіяхъ отвлеченныхъ доктринъ, которыя она революціонно примѣнила къ жизни, и сдѣлаемъ теоретическіе выводы изъ приведенныхъ нами практическихъ разоблаченій парламентскаго режима.

И такъ, не мы, а хозяева «правоваго порядка» на самомъ Западѣ приходятъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Изъ извѣстной формулы «полноправнаго» народнаго представительства слѣдуетъ прежде всего исключить «отвѣтственность министровъ» или существованіе «кабинетовъ», зависящихъ отъ большинства депутатскихъ голосовъ (Ихъ нѣтъ ни въ Германіи, ни въ Америкѣ). Слѣдуетъ, однимъ словомъ, установить *независимость* дѣйствій административной власти отъ народнаго представительства. Едва ли такое исключеніе — по вкусу нашимъ платоническимъ адептамъ конституціонной теоріи!..

Далѣе: слѣдуетъ таковому народному представительству преградить самое административное *управленіе страною* посредствомъ децентрализаціи административной власти тамъ, гдѣ это возможно, и ограничить объемъ власти парламента только контролемъ и законодательствомъ.

Но и при такомъ ограниченіи, развѣ область контроля и законодательства не представляютъ того же широкаго поля для погони за *большинствомъ голосовъ*, о чемъ съ такимъ негодованіемъ говоритъ Луи Бланъ и вышеназванные публицисты? Доказательство этому видимъ мы въ Германскомъ парламентѣ, гдѣ министерство, хотя и не «кабинетное», и не «отвѣтственное», вынуждено, для успѣха правительственныхъ

предложеній, сманивать на свою сторону то ту, то другую партію—посредствомъ обѣщаній, завѣдомо ложныхъ, плясать на канатѣ, упражняться въ эквилибристикѣ между партіями самымъ недостойнымъ образомъ, — и все это ради одного, двухъ-десятковъ голосовъ!.. Да развѣ, наконецъ, хоть бы и въ сферѣ законодательной, не бываютъ сплошь да рядомъ случаи въ родѣ Французскаго голосованія проекта Гамбетты о пересмотрѣ конституціи, когда палата дала въ одномъ и томъ же засѣданіи два противорѣчивыхъ рѣшенія? Однимъ словомъ—всѣ неудобныя, темныя, вредныя стороны парламентскаго режима повторяются во всей своей полнотѣ и при безответственности министровъ, и при выдѣленіи изъ вѣдѣнія парламента дѣлъ чисто-административныхъ. Какъ же устранить эти вредныя и неудобныя стороны? Иностранные публицисты не даютъ на этотъ вопросъ отвѣта. Правленіе *партій*, по ихъ же увѣреніямъ, никуда не годится, по крайней мѣрѣ на континентѣ (объ Англійскихъ партіяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ «партіями» въ остальной Европѣ, мы когда-нибудь поговоримъ особо). А безъ партій, по словамъ тѣхъ же публицистовъ, «народное представительство—толпа, разбивается на множество мельчайшихъ группъ, съ особымъ мнѣніемъ у каждой; согласовать ихъ почти невозможно и рѣшенія по большинству голосовъ выходятъ случайныя, калейдоскопическія»... Попавши въ такой circulus vitiosus, цитуемые нами писатели не умѣютъ изъ него выдти,—а выходъ самый простой...

Народное представительство не должно имѣть *никакой власти*. Тогда и гнаться за большинствомъ голосовъ не будетъ надобности; но тогда и разнообразія мнѣній нечего опасаться, а напротивъ, нужно желать. *Умъ* хорошо, а два лучше, говоритъ Русская пословица; пусть будутъ эти умы и несогласны между собою, дѣло отъ того только выигрываетъ, освѣтится вопросъ съ разныхъ сторонъ. И чѣмъ многостороннѣе разсмотрится онъ, чѣмъ больше умовъ, тѣмъ еще лучше... Но никто, конечно, не скажетъ: одна *воля* хороша, а *двѣ* лучше, потому что чѣмъ больше умовъ и стало быть многостороннихъ направленій воли, тѣмъ труднѣе и соглашеніе. Вотъ мы и приходимъ къ тѣмъ основнымъ Русскимъ положеніямъ, которыя были уже не разъ высказаваемы въ «Руси»: народу, землѣ принадлежитъ—*мнѣніе*, и только мнѣніе,—ра-

зумѣется вполнѣ свободно высказываемое; верховное же рѣшеніе—единой личной верховной волѣ. Никакой иной принудительной, гарантирующей силы, кромѣ нравственной, мнѣніе не должно и не можетъ имѣть, — да впрочемъ эта нравственная сила представляется едва ли не дѣйствительнѣе всякой внѣшней, формальной гарантіи, всегда удобообходимой, какъ мы это безпрестанно и видимъ, хоть бы въ Германіи... А отвѣтственность власти? спросятъ насъ. Но какую же отвѣтственность несетъ передъ страной за рѣшенія неправыя, за рѣшенія унизительныя для страны — *безличный* конституціонный правительственный снарядъ, съ верховнымъ самодержавнымъ рѣшеніемъ большинства голосовъ въ депутатскихъ палатахъ на Западѣ? А личная верховная власть несетъ отвѣтственность, и отвѣтственность тяжкую, хотя бы только чисто-нравственную, — отвѣтственность предъ Богомъ, предъ совѣстью, предъ исторіею, предъ страною, высказавшею прямо и свободно свою чистосердечную мысль... Какимъ образомъ власть можетъ и должна узнавать эту мысль и получать нужныя для нея свѣдѣнія, это другой вопросъ, котораго мы здѣсь не касаемся! Мы хотѣли только показать, какъ совершенно неумно поступаютъ тѣ наши Русскіе «плѣнники» чужихъ теорій и міровоззрѣній, которые киваютъ намъ на существующія формы правленія на Западѣ,—именно въ то время, когда самъ Западъ пришелъ къ сознанію ихъ несостоятельности и устами своихъ передовыхъ мыслителей обличаетъ ихъ внутреннюю ложь и противорѣчіе съ началами истиннаго либерализма...

Культурное одичаніе нашего вѣка.

Москва, 15-го марта.

Дошелъ чередъ и до Англіи. Часть великолѣпнаго Вестминстерскаго дворца, къ которому почти прилегаетъ зданіе самого Британскаго парламента, взорвана — «во имя свободы и прогресса», конечно,—на воздухъ, и представители свободнаго народа разбѣжались, объятые страхомъ...

Въ исторіи Европейской или, пожалуй, «общечеловѣческой» *культуры* настоящее время получитъ, по всей вѣроятности, названіе *динамитнаго періода*. Какая-то динамитная эпидемія охватила все «цивилизованное» человѣчество. Что ни день, то телеграмма изъ того или другаго края Европы о совершившемся или неудавшемся звѣрскомъ замыслѣ новѣйшихъ *идеалистовъ* (уподобляемыхъ въ нѣкоторыхъ органахъ Русской печати «христіанамъ первыхъ вѣковъ») на жизнь одного ли, сотенъ ли, тысячей ли людей совсѣмъ неповинныхъ, — и все большею частью посредствомъ минъ или бомбъ, начиненныхъ этимъ, популярнымъ теперь, взрывчатымъ веществомъ. Подброшенныя въ Парижѣ, но не взорвавшіяся бомбы носили даже клеймо: *Manufacture nationale!* Впрочемъ, это вещество только потому и стало такимъ пресловутымъ, что служитъ *пока* самымъ удобнымъ, дешевымъ и вмѣстѣ самымъ могущественнымъ, наиужаснѣйшимъ орудіемъ разрушенія; «апостолы же динамита» (les apôtres du dynamite, какъ называетъ газета «République Française» анархистовъ) не пренебрегаютъ и ядомъ, револьверомъ, кинжаломъ, петролемъ и иными способами смертоубійства и истребленія. Хотѣли же «самоотверженные служители идеи», анархисты испанской «Черной руки», отравить водопроводы! О поджогахъ и напоминать нечего: слишкомъ уже извѣстное, банальное средство...

Года два или полтора тому назадъ, газета «Русь» подвергалась жестокимъ нападеніямъ со стороны нѣкоторой части нашей интеллигенціи и печати за неделикатность отзывовъ о виновникахъ подобныхъ и еще болѣе крупныхъ дѣяній, совершенныхъ у насъ въ Россіи. Было, кажется, отчего взволноваться и даже разгнѣваться. Но именно потому, что это совершено у насъ и довольно слабо возмутило «либеральную» и «высококультурную» Европу, то и произошло нѣчто удивительно странное. По малодушному ли, суевѣрному страху — какъ бы не показаться отступниками «либерализма», или по особеннаго рода мягкодушію, только многіе и очень многіе не отваживались даже назвать черное чернымъ, гнусное гнуснымъ, хотя бы въ своей душѣ и не отвергали этой «квалификаціи». Вмѣсто того, чтобы честнымъ негодованіемъ отрезвить умы и сердца заблудшейся молодежи, они лишь разыскивали обстоятельства, смягчающія преступную вину, и

дѣйствительно смягчали ее — въ глазахъ самого молодаго поколѣнія, ему же ко вреду. Утверждали, напримѣръ, что нашъ революціонерствующій нигилизмъ не болѣе какъ продуктъ нашихъ же, туземныхъ историческихъ условій существованія; что оно вполнѣ объясняется, а потому отчасти и извиняется, недостаткомъ широкой дѣятельности для молодыхъ силъ, отсутствіемъ «политическихъ правъ», «правоваго порядка», «однородныхъ съ Европою политическихъ учрежденій» и т. д. Но вотъ, къ вящему посрамленію сихъ доводовъ, то же самое явленіе да еще въ тѣхъ же формахъ, подъ тѣмъ же знаменемъ, какъ и въ нашей абсолютной монархіи, воспроизводится повсюду, на самомъ Западѣ,—не только въ монархіяхъ строго-конституціонныхъ, гдѣ процвѣтаетъ вполнѣ правовой порядокъ со всевозможными гарантіями, но и въ республикахъ, гдѣ страдаютъ уже не отъ недостатка, а развѣ отъ избытка политическихъ правъ! И не только на материкѣ Европы, но даже и въ Великобританіи, гордой своими древними свободными учрежденіями и, дѣйствительно, надежнѣе чѣмъ любая республика ограждающей свободу личности даже иноземныхъ политическихъ убійцъ, отравителей, поджигателей, которымъ она предоставляетъ у себя такое гостепріимное убѣжище! Вездѣ и всюду съ неистовымъ озлобленіемъ ведется подкопъ, именно подъ «правовой порядокъ», какъ бы либераленъ онъ ни былъ. Онъ-то именно и претитъ нигилистамъ, какъ россійскимъ, такъ и всѣхъ странъ міра, а наши остроумные мыслители истолковали недавнія злодѣйства, опозорившія Русскую землю—тоскою по «правовомъ порядкѣ»!!

Никакимъ «правовымъ порядкомъ», никакимъ новымъ спискомъ съ Европейскихъ учрежденій не умирить того духа вражды, отрицанія и разрушенія, котораго вѣяніе съ Запада восприняла наша духовно беззащитная молодежь, причислившая себя къ разряду революціонеровъ-соціалистовъ, федералистовъ, коллективистовъ, а также и анархистовъ. Никакихъ жизненныхъ корней въ нашей исторической и національной почвѣ *это* воинствующее зло не имѣетъ. У насъ оно явленіе не самостоятельное, а подражательное, и если принялось съ такою силою въ нашихъ молодыхъ поколѣніяхъ и ознаменовалось такими чудовищными дѣяніями, то благодаря лишь именно господствующей въ Россіи отвлеченности и *безпочвенности* вос-

питанія. Нигдѣ, разумѣется, такъ не вольготно крайнему западному радикализму, какъ въ сферѣ чистѣйшаго абстракта, какъ въ умахъ и душахъ опорожненныхъ воспитаніемъ до-гола отъ всякаго живаго смысла дѣйствительности, отъ всякой непосредственной связи съ жизнью и бытомъ своего народа, съ его прошлымъ и настоящимъ,—отъ всякихъ положительныхъ національныхъ идеаловъ, отъ всякихъ завѣтовъ народности и старины. Тамъ, на Западѣ, у себя дома, этому радикализму все же приходится нѣсколько побороться съ противодѣйствіемъ, воздвигаемымъ даже въ собственной душѣ радикала его бытовыми привычками, его народными историческими инстинктами, его любовью къ родинѣ, его неравнодушіемъ къ чести и славѣ своей страны,—его «предразсудками», однимъ словомъ. Здѣсь же, въ Русской молодой средѣ большею частью—ни заминки, ни запинки. Мало, что все опустошено, но все осмѣяно, все растоптано, все вытравлено. Ни одного «предразсудка»! Духъ отрицанія, духъ презрѣнія къ началамъ жизни, преданіямъ, святынѣ своего народа, особенно же духъ суевѣрнаго поклоненія авторитету «послѣднихъ словъ» Западной Европы, такъ усердно насаждаемый въ нашей молодежи недальновидными педагогами, постепенно претворяетъ не малое число юношей (къ наивному подчасъ изумленію самихъ педагоговъ!) въ самыя наиспособныя практическія орудія для цѣлей космополитической анархіи, и отводитъ имъ чуть не первое мѣсто среди западныхъ коноводовъ разрушенія и истребленія... Недавно они удостоились даже очень лестнаго отзыва въ одной Польской прокламаціи «къ рабочимъ», въ которой Поляки (каково безпристрастіе!) указываютъ Польскимъ соціалистамъ на «Русскихъ нигилистовъ» какъ на учителей, какъ на примѣръ и образецъ для подражанія. На это quasi-демократическая «Газета Народова» замѣчаетъ, что Полякамъ подражать космополитическому направленію Русскихъ не слѣдуетъ, такъ какъ Поляки должны имѣть въ виду только одну политическую національную цѣль; но союзъ съ Русскими нигилистами ради *этой* цѣли газета весьма одобряетъ и рекомендуетъ ими всемѣрно пользоваться, потому что лучшаго способа наносить вредъ Россіи нельзя и измыслить.

Такимъ образомъ этотъ революціонный нигилизмъ, эта анархическая похоть—явленіе въ Россіи не самостоятельное, такъ

сказать незаконнорожденное. Россіи тутъ въ чужомъ пиру похмѣлье; пиръ происходитъ на Западѣ. Но и на Западѣ это явленіе не какое-либо случайное, мимоходящее, въ родѣ облачка, налетѣвшаго на ясную лазурь. Его значеніе міровое; корни его въ самой исторіи, въ самой цивилизаціи Запада. Да, это явленіе повидимому дикое — явленіе тѣмъ не менѣе вполнѣ *культурное*, въ томъ смыслѣ, что оно есть плодъ отъ древа культуры, взращеннаго Западомъ... Пылаютъ села и города; взрываются на воздухъ жилища и храмы; людей рѣжутъ, застрѣливаютъ изъ-за угла, жгутъ сѣрною кислотою; вездѣ рыщетъ злая, грубая и въ то же время ускользающая отъ преслѣдованія, потаенная сила; всюду водворяется революціонный терроръ, который, если только одержитъ побѣду, сторицей превзойдетъ времена первой Французской революціи, своей несомнѣнной родоначальницы, въ кровожадности и тиранніи... Что̀ же виною всѣхъ этихъ звѣрствъ, этого торжества грубой силы, этихъ отравъ, поджоговъ, убійствъ, этого наглаго поруганія надъ народными вѣрованіями и святынями?.. Что̀? Недостатокъ образованія? культурности? *невѣжество народныхъ массъ?* Нисколько. *Народъ* въ собственномъ смыслѣ—тутъ ни при чемъ; народъ,—вѣчно превозносимый на словахъ, а въ дѣйствительности вѣчно именно пророками-то свободы и презираемый, тѣснимый, взнуздываемый какъ только удается имъ захватить власть, — народъ, вѣчно оклеветанный, не причастенъ ни къ ужасамъ прошлыхъ Французскихъ революцій, ни къ злодѣйствамъ революціонеровъ нашихъ временъ—соціалистовъ, анархистовъ и tutti quanti. Правда, имъ удается иногда привлечь на свою сторону отъ народа негодяевъ и пьяницъ, или городскую чернь, но этотъ сбродъ только *орудіе* въ ихъ рукахъ, чуждъ всякихъ политическихъ убѣжденій и готовъ принять участіе во всякихъ уличныхъ безпорядкахъ, свалкахъ и грабежахъ, кто бы ни былъ зачинщикъ. Съ февральской революціи (1848 г.), когда на поле революціонной практики выступила доктрина соціализма, стали фигурировать и «рабочіе». Но и эти 30, 50, хоть-бы сто тысячъ работниковъ Парижа или Ліона не могутъ считаться представителями всего рабочаго населенія Франціи, — что̀ впрочемъ ужъ неопровержимо доказано самими историческими событіями! Конечно, по мѣрѣ распространенія образованія между рабочими, умножается ме-

жду ними и число адептовъ революціоннаго соціализма, но массы рабочихъ, какъ и всего простонародья, остаются еще вѣрны здравому смыслу и нравственному инстинкту: кровавыя насилія пока еще имъ претятъ; онѣ еще не довольно... цивилизовались. Да и самые адепты—не болѣе какъ стадо, идущее вслѣдъ за пастырями: не они, не рабочіе вдохновляютъ и направляютъ современное соціалистическое или анархическое движеніе, хотя, казалось бы, они всего болѣе, да и единственно *они* въ немъ заинтересованы: вѣдь во имя ихъ, ради ихъ оно предпринимается, только ихъ польза имѣется въ виду!.. Однакоже съ ихъ стороны одушевленія никакого не видно: они большею частью только декорація или статисты... У насъ также извѣстный разрядъ «интеллигенціи», специфически величающій себя этимъ именемъ, вѣчно воздыхающій о «народѣ», о народномъ представительствѣ, о народодержавствѣ и т. п., вмѣстѣ съ тѣмъ, опасаясь народнаго къ себѣ нерасположенія, не однажды выражалъ желаніе, чтобъ этотъ «80-ти-милліонный», очень ужъ консервативный звѣрь былъ правительствомъ крѣпко «взнузданъ». Въ то же время наши «революціонеры», подлыми обманами, подложными царскими манифестами всячески стараются сбить народъ съ толку и заставить его такимъ образомъ, невѣдомо для себя, послужить анархическимъ цѣлямъ...

Итакъ, не отъ народнаго «невѣжества» исходитъ дикость совершающихся явленій; не грубость народныхъ, чуждыхъ образованія массъ причиною тѣхъ грубыхъ насилій, съ которыми борятся правительства какъ въ Русской монархіи, такъ и во Французской республикѣ и въ конституціонной Англіи. Носители и представители новѣйшей дикости, виновники этихъ грубыхъ, звѣрскихъ кровавыхъ дѣяній — наиобразованнѣйшіе, вполнѣ «культурные» люди Европы. Проповѣдники, вожди, вдохновители, даже бо́льшая часть практическихъ дѣятелей анархіи и революціоннаго соціализма—если не самый цвѣтъ Европейскаго просвѣщенія (а въ первую, «великую» Французскую революцію это, конечно, былъ самый цвѣтъ), то все же люди обширныхъ знаній (хоть бы ученый географъ Реклю, другъ ученаго же геолога Кропоткина), замѣчательныхъ талантовъ,—люди, отъ которыхъ не можетъ отречься современная цивилизація. Они ея дѣтища, они только въ ея области

у себя дома — въ Азіи дѣлать имъ нечего! Имъ доступна и вѣдома вся премудрость, которую можно найти въ книгахъ, и ужъ въ грѣхахъ *невѣдѣнія* они никакъ не повинны. Они безспорно *передовые мыслители* Западной Европы; имъ дѣйствительно принадлежитъ такъ называемое «послѣднее слово»; ничего болѣе послѣдняго не было сказано. Они еще далѣе двинули современную цивилизацію, очищая ее отъ «предразсудковъ» и сами, прежде всего, смѣло освободясь отъ нихъ. Они же—взрываютъ, отравляютъ, рѣжутъ, поджигаютъ, душатъ,— все равно, сами или черезъ другихъ... Какъ же это? образованные люди, представители высшей культуры, передовые мыслители, да рѣжутъ? Можетъ быть изъ мщенья, подъ воздѣйствіемъ гнѣва, страсти? Ничуть не бывало! Даже самый наглый адвокатъ, самый искуснѣйшій «прелюбодѣй мысли» не могъ бы, въ ихъ оправданіе, сослаться на «состояніе нравственнаго афекта». Задушеніе Иванова въ саду Петровской академіи, злодѣяніе 1 марта, *ученый* взрывъ желѣзнодорожнаго поѣзда и цѣлый рядъ подобныхъ же подвиговъ въ цѣлой Европѣ—все это совершено вовсе не въ изступленіи духа, не въ припадкѣ бѣшеной злобы, а очень спокойно и разсудительно, людьми — «чуждыми предразсудковъ»... Въ первую Французскую революцію, правда, было много страстнаго увлеченія, или вѣрнѣе сказать опьяненія властью,—но если первая революція походила на бурю, то теперь эта буря размѣнялась на соотвѣтственную, даже, повидимому, обыкновенную *погоду*. Даже публика перестала содрогаться при чтеніи извѣстій о совершаемыхъ «политическихъ» взрывахъ, умерщвленіяхъ и тому подобныхъ поступкахъ съ человѣческой породой: до такой степени они стали обыкновенны...

Но если не изъ побужденій страсти совершаются всѣ эти звѣрства, то не изъ разсчетовъ ли выгоды или корысти? И этого нѣтъ. Безъ сомнѣнія, вожди анархіи и революціоннаго соціализма, проповѣдуя равенство политическое и экономическое, сохраняютъ за собой привилегированное положеніе отцовъ-командировъ и не довольствуются однимъ денежнымъ содержаніемъ *рабочаго;* безъ сомнѣнія также это командирство, эта возможность играть на весь свѣтъ такую эфектную роль, держать въ страхѣ и чуть не въ осадномъ положеніи правительства могущественныхъ державъ (заставлять, напри-

мѣръ, городъ Лондонъ расходоваться на цѣлую лишнюю тысячу полицейскихъ), все это льститъ тщеславію, представляетъ немалую привлекательность. Привлекательною является самая эта игра въ опасность, подобно всякой азартной игрѣ: страстному игроку жизнь не въ жизнь безъ этихъ ощущеній страха и надежды. Но эти причины второстепенныя, и во всякомъ случаѣ не грубою личною корыстью, особенно въ вождяхъ и пропагандистахъ, можетъ быть объяснена вся эта система насилія и зла.

Главнымъ двигателемъ въ этихъ представителяхъ образованія и цивилизаціи является, безъ сомнѣнія, *идея*, — и идея вдобавокъ несомнѣнно возвышенная. Да, это идея — свободы, гуманности, справедливости, равномѣрнаго распредѣленія всѣхъ матеріальныхъ благъ и вообще равенства. Ничего, повидимому, нѣтъ выше и нравственнѣе. Какимъ же, однако, образомъ могло случиться, что высокая и нравственная идея творитъ дѣла чудовищно-безнравственныя? что всѣ труды, всѣ завоеванія человѣческаго ума, всѣ добытыя вѣками блага нашей утонченной культуры, всѣ знанія и открытія науки, все, однимъ словомъ, чѣмъ гордится XIX вѣкъ, послужило и служитъ истребленію, разрушенію, торжеству грубой силы и одичанію? Въ самомъ дѣлѣ, что̀ же такое всѣ эти современные анархисты и революціонеры? Это новая порода дикихъ—во всеоружіи науки и культуры; это мошенники—во имя высшей честности и правды; это звѣри—ради «гуманности»; это разбойники прогресса, это демоны, проповѣдающіе о раѣ... Какое зрѣлище представляетъ современность? Просвѣщеніе наводитъ зловѣщую тьму. Свобода обращается въ тиранію; равенство въ попраніе святѣйшихъ правъ человѣческой личности; справедливость—въ злую неправду, знаніе—въ невѣжество, умъ—въ глупость. Какъ же объяснить эти совсѣмъ противоположные результаты? Не наука же, въ самомъ дѣлѣ, не культура сама по себѣ въ этомъ виновата?! Тэнъ даетъ отчасти отвѣтъ на этотъ вопросъ въ своей послѣдней статьѣ: «Программа якобинца» («Revue des deux Mondes», 1 марта).

«Ничто не представляетъ такой опасности (начинаетъ Тэнъ свою статью), какъ общее понятіе (une idée générale) въ головахъ узкихъ и пустопорожнихъ (vides): такъ какъ онѣ пу-

стопорожни, оно не наталкивается въ нихъ ни на какое знаніе, которое бы могло послужить ему преградой; такъ какъ онѣ узки, оно скоро наполняетъ собой все ихъ пространство. Съ той поры онѣ ужъ болѣе себѣ не принадлежатъ; *оно* ими владѣетъ, *оно* дѣйствуетъ въ нихъ и черезъ нихъ; человѣкъ *одержимъ* въ точномъ смыслѣ слова. Что-то постороннее (quelque chose qui n'est pas lui), чудовищный паразитъ, мысль чуждая и несоразмѣрная живетъ въ немъ, развивается и родитъ зловредныя похоти, которыми чревата. Онъ и не предвидѣлъ, что онѣ у него явятся; онъ не зналъ что̀ содержитъ въ себѣ ея догматъ, какія послѣдствія ядовитыя и убійственныя изъ него изойдутъ. И исходятъ они неизбѣжно какъ рокъ, поочередно, подъ давленіемъ обстоятельствъ, сначала—послѣдствія анархическія, а потомъ деспотическія. Достигнувъ власти, якобинецъ приноситъ съ собою обладающую имъ идею (son idée fixe); въ управленіи, какъ и въ оппозиціи, эта идея равно обильна производительностью, и ея всемогущая формула, въ каждой новой своей области, вытягиваетъ безконечно-плодящуюся вереницу все новыхъ и новыхъ звеньевъ (la file pullulante de ses anneaux multipliés»).

Какъ ни талантливъ, ни остроуменъ отвѣтъ Тэна, онъ однакоже не совсѣмъ удовлетворителенъ или не довольно полонъ. Въ общемъ—характеристика якобинцевъ конечно мѣтка, но можно ли, однако, назвать, не говоримъ о Мирабо, но даже многихъ другихъ дѣятелей революціи—только «умами узкими и пустопорожними» (des cerveaux étroits et vides), «лишенными всякаго *знанія*»? Тэнъ излагаетъ якобинскую программу на основаніи подлинныхъ парламентскихъ рѣчей (въ томъ числѣ и Мирабо, и Сен-Жюста, и Робеспьера и проч.), постановленій, декретовъ, законовъ, министерскихъ и иныхъ оффиціальныхъ распоряженій и актовъ. Въ томъ-то и дѣло, что бо̀льшая часть рѣчей, пока онѣ касаются общихъ отвлеченныхъ понятій, принциповъ, философскихъ опредѣленій, блещутъ умомъ, знаніемъ, полны широкой, возвышенной мысли и подчасъ такой правды, что хоть бы сейчасъ въ уста церковному проповѣднику! И въ то же время, въ дальнѣйшемъ развитіи, въ примѣненіи къ жизни, практическіе выводы изъ нихъ поражаютъ чудовищностью противорѣчій, мелочностью, узкостью, какимъ-то бредомъ разнузданной воли и наконецъ

просто безсмыслицей. Приведемъ примѣры, которые тѣмъ интереснѣе, что ихъ можно имѣть въ перспективѣ на случай перехода власти къ новѣйшимъ апостоламъ соціализма и анархизма: непремѣнно повторится то же самое, до мелочей, какъ повторилось было, на короткое время, въ революцію 1848 года. потому что революціонеры нашихъ дней, какъ уже было замѣчено кѣмъ-то, то же что Бурбоны: ничего не забыли и ничему не научились. Но обратимся къ цитатамъ Тэна. Вотъ къ какому распоряженію власти сводится прекрасная, повидимому, мысль о свободѣ религіозной:

«Для того, чтобы свобода вѣроисповѣданій пребыла во всей своей полнотѣ, *запрещается* кому бы то ни было проповѣдывать или писать въ пользу (pour favoriser) какого бы то ни было культа или религіознаго мнѣнія». Далѣе: «особенно же воспрещается всякому бывшему служителю какого бы то ни было вѣроисповѣданія—проповѣдывать нравственное ученіе (la morale) подъ страхомъ быть признану подозрительнымъ (suspect) и въ качествѣ таковаго подвергнуться аресту». »Всякій, кто осмѣлится проповѣдывать какія бы то ни было религіозныя правила, этимъ самымъ дѣлается виновнымъ предъ народомъ (coupable envers le peuple): онъ нарушаетъ общественное равенство, которое не дозволяетъ, чтобы отдѣльное лицо могло возносить публично свои идеальныя притязанія выше таковыхъ же своего сосѣда»!!

Республиканское правительство, какъ извѣстно, въ своемъ стремленіи пересоздать весь строй не только политической, но домашней, бытовой жизни общества и народа, передѣлало календарь, уничтожило воскресные и праздничные дни, завело декады и т. д. Но «державный народъ», именемъ котораго все это производилось, продолжалъ придерживаться, если не публично, то у себя въ жилищахъ, старыхъ порядковъ и даже — о ужасъ! — *постничать*. И вотъ, директорія предписываетъ муниципальнымъ правленіямъ принять мѣры, «чтобы *продажа рыбы на рынкахъ никакъ не совпадала* со днями воздержанія (jours d'abstinence), назначенными по старому календарю»! Позволимъ себѣ привесть и еще одну цитату изъ множества ихъ, наполняющихъ статью Тэна: нѣкто нотаріусъ Жираръ въ Парижѣ, сначала, въ 1789 г., принималъ участіе въ революціонномъ движеніи, но потомъ отсталъ и держалъ

себя скромно въ сторонѣ,—и вотъ ему офиціальнымъ постановленіемъ вмѣняется въ преступленіе: зачѣмъ-де лишилъ онъ своихъ согражданъ свѣта своего разума и познаній (considérant que le citoyen Girard depuis la révolution de l'égalité *a privé de ses lumières ses concitoyens, ce qui est un crime en révolution*): несчастный объявленъ единогласно подозрительнымъ, отведенъ въ тюрьму —и казненъ (tombé sous le glaive de la loi)... Самый свирѣпый азіатскій деспотъ, какихъ бы ни было временъ, истинный либералъ въ сравненіи съ провозвѣстниками новѣйшаго западно-Европейскаго революціоннаго либерализма; ибо азіатскій деспотъ, посягая на жизнь, честь и внѣшнюю свободу отдѣльныхъ лицъ, все же оставляетъ въ покоѣ бытъ, вѣру, частный строй жизни своихъ подданныхъ. Между тѣмъ требованіе революціонеровъ-соціалистовъ въ томъ именно и состоитъ, чтобъ подъ знаменемъ закона и во имя правоваго порядка государственная власть вмѣшалась во всѣ изгибы общественной и частной, домашней жизни, все перевернула и исковеркала по принципамъ отвлеченной доктрины.

Нѣтъ, не одною *природною*, такъ-сказать, узкостью и пустопорожностью умовъ, какъ думаетъ Тэнъ, можно объяснить такой, на почвѣ Европейской культуры и цивилизаціи XVIII и XIX вѣковъ, пышный расцвѣтъ деспотизма, тиранніи, безчеловѣчія, дикаго, кровожаднаго звѣрства, всевозможныхъ преступленій и злодѣйствъ — совершаемыхъ, съ подобіемъ науки и учености, во имя свободы, либерализма, гуманности, просвѣщенія, прогресса и высшихъ идей равенства и справедливости! Въ томъ-то и дѣло, что *при извѣстныхъ условіяхъ* всякій *широкій*, начиненный отвлеченными знаніями *умъ* роковымъ образомъ вырождается, обрекается на *узкость* и ограниченность. Что̀ поражаетъ, напримѣръ, во всѣхъ рѣчахъ Французскихъ ораторовъ прошлаго революціоннаго эпоса и во всѣхъ новѣйшихъ революціонныхъ соціалистскихъ и иныхъ разглагольствіяхъ, какъ бы страстны они повидимому ни были, — это именно то, что не слыхать въ нихъ ни души, ни сердца,—ни одной ноты—*любви*. Они продуктъ голой, сухой, отвлеченной разсудочности. «Мораль», «справедливость», «братство», все это лишь отвлеченныя, разсудочныя *понятія*, а не живыя личныя стремленія, потребности, силы *души*. Всѣмъ этимъ теоріямъ, доктринамъ, проповѣдямъ и дѣйствіямъ во

имя высшихъ *нравственныхъ* принциповъ недостаетъ именно *нравственной* подкладки, живаго *нравственнаго чувства и смысла,* — а потому и въ результатѣ — *безнравственность.* И этотъ недостатокъ не есть только *случайный,* присущій только лично главнымъ вождямъ и апостоламъ новыхъ революціонныхъ ученій (напримѣръ Мирабо и большая часть корифеевъ «великой революціи» и послѣдующихъ — извѣстны и личною порочностью). Это недостатокъ *органическій,* присущій, во-первыхъ, самимъ ученіямъ, полагающимъ въ свою основу, прежде всего, грубое насиліе какъ необходимое условіе ихъ примѣненія къ жизни, — слѣдовательно исповѣдующимъ начало безнравственное, содержащее уже въ себѣ самомъ отрицаніе свободы и всѣхъ, казалось бы прекрасныхъ, провозглашаемыхъ ими принциповъ. Во-вторыхъ, онъ органически присущъ и самой культурѣ, самому просвѣщенію Запада, по крайней мѣрѣ въ его настоящемъ фазисѣ. Ибо въ основаніи, въ глубинѣ современныхъ ученій Запада, не только революціонныхъ, но и философскихъ, вообще его «послѣдняго слова» лежитъ: отверженіе Бога, слѣдовательно отверженіе всего, что̀ святитъ человѣка и съ нимъ всю природу, — отрицаніе свободнаго духа и всякаго духовнаго въ человѣкѣ начала, слѣдовательно *обездушеніе* человѣка и *порабощеніе* его плоти, — отрицаніе высшей, предержащей міръ, независимой отъ человѣка правды, высшаго, нравственнаго, обязательнаго для нравственной человѣческой природы закона, всей нравственной въ человѣкѣ стихіи, и затѣмъ — *поклоненіе* обездушенной матеріи, обезбоженному, обездушенному, охолощенному духовно и нравственно, человѣку какъ *богу,* — горделивое превознесеніе выше всего бѣднаго логическаго разума и «точнаго», стало-быть *ограниченнаго* знанія. Подкапываясь подъ самый жизненный непосредственный корень въ своей душѣ нравственныхъ, вмѣщаемыхъ умомъ понятій, человѣкъ тѣмъ самымъ упраздняетъ ихъ дѣйствительную силу и обращаетъ ихъ въ ненужную ветошь; проповѣдуя политическую и соціальную свободу и въ то же время освобождая себя отъ религіозныхъ узъ, изъ-подъ власти нравственнаго, врожденнаго человѣку инстинкта и чувства, отметая совѣсть какъ «предразсудокъ», онъ становится рабомъ страстей и животныхъ побужденій; превознося «гуманность» и совлекая съ себя нравственный образъ Божій, облекаетъ

самого себя въ образъ звѣриный; измышляя новый строй, новый *внѣшній* законъ для человѣческихъ обществъ, ставитъ самого себя, свою волю внѣ всякаго *внутренняго* закона! Въ самомъ дѣлѣ,—не диво ли? Провозглашая *усовершенствованіе общественное*, онъ отвергаетъ законъ *личнаго внутренняго совершенствованія* и мечтаетъ создать, на основѣ формальной справедливости, гармоническое человѣческое общежитіе... разнузданныхъ, отвергающихъ всякое нравственное обязательное для совѣсти начало, оживотненныхъ человѣческихъ личностей! Хорошъ идеалъ новой нормы человѣческаго союза изъ людей, которые *по принципу* считаютъ для себя позволительнымъ и непредосудительнымъ другъ друга ненавидѣть, предаваться страстямъ и всякимъ скотскимъ побужденіямъ, у которыхъ сознательно заглушена совѣсть и извращены души! И эта-то безмыслица—послѣднее слово, *идеалъ* современной мысли и культуры!.. Гордая наука забыла, что не культура, не знаніе преобразили міръ и научили его понятіямъ свободы, равенства, братства и высшей справедливости,—которыми наука потомъ завладѣла, вылущивъ изъ нихъ духовную, божественную сущность! Преобразили міръ — невѣжды-рыбаки, посрамили мудрыхъ и ученыхъ, и побѣдили все внѣшнее могущества міра не грубою внѣшнею силой, а нравственною, внутреннею силою слова.

Не въ наукѣ зло, конечно, и не въ цивилизаціи, но въ гордомъ самомнѣніи науки и цивилизаціи, въ той ихъ *вѣрѣ* въ себя, которая отметаетъ вѣру въ Бога и въ божественный нравственный законъ. Не на неподвижность также осуждены внѣшніе порядки и весь строй человѣческаго общежитія, но на непрестанное измѣненіе и усовершенствованіе. Нѣтъ сомнѣнія, что историческія политическія формы на Западѣ изнашиваются, и орудіемъ ихъ разрушенія являются именно революціонеры всѣхъ наименованій. Но не они призваны къ созданію новыхъ высшихъ, нравственныхъ и болѣе свободныхъ формъ. Не они сыны свободы. Они лишь бунтующіе рабы. Бунтъ противъ Бога есть въ то же время бунтъ противъ человѣчества, противъ самыхъ основныхъ основъ его земной жизни, и если этотъ бунтъ есть послѣднее слово западной культуры, то другаго новаго «послѣдняго», кромѣ развѣ гибели, быть не можетъ. Новое и послѣднее слово есть то

старое вѣчное слово спасенія, которое возвѣщено человѣку въ Божественномъ Откровеніи.

Послѣднія страницы современной исторіи обращаютъ невольно мысль къ первымъ страницамъ человѣческаго бытописанія, къ священному библейскому сказанію о грѣхопаденіи... Вкусивъ, съ нарушеніемъ заповѣди Божіей, отъ древа *познанія добра и зла*, человѣкъ въ концѣ-концовъ, вновь отвергшись Бога, утрачиваетъ даже способность *распознавать* добро и зло, различая только пользу и вредъ; возмнивъ горделиво быть *яко боги* — возгорается страстнымъ, непреодолимымъ вожделѣніемъ—быть *яко скоти*...

Цивилизація и христіанскій идеалъ.

Москва, 13-го апрѣля.

Хотя многія изъ нашихъ газетъ имѣютъ притязаніе быть «органами общественнаго мнѣнія» (а не личными органами редакторовъ или же отдѣльныхъ кружковъ), было бы однакоже, иной разъ, величайшимъ для общества оскорбленіемъ признавать ихъ выраженіемъ *общественной* мысли. Въ какую ошибку впалъ бы, напримѣръ, иностранецъ, который бы вздумалъ, втеченіи послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ, по вопросамъ касающимся нашего національнаго достоинства или существеннѣйшихъ интересовъ внутренней политической жизни, выводить заключеніе о воззрѣніяхъ и чувствахъ нашей страны—изъ статей такъ-называемой «либеральной», а подчасъ и такъ-называемой «консервативной» русской печати! Конечно, каждая газета представляетъ собою извѣстную группу единомышленниковъ (хотя впрочемъ, нисколько не соотвѣтствующую числу подписчиковъ), но все-таки судъ газетный и судъ общественный—въ настоящемъ, серьезномъ смыслѣ слова,—это совсѣмъ не одно и то же. Правда, первый—скоръ и гласенъ; второй же почти всегда безмолвствуетъ. Тѣмъ не менѣе онъ существуетъ, хотя и слагается медленно. Его-то, этотъ судъ почти незримый и неощутимый, и долженъ всегда имѣть въ виду добросовѣстный Русскій публицистъ, не смущаясь га-

зетными толками. Нельзя однакоже отрицать, что клеветы, передержки и лживыя толкованія, особенно газетъ сильно распространенныхъ, способны въ значительной мѣрѣ затруднить внутренній процессъ общественнаго суда и задержать на долго окончательный перевѣсъ истины. Вотъ почему, для облегченія этого процесса, мы признаемъ неизлишнимъ, время отъ времени, какъ ни скучна эта работа, пускаться если не въ полемику, то въ разоблаченіе тумана, напускаемаго нашими противниками на высказанныя нами въ печати мнѣнія.

Въ передовой статьѣ 6-го № «Руси» *), какъ извѣстно нашимъ читателямъ, мы, по поводу разныхъ новѣйшихъ проявленій анархизма и революціоннаго соціализма, пытались разрѣшить себѣ слѣдующій вопросъ:

Совершаются убійства, поджоги, отравленія, словомъ, чудовищныя злодѣйства, вынуждающія правительства не только нашей «абсолютной монархіи», но и конституціонныхъ, даже республиканскихъ странъ, принимать чрезвычайныя мѣры охраненія, даже съ стѣсненіемъ частной свободы гражданъ. *Случайныя* ли это преступленія? *индивидуальныя* ли,—такія ли, которыя всегда неразлучны съ человѣческимъ общежитіемъ (потому что въ семьѣ вѣдь не безъ урода, и рядомъ съ добрыми имѣются постоянно и злые, и развращенные?). Такія ли это обычныя злодѣянія, которыя легко объясняются невѣжествомъ, недостаткомъ цивилизаціи, грубостью нравовъ, и которымъ, стало-быть, лучшимъ противодѣйствіемъ могло бы служить заведеніе школъ или образованіе? Такія ли, которыхъ причина — нравственный «афектъ», вслѣдствіе личной мести, гнѣва, раздраженія,—или же корыстныя побужденія? Нисколько не бывало. Эти преступленія *не* случайныя, а возведенныя въ цѣлую систему; *не* индивидуальныя, а общія, т. е. замышленныя цѣлыми общественными группами, и хотя, конечно, приводимыя въ исполненіе отдѣльными *лицами*, но *не* подъ вліяніемъ личнаго нравственнаго «афекта», *не* вслѣдствіе личныхъ отношеній преступниковъ къ жертвамъ преступнаго дѣйствія, *не* изъ личной мести, гнѣва или корысти, а вслѣдствіе какого-то отвлеченнаго принципа и въ силу общепринятаго обдуманнаго рѣшенія. Еще менѣе, наконецъ, эти дѣянія, за-

*) См. предыдущую статью.

печатлѣнныя характеромъ дикости и звѣрства, могутъ быть объяснены слабымъ развитіемъ цивилизаціи или такимъ невѣжествомъ, которому противоядіемъ могло бы служить умноженіе начальныхъ училищъ: преступники, оказывается, не только прошли всѣ чрезъ элементарную школу, но большей частью стоятъ даже на верхнихъ ступеняхъ образованія. Они—и ораторы, и писатели; есть и ученые между ними; они обладаютъ всѣми такъ-называемыми «послѣдними словами науки»; они имѣютъ основательныя техническія знанія; они примѣняютъ къ своимъ преступнымъ дѣйствіямъ всѣ новѣйшія открытія въ области химіи и другихъ естественныхъ наукъ. Невольно возникаетъ недоумѣніе: какимъ же образомъ, въ нашъ «просвѣщенный вѣкъ», столь гордый своими гуманными стремленіями и своей цивилизаціей, дѣти цивилизаціи не только творятъ систематически, разсудительно, но и *проповѣдуютъ* дѣла—по истинѣ достойныя даже не варваровъ, а одичавшихъ и озвѣрившихся или оскотинившихся людей? Проповѣдуютъ притомъ не на площадяхъ въ горячкѣ бунта, предъ разъяренной толпой, а на митингахъ, въ засѣданіяхъ своихъ вольныхъ «парламентовъ», въ книгахъ и газетахъ, стало-быть, во всей обстановкѣ цивилизаціи! И мало того,—вопросъ еще болѣе усложняется,—творятъ и проповѣдуютъ поджоги, отравленія, убійства, динамитные взрывы кораблей, храмовъ, желѣзныхъ поѣздовъ (причемъ гибнутъ люди ни въ чемъ неповинные), во имя гуманности или любви къ человѣчеству, свободы и разныхъ, повидимому, возвышенныхъ, идеаловъ равенства и справедливости!!

Кажется, это вопросъ серьезный и надъ рѣшеніемъ его стоитъ задуматься. Онъ, конечно, не новъ для общественнаго сознанія, смутно носится предъ каждымъ, способнымъ ужасаться совершающихся чудовищныхъ явленій... Но точную логическую постановку его едва ли можно признать излишнею,—особенно въ виду разнообразія и неопредѣленности большей части отвѣтовъ. Такъ, до сихъ поръ извѣстная часть нашей печати, болѣе или менѣе порицая подвиги анархистовъ и крайнихъ революціонеровъ, продолжаетъ указывать Россіи на «цивилизацію» какъ на единственную подательницу благъ, «цѣлительницу *всѣхъ* соціальныхъ золъ» (sic) и воспитательницу общественныхъ и частныхъ нравовъ. Между тѣмъ сама постановка вышеупомянутаго вопроса (сдѣланная нами, ду-

маемъ, вполнѣ правильно) приводитъ необходимо къ заключенію, что если законныя дѣтища современной цивилизаціи, во всеоружіи знанія и культуры, творятъ и исповѣдуютъ насиліе, тиранію, злодѣйство въ самомъ гнусномъ его образѣ, хотя и съ учеными пріемами,—значитъ, во-1-хъ, что цивилизація и знаніе сами по себѣ не застраховываютъ человѣчество отъ одичанія и звѣрства и, во 2-хъ, что въ современной цивилизаціи есть какой-либо органическій порокъ, способствующій ложному направленію человѣческой мысли и воли. Мы въ нашей статьѣ такъ и отвѣчаемъ на поставленный нами вопросъ. Не въ наукѣ *самой по себѣ* и не въ цивилизаціи зло,—говоримъ мы,—а въ гордомъ самомнѣніи науки и цивилизаціи, будто онѣ вполнѣ довлѣютъ человѣчеству и призваны упразднить и восполнить собою вѣру въ Бога и въ божественный нравственный законъ; зло въ отрицаніи того высшаго духовнаго, сверхчеловѣческаго начала, которымъ святится человѣкъ,—въ поклоненіи обезбоженному и обездушенному человѣческому разуму.

Замыкая себя въ предѣлы жизни земной, конечной, въ ней одной полагая задачу и цѣль, отрицая бытіе вѣчной, надземной, абсолютной правды и всякую свою предъ нею отвѣтственность, освобождая себя отъ всякаго внутренняго нравственнаго обязательства, и въ то же время отметая самую совѣсть какъ предразсудокъ, человѣкъ подрываетъ въ себѣ самую основу тѣхъ идеаловъ, тѣхъ нравственныхъ понятій, которыя вмѣщаетъ умомъ и которыми хвалится цивилизація. Признавая законность и право только однихъ *побужденій*, разнуздывая свою личность и низводя ее ниже, чѣмъ на степень животнаго (ибо животное все же обуздано въ своей свободѣ предѣлами природнаго инстинкта), онъ неминуемо, логически впадаетъ въ грубое, чудовищное противорѣчіе съ тѣми самыми началами, которыя гордо выставляетъ на своемъ революціонномъ знамени! Такъ какъ всѣмъ этимъ началамъ недостаетъ освященія въ *высшемъ* нравственномъ непреложномъ началѣ,—того освященія, которое было бы признано личнымъ чувствомъ и самою совѣстью человѣческой, то въ окончательномъ результатѣ и выходитъ *без-нравственность* и «вмѣсто равенства—попраніе святѣйшихъ правъ человѣческой личности, вмѣсто справедливости—злая неправда». Однимъ словомъ—говорилось въ

нашей статьѣ—отрицаніе вѣры въ обязательный, сверхчеловѣческій, божественный, нравственный законъ, въ концѣ-концовъ, дѣлаетъ тщетною и науку, и культуру, и цивилизацію въ смыслѣ общечеловѣческаго благоустроенія и, напротивъ того, приводитъ всякое общество, какъ бы оно, повидимому, цивилизовано ни было, къ разврату, одичанію и гибели. Тѣмъ неминуемѣе такой исходъ, когда сама наука и цивилизація гордо провозглашаютъ это отрицаніе какъ необходимую принадлежность высшаго развитія, какъ свой обязательный догматъ. Тогда и становится возможнымъ то зрѣлище, которое и теперь мѣстами представляетъ современность, именно, что «просвѣщеніе» (если подъ нимъ разумѣется только «образованіе») не даетъ свѣта, а «наводитъ зловѣщую тьму»; «знаніе» (претендующее на всевѣдѣніе) «обращается въ невѣжество»; «умъ» (полагающійся на собственныя свои силы) «въ глупость».

Вотъ вкратцѣ сущность статьи 6 № «Руси». Какъ же она была понята нашими «цѣнителями и судьями» или газетными критиками? Двѣ Петербургскія газеты занялись ею довольно обстоятельно. Изъ нихъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» провозгласили, что мы передались «на сторону революціонеровъ» и поклонились, *по нашему обыкновенію,* «силѣ»,—по объ этомъ несмысленномъ лепетѣ мы уже отозвались въ 7 № «Руси». Другая газета — «Новости», сосредоточивающая теперь въ себѣ, повидимому, съ прекращеніемъ «Голоса», всѣ силы своего лагеря, — «Новости» посвятили нашему «*походу противъ науки*, образованія, прогресса, цивилизаціи двѣ статьи, причемъ содержаніе статьи «Руси» передано, какъ водится, въ извращенномъ видѣ. Но дѣло не въ этомъ, а въ самомъ profession de foi газеты. Она выступила, по собственнымъ ея словамъ, «въ защиту того, что̀ уважается всѣмъ человѣчествомъ, какъ *источникъ свѣта, разума, высшихъ идеаловъ и общаго блага*... въ защиту самой *цивилизаціи*»... И такъ— цивилизація есть источникъ *разума?* Есть ли тутъ какой смыслъ? Что̀ было прежде въ мірѣ: разумъ или цивилизація? По мнѣнію г. Нотовича выходитъ, что сначала была цивилизація, а потомъ она источила изъ себя разумъ. Но дальше: та же цивилизація называется источникомъ *высшихъ идеаловъ*... Высшимъ идеаломъ или, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ выс-

шихъ, по всеобщему признанію даже атеистовъ, отвергающихъ христіанскую догматику, почитается обыкновенно нравственный идеалъ христіанскій... Былъ ли онъ продуктомъ «цивилизаціи»? Въ до-христіанскомъ мірѣ высшею цивилизаціею была, безспорно, Римская, но рѣшится ли г. Нотовичъ утверждать, что Римская цивилизація породила Христово ученіе? Къ «цивилизованнымъ» ли людямъ относитъ г. Нотовичъ Галилейскихъ рыбарей — Апостоловъ... Она же, цивилизація, называется «источникомъ общаго блага»... Но понятіе объ «общемъ благѣ» слишкомъ относительно и опредѣленно. Золотой вѣкъ, по миѳическомъ сказаніямъ, позади насъ, а не впереди; да и на ступени такъ-называемаго патріархальнаго быта люди, по всей вѣроятности, признавали себя болѣе счастливыми, чѣмъ на дальнѣйшемъ пути своей исторической жизни...

Мы остановились на первой же фразѣ г. Нотовича потому, что она служитъ точкою отправленія его разсужденій, motto всей его полемической піесѣ. «Цивилизація»!—вотъ то громкое слово, на которомъ выѣзжаютъ всѣ господа того quasi-либеральнаго направленія, къ которому принадлежитъ и газета «Новости». Сюда же надо причислить и другія громкія слова: «прогрессъ», «послѣднее слово науки», «интересы человѣчества» и т. д. Оказывается, однако, что всѣ эти слова одинъ лишь звукъ пустой, подъ которымъ разумѣется будто очень многое, а поглядѣть поближе—ровно ничего. По крайней мѣрѣ, толкованіе, данное газетою «Новости» термину «цивилизація», какъ согласятся, вѣроятно, и сами читатели, не больше, какъ наборъ словъ, лишенный логическаго смысла.

Цивилизація или, пожалуй, по Русски—«образованіе» (въ переводѣ съ нѣмецкаго Bildung), есть понятіе относительное, лишенное опредѣленнаго, положительнаго, самымъ словомъ исчерпываемаго содержанія. Оно неразлучно съ понятіями *постепенности* и *развитія*, и точный критерій его—*сравненіе*. Такъ, этимъ терминомъ прежде всего выражается высшая, сравнительно съ первобытнымъ состояніемъ человѣчества, степень развитія человѣческихъ обществъ и предполагается именно такое состояніе, когда человѣчество сложилось въ *гражданское* общежитіе (отсюда и латинское происхожденіе слова) и отъ непосредственности духовной перешло къ дѣятельности сознанія. Воздѣйствіе этой дѣятельности, т. е. мысли, опыта

и постоянно увеличивающейся суммы знаній, на гражданское общежитіе и наоборотъ, равно и производимое этимъ взаимнымъ воздѣйствіемъ постепенное измѣненіе въ обществѣ быта, формъ, отношеній, условій, понятій, нравовъ и есть именно то, что̀ называется «цивилизаціей». Поэтому, понятіе о цивилизаціи всегда противополагается понятію о дикости и грубости, и даже—какъ заключающее въ себѣ начало условности и искусственности—понятію о простотѣ. Но никакой абсолютной, безотносительной сущности—понятіе о цивилизаціи само въ себѣ не имѣетъ и не предноситъ предъ человѣчествомъ никакого опредѣленнаго, положительнаго идеала. Поэтому мѣрка цивилизаціи всегда—позади ея, а не впереди, т. е. она измѣряется сравнительно съ прошлымъ, а не по отношенію къ будущему или къ какой-либо идеальной задачѣ будущаго, которой сама въ себѣ не содержитъ и которая если живетъ въ сознаніи человѣчества, то потому, что дана ему *извнѣ*, отъ цивилизаціи независимо. Были цивилизаціи Ассирійская, Индійская, Египетская и проч., разныхъ степеней развитія; наконецъ, высокая цивилизація Эллинская и Римская, давшія все, что̀ могъ дать самъ собою, своими собственными усиліями языческій міръ—внѣ Божественнаго Откровенія. Но какъ ни велико было это все, языческій міръ пришелъ къ сознанію тщеты накопленнаго имъ богатства, утратилъ самъ вѣру въ свою высокую цивилизацію не обрѣтая въ ней ни высшаго духовнаго идеала, ни той нравственной силы, которая бы способна была спасти его отъ разслабленія, разврата и гибели. Раздалась проповѣдь христіанская—«Эллинамъ» (т. е. мудрости, наукѣ, цивилизаціи языческаго міра) *соблазнъ*, и покорила міръ. Новое вино потребовало и мѣховъ новыхъ; явились варвары,—начался новый процессъ цивилизаціи, но уже подъ воздѣйствіемъ новыхъ духовныхъ началъ. Цивилизація уже перестала быть *всѣмъ* для человѣка; человѣческому обществу былъ данъ свыше нравственно-религіозный идеалъ, къ которому цивилизація и стала, естественно, въ духовно-зависимое, такъ сказать, служебное отношеніе.

Вотъ этого-то духовно-зависимаго, служебнаго отношенія цивилизаціи къ высшему нравственно-религіозному, христіанскому идеалу и не хотятъ теперь признавать многіе, едва ли не большинство «передовыхъ» мыслителей; можно даже ска-

зать, что таково господствующее направленіе мысли и духа въ современномъ обществѣ. Обнаруживается словомъ и дѣломъ, проповѣдуется, возводится въ систематическое ученіе—бунтъ противъ Бога, противъ всякаго свыше-обязательнаго нравственнаго закона. Вмѣстѣ съ тѣмъ провозглашается поклоненіе «цивилизаціи»—*эманципированной* отъ всякой связи съ высшимъ сверхчеловѣческимъ, указующимъ путь началомъ: цивилизаціи стараются возвратить ея прежнее, самостоятельное, языческое, почти царственное значеніе: *она*—«источникъ свѣта, разума, высшихъ идеаловъ и общаго блага»...

Это ученіе, эта проповѣдь нашли, разумѣется, отголосокъ и у насъ въ Россіи. Каковы именно воззрѣнія редакціи «Новостей» опредѣлить трудно; но судя по ея статьямъ и по многимъ въ нихъ противорѣчіямъ, можно придти къ заключенію, что авторы ихъ страдаютъ болѣе путаницею понятій, чѣмъ рѣзко и опредѣленно-отрицательными убѣжденіями, и только повторяютъ чужіе возгласы (въ родѣ приведеннаго въ ковычкахъ выше), отрывочно, не отдавая себѣ въ нихъ строгаго отчета.

Дѣло въ томъ, что всѣ эти поклонники *цивилизаціи* смѣшиваютъ ее съ *нравственностью*, забывая, что эти понятія сами по себѣ вовсе не тождественны. Въ наше время, конечно, намъ даже трудно отдѣлить чистое представленіе объ Европейской цивилизаціи (о ней собственно и идетъ рѣчь) отъ христіанскихъ нравственныхъ началъ, глубоко залегшихъ въ сознаніе человѣческое какъ высшій обязательный для человѣка законъ; но что они даны *не* цивилизаціей,—этого историческаго факта, думаемъ, и газета «Новости» отрицать не станетъ. Для ясности же, что оба понятія не одно и то же, представимъ себѣ опять цивилизацію Римскую. Она могла создать Римское право, и это зданіе внѣшней, формальной правды поистинѣ величественно, но и самъ Римлянинъ написалъ на фронтонѣ его: summum jus—summa injuria; но цивилизація не создала и не была способна создать идеи братства и равенства въ смыслѣ христіанскомъ; но она не могла указать древнему міру высшей цѣли бытія, на которую томительно намекалъ ему нравственный, врожденный человѣку инстинктъ; но она не выдѣлила изъ себя такого нравственнаго незыблемаго идеала, къ которому бы онъ могъ устремиться. Какому догмату цивилизаціи противорѣчила идея рабства въ до-хри-

стіанскомъ мірѣ? И если она противорѣчитъ теперь современной цивилизаціи, такъ *не ей* собственно, а тому, что внесено въ человѣческое сознаніе христіанствомъ. Но являются ли понятія о *нравственности* и *цивилизаціи* тождественными и въ современной цивилизаціи—тамъ, гдѣ ослабѣло или заглушено воздѣйствіе на нее христіанскаго идеала, искажено почему-либо самое о немъ представленіе? Вѣдь утонченность нравовъ не только не препятствуетъ, но и не противорѣчитъ развитію утонченнаго же разврата. Паръ и электричество развѣ усилили, да и способны ли усилить *сами по себѣ* въ душахъ человѣческихъ чувство взаимной братской любви? Извѣстно выраженіе даже Джона Стюарта Милля, что въ наше время, при богатствѣ техническихъ усовершенствованій, при необычайномъ развитіи матеріальныхъ удобствъ—«*душа* убываетъ». Формы общежитія, благодаря цивилизаціи, могутъ стать мягче, вѣжливѣе, личный произволъ можетъ замѣниться правовымъ порядкомъ и т. д., но люди *отъ того* не становятся добродѣтельнѣе, а если и становятся, такъ не отъ того. И смертная казнь, и братоубійственныя войны и т. п. могутъ претить нашимъ вкусамъ, нашимъ умягченнымъ нравамъ, даже раціональнымъ понятіямъ о внѣшней справедливости, но могутъ быть точно также раціонализмомъ и оправданы. Во всякомъ случаѣ вѣдь не раціонализмъ же научитъ людей жертвовать жизнью «за други своя«!

Это вовсе не значитъ, будто сама цивилизація есть начало необходимо развращающее и ведущее къ погибели; мы утверждаемъ только, что сама по себѣ она безсильна противъ людскаго порока и не содержитъ въ существѣ своемъ какихъ-либо твердыхъ основъ для *противодѣйствія* разврату или насилію, именно потому, что она вырабатываетъ истины только условныя и относительныя и для совѣсти необязательныя. Цивилизація подлежитъ *развитію*, слѣдовательно видоизмѣненію, и то, что теперь признается расцвѣтомъ цивилизаціи, можетъ быть современемъ названо грубымъ варварствомъ, какъ XVII вѣкъ называлъ время Среднихъ вѣковъ, какъ вѣкъ XXV назоветъ, вѣроятно, наше XIX столѣтіе и, можетъ быть, пожалуй, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ и Римъ въ эпоху паденія имперіи называлъ первые вѣка республики!

Не то—нравственный идеалъ христіанскій. Онъ вѣченъ и

неизмѣненъ, и не подлежитъ самъ въ себѣ никакому развитію. Цивилизація, какой бы высоты она ни достигла, ничего ни прибавить къ нему, ни убавить изъ него не можетъ. Хотя бы современемъ человѣчество стало летать по воздуху и добралось до луны, нравственный христіанскій идеалъ и тогда, какъ изначала, будетъ одинъ и тотъ же... Съ понятіемъ о цивилизаціи соединяется понятіе о *неравенствѣ:* съ точки зрѣнія *цивилизаціи* человѣкъ предшествующихъ вѣковъ стоитъ *ниже* человѣка позднѣйшаго времени, а послѣдній *выше* перваго; точно то же неравенство и между людьми во всякую данную минуту—по степени ихъ цивилизаціи. Человѣкъ, получившій образованіе высшее, напримѣръ, въ университетѣ, цивилизованнѣе человѣка, прошедшаго курсъ только элементарной школы; а какъ невозможно же всѣ народныя массы прогонять чрезъ университетъ, то общество *необходимо* дѣлится на цивилизованныхъ, менѣе цивилизованныхъ, полуцивилизованныхъ и совсѣмъ нецивилизованныхъ. Но христіанство даруетъ людямъ всѣхъ вѣковъ, всѣхъ состояній, всѣхъ степеней образованія *возможность* полнаго равенства. Истинный христіанинъ I вѣка стоитъ на равной нравственной высотѣ (и по обѣтованію Спасителя пріобщается равнаго спасенія и равнаго воздаянія), какъ и истинный христіанинъ XIX и сотаго и всѣхъ будущихъ вѣковъ; на равной же нравственной высотѣ могутъ стать «и рабъ и господь», и богатый и нищій, и кандидатъ университета и вовсе безграмотный. Ибо христіанство не «образуетъ», не цивилизуетъ, а *просвѣщаетъ,* подаетъ внутренній свѣтъ—равно удобопріемлемый *всѣмъ и всякому* безъ различія.

Понятна ли теперь разность между *цивилизаціею* и *нравственностью,*—разность въ существѣ, разность въ задачахъ? Понятно ли, что цивилизація сама по себѣ, внѣ нравственнаго идеала, не ею порожденнаго и отъ нея *независимаго,* безсильна дать общественному бытію ту нравственную основу, безъ которой немыслимо самое его существованіе? Представимъ себѣ только, что ни Откровенія, ни проповѣди *нецивилизованныхъ* рыбаковъ вовсе въ мірѣ и не было: какъ бы обошлась безъ этого послѣдняго историческаго факта цивилизаціи и какова бы была судьба міра? Пробовали ли задавать себѣ этотъ вопросъ наши слѣпые адепты цивилизаціи.

Впрочемъ, г. Нотовичъ, въ концѣ первой своей статьи (въ которой назвалъ цивилизацію «источникомъ свѣта и высшихъ идеаловъ»), возражаетъ намъ, что «и христіанство, будучи основано на величайшихъ принципахъ любви и равенства», произвело инквизицію съ пытками, истребительныя религіозныя войны и т. д., и что если, по мнѣнію г. Аксакова, это не умаляетъ просвѣтительнаго значенія христіанства, то и «цивилизація, *являющаяся только дальнѣйшимъ развитіемъ основныхъ идей божественнаго ученія*», не можетъ быть отвѣтственною за дѣянія коммунаровъ и анархистовъ... Важно здѣсь не возраженіе г. Нотовича, а слова его, поставленныя нами курсивомъ, о которомъ послѣ. Что касается до возраженія, то оно болѣе чѣмъ странно: инквизиція и пытки и пр. находятся въ прямомъ *противорѣчіи* съ сущностью христіанства. Завѣтъ Христа даетъ міру идеалъ опредѣленный, непреложный, положительный, никогда вполнѣ не достижимый, но лишь отчасти человѣчествомъ достигаемый и уже въ самомъ себѣ заключающій мѣрило всякаго отъ него уклоненія. Ни такой положительной сущности, ни такого опредѣленнаго незыблемаго идеала, ни такого мѣрила или критерія въ цивилизаціи не имѣется. Гдѣ-жъ *ея*, независимо отъ христіанства, нравственный, обязательный для совѣсти кодексъ, обличающій уклоненія и противорѣчія? И въ чьихъ же это понятіяхъ *цивилизація* и строгость или *цѣломудренность* нравовъ, напримѣръ, одно и то же, и во имя первой можно требовать послѣдней?! Не «цивилизація сама по себѣ *отвѣтственна*, а безумное возведеніе цивилизаціи» на степень верховнаго, самостоятельнаго руководящаго начала, *исключающаго* начало высшее и вѣчное, преподанное Вѣрой.

Но возвратимся къ курсивнымъ словамъ г. Нотовича. Современная цивилизація, говоритъ онъ, «является *только развитіемъ* основныхъ идей христіанства» (выше онъ называлъ ее *источникомъ!*). Чего же, повидимому, лучше? «является» или *должна* являться, это все равно. Но если онъ признаетъ «идеи божественнаго ученія» лежащими въ основаніи настоящей цивилизаціи, такъ о чемъ же онъ споритъ? почему же такъ ожесточенно нападаетъ на насъ? Вѣдь мы, какъ уже было сказано, и не утверждаемъ, что цивилизація сама по себѣ зло, а зло лишь именно въ томъ направленіи, которое

ей въ позднѣйшее время дается и при которомъ именно она и уклоняется отъ развитія «основныхъ идей божественнаго ученія»; зло въ томъ, что такъ-называемый «прогрессъ», «послѣднее слово науки» и «образованія» въ данную минуту отвергаютъ «*божественность* христіанскаго ученія», вслѣдствіе чего цивилизація (въ смыслѣ «развитія основныхъ христіанскихъ идей») впадаетъ съ собою въ противорѣчіе и порождаетъ явленія чудовищной дикости. Оставалось бы, кажется, г. Нотовичу только присоединиться къ намъ въ чувствѣ негодованія на такое искаженіе «основъ» цивилизаціи?.. А между тѣмъ наше выраженіе имъ цитуемое, что «новое и послѣднее слово есть старое слово Божественнаго Откровенія» приводитъ его чуть не въ ярость. Да вѣдь, если по толкованію самого г. Нотовича цивилизація только «*развиваетъ* основныя идеи *божественнаго* ученія», то вѣдь это и значитъ, что «послѣднее слово цивилизаціи» должно быть только полнотою развитія того именно, что̀ заключается въ старомъ словѣ Откровенія? Почему же г. Нотовичъ (именно по поводу цитованнаго нами выраженія и хотя мы ни о какой «положительной» религіи при томъ не упомянули) разразился длинной тирадой о томъ, что мы хотимъ «подчинить цивилизацію религіи», приходитъ въ неописанный ужасъ и обвиняетъ насъ въ «клерикализмѣ»? Мы собственно о «подчиненіи» ничего и не говорили, но г. Нотовичъ оказывается опять непослѣдователенъ: что̀ (по его же словамъ) подлежитъ развитію, то вѣдь и опредѣляетъ собою правильность дальнѣйшаго развитія—въ томъ смыслѣ, что послѣднее *должно* ему вполнѣ соотвѣтствовать; стало-быть составляетъ основу или *господствующее* начало! А гдѣ господство, тамъ и *подчиненіе*.

Выходитъ такъ, что по понятіямъ газеты «Новости»—иное дѣло *религія* и *Откровеніе*,—иное дѣло «основныя *идеи* божественнаго ученія»... Или «божественное» здѣсь поставлено для красоты слога, въ родѣ: «божественная красота», «божественная музыка»,—или же г. Нотовичъ паки себѣ противорѣчитъ: вѣдь «божественное ученіе», въ буквальномъ смыслѣ, ничего другаго не можетъ значить, какъ именно ученіе Откровенное, Божескаго происхожденія. Между тѣмъ слова: *религія* и *Откровеніе* оказываются въ статьяхъ г. Нотовича тождественными съ «клерикализмомъ», но какъ будто вовсе не тождественными

съ «основными идеями божественнаго ученія»! Единственный возможный выводъ изъ всей этой путаницы тотъ же, который давно подсказанъ и на Западѣ: *кое-какія* хорошія идеи христіанскаго ученія удостоены благоволенія и философовъ; мало того, признано даже, что онѣ *какъ-то* вошли въ міръ и легли въ основу цивилизаціи, но задача послѣдней, равно и науки, забыть *о происхожденіи* этихъ идей и вылущить изъ нихъ ихъ божественную сущность, отнять у нихъ сверхчеловѣческій авторитетъ и религіозный характеръ, однимъ словомъ—пообчистить отъ «предразсудковъ». Въ этомъ все и дѣло, это и есть le fin mot «современнаго прогресса»...

Но въ такомъ случаѣ, на чемъ же вы утвердите обязательность этихъ *идей* для человѣческой совѣсти? Вся ихъ сила въ томъ, что онѣ связаны въ сознаніи человѣческомъ съ самою тайною человѣческаго бытія, съ Началомъ началъ всего сущаго въ мірѣ, съ понятіемъ о вѣчности, о безсмертіи, о высшей сверхъестественной Правдѣ и Добрѣ, однимъ словомъ—съ нравственною отвѣтственностью человѣка предъ Творцомъ. Низводя ихъ на степень человѣческихъ *идей* или принциповъ, вы лишаете ихъ *непреложности*, признаете ихъ измѣняемость по измышленіямъ разума, отнимаете у нихъ ихъ *дѣйственную силу*. Если нѣтъ свыше-обязательнаго нравственнаго закона, то всякій личный разумъ самъ себѣ законъ и выраженіе: ni Dieu, ni maître (ни Бога, ни власти), самая проповѣдь анархіи, является вполнѣ логическимъ изъ такого положенія послѣдствіемъ, вопреки и «цивилизаціи», и «образованію». Или вы не видите, что если и теперь общество стоитъ цѣло, то общество, въ которомъ и сами отрицатели-теоретики благоденствуютъ, такъ только благодаря тѣмъ религіозно-нравственнымъ «предразсудкамъ», которые живутъ еще въ людяхъ. Философамъ съ пола-горя отрицать и громить Бога, вѣру и обязательность религіозно-нравственнаго закона, когда они преспокойно живутъ насчетъ послѣдней, пробавляются обращающимся въ обществѣ капиталомъ христіанской нравственности и увѣрены, что никто не будетъ примѣнять въ отношеніи къ нимъ ихъ собственную теорію отрицанія въ безпощадной последовательности! Да, къ счастію для человѣчества, эти «предразсудки» въ немъ неискоренимы, и живое *чувство* нравственной отвѣтственности предъ Богомъ и совѣстью еще не исто-

щилось, да и не можетъ вполнѣ истощиться до степени отвлеченной *идеи*.

Не та же ли тема, что «основныя идеи христіанскаго ученія», которыхъ «цивилизація есть только развитіе», должны быть понимаемы *внѣ* всякой связи съ ихъ религіознымъ происхожденіемъ и авторитетомъ,—звучитъ, между прочимъ, и въ фельетонѣ той же газеты, въ № 77? Въ этомъ фельетонѣ, озаглавленномъ «Народная школа во Франціи и религіозное образованіе», г. Модестовъ оговаривается сначала, что въ Россіи, разумѣется, даже и спору о религіозномъ преподаваніи въ школахъ не можетъ быть мѣста. Затѣмъ, пояснивъ, что «онъ не сочувствуетъ никакимъ крайностямъ», «что, конечно, Французскій законъ могъ бы явиться въ лучшемъ видѣ», еслибъ былъ составленъ безъ участія «политическихъ страстей и партійныхъ соображеній»,—«все-таки,—возглашаетъ онъ—нельзя не признать, что организація народнаго образованія во Франціи представляетъ собою *самую свѣтлую* сторону третьей республики и составляетъ *истинную гордость* великой страны, стремящейся идти *во главѣ образованнаго человѣчества*». Хороша эта свѣтлая сторона: *обязательное* обученіе народа—*атеизму*, систематическое вытравленіе въ странѣ религіозно-нравственной основы! Это ли можетъ составить гордость Франціи, это ли значитъ идти во главѣ образованнаго человѣчества?! *Атеистическое* направленіе народной школы—неужели это только такъ себѣ, слабая сторона закона, не затемняющая однако же свѣтлой? Если таково воззрѣніе г. Модестова, то позволительно отнестись скептически къ заключительнымъ словамъ фельетона о томъ, что первѣйшая задача нашего времени—*«всеобщее образованіе»*. Почти этими же словами заканчиваетъ и г. Нотовичъ свою вторую статью противъ «Руси»: «кто же въ наше время,—говоритъ онъ,—станетъ оспаривать *аксіому*, что главнымъ и ничѣмъ незамѣнимымъ средствомъ для поднятія экономическаго благосостоянія массъ и слѣдовательно для уничтоженія источника *всѣхъ соціальныхъ золъ*,—пауперизма,—«служитъ, именно, *народное образованіе*, цивилизація»!

Мы и сочувствовали и содѣйствовали на своемъ вѣку, по мѣрѣ силъ, народному образованію, завѣдывали не одною школою въ жизни,—но тѣмъ не менѣе слова гг. Нотовича и Мо-

дестова звучатъ для насъ диссонансомъ. Вѣдь отечество *паупе-ризма* именно—Англія, которая тоже числится «во главѣ ци-вилизаціи» и не можетъ быть обвинена, подобно Россіи, въ маломъ количествѣ школъ и слабомъ распространеніи образо-ванія? А между тѣмъ, въ Россіи, которой такъ достается отъ Русскихъ газетъ за пренебреженіе будто бы къ народному обра-зованію, въ ней-то пролетаріата почти и нѣтъ, и пауперизма весьма мало: у насъ пролетаріатъ и пауперизмъ преобладаютъ преимущественно—въ интеллигентномъ или *цивилизованномъ* классѣ! Считать *народное образованіе* «главнымъ источникомъ для уничтоженія *всѣхъ соціальныхъ золъ*» просто забавно! Не-достатокъ ли *образованія* причиною, что почти вся поземель-ная собственность въ Англіи въ рукахъ лордовъ и джентри? Онъ ли причиною того соціальнаго зла, которымъ удручена Ирландія? Потомъ, что̀ такое собственно народное *образованіе* (особенно независимое отъ «религіи», «подчиненія» которой такъ перепугался г. Нотовичъ)? Сами эти же господа, конечно, съ презрѣніемъ отзываются о *полуобразованности*. Но развѣ вы можете дать народу *полное*, высшее, академическое обра-зованіе? Конечно, нѣтъ. Вы даете ему не только полуобразо-ваніе, но четверть, или только самое *начальное* образованіе, другаго и не можете дать. Другаго не даетъ народная школа нигдѣ въ мірѣ. Стало-быть, особенно могущественнаго значенія *такой цивилизаціи* придавать еще нечего! Мужикъ не сдѣ-лается ни зажиточнѣе, ни добрѣе отъ того только, что будетъ знать, гдѣ городъ Парижъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ получитъ возмож-ность выйти въ писаря или читать Зола̀ въ Русскомъ переводѣ.

Грамотность (въ смыслѣ начальнаго образованія) въ наше время крестьянину необходима,—просто какъ шестое чувство, по мѣткому выраженію, кажется, редактора «Современныхъ Извѣстій», — хотя бы она и могла стать орудіемъ обоюдо-острымъ. Но она можетъ послужить и во благо, если ста-нетъ при томъ орудіемъ не только «образованія», но и *про-свѣщенія*, разумѣется въ смыслѣ религіозномъ. Въ томъ-то и дѣло, что, говоря о «народномъ образованіи» съ такимъ па-ѳосомъ, вы не можете однако же дать народу ничего кромѣ *полуобразованія* или только первоначальныхъ основъ обра-зованія,—а *нравственнымъ свѣтомъ* религіи и самый необра-зованный можетъ быть просвѣщенъ *вполнѣ*.

И опять мы придемъ къ тому, что *цивилизація* безъ христіанскаго религіознаго *просвѣщенія,* тѣмъ болѣе отрицающая таковое, — не способна сама по себѣ создать для человѣчества высшій, лучшій, нравственный строй бытія, а логически вѣнчается анархизмомъ и динамитомъ. Къ счастію, повторяемъ, для человѣчества, вытравить изъ міра христіанское Откровеніе уже невозможно, и оно продолжаетъ творить и дѣйствовать въ мірѣ, часто не узнаваемое и непризнаваемое, и часто даже чрезъ тѣхъ же теоретическихъ отрицателей, невѣдомо для нихъ самихъ!..

Нравственный христіанскій идеалъ самъ по себѣ не подлежитъ «развитію» и достиженіе его доступно каждому человѣку *лично*, въ мѣру силъ человѣческой грѣховной природы. Но иное дѣло — *общежитіе человѣческое.* Здѣсь есть полное мѣсто *развитію*, т. е. процессу постепеннаго видоизмѣненія самаго общественнаго строя *согласно съ требованіями христіанской истины,* — постепеннаго перерожденія формъ и условій нашей общественной жизни *подъ воздѣйствіемъ* началъ, данныхъ міру Божественнымъ Откровеніемъ. Это тотъ «квасъ», о которомъ говоритъ Евангеліе, тѣ дрожжи, на которыхъ заквашена, чрезъ Откровеніе, вся историческая судьба человѣчества. Здѣсь открывается и призваніе для всякой высшей, самой въ себѣ свободной дѣятельности человѣческаго духа — мысли, науки, искусства и такъ-называемой *цивилизаціи.* Это призваніе — *служить* постепенному, по возможности, воплощенію христіанскаго идеала въ самомъ общежитіи людскомъ, — во всѣхъ смыслахъ и отношеніяхъ. А возможно ли нравственное развитіе или совершенствованіе человѣческаго общества — при отрицаніи единой совершенной, безусловной, выше человѣка пребывающей, отъ него независимой, судящей міру, вѣчной и незыблемой Правды?

Мы молоды, еще очень молоды.

Москва, 1-го августа.

Да, нуженъ еще немалый запасъ терпѣнія, но онъ необходимо нуженъ, требуется и любовью, и благоразуміемъ, для того, чтобы выждать пока наше русское общество поотрезвится, посозрѣетъ, поокрѣпнетъ наконецъ мыслью и духомъ, станетъ смотрѣть на вещи прямо, *простыми* глазами, а не все сквозь «либеральныя», да «консервативныя» или же иныя, вздѣтыя имъ на себя очки. На такое заключеніе наводитъ насъ недавняя газетная полемика. Очевидно, что теперь, при настоящемъ состояніи общества, почти никакой серьезный споръ—ну хоть бы о реформахъ, объ учрежденіяхъ нашихъ—еще у насъ невозможенъ. Почти никому нѣтъ дѣла до самаго дѣла, до существа учрежденій, а все только до клички ихъ, до фасада: если фасадъ «либеральный» или учрежденіе таковымъ числится, то «чуръ его, чуръ», его уже и не тронь; и наоборотъ: скажутъ: «консервативное»,—такъ ужъ для многаго-множества оно является какъ бы заколдованнымъ. И что̀ диковинно: противники, перебрасываясь этими, словно магическими словами, въ которыхъ заключается для каждой стороны весь ея критеріумъ, даже и не входятъ въ точное опредѣленіе ихъ смысла. Казалось бы — какая нужда въ подобной терминологіи? Казалось бы — не о томъ должна быть забота: какъ кликать учрежденіе, «либеральнымъ» или «консервативнымъ», подходитъ ли оно подъ шаблонъ той или другой абстрактной теоріи, — а о томъ: отвѣчаетъ ли оно требованіямъ высшей справедливости? удовлетворяетъ ли насущнымъ нуждамъ страны? во благо ли народу или во вредъ? Вѣдь, пожалуй, очень «консервативно» не мѣнять на тѣлѣ кафтана, даромъ что человѣкъ изъ него уже выросъ и кафтанъ рвется и лопаетъ,—но кому же такой консерватизмъ на пользу? Оно, пожалуй и очень «либерально» — внушать дѣтямъ презрѣніе къ родительской власти — либерально, но скверно; а ужъ никто не явилъ міру зрѣлища болѣе нахальнаго глумленія надъ свободою человѣческой, болѣе возмутительной тиранніи надъ народными массами, какъ Французскій конвентъ или хоть нынѣш-

ній Французскій парламентъ, т. е. учрежденія, за которыми оффиціально и даже научно признается титулъ «либеральныхъ» и которыя, во имя либерализма, посягаютъ на самую совѣсть народа, дубьемъ вгоняютъ ему въ душу вмѣсто Евангелія—ученіе атеиста Поля Бера.

Но настанетъ же пора, и можетъ быть даже не въ слишкомъ далекомъ будущемъ, когда прекратится въ Русской интеллигенціи это «плѣнной мысли раздраженье», когда здравый смыслъ обрѣтетъ себѣ наконецъ свободу и право гражданства, и эмансипируется общество изъ-подъ власти «жалкихъ» и «хорошихъ словъ», суевѣрія доктринъ и теорій, фетишизма «послѣднихъ словъ науки» и всѣхъ этихъ побрякушекъ и погремушекъ чужой, всегда у насъ запоздалой моды, которыми оно еще и теперь подчасъ такъ кокетливо обвѣшивается и красуется,—точь-въ-точь, какъ Ачкоусъ или Папуасъ Полинезіи—стеклярусомъ и другими блестящими бездѣлками, добытыми отъ заѣзжаго Европейца. Само собою разумѣется, что при возможности подобнаго сравненія, хотя бы даже нѣсколько преувеличеннаго, рѣчь идетъ здѣсь не о какой либо порѣ зрѣлости, въ смыслѣ зрѣлости и даже незрѣлости Западно-Европейскихъ обществъ,—а просто еще о выходѣ изъ того періода дѣтства, въ которомъ, по правдѣ сказать, при всей сравнительной скорости нашего историческаго развитія, часть Русской интеллигенціи нѣсколько замоторѣла. Еще молочные зубы не всѣ у насъ выпали. Но слава Богу, начинаютъ выпадать, и на этомъ-то мы и основываемъ высказанныя нами розовыя надежды. Вѣдь давно ли, всего года три, миновала эпоха графа Лорисъ-Меликова съ «новыми вѣяніями»,—а кажется будто она уже потонула въ глубокой дали временъ, и общество въ эти три года выросло до неузнаваемости. Можетъ быть мы ошибаемся, но намъ сдается, что еслибъ даже не было ни малѣйшихъ стѣсненій со стороны цензуры, едва ли бы стали опять возможны въ наши дни рѣчи въ родѣ тѣхъ, что̀ произносились въ Новгородскомъ земствѣ, или разглагольствія, подобныя тѣмъ, что̀ печатались въ «Тверскомъ Вѣстникѣ». Едва ли бы даже, на полной волѣ, возобновили газеты теперь тотъ же ребячески-наивный лепетъ о «правовомъ порядкѣ», объ Европейскихъ либеральныхъ учрежденіяхъ, и т. п., какъ въ ту счастливую эпоху, когда люди тѣшились только

тѣмъ, что *обвѣвались,* и не мудрствуя лукаво ласкали себя перезвономъ либеральныхъ колокольцовъ. Теперь, по крайней мѣрѣ, стали уже нѣсколько совѣститься пустопорожности прежнихъ формулъ и допускать уже, въ видѣ уступки, «необходимость примѣненія къ *національнымъ* и *историческимъ* особенностямъ нашего отечества» и т. д. въ такомъ вкусѣ. И за то спасибо, и то уже шагъ впередъ! Въ ту пору—давно ли?!— выдвинулся было не то министръ, не то иной высокопоставленный администраторъ (теперь совсѣмъ стушевавшійся), который однажды своему подчиненному (нашему знакомому), отказывая въ какомъ-то ходатайствѣ, счелъ нужнымъ добавить: «вы не подумайте однакожъ, что я не *либералъ*»... Ну развѣ это не молочный зубъ? Еслибъ кто теперь вздумалъ сморозить такую фразу, она бы, вѣроятно, даже и сердце «Голоса» пронзила своею пошлостью, даже и онъ покраснѣлъ бы теперь до ушей, будь онъ живъ. Но этотъ молочный зубъ выпалъ. Правда, и по сей часъ еще встрѣчаются въ кое-какихъ газетахъ такія фразы: «мы, либеральная печать», «мы, прогрессисты», «интеллигенція»; но это лишь умирающіе отголоски, свидѣтельствующіе, что симъ «интеллигентамъ» еще не деретъ слухъ подобная банальность, или что у нихъ уже совсѣмъ загрубѣла та спасительная чуткость, та способность ироніи, которая такъ свойственна Русскому человѣку и благодаря которой въ Русскомъ обществѣ несравненно легче и скорѣе чѣмъ въ какомъ либо иномъ затаскивается и изнашивается, обращается въ общее мѣсто все, что̀ лишено серьезнаго внутренняго содержанія, что̀ легковѣсно, безкорненно и малоцѣнно по своему существу.

Но бѣдное Русское общество! Оно по-истинѣ требуетъ болѣе справедливаго и безпристрастнаго къ себѣ отношенія. Если взять во вниманіе историческія условія нашего развитія, то поневолѣ смолкаетъ рѣзкое слово осужденія, и выступаютъ во всей яркости добрыя и даже доблестныя заслуги русскаго общественнаго духа,—но вмѣстѣ съ тѣмъ съ такою же ясностью выступаетъ необходимость отрѣшиться отъ того самодовольства и самообольщенія, которымъ отличается нѣкоторая, и довольно значительная, часть нашей интеллигенціи, почитающая себя чуть ли уже не на вершинѣ зрѣлости. Эти историческія тяжкія условія лежатъ и въ позднемъ выступленіи нашемъ на

арену всемірнаго общечеловѣческаго движенія, и въ нашемъ зависимомъ отношеніи къ Европейскому просвѣщенію, и въ самомъ томъ способѣ, наконецъ, которымъ насаждалось у насъ просвѣщеніе, формировалось и сложилось само наше общество.

Что мы молоды, очень еще молоды и долго еще будемъ молоды—это внѣ вопроса, да въ этомъ нѣтъ ни бѣды, ни грѣха, ни даже недостатка, а напротивъ, при нѣкоторомъ порой неудобствѣ, въ этомъ своего рода наше преимущество предъ прочими Европейскими народами. Это обстоятельство необходимо сознать и признать для того, чтобъ не напускать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые наши «умѣренные либералы», на себя или на нашу интеллигенцію какую-то «собачью старость» и прививать къ Россіи искусственно, подъ видомъ прогресса, хворь чужой дряхлости. Мы молоды и какъ *народъ*, не смотря на тысячелѣтіе нашей государственной жизни (и въ этомъ слѣдуетъ, кажется, видѣть залогъ нашего долгоденствія), но еще болѣе молоды, даже очень еще юны, именно какъ *общество*, хотя, какъ мы уже сказали, зрѣемъ и развиваемся быстро, не по днямъ, а по часамъ (измѣряя время, конечно, историческимъ масштабомъ). Сами мы этого, понятно, даже и не замѣчаемъ, по крайней мѣрѣ не всегда, но для старой Европы оно непремѣнно ощутительно. Оно и привлекаетъ ее, и тревожитъ. «Вы не можете себѣ и представить», говорилъ намъ однажды Боденштедтъ, извѣстный талантливый передводчикъ Пушкина и другихъ Русскихъ поэтовъ, «какъ *свѣжо* (frisch) еще у васъ въ Россіи *слово* (разумѣется литературное) и ваше отношеніе къ нему, и какъ это обстоятельство бросается въ глаза, чувствуется нашимъ братомъ, западнымъ Европейцемъ». Оно и не мудрено. Вспомнимъ только, давно ли существуетъ наша литература, которою, конечно, во многихъ отношеніяхъ мы можемъ даже гордиться. Вѣдь еще семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, стало-быть въ началѣ *текущаго* столѣтія, признано было нужнымъ основать въ Москвѣ при Императорскомъ университетѣ «Общество Любителей Россійской Словесности», потому что въ ту пору таковые любители были еще всѣ на перечетъ и нуждались во взаимномъ ободреніи и поощреніи; потому что написать даже четверостишіе къ Клариссѣ или Лаисѣ было тогда еще *дѣломъ*, заслугою, и предсѣдатель Общества Мерзляковъ могъ еще говорить въ торжественной рѣчи «о Зе-

фирахъ и Фавнахъ, вьющихся на полѣ Россійской словесности!» Не смотря на цѣлый рядъ замѣчательнѣйшихъ писателей, явившихся въ это семидесятилѣтіе, опытный современный литераторъ по одной конструкціи Русской фразы съумѣетъ опредѣлить ея *возрастъ,* отличить рѣчь 20-хъ годовъ отъ рѣчи годовъ 30-хъ, и послѣднюю отъ рѣчи начавшей слагаться къ 40-мъ годамъ, когда строй ея сталъ зрѣлѣе и устойчивѣе, а послѣ 40-хъ годовъ съумѣетъ обозначать время уже не по конструкціи фразы, а по новымъ вторгающимся или пущеннымъ въ оборотъ выраженіямъ. Тотъ, чьи воспоминанія обнимаютъ весь этотъ 40-лѣтній періодъ, можетъ даже указать: откуда пошло гулять или кѣмъ впервые двинуто въ ходъ такое-то слово... Каждый изъ современныхъ стариковъ, приступая къ составленію своихъ записокъ и бросая ретроспективный взглядъ на пережитую имъ пору, конечно придетъ къ убѣжденію, что она не можетъ быть вѣрно понята и оцѣнена, если не имѣть въ виду, какъ выдающуюся черту, именно нашу *общественную* молодость, въ смыслѣ еще формаціи и сложенія. Не личную молодость разумѣемъ мы здѣсь. Если бы, напримѣръ, Гладстонъ вздумалъ написать свои воспоминанія за полвѣка, онъ, конечно, отвелъ бы надлежащее мѣсто молодости своей и своихъ сверстниковъ съ минуты ихъ вступленія въ общественную жизнь, но англійское общество къ этой порѣ уже было обществомъ зрѣлымъ, сложившимся (что̀ еще вовсе не означаетъ неподвижности и не исключаетъ дальнѣйшаго развитія). У насъ не то. Вспоминая *свои* молодые годы, мы вспоминаемъ еще вмѣстѣ съ тѣмъ даже не молодые, а какъ бы школьные, дѣтскіе или отроческіе годы самого Русскаго *общества.* Конечно, это относится къ отжитому уже времени, но, какъ мы замѣтили выше, періодъ дѣтства, даже періодъ молочныхъ зубовъ и хрящеватаго темени, не совсѣмъ еще миновалъ для насъ и теперь. Еще понятнѣе станетъ эта наша мысль по сравненію. Русскій образованный человѣкъ ощущаетъ себя старѣе, значительно старѣе, чуть даже не старикомъ, какъ скоро попадаетъ, напримѣръ, въ среду Балканскихъ Славянъ, Черногорцевъ, Герцеговинцевъ, Сербовъ,—даже въ самую среду «интеллигенціи». Тѣ еще моложе, хотя бы даже были учениками и даже послѣдователями Гёксли или Гартмана, потому что у нихъ нѣтъ ни нашего опыта многовѣковой государственной жизни, ни богатой

литературы; искусство вообще стоитъ еще на степени какъ бы лубочныхъ картинокъ, а самыя страны или массы народныя едва-едва только вылѣзаютъ изъ эпоса. Въ томъ-то и дѣло, что волею историческихъ судебъ (въ которой мы не виноваты, на которую и роптать нечего), законъ развитія у насъ со Славянами—иной чѣмъ у Западныхъ Европейцевъ. Западному Европейцу нужны чуть не Маоусаиловы лѣта, чтобъ досягнуть воспоминаніями до эпическаго періода. Этотъ періодъ преграждёнъ отъ современности длиннѣйшимъ рядомъ вѣковъ, обусловившимъ медленный, долгій процессъ цивилизаціи и культуры. Представьте же себѣ положеніе, когда эпическій періодъ сшибается вдругъ лобъ объ лобъ съ Европейской культурой XIX столѣтія (причемъ оба несомнѣнно нѣсколько сплющиваются). и когда ученикъ Гёксли, послѣдователь Дарвина и послѣднихъ словъ науки, въ самыхъ своихъ *личныхъ* воспоминаніяхъ находитъ ни болѣе ни менѣе какъ цѣлый міръ эпоса,—міръ властный, еще живой, съ которымъ сей дарвинистъ, позитивистъ, матеріалистъ, сынъ XIX вѣка, находится въ *непосредственной*, почти физіологической, кровной связи! Положеніе истинно трагическое, едва ли даже удобопостижимое для Западнаго Европейца! Вѣдь это ужъ настоящій salto mortale, это такой смѣлый *раккурсъ*, который мыслимъ развѣ лишь въ живописи, да еще при величайшемъ искусствѣ, но въ области умственнаго и психическаго развитія можетъ быть, повидимому, только разрушителенъ для народнаго организма. Крѣпкій, могущественный потребенъ организмъ для того, чтобъ, упразднивъ дѣло вѣковъ, все вдругъ, залпомъ воспринятое переварить въ свою кровь и плоть и вызвать затѣмъ въ себѣ силу самостоятельнаго новаго творчества!

Что̀ будетъ со Славянами Балканскаго полуострова, мы не знаемъ, но таковымъ крѣпкимъ, могущественнымъ народнымъ организмомъ несомнѣнно обладаетъ Россія. Это убѣжденіе утѣшительно, исполняетъ насъ надежды и вѣры, но необходимо, однакожъ, помнить и соображать—какая работа задана нашему народному организму,—помнить и соображать хоть бы для того, чтобъ не смущаться иными явленіями, умѣть безпристрастно цѣнить наше прошлое и настоящее. Карикатурнымъ, пожалуй, покажется читателямъ такое приравненіе къ настоящему состоянію нашей интеллигенціи—Сербскаго противоестественнаго

сочетанія, въ одномъ интеллигентномъ индивидуумѣ, эпической и героической эпохи съ современною культурною, да еще нанутонченною... Но вѣдь только карикатурнымъ, т. е. преувеличеннымъ, «шаржированнымъ», однако все же довольно близкимъ, а ужъ про нашъ XVIII вѣкъ и говорить нечего. Развѣ не то же почти самое представляютъ намъ блестящіе вельможи двора Екатерины, наши Разумовскіе, которыхъ эпопея воспріяла такой печальный, но вполнѣ достойный конецъ (см. превосходный трудъ А. А. Васильчикова), наши потомъ, уже позднѣе, Бруты, Лафаеты, Фабриціи — на почвѣ и въ оправѣ самаго беззастѣнчиваго крѣпостнаго душевладѣльчества? Да наконецъ, и теперь, въ позднѣйшіе дни, развѣ наши «радикалы» — *сопоставленные* съ Русскимъ народомъ и съ историческимъ фономъ Русской земли, многимъ чѣмъ разнятся отъ гегельянцевъ, дарвинистовъ, гекслистовъ Балканскихъ ущелій, береговъ Савы и Дравы?

Крѣпокъ нашъ организмъ,—но еще много, много тяжкаго труда ему предстоитъ для того, чтобы отправленія его стали, наконецъ, свободны и правильны. Намъ помогаетъ необыкновенная воспріимчивость и талантливость Русской натуры, полнѣйшая обезпеченность нашего внѣшняго политическаго положенія, инстинктивное чувство своей національной мощи, непосредственное сознаніе себя великимъ міровымъ народомъ, наконецъ самый нашъ внѣшній просторъ, оказывающій несомнѣнное воздѣйствіе и на духовную нашу природу, чуждую мелочности и узкости. Но этотъ же нашъ просторъ и объемъ, эта «дистанція огромнаго размѣра» и въ физическомъ, и въ нравственномъ смыслѣ, этотъ самый громадный объемъ Русскаго народнаго организма полагаютъ нашему развитію и преграды соотвѣтственнаго же масштаба! Великій Петръ, разбитый подъ Нарвой, чрезъ нѣсколько дней, своимъ новорожденнымъ такъсказать войскомъ, только-что сформированнымъ согласно съ требованіями современнаго Европейскаго искусства, разбиваетъ подъ Полтавой перваго полководца и лучшую Европейскую армію своей эпохи, и пьетъ за здоровье своихъ учителей, имъ побитыхъ и превзойденныхъ. Это можетъ и должно, конечно, служить образцомъ и для прочихъ отраслей нашего воспитанія и развитія, но намъ, однако, и до сихъ поръ еще не пришлось пить, по-Петровски, за здоровье нашихъ учителей на иныхъ

крупныхъ поприщахъ, кромѣ военнаго. Это объясняется болѣе всего тѣмъ, что главнымъ матеріаломъ въ военномъ дѣлѣ служитъ простой народъ, вполнѣ дисциплинированный тысячелѣтнею тяжкою историческою школою, и что доблестныя свойства національнаго духа могли найти тутъ себѣ довольно свободное выраженіе. По совсѣмъ иначе происходило дѣло тамъ, гдѣ матеріаломъ служилъ классъ, такъ-называемый интеллигентный, гдѣ приходилось пускать въ ходъ орудія мысли и знанія, дѣйствіе умственное. Какъ ни шибки были наши успѣхи сравнительно съ долгимъ, длиннымъ процессомъ Европейскаго развитія, но здѣсь, оказывается, мы все еще не выкарабкались вполнѣ даже изъ школьниковъ-учениковъ. Правда, въ области поэзіи и вообще искусства, Русскій геній, въ лицѣ Пушкина и иныхъ великихъ нашихъ поэтовъ, романистовъ и художниковъ, съумѣлъ вознестись до самобытной красоты творчества и своими откровеніями безспорно ускорилъ процессъ нашего развитія и самосознанія. Имъ мы и обязаны *относительною* быстротой нашего роста, но не могло же дѣйствіе ихъ *пронять* сразу весь нашъ общественный или интеллигентный матеріалъ. Во-первыхъ, истинно *передовые* люди потому и передовые, что озаряютъ путь далеко впередъ, а не назадъ и даже не окрестъ; во-вторыхъ, какъ бы ни былъ высоко одаренъ и просвѣщенъ, въ своей странѣ, отдѣльный человѣкъ, какъ бы ни превознесся, повидимому, надъ уровнемъ своего общества,—онъ, какъ бы по нѣкоторому закону тяготѣнія, все-таки не можетъ постоянно носиться *надъ* нимъ, все-таки не можетъ вполнѣ отрѣшиться отъ воздѣйствія на себя закона времени и мѣста. Это воздѣйствіе можетъ сказываться и хорошими, и слабыми своими сторонами. Хорошую сторону мы видимъ именно въ той мужественной молодости, которою и иностранцы любуются въ нашихъ писателяхъ и даже немногихъ мыслителяхъ,—въ томъ вѣчномъ устремленіи взора въ будущее, въ томъ духѣ пророчества, въ той вѣрѣ въ Россію, что̀ все отражаетъ въ себѣ, вольно и невольно, Русская поэзія и даже Русская мысль (см. ниже статью: «Наука и поэзія»). О худой сторонѣ и говорить нечего: она сокращала и сдерживала порою полетъ Русскаго генія, который нерѣдко и изнемогалъ въ борьбѣ съ нею. Во всякомъ случаѣ геніальные люди сами по себѣ, а ростъ цѣлаго общества

самъ по себѣ. Пушкинъ—наша гордость и слава —произнесъ въ свое время рѣзкій приговоръ Русскому обществу, выразившись, что отъ просвѣщенія намъ осталось только *жеманство,* и

Что Русскій умъ и Русскій духъ
Зады твердитъ и лжетъ за двухъ!

Приговоръ строгій, но мѣткій, не утратившій свою силу и до сихъ поръ. Большая часть нашей интеллигенціи и доселѣ твердитъ, какъ и подобаетъ ученикамъ-школьникамъ, только *зады* Европейской мысли и знанія, подъ видомъ «послѣднихъ словъ науки», давно на своей родинѣ переставшихъ быть послѣдними. Такое повтореніе задовъ, такое вѣчное нахожденіе *позади* — конечно участь печальная; съ нею можно еще мириться какъ съ современною горькою необходимостью, но у насъ имѣются люди, даже цѣлый разрядъ интеллигенціи, который нашелъ возможнымъ именно ею-то и хвалиться, который никакой другой будущности для Россіи и не желаетъ, только въ *задахъ* и видитъ для нея спасеніе, неистовствуетъ противъ малѣйшаго посягательства Русскаго духа на «самобытность». Многіе университетскіе профессора поставили себѣ, кажется, спеціальною задачею—лишить Русскихъ авторовъ всякаго права на оригинальность (г. Веселовскій) и пользуются моднымъ теперь «сравнительнымъ методомъ» не для того, чтобъ съ его помощью выяснить точнѣе отличіе Русскаго народнаго творчества, Русской исторіи, Русскаго быта отъ творчества, исторіи и быта другихъ народовъ, а для того, чтобъ доказать въ Русскомъ народѣ отсутствіе всякихъ самостоятельныхъ особенностей и осудить его только на заимствованіе и подражаніе, только на повтореніе чужихъ задовъ, даже (и преимущественно) въ области внутренняго политическаго развитія... Съ такимъ направленіемъ и сама Русская наука долго еще твердить зады не перестанетъ!

«Лжетъ за двухъ»—говоритъ Пушкинъ. Именно такъ, и именно за двухъ. Когда Русскій интеллигентъ повторяетъ зады чужой мысли и жизни, то, сохраняя по отношенію къ Европѣ смиреніе рабскаго ученика, онъ для Русскаго общества становится учителемъ и проповѣдникомъ назойливымъ, грознымъ, лжетъ и за себя, лжетъ и за Европу. За себя—въ томъ смыслѣ, что усвоиваетъ себѣ или своему Русскому обществу чужое убѣжденіе, чужое мѣрило, продуктъ чужой исторіи, чужихъ нравовъ; за Европу — потому, что ученую ея

гипотезу выдаетъ уже за научную аксіому, случайное, преходящее мнѣніе или явленіе на Западѣ возводитъ въ крайнее слово знанія или жизни, обобщаетъ частные факты, искажаетъ смыслъ возникающихъ тамъ задачъ, и вопросы еще не рѣшенные тамъ—сразу рѣшаетъ, во имя «Европейскаго прогресса», для своего отечества! Въ результатѣ—дѣйствительно сугубая ложь,—тѣмъ болѣе грубая и злая, что она у насъ изъ области слова способна нерѣдко переходить и въ практику—съ быстротою необычайною. Эта быстрота объясняется именно тѣмъ, что всякая новая, перенесенная такимъ образомъ къ намъ мысль имѣетъ дѣло и въ жизни большею частью не съ самостоятельно-воспитанными, зрѣлыми умами,—а съ учениками-школьниками, съ общественною средою, болѣе или менѣе отчужденною отъ своей народности и исторіи, не представляющею никакихъ серьезныхъ преградъ для нашествія абстрактныхъ, совсѣмъ не свойственныхъ русской жизни и даже прямо враждебныхъ ея духу идей и затѣй, а иногда и реформъ... Отъ этого (впрочемъ, и отъ нѣкоторыхъ другихъ причинъ, о которыхъ скажемъ ниже) торжество, господство этихъ пришлыхъ идей принимаетъ у насъ совершенно особый, нигдѣ не виданный характеръ *повальности*, характеръ повѣтрія, разомъ охватывающаго массы умовъ, какъ-то стадообразно,—причемъ индивидуальная самостоятельность убѣжденія совершенно стушевывается.

Возьмемъ такъ-называемый «духъ времени», предъ которымъ большинство нашей интеллигенціи такъ безусловно благоговѣетъ. Духъ времени тамъ, у себя на родинѣ, въ Западной Европѣ, какъ и всякій духъ, возникаетъ и проявляется свободно,—не предъявляя никакого ярлыка съ надписью, не рекомендуясь: «честь имѣю представиться, я—духъ времени». Онъ опознается таковымъ уже впослѣдствіи, по результатамъ,—начинаетъ обыкновенно вѣяніемъ едва замѣтнымъ, проникающимъ въ душу сначала немногихъ, потомъ нѣсколько большаго числа и т. д.; его проявленіе, его дѣйствіе бываетъ большею частью очень медленно, хотя и прочно. Да и не всякое вѣяніе есть уже непремѣнно «духъ времени». У насъ на этотъ счетъ не строги. Намъ «духъ времени» доставляется съ Запада при самомъ первомъ дуновеніи вмѣстѣ съ самыми модными товарными новинками, какъ бы какой закупоренный въ

стклянкѣ Ès-bouquet, однимъ словомъ, какъ *духи*. Не успѣешь оглянуться, какъ сотни тысячи субъектовъ, да вдругъ, разомъ, успѣли этимъ «духомъ времени» надушиться, тогда какъ на Западѣ имъ обвѣяны только еще *нѣсколько* избранныхъ. Но вѣдь на Западѣ ему, бѣдному, приходится считаться съ исторіей, съ установившимся общественнымъ бытомъ, правами, а вѣдь у насъ и для насъ это все «пустяки-съ», «предразсудки», трынъ-трава! Во Франціи, напримѣръ, появилась Жоржъ-Сандъ, произвела, какъ и понятно, сильное впечатлѣніе: возбудился «женскій вопросъ», имѣющій тамъ полное raison d'être—въ виду законовъ о женскихъ имущественныхъ и семейныхъ правахъ, ея общественнаго мѣстнаго положенія и т. д. У насъ, ни съ того, ни съ сего, мигомъ появились полчища жоржъ-зандистокъ. Мы знавали многихъ, которые, отправляясь изъ Россіи въ Парижъ, на родину «женскаго вопроса», думали, что Парижъ кишитъ жоржъ-зандистками, да такъ и возвратилисьне встрѣтивъ ни одной ни въ Парижѣ, да и нигдѣ въ Европѣ! Во Франціи, стоящей, какъ извѣстно, «во главѣ цивилизаціи» и т. д. вопросъ даже о гражданской (не о политической) полноправности женщинъ до сихъ поръ не рѣшенъ,—но все это и до сихъ поръ не вразумляетъ нашихъ взрослыхъ дѣтей!.. Очень бы затруднился тотъ, кто вздумалъ бы серьезно составлять исторію «женскаго вопроса» въ Россіи, потому что, по правдѣ говоря, у него и исторіи никакой нѣтъ, а онъ свалился къ намъ прямо готовый, какъ съ неба,—но о немъ мы когда нибудь поговоримъ особо—мы хотѣли только указать на «повальность» господства идей, какъ на характерную черту нашего общественнаго развитія.

Эта черта объясняется, впрочемъ, и нѣкоторыми историческими условіями.

Наше настоящее общество вѣдь все—Петровской формаціи. Вся наша «интеллигенція» выгнана хоть и изъ Русской народной почвы, но сдобренной и постоянно сдабриваемой, на казенныя же деньги выписываемымъ, наземомъ,—въ казенныхъ парникахъ, казенными садовниками. Вся она предназначалась для казенной надобности. Просвѣщеніе, прогрессъ стали у насъ, къ началу XVIII вѣка, исторической государственною необходимостью. Это прежде всего поняла у насъ казна, которая хоть и сама въ то время смыслила въ про-

свѣщенія немного, воодушевилась, однако, самою искреннею къ нему ревностью и именно къ «высшему», потому что въ высшемъ-то наиболѣе и ощущала потребность. Вотъ и стала казна, не жалѣя ни денегъ, ни поощреній, искусственно и насильственно, насаждать у насъ просвѣщеніе «высшее», сразу, помимо средняго и элементарнаго (о чемъ серьезно вспомнили уже гораздо позднѣе). Казна взяла въ свое вѣдѣніе науку, подстегивала прогрессъ и дѣйствительно устроила, наконецъ, въ обществѣ такой складъ жизни, что все юношество, какъ бы исполняя нѣкій обрядъ, потянулось къ «высшему» (по преимуществу университетскому) образованію, хотя и подготовлялось къ нему—учась, по выраженію Пушкина, «понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь». Такимъ образомъ, въ длинномъ преемственномъ рядѣ поколѣній, воспиталось и пріобщилось Русское общество «высшаго» просвѣщенія—въ казенныхъ заведеніяхъ, почти даромъ, т. е. на казенный счетъ, по преемственно мѣнявшемуся чуть не для каждаго поколѣнія шаблону (чѣмъ въ значительной степени и объясняется однородность и повальность воспринимаемаго направленія). Мало того: каждый интеллигентный смертный прошелъ хоть сколько-нибудь по табели о рангахъ, перебывалъ въ какомъ-либо чинѣ (а ужъ «губернскаго секретаря» никто, конечно, не миновалъ), каждый состоялъ на службѣ, на казенномъ жалованьи, былъ гдѣ-нибудь да приписанъ, гдѣ-нибудь числился. На лонѣ у казны раздался первый лепетъ нашей интеллигенціи, и первые зубы ея вырѣзались; на лонѣ у казны она и подростала, и развивалась, выучилась и усердствовать, и вольнодумничать, и либеральничать... Всему учила казна, что̀ только выдавалось ей за высшій прогрессъ. Это истинная матерь нашей жестокосердой и неблагодарной интеллигенціи. Одно высокопоставленное лицо проектировало даже проектъ о раздачѣ орденовъ «за независимость мнѣній»...

Ничего подобнаго никогда не было ни въ одной странѣ,—развѣ только теперь въ Японіи. Само собою, органически, вольно, хотя и не безъ содѣйствія государства, насаждалось просвѣщеніе на Западѣ,—и не скачкомъ прямо въ «высшее», напротивъ строгая подготовка служила послѣднему существеннымъ основаніемъ. Это форсированное, оранжерейное или парниковое возращеніе «высшаго» просвѣщенія досталось въ удѣлъ

только нашему отечеству. Что же и вышло въ результатѣ? Во-первыхъ неудержимое, даже и теперь, стремленіе общества къ пріобрѣтенію «высшаго» образованія—съ явнымъ пренебреженіемъ и даже отвращеніемъ къ *серьезному среднему* образованію,—каковое отвращеніе получило у насъ даже заманчивую либеральную окраску! Далѣе: стремленіе къ полученію образованія дароваго, т. е. на казенный счетъ и соединеннаго съ значительными привилегіями. И опять странность: такому именно стремленію и покровительствуютъ наши «либералы» или «западники», даже въ противность тому, что въ «либеральныхъ» государствахъ Европы ничего подобнаго не существуетъ.

Но довольно... Такъ вотъ каковы внутренніе составные элементы нашего общества, вотъ при какихъ тяжкихъ противоестественныхъ условіяхъ насаждалось у насъ просвѣщеніе, слагалась и воспитывалась наша интеллигенція! Но процессъ этого сложенія, равно какъ и формаціи самого Русскаго общества, еще не оконченъ, какъ не совсѣмъ еще миновалъ и періодъ нашихъ школьныхъ годовъ. Можно ли, послѣ того, дивиться нашей невзрачной современности, или же ставить въ вину нашей интеллигенціи: зачѣмъ она именно такая, а не иная? Тутъ нѣтъ ничьей личной вины, а потому и необходимо, одновременно съ строгой оцѣнкой, относиться къ нашей интеллигенціи съ возможно-терпѣливымъ снисхожденіемъ, возлагая надежды на спасительную работу времени. Прежде же всего необходимо, какъ говорится, «возвести фактъ въ сознаніе», дабы поубавить въ насъ самонадѣянности и чванства, и не утруждать новыми непомѣрными задачами національнаго организма. Кромѣ выпавшей на его долю по-истинѣ чудовищно-трудной работы: сократить до минимума органическій медленный процессъ общественнаго развитія страны такого громаднаго объема и населенія какъ наша, ему предстоитъ еще оправиться отъ тѣхъ героическихъ способовъ лѣченія, которые (и конечно не совсѣмъ безъ успѣха) были примѣнены Преобразователемъ Россіи къ искорененію заматорѣлаго недуга невѣжества и восточной косности. Ему предстоитъ еще, духовно-химическимъ такъ-сказать процессомъ, парализовать или поглотить воспринятые имъ яды, претворить противоестественное въ естественное, насильственное въ свободное и явить наконецъ здоровое творчество національнаго духа. Въ виду же современнаго нашего состоянія, въ виду того господства

разныхъ абстрактныхъ доктринъ, которое еще недавно такъ ширилось не только въ нашемъ обществѣ, но и въ администраціи, въ виду *парниковыхъ* или оранжерейныхъ свойствъ ума и знанія въ нашей интеллигенціи (какъ вольной, частной, такъ и участвующей въ управленіи государствомъ), нельзя не благодарить судьбу за то, что никакіе до сихъ поръ эксперименты не исказили внутренняго духовнаго существа нашего простаго народа. Какъ мы его ни кувыркали, онъ какъ *ванька-встанька* вставалъ снова и удерживалъ свое прежнее положеніе. Страшно и подумать, что̀ было бы съ Россіей, еслибъ какой благодѣтель поступилъ съ нею такъ же, какъ поступили мы съ несчастными Болгарами, братоубійственно надѣливъ ихъ Европейскою конституціей и парламентомъ!..

Наша теперь главная бѣда именно въ парниковыхъ и оранжерейныхъ свойствахъ Русской интеллигенціи. Вотъ на что̀ слѣдовало бы обратить особое вниманіе, ибо при таковыхъ свойствахъ самое благонамѣренное правительство лишено надлежащихъ орудій дѣйствія. И великъ Русскій Богъ! Благодаря нѣкоторой свободѣ печати, давшей возможность высказаться нашему «либерализму», онъ въ значительной степени испарился, опошлѣлъ, обличился въ своей пустопорожности и непригодности. Но важнѣе и утѣшительнѣе то, что въ подростающемъ поколѣніи замѣчается уже отвращеніе отъ громкихъ, безсодержательныхъ фразъ, отъ безплоднаго политиканства, отъ голыхъ формулъ и праздныхъ фикцій; замѣчается даже стремленіе, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, кто имѣетъ къ тому возможность, удалиться въ уѣздъ, въ деревню,—не съ тѣмъ чтобъ проповѣдывать тамъ нѣчто во вкусѣ г. Артемія Введенскаго или разыгрывать роль героевъ г. Эртеля и другихъ «народниковъ-беллетристовъ» (какое уродливое сочетаніе словъ!), а съ тѣмъ, чтобъ посвятить себя сельскому хозяйству и скромной мѣстной дѣятельности, по земству ли или по мировому суду, *въ уѣздѣ*. Въ виду той пассивной *повальности*, о которой мы говорили выше, желательно было бы содѣйствовать воспитанію въ Русскомъ обществѣ *личнаго дѣятельнаго начала*, личнаго почина, и не пренебрегать поэтому тою формою личной дѣятельности, которую сама исторія уготовила намъ въ *личномъ землевладѣніи*, а всячески поощрять и развивать ее. Сопоставленіе нашей *парниковой* интеллигенціи ли-

цомъ къ лицу съ жизнью самой земли, привлеченіе образованныхъ личныхъ землевладѣльцевъ къ пребыванію въ деревнѣ, это сожительство образованныхъ людей съ селомъ, съ народомъ—не замедлитъ оплодотворить и интеллигенцію и самый народъ новою живительною силою. Въ селѣ, а не въ городѣ наше спасеніе,—и отъ правильнаго развитія жизни и дѣятельности въ уѣздѣ зависитъ благоуспѣяніе нашего государства несравненно болѣе, чѣмъ отъ всевозможныхъ министерствъ и внѣшнихъ государственныхъ учрежденій—если жизнь уѣздная совсѣмъ оскудѣетъ.

Повернула ли Россія отъ фразы къ дѣлу?

Москва, 15-го декабря.

«Въ наше время поворота отъ фразы къ *дѣлу*»... такъ недавно гласило, безчисленно повторяясь, объявленіе о переходѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» въ руки новой редакціи... Пріятно для слуха, но не новая ли это, увы! въ свою очередь фраза? Точно ли поворачиваемъ мы отъ фразы къ дѣлу, а не къ бездѣйствію или дѣловому бездѣлью? Гдѣ это «дѣло»— общее, совокупное, хотя бы многообразное и развѣтвленное, надъ которымъ бы работали одновременно, хотя бы каждая въ своей сферѣ и соотвѣтственнымъ ей способомъ, всѣ силы правительственныя и общественныя,—которое бы одушевляло, объединяло въ трудѣ, участіи и сочувствіи и власть, и страну? Его нѣтъ, и мы его не усматриваемъ даже въ туманѣ. Канцеляріи разныхъ вѣдомствъ, между которыми, вѣдѣнія ради, распредѣлены порознь и механически функціи нашего государственнаго организма, конечно не предаются праздности: онѣ размѣренно и аккуратно усердствуютъ, муштруя и трепля этотъ организмъ въ подлежащемъ порядкѣ... Но кто же когда-либо эту механическую дѣятельность канцелярской машины возводилъ на степень живаго дѣла и верченіе ея колесъ почиталъ за самостоятельный признакъ жизни самого организма? Да и когда же эта дѣятельность прекращалась? Канцеляріи на то и канцеляріи, чтобы даже изъ воздуха вить веревки,— но многаго ли стоютъ, на что годятся такія веревки?.. Из-

вѣстно, что канцеляріи способны проявлять и развивать усиленную дѣятельность и при совершенномъ бездѣйствіи, даже при оцѣпенѣніи ввѣреннаго имъ живаго матеріала, пожалуй еще съ большимъ удобствомъ и удовольствіемъ. Не такое, безъ сомнѣнія, канцелярское труженическое бездѣлье разумѣлъ и г. Авсѣенко подъ словомъ «дѣло», но жаль, что онъ не сдѣлалъ подобающей оговорки: она не излишняя для Петербурга. Въ Петербургѣ—кто же этого не знаетъ?—очень и очень наклонны «движеніе» бумагъ въ канцеляріяхъ признавать за движеніе самой жизни, а инымъ начальникамъ навѣрное и не вдомёкъ: почему это въ обществѣ жалуются на «застой», когда за ними не стоитъ ни одна бумага, каждая въ тотъ же день получаетъ «установленный *ходъ*», каждый № очищается къ вечеру! Какъ очищается—это другой вопросъ, да и ходъ бываетъ не всегда впередъ, а подчасъ попятный,—но тоже вѣдь «ходъ»! Едва ли нашъ «поворотъ отъ фразы къ дѣлу» будетъ успѣшенъ, если не совершится поворота и отъ канцелярской фразеологіи къ дѣланію живому и плодотворному. Въ доказательство сошлемся на тѣ же «С.-Петербургскія Вѣдомости», которыя въ очень интересной статьѣ подробно разсказываютъ, какъ еще *въ 1867 г.* генералъ-губернаторъ Юго-Западнаго края Безакъ возбудилъ государственный вопросъ первостепенной важности—объ упраздненіи вотчинныхъ правъ владѣльцевъ 8 городовъ и 322 мѣстечекъ въ Подольской и Волынской губерніи,—которые города и мѣстечки принадлежатъ почти исключительно Полякамъ, а иные, по крайней мѣрѣ фактически, даже Евреямъ-капиталистамъ (напр. Старо-Константиновъ—купцу Эпштейну); какъ наконецъ генералъ Безакъ добился разрѣшенія образовать коммиссію для обсужденія этого жизненнаго для края вопроса; какъ потомъ эта коммиссія выработала и представила въ концѣ 1869 г. цѣлый законодательный проектъ выкупа вотчинныхъ правъ генералъ-губернатору кн. Дондукову-Корсакову, который, вслѣдъ за симъ, съ своимъ одобреніемъ внесъ его въ министерство внутреннихъ дѣлъ (конечно при входящей бумагѣ за №, которая, конечно, въ свое время была доложена и «очищена»), и какъ это великое государственное *дѣло* вотъ уже *четырнадцать лѣтъ* остается безъ разрѣшенія... Года два тому назадъ, ничего не зная о трудахъ вышеупомянутой коммиссіи, наша газета под-

няла вновь вопросъ объ этихъ городахъ, указывая на опасность подобнаго частнаго владѣнія въ Польскихъ и Еврейскихъ рукахъ въ Русскихъ пограничныхъ губерніяхъ,—въ министерствѣ, какъ мы слышали, зашевелились, обмѣнялись нѣсколькими «входящими» и «исходящими», и затѣмъ все снова заглохло... Тѣмъ же генераломъ Безакомъ и тогда же былъ возбужденъ вопросъ о пропинаціонномъ правѣ, т. е. объ исключительномъ правѣ владѣльцевъ Западнаго края на продажу питій въ принадлежащихъ имъ городскихъ поселеніяхъ: вопросъ этотъ остается неразрѣшеннымъ и понынѣ! Укажемъ кстати и на вопросъ о землевладѣніи вообще въ Юго-Западныхъ губерніяхъ, по которому составлена, какъ намъ извѣстно, превосходная записка по распоряженію генералъ-губернатора Дрентельна, и который, сколько мы знаемъ, тоже залегъ въ Петербургскихъ канцеляріяхъ словно камень, поверхъ котораго тихо, а порою и рѣзво, струится «теченіе» бумагъ, безсильное сдвинуть этотъ камень съ мѣста... И сколько такихъ камней! Ими усѣяно дно канцелярскихъ ручьевъ, и мохомъ уже поросли нѣкоторые... А Сѣверо-Западный край—кто и что̀, какая «фраза» мѣшала тутъ дѣлу? Несчастный край, вотъ уже пятнадцать лѣтъ сряду тщетно ожидающій умнаго, въ Русскомъ національномъ смыслѣ управленія, край словно преданный вновь свободному ополяченію, словно совсѣмъ выскочившій изъ короткой памяти Петербурга, гдѣ повидимому совсѣмъ и забыли о Польскомъ возстаніи 1863 года и о томъ, что Польскій вопросъ для Россіи рѣшается собственно не въ Варшавѣ, а въ Вильнѣ, и что наконецъ Вильна—не Тула, и не Калуга, а потому требуетъ особенныхъ заботъ внутренней Русской народной политики... Но вѣдь не къ канцелярскому же механизму могутъ быть предъявляемы притязанія на какую-либо политику!.. И куда бы, въ какой уголъ Россіи ни забросила васъ случайно судьба, вездѣ поразятъ васъ вопіющія нужды, животрепещущіе вопросы, хотя и мѣстные по наружности, но несомнѣнно общаго государственнаго значенія,—и окажется, что и прежде насъ уже поражались ими сотни заѣзжихъ наблюдателей и ревизоровъ; что всѣ эти нужды и вопросы были въ свое время даже тщательно изучены и обслѣдованы, что по всѣмъ этимъ нуждамъ и вопросамъ представлены въ свое время по начальству рапорты, донесенія, записки, ста-

рательно выработанные проекты, которые всѣ, достигая Петербурга, исчезали въ какомъ-то, точно заколдованномъ, глухонѣмомъ пространствѣ, откуда ни отвѣта, ни отзвука. И понятно: ихъ не способны даже и ухватить,—способны лишь искромсать и исковеркать зубцы и колеса канцелярской машины... Но гдѣ же она, гдѣ эта желанная, вожделѣнная, Русская творческая внутренняя политика, которая бы направляла механизмъ, вдохновляла правителей, живила и двигала весь нашъ государственный строй? Какъ страстно хотѣлось бы ощутить ея дуновеніе, заглянуть ей въ лицо! Какъ тоскуетъ по ней Русское сердце! Можетъ быть она и существуетъ, несомнѣнно даже существуетъ, но лишь почему-то не находитъ нужнымъ проявлять теперь себя намъ, простымъ смертнымъ... Такъ ли это или не такъ, но Русскимъ людямъ отъ того не легче.

При такихъ условіяхъ трудно подмѣтить «поворотъ отъ фразы къ дѣлу», если только почтенный авторъ этого выраженія разумѣетъ подъ дѣломъ дѣланіе серьезное, государственнаго характера. Трудно потому, что такое, если не отсутствіе самой внутренней политики, то по крайней мѣрѣ несомнѣнное отсутствіе ея ощутимаго и видимаго присутствія, мало располагаетъ въ настоящее время къ работѣ, даже напримѣръ, дѣятелей мѣстныхъ, въ той даже тѣсной области, которая, казалось бы, имъ уже вполнѣ доступна. Вышеприведенные примѣры, и вообще отзывы лицъ вполнѣ компетентныхъ, свидѣтельствуютъ, что лѣтъ 15, 10 тому назадъ и даже еще короче—эта дѣятельность, сравнительно, была довольно оживлена, но совершенная ея безрезультатность въ высшихъ сферахъ администраціи обезнадежила даже самыхъ ретивыхъ. Всюду и вездѣ по Россіи услышишь унылый откликъ: «писано», «представлено», «ничего не вышло»! Могутъ возразить, что эти отклики точно такъ же относятся къ прежнему времени, какъ и къ настоящему, и еще болѣе къ первому, чѣмъ къ послѣднему... Возраженіе вѣрно, но нельзя не вспомнить, что между обѣими эпохами, прошлой и нынѣшней, была пора обновленія чаяній и надеждъ, а такъ какъ никакого измѣненія въ административныхъ порядкахъ не произошло, то и замѣчаемое теперь унынiе несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія или, правильнѣе, оно съ той поры значительно усилилось и укрѣпилось. Впрочемъ,

теперь это не столько унылие, сколько оскудѣніе жизненности духовной. Отрицать этого явленія нельзя; воображать, что можно замаскировать его призрачною дѣятельностью канцелярій, или утверждать, что такое состояніе общественнаго духа именно и есть должное и нормальное, а то чувство неудовлетворенности, которое замѣчается въ обществѣ, происходитъ лишь отъ чрезмѣрной избалованности реформаторскою дѣятельностью первой половины прошлаго царствованія, вслѣдствіе чего общество и привыкло, какъ ребенокъ, къ частой смѣнѣ игрушекъ или новыхъ ощущеній, воображать, утверждать все это было бы, по нашему мнѣнію, величайшею политическою ошибкой. Слѣдовало бы, напротивъ, нашимъ государственнымъ умамъ посерьезнѣе отнестись къ настоящему нравственному настроенію Русскаго общества и углубиться мыслью въ изслѣдованіе его истинныхъ сокровенныхъ причинъ. Не могутъ же они не знать, что если, по словамъ Наполеона, *духъ* арміи составляетъ три четверти ея силы въ битвѣ, и лишь одна четверть силы зависитъ отъ внѣшнихъ матеріальныхъ условій, то и въ дѣлѣ гражданскаго преуспѣянія, въ дѣлѣ мирныхъ побѣдъ государственнаго порядка надъ неурядицей, не меньшее значеніе принадлежитъ и состоянію *духа общественнаго.*

Не лишены интереса въ настоящемъ случаѣ сужденія одной англійской газеты, мало, кажется, распространенной въ Россіи, «The Mail». Въ № ея отъ 7 декабря (н. ст.) помѣщена довольно пространная статья о нашемъ отечествѣ, по поводу послѣдняго займа, называемаго «золотой рентой». Признавая полный успѣхъ подписки на этотъ заемъ, предложенный непосредственно публикѣ самимъ Русскимъ министерствомъ финансовъ, газета, справедливо или нѣтъ, утверждаетъ, будто «первоначально операція эта была предложена иностраннымъ банкирамъ», но «попытка потерпѣла неудачу; среди иностранныхъ финансистовъ обнаружилось колебаніе», а потому Русское правительство рѣшилось «дѣйствовать единолично». Такое дѣйствіе, по мнѣнію газеты, должно было, будто бы, обойтись, да и обошлось, дороже, на условіяхъ болѣе тяжелыхъ для Русскаго Казначейства, чѣмъ прямой заемъ за границей, порученный цѣлой группѣ банкировъ, къ посредничеству которыхъ (но уже за болѣе цѣнное вознагражденіе) все-таки пришлось-де прибѣгнуть и при «золотой рентѣ». «Слѣдуетъ сознаться, продол-

жаетъ газета,—что «по своимъ внутреннимъ условіямъ новый заемъ совершился на ясныхъ и вполнѣ добросовѣстныхъ основаніяхъ. Заемщику предоставляются всѣ законныя гарантіи въ томъ, что онъ будетъ пользоваться полностью того дивиденда, который онъ имѣлъ въ виду. Добросовѣстное отношеніе къ дѣлу Русскаго Государственнаго Казначейства никогда не подвергалось ни малѣйшему сомнѣнію. Оно всегда выполняло свято всѣ свои обязательства»... Почему же однако, спрашивается, предложеніе правительства встрѣтило вышеупомянутое «колебаніе въ средѣ иностранныхъ финансистовъ?» «Русскіе патріоты,—такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ «The Mail»,—«не могутъ не сознавать, что въ упомянутомъ колебаніи выразилась тѣнь, только лишь *тѣнь* сомнѣнія—въ какой степени Россія можетъ, при различныхъ непредвидѣнныхъ случайностяхъ, оказаться состоятельною при выполненіи принятыхъ ею на себя обязательствъ въ финансовомъ отношеніи»... Русскіе патріоты,—замѣтимъ мы Англійской газетѣ,—конечно никогда, ни въ какомъ случаѣ, съ своей стороны въ состоятельности Россіи сомнѣваться не могутъ, но это не мѣшаетъ имъ интересоваться причинами иностраннаго скептицизма, возбуждаемаго настоящимъ положеніемъ нашего отечества. Причины же эти, по толкованію Англійской газеты, слѣдующія: «Россія,—говоритъ она,—вынуждена обѣщать болѣе 6% звонкою монетою не потому, чтобы она когда-либо уклонялась отъ уплаты или подозрѣвалась въ уклоненіи на будущее время, но потому, что капиталисты, сравнивая ея обязательства съ *ея экономическимъ развитіемъ,* не приходятъ къ твердому убѣжденію *въ ихъ взаимномъ равновѣсіи...* Россія не достигла того матеріальнаго развитія, котораго и она сама, и Европа отъ нея ожидали. Какъ бы ни расходились въ мнѣніяхъ относительно того направленія, котораго надлежитъ держаться, едва ли можно оспаривать, что Имперія перестала развиваться въ матеріальномъ смыслѣ, потому что она остановилась въ своемъ общественномъ развитіи. *Предстоитъ сперва воодушевить духовными и нравственными жизненными силами народныя массы Русскаго населенія, и тогда только обнаружатся во всей своей силѣ Русскія физическія богатства*».

Совершенно обочтутся въ своихъ предположеніяхъ тѣ, которымъ покажется будто Англійская газета клонитъ свою рѣчь

къ «конституціи». Англичане слишкомъ хорошо вѣдаютъ исторію своего государственнаго устройства, слишкомъ твердо знаютъ цѣну правильному, органическому національному развитію, слишкомъ чужды доктринерства для того, чтобъ кому-либо предлагать въ образецъ *свои* Британскіе или чьи бы то ни было *чужіе* порядки, или же совѣтовать Россіи съ ея тысячелѣтнимъ бытіемъ и стомилліоннымъ народомъ выскочить легкомысленно изъ своей исторической колеи, заняться умозрительнымъ сочинительствомъ себѣ государственныхъ уставовъ или же искать въ иностранныхъ отвлеченныхъ теоріяхъ разрѣшенія своихъ жизненныхъ Русскихъ задачъ!... Такая вздорная мысль не только ни у одного Англичанина въ головѣ вмѣститься не можетъ, но и ни у одного иностранца съ опредѣленнымъ національнымъ самосознаніемъ. Для этого нужны головы Русскихъ доморощенныхъ иностранцевъ, нашихъ, такъ-называемыхъ, «западниковъ», т. е. мнимыхъ «либераловъ», мнимыхъ «консерваторовъ», мнимыхъ «демократовъ» и не менѣе мнимыхъ «аристократовъ»... «The Mail» въ дальнѣйшемъ изложеніи замѣчаетъ только одно, что «великая реформа прошлаго царствованія» осталась недодѣланною, что «во многихъ отношеніяхъ выигрышъ обратился въ проигрышъ», и что, по ея мнѣнію, необходимо, между прочимъ, мирное измѣненіе,—но какое именно «The Mail» не указываетъ, да и указать не можетъ,—«во всемъ строѣ государственной администраціи». Англійская газета вслѣдъ за симъ горячо привѣтствуетъ вѣсть о намѣреніи будто бы Русскаго правительства уничтожить право чиновниковъ, по достиженіи извѣстнаго чина, пріобрѣтать потомственное дворянское достоинство. Газетѣ мерещится, будто чиновникъ станетъ отъ того демократичнѣе, ближе къ народу или «ближе къ Русской гражданственности!» Такого ошибочнаго сужденія мы не имѣемъ права даже и поставить въ вину органу чужеземной печати, мало знакомой съ подробностями нашего соціальнаго устройства, когда у насъ самихъ, дома, въ Петербургѣ, находятся природные Русскіе, которые въ упомянутой мѣрѣ видятъ возможность превратить дворянство въ замкнутую *аристократію* на западный образецъ. Объ этой мѣрѣ, если слухъ подтвердится, мы не упустимъ сказать свое слово. Но дѣло теперь не въ будущемъ значеніи чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и даже не въ мнѣніяхъ Англійской газеты о необходимыхъ пре-

образованіяхъ, а въ томъ, что даже самихъ иностранцевъ поражаетъ отсутствіе того надлежащаго «воодушевленія нравственными и духовными жизненными силами», безъ котораго, по ихъ практическому, опытному соображенію, даже и физическія богатства страны не могутъ обнаружиться и развиться во всей своей силѣ. Дѣло въ томъ, что этотъ, замѣтный даже и за границею, недостатокъ общественнаго одушевленія, или, иначе, упадокъ бодрости Русскаго духа уже даетъ нѣкоторый поводъ къ фальшивому сомнѣнію въ платежныхъ средствахъ Россіи, какъ будто колеблетъ ея кредитъ!! Можетъ быть хоть замѣчаніе Англійской газеты удостоится нѣсколько бо̀льшаго вниманія со стороны Русскихъ государственныхъ людей, чѣмъ указаніе *своихъ* публицистовъ...

Предположивъ, что фактъ упадка духа достаточно засвидѣтельствованъ, пойдемъ далѣе. Какія же его причины? Причины различныя, — и внѣшнія, такъ сказать осязательныя, и внутреннія, болѣе духовнаго и нравственнаго свойства; причины, лежащія отчасти въ нашемъ административномъ строѣ, отчасти въ воспитаніи и развитіи самого Русскаго общества. Подробное ихъ изслѣдованіе потребовало бы обширной диссертаціи; мы ограничимся пока бѣглымъ очеркомъ.

Не подлежитъ и спору, что начало этому поникновенію духа въ Россіи положилъ прежде всего Берлинскій трактатъ, — поникновенію не частному, не въ средѣ только такъ называемой интеллигенціи, не въ томъ или другомъ классѣ общества, а всенародному, во всѣхъ слояхъ и на всемъ протяженіи государства. Мы вовсе не отрицаемъ, что и ранѣе трактата было достаточно поводовъ не только къ недовольству, но даже и къ нѣкоторому унынію, но эти поводы не были такого повсемѣстно-одинаковаго свойства, а главное, настолько были не глубоки, что ни мало не помѣшали тому всеобщему возбужденію національнаго духа, которое проявилось въ Россіи въ достопамятную эпоху 1876 и 1877 годовъ. Напротивъ, всѣ эти поводы были въ то время забыты. Нѣтъ ничего ни мудренаго, ни чрезвычайнаго, когда народный патріотизмъ вспыхиваетъ и разливается по странѣ пожаромъ — въ случаѣ, напримѣръ, нашествія непріятеля и даже только дерзкой угрозы иноплеменныхъ враговъ. Но въ упомянутыхъ нами годахъ совершилось нѣчто иное, проявился энтузіазмъ такъ сказать *идейный,* объявшій изъ конца въ ко-

нецъ народныя массы, и притомъ съ такою цѣльностью и единствомъ, съ такою небывалою и необычною силою, что онъ увлекъ за собою и правительство, и верхніе классы общества, и всю ту Петербургскую властительную среду, для которой онъ, разумѣется, по существу своему, былъ и чуждъ и совсѣмъ непонятенъ. Лгутъ и клевещутъ, только расписываются въ собственномъ тупоуміи, незрячести и ограниченности душевной всѣ тѣ, которые отрицаютъ глубокую искренность этого движенія. То было движеніе самой исторической стихіи; то самые составы Россіи заговорили, ея составы органическіе, православные и Славянскіе, — то объявлялось воочію и вслухъ ея міровое призваніе. Мы имѣемъ право свидѣтельствовать объ этомъ. Мы получали, мы читали мірскіе сельскіе приговоры и изъ-за Волги, и изъ-за Хопра, о томъ, что-де и ихъ селамъ отставать никакъ непригодно, и что вотъ отъ этихъ селъ, по свободному мірскому рѣшенію, снаряжается-де ими столько-то «добровольцевъ»; мы видѣли предъ собою десятки мужиковъ на колѣняхъ, умолявшихъ, какъ о милости, отправить ихъ за Дунай «пострадать за братьевъ-христіанъ», «мученическій вѣнецъ принять»; мы хранимъ до сихъ поръ письмо какого-то дворника изъ Казани, въ которомъ безграмотно (но съ какою любовью!) полууставомъ, излагалъ онъ *будущую* эктенію, гдѣ послѣ молитвы о Царѣ поминаются одинъ за другимъ и «благовѣрные Славянскіе государи»... Кто же не помнитъ того восторга, что̀ объялъ всю Россію послѣ октябрской рѣчи 1876 г., произнесенной покойнымъ Царемъ въ Москвѣ? Но если Царь, въ стѣнахъ Кремлевскихъ, принялъ на себя наитіе Русскаго историческаго духа, то какому, напротивъ, нажиму анти-историческаго и анти-національнаго духа подвергся онъ, нашъ мученикъ-Царь, въ стѣнахъ — увы! слишкомъ родного и слишкомъ привычнаго ему Санктпетербурга! Недоумѣнно, растерянно, пожимая плечами или даже съ озлобленнымъ негодованіемъ внимали оттуда этому взрыву варварскихъ чувствъ и помысловъ на низинахъ народныхъ—всѣ тѣ, которымъ приходилось волей-неволей служить оффиціальнымъ орудіемъ новаго, великаго Русскаго дѣла, — наши дипломаты, бюрократы, весь этотъ орудующій Русскою землею міръ нашей Чухонской Пальмиры, міръ канцелярскій, чиновническій, сановническій, кунно

съ «либералами» разныхъ кличекъ (все это одного поля ягоды, какъ тогда, такъ и теперь!)

Дальнѣйшее извѣстно. Какое богатство нравственное, какую вѣру въ себя и въ свое призваніе, какую мощь и здоровье духа явилъ тогда нашъ народъ,—такое здоровье, которое, проявясь на просторѣ какъ дѣятельная историческая сила, могло бы, казалось, оздоровить весь нашъ государственный организмъ, исцѣлить его недуги! И какимъ, напротивъ того, пигмеемъ въ духовномъ и нравственномъ смыслѣ явилось все то, что̀ призвано руководить судьбами народа въ качествѣ чиновной и сановной интеллигенціи! Никогда не обнаруживался такъ рѣзко предъ всеобщимъ сознаніемъ тотъ глубокій внутренній разладъ, который существуетъ между Россіею истинною, народною, историческою и Россіею искусственною, поддѣланною, оффиціальною,—тою, что̀ находитъ себѣ выраженіе въ С.-Петербургѣ. Все, что̀ сдѣлано было первою, раздѣлано было второю. Народомъ и нашею арміею были совершены истинныя чудеса мужества и доблести, неслыханныя въ исторіи,—народъ и армія дали все, что̀ могли дать: достояніе, кровь, исполинскіе подвиги самоотверженнаго, вѣрующаго духа. Но какъ скоро перейдена была грань непосредственнаго, единственно доступнаго народу дѣйствія, какъ скоро началось дѣйствіе умственное, зависѣвшее отъ руководящей интеллигенціи, такъ и сорвалась Россія въ пучину срама... «Послѣ нашего отступленія отъ Константинополя», писалъ Скобелевъ, «всякому стало очевидно, что Россіи *обязательно было заболѣть*». Она и заболѣла...

Чѣмъ выше былъ подъемъ народнаго духа, тѣмъ глубже упалъ онъ послѣ Берлинскаго трактата; чѣмъ напряженнѣе былъ энтузіазмъ, тѣмъ жесточе было разочарованіе... Только въ Петербургѣ, гдѣ пульсъ Русской жизни никогда не слышенъ, можно было предположить, что такой великій, тысячелѣтній историческій государственный организмъ, какъ Россія, способенъ перенести безслѣдно ударъ, нанесенный ему исходомъ войны, и равнодушно принять на свое чело, вмѣсто вѣнца побѣды и славы, позорное клеймо въ видѣ обще-Европейскаго приговора,—этой хулы на духа народнаго, этого колоссальнаго грѣха противъ чести, достоинства и историческаго призванія Русской земли! Въ то время, какъ въ Петербургѣ

безъ особеннаго труда мирились съ трактатомъ,—а многіе даже, въ томъ числѣ и та «либеральная» партія, коей газета «Голосъ» служила органомъ, воспѣвали трактату хвалебные гимны,—Россія никла и никла духомъ. Посрамленная вѣра, пристыженный энтузіазмъ... что можетъ быть тягостнѣе и томительнѣе такого состоянія духа?.. Русскій народъ повергся въ безъисходное недоумѣніе. Онъ сохранилъ въ себѣ, разумѣется, ту же мощь патріотизма, то же богатство нравственныхъ силъ, но точно свинцомъ пригнетенныхъ сверху. Онъ исполненъ по-прежнему той же любви и вѣрности къ Царю, къ этому историческому своему государственному принципу, но проникся глубокою мнительностью относительно достоинства дѣйствующихъ въ Россіи порядковъ. Само собою разумѣется, что такое отношеніе въ народѣ не возведено на степень отчетливаго сознанія; онъ только лишь смутно чувствуетъ присутствіе надъ собой какихъ-то фальшивыхъ силъ, парализующихъ его самыя усердныя, самыя искреннія усилія. Но гораздо сознательнѣе выражается это недовѣріе въ обществѣ, даже въ тѣхъ его слояхъ, которые не носятъ названія «интеллигенціи»: они уже не подвигнутся на служеніе *идеѣ* такъ беззавѣтно, какъ прежде, опасаясь что, благодаря администраціи, продолжающей пребывать въ неизмѣненномъ видѣ, всякую новую выдвинутую національную идею постигнетъ пожалуй такая же позорная участь, какъ и въ 1878 году; они подозрительно, пугливо относятся теперь ко всякому увлеченію. Они болѣютъ сомнѣніемъ, робостью упованій...

Не легокъ былъ и Парижскій миръ 1856 г. для Россіи, но онъ не нанесъ ей *нравственнаго* урона; она уступила грубой соединенной внѣшней силѣ, увѣнчавшись на весь міръ славой самаго доблестнаго сопротивленія, и сознавала, что уступаетъ лишь не надолго. Дѣло въ томъ, что одновременно съ испытаніемъ началась для Россіи и *новая эпоха внутренней жизни*, развернулась впереди блестящая перспектива плодотворной обильной дѣятельности. Тяжелое впечатлѣніе Парижскаго трактата мигомъ потонуло въ новомъ подъемѣ духа, въ освѣжающемъ чаяніи великихъ преобразованій, великихъ побѣдъ надъ собственными врагами. Не трудно было мириться съ военною неудачею въ виду упраздненія крѣпостнаго права, стараго суда, старой умобоязни!.. Послѣ Парижскаго трактата,

Россія только росла и шла въ гору, обновляясь и перерождаясь... Но въ гору ли пошла Россія со временъ трактата Берлинскаго? Вступила ли рѣшительно и твердо на путь истинно-народной политики, внутренней и внѣшней? Послѣ всѣхъ содѣянныхъ нами Европѣ уступокъ, не продолжали ли Петербургскія канцеляріи поступаться послѣдовательно многимъ множествомъ Русскихъ интересовъ всевозможнаго рода? Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, могло изгладиться или заслониться позорное впечатлѣніе Берлинскаго трактата? Чѣмъ? Событіемъ 1 марта, еще позорнѣйшимъ и ужаснѣйшимъ?.. Безъ сомнѣнія, милости, оказанныя сельскимъ народнымъ массамъ во время недавняго царскаго вѣнчанія, подѣйствовали на народъ благотворно; безъ сомнѣнія, по мудрому народному изреченію: «сердце сердцу вѣсть подастъ», Русское сердце новаго Государя вѣщуетъ сердцу народному и лично на Царя упованіе народное незыблемо-твердо; но условія административнаго строя, столь неблагопріятныя для непосредственнаго благодѣтельнаго дѣйствія власти, остаются неизмѣнными, такими же, какъ и прежде. Никакая новая творческая живительная идея во всеоружіи твердой правительственной силы еще не осѣнила Россію со времени упомянутыхъ двухъ роковыхъ событій. Напротивъ, въ Петербургѣ чуть ли не останавливаются на мысли, что никакого оживленія и не требуется; что ни въ какомъ подъемѣ духа страна и не ощущаетъ надобности; что никакихъ даже и вопросовъ такихъ для Россіи не существуетъ, съ которыми бы не справилась сама все та же старая канцелярія, обычнымъ способомъ «теченія бумагъ», что канцелярія довлѣетъ сама себѣ и Россіи, не нуждаясь въ содѣйствіи народнаго и общественнаго разума!..

Просимъ извиненія у читателей, что слишкомъ пространно увлеклись воспоминаніемъ о Берлинскомъ трактатѣ, но въ томъ и бѣда, что онъ не воспоминаніе только, а зіяющая, сочащаяся рана, дающая себя особенно живо чувствовать всякій разъ, какъ дѣло коснется нашего положенія въ мірѣ Славянскомъ, нашихъ отношеній къ Европѣ, какъ политическихъ такъ и экономическихъ. Да и не безполезно, кажется, напоминать о немъ Петербургу, гдѣ въ отчужденіи отъ Россіи такъ слабо сознается потребность уврачеванія, хотя бы только косвеннаго, въ области не внѣшней, а внутренней политики,

той глубокой язвы, что нанесена была духу народному! гдѣ чуть ли вовсе не отрицается потребность одушевленія страны нравственными и духовными силами, безъ коихъ, по справедливому замѣчанію Англійской газеты, не мыслимо раскрытіе даже и нашихъ физическихъ богатствъ!..

Та «фраза», отъ которой, по словамъ редактора «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», мы теперь поворачиваемъ, потому именно и воцарилась было у насъ съ такою силою, что духъ народный былъ совершенно пришибленъ и образовалась та пустота, гдѣ всякой фразѣ раздолье. Фраза совсѣмъ примолкла въ моментъ возбужденія народнаго духа, но кто же помнитъ, какъ взвилась, какъ заголосила она вслѣдъ за пораженіемъ нашимъ въ Берлинѣ, какому «самооплеванію» и «самозаушенію» предалась Русская глаголемая интеллигенція (т. е. оплеванію и заушенію собственно Русской народности, съ превознесеніемъ лично самой себя),—какъ пыталась она, подвергая осмѣянію всякое притязаніе Русской земли на самобытность внутренняго развитія, сдвинуть Россію съ ея историческихъ основъ?! Разумѣется, сдвинуть Россію не оказалось возможности: наперекоръ иностранному реченію, будто Россія—желѣзный колоссъ на глиняныхъ ногахъ, у этого колосса ноги-то именно и желѣзныя. Мало-по-малу, благодаря нѣкоторому допущенному для нея простору, фраза сама себя съѣла, т. е. перепуталась, изветшала, опошлилась, обличила до конца свою совершенную безсодержательность и утратила или, по крайней мѣрѣ, начинаетъ очевидно терять прежнюю свою власть надъ умами, особенно же въ молодыхъ поколѣніяхъ. Въ этомъ отношеніи дѣйствительно совершился не малый, серьезный успѣхъ, и можно признать, что мы дѣйствительно поворачиваемъ... Но куда? Не рано ли еще ликовать и праздновать, и самодовольно выдавать условія Русской современности за нормальныя?

Кромѣ внѣшнихъ причинъ настоящаго неплодотворнаго состоянія общественнаго духа, есть, какъ мы сказали, причины и нравственныя, глубоко внутренняго свойства, связанныя съ развитіемъ самой общественной мысли въ Россіи. Извѣрившись въ фразу, которою пробавлялся цѣлый рядъ поколѣній, Русскій интеллигентный человѣкъ (разумѣемъ здѣсь его общій типъ въ такъ-называемомъ образованномъ или мыслящемъ

классѣ, а не частныя видоизмѣненія) очутился теперь совсѣмъ безъ вѣры, недоумѣвая—чему вѣрить, скептически относясь къ вѣрованію и увлеченіямъ всякаго рода. Прежніе идеалы,—идеалы отрицательные по преимуществу, особенно по отношенію къ родной странѣ,—разбиты и повыброшены, а положительныхъ идеаловъ онъ не вѣдаетъ, и стоитъ печальный и пустопорожній, тщетно ожидая или вдохновенныхъ указаній какого-либо новаго вѣщаго пророка, или властныхъ указаній самой современной дѣйствительности, т. е. какой-либо мощной исторической волны, которая бы сама подняла его и понесла къ пристани, гдѣ нашелся бы ему и предметъ вѣры, и подвигъ, и дѣло. Предшествовавшія поколѣнія оставили ему сравнительно скудное наслѣдіе духа: безконечную вереницу абстрактныхъ увлеченій, безпредметныхъ исканій, фальшивыхъ надеждъ, напрасныхъ жертвъ, безплодныхъ страданій,—и почти никакого пригоднаго руководства для бодрой жизни и дѣятельности среди своего народа. Не даетъ ему этого и современная школа. Къ прошлому онъ не можетъ уже теперь относиться иначе какъ отрицательно, но и съ настоящимъ мириться не можетъ: будущаго же не видитъ и не можетъ видѣть: оно видимо лишь очами вѣры,—а этой-то вѣры у него и нѣтъ... Поворотъ отъ фразы—не долженъ бы становиться поворотомъ къ безмолвію; отреченіе отъ нигилистическихъ и тому подобныхъ лживыхъ идеаловъ не должно бы превращаться въ отреченіе отъ всякаго идеализма! Безъ идеализма не мыслимо истинное отношеніе къ дѣйствительности; безъ идеализма не можетъ быть и вполнѣ благотворной практической дѣятельности. Но вотъ именно оскудѣніемъ всякаго идеализма и томится современное общество. Вотъ почему такой большой процентъ общественныхъ силъ устремляется теперь къ наживѣ или растрачивается въ забавахъ (учрежденія для которыхъ размножаются съ удивительною быстротою).

Между тѣмъ дѣла въ Россіи много, такъ много, какъ нигдѣ въ мірѣ; способныхъ, но праздныхъ рукъ еще болѣе. Но... нѣтъ убѣжденій. Нѣтъ увѣренности въ успѣхѣ и пользѣ труда. Некому призвать, кликнуть кличъ къ работѣ, указать каждому его мѣсто, возбудить, одушевить рабочія силы, во имя высшей цѣли передъ ними поставленной, на дружную, благую, многоплодную страду. Предоставленная сама себѣ, безъ опоры

въ жизни, Русская мысль кочуетъ и бродитъ; все въ Россіи стало вопросомъ; по мѣрѣ того, какъ разсѣевается туманъ фальшивыхъ представленій о Русской дѣйствительности, выступаетъ наружу противорѣчіе между требованіями Русской жизни и навязанными ей сверху формами быта и строя иноплеменнаго. Противорѣчіе видно,—но ни примиренія ихъ достигнуть нельзя, ни новыхъ формъ, которыя бы приходились вполнѣ впору по Русской землѣ, взять не откуда: ихъ можетъ дать только органическое творчество самой жизни. Но какъ и откуда быть этому творчеству при недостаткѣ одушевленія, при отсутствіи общаго вѣянія духа жизни, оживляющаго, оплодотворяющаго всякій трудъ, объединяющаго частныя, разрозненныя усилія въ общій благой подвигъ?

По историческому складу Русской земли всякій починъ тогда только вполнѣ мощенъ, тогда только можетъ охватить ее широко и стать дѣломъ народнымъ, когда онъ исходитъ съ верховыхъ высотъ власти или по крайней мѣрѣ — въ живомъ союзѣ съ нею. Этого-то и ждетъ Русская земля, ждетъ себѣ оживленія и одушевленія сверху. Вотъ на что̀ и должно быть обращено вниманіе серьезныхъ и умныхъ государственныхъ людей; вотъ почему и не слѣдуетъ ни имъ себя, ни намъ ихъ вводить въ заблужденіе, будто все обстоитъ нормально и благополучно, будто мы уже вошли въ періодъ «дѣла», такъ какъ уже повернули отъ фразы. Не войдемъ мы въ періодъ дѣла, — скажемъ опять, — пока не «повернемъ» и отъ фразеологіи бюрократической; пока не перестанемъ канцелярское движеніе бумагъ признавать за движеніе самой жизни; пока Петербургъ будетъ по старому почитать себя сѣдалищемъ разума за всю Русскую землю; пока Россія официальная не станетъ одно и едино съ Россіей земской, народной, исторической; пока, однимъ словомъ, не создадутся тѣ одушевляющія условія, при которыхъ спорилось бы дѣло... «Не угашайте духа», учитъ Писаніе.

Этимъ напоминаніемъ и позволяемъ себѣ закончить 1883 годъ... Невольно, предъ наступленіемъ новаго, спрашиваешь себя: шире ли, дѣятельнѣе ли стала наша Русская жизнь? богаче ли силами и бодростью? какихъ свѣтлыхъ надеждъ и смѣлыхъ чаяній исполненъ ея взоръ, впереный въ будущее?..

1884 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ).

Мы глупы и бѣдны.

Москва, 1-го января.

«Мы глупы и бѣдны», говаривалъ покойный князь В. А. Черкасскій, или по крайней мѣрѣ такъ выразился онъ однажды, лѣтъ 12 или около тому назадъ, на вечерѣ, въ бесѣдѣ съ друзьями, — и никто не возразилъ: всѣ какъ будто признали правду этого горькаго слова... Что бѣдны, — это, кажется, не можетъ подлежать и сомнѣнію: бѣдны деньгами, бѣдны капиталами. Положимъ — бѣдность, по народной поговоркѣ, «не порокъ»; тѣмъ не менѣе, въ виду несомнѣнныхъ же, несмѣтныхъ естественныхъ богатствъ нашего необъятнаго государства, въ виду, напримѣръ, такого обстоятельства, что производящая въ громадномъ количествѣ серебро и золото Россія именно-то и не имѣетъ у себя въ обращеніи ни золотой, ни серебряной монеты, тогда какъ ею изобилуютъ страны, гдѣ ни серебряныхъ рудъ, ни золотыхъ розсыпей, — въ виду подобныхъ роскошныхъ принадлежностей Русской бѣдности, неотступно напрашивается вопросъ: почему же не въ прокъ и не въ помощь намъ наши богатства?.. Что̀ же касается глупости, то — замѣтимъ уже кстати — ее вѣдь также не въ обычаѣ сопричислять къ порокамъ, хотя въ одной старинной комедіи и гласитъ такой стихъ (кажется, уже однажды приведенный нами), въ формѣ разговора между двумя лицами:

«Но глупость не порокъ?.. Нѣтъ, всѣ пороки въ ней!»

Конечно, не къ глупости прирожденной относится это восклицаніе, и не о ней было слово князя Черкасскаго: это ужъ даръ природы, съ которымъ не тягаются и который не судятъ. Но глупость глупости рознь. Иное дѣло, если человѣкъ умудрился стать глупымъ родясь уменъ: тутъ едва ли есть мѣсто для невмѣняемости. Не въ такомъ ли положеніи и Россія?

Мы обладаемъ, по общему признанію, неисчерпаннымъ сокровищемъ народнаго разума, обиліемъ разнообразнѣйшихъ даровъ духа, — почему же, подобно богатству вещественному, не въ пользу намъ и родовое богатство духовное? почему мы являемся въ нашей общественной жизни и общественномъ дѣланіи столько же скудоумны, сколько и бѣдны, и какъ рѣдка у насъ золотая монета, такъ же мало у насъ въ публичномъ обращеніи и *ума?* О золотѣ по крайней мѣрѣ хлопочутъ, хотя и не совсѣмъ удачно; въ знакъ уваженія даже золотую ренту недавно выпустили, — а на умъ большаго спроса что-то не видно...

Но прежде всего слѣдуетъ, конечно, установить самое основаніе вопроса, самый фактъ Русскаго культурнаго скудоумія (потому «культурнаго», что не о массахъ народныхъ можетъ идти здѣсь рѣчь, а о сверхнародномъ образованномъ слоѣ). Предметъ щекотливый, чувствительный и для многихъ, конечно, не безспорный. Впрочемъ сильнаго возраженія едва ли бы можно и ожидать, еслибъ вопросъ нашъ былъ понятъ въ томъ, исключительно, смыслѣ, что онъ до публики, до интеллигенціи вовсе и не касается, а мѣтитъ собственно на «администрацію», на нее одну... Но мы такого строгаго разграниченія не придерживаемся, да по правдѣ сказать, тутъ и грани нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто возьмется опредѣлить: гдѣ кончается «интеллигенція» и гдѣ начинается «администрація»?! Много ли у насъ «интеллигентовъ», которые бы не носили вицмундира и не отправляли какой-либо «должности»?.. Разумѣется, было бы съ пола-горя, еслибъ возможно было учинить такое (не полюбовное впрочемъ) размежеваніе, чтобъ единственно на долю правительства достались всѣ нелестные эпитеты, приличествующіе нашей общественной въ широкомъ смыслѣ, т. е. также и государственной жизни, а на долю публики, общества, интеллигенціи — только лишь умъ, чистота и неповинность! Тогда виноватый былъ бы налицо; надъ отысканіемъ его и ломать голову было бы не для чего, — но дѣло обстоитъ совершенно иначе, горе наше несравненно сложнѣе и мудренѣе. Вообще нѣтъ ничего легче, да и удобнѣе, какъ сваливать вину за всякій общественный грѣхъ на правительство, и едва ли въ какой странѣ такъ развита эта наклонность, какъ у насъ, среди Русскаго общества! Но что любо-

нытно: та же черта замѣчается даже и внутри самой «властной сферы!» Рѣдкій изъ ея дѣятелей признаетъ себя вполнѣ солидарнымъ съ правительствомъ и обойдется въ разговорѣ безъ порицаній по его адресу,—конечно выгораживая себя самого. Разумѣется, такое отношеніе самихъ дѣятелей къ своему же дѣланію лучше самодовольства и самовосхваленія, но нельзя же, кажется, и его признать нормальнымъ. Не слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ указаніе, что вина не столько въ индивидуальныхъ свойствахъ лицъ, входящихъ въ правительственный составъ, сколько въ самихъ порядкахъ, вообще въ чемъ-то иномъ, болѣе общемъ, къ чему причастны не они одни, но и всѣ болѣе или менѣе,—умственный уровень самого Русскаго общества или по крайней мѣрѣ его значительной, выдающейся части, его «интеллигенціи» въ тѣсномъ современномъ значеніи этого слова? Не мы, конечно, призваны защищать правительство, да оно въ нашей защитѣ вовсе и не нуждается; но мы впрочемъ и не думаемъ его защищать. Мы только утверждаемъ, что если правительство виновато, то въ равной мѣрѣ съ нимъ виновато и общество; что правительство, кромѣ рѣдкихъ случаевъ и эпохъ, есть только облеченное властью отраженіе общественнаго ума, т. е. его господствующаго склада и типа, въ приложеніи къ дѣлу, къ государственной жизни. Да кто же воспитываетъ, кто поставляетъ контингентъ дѣйствующихъ въ правительственной средѣ лицъ? Не само ли Русское общество? Не прошли ли они всѣ, установленнымъ порядкомъ, чрезъ общія для всѣхъ степени школьнаго образованія и лѣстницы ранговъ?.. Признаться сказать, когда намъ встрѣчается свѣже-испеченный вольнодумецъ XII, X, даже IX класса, рьяно осуждающій администрацію, видящій въ ней одной источникъ всяческихъ бѣдъ,—такъ и рвется на встрѣчу ему вопль изъ груди: «не горячись, воздержи свое негодованіе, юный чинъ! Пройдетъ служебною чередою годъ за годомъ, будетъ приходить тебѣ чинъ за чиномъ, попадешь и самъ *туда*, станешь и самъ начальство, «администрація»—и наглупишь, наглупишь!..»

Да, это не шутка, не иронія, а именно вопль, искренній, скорбный!.. Но не такой ли же вопль сомнѣнія и недовѣрія начинаетъ у насъ слышаться и по поводу нашихъ городскихъ думъ, уѣздныхъ и губернскихъ земствъ,—этой не казенной, а

общественной администраціи? Давно ли введеніе у насъ такъ-называемыхъ «представительныхъ учрежденій» почиталось чуть ли не побѣдою общественнаго мнѣнія надъ бюрократическимъ общественнымъ строемъ, а теперь къ нимъ же со всѣхъ сторонъ несутся упреки въ бюрократизмѣ, формализмѣ, бездѣйствіи или малоуспѣшности дѣйствій, и пресловутое «представительство» обращается чуть ли не въ театральное, болѣе или менѣе неудачное *представленіе?* Можно, пожалуй, съ нѣкоторою долей справедливости, допустить, что дѣятельность нашего самоуправленія парализуется отчасти несочувственнымъ къ нему отношеніемъ административныхъ властей, но вѣдь не болѣе какъ *отчасти*. Простору все-таки слишкомъ довольно для проявленій практическаго, здраваго *Русскаго* толка,—а между тѣмъ никакою новою, плодотворною, мѣткою и дѣльною мыслью не ознаменовали себя ни наши думы, ни земства, и тѣ немногія искры творческаго духа, которыя было вспыхнули тамъ и сямъ, тухли мгновенно сами собою, не столько отъ правительственнаго гасительнаго снаряда, сколько отъ холодной росы общественнаго неразумія и равнодушія. Мысль же не творческая, не Русская, не практическая, а абстрактная, вздорная, но за то «культурная», умѣла же и умѣетъ вѣдь пробиваться или по крайней мѣрѣ заявлять себя сквозь всякій правительственный гнетъ, сквозь чащу общественныхъ предразсудковъ и иныхъ препятствій! Не можемъ удержаться, чтобъ изъ сотни образчиковъ не указать, курьеза ради, на самый новѣйшій, на дняхъ повѣданный и горячо привѣтствованный, во имя «прогресса», газетою «Новости»: Купянское земство становится отнынѣ наравнѣ и рядомъ съ самими Джонъ Стюартъ-Миллемъ и Брайтомъ! Хотя, по всей вѣроятности, въ Купянскомъ уѣздѣ, какъ и повсюду, пути сообщенія никуда не годны, врачебная часть изъ рукъ вонъ плоха, школъ недостаточно, недоимокъ вдоволь, но «чѣмъ богаты, тѣмъ и рады», а Купянское земство, по всему видно, богато—«культурой». По увѣренію «Новостей», оно, въ предстоящую сессію, намѣрено провести предложеніе: о предоставленіи женщинамъ права непосредственнаго участія въ земскихъ выборахъ, а слѣдовательно и права быть избираемыми во всѣ земскія должности!.. Пожалуй,—грустно замѣчаетъ глубокомысленная газета «Новости»,—на практикѣ въ дальнѣйшемъ примѣненіи эта

высокая мысль споткнется о какія-либо препятствія... Ну какъ же не согласиться съ симъ «органомъ либеральной печати» (какъ сами «Новости» себя величаютъ), что наша передовая «интеллигенція» есть истинно вѣрная, законная представительница разума и идеаловъ Русскаго народа, т. е. и Русскаго мужика, который должно быть и спитъ и видитъ, чтобъ во главѣ земскихъ управъ и иныхъ земскихъ учрежденій стояли культурныя бабы!.. Не въ такой грубо-наивной формѣ, но того же пошиба и той же умственной силы бо̀льшая часть «прогрессистскихъ» рѣчей, раздающихся нынѣ въ залахъ думскихъ и земскихъ собраній... Но развѣ одно только оффиціальное «самоуправленіе», свидѣтельствуя о какой-то роковой *общественной* нашей несостоятельности, наводитъ на общественный духъ уныніе? Возьмемъ одно изъ безспорно-наилучшихъ нововведеній,—именно гласный судъ,—учрежденіе, правда, заимствованное, не лишенное существенныхъ недостатковъ, но обладающее за то и такими высокими достоинствами, что заслуживало бы внимательнаго, почтительнаго, хотя бы и вполнѣ строгаго къ себѣ отношенія: можно было бы ожидать, что подъ воздѣйствіемъ серьезнаго, умнаго общества исправились бы недостатки, отбросилось бы все фальшивое, а доброе бы видоизмѣнилось и развилось согласно съ особенностями національнаго духа. Но что̀ же мы видимъ? Точно будто кто-то поставилъ намъ задачу: всячески скомпрометировать, уронить, затоптать въ грязь отправленіе правосудія въ нашемъ обществѣ и всемѣрно до̀казать, что «общественный контроль» въ Россіи есть только одинъ изъ новыхъ видовъ и факторовъ лжи! Во что̀ обратился у насъ институтъ адвокатовъ, пользующійся такимъ всеобщимъ уваженіемъ на Западѣ (откуда онъ нами и заимствованъ)? Почетнымъ или не почетнымъ стало у насъ это названіе?! Не далъ ли самому себѣ и своимъ товарищамъ одинъ изъ корифеевъ адвокатуры, во всеуслышаніе и хвастливо, при какомъ-то торжествѣ, геніально-мѣткое опредѣленіе «прелюбодѣевъ мысли» (прибавимъ—*наемныхъ*)? Онъ зналъ, этотъ корифей, что предъ Русскою интеллигентною публикою такимъ качествомъ можно лишь похвалиться, даже стяжать отъ нея апплодисменты!.. А эта самая публика—привѣтствующая священнодѣйствіе судящей совѣсти пошлостью шумныхъ рукоплесканій, точно на балаганномъ зрѣлищѣ, и вѣнчающая нахаль-

ныхъ развратницъ, убійцъ, воровъ и казнокрадовъ (не оправданныхъ, но лишь почему-либо не подвергнутыхъ наказанію присяжными) восторженными оваціями какъ доблестныхъ невинныхъ страдальцевъ, какъ чистѣйшей добродѣтели чистѣйшіе образцы?.. А эти присяжные, столь слабкіе сердцами и столь некрѣпкіе нравственнымъ смысломъ, и тѣмъ менѣе крѣпкіе, чѣмъ они «культурнѣе»?.. Съ другой стороны, сами обличители судебныхъ грѣховъ, нерѣдко правые въ своихъ частныхъ обличеніяхъ, своимъ запальчивымъ неправымъ обобщеніемъ, огульнымъ осмѣяніемъ, постояннымъ безразборчивымъ глумленіемъ—роняютъ достоинство публичнаго правосудія и тамъ, гдѣ оно отправляется вполнѣ совѣстливо и правильно, и во имя консерватизма подрываютъ авторитетъ судебной власти—не въ частности только, а вообще,—рушатъ, въ самомъ ея основаніи, чуть ли не единственную опору и безъ того расшатаннаго нашего общежитія, ничего не давая взамѣнъ, ничего не указывая—кромѣ развѣ мерзостной кривды стараго времени!.. Вообще удивительна эта способность Русскаго общества—все истаскать, истрепать, обезобразить, опошлить, унизить, выгрязнить, и притомъ вовсе не изъ благороднаго негодованія и не послѣ напрасныхъ упорныхъ усилій упрочить, уберечь доброе, отринувъ злое и ложное, а такъ... изъ легкости или безкорненности мысли, изъ необыкновенной развязности чувствъ и совѣсти, изъ мелкодонности душевной! Невольно вспоминается отчаянный возгласъ Гоголева городничаго: «что̀ за городъ! только поставь какой-нибудь монументъ или просто заборъ, Богъ ихъ знаетъ, откудова и нанесутъ всякой дряни!» И мы это свойство сами за собой вѣдаемъ, до такой степени вѣдаемъ, что скептически, уже впередъ, относимся ко всѣмъ собственнымъ благимъ и, сперва, какъ будто удачнымъ начинаніямъ! Еще единоличныя энергическія усилія талантливыхъ людей успѣваютъ иногда довести до благополучнаго конца свое предпріятіе, но и только: унылымъ скептицизмомъ сжимается сердце каждаго изъ насъ при одномъ словѣ: «комиссія», «комитетъ», «общество», и воображенію каждаго рисуется, при этихъ звукахъ, что-то рѣчисто-безплодное или и совсѣмъ мертворожденное, даже и безъ рѣчей!

Не правы ли мы были, утверждая, что наше общество или наша интеллигенція никакъ не можетъ умывать свои руки и

почитать себя безгрѣшною, валя всю вину на правительство, но что весь нашъ такъ называемый «культурный слой» равномѣрно отвѣтственъ за настоящее положеніе нашего отечества, за ту скудость умственнаго ингредіента, которая составляетъ такую отличительную особенность нашей публичной жизни и публичнаго дѣланія? Вѣрнѣе сказать: оба эти двигателя Русской жизни, обѣ эти «несостоятельности», административная и общественная, сочетаясь или даже взаимно помножаясь, представляютъ одно общее солидарное цѣлое, которое именно *какъ цѣлое* и должно привлекать на себя взоры изслѣдователей...

«Несостоятельность» эта существуетъ не только какъ фактъ, но и проникла въ наше самосознаніе, живетъ въ насъ самихъ на степени убѣжденія и даже непроизвольнаго внутренняго инстинкта, нерѣдко опредѣляющаго наши дѣйствія. Не мы ли сами, въ насмѣшку надъ самими собой, сложили легенду о «Русскомъ Богѣ», потому будто бы и покровительствующемъ намъ, Русскимъ, что сами мы умомъ безпомощны, а «Нѣмецъ да Англичанинъ пробавятся-де и своимъ умомъ?» Не мы ли сами готовы отступить со страхомъ отъ всякаго дѣла, гдѣ требуется работа не грубой только силы, а интеллекта? Не объемлетъ ли насъ всѣхъ нѣкій трепетъ, какъ скоро приходится нашей дипломатіи, напримѣръ, состязаться съ Европейскою? Не пугало ли, не пугаетъ ли многихъ и теперь, ну хоть бы по поводу Константинополя, такое раздумье, что взять-то его штыкомъ и грудью Русскаго солдата, пожалуй, и не мудрено, да взявши не будемъ мы знать и умѣть—какъ съ нимъ управиться, кѣмъ и чѣмъ? какими умственными орудіями и рессурсами? Не Петербургскою же канцеляріею, не яхтъ-клубомъ, не нашею же космополитическою и доктринерствующею интеллигенціей, и даже не Купянскимъ земствомъ? Опыты, учиненные нами, способны внушить намъ только робость и разохотить браться не за свое дѣло, т. е. за дѣло, требующее нѣкоторой мудрости и даже просто умѣнья: стоитъ только припомнить прошлую войну и ея результаты! Какъ только перейдена была, повторимъ снова сказанное нами въ прошломъ №*), грань непосредственнаго народнаго дѣйствія, какъ скоро началось дѣйствіе умственное, зависящее отъ руководящей интеллигенціи,

*) См. предыдущую статью.

такъ и сорвалась Россія въ пучину срама! «Все, что сдѣлано было Россіею истинною, народною, исторической—было разделано Россіею офиціальною, поддѣланною, искусственною, культурною!» Вздумали мы устроять Болгарію и желая показать себя «на высотѣ требованій современнаго прогресса», желая даже щегольнуть, за чужой счетъ, либерализмомъ и европеизмомъ нашихъ государственныхъ воззрѣній, взяли да и сочинили для нея, нисколько не сумняся, въ столицѣ самодержавнаго царства, въ казенныхъ Петербургскихъ, на все гораздыхъ канцеляріяхъ, при помощи канцелярскихъ справокъ съ учеными книжками, а также и профессоровъ (это ли не авторитеты!!) «конституцію»,—наши потомъ государственные ребята тамъ на мѣстѣ ее порасширили!... Однимъ словомъ, распорядились такъ, что если не погубили, то надолго искривили развитіе освобожденной нами страны, исфальшивили ея государственное и общественное бытіе, и въ концѣ концовъ чуть было не уронили въ Болгаріи обаяніе и нравственную власть Русскаго имени! Говорить ли о томъ, какъ скользятъ по нашей умственной глади, нигдѣ не зацѣпляясь, грозные уроки исторіи? Какъ, черезъ нѣсколько лѣтъ по усмиреніи Польскаго кроваваго мятежа, мы воспылали къ Муравьеву тупоумною ненавистью, не только не подвинули впередъ дѣло, начатое имъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, но снова предали и предаемъ эту исконно-Русскую землю въ жертву враждебному намъ Польскому и католическому элементамъ, которые сами же усиливаемъ? Напоминать ли о томъ, какъ мы поляччимъ Литву, какъ нѣмечимъ насильственно Латышей и Эстовъ, какъ разводимъ Германскую колонизацію вдоль своей окраины, какъ ухитрились утратить свое обаяніе даже для Китая, какъ подорвали и продолжаемъ еще подрывать свою торговлю и промышленность фритредерскимъ тарифомъ, страха ради ретроградства и изъ добровольнаго угодничества предъ «культурными» сосѣдями,—какъ... Но не исчислить всѣхъ дѣяній нашего неразумія, нашего ущербленнаго здраваго смысла!... Каждый новый № газеты, какого бы то ни было направленія, приноситъ съ собою какой-либо новый диковинный «анекдотъ», достойный слезъ и смѣха... И такими комическими сказаніями, трагически отозвавшимися на бытіи Русской земли, можно было бы наполнить чуть не цѣлые томы in folio, сказаніями, свидѣтельствующими

о систематически-роковой несостоятельности нашей, т. е. культурныхъ руководителей Русскаго народа... Но будущій слагатель этой спеціальной исторіи прежде всего долженъ будетъ отмѣтить тотъ немаловажный фактъ, что она начинается лишь съ XVIII вѣка... Но, разбирая эту скорбную хронику, онъ не можетъ не поразиться ея рѣзкимъ противорѣчіемъ съ свойствами и качествами самого Русскаго народа. Вѣдь уменъ онъ, этотъ народъ,—это признаютъ за нимъ всѣ авторитетные иноплеменники по сравненію съ простонародьемъ своихъ странъ: откуда же неразуміе? Онъ отличается именно здравомысліемъ,—и именно простого, здраваго смысла и недостаетъ нашему образованному сверхнародному слою. Онъ практикъ и реалистъ, при всемъ религіозномъ своемъ идеализмѣ, — мы же витаемъ въ отвлеченности, въ абстрактѣ, и лишены именно реальнаго пониманія жизни; онъ своеобразенъ, самобытенъ духомъ,—мы же чужды всякаго самостоятельнаго творчества, и какъ подсолнечникъ къ солнцу, такъ вѣчно поворачиваемся и мы нашею слабою и робкою думою къ чужимъ образцамъ. Рядомъ съ величіемъ Русской державы, созданной его зиждительнымъ историческимъ духомъ и имъ же охраняемой, выступаетъ ничтожество руководящей мысли; рядомъ съ этимъ гигантомъ-народомъ, считающимъ себѣ тысячу лѣтъ историческаго бытія—пигмеи, во образѣ «интеллигенціи»: можно бы сказать, что у этого желѣзнаго колосса верхняя часть глиняная! Конечно, она одна, эта сверхнародная интеллигенція, по своей безпочвенности и нравственной дряблости, безсильна остановить ростъ великаго народа и измѣнить его историческій маршрутъ. Россія, наперекоръ всѣмъ препятствіямъ, поставляемымъ внѣшними обстоятельствами и интеллигентною опекою, все же не переставала пробиваться, хотя бы и съ трудомъ, впередъ по своему пути, не переставала рости и шириться, увлекая подчасъ своимъ движеніемъ и верхніе свои классы, до которыхъ (только въ нѣкоторые, впрочемъ историческіе, величавые моменты) досягала снизу волна историческаго духа, — но чего же стоили всякій разъ Россіи такіе историческіе шаги! Сколько напрасной крови и жертвъ, и какъ быстро освобождались потомъ мы, культурные люди, отъ такого наитія исторіи, и изъ зрячихъ становились снова слѣпцами!

Какая же, однако, причина такой ненормальности нашего развитія? Откуда въ насъ, образованной и поэтому, казалось бы, лучшей части народа, такая неумѣлость, неспособность, несостоятельность, а подчасъ такая горькая, горькая глупость?

Отвѣтъ на предложенный вопросъ можно было бы поискать не только въ исторіи, но и въ психологіи народной, и еще глубже, пожалуй, въ духовныхъ свойствахъ Востока, и пр. и пр.; но, не пускаясь въ такія отдаленныя изслѣдованія, мы намѣтимъ вкратцѣ ближайшій отвѣтъ. Прежде всего оговоримся, что для насъ вопросъ не въ томъ, *кто* виноватъ, а *что́* виновато. Отвѣтъ же нашъ отчасти уже подсказанъ нѣкоторыми вышеприведенными выраженіями о Россіи «истинной, исторической», и Россіи «не настоящей, искусственной», да и самымъ противоположеніемъ (впрочемъ не произвольнымъ, а продиктованнымъ фактами) Русскаго народа его культурному слою.

Мы уже упомянули, что исторія этого нашего неразумія или скудомыслія начинается съ XVIII столѣтія. Дѣйствительно, древняя Русь была груба, невѣжественна, слишкомъ причастна татарской практикѣ, но глупою она не была. Никто, конечно, не признаетъ глупости въ политикѣ Московскихъ князей и царей, Ивана III или Ивана IV напримѣръ,—да и позднѣе. Полагаемъ, ни Иваны, ни даже Годуновъ, не затруднились бы и въ наши дни разрѣшеніемъ смущающихъ насъ вопросовъ внѣшней политики и съумѣли бы управиться, во благо Русской державѣ, со всякою вновь пріобрѣтенною нами землею. Не то было бы теперь съ Прибалтійскимъ краемъ, если бы Грозному удалось довершить свое завоеваніе... Вообще все присоединенное древнею Русью пристегнуто ею крѣпко и неразрывно. Русская колонизація до-Петровскихъ временъ совершила обширныя, прочныя мирныя завоеванія, ставя въ самыхъ отдаленнѣйшихъ предѣлахъ сёла, церкви и монастыри (которые мы теперь упраздняемъ); жизненная сила національнаго духа была такова, что всякая окраина срощалась органически-плотно съ государственнымъ тѣломъ. Совершенно не то—со всѣми завоеваніями Россіи съ XVIII вѣка: они до сихъ поръ или еще не срослись, не претворились въ нераздѣльную часть нашего организма, или же плохо заселены и колонизованы, да и колонизованы-то большею частью приглашенными иностранцами, безъ пользы для государства. Этотъ фактъ налицо... Впрочемъ,

даже и въ началѣ XVIII вѣка еще не успѣлъ тотчасъ вполнѣ избыть во всѣхъ Русскихъ дѣятеляхъ духъ народный, древній духъ историческій; цивилизація еще коснулась только внѣшности, не извратила еще совсѣмъ ихъ умственнаго склада, не выпорожнила начисто изъ памяти преданіе старины. Такъ, дипломаты, напримѣръ, временъ Петра, Елизаветы еще отличаются здравомысліемъ, дѣловитостью и сознаніемъ своего народнаго достоинства. Екатерина II силою своего личнаго ума еще способна цѣнить эти свойства и отчасти поддерживать ихъ. Но по мѣрѣ того, какъ Русскіе руководящіе классы становятся культурнѣе и цивилизація проникаетъ ихъ духовное естество, все болѣе и болѣе скудѣетъ творческій государственный разумъ, сильнѣе мутится здравый смыслъ, трещина, данная Русскому организму Петровской реформой, все шире разсѣдается, родная земля уходитъ изъ глазъ, исторія—изъ памяти, и, по замѣчанію И. Е. Забѣлина (въ № 24 «Руси»), XVIII вѣку подъ конецъ не только XVI, но и XVII вѣкъ становятся совсѣмъ непонятны. Съ начала же XIX столѣтія, особенно съ водвореніемъ бюрократическаго режима, заимствованнаго у Франціи пресловутымъ Сперанскимъ, наша отчужденность отъ народа и народности, наша неспособность уразумѣть живой смыслъ Русской дѣйствительности быстро направляются къ своему апогею, и раздвоеніе Россіи на настоящую и ненастоящую, на подлинно-историческую и поддѣльную, выступаетъ во всей своей яркости. Къ этой первой, настоящей и подлинной Россіи, принадлежалъ и продолжаетъ еще, слава Богу, принадлежать (пока еще не сбили мы его съ толку), Русскій народъ, въ тѣсномъ значеніи этого слова, спасая себя и насъ... Въ сущности, послѣ Петра, только то въ исторической жизни Россіи за эти безъ малаго два вѣка и было велико и плодотворно, что̀ такъ или иначе обусловливалось непосредственнымъ участіемъ народа,—то дѣйствіе, гдѣ приходилось или ему самому выступать дѣятелемъ, или же самой правящей интеллигенціи съ нимъ считаться, примѣняться къ его вѣсамъ и мѣрѣ. Все же остальное носило на себѣ печать неумѣлости, невѣжества родной страны, ея исторіи, ея потребностей, ея завѣтовъ,—печать антинаціональности, мертворожденности, и вмѣстѣ съ тѣмъ пошлости, пошлости безпредѣльной и мощной... И какъ бы ни кичились мы, сверхнародные общественные

классы, своею культурою, не можемъ мы заглушить въ себѣ болѣзненнаго, тоскливаго чувства, что мы живемъ жизнью *не настоящею,* что вотъ мы уже чуть не двѣсти лѣтъ все что-то представляемъ, все силимся чѣмъ-то *казаться,* но не умѣемъ *быть,* — что пошлость, разъѣдающая пошлость, какъ казнь, преслѣдуетъ насъ по пятамъ! И вотъ, даже и къ концу XIX вѣка, обрѣтается вся наша интеллигенція расписанною по табели о XIV Нѣмецкихъ рангахъ, и столицею Русскаго народа и Святой Руси —городъ съ Нѣмецкимъ прозваніемъ, чуть не за Русскимъ рубежомъ, гдѣ-то на Ингерманландской трясинѣ лицомъ къ Европѣ, задомъ къ Россіи: достойная иллюстрація этого историческаго періода!

Однако, какой же изъ этого слѣдуетъ выводъ? Не тотъ ли, что чѣмъ культурнѣе, тѣмъ слабоумнѣе, чѣмъ сильнѣе цивилизація, тѣмъ слабѣе здравый смыслъ? Выводъ, повидимому, чудовищный. Неужели и въ самомъ дѣлѣ

Намъ просвѣщенье не пристало,
И намъ осталось отъ него
Жеманство—больше ничего!

Предвидимъ заранѣе взрывъ негодованія, особенно со стороны тѣхъ, что̀ числятъ себя «на уровнѣ Европейскаго прогресса», и цѣлый потокъ соотвѣтственной брани и обвиненій въ мракобѣсіи, во враждѣ къ наукѣ и просвѣщенію, и т. д., и т. д. Но такому дешевому и притомъ самодовольному негодованію отдадутся лишь именно тѣ, коихъ можно признать по преимуществу представителями «глупости», — той исторической глупости, о которой идетъ наша рѣчь. Не съ ними и наша бесѣда; вопросъ поставленъ не нами, а самой жизнью, и требуетъ разрѣшенія. Что̀ же, культура ли виновата, — мы ли, Русскіе, виноваты, оказались неспособными къ культурѣ?.. Но западно-Европейская культура тамъ, у себя на Западѣ, не только не оказываетъ такого печальнаго, отрицательнаго, разрушительнаго воздѣйствія на общество, какъ у насъ, но укрѣпляетъ умъ и волю, раскрываетъ и развиваетъ внутреннее содержаніе народнаго духа и приноситъ, правда рядомъ и съ гнилыми, обильные благіе плоды. Значитъ ли: только *намъ* она не годится? Но почему? потому ли, что она западно-Европейская, чужая, и собственно къ ней-то мы и оказываемся неспособными? Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы предположить,

что мы способны были создать свою особенную культуру, помимо Запада, и не создали ее только по какой-то оплошности, случайно взявъ налѣво вмѣсто того, чтобъ пойти направо? Хотя бы и можно было поискать отвѣта и на этотъ вопросъ внѣ готоваго историческаго рѣшенія, но эти поиски завели бы насъ слишкомъ далеко, къ новымъ вопросамъ о свойствахъ и міровоззрѣніяхъ, религіозныхъ и жизненныхъ, Востока и Запада, о роли того и другаго во вселенскомъ развитіи человѣчества, и т. д. Ограничимся же рѣшеніемъ историческимъ, тѣмъ болѣе, что ни прочія восточныя или православныя Славянскія племена, позднѣе насъ выступившія на арену исторіи, ни даже современные Греки, съ прирожденнымъ имъ, повидимому, духовнымъ наслѣдствомъ Эллады и Византіи, не проявляютъ признаковъ самостоятельной культуры.

Нѣтъ сомнѣнія, что такъ-называемая западно-Европейская «культура» — достояніе общечеловѣческое, тѣмъ болѣе, что она и не есть созданіе одного Запада, какъ у насъ теперь привыкли его опредѣлять, а восприняла въ себя и весь культурный подвигъ древней Греціи, и все умственное и духовное богатство Рима, и съ Востока свѣтъ вѣры Христовой; она — *этапъ* на пути всемірно-человѣческаго просвѣщенія, — котораго, стало быть, миновать намъ было невозможно.

«Тамъ солнце мудрости встрѣчали наши очи!»

говоритъ Хомяковъ про Западъ, призывая «дремлющій Востокъ» къ пробужденію... Но дѣло въ томъ, что не все въ западной культурѣ принадлежитъ къ области всемірно-исторической и общечеловѣческой: на многомъ лежитъ характеръ мѣстный, случайный, временный и чисто внѣшній. Прежде же всего необходимо точнѣе опредѣлить этотъ терминъ: «культура», которымъ вытѣсняется теперь старый терминъ «цивилизація» и который въ обиходной рѣчи употребляется безразлично — вмѣсто словъ: «образованіе» и даже «просвѣщеніе». Однако, въ сущности, эти два понятія: «культура» и «просвѣщеніе», вовсе не тождественны. Собственно вѣдь только *просвѣщеніе* «есть на потребу», и если можно спорить о томъ, способенъ или неспособенъ такой-то народъ къ культурѣ, то едва ли можно усомниться въ способности какого бы то ни было народа къ просвѣщенію наукой и знаніемъ, — разъ онъ могъ воспріять свѣтъ истинной вѣры и устранены внѣшнія

препятствія къ его развитію. Различіе между обоими терминами можно всего лучше пояснить наглядно. Странно было бы выразиться, напримѣръ, про кафе-шантаны, каскадныя пѣсни и тому подобныя развратныя зрѣлища, что они «плодъ *просвѣщенія*»; но что они плодъ современной цивилизаціи или культуры нравовъ, это выраженіе вѣрно. «Культура» въ сущности — понятіе внѣшнее, чуждое опредѣленной нравственной подкладки и даже опредѣленнаго содержанія. Этотъ терминъ, взятый изъ области садоводства, означаетъ воздѣлку, обработку, воспитаніе. Въ высшемъ своемъ смыслѣ, въ связи съ идеей просвѣщенія, онъ знаменуетъ собою, пожалуй, воздѣланный, воспитанный вѣками умъ человѣчества; но въ обыкновенномъ значеніи подъ нимъ разумѣется отраженіе воздѣланной знаніемъ мысли и духа въ людскомъ общежитіи, — утонченность нравовъ, инстинктовъ и вкусовъ, — безразлично — въ какомъ, добромъ или недобромъ смыслѣ. Извѣстно, что слишкомъ усердная культура губитъ растеніе. Яблонь холеная, грѣтая, выросшая въ навозѣ даетъ плоды вкуснѣе и нѣжнѣе яблони, выросшей на волѣ, въ природномъ грунту, — но первая хилѣе и кратковѣчнѣе...

Великому историческому организму, какова Россія, призванному ко всемірной роли, неминуемо было пріобщиться общечеловѣческаго просвѣщенія, и поработать ему самостоятельно всѣми дарами своего народнаго духа. Призваніе Россіи, какъ уже выразились мы однажды, примирить въ себѣ односторонности Востока и Запада, претворить духовныя богатства того и другаго въ одно великое цѣлое. Но тутъ-то, при столкновеніи съ Западомъ, и вышло роковое qui pro quo. Вмѣсто *просвѣщенія* мы погнались или насъ погнали прямо за *цивилизаціей* или культурой, въ ея чисто-внѣшнемъ смыслѣ, не различая общечеловѣческаго отъ мѣстнаго, національнаго, вѣчнаго отъ временнаго, непремѣннаго отъ случайнаго: при этомъ мы отреклись или насъ принудили отречься отъ себя самихъ, отъ своей народной личности, отъ своихъ историческихъ преданій, даже отъ права на свою духовную самобытность. Культура — явилась къ намъ именно какъ *чужая*, а не какъ общечеловѣческое достояніе,—явилась притомъ съ презрѣніемъ и враждой къ хозяевамъ дома, не какъ гостья, а какъ госпожа. Она не свободно, не органически прививалась

къ странѣ, а при помощи самаго грубаго, жестокаго, по-истинѣ варварскаго насилія, налагая на просвѣщаемыхъ цѣпи духовнаго рабства... За то и подражаніе истинно-рабское, обезьянство въ подлинномъ смыслѣ слова, извратило весь основной духъ государственнаго строя, исказило его до самыхъ мелочей...

Добрый черноземъ навóзить — только портить; для того, чтобы сѣмя пустило ростъ и уродилось, нужно черноземъ лишь глубже вспахать. У насъ такого глубокаго вспахиванія въ родной почвѣ не производилось, а выдѣливши часть чернозема (оставивъ, къ счастію, прочее необъятное пространство съ народными массами впустѣ), соорудили одну колоссальную казенную оранжерею, куда и загнали «господъ» или высшіе общественные классы, — куда и не пощадили навоза, лучшей культуры ради. Двери въ оранжерею были, впрочемъ, открыты и для низшихъ сословій, но все пріобщавшееся къ «культурѣ» немедленно становилось служилымъ, получало рангъ, поступало въ «господа». Однимъ словомъ, вся наша культура взята была въ казну; Русское просвѣщеніе выросло не въ грунту; Русская интеллигенція — питомица казенной теплицы. Садовникъ же былъ болѣе усерденъ и тяжелъ на руку, чѣмъ искусенъ, тоже вѣдь по наслышкѣ, да наглядкѣ, кое-какъ поучился и не успѣвалъ, да и не всегда умѣлъ разобраться ни въ сѣменахъ, ни въ искусственныхъ удобреніяхъ, такъ что подчасъ вмѣсто сладкаго горошка — глядишь: чертополохъ, вмѣсто апельсина — тыква!.. А кругомъ оранжереи съ ея искусственнымъ воздухомъ и навозомъ, — съ ея слабосильными деревьями — заброшенныя черноземныя поля, полныя растительной мощи, ждущія только добрыхъ сѣмянъ! Если кто оттуда, изъ народныхъ массъ, когда-либо возжаждетъ просвѣщенія — не угодно ли въ теплицу, съ чистаго чернозема на навозъ, въ спертый воздухъ, гдѣ и произрости чахлымъ и дряблымъ растеніемъ!..

Но бывало, что поднавозный природный грунтъ проявлялъ-таки свою силу, и выростали неожиданно деревья мощныя, которымъ душно и тѣсно становилось въ теплицѣ, которыя нехотя кривились и изгибались въ своей тюрьмѣ и успѣвали подчасъ просунуть свои крѣпкія вѣтви на вольный просторъ, сквозь щели разсѣдающейся отъ времени оранжереи... Да, являлись высокіе, чудные таланты и въ нашемъ «культурномъ» слоѣ, и вынуждены были они поневолѣ кривиться и

изгибаться, и не могли достигать полноты подобающаго имъ развитія, благодаря своей неестественной, отрѣшенной отъ родной народности, атмосферѣ. Исторія нашей литературы и нашего искусства есть именно исторія этой борьбы талантовъ съ фальшивыми условіями культуры,—и чѣмъ сильнѣе талантъ, тѣмъ болѣзненнѣе и тоска его по родной почвѣ, тѣмъ напряженнѣе усилія вырваться на просторъ изъ своей культурной темницы. Потому-то и замѣчательна наша историческая «глупость», что людей не только даровитыхъ, но и умныхъ и даже ученыхъ, у насъ не мало (хотя слабоумія и гниломыслія—богатство!); но въ томъ и горе, что этотъ умъ, даровитый, даже обогащенный наукою, воспитывается, развивается, мыслитъ, творитъ въ отвлеченномъ пространствѣ, въ атмосферѣ искусственной, безъ прикосновенія съ живымъ воздухомъ, безъ непосредственной органической связи съ родною реальною жизнью,—а потому и нѣтъ въ немъ здоровья, и весь проникается онъ отрицаніемъ... И какими призраками, какими фантазіями, какими абстрактами — дикими, нелѣпыми, чудовищными, населена эта атмосфера,—отъ насажденія кукурузы въ Архангельскѣ до аристократическихъ на англійскій манеръ конституцій, до безсознательнаго предательства, измѣны родной странѣ, до бѣлой горячки замысловъ революціоннаго нигилизма! И изъ этой-то теплицы, съ ея подчасъ тропическою температурой, даже по сей часъ вербуются сѣятели для нашего холоднаго климата,—вербуются чиновники и сановники для управленія Русскимъ народомъ и Русскою землею!

Просимъ извиненія у читателей, что слишкомъ, можетъ быть, увлеклись метафорической формой. Но полагаемъ, что при ея помощи всего яснѣе раскрывается причина: почему мы въ нашей публичной жизни и публичномъ дѣланіи такъ печально, такъ трагически *несостоятельны*, почему — какъ и золота—такъ мало у насъ въ обращеніи и *ума*,—почему могло сказаться и никого не удивить горькое слово: «мы глупы и бѣдны!» Правда, оранжерея наша приходитъ все болѣе и болѣе въ ветхость, разросшіяся насажденія все сильнѣе выпираютъ стекла и стѣны,—но этого недостаточно. Всего умнѣе въ настоящее время открыто сознать и признать это наше невольное скудоуміе какъ плодъ нашей оранжерейной культуры, и устремиться къ тому, чтобъ просвѣщенія сѣмена па-

дали прямо въ грунтъ глубоко, въ чернеземъ родной почвы и возрастали на родномъ, вольномъ воздухѣ. Нѣтъ, поэтому, бо́льшаго врага истиннаго, плодотворнаго для Россіи просвѣщенія, и болѣе болѣзненнаго продукта русской казенно-тепличной культуры, какъ та наша «интеллигенція», которая напредовольна собою, горделиво сама себя величаетъ этою кличкой, и, исповѣдуя космополитизмъ, презирая русскую духовную самобытность, плюя на русскія историческія преданія, на все, чѣмъ въ сущности живетъ, держится и насъ самихъ спасаетъ народъ, мнитъ себя быть истинной представительницей русскаго народнаго ума и народной мысли, и вопитъ благимъ матомъ, при всякомъ обличеніи ея глупости, что «Русь» компрометируетъ въ глазахъ народа науку и просвѣщеніе!!!

Дошли ли мы, одаренные и умомъ и всякимъ духовнымъ богатствомъ, до предѣла своей умственной и духовной несостоятельности? Или наша «историческая глупость» ни въ сферѣ «интеллигенціи», ни на полѣ бюрократическомъ — еще не сказала своего послѣдняго слова?..

Гдѣ границы государственному росту Россіи.

Москва, 15-го іюля.

«Не остановилъ нашихъ долгополыхъ и длиннобородыхъ «мудрецовъ XVI столѣтія»,—такъ скорбитъ Е. Л. Марковъ въ статьѣ своей, напечатанной въ 13 № «Руси»,—«предѣлъ, созданный Богомъ между Европою и Азіею: удалая русская сила перешла за *Камень,* удальски захватила Сибирь... Это былъ»,—по мнѣнію почтеннаго автора,—вредный шагъ для будущаго развитія Русскаго народа, послужившій программою множеству другихъ позднѣйшихъ шаговъ въ томъ же духѣ, по тому же направленію...» «Сначала фортъ Перовскъ, потомъ Ташкентъ, Хива, Бухара, Ферганъ, потомъ Ахалъ-Теке и наконецъ Мервъ!..»

Приведемъ еще нѣсколько строкъ изъ статьи «Глиняныя пріобрѣтенія», въ которыхъ мысль автора выражена съ особенною игривостью и картинностью: «Шагъ за шагомъ, неза-

мѣтно, какимъ-то роковымъ, будто невольнымъ образомъ, оттянуло насъ отъ себя самихъ, отъ своихъ собственныхъ интересовъ, отъ Европы и Европейскаго,—и утопило сначала по колѣна, потомъ по горло, а теперь уже выше макушки—въ азіатчинѣ, въ дичи всякаго рода... Да поможетъ же намъ нашъ Русскій Богъ избавиться съ этой поры на вѣки-вѣчные отъ всякихъ подобныхъ пріобрѣтеній! Да набьетъ намъ наконецъ оскомину въ нашемъ неизлѣчимомъ *зудѣ* расширенья предѣловъ хотя этотъ глиняный, безводный, безлюдный, ни на что намъ не нужный Мервъ!»... «Куда же, куда наконецъ еще двигаться намъ?.. Довольно, пора остановиться, пора оглянуться на свои мозоли, на свои лоскутья и *начать жить* своею собственною внутреннею жизнью, неустранимыми интересами крови и плоти своей. Пора наконецъ намъ знать, гдѣ кончаются стѣны *нашего* дома, и гдѣ начинается чужбина!»

Гдѣ кончаются стѣны нашего дома?! Въ томъ-то и дѣло, что стѣны его еще не вполнѣ выведены, да и самый фундаментъ не вездѣ заложенъ! Если въ наши дни и можно уже предугадывать конечные предѣлы Русскаго государственнаго зданія, такъ все же напередъ нужно къ нимъ вплоть подойти: отдыхать, останавливаться еще не настало время... Безспорно, суровъ нашъ Русскій земной жребій, но не мы его избрали, а потому не лучше ли безъ ропота и унынія,—напротивъ, съ бодростью и вѣрою въ свой историческій рокъ довершать начатое? Удивительна въ самомъ дѣлѣ судьба Россіи! Вотъ уже вступила она во *второе* тысячелѣтіе своей государственной жизни, и все еще не сложилась, все еще пребываетъ въ періодѣ *формаціи*,—формаціи даже внѣшней, географической. На второмъ десяткѣ вѣковъ Русскій народъ у всего міра слыветъ еще «молодымъ», да таковъ онъ и есть. Извѣстный путешественникъ, исходившій Россію вдоль и поперекъ, Уоллесъ Мекэнзи, дивился тому, хотя и не безъ ироніи, что нигдѣ такъ легко не относятся къ *настоящему*, какъ въ Россіи: «У васъ всѣ и всякій,—говорилъ онъ намъ,—вольно и невольно сводятъ рѣчь на *будущее*»... Это дѣйствительно характерная черта, которая сама собой сопоставляется съ вышеупомянутымъ замѣчаніемъ о недовершенной формаціи и о молодости народа—на одиннадцатомъ вѣку его государственнаго бытія!.. Молодости, конечно, свойственно имѣть взоръ вперенный въ

будущее, чаять себѣ *свое*, новое дѣло въ жизни, и не совсѣмъ свойственно повторять зады. Тутъ нѣтъ ни заслуги, ни достоинства, это простой физіологическій и историческій фактъ, съ которымъ, какъ онъ для многихъ ни грустенъ, слѣдовало бы, кажется, примириться, да и понять, что не совсѣмъ-то удобно подгонять такую страну, въ настоящую ея пору, подъ мѣрку другихъ, совсѣмъ зрѣлыхъ и отчасти даже перезрѣлыхъ политическихъ странъ и ради уравненія съ ними насиловать законы возраста и естественнаго развитія...

Намъ замѣтятъ, можетъ быть, что и прочія современныя Европейскія государства вовсе не кончили своего сложенія: и расширяютъ свои границы, и заводятъ колоніи, но притомъ все же знаютъ твердо, чего хотятъ... Послѣднее пусть и справедливо, но мы тѣмъ не менѣе утверждаемъ, что всѣ они въ свое время, болѣе или менѣе полно, *уже опредѣлились* и географически и исторически, какъ національно-политическія тѣла; если потомъ и видоизмѣнялись границы, то не органическимъ, а насильственнымъ или искусственнымъ путемъ, или какъ историческая случайность. Франція, напримѣръ, давно достигла полноты своего естественнаго *роста*,—и Наполеоновскій эпизодъ въ началѣ вѣка былъ не болѣе какъ внезапный, беззаконный разливъ рѣки, которая, охвативъ своими водами широкую окрестность, ушла потомъ снова въ свои законные берега. Лѣтъ пятнадцать назадъ у нея отвоеваны двѣ, когда-то присвоенныя ею себѣ, въ сущности Нѣмецкія провинціи; это, пожалуй, увѣчье, которое она, безъ сомнѣнія, будетъ стараться исправить: жребій войны можетъ быть современемъ и возвратитъ ихъ ей, можетъ и не возвратитъ,—но никакого права органической необходимости въ обладаніи ими не заключается. Италія?.. Но назвавши ее, вы уже очертили въ своемъ умѣ ея полный географическій и этнографическій образъ, независимо отъ того, раздроблена ли она на нѣсколько королевствъ, республикъ и владѣній разныхъ наименованій,—организовалась ли въ федерацію, или же (съ *чужою*, впрочемъ, помощью) въ единое государство. Правда, для довершенія своего новаго случайнаго политическаго образа, ей предстоитъ еще присоединить къ себѣ кое-какія земельки, зачисленныя теперь въ Австрію, и въ этомъ смыслѣ можно, пожалуй, сказать, что Италія еще не «сложилась»; но кому же не ясно, что это

окончательное объединеніе требуется не столько не необходимостью, или силою взаимнаго тяготѣнія, сколько «принципомъ»; въ сущности вѣдь Далмація, напримѣръ, и даже Истрія съ Тріестомъ—земли не Итальянскія, а Славянскія. Про Великобританію и толковать нечего: она *ограничена* кругомъ водами Океана и, присоединивъ Ирландію,—сформировалась вполнѣ. Что же касается до *колоній*, которыми обзавелась она во всѣхъ частяхъ свѣта, которыми богата также и Франція, которыхъ не мало и у Испаніи съ Португаліей, и у Голландіи,—то колоніи никакъ не составляютъ принадлежности самого государственнаго *тѣлосложенія* этихъ странъ: это уже, скорѣе, дѣторожденіе, кладка сѣмянъ *сложившагося* организма, отпрыски совсѣмъ выросшаго и зрѣлаго дерева. Несравненно труднѣе опредѣлить современное положеніе Германіи... Для нея, конечно, вопросъ о формаціи существуетъ или, вѣрнѣе,—вновь поставленъ исторіей во образѣ новосозданной Германской Имперіи; настоящія границы послѣдней, очевидно, не соотвѣтствуютъ ни ея титулу, ни знамени. Но, не говоря о томъ, что самой этой имперіи съ ея притязаніями всего-то, по Русской поговоркѣ, безъ году недѣля, и за будущность ея, когда сойдутъ съ исторической сцены ея славные зиждители, никто поручиться не можетъ,—процессъ образованія этой Имперіи прежде всего объектъ внутренняго домашняго спора Пруссіи съ Австріей, Германіи протестантской съ католическою. Германіи же вообще, какъ бы она политически ни сложилась, подъ однимъ ли скипетромъ, или подъ двумя—Гогенцоллерновъ и Габсбурговъ, не трудно, однако, въ наше время, распознать, гдѣ кончаются стѣны ея политическаго дома и гдѣ начинаются чужія, и съ точностью опредѣлить себѣ границы. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать фактъ непрестаннаго *движенія* Германскаго *племени* и постепенныхъ, за внѣшними этнографическими и политическими предѣлами, завоеваній—*германизаціи*. Этого факта никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ органическимъ ростомъ, съ естественнымъ ходомъ формаціи, съ удовлетвореніемъ законной необходимости дойти до прочной и удобной границы, какую мы, напримѣръ, испытываемъ на Востокѣ. Одаренный безспорно мощнымъ національнымъ духомъ, но притомъ и совѣстью, по отношенію къ другимъ племенамъ, самою неробкою и широкою, чуждою какихъ-либо

зазрѣній и соображеній нравственнаго порядка,—полный самомнѣнія и вѣры въ свое право, т. е. въ право силы и твердаго корыстнаго хотѣнья,—Германецъ, не поневолѣ, не ради необходимости отыскать себѣ прочную границу, а весьма сознательно и предумышленно, изъ жажды къ добычѣ и изъ властолюбія, всегда переступалъ свои естественные этнографическіе или установившіеся политическіе рубежи и шелъ отъ захвата къ захвату, огнемъ и желѣзомъ, *igni et ferro* (недавно вновь возглашенный Германіей *принципъ!)*, пользуясь сравнительно слабостью политической организаціи сосѣдей—главнымъ образомъ нашей братіи—Славянъ. Наибольшая часть той Германіи, гдѣ всего сильнѣе клокочетъ теперь Германскій патріотизмъ, сидитъ на костяхъ цѣлыхъ Славянскихъ племенъ, истребленныхъ мечемъ Нѣмецкимъ (какъ въ Помераніи, т. е. на Балтійскомъ Поморьѣ), или вообще на подпочвѣ Славянской и, конечно, теперь стала безспорно уже «Нѣмецкимъ домомъ». То же творилъ Германецъ и во образѣ Австріи (мы о ней отдѣльно не говорили, потому что какое же это государство? это какая-то временная династическая комбинація), но творилъ съ меньшимъ успѣхомъ, по недостатку сосредоточенныхъ въ ней чисто-Нѣмецкихъ силъ. Германіи можно бы теперь, по отношенію къ Славянскому міру, и поуспокоиться; тѣмъ не менѣе Германецъ, подъ видомъ ли новой Имперіи или монархіи Габсбурговъ, претъ и теперь и на Востокъ, и на Югъ, въ чужія, именно Славянскія же земли, проникая туда отчасти насиліемъ и обманомъ, отчасти воздѣйствіемъ мощной своей культуры; но повторяемъ снова: такое стремленіе никакъ не можетъ быть отнесено насчетъ законной потребности тѣлосложенія и естественнаго роста. Можно надѣяться, что германизація встрѣтитъ наконецъ могучій отпоръ въ пробудившемся или еще пробуждающемся Славянскомъ самосознаніи, и начинающемъ даже слагаться Славянскомъ мірѣ; и если Нѣмецкій беззаконный Drang не пріостановится, то, разумѣется, быть грозной, современемъ, встрѣчѣ Германскаго и Славянскаго міровъ.

Просимъ извиненія у читателей, что такъ далеко увлеклись въ сторону. Хотя Россія несомнѣнно стоитъ во главѣ Славянства и вся его сила въ ней, но въ ней Славянская стихія не исчерпывается только этнографическимъ племеннымъ

опредѣленіемъ и скромною задачею политической независимости какъ для прочихъ Славянскихъ племенъ, а призвана къ міровому самостоятельному значенію, о-бокъ съ міровымъ же историческимъ значеніемъ Европейскаго Запада, во образѣ Европейскаго Востока, или собственно Русскаго государства. Оставя обще-Славянскій міръ пока въ сторонѣ,—къ вопросу о нашей собственной, еще неоконченной формаціи и возвратимся. Если г. Марковъ, тоскуя о томъ, что Россія слишкомъ подалась отъ Запада на Востокъ, напоминаетъ ей, что подвиги «цивилизующей и морализующей миссіи на Востокѣ», за которые коварно восхваляютъ насъ теперь Нѣмцы, намъ не къ лицу, по смыслу приводимой имъ пословицы: «не до жиру—быть бы живу», то именно это самое обстоятельство, что Русскіе не «отъ жиру», какъ Нѣмцы и Англичане, движутся впередъ,—не оно ли и доказываетъ, что русское движеніе вынуждено какимъ-то историческимъ рокомъ? И дѣйствительно,—отложимъ пока вопросъ о Сибири (о которой рѣчь впереди),—исторія свидѣтельствуетъ, что не завоевательныя походы, не жажда военной славы и не «донъ-кихотскіе», по выраженію почтеннаго писателя, «подвиги возстановленія истины во всѣхъ углахъ и племенахъ міра» сказались въ государственномъ сложеніи Руси, почти отъ начала и до сего дня. Еще историкъ Соловьевъ замѣтилъ, что нынѣшнія рамки Европейской Россіи намѣчены съ самаго почина ея историческаго бытія. Такъ вѣдь что же? Россія и до сихъ поръ даже еще и не вступила въ эти свои рамки, въ продолженіе десяти вѣковъ! Да и рамки-то эти были намѣчены лишь съ Запада, съ Сѣвера и Юга; въ сторону же къ Востоку—никакой границы! какая-то res nullius, съ полудикими инородческими племенами, степь да лѣса, такъ-что и стѣны утвердить негдѣ! Первая пора нашего государственнаго зачатія связана съ Варяжскимъ моремъ, съ путемъ изъ Варягъ въ Греки черезъ Кіевъ по Днѣпру и Черному или Понтійскому морю, *«иже море словетъ Руськое»*, какъ говоритъ Несторъ и на что, между прочимъ, указываетъ и самъ г. Марковъ. Стали было мы утверждаться вдоль западныхъ и южныхъ этихъ рамокъ, уперлись въ Карпаты, спустились къ Дунаю, сѣли и въ Тьмутаракани; Ярославъ воюетъ Чудь, воздвигъ городъ Юрьевъ... Но нагрянули Нѣмцы-крестоносцы (въ борьбѣ съ которыми князь Але-

ксандръ получаетъ прозваніе *Невскаго*); но откуда-то только взялись всякіе Печенѣги, Половцы, Торки, Берендеи, оттѣснили насъ отъ родного моря; но нахлынула страшная бѣда Татарская, и Русь была сдвинута съ своей первоначальной основы и на Сѣверѣ, и на Западѣ, и на Югѣ. И вотъ, послѣ долгой, долгой Монгольской муки и тьмы, послѣ долгихъ, долгихъ разнообразныхъ испытаній, только лишь въ началѣ XVII вѣка, снова становятся *нашими* Варяжское море, Нева, гор. Юрьевъ. Только лишь въ этомъ вѣкѣ, не ранѣе, окончательно возвращается Россіи ея колыбель и купѣль, «мать градовъ Русскихъ»—Кіевъ, а всю юго-западную и сѣверо-западную полосу Россіи, гдѣ совершился такъ-сказать вешній, Кіевскій періодъ ея исторіи, мы вернули себѣ лишь въ концѣ XVIII столѣтія, благодаря тремъ раздѣламъ Польши (И это-то законнѣйшее *присвоеніе своего* до сихъ поръ не только сознательно-фальшивый либерализмъ Западной Европы, но и тупоумно-лжедушный либерализмъ нашихъ собственныхъ Россійскихъ интеллигентовъ еще продолжаетъ намъ ставить въ вину!).. А границу Владиміра Святого на Западѣ мы такъ еще и не возстановили,—эту не только древнюю, историческую, но и самую естественную нашу границу: Русь Угорская и Русь Галицкая еще остаются отторгнутыми отъ Россіи,—но само собою разумѣется, рано или поздно, должны примкнуть къ ней.

А Черное море «иже словеть Руськое»,—какую тьму азіатчины, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, должны мы были вытѣснить и выперетъ изъ южныхъ степей только для того, чтобъ *добраться* до него,—что̀ наконецъ и совершилось при Екатеринѣ II! Но оно и до сего часа не стало еще Русскимъ...

«Перелѣзли черезъ Уралъ, стали лѣзть *черезъ Кавказъ!*» восклицаетъ съ огорченіемъ г. Марковъ. Да какъ же не лѣзть? Можетъ ли Черное море стать Русскимъ (а безъ того Россія такъ и останется на вѣки недоноскомъ), пока мы на немъ не хозяева, пока плаваніе на немъ для Русскихъ судовъ не безопасно, пока берега его принадлежатъ враждебнымъ намъ силамъ? Не очевидно ли, что вслѣдъ за сѣвернымъ его побережьемъ, мы обязаны были, волей-неволей, усвоить себѣ и Кавказскій его берегъ со всѣми на немъ племенами (не говоря уже о томъ, что единовѣрная намъ Грузія съ Имеретіей уже съ начала XVII вѣка толкались къ намъ въ двери, прося защиты

отъ Персіи и всяческихъ мусульманъ)? Но усвоить себѣ Кавказскій берегъ нельзя иначе, какъ овладѣвъ всѣмъ Кавказскимъ перешейкомъ. «Стали лѣзть черезъ Кавказъ!» Не останавливаться же у подошвы Кавказскаго хребта подъ вѣчною угрозою обитающихъ въ горахъ разбойничьихъ разныхъ племенъ? Не обязаны ли мы были обезопасить себѣ Кавказскія владѣнія отъ всякихъ Азіатскихъ нашествій извнѣ? И перелѣзли, и взяли Батумъ и Карсъ, и поползли по Азіатскому берегу, и будемъ ползти, пока не сядемъ верхомъ на проливахъ, чѣмъ и пріобрѣтемъ себѣ наконецъ естественную границу, не нарушая къ тому же ничьихъ *законныхъ* правъ: тутъ южная стѣна нашего *Русскаго* государственнаго дома!..

Но г. Марковъ готовъ, повидимому, еще помириться съ этимъ движеніемъ къ Югу; его смущаетъ и тревожитъ главнымъ образомъ наше распространеніе на Востокъ, къ «желторожимъ халатникамъ», къ «дичи всякаго рода», «далеко отъ Европы и Европейскаго...» «*Подлинно-Русскіе рубежи*, за которыми стелется сплошная и неподдѣльная Русская сила», по его мнѣнію, находятся около Волги. Такъ,—да самые-то эти «подлинно-Русскіе рубежи», вплоть до которыхъ простирается «цѣльная и неподдѣльная Русская сила», давно ли они стали такими? Цѣлыхъ *семь* вѣковъ Русской государственной труженической жизни понадобилось лишь для того, чтобъ занять главные пункты на Волгѣ—Казань и Астрахань! Только вѣдь занять! Какимъ же инымъ образомъ могло совершиться на этомъ громадномъ степномъ и лѣсномъ пространствѣ, заселенномъ разными инородцами, созданіе *сплошной* и *цѣльной* Русской силы *тамъ, гдѣ ея не было и помину*, какъ не тѣмъ же самымъ процессомъ распространенія на Востокъ, «далеко отъ Европы», который подвергается такому порицанію со стороны г. Маркова! Вѣдь населенія Русскаго, даже и со всевозможными Финскими племенами, всегда было слишкомъ мало и для *первоначальнаго* простора Русскаго государства; въ этомъ отношеніи мы страдали *худосочіемъ*, по выраженію нашего автора, даже и въ 1222 году, когда основали Нижній Новгородъ. И тогда совопросникъ вѣка того могъ бы воззвать къ намъ: «куда, куда двигаетесь вы? Не пора ли оглянуться на свои мозоли, свои лоскутья» и т. д.? Но разъ неумолимою судьбою повелѣно намъ жить не у «Адріатики», «не рядомъ

съ Грекомъ и съ Итальянцемъ», разъ, что посажены мы на верховьяхъ Волги и дана намъ въ удѣлъ вся эта необъятная равнина, простирающаяся до самыхъ низовьевъ послѣдней, то и нужно было добиться упорнымъ трудомъ—чтобы вольно было Русскому люду спускаться «внизъ по матушкѣ по Волгѣ»; нужно было поискать равнинѣ края, претворить ее въ Русскій устроенный домъ. И задана эта задача, и исполнена нами въ то самое время, когда вдаль и вширь этой равнины, ничѣмъ не перегражденной, на встрѣчу намъ съ волжскихъ же низовьевъ несся, все окрестъ затопляя, бурный Татарскій потокъ. И безъ того тяжкое, дѣло государственнаго тѣлосложенія должно было, казалось, рухнуть совсѣмъ отъ такой злѣйшей напасти! Предстояло не только сохраниться живу, но и обратить Татарскій потокъ вспять; предстояло въ постоянной борьбѣ съ Татарами продолжать работу государственнаго зиждительства, сплотить свои лоскутья въ цѣлину неразрывную, рости, множиться, шириться и постепенно тѣсня—загонять лютую азіатчину до самыхъ ея источниковъ и тамъ ослабить, обезвредить ее на вѣки... Каково вспомнить, что еще въ первые года царствованія *Екатерины II* подвергалась Русь Татарскимъ нашествіямъ (правда уже съ Юга, а не съ Востока)!

По истинѣ можно только дивиться колоссальному подвигу, совершенному нашими предками! Какъ не потеряли они мужества, долготерпѣнія и вѣры въ призваніе Руси при тѣхъ трудахъ и бѣдахъ, которыми сопровождалось ея домостроительство! Какъ съумѣли они одолѣть всѣ невзгоды, всѣ преграды, которыя безпрестанно воздвигала наша собственная малонаселенность, бѣдность, необъятность разстояній, суровый климатъ и наконецъ скудость знанія?.. Пожалуй подсмѣивайтесь себѣ надъ выраженіемъ о «подвигѣ цивилизующей и морализующей миссіи», но развѣ это не подвигъ, достойный именно такого именованія—создать на всемъ этомъ пространствѣ сплошную, христіанствомъ просвѣщенную Русскую силу,—и чуть не цѣлую часть свѣта призвать къ поприщу всемірно-историческому? И подвигъ этотъ совершенъ старою Русью безъ малѣйшаго самопрославленія, въ простотѣ и даже смиреніи, и не à la Кортецъ и Пизарро, безъ возбужденія чувствъ ненависти и злобы (всюду, напримѣръ, посѣваемыхъ

Англичанами)—не столько внѣшнимъ насиліемъ, сколько мирнымъ процессомъ духовнаго и органическаго сращенія.

«Наши долгополые и длиннобородые мудрецы XVI столѣтія», говоритъ г. Марковъ, «еще не могли вполнѣ уразумѣть жизненной необходимости своего народа», которая, по мнѣнію автора, заключалась въ томъ, чтобъ, наконецъ, «*отдохнуть* отъ тяжелыхъ испытаній судьбы, отъ вѣковыхъ объятій невѣжества», придти «въ общеніе съ народами, которые за эти печальные вѣка» Русской исторіи, «вѣка войны и безурядицы съумѣли выработать высокое искусство, глубокія знанія, тонкое общежитіе».

Попрекъ нашимъ предкамъ несправедливъ. Развѣ Россія въ XVI вѣкѣ уже окончила свое сложеніе, и развѣ именно эти вотъ самые народы, выработавшіе тонкое общежитіе, давали ей отдохнуть? Развѣ, вырываясь изъ «объятій невѣжества», не пришлось намъ разверзать себѣ объятія просвѣщенія лишь вооруженною силою. Развѣ Западъ инстинктивно и сознательно не пытался заграждать намъ всѣми способами вышеупомянутое «общеніе», опасаясь, пуще огня, проникновенія въ Россію Европейскихъ знаній и искусствъ? Роль этого цербера вдоль западной нашей границы усердно исполняла Польша, въ то время могущественная, да и Ливонія,—и развѣ, вслѣдъ за нанесеніемъ двухъ сокрушительныхъ ударовъ такъ долго душившей насъ татарщинѣ, т. е. вслѣдъ за покореніемъ царства Казанскаго, царства Астраханскаго, не воевалъ Иванъ Грозный Ливонію, чтобы стать въ непосредственныя отношенія къ болѣе насъ просвѣщенному Западу, помимо его ретивыхъ *аванпостовъ,* и не утвердился было совсѣмъ на Балтійскомъ прибрежьѣ?...

Странно, что г. Марковъ въ завоеваніи Сибири видитъ «вредный шагъ» для будущаго развитія Русскаго народа! Эта цѣлая треть Азіи завоевана нами, уже точно можно сказать, на мѣдныя деньги, безъ малѣйшей растраты силъ! Мудро ли было бы отказаться отъ такого дароваго пріобрѣтенія страны, преисполненной несмѣтныхъ богатствъ и, строго говоря, никому не принадлежавшей. Да и впослѣдствіи-то, сказать по правдѣ, даже и до сего дня, управленіе ея стоило и стóитъ грошъ сравнительно съ громадными выгодами, получаемыми отъ нея Россіею. Развѣ Сибирь когда-либо истощала насъ,

тянула изъ Россіи соки, служила и служитъ помѣхою въ нашемъ государственномъ бытіи? Напротивъ, уже какъ мѣсто ссылки она сослужила истинно благодѣтельную службу государству,—не говоря о томъ, что она же служила, а теперь въ особенности служитъ источникомъ постояннаго обогащенія Россіи и однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ Русской торговли. Удивительное дѣло! Вся Европа ищетъ себѣ новыхъ рынковъ во всѣхъ частяхъ свѣта, и въ Азіи по преимуществу,—а мы тоскуемъ — зачѣмъ намъ достался Сибирскій рынокъ, зачѣмъ наши долгополые предки не отказались отъ него и дали, по выраженію Маркова, этому «новому царству разбойниковъ, Азіатцевъ, кочевниковъ повиснуть за спиной и *безъ того утомленнаго* вѣчными разбоями Русскаго колосса»... Нашелъ о чемъ горевать нашъ талантливый публицистъ! Никогда никакого утомленія отъ Сибирской ноши спина Русскаго народа не ощущала и теперь не ощущаетъ. Если бы спросить о томъ Русскихъ торговцевъ (вѣдь ихъ также надо имѣть въ виду, вѣдь ради интересовъ своихъ торговцевъ Англія цѣною милліардовъ завоевываетъ себѣ всюду новыя мѣста сбыта!), такъ Русскіе торговцы только бы развели руками отъ изумленія. Если кто можетъ быть утомленъ, такъ развѣ Петербургскій бюрократизмъ — тоже колоссъ своего рода. Не умѣемъ мы еще пользоваться Сибирью,—это вѣрно, даже до сихъ поръ и связать ее съ Россіей желѣзной дорогой не умудрились; но вѣдь это именно благодаря *сему* колоссу, благодаря тому, что наши финансовые и экономическіе властные политики щупаютъ больше пульсъ у Петербургско-Берлинской Еврейской биржи, чѣмъ у Русской промышленности и торговли, страхъ какъ боятся прослыть за варваровъ-Азіатцевъ, и вообще съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ «высококультурнаго человѣка» относятся къ нашей далекой, невѣжественной Азіатской окраинѣ. Хотя, по словамъ нашего достоуважаемаго сотрудника, «Англія высокопрактическая и прозорливая» (не то что Россія!), «захватываетъ въ свои руки только жемчужины земли», однако, смѣемъ думать, не побрезгала бы она ни Амурскимъ краемъ, ни Сибирью,—а ужъ Сѣверо-Американскіе Штаты и подавно. Послѣдніе, конечно, не прочь были бы хоть сейчасъ захватить все наше Тихоокеанское побережье, и всю область Амура, давно скалятъ на нихъ зубы,—и чего добраго, пожалуй, давно бы

и проглотили эту нашу сѣверную «азіатчину», еслибъ только въ Петербургѣ возобладали вполнѣ воззрѣнія на нее, выраженныя Е. Л. Марковымъ.

Точно также законно, естественно и неизбѣжно наше движеніе и въ сторону Средней Азіи. Г. Марковъ признаетъ Волгу «подлинно-Русскимъ рубежомъ»; но вѣдь чтобы стать Волгѣ Русскою рѣкою, необходимо обладаніе обоими ея берегами, не только нагорнымъ, но и луговымъ. А луговая сторона кишѣла всякими Луговыми Черемисами, Вотяками, Башкирами... Приходилось ставить для усмиренія ихъ городки по Волгѣ, подвигаться далѣе по луговой степи,—а степь эта упиралась и въ Каспій, и въ Уралъ,—тотъ «Камень», который изобиловалъ всякими минеральными сокровищами и на который, несомнѣнно, наши мудрые предки смотрѣли какъ на драгоцѣннѣйшее достояніе своихъ потомковъ, *Россіи будущаго*... Что же до Каспія, то вѣдь владѣть Астраханью—значитъ владѣть устьями Волги впадающими въ «море Хвалынское», какъ назывался у насъ въ пѣсняхъ Каспій; значитъ—свободно пользоваться моремъ. А возможно ли было это свободное пользованіе, когда по противоположному берегу разгуливали хищники, когда рыбопромышленники и торговцы до самыхъ послѣднихъ временъ становились добычею Туркменъ и Хивинцевъ? Торговое значеніе богатѣйшаго Русскаго воднаго пути, каковымъ была Волга, требовало, чтобъ плаваніе по морю было для насъ совсѣмъ безопасно, чтобъ путь этотъ приводилъ къ правильному и упорядоченному сбыту... И хотя г. Марковъ и говоритъ, что «Петръ и Екатерина круто повернули было насъ отъ Татарина къ Нѣмцу, изъ Азіи въ Европу», но авторъ забываетъ, что Петръ, пріобрѣтая себѣ море на сѣверо-западѣ, дорожилъ притомъ моремъ вездѣ и всюду, и не только не пренебрегалъ Каспійскимъ, но, напротивъ, такъ его высоко цѣнилъ, что и Дербентъ отвоевалъ, и даже экспедицію Бековича-Черкасскаго затѣялъ единственно для попытки: нельзя ли повернуть Аму-Дарью на старое русло, вмѣсто Аральскаго озера, въ Каспій и такимъ образомъ создать прямой *водный* торговый путь съ верховьевъ Волги вплоть до Индостана! Что мысль о такомъ размахѣ торговыхъ сношеній не была праздною мечтою, это доказывается тѣмъ, что у Астрахани и безъ того кое-какія торговыя сношенія съ Индіей дѣйствительно были, но крайне затрудненныя разбоемъ

кочевниковъ и всякихъ Азіатскихъ ордъ. Еще въ 1844 г. можно было видѣть въ этомъ городѣ обширное заколоченное кругомъ каменное, совсѣмъ старое зданіе, называвшееся: «Индійскій дворъ»... Что же, сказать ли и про Петра Великаго то же, что говоритъ г. Марковъ выше о нашихъ длиннобородыхъ предкахъ XVI столѣтія, т. е. что Петръ также «не уразумѣлъ вполнѣ жизненной необходимости своего народа», что и въ немъ самомъ «жилъ еще настолько кочевникъ и Азіатецъ», что, какъ и предки, онъ «словно волкъ смотрѣлъ только въ лѣсъ, привыкъ тянуть только къ Татарину, только къ Азіи!»

Чтобы владѣть Чернымъ моремъ и сдѣлать его, по завѣту самой исторіи, Русскимъ, чего желаетъ и самъ почтенный авторъ, необходимо, повторяемъ, владѣть Кавказомъ; чтобъ владѣть Кавказомъ, т. е. перешейкомъ между Чернымъ моремъ и Каспійскимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться и устьями Волги—этой главной торговой артеріи Русскаго царства, нужно вполнѣ обладать и самымъ этимъ Каспіемъ; нужно, кромѣ того, держать въ извѣстной зависимости отъ себя Персію, единственное государство Средней Азіи (кромѣ Китая) болѣе организованное, чѣмъ другія. Персію, къ счастію, намъ нѣтъ и надобности завоевывать. Только съ Ахалъ-Текинской экспедиціей и съ ея неизбѣжнымъ послѣдствіемъ — присоединеніемъ Мервскаго оазиса становится наконецъ восточный берегъ Каспійскаго моря вполнѣ *нашимъ*, и обезпечивается наконецъ наша торговля съ Среднею Азіею, — этимъ естественнымъ и почти единственнымъ заграничнымъ рынкомъ для произведеній нашей промышленности кустарной, заводской и фабричной. Присоединеніе Мерва очень важно еще потому именно, что наконецъ-то дошли мы до *края* степи, наконецъ-то усматриваемъ, кажется, возможность въ недолгомъ времени установить себѣ не зыбкія, а твердыя границы въ Средней Азіи! Что же до послѣднихъ, то мы готовы принять мнѣніе «Московскихъ Вѣдомостей» и думаемъ, что намъ не особенно трудно будетъ стать въ добрыя сосѣдскія отношенія съ Афганистаномъ и имѣть его союзникомъ, въ томъ же родѣ, какъ и Персію; такъ какъ никакихъ завоевательныхъ вожделѣній относительно Афганистана мы не питаемъ. Точно такъ же никогда не мечтали и не мечтаемъ мы о завоеваніи Индіи; тѣмъ не менѣе, для насъ болѣе чѣмъ выгодно занимать позицію,

благодаря которой мы можемъ заставить Англію (иначе для насъ недосягаемую) стать податливѣе къ нашимъ законнымъ правамъ и требованіямъ на Черномъ морѣ и на Балканскомъ полуостровѣ... Въ настоящую минуту рѣшается важный вопросъ — разграниченія нашего съ Персіею и съ Афганистаномъ, къ участію въ которомъ, неизвѣстно по какому праву, допущена и Англія. Дипломатіи нашей предстоитъ теперь показать во всемъ блескѣ свое искусство...

И такъ, вопреки г. Маркову, ни въ одномъ шагѣ своего движенія и распространенія на Востокъ не подлежитъ Россія упреку; она лишь исполняла законъ необходимости,—органическій законъ своего государственнаго тѣлосложенія, не нарушая ничьихъ законныхъ правъ, не къ ущербу, а къ выгодѣ занимаемыхъ ею странъ и подчиняемыхъ народовъ. Но, къ тому же, именно съ Востока формація Россіи и близится теперь къ своему завершенію; не завершена она съ Юга (т. е. со стороны Чернаго моря); не завершена и съ Запада (Русь Галицкая и Угорская)...

Но если г. Марковъ и согласится признать тотъ законъ органическаго развитія, который такъ далеко подвинулъ насъ на Востокъ, къ Азіи, то онъ, все же пожалуй, назоветъ его, какъ и теперь называетъ это движеніе—роковымъ: въ самомъ дѣлѣ, всякій ростъ — дѣло органическое и въ этомъ смыслѣ законное, но можно вѣдь выростп и до болѣзненнаго уродства; непомѣрный ростъ, въ ширину напримѣръ, будучи вовсе не произвольнымъ, тѣмъ не менѣе можетъ быть и нерѣдко бываетъ условіемъ слабости. Г. Маркову уже и теперь мерещится совершенное измѣненіе въ положеніи Русской силы— *и къ худшему.* «Теперь у Россіи,— говоритъ онъ,— выросло своего рода неуклюжее и бездѣйствующее брюхо, выпирающее далеко въ глубь Азіи, требующее для своего питанія громадной затраты ея собственныхъ кровныхъ силъ и представляющее, въ случаѣ какой-нибудь серьезной опасности, не опору намъ, не дружелюбную помощь, а самую *злую,* внутреннюю *болячку*»... «Для энергическихъ внѣшнихъ дѣйствій Россіи,—по мнѣнію г. Маркова,—этотъ тяжеловѣсный Азіатскій приростъ будетъ служить свинцовою гирею, нарушающею естественное равновѣсіе Россіи, связывающею свободу ея движеній»... «Какое неестественное напряженіе для Русскихъ

боевыхъ силъ,—восклицаетъ далѣе авторъ,—хоть бы для того, чтобы изъ центра Россіи обсерегать внѣшнія границы Заравшана или Мерва!»...

Все это говореніе, повторяемъ, по меньшей мѣрѣ напрасно, и пугала, смущающія г. Маркова (а можетъ быть и многихъ вмѣстѣ съ нимъ) призрачны. Вѣдь и Сибирь призналъ онъ лишнею тяготою, «повисшею за спиною и безъ того утомленнаго Русскаго колосса»,—которой тяготы сей колоссъ никогда положительно не испытывалъ! Масса Русскаго населенія въ Сибири не ропщетъ на свое пребываніе въ этомъ краѣ; самое слово «Сибирякъ» въ предѣлахъ Европейской Россіи понимается въ смыслѣ доброй аттестаціи, означая Русскаго человѣка бодраго и крѣпкаго духомъ. Это не похоже на злую болячку. Смѣемъ увѣрить г. Маркова, что и противный ему Ташкентъ въ средѣ торгующаго Русскаго люда,—а онъ не малочисленъ,—вполнѣ популяренъ, да и не одинъ Ташкентъ, но и весь нашъ Средне-Азіатскій рынокъ!.. Московскіе купцы помышляютъ даже объ устройствѣ ярмарки въ Баку, мѣсяца за два до начала Нижегородской,—именно для того, чтобы стать, такъ сказать, лицомъ къ лицу съ своими покупателями-Азіатцами. Нѣтъ сомнѣнія, что если эта мысль приведется въ исполненіе, то послѣдствія ея будутъ самыя благодѣтельныя и для политическихъ интересовъ Россіи, а выгодами для Русской промышленности они сторицею окупятъ тѣ расходы, которыхъ стоило намъ умиреніе и пріобрѣтеніе Средне-Азіатскихъ степей.

Далѣе. Все необъятное пространство нашихъ Средне-Азіатскихъ владѣній въ сущности стоитъ намъ весьма умѣреннаго напряженія силъ, которое даже не давало себя и чувствовать въ критическія эпохи, переживаемыя Россіей. Много ли поглощаетъ у насъ войска хоть бы Сибирь—цѣлая треть Азіи?! Да и въ Закаспійскомъ краѣ войска-то всего тысячъ 40,—и это теперь... Въ Смутное время въ началѣ XVII вѣка, составила ли Сибирь и наши Заволжскія (тогда вѣдь тѣ же Азіатскія, съ кочевниками и хищными племенами) владѣнія какую нибудь видную помѣху? Въ 1812 году, когда повидимому Россіи былъ поставленъ вопросъ: быть или не быть, — повисшее у насъ за плечами царство Сибирское, да разныя степныя орды съ неусмиреннымъ Кавказомъ отвлекли ли отъ театра войны нужныя намъ боевыя силы? Мы знаемъ отъ автора «Семей-

ной Хроники», что въ 1813 г. примчались на лыжахъ по снѣгу въ Оренбургскую губернію Сибирскіе Остяки спасать Русскаго Царя отъ Бонапарта, и ихъ повернули назадъ — разъяснивъ, что Бонапарта уже прогнали! Не доходили ли, вмѣстѣ съ русскими войсками, и Калмыки (кажется съ Башкирами) вплоть до Парижа? А въ послѣднюю нашу войну — явились ли наши СреднеАзіатскія владѣнія, съ Хивой, Бухарой и еще съ неусмиренными Текинцами, «злою внутреннею болячкой?» Напротивъ, именно наше положеніе въ Средней Азіи могло бы послужить намъ великою помощью въ этой войнѣ, отвлечь вниманіе и смирить нахальныя козни Англіи, если бы только умѣли мы имъ воспользоваться и не деликатничали слишкомъ съ Европой!

Безъ сомнѣнія Средне-Азіатской окраиной можно и должно управлять иначе, чѣмъ управляется она теперь въ наши дни, и несравненно проще, и несравненно дешевле, по примѣру нашихъ длиннобородыхъ предковъ (не худо, кажется, какъ мы видѣли, распорядившихся дѣломъ колонизаціи и обрусенія Приволжья и Заволжья). Великая опасность именно въ томъ, что забываются уроки этихъ «длиннобородыхъ» и что мы, пренебрегая собственнымъ историческимъ опытомъ и тѣми орудіями для борьбы съ азіатчиной, которыя спеціально выработала намъ исторія, стараемся и здѣсь подражать Европейцамъ. Но къ счастію, намъ это не вполнѣ удается; вотъ почему, — какъ Петербургская штатская и военная бюрократія ни ухищряется европейничать, — наше обаяніе для народовъ Востока еще велико, наши отношенія къ Азіатцамъ не тѣ, что напримѣръ отношенія Британіи къ Индіи, гдѣ держится она лишь помощью штыковъ, ненавидимая туземцами и въ вѣчномъ опасеніи, что ее оттуда прогонятъ! Что-то не слыхать, чтобъ добровольно, сами, шли къ ней въ подданство!.. Вотъ почему, сравнительно военная охрана Средней Азіи стòитъ намъ въ сущности пустяковъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ ради Азіи, ради Востока содержимъ мы нашу громадную армію, поглощающую чуть не треть государственнаго бюджета? Ради кого эта страшная «растрата» силъ, отъ которой, примѣнимъ здѣсь слова г. Маркова, пора было бы по истинѣ отдохнуть? Ради именно Западной Европы съ ея «тонкимъ общежитіемъ». Не

Азія, а вѣчно враждебный намъ Западъ не даетъ успокоиться утомленному Русскому колоссу!

Если мы сочли нужнымъ возразить почтенному нашему сотруднику, то лишь именно изъ опасенія, чтобъ его точка зрѣнія на нашу восточную окраину и его пренебреженіе къ ней не пришлись слишкомъ по вкусу нашему Петербургскому европеизму. Тамъ вообще, можетъ быть, очень были бы склонны многіе—пооблегчить дѣло бюрократическаго управленія Россіи нѣкоторымъ ея сокращеніемъ и нѣкоторымъ ограниченіемъ сферы ея интересовъ, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ. Ни съ того, ни съ сего, напримѣръ, отказались мы отъ нашихъ Сѣверо-Американскихъ владѣній, пріобрѣтенныхъ Русскою торговою предпріимчивостью, и обогатили ими Соединенные Штаты!.. Этого «длиннобородые предки XVI столѣтія» конечно бы не сдѣлали. Но упреки, дѣлаемые авторомъ системѣ современной администраціи въ Средней Азіи, повторяемъ, большею частью справедливы и подтверждаются помѣщенными у насъ статьями генерала Фадѣева. Вотъ объ этой-то системѣ въ сравненіи съ образцами древне-Русской системы, и о наличности еще въ Русской жизни нѣкоторыхъ древне-Русскихъ элементовъ, которыми совершалась въ старину Русская колонизація, мы и поговоримъ въ слѣдующій разъ...

Всемірно-историческое призваніе Россіи.

Москва, 1-го августа.

На многія мысли наводитъ статья г. Маркова, о которой мы уже говорили въ 14 № *) и которая въ живомъ талантливомъ изложеніи раскрываетъ цѣлый рядъ понятій, невѣрныхъ по нашему мнѣнію, по своимъ внѣшнимъ лоскомъ основательности и правды—нерѣдко подкупающихъ умы нашего образованнаго общества и даже руководящихъ и властныхъ его круговъ. И тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія горячее слово почтеннаго публициста противъ распространенія Россіи на Востокъ, что самъ онъ никоимъ образомъ не можетъ быть за-

---

*) См. предыдущую статью.

численъ въ такъ-называемый «западническій» или вообще тотъ лагерь, гдѣ одна мысль о *самобытномъ* развитіи нашего отечества наводитъ священный ужасъ, а призваніе Россіи полагается лишь въ повтореніи Европейскихъ задовъ. Въ прошлый разъ мы постарались выяснить неизбѣжность этого распространенія лишь съ внѣшней стороны,—какъ естественный процессъ государственнаго тѣлосложенія, какъ необходимость дойти до нормальныхъ, рѣзко-очерченныхъ границъ. Но это объясненіе конечно недостаточно: есть болѣе глубокій, внутренній смыслъ въ этомъ распространеніи, внутренній двигатель, дѣйствовавшій и дѣйствующій *непосредственно,* даже помимо отчетливаго государственнаго или общественнаго сознанія. Здѣсь очевидно присутствіе высшей, особаго рода миссіи, которая, хотя бы о ней и не вѣдали въ точности самыя ея орудія—миссіонеры, являетъ себя, по прошествіи длиннаго ряда вѣковъ, величавыми, мощными результатами. Процессъ образованія Россійской Имперіи не представляетъ никакого сходства съ процессомъ образованія ни великихъ имперій міра минувшаго—Александра Македонскаго, Римской, Карла Великаго, ни даже какого-либо изъ современныхъ Западно-Европейскихъ государствъ. Всѣ они, болѣе или менѣе, слагались способомъ завоеванія, искусственнаго сочлененія, съ помощью насильственной (первоначально) ассимиляціи, подъ воздѣйствіемъ сознаннаго политическаго принципа. Россія же развивается словно изъ зерна, какъ дубъ изъ желудя, силою органическою,—и притомъ еще и духовно-органическою. Чисто-матеріальная племенная субстанція зародыша была слишкомъ несоразмѣрна съ тѣмъ объемомъ, до котораго отчасти ужъ доразвился и призванъ несомнѣнно доразвиться Русскій національно-политическій организмъ. Рѣдкость Славянскаго населенія при зачатіи Русскаго государственнаго бытія была такова, что даже при нормальномъ приростѣ населенія оно не могло бы, только собою, наполнить предѣлы Европейской Россіи даже въ той степени, въ какой мы ее видимъ заселенною нынѣ. А между тѣмъ самъ г. Марковъ «*подлинно-Русскіе* рубежи» видитъ теперь за Волгой, хотя бы недалеко отъ нея, и утверждаетъ, что вплоть до этихъ рубежей изнутри Россіи «стелется *сплошная* и *неподдѣльная Русская* сила, неспособная къ враждѣ и измѣнѣ, способная на всякія испытанія и жертвы». Въ другомъ мѣстѣ

тотъ же авторъ, возставая противъ новыхъ присоединеній Азіатскихъ земель, выражается слѣдующимъ образомъ: «Русская всегдашняя сила заключалась въ ея *одноплеменности*, ея однородности. Одинъ языкъ Русскій, одинъ православный крестъ—были слышны и видны отъ лѣсныхъ дебрей Соловецкой обители до Чернаго моря, отъ Нѣмечины до Азіи»... Именно такъ, но вотъ чего и не доглядѣлъ авторъ: этой сплошной и неподдѣльной Русской силы, однородной и единовѣрной, сначала вѣдь здѣсь вовсе и не имѣлось; она сложилась постепенно, и не только черезъ одно передвиженіе Русскаго населенія съ Запада на Востокъ, а черезъ претвореніе обитавшихъ здѣсь инородческихъ племенъ въ составъ *Русскаго* тѣла. *Физическою одноплеменностью* «Русская сила» похвалиться не можетъ, да и не ею собственно и сильна,—а сильна единствомъ народнаго духа, народнаго нравственнаго и отчасти бытового типа. Однимъ словомъ, нашимъ предкамъ удалось оправославить и ославянить или обрусить болѣе двухъ третей пространства, называемаго нынѣ Европейской Россіей, которыя не были ни Славянскими, ни тѣмъ менѣе православными, но которыя теперь причисляются *къ коренной* Россіи и даже, по мнѣнію г. Маркова, составляютъ сплошную, «*подлинную*» «неподдѣльную» Русскую мощь. Пустота и племенной хаосъ смѣнились однородностью и одноплеменностью высшаго качества: смѣнились—Россіей. Насъ нисколько не смущаютъ поэтому никакія теоріи Духинскаго, никакіе попреки въ чуждыхъ примѣсяхъ къ нашей Славянской породѣ; не мало, конечно, проникло въ нашъ народный составъ крови чуждой, всякой Азіатской и въ особенности Финской. Но есть нѣчто поважнѣе и помогущественнѣе *крови*, и это-то нѣчто, т. е. духовное начало Славянское, соблюлось въ Русскомъ народѣ въ большей чистотѣ,—мало того: проявилось дѣятельною, творящею силою неизмѣримо въ высшей степени, чѣмъ во всѣхъ прочихъ Славянскихъ племенахъ разныхъ наименованій,—которыя остались на степени племенныхъ *видовъ* и физіологически, пожалуй, болѣе *породисты*, чище насъ сохранили свою *расу*... Самое даже названіе *Русскій* является въ Русской исторіи уже отрѣшеннымъ отъ *видоваго племеннаго* опредѣленія: вступая въ государственное историческое бытіе, всѣ эти разныя Славянскія племена— Поляне, Древляне, Вятичи и пр.—пере-

числяемыя Несторомъ, по его же словамъ, *прозвались Русью*, сливаются въ одинъ *народъ*—Русскій, слагають одну землю—Русскую. Это уже форма бытія болѣе широкая, возводящая племенные виды къ высшему единству, выдѣляющая изъ нихъ общую Славянскую стихію, но уже отрѣшенную отъ племенной видовой узкости и тѣмъ самымъ болѣе способную къ ассимиляціи слабѣйшихъ инородческихъ племенъ. Но все это пока было не болѣе какъ сосудъ, ожидающій содержанія—тѣло какъ бы еще животное, еще неодухотворенное свыше. Съ принятіемъ же Св. Крещенія предъ новокрещенною, православною Славянскою Русью развернулась—и въ даль временъ, и въ ширь безпредѣльнаго на Востокъ простора—перспектива иной, міровой исторической задачи: созданія высшаго и широчайшаго и притомъ свободнаго единства въ конкретномъ образѣ Русскаго государства, или точнѣе Русскаго христіанскаго народа, Русской Земли. Символами этого единства, дѣйствительно,—православный крестъ Христовъ и Русскій языкъ, и тотчасъ же неослабно двинулись они въ путь на Востокъ, и продолжается это движеніе и понынѣ, хотя уже и далеко, далеко не съ тѣмъ успѣхомъ, какъ въ Старой Руси!

Нельзя же не видѣть въ этомъ поприщѣ *дѣятельности*, открывшемся для Русскаго національнаго духа, по направленію къ Востоку, съ самаго начала бытія Россіи, не покинутомъ ею и до сихъ поръ—особаго великаго, вселенско-историческаго призванія. Нельзя не примѣтить, что демаркаціонною линіею Россіи со стороны Запада является *латинство* (въ смыслѣ духовномъ) съ своимъ кровнымъ, хотя бы незаконнорожденнымъ дѣтищемъ—протестантствомъ. Могутъ быть и въ Русскихъ предѣлахъ подданные католическаго исповѣданія, какъ Поляки и часть Бѣлорусовъ, но это все же аномалія, вынужденная случайными обстоятельствами, все же диссонансъ, нарушающій общій духовный ладъ Русской державы—элементъ чуждый, осужденный всегда смотрѣть въ лѣсъ, т. е. устремлять взоры къ Риму, и слѣдовательно къ Западу,—элементъ сильнѣе разлагающій нашу національность, чѣмъ даже язычество и магометанство, ибо онъ не нравы развращаетъ, а вноситъ искаженіе и ложь въ самую духовную суть Русской народности, въ ту христіанскую православную ея основу, о ней же мы, какъ Русскіе, живемъ и есмы (о заграничныхъ

Славянахъ-католикахъ мы поговоримъ когда-нибудь отдѣльно). Нельзя же наконецъ не признать, что всѣ Европейскія государства, кромѣ Россіи, католическія и протестантскія, при всемъ различіи въ частностяхъ, образуютъ нѣчто родственно-цѣлое по духу, которое и именуется общимъ именемъ «Европы» или точнѣе—*Запада*. и что вотъ этому-то особому міру, всему этому цѣлому съ дюжиной Романо-Германскихъ племенъ и державъ—противополагается историческою судьбою, какъ особый же цѣлый міръ, *одна* держава—Россія. Остальные мелкіе новоявленные политическіе организмы Европы, также исповѣдующіе православіе, хотя и не входятъ въ составъ Россіи, все же неизбѣжно тяготѣютъ къ ней,—какъ бы теперь, временно, ихъ близорукіе политическіе руководители ни отбивались отъ такого естественнаго тяготѣнія: въ качествѣ православныхъ, никогда они ни католическому, ни протестантскому Западу *своими* не будутъ, а представляютъ для Запада лишь лакомый объектъ для поглощенія или же ассимиляціи путемъ совращенія и вѣроотступничества.

Что же противополагается Романо-Германской Европѣ или Западу въ лицѣ Россіи? Міръ Православно-Восточный, или Славянство—возросшее до значенія Православно-Восточнаго міра. Міръ этотъ еще слагается. Византійская имперія, хотя и называлась и была «Восточною», не способна была однакоже воплотить собою этотъ Православно-Восточный міръ. Подъ сѣнію Византіи—и въ этомъ ея вѣчная заслуга, Христіанская Церковь впервые предстала міру, воочію, съ своею святою вселенско-соборною, братолюбивою сущностью и преподала *образъ* такого соборнаго, всехристіанскаго единенія и для будущихъ лучшихъ вѣковъ, по минованіи вѣковъ раздѣленія и обособленнаго историческаго развитія. Подъ сѣнію Византіи же, христіанскій Востокъ выяснилъ и опредѣлилъ, а вселенское церковное единомысліе соборно и окончательно выразило и утвердило существенныя основы истиннаго вѣроисповѣданія,—каковыя въ своей чистотѣ и сохранились въ вѣроученіи Церкви такъ-называемой Восточной или Православной. Но Византійская имперія, сама создавшаяся на римской закваскѣ, проникнутая въ государственной жизни началами древняго Рима. не въ силахъ была разрѣшить внутренняго противорѣчія этихъ старыхъ своихъ, языческихъ, родныхъ ей началъ съ началами

Обновленія во Христѣ, ею же самой провозглашенными и вознесенными надъ своимъ бытіемъ. Византія не исказила ученія Церкви, какъ практическій папскій Римъ, поисправившій и поприладившій вселенское ученіе къ своимъ потребностямъ, къ Римскому юридическому вкусу и властолюбивому духу— подтасовавшій, напримѣръ, принципъ свободнаго, братолюбиваго *единства* — принципами *власти* и *дисциплины*... Но именно потому, что Византія не заблуждалась въ вѣроученіи, а соблюла его въ чистотѣ,—глубже, болѣзненнѣе терзали и разъѣдали Византію, ярче и грубѣе выступали наружу явныя его противорѣчія съ жизнью. Она облагодѣтельствовала свѣтомъ Вѣры новые народы, втѣснявшіеся въ ея предѣлы или обращавшіеся къ ней за Истиной, но сама безсильна была претворять ихъ въ свое, къ тому же дряхлое, полу-Романское, полу-Эллинское тѣло, въ единый крѣпкій организмъ,—создать противовѣсъ православнаго Востока отклонившемуся отъ вселенскаго единства, но внутренно объединенному Западу. Вино новое требовало и мѣховъ новыхъ, и Византія пала, передавъ свое драгоцѣнное духовное достояніе,—то церковно-историческое призваніе, которое она не способна была выполнить,— Россіи. Достойною ли оказывается Россія призванія,—это другой вопросъ, но что она призвана, это, кажется, не можетъ подлежать и сомнѣнію, и тѣмъ хуже для нея, если она окажется недостойной!..

И именно потому, что этотъ православно-восточный міръ еще созидается, еще въ процессѣ внутренняго развитія и сложенія, ни о какомъ «соединеніи Церквей», какъ бы къ тому ни взывалъ вновь и вновь на страницахъ «Извѣстій», издаваемыхъ Славянскимъ Обществомъ въ Петербургѣ, г. Соловьевъ, теперь и рѣчи быть не можетъ. Раздѣленіе сему *подобаетъ быти*—пока съ одной стороны Россія не придетъ въ надлежащую мѣру возраста и силы и не проявитъ, во всѣхъ сферахъ жизни, хоть въ той же полнотѣ и *самостоятельномъ* развитіи, какъ и Западъ, существенныя стороны своего народнаго духа; съ другой—пока самъ церковный Римъ не возвратится къ чистотѣ и братолюбивой сущности христіанскаго ученія и не исцѣлится отъ похоти властолюбія... Впрочемъ, вопроса о раздѣленіи Церквей мы касаемся теперь только мимоходомъ; мы отмѣчаемъ здѣсь лишь историческій фактъ, слу-

жащій намъ точкой отправленія для уразумѣнія особаго призванія Россіи въ исторіи—ея *противоположенія* на всемірно-исторической аренѣ Западу. Было бы совершенно ошибочно думать, что здѣсь «противоположеніе» означаетъ непремѣнно *вражду* или борьбу въ грубомъ смыслѣ слова, на жизнь и на смерть (какъ многіе охотно толкуютъ отношеніе «Руси» къ Западу); нисколько. Въ этомъ смыслѣ противополагаетъ себя Востоку и Россіи самъ Западъ, но не Россія. Подъ «противоположеніемъ» разумѣемъ мы здѣсь лишь самостоятельное проявленіе; въ лицѣ православной Россіи, новыхъ, отличныхъ отъ Запада и имъ неявленныхъ сторонъ человѣческаго духа: поле для нихъ безпрепятственнаго всемірно-историческаго развитія—Востокъ и то, что сама Европа называетъ Востокомъ, но что для насъ собственно—Югъ. На Западѣ же намъ собственно дѣлать нечего; на своемъ полѣ онъ уже поработалъ для человѣчества довольно, совершилъ рядъ величайшихъ подвиговъ въ области мышленія, знанія и жизненнаго опыта, благодѣяніями которыхъ и мы пользуемся, да и обязаны воспользоваться во всей полнотѣ, какъ общечеловѣческимъ достояніемъ. Романо-Германской Европѣ мы не навязываемся ни съ какой пропагандой, ни съ какими притязаніями на миссію, озабоченные лишь своимъ собственнымъ самосозиданіемъ; ни какимъ Drang nach Westen мы не одержимы. Притязанія наши по отношенію къ Западу только въ томъ и заключаются, чтобъ онъ-то самъ призналъ наши права,—какъ міра Русско-Славянскаго, не лѣзъ въ сферу нашихъ интересовъ и нашей дѣятельности, и оставилъ бы насъ въ покоѣ. Русскій народъ и вообще-то не питаетъ вражды ни къ какимъ народамъ и племенамъ, и тѣмъ менѣе питаетъ ее къ племенамъ Европейскимъ, которыя онъ всегда отличалъ и отличаетъ отъ «басурманскихъ»; но именно Западная Европа сама преисполнена къ нему, какъ и вообще къ православному міру и къ Славянству, неугасимой вражды и ненависти. Эта вражда—неугомонно воинствующая, въ томъ или другимъ видѣ. Римъ, напримѣръ, не перестаетъ насылать на православныхъ христіанъ полчища миссіонеровъ,—угрозами, казнями и обольщеніями совращая ихъ въ подданство Папѣ. Кровь стынетъ въ жилахъ при одномъ чтеніи о подвигахъ латинскихъ миссіонеровъ въ злосчастной Босніи! И такой пропагандѣ сочувствуютъ, со-

дѣйствуютъ и отрекшіеся отъ Христа Французы, и поссорившіеся съ Папою Итальянцы, и даже Германскіе протестанты! Со всѣхъ сторонъ ломятся Нѣмцы на Балканскій полуостровъ, мечтая оттѣснить Россію и перенять у нея наслѣдіе Византіи, создать новую, Латинскую Восточную Имперію... Все слилось въ единое чувство тайной и явной вражды Западно-Европейскаго міра къ Православной Россіи и Славянству: и племенное самомнѣніе, и аристократическое высокомѣріе, религіозная и культурная нетерпимость, презрѣніе и въ то же время— страхъ: намѣченная Западомъ себѣ добыча—разныя, еще не ассимилированныя имъ Славянскія, за Русскимъ рубежомъ, племена — ускользаетъ, и выступленіе Славянъ на самостоятельное всемірно-историческое поприще представляется ему грознымъ бунтомъ *плебеевъ* противъ патриціевъ! Наши мнимые либералы не позволяютъ себѣ даже и помышлять о какомъ-либо самостоятельномъ призваніи Россіи, осуждая ее на вѣчное ученичество и обезьянство,—но объ этомъ призваніи непрестанно пророчествуетъ Западно-Европейская русобоязнь... Въ такихъ безпокойствахъ и чувствахъ къ намъ Запада повиненъ никто иной, какъ онъ самъ, съ его патриціанскими и аристократическими притязаніями и властолюбивыми похотями. Мы подлежимъ упреку развѣ лишь за долготерпѣніе, съ которымъ переносили и переносимъ его насилія надъ Славянствомъ и нарушеніе законнѣйшихъ нашихъ правъ. Однимъ словомъ, противополагая Россію Западу, мы находимся по отношенію къ нему въ положеніи не наступательномъ, аггрессивномъ, а лишь *оборонительномъ*, — и, какъ мы уже сказали и прежде,—не ради Азіатскихъ нашихъ владѣній содержимъ мы громадную армію, а ради высокопросвѣщеннаго и высококультурнаго Запада и ради отпора его притязаніямъ, его Drang'у nach Osten.

Г. Марковъ предостерегаетъ Россію относительно Западно-Европейскихъ, преимущественно Германскихъ «коварныхъ» восхваленій нашему движенію въ глубь Азіи. Такое предостереженіе для Русской интеллигенціи, между прочимъ и для той, которая вѣдаетъ наши дипломатическія дѣла, можетъ быть и не излишне: Нѣмцы посылаютъ намъ напутственныя благословенія въ Азію даже вовсе не коварно, а совершенно искренно, т. е. съ искреннимъ желаніемъ намъ успѣха: ничего, конечно,

такъ не желали бы они, какъ ослабленія нашей національной позиціи на западномъ нашемъ рубежѣ, сокращенія сферы нашихъ интерессовъ на Балканскомъ полуостровѣ и перенесенія центра тяжести нашей политики въ Азію. Это даже еще недавно вновь выяснилось изъ статей офиціозной «Сѣверо-Германской Газеты» въ отвѣтъ Русской газетѣ «Свѣтъ», вздумавшей упрекать Германію въ недостаткѣ сочувствія нашимъ Средне-Азіатскимъ успѣхамъ! Но у насъ нѣтъ, или по крайней мѣрѣ не должно быть—ни Азіатской, ни Европейской политики, а есть или должна быть одна—*Русская*, слѣдовательно ни о какомъ перемѣщеніи центра тяжести не можетъ или не должно быть и рѣчи. Въ дѣйствительности же никакого самомалѣйшаго ослабленія новыя, въ Средней Азіи, Русскія пріобрѣтенія учинить Русской позиціи на западномъ рубежѣ не способны; напротивъ могутъ только укрѣпить ее страхомъ, внушаемымъ Европѣ Азіатскими полчищами, которыя мы безъ всякаго затрудненія во всякое время охотно поставимъ лицомъ къ лицу съ *непрошенно* пожаловавшимъ къ намъ Европейскимъ гостемъ... Безъ малѣйшаго сомнѣнія, двигаясь на Востокъ, мы обязаны,—да и обладаемъ для этого всевозможными средствами, — стоять твердыней на нашей западной границѣ, неупустительно исполнять свой долгъ по отношенію къ Славянству и къ Черному морю, не отдавать *ни пяди* своей и Славянской земли міру Романо-Германскому. Только болѣзненная мнительность, — плодъ отчужденія отъ народности, — она одна творитъ насъ политически-трусливыми и слабыми по отношенію къ Западной Европѣ.

Но обратимся къ созданію Православно-Восточнаго міра во образѣ Россіи. Если по отношенію къ Европейскому Западу мы состояли и состоимъ собственно въ оборонительномъ положеніи, то по отношенію къ Востоку мы искони находились и находимся — въ положеніи наступательномъ, — не въ воинственномъ только, но еще болѣе въ мирномъ смыслѣ. Здѣсь, слава Богу, съ Востока широкое поприще открывалось для зиждительства нашему національному духу. Мы можемъ лишь гордиться тѣмъ, что успѣли совершить наши «толстобрюхіе», «долгополые», «длиннобородые» предки, одинъ образъ которыхъ приводитъ въ краску стыда ихъ «культурныхъ» потомковъ, и которые проявили такую необыкновенную

способность къ колонизаціи, сплоченію и сращенію инородныхъ элементовъ: созданная ими новая Россія явилась несравненно крѣпче и цѣльнѣе, одушевленною болѣе творческимъ духомъ, чѣмъ первоначальная Русь, тянувшаяся узкой, относительно, полосой вдоль современной западной Русской границы, подпавшей отчасти духовному и культурному воздѣйствію Запада.

Въ историческомъ процессѣ нашего государственнаго созиданія замѣчается черта, которою онъ существенно отличается отъ подобнаго же процесса въ Европѣ и на которую мы вскользь указали выше. Тамъ политическія или государственныя цѣли были почти всегда впереди и предшествовали воздѣйствію культуры, цивилизаціи и другихъ духовныхъ ассимилирующихъ силъ. Старая же Русь наша, помимо политическаго сложенія, росла себѣ органически, стихійно, независимо отъ воли и дѣятельности правительства, всегда переступая офиціальные Русскіе государственные предѣлы. За офиціальными государственными рубежами всегда оказывалась Русь зарубежная! Государство, по большей части, шло во слѣдъ народному движенію и колонизаціи, а не они по пятамъ государства... Русь, собственно говоря, даже не государство, а міръ, понятіе о которомъ не исчерпывается политическимъ опредѣленіемъ: точнѣе же сказать, Русское государство не подходитъ подъ общеизвѣстную, научно установленную норму государства западнаго. Наше государство строилось не только князьями и царями, но также и святою отвагою отшельниковъ, ставившихъ монастыри, Богъ вѣсть гдѣ, въ глухихъ лѣсныхъ чащахъ, въ пустынныхъ дебряхъ, среди полудикихъ инородцевъ,—и дѣятельною любовью проповѣдниковъ Слова Божія, въ родѣ Зосимы, Савватія, Стефана Пермскаго—просвѣтителя, а потому и обрусителя земли Зырянской (хотя онъ объ обрусеніи и не думалъ, а переводилъ Св. Писаніе на зырянскій языкъ!), и предпріимчивостью торговою,—а также и воинствующею вольницей, гулящими людьми—удалью казацкою. Обрусеніе совершалось не во имя какой-либо «государственной теоріи», не по плану, а свободно, какимъ-то неизслѣдимымъ процессомъ, но притомъ такъ прочно и безповоротно, что мы, потомки, можемъ тому лишь завидовать. Ничего не пойметъ въ Русской исторіи тотъ, кто изучаетъ лишь исторію однихъ государствен-

ныхъ дѣяній и событій въ тѣсномъ смыслѣ или образованіе лишь одного внѣшняго *правоваго* порядка. Не объяснитъ онъ намъ—какъ могло государство съ его скудными средствами и силами, съ его неуклюжими порядками и тяжелыми пріемами, справиться съ своимъ необъятнымъ просторомъ и не пугаясь его — ширить да ширить предѣлы, и въ концѣ концовъ, не смотря на всѣ испытанія, создать такую исполинскую мощь. То, что въ наши дни кличетъ себя «интеллигенціей», а въ прежнее время почитало себя исключительно таковой и безъ клички, то что у насъ мнило и мнитъ стоять подъ знаменемъ «прогресса», «либерализма» и т. д., и, по выраженію Достоевскаго, напечатанному имъ почти наканунѣ смерти, было, да и теперь одержимо «лакейскою боязнью: какъ бы всякое сочувствіе къ родной старинѣ не показалось признакомъ варварства, азіатчины»,—то до сихъ поръ относится съ величайшимъ презрѣніемъ къ бытію до-Петровской Руси, не видитъ въ Русской исторіи ничего, кромѣ «застѣнковъ», «батоговъ», «деспотизма», и конечно не въ состояніи оцѣнить дивный подвигъ самаго строенія Руси. Сперанскій начиналъ ее даже съ Петра... Какъ должно ихъ смутить напечатанное на дняхъ въ «Русскомъ Архивѣ» письмо къ Чадаеву, во истину носителя Русскаго духа, нашего чуднаго «Пушкина», который еще 50 лѣтъ тому назадъ, мужественно и во всеуслышаніе объявляетъ, что онъ вѣритъ въ самостоятельное призваніе Россіи въ мірѣ, и что «ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ бы имѣть другой исторіи, кромѣ исторіи своихъ предковъ»!..

Подвига строенія Руси, повторяемъ, положительно не осмыслитъ себѣ тотъ, кто просматриваетъ дѣйствіе въ нашей исторіи подспудныхъ силъ народно-духовныхъ. Но какъ исторія Русскаго государства немыслима безъ исторіи этой земщины, такъ немыслима и та и другая безъ исторіи Русской церкви, которую опять-таки надо искать не въ исторіи Русской іерархіи, а въ исторіи жизненныхъ проявленій христіанства, въ самомъ бытіи народномъ. До сихъ поръ еще остается недостаточно выясненнымъ, растолкованнымъ и оцѣненнымъ изумительный фактъ спасенія и возрожденія Русскаго государства въ 1612 г. однимъ народомъ, точнѣе сказать *земщиной*, одною ею: значитъ жива и животворяща была она, несмотря на «деспотическую» форму правленія! Мало того: государство,

стоявшее совсѣмъ на краю гибели, казалось, въ конецъ разрушенное, безъ войска, безъ правительства, безъ всякихъ административныхъ учрежденій, съ побѣдоноснымъ врагомъ въ столицѣ и на окраинахъ,—это самое государство, черезъ 50 лѣтъ послѣ мужичьяго подвига съ смиреннымъ княземъ Пожарскимъ во главѣ, присоединяетъ къ себѣ Малороссію, принимаетъ въ подданство Имеретію, а черезъ 90 лѣтъ бьетъ Шведовъ, овладѣваетъ Балтійскимъ прибрежьемъ, опекаетъ самую Польшу? Если съ конца XVII столѣтія возникаетъ Петръ, то вѣдь до Петра, изъ государственныхъ дѣятелей послѣ междуцарствія не было ни одного великаго и геніальнаго, не на кого и указать!

Въ томъ-то и дѣло, что до реформы Петра или, точнѣе, до той поры, какъ его реформа проникла въ самую душу Русскихъ оффиціальныхъ и общественныхъ дѣятелей, дѣйствіе народныхъ подспудныхъ силъ не было еще нравственно подавлено и заторможено вторженіемъ чуждой духовной стихіи. Государство могло быть и деспотичнымъ, правительство грубымъ, жестокимъ, но духовнаго разъединенія между нимъ и народомъ еще не было. Цѣльность внутренней всенародной жизни еще ничѣмъ не была подорвана,—потому-то и обладала она этою удивительною силою сращенія съ государственнымъ и народнымъ тѣломъ вновопріобрѣтаемыхъ краевъ и племенъ. Первымъ дѣломъ Ивана Грознаго, напримѣръ, по взятіи Риги, было, даже можетъ быть безъ предвзятой цѣли, а такъ, потому что это въ Русскомъ правѣ, воздвигнуть православную церковь: недолго пробылъ онъ тамъ, но слѣды оставилъ,—а удержи онъ за собой Ливонію, она явилась бы теперь иною, чѣмъ мы ее видимъ, стала бы совсѣмъ Русскимъ краемъ, гдѣ о Нѣмечинѣ не было бы и помину; не сталъ бы онъ тамъ строить «Екатериненталей», и Нѣмецкія названія городовъ замѣнилъ бы Русскими, ничтоже сумняся; припомнилъ бы (потому что преданія Русской исторіи были живы и въ немъ, и во всей Руси), что Дерптъ—Юрьевъ, городъ, построенный Ярославомъ, и Нѣмецкаго университета для онѣмеченія Латышей въ немъ бы не завелъ. Взялъ онъ Казань силою, но кровавый слѣдъ тотчасъ же затянуло мощнымъ ключомъ Русской жизни,—явились и чудотворныя иконы, и иныя святыни, и черезъ 60 лѣтъ послѣ взятія Казани это имя звучитъ въ названіи храмовъ,—

становится наипопулярнѣйшимъ въ Русской Землѣ!.. А тамъ, по Дону, по Яику, по низовьямъ Волги ставятъ свои курени и станицы казаки: по степи и по морю воюютъ съ азіатчиной, гуляютъ, разбойничаютъ,—повидимому сбродъ всякой вольницы,—но блюдутъ Русскіе предѣлы, расширяютъ ихъ, утверждаютъ на всемъ этомъ просторѣ православный крестъ и Русскій языкъ—*самочинно* работая на великое Русское государство, безъ всякаго повелѣнія и руководства правительственной власти, и лишь кланяясь царю завоеванными царствами и городами!.. Ту же работу совершали, сами того не сознавая, но движимые тѣмъ же общерусскимъ народнымъ инстинктомъ, и Малорусскіе казаки съ Запорожцами по низовьямъ Днѣпра и на Украйнѣ, какъ въ борьбѣ съ Туречиной и Татарвой, такъ и въ борьбѣ съ Поляками и латинствомъ за Русскую свободу и православіе...

Все это было, конечно, не благообразно, отзывалось невѣжествомъ, дикостью, грубостью, пожалуй и суевѣріемъ, и фанатизмомъ,—но вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно, энергіей, внутреннею цѣльностью народныхъ творческихъ силъ. Получило наше государство благообразіе Европейское, поступили мы въ ученики къ Европѣ,—и внутреннія силы мигомъ оскудѣли. Конечно, не замерли онѣ и теперь: чѣмъ же инымъ стоитъ, живетъ и все же кое-какъ движется наше государство, какъ не тою же подспудною историческою Русскою силою? не хитроуміемъ же Петербургской администраціи, не бюрократическимъ же усердіемъ канцелярій? Но силы только что не замерли: живое же, мощное творчество ихъ пресѣклось. Существенная разница обѣихъ эпохъ въ томъ именно и состоитъ, что съ XVIII вѣка, руководящій, правящій общественный Русскій слой отчужденъ мыслью и духомъ отъ своего народа, и въ качествѣ ученика Западной Европы не имѣютъ другихъ точекъ зрѣнія, другаго образца и другаго мѣрила для явленій Русской жизни, кромѣ Западно-Европейскихъ, которыя опять-таки знаетъ *по-ученически*, плохо: онъ въ нихъ не хозяинъ, не самостоятельный мастеръ... Это тотчасъ же и выразилось въ отношеніяхъ нашихъ къ новымъ пріобрѣтеніямъ и вообще къ окраинамъ: «сплошной Русской силы» мы уже нигдѣ создать не могли. Пошли въ ходъ, примѣняемыя всею тяжкою силою Русской государственной власти, разнообразныя иностранныя тео-

ріи, противорѣчившія требованіямъ Русской практики; всевозможныя доктрины съ своими абстрактными идеалами,—отвлеченными не только отъ жизни вообще, но и отъ всякой религіозной основы,—отвратили Русскіе взоры отъ своего высшаго и широчайшаго, политическаго, соціальнаго и религіознаго идеала. Мы усомнились въ себѣ самихъ, въ своемъ призваніи, въ своихъ правахъ, въ своихъ силахъ. Наступила пора раздвоенія, безвѣрія въ Русь, болѣзни мнѣнія и воли. Длиннобородые наши предки *рефлексіей заѣдены* (любимое слово литературы 40-хъ годовъ) не были, а въ XIX вѣкѣ она заѣдала самихъ носителей власти; Александръ I былъ во многихъ отношеніяхъ мученикомъ-Гамлетомъ на престолѣ...

Прибалтійская Окраина, съ привилегированнымъ нѣмецкимъ элементомъ; Финляндія также съ своими, болѣе или менѣе вредоносными для Россіи въ экономическомъ отношеніи привилегіями,—Финляндія, къ которой Русское правительство ни съ того, ни съ сего присоединило часть кореннаго Русскаго населенія, возвращеннаго Петромъ изъ-подъ Шведскаго подданства; лучшій заливъ на Мурманскомъ берегу, неизвѣстно почему отданный Норвегіи, Польское Царство, Литва, Бѣлоруссія, за-Днѣпровская Украйна... Какую силу ассимиляціи и истиннаго обрусенія проявило Русское государство въ теченіе XVIII и XIX столѣтій—въ сравненіи съ ассимиляціей и обрусеніемъ Руси Старой, хотя послѣдняя и слова-то этого не знала? И какое же возможно «обрусеніе» для офиціальныхъ орудій власти, когда сама Россійская «интеллигенція» не рѣшалась, не рѣшается и до сихъ поръ взять смѣло и открыто сторону Русскаго народа даже въ возвращенныхъ отъ Польши Русскихъ областяхъ, такъ какъ предъ лицомъ «представителей Европейской культуры» (даже такихъ, какъ Поляки) у нея душа въ пятки уходитъ и чувствуется подлость во всѣхъ жилахъ, какъ у Чичикова предъ милліонеромъ?! Вспомнимъ времена Александра I!.. А когда уроки исторіи заставили наконецъ правительство крѣпче стянуть эти окраины съ государствомъ, что же у него остается въ распоряженіи, при оскудѣніи Русскаго національнаго, земскаго духа, кромѣ насильственныхъ, а потому и не плодотворныхъ мѣръ?

Г. Марковъ говоритъ, что отъ протяженія на крайній Востокъ, къ Средней Азіи, тѣло наше стало рыхло и дрябло.

Мы не защитники современныхъ нашихъ распорядковъ ни на Кавказѣ, ни за Каспіемъ, но тамъ опасность грозитъ намъ меньшая; рыхло и дрябло наше тѣло именно на всей той окраинѣ, гдѣ мы ближе въ Европѣ и изъ кожи вонъ лѣземъ, чтобъ щегольнуть европеизмомъ или либеральнымъ отступничествомъ отъ Русской народности. Но и по отношенію къ Востоку, только личныя свойства Русскаго солдата, да казачество— этотъ обломокъ древне-Русскаго строя, еще живучій,—да самая отдаленность отъ Петербурга спасаютъ пока теперь наше Русское дѣло. А портилось, да еще и портится оно усердно, благодаря забвенію Русскихъ историческихъ преданій. Такъ, увлекаемая модною доктриною Екатерина колонизуетъ Русскую землю—выписными Нѣмцами-колонистами, надѣляя ихъ всевозможными льготами; созываетъ въ Новороссійскій край всякій иностранный сбродъ,—дѣло поправилъ нѣсколько Потемкинъ, разрѣшивъ селиться въ краѣ бѣглымъ Русскимъ людямъ, но и до сихъ поръ этотъ край не представляетъ, ни по числу, ни по духу населенія, той мощной сплоченности, которою отличается, колонизованная до-Петровскою Русью, Сѣверная и Сѣверо-Восточная наша область... Екатерина же, въ фальшиво-либеральномъ усердіи, укрѣпляетъ своихъ магометанскихъ подданныхъ въ магометанствѣ, печатая имъ на казенный счетъ въ Россіи Коранъ, навязывая его, а также и муллъ, степнымъ Киргизамъ, дотолѣ, какъ извѣстно, магометанамъ совсѣмъ плохимъ! Вполнѣ вѣротерпима была и Старая Русь, но совсѣмъ не то—предоставить Азіатскимъ иновѣрцамъ религіозную свободу безъ всякаго вмѣшательства во внутренніе распорядки ихъ культа, или во имя «попеченія о духовномъ благѣ Русскихъ подданныхъ *безразлично*», правительству православнаго народа прилагать стараніе къ укрѣпленію, къ созданію *устойчивости* во враждебныхъ христіанству вѣрованіяхъ посредствомъ «урегулированія» послѣднихъ незыблемыми законами! Для перехода теперь изъ ислама или далай-ламайской вѣры въ христіанскую магометанинъ или язычникъ встрѣчаетъ затрудненіе въ самомъ законѣ: за ревностное исполненіе своихъ религіозныхъ обязанностей, муфтіи и ламы награждаются Россійскими орденами. Особенно посчастливилось ламайской вѣрѣ, огражденной такими привилегіями, что нашимъ алтайскимъ миссіонерамъ несравненно труднѣе бороться

съ Русской полиціей, охраняющей законъ, чѣмъ съ убѣжденіями самихъ послѣдователей ламайства... Теперь, «обзаведясь просвѣтительною миссіею», въ которую предки наши—истинные просвѣтители восточной инородческой стороны Европейской Россіи—никогда и не рядились,—мы несемъ туда, на Востокъ, «Европейское просвѣщеніе» въ жалкой и безобразной копіи, которую мы и у себя дома переварить-то не въ силахъ! Стоитъ только вспомнить, что понадѣлано было въ Туркестанѣ при генералъ-губернаторствѣ покойнаго Кауфмана: завели въ Ташкентѣ и классическія гимназіи, и кафешантаны, и муниципальные парламенты (изъ Русскихъ чиновниковъ),—да и теперь, по послѣднимъ извѣстіямъ, озабочены тамъ вопросомъ: какое изъ мѣстныхъ Азіатскихъ нарѣчій подвергнуть ученой обработкѣ для правильнаго обученія оному Киргизовъ и Сартовъ!.. Вотъ не было печали!.. А между тѣмъ православную, искони вѣрную и ни въ какомъ отношеніи не представляющую для насъ опасности сепаратизма Грузію—мы не перестаемъ оскорблять, примѣняя къ ея древней Церкви теорію государственнаго объединенія (которую тамъ именно и не умѣемъ проводить, гдѣ бы слѣдовало), не возводимъ Грузинъ въ санъ высшихъ мѣстныхъ іерарховъ и т. п.! Но пусть только припомнятъ читатели то, что такъ картинно выражено покойнымъ Фадѣевымъ въ его статьяхъ...

Дѣйствительно, при такихъ современныхъ нашихъ пріемахъ, при этихъ нашихъ жалкихъ притязаніяхъ на Западно-Европейское «культуртрегерство», могутъ, пожалуй, наконецъ стать намъ въ тягость и наши Азіатскія окраины... Да мало ли что обращается и обратится въ тягость при продолжающемся господствѣ Петербургскаго періода нашей исторіи,—прежде всего сама *земщина*,—не та, на которую напяливали мундиръ Прусскихъ Landsordnungen,—а та, которая своимъ духомъ созидала и еще блюдетъ Русское государство,—но которая, вѣримъ, все-таки перебудетъ и Петербургскій періодъ. Настанетъ же время, когда струя истиннаго просвѣщенія разсѣетъ духовный хаосъ, носящійся надъ Русской землей, сомкнется животворною цѣпью съ подспудными, историческими силами народнаго духа! А пока все-таки не должны мы упускать представляющихся политическихъ случаевъ, все-таки станемъ пользоваться хоть нашею внѣшнею государственною силою

для завершенія внѣшней формаціи Русскаго государства, и на Югъ, и на Востокъ отъ Россіи,—пусть бы даже теперь и не съумѣли еще разумно справиться съ нашими новыми пріобрѣтеніями!..

Отсутствіе историческихъ традицій въ нашихъ правительственныхъ учрежденіяхъ.

Москва, 1-го сентября.

Недавно одинъ изъ Русскихъ путешественниковъ заграницей съ завистью разсказывалъ намъ объ отрадномъ впечатлѣніи, произведенномъ на него правильностью прогресса, мирнымъ и мѣрнымъ ходомъ общественнаго развитія въ Германіи. Особенно поразило его отсутствіе всякаго глумленія надъ существующимъ строемъ, всякаго пренебреженія къ установленнымъ законамъ, правиламъ, учрежденіямъ, званіямъ,—напротивъ: всѣ и каждый относятся съ полною серьезностью и уваженіемъ къ пребывающей въ дѣйствіи и силѣ государственной и соціальной системѣ,—не смотря на непрерывную дѣятельность протестующей, прозирающей въ будущее, зиждительной мысли сверху и снизу. Есть, пожалуй, и партія анархистовъ, но анархизмъ такъ ужъ и выдѣляется самъ какъ бы официально, въ видѣ партіи; въ умахъ и въ нравахъ, въ понятіяхъ и чувствахъ общественныхъ—анархіи не видать. При всемъ томъ, жизнь не въ застоѣ, постоянно движется впередъ; не въ застоѣ и система,—постоянно, систематически же, исправляется, видоизмѣняется, совершенствуется. Но отживающее не топчется съ ожесточеніемъ въ грязь; по всякому званію ему же честь—честь; всякой должности, пока она стоитъ—подобающій почетъ, и не изъ страха, не изъ корысти, а свободно и искренно, даже съ любовью. А какъ переступишь обратно Русскую границу, попадешь въ сонмище соотечественниковъ—словно ввалился въ хаосъ какой-то: ничто не свято, не почетно, не честно, ничто не стоитъ твердо и прямо, а все какъ-то криво да косо, точно расшатанное; всякій издѣвается надъ чужимъ и надъ собственнымъ званіемъ; служащіе исполняютъ свою обязанность съ усмѣшкой, какъ бы стыдясь и совѣстясь; въ вагонахъ, по отношенію къ Россіи и Русскому

строю—вакханалія самооплеванія и самозаушенія... Почему же это такъ? съ отчаяніемъ спрашивалъ нашъ путешественникъ...

Почему?!... Нѣмцевъ мы пока оставимъ въ сторонѣ; но то, что касается насъ—замѣчено путешественникомъ вѣрно. Основы, на которыхъ зиждется, которыми держится Россія, можетъ быть у насъ незыблемѣе, чѣмъ въ самой Германіи; можно надѣяться (и мы лично вѣримъ), что Россія съ нихъ не сорвется, какъ бы не расшатывалась изъ стороны въ сторону: но отъ этой вѣры—въ настоящемъ не легче. Дѣйствительно, нѣтъ у насъ ни истинной жизни съ ея дѣятельнымъ творчествомъ, ни соннаго затишья, а есть—*толчея*. Дѣйствительно, нѣтъ прочной системы, но нѣтъ даже и уваженія къ самому качеству систематичности. Въ современномъ нашемъ строѣ ничто намъ не завѣтно, не мило, ничего мы не любимъ, ничѣмъ не дорожимъ. Почему это? Потому что у насъ нѣтъ преданій, или, вѣрнѣе, подорвана съ ними связь, искоренено самое почтеніе къ нимъ, и не въ жизни только, но и въ принципѣ... Единственный консервативный и въ то же время прогрессивный путь развитія есть историческій, или, точнѣе сказать, органическій. Германія и идетъ этимъ путемъ, стоитъ на исторической почвѣ. Насъ же революція, воплотившаяся въ лицѣ Петра, вытолкнула изъ исторической колеи,—мы и колесимъ, колесимъ! Не было въ лѣтописяхъ міра такого революціонера, какъ нашъ Петръ Великій!.. А не его ли духомъ запечатлѣнъ весь послѣдующій ходъ нашей жизни, нашего домостроительства, государственной и общественной мысли и дѣятельности? Не въ этомъ ли его духѣ воспитался и воспитывается у насъ цѣлый преемственный рядъ поколѣній въ теченіе чуть не двухъ вѣковъ?.. Нужно, однако, оговориться, такъ какъ, пожалуй, у нѣкоторыхъ читателей понятіе о революціонномъ началѣ непремѣнно связывается съ образомъ революціи Французской, съ краснымъ Фригійскимъ колпакомъ, съ демагогическимъ знаменемъ: au nom du peuple souverain. и т. п. Подъ революціоннымъ началомъ мы разумѣемъ деспотическое, чисто внѣшнее насилованіе и извращеніе историческаго склада страны, грубый, тиранническій разрывъ со всѣми преданіями прошлаго, одновременно съ таковымъ же водвореніемъ чуждыхъ доселѣ новшествъ, пресѣченіе или подавленіе

свободнаго органическаго процесса и творчества жизни, съ перенесеніемъ этихъ ея функцій и всѣхъ ея правъ на восторжествовавшую власть, становящуюся отселѣ единымъ двигателемъ и водителемъ по новому, навязанному странѣ пути.

Отличительное свойство такихъ насильственныхъ переворотовъ состоитъ именно въ томъ, что творчество жизни замѣняется правительственнымъ сочинительствомъ и рукодѣльемъ, лишеннымъ внутренней прочности и нравственнаго авторитета не только въ сознаніи страны, но и въ сознаніи самого правительства. Разъ съ исторіей и старыми преданіями считаться нечего, а недавнее сочиненіе еще и не могло прочно принятъся въ жизни, то нѣтъ и причины дорожить имъ и не замѣнить сочиненіемъ новымъ, по усмотрѣнію обновившагося правительственнаго состава. Конечно, Петровскій переворотъ не имѣетъ никакого внѣшняго сходства съ знаменитымъ французскимъ, но нельзя отрицать и нѣкоторой аналогіи. Для современнаго Француза исторія начинается лишь съ 1789 г., какъ и для Русскаго интеллигента—съ Петра; какъ у Русскаго по отношенію къ до-Петровской Руси,—такъ и у Француза по отношенію къ до-революціонному, сравнительно недавнему прошлому, историческую память почти совсѣмъ отшибло, такъ что «старый режимъ» менѣе чѣмъ за 100 лѣтъ долженъ раскрываться его сознанію путемъ ученыхъ архивныхъ изысканій. И сколько въ теченіе этихъ ста лѣтъ ни мѣняла Франція политическихъ системъ и учрежденій, все же до сихъ поръ не можетъ пріискать себѣ удобныя приличныя рамки, которыя бы способна была полюбить и крѣпко себѣ усвоить. Да и какъ же тутъ полюбить, когда ей въ этотъ короткій промежутокъ времени успѣли перемѣнить чуть не до двадцати конституцій: къ какой же тутъ изъ нихъ народу привязаться!.. Хотя не конституціонныхъ, но только административныхъ и тому подобныхъ учрежденій со временъ Петра и у насъ перечередовалось не мало,—но, какъ и упомянутый выше Русскій путешественникъ замѣтилъ, особенною привязанностью ни одно изъ нихъ что-то не пользуется,—да и не пользовалось.

Намъ возразятъ можетъ быть, что уподоблять дѣло Петрово революціонному перевороту неправильно уже потому, что въ новое созданное Петромъ бытіе Россіи перешло и ея исто-

рическое существо: единовластіе и Православная Церковь. Что эти основныя начала остались живы и въ преобразованной Россіи,—это несомнѣнно. Россія вообще держится и стоитъ лишь старыми до-Петровскими началами и силами, а не Петербургомъ конечно; стоитъ и—увѣрены мы,—перестоитъ всѣ испытанія и самый Петербургскій періодъ. Но едва ли справедливо утверждать, будто эти начала, въ сознаніи носителей власти, сохранены Петровскимъ переворотомъ въ той же неприкосновенности, въ какой они сохраняются у народа. Про Церковь, какъ внѣшнее учрежденіе, нечего, кажется, и говорить. Народъ, разумѣется, остался православнымъ. Оно вошло въ его духовную плоть; онъ попрежнему церковенъ, сознаетъ себя въ неразрывномъ союзѣ съ Церковью. Но сама Церковь обращена въ одно изъ правительственныхъ или казенныхъ вѣдомствъ, и живое отношеніе архипастырей къ пасомымъ искажено канцеляризмомъ, заковано въ бюрократическія формы. Далеко была она до совершенства и въ прежнія времена,—по своимъ недостаткамъ и порокамъ она все же могла бы найти исцѣленіе въ себѣ самой, въ силахъ внутренней жизни и въ самомъ своемъ внѣшнемъ строѣ, хотя бы подчасъ и безобразномъ. Съ благообразіемъ же, введеннымъ реформою Петра, подсѣченъ, къ несчастію, самый жизненный нервъ Русской Церкви—отчего и самая дѣятельность высшаго церковнаго управленія какъ бы осуждена на безплодность и мертвенность. «Велика сила Божіей Церкви въ Русскомъ народѣ», выразился умиленно покойный Митрополитъ Иннокентій, вспоминая свое путешествіе изъ Иркутска въ Москву, когда на всемъ этомъ громадномъ протяженіи встрѣчали его толпы народа, испрашивая архипастырскаго благословенія. «Велика сила Божіей Церкви въ Русскомъ народѣ!.. А Святѣйшаго Синода—подивитесь-ка! вовсе почти и не знаютъ: имени его отъ народа не услышите, словно ему онъ совсѣмъ чужой!»... Что же касается до самодержавія какъ нашего основнаго національнаго политическаго принципа, завѣщаннаго намъ исторіей, то мы уже однажды объясняли въ «Руси», что оно было понято, или по крайней мѣрѣ поставлено Преобразователемъ совершенно односторонне, только лишь какъ власть, оголенная отъ стихіи народной и стихіи земской,—слѣдовательно несравненно уже и тѣснѣе, чѣмъ оно понималось и продол-

жаетъ, не смотря ни на что, пониматься народомъ: идея земли и земщины совершенно поглощается при Петрѣ идеею государства, притомъ государства такъ-сказать полицейскаго, по западно-Европейскому типу.

«Опять о Петрѣ! Это ужъ необходимый припѣвъ всякихъ статей «Руси»; неужели не надоѣстъ редактору такое повтореніе!!» замѣтятъ намъ, вѣроятно, «С.-Петербургскія Вѣдомости»,—какъ уже замѣчено это было ими по поводу нашей статьи въ 16 №. Да, это повтореніе, и оно вполнѣ у мѣста, и мы его считаемъ необходимо-нужнымъ. Неужели же вы не догадываетесь и не видите, что теперь болѣе чѣмъ когда-либо Петръ и его дѣло на очереди, à l'ordre du jour? Да чѣмъ же инымъ занималась наша публицистика въ послѣднія двѣ недѣли, то ратоборствуя за Сенатъ, то противоборствуя Сенату? И чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще и чаще станете вы поминать и переворачивать Петрову реформу! Прекратится наша газета, умолкнетъ нашъ голосъ, но не умолкнетъ голосъ жизни и все сильнѣй и сильнѣй будетъ нудить васъ—докапываться до родниковъ живой цѣлебной воды изъ-подъ Петровскихъ наслоеній,—и не оставитъ онъ васъ въ покоѣ, пока наконецъ не высвободитесь вы изъ заповѣднаго круга понятій и мыслей, въ который втиснула вашъ умъ мощная длань Петра,—пока не раздѣлаетесь съ Петровскимъ переворотомъ по крайней мѣрѣ въ сознаніи; пока, обогащенные и сознаніемъ, и познаніемъ, и опытомъ, не проникнетесь вы плодотворно самымъ существомъ нашей народности, бытовымъ, историческимъ, духовнымъ,—и только тогда возможно вамъ будетъ, отринувъ ложь Петрова переворота, свободно и благодарно признать лежащую въ немъ правду!...

Выше мы сказали, что перевороты революціоннаго характера создаютъ въ странѣ нравственно-зыбкую почву, на которой никакія постройки не укрѣпляются прочно; ни одно учрежденіе не способно пустить глубокіе корни, и хуже всего: ни одно не пользуется ни въ обществѣ, ни въ народѣ—ни истиннымъ авторитетомъ, ни искреннею любовью. Еще менѣе могутъ внушать любовь переносимыя на такую, революціонно взбороженную почву учрежденія, чуждыя національному духу и по внѣшности, и по внутреннему строю. Спрашивается: можно ли было полюбить учрежденныя Петромъ званія *фи-*

скаловъ, ландратовъ, ландрихтеровъ,—его магистраты, ратуши, коммерцъ-бергъ-коллегіи, и всѣ двѣнадцать его коллегій, и т. д., и т. д.? Сколько времени нужно было пройти прежде чѣмъ языкъ выучился выговаривать эти чуждые звуки, и не долженъ ли былъ каждый облекаемый въ это званіе чувствовать себя словно наряженнымъ, словно играющимъ какую-то роль? Единственное что могло мирить, и точно мирило его съ такой аномаліей,—это сознаніе себя властью, «начальствомъ»: въ этомъ разряженномъ анти-національномъ костюмѣ власть являлась вполнѣ отвлеченною отъ народа, отъ жизни, и даже какъ бы враждебною... Спрашивается: кто-жъ когда въ самомъ дѣлѣ любилъ какой чинъ изъ табели о рангахъ по существу его, кто когда любилъ и чтилъ въ себѣ именно Надворнаго Совѣтника или Статскаго, или даже Дѣйствительнаго Тайнаго,—кто когда постигъ это сочетаніе непонятныхъ и безсодержательныхъ словъ? А между тѣмъ вѣдь почти безъ четверти два вѣка все Русское человѣчество по сю сторону, т. е. внѣ народныхъ слоевъ, разсортировывается по четырнадцати рангамъ знаменитой табели,—даже и духовенство болѣе или менѣе къ ней приравнено! Времени прошло много,—столько, что это нововведеніе имѣло бы полное право назваться стариною и какъ бы даже покрыться сочувственною сѣдиною, почтенною плѣсенью,—ничуть не бывало! Оно до сихъ поръ не проникло даже и въ вѣдѣніе народныхъ массъ, и въ самомъ обществѣ ни въ чьемъ сердцѣ не вызываетъ умиленія... Оно, какъ, впрочемъ, почти всѣ наши учрежденія съ прошлаго столѣтія, запечатлѣно клеймомъ временности, ненастоящности, если позволено будетъ такъ выразиться. Говоримъ — почти, потому что исключаемъ учрежденія спеціальныя, техническія и прежде всего армію, которая, конечно, есть созданіе по-Петровское, но которая не потому ли и является самымъ лучшимъ дѣломъ правительственной мудрости XVIII и XIX вѣка, что всю силу ей даетъ сиволапый Русскій мужикъ, т. е. присутствіе коренной Русской народной стихіи?... Арміей же гражданской мы утѣшаться не можемъ... Петръ заводитъ разные регламенты, уставы, коллегіи, совѣтуясь съ Лейбницемъ, соображаясь съ Нѣмецкими, Шведскими, Голландскими образцами; Екатерина заводитъ новые, свои порядки, совѣтуясь съ Французскими философами и учеными; затѣмъ опять ломка и

переиначиванье, опять новые порядки и учрежденія: Сперанскій плѣняется Наполеоновской администраціей, централизаціей и бюрократизмомъ. Ни къ чему даже и привыкнуть нельзя! И что ни заведи—нѣтъ резона, чтобъ заведенному, не успѣвшему еще и окрѣпнуть, не было предпочтено еще, повидимому, лучшее измышленіе. Въ томъ-то и бѣда, что все это не органическій продуктъ, а—подѣлки! Nichts gewordenes, alles—*gemachtes*, сказали бы Нѣмцы. Вотъ почему все у насъ *нипочемъ*, и это *нипочемство*—относительно государственнаго строя жизни—составляетъ характеристическую черту нашего современнаго общества. Такова ужъ нравственная логика революціоннаго переворота... Сначала между постройкой и новой сломкой перерывъ былъ сравнительно долгъ; потомъ становился все короче, а въ нашу пору, при большей свободѣ критической оцѣнки и при большей возбужденности политической мысли, вчерашнее почти уже изношено сегодня,—все пустилось сочинять новое, всѣ вертятся въ безвыходномъ кругѣ измышленій и подѣлокъ.

Суды, думы, земства, которымъ всѣмъ безъ году недѣля, вчера прославлялись, нынче ужъ никому не милы,—и завтра же будетъ охаяно то, что встрѣчается съ похвалами сегодня... Впрочемъ, сохранилось у насъ, среди новыхъ сооруженій, одно старое учрежденіе, про которое какъ бы условлено было отзываться, особенно со стороны поклонниковъ реформы Петра, съ особымъ почтеніемъ, въ которомъ даже видѣли какъ бы своего рода «устой», будто бы популярный и даже «любимый въ народѣ»: это—родимое дѣтище Петра Великаго, Сенатъ. Но вотъ недавно одна изъ самыхъ вѣскихъ нашихъ газетъ, и притомъ вовсе не такъ называемаго «либеральнаго» лагеря, и этотъ столпъ чуть не повалила, по крайней мѣрѣ открыто посягнула на его авторитетъ. Произошелъ удивительный переполохъ во всей журналистикѣ: «консерваторы» явились «революціонерами», «либералы» и «радикалы» обернулись «консерваторами», а «Русскій Курьеръ»—даже квартальнымъ, и съ полицейскимъ задоромъ, крича «караулъ!» потребовалъ для «Московскихъ Вѣдомостей» уголовнаго наказанія за злоупотребленіе дозволенною свободою печатнаго слова и даже за оскорбленіе достоинства «Верховнаго Законодателя, Сенатъ учредившаго»!...

Вся эта исторія можетъ служить хорошей иллюстраціей предшествующихъ нашихъ словъ, а потому и заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Сущность дѣла въ томъ, что Казанское земское губернское собраніе, по предложенію одного изъ своихъ гласныхъ, въ засѣданіи 3-го декабря прошлаго года постановило: почтить память умершихъ за нѣсколько дней предъ симъ гласнаго Рязанскаго земства А. И. Кошелева и гласнаго Екатеринославскаго земства барона Корфа, извѣстныхъ своею ревностною дѣятельностью на пользу земскихъ учрежденій какъ своихъ губерній, такъ и земскихъ учрежденій въ Имперіи вообще. (Мы передаемъ «точку зрѣнія» Казанскаго земства; читателямъ «Руси» извѣстно, что о земскихъ учрежденіяхъ мы имѣемъ свое особое мнѣніе, равно какъ и о педагогіи барона Корфа). Панихида, конечно, была тогда же и отслужена, не дожидаясь, какъ водится, формальнаго составленія протокола; такимъ образомъ «инкриминированное» дѣяніе уже совершилось безъ всякихъ, однако, опасныхъ для государства послѣдствій, чинно и мирно,—было бы даже вѣроятно теперь совсѣмъ забыто, еслибъ постановленіе собранія не подало повода къ пререканіямъ о самомъ правѣ земства на служеніе панихидъ. Постановленіе Казанскаго земскаго собранія было опротестовано мѣстнымъ губернаторомъ на томъ основаніи, что «земство не имѣетъ права входить въ оцѣнку дѣятельности лицъ, не состоящихъ у него на службѣ и вообще не имѣющихъ непосредственныхъ къ нему отношеній». Земство принесло на этотъ протестъ, въ установленномъ порядкѣ, жалобу Правительствующему Сенату, т. е. I-му Сената Департаменту. Сенатъ призналъ, что «соображеніе губернатора само по себѣ правильно», но «отнюдь не вызывается обстоятельствами дѣла, такъ какъ Казанское земское собраніе вовсе не вело преній о заслугахъ помянутыхъ лицъ, никакихъ разсужденій и заключенія о дѣятельности ихъ въ журналъ не вносило, а только приняло предложеніе гласнаго Иванова, смыслъ котораго именно тотъ, что общеизвѣстность заслугъ этихъ лицъ въ дѣлѣ развитія земскаго самоуправленія и народнаго образованія исключаетъ необходимость оцѣнки значенія ихъ какъ общественныхъ дѣятелей». При всемъ уваженіи къ Сенату, не можемъ не замѣтить, что постановленіе его и на этотъ разъ, какъ въ дѣлѣ о похоронахъ Тургенева,

формуловано или мотивировано неудачно. Торжественно «почтить панихидой чью-либо память за общественныя заслуги по такой-то и такой-то части» ничего другого означать не можетъ, какъ торжественно заявить, что чествующіе высоко *цѣнятъ* эти заслуги. Самое это дѣйствіе есть уже оцѣнка. Гораздо проще, кажется намъ, было бы признать, что чествуемые дѣятели, по роду своихъ трудовъ, не могутъ быть причислены къ разряду лицъ, которыя Казанское земство, какъ одно изъ губернскихъ земствъ, должно бы почитать для себя совершенно чуждыми или не имѣющими, по выраженію губернской власти, «никакихъ къ нему отношеній». Нельзя же въ самомъ дѣлѣ подводить этихъ умершихъ земцевъ,—какъ это вытекаетъ изъ соображенія г. губернатора,—подъ одну категорію съ такими посторонними лицами, какъ бы, напримѣръ, директоръ какого-нибудь департамента Министерства Финансовъ или Таганрогскій градоначальникъ,—предположивъ, что Казанскимъ земцамъ вздумалось бы также войти въ оцѣнку государственныхъ заслугъ сихъ сановниковъ!

Но интересъ дѣла не въ сущности самаго факта чествованія, а въ отмѣнѣ Сенатомъ губернаторскаго распоряженія и въ томъ толкованіи, которому подверглось въ печати это разногласіе Сената съ административною властью, уже не одинъ разъ въ послѣднее время проявившееся. «Удивительнаго много на свѣтѣ,—говорятъ «Московскія Вѣдомости» въ той статьѣ своей, которая такъ всколебала наше общественное затишье,—но удивительнѣе всего, что у насъ въ самомъ правительствѣ бываетъ *анти-правительство*», которое газета и усматриваетъ въ Сенатѣ... Въ другомъ мѣстѣ той же статьи, по поводу земскихъ, городскихъ и иныхъ учрежденій, читаемъ слѣдующія строки: «правительство такимъ образомъ очутилось однимъ изъ многихъ правительствъ и потерялось среди нихъ, *такъ что иногда и не отыщешь, гдѣ настоящее правительство*»...

Трудно опредѣлить наше положеніе съ большею мѣткостью, какъ въ этихъ послѣднихъ двухъ строкахъ. Само собою разумѣется, что вопросъ: *гдѣ* правительство? относится лишь къ той области явленій нашей государственной жизни и дѣятельности, гдѣ нѣтъ непосредственнаго участія самой Верховной власти. Но не наши разные виды такъ называемаго самоуправленія, не городскія и земскія учрежденія, политически совер-

шенно безсильныя и проявляющія свою якобы самостоятельность развѣ лишь въ панихидахъ, да подчасъ въ какихъ-нибудь двухъ-трехъ звонкихъ, по туманно-либеральныхъ фразахъ, и то больше для собственнаго удовлетворенія,—не эти учрежденія могутъ дать поводъ къ постановкѣ грознаго вопроса, справедливо озабочивающаго «Московскія Вѣдомости». У насъ столько же правительствъ, сколько министерствъ или самостоятельныхъ вѣдомствъ, и каждое имѣетъ свою политику и свою систему: ни общей политики, ни общей системы нѣтъ. Министерство Финансовъ, напримѣръ, устанавливаетъ тарифъ для поощренія отечественной промышленности; Министерство Путей Сообщенія парализуетъ эти усилія тарифами желѣзнодорожныхъ обществъ; Министерство Иностранныхъ Дѣлъ старается, въ видахъ политическихъ, привлечь молодыхъ Славянъ въ Русскіе университеты; Министерство Народнаго Просвѣщенія о политикѣ знать ничего не хочетъ, и въ интересахъ науки отгоняетъ отъ воспитанія въ Россіи молодыхъ Славянъ разными правилами о дипломахъ; то же Министерство... Но не достало бы и мѣста для перечня тѣхъ взаимныхъ противорѣчій, которыми преисполнено правительство представляемое министерствами. Особенно яркимъ образцомъ можетъ служить различіе отношеній, въ прошломъ царствованіи, двухъ министерствъ: Военнаго и Внутреннихъ Дѣлъ къ Польскому вопросу и къ нашимъ западнымъ окраинамъ: первое отличалось духомъ патріотическимъ и національнымъ, второе всѣми способами противодѣйствовало Муравьеву и вело Русское дѣло къ упадку, подготовляя Потаповское управленіе...

Этого мало. Вопросъ не только въ томъ: гдѣ правительство? но и въ томъ: что̀ правительственно, что̀ *не* правительственно? Министры мѣняются, — но вѣдь мѣняются съ ними и министерскія «усмотрѣнія!» Той общей системы, которая, при перемѣнѣ начальствующихъ лицъ, оставалась бы сама неизмѣнною, была бы равно обязательна для подчиненныхъ и авторитетна для всѣхъ вѣрноподданныхъ—мы не видѣли и не видимъ. Въ самой администраціи нѣтъ никакихъ традицій, кромѣ развѣ традицій произвольнаго усмотрѣнія и бюрократическаго самовластія. Такимъ образомъ то, что̀ въ прошломъ царствованіи было правительственно, то теперь честится «анти-правительственнымъ!» Если бы кто лѣтъ 15, 10

назадъ относился враждебно къ новымъ учрежденіямъ—судебнымъ, городскимъ, земскимъ, — онъ непремѣнно былъ бы зачисленъ въ *оппозицію*, а въ настоящіе дни, чѣмъ *враждебнѣе* къ нимъ, этимъ правительственнымъ созданіямъ, кто относится, тѣмъ онъ выходитъ «правительственнѣе», и наоборотъ: въ *подозрѣніи*, какъ неблагонадежные, состоятъ не только тогдашніе приверженцы правительственныхъ реформъ, но и просто послушные исполнители правительственныхъ тогдашнихъ предначертаній. Если бы, напримѣръ, Сенатъ поразногласилъ тогда съ министерствомъ А. В. Головнина или П. А. Валуева, онъ съ такимъ же точно правомъ могъ бы заслужить тогда названіе «анти-правительства», какъ заслужилъ это названіе въ наши дни, разногласія съ современнымъ, но совершенно противоположнымъ направленіемъ того же Министерства Внутреннихъ Дѣлъ!

«Эфемерныя и фальшивыя доктрины, выдающія себя за послѣднее слово науки», — говорятъ «Московскія Вѣдомости» — «въ наше смутное и подвижное время легко овладѣваютъ умами недовольно зрѣлыми и характерами недовольно крѣпкими, и отъ наплыва этихъ доктринъ, отъ ихъ заразы не защищены и высшія государственныя учрежденія»... Этого мы нисколько не отрицаемъ. Мы вполнѣ готовы допустить, что духъ фальши въ извѣстной мѣрѣ отразился на многихъ реформахъ прошлаго царствованія, и именно въ той мѣрѣ, во сколько духъ европеизма возобладалъ надъ историческимъ духомъ нашего народнаго существа. Но этимъ лживымъ и эфемернымъ доктринамъ должно быть противопоставлено не одно же вѣдь голое отрицаніе или ворчливое порицаніе, а какая-нибудь положительная и ясная, твердо сознанная система, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ! Необходимо при томъ, чтобъ она была вѣдома всѣмъ. Неудобно же (не говоря уже о самой странѣ) ставить служебные исполнительные органы въ такое положеніе, чтобъ они какъ бы верхнимъ чутьемъ *догадывались* о господствующемъ политическомъ вѣяніи въ правительствѣ, и на основаніи такой, подчасъ ошибочной догадки, недоумѣвали: усердствовать или не усердствовать въ исполненіи закона, наканунѣ бывшаго еще въ чести, а сегодня повидимому попавшаго въ немилость, но тѣмъ не менѣе все же *закона* носящаго санкцію власти и для всѣхъ обязательнаго. Гдѣ же, по выраженію «Московскихъ Вѣдомостей», «искать правитель-

ства»—при таковъ обиліи и разнообразіи правительствъ и системъ во образѣ самостоятельныхъ, другъ отъ друга независимыхъ министерствъ, при частой смѣнѣ министерскаго личнаго усмотрѣнія, неразрывной съ перемѣною самого персонала?

А вотъ въ до-Петровской Руси, спросимъ себя, было ли правительство и правительственная система? Думаемъ, что наилютѣйшіе противники Старой Россіи отвѣтятъ на этотъ вопросъ утвердительно. Хороша ли, дурна ли, но правительственная система была, и «искать настоящее правительство», какъ выражается почтенная газета, не приходилось. И это—совершенно независимо отъ личныхъ качествъ и достоинствъ правителей. Мы уже имѣли недавно случай замѣтить, что въ XVII вѣкѣ, до вступленія во власть Петра Великаго, не было не только ни одного геніальнаго государя, но и ни одного особенно замѣчательнаго дарованіями государственнаго человѣка. Но они не колесили вправо и влѣво около пути, а шли исторической колеей, стояли на общей народной почвѣ, не чуждались земскаго разума, и именно въ немъ находили себѣ опору въ годины испытаній. Постояннымъ же органомъ правительства была Боярская Дума, куда восходили дѣла изъ Приказовъ, гдѣ всѣ вопросы разсматривались и рѣшались въ присутствіи Царя по извѣстной формулѣ: «Царь указалъ (приказалъ) и бояре приговорили». Въ затруднительныхъ случаяхъ, по вопросамъ мѣстнымъ вызывались свѣдущіе люди, которые и давали свои отвѣты въ особой «Отвѣтной Палатѣ», или же повелѣвалось мѣстному воеводѣ предложить вопросъ на разсмотрѣніе мѣстнымъ людямъ, созвавъ ихъ въ мѣстной Земской Избѣ. Нашъ извѣстный археологъ Н. В. Калачовъ раскрылъ весь порядокъ дѣлопроизводства въ Боярской Думѣ: сохранилось множество свитковъ, которые ждутъ-не дождутся увидѣть свѣтъ Божій и прояснить наше смутное знаніе старины (сравнительно не очень старой): для напечатанія нужны впрочемъ деньги, а у новой современной Россіи, такъ роскошно содержащей Петербургскія канцеляріи, для такого просвѣтительнаго дѣла достаточно свободныхъ средствъ еще не оказывается *).

*) Небольшая оговорка по адресу нашихъ высшихъ общественныхъ круговъ, имѣющихъ много вожделѣній, но мало свѣдѣній: Боярская Дума—это вовсе не палата перовъ или лордовъ; участіе въ этой Думѣ не было наслѣдственнымъ правомъ, и званіе боярина не переходило отъ отца къ сыну по наслѣдству, а давалось за заслуги.

«Московскія Вѣдомости» осыпаютъ Первый Департаментъ Сената язвительными укорами за отмѣну губернаторскаго протеста. «Губернаторъ»—говорятъ онѣ—«есть слуга своего Государя и органъ его правительства. Онъ можетъ оцѣнивать общественныя явленія не иначе, какъ съ точки зрѣнія правительства». А по увѣренію газеты, дѣятельность чествованныхъ панихидою лицъ «заслуживаетъ не одобренія, а порицанія съ правительственной точки зрѣнія, единственно обязательной для Казанскаго, какъ и для всякаго губернатора». Но кто же возьметъ на себя опредѣлить «правительственную точку зрѣнія», если она оффиціально не выражена? и кому же изъ второстепенныхъ органовъ власти можетъ быть предоставлено это право, вмѣстѣ съ правомъ сортировать, на основаніи такой точки, людей на «правительственные» и на «оппозиціонные» элементы? Самыя эти педагогическія творенія барона Корфа, съ такой злой проніей и такъ вѣрно охарактеризованныя газетой, развѣ не состоятъ въ разрядѣ не только «одобренныхъ», но и «рекомендованныхъ» Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, благодаря чему печатались чуть не въ сотнѣ тысячъ экземпляровъ?! Вотъ и «точка зрѣнія правительственная»!.. Пламенный приверженецъ Высочайше утвержденнаго Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, А. И. Кошелевъ можетъ быть зачисленъ въ «оппозиціонные» развѣ лишь потому, что раздѣлилъ судьбу этихъ учрежденій, продолжалъ питать къ нимъ страстную любовь и незыблемо въ нихъ вѣрить даже и тогда, когда «точка зрѣнія» на нихъ правительства или министерства перевернулась. Мы опять утыкаемся въ недоумѣніе: обязательно ли точку зрѣнія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ считать именно за точку зрѣнія правительства? Должно быть, что обязательно, такъ какъ органъ власти завѣдывающій «*внутренними* дѣлами Россіи» вѣдаетъ значитъ, ни болѣе не менѣе какъ всю Россію, всю ея внутреннюю гражданскую политику и жизнь. И если губернаторъ—«слуга своего Государя и органъ его правительства», то кольми паче—министръ, по всеподданнѣйшимъ представленіямъ котораго эти самые губернаторы назначаются, перемѣщаются, увольняются и награждаются (ст. 1309 Учрежд. министерствъ)!..

«Мы вѣрноподанные Государя, а не министровъ»! провозгласили однажды «Московскія Вѣдомости» въ своей памятной

отважной борьбы съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, да и со многими другими министерствами («Московскія Вѣдомости» всегда отличались независимостью и страстностью убѣжденій и слова,— этого достоинства никто и изъ враговъ отнять у нихъ не можетъ). Но въ силу приведеннаго афоризма почтенной газеты выходитъ, что отрицать точку зрѣнія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ не всегда значитъ стоять на точкѣ зрѣнія «анти-правительственной»; выходитъ, что иногда такъ называемая анти-правительственная точка зрѣнія (на которой, по мнѣнію *тогдашнихъ* министровъ, стояла редакція газеты) несравненно правительственнѣе «правительственной»; что быть зачисленнымъ въ «оппозицію», даже удостоиваться при этомъ сочувственныхъ общественныхъ демонстрацій — *анти-правительственнаго* на ту пору или *оппозиціоннаго* характера—не всегда преступно... Тѣмъ не менѣе министры или правительство, допускавшее такія проявленія независимости въ печати и такія враждебныя себѣ демонстраціи—не заслуживало ли оно тѣхъ же самыхъ громовъ, которыми за слабость и противорѣчіе разятъ его подъ-часъ «Московскія Вѣдомости» въ наши дни?

Но если точка зрѣнія министерствъ или — спеціальнѣе — Министерства Внутреннихъ Дѣлъ не всегда, какъ показываетъ вышеприведенный примѣръ, совпадаетъ съ точкою зрѣнія правительственною, а потому и не всегда нравственно-обязательна для «вѣрноподданныхъ», то не аномалія ли это, — особенно тамъ, гдѣ министры не суть представители организованныхъ партій или формальнаго большинства? А такъ какъ эта аномалія у насъ возможна, то не служитъ ли ей, если не противовѣсомъ, то хоть нѣкоторымъ коррективомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ—существующая у насъ развалина учрежденія, именуемаго Правительствующимъ Сенатомъ? Хотя онъ въ сущности ничѣмъ ровно не правитъ, и этотъ почетный титулъ мотается при немъ безъ всякаго реальнаго смысла, однакоже онъ все-таки имѣетъ иногда возможность регулировать бюрократическій произволъ, если не въ силу соображеній высшей правительственной политики, въ которую онъ не посвящается, то на основаніи существующаго формальнаго закона...

Петръ Великій, уничтоживъ Боярскую Думу, замѣнилъ ее Сенатомъ и всѣ ея функціи перенесъ на него, водворивъ въ

то же время, вмѣсто прежняго дѣлопроизводства, новые, перенятые у Нѣмцевъ канцелярскіе порядки. При Петрѣ Сенатъ былъ, дѣйствительно, органомъ правительствующимъ,—можно сказать личнымъ, подручнымъ исполнительнымъ органомъ самого Государя. Петръ, послѣдовательный въ общей своей идеѣ—отрицанія стараго, и въ общей своей задачѣ—объевропеенья Россіи, былъ плохой систематикъ въ области внутренняго управленія. Сенатъ былъ при немъ только его канцеляріей, куда онъ валилъ все,—отъ избранія Царя въ случаѣ его смерти (если точно безспорно его письмо въ Сенатъ изъ-подъ Прута) до снабженія недорослей сѣрымъ сукномъ, — отъ посылки въ Константинополь къ султану съ ратификаціями Лопухина или сыска воровъ и разбойниковъ—до устройства обѣда на Потѣшномъ дворѣ по случаю побѣды Датчанъ надъ Шведами, и т. д. Въ этомъ легко убѣдиться, заглянувъ въ изданные Академіею Наукъ подъ редакціею Н. В. Калачова два тома подъ заглавіемъ: «Доклады и Приговоры Правительствующаго Сената при Петрѣ Великомъ» (по 1712 г.). Въ такомъ видѣ дѣло, конечно, оставаться не могло, но учрежденныя потомъ въ замѣнъ Приказовъ коллегіи (отчасти нынѣшнія министерства) состояли все же въ зависимости отъ Сената и представляли ему отчеты. Со смертію Петра отлетѣла, такъ сказать, и душа Сената,—движущее его начало; въ Россіи началось правленіе личное въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. кабинетное (въ XVIII вѣкѣ подчасъ и закулисное), съ устраненіемъ того стараго коллегіальнаго начала, котораго Сенатъ оставался еще представителемъ, — пошли разные Верховные Совѣты, «верховники» и т. п., и Сенатъ все болѣе и болѣе сталъ клониться къ упадку. Въ концѣ концовъ онъ обратился въ высшую судебную инстанцію по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ, и только 1-й Департаментъ сохранилъ за собою нѣкоторую тѣнь былого правительственнаго значенія присвоеннаго Сенату. Не безъ борьбы со стороны, если не Сената, то сенаторовъ было встрѣчено учрежденіе министерствъ. Извѣстна также записка графа С. Р. Воронцова, въ которой онъ сильно возставалъ противъ этого нововведенія и настаивалъ, чтобъ отчеты министровъ прежде поступленія къ Государю разсматривались въ Сенатѣ. Разумѣется, это не было уважено: начало личнаго бюрократическаго произвола въ управленіи взяло

верхъ. Тѣмъ не менѣе 1-й томъ Свода Законовъ и донынѣ гласитъ о такихъ присвоенныхъ Сенату правахъ и преимуществахъ, по смыслу которыхъ онъ долженъ бы считаться первенствующимъ правительственнымъ органомъ, но которыя мало соотвѣтствуютъ его значенію въ современной дѣйствительности. Такъ въ Правительствующемъ Сенатѣ «единое лицо Императорскаго Величества предсѣдательствуетъ»; «указы Сената исполняются какъ собственные Императорскаго Величества»; «власть Сената ограничивается единою властію Государя; *иной высшей власти онъ надъ собой не имѣетъ*», а между тѣмъ попасть изъ Сената въ Государственный Совѣтъ считается повышеніемъ; бывшій министръ *сданный* въ Сенатъ считаетъ себя обиженнымъ... Мало того: отмѣна Сенатомъ, въ силу предоставленнаго ему по закону права, какого-нибудь неважнаго губернаторскаго протеста противъ постановленія губернскаго земства — представляется чуть ли не дерзостью, обзывается въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» «вторженіемъ въ дѣйствія правительства», хотя онъ и самъ «правительствующій!» Но этотъ «правительствующій» органъ, которому сами министры пишутъ рапорты и представленія, въ правленіи, однакожъ, въ точномъ смыслѣ слова, вовсе участія не принимаетъ, — и только красы ради или въ видѣ эпитафіи былому его величію еще красуется въ Сводѣ Законовъ, во 2-й статьѣ III книги Государственныхъ учрежденій, что Сенатъ «надзираетъ за собираніемъ *податей* и за расходами штатными, печется о средствахъ къ облегченію народныхъ нуждъ, къ охраненію общаго спокойствія и тишины, и къ прекращенію всякихъ противозаконныхъ дѣйствій во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ» (значитъ, между прочимъ, на пространствѣ всего вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ!). Какой бы гвалтъ поднялся, какимъ бы обвиненіямъ въ якобинствѣ подвергся Сенатъ, еслибъ онъ вздумалъ повѣрить этимъ словамъ закона и только бы попробовалъ привести ихъ въ нѣкоторое исполненіе! Но въ этомъ отношеніи всѣ средства къ исполненію закона, кажется, у него отняты. Едва ли даже имѣются у него и данныя для сужденія о вышеперечисленныхъ, порученныхъ ему предметахъ!.. За нимъ, однакоже, еще остается одно серьезное право и реальное значеніе высшаго судебно-административнаго мѣста, которое именно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ и желательно сохранить.

Есть, по крайней мѣрѣ, къ кому обратиться съ жалобой на неправильныя распоряженія высшей администраціи; есть органъ правительства, который можетъ сдерживать уздою закона порывы административныхъ властей, ограждая достоинство правосудія, стало быть и истинное достоинство правительства,— ограждая права учрежденій и лицъ... «Московскія Вѣдомости» почему-то думаютъ, что первыя, именно учрежденія выборныя, не нуждаются въ огражденіи. «Законная свобода, — говорятъ онѣ,—по существу своему есть принадлежность только лицъ, а не учрежденій», — какъ будто за узаконенными правительствомъ корпораціями не признается самимъ правительствомъ «законной свободы» дѣйствій! Какъ будто избраніе предводителя дворянства или городского головы не должно быть вполнѣ обезпечено въ своей свободѣ, столько же по требованію справедливости, сколько и по требованію самого закона! Именно *законная* свобода есть по существу своему необходимое достояніе узаконенныхъ выборныхъ учрежденій, сословныхъ, городскихъ, земскихъ, начиная съ крестьянскаго мірского схода. Хорошъ былъ бы мірской сходъ и къ чему онъ нуженъ, еслибъ былъ лишенъ даже *законной* свободы! Къ чему заводить выборныя учрежденія, приглашать людей безвозмездно нести тяжкіе труды по мѣстному управленію и благоустройству, и какой пользы отъ нихъ ждать, если отнять у этой добровольной службы всякое почетное значеніе и подчинить учрежденія произволу администраціи? Не проще ли было бы тогда для казны, въ замѣнъ «самоуправленія», взять всю эту обузу на себя и держать повсюду казенныхъ чиновниковъ, на казенномъ жалованьѣ?!... По мнѣнію «Московскихъ Вѣдомостей», выраженному въ той же статьѣ нѣсколькими строками ниже, «произволъ администраціи можетъ быть въ сущности *опасенъ* только по отношенію къ частнымъ лицамъ». Опять-таки непонятно: почему же только по отношенію къ частнымъ лицамъ, а не по отношенію къ учрежденіямъ, отъ которыхъ никакого ни проку, ни толку и чаять нельзя, если лишить ихъ *законной* свободы дѣйствій? этимъ вѣдь упраздняется самый ихъ raison d'être. А прежде всего, кажется, произволъ администраціи можетъ быть опасенъ для самого правительства, потому что компрометтируетъ его, подрываетъ авторитетъ, родитъ неудовольствіе, противодѣйствіе, а подчасъ нѣчто и похуже. Да и

законодательство наше держится такого же взгляда. Въ статьѣ 233 Общаго Наказа Министерствамъ (Св. Зак. т. 1) мы читаемъ, что если — не то что частныя лица и корпораціи, но даже «подчиненное министру начальство усмотритъ въ предписаніи, непосредственно отъ власти министра исходящемъ, отмѣну закона или учрежденія, тогда оно обязано представить о семъ министру; если же и за симъ предписаніе министра будетъ «подтверждено въ той же силѣ», то это подчиненное министру начальство, не приводя предписанія въ исполненіе, «обязано случай сей представить на благоусмотрѣніе Правительствующаго Сената». Такъ гарантируетъ себя отъ министерскаго произвола само правительство...

И такая гарантія нужна. Если хотите парализовать значеніе Сената, т. е. похерить его, то похерьте напередъ министерства. Если же вы удерживаете министерства въ цѣлости, то непремѣнно удержите Сенатъ со всѣми еще остающимися за нимъ полномочіями, да настойте, чтобъ они не оставались мертвою буквою. Такъ и въ «Учрежденіи Сената (229 ст.) и въ «Учрежденіи Министерствъ» (259 ст.) сказано, что «если Сенатъ усмотритъ, что по частямъ, управленію министровъ ввѣреннымъ, вкрались важныя злоупотребленія или откроетъ въ донесеніяхъ, министрами Императорскому Величеству подносенныхъ, обстоятельства несогласныя съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ,—въ таковыхъ заслуживающихъ особеннаго уваженія случаяхъ Сенатъ, истребовавъ объясненіе отъ министра той части, до котораго сіе относится, ежели найдетъ оное неудовлетворительнымъ, представляетъ на разсмотрѣніе Императорскому Величеству»...

Кажется, эта статья совсѣмъ забыта. Но ничего не препятствуетъ Сенату ее припомнить. Можетъ быть, еслибъ эта статья была въ дѣйствіи, Сенату удалось бы предотвратить хоть то расхищеніе государственныхъ земель, конецъ которому, слава Богу, положенъ въ нынѣшнее царствованіе. Какъ исполнять предписанныя закономъ обязанности, такъ и пользоваться предоставленными закономъ правами слѣдуетъ всегда во всей полнотѣ, никогда не уклоняясь отъ первыхъ и никогда безъ нужды не поступаясь послѣдними.

Но что въ такомъ случаѣ «составъ Сената никакъ не долженъ быть дѣломъ случайности», что «въ выборѣ сенатскаго

персонала необходима строгость», что «трибуналъ этотъ долженъ состоять изъ государственныхъ людей высшаго качества», — это безспорно, и въ этомъ мы вполнѣ согласны съ «Московскими Вѣдомостями».

Нѣтъ сомнѣнія, однакоже, что при настоящемъ положеніи дѣлъ и при условіяхъ значенія министерствъ въ нашей государственной жизни, мы и при улучшенномъ составѣ сенатскаго персонала все же не избѣжимъ тѣхъ аномалій, на которыя такъ часто указываютъ «Московскія Вѣдомости», и будемъ не разъ свидѣтелями, какъ правительство одною рукою будетъ уничтожать дѣло другой... Корень этой аномаліи (немыслимой въ Старой Руси) лежитъ несравненно глубже, не только въ правительственной, но и въ общественной почвѣ,—между прочимъ въ отсутствіи историческихъ традицій, почтенія и любви къ нимъ, и въ недостаткѣ опоры въ народномъ сознаніи—благодаря тому отчужденію отъ народности, которое характеризуетъ собою весь, длящійся и понынѣ, Петербургскій періодъ нашей исторіи...

«Московскія Вѣдомости» удивляются: какъ могутъ «возникать разногласія между головою и руками или ногами», и обрушиваютъ всю вину такого разногласія на подчиненные органы. Но не всегда вѣдь руки и ноги только виноваты. Голова есть сѣдалище ума и воли. Случается, что и голова, увлекаясь отвлеченною мыслью и благодаря силѣ воли, налагаетъ на тѣло обязанности непосильныя или противоестественныя. Если голова богатыря напялитъ на богатырское туловище узкій, не по немъ снятый кафтанъ, а на богатырскія ноги дамскіе башмачки, такъ локти оппозиціонно прорвутъ рукава, а ноги радикально продырявятъ башмаки и либерально просунутся. Если головѣ вздумается поселиться на болотѣ, хоть бы Ингерманландскомъ, то руки и ноги, если даже и сохранятъ полную покорность, волей-неволей все же будутъ протестовать ревматическимъ искривленіемъ, хворобою, худосочіемъ и инымъ безобразіемъ!...

По поводу открытія школы въ Павловскомъ посадѣ.

Обращаемъ вниманіе читателей на помѣщенную въ нынѣшнемъ № (19) статью «Объ упадкѣ знанія церковно-Сла-

вянской грамоты въ Русскомъ обществѣ и въ народѣ». Она интересна не только по вопросу, который въ ней разсматривается, но и по отношенію къ этому вопросу самого автора, по духу и способу изложенія и аргументаціи. Это голосъ изъ нѣдръ самого народа. Авторъ — бывшій крестьянинъ, теперь мѣщанинъ, уже сообщилъ однажды въ «Руси» подробное описаніе торжества открытія въ Павловскомъ посадѣ учрежденной мѣстнымъ купцомъ Я. И. Лабзинымъ народной школы — *исключительно* для обученія церковно-Славянской грамотѣ по *Псалтырю* и *Часослову:* учителя—простые мужики, хорошіе грамотеи и главное—хорошіе и толковые чтецы. Это уже высшая, на одну ступень, форма того же стариннаго обученія грамотѣ, котораго первоначальный типъ—выучка у сельскаго дьячка. Нельзя не порадоваться и не поблагодарить министра народнаго просвѣщенія за то, что онъ допустилъ отступленіе отъ общихъ правилъ о народныхъ училищахъ и далъ такимъ образомъ народу возможность создавать и *свои* общественныя училища—по *своему* усмотрѣнію, себѣ по сердцу, съ учителями не снабженными никакимъ дипломомъ, не подчиненными никакимъ офиціальнымъ педагогическимъ программамъ. Школа Лабзина имѣетъ ужъ до 300 учениковъ, съ приходящими... Сознаемся—не безъ чувства умиленія отнеслись мы къ той радости, которою въ окрестномъ населеніи сопровождалось открытіе Лабзинскаго училища, къ той, затаенной въ глубинѣ народнаго сердца, вѣрности коренному древнему народному воззрѣнію на значеніе грамотности и на призваніе школы, которая сказалась въ настоящемъ случаѣ. Народъ-таки взялъ свое, переупрямилъ, добился наконецъ открытаго признанія права гражданства наравнѣ съ прочими «рекомендованными» учебными книгами — за дорогими ему Часословомъ и Псалтыремъ, совсѣмъ было обезславленными и изгнанными изъ школъ новѣйшими Русскими педагогами! Мы лично не настаиваемъ на непремѣнномъ повсемѣстно-обязательномъ употребленіи Псалтыря и Часослова и вообще всѣхъ чисто-народныхъ пріемовъ обученія, — лучше сказать, оставляемъ пока здѣсь этотъ вопросъ въ сторонѣ, — но мы радуемся допущенію для народа свободы въ избраніи учебныхъ пріемовъ и думаемъ, что такою свободою можетъ быть положено начало развитію совершенно своеобразной, самобытной народной педагогики

такъ какъ, несомнѣнно, въ наше время, при соревнованіи со множествомъ другихъ школъ, она не можетъ остаться и не останется при однѣхъ первоначальныхъ своихъ формахъ.

Г. Грачевъ и его единомышленники изъ народа очевидно не довольствуются частнымъ фактическимъ разрѣшеніемъ вопроса объ обученіи церковно-славянской грамотѣ, но стараются обобщить вопросъ и положительное его разрѣшеніе ввести въ общественное сознаніе. Съ этою цѣлью и написана помѣщенная ниже статья. Мы не только вполнѣ раздѣляемъ приведенное въ ней мнѣніе Митрополита Филарета о вредѣ пренебреженія къ церковно-Славянскому языку (о вредѣ даже для чистоты и силы нашей *литературной* рѣчи), но и сами держимся той мысли, что знаніе церковно-Славянской грамоты и вполнѣ свободное умѣнье толково читать и понимать церковно-богослужебныя книги—должно быть разъ навсегда объявлено безусловно *обязательнымъ* для всѣхъ школъ низшихъ, среднихъ и высшихъ, мужскихъ и женскихъ (разумѣется для учениковъ православнаго исповѣданія). Тутъ и разговора никакого быть не можетъ: поступая иначе, правительство искусственно разобщаетъ народъ съ Церковью, заграждаетъ ему пути къ спасенію, само выдергиваетъ изъ-подъ него существенныя основы народной нравственности!

Можно ли, однако, не краснѣя подумать, что въ православной Россіи, которой бытіе неразрывно связано съ Православною Церковью—было воздвигнуто настоящее *гоненіе* на языкъ Церкви, на языкъ священныхъ книгъ православнаго богослуженія, на языкъ и грамоту св. Славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія?! И все это—во имя прогресса и цивилизаціи, изъ фальшиваго, подлаго стыда предъ просвѣщеннымъ Западомъ за церковную окраску нашего первоначальнаго народнаго образованія, изъ какой-то ненависти къ національной «самобытности», надъ которой и теперь наши либеральные глупцы не перестаютъ издѣваться! Можно ли повѣрить, что и въ настоящую минуту во всѣхъ *солдатскихъ полковыхъ школахъ церковно-Славянская грамота изгнана*, такъ что солдаты, къ крайнему своему горю, лишены возможности читать богослужебныя книги, и такимъ образомъ самимъ начальствомъ разобщаются съ Церковью? Объ этомъ свидѣтельствуетъ подлинное, приведенное въ статьѣ Грачева,

письмо одного изъ протоіереевъ съ Кавказа въ Общество распространенія духовно-нравственныхъ книгъ...

Приходится намъ со смиреніемъ поучиться у самого народа—какъ его учить, и поставить на новыхъ началахъ наше образовательное дѣло, откинувъ въ сторону педагогическое колобродство покойнаго барона Корфа и всей однородной съ нимъ плеяды нашихъ «знаменитыхъ педагоговъ» съ ихъ патентованными министерствомъ учебными руководствами!...

1885 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ).

О трехъ Россіяхъ.

Москва, 5-го января.

И еще минулъ годъ... Тусклый годъ,—точно долгіе сѣрые будни, только вначалѣ озарившіеся блескомъ нашихъ успѣховъ въ Средней Азіи, да и потомъ раза два-три просвѣтлѣвшіе было на мгновеніе благодаря нѣкоторымъ несомнѣнно полезнымъ, хотя и частнымъ, государственнымъ мѣрамъ,—а затѣмъ небо снова и пуще заволокло... Въ общемъ итогъ прошлогодней государственной дѣятельности можетъ назваться довольно скуднымъ, а что касается нашего внутренняго благоустройства и въ особенности нашего экономическаго преуспѣянія, то въ этомъ отношеніи итогъ представляетъ такую крупную отрицательную величину, что съ озабоченной думой и стѣсненнымъ сердцемъ встрѣченъ Россіей, едвали не на всемъ ея пространствѣ, новый 1885 годъ.

Но нѣтъ худа безъ добра... Недугъ нашъ — особаго рода. Недугъ этотъ, отъ котораго щемитъ и ноетъ весь Русскій общественный, политическій, соціальный, духовный и нравственный организмъ, гнѣздится преимущественно—въ мысли,—въ той мысли, которая уже свыше полутора вѣка руководитъ

судьбами нашей страны; недугъ этотъ — наше вольное и невольное отступничество отъ своей народности, отъ *духа жизни* въ ней сокрытаго, стало-быть и отъ его творчества, — отъ историческаго пути, отъ преданій и началъ народно-государственнаго Русскаго строя. То болѣзненное ощущеніе, которое обыкновенно выражается словами «не по себѣ» и которое именно испытывается и Россіей, по отношенію къ ней имѣетъ смыслъ вполнѣ реальный. Какъ же ей иначе себя и чувствовать, когда она дѣйствительно живетъ не по себѣ, а по чьей-то чужой мѣркѣ и формѣ жизни, свое собственное тѣло творя себѣ чужимъ, мучительно болѣя чужими же недугами! Никогда ни одинъ народный организмъ не подвергался подобному (да еще и такому продолжительному) извращенію естества! Но долѣе продолжаться такое извращеніе уже не можетъ. Крѣпокъ народный организмъ и глубокихъ неизлечимыхъ поврежденій, повидимому, еще не претерпѣлъ, но мы подходимъ уже къ той послѣдней грани его крѣпости, за которою начинается разложеніе... И вотъ, въ этотъ-то рѣшительный, грозный мигъ, повсюду довольно явно сталъ пробуждаться въ Русскомъ обществѣ спасительный инстинктъ самосохраненія и такъ-сказать практически ускорять медленный доселѣ процессъ народнаго самосознанія. Въ этихъ утѣшительныхъ знаменіяхъ времени мы и видимъ добро изъ-худа, потому что все дѣло— въ успѣхѣ этого процесса. Если наша болѣзнь—свойства умственнаго и духовнаго (вѣроятно даже и ниспосланная намъ историческимъ провидѣніемъ для развитія и воспитанія въ насъ Русской мысли), то только подвигомъ самосознанія она и можетъ быть побѣждена, а съ тѣмъ вмѣстѣ возвращена и свобода народной жизни и ея творчеству.

Но этотъ подвигъ еще не совершенъ. Праздновать побѣду еще рано! Преждевременны и лживы увѣренія, которыя теперь часто доводится читать и слышать, будто въ наши дни въ сознаніи высшихъ образованныхъ, руководящихъ классовъ нѣтъ уже болѣе никакого отчужденія отъ народной жизни, будто права ея теперь въ принципѣ уже признаны всѣми, такъ что постоянно напоминать и твердить о нихъ, какъ это дѣлаетъ «Русь», теперь уже совершенно излишне! Подобныя рѣчи—или недомысліе, или же прямо «словеса лукавствія». Несомнѣнно, что теперь даже многіе западники изъ старовѣ-

ровъ 40-хъ годовъ согласны, не безъ развязной снисходительности, признать «въ нѣкоторой долѣ» заслуги тѣхъ, кого чуть не полвѣка назадъ прозвали «славянофилами», и не прочь подчасъ и спрыснуть слегка свой затхлый иноземный товаръ «славянофильскими» духами. При этомъ иногда довольно ловко дѣлается подмѣнъ слова и понятія «народность»—словомъ «національность», такъ какъ подъ послѣднее очень удобно подвести понятіе объ одномъ лишь *внѣшнемъ государственномъ* или политическомъ единствѣ, да таковымъ и ограничиться: вѣдь за «Русскую національность» готовы, пожалуй, ратовать даже и Евреи — Русскіе подданные! Всѣ такіе новѣйшіе націоналы, возвѣщающіе обыкновенно, что «славянофильскія идеи уже отжили свой вѣкъ», всегда горой за «Русскую національную независимость», — и въ то же время ничто такъ ихъ не выводитъ изъ себя (и не изобличаетъ притомъ подлинный смыслъ ихъ воззрѣній), какъ выраженіе: «Русская народная *самобытность*»! Очевидно, что всѣ подобныя рѣчи лишь сугубая ложь, впрочемъ не всегда и сознательная. Многіе, особенно тамъ въ Петербургѣ, ничтоже сумняся и безъ малѣйшаго зазрѣнія своей «національной» совѣсти, напротивъ полагая служить «дѣлу Русской національности», охотно готовы заняться, да отчасти и занимаются—не заимствованіемъ, о нѣтъ!—а переложеніемъ иностранныхъ политическихъ комедій и водевилей на Русскіе нравы!..

Такимъ дешевымъ способомъ примиренія противоположныхъ началъ, такимъ обходомъ рѣшенія задачи выдвигаемой Русскою жизнью, Русская жизнь довольствоваться не можетъ; такими пластырями, накладываемыми на язвы Русскаго организма, язвы еще пуще растравляются, пуще, мучительнѣе болѣютъ, а потому и мы позволимъ себѣ не переставать докучать Русскому обществу всевозможныхъ слоевъ, начиная съ властныхъ, своею такъ-называемою «славянофильскою» проповѣдью, не прекращать нашего литературнаго служенія дѣлу народнаго самосознанія... Тѣмъ болѣе, что къ теоретическимъ аргументамъ, повторяемъ, грядутъ теперь намъ на помощь тяжеловѣсные аргументы очень серьезнаго практическаго свойства...

Недавно «С.-Петербургскія Вѣдомости», — которыхъ никакъ нельзя причислить къ газетамъ западническаго «либе-

ральнаго» лагеря, которыя напротивъ отличаются направленіемъ извѣстнымъ въ Петербургѣ подъ названіемъ «консервативнаго», усердно, повидимому, ратуютъ съ «космополитизмомъ» и служатъ вообще отголоскомъ «Московскихъ Вѣдомостей», — выступили со статьей, выдѣляющейся изъ другихъ большею важностью и торжественностью тона и заключающею въ себѣ, надо полагать, ихъ professionem fidei. У почтенной газеты охота смертная выработать себѣ самостоятельную основу національности,—помимо «славянофильства», но... участь выходитъ горькая. «Есть три Россіи или точнѣе—три понятія о Россіи», начинаютъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» свою статью: «Россія офиціальная, Россія неофиціальная и «Россія историческая». Газета (признающая себя глашатаемъ послѣдней) такое вслѣдъ за симъ устанавливаетъ различіе между тремя Россіями: «Россія офиціальная есть Россія правительственная, Россія Петра и его преемниковъ, Россія военнаго могущества, государственной службы, чиновниковъ, присутственныхъ мѣстъ, полиціи и жандармовъ, а въ недавнее время Россія рекрутскихъ наборовъ и помѣщичьихъ правъ». Очевидно, что это одни *внѣшніе* признаки, притомъ лишь до временъ Александра II. Почему же, однако, Россія обязательной воинской повинности не есть Россія «офиціальная»? Но послѣдуемъ за авторомъ. «Россія офиціальная — продолжаетъ онъ — «есть Россія ведомая правительствомъ, призывающимъ всѣхъ и каждаго къ исполненію государственныхъ, служебныхъ и матеріальныхъ повинностей»... Читатель въ недоумѣніи: призывать къ исполненію государственныхъ повинностей—долгъ правительства не преходящій, а пребывающій; почему же онъ отнесенъ къ офиціальной Россіи *прошлой?* Что дѣло идетъ именно о Россіи *прошлой*, доказывается тѣмъ, что вслѣдъ за приведенными словами, не отдѣляя ихъ даже точкою, авторъ ведетъ далѣе свою характеристику офиціальной Россіи въ такихъ выраженіяхъ: «Россія хвалебныхъ одъ Ломоносова, Россія газетъ Греча и Булгарина, лекцій Шевырева, патріотическихъ «драмъ Полеваго и Кукольника»... Положимъ, въ этой послѣдней характеристикѣ есть желаніе оттѣнить признаки *внутренніе;* но опять возникаетъ вопросъ: а Россія «Сѣверной Почты», «Правительственнаго Вѣстника», «Journal de St.-Pétersbourg» развѣ не «Россія офиціальная»?.. Послѣ такой,

не совсѣмъ удачной попытки опредѣлить понятіе объ офиціальности, «С.-Петербургскія Вѣдомости» переходятъ къ «Россіи неофиціальной».

Это не столько дѣйствительность», говорятъ онѣ, «сколько отрицаніе Россіи официальной и протестъ противъ нея», протестъ, шедшій съ двухъ сторонъ: «во имя Русской самобытности» и «во имя западной цивилизаціи». Вотъ какъ опредѣляетъ газета «славянофильскій» протестъ: въ славянофильскомъ лагерѣ «желанная неофиціальная Россія... представлялась какъ царская Русь съ ея Кремлевскою стариною, оригинальнымъ строемъ, дѣдовскими обычаями, народными вѣрованіями, церковностью жизни, *гуломъ Московскихъ колоколовъ* (!), монастырями—какъ средоточіями умственной дѣятельности; съ ея деревнею, *боярствомъ* и крестьянствомъ» (хорошо, что авторъ еще не сказалъ: «съ ея крѣпостнымъ правомъ»!), «съ ея міромъ, вѣчемъ, общиною, сходкою, *приказами* (?)—вмѣсто *коллегій и министерствъ*, думами и *соборами*—вмѣсто *совѣтовъ*»... И «коммиссій», прибавимъ мы. Хотя тутъ, какъ водится, навалены въ одну кучу и мнимыя, и истинныя черты славянофильскаго ученія, смѣшаны начала, духъ жизни сокрытый въ старинныхъ бытовыхъ и государственныхъ формахъ съ самыми этими формами и съ внѣшними явленіями старины невозвратно отжившей,—однакожъ мы на разборѣ этого опредѣленія останавливаться теперь не будемъ, да и не очень-то претендуемъ на приписываемое «славянофиламъ» расположеніе къ общинѣ, міру, соборамъ и пр., вмѣсто современнаго бюрократическаго строя! Затѣмъ авторъ, какъ и слѣдовало ожидать, поясняетъ, что «многія идеи славянофильства вошли въ общее достояніе, другія жизнь опередила своимъ запросомъ, и онѣ доживаютъ послѣдніе дни»... Очевидно, газета трактуетъ «славянофильскій протестъ» свысока, fait bon marché de lui, какъ говорятъ Французы,—чѣмъ и подтверждаетъ сказанное нами выше о томъ, какъ дешево думаютъ у насъ нѣкоторые расквитаться съ задачами народнаго самосознанія!

Посмотримъ: въ чемъ же и какими новыми запросами опередила славянофильскія идеи жизнь, и какая это Россія теперь на череду—по мысли «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей?» «Идея—вѣщаютъ онѣ, — которую желали бы мы выразить подъ словомъ: «Россія *историческая*», сравнительно недавняго про-

исхожденія: она пришла въ ясное сознаніе въ эпоху Польскаго мятежа *1863 года* и мало-по-малу привлекаетъ себѣ серьезные умы»... Понятно, что здѣсь подразумѣвается эпоха возникновенія публицистической политической дѣятельности «Московскихъ Вѣдомостей» подъ тою редакціей, подъ которою онѣ и теперь существуютъ. А такъ какъ самъ авторъ, нѣсколько ниже, говоритъ, что «Россія историческая есть та же правительственная, офиціальная, но не въ смыслѣ эпохи Николая I и не въ смыслѣ эпохи Александра I (объ Александрѣ II вовсе не упоминается), то можно бы, продолжая сравненіе съ охарактеризованною самимъ авторомъ «Россіей офиціальной», вывести такое заключеніе, что его «Россія историческая есть Россія офиціальная», только не патріотическихъ драмъ Кукольника, а «Московскихъ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»,—если только «Московскія Вѣдомости» согласятся признать истолкованіе *ихъ* Россіи, предложенное Петербургскою газетою, правильнымъ и удовлетворительнымъ... Истолкованіе же ея вотъ какое: «Россія историческая — есть Россія дѣйствительная, какъ завѣщана она *нынѣшнему поколѣнію многовѣковою, тяжелою исторіею»*. Не ясно! Почему же Россія завѣщанная поколѣнію временъ Николая многовѣковою же тяжелою исторіею—не была въ свою очередь «Россіею исторической»? Это послѣднее выраженіе встрѣчается и въ «Руси», но смыслъ его совершенно иной. Подъ Россіей «исторической», когда намъ случалось употреблять это слово, мы разумѣли Россію въ ея историческомъ *существѣ*, съ тѣми ея основными историческими элементами, которые сокрыты отъ сознанія «Россіи офиціальной» и лишены были возможности свободнаго своего проявленія и воздѣйствія именно въ исторіи послѣднихъ двухъ вѣковъ. Можетъ-быть, по мнѣнію автора, это историческое существо теперь уже вполнѣ проявилось? Но когда, какъ и въ чемъ? Вѣдь если Россія Николая I—Россія только «офиціальная», а не «историческая», то подъ опредѣленіе автора, что «Россія историческая» есть Россія въ томъ самомъ видѣ «какъ завѣщана она *нынѣшнему* поколѣнію», неминуемо должна войти Россія эпохи покойнаго Государя *со всѣми* его реформами и во *всемъ* ихъ объемѣ, пребывающемъ до *нынѣшняго* дня? Авторъ однакожъ объ этомъ умалчиваетъ, находя

это вѣроятно для себя неудобнымъ... Посмотримъ — нѣтъ ли другого, болѣе точнаго опредѣленія.

«Признавать историческую Россію» — читаемъ вслѣдъ за тѣмъ въ газетѣ, — «значитъ признавать, что можно стоять на высотахъ Европейскаго просвѣщенія и оставаться Русскимъ, вѣрнымъ своему Государю и своему народу, не отрекающимся отъ исторіи своего государства и его нелегкихъ задачъ, не отвергающимъ съ ребяческимъ легкомысліемъ *выработаннаго страдою поколѣній государственнаго строя...* А! Ну теперь намъ ясно.

Сопоставляя это опредѣленіе съ отзывомъ автора, съ одной стороны, о такъ-называемыхъ «славянофильскихъ» идеяхъ, отживающихъ свои послѣдніе дни и опереженныхъ запросомъ жизни», — съ другой: о доктринахъ нашихъ западниковъ-либераловъ, рѣзко имъ осуждаемыхъ, — мы должны необходимо придти къ выводу, что «Россія историческая» «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (понятіе о которой, по ихъ словамъ, сознано лишь съ 1863 г.) не есть Россія ни конституціоннаго пошиба, ни та, объ историческомъ существѣ которой такъ часто напоминаетъ наше изданіе: т. е. и не Россія земская-монархическая, въ которой начало общинное, мірское, соборное состоитъ въ неразрывномъ органическомъ союзѣ съ единоличною верховною, никакимъ договоромъ не ограниченною властью. Такъ что̀ же она такое? Да ничего болѣе, какъ та же Россія Петербургская, Россія *сего дня*—канцелярско-полицейско-бюрократическая, съ министерствами, совѣтами и коммиссіями. О Россіи *земской* авторъ вообще ни слова. Отвергая такъ-называемое «славянофильское» опредѣленіе государственнаго строя и понимая подъ «историческою Россіею» ту, которая «завѣщана нынѣшнему поколѣнію», Петербургская газета даетъ свою санкцію не чему иному, какъ *современному* status quo, только безъ конституціонной въ немъ подмѣси, — современному государственному строю, который, точно, «выработанъ *страдою* поколѣній»: съ этимъ послѣднимъ мы вполнѣ согласны!.. Этому выводу нашему не противорѣчатъ и слѣдующія за приведенной нами цитатой строки «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»: «Россія историческая, въ ея идеалѣ, есть Россія сильной правительственной власти, единичной и живой, а не коллективной и условной, и самой широкой свободы во всемъ,

что лежитъ внѣ круга исполненныхъ передъ государствомъ обязанностей». Опредѣленіе «свободы» очень темное, такъ какъ предварительно слѣдовало бы обозначить самый кругъ таковыхъ обязанностей; во всякомъ случаѣ оно можетъ касаться однихъ личныхъ правъ, а не земскаго строя Русской внутренней жизни, который, по нашему мнѣнію, не подходитъ даже подъ понятіе «правъ», а составляетъ основную стихію общаго нашего государственнаго строя и не отдѣляется отъ Русскаго понятія о верховномъ единовластіи.

Такъ вотъ что теперь возведено на степень «Россіи исторической» и переодѣто въ національный, даже *народный* костюмъ! Говоримъ «народный» потому, что авторъ статьи именно поминаетъ, хотя ни къ селу ни къ городу, «Русскій народъ», и даже чуть ли не даетъ уразумѣть, что и открытъ-то онъ только со временъ «Московскихъ Вѣдомостей» 1863 года. Только съ этого года, увѣряетъ академическая газета, возникла мысль о возможности «стоять на высотѣ Европейскаго просвѣщенія и оставаться Русскимъ, вѣрнымъ своему Государю и *народу*, не отрекающимся отъ исторіи своего государства»! Какъ будто и Хомяковъ, и К. С. Аксаковъ, и ихъ друзья, стоявшіе безспорно на высотѣ Европейскаго просвѣщенія, уже болѣе 40 лѣтъ тому назадъ и первые въ Русской литературѣ, даже испытывая разныя гоненія со стороны слѣпотствующаго правительства, не возвели Русскій принципъ верховнаго единовластія въ догматъ Русскаго политическаго катихизиса, не объяснили и не оправдали его теоретически?.. Но при этомъ они дѣйствительно оставались «вѣрными и Русскому народу», не отреклись отъ Русской исторіи и возвели въ догматъ того же катихизиса и начало *земское*. Таковой вѣрности *народу* въ понятіи о «Россіи исторической», возникшемъ будто бы съ 1863 г. и теперь излагаемомъ «С.-Петербургскими Вѣдомостями», нѣтъ мѣста, потому что признаніе принципа самодержавной власти *внѣ* идеи *земли* — такой «вѣрности народу» противорѣчитъ. Совершенно опуская эту идею и иронически отзываясь объ «общинѣ», «мірѣ», «соборахъ» или соборномъ началѣ «вмѣсто коллегій и министерствъ», — обо всѣхъ этихъ, по его мнѣнію, аттрибутахъ славянофильскаго ученія, неужели не видитъ авторъ, что слова его, которыми онъ такъ торжественно заканчиваетъ свою статью,

не болѣе какъ пустая безсодержательная фраза? Вотъ эти слова: «Россія историческая есть Русское правительство и Русскій народъ, стоящіе вмѣстѣ и дружественно на стражѣ Русскихъ интересовъ»... Что-жъ это за народъ безъ народности? и какимъ образомъ, при устраненіи историческаго понятія о земщинѣ, какъ неотъемлемой принадлежности государственнаго строя Россіи, можетъ онъ стоять на стражѣ Русскихъ интересовъ? И почему авторомъ признано здѣсь умѣстнымъ, вмѣсто болѣе точнаго выраженія: «Русская верховная единоличная власть» или «Русскій государь», употребить выраженіе «правительство», которое вѣдь само по себѣ можетъ быть примѣнено ко всевозможнымъ формамъ правленія? Не потому ли, что оно, это слово, — подъ коимъ можно разумѣть сонмъ Петербургскихъ сановниковъ и чиновниковъ руководящихъ безчисленными вѣдомствами,—именно и понадобилось газетѣ для болѣе точнаго опредѣленія понятія о государственномъ status quo «завѣщанномъ нынѣшнему поколѣнію»? Но въ такомъ случаѣ, спросимъ опять, къ чему здѣсь «Русскій народъ?» Совсѣмъ лишняя мебель, нужная развѣ для того, чтобъ, по мысли газеты, служить подножіемъ для бюрократическаго зданія сооруженнаго Сперанскимъ и упроченнаго «страдою поколѣній»!..

Опредѣленіе «исторической Россіи» въ томъ смыслѣ, какъ употреблялось это слово иногда въ «Руси», дано Русскою исторіей той поры, когда не было еще разрыва между народною жизнью и ея руководящими и властвующими классами: это—«Государство и Земля», «Государево и земское дѣло»... (См. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича). Оно и единственно-истинное.

О томъ же, какъ отражается въ Россіи областной, земской, «Россія историческая» «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» съ тѣмъ «государственнымъ строемъ», который завѣщанъ нынѣшнему поколѣнію и благополучно пребываетъ теперь въ Петербургѣ, но «съ ребяческимъ легкомысліемъ» отвергается такъназываемыми славянофильскими идеями съ ихъ «общиной», «міромъ» и соборнымъ началомъ,—о томъ, какъ отдается современный status quo въ жизни народной, говоритъ достаточно убѣдительно помѣщаемая ниже статья, именно носящая заглавіе: «Нашъ status quo»... Такіе голоса съ мѣста, при всей ихъ

страстности, и даже вслѣдствіе самой этой страстности, достойны вниманія и служатъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ защитнику Петербургскаго періода Русской исторіи. Въ то же время онѣ, съ нашей точки зрѣнія, представляютъ и утѣшительное явленіе въ настоящее время, такъ какъ свидѣтельствуютъ о возрастаніи Русскаго народнаго самосознанія и о томъ, что и помимо уже какой-то «славянофильской теоріи», сама жизнь вопіетъ по Русской исторической правдѣ!

Царь въ Кіевѣ.

Москва, 31-го августа.

Въ портфелѣ редакціи не мало присланныхъ изъ Кіева восторженныхъ описаній пребыванія Царской Четы въ этой древней Русской столицѣ; имѣются даже и стихи,—не перлы поэзіи, но согрѣтые искреннимъ чувствомъ. Все это доставлено было слишкомъ поздно для 8-го № «Руси», а теперь уже и само по себѣ представляется запоздалымъ, такъ какъ Русская публика успѣла уже вполнѣ ознакомиться съ подробностями царственнаго посѣщенія изъ телеграммъ и корреспонденцій ежедневной печати, а полученныя вслѣдъ за тѣмъ Кіевскія газеты явились вѣрными истолкователями впечатлѣній и ощущеній Кіевскаго населенія. Къ этимъ чувствамъ Кіевлянъ, столь естественнымъ и понятнымъ, присоединяется, разумѣется, всѣмъ сердцемъ и вся остальная Русь. Да и кто же изъ Русскихъ не утѣшался каждый разъ—прочитавъ извѣстіе, что Государь изволилъ отбыть изъ Петербурга въ Россію, что Державный Хозяинъ поѣхалъ осматривать Свое великое хозяйство, которое Его ждетъ не дождется! Отрадно становилось при мысли, что вотъ Русскій Царь теперь *у себя въ Кіевѣ*,—и только объ одномъ оставалось жалѣть, что вслѣдствіе разныхъ высшихъ, намъ конечно неизвѣстныхъ соображеній, это царское пребываніе *у себя въ домѣ*, на Руси, продолжилось не долго. Нѣтъ сомнѣнія, что Кіевъ, не только по своему историческому и религіозному всероссійскому значенію, но и какъ главный городъ Юго-Западной Руси заслуживаетъ особеннаго къ себѣ

вниманія верховной власти. Одно изъ самыхъ могущественныхъ орудій къ укрѣпленію связи нашихъ окраинъ съ Русскимъ народнымъ и государственнымъ материкомъ—это появленіе на нихъ, отъ времени до времени, Вождя всего Русскаго народа, живаго символа Русскаго народнаго единства, государственнаго величія и силы. Совсѣмъ вѣдь не утѣшительно обстоятъ дѣла на нашихъ окраинахъ: не то чтобъ послѣднимъ грозила какая-нибудь серьезная близкая опасность извнѣ, но внутри-то онѣ заполонены множествомъ посторонних, враждебныхъ элементовъ, съ которыми не легко бороться коренной Русской стихіи. Нужно поэтому для послѣдней сильное оживленіе и возбужденіе народнаго духа, и мы вполнѣ присоединяемся къ желанію высказанному «Кіевляниномъ», чтобъ Кіевъ былъ въ самомъ дѣлѣ возведенъ на степень столицы и резиденціи Русскихъ царей, хотя бы и не постоянной. Какими благотворными послѣдствіями могло бы это сказаться для нашего Запада и даже всего Юга!.. Но и вся Русь нуждается въ царскихъ посѣщеніяхъ, и чѣмъ чаще, долговременнѣе будутъ они, тѣмъ и благотворнѣе; тѣмъ скорѣе упразднится смыслъ народной пословицы, въ которой слышится такое чувство сиротства и такая тоска безнадежности: «до Царя далеко!»... Всюду на Руси Царь—Гость всегда желанный,—онъ же и Хозяинъ давно жданный. Какъ Царь *у себя дома* на Руси—въ Кіевѣ, такъ онъ *у себя* дома и въ Москвѣ, во Владимірѣ, въ Архангельскѣ...

Но развѣ Русскій Царь не у *себя дома* и въ Санктпетербургѣ? Не отрицаемъ; волей-неволей подчиняемся велѣнію, конечно временному, неумолимаго историческаго рока, переставившаго центръ правленія изъ центра страны на ея окопечность, въ инородческій край. Но такова эта роковая аномалія, что до сихъ поръ плохо мирится съ ней Русское чувство, Русская жизнь, да и весь государственный организмъ... «Ну—скажутъ—опять «Русь» затянула старую пѣсню: пора бы перейти къ чему-либо новому, оставивши этотъ праздный вопросъ!» Да чтобъ перейти къ новому, нужно раздѣлаться со старымъ, если не фактически, то хоть въ общественномъ сознаніи. А этого еще нѣтъ. Вѣдь въ «Петербургѣ» суть всѣхъ вопросовъ, которыхъ разрѣшенія вы доискиваетесь—и не доищетесь, пока господствуетъ Петербургъ. Петербургъ вѣдь не

городъ только; Петербургъ—принципъ, которому городъ служитъ лишь знаменемъ или воплощеніемъ. Онъ и зачатъ былъ (не какъ портъ, а какъ столица) именно въ духѣ отрицанія Русской народности, въ духѣ отчужденія отъ родной земли, что̀, положимъ, было даже естественно въ первую пору увлеченія западною цивилизаціею,—что̀ можетъ быть было даже и нужно, пожалуй даже и благодѣтельно, для противодѣйствія тогдашней національной исключительности Москвы, но теперь по меньшей мѣрѣ излишне и вредно. Петербургъ, однако, остается и до сихъ поръ вѣренъ своему «славному прошлому» и продолжаетъ служить, даже порой безсознательно, но тѣмъ не менѣе ретиво, тому самому духу, который положенъ въ его основу, т. е. духу отчужденія отъ Русскаго духа... «Праздный вопросъ!!» Чьей жизни біеніе пульса сильнѣе слышится теперь въ Петербургѣ? Русской ли народной,—или же Берлинской, Нѣмецкой, вообще западно-Европейской? Если послѣдней,—и конечно послѣдней, этого отрицать никто не посмѣетъ,—то понятно, къ чему въ концѣ концовъ должно привести дальнѣйшее коснѣніе центральнаго высшаго управленія въ такомъ городѣ!—Да и не здѣсь ли причина того раздвоенія Россіи на офиціальную, казенную, дѣланную—и Россію настоящую, народную, историческую съ ея подспудною жизнью, о которомъ мы упоминали въ прошлой статьѣ, какъ о помѣхѣ для рѣшенія Славянскаго вопроса?..

ОГЛАВЛЕНІЕ СТАТЕЙ ВТОРОГО ТОМА.

Статьи изъ газеты «День».

1861 года.

1862 года.

1863 года.

Письма—Касьянова.

1864 года.

1865 года.

Статьи изъ газеты «Москва».

1867 года.

стр.

Статьи изъ газетъ «Москва» и «Москвичъ».

1867 годъ „Москвича“.

1868 годъ „Москвича“.

1868 годъ „Москвы“.

Статьи изъ газеты «Русь».

1880 года.

1881 года.

1882 года.

1883 года.

1884 года.

1885 года.






2007053025